(Годъ шестнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 5.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать:

Николая Грота. Критическій очеркъ по поводу книги Козлова: „Философскіе этюды“, Кіевъ, 1877. 28 стр. Цѣна 40 к.

Его же. Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ, 1878. 68 стр. Цѣна 50 к.

Натальи Петровны Гротъ. Свобода въ жизни и государствѣ. Этюдъ по Чаннингу. Въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ. Спб. 1878. 32 стр. Цѣна 25 к.

*

Русскій Архивъ.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—50 писемъ **А. С. Пушкина** къ кн. П. А. Вяземскому съ новыми его стихами.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи.—Письма **лорда Мальмсбюри**.—Записки **князя Ѳ. Н. Голицына, Хршонщевскаго, И. Ѳ. Тимковскаго**, графини **А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго**. Цѣна 3 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **имп. Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **гр. Н. И. Панина** о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра I-го.—Два письма изъ Лондона отъ **гр. С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ имп. Александру. — Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** — Ѳ. И. Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Цѣна 3 руб.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **гр. Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **имп. Александра I-го** къ кн. Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича. Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Записки Польскаго **епископа Буткевича** (бесѣды съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья **князя П. А Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича. Сборникъ неизданныхъ стихотво-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

(1878).

2.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ.

Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

„Прошедшее даетъ цѣну и указываетъ мѣсто настоящему, опредѣляя дорогу для будущаго“.

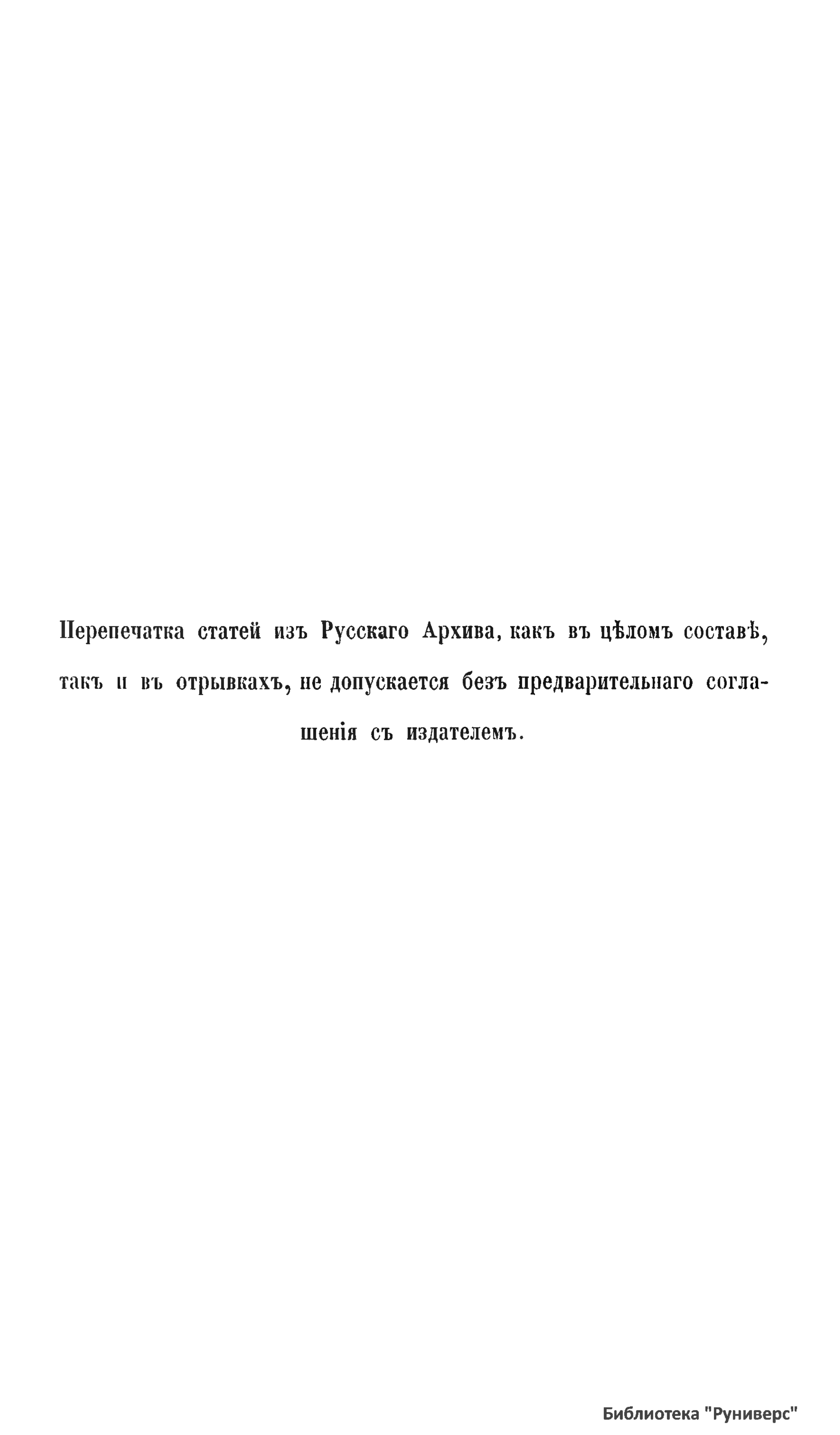
И. В. Кирѣевскій.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

(1878).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.



Яицкое войско и проэктъ Неплюева объ его преобразованіи.

Яицкое войско, образовавшееся въ концѣ XVI вѣка изъ Донскаго, было первою колонозирующею силою нижняго теченія р. Урала. Покорившись добровольно власти Московскихъ государей, Яицкіе казаки, по причинѣ отдаленности отъ правительственнаго центра Россіи, нерѣдко оказывались противниками желаніямъ правительства, такъ какъ заботились о неприкосновенности своего устройства, о расширеніи и укрѣпленіи казачьихъ правъ и вольностей. Основываясь на грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, они смотрѣли на себя какъ на единственныхъ обладателей р. Яика, или теперешняго Урала; опираясь на его грамоту, они считали себя въ правѣ принимать въ свою общину вольныхъ людей и жить по казацкимъ обычаямъ. Внутреннее устройство Яицкой общины представляло родъ республики и имѣло характеръ древневѣчеваго уклада. Всѣ члены общины были равны между собою; всѣ покорялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому сохранявшимъ силу обычнаго права. Домашнее правленіе у казаковъ было выборное: всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ десятникомъ, казаки «вольными и согласными голосами» выбирали изъ своей же среды и давали имъ власть творить судъ и расправу надъ собою, однакожъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе допускались обычнымъ правомъ народа, не болѣе. Дѣла обыкновенныя, обыденныя, напр., тяжбы, различныя ссоры и т. п., разбирались и рѣшались атаманомъ и другими начальниками по казачьимъ обычаямъ, имѣвшимъ силу закона; дѣла же болѣе важныя обсуждались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ войсковомъ кругу, гдѣ каждый казакъ имѣлъ право голоса. Выбранные начальники занимали свои мѣста неопредѣленное время; сроковъ службы должностныхъ лицъ у казаковъ не было. Если избранный казаками начальникъ выполнялъ хорошо порученныя ему дѣла, нисколько не злоупотребляя своею властью, тотъ сохранялъ за собою возложенную на него должность очень долгое время, а иногда и всю жизнь, пользуясь въ тоже время нравственнымъ вліяніемъ на казаковъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ со стороны послѣднихъ. Но когда кто изъ выборныхъ, хотя бы то былъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа, того община безъ церемоніи низлагала и обращала въ первобытное состояніе, поглощая въ себѣ же. Такой порядокъ вещей былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ; былъ, какъ говорится, по душѣ имъ. Но съ

теченіемъ времени, когда среди казаковъ образовался классъ людей богатыхъ и вліятельныхъ, прежнее равенство было нарушено, равноправность членовъ общины была потрясена. Страхъ общиннаго суда сталъ ослабѣвать; явились безпорядки въ распредѣленіи и расходахъ общественныхъ суммъ; взяточничество и воровство войсковыхъ денегъ достигли большихъ размѣровъ. Отсюда возникаетъ борьба двухъ началъ: бюрократическаго и общиннаго, народнаго. Среди самихъ казаковъ явились доносчики или «извѣтчики», которые приходили къ губернаторамъ и воеводамъ, особенно въ Казань, и уличали атамана и его совѣтниковъ въ пріемѣ и приверстываніи въ казаки бѣглыхъ. Особенно много надѣлалъ хлопотъ и дорого стоилъ казакамъ «извѣтъ» Яицкаго знаменщика Ив. Карташева. Доносъ Карташева, направленный главнымъ образомъ на укрывательство на Яикѣ бѣглыхъ, повелъ къ тому, что въ Яицкій городокъ были отправлены слѣдователи, сыщики и фискалы, которые, обирая безцеремонно казаковъ, еще болѣе осложнили дѣло по извѣту Карташева.

Петръ Великій, назначивъ въ войсковые атаманы Григорія Меркурьева, приказалъ произвести перепись казаковъ и раздѣлить ихъ на сотни и десятки, для чего и былъ отправленъ на Яикъ въ 1722 году полковникъ Захаровъ, котораго казаки едва не лишили жизни. Выборъ войсковаго атамана хотя по прежнему былъ предоставленъ войску, но утвержденіе его съ 1723 года зависѣло отъ высочайшей власти. Военная Коллегія, въ вѣдѣніе которой поступило Яицкое войско въ 1721 году, не жалуя казацкаго самоуправленія, хотѣла преобразовать внутренній строй казацкой общины и сдѣлать изъ казаковъ постоянную военную силу, на которую бы всегда можно было положиться. Но казаки, хотя и видѣли, что старый вѣчевой порядокъ ихъ управленія долженъ рушиться, рѣшились всѣми мѣрами препятствовать осуществленію плановъ Военной Коллегіи. Страшась, камъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, казаки не хотѣли ни въ чемъ уступить Военной Коллегіи, дабы «впредь ей повадно не было». На всѣ предписанія и требованія В. Коллегіи они прямо и энергично отвѣчали: «не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять». Старшины, есаулы и другія должностныя лица, во главѣ съ атаманомъ, хорошо понимали выгоду и необходимость солидарности съ правительствомъ, и потому, дѣйствуя согласно цѣлямъ послѣдняго, волей-не-волей должны были стать въ оппозиціонное отношеніе къ народу. Явились двѣ партіи: атаманская, или старшинская, и народная; началась междоусобная борьба; о прежнемъ единодушіи не могло быть и рѣчи. Перевѣсъ почти всегда былъ на сторонѣ сильной своимъ вліяніемъ, а не численностію, старшинской партіи. Эта борьба, безъ сомнѣнія, не могла обѣщать чеголибо хорошаго и въ будущемъ, что̀ доказали послѣдующія событія на Яикѣ, закончившіяся участіемъ Яицкихъ казаковъ въ Пугачевщинѣ. Извѣстный процессъ по дѣлу атамана Меркурьева и старшины Логинова[1]) привелъ, наконецъ, къ тому, что 25 Августа 1740 года изданъ былъ указъ, которымъ предписывалось: «въ должность атамана избирать трехъ кандидатовъ изъ заслуженныхъ, богобоязненныхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ по ихъ обыкновенію иску-

---

[1]) П. С. Зак., т. XI, № 8215, стр. 226.

сныхъ людей и, исчисливъ ихъ службы и достоинства, представлять ихъ чрезъ Военную Коллегію на утвержденіе достойнѣйшаго изъ нихъ по высочайшей волѣ». Обиженнымъ предоставлено было право являться съ жалобой въ В. Коллегію, но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то съ ними велѣно поступать по всей строгости законовъ; предписано было также завести приходорасходныя книги за шнуромъ и печатью, «и въ тѣхъ деньгахъ сборщиковъ и расходчиковъ считать при войскѣ погодно, и на войсковые домашніе расходы денегъ съ казаковъ, кромѣ поведерныхъ и вѣсовыхъ, сбирать запретить». Военная Коллегія получила указъ «собрать подлинныя вѣдомости, на какомъ основаніи Яицкіе казаки сперва тамъ поселены, какія вольности и жалованныя грамоты притомъ даны и генерально обо всемъ томъ, что̀ до упомянутыхъ Яицкихъ казаковъ касается, и по онымъ имѣть разсужденіе и, постановя на мѣрѣ, на какомъ надежномъ основаніи съ собственною ихъ пользою впредь содержать и оное съ приложеніемъ своего мнѣнія представить» [2]. Но такого рода мѣры не могли привести правительство къ достиженію предположенной цѣли. Демократическая воля въ Яицкомъ казачествѣ до того была сильна и необузданна, что оно по прежнему не хотѣло слѣдовать указаніямъ Военной Коллегіи и продолжало вести открытую, неусыпную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Постановленія 1740 года не приводились въ исполненіе: казаки продолжали управляться прежними обычаями страны. Военная Коллегія также не успѣла еще собрать затребованныхъ отъ нея свѣдѣній относительно Яицкаго войска.

Въ 1744 году Оренбургская коммиссія была преобразована въ губернію, и тогда же Яицкое войско подчинено вѣдомству Оренбургскаго губернатора, Ивана Ивановича Неплюева.

Считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ государственномъ дѣятелѣ XVIII вѣка [3]. Сынъ бѣднаго Новгородскаго дворянина, Неплюевъ началъ свою службу при Петрѣ Великомъ, въ чинѣ поручика, и вышелъ въ чистую отставку уже при Екатеринѣ II-й съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, семидесяти лѣтъ отъ роду. Дѣятельность Неплюева въ высшей степени была разносторонняя; его служебныя обязанности весьма разнообразны; его энергія и трудолюбіе—изумительны. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ представляетъ собою типъ учениковъ, вышедшихъ изъ школы Петра Великаго. Вся жизнь этого почтеннаго Русскаго дѣятеля можетъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ сильно, прочно и плодотворно было вліяніе могучаго Императора, когда оно падало на благодарную почву. Основныя понятія Петра о безкорыстномъ

---

[2]) Ibid., стр. 228.

[3]) Съ подробностями біографіи Неплюева, особенно съ его дѣятельностію въ Оренбургскомъ краѣ, желающіе могутъ познакомиться изъ монографіи: «Неплюевъ и Оренбургъ», напечатанной нами въ «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» за 1873—1875 годы и, частію, перепечатанной въ «Оренбург. Губ. Вѣдом.» за 1874 годъ. Въ настоящее время монографія эта пересматривается вновь и будетъ со временемъ напечатана въ болѣе полномъ видѣ, благодаря новымъ матеріаламъ, которые мы недавно получили отъ Николая Николаевича Неплюева, одного изъ потомковъ Ив. Ив. Неплюева.

служеніи Отечеству, его идеи о гражданской честности, нравственномъ долгѣ и справедливости были вполнѣ усвоены Неплюевымъ. Достойный ученикъ не только понималъ планы своего учителя-Государя, но умѣлъ энергично и выполнять ихъ. Стремясь постоянно приблизиться въ своей общественной дѣятельности къ Петру, какъ идеалу, и питая къ нему личную привязанность, Неплюевъ остался чистымъ среди интригъ, сплетенъ, взяточничества, казнокрадства, роскоши и другихъ пороковъ своего времени. Неплюевъ былъ не только хорошій морякъ, храбрый воинъ, опытный инженеръ, искусный дипломатъ, энергичный колонизаторъ, благоразумный и честный служака; но вмѣстѣ съ тѣмъ истинный христіанинъ, добрый и попечительный отецъ семейства, а главное—человѣкъ, который, горячо и неподдѣльно любя свое Отечество, посвятилъ ему болѣе 50-ти лѣтъ своей служебной трудовой дѣятельности, и только совершенная потеря зрѣнія заставила его проситься въ чистую отставку. Не даромъ Петръ Великій, еще въ самомъ началѣ службы Неплюева, говаривалъ, что «въ этомъ маломъ путь будетъ»; проницательность генія Петра оправдалась: ее подтвердили послѣдующіе монархи и потомство. Но Неплюевъ, всегда вѣрный долгу службы, никогда не самообольщался своими великими заслугами: доступъ до него былъ открытъ каждому, и всякаго выслушивалъ онъ съ внимательнымъ терпѣніемъ. Полагаясь во всемъ на Провидѣніе, управляющее жребіемъ смертныхъ, Неплюевъ скончался на 81 году жизни съ искренней вѣрой въ Бога и твердой надеждой на будущую жизнь. Сознавая свои ошибки, какъ человѣкъ, Неплюевъ просилъ о немъ помолиться: «помолитесь обо мнѣ грѣшномъ!» были послѣднія его слова въ жизни. Прошло сто лѣтъ [4]) со дня кончины Неплюева, и Оренбургскій край вспомнилъ завѣтъ своего умнаго, добраго и дѣятельнаго губернатора: 11 Ноября 1873 года въ Оренбургѣ, Уфѣ, Троицкѣ, Уральскѣ, Гурьевѣ и по селамъ Оренбургской губерніи была отслужена литургія объ упокоеніи души болярина Іоанна; служители алтаря возвѣстили о Неплюевѣ собравшемуся народу съ церковнаго амвона [5]) и, вмѣстѣ съ нимъ, молились о незабвенномъ труженикѣ и о томъ, чтобы побольше было на Руси Неплюевыхъ.

Яицкое войско особенно было многимъ обязано своему губернатору: Неплюевъ отстоялъ предъ правительствомъ права̀ войска на р. Яикъ, укрѣпивъ и заселивъ ее форпостами и редутами на протяженіи 700 верстъ, отъ Разсыпной крѣпости до Гурьева городка. Благодаря стараніямъ Неплюева, казаки получили въ аренду Гурьевскіе учуги и соляной сборъ съ соленой рыбы и ея продуктовъ, производившійся въ Сызрани, на Батрацкой пристани, въ Самарѣ, Сергіевскѣ, Алексѣевскѣ и въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ. Неплюевъ же защитилъ приверженцевъ старообрядства отъ крутыхъ и смѣлыхъ мѣръ извѣстнаго ревнителя православія, Казанскаго епископа, Луки Ка-

[4]) Ив. Ив. Неплюевъ умеръ 11 Ноября 1773 года, и 20 числа того же мѣсяца погребенъ въ построенномъ имъ самимъ храмѣ, служащемъ донынѣ фамильнымъ склепомъ его потомковъ и находящемся въ селѣ Поддубьѣ, Петербургской губ., Лужскаго уѣзда.

[5]) Нѣкоторыя изъ словъ, сказанныхъ въ день 100-лѣтняго юбилея Неплюева, были даже напечатаны. См. напр. «Оренбургскія Епарх. Вѣд.» за 1873 г. № 21, 1874 г. № 1.

нашевича. Не смотря на многіе недостатки Яицкаго войска, Неплюевъ видѣлъ, что оно составляло незамѣнимый матеріалъ для военной колонизаціи края, и потому онъ всячески старался улучшить экономическій бытъ войска, дать ему прочное административное и военное устройство, руководясь тѣми основаніями, которыя наиболѣе согласовались съ потребностями колонизируемаго имъ края и назначеніемъ, какое должна была занять, по его мнѣнію, Яицкая казацкая община. Между тѣмъ, Военная Коллегія, въ силу указовъ отъ 9 Декабря 1745 г. и 22 Іюля 1748 г., предписала Неплюеву собрать подробныя свѣдѣнія о прежнемъ состояніи Яицкаго войска, учинить штатъ и указать способы содержанія войска, замѣтивъ, что «о Яицкомъ войскѣ обстоятельныхъ извѣстій не бывало и нѣтъ, что̀ чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно». Нелегкое порученіе давала В. Коллегія Неплюеву, если принять во вниманіе внутреннюю борьбу партій въ Яицкомъ войскѣ и заклятую ненависть казаковъ ко всякаго рода новшествамъ, особенно къ штатамъ. Но Неплюевъ, при всей своей энергіи и настойчивости, менѣе всѣхъ встрѣтилъ протеста со стороны казаковъ. Держась всегда Русской пословицы, что «свой глазъ—алмазъ», Неплюевъ донесъ В. Коллегіи [6]), что онъ считаетъ необходимымъ посѣтить лично Яицкій городокъ «и, разсмотря всѣ до того принадлежащія окрестности, Государственной В. Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ благонадежно, также бы и съ состояніемъ онаго войска сходственно». Неплюевъ, получивъ дозволеніе на выѣздъ изъ Оренбурга, въ Ноябрѣ 1748 г. прибылъ въ Яицкій городокъ, въ сопровожденіи извѣстнаго бытописателя Оренбургскаго края, П. И. Рычкова. Собравъ здѣсь свѣдѣнія, какія только было возможно, частію по изустнымъ разсказамъ стариковъ, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, Неплюевъ препроводилъ ихъ въ Военную Коллегію, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свой проэктъ о переустройствѣ Яицкаго войска, обнимающій собою многія стороны его быта. Изъ донесенія Неплюева видно, что различные безпорядки и несогласія, происходившіе до того въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на двѣ враждебныя партіи, зависѣли оттого, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учрежденій, ни строго опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ; все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ; приходорасходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должные и недолжные поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было, и т. п. «Того ради»,— говоритъ Неплюевъ,—«для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучшій порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ». Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренныя преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ изложилъ ихъ въ особомъ проэктѣ, которому, впрочемъ, не суждено было осуществиться вполнѣ. Въ своемъ проэктѣ Неплюевъ съ подробностію опредѣляетъ права̀ и кругъ дѣятельности всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ казакомъ;

[6]) 20 Августа 1748 г.

съ неменьшею подробностію излагаетъ онъ и свое мнѣніе объ устройствѣ полковъ или станицъ, о походной и городской артиллеріи; опредѣляетъ окладъ жалованія для служащихъ; указываетъ на порядокъ въ содержаніи форпостовъ, въ отбываніи нарядовъ и командировокъ; излагаетъ свои соображенія о бѣдныхъ, объ отношеніи къ нимъ казаковъ; говоритъ о рыбныхъ и другихъ промыслахъ и т. д. Всѣ эти данныя, какъ результатъ личныхъ наблюденій надъ Яицкимъ казачествомъ глубокаго государственнаго ума, безъ всякаго сомнѣнія, весьма важны для исторіи казачества, и потому-то мы осмѣливаемся думать, что помѣщаемый ниже проэктъ Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска не будетъ лишнимъ въ Русской исторической литературѣ. Интересно было бы знать содержаніе и другаго проэкта Неплюева, о которомъ упоминаетъ Порошинъ въ своихъ Запискахъ [7]), именно—проэкта о закладѣ и выкупѣ имѣній, написаннаго Неплюевымъ, по распоряженію графа Остермана, въ царствованіе Анны Ивановны и отмѣненнаго по проискамъ князя Н. Ю. Трубецкаго. Графъ Н. И. Панинъ говоритъ, что этотъ проэктъ «сочиненіе весьма благоразумное и достойное быть въ законахъ государства просвѣщеннаго [8]); но въ чемъ состоялъ этотъ проэктъ и гдѣ находится онъ теперь, намъ положительно неизвѣстно. Желательно было бы появленіе въ печати и писемъ Неплюева. Извѣстно, что Неплюевъ пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы Екатерины II и велъ съ нею частную переписку. Н. Н. Неплюевъ, между прочимъ, сообщилъ намъ, что у нихъ въ семьѣ были три довольно объемистыя тетради писемъ Екатерины II къ Неплюеву, которыя были переданы г. Висковатому, намѣревавшемуся писать біографію Неплюева; но Висковатый, раньше осуществленія своего желанія, скончался, въ бытность свою за границей, и гдѣ теперь эти письма, неизвѣстно. Немало также тлѣетъ интересныхъ бумагъ касательно жизни и дѣятельности Неплюева въ Тургайскомъ и Уральскомъ областномъ архивѣ, въ чемъ мы лично убѣдились, составляя монографію «Неплюевъ и Оренбургъ». Вѣроятно, найдется также кое-что въ Тобольскомъ, Астраханскомъ, Кіевскомъ и Екатеринбургскомъ архивахъ; но особенно, думаемъ, многое можно извлечь изъ столичныхъ хранилищъ. Помѣщаемый нами проэктъ заимствованъ изъ Уральскаго войсковаго архива, гдѣ онъ встрѣчается какъ копія изъ книгъ Казеннаго Повытья (№ 141), хранящихся въ архивѣ дѣлъ В. Коллегіи.

Въ заключеніе нашей замѣтки, осмѣливаемся выразить увѣренность, что всѣ, имѣющія у себя въ рукахъ какія-либо бумаги касательно дѣятельности Неплюева, особенно его письма, не откажутся сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ Русскаго общества и исторіи путемъ печати.

Владиміръ Витевскій.

---

[7]) См. стр. 75. Изд. 1844 г. Спб.

[8]) Стр. 76, тамъ же.

Проэктъ Неплюева о преобразованія Яицкаго войска.

I. О войсковомъ атаманѣ.

Войсковой атаманъ есть глава корпуса и непремѣнный командиръ всего Яицкаго войска, и хотя въ сей чинъ войску Яицкому позволяется на убылое мѣсто изъ лучшихъ богобоязныхъ и заслуженныхъ людей трехъ кандидатовъ избирать и командующему генералитету представлять, но дѣйствительное въ тотъ чинъ опредѣленіе зависитъ всегда отъ разсмотрѣнія Государственной Военной Коллегіи и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи. Его особливая должность есть въ началѣ Ея Императорскому Величеству быть вѣрнымъ подданнымъ рабомъ и по указамъ Ея Императорскаго Величества вседолжное и непремѣнное исполненіе чинить, къ услугамъ Ея Императорскому Величеству живота своего не щадить и въ томъ, при вступленіи въ атаманскій чинъ, публично предъ народомъ присягать. Отъ него особливо требуются совѣстные и справедливые поступки и въ войсковомъ дѣлѣ по казацкому обыкновенію предъ всѣми наибольшая храбрость и совершенное искусство. Въ знакъ своей команды и управленія войсковаго, когда онъ въ войсковомъ приказѣ засѣдаетъ или въ войсковой кругъ приходитъ, имѣетъ пожалованную атаману Григорью Меркульеву и будущимъ потомъ атаманамъ съ надписью и съ государственнымъ гербомъ насѣку; а когда самому ему случится быть со всѣмъ войскомъ въ походѣ, то тогда сверхъ оной насѣки и войсковое бѣлое знамя съ нимъ же войсковымъ атаманомъ отправляется. Въ прочемъ долженъ онъ всегдашнее попеченіе имѣть, чтобы всѣ старшины и казаки въ страхѣ Божіи пребывали, въ праздничные дни и воскресные прилежали бы къ церкви Божіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла Божеское благословеніе происходитъ, а притомъ и сего смотрѣть, дабы всякъ свою должность прилежно и вѣрно исполнялъ и старшины съ подчиненными имъ людьми справедливо и безобидно поступали. Онъ же долженствуетъ наблюдать, чтобы всѣ наряды, промыслы и торги по установленному у нихъ порядку происходили, и никакого-бы воровства, обманства и шалостей не было; печется о справѣ казачьей и о доброй ихъ экономіи, судъ и расправу производитъ, какъ между старшинами и рядовыми, такъ и между всѣми на Яикѣ случающимися пріѣзжими, употребляя при всемъ томъ совѣтъ и согласіе приданныхъ къ нему старшинъ. А когда случится большое дѣло, до всего общества принадлежащее, въ такомъ случаѣ призывать ему и полковую старшину, съ которыми усовѣтовавъ какъ быть, собираетъ казачій кругъ и, объявляя чрезъ есауловъ содержаніе дѣла, подтверждаетъ имъ о вседолжномъ исполненіи; однимъ словомъ, вездѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ такъ долженъ себя вести, чтобы его всѣ старшины и рядовые, какъ своего главнаго командира, почитали, любили и боялись, а при томъ всѣмъ толь скромнымъ себя представлять, чтобы каждому былъ къ нему свобод-

ный приступъ, наипаче-жъ быть правдиву, безпристрастну и нелакому, вспомогательну въ народныхъ нуждахъ и некичливому въ ихъ прошеніяхъ. Ему, безъ особливаго указа изъ Государственной Военной Коллегіи или командующаго генералитета, изъ городка, кромѣ ближнихъ рыбныхъ ловель, никуда не съѣзжать, развѣ для осмотра форпостовъ.

Буде-же онъ войсковой атаманъ въ исполненіи вышеписанныхъ своихъ должностей учнетъ поступать противно, слабо или къ кому произойдутъ отъ него явныя обиды, въ такомъ случаѣ позволяется на него доносить и просить у здѣшней главной команды, отъ которой по тѣмъ доносамъ и прошеніямъ слѣдовать, и ежели по слѣдствію окажется онъ виновнымъ, тогда со мнѣніемъ доносить объ немъ въ Государственную Военную Коллегію, а безъ конфирмаціи отъ оной его атамана не штрафовать и отъ команды не отрѣшать, развѣ того, по Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ, по силѣ его преступленія, необходимая нужда востребуетъ. А буде явится, что доносъ и жалоба на него были неправые, то тѣхъ людей по силѣ указовъ неупустимо штрафовать для примѣру, чтобы никто затѣйно доносить и бить челомъ на него не дерзалъ. Для чести-жъ и безопасности его имѣть ему у воротъ своихъ караулъ изъ служащихъ казаковъ поочередно.

II. О войсковыхъ старшинахъ.

Понеже войсковому атаману всѣ къ вышеписанной его должности принадлежащія дѣла, а особливо всякій судъ и расправу безъ вспоможенія одному производить невозможно, а всѣхъ старшинъ на всякое дѣло сбирать и съ ними со всѣми завсегда совѣтывать разныя неудобства, толь наипаче, что по нынѣшнему учрежденію всему войску особый штатъ и раздѣленіе по полкамъ учинено и на каждаго полковаго старшину особливыя должности положены, кои они завсегда исполнять и за подчиненными имъ казаками добраго порядка и всякой справы наблюдать должны, такъ какъ ниже сего изображено: того ради отъ сего времени всѣхъ старшинъ ко всякому въ Войсковомъ Приказѣ (или въ Войсковой Избѣ) производимому дѣлу не сзывать, а вмѣсто того при атаманѣ у всѣхъ дѣлъ присутствовать двумъ старшинамъ, которыхъ именовать войсковыми старшинами, чего для и въ учиненномъ штатѣ (кромѣ полковыхъ при атаманѣ) особо и съ особливымъ жалованьемъ два положены, которымъ у того присутствія быть безпремѣнно, да сверхъ того присутствовать по одному изъ полковыхъ старшинъ или станичныхъ атамановъ (какъ повелѣно будетъ именовать) по одному съ перемѣною погодно, дабы они чрезъ то всѣ къ правленію были понятны и при случившейся ваканціи къ наполненію мѣстъ удобны и яко свѣдомые своего полка или станицы нужды избѣжать могли. Должность оныхъ старшинъ въ томъ состоитъ, чтобы общее съ войсковымъ атаманомъ и съ войсковымъ писаремъ по присылаемымъ Ея Императорскаго Величества указамъ должное и непремѣнное исполненіе чи-

нить и атаману добрыми помощниками быть и пользу общества наблюдать безпристрастно, какъ то атаману предписано, разсматривать, разсуждать и опредѣлять всякія въ войскѣ случающіяся дѣла и наряды, наблюдать, чтобы судъ и расправа между всѣми чинились справедливо и никому бы ни отъ кого обидъ и въ нарядахъ неуравненія не было. Въ отлученіе же атаманское, старшій изъ нихъ долженъ и атаманскую должность отправлять. Ежели усмотритъ чинимое въ противность указовъ и сего учрежденія или обиду и утѣсненіе подчиненнымъ отъ старшинъ, то должно сперва въ засѣданіи пристойнымъ образомъ представить, что̀ и за кѣмъ усмотрѣлъ или увѣдалъ необинуясь, хотя бы то и до самого атамана касалось; буде-же оное представленіе принято не будетъ, а старшина свое мнѣніе и извѣстное ему дѣло признаетъ справедливо и благо основанно, въ такомъ случаѣ позволяется ему тогда жъ подъ дѣломъ мнѣнія свои чрезъ писаря особо записать и впредъ для своего оправданія къ дѣлу приложить, и хотя дѣло потому рѣшить какъ атаманъ съ прочими присудитъ, но одному атаману собою безъ согласія старшинскаго ничего не опредѣлять, развѣ однихъ неспорныхъ городскихъ дѣлъ и приказовъ къ его особливой должности принадлежащихъ; а когда случится большое и сумнительное дѣло, то къ тому и полковыхъ старшинъ призывать и обще съ ними совѣтуя опредѣлять.

Буде же дѣло до всего общества принадлежащее, яко то: наряды на службу, сборы и отпуски въ опредѣленныя времена на промыслы, отставка отъ службы, опредѣленіе въ полковыя старшины на мѣсто умершихъ и выбылыхъ, то не только со всѣми старшинами совѣтывать, но и казаковъ сбирая въ кругъ (о которомъ ниже сего въ 6-мъ пунктѣ помянуто) по прежнему обыкновенію публиковать, и на то ихъ согласія требовать. Все оное помянутымъ двумъ войсковымъ старшинамъ и присутствующему съ ними полковому подъ такимъ же штрафомъ наблюдать, какъ выше сего въ атаманской должности предписано. Чего ради, при вступленіи ихъ въ помянутое присутствіе, прочитая имъ сей пунктъ, приводить ихъ къ присягѣ при командѣ; а буде кто изъ нихъ старшинъ явится въ явномъ преступленіи и буде малое дѣло, то атаману того штрафовать арестомъ, а буде въ чемъ учинитъ великое погрѣшеніе, то его отъ команды и засѣданія отрѣша судить, и со мнѣніемъ какого наказанія достойны съ дѣломъ къ главной командѣ представлять.

III. О войсковыхъ есаулахъ.

Въ войсковые есаулы опредѣлять всегда изъ полковыхъ есауловъ, заслуженныхъ и способныхъ людей, которымъ въ войскѣ Яицкомъ съ полковыми старшинами равный чинъ имѣть, токмо быть предъ ними младшими и какъ случится порожнее мѣсто полковаго старшины, то ихъ въ полки старшинами опредѣлять. Должность ихъ въ томъ состоитъ, чтобы отъ атамана повседневно всякіе приказы принимать и для исполненія въ полки отдавать, повѣщать сборы и круги, чинить наряды и по кого надлежитъ посылки, имѣть смотрѣніе, чтобы въ городкѣ какъ днемъ, такъ и по ночамъ все было спокойно, наблю-

дать, чтобы воровъ и бѣглыхъ людей, тако же дракъ и всякихъ безчинствъ и непотребствъ, не было, и весь городской порядокъ по сему бы учрежденію происходилъ. Буде же усмотрятъ они что либо противное, и тогда имъ немедленно доносить войсковому атаману или войсковымъ старшинамъ, и такъ поступать, какъ отъ нихъ приказано будетъ. Впрочемъ у большихъ дѣлъ и совѣтовъ и они также, какъ и прочія старшины, присутствуютъ и наблюдаютъ всего, такъ какъ ниже о должности полковыхъ старшинъ написано.

IV. О войсковомъ писарѣ.

Войсковой писарь есть старшина, равенъ съ есаулами, и понеже ему надлежитъ нетолько всѣ къ войску Яицкому прежде присланные и присылаемые Ея Императорскаго Величества грамоты и указы и прочія до дѣлъ Ея Императорскаго Величества принадлежащія письма во всегдашней памяти имѣть и въ добромъ порядкѣ содержать, но притомъ и о правахъ государственныхъ основательное свѣдѣніе имѣть и потому во всѣхъ дѣлахъ наблюдать, яко за всякое неисправленіе онъ наипаче отвѣтственъ: сего ради надлежитъ ему особливо трезву, прилежну и безпристрастну быть и никакого лакомства не имѣть. Буде же усмотритъ что либо указамъ противное и съ правдой несходное, тогда должность его атаману и старшинамъ содержаніе правъ и указовъ напомнить, и представленіями своими къ тому ихъ приводить, чтобы все по силѣ оныхъ и сего учрежденія исполнялось и никакого-бы ни въ чемъ упущенія не было. Ежели-жъ представленія его не послушаютъ и дѣло иначе поведутъ, въ такомъ случаѣ должно ему представлять письменно (а буде дѣло важное, то и къ командѣ доносить), безъ чего онъ оправдаться не можетъ. Впрочемъ въ его смотрѣніи быть казначею съ приходными и расходными книгами; въ его же особливомъ вѣдѣніи всѣ приказные служители, чрезъ которыхъ онъ же всѣмъ входящимъ и исходящимъ письмамъ содержитъ повседневную записку, и всѣ дѣла между писарями такъ раздѣлять, чтобы всегда и, когда бы что ни востребовалось, пріискъ былъ нетрудный; имѣетъ надзираніе надъ всѣми приходами и расходами, содержитъ старшинскіе и казачьи списки и печется, чтобы Ея Императорскаго Величества опредѣленное жалованье каждому по его окладу сполна приходило и никто бы онымъ напрасно не корыстовался и что̀ усмотритъ неисправное или къ лучшему порядку и установленію, о томъ о всемъ представлять атаману и старшинамъ въ присутствіи съ ясными доказательствами. Чего ради за такой предъ прочими старшинами излишній трудъ и жалованье положено ему съ прибавкою, и выбирать въ сей чинъ всегда изъ полковыхъ есауловъ, а хотя и изъ писарей самыхъ надежныхъ и добросостоятельныхъ людей, кои бы письменный порядокъ довольно знали, и быть имъ безсмѣннымъ. Буде же войсковой писарь явится въ должности своей неисправенъ и нерадителенъ или что̀ пренебрежетъ и упуститъ, тогда съ нимъ поступать такимъ же образомъ, какъ выше сего о старшинахъ предписано.

V. О Войсковомъ Приказѣ или о Войсковой Избѣ.

Войсковой Приказъ или Яицкихъ войсковыхъ дѣлъ канцелярія (какъ повелѣно будетъ именовать) есть такое мѣсто, гдѣ войсковой атаманъ съ войсковыми жъ старшинами и писаремъ присутствуетъ, по указамъ Ея Императорскаго Величества исполненіе и наряды чинитъ, судъ и всякую расправу производитъ, которому по состоянію происходящихъ въ войскѣ Яицкомъ дѣлъ, по меньшей мѣрѣ, надлежитъ въ двухъ пространныхъ покояхъ состоять. Изъ нихъ въ одномъ помянутый атаманъ и старшины купно съ войсковымъ писаремъ, за однимъ столомъ, засѣдаютъ; но писарь нижнее мѣсто имѣетъ, на которыхъ въ знакъ ихъ правленія имѣть красное сукно, столовыя чернильницы и настольные указы, по примѣру прочихъ приказовъ. Въ томъ же покоѣ хранить атаманскую насѣку и войсковую печать и для того, сверхъ обыкновенныхъ сторожей, имѣть у дверей, или крыльцѣ онаго, обыкновенный казачій караулъ, и смотрѣть, чтобы по прежнему обыкновенію въ оной, а особливо въ судейскую никто нагло и безчинно безъ дѣла или пьяный не входилъ. А для содержанія колодниковъ по близости отъ онаго поставить нарочно большую избу, и имѣть при ней особый караулъ. Подаваемыя отъ челобитчиковъ прошенія войсковому атаману кромѣ сего мѣста нигдѣ индѣ не принимать и у себя въ домѣ никакихъ письменныхъ судовъ не производить и дѣлъ не рѣшать, развѣ за болѣзнію, да и то въ присутствіи войсковыхъ старшинъ. Впрочемъ хотя напредъ сего въ войскѣ Яицкомъ было, что всякія дѣла по ихъ особымъ обыкновеніямъ производили и рѣшали, какъ-то и вышеозначенною 1740 года грамотою (пока надлежащій порядокъ введенъ будетъ) позволено, но изъ того чинились и еще донынѣ происходятъ разныя несходства и затрудненія, какъ то и оною грамотою свидѣтельствуется. Того ради нынѣ, время отъ времени отставляя всѣ ихъ казачьи обычности, случающіяся дѣла разбирать и рѣшать, примѣняясь во всемъ государственнымъ правамъ и указамъ; а буде по какому либо дѣлу дойдетъ до розыску, то и розыскивать, и по розыскѣ о такихъ, яко же и о всѣхъ криминальныхъ и важныхъ дѣлахъ, доносить къ главной здѣшней командѣ со всѣми обстоятельствы и какое отъ нея опредѣленіе будетъ, потому и поступать, чего ради отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, купя на счетъ войска Яицкаго Соборное Уложеніе и прочія государственныя права и указы, отправить къ атаману и старшинамъ, которые имѣть имъ всегда на столѣ и въ случающихся дѣлахъ, справливаясь съ оными, судъ и расправу и прочія исполненія по содержанію оныхъ чинить, что наипаче къ должности войсковаго писаря принадлежитъ, еже онъ по крайней своей возможности и подъ штрафомъ (какъ выше сего изображено) долженъ наблюдать. А для отправленія писемъ, которыя по форпостамъ вверхъ и внизъ ходятъ, учредить имъ въ Яицкомъ городкѣ почту, чтобы по очереди казакамъ подводы содержать, дабы того не было, какъ донынѣ, что хотя на пять верстъ добровольно наймомъ и дорогою цѣною нанимаютъ.

VI. О войсковомъ кругѣ, то есть о сборѣ казаковъ.

Понеже въ войскѣ Яицкомъ издавна обыкновеніе было и донынѣ есть, что, получая грамоты и указы Ея Императорскаго Величества или отколь нибудь о дѣлахъ Ея Императорскаго Величества нужнѣйшія требованія и извѣстія къ надлежащему по тому исполненію, яко же и въ другихъ народныхъ дѣлахъ, всѣхъ казаковъ повѣщая чрезъ есауловъ съ вечера, а буде дѣло скорое и строгое, то чрезъ колоколъ собираютъ въ кругъ и, объявя имъ дѣло и на то атаманское и старшинское мнѣніе, требуютъ отъ нихъ соизволенія, но притомъ отъ нихъ (какъ выше упомянуто) разныя несходства и непристойности бывали: того ради отъ сего времени хотя такіе круги сбирать и позволяется, но согласіе отъ казаковъ требовать токмо на одни ихъ домашнія, то есть мірскія дѣла, напримѣръ, когда и какъ сбираться и идти имъ на промыслы, что̀ для чего и какъ въ городкѣ поставить или вновь сдѣлать изъ публичныхъ ихъ строеній, когда кого произвесть въ полковыя старшины или куда отправить за войсковыми нуждами, объ отставкѣ старшинъ и казаковъ за ихъ старостію и невозможностьми отъ службы, и о другихъ тому подобныхъ дѣлахъ, и выборѣ ихъ, однако, и притомъ всѣмъ атаману и старшинамъ, а особливо есауламъ прилежно смотрѣть и наблюдать, чтобы отъ нихъ по прежнему никакихъ безчинствъ и своевольностей не было, но все бы спокойно и порядочно происходило. Что же принадлежать будетъ до исполненія по грамотамъ и по указамъ Ея Императорскаго Величества, а хотя и по сообщеніямъ изъ команды или по разсужденію войсковаго атамана съ старшинами, а особливо по должности ихъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества и высочайшимъ интересамъ принадлежащее, то сбирая круги (однако кромѣ секретныхъ дѣлъ) учинить имъ чрезъ есауловъ одно объявленіе, что̀ и какъ исполнять надлежитъ и наблюдать накрѣпко, чтобы по таковомъ объявленіи всякъ должность свою безпрекословно и неотмѣнно исполнялъ, а по прежнему и неприличному обыкновенію («любо ли, атаманы, молодцы?») въ такихъ дѣлахъ отнюдь не спрашивать и имъ что любо или не любо не кричать и смотрѣть, чтобы сей худой обычай конечно былъ въ нихъ уничтоженъ.

VII. О полкахъ или станицахъ и о ихъ учрежденіи.

По учиненному нынѣ штату, весь Яицкаго войска корпусъ на семь полковъ или станицъ раздѣленъ, и въ каждомъ по пяти сотенъ, то есть по пяти сотъ человѣкъ рядовыхъ положено, а сверхъ того къ нимъ особыя старшины, полковой писарь и сотники безперемѣнные приданы, которые полки (ежели сіе установленіе отъ Государственной Военной Коллегіи разсмотрѣно и апробовано будетъ) войсковому атаману съ старшинами изъ дѣйствительно служащихъ казаковъ и изъ дѣтей ихъ, кои выше семнадцати лѣтъ, учредить. А буде паче чаянія въ дополненіе того числа отъ показаннаго возраста ка-

зачьихъ дѣтей не достанетъ, то на первый случай вмѣстить и такихъ, кои отъ шестнадцати лѣтъ и больше, яко по здѣшнему усмотрѣнію, а оные къ службѣ Ея Императорскаго Величества неспособны. И всячески стараться, дабы все войско Яицкое по тому учрежденію въ надлежащій порядокъ приведено было немедленно, которые полки или станицы, отъ учрежденія ихъ именовать по числамъ, а именно: первой, второй, третій и проч. даже до седьмаго. Изъ нихъ при всякомъ имѣть свое особливое знамя; полковыми же старшинами и есаулами опредѣлять къ тѣмъ полкамъ изъ находящихся нынѣ при войскѣ старшинъ, выбравъ тѣхъ, кои службу снести могутъ и надежны; а кои за старостію и за другими немощами явятся ненадежны, тѣхъ по предписанному отъ службы отставя, на мѣста ихъ, такожъ въ полковые писаря и къ сотнямъ въ сотники, произвесть изъ заслуженныхъ достойныхъ людей. И каждому полку учинить списки, двойственно, изъ которыхъ одни имѣть въ Войсковомъ Приказѣ, а другіе оставить въ Полковой Избѣ у полковаго писаря. А понеже при войскѣ Яицкомъ, какъ выше сего значитъ, находятся Калмыки, которые и службу Ея Императорскаго Величества, по своей волѣ, отправляютъ и хотя ихъ, яко вольныхъ, дѣйствительно служащими числить невозможно, однако при учрежденіи тѣхъ полковъ и сихъ переписать и которые къ службѣ Ея Императорскаго Величества представятъ себя охотными, тѣхъ причислить къ полкамъ особо, и числить ихъ закомплектными или вольницей, и каждому полковому старшинѣ при полку своемъ имѣть особые имъ именные списки, чтобы знать, сколько въ которомъ полку такой вольницы будетъ. На какомъ же основаніи имъ быть и служить, о томъ ниже сего въ 21-мъ пунктѣ упомянуто.

VIII. О полковыхъ старшинахъ и есаулахъ.

Полковой старшина или станичный атаманъ, въ полку непремѣнный командиръ, а полковой же есаулъ есть у всѣхъ полковыхъ дѣлъ всегдашній его помощникъ и товарищъ. Помянутый старшина долженъ о состояніи и комплектѣ своего полка войсковому атаману чрезъ есаула повседневно на словахъ и пооднажды въ мѣсяцъ и письменно рапортовать, и имѣть смотрѣніе, чтобы въ сотняхъ сотники и прочіе опредѣленные чины должности свои порядочно исправляли, и подчиненныхъ имъ ничѣмъ не обижали, и всѣ бъ наряды происходили поочередно. Онъ такожде печется и наблюдаетъ, чтобъ каждый изъ нихъ, такжебы и рядовые казаки и въ вольной службѣ будущіе Калмыки, имѣли исправныхъ лошадей по казацкому обыкновенію и всякую къ ихъ службѣ надлежащую сбрую, чего ради лѣтнею порою пооднажды весь полкъ (однако между тѣмъ, когда рыбныхъ промысловъ не бываетъ) надлежитъ ему осматривать и свидѣтельствовать, по ихъ казачей экзерциціи стараться, чтобы порученный ему полкъ былъ всегда въ надлежащемъ комплектѣ, и опредѣленное бъ жалованье каждому исправно доходило. Между подчиненными ему казаками, по ихъ жалобамъ въ партикулярныхъ ихъ дѣлахъ, обще съ полковымъ еса-

уломъ разбирать и чинить всякую справедливую расправу; но ежели дѣло большое или между просителей будетъ одинъ не его команды и словесно примирить ему неможно, таковыхъ отсылать въ войсковой судъ, а самому въ такія, якоже и въ прочія до войсковаго суда ненадлежащія дѣла, не вступать; впрочемъ отъ такого полковаго старшины тѣжъ всѣ качества потребны, какъ выше сего о войсковомъ атаманѣ изображено. А есаулу таковому быть, какъ о войсковомъ есаулѣ написано, отъ котораго онъ атаманскіе и войсковые приказы повседневно долженъ принимать. Въ походахъ и въ экзерциціяхъ полковымъ старшинамъ предъ сотниками всякую справу и лошадей, яко же и конскій уборъ, гораздо лучшіе имѣть, а сотники во всемъ же томъ предъ рядовыми лучше себя содержать должны. И всѣ они, не нанимая вмѣсто себя, поочередно служатъ, развѣ бы тому болѣзнь или какая другая законная нужда воспрепятствовала: тогда войсковому атаману по совѣту съ старшинами вмѣсто очереднаго другаго командировать, отдавъ приказъ или ордеръ, для чего кто оставленъ. А буде случится командированіе двумъ или тремъ полкамъ или болѣе, то надъ всѣми главную команду приказывать по старшинству одному старшинѣ, коему называться походнымъ атаманомъ. А полковниками по прежнему обыкновенію никого не писать и не называтъ. Ежели-жъ полковой старшина и есаулъ впадетъ въ погрѣшеніе, то его не смѣняя, такъ какъ и войсковаго, атаману со всѣми старшинами судить, и чему по суду явится онъ виновенъ, о томъ по предписанному представлять и ожидать указа.

IX. О справѣ и должности казачьей и о смотрахъ.

Казакъ есть нерегулярный и легкій служилый человѣкъ, которому надлежитъ быть смѣлу и добрымъ наѣздникомъ; онъ долженъ быть къ походу во всегдашней готовности, имѣть не меньше двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей и исправное ружье, то есть саблю, турку съ принадлежностями, или вмѣсто оной сайдакъ и копье, а кто можетъ и панцырь, притомъ же всѣмъ хотя недорогую, но сколько можно добрую и достаточную одежду, и чтобы каждый изъ нихъ въ таковой справѣ былъ, о томъ полковымъ и ротнымъ командирамъ ихъ попеченіе имѣть и всячески къ той справѣ ихъ приводить, и для того въ лѣтнее свободное время каждый годъ, поединожды всѣмъ полкамъ, сколько ихъ при городкѣ случится, самому войсковому атаману чинить по спискамъ смотръ. и экзерцицію, по ихъ казацкому обыкновенію съ стрѣляніемъ въ цѣль, напусками другъ на друга, и еще какъ надлежитъ, и которые при такомъ войсковомъ смотрѣ явятся неисправны и надлежащей сбруи не имѣютъ, о тѣхъ стараться въ исправность приводить и чѣмъ надлежитъ снабдѣвать, а кои въ экзерциціи лучшее дѣйствіе и исправность покажутъ, тѣхъ особо отмѣчать и впредъ при произвожденіихъ предпочитать. А притомъ ему войсковому атаману и за самими полковниками, старшинами и писарями, такоже и за сотниками, смотрѣть, чтобы они предъ рядовыми какъ въ лошадяхъ, такъ и въ конскомъ уборѣ, такъ и въ ружьѣ и во всей справѣ отмѣнную и лучшую исправность имѣли,

а у которыхъ того и не явится, оныхъ всякими образы до того приводить, чтобы конечно заводили, опасаясь исключенія отъ чиновъ и должностей. И какову онъ войсковой атаманъ при такомъ смотрѣ исправность найдетъ, и чтò за кѣмъ усмотритъ неисправнаго, и какъ оное поправитъ, и сколько въ каждомъ полку явится панцырей имѣющихъ казаковъ, о томъ ему къ командующему генералитету обстоятельно рапортовать, а тѣхъ панцырниковъ во время походовъ чрезъ знатныя мѣста и при знатныхъ оказіяхъ отбирая имѣть предъ каждою сотней въ равномъ числѣ для лучшей полковой парады.

X. О городовой и походной артилеріи.

Понеже въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ имѣется пушекъ и артилерійскаго снаряда число довольное и пороху отъ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи на каждый годъ по семидесяти пудъ, а свинца по пропорціи того отпущать велѣно, чтò по состоянію онаго городка и на всегдашнее время небезпотребно, чтобъ порохъ и свинецъ всегда въ запасѣ были: того ради оную артилерію содержать въ добромъ береженіи и самому войсковому атаману почасту осматривать, наблюдая, дабы каждая пушка по ихъ казацкому обыкновенію (ибо имѣютъ на особливыхъ лафетахъ такъ утвержденную, что на всѣ стороны способно обращается) всегда дѣйствительна была, а тѣ люди, которые ими дѣйствуютъ, должности бы свои разумѣли, въ чемъ ихъ при смотрѣ полковъ пальбою нарочно свидѣтельствовать; а буде когда въ стрѣляніи изъ пушекъ большая и лучшая практика вознадобится, то представлять командующему генералитету, почему для обученія артилерійскіе служители изъ Оренбурга присылаемы быть могутъ. Особливо же порохъ въ добромъ храненіи имѣть, наблюдая, чтобы оному повреждѳнія не было, а ежели отчего внезапно станетъ портиться, то писать въ Оренбургъ, отколь для поправленія нарочно тому искусные люди присланы будутъ, и какъ онаго такъ и свинцу, кромѣ того чтò къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ необходимымъ случаямъ, также на викторіальные дни (какъ-то донынѣ у нихъ чинилось) потребно, не держать, а сколько когда получено и издержится, тому особливыя приходныя и расходныя книги имѣть.

XI. О произвожденіи жалованья и объ остающихся отъ неполнаго количества деньгахъ.

По штату опредѣленное Ея Императорскаго Величества жалованье производить по прошествіи каждой половины года или и по третямъ по заслуженіи каждому на лицо съ росписками, а именно: на войсковой штатъ въ Войсковомъ Приказѣ, въ присутствіи атамана или старшинъ, а на полки отпущать по спискамъ наличное число суммою въ полки и въ томъ отъ полковыхъ есауловъ имѣть росписки, и производить то жалованье каждому по рукамъ, при одномъ войсковомъ есаулѣ, который купно съ войсковымъ старшиною долженъ смотрѣть, чтобы оное на каждаго казака безъ вычету и вѣрно до-

ходило; а буде случится командировка, то и при командахъ онаго жалованья отпущать по разсужденію войсковаго атамана, такожъ и впредъ онаго жалованья при командированіяхъ на одну треть производить позволяется, токмо брать поруки: ежели кто не заслужа треть бѣжитъ или умретъ, то оное жалованье взыскивать съ тѣхъ ихъ поручателей, а буде кто, не получа заслуженнаго жалованья, умретъ, то заслуженное его жалованье выдавать женѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наслѣдникамъ по разсмотрѣнію и опредѣленію войсковаго суда.

А понеже въ дальные и долговременные походы командуемые казаки получаютъ сверхъ окладнаго особливое и изъ другихъ суммъ жалованье, у нихъ же когда командировки будутъ не по прежнему наемныя, но поочереди, то женамъ ихъ и дѣтямъ останется багренье, которымъ обыкновенно одни дѣйствительно служащіе пользуются, и продается отъ пяти до шести рублей, чтò тѣ командированные, ежели у кого женъ и дѣтей нѣтъ, и другимъ своей братіи продавать могутъ: того ради оставающееся на обрѣтающихся въ дальнихъ командировкахъ окладное жалованье къ нимъ ли пересылать, или женамъ ихъ и дѣтямъ отдавать, то зависитъ отъ случая и отъ ихъ соизволу, токмо бы исправно каждому доходило. А чтò по какимъ случаямъ останется отъ полнаго комплекта, о тѣхъ оставающихся деньгахъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывая въ книгу. А которые казаки отъ войсковаго атамана и старшинъ уволены будутъ для торговаго или звѣринаго промысла, тѣмъ вмѣсто себя представлять, ктобъ очередь ихъ исправлялъ, когда чтò до нихъ касаться будетъ, безъ чего ихъ весьма не отпущать, дабы чрезъ такія увольненія другимъ тягости не происходило. А старшинъ болѣе мѣсяца не увольнять, а ежели который за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудетъ, таковымъ на все то время, сколько онъ отъ команды въ отлучкѣ, жалованья не давать и по вышеписанному удержанное записывать.

XII. О посылкѣ станицъ.

Хотя до сего въ удовольствіе Яицкаго войска позволено имъ въ резиденцію Ея Императорскаго Величества въ годъ четыре станицы посылать, въ томъ числѣ одна зимовая, а три легкія, и на то въ Государственной Военной Коллегіи особливая сумма опредѣлена, двѣ тысячи шесть сотъ тридцать восемь рублей, изъ которыхъ пріѣзжіе атаманы, есаулы, старшины и казаки награжденія, ковши и сабли получали, и для того въ оныя станицы отъ войска Яицкаго всегда заслуженные и выборные люди, вмѣсто награжденія, посылались; но понеже нынѣ всему войску Яицкому сдѣланъ штатъ и особое учрежденіе, причемъ каждый старшина, яко же и рядовые, предъ прежнимъ въ жалованьи ихъ немалою прибавкою удовольствованы: того ради нынѣ изъ оныхъ станицъ легкія отрѣшить, а оставить токмо одну зимовую станицу, и на нея сумму противъ прежняго положенія, показаннаго въ вышеозначенной выпискѣ, съ проѣздомъ

войсковаго атамана и съ прогонами, тысячу двѣсти семнадцать рублей сорокъ одну копѣйку съ половиною, да сверхъ того на чрезвычайные расходы дачи за службы, то есть, на ковши, сабли и на знамена сто рублей (итого тысяча триста семнадцать рублей сорокъ одна копѣйка съ половиною), изъ которой суммы производить, такъ какъ и прежде бывало, а именно: атаману восемьдесятъ рублей, а буде прiѣдетъ войсковой, то сто рублей, при немъ есаулу шестьдесятъ, старшинѣ пятьдесятъ, рядовымъ семнадцати человѣкамъ, каждому по тридцати пяти рублей. Но буде въ зимней станицѣ войсковой атаманъ самъ не поѣдетъ, а довольно при станичномъ атаманѣ одного есаула, тако противъ прежняго на станицы годоваго положенiя останется на войсковой штатъ и на полковыхъ старшинъ и сотниковъ по нынѣшнему учрежденiю довольно. Оныя станицы въ томъ разсужденiи положены, дабы изъ войска Яицкаго въ тѣхъ станицахъ по заслугамъ отправляемые старшины, по ихъ обыкновенiю, прежняго награжденiя и ковшей, что̀ они за велико почитаютъ (какъ-то и въ самомъ дѣлѣ есть) по ихъ состоянiю не лишались, также бъ и рядовымъ, которые предъ прочими окажутъ большую и лучшую службу, способъ былъ получать Ея Императорскаго Величества особливую милость, чрезъ что всякъ изъ нихъ къ службамъ Ея Императорскаго Величества вящше будетъ тщиться и ревновать; а буде какихъ особливыхъ старшинскихъ заслугъ не случится, то посылать изъ полковыхъ старшинъ и есауловъ въ ту зимовую станицу поочереди.

XIII. О всегдашней Яицкаго войска службѣ и о содержанiи форпостовъ ихъ.

Ординарная войска Яицкаго служба, какъ выше означено, въ томъ состоитъ, чтобы начиная отъ Илецкаго городка внизъ по рѣкѣ Яику до Гурьева городка учрежденные форпосты и маяки содержать, и на тѣхъ форпостахъ имѣть завсегда тысячу, да сверхъ того по особливому Государственной Коллегiи Иностранныхъ Дѣлъ опредѣленiю въ помянутомъ Гурьевѣ до указу въ зимнiя времена по пятидесяти человѣкъ, куда по нынѣшнему учрежденiю повсягодно на тѣ форпосты два полка въ полномъ ихъ комплектѣ отправлять надлежитъ, въ коихъ число людей съ старшинами имѣетъ быть тысяча шестнадцать человѣкъ, а сверхъ того въ Гурьевъ посылать вышеозначенныхъ пятьдесятъ, да вверхъ по Яику къ Илецкому городку на недавно учрежденный форпостъ двадцать, итого всего ординарнаго ихъ командированiя и во всегдашней службѣ будетъ изъ нихъ тысяча восемьдесятъ шесть человѣкъ. Будучи на всѣхъ тѣхъ форпостахъ, надлежитъ имъ крѣпкую и недреманную осторожность имѣть, чтобы чрезъ рѣку Яикъ съ одну сторону Киргизъ-кайсацкiй степной народъ (отъ котораго напредъ сего не только на Волжскихъ Калмыкъ, но и на Русскiя жила частыя и весьма вредительныя нападенiя бывали), а съ другую-бъ и Волжскiе Калмыки, для обыкновеннаго ихъ воровства и отгону отъ Киргизовъ лошадей, къ нимъ черезъ туже рѣку перелазить и тѣмъ оныхъ на

себя поднимать не могли, яко отъ тѣхъ ихъ взаимныхъ другъ на друга нападеній бывали и донынѣ еще происходятъ разныя затрудненія. И для того тѣмъ на форпостахъ и приманкахъ будущимъ всегда и всячески высматривать, не появятся-ли гдѣ въ степи люди, которыхъ усматривая провѣдывать, какіе, и буде явятся на Киргизской степи Калмыки, а на Калмыцкой (то есть на здѣшней) сторонѣ Киргизы, такихъ всегда за противниковъ почитать, и ловя къ командѣ отсылать: ибо какъ тѣмъ, такъ и другимъ неоднократныя уже объявленія учинены, что бы они оную рѣку безъ позволенія и воровски переходить не дерзали. А хотя которые либо изъ нихъ и на своей сторонѣ усмотрѣны будутъ, но собраніемъ людным и отъ Яика рѣки въ близости, хотя бы то и кочеваніе ихъ было, къ такимъ посылать, дабы они отошли и по крайней мѣрѣ ближе двадцати верстъ не кочевали, объявляя, что для пресѣченія ихъ Киргизъ-кайсацкихъ и Калмыцкихъ междоусобныхъ ссоръ близко подходить имъ указами Ея Императорскаго Величества запрещено. А буде станутъ они упрямиться и къ переходу чрезъ рѣку Яикъ силиться, то, зажигая маяки и умножась людьми, препятствовать имъ всѣми силами и поступать какъ съ противниками оружіемъ. Ежели же тѣ или другіе, прокравшись гдѣ тайно и бывши уже на воровствѣ, усмотрѣны будутъ съ отогнанными лошадьми и съ плѣномъ, такихъ за сущихъ злодѣевъ почитать и чинить надъ ними наисильнѣйшіе поиски, стараясь, чтобы не только украденныхъ ими лошадей и людей отбить и возвратить, но и надъ самими бы тѣми злодѣями такъ поступать, чтобы отъ оружія никто не ушелъ и впредъ на такія злодѣйства отваживаться-бъ не могли. Ежели же появятся тѣхъ или другихъ сильныя и многочисленныя партіи или надежную вѣдомость получатъ, такъ что одними людьми надлежащаго сопротивленія и поиску учинить надъ ними будетъ невозможно: тогда, сколько возможно пересылками съ ними удерживая ихъ или безъ дальнаго азарту препятствуя имъ, посылать наискорѣе въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману и требовать вспоможенія отъ него, почему онъ не только командировать, но, ежели нужда позвала, то хотя-бы и всѣмъ Яицкимъ корпусомъ тѣхъ форпостныхъ сикурсовать и, совокупя всѣ силы, по силѣ имѣющихся Ея Императорскаго Величества указовъ о искорененіи тѣхъ злодѣевъ, стараться и къ командѣ рапортовать долженъ. Чего ради для такихъ чрезвычайныхъ нуждъ надлежитъ ему въ войскѣ особливое учрежденіе или сигналъ чрезъ колоколъ сдѣлать, чтобы всѣ или сколько потребно какъ можно наискорѣе сбираться могли. Что̀ же касается до вышепомянутыхъ между тѣми форпостами отъ войска Яицкаго построенныхъ двухъ городковъ Кулагина и Калмыкова, то хотя по опредѣленію Правительствующаго Сената и велѣно оные какъ скоро возможно тщиться фундаментальнымъ житьемъ обселить, токмо по здѣшнему усмотрѣнію, а паче по состоянію Яицкаго войска и тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные городки находятся, мнится сходнѣе, чтобы обселеніе оныхъ фундаментальными людьми до времени отложить: ибо на то изъ Яицкаго войска охотниковъ нынѣ нѣтъ, а въ неволю селить тому войску будетъ небез-

трудно, а къ тому же и въ проходѣ къ казачьему ихъ городку рыбы, ежели будутъ тамъ фундаментально поселенные люди, имѣетъ быть не безъ помѣшательства. Впрочемъ тѣми форпостными людьми командующіе полковые старшины за подчиненными ихъ должны крѣпко смотрѣть и наблюдать, чтобы они безъ вѣдома ихъ никогда отъ команды не отлучались, и кочующимъ иногда не въ дальнемъ разстояніи Киргизъ-кайсакамъ и Калмыкамъ обидъ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно-бы на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали, чего ради на звѣроловство и ни на какіе промыслы отъ форпостовъ далѣе десяти верстъ ихъ не отпускать. Ежели же отъ Киргизцевъ Калмыцкіе, а отъ Калмыкъ Киргизскіе плѣнники будутъ выбѣгать, то допрашивая ихъ, давно-ли въ плѣнъ попались, когда и какъ ушли и какое гдѣ состояніе и намѣреніе есть, ихъ самихъ тако же и тѣхъ лошадей, на которыхъ они выбѣгутъ, и со всѣмъ, что̀ при нихъ есть, не чиня имъ никакихъ обидъ, отсылать къ войсковому атаману, который долженъ ихъ при способныхъ оказіяхъ въ ихъ орды, со всѣмъ тѣмъ, что̀ при нихъ будетъ, отпускать и о томъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію репортовать. Вся оная войска Яицкаго форпостная служба есть и будетъ ординарная, которую должно оное войско отправлять на одномъ по штату опредѣленномъ имъ жалованьи, имѣя притомъ рыбные и прочіе ихъ промыслы въ близости; но когда востребуется командированіе въ Оренбургъ или куда далѣе, тогда тѣмъ командированнымъ Ея Императорскаго Величества жалованье и провіантъ производить, отколь повелѣно будетъ, противъ прежнихъ примѣровъ, сверхъ окладнаго.

XIV. Какимъ образомъ командировки и наряды чинить.

Вышеизображенною 1740 года грамотою на войсковые домашніе расходы съ казаковъ деньги сбирать точно запрещено, и велѣно службу отправлять всѣмъ на ряду и командированія въ партіи на караулы и въ посылки чинить по нарядамъ, когда до кого очередь дойдетъ. Того ради всѣ напредъ сего, въ противность оной грамоты, по мірскимъ приговорамъ, на форпосты и въ партіи командируемымъ въ кругахъ отъ всего войска бывшіе наймы и подмоги, и на то съ каждаго казака сборъ (на что сбирывались великія деньги) совершенно отрѣшить, и впредъ сего отнюдь не чинить; ибо изъ того можно было видѣть разныя несходства, а служить всѣмъ и наряжать отъ войска какъ старшинъ, такъ и рядовыхъ во всѣ наряды поочередно, не обходя никого, кому очередь дойдетъ. И тѣмъ по очереди наряжаемымъ никакихъ наймовъ и подмогъ не чинить, и на то съ оставшихъ сборовъ ни по чему не сбирать. А понеже во всякомъ обществѣ торговые, промышленные и мастеровые люди есть и всѣмъ столько потребны, что безъ нихъ никому содержать себя невозможно (ибо отъ одного промышленнаго и заводнаго человѣка многіе свои извороты, а убогіе, нанимаясь въ работы, и пропитаніе свое получаютъ) что̀ паче по состоянію Яицкаго войска уважать надлежитъ, яко однимъ денежнымъ ихъ жалованьемъ казаку содержаться неможно, а промыслы ихъ такіе, что кто боль-

ше капиталу имѣетъ, тотъ не только свой доходъ лучше получитъ, но около его и другимъ, а паче маломочнымъ разные бываютъ способы, чѣмъ ихъ все общество состоитъ и къ службамъ Ея Императорскаго Величества лошадей и всякую свою справу получаетъ: и для того, ежели когда при такихъ очередныхъ нарядахъ дойдетъ очередь до такого-то казака, который имѣетъ знатный капиталъ, торги и разные промыслы производитъ, то имъ яко нерегулярнымъ людямъ, съ вѣдома своего полковаго старшины, позволяется вмѣсто себя сына или родственника и свойственника съ подмогою отъ себя отправить, тако-же и изъ казаковъ не очереднаго, а хотя и изъ Калмыкъ надежнаго добровольно нанять, чтобы онъ вмѣсто его очередь отслужилъ. А ежели командировка какая малая, что̀ понемногу съ полку, слѣдственно и съ роты достанется, и пожелаютъ казаки которой роты добровольно командированныхъ подмочь деньгами, того за представленными отъ войска Яицкаго резонами не запрещать; однако-жъ, дабы то казаки собою сами въ своей ротѣ, а не въ другихъ чинили, а старшинамъ въ тотъ сборъ и договоръ по прежнему не мѣшаться, и сколько таковыхъ при командированіи явится, о тѣхъ полковымъ старшинамъ войсковому атаману имянныя вѣдомости подавать, который долженъ самъ пересматривать, надежны-ль они къ службѣ, исправныхъ-ли имѣютъ лошадей, ружье и всякую сбрую, чтобы никто въ службѣ ненадежный и недостаточный не былъ. Но при томъ всемъ атаманъ и войсковыя старшины особливо должны наблюдать, чтобы чрезъ то богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которые у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали, и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ всѣмъ служить поочередно, развѣ кого за болѣзнію командировать будетъ нельзя.

XV. О неотпускѣ съ службы и о бѣглыхъ.

Походнымъ атаманамъ, хотя бы были и на ординарныхъ форпостахъ, командированныхъ съ ними старшинъ и казаковъ по ихъ прихотямъ въ домы ни вовсе, ни на время, кромѣ нужнѣйшихъ по командѣ посылокъ, не отпускать и самимъ съ форпостовъ, безъ позволенія отъ войсковаго атамана, не съѣзжать. И для того при выступленіи изъ городка какъ онъ, такъ и всѣ провіантомъ и прочими потребностями столько должны себя запасать, чтобы до назначеннаго имъ къ смѣнѣ термина безъ всякой нужды содержать себя могли; тамъ же будучи, кромѣ того что̀ на пищу никакихъ промысловъ имъ не имѣть и затѣмъ вдаль и врознь отнюдь не отходить, но прилежать всѣмъ къ Ея Императорскаго Величества службѣ и къ тѣмъ должностямъ, которыя на нихъ положены. А буде крайняя и чрезвычайная нужда до того привела, что провіантъ и прочее къ содержанію нужное оскудѣетъ, въ такомъ случаѣ походный атаманъ или старшина должны писать къ войсковому атаману и что̀ надлежитъ требовать, который, разсматривая такія требованія обще съ старшинами, а буде дѣло большое, то и со всѣми въ кругу совѣтывать, какимъ образомъ тѣмъ командированнымъ вспомочь и такъ учинить, чтобы въ тамошней

службѣ никакого упущенія, а тѣмъ людямъ нужды не было. Ежели-же кто изъ рядовыхъ казаковъ, будучи въ службѣ, бѣжитъ, а послѣ пойманъ будетъ, тѣхъ всѣхъ при собраніи войска въ кругу нещадно наказывать и содержать въ тюрьмѣ скована мѣсяцъ; а буде то въ другой разъ учинитъ, тому оное наказаніе усугубить и штрафовать чрезъ день или какъ отъ перваго справится подважды, его же держать въ тюрьмѣ, заковавъ руки и ноги въ желѣза два мѣсяца; а буде въ третій, то утроя вышеписанное наказаніе и не освобождая изъ тюрьмы, рапортовать о таковыхъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію и ожидать опредѣленія отъ оной. Равномѣрно жъ и съ Калмыками поступать, которые изъ своей воли служить будутъ, чтобы никто къ побѣгамъ отваживаться не могъ, токмо ихъ въ край ни на какой форпостъ и въ партіи не командировать, а по крайней мѣрѣ дабы болѣе половины Русскихъ было.

XVI. О рыбныхъ и прочихъ войсковыхъ промыслахъ.

Выше сего означено, что войско Яицкое все свое пропитаніе и домовное обзаваживаніе и всякую воинскую справу получаетъ отъ имѣющагося у нихъ рыбнаго и звѣринаго промысла, изъ котораго, что̀ до рыбнаго принадлежитъ, то оный у нихъ основанъ на довольной эксперіанціи, такъ что въ томъ никакого особливаго учрежденія, кромѣ ихъ стараго обыкновенія, видится непотребно, толь наипаче, что все то войско, бывая притомъ въ назначенныя имъ времена, находится оружейно; слѣдственно не только безопасны, но и къ содержанію форпостовъ немало тогда способствуютъ. И такъ все сіе оставляется на разсужденіе войсковаго атамана и старшинъ, которые, совѣтуя между собою и въ томъ яко общенародномъ ихъ дѣлѣ, собирая войсковые ихъ круги, могутъ поступать по ихъ свѣдѣнію и искусству, а на учужную забойку и на будары потребный лѣсъ, ежели онаго въ назначенныхъ имъ мѣстахъ доставать будетъ невозможно, то со временемъ позволять изъ Сакмары рѣки доставать, токмо для береженія, чтобы Оренбургъ лѣсомъ не скудить, смотрѣть, дабы оные на другія потребы излишняго тамъ не рубили. Чтожъ касается до звѣринаго промысла, то понеже оный не меньше здѣшней и на Бухарской, то есть на Киргизской степи производится, того ради войсковому атаману охотниковъ отпускать туда съ наибольшимъ осмотрѣніемъ, а именно: когда отъ Киргизцевъ опасности нѣтъ, чтобы будущимъ на звѣроловствѣ вреда отъ нихъ не было, а и кромѣ того приказывать, чтобы они на той степи отъ нечаянныхъ и воровскихъ ихъ набѣговъ имѣли ежечасную осторожность и были-бы компаніями. Буде же повстрѣчаются гдѣ съ находящимися въ степи за своими нуждами Киргизъ-кайсаками, то-бъ имъ никакихъ обидъ не чинили, и для воровства и отгону лошадей подъ улусы ихъ отнюдь и подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа не ходили бы; а кто на оное дерзнетъ, таковыхъ сажать въ тюрьму и доносить объ нихъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію; а въ прочемъ каждому старшинѣ и казаку позволяется внутри городка и отъѣздами торговать и какіе кто можетъ промыслы имѣть, токмо бы кромѣ бывае-

маго по Яикѣ рѣкѣ рыболовства всѣхъ людей больше трети изъ городка не выѣзжало, а буде опасность какая есть, то развѣ по необходимой нуждѣ десятую часть отпускать. А тѣ отпуски чинить войсковому атаману обще съ опредѣленными къ тому войсковыми старшинами, сроками по разсмотрѣнію состоянія людей и тѣхъ мѣстъ и дѣлъ, куда зачѣмъ промыслятся, а притомъ и сего смотрѣть, чтобы въ отлученіи ихъ въ городовой службѣ и въ прочихъ нарядахъ очередь ихъ не стояла, и другіе бъ изъ того тягости не понесли.

XVII. О городовомъ порядкѣ и о всякомъ благочиніи.

Впрочемъ войсковой атаманъ и старшины должны всегдашнее попеченіе имѣть и стараться о добромъ порядкѣ въ полиціи ихъ, наблюдать чтобы въ ихъ городкѣ все спокойно и порядочно чинилось, а особливо бъ простой народъ обоего пола въ торжественные и праздничные и воскресные дни къ церкви Божіей прилежали, о чемъ атаману всегда наканунѣ тѣхъ дней въ полковыя команды приказами подтверждать, смотрѣть, чтобы прежде нежели божественная литургія отойдетъ, пьянства, и питейной продажи, и крику не было; имѣть попеченіе, чтобы всѣ торги и промыслы порядочно и вѣрно происходили, проѣзжающимъ и отъѣзжающимъ купцамъ удержанія, обидъ и грабежа отнюдь не было, чего ради въ пристойныхъ мѣстахъ, когда и гдѣ нужно имѣть пристойные караулы и смотръ, а притомъ всѣмъ пещись и о доброй городской экономіи. Заводить и умножать такіе заводы и промыслы, которые по состоянію здѣшняго мѣста учреждены и предъ нынѣшнимъ въ лучшее состояніе приведены быть могутъ; наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впредъ всякъ строился-бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать; тако же и сего смотрѣть, дабы на торгу вѣсы и всякія мѣры были справедливыя, цѣна на хлѣбъ и на все харчевое держана умѣренная и такая, чтобы изъ того народной тягости, тако же и ни въ чемъ бы никакихъ обмановъ, не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ имѣть особливое учрежденіе и надлежащіе къ тому инструменты.

XVIII. О войсковыхъ доходахъ и о сборѣ оныхъ.

Хотя Яицкій казачій городокъ, какъ выше значитъ, имѣетъ въ себѣ жило и людство немалое, и притомъ разные и немалые же промыслы, слѣдственно и пріѣздъ изъ внутреннихъ Россійскихъ городовъ всегда, а особливо въ зимнее время, когда у казаковъ багренье происходитъ, купцамъ и другихъ чиновъ людямъ бывалъ многочисленный, но притомъ всемъ въ пользу общества никакихъ почти доходовъ и сборовъ по сіе время не бывало, кромѣ однихъ откупныхъ кабацкихъ и вѣсовыхъ и поведерныхъ, но и сихъ всѣхъ въ годъ (какъ выше объявлено) больше четырехъ сотъ тридцати пяти рублей нэ бываетъ, отъ чего во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напредъ сего, но еще и нынѣ чинятъ съ міру, то есть съ казаковъ, разные поборы, а иногда

оное войско въ такіе долги входило, что занятыхъ на войсковыя нужды денегъ отплатить было нечѣмъ, какъ то и въ указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи, отъ 19-го Декабря прошлаго 1745 года, къ тайному совѣтнику Неплюеву имянно знать дано, и для того велѣно на домашніе войсковые расходы, безъ которыхъ пробыть невозможно, какую сумму повсегодно и изъ какихъ доходовъ въ ономъ войскѣ имѣть, также изъ какихъ сборовъ долги заплатить надлежитъ, о томъ взявъ пристойное извѣстіе и обо всемъ, что̀ до оныхъ казаковъ касается, и впредъ на какомъ надежномъ основаніи собственною ихъ пользою содержать, какъ выше значитъ, разсмотрѣть ему тайному совѣтнику и съ мнѣніемъ своимъ представить въ вышереченную Коллегію, А понеже пошлины съ товаровъ за помянутый городокъ, яко же и съ ловленной здѣсь рыбы и за прочее указное число, какъ извѣстно, берется въ Самарѣ и въ другихъ таможныхъ, и потому уже оный въ помянутомъ городкѣ учреждать и вторично брать не слѣдуетъ, но чтобы здѣсь свой собственный доходъ былъ безъ отягощенія народнаго: то по мнѣнію рѣченнаго тайнаго совѣтника не только не противно, но предъ нынѣшнимъ по многимъ окрестностямъ и сходнѣе, чтобы, ежели Правительствующій Сенатъ и Государственная Военная Коллегія соизволятъ, здѣшнюю водочную и горячаго вина продажу съ публики отъ войска Яицкаго, съ вѣдома Оренбургской Губернской Канцеляріи, въ откупъ отдать и впредъ отдавать на такомъ основаніи, какъ оная и въ Оренбургѣ производится, чѣмъ однимъ нарочито знатную сумму въ здѣшній доходъ получить уповательно, а народу не только въ томъ никакой тягости не будетъ, но и польза тѣмъ, что: 1-е, водка и вино будетъ продавано гораздо дешевле нынѣшняго (яко и нынѣ простое вино продается здѣсь около двухъ рублей, а въ Оренбургѣ по рублю и менѣе); 2-е, жители Яицкаго городка, ежели бы позахотѣли онымъ торговать, имая у откупщика бочками или ведрами, могутъ шинковать и продавать чарками, какъ то и въ Оренбургѣ, по заключеннымъ съ откупщиками контрактамъ, Оренбургскимъ жителямъ отпускается, да еще и съ уступкою противъ того, какъ изъ кабаковъ продается ведрами. А буде за ту на Яикѣ до сего времени всѣмъ позволенную продажу есть какая особливая накладка на Самарскій или Сызранскій кабаки и выключить ее изъ окладу несходно, то съ откупщиками такъ можно договариваться, чтобы или въ тамошнихъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ, вино брали и сюда привозили, или тѣ окладныя деньги въ помянутыхъ городахъ отъ себя платили. А пивной и медовой продажѣ, какъ нынѣ производится, такъ и впредъ быть у здѣшнихъ казаковъ, токмо съ платою въ войсковую сумму денегъ, съ публики, кто больше дастъ; а хотя и выше пятнадцати рублей (какъ нынѣ платятъ) не дадутъ, то можно ее и на такомъ основаніи позволить. Сверхъ того еще можно здѣсь, противъ прочихъ городовъ, съ пріѣзжихъ сюда поземельнаго и прорубнаго съ воза по три копѣйки имать, съ чего по великому сюда наѣзду также въ годъ нарочитая сумма сберется, а народъ изъ того никакой тягости не понесетъ, также и съ лавокъ поземельное на прикладъ съ лавки по

полтинѣ, ибо оныя построены партикулярными людьми. И всѣ тѣ сбираемыя деньги, сколько ихъ будетъ, записывая въ приходъ, употреблять на приказные расходы, яко то: на бумагу, на сургучъ, свѣчи и дрова, на посылки курьеровъ, на прогоны, въ церкви (коихъ три прихода), на свѣчи и ладонъ, доколѣ на то особливый доходъ изыщется, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ Киргизъ-кайсаковъ и Калмыкъ и на прочіе жъ по сему учрежденію назначенные войсковые жъ расходы, и о тѣхъ расходахъ повсегодно въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію репортовать, которая, года черезъ два или три разсматривая, можетъ и на оные расходы штатъ положить. А къ тѣмъ сборамъ, якоже и ко всякому приходу и расходу, опредѣлить отъ войска по приговору войсковому изъ отставныхъ или изъ дѣйствительно служащихъ казаковъ, людей добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ, кому бъ въ томъ повѣрить было возможно, и имѣть за ними смотрѣніе войсковому атаману и старшинамъ самимъ, смѣняя погодно, а по окончаніи года оныхъ считать, опредѣляя къ тому двухъ изъ старшинъ. О долгу же здѣсь не упомянуто, яко онаго за сборами казаковъ общаго нѣтъ.

XIX. О обученіи дѣтей чтенію и письму и впредъ какъ къ тому возбуждать и приводить.

Понеже въ войскѣ Яицкомъ между всѣми нынѣшними старшинами грамотныхъ людей, кромѣ наказнаго атамана и войсковаго писаря, болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ не имѣется, да и тѣ знаютъ недовольно, такожъ и изъ молодыхъ людей грамотныхъ и учащихся тому весьма не столько, сколько нынѣшній штатъ и сіе учрежденіе требуетъ: того ради войсковому атаману съ товарищами, также и съ полковымъ старшиною, имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскія, но и знатныхъ казаковъ дѣти обучаемы были грамотѣ и чистому письму. А при томъ не излишнее бы для нихъ было и сіе, еслибъ кто зналъ изъ нихъ хотя первыя части ариѳметики и прилежали бы въ церквахъ чтенію и пѣнію. И для того ученія ежели изъ церковнослужителей свободныхъ къ тому людей нѣтъ, то можно на войсковой коштъ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые одинъ или два покоя и содержать особагожъ одного или двухъ учителей, употребляя на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы. И чтобъ каждаго къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отъ нынѣ грамотныхъ людей, ежели состоянія добраго, хотябъ кого службою и моложе былъ, въ произвожденіяхъ предпочитать, а впредъ какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ.

XX. О нищихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ людяхъ.

Войсковому атаману и всѣмъ старшинамъ такожде должно и надлежитъ смотрѣть, чтобы въ противность указовъ не бродили по міру и милостыни не просили такіе люди, которые работою своею пропитать себя могутъ, ибо отъ такихъ бродягъ и тунеядцевъ разныя бываютъ воровства и непотребства, престарѣлыхъ-же, раненыхъ и

увѣчныхъ людей, неимущихъ своего пропитанія, обоего пола, отсылать въ богадѣльни, гдѣ ихъ мірскимъ подаяніемъ содержать, а сверхъ того изъ войсковыхъ мелочныхъ денегъ десятка по два или по три держать на нихъ позволяется вмѣсто того, что прежде (какъ въ доношеніи войсковомъ помянуто) на церковно-служителей войсковыя сборныя деньги употреблялись, яко здѣсь при церквахъ приходы весьма немалые, и можно имъ содержаться отъ прихожанъ обыкновенными доходами. Если же есть и будутъ шататься по міру малолѣтніе сироты, отцевъ и матерей неимущіе, таковыхъ до возраста и отдавать родственникамъ и свойственникамъ ихъ, и буде сихъ не будетъ, то и постороннимъ съ запискою и подписками, чтобы мужскій полъ, когда придутъ въ шестнадцать лѣтъ, объявили въ Войсковомъ Приказѣ для опредѣленія въ службу, а до того возраста, ежели кто возьметъ малолѣтняго, самовольно имъ не отходить, но за воспитаніе служить и работать на того, кому онъ въ малолѣтствѣ отдается до вышеозначенныхъ лѣтъ, всякую домашнюю работу, развѣ бы кому содержаніе было самое нужное и непристойное, то таковыхъ по ихъ жалобамъ и по разсмотрѣнію въ войсковомъ судѣ, отбирая отдавать на такомъ же основаніи другимъ.

XXI. Какъ поступать въ содержаніи кочующихъ близъ Яицкаго городка Калмыкъ.

Выше сего изъ доношенія войска Яицкаго явствуетъ, что при помянутомъ городкѣ имѣется вольныхъ Калмыкъ, пришедшихъ изъ Калмыцкихъ улусовъ въ разные годы, которые въ казаки хотя не записаны, но служатъ по волѣ своей, четыреста семьдесятъ, да сверхъ того самовольно кочующихъ сто пятьдесятъ, итого шесть сотъ двадцать человѣкъ, изъ которыхъ отъ первыхъ Яицкое войско не только подмогу въ службахъ своихъ, но и отъ всѣхъ отъ нихъ разные извороты имѣетъ. А понеже по указу Ея Императорскаго Величества, присланному изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ тайному совѣтнику Неплюеву, отъ 10 Апрѣля 1747 года, повелѣно: Калмыкамъ до присылки за ними отъ Калмыцкихъ владѣльцевъ нарочныхъ съ конвоемъ при томъ Яицкомъ городкѣ быть дозволить, съ подтвержденіемъ, чтобы у оныхъ, такъ какъ и отъ опредѣленныхъ отъ нихъ въ Оренбургскую губернію Калмыкъ, старшина и казаки дѣтей ихъ къ себѣ не отбирали, и въ томъ отъ владѣльцевъ Калмыцкихъ вновь жалобъ не навели, а которые и впредь къ войску Яицкому приходить будутъ Калмыки, а крестить ихъ не пожелаютъ, и оныхъ, чтобъ они въ Киргизъ-кайсаки уйти не могли, отъ городковъ не отсылать, а когда за ними отъ намѣстника ханства или отъ другихъ владѣльцевъ Калмыцкихъ будутъ присыланы нарочные съ конвоемъ, толь наипаче когда оные будутъ о томъ отъ Астраханскаго губернатора имѣть письменные виды, и оныхъ креститься нежелающихъ Калмыкъ нимало не удерживая, отдавать имъ возвратно, по которому Ея Императорскаго Величества указу войску Яицкому въ содержаніи нынѣ находящихся и впредь приходящихъ къ нимъ Калмыкъ и поступать непремѣнно. Для лучшаго же ихъ утвержденія и для вся-

каго между ими порядка, всѣхъ ихъ, по особливому въ Оренбургской Губернской Канцеляріи учиненному опредѣленію, содержать на круглой порукѣ, съ такимъ обязательствомъ, чтобы имъ жить спокойно и никакихъ пакостей не дѣлать, и по договорамъ, ежели кто у кого наймется служить и работы исполнять, и для того изъ нихъ самихъ выбирать имъ старшинъ, чтобы они того наблюдали и знали, кто гдѣ находится, которымъ и приходящихъ вновь на руки съ такимъ же подтвержденіемъ отдавать. А буде кто изъ нихъ явится въ воровствѣ или пошелъ своевольно на службу, и будучи въ походѣ убѣжитъ, или съ форпоста и караулу самовольно уйдетъ, за то, яко и за всякія ихъ непотребства, наказывать ихъ въ войскѣ Яицкомъ равно такъ, какъ и казаковъ, и что они, живучи при городкѣ и будучи на службѣ, во всемъ по тому какъ и казаки содержаны будутъ, о томъ при пріемахъ ихъ сказывать, чтобы никакой отговорки не имѣли. Однакожъ между ими самими въ партикулярныхъ ихъ дѣлахъ всякое разбирательство и штрафъ оставить ихъ старшинамъ, развѣ недовольны будутъ, тогда разсматривать и рѣшеніе чинить войсковымъ судамъ, и когда и сколько изъ тѣхъ Калмыкъ вновь прибудетъ и чьихъ они улусовъ, или когда же и сколько отдается изъ нихъ въ орду по вышеизложенному, о томъ отъ войска въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію рапортовать.

XXII. О Калмыкахъ же, кои будутъ желать святаго крещенія и чтобы изъ нихъ и другихъ иновѣрцевъ Татарскіе муллы въ магометанскій законъ не обрѣзывали.

Какимъ образомъ изъ оныхъ Калмыкъ съ приходящими съ желаніемъ къ воспринятію святаго крещенія указомъ Ея Императорскаго Величества, состоявшимся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 28 Іюня сего 1748 года, поступать велѣно, о томъ войску Яицкому въ указѣ же Ея Императорскаго Величества посланномъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи сего года отъ 12 Сентября, обстоятетьно знать дано, о чемъ во всѣ команды въ городѣ Оренбургѣ и въ народъ публиковано, почему въ войскѣ Яицкомъ и исполнять, и того исполненія войсковому атаману самому накрѣпко наблюдать. А сколько и когда по содержанію тѣхъ Ея Императорскаго Величества указовъ ко святому крещенію будетъ допущено и давноль къ Яицкому городку пришедшіе изъ ихъ улусовъ, о томъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію имянно рапортовать. А понеже въ корпусѣ войска Яицкаго имѣются записные Татары и при нихъ ихъ магометанскаго закона абызы и муллы находятся, и по дѣламъ оказалось, что они, аки бъ не вѣдая запретительныхъ указовъ, изъ Калмыкъ въ ихъ магометанскій законъ обоего пола людей приводили, о чемъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ, отъ 17-го Января сего года, обстоятельно донесено, и что̀ чинить отъ онаго высокой резолюціи прошено, а къ войску Яицкому изъ оной Губернской Канцеляріи посланнымъ указомъ подтверждено, дабы впредъ отнюдь до такихъ приведеній въ магометанскій законъ не допущали и для того у прилучившихся въ томъ

Татаръ взяты подписки, подъ смертною казнію, чтобы впредъ не только сами они къ превращенію въ свой законъ, ниже къ подговариванію и наученію для того изъ другихъ вѣръ никого и ни подъ какимъ видомъ не отваживались, и другихъ свою братію Татаръ не допускали, и ежели о комъ то увѣдаютъ, то бы немедленно, гдѣ надлежитъ, доносили, чего отнынѣ какъ за помянутыми Татарами, такъ и за самими Калмыками не только войсковому атаману, но и всѣмъ старшинамъ каждому всеприлежно наблюдать. А которые изъ Татаръ въ такой противности явятся, оныхъ сажая подъ крѣпкій караулъ, доносить объ нихъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, гдѣ поступать съ ними оной Губернской Канцеляріи по силѣ Соборнаго Уложенія, Губернаторскаго Наказу и по прочимъ государственнымъ правамъ и указамъ.

XXIII. О недержаніи бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей.

Хотя бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей во всемъ государствѣ, слѣдственно и въ вѣдомствѣ Яицкаго войска, держать многими и крѣпкими указами запрещено, но въ Яицкомъ городкѣ и въ вѣдомствѣ онаго какъ государственнымъ, такъ и прочимъ крестьянамъ и всякаго званія людямъ всегда знатныя убѣжища бывали. А понеже въ нынѣшнемъ 1748 году, по силѣ особливаго Ея Императорскаго Величества указа, состоявшаго въ Государственной Военной Коллегіи прошлаго 1746 года Ноября отъ 14-го, всему Яицкому войску по переписи полковника Захарова, того войска старшинами свидѣтельство учинено; и какъ въ Яицкомъ городкѣ, такъ и въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, новая перепись же сдѣлана, и потому отъ тайнаго совѣтника Неплюева въ вышерѣченную Коллегію сего года, отъ 28 Іюня, обстоятельно донесено, съ представленіемъ мнѣнія, кого изъ явившихся сверхъ оной Захарова переписи оставить и кого на прежнее жительство выслать, и прошено на то отъ оной Коллегіи опредѣленіе, какъ въ томъ его тайнаго совѣтника доношеніи обстоятельно изображено: того ради впредь въ войско Яицкое никакихъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, какого-бы они званія и вѣры ни были (кромѣ вышеозначенныхъ Калмыкъ), не принимать, и какъ въ городкѣ, такъ и въ помянутыхъ станицахъ и на хуторахъ тѣхъ бѣглыхъ ни подъ какимъ видомъ и именемъ, ни тайно, ни явно не держать. А буде кто приметъ такого бѣглаго и станетъ у себя держать или укроетъ многое или малое время, на таковыхъ бить челомъ въ Оренбургской Губернской Канцеляріи, съ которыми въ штрафахъ и во взысканіи пожилыхъ[1]) поступать во всемъ по содержанію состоявшихся о томъ генеральныхъ указовъ безъ упущенія. Того ради войсковому атаману со старшинами сдѣлать особливое учрежденіе и смотрѣть, дабы такіе бѣглые и безпаспортные люди въ вѣдомствѣ Яицкаго войска нигдѣ никакого пристанища не имѣли и паспорты разсмат-

[1]) Т. е. за постой.

ривать, чтобы между оными ненадлежащихъ и воровскихъ не было, а буде гдѣ появятся или увѣданы будутъ такіе и безпаспортные, оныхъ ловить и по поимкѣ отсылать ихъ за карауломъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію для учиненія съ ними по указамъ. Въ Илецкую жъ станицу повсегодно отъ войска Яицкаго посылать одного старшину, которому свидѣтельствовать, все ли тамъ по содержанію сего учрежденія исполняется и не находится-ль сверхъ дѣйствительныхъ казаковъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, опредѣленные казаки къ службѣ имѣютъ ли надлежащую справу, и все тамошнее состояніе разсматривая, войсковому атаману рапортовать; а буде когда время дозволитъ, то и самому оному атаману въ ту станицу ѣздить, яко онъ долженъ пещись, чтобы ея старшина и казаки въ равной же исправности были, какъ Яицкіе. Что же до Сакмарской станицы принадлежитъ, то понеже она отъ Оренбурга въ близости и находящіеся въ ней казаки по тому городу употребляемы будутъ, то надлежащее за ними смотрѣніе по способности можетъ чинено быть отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи.

XXIV. На какомъ основаніи помянутымъ Сакмарской и Илецкой станицамъ быть.

Хотя обѣ оныя станицы въ тѣхъ рыбныхъ промыслахъ, которыми войско Яицкое содержится, участія имѣть не могутъ, да по отдаленности ихъ тѣ промыслы имъ и неспособны, но они при своихъ городскихъ къ содержанію своему имѣютъ свои особливые и разные промыслы, какъ то выше сего изображено, они жъ въ караулѣ войска Яицкаго не служатъ, да по отдаленію ихъ отъ того войска обще съ онымъ служить имъ и невозможно, и хотя домашняя служба не столь трудная какъ Яицкая войсковая, во многихъ нарядахъ состоящая, однако по состоянію здѣшняго края, также небезпотребная, толь наипаче, что они, во время чрезвычайной нужды, куда надобно, и всѣ могутъ употреблены быть съ немалою пользою, а между тѣмъ остается имъ довольное время къ земледѣльству и къ прочимъ домашнимъ работамъ, якоже и къ вышеозначеннымъ имѣющимся у нихъ промысламъ, которые они имѣя (кромѣ того, что нѣкоторые изъ Сакмарскихъ напредъ сего отъ войска Яицкаго противъ прочихъ по пятидесяти и по шестидесяти человѣкъ въ ловъ бирывали) и не получая себѣ никакого жалованья содержались и нынѣ содержатся безъ нужды: того ради впредь онымъ станицамъ окладнаго денежнаго жалованья не опредѣлять, а быть и ординарную ихъ службу отправлять имъ во всемъ на своемъ коштѣ, довольствуясь симъ, что подушнаго оклада не платятъ и при жительствахъ своихъ къ хлѣбопашеству и къ разнымъ промысламъ имѣютъ немалые и противъ Яицкихъ казаковъ излишніе способы. Но когда случится имъ по Оренбургу нарядъ чрезвычайный и отъ жилищъ ихъ не близкій, тогда командированнымъ изъ нихъ на то время, пока въ походѣ будутъ, производить жалованье и провіантъ, во всемъ противъ крещенныхъ Калмыкъ, изъ суммы Оренбургской Губернской Канцеляріи. Впрочемъ комплектъ ихъ содержать по сему, а именно: въ Сакмар-

скѣ атаманъ одинъ, есаулъ одинъ, сотниковъ три, писарь одинъ, хорунжихъ, урядниковъ и рядовыхъ двѣсти пятьдесятъ, итого въ Сакмарскѣ съ атаманомъ и прочими двѣсти пятьдесятъ шесть человѣкъ; въ Илецкомъ атаманъ одинъ, сотниковъ пять (изъ которыхъ одному поочередно у всѣхъ дѣлъ присутствовать съ атаманомъ), есаулъ одинъ, писарь одинъ, хорунжихъ, урядниковъ десять и рядовыхъ четыреста пятьдесятъ четыре, итого на Илекѣ четыреста шестьдесятъ два, а въ обѣихъ семь сотъ двадцать восемь человѣкъ, которое число комплектовать всегда ихъ казачьими дѣтьми, а больше вышеименованнаго другимъ старшинамъ въ тѣхъ станицахъ не быть; порохъ и свинецъ по пропорціи людей, на обѣ оныя станицы, отпускать также, какъ и на Яицкое войско отпускается.

XXV. О апеляціи.

Понеже по сему новому учрежденію, какъ войсковому атаману и старшинамъ, такъ и всему войску Яицкому разныя должности назначены, и такіе порядки предписаны, которыхъ у нихъ напредъ сего не бывало, и дабы все то отъ нихъ самымъ дѣйствомъ исполнялось и во всемъ всегда наблюдательно и спокойно поступано было, опасаясь команды: того ради, ежели сіе учрежденіе будетъ за благо принято, необходимо требуется, чтобы на войсковой судъ для таковыхъ, которые не имѣютъ способа бить челомъ въ Государственной Военной Коллегіи, апеляція была по близости и по способности въ Оренбургской Губернской Канцеляріи; ибо хотя отъ нѣсколькихъ лѣтъ, якоже и нынѣ, въ то войско о разныхъ дѣлахъ указами Ея Императорскаго Величества изъ оной Губернской Канцеляріи опредѣляется, по которымъ оная и исполняетъ, но чтобы войсковые суды, ежели кто рѣшеніемъ оныхъ явится недоволенъ, въ помянутую Губернскую Канцелярію по вышеписанному переносить и въ оной разсматривать, точнаго указа не имѣется, а безъ того все по сему учрежденію въ совершенный установъ привести и завсегда наблюсти будетъ небезтрудно. Впрочемъ же все оное Яицкое войско имѣетъ состоять и быть въ главной командѣ Государственной Военной Коллегіи, якоже и нынѣ есть, и по прежде присланнымъ изъ оной Коллегіи и изъ другихъ мѣстъ, якоже и впредъ по присылаемымъ Ея Императорскаго Величества указамъ, чинить вседолжное исполненіе, которое и помянутая Губернская Канцелярія наблюдать должна.

На подлинномъ подписано тако: Иванъ Неплюевъ.—Ассесоръ Петръ Рычковъ.

Учинено на Яикѣ.
Ноября 22-го 1748 года.

Письма графа В. А. Перовскаго къ А. Я. Булгакову.

Читатели уже нѣсколько познакомились съ графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ по очерку его службы и по нѣкоторымъ его бумагамъ, напечатаннымъ въ Р. Архивѣ нынѣшняго года (I, стр. 371). Здѣсь помѣщаются его письма къ Московскому почтдиректору Александру Яковлевичу Булгакову, переведенныя нами съ Французскихъ подлинниковъ. Булгаковъ, подобно брату своему Петербургскому почтдиректору Константину Яковлевичу († 1835), былъ общій одолжитель. Можно сказать, что онъ, въ теченіи долгаго времени, замѣнялъ собою для Московскаго общества нынѣшнія газеты; къ нему со всѣхъ сторонъ стекались извѣстія, съ нимъ переписывались и его услугами пользовались главнѣйшіе дѣятели Николаевскаго царствованія, удаленные службою отъ столицъ; а благодаря общительности Булгакова и широкому образу его жизни, извѣстія эти отъ него разносились повсюду. Онъ находился въ переепискѣ и съ Сибирью, и съ княземъ Воронцовымъ во времена его Одесскаго и Кавказскаго служеній, и съ В. А. Жуковскимъ въ его заграничныя поѣздки и житье. При тогдашней трудности письменныхъ и всяческихъ сообщеній, имѣть въ Московскомъ почтдиректорѣ исправнаго и надежнаго кореспондента было весьма сподручно Оренбургскому военному губернатору.

Большая часть нижеслѣдующихъ писемъ относится ко времени Хивинской экспедиціи, кончившейся неудачно, но послужившей къ вѣчной славѣ ея участниковъ, показавшихъ въ ней изумительное, геройское терпѣніе Русскаго человѣка. Однимъ изъ этихъ участниковъ былъ извѣстный писатель В. И. Даль; его письма къ роднымъ, писанныя изъ этого небывалаго и удивительнаго похода, находятся въ Русскомъ Архивѣ 1867 года, а его записка или должностной отчетъ о Хивинской экспедиціи помѣщена, безъ его имени, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей (1860, кн. 1-я). Нынѣ печатаются загробныя повѣренія самаго вождя этого великаго дѣла, имѣвшаго столь плодотворныя послѣдствія для нашихъ Азіатскихъ сношеній, и слѣдовательно для всей будущности Россіи. П. Б.

1.

Оренбургъ, 16 Ноября 1837.

Оченъ благодаренъ за новости, которыя вы мнѣ сообщаете. Жду, что вы сообщите и еще, потому что вы у источника ихъ, а въ настоящее время я только съ вами и переписываюсь въ Москвѣ. Ад—гъ, когда у него дѣла по службѣ, бываетъ черезъ чуръ занятъ, а когда отдыхаетъ на лаврахъ, то черезъ чуръ лѣнивъ; стало быть ждать извѣстій отъ него я не могу. Доволенъ ли былъ Государь Розеномъ относительно управленія? За что Николай Муравьевъ под-

вергся опалѣ? Какія предполагаются распоряженія касательно пребыванія двора въ Москвѣ и проч. и проч.? Надо, чтобъ вы удосужились написать мнѣ обо всемъ этомъ. По правдѣ сказать, нужно имѣть вашу доброту, чтобы переписываться со мною: я не могу платить вамъ тою же монетою. Нужно также, чтобъ вы наслѣдовали дружбу, которую оказывалъ мнѣ вашъ братъ. Иначе моя докучливость была бы неизвинительна.

2.

Оренбургъ, 7 Декабря 1837.

Изо всѣхъ вашихъ новостей всего больше изумила меня именно та, которая до меня относится—распущенный слухъ, будто я назначаюсь на должность Розена [1]). Лица, дѣлающія мнѣ честь, думая, что я достоинъ этого мѣста, конечно удивились бы, узнавъ, что я не только не домогаюсь получить его, но что это назначеніе даже огорчило бы меня. Безъ сомнѣнія, мое мѣсто не такъ видно и не такъ почетно, но оно даетъ мнѣ возможность доказать, что я могу быть полезенъ. Скажу больше, на немъ я сдѣлался необходимъ, и въ настоящее время трудно было бы замѣнить меня: такъ много начато здѣсь дѣлъ, ключь отъ которыхъ въ рукахъ у одного меня. Словомъ, если я осужденъ пробыть здѣсь еще нѣсколько лѣтъ, то надѣюсь, послѣ меня сохранится слѣдъ, который вознаградитъ меня за остальную жизнь. Совсѣмъ иначе на Кавказѣ. Тамъ, по всему вѣроятію, меня зарыли бы въ землю черезъ полгода. Увольненіемъ Розена и недовольствомъ Государя вполнѣ оправдываются слухи, приходящіе изъ тамошняго края: тамъ все вверхъ дномъ, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи. Тамъ надобенъ, конечно, человѣкъ даровитый и благонамѣренный, но главное—не ретивый или по крайней мѣрѣ такой, который бы не отличался особенною дѣятельностью. Излишествомъ трудолюбія тамъ выкопаешь себѣ могилу, прежде чѣмъ удастся возстановить порядокъ. Могу ошибиться, но таково мое мнѣніе касательно Кавказа. Что до меня лично, увѣряю васъ, что не полагаю честолюбія моего въ томъ, чтобъ возвышаться. По моему, можно на всякой степени возвышенія отличиться, быть на виду и заслужить всеобщее уваженіе. Исправникъ, совѣстливо исполняющій въ теченіи жизни свои обязанности, заслуживаетъ столько же похвалы и вознагражденія, какъ и военный губернаторъ, поступающій одинаково съ нимъ.

3.

(О пожарѣ Зимняго Дворца).

Оренбургъ, 4 Января 1838.

Крайне горестное извѣстіе сообщили вы мнѣ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ. По истинѣ непостижимо, какимъ образомъ зданіе столь обширное и столь прочное сгорѣло, какъ сгараетъ изба. Хорошо еще, что спасенъ Эрмитажъ, императорскіе бриліанты и другія драгоцѣнности. Остальное можно купить, были бы деньги, а Уралъ и Алтай, если потребуется, доставятъ золота нѣсколько сотъ пудовъ. Есть и еще утѣшительная сторона въ этомъ несчастномъ событіи: оно послужило поводомъ къ такимъ проявленіямъ, которымъ душа

[1]) Оставившаго въ то время управленіе Кавказомъ.

радуется. Подробности, вами сообщаемыя, слѣдуетъ непремѣнно выставить на видъ, обнародовать и всячески разглалить въ иностранной печати. По несчастію этого не сдѣлаютъ. У насъ въ такихъ случаяхъ поддаются непростительной скромности. Наша печать и тѣ кому поручено ею завѣдывать иной разъ одержимы приводящею въ отчаяніе, скажу даже, возмутительною косностью. Возможно ли напр., чтобы о такомъ событіи, какъ пожаръ зимняго дворца, случившійся 17 числа, нѣтъ ни слова въ газетахъ 20 числа, полученныхъ мною въ одинъ день съ вашимъ письмомъ! Во всякой другой землѣ печатались бы и разсылались извѣстія понѣскольку разъ въ день [2]. Столь непонятное молчаніе въ подобномъ обстоятельствѣ даетъ поводъ къ ложнымъ и опаснымъ толкованіямъ, на дальнемъ разстояніи; и оно иначе быть не можетъ. Запоздалое оглашеніе иногда не можетъ уже исправить зло, причиненное молчаніемъ, и въ умахъ остается извѣстнаго рода недовѣрчивость, уже потому самому, что всякій хочетъ объяснить себѣ причину этого молчанія.—Гдѣ будетъ жить дворъ со всею своею обстановкою? Три дворца, Аничковскій, Таврическій и Мраморный, не вмѣстятъ въ себѣ и четверти народонаселенія, помѣщавшагося въ Зимнемъ Дворцѣ. Не послужитъ ли это поводомъ къ возвращенію въ Москву? [3]

4.

20 Іюня 1839. Оренбургъ.

Переписываться съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, по истинѣ очень выгодно. Я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи вы безкорыстнѣе всѣхъ на свѣтѣ: отъ васъ я получаю извѣстія самыя свѣжія, самыя занимательныя, словомъ какихъ нельзя имѣть мнѣ ни изъ газетъ, ни изъ частной моей переписки, тогда какъ чѣмъ могу я взаимствовать? При всей доброй моей волѣ, подбирая всѣ событія, совершающіяся на пространствѣ отъ Волги до Бухары, я все таки не могъ бы сказать вамъ чего либо, что̀ бы заслуживало вашего вниманія. Въ настоящее время занятъ я всецѣло приготовленіями для ученой экспедиціи къ берегамъ Аральскаго моря [4]. Экспедиція эта должна принять размѣры, превосходящіе все дѣланное до сихъ поръ въ тамошней сторонѣ. Она направится по землѣ, совершенно невѣдомой Европейцамъ. Время отправленія еще не опредѣлено навѣрное; во всякомъ случаѣ оно не можетъ состояться, прежде чѣмъ я не побываю въ Москвѣ. Въ нынѣшнемъ году Туркмены отличаются непостижимою наглостью на Каспійскомъ морѣ: эти морскіе разбойники уже за-

---

[2] Лишь въ 1865 году, въ Р. Архивѣ появились подробныя описанія этого пожара, по случаю котораго проявилось много знаковъ искренней народной приверженности къ царскому дому.

[3] Была ли эта мысль у предержавшей власти? Говорятъ, что она возникала у Александра Павловича послѣ наводненія 1824 года.

[4] Въ особомъ комитетѣ, который по представленію В. А. Перовскаго учредился изъ графа Нессельроде, графа Чернышева и самаго Перовскаго, 12 Марта 1839 года рѣшено: «содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю». Разумѣется, дѣло разгласилось; но въ Русской печати оно стало извѣстно лишь въ 1860 году.

хватили у насъ нѣсколько сотъ человѣкъ Астраханскихъ рыбаковъ, преимущественно въ устьяхъ Волги, такъ что наши промышленники уже не смѣютъ пускаться въ море. Это позоръ! Каспійская флотилія ничего тутъ не помогаетъ; она существуетъ только по имени.

5.

(По поводу зажигателей).

15 Августа 1839. Оренбургъ.

Еще двѣ недѣли тому назадъ я былъ вполнѣ увѣренъ, что буду имѣть удовольствіе свидѣться съ вами во время Бородинскихъ маневровъ. Я разсчитывалъ даже пріѣхать въ Москву не позже 20-го числа этого мѣсяца; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Симбирскіе и Саратовскіе поджигатели, или по крайней мѣрѣ дьявольскій ихъ духъ, повидимому, переселились въ Оренбургъ. Втораго числа этого мѣсяца былъ здѣсь первый пожаръ, за тѣмъ два другіе довольно значительные, и съ тѣхъ поръ не проходитъ дня, чтобы не обнаруживалось покушенія къ поджогамъ. Лавки заперты и опорожнены, вещи уложены въ возахъ, либо вывезены за городъ, обыватели не ложатся спать ни днемъ, ни ночью. Тревога общая, отчаяніе нескончаемое. Большинство домовъ въ Оренбургѣ и особливо въ предмѣстьяхъ, ни что иное какъ гнилушки, которыя отъ чрезвычайныхъ жаровъ пришли въ состояніе трута. Воды нѣтъ подъ руками; слишкомъ два мѣсяца не было ни малѣйшаго дождя. Кромѣ того каждый день ураганы, и въ концѣ концовъ всего три пожарныя трубы и никакой пожарной команды. Понимаете, могу ли я оставаться покоенъ, и каково быть безпрестанно въ попыхахъ, когда даже въ тѣни не бываетъ меньше 25 градусовъ! Счастье, что до сихъ поръ зажигательство, кажется, еще не проникло во внутреннія мѣста губерніи. Я говорю к а ж е т с я; а между тѣмъ уже получено извѣстіе о трехъ довольно значительныхъ пожарахъ. Причины неизвѣстны; но, можетъ быть, поджоговъ и не было. Во всякомъ случаѣ теперь не можетъ быть и рѣчи о моемъ путешествіи. Нѣсколько человѣкъ захвачено на мѣстѣ преступленія. Надъ ними назначено слѣдствіе. До сихъ поръ нельзя было открыть, чтобъ тутъ скрывался какой либо умыселъ или что нибудь похожее на заговоръ въ политическомъ смыслѣ. Въ числѣ захваченныхъ нѣтъ Поляковъ. Поэтому я склоненъ объяснять эти пожары самымъ простымъ и прозаическимъ образомъ. Мнѣ кажется, что у насъ больше чѣмъ гдѣ либо, какъ въ городскомъ, такъ и въ сельскомъ населеніи, есть люди, которые не задумываются поджечь сосѣда изъ мщенія, зависти и т. п. Подобнымъ же чувствомъ одержима бываетъ въ иныхъ мѣстахъ дворня по отношенію къ своему барину. Когда все спокойно, эти люди знаютъ, что имъ достанется, коль скоро они захотятъ дать волю такимъ побужденіямъ; но въ тревожную пору, когда всякій, подъ вліяніемъ распущенныхъ слуховъ, только и думаетъ, что вотъ вотъ у него загорится его жилище, тѣже самые люди начинаютъ дѣйствовать безбоязненно въ увѣренности, что избѣгнутъ подозрѣнія, и что все будетъ свалено на такъ называемыхъ поджигателей; а ихъ, можетъ быть, вовсе и нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Таковы тяжкія обстоятельства, не дозволяющія мнѣ съѣздить въ Москву; а поѣздка эта мнѣ и желательна, и нужна. Можетъ быть, въ Сентябрѣ я отправлюсь въ Петербургъ, но на этотъ разъ пробуду тамъ не долѣе недѣли.

6.

Оренбургъ, 17 Ноября 1839.

Наконецъ вотъ мы и въ походѣ! Весь отрядъ нашъ уже двинулся, а я остаюсь только за тѣмъ, чтобы написать нѣсколько писемъ и завтра тоже уѣзжаю. Покамѣстъ въ нашемъ дѣлѣ еще много хаотическаго; да оно иначе и быть не могло: дѣло совершенно небывалое, приходится дѣйствовать наугадъ, никто ни съ чѣмъ не освоенъ, солдатъ ни разу въ жизни не вьючилъ верблюда; верблюдъ никогда не ходилъ подъ вьючнымъ сѣдломъ, которое къ нему прицѣпляютъ. Все это кричитъ, выражаетъ нетерпѣніе, толчется понапрасну. Черезъ нѣсколько дней люди и животныя освоятся между собою, и дѣло пойдетъ лучше. Погода меня жестоко обманула. Въ теченіи слишкомъ двухъ недѣль безпрерывно стояли морозы и довольно сильные, какъ вдругъ наступила оттепель, и уже три дня какъ идетъ дождь. Очень боюсь, чтобъ не испортилось мясо и запасы, которые заготовлялись въ разсчетѣ на постоянный холодъ. Никогда здѣсь не бывало такой погоды въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, и въ добавокъ послѣ 20 градусныхъ морозовъ. Но они предстоятъ намъ еще съ избыткомъ впереди. Какъ бы то ни было, ввѣривъ себя Божьей помощи, мы двинулись въ путь, и вы, если у васъ нѣтъ лучшаго дѣла, молитесь за насъ. Это не будетъ лишнимъ, увѣряю васъ. Коли судьба опредѣлитъ намъ свидѣться, у меня наберется много чего вамъ разсказать. Въ противномъ случаѣ не подумайте, чтобы я шелъ очертя голову и расхорахорившись: всѣ мѣры, какія было возможно принять, приняты, и если я не возвращусь, значитъ выдетъ такое несчастіе, которое предотвратить не во власти человѣка.

7.

Башталыка, 250 верстъ отъ Оренбурга, 6 Декабря 1839.

Еще есть случай послать нарочнаго въ Оренбургъ, и я имъ пользуюсь, чтобы сдержать свое обѣщаніе и сказать вамъ, что я здоровъ, что подвигаюсь впередъ какъ только возможно и прошелъ уже почти пятую долю предположеннаго пути. Было бы безполезно излагать вамъ безчисленныя затрудненія, которыя мы встрѣчаемъ по причинѣ суроваго времени года, недостатка въ дровахъ и пр. Вы легко можете себѣ представить, какія приходится испытывать ощущенія, ежедневно и цѣлый день оставаясь подъ открытымъ небомъ. Тоже бываетъ и ночью, и часто на морозѣ слишкомъ въ 30 градусовъ (сегодня у насъ 32 градуса). Труднѣе вамъ будетъ понять, какимъ образомъ при всемъ этомъ мы не отмораживаемъ себѣ ни пальцевъ, ни носовъ и вообще у насъ очень мало больныхъ. Слава Богу, до сихъ поръ холода хоть и очень сильные, но безъ вѣтру, котораго я безъ защитнаго мѣста и безъ дровъ особенно боюсь, потому что тогда уже не знаю, какія принять мѣры, чтобы избѣгнуть гибели. Сегодня, 6-го Декабря [5]) при 32 градусномъ морозѣ, мы отпѣли царскій молебенъ на чистомъ воздухѣ и стрѣляли изъ пушекъ. Увѣряю васъ, что это было торжество умилительное. Мы молились усерднѣе и болѣе сознательно, чѣмъ вы въ отопленныхъ столичныхъ церквахъ. Въ нашемъ положеніи молитва имѣетъ иное значеніе противъ вашего: лишь съ Божьею помощью можемъ мы надѣяться, что преодолѣемъ стихіи и непріятеля; мы чув-

---

[5]) День имянинъ государя Николая Павловича.

ствуемъ, что если молитва наша не будетъ теперь же услышана, то намъ придется погибнуть. Но не подумайте, что мы предаемся унынію. Вовсе нѣтъ! Въ лагерѣ, какъ будто въ Маѣ мѣсяцѣ, раздаются пѣсни. Правда, больше кашляютъ нежели поютъ; но, по моему, есть что-то высокое въ этомъ пѣніи, въ темную ночь при 20 или 30 градусномъ морозѣ, тогда какъ огня достаетъ только, чтобы сварить похлебку (полюбоваться на огонекъ и на горящіе уголья, объ этомъ и помину нѣтъ). И при томъ знаешь, что завтра, послѣ завтра и еще шесть недѣль сряду будетъ тоже самое, таже недостача.

8.

Рѣка-Эмба, 500 верстъ за Оренбургомъ, 4 Января 1840.

Вы вѣроятно думаете, что я уже въ Хивѣ, или по крайней мѣрѣ подхожу къ ней; а мнѣ осталось еще столько же впереди. Противъ насъ зима со всѣми ея ужасами. Люди, или вѣрнѣе Киргизы, не помнятъ здѣсь столь суроваго времени года, столь глубокихъ снѣговъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы вышли изъ Оренбурга, термометръ рѣдко опускался ниже 20°, былъ 33°; двое сутокъ сряду 31°, а когда бывало меньше 25°, начинались вѣтры и сильныя метели. Самому не испытавши, трудно понять состояніе человѣка, когда никакое одѣяніе, никакія шубы и теплая обувь не спасаютъ его отъ власти холода, когда онъ знаетъ, что завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ шесть недѣль, все будетъ тоже самое, когда при этомъ нѣтъ дровъ, чтобы согрѣться и порадоваться на огонекъ въ эти долгія, нескончаемыя ночи. Да, понять это можетъ тотъ, кто самъ испыталъ. И однако мы не отчаеваемся. «Лишь бы не было хуже, а этакъ перенесемъ», говоритъ офицеръ. «Право, не о чемъ тужить; Царю рады мы служить», говоритъ солдатъ. Мы дошли до того, что когда бываетъ 20° безъ вѣтру, разсчитываемъ на близость весны и готовы грѣться на солнцѣ. Только у троихъ отморожены ноги; согласитесь, что на 4500 человѣкъ троихъ въ счетъ ставить нечего. Я бы и не сказалъ вамъ объ нихъ, если бы не желалъ говорить безъ всякой утайки. Объ насъ думаютъ, я увѣренъ, что мы всѣ замерзли, а мы подвигаемся впередъ, хотя черепашьимъ шагомъ, и достигнемъ цѣли, хоть и мѣсяцемъ позже. Впереди предстоятъ наибольшія трудности. На счетъ непріятеля, который можетъ намъ повредить и непремѣнно повредитъ, я спокоенъ; потому что, безъ хвастовства сказать, каждый изъ насъ стоитъ десяти Хивинцевъ, а они могутъ противъ насъ дѣйствовать всего въ числѣ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Но намъ надо пройти по крайней мѣрѣ 700 верстъ по странѣ еще болѣе неблагопріятной, нежели та, которую мы оставили позади. Трава, гдѣ и есть, покрыта снѣгомъ, слѣдовательно не можетъ служить въ пищу нашей скотинѣ. Поить ее, даже и самихъ себя, придется растаявшимъ снѣгомъ. Да будетъ ли еще чѣмъ обратить его въ воду? Вотъ тутъ-то бѣда, вотъ гдѣ нужна намъ будетъ помощь свыше. Человѣкъ тутъ безсиленъ. Въ 180 верстахъ впереди насъ, имѣется наше небольшое укрѣпленіе. На дняхъ Хивинцы напали на него. Ихъ было двѣ тысячи человѣкъ и, разумѣется, они были отброшены. Появленіе ихъ весьма удивило насъ; мы не разсчитывали встрѣтиться съ ними такъ скоро. Онѣ были такъ вѣжливы, что вышли къ намъ слишкомъ на полдороги впередъ. Къ сожалѣнію съ тѣхъ поръ они не появлялись вторично. Должно быть, это небольшой отрядъ, вы-

сланный для развѣдокъ. А хорошо бы поскорѣе съ ними столкнуться. Это общее желаніе маленькой моей арміи. Какъ скоро мы встрѣтимся лицемъ къ лицу, они будутъ знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Лишь бы мнѣ идти впередъ безъ этого страшнаго количества верблюдовъ! Всѣ возможныя мѣры мною приняты. Какъ ни трудно, а отъ времени до времени нахожу способъ получать письма изъ Оренбурга и слѣдовательно изъ Петербурга. Пожалуста пишите. Дружеское письмо, вѣсть объ Отечествѣ, о царскомъ семействѣ нужнѣе намъ, и особливо мнѣ, чѣмъ огонь въ жестокую стужу. Мы уже доказали, что можемъ обходиться безъ огня; но безъ извѣстій о своихъ мы можемъ ослабѣть духомъ. Это, можетъ быть, самое тяжкое испытаніе изо всѣхъ, какія приходится мнѣ выдерживать.

9.

Акбулакъ, 650 верстъ за Оренбургомъ, 4 Февраля 1840.

Письма ваши не разъ служили мнѣ утѣшеніемъ съ тѣхъ поръ какъ я въ степи и, имѣя нужду себя самого утѣшить въ нынѣшнемъ моемъ бѣдствіи, я пишу нѣсколько словъ къ вамъ, моему пріятелю. Походъ не удался вполнѣ. Три мѣсяца мы успѣшно боролись съ самымъ лютымъ холодомъ, съ ежедневными почти мятелями, съ небывалыми въ здѣшнемъ краю по глубинѣ своей снѣгами, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ. У насъ въ добромъ состояніи люди, лошади и всѣ принадлежности отряда; мы прошли самую трудную половину дороги, и тѣмъ не менѣе я поставленъ въ необходимость идти назадъ и отказаться отъ побѣды, отъ болѣе чѣмъ вѣроятнаго успѣха. Верблюды наши не одарены нравственною силою, которая насъ поддерживаетъ до крайнихъ предѣловъ возможности; они чрезвычайно какъ отощали, половина ихъ погибла, остальные окончательно не могутъ выносить вьюка. Мы принуждены были уменьшить тяжесть вьючнаго сѣдла, но въ такомъ случаѣ слѣдовало умножить число верблюдовъ, а между тѣмъ они у насъ падали ежедневно въ числѣ нѣсколькихъ сотъ. Словомъ, когда мы добрались сюда, сдѣлалось до крайности очевидно, что если мы удалимся отъ нашего запаснаго склада еще на нѣсколько переходовъ, то очутимся въ одинаковой невозможности идти впередъ и возвращаться назадъ. На пространствѣ послѣднихъ 150 верстъ отрядъ лишился слишкомъ 2000 верблюдовъ; остальными нельзя поднять запасовъ больше какъ на одинъ мѣсяцъ, а идти впередъ нужно еще два съ половиною мѣсяца! Я не въ состояніи передать вамъ, что̀ я испытываю и что̀ испыталъ, подписывая приказъ объ отступленіи. Что̀ можно было предвидѣть и припасти для усиленнаго похода, все было сдѣлано; всѣ лишенія перенесены бодро, всѣ препятствія преодолѣны, и тѣмъ не менѣе походъ не удался по обстоятельствамъ, отъ которыхъ могъ избавить насъ одинъ только Богъ. Нѣтъ такаго древняго старика въ здѣшнихъ степяхъ, который помнилъ бы подобную зиму. Мѣста, по которымъ пройти стоило намъ такаго труда и на которыхъ не только трава, но и кустарникъ занесены снѣгомъ, обыкновенно, въ теперешнюю годовую пору, служатъ убѣжищемъ многочисленнымъ ауламъ: они перекочевываютъ сюда ради пищи своему скоту, не находя ея болѣе по близости нашей границы. А мы, напротивъ, не находили здѣсь ни малѣйшей травки нашимъ верблюдамъ и, въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца, ни хворостинки для топлива. Намъ

приходилось разгребать снѣгъ и выкапывать изъ подъ него дрянныя коренья, чтобы только было на чемъ сварить похлебку солдатамъ, а ужъ не то чтобы погрѣться у огня. Между тѣмъ вчера, 3 Февраля, термометръ показывалъ 30° холоду, сегодня 28°, третьяго дня 26°, да еще съ страшнымъ вѣтромъ, который, распахивая наши несчастныя войлочныя палатки, не умолкалъ полторы сутки. Отъ этой необычайной стужи и отъ безкормицы погибли наши верблюды. Вы можете себѣ также представить, чего натерпѣлись люди, и есть ли какая возможность помочь больнымъ. И не смотря на все это, не смотря на всяческія лишенія, на ежеминутныя затрудненія и помѣхи, мы все таки достигли бы цѣли, если бы достало верблюдовъ, т. е. если бы мнѣ посчастливилось выступить въ обыкновенную зиму. Здѣсь я принужденъ былъ бросить слишкомъ 1500 четвертей муки и сухарей (шестинедѣльное продовольствіе всего отряда). Возвращаться не менѣе трудно. До нашего укрѣпленьица на Эмбѣ, гдѣ складъ нашихъ запасовъ, надо будетъ идти 160 верстъ по снѣгу, взбираться на двѣ большія горы и спускаться съ нихъ. На это потребуется отъ 15 до 18 дней, безъ корму для верблюдовъ. Помоги Богъ совершить этотъ переходъ безбѣдно! На Эмбѣ хотя и есть запасы, но и тамъ все еще нельзя быть покойну: дѣло въ томъ, что когда мы придемъ туда, у меня не останется ни одного годнаго верблюда. Надо будетъ собирать новыхъ верблюдовъ,—дѣло самое трудное въ теперешнее время года и въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся. Изъ Оренбурга нечего ждать никакой помощи. Пойдутъ дожди (а въ Мартѣ это здѣсь случается), и въ нѣсколько дней пропадутъ всѣ наши сухари. Во всякомъ случаѣ отрядъ будетъ дожидаться весны на Эмбѣ.

Выводъ. По разсчетамъ, основаннымъ на самыхъ точныхъ свѣдѣніяхъ и согласно принятымъ мѣрамъ, я долженъ былъ на полпути къ Хивѣ имѣть всѣ средства, чтобы прибыть туда съ продовольствіемъ по крайней мѣрѣ на четыре мѣсяца. Я отправилъ двухмѣсячный запасъ въ Новоалександровскъ, дабы имъ продовольствовать отрядъ въ случаѣ необходимости; но въ осеннія бури, продолжавшіяся нѣсколько дней, суда эти погибли, и ни одно не дошло по назначенію. Выступая изъ Акбулака, я разсчитывалъ, что у меня 10000 верблюдовъ; вмѣсто того у меня уцѣлѣло ихъ съ небольшимъ 4000; стало быть вмѣсто четырехмѣсячнаго продовольствія, которое я долженъ былъ имѣть по приходѣ въ непріятельскую страну, у меня доставало его лишь около того, сколько нужно на половину дороги.—Предвижу сужденія, которымъ подвергаюсь. Чтобы извинить, чтобъ оправдать неудачу, необходима жертва, и этою жертвою мнѣ нельзя не быть. Смиренно подклоняю голову и не стану противорѣчить толкамъ. Время и 4000 очевидцевъ засвидѣтельствуютъ что̀ можно было сдѣлать человѣческой силѣ и что̀ сдѣлано. Пусть меня подвергнутъ слѣдствію и осудятъ, лишь бы не бросили самаго дѣла. Одна неудача не есть еще доказательство несбыточности. Такихъ двухъ зимъ, какая выпала мнѣ на долю, не бываетъ два раза въ теченіи 50 лѣтъ, а походъ не удался единственно вслѣдствіе сильной стужи. Не слѣдуетъ тревожиться и денежною тратою. Деньги, которыя ушли на несчастный походъ, мною предпринятый, возвратились бы правительству сторицею, если бы онъ удался. Тутъ надобно дѣйствовать поанглійски, тѣмъ паче, что имѣется въ виду противодѣйствовать именно Англичанамъ. У нихъ денежный вопросъ никогда не служитъ помѣхою, и отъ этого они вездѣ успѣваютъ, что̀ бы ни предприняли. У нихъ расчетъ ведется на столѣтія, а мы соображаемъ

дневную затрату. Разница несмѣтная! Имѣя въ предметѣ послѣдствія предпріятія, которыя окажутся черезъ извѣстное число лѣтъ, они затрачиваютъ вдесятеро больше, нежели мы, разсчитывающіе получить барышъ тотчасъ же. Письмо мое безпорядочно. Мысли стынутъ заодно съ чернилами. Черезъ каждыя два-три слова грѣю перо на свѣчкѣ. Простите. Ермоловъ былъ правъ: «это пунтировка въ банкъ»; но играющій не долженъ еще считать себя въ проигрышѣ, когда первая карта убита.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Приказъ по отряду войскъ хивинской экспедиціи.

Февраля 1-го дня 1840 г.

Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, заваливших путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и Отецъ нашъ узнàетъ обо всемъ.

10.

Укрѣпленіе на Эмбѣ. 14 Февраля 1840.

Спасибо, милый другъ, сто разъ спасибо за письмо ваше отъ 26 Января (№ 7-й). Увы! Чтò сказать вамъ объ насъ? Мнѣ не хочется и начинать рѣчи. Трудныя муки рожденія возбуждаютъ участіе, могутъ даже возбудить удивленіе, когда переносятся съ твердостью; но для этого необходимо, чтобы свидѣтель вѣрилъ и надѣялся, что эти муки приведутъ къ счастливому разрѣшенію. Они достойны только сожалѣнія, коль скоро за ними послѣдуетъ выкидышъ. На возвратномъ пути къ Эмбѣ отрядъ вытерпѣлъ еще больше лишеній, чѣмъ идучи отъ нея. Было еще 29 и 26° холоду, съ сильными буранами. Пять дней назадъ, послѣ мокраго снѣга при 4°, наступилъ 25 градусный морозъ съ очень сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Каково было верблюдамъ, которые слабѣли не по днямъ, а по часамъ! Отрядъ еще не весь въ сборѣ, и я не могу съ точностью опредѣлить число верблюдовъ погибшихъ въ послѣдніе десять дней; но, судя по отдѣленію, которое со мною и которымъ брошено на дорогѣ слишкомъ 600 верблюдовъ, надо полагать общую десятидневную убыль по крайней мѣрѣ въ 2000. Счастіе еще, что въ теченіи нѣсколькихъ дней мы могли идти по слѣдамъ, которые оставлены предшествующимъ отдѣленіемъ, чтò дало

мнѣ возможность прибавить шагу. Спасеніе или гибель отряда зависѣли отъ того, во сколько дней пришли бы мы сюда. Отрядъ нашъ былъ словно корабль въ открытомъ морѣ, во власти бури, безъ мачтъ, отовсюду заливаемый водою. Чтобы не потонуть на мѣстѣ, онъ выбрасываетъ за бортъ все, безъ чего можетъ обойтись. Точно также и мы, съ тою разницею, что у насъ нѣтъ предметовъ роскоши, которыми бы пожертвовать для спасенія. Всѣ повозки, сани, лодки и пр., словомъ все что̀ горитъ, въ томъ числѣ веревки и рогожи, все пошло на приготовленіе похлебки солдатамъ, но и этого достало только на три дня. Верблюдовъ мы кормили сухарями и овсомъ, запасенными про людей и коней. И не смотря на то, довольно значительное количество сухарей, муки и овса брошено, потому что, за недостаткомъ верблюдовъ, не на чемъ везти ихъ. Наконецъ, оставивъ при себѣ самое необходимое количество продовольствія и употребивъ несказанныя усилія, чтобы спасти воинскія принадлежности, два первыя отдѣленія достигли Эмбы. Остальныя два должны придти дня черезъ два или три. Состояніе, въ которомъ теперь находятся отряды, было бы еще плачевнѣе, если бы я велѣлъ идти дальше. Намъ предстоятъ еще болѣе глубокія снѣга, и черезъ десять дней похода отрядъ неминуемо очутился бы въ совершенной невозможности двинуться, а я поставленъ бы былъ въ жестокую необходимость объявить войску, что у меня нѣтъ продовольствія и средствъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Мы бы очутились тогда за цѣлыя сотни верстъ отъ ближайшихъ Киргизскихъ ауловъ, весною нашли бы наши трупы, и Хивинскій ханъ захватилъ бы наши походныя принадлежности какъ трофеи, которыхъ иначе ему нельзя добыть. Тѣмъ не менѣе походъ кончился несчастливо; это выкидышъ, какъ я выразился въ началѣ письма, и послѣдствія будутъ тѣмъ неблагопріятнѣе, чѣмъ больше было говору. Пророки, и въ числѣ ихъ пророки Англійскаго клуба, должны торжествовать. Это удовлетворяетъ ихъ самолюбію. Они выведутъ заключеніе, что походъ на Хиву есть вещь невозможная, тогда какъ онъ не удался единственно по небывалой стужѣ и по глубинѣ снѣговъ. Что̀ касается до меня лично, клянусь вамъ честнымъ словомъ, самолюбіе мое не уязвляется мыслію, что въ военныхъ лѣтописяхъ буду памятенъ лишь этимъ несчастнымъ походомъ. Я мучусь и оскорбляюсь только тѣмъ, что самое дѣло пострадаетъ отъ того. Не могу сказать, сколько времени останусь здѣсь. Уцѣлѣвшихъ верблюдовъ достало бы вести отрядъ до границы, но бѣда та, что они утомлены и дальше не могутъ ступить шагу. Стало быть, нужно добывать другихъ, а это нелегко, или дожидаться два мѣсяца, пока наши верблюды оправятся. Въ половинѣ Марта здѣсь бываетъ трава, и она ихъ скоро возстановитъ; но до тѣхъ поръ еще они переколѣютъ на половину. Во всякомъ случаѣ мнѣ уѣхать изъ отряда въ настоящую минуту немыслимо. Прежде всего я долженъ выискать мѣста̀, на которыхъ расположить войско. Необходимо, чтобы въ мѣстахъ этихъ было хоть сколько нибудь корму лошадямъ и людямъ и какая нибудь возможность топлива. Ничего этого нѣтъ вблизи укрѣпленія. Такія мѣста можно сыскать верстъ за 50 отсюда, стало быть является чрезвычайная трудность доставлять продовольствіе, такъ какъ запасы находятся въ укрѣпленіи. Кто не участвовалъ въ этомъ походѣ, будь онъ военный человѣкъ или нѣтъ, не можетъ составить себѣ понятія даже и приблизительнаго о безчисленныхъ, неодолимыхъ и ежеминутныхъ затрудненіяхъ, среди коихъ я очутился, какъ скоро оказа-

лось, что всѣ вѣроятности успѣха противъ меня. Прощайте, любезный другъ. Можетъ быть, я долго не буду вамъ писать; развѣ какое нибудь непредвидѣнное событіе дастъ мнѣ возможность поговорить съ вами не объ однихъ верблюдахъ. Письма мои больше не могутъ быть занимательными, даже и для друзей моихъ. Что за радость повторять одну и туже пѣсню о нашемъ бѣдствіи! Меня ждетъ впереди еще великое испытаніе: между нами сказать, пѣхота моя отнюдь не въ добромъ здоровьи. Мнѣ удалось предохранить ее отъ замораживанія; солдаты во все время имѣли отличную пищу, о какой и не слыхать было ни въ какомъ другомъ походѣ. Но это люди, никогда не покидавшіе своей земли, не видавшіе бивака даже и въ мирное время, и я никакъ не могъ сдѣлать, чтобъ они были выносливѣе. Таково уже свойство моей пѣхоты, что она не могла вынести тяготы и стала заболѣвать. Казаки же все время несли службу гораздо болѣе тяжкую, и между ними нѣтъ вовсе больныхъ.

11.

Оренбургъ, 15 Апрѣля 1840.

Послѣ пятимѣсячнаго странствованія въ пустынѣ, вотъ я опять подъ кровлею, въ прибранной комнатѣ, на отличномъ креслѣ, снялъ въ первый разъ шубу и теплые сапоги. Я прибылъ сюда третьяго дня и отлучился отъ отряда тринадцать дней тому назадъ. Испытавъ всѣ ужасы тяжкаго зимняго похода въ степи, я долженъ былъ пройти еще 500 верстъ по талому снѣгу и подъ холоднымъ весеннимъ дождемъ. Нечего сказать, шутка незабавная эти 500 верстъ верхомъ, въ такую погоду, въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ, никакого средства для переправы черезъ рѣки въ ихъ первобытности, гдѣ ложбины превращаются въ ручьи, либо наполнены чѣмъ-то въ родѣ щербета изъ снѣгу, грязи и льду. Признаюсь, что я разбитъ и измученъ и не въ состояніи немедленно приняться за дѣло.—Я получилъ всѣ ваши письма, любезный другъ, и не знаю, какъ васъ благодарить, что вы не оставляли меня извѣстіями о томъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ. Все это время вы были единственною связью, которая соединяла меня съ обитаемымъ міромъ. Обнимаю васъ радостно и признательно. Христосъ воскресе!—Вы пишете, что Государь скоро поѣдетъ въ Варшаву. Это извѣстіе чрезвычайно меня озабочиваетъ. Стало быть, мнѣ нечего ѣхать въ Петербургъ, а поѣздка эта крайне нужна: вообще трудно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невозможно объясняться письменно. Въ Петербургѣ не знаютъ точно, что̀ нужно для того, чтобы предпринять второй походъ; не знаютъ, сколько времени пойдетъ на приготовленія, которыя будутъ теперь гораздо труднѣе прежняго, потому что мѣстныя средства, въ прошломъ году еще не тронутыя, теперь истощены. Тутъ иной разъ ни твердая воля, ни деньги не помогутъ; вѣдь не устроишь же фабрику, которая бы изготовляла верблюдовъ. За ними надо посылать въ неизмѣримыя степи, гдѣ тоже они не растутъ какъ грибы. Ихъ погибло теперь такое множество! Вообще они водятся не въ такомъ количествѣ какъ лошади и бараны. Во второй разъ мнѣ нужно ихъ будетъ гораздо больше, чѣмъ въ первый. Стало быть придется добывать ихъ издалека и дать имъ время отдохнуть, прежде чѣмъ вести ихъ на Хиву.—Что̀ бы ни говорили Тимирязевъ [6]) и Андрей Михаиловичъ Голицынъ, а направленіе,

[6]) Ив. Сем. Тимирязевъ былъ въ то время губернаторомъ въ Астрахани; какую должность занималъ князь А. М. Голицынъ (1792—1863), намъ неизвѣстно. П. Б.

выбранное мною, есть наилучшее. Идти на Хиву и придти туда можно только зимою. Замѣтьте, я не прибавляю: идти оттуда. Это надо предоставить волѣ Божіей, потому что тутъ нельзя принять никакихъ предварительныхъ мѣръ. Лишь бы дойти туда!

12.

С.-Петербургъ, 19-го Іюня 1840 г.

Я еще не видалъ Государя. Его Величество безпрестанно то въ Петергофѣ, то въ Красномъ Селѣ; сверхъ того онъ чрезвычайно занятъ и даже поглощенъ заботами о мѣрахъ къ восполненію хлѣбнаго недорода въ сосѣднихъ съ вами губерніяхъ. Я полагаю, что Стр. поѣдетъ туда. Хорошо, какъ бы онъ на что-нибудь былъ полезенъ. Въ городѣ рѣшительно никого нѣтъ. Тѣ немногіе, кто не уѣхалъ за границу, живутъ на дачахъ. Особливо досадно мнѣ было, что не нашелъ здѣсь А—га. Онъ не возвратился съ Государемъ и въ Эмсѣ получилъ дозволеніе съѣздить за женою и дѣтьми въ Парижъ, что̀ заставляетъ меня думать, что тамъ онъ не долго будетъ съ семьею. Государь пріѣхалъ изъ Эмса въ Петергофъ всего въ семь дней. Бенкендорфъ отправился въ Фалль [7]). Завтра отплываетъ пароходъ за Наслѣдникомъ; на другомъ ѣдетъ Великій Князь Константинъ, который привезетъ Государыню.

13.

Петергофъ, 27 Іюня 1840.

Вы помните, что лейтенантъ Петровскій, сопровождающій друга нашего Аббота до Петербурга, долженъ вамъ представиться во время проѣзда своего черезъ Москву. Передайте ему пожалуста прилагаемый свертокъ. Молодой человѣкъ не очень опытенъ въ жизни. Одолжите меня, снабдивъ его наставленіями вашими на дальнѣйшій путь сюда. Я довольно знаю Оренбургскихъ каретниковъ и полагаю, что по пріѣздѣ въ Москву экипажи Аббота совсѣмъ испортятся, и потому прошу вашей помощи, любезный другъ: позаботьтесь, чтобы островитянинъ нашъ добрался къ намъ наилучшимъ образомъ. Если онъ сядетъ въ маль-постъ, чтобы взялъ три мѣста; если поѣдетъ въ дилижансѣ первоначальнаго заведенія, надо взять весь дилижансъ и, коли найдете удобнымъ, то приставьте къ нему кого нибудь изъ вашихъ почтальоновъ. Я былъ очень доволенъ ѣздою въ дилижансѣ. Если Петровскому нужны деньги, дайте ему, пожалуста, въ зачетъ.

Я здѣсь уже недѣлю, встрѣченъ и принимаемъ какъ всегда, къ великому удивленію нѣкоторыхъ господъ, которые, Богъ вѣсть почему, полагали, что я въ полнѣйшей опалѣ. Его Величество милостиво сказалъ мнѣ, что несчастный исходъ возложенной на меня экспедиціи только утверждаетъ его въ убѣжденіи, что онъ не ошибся, поручивъ его мнѣ, что моею твердостью и рѣшительностью спасенъ отрядъ, гибель котораго была бы неминуема въ случаѣ колебанія съ моей стороны и проч. Словомъ, теперь какъ и всегда, мнѣ остается лишь удивляться справедливости и здравому сужденію нашего Государя. До сихъ поръ, съ кѣмъ я ни говорилъ, это единственный человѣкъ, который, не бывши на мѣстѣ, судитъ о дѣлѣ какъ будто онъ былъ тамъ.

---

[7]) Ревельское помѣстье графа Бенкендорфа.

Государь еще не былъ въ городѣ. 25-го числа никто ему не представлялся, и когда его спросили, кого будетъ угодно ему принять 1-го числа, онъ отвѣчалъ: «Если можно, то еще менѣе чѣмъ 25-го» [8]. Онъ не заѣзжалъ ни въ Александрію, ни въ большой дворецъ, словомъ никуда, гдѣ обыкновенно живалъ съ Государыней. Въ Сергіевкѣ, на дачѣ великой княгини Марьи Николаевны, онъ занимаетъ двѣ очень небольшія комнаты на вышкѣ и ежедневно пріѣзжаетъ работать то въ Монплезиръ, то въ Англійскій дворецъ. Отъѣздъ его по прежнему назначенъ на 23-е число; о Москвѣ нѣтъ рѣчи. Наслѣдника ожидаютъ отъ 10 до 12 числа. Говорятъ, что Онъ очень влюбленъ въ свою невѣсту, которая весьма того достойна, если судить по Ея портрету и по тому что̀ о Ней слышно. Государь сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ, чтобы люди, отлично служившіе и столько вытерпѣвшіе во время моей несчастной экспедиціи, были жертвами обстоятельствъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать представленіе къ наградамъ.

---

[8]) 25 Іюня и 1 Іюля—дни рожденія Государя Николая Павловича и Государыни Александры Ѳеодоровны.

Изъ бумагъ Степана Петровича Шевырева.

Имя С. П. Шевырева (род. въ Саратовѣ 18 Октября 1806, скonч. въ Парижѣ 8 Мая 1865) до того извѣстно въ исторіи Русскаго просвѣщенія, что распространяться о немъ было бы излишне. Это былъ человѣкъ самой многосторонней учености, глубокій знатокъ Европейской словесности, даровитый критикъ, археологъ и разыскатель памятниковъ нашей древней письменности, неутомимый профессоръ, которому обязано своимъ образованіемъ цѣлое поколѣніе Русскихъ людей. Отдавшись наукѣ и преподаванію ея въ Московскомъ университетѣ, Шевыревъ не прекращалъ своихъ опытовъ въ такъ называемой изящной словесности. Долголѣтнія занятія словесностью и критикою ея произведеній приводили Шевырева въ сношенія съ нашими писателями. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ сохранившихся въ его бумагахъ и сообщенныхъ его сыномъ Борисомъ Степановичемъ, прося читателя не терять изъ виду, что письма почти всегда и большею частію имѣютъ значеніе случайности и не могутъ служить къ полному изображенію и лица писавшаго и того, о чемъ и къ кому написано; они дороги только какъ непосредственное выраженіе минуты. П. Б.

I. БАРОНА РОЗЕНА.

1.

Спб. 19 Іюля 1831.

.... Вышелъ Борисъ Годуновъ Пушкина, и никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ—вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего, во времена Петрарки и Тасса, былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи коронованія. За отсутствіемъ лучшихъ критиковъ, я написалъ рецензію Годунова, которая будетъ печатана въ Литературной Газетѣ, издаваемой Сомовымъ. Кромѣ того, я еще перевелъ его на Нѣмецкій языкъ, съ рукописи автора и заслужилъ его восторженную благодарность и хвалу Жуковскаго.

Альціона выйдетъ въ первыхъ числахъ Декабря. Пушкинъ далъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ пьесъ и увѣряетъ честію, что еще дастъ. Мы съ нимъ довольно сблизились. Его лестные обо мнѣ отзывы сторицею воздаютъ мнѣ за несправедливость нѣкоторыхъ критиковъ, задѣтыхъ эпиграматическою стрѣлою или пораженныхъ въ честной критикѣ.—Недавно я опять вступилъ въ военную службу, и Государь назначилъ меня состоять при дежурствѣ Главнаго Штаба.

2.

Спб. 19 Октября 1832.

Воображаю, съ какимъ восторгомъ вы привѣтствовали святую Русь послѣ трехлѣтняго отсутствія [1]). Я о васъ распрашивалъ Пушкина и узналъ только, что вы милы и любезны по прежнему, и что на-

---

[1]) С. П. Шевыревъ провелъ три года въ Италіи и Швейцаріи, въ семействѣ извѣстной княгини З. А. Волконской, завѣдуя обученіемъ ея сына князя

мѣреваетесь писать трагедію: Ромулъ.—Я васъ полюбилъ на берегахъ Волги и не переставалъ любить на берегахъ Невы.

3.

Спб. 16 Декабря 1832.

Сказывалъ ли вамъ Пушкинъ, что Булгаринъ домогается княжескаго достоинства? Онъ утверждаетъ, что онъ князь Скандербегъ-Булгаринъ! Жаль, что вы остаетесь въ Москвѣ. Вы къ намъ бы пожаловали въ Питеръ: мы бы затѣяли какой нибудь дѣльный журналъ, что̀ есть общее желаніе.

4.

Спб. 7 Января 1833.

Посылаю вамъ Альціоны, прошлогоднюю и нынѣшнюю. Пушкину въ особенности нравится моя піеса: Зеркало Старушки. Онъ меня встрѣтилъ восторженнымъ восклицаніемъ: «Ваша Серафима—прелесть!» Но я съ нимъ ссорился за князей Горбатыхъ-Шуйскихъ: онъ отдаетъ преимущество предъ ними моимъ Тремъ Символамъ, говоря, что я живо напоминаю Шиллера, не будучи подражателемъ, и что сія піеса есть вѣнецъ въ этомъ родѣ. Вообще замѣчаю, что ему предпочтительно нравятся тѣ піесы у меня, кои не въ его духѣ, будто бы онъ не терпитъ ни малѣйшаго съ нимъ соперничества, даже при неизмѣримомъ неравенствѣ дарованій въ соперникѣ. Онъ рѣшительно ничего не пишетъ, освѣдомляясь только о томъ, что̀ пишутъ другіе.

5.

Спб. 17 Марта 1833.

Пушкинъ ко мнѣ слишкомъ благосклоненъ, а кромѣ него, есть на святой Руси только два записныхъ рецензента, мнѣніемъ коихъ весьма дорожу—вы да И. В. Кирѣевскій. Относительно сего послѣдняго, признаюсь вамъ, что мнѣ весьма было больно, когда онъ, разбирая въ своемъ журналѣ [2]) Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ, ни единымъ словомъ не упомянулъ о моихъ стихахъ, тамъ помѣщенныхъ. Кажется, Пастушій Рогъ въ Петербургѣ стоилъ бы помина. Сказать правду, я самъ не дорожилъ этой піесой и, написавъ ее, подумалъ: живетъ! Но покойный Гнѣдичь да Пушкинъ надоумили меня, что она выше обыкновеннаго. Какъ бы то ни было, молчаніе Кирѣевскаго тронуло того, кто совершенно равнодушно слушаетъ лай Полеваго. Смирдина Новоселье называютъ здѣсь Notre cent et un.

II. неизвѣстнаго лица.

(Писано въ Италію).

С.-П-бургъ, 18-го Апрѣля 1830 года.

Послѣ васъ было три замѣчательныхъ явленія, надѣлавшихъ много шума и толковъ: Исторія Русскаго Народа, Полеваго, Дми-

---

Александра Никитича, впослѣдствіи нашего посланника въ Дрезденѣ и въ Мадритѣ, скончавшагося 3 Апрѣля 1878 года въ Римѣ, человѣка обширной образованности и высокихъ нравственныхъ достоинствъ. П. Б.

[2]) Т. е. въ «Европейцѣ».

трій Самозванецъ, Булгарина и Юрій Милославскій, Загоскина. За двое первыхъ безъ грѣха можно бы было повѣсить Полеваго и Булгарина. Дерзость, невѣжество, смѣшеніе всѣхъ новѣйшихъ идей, нелѣпости и противорѣчія на каждой страницѣ: вотъ отличительныя черты новой Исторіи, между тѣмъ какъ для самой Исторіи ничего не сдѣлано, все въ томъ же видѣ, только съ примѣсью чего-то Полевовскаго; вездѣ является не народъ Русскій, а Николай Алексѣевичъ Полевой во всемъ блескѣ своемъ. До сихъ поръ только еще одинъ томъ вышелъ, а будетъ ихъ съ десятокъ!!! Не больно-ли смотрѣть на это? Русская Исторія, которая попадаетъ въ такія руки! Погодинъ написалъ не нее критику довольно дѣльную, но съ излишнимъ остервененіемъ; впрочемъ нельзя и писать объ ней безъ негодованія. Появленію Самозванца я съ нѣкоторой стороны радуюсь: онъ отразилъ всю душу Булгарина. Всѣ, даже защитники его, въ одинъ голосъ кричатъ противъ сего романа. Вообразите, что Выжигинъ предъ нимъ чудо. Но дѣйствительно, утѣшительное явленіе въ нашей литературѣ въ нынѣшнемъ году—это Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Я никогда не думалъ, чтобы Загоскинъ могъ такъ удачно написать что-либо въ семъ родѣ. Въ этомъ романѣ столько Русскаго, роднаго, оригинальнаго, что невольно привязываешься къ нему какъ къ другу. Съ нимъ сливаются также и нѣкоторыя пріятныя воспоминанія: Булгаринъ съ остервененіемъ напалъ на него, произошла перебранка по сему случаю между нимъ и В . . . . вымъ, и въ слѣдствіе сего за разныя ихъ дерзости и неприличія велѣно было, по высочайшему повелѣнію, разсадить по гаубвахтамъ этихъ двухъ молодцовъ и съ ними Греча, которые и высидѣли тамъ нѣсколько часовъ, въ утѣшеніе всѣхъ честныхъ людей и въ поученіе Полевыхъ съ братіею. Кстати: журнальныя партіи все тѣже: Полевой и Булгаринъ закадышные пріятели; но вышеозначенныя произведенія ихъ, а пуще всего дерзость, съ которою нападаютъ они на всѣхъ истинно достойныхъ людей,—положили на нихъ какую-то всеобщую и утѣшительную печать отверженія. Вообразите, что эти собаки, для которыхъ ничего нѣтъ священнаго, залаяли и на Пушкина, растерзавши сперва Дельвига. Недавно Булгаринъ въ Сѣв. Пчелѣ своей смѣшалъ Пушкина съ грязью: величалъ его и безсмысленнымъ, и злодѣемъ, развращающимъ народъ, и даже подлецомъ, шмыгающимъ въ переднихъ, чтобъ добиться шитаго мундира!! Каково вамъ это кажется!? Честное слово, я не преувеличиваю нисколько. Разумѣется, что все это онъ говорилъ иносказательно, но такъ, что всякій мужикъ пойметъ, о комъ дѣло идетъ. Пожалѣйте объ насъ несчастныхъ, объ Московскихъ въ Петербургѣ живущихъ, въ департаментахъ гніющихъ!...

III. СЕРГѢЯ ТИМОѲЕЕВИЧА АКСАКОВА.

1.

Москва, 1829 Марта 26.

Милый другъ Степанъ Петровичъ!

Не могу простить себѣ, что не писалъ къ вамъ въ Петербургъ. Мысль, что письмо васъ не застанетъ тамъ, затеряется—сначала меня остановила, а потомъ и время прошло. Мнѣ очень это досадно: я желалъ бы до выѣзда вашего изъ Россіи еще разъ напомнить вамъ о себѣ; а теперь новыя впечатлѣнія и мысли толпою кинулись

на васъ и не дадутъ вамъ полной свободы заняться воспоминаніемъ душевно преданнаго вамъ пріятеля. Благодарю васъ за дружескія приписки ваши: съ теплымъ чувствомъ сердечной и вѣчной привязанности къ вамъ читали ихъ не только я, жена, но и дѣти; возвратясь благополучно въ Россію, вы увидите, что у меня въ семействѣ и тѣ знаютъ васъ, которые и не помнятъ. Будьте здоровы, счастливы, соберите желанные плоды съ вашего путешествія и благополучно къ намъ возвратитесь—вотъ искреннее желаніе и молитва моя къ Провидѣнію. Пріятельскій кругъ нашъ осиротѣлъ безъ васъ; но дружба моя съ Михайломъ Петровичемъ [3]) сдѣлалась еще тѣснѣе. Онъ остается въ Москвѣ: это вѣрно. Вчера министръ прислалъ ему въ помощь 2000, и онъ назначаетъ ихъ на самое благородное употребленіе.

Теперь разскажу вамъ всѣ Московскія новости: Н. Ф. Павловъ перевелъ водевиль Старый Мужъ, и нѣкоторые куплеты недурны. Вышла стихотворная повѣсть г. Подолинскаго Борской и, не смотря на гладкіе, прекрасные стихи, трудно прочесть ее въ одинъ разъ: такая холодность, такой вздоръ въ драматическомъ отношеніи, что право совѣстно!

Съ недѣлю тому назадъ завтракалъ я съ Пушкинымъ, Мицкевичемъ и другими у Михаила Петровича. Первый держалъ себя ужасно гадко, отвратительно; второй — прекрасно. Посудите каковы были разговоры, что второй два раза принужденъ былъ сказать: «гг., порядочные люди и наединѣ и сами съ собою не говорятъ о такихъ вещахъ!» Вчера получили поэму Пушкина, которую онъ перекрестилъ изъ Мазепы въ Полтаву. Вчера же я прочелъ ее четыре раза и нашелъ гораздо слабѣйшею, нежели ожидалъ: есть мѣста превосходныя, но за то всѣ разговоры, всѣ чувствительныя явленія мнѣ не нравятся; даже описаніе, а особливо конецъ сраженія весьма неудачны; эпилогъ тоже. Однимъ словомъ, это стихотвореніе достойно Пушкина; но сказать, что онъ подвинулся впередъ, что Мазепа выше всѣхъ его сочиненій, по моему мнѣнію, никакъ нельзя.

Апрѣля 2-е, Вторникъ.

Четвертаго дня, т. е. въ Субботу, случилось комическое явленіе: Кокошкинъ собралъ экстра-ордин. собраніе общества [4]), вмѣсто приготовительнаго; я не ѣздилъ, и общество, по предложенію И. И. Давыдова, избрало Полеваго въ дѣйствительные члены! Изъ 12 избирателей, семеро были враги его—и выбрали единогласно! Выбрали въ то время, когда Университетъ потерпѣлъ за него оскорбленіе. Не доказываетъ-ли это, что личныя достоинства Пол. заставили молчать и злобу и зависть?... Дурацкая исторія! Я вышелъ изъ членовъ; вѣроятно всѣ профессора сдѣлаютъ тоже. Простите, милый другъ! Не забывайте насъ подъ небомъ чуждымъ.

Вотъ кто были члены: Кокошкинъ, Загоскинъ, М. Г. Павловъ, Раичъ, И. Калайдовичъ, Макаровъ, Каразинъ, Давыдовъ, Масловъ, Василевскій; остальныхъ не помню.

---

[3]) Погодинымъ.

[4]) Общество Любителей Россійской Словесности.

2.

1829, Октября 25 дня.

Письма ваши, милый, любезный Степанъ Петровичъ, и ко мнѣ и не ко мнѣ писанныя, восхищаютъ меня всегда. Благодарю васъ за дружескую память; вы не ошибаетесь въ моихъ чувствахъ къ вамъ: права̀ отсутствующаго друга для меня милѣе и священнѣе правъ друзей присутствующихъ. Всякой день переношусь воображенiемъ къ вамъ: вижу, какъ вы осматриваете Помпею, глядите на Тибръ, на гробницу Адрiанову; сердцемъ постигаю ваши чувства и угадываю что̀ думаетъ и о чемъ мечтаетъ ваша умная, пылкая головушка. Въ присланныхъ вами письмахъ много нахожу истинно-высокаго и прекраснаго, не безъ примѣси иногда темнаго, мечтательнаго. Теперь поговорю съ вами подробно о Вадимѣ [5]): онъ лежитъ у меня на сердцѣ. Жалко смотрѣть на музыкальную жажду Алексѣя Николаевича[6]), которую удовлетворить покуда нельзя еще. Мудрено вполнѣ объясниться на такомъ разстоянiи, но я попробую. Я никогда не оскорблю васъ мыслiю, что вы можете подосадывать на наши замѣчанiя; при всемъ вашемъ талантѣ, умѣ, прекрасныхъ стихахъ и счастливыхъ (драматически) мысляхъ, Вадимъ, въ теперешнемъ его видѣ, не можетъ явиться на сцену и даже въ печать. Ваша неопытность — единственная тому причина. Театръ не терпитъ отвлеченныхъ мыслей, темноты, да и цензура не пропуститъ Вадима. Владимiра нельзя вывести на сцену: развѣ Олега или Святослава? Преображенiя дѣвъ и Вадима также не позволятъ. Видя собственное наше незнанiе сцены, будучи многимъ недовольны, не зная почему, мы рѣшились прочесть вашу оперу кн. Шаховскому. Онъ принялъ въ ней живѣйшее участiе, съ жаромъ два раза со мною читалъ ее и открылъ намъ всѣ сценическiя тайны; его опытность, нерѣдкое паденiе и торжество, заставляютъ имѣть къ нему довѣренность.

У меня вошла въ голову мысль, которую д р у г i е не осмѣлятся предложить вамъ, и я не предложилъ бы ее д р у г о м у. Вы писали оперу не для славы; вы приносите благодарную жертву дружбѣ и доставляли случай для проявленiя музыкальнаго таланта Верстовскому. Довершите же свое начало, отдайте мнѣ въ полное распоряженiе Вадима. Ваша высокая мысль не можетъ быть съ успѣхомъ выражена на сценѣ, еще менѣе въ оперѣ; я боюсь, что переписка объ разныхъ перемѣнахъ оттянетъ дѣло весьма далеко. Уполномочьте насъ на всѣ перемѣны и перестановки, сообразно сценѣ и музыкѣ. Будьте увѣрены, любезный другъ, что несогласiе ваше на нашу просьбу не можетъ возбудить какой нибудь досады во мнѣ. И такъ предаю все на вашу волю. Ждемъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта.

Въ литературѣ у насъ кромѣ срамной полемики ничего нѣтъ. Сумашествiе К. Калайдовича прошло. Хлопочемъ, какъ бы пособить

---

[5]) С. П. Шевыревъ написалъ либретто для оперы подъ названiемъ В а д и м ъ, заимствовавъ содержанiе изъ извѣстной поэмы Жуковскаго. Послѣ разныхъ передѣлокъ, уже лѣтъ черезъ 20, если не больше, дана была на сценѣ эта опера (музыка Верстовскаго), но подъ названiемъ Г р о м о б о й. Она не имѣла успѣха.

[6]) Верстовскаго.

его совершенному выздоровленію. На сихъ дняхъ пріѣхалъ Гумбольтъ: зараза выгнала его изъ степей Киргизскихъ. Сегодня даютъ ему вечеръ въ залѣ Благороднаго Собранія.

3.

1830 года Мая 12 дня. Москва.

.... Увѣдомляю васъ, что въ послѣдніе три дня кончилось кромсанье Вадима, по общему плану; теперь начнется другое кромсанье—по частнымъ требованіямъ Верстовскаго, который высохъ было съ тоски надъ оставленнымъ и недоконченнымъ Вадимомъ. Забудьте, милый Степанъ Петровичъ, что вы написали эту піесу; вообразите, что вы подарили пріятелю перстень, котораго онъ иначе не могъ носить, какъ передѣлавши его по своему пальцу. Тѣмъ не менѣе подарокъ вашъ для него важенъ. На счетъ же журналистовъ мы возьмемъ свои мѣры. Нынѣшнею зимою я имѣлъ неудовольствіе за одну пустую статью, напечатанную въ Московскомъ Вѣстникѣ, которая не понравилась правительству; теперь нѣсколько опасаюсь, чтобъ это не повредило моей службѣ.

... Естьлибъ не дѣти—съ радостію убѣжалъ бы на Уралъ, ибо и безъ того

Въ нашъ дикой край лечу душою,
Въ просторъ степей, во мракъ лѣсовъ,
Гдѣ опоясаны дугою
Башкирскихъ шумныхъ кочевьевъ,
Съ ихъ безконечными стадами,
Озера свѣтлыя стоятъ;
Гдѣ въ ихъ кристалъ съ холмовъ глядятъ
Собравшись кони табунами;
Гдѣ быстрый катится Уралъ,
Подъ тѣнію Рифейскихъ скалъ!...

Вотъ вамъ и стихи, мой возлюбленный. Весною такъ стало грустно мнѣ по деревнѣ, что я написалъ строфъ десятокъ и одну вамъ сообщилъ.

Словесность наша въ самомъ отвратительномъ положеніи; это рынокъ, торгъ, казенная палата! Все для видовъ, нѣтъ искренняго слова, мнѣнія, взгляда. Полемика—гнусна.

Романъ Загоскина имѣетъ большое достоинство: воображеніе, жизнь, теплоту и веселость, но часть художническая—въ младенческомъ положеніи; глубины также нѣтъ.

Загоскинъ пишетъ другой романъ: Славской (или Славинъ) или Русскіе въ 1812 году. Это предпріятіе весьма трудное. Я читалъ эпизодическіе разсказы военныхъ пріятелей и — восхитился! Это прелесть: смѣшно, любопытно и страшно; но частная красота можетъ составлять даже безобразную черту въ цѣломъ уродѣ.—Что̀ вы думаете о нашемъ предпріятіи на счетъ журнала? Правда, вы не знаете Надеждина; это драгоцѣнный камень, но чертъ знаетъ, не лопнетъ-ли онъ отъ шлифовки, выдержитъ-ли грань? Въ добавокъ мы всѣ четверо не журналисты. Впрочемъ я не отвергаю успѣха и охотно буду дѣйствовать, если должность не помѣшаетъ. Не могу утерпѣть и сообщу вамъ одну мою мысль. Театръ Русскій оставленъ

публикою совершенно: никто не ѣздитъ, никакія піесы, никакая игра, никакія приманки не дѣйствуютъ. Между тѣмъ много есть доказательствъ, что не недостатокъ денегъ тому причиной. Что же? По моему надобно создать новый театръ, народный. Всѣ рамки и условія къ чорту! Начать съ низкаго рода, съ низшаго сословія (ибо нѣтъ еще актеровъ для хорошаго тона). Нашъ репертуаръ—Лоскутный рядъ; свое тоже выкроено по чужой мѣркѣ; разныхъ опытовъ (кромѣ народнаго) было много, большая часть неудачныхъ... Только, Христа ради, забудьте Нѣмецкій мистицизмъ: онъ противенъ Русскому духу.

. . . Всѣ наши Субботники вамъ кланяются и обнимаютъ васъ. Погодинъ теперь у насъ владѣтельный герцогъ въ княжескомъ своемъ домѣ [7]).

. . . Другъ Видока-Булгарина, его достойный, Адольфъ Жермани изъ третьяго дѣйствія Жизни Игрока, и наружностью и душою, однимъ словомъ Ушаковъ, написалъ на меня такой гнусный пасквиль за переводъ Скупаго, котораго я не желаю читать вамъ, ибо вы, любя меня, оскорбитесь. Естьлибъ не куча дѣтей, то надобно бы драться съ нимъ, или просто бить его. И въ добавокъ никто изъ журналистовъ ни слова!

Прошло много лѣтъ. С. П. Шевыревъ отдался совершенно своей наукѣ, и сношенія его съ С. Т. Аксаковымъ сдѣлались рѣже и холоднѣе. Уже гораздо позднѣе общая дружба къ Гоголю снова нѣсколько сблизила ихъ. Нижеслѣдующія письма относятся къ тому времени, когда издавались посмертныя сочиненія Гоголя.

4.

(1852).

Отъ всей души благодарю васъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, за письмо ваше и за извѣщеніе о бумагахъ покойнаго друга нашего. Все найденное вами драгоцѣнно для нась и все свидѣтельствуетъ изъ какихъ трудовъ и святыхъ стремленій состояла непорочная жизнь его!... Его обращеніе къ друзьямъ такъ взволновало мою душу, что я не скоро пришелъ въ состояніе его дослушать. Каждое слово въ немъ—святая правда и священный залогъ его къ намъ дружбы. Жаль, что не было извѣстно при его кончинѣ завѣщаніе матери и сестрамъ; тогда легче было бы перевезть тѣло покойнаго въ Васильевку (чего, по моему, очевидно, желалъ онъ); а теперь, при какомъ-то безумномъ гоненіи имени Гоголя, вѣроятно это встрѣтитъ много затрудненій.

Еще разъ благодарю отъ глубины сердца за вашу дружескую поспѣшность—подѣлиться со мной вашими чувствами и прекрасными намѣреніями; дай Богъ вамъ совершить ихъ благополучно. Хотя я предполагалъ, что открытіе и разборъ бумагъ будутъ произведены въ присутствіи Погодина, васъ, меня и Хомякова, но сыновья объяснили мнѣ причину, по которой все было сдѣлано именно такимъ образомъ. Впрочемъ, я вполнѣ признаю, что одного вашего присутствія для этого было достаточно, ибо увѣренъ, что вы не допустили никого читать частную переписку Гоголя. Меня бы очень огорчило, еслибъ сторонніе люди стали читать мои письма. Въ нихъ много есть такихъ рѣзкихъ выраженій о самомъ Гоголѣ и о другихъ

---

[7]) М. П. Погодинъ купилъ тогда домъ князя Тюфякина на Мясницкой (противъ Фуркасовскаго переулка, нынѣ Новосильцева).

близкихъ ему людяхъ, что ихъ никому читать не должно; я нерѣдко писалъ въ сильномъ волненіи, которое часто доводило меня до излишествъ, крайностей, о чемъ я теперь очень сожалѣю. Конечно, всѣ бумаги покойнаго принадлежатъ его наслѣдникамъ, т. е. его сестрамъ; но онѣ, разумѣется, предоставятъ въ наше полное распоряженіе свое литературное наслѣдство, и я прошу васъ передать мои письма которому нибудь изъ моихъ сыновей. Я знаю, что для составленія полной біографіи Гоголя, которая, по моему мнѣнію, можетъ быть напечатана весьма нескоро и которую, безъ сомнѣнія, должны написать вы,—будутъ нужны и мои письма, за исключеніемъ всего того, что̀ касается собственно до насъ и нисколько не касается до публики; но мы устроимъ это вмѣстѣ съ вами.

Не одинъ разъ слышалъ я отъ Гоголя, какъ возмущалась душа его, когда послѣ смерти какого-нибудь замѣчательнаго писателя, предавали тисненію все оставленное имъ ненапечатаннымъ, тогда какъ не было прямыхъ указаній, что авторъ хотѣлъ напечатать, но не успѣлъ. У насъ есть указанія совершенно тому противныя: въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой, Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать втораго тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать. Сожженіе на бѣло переписанныхъ главъ втораго тома какъ нельзя больше подтверждаетъ эти слова. И такъ, разсудите сами, слѣдуетъ ли ихъ печатать? Найденныя вами черновыя тетради, очевидно забытыя Гоголемъ, должны быть самыя давнишнія. Только про первую главу втораго тома онъ сказалъ мнѣ, что она получила послѣднее прикосновеніе, была тронута кистью художника, говоря техническимъ языкомъ живописцевъ. Онъ сказалъ это потому, что, при вторичномъ чтеніи той же главы для моего сына Ивана, я замѣтилъ многія измѣненія. Повторяю: какъ же печатать послѣ этого черновую, въ послѣдствіи, можетъ быть, совершенно измѣненную рукопись? Мы нарушимъ послѣднюю волю или художника или христіанина... Но я вижу, что конца не будетъ моему письму. Намъ надобно увидѣться и поговорить вмѣстѣ съ Мих. Петр. Я подробно изложу вамъ обоимъ мои мысли, а вы можете поступить, какъ заблагоразсудите.

Благодарю васъ за добрый отзывъ о моей книгѣ [8]), работа за ней доставила мнѣ много удовольствія. Я не ожидалъ, чтобъ она произвела такое общее сочувствіе и вполнѣ имъ утѣшенъ.

5.

1852 г. 19 Ноября. Абрамцево.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, за сообщеніе мнѣ Авторской Исповѣди Гоголя. Вы сами можете себѣ представить, что̀ я чувствовалъ, когда слушалъ ее! Она непосредственно относится ко мнѣ. По крайней мѣрѣ я нашелъ въ ней полный отвѣтъ на каждое слово моихъ укорительныхъ писемъ.... Но прошедшаго не воротишь. Возвращаю вамъ рукопись съ нарочнымъ и вѣрнымъ человѣкомъ. Если можно, то сообщите что нибудь оставшееся послѣ нашего незабвеннаго друга. Я почти два мѣсяца усердно занимаюсь составленіемъ біографіи Загоскина и только что кончилъ ее въ чернѣ. Я долженъ былъ для этого прослушать всѣ сочиненія Загоскина

[8]) «Записки Ружейнаго Охотника».

безъ исключенія. Надѣюсь въ Декабрѣ прислать ее въ Москвитянинъ; только опасаюсь хлопотъ съ цензурой. Скажите пожалуста, въ какомъ положеніи печатаніе сочиненій Гоголя. Неужели не въ шутку, а серьозно запрещены они? Право не вѣрится. Я слышалъ, какъ много вы трудитесь. Помоги вамъ Богъ и подкрѣпи ваше здоровье! Какъ разсердилъ меня Данилевскій неумѣстнымъ помѣщеніемъ въ газетахъ писемъ Гоголя.

IV. КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО

1.

(1836).

Это письмо, любезный Степанъ Петровичъ, отдастъ тебѣ Мауреръ, извѣстный скрипачъ. Какъ ты въ дружбѣ и въ сочувствіи съ кн. Шаликовымъ, то сдѣлай милость пошли въ Московскія газеты статейку предварительную о концертѣ, который будетъ данъ Мауреромъ и его двумя сыновьями. Вообрази себѣ, что этотъ человѣкъ единственный хорошій въ Петербургѣ музыкантъ, не получилъ здѣсь дня для концерта и принужденъ для этого ѣхать въ Москву, ибо дѣла его разстроены, и онъ обремененъ семействомъ. Увѣряю тебя музыкальною честью, что онъ на руку охулки не положитъ и сдержитъ больше нежели что̀ вы про него скажете. Если я успѣю, то пришлю статейку въ Наблюдатель о его сыновьяхъ, которые по мнѣнію всѣхъ знатоковъ далеко превосходятъ Ейхгорновъ, ибо въ ихъ игрѣ выраженіе незаученное, но то выраженіе, которое рождается во время игры и дѣлаетъ исполненіе истинно-художническимъ произведеніемъ, а не серинеткою. Если ты видаешься съ Надеждинымъ, то попроси и его отъ меня, хотя я предъ нимъ и виноватъ, чтобы въ Москвѣ онъ что-нибудь сказалъ бы о Мауреръ и особенно о его сыновьяхъ. Кстати скажи Полевому, что стыдно ему было ко мнѣ не заѣхать въ Петербургѣ, что я звалъ его чрезъ Краевскаго, которому послѣ моихъ словъ не удалось съ нимъ увидѣться; неужели онъ меня до сихъ поръ такъ мало знаетъ и не вѣритъ, что я всякія жизненныя отношенія ни въ грошъ не ставлю? Напомни ему, что я, не зная, въ какихъ вы съ нимъ сношеніяхъ, согласился участвовать въ Наблюдателѣ лишь съ условіемъ, чтобъ на него не нападали. Такія вещи меня бѣсятъ. Пушкинъ издастъ Современникъ, въ которомъ и я нѣсколько участвую. Онъ написалъ разборъ твоей Исторіи Поэзіи, которую я читалъ съ величайшимъ наслажденіемъ; это первая въ самомъ дѣлѣ книга на Русскомъ языкѣ.

..... Къ вамъ будетъ въ Москву еще музыкантъ Штейнъ, человѣкъ 18 лѣтъ, фортепьянистъ и импровизаторъ, какого я еще никогда не слыхивалъ. Я сейчасъ только съ музыкальнаго вечера у графа Вьельгорскаго. Штейнъ привелъ въ восторгъ всѣхъ лучшихъ музыкантовъ, которые собираются на эти вечера.

2.

Это письмо доставитъ къ тебѣ, любезный Степанъ Петровичъ, г. Рифо, человѣкъ очень интересный, прожившій лѣтъ двадцать въ Египтѣ, рывшійся въ пирамидахъ, вокругъ пирамидъ и едва ли не на ихъ верхушкѣ. Надобно только растолкать его вопросами—это живой словарь. Онъ человѣкъ очень наблюдательный, и ему хочется

посмотрѣть Москву съ головы до ногъ съ приличными коментаріями и объясненіями. Для сего сведи его съ Погодинымъ, и пусть онъ его сводитъ въ Кремль, въ Оружейную Палату и на прочія Московскія диковинки. Кстати возьми у него изъ его книги о Египтѣ статью для своего журнала [9]); это ему будетъ пріятно, потому что огласитъ болѣе то изданіе, которое онъ предпринялъ.

.... Вамъ вѣдь хорошо на боку лежать и выдавать Наблюдатель въ видѣ романа Мопра, а насъ несчастныхъ такъ тормошатъ со всѣхъ сторонъ, некогда спать. Меня журналисты и альманашники растащили на части, я имъ бросилъ свой портфель въ голову, а ужъ что̀ они изъ него повытаскали, самъ не знаю. Полевой здѣсь издаетъ С. Пчелу и Сынъ Отечества; но раздавленъ со всѣхъ сторонъ и противниками, и своими сонегоціантами, такъ что мнѣ жаль его стало, и я по рыцарскому великодушію обѣщалъ ему статью въ Сынъ Отечества. Его Уголино имѣлъ въ Петербургѣ успѣхъ необычайный; автора вызывали два раза; Каратыгина разъ шесть кажется, я уже счетъ потерялъ. На сценѣ эта драма въ самомъ дѣлѣ недурна; интересъ не простываетъ; характеры рѣзко оттѣняются; я не подозрѣвалъ въ Полевомъ такого таланта. Дуренъ и лишній 5-й актъ, но первые четыре безъ сомнѣнія выше всѣхъ драмъ Дюма и всѣхъ антитезическихъ характеровъ Гюго. Такое впечатлѣніе произвела эта драма на меня при первомъ представленіи. Много художническихъ ошибокъ, много чужаго, но все это заплываетъ въ общемъ интересѣ.

..... Прощай, некогда писать, работы бездна: я несу на своихъ плечахъ Журналъ Министер. Внутр. Дѣлъ, а теперь сажаютъ меня въ Ученый Комитетъ Министерства Государств. Имуществъ: вѣдь ты знаешь, что я теперь почти уже не литераторъ, а химикъ и механикъ. Встрѣтишь такого народа въ Москвѣ--говори имъ, чтобъ присылали въ Ученый Комитетъ нашъ: будетъ принято съ благодарностію, и автора замѣтятъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вѣроятно къ этому времени относятся слѣдующія стихи, которые С. А. Соболевскій сочинилъ на своего пріятеля князя В. Ө. Одоевскаго. По порученію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ князь Одоевскій долженъ былъ заняться изысканіемъ мѣръ противъ появившагося въ поляхъ какого-то вреднаго насѣкомаго. По обыкновенію своему онъ началъ читать все относящееся къ этому предмету, случайно напалъ на Эразма Ротердамскаго, занялся имъ, не могъ при этомъ оставить и музыку, которой въ особенности былъ преданъ и въ заключеніе бросилъ первоначальную цѣль, отвлеченный новыми занятіями и разысканіями.

Случилося во время-óно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ Комитетъ Ученый
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ.

*

Соображая этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,—
Что въ Ротердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.

*

[9]) Т. е. для Московскаго Наблюдателя, который издавался Андросовымъ, при ближайшемъ участіи С. П. Шевырева.

Его послѣдуя примѣру,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ
Таинственно главой поникъ.

*

«Комаръ», ты говоришь, «въ естественномъ значеньи,
Есть просто Божья тварь;
А въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ онъ звонарь».

*

«И такъ какъ онъ паденьемъ въ полѣ
Лѣсамъ не причинилъ вреда,
Предать тотъ случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда».

Разумѣется, что стихи эти—дружеская шутка, позабавившая самаго князя Одоевскаго. П. Б.

3.

Вы, пресмѣшные люди господа Москвичи: не понимаете, что публикѣ толстыхъ книжекъ читать некогда, а въ тоненькой все въ глаза бросается; къ тому же прекрасный I. [10]) человѣкъ нужный: по крайней мѣрѣ есть куда плюнуть, а иногда онъ и между пальцами полижетъ, что̀ бываетъ очень пріятно; инаго языкомъ, другаго кошелемъ. И отъ того немудрено, что публика сноситъ терпѣливо, когда онъ васъ ругаетъ, а на васъ нападаютъ, когда откликнетесь; только теперь вѣрный конь его спотыкается:, стиховъ нѣтъ. Вотъ горе! Бродитъ по цѣлому городу съ кошелемъ и кричитъ: полкошеля за стихъ! Только, говорятъ, и кошель пустѣетъ: такъ прилежно сосетъ его прекрасный младенецъ, опутавшій его съ ногъ до головы денежными разсчетами. Все это и гадко, и жалко, и прискорбно. Что̀ пишешь о недоумѣніяхъ Московской цензуры, должно было ожидать, и этому помочь нельзя: глупая статья Ч. [11]) затворяетъ ротъ всякому, кто бы хотѣлъ вступиться за литературу. Какъ мнѣ жаль, что я не успѣлъ прежде окончить печатаніе моего Дома Сумасшедшихъ; два года тому назадъ, не имѣя почти никакого понятія о мысляхъ Ч., я написалъ эпилогъ, заключающій книгу и какъ будто нарочно совершенно противуположный статьѣ Ч.; то, что̀ онъ говоритъ объ Россіи, я говорю объ Европѣ и наоборотъ. Ты знаешь мою мысль, о которой я намекнулъ мимоходомъ въ Введеніи къ Дому Сум. (смотри въ Библ. для Чтенія: «Кто сумасшедшій») и въ «Русскихъ Ночахъ» о томъ, что Россія должна такое же дѣйствіе произвесть на ученый міръ, какъ нѣкогда открытіе новой части свѣта, и спасти издыхающую въ Европейскомъ рубищѣ науку. Если бы эта статья появилась въ

---

[10]) Вѣроятно говорится объ Іосифѣ Ивановичѣ Сенковскомъ, человѣкѣ невзрачной наружности.

[11]) П. Я. Чадаева «Философскія письма», изъ-за которыхъ былъ запрещенъ Телескопъ, сосланъ его издатель Н. И. Надеждинъ и отрѣшенъ отъ должности цензоръ профессоръ Болдыревъ.

одно время съ Ч., то можетъ быть elle aurait neutralisé son effet[12]), и по крайней мѣрѣ правительство бы увидѣло, что на одного сумасшедшаго есть тоже человѣкъ по крайней мѣрѣ несумасшедшій. Теперь уже поздно. И досадно, и грустно!

17 Ноября 1836.
Спб.

.... Вяземскій хочетъ здѣсь издать Сѣверные Цвѣты; кажется, будетъ не дурна книжка.

4.

.... Чтò надѣлалъ Надеждинъ? Какъ до такой степени не знать своего дѣла? Виноватъ одинъ, а естественно падаетъ на всѣхъ; ни въ чью душу не взлѣзешь, и неосторожность легко смѣшиваютъ съ злонамѣренностію. Здѣсь объ этомъ такой трезвонъ по гостиннымъ, что ужасъ; и чтó всего досаднѣе, вступиться нельзя: явная глупость въ самой статьѣ, а еще бòльшая въ напечатаніи оной. Ясно вижу, хотя и не понимаю отъ чего, журнала въ Москвѣ издавать нельзя: у васъ Москвичей такое незнаніе о томъ, чтò дѣлается на Руси! Такое незнаніе струнъ, которыхъ нельзя трогать! Вздора ваши цензоры не пропускаютъ и задумываются на самой невинной фразѣ, а вдругъ брякнутъ торжественно, что мы должны быть подданными Папы! Сами вы, господа, тиснули недавно, что человѣчество не происходитъ отъ Адама. Какъ вамъ не бросилось это въ глаза? Горе да и только! Продавайте Наблюдатель Плюшару; вотъ все, чтò вамъ остается дѣлать, и да не будетъ въ Москвѣ ни одного журнала, по крайней мѣрѣ мы не будемъ трепетать за васъ при полученіи каждой книжки.

Прощайте. Горько жить на семъ свѣтѣ.

30 Декабря 1836.

Успокой семейство Н. Я не думаю, чтобъ онъ лично пострадалъ, но нагоняй будетъ, какъ видно по общему мнѣнію, порядочный. Всѣхъ издателей собирали въ Комитетъ, чтобъ имъ объявить о запрещеніи Телескопа[13]).

V. М. И. ГЛИНКИ.

1.

Неаполь, 10 Ноября 1831.

До меня дошли дурныя вѣсти, милый другъ мой: говорятъ, что ты оставляешь Италію, и скоро. Неужели я болѣе не увижусь съ тобою до возвращенія въ Россію? Ужели счастливые дни, проведенные съ тобою въ Римѣ, не возобновятся болѣе? Твоя дружба такъ разогрѣла мое почти охладѣвшее сердце, что я снова воскресъ для изящныхъ и высокихъ впечатлѣній. Здѣсь же снова начинаю погружаться

---

[12]) Она бы ослабила дѣйствіе статьи Чадаева.

[13]) Самъ князь Одоевскій, служа при графѣ Блудовѣ, участвовалъ въ составленіи Цензурнаго Устава 1828 года, того Устава, про который И. В. Кирѣевскій выразился, что плодотворное значеніе его важнѣе нашихъ тогдашнихъ завоеваній въ Турціи (см. Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, I, стр. 19). Уставъ этотъ впослѣдствіи былъ совершенно искаженъ.

въ равнодушіе ко всему, даже къ прелестямъ самой природы; ибо здѣсь не съ кѣмъ подѣлиться чувствами. Если бы не княгиня Софья Григорьевна Волконская [14]), которая приняла насъ подъ свое покровительство, мы бы, кажется, погибли въ этомъ огромномъ чуждомъ для насъ городѣ. Здѣсь все на этикетѣ. Признаюсь, что Неаполь, не смотря на чудесную красоту мѣстоположенія, мнѣ antipatico, отчасти по нѣкоторому сходству съ ненавистнымъ мнѣ Петербургомъ, отчасти и потому, что я въ немъ нахожу мало Итальянскаго.

Твой на вѣки
М. Глинка.

2.

Неаполь, 22 Ноября (1831).

Не думай, чтобы сердце мое было столь же легко, сколько голова. Нѣтъ, другъ мой, я надѣюсь быть способнымъ къ истинной дружбѣ. Ты не повѣришь, какое сильное впечатлѣніе оставила эпоха нашего свиданія въ Римѣ. Твой скоропостижный отъѣздъ похищаетъ у меня любимую мечту; я здѣсь въ Неаполѣ жилъ токмо ею, ибо здѣсь мнѣ очень, очень грустно. Не знаю почему, но мнѣ все кажется, что я въ Петербургѣ. Стройный видъ чисто окрашенныхъ домовъ, множество мундировъ (къ которымъ глазъ мой никакъ не хочетъ привыкнуть), сильно напоминаютъ мнѣ ненавистную для меня сѣверную столицу нашу, гдѣ я страдалъ столько времени. Въ продолженіе моего путешествія я не встрѣчалъ еще мѣста, которое бы для меня было противнѣе Неаполя. Невѣжество и этикетъ—вотъ характеристика здѣшняго и иностраннаго общества. Къ тому же ни въ лицахъ, ни въ языкѣ я не встрѣчаю Итальянскаго типа.

Въ добавокъ ко всему этому и самый климатъ Неаполя, столь благодѣтельный для большей части страдальцевъ, сюда съѣзжающихся, едвали будетъ для меня полезенъ. До сихъ поръ я не могу привыкнуть къ здѣшнему электрико-сѣрному воздуху; онъ такъ сильно дѣйствуетъ на мои нервы, что я съ самаго сюда пріѣзда не спалъ почти ни одной ночи и, сколько мнѣ то извѣстно по опыту, едвали буду въ состояніи привыкнуть. Съ самаго дѣтства, а особенно послѣ претерпѣнныхъ мною сильныхъ недуговъ, нервы мои столь чувствительны къ дѣйствію электричества, что въ ясную лѣтнюю погоду даже въ Россіи безсонница доводила меня до сильнѣйшихъ спазмъ. Я почти увѣренъ, что мнѣ доведется разстаться съ Неаполемъ.

Единственной для меня отрадой служатъ прогулки въ Виллѣ и окрестностяхъ города. Я намѣренъ все осмотрѣть здѣсь, чтобы послѣ, въ случаѣ отъѣзда, не пенять на себя. Время мнѣ благопріятствуетъ, и теплая погода, изрѣдка токмо прерываемая дождями, не позволяетъ думать, чтобы теперь была уже зима. Въ самомъ дѣлѣ Неаполь долженъ быть раемъ для того, кто можетъ обитать въ немъ съ милыми сердцу. Ивановъ тебѣ усердно кланяется.

IV. А. А. ИВАНОВА.

....Радѣя къ возможному распространенію славы господина Бруни, мы, художники, предъ отъѣздомъ его изъ Рима (что̀ было 31 Апрѣля) предложили ему напечатать въ какомъ либо изъ отечественныхъ

---

[14]) Супруга министра двора и сестра декабриста князя С. Г. Волконскаго

журналовъ разборъ его картины Мѣдный Змѣй, помѣщенный въ здѣшнемъ журналѣ подъ названіемъ Тиберино, первая треть коего уже извѣстна Бруни. Онъ съ чувствомъ благодарности согласился на наше предложеніе, а мы, зная вашу къ нему привязанность, рѣшились просить васъ всепокорнѣйше произвести въ дѣйствіе намѣреніе наше. По отличному вашему знанію языка Итальянскаго, мы совершенно увѣрены, что статья сія будетъ передана во всей своей точности и силѣ. Намъ бы также весьма пріятно бы было, еслибъ сей переводъ появился въ Русскомъ журналѣ прежде пріѣзда Бруни въ Петербургъ такъ, чтобы это было и для него самого неожиданно и ново.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію къ услугамъ всегда готовый Александръ Ивановъ.

Римъ, Іюня 24.
1836.

VII. А. С. ХОМЯКОВА.

1.

(1847).

Виноватъ, любезный другъ, что пропустилъ почту, не отвѣчавъ тебѣ. Собрался было, а тутъ погода вышла теплая и тихая: пришлось ѣхать въ поле, а къ вечеру отъ скачки всего переломало, такъ и прогулялъ почту. Мнѣ очень досадно, что тебя не удалось мнѣ видѣть; мы обо многомъ поговорили бы съ тобою, — ну, да это еще будетъ, когда пріѣду на зиму въ Москву. Впрочемъ, если ты полагаешь, что я уѣхалъ такъ проворно, чтобы не выговориться, а собраться съ силами, да написать, такъ ты ошибаешься. Я смертельно радъ все высказать на словахъ, а къ письму не чувствую ни малѣйшаго позыва, и если бы кто потребовалъ отъ меня разсказа о моемъ путешествіи, то я просто не былъ бы въ состояніи исполнить это требованіе. Поэтому и статьи никакой обѣщать не могу; да и правду сказать, кажется, я кончилъ свое статейское поприще. Былъ у меня циклъ мысли, который мнѣ хотѣлось, или лучше сказать, который я считалъ себя обязаннымъ высказать: я это сдѣлалъ и не чувствую ни малѣйшаго желанія бесѣдовать съ публикою, для которой, кажется, все равно, чтò ни писано. Едва-ли Петрушка не первообразъ Русской публики. По крайней мѣрѣ невольно склонишься къ этому мнѣнію, когда прислушаешься къ ея толку и суду. Такъ напр. я недавно слышалъ, что статьи Самарина хороши дескать, да темны и неосновательны, а Кавелинская, хоть и не такъ хорошо писана, за то основательна и послѣдовательна. Горе беретъ съ такими читателями. Впрочемъ, конечно не то причиною, почему я отказываюсь отъ статей. Будь поводъ или предлогъ къ статьѣ истинно важной, я бы охотно взялся за перо и если напишется сводная статья для пополненія прежнихъ, то разумѣется я ею поклонюсь Москвитянину. Только не знаю, годится-ли она такъ, какъ она будетъ, въ видѣ послѣсловія, а слѣд. едва-ли годится въ журналъ. Впрочемъ это увидимъ тогда. Но, любезный другъ, вы для меня непонятны. Скажите пожалуйста, слыхано-ли, чтобы человѣкъ, который собирается вербовать въ деревнѣ вольницу, ходилъ по улицѣ, да по щекамъ билъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы къ нему пойти въ охотники? Гдѣ будетъ вашъ полкъ, когда *** отхваталъ на славу и безъ вся-

кой вины съ ихъ стороны лучшихъ работниковъ? Меня зло взяло, когда я услышалъ про всю эту продѣлку. Я увѣренъ, что Чижовъ съ нынѣшняго года еще не можетъ приняться за изданіе, но съ другой стороны и не понимаю, какъ можетъ пойти изданіе у ***. Не думай, чтобъ я оправдывалъ отвѣты, напечатанные ему; однакожъ я долженъ признаться, что извинительны тѣ, у кого терпѣніе лопнуло. Я совсѣмъ бы не сталъ говорить про всю эту брань, если бы не говорили мы о журналѣ; говоря же о журналѣ, не могу не спросить: какія вы нашли новыя средства, лишивши себя всѣхъ прежнихъ? Не сердись за то, что я пишу вы. Я очень знаю, что ты тутъ ничѣмъ невиноватъ; но знаю также, что, взявшись за дѣло, ты потянешь изо всѣхъ силъ и вижу тебя къ концу будущаго года исхудалымъ, изможженнымъ и растратившимъ свои силы на безнадежный трудъ. Скажешь: не сложить же руки и глядѣть, какъ со всѣхъ сторонъ бьютъ и ругаютъ! Правда, да нѣтъ-ли другихъ путей? Не лучшели-ли тебѣ или кому другому пустить еще въ ходъ книги двѣ Сборника. Критика запрещена въ Сборникахъ. Хорошо! При книгѣ объявить продажу за пятачекъ такого-то и такого-то разбора [15]) отдѣльными брошюрами. Я не совѣтую такъ сдѣлать; я только на твое сужденіе представляю одно средство, а можетъ быть вы придумаете десять другихъ лучше. Но на Москвитятинъ надѣяться мнѣ кажется невозможнымъ. Впрочемъ я всегда буду вашимъ, во сколько могу. Если я и тебѣ и Чижову отказываю въ статьяхъ, конечно это не по равнодушію къ дѣлу или къ людямъ, стоящимъ за это дѣло. Къ несчастію я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ меня отъ труда постояннаго [16]), и поэтому я долженъ только тогда позволять себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необходимость высказать свою мысль.

Живу я въ деревнѣ хорошохонько и тихохонько. На дняхъ пишу къ Жуковскому и посылаю ему предисловіе и введеніе къ вещицѣ (не моей), которую онъ хочетъ перевести и издать въ Германіи.

2.

Посылаю тебѣ, любезный Шевыревъ, еще переводъ для доставленья Марміе. Этотъ переводъ сдѣланъ, какъ ты знаешь, Павловою и весьма вѣренъ. Можетъ быть, ему любопытно будетъ знать, чѣмъ мы желаемъ блеснуть, и что матерьяльная сила для насъ не идолъ.

3.

. . . Аксакову досталось отъ О. З. [17]); да онѣ, кажется, уже готовы и отъ Гоголя отступиться. Что за глупый народъ! У нихъ на одномъ ряду Сервантесъ, Байронъ, Жоржъ Зандъ и Беранже. Аксаковъ увлекся далеко, но если онъ будетъ продолжать брошюрку свою, то полагаю выйдетъ дѣльное. Онъ пояснитъ то, что безъ поясненія кажется смѣшнымъ и нелѣпымъ. Мысль его главная слѣду-

---

[15]) Т. е. критическаго.
[16]) Т. е. отъ Записокъ о всемірной исторіи.
[17]) Отечественныхъ Записокъ.

ющая: «Искусство утратило вездѣ свою беззаботную свободу; въ немъ болѣе придуманнаго, чѣмъ самосозданнаго. Гоголь (какъ древніе и Шекспиръ) есть художникъ поневолѣ и безъ намѣренія». Въ этомъ много правды. О. З. говорятъ: «Гоголь зарожденъ В. Скотомъ; безъ В. Скота онъ былъ бы невозможенъ». Это просто безсмыслица. Ничего общаго нѣтъ между ними.

Первая статья твоя о Гоголѣ отличная; я истинно благодаренъ тебѣ за нее; она можетъ многихъ образумить и пояснить странныя дисгармоніи въ душѣ многихъ читающихъ.

Читалъ-ли ты Павскаго? Часть механизма языка порядочная: но что за этимологія! Просто смѣхъ. Мы отъ Римлянъ отъ Alec взяли слово лось, а въ Испаніи нѣтъ лосей, и Alec Римской животное почти баснословное. Отъ Нѣмцевъ (изъ слова Erz) составилось наше руда, между тѣмъ какъ оно въ прямомъ отношеніи къ слову жила и пр. Что за тупость! А трудъ великій и не совсѣмъ безполезный.

Еще хорошо: слово стерлядь у насъ не свое и занято отъ западныхъ, а у нихъ стерлядей и нѣтъ.

4.

Начинаю поздравленіемъ: дай Богъ твоему маленькому Петру вырости большимъ Петромъ, милымъ, добрымъ, похожимъ на тебя: лучше трудно, безъ комплиментовъ. Замѣть, что я не сказалъ великимъ Петромъ, потому что по правдѣ не увѣренъ, не было-ли у насъ и такъ лишняго великаго Петра.

О самомъ твоемъ посланіи скажу, что просто не понимаю, что̀ за обѣщаніе мое, котораго я, кажется, Вяземскому не давалъ, что̀ за пѣсня Русская, которой я и предмета не знаю и которую долженъ переложить на ноты Мейерберъ. Просто, какъ говоритъ Гоголь, не понимаю,—ничего не понимаю. Да по правдѣ сказать, если бы и понималъ, то ничего бы не могъ сдѣлать теперь.

1 Октября
1846 года,
С. Богучарово.

2.

Да, любезный другъ, кругъ нашъ уменьшается, и какой человѣкъ изъ него выбылъ! Потеря невознаградимая, не говорю для насъ, а для мысли въ Россіи. Какъ судьбы Божіи ведутъ наше просвѣщеніе, не сообразишь; но не должно слабѣть или унывать. Смерть Кирѣевскаго была почти внезапная: съ сыномъ обѣдалъ очень легко (у него было маленькое разстройство желудка, продолжавшееся нѣсколько дней); послѣ обѣда легъ отдохнуть; черезъ часъ вскрикнулъ отъ боли; началась холера съ корчами; доктора нескоро достали; передъ ночью пріобщался, а къ утру кончилъ. При смерти были Веневитиновъ и Комаровскій. Вотъ и все.

Кажется, мнѣ объ изданіи его сочиненій и думать нельзя. Первыя запрещены, послѣднія заподозрѣны, и почти запрещены; но собрать ихъ надобно. Бѣдная мать! Бѣдный Петръ Васильевичъ! Я больше всѣхъ боюсь за него. У него здоровье плохо, а душа нѣжнѣе женской. Съ Кирѣевскимъ для насъ всѣхъ какъ будто порвалась струна съ какими-то особенно-мягкими звуками, и эта струна была въ

тоже время мыслію. И когда же порвалась? Въ ту самую минуту, когда съ нея снята была тяжесть, мѣшавшая ей звучать. Странная судьба! Ты узналъ изъ газетъ, а я вотъ какъ. Я изъ Смоленской деревни пріѣхалъ въ 10 часовъ въ Понедѣльникъ и по расчету думалъ Кирѣевскаго найти въ Москвѣ; вхожу и спрашиваю: «Кирѣевскій здѣсь?»—«Какъ же. Его вчера привезли». Я долго не могъ понять. Грустно; но все же онъ не даромъ пожилъ и въ исторіи философіи оставитъ глубокій слѣдъ, хоть, можетъ быть, и не додѣлалъ своего дѣла.

VIII. О. М. БОДЯНСКАГО.

1.

Сейчасъ только покончилъ я одно разсужденіе на золотую медаль по моему предмету [18]) и спѣшу препроводить его къ вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы и вы порадовались вмѣстѣ со мною такому преспѣянію такого благаго дѣла, обѣщающему впослѣдствіи самые благодарные и утѣшительные плоды. Право, душа не нарадуется, читая такія изслѣдованія въ такое короткое время существованія нашего общаго дѣла въ нашемъ Университетѣ, матери и виновницы его на Руси. Такъ и хотѣлось бы подписаться самому подъ этими, вовсе не студенческими, розысками. Во что бы то ни стало, а надо намъ ихъ не скрывать подъ спудомъ, и для блага самого предмета, и для блага общаго дѣла, и для блага дѣлателей, а пуще да знаютъ истину и исповѣдуютъ ее, если только чужды сатанинской неключимости и упорства! Думаю, что другіе члены нашего Отдѣленія [19]) едвали будутъ имѣть время пробѣжать что-либо изъ этихъ разсужденій. Причиной тому—самый объемъ ихъ, который, однакоже, должно было сломить и одолѣть вполнѣ, по крайности мнѣ, какъ главному отвѣтчику тутъ. Право, Степанъ Петровичъ, любо трудиться намъ среди такихъ воспріимчивыхъ и смѣтливыхъ слушателей, которые, сидя еще за лавкой, опережаютъ во многомъ каѳедральныхъ. Давай Богъ ихъ побольше и больше!...

23-го Мая,
1846 г.
Четвергъ въ 1/2 9-го вечера.

1.

31 Декабря 1846. Вторникъ въ 4 ч. вечера.

Сейчасъ я говорилъ съ *** о томъ, о семъ, и между прочимъ онъ спросилъ меня, читалъ-ли я разсужденіе Аксакова? [20]) «Да», отвѣ-

---

[18]) Это было, если не ошибаемся, разсужденіе Евгенія Петровича Новикова (нынѣ посла нашего въ Австріи) о Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

[19]) Т. е. Словеснаго Отдѣленія, коего С. П. Шевыревъ былъ тогда деканомъ.

[20]) Это была магистерская диссертація К. С. Аксакова: «Ломоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка». Разсужденіе это нынѣ появилось въ полномъ своемъ видѣ во 2-мъ томѣ Сочиненій К. С. Аксакова, М. 1875. Вотъ это мѣсто, возбудившее тогда такую опасливость въ представителяхъ университетской власти: «Столицею нашею сталъ городъ съ чужимъ именемъ, на берегахъ чуждыхъ, не связанный съ Россіею никакими историческими воспоминаніями».

тилъ я. «И вы подписали?» «Да», снова. «Ну, одолжили же вы всѣ меня», подхватилъ онъ, «здѣсь просто (въ самомъ началѣ Разсужденія) проступокъ противъ первыхъ 3-хъ пунктовъ». (Чего? Устава цензурнаго, думаю). Какъ это вы меня компрометировали!» Я спросилъ его: «не о Петрѣ-ли В. и его Питерѣ рѣчь?» «Да, да!» сказалъ онъ. «Такъ, сколько помню, и Степанъ Петровичъ и я отмѣтили эти мѣста въ подлинникѣ карандашемъ и говорили декану о нихъ, какъ о назначенныхъ, по нашему мнѣнію, къ исключенію; а если онъ пропустилъ ихъ, то въ томъ онъ виноватъ, а не мы: онъ читалъ послѣднюю коректуру и подписывалъ къ печатанію».—«Ну, такъ мы еще поговоримъ о томъ послѣ завтра вечеромъ». Теперь пока что будетъ, Степанъ Петровичъ, да вѣсте, яже бысть; только, пожалуйста, чтобы до Четверга вечеромъ ни одна душа не знала о томъ, что̀ вамъ теперь пишу. Быть можетъ, это у него только первое впечатлѣніе, а еще скорѣе быть можетъ, мнѣ удастся его разувѣрить или ослабить. Во всякомъ случаѣ, да вѣсте о чемъ идетъ дѣло и будьте готовы, на случай до того встрѣтитесь съ нимъ. Если точно дѣло таково, какъ онъ говоритъ (потому что я еще не успѣлъ прочесть статью и пишу вамъ сейчасъ по возвращеніи отъ него), то вся отвѣтственность падаетъ больше всего на предшественника вашего по деканству [21]). Кто вѣсть, можетъ быть это одна изъ его многочисленныхъ штукъ, намѣренно подпущенныхъ съ расчетомъ и разстановкою. Дѣло можно будетъ послѣ Четверга объяснить справкою въ самомъ подлинникѣ; но дотолѣ не надо, по моему, поднимать шума: пусть это между нами двумя пока.

3.

26 Октября 1848. Четвергъ, въ 7 час. утра.

Министру въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ заграничныхъ не хотѣлось бы снова попасться съ Славянской каѳедрой, особливо у насъ, въ то положеніе, въ какомъ онъ уже разъ былъ по неосторожности, или чему другому, прошлогодичныхъ весеннихъ разбитныхъ парней, какъ ихъ нѣкоторые называютъ. Вотъ онъ и самъ, не зная, что̀ дѣлать, то къ той, то къ другой мѣрѣ прибѣгаетъ, не удастся ли какъ заблаговременно, на всякій случай, оградить себя, по крайности словами предполагаемаго преступника, и тѣмъ выказать, съ одной стороны, свою предусмотрительность, а съ другой и мѣры противъ грядущаго зла выказать передъ судьей. Такая заботливость слишкомъ явно сама себя обличаетъ и прямо говоритъ, чего хотятъ. Скажите откровенно, безъ всякихъ обиняковъ и пощады меня, безъ всякихъ прелюдій, которыя, вмѣсто своего назначенія, обыкновенно производятъ противное дѣйствіе, что̀ вамъ извѣстно положительно объ этомъ дѣлѣ? Коли министру нужна каѳедра для чего нибудь, для собственнаго-ли покоя, изъ предосторожности по шатости времени, или для чего бы то ни было—я больше не сижу на ней; но проходить подобныя мытарства, и притомъ занимая столько лѣтъ ее, подвергаться Измайловскимъ истязаніямъ, въ которыхъ пожалуй, съ горячки, или съ дуру, и проговоришься, я не въ состояніи, я не могу принудить себя. Лучше безъ хлопотъ и затянуть: «Я въ пустыню удаляюсь!» Кромѣ того, мнѣ бы хотѣлось ус-

---

[21]) Деканомъ Словеснаго Отдѣленія былъ передъ С. П. Шевыревымъ И. И. Давыдовъ.

лышать отъ васъ, если только вы будете такъ добры: кто вамъ поручилъ сказать мнѣ доставить свое исповѣданіе Славянской вѣры? Министръ, попечитель, ректоръ? Нѣтъ, почтеннѣйшій и добрѣйшій Степанъ Петровичъ, послѣ этого вамъ и прочимъ сотоварищамъ моимъ расти, а мнѣ малитися.

4.

11 Ноября 1848. Суббота, въ 7 час. вечера.

Какъ вы думаете, слѣдуетъ-ли мнѣ самому явиться къ министру, прежде нежели онъ станетъ посѣщать насъ и извиниться передъ нимъ въ томъ, что по сю пору не могъ доставить ему своего конспекта, или же передать это посредничеству попечителя? Потому что я, начавши на другой день послѣ посѣщенія вашего (26 Августа), по сю пору не могу окончить своей работы, между тѣмъ какъ тружусь по 10 и болѣе часовъ въ день, даже очень рѣдко бываю отъ того въ типографіи. Цѣлыхъ 15 листовъ уже исписалъ, а только едва перешагнулъ за половину. Пожалуйста надоумьте меня, какъ лучше сдѣлать: вы хороши съ министромъ, знаете его коротко, а я ничего этого не имѣю. Я вовсе не прочь, какъ видите, отъ удовлетворенія его; но что же дѣлать, что обширность каѳедры не позволяетъ никакъ съежиться? При томъ пожалуй съежишься, а онъ подумаетъ съ намѣреніемъ. Впрочемъ, если я уже упустилъ надлежащее время—такъ тому и быть.

5.

14 Ноября 1848. Вторникъ, въ 5 час. по полудни.

Отъ всей души благодарю васъ за вѣсть о намѣреніи министра побывать у меня на лекціи. Хоть и ждалъ я его каждый разъ, тѣмъ не менѣе отъ васъ первыхъ узнаю опредѣленно о томъ. Постараюсь, какъ совѣтуете, высказаться. Одно только не знаю, въ которомъ часу будетъ онъ? У меня завтра двѣ лекціи, въ 12 часу по исторіи Чешской Словесности (внизу) и въ 1-мъ по языку Чешскому; послѣдняя мало представляетъ простора къ цѣльности, сжатости и стройности. Впрочемъ авось найдется что нибудь годное. Еще: читать-ли по тетради, или же напротивъ?

IX. В. И. ДАЛЯ.

(1842).

.... Библіотека пошла въ руки новаго промышленника, отставнаго курьера Ольхина. Онъ ѣдетъ въ Москву основать свою контору, вѣрно будетъ и у васъ. Брамбеусъ дожилъ таки до того, что никто не даетъ ему своихъ статей и, передавая журналъ, даетъ росписку, что не смѣетъ болѣе мудрить и переправлять статьи.

Смирдина съѣли совсѣмъ; любопытно послушать его съ часикъ, какъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, Полевой, Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій перебрали у него удивительно ловко сотни тысячъ и посадили на мель.

.... Вы не знаете службы нашей и моего положенія [22]). Я сытъ и одѣтъ и житейскимъ доволенъ; но все это дается мнѣ именно съ тѣмъ,

---

[22]) В. И. Даль управлялъ тогда канцеляріею министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго.

чтобы я дѣлалъ свое дѣло, а по сторонамъ не глядѣлъ и не въ свое дѣло не мѣшался. У насъ дѣлаютъ обыкновенно такъ: чтобы отдѣлаться отъ ходатаевъ и просителей, обѣщаютъ двусмысленными словами сдѣлать что можно, и предоставляютъ дѣло на волю Божію. Если конецъ выльется годный, то приписываютъ это ходатайству и бываютъ весьма признательны; если же нѣтъ—то покровитель говоритъ: «что же дѣлать, никакъ нельзя было». Я разъ на всегда положилъ себѣ за правило не брать этого грѣха на душу и не вводить никого въ надежды и сомнѣнія голословными, обязательными обѣщаніями. Мнѣ часто не вѣрятъ и говорятъ: «не хочетъ, а еслибъ захотѣлъ, такъ бы сдѣлалъ». Пусть лучше такъ говорятъ, пусть лучше пѣняютъ въ началѣ дѣла чѣмъ въ концѣ, когда уже и другими путями и средствами пособить ему нельзя.

Я полагаю, что газета [23]) не встрѣтитъ затрудненія, но положительно не знаю ничего. Двери къ г. министру открыты во всякое время и всякому, безъ изъятія; но обходить ихъ опасно, если нельзя миновать вовсе.

Жизнь моя однообразная, томительная и скучная. Я бы желалъ жизнь подальше отсюда — на Волгѣ, на Украйнѣ, или хотя бы въ Москвѣ. Вы живете для себя; у васъ есть день, есть ночь, есть наконецъ счетъ днямъ и времени года; у насъ нѣтъ ничего этого. У насъ есть только часы: время идти на службу, время обѣда, время сна. Бѣлка въ колесѣ—гербъ нашъ. Орѣхи будутъ, когда зубовъ не станетъ; волю дадутъ, когда хрящи въ суставахъ сростутся и ноги одеревенѣютъ. Это не жалоба, это просто разсказъ о томъ, что и какъ есть. Писать бумаги мы называемъ дѣло дѣлать; а оно-то промежъ бумаги и проскакиваетъ, и мы его не видимъ въ глаза. Еслибъ иной, послѣ усердной 35-ти лѣтней работы, которая скрючила его въ [24]), увидалъ настоящее, истинное дѣло на дѣлѣ, а не на бумагѣ—такъ бы онъ, можетъ статься, обошелъ его кругомъ, какъ подмосковный крестьянинъ присланнаго изъ Персіи слона и сказалъ бы: Ну, виноватъ, слона-то я и не замѣтилъ!

Одинъ въ полѣ не воинъ, и головня одна въ чистомъ полѣ гаснетъ, а сложи костеръ, будетъ горѣть. Что можетъ сдѣлать одинъ—хоть будь онъ разминистръ? Такая видно до времени судьба наша; надо вѣрить съ Калмыками, что-де «что нибудь да будетъ, такъ не будетъ, ничего не будетъ, а что нибудь да будетъ».

29 Января 1846.

X. ЗАПИСКА

О ВВЕДЕНІИ ПРЕПОДАВАНІЯ НОВОГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ уничтожено было преподаваніе Эллиногреческаго языка въ гимназіяхъ, подвѣдомыхъ Московскому учебному округу, за исключеніемъ одной, нельзя было не замѣтить ослабленія этого важнаго предмета въ ряду историко-филологическихъ наукъ, не

---

[23]) С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ намѣревались издавать политическую газету: «Кремлевскій Часовой», и программа ея, написанная С. П. Шевыревымъ, сохранилась.

[24]) Неразобранное слово.

смотря на то, что мы имѣемъ весьма достойныхъ ученыхъ, образованныхъ для него въ новое время благодѣтельными попеченіями правительства. Языкъ древній, на которомъ выразилъ даровитый язычникъ все то, что̀ могъ онъ самъ изобрѣсти безъ помощи Откровенія, языкъ, на которомъ первоначально возвѣщена людямъ истина Христіанства Евангелистами, проповѣдана Апостолами и объяснена Отцами Церкви всему міру, упалъ у насъ ниже чѣмъ на вторую степень въ ряду познаній университетскихъ. Нельзя признать этого явленія за шагъ впередъ въ просвѣщеніи Русскомъ; нельзя не предвидѣть не совсѣмъ безвредныхъ послѣдствій въ упадкѣ знанія столько значительнаго. Наладивъ изученіе этого языка на основаніи Эллино-греческой филологіи, какъ она процвѣтаетъ въ Германскихъ университетахъ, казалось, слѣдовало не останавливать его, а дать только этой отрасли знаній другое направленіе, болѣе согласное съ христіанскими началами нашей жизни и обратить ее также къ изученію Отцевъ Церкви и Византійскихъ источниковъ Русской Исторіи. Это и предпринималъ профессоръ Греческой словесности Менщиковъ въ Московскомъ университетѣ, получивъ на то разрѣшеніе и митрополита Московскаго.

Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ усиленію возстановленнаго изученія Эллино-греческаго языка, полагаю, было бы введеніе преподаванія Новогреческаго языка въ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, не обязательно для всѣхъ, но для желающихъ. Замѣчательно, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомыхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, за исключеніемъ развѣ Одесскаго округа, нѣтъ ни одного, гдѣ бы можно было выучиться Новогреческому языку. А между тѣмъ политическія обстоятельства времени, какъ думаю, вызываютъ необходимость такого изученія. Народъ, имъ говорящій и пишущій, стоитъ въ ряду тѣхъ единовѣрныхъ намъ народовъ, за которыхъ идетъ теперь борьба великая. Каѳедры Славянскихъ нарѣчій у насъ существуютъ, а каѳедра Новогреческаго языка въ Университетѣ отсутствуетъ.

Преподаваніе этого языка, по моему мнѣнію, должно быть необязательно для всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета, но предложено для желающихъ студентовъ всѣхъ факультетовъ и въ такіе часы, когда они отъ другихъ лекцій бываютъ свободны. Поручить же это преподаваніе слѣдовало бы особому лектору, природному Греку или Болгарину, православнаго исповѣданія, извѣстному своими мнѣніями нашему правительству.

Думаю, что введеніе этой каѳедры много будетъ содѣйствовать оживленію каѳедры древняго языка. Филологическое изученіе Эллино-греческой словесности слилось бы нѣкоторымъ образомъ съ цѣлью практическаго, а въ Россіи, по особенному смыслу народнаго ума, такое приложеніе всегда оказывается полезнымъ.

Соотвѣтствуетъ ли по времени видамъ правительства такое предположеніе, рѣшить этотъ вопросъ дѣло не мое, а тѣхъ, кому ближе извѣстны его виды. Я же взглянулъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія, связующей его съ родственнымъ ему предметомъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ знаній въ историко-филологическомъ факультетѣ, которое въ настоящую минуту требуетъ подкрѣпленія.

XI. Стихи С. П. Шевырева по поводу страсти говорить рѣчи за общественными обѣдами (1858).

Съ кулебякой во рту
И съ бокаломъ въ рукахъ
Мужика-сироту,
Арестанта въ цѣпяхъ
Я готовъ защищать,
И къ свободѣ вести:
Дайте мнѣ пожевать,
Дайте силы найти!
Вотъ мнѣ подали супъ;
Но голодный я глупъ,
Говорить не готовъ:
Дайте мнѣ пирожковъ!
Хоть я голодъ заѣлъ,
Но еще не поспѣлъ,
Не въ жару, не въ огнѣ:
Дайте стерляди мнѣ!
Безподобный меню!
Я тебя сохраню:
Супъ à la liberté,
Truffles à la charité,
Une pureé de marons,
A l'émancipation.
Какъ жаркаго поѣлъ,
Я въ свободу прозрѣлъ;
Какъ Аи полилось,
Ретивое зажглось.
Я Шампанское пилъ,
Слезы теплыя лилъ
Въ свой холодный бокалъ
И красно разсуждалъ,
Говорилъ отъ души:
Вѣдь за мной ни души!

XII. Стихи С. П. Шевырева передъ увольненіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Юрьевъ день настань!
Юрьевъ день проглянь!
О безумная
Скройся ночи тѣнь,
И взойди какъ день
Воля умная!
О Егорій, гой!
Помолись объ насъ,

О землѣ родной,
Чтобы въ добрый часъ
Воля къ намъ сошла,
Чтò звѣзда свѣтла,
Божьей лѣстницей
Отъ небесъ святыхъ,
Провозвѣстницей
Чистыхъ дѣлъ благихъ;
Утѣшителемъ
Высшей благости,
Облегчителемъ
Нашей тягости!
Чтобъ росла добромъ
По отечеству
И святымъ плодомъ
Человѣчеству.
Юрьевъ день настань!
Юрьевъ день проглянь
О безумная
Скройся ночи тѣнь,
И взойди какъ день
Воля умная!

XIII. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ С. П. ШЕВЫРЕВА ОТЪ МОСКВЫ ДО ФЛОРЕНЦІИ.

(1860).

Брестъ-Литовское шоссе, соединяющее Москвý съ Варшавою, есть произведеніе современнаго намъ инженернаго искусства въ Россіи. Замѣчательно, что на 1189 верстахъ, отдѣляющихъ Варшаву отъ Москвы, эта дорога не соединила съ ними ни одного губернскаго города. Скажутъ, стратегическія и покорныя имъ инженерныя соображенія имѣли въ виду одну только прямую линію; но взгляните на карту: Смоленскъ и Минскъ или Могилевъ не помѣшали бы прямизнѣ стратегической линіи, а между тѣмъ такая дорога могла бы вывести Могилевъ съ его губерніею изъ его безпомощной бѣдности и предложить Смоленску богатыя средства для торговли и промышленности. Чтò ужъ говорить о селахъ и деревняхъ? Если губернскіе города большая дорога миновала, то села и подавно: она побросала ихъ съ себя долой, какъ вещь совершенно для нея ненужную. На всемъ обширномъ пространствѣ 1200 верстъ ихъ почти не видишь. Мнѣ припоминаются только Александровскій Хуторъ, принадлежащій какой-то Русской богатой помѣщицѣ княжескаго рода, да мѣстечко Кричевъ на берегу рѣки Соши, гдѣ красуются великолѣпныя палаты Польскаго пана. Дорога круто поворачиваетъ въ лѣво; здѣсь уже ясно видно, что въ Варшавскомъ шоссе виновата не одна стратегія, а скорѣе инженерная цивилизація, преобразующая наше отечество. На другихъ шоссейныхъ трактахъ, гдѣ не могло и быть никакихъ стратегическихъ соображеній, не тоже ли самое мы видимъ? По Ярославскому шоссе куда дѣвались тѣ огромныя, величественныя села, которыми прежде увивалась большая дорога? По Тульско-Орловскому

мнѣ помнится только одно большое село Сергіевское, принадлежащее какому-то Петербургскому вельможѣ, село, въ которомъ нашъ повѣствователь Тургеневъ открылъ славныхъ народныхъ пѣвцовъ, отличающихся голосами и мастерствомъ своего пѣнія.

Нѣтъ, инженерная цивилизація наша, проводя дороги по всѣмъ концамъ любезнаго отечества, не признаётъ, по обыкновенію своему, ни города губернскаго, ни уѣзднаго, ни села, ни деревни; она признаетъ только болото, ровъ и гору.

Въ этомъ прежде всего участвуетъ ложная мысль, что она дорогами своими должна преобразовать старую или правильнѣе создать новую Россію. Она не только про себя, но даже публично говорила: построются новые города, новыя села и деревни, вдоль по моимъ дорогамъ. Старыхъ не нужно съ ихъ патріархальными обычаями и преданіями; лучше имъ навсегда исчезнуть и не существовать. Но что же видимъ мы на дѣлѣ? Многолѣтній опытъ доказалъ, что новыя дороги не создали не только ни одного новаго города или села, но даже ни одной порядочной деревни. Нѣтъ и намека на такое созданіе. Выстраиваются только отдѣльные хутора, постоялые дворы, трактиры, а всего болѣе кабаки, увеселяющіе странниковъ большой дороги. Но вотъ что̀ еще удивительнѣе: города, которые соединило шоссе, нисколько не поправились. Тяжелое впечатлѣніе производятъ на Русскаго путника Медынь, Юхновъ, Рославль, Чериковъ, Рогачевъ, которые остались на большой дорогѣ. Сколько домовъ развалившихся, не говоря уже о сгорѣвшихъ, благодаря пожарному состоянію нашего отечества. Что за лавки! Что за гостинные дворы! Грустно, тошно и больно Русскому сердцу! Первая страница Мертвыхъ Душъ въ лицахъ такъ и вертитъ въ очью! Но какая же тому причина? Почему же эти города не процвѣли отъ шоссейнаго пути, ихъ пощадившаго? Конечно, главная причина заключается въ томъ, что обижены села и деревни, брошенныя съ большой дороги. Городъ цвѣтетъ не самъ собою, а ими. Въ бѣдности городовъ отзывается бѣдность земли и сельскаго ея населенія. Городъ питается и цвѣтетъ деревнею, и взаимно деревня городомъ; но разорите деревню, и города не будетъ.

Вотъ къ чему привела инженерная цивилизація, не уважающая преданій. Другая слабая сторона этой преобразующей цивилизаціи есть ея страсть къ болотамъ. Какъ свою страсть къ преобразованіямъ, такъ и страсть къ болотамъ, она думала наслѣдовать отъ великаго преобразователя, построившаго Петербургъ. Смотря по тому, какъ выбираетъ она, помимо городовъ и селъ, самыя топкія и болотистыя урочища, невольно заключишь, что не инженерное искусство существуетъ для проведенія большой дороги, а дорога для инженернаго искусства. Оно, задавая себѣ труднѣйшія задачи, кажется, такъ и лѣзетъ въ поэзію искусства свободнаго отъ всякой практической цѣли. Повидимому, инженеры наши между собою только и соревнуютъ о томъ, кто поглубже выберетъ болото для того, чтобы на немъ изумить проѣзжающаго своимъ искусствомъ. Иногда выбираются и другаго рода препятствія: рвы для великолѣпныхъ мостовъ и горы для срытія, по которымъ шоссе гнется и извивается какъ удавъ, поглощающій на пути своемъ все живое, всякую жизнь народную, и признающій одно только: камень и воду.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что если бы инженерная цивилизація уважала историческія преданія и не презирала нашихъ городовъ, селъ

и деревень, проводя дороги свои не для существующаго теперь въ нихъ народонаселенія, а для какого-то мнимаго будущаго, существующаго въ ея неистощимой фантазіи,—менѣе встрѣчала бы она болотныхъ и горныхъ препятствій, и дешевле обходились бы государству дороги, принося больше пользы. Народъ первоначально селился, слѣдуя инстинктамъ человѣческой, еще неискаженной природы и избиралъ, конечно, лучшія, болѣе здоровыя и прочныя мѣста для своихъ поселеній. Какъ же не уважить этихъ преданій! Какъ идти совершенно на перекоръ здравому смыслу всей народной жизни и извращать всю географическую карту народа, эту живую, первоначальную лѣтопись его исторіи, въ силу одного фантастическаго своего произвола! Конечно, иной кривой обходъ, который принялъ бы цвѣтущее село въ объятія великаго пути, потребовалъ бы, при большей пользѣ, гораздо меньшихъ издержекъ, нежели иная многоверстная топь, стоившая милліонной насыпи, или многосаженный ровъ, гордящійся великолѣпнымъ мостомъ, требующимъ неистощимой починки.

Въ Варшавѣ, у графа П. Д. Киселева, я встрѣтился съ г. Колиньономъ, славнымъ Французскимъ инженеромъ и строителемъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и сообщилъ ему мои замѣчанія относительно того пренебреженія, съ какимъ у насъ минуютъ города, села и деревни, проводя шоссе и желѣзныя дороги. Г. Колиньонъ совершенно согласился съ истиною этого замѣчанія и прибавилъ: «Такого рода явленія только въ вашей землѣ и встрѣчаются; вездѣ дорожатъ такими указаніями (indications), какія далъ народъ въ первоначальныхъ своихъ поселеніяхъ, избирая земли твердыя и лучшія; и если бы у васъ ими дорожили, то дороги, принося больше пользы народу, обходились бы гораздо дешевле». Въ Италіи не только шоссе, но и желѣзныя дороги уважаютъ самые малые городки.

Какъ бы любопытно было узнать: что̀ сталось съ нашими селами и деревнями съ тѣхъ поръ, какъ ихъ оттолкнула отъ себя большая дорога? Куда дѣвалась ихъ жизнь, ихъ промышленность? Какую физіономію представляютъ теперь эти несчастные выброски общественной жизни, не принятые внутрь жилъ Россіи, какими должны быть ея дороги? О какъ бы замѣчательна была ихъ исторія, вѣроятно, самая плачевная, со времени этого незаслуженнаго изгнанія ихъ изъ среды общественнаго движенія земли Русской! Чтобы кому нибудь изъ повѣствователей Русскихъ, наблюдающихъ жизнь отечества, разсказать такую исторію? Кому же неизвѣстно: большія дороги, со времени Римлянъ, которые первые ихъ проводили, соединяли людей, просвѣщали, обогащали; у насъ же большая дорога разъединяетъ, мрачитъ и разоряетъ. Вотъ что значитъ проводить дороги для одной стратегіи и инженернаго искусства, не уважая преданій исторіи, географіи народной и презирая союзъ человѣчества, для котораго дороги единственно и служатъ.

По Брестъ-Литовскому шоссе всего болѣе поражаютъ вниманіе ваше болота. Ихъ непрерывная цѣпь еще поразительнѣе бываетъ осенью, обдавая васъ вѣчнымъ туманомъ и влажною сыростью. Но нигдѣ такъ не отличилось инженерное искусство, побѣждая ихъ, какъ подъ городомъ Рославлемъ: что за насыпи, что за безконечные мосты по озерамъ!

Замѣчательное совпаденіе явленій: страсть къ преобразованію въ своихъ крайностяхъ, въ какой бы сферѣ ни являлась, всегда любитъ

нарушенія законовъ природы. Возьмите повѣствовательную нашу литературу въ ея современныхъ явленіяхъ. Ее одолѣла также страсть къ преобразованію. Она задала теперь задачу преобразованія Русской женщины. Что же мы прежде всего видимъ въ новомъ ея идеалѣ, который повѣсть съ такою любовію изображаетъ? Нарушеніе самыхъ простыхъ законовъ женской природы. Первоначальный инстинктъ женщины—стыдливость и чувство дѣвственности: это понималъ и язычникъ Клеоменъ, ваяя рѣзцомъ своимъ Венеру Медицейскую. Но этого не понимаетъ у насъ авторъ повѣстей: Первая Любовь и Накануне. Его Елена готова упасть въ обморокъ при видѣ всякой птички страдающей и пожертвовать жизнію за муху, чтобы спасти ее отъ паука, но вовсе равнодушна къ своему отцу и къ своей матери, подъ тѣмъ предлогомъ, что первый своимъ поведеніемъ, вторая своею апатіей не заслужили любви дочерней, какъ будто бы любовь дочери должна быть наградою родителямъ за ихъ нравственныя качества, какъ будто бы это не есть чистый огонь души, зажигаемый въ сердцѣ женщины свѣтомъ любви божественной, безъ всякихъ разсчетовъ и корысти. Такъ непонята природа женская писателемъ, который задумалъ преобразовать ее въ своемъ отечествѣ, такъ искаженъ у него законъ природы, и ничѣмъ столько не грѣшитъ новая преобразующая повѣсть какъ неестественностью. Она стоитъ на ходуляхъ. Елена, не во гнѣвъ нашимъ критикамъ, похожа на выставленную куклу Кузнецкаго моста, а не на существо чисто-женское.

Таковъ вездѣ страстный преобразователь. Онъ прежде всего нарушаетъ законъ природы. Онъ одинаковъ у насъ и въ инженерномъ искусствѣ, и въ Русской повѣсти, которая стôитъ головоломной Одиссеи Брестъ-Литовскаго шоссе. Не по городамъ, селамъ и деревнямъ проводитъ онъ путь, слѣдуя указаніямъ народной жизни, располагавшей свои селитьбы согласно съ удобствами мѣстной природы; нѣтъ, онъ проводитъ его по болотамъ, по лягушачьимъ царствамъ, нарушая безпрерывно законъ естества, покоряясь не природѣ и нуждамъ человѣка, съ нею согласнымъ, а дѣйствуя совершенно имъ на перекоръ, поодаль отъ людей и разъединяя ихъ своимъ отвлеченнымъ искусствомъ.

Но нарушеніе законовъ природы никогда не обходится даромъ человѣку и не остается безъ заслуженнаго наказанія. Это доказываетъ и Брестъ-Литовское шоссе. Починкамъ его конца нѣтъ, и одинъ Богъ вѣдаетъ, чего они стоятъ и чего будутъ еще стоить государству. По пагубной страсти, господствующей у насъ, чинить дороги осенью, бѣдные путешественники бываютъ жертвою этихъ починокъ. Верстъ на пять, а иногда и болѣе, пролагаются объѣзды по грязи, по водѣ, по канавамъ. Избави васъ Боже отправляться по нимъ въ темную осеннюю ночь. Немудрено пролежать въ канавѣ нѣсколько часовъ.

На станціи Любенцахъ намъ въ первый и единственный разъ по всей дорогѣ отказали въ лошадяхъ. Причиною былъ дилижансъ, котораго ждали изъ Варшавы и который запоздалъ цѣлыми сутками. Онъ, выѣхавъ въ Пятницу, долженъ былъ вечеромъ въ Воскресенье проѣхать черезъ станцію Любенцы, а вмѣсто того въ 12-мъ часу утра въ Понедѣльникъ его еще не было. Сторожа и извощики предполагали, что онъ гдѣ нибудь ночью нѣсколько часовъ пролежалъ въ канавѣ. Хороша перспектива для путешественниковъ, которые, выѣз-

жая изъ Россіи черезъ Польшу, ввѣрялись этимъ несчастнымъ дилижансамъ. Какъ благословлялъ я счастливую мысль ѣхать въ своемъ собственномъ экипажѣ и не ввѣрять себя съ семействомъ такой злополучной участи. Случалось, что съ ближайшихъ станцій высылали лошадей и людей съ фонарями на помощь опрокинутымъ каретамъ и дилижансамъ.

На объѣздахъ припрягаютъ вамъ лишнюю пару лошадей, обязывая васъ платить за нее; а если не хотите, не припрягутъ, но вы за то просидите въ какой нибудь вымоинѣ и поплатитесь гораздо хуже. При починкѣ шоссе есть еще преварварскій обычай усыпать его свѣжею щебенкой такъ высоко, что лошади экипажа стащить не могутъ. Вмѣсто того, чтобы укатать щебенку катками, предоставляютъ укатывать ее колесамъ вашего экипажа. Но для этой многотрудной операціи, которая можетъ служить отличнымъ пробнымъ камнемъ для шинъ и колесъ, необходимо заложить вамъ лишнихъ лошадей и заплатить за нихъ. Иначе вы можете также завязнуть на щебенкѣ, какъ въ вымоинѣ, и принуждены будете съ середины дороги посылать за лошадьми, что̀ кромѣ непріятностей будетъ вамъ стоить вдвое дороже. На одной станціи запрягли намъ восемь лошадей въ легкую коляску, ровно вдвое противъ числа, которымъ везли насъ обыкновенно, и мы благодарили еще станціоннаго смотрителя за полезный совѣтъ, безъ котораго пришлось бы намъ очень плохо на щебенкѣ, этомъ щедромъ дарѣ господъ инженеровъ, чинившихъ дорогу.

А между тѣмъ за шоссе вы заплатили деньги отъ Москвы до Брестъ-Литовска, и ни на одной шоссейной заставѣ вамъ не возвратили денегъ ни за объѣзды, ни за щебенку, за которые, конечно, не слѣдовало бы платить; вездѣ, напротивъ, строго требова̀ли Московскаго ярлыка, какъ будто бы подъ вами дѣйствительно катилось одно сплошное безпорочное шоссе! А что ужъ говорить о убыткахъ, о двойныхъ прогонахъ, о порчѣ экипажа, въ которые васъ оно вводило, объ опасностяхъ, какимъ вы подвергались въ теченіи дороги! Упоминая о сихъ послѣднихъ, нельзя не передать одного сильнаго ощущенія подъ Рогачевымъ. Мы подъѣзжали къ Днѣпру; на всемъ побережьи Днѣпровскомъ накинуто множество мостовъ. Каково же ощущеніе ѣхать по нимъ въ темный осенній вечеръ и слышать, какъ мосты накинутые рукою смѣлыхъ инженеровъ по болотамъ приднѣпровскимъ, такъ и трещатъ подъ вами. Съ нами сила крестная! Вотъ одно спасеніе.

Почтовыя гостинницы, построенныя на каждой станціи, предлагаютъ единственное убѣжище для путниковъ, которые боятся подвергать жизнь свою опасностямъ ночнаго пути. У каждой изъ нихъ по два дерева, какъ безсмѣнные часовые, стоятъ при входѣ. Даже и растительное царство подвергается у насъ необходимой участи стоять на часахъ. Гостинницы раздѣляются на три разряда. Къ первому относятся тѣ, въ которыхъ есть царскія комнаты, для всѣхъ запертыя, кромѣ господъ инженеровъ, и трактиръ со столомъ и виномъ; ко второму гостинницы со столомъ и виномъ, но безъ царскихъ комнатъ; къ третьему гостинницы съ самоваромъ. Всѣ онѣ строены по одному плану. Постояли въ одной изъ гостинницъ какого нибудь разряда, узнали и всѣ. Тюфяковъ и матрасовъ не найдете ни въ одной, за исключеніемъ одного Рославля, а во всѣхъ другихъ довольствуйтесь жесткими диванами или сѣномъ. Чтобы, кажется, сдѣлать сплошные диваны Турецкіе съ подушками? Они бы обошлись дешевле

и были бы мягче и спокойнѣе для членовъ путника, особенно утомленнаго щебенкой, объѣздами и пріятностями трескучихъ мостовъ. Нѣтъ, вездѣ диваны дубовые, съ высокими спинками, обитые какою-то жесткою щетиной, которая вся выбилась и врѣзается въ ваше тѣло. А для чего эти огромныя зеркала, почти въ каждой комнатѣ? Кто въ нихъ смотрится? По обычаю чинить и красить все въ глубокую осень, случалось иногда, что вамъ не отводятъ покойныхъ комнатъ, потому что въ нихъ идетъ починка и все воняетъ свѣжей краской, которая осенью нескоро сохнетъ. Встрѣчались иногда и комнаты въ Октябрѣ нетопленыя, потому что содержатель гостинницы не запасся еще дровами, находя, что они слишкомъ дороги.

Но спасибо, по крайней мѣрѣ, гостинницамъ за ихъ хлѣбъ-соль. По Брестъ-Литовскому шоссе не умрешь съ голоду и вездѣ найдешь здоровую и вкусную пищу.

А всего лучше смотрители! Они мирятъ васъ со всѣми неудобствами дороги и внушаютъ вамъ вѣру въ успѣхъ нравственной природы Русскаго человѣка, когда онъ гражданскимъ обществомъ поставленъ въ благородное и независимое положеніе. Прежній смотритель, взяточникъ, лгунъ, прижимала, низкій передъ важнымъ чиномъ и дерзкій со всякимъ другимъ, покажется вамъ какимъ-то непостижимымъ, допотопнымъ существомъ, когда вы познакомитесь съ теперешними смотрителями Брестъ-Литовскаго шоссе, начиная съ перваго изъ нихъ, г. Малинина, на Бирюлевской станціи, воспитанника Московской семинаріи. Они вѣжливы, предупредительны, одинаково благородны со всѣми; не подумайте дать имъ денегъ: вы ихъ тѣмъ оскорбите.

Не могу не передать одного случая. Переѣхавъ по Днѣпру на паромѣ, мы поздно пріѣхали въ Рогачевъ. Всѣ мѣста въ почтовой гостинницѣ были уже заняты. Ѣхать въ темную ночь далѣе по объѣздамъ и по трескучимъ мостамъ, которые ожидали насъ впереди, было небезопасно; но провести ночь негдѣ. Положеніе пренепріятное. Съ живѣйшимъ участіемъ вошелъ въ него г. смотритель Рогачевской станціи, В. П. Ястршемскій. Онъ употребилъ всѣ средства отъ него зависѣвшія, чтобы дать намъ ночной пріютъ: пригласилъ двухъ молодыхъ людей, которые прежде насъ заняли двѣ комнаты въ почтовой гостинницѣ, уступить намъ ихъ и помѣстилъ ихъ у себя, стѣснивъ тѣмъ и себя, и свое семейство. Мы обязаны были ему спокойствіемъ ночи и безопасностію пути, который благополучно совершили при свѣтѣ дня. Такія услуги не забываются. Ихъ умѣетъ цѣнить особенно семейный путникъ и отвѣчаетъ на нихъ благодарнымъ воспоминаніемъ отъ такой же души, отъ какой предложена была услуга.

Имена почтовыхъ станцій иногда заимствованы отъ ближнихъ селеній, а иногда принадлежатъ фантазіи господъ инженеровъ, строившихъ дорогу: таковы, напримѣръ, Шумовка и Звенчатка. О чемъ шумятъ и звенятъ онѣ? Страсть противорѣчить всему прежнему заставляла инженеровъ въ городахъ откидывать почтовыя станціи на большое отъ нихъ разстояніе. Это влечетъ за собою, разумѣется, большія неудобства. Вамъ нужно починить винтъ, поднять экипажъ, посылайте за кузнецами въ городъ; хотите купить что нибудь, запастись хлѣбомъ, бутылкой вина въ дорогу, отправить письмо—посылайте въ городъ. Сторожамъ гостинницъ письмо не всегда можно ввѣрить. Въ Рославлѣ служитъ сторожемъ плѣнный крещеный Турокъ. Я

сначала, по его Русскому языку, никакъ не могъ узнать, какой онъ націи? Жидъ не Жидъ, Нѣмецъ не Нѣмецъ, Цыганъ не Цыганъ. Оказалось, что это Турокъ; въ прошлую войну въ плѣнъ попалъ, крестился и женился на Русской.—Ну что, хорошо ли въ Россіи? спросилъ я его. Ничего, слава Богу! отвѣчалъ онъ. А писемъ, ему отданныхъ, на почту не отнесъ крещенный Турокъ, не знаю уже въ силу какой вѣры, прежней или новой, которую принялъ.

Отдаленіе станцій отъ деревень ведетъ также къ большимъ неудобствамъ. Ѣхалъ одинъ подполковникъ въ Варшаву въ маленькой, парной кибиточкѣ, которую дешево купилъ по дорогѣ; сломалось у него колесо; за двѣ версты надобно было везти колесо для починки, да и кузнецъ, безъ конкуренціи, заломилъ за починку въ три-дорога.

Бѣда съ мелочью по всей дорогѣ. Я не испыталъ ея, потому что запасся мелкими деньгами, хотя и съ большимъ трудомъ, въ Москвѣ; могъ даже осчастливить одного спутника, размѣнявъ ему рублевую ассигнацію на мѣдныя копѣйки. Жиды-корчмари дерутъ по двугривенному съ рубля за промѣнъ, да и то еще радъ проѣзжающій, какъ и за двугривенный размѣняютъ; а не то и вовсе нѣтъ мелкихъ. Смотрители даютъ сдачи ярлыками, прося въ нихъ своихъ товарищей на слѣдующихъ станціяхъ принимать ихъ за ходячую между ними ассигнацію.

Изо всѣхъ городовъ по дорогѣ только Малоярославецъ да Слуцкъ, славящійся своею гимназіею, похожи на города. Слуцкъ былъ бы еще красивѣе, еслибы глубокая грязь не мѣшала тому. Жиды своею навязчивостью становятся здѣсь несносны; Жидъ проситъ за все, и за то что вошелъ въ комнату, поговорилъ съ вами и далъ совѣтъ, по его мнѣнію, полезный.

Еще двѣ крѣпости поразятъ васъ на дорогѣ: Бобруйскъ, величаво и грозно поднявшійся на берегу Березины, и Брестъ Литовскій на берегу Буга. Это двѣ фортификаціонныя поэмы, чрезвычайно сложныя и неприступныя. Чтобы взять ихъ, надобно истратить безчисленное войско и столько же убить лѣтъ на осаду ихъ, сколько Греки убили на Трою; но вотъ почему, конечно, никакой завоеватель никогда не будетъ брать ихъ, и не дождаться имъ своего Гомера.

Въ Брестской крѣпости строится великолѣпный мостъ новой архитектуры; ея стиль подражаетъ стройнымъ пирамидальнымъ тополямъ, украшающимъ здѣшнюю растительность.

Въ Варшавѣ должны были съѣхаться многіе принцы. Въ Брестѣ я распрашивалъ: чтò слышно, много ли ихъ съѣхалось, и не слишкомъ ли заняты гостинницы?—«О Нѣмецкихъ принцахъ не заботьтесь», отвѣчали мнѣ простые люди. «Ихъ съѣдется, говорятъ, 30 душъ. Гостинницъ они не займутъ, а всѣ помѣстятся въ Лазенкахъ на Русскій счетъ, сколько бы ихъ ни было. Про всѣхъ готовы и комнаты, и кухни, и всѣ припасы».

Огромные тополи разныхъ родовъ, переселенцы изъ дальнихъ странъ, еще зеленые, еще не обронившіе своихъ листьевъ, покрывали Варшавское шоссе своею тѣнью. Бѣлая и розовая акація густою зеленью убирала входы и окна почтовой станціи. Другая природа зачиналась здѣсь, и замѣтно было больше заботы о томъ, чтобы сдѣлать ее еще прекраснѣе, чѣмъ она есть, и переселить сюда растенія, какихъ здѣшняя сама не производитъ. Крестьяне убирали

картофель съ полей. Мѣстами курилось курево—одинъ изъ способовъ здѣшняго удобренія земли. Нивы были вспаханы не по нашему бороздами, а словно грядами, для стока воды, чего, конечно, требуетъ глинистая почва. День былъ ясный и теплый. Лучи западнаго грѣющаго солнца обдавали чѣмъ-то живымъ и веселымъ.

Много измѣнилось Варшавское шоссе спустя 20 лѣтъ, какъ я не проѣзжалъ по немъ. Въ 1840 году оно, казалась, высоко пролегало надъ Польскою землею, и путешественникъ видѣлъ только одно превосходное шоссе, нисколько не замѣчая самой Польши. Теперь уже совсѣмъ другое. Шоссе какъ будто бы опустилось, и поднялась земля. Кустарникъ, лежавшій низко, выросъ лѣсомъ и пріятно осѣнилъ дорогу. Мѣстечки и городки обстроились, поднялись, ожили.

Но вотъ объ чемъ пожалѣешь. Куда дѣвались красивые Польскіе почтари, ловко одѣтые, съ ихъ рожками и кларнетами, съ прелестною музыкою, которою они услаждали вамъ дорогу? Ихъ ужъ нѣтъ. Намѣсто ихъ васъ везутъ мальчики, довольно неловкіе, одѣтые неопрятно, въ плащахъ съ откиднымъ воротникомъ, съ рожкомъ за плечами, но уже безъ всякаго искусства играть на немъ. Вся музыкальная поэзія прежней почтовой ѣзды по Варшавскому шоссе уже не существуетъ. А между тѣмъ гражданское положеніе почтовыхъ извощиковъ Польши, какъ слышно, улучшилось. Имъ даютъ пенсію по окончаніи 25 лѣтъ безпорочной службы, считая и ночи этой службы за дни, слѣдовательно черезъ 12 съ половиною лѣтъ. Но за то они начинаютъ службу свою мальчиками, еще нисколько негодными въ извощики, и человѣколюбивое постановленіе, какъ видно, нечуждо злоупотребленій.

У Варшавской заставы отбираютъ у васъ паспортъ, чтобы возвратить вамъ его черезъ полицію. На мосту живомъ черезъ Вислу экипажи всякаго рода и фуры тѣснятся такъ у въѣзда на мостъ, что трудно бываетъ разъѣхаться. Мѣстная полиція даетъ преимущество фурамъ передъ экипажами, которые везетъ почта.

Варшава такъ измѣнилась къ лучшему въ теченіи 20-ти лѣтъ, что ее узнать нельзя. Широта улицъ, изящная архитектура домовъ, великолѣпіе гостинницъ, блескъ и роскошь магазиновъ—все поразительно и свидѣтельствуетъ въ пользу ея торговли и промышленности. Изъ магазиновъ особенно поражаетъ разнообразіемъ товаровъ магазинъ Лессера. Вечеромъ сто газовыхъ лампъ его освѣщаютъ. Онъ ведетъ торговлю со всѣми странами міра: Западная Европа, Азія, Америка доставляютъ ему свои товары. У насъ въ Москвѣ нѣтъ ничего подобнаго.

Черезъ Вислу строится новый мостъ Строитель инженеръ Кербедзъ. Это будетъ чудо новаго строительнаго искусства. Закладка его происходила 9-го Октября. Свѣтлый солнечный день освѣщалъ многочисленное стеченіе народа.

Прекрасная опера привлекаетъ общество въ Варшавскій театръ и народнымъ характеромъ музыки, и звучными голосами тенора Каминскаго, пѣвицъ Грущинской и Ходовецкой, и забавною игрою комика Жолковскаго. Давали оперу Графиня (Hrabina): слова Вольскаго, а музыка извѣстнаго Польскаго композитора, Станислава Монюшки.

Борьба народнаго Польскаго элемента съ свѣтскимъ Французскимъ давно уже одушевила Польскую драму, и вносителемъ этой идеи, основанной на историческихъ данныхъ, сколько мнѣ кажется, былъ

славный Польскій драматургъ, Корженевскій. Его извѣстная комедія: Усы и Парикъ, есть самое блестящее и живое олицетвореніе этой мысли. Я хотѣлъ изъявить личное мое уваженіе славному ветерану Польской драмы, О. В. Корженевскому. А. Г. Плеве ввелъ меня къ нему. Тонкія черты глубокаго наблюдателя нравовъ поражаютъ съ перваго раза въ его физіономіи. Въ разговорѣ со мною онъ вспомнилъ о князѣ Шаховскомъ. Отдавая всю справедливость блестящему сценическому таланту нашего плодовитаго драматурга, онъ справедливо замѣтилъ, что Шаховской много повредилъ себѣ Французскимъ вліяніемъ, которому слишкомъ покорился. Недуги старости заставили Корженевскаго положить навсегда перо драматурга. Послѣднія комедіи его: Сплетникъ и Пустыня, писаны стихами.

Я отъискалъ нашего великаго Славянскаго правовѣда, Мацѣевскаго, въ его ученомъ уединеніи. Время на него не дѣйствуетъ, и онъ по прежнему дѣятеленъ. Исторія Славянскихъ законодательствъ выходитъ вторымъ изданіемъ. 1-й, 2-й, 3-й и 6-й томы уже вышли; 4-й печатается, за нимъ послѣдуетъ пятый. Его изслѣдованія о Тацитовыхъ Свеонахъ, въ которыхъ онъ видитъ Славянъ, въ послѣднее время нашли сильную опору въ мнѣніяхъ Якова Гримма, ученыхъ Нѣмцевъ Штоббе и Клемма, Дрезденскаго археолога. Въ пергаменной рукописи VI вѣка, содержащей Греческое сочиненіе Діоскорида, писателя, современнаго Августу, Мацѣевскій нашелъ 40 ботаническихъ названій, обличающихъ Славянское происхожденіе. Свѣжесть и бодрость блистаютъ на лицѣ нашего славнаго ученаго дѣятеля.

Я возобновилъ, послѣ долгой разлуки, дружескія связи, которыя соединяли меня съ А. Г. Плеве и И. И. Паплонскимъ, бывшими моими студентами. Время не изгладило меня изъ ихъ благородной памяти. Они привѣтствовали меня добрымъ словомъ въ Варшавскомъ «Курьерѣ». Въ ихъ бесѣдѣ, въ ихъ вниманіи, въ радушныхъ заботахъ обо мнѣ и моемъ семействѣ, я нашелъ много отрады сердцу.

А. Г. Плеве повелъ меня въ школу живописи, которою управляетъ тоже старый знакомый по Риму, профессоръ Кс. Каневскій. Здѣсь я увидѣлъ вновь прекрасную его копію съ одного изъ погибающихъ фресковъ Рафаэля въ залахъ Ватикана: Атилла, пораженный воздушнымъ явленіемъ Апостоловъ Петра и Павла. Эта копія будетъ всегда вѣрно напоминать объ оригиналѣ, котораго сильно коснулась уже рука времени. Въ натурномъ классѣ я замѣтилъ рисунокъ ученика Дерковскаго, который обѣщаетъ дарованіе.

Лучшіе плоды этой школы показалъ мнѣ мой просвѣщенный вожатай на художественной выставкѣ, которая познакомила меня съ развитіемъ живописи въ Польшѣ. Двѣ картины особенно поражали вниманіе зрителя и возбудили сильное участіе въ Корженевскомъ, который мнѣ говорилъ объ нихъ. Первая принадлежитъ художнику Зимлеру. Она изображаетъ смерть королевы Варвары и заказана родомъ Радзивиловъ, къ которымъ королева принадлежала. Фигура умирающей поразительна, но не безъ недостатковъ, когда въ нее всмотришься. Руки уже умерли, но голова принадлежитъ не умирающей, а спящей, какъ справедливо замѣчали критики. Умирающіе не опускаютъ головы на бокъ, какъ спящіе, а лежатъ прямо, чтобы схватить послѣднюю дань воздуха передъ смертію. Но фигура короля Сигизмунда, убитаго горемъ и сидящаго на одрѣ умирающей, превосходна и стилемъ своимъ напоминаетъ много кисть Дюссельдорфскаго живописца, Лессинга.

Другая картина дышетъ живою народною стихіею и принадлежитъ Лёфлеру. Во Львовѣ семейство Поляковъ смотритъ на развалины жилищъ своихъ послѣ Татарскаго разгрома. Что за лица! Что за жизнь въ нихъ! Какіе типы народные! Старикъ и возлѣ него ребенокъ; при нихъ собака, сочувствующая ихъ грусти; юноша, соскочившій съ лошади и рвущій на себѣ волосы съ отчаянія; женщины, находящія одно прибѣжище въ горѣ—молитву! Чѣмъ взяла эта картина? Чѣмъ говоритъ она сильно душѣ? Можетъ быть, въ ней есть и недостатки, какъ напримѣръ неестественный по ширинѣ шагъ старика, замѣченный знатокомъ, критикомъ. Но она взяла народною стихіею, какъ теперь беретъ и все искусство. Безъ жизни народа нѣтъ идеи, нѣтъ силы, нѣтъ души. Таковъ вѣкъ, таковы сильнѣйшія его явленія, поражающія современное человѣчество.

Портретъ Каневскаго, директора школы, писанный имъ самимъ, поразителенъ сходствомъ и мастерствомъ кисти. Замѣчателенъ своею дѣятельностію и множествомъ даровитыхъ произведеній художникъ, уже давно пользующійся заслуженною славою, Суходольскій. Его переходъ черезъ Березину отличается изобиліемъ группъ значительныхъ: картина оживленная! Фарисъ изъ Мицкевича, его же, блещетъ смѣлостью кисти и огнемъ чудеснаго колорита. Видъ на берегу озера Гардскаго показываетъ все разнообразіе кисти даровитаго художника.

Апоѳеоза Мицкевича, Теппа, какъ замѣчали, была удачнѣе въ рисункѣ, нежели въ картинѣ. Трупъ славнаго поэта несомъ воздушно разными лицами изъ его поэтическихъ произведеній, на спинѣ у плачущей Музы. Странная мысль! Поэта, никогда не умирающаго, живущаго безсмертною жизнію въ устахъ и въ душѣ своего народа, изобразить трупомъ! Лицо, по всему вѣроятію, срисовано съ маски, снятой съ мертваго. Носъ и профиль нисколько не напоминаютъ Мицкевича, но уста поэта имѣютъ поразительное сходство, сколько я ихъ помню.

Выставка художественная Варшавы приноситъ честь ея художникамъ. Видно, что живопись цвѣтетъ на берегахъ Вислы и что племена Славянскія идутъ быстро и въ музыкѣ, и въ искусствахъ образованныхъ въ слѣдъ западнымъ своимъ учителямъ.

Послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ въ Варшавѣ была волшебная иллюминація въ Лазенкахъ. Я не видалъ ничего ей подобнаго. Огромныя перистили, аркады и шпалеры изъ огней вели къ озерамъ, окаймленнымъ также разноцвѣтными огнями. Острова̀ въ видѣ радужныхъ купъ поднимались изъ водъ освѣщеннаго озера и отражаясь опрокидывались въ нихъ. Лебеди, пробужденные необычайнымъ свѣтомъ и шумомъ, въ испугѣ плавали въ разныя стороны. Собіесскій на мосту пылалъ огнями. Остряки говорили, что славный защитникъ Вѣны не даромъ являлся въ такомъ великолѣпномъ освѣщеніи.

Но иллюминація, какъ бы ни была хороша, всегда подъ конецъ утомляетъ, потому что, ослѣпивъ глаза, не насытитъ души. Таково и всякое пышное зрѣлище. Это все одинъ и тотъ же парадъ, только выраженный огнями.

Нѣсколько разъ любовался я бронзовымъ памятникомъ Копернику, который Поляки воздвигли своему славному собрату, измѣрившему звѣздное небо смѣлою мыслію. Превосходное произведеніе Торвальдсена! Великая, но спокойная мысль блещетъ на челѣ ученаго, со-

зерцающаго небо; глобусъ и циркуль въ рукахъ знаменуютъ великое дѣло его на землѣ.

*

Огромнѣйшій вагонъ съ хвостомъ нескончаемымъ принялъ насъ въ свои объятія и повезъ въ Вѣну. Хвостъ его по дорогѣ все росъ болѣе и болѣе и выходилъ далеко изъ подмостокъ дебаркадера такъ, что надобно было карабкаться въ его двери, словно на пароходъ. Полный Австрійскій кондукторъ довольно грубо принималъ новыхъ гостей и мало заботился о ихъ размѣщеніи. Вагоны совсѣмъ не такъ спокойны и удобны какъ Польскіе.

Ночью сосѣдство шумной компаніи Австрійскихъ офицеровъ было вовсе некстати для пассажировъ, желавшихъ покоя. Смѣхъ и грубыя шутки тревожили сонъ и возмущали чувство приличія. Судя по нѣкоторымъ словамъ замѣтно было, что Австрійскіе офицеры водились и съ Русскими солдатами, но выучились у нихъ не тому что̀ надобно. Все матеріальное воспитаніе Австрійскаго воина такъ и отзывалось всякою грубостію отъ этой пылкой офицерской ватаги, наполнявшей сосѣднее отдѣленіе. Никакого чувства приличія, ни благороднаго стыда, ни вниманія къ своимъ сосѣдямъ: безобразно до дикости! Въ шесть часовъ утра мы пріѣхали въ Вѣну. Чиновники городской таможни вздумали было опять придираться къ тѣмъ мѣшкамъ съ которыхъ слетѣли Австрійскіе орлы Щаковской таможни; имъ хотѣлось взять взятку, но не удалось. Австрійскій чиновникъ также привязчивъ какъ пограничный Жидъ, съ тою притомъ еще разницею, что онъ грубѣе.

14-го Октября, въ Вѣнѣ, мнѣ суждено было услышать горькую вѣсть о кончинѣ А. С. Хомякова. Ее передалъ мнѣ нашъ священникъ М. Ѳ. Раевскій, предполагая, что я уже все знаю, и поразилъ меня ею, какъ громомъ. На другой день онъ служилъ для насъ заупокойную обѣдню и панихиду по незамѣнимомъ покойникѣ. Это было въ Субботу, 15-го Октября, въ тотъ самый день, какъ Московскіе друзья и почитатели Хомякова хоронили его въ Даниловѣ монастырѣ. О какъ было горько и тошно принять на чужбинѣ такую ужасную вѣсть!

Вотъ то, что я прежде сказалъ уже о Хомяковѣ, какъ поэтѣ, въ Исторіи Русской Словесности, написанной на Итальянскомъ языкѣ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ и другомъ Рубини. «Изо всѣхъ поэтовъ живущихъ въ Россіи, Хомяковъ, другъ и сверстникъ Веневитинова, сохранилъ въ наибольшемъ совершенствѣ искусство лирическаго стиха, завѣщаннаго Русской поэзіи Пушкинымъ и Языковымъ. Хомяковъ сберегъ тайну его поэтической красоты въ ея неприкосновенной цѣлости. Писатели Русскіе умѣли признать въ немъ эту заслугу и единогласно избрали его въ 1858 году предсѣдателемъ возобновленнаго въ Москвѣ Общества Любителей Россійской Словесности. Прекрасны его стихотворенія, внушенныя ему вѣрою и отечествомъ. Хомяковъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ лириковъ, которые любятъ воспѣвать свои личныя чувства, или туманно оплакивать разочарованіе своей жизни. Всегда возвышенная идея одушевляетъ лиру Хомякова, и когда онъ ея касается, то кажется жрецомъ входящимъ въ святилище, или прорицателемъ, который для народа своего снимаетъ покровъ съ его будущаго. Поэзія для Хомякова была не простымъ искусствомъ, но посланіемъ свыше, дѣйствіемъ вѣры, долгомъ

жизни. Человѣкъ энциклопедическій, онъ не довольствуется поэзіею, но занимается многими науками и языками, владѣя на письмѣ Англійскимъ и Французскимъ какъ своимъ собственнымъ. Въ мірѣ Европейскомъ онъ извѣстенъ произведеніями богословской полемики, писанными пофранцузски и переведенными на Нѣмецкій языкъ. Хомяковъ стоитъ въ главѣ того движенія, которое у насъ въ наукѣ и словесности извѣстно подъ именемъ Славянскаго».

Святыя, пророчественныя думы о Россіи, о томъ, что̀ она хранитъ въ себѣ завѣтнаго и лучшаго, ни въ чемъ такъ не выражены, какъ въ его стихотвореніи: «Ключъ».

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ:
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.
Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ;
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите, мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Мысль, здѣсь выраженная, есть истина, въ которой заключено все великое будущее Россіи. Это пророческое видѣніе души чистой и высокой, неизмѣнно любившей свое отечество и вѣровавшей въ его святое назначеніе. Когда вникаешь во всю духовную силу этого стихотворенія, тогда при мысли о смерти поэта, будутъ особенно поразительны двѣ другія строфы изъ его «Сна»:

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли;
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли
Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ.
Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ по прежнему звучалъ...

Хомяковъ принадлежитъ не одной Русской поэзіи, но и Русской наукѣ. Онъ стоитъ въ той эпохѣ нашей жизни, когда поэзія начала̀ уже уступать мѣсто наукѣ, и чувство истины, замѣняя чувство красоты, вызывало насъ въ міръ знанія. Хомяковъ, какъ поэтъ по призванію, былъ особенно богатъ въ наукѣ такими мыслями, которыя, такъ сказать, творятся и составляютъ первоначальный синтезъ науки, образуя въ ней первый проблескъ, общее предшествующее воззрѣніе. Объ немъ можно было тоже сказать, что̀ Гейне сказалъ о Ж. П. Рихтерѣ: «онъ даетъ вамъ сѣмена кедровъ, дубовъ, сосенъ, вообще деревьевъ огромныхъ; только развивайте ихъ». Таковъ былъ и Хомяковъ. Онъ оживлялъ всѣхъ его окружавшихъ своею неистощимою мыслію, которая касалась всѣхъ вопросовъ жизни.

При несчастномъ устройствѣ нашего общества и нашей литературы, не уважающихъ ни одной замѣчательной личности, Хомяковъ проходилъ для насъ почти даромъ. Духомъ своимъ, мыслію и словомъ онъ существовалъ для немногихъ. Когда голосъ избранныхъ призвалъ его на мѣсто предсѣдателя Общества Любителей Р. Словесности, и тутъ нашлись такіе изъ литературной нашей черни, которые стали бросать въ него комьями своей грязи и брали его на прокатъ для карикатуръ своихъ; потому что надобно же было имъ взять кого нибудь позначительнѣе и побезопаснѣе, а то вѣдь другихъ пожалуй и взяли бы, да нельзя безъ оглядки—товарищи отомстятъ. Оно и благородно, и великодушно. Можно ли отъ такихъ людей ожидать хоть малѣйшей искры живаго огня и свѣта? Это мнимыя искры гнилушекъ, или блудящій огонь болота, свѣтящій только бѣсамъ и вѣдьмамъ на литературномъ шабашѣ нашей журналистики.

Грусть наполняла душу. Сѣрое небо Вѣны и горные туманы, покрывавшіе всю атмосферу, еще болѣе ее умножали. Отрадно было увидѣть братьевъ Славянъ на вечерѣ у К. С. и И. С. Аксаковыхъ [25]). Они вѣрнѣе Славянской мысли и дѣлу, чѣмъ мы Русскіе. Нѣмецкія цѣпи на ихъ рукахъ плодотворнѣе дѣйствуютъ на ихъ народное чувство, чѣмъ наша государственная самостоятельность.

При грустномъ настроеніи души кстати было взглянуть на надгробный памятникъ эрцгерцогинѣ Христинѣ, воздвигнутый Кановою. Какъ здѣсь во всякой чертѣ лица, во всякомъ движеніи тѣла, во всякой складкѣ платья, выражена грусть души! Искусство прекрасной формы, кажется, тутъ дошло до крайняго предѣла своего выраженія и покорило бездушный мраморъ самому живому чувству скорби.

Ни въ чемъ такъ не обозначился весь матеріализмъ Вѣнской жизни, какъ въ нескончаемомъ множествѣ ея магазиновъ. Весь такъ называ-

---

[25]) Изъ Вѣны доктора послали К. С. Аксакова на островъ Зантъ, гдѣ онъ и кончилъ чистую, высокую жизнь свою 7 Декабря того же 1860 года.

емый городъ (Stadt) есть одинъ безконечный магазинъ, простирающійся даже и на предмѣстія. Какъ совершенно потонулъ въ этомъ матеріализмѣ соборъ Св. Стефана, этотъ превосходный памятникъ готическаго зодчества! Его такъ осадила со всѣхъ сторонъ мелочная торговля моды и праздной роскоши, что въ ней почти исчезаетъ великая мысль строителя, олицетворенная въ храмѣ. Пошлость жизни мертвитъ и религію, и искусство, ею вдохновенное.

Странныя явленія поражаютъ въ Вѣнѣ путешественника, ее наблюдающаго. Памятники государямъ Австрійскимъ возвдигнуты по большой части не на народныхъ площадяхъ, а во внутреннихъ дворахъ императорскаго дворца. Это памятники не государственные и всенародные, а придворные и домашніе. Въ церкви Августинскаго ордена показываютъ сквозь щелочку сердца всѣхъ государей Австрійскихъ въ особенныхъ сосудахъ, и женщина, ихъ показывающая, замѣчаетъ притомъ, что сердце Маріи Терезы есть самое большое, разумѣется, по урнѣ, въ которую вложено. Нашъ чичероне хотѣлъ непремѣнно показать намъ императорскій дворецъ и употребилъ для того всевозможныя хитрости. Надобно было дожидаться цѣлыхъ три четверти часа, пока отворились двери. И то я еще попросилъ одного Австрійскаго офицера ускорить эту церемонію. Смотритель дворца, получающій доходъ съ этого показыванья, вводя посѣтителей въ каждую комнату, останавливается важно по серединѣ и повторяетъ однажды навсегда затверженный урокъ точно такимъ же тономъ, какимъ у насъ Нижегородскіе крестьяне показываютъ ученыхъ медвѣдей. Гобелены, покрывающіе стѣны двухъ залъ, изображаютъ битвы Австріи, которая любила завоеванія и пріобрѣтенія. Среди воспоминаній военной славы, соединенной съ человѣкоубійствомъ, ни одного воспоминанія славы мирной, законодательной, просвѣтительной. Колонны главной дворцовой залы сдѣланы изъ фальшиваго мрамора. Es ist aber kein Marmor, замѣтилъ я необыкновенно-гордому своимъ дворцомъ смотрителю. Dast ist Kunstmarmor [26]), возразилъ онъ, сохраняя ненарушимую важность вида и походки и засунувъ обѣ руки въ карманъ нижняго платья.

Поразило меня въ Вѣнскомъ выговорѣ Нѣмецкаго языка употребленіе буквы *о* вмѣсто *а*: Mohl вмѣсто Mahl, Sporkasse вмѣсто Sparkasse. Совершенная противоположность нашему Московскому выговору, который *о* превращаетъ въ *а*. Видно ужъ такъ во всемъ намъ суждено противорѣчить Австрійцамъ и не любить ихъ даже въ звукахъ ихъ голоса, враждебныхъ нашему уху.

Конституція, данная императоромъ Австрійскимъ передъ отъѣздомъ въ Варшаву, обозначилась въ Вѣнѣ свободою паспортовъ отъ надзора и штемпеля Вѣнской полиціи. Но эта свобода не простерлась однако до границы Австрійской и нисколько не коснулась Венеціи.

Прислушиваясь къ говору и мнѣнію народному, я замѣтилъ, что Австрійцы нисколько не стоятъ за Венецію и готовы бы были выгодно продать ее за хорошія деньги, лишь бы только избѣжать войны гибельной и разорительной для народа и государства. Венеція давно уже не имѣетъ торговаго значенія, благодаря политикѣ Австріи, которая прежде устроила вольную гавань въ Тріестѣ, чѣмъ въ Венеціи, и тѣмъ подорвала ея торговлю. Венеція есть памятникъ, развалины, благодаря той же дѣятельности Австріи, которая никогда не

[26]) Но это не мраморъ.—Это искусственный мраморъ.

хотѣла или боялась ее поддерживать; памятникъ историческій и художественный, дорогой для Италіи, но для Австріи не имѣющій ровно никакого значенія. Какая же охота превратить Венецію въ вѣчное яблоко раздора между Австріею и соединенною Италіей, которая всѣми силами своей огненной крови и души будетъ выручать свою морскую красавицу и рано или поздно выручитъ ее, во что бы то ни стало! Не лучше ли получить за нее хорошія деньги безъ потери крови съ той и другой стороны? А вѣдь деньги Австріи необходимо нужны.

Теперь Австрійское правительство выдало ассигнацій на 30 милліоновъ гульденовъ для размѣна крупныхъ денегъ на мелкія; бумажки начинаются съ десяти крейцеровъ. Въ Австріи вся и мѣдь пропала. Какъ же тутъ воевать и спасать Венецію? Не лучше ли взять за нее деньги и набить потуже опустѣлый карманъ? Это мнѣніе самого народа въ Австріи, который, конечно, себѣ добра желаетъ. Жаль, если не послушается народнаго мнѣнія правительство и затѣетъ войну кровавую и непримиримую. Успѣху тутъ не быть, потому что образъ мыслей всѣхъ значительныхъ правительствъ и особенно самихъ народовъ, включая и Австрійскій, противъ этой войны.

Я видѣлся съ Миклошичемъ въ Вѣнской библіотекѣ и выразилъ ему лично уваженіе мое за его неистощимое трудолюбіе и дѣятельность, съ какими движетъ онъ свои филологическія изданія. Онъ показалъ мнѣ замѣчательнѣйшія Славянскія рукописи, между которыми древній Октоихъ по языку и письму, и Патерикъ, писанный на Аѳонѣ, особенно заслуживаютъ вниманія. Мы остановились съ славнымъ филологомъ на сербизмахъ языка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Я жаловался Миклошичу, что теперь Славянская филологія, возсоздавъ древнюю граматику Славянскаго языка, подводитъ подъ ея уровень всѣ древнія рукописи въ печатныхъ изданіяхъ и стираетъ всѣ живыя краски разнообразныхъ Славянскихъ нарѣчій, эти драгоцѣнные остатки жизни, оживляющіе мертвую букву рукописей. Такимъ образомъ наука вредитъ жизни и уничтожаетъ ее въ древнихъ памятникахъ; а какъ важно, чтобы она понимала свое къ ней отношеніе въ филологіи и во всѣхъ наукахъ! Знаменитый филологъ совершенно со мною согласился и вторилъ моимъ словамъ, хотя самъ нерѣдко приноситъ живые слѣды Славянскихъ нарѣчій, встрѣчающихся въ рукописяхъ, въ жертву древней, допотопной Слявянской граматикѣ, которая едва ли когда нибудь существовала въ своей отвлеченной цѣлости.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ моимъ въ Вѣнѣ былъ Шенбруннъ. Великолѣпны архитектурные размѣры этого сада. Деревья въ осеннемъ уборѣ еще ярче выставляли свое исполинское величіе. Но никогда великолѣпіе природы не наводило на меня такой безвыходной скуки. Густые облака и туманъ осѣняли все какимъ-то мрачнымъ покровомъ. Даже звѣри, оставшіеся въ звѣринцѣ, бѣлые медвѣди, буйволы, выдры, были печальны и наводили тоску. Въ этотъ самый день императоръ Австрійскій возвратился изъ Варшавы въ Шенбруннскій дворецъ.

*

Дорога изъ Вѣны ведетъ черезъ отроги Норическихъ и Юлійскихъ Альпъ и быстро подымается вверхъ, вертясь улиткой, проходя мосты, смѣло накинутые черезъ бездны шумящихъ потоковъ и пронзая

нѣдра горъ на довольно большомъ разстояніи. Самая высокая вершина горъ, съ которой начинается уже спускъ, Зёммерингъ. Тутъ мы видѣли то малое пространство, на которомъ выстроена станція, а кругомъ туманъ, густо застилавшій бездны и горы. Для темныхъ подземныхъ коридоровъ зажигались въ вагонахъ лампы. Изрѣдка мелькалъ свѣтъ въ отдушинахъ, проведенныхъ для воздуха. Встрѣчали мы въ нихъ и другіе вагоны, ѣхавшіе въ Вѣну. Гулъ удвоивался подъ сводами земли. Виды изъ оконъ вагона по всей дорогѣ чудные на горы, на бездны, на долины, на потоки, на мосты кинутые черезъ нихъ, на стада, на городки, на села, на храмы, на древніе замки, на человѣка, который, кажется, ползетъ муравьемъ въ этихъ горахъ и такъ высокъ своею мыслію, теперь уже въ дѣйствительности уносящею его черезъ горы и бездны, подъ самое небо.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня переѣздъ черезъ Альпы. Лишь только перемахнули мы за вершину Зёммеринга, какъ вдругъ въ одну минуту, разсѣялись густые туманы, растворилось ясное голубое небо, и теплое солнце за-альпійскихъ странъ насъ обдало и обогрѣло своими лучами. Мы уже предвкушали Италію. Но это было не надолго. Скоро послѣ, особенно къ вечеру, новые туманы заволокли небо и землю. Ночью незамѣтно спустились мы въ долины Славянской Италіи, и утро застало насъ въ Набрезинѣ, гдѣ приняли насъ новые вагоны, чтобы везти прямо въ Венецію.

Здѣсь Славянскій и Итальянскій элементы сходятся дружно, но оба гнететъ съ одинаковой силою Австрія. Это замѣтно даже въ именахъ. Итальянцы сохранили Набрезину, Горицы, имя которое и у насъ встрѣчается, но Нѣмцы Пѣсницу (вѣроятно такъ названную отъ пѣсенъ, столько любимыхъ Славянскимъ племенемъ) съумѣли превратить въ Пёзницъ.

Отъ Набрезины мы уже увидѣли Адріатическое море. Въ Горицахъ, два племени, Итальянское и Славянское, такъ сходятся, что проповѣдь народу совершается на томъ и на другомъ языкахъ, какъ сказали намъ два духовные спутника, сидѣвшіе въ одномъ съ нами вагонѣ. Отъ Набрезины до Горицъ оба элемента, Славянскій и Итальянскій, виднѣются ясно и въ лицахъ народа. Русый и голубоокій Славянинъ работаетъ на дорогѣ вмѣстѣ съ черноволосымъ и черноглазымъ Итальянцемъ. Рѣчь въ Славянскомъ племени здѣсь Словеньская, которой лексиконъ и грамматику издалъ Фрелихъ, переведшій свое имя и пославянски: Веселичъ. Я имѣю его изданія въ своей Московской библіотекѣ [27]).

Почти отъ Местра начинается мостъ черезъ море, ведущій желѣзную дорогу къ Венеціи. Чудное впечатлѣніе! Но, кажется, съ тѣхъ поръ какъ чугунка прошла черезъ море, оно уступаетъ права свои землѣ. Его дно, все покрытое морскими растеніями, видно насквозь изъ оконъ вагона.

Венеція съ куполомъ Св. Марка, съ своими храмами, дворцами, островами, арсеналомъ, дворцомъ дожей, встаетъ передъ вами во всей древней и печальной красѣ своей. Никогда, безъ какого-то сладкаго трепета, нельзя было подъѣзжать къ этому городу, воспѣ-

---

[27]) Превосходная библіотека С. П. Шевырева нынѣ пріобрѣтена Нѣжинскимъ Лицеемъ.

тому столькими славными поэтами и у насъ, и по всему міру! Но теперь, въ это время, и сильная грусть, и великая мысль сливаются въ одно полное созвучіе, когда издали завидишь этотъ городъ.

Умы, сердца, глаза всей Италіи обращены на нее, на эту красавицу моря, на эту вдовицу славныхъ дожей, на мать великихъ художниковъ и писателей. Вмѣстѣ съ Италіею обращены сюда взоры всего мыслящаго и любящаго человѣчества. Что̀, совершится ли великодушная уступка, или нѣтъ? Восторжествуютъ ли когда нибудь разумъ и любовь въ Европейской политикѣ надъ властолюбіемъ, малодушіемъ и завистью? Или кровь человѣчества обагритъ эти воды, и огненный пиръ войны закипитъ вокругъ Венеціи, и бомбы полетятъ въ ея памятники, храмы и картины? О какъ бы Австрія выиграла въ мнѣніи народовъ, если бы согласилась на сдѣлку и отвела бы денежнымъ разсчетомъ нескончаемое человѣкоубійство! Но увы, желанія лучшихъ людей сбываются не иначе, какъ путемъ жертвъ и страданій! О если бы хотя на этотъ разъ сбылось такъ, и исторія могла вписать въ свои скрижали хотя одно истинно-великодушное дѣло политики, какъ достопамятное исключеніе!

Вагоны остановились у дебаркадера. Все пріѣхавшее населеніе хлынуло въ одну дверь и столпилось въ одной передней. Вольная Венеціянская гавань не осматриваетъ вещей при въѣздѣ, но за то содержитъ строгую Австрійскую таможню на людей. Безъ паспорта и безъ личнаго осмотра нельзя войти въ рай окованной Венеціи. Дверь этого рая чрезвычайно узка. У нея стоитъ усатый и сердитый солдатъ, который вмѣсто цѣпи то поднимаетъ руку свою, чтобы немилосердо отодвинуть наступающую толпу, то опускаетъ ее, чтобы дать ей взойти для предъявленія паспорта. Дамы, младенцы, дѣти, люди обоего пола, всякаго званія и всѣхъ возрастовъ, тѣснятся къ желанному входу. Эта сцена напомнила мнѣ что-то въ родѣ сценъ изъ Дантова Ада, особенно Харона, принимающаго души умершихъ въ свою лодку и отталкивающаго излишнихъ, которыхъ не могла бы вмѣстить она. Дантъ, современный намъ, перенесъ бы эту сцену непремѣнно въ свою поэму.

Вотъ наконецъ мы на берегу большаго канала, у траурныхъ гондолъ Венеціи, изъ которыхъ двѣ приняли насъ съ нашими пожитками и повезли въ гостинницу Св. Марка. Но прежде чѣмъ мы отчалили, надобно было подать милостыню бѣдному rampino, который крюкомъ придерживаетъ къ берегу барку, пока вы въ нее садитесь. Rampino—чисто Венеціанское явленіе. Тысячи стариковъ, морскихъ инвалидовъ, разставшихся съ бурями моря, не имѣютъ другаго промысла, какъ этотъ крюкъ (rampino), придерживающій гондолу, какъ вы въ нее садитесь или изъ нея выходите.

*

Всякому, кто дорожитъ достоинствомъ и благородствомъ слова политическаго и общественнаго, какимъ должны быть современные журналы и газеты, непремѣнно полюбится ежедневная литература Италіи во всѣхъ столичныхъ городахъ ея, гдѣ только новый духъ гражданской свободы одушевилъ и развязалъ это слово. Оно отличается, по большей части, всюду характеромъ обдуманности, зрѣлости, основательности. Не страсть личная писателей, но духъ отечества внушаетъ его. Глубокое изученіе наукъ политическихъ, юридическихъ, историческихъ, издавна пустившее корни во всей Италіи,

предлагаетъ ему твердыя основы, почву незыблемую. Философія Данта, Вико, Джіоберти, озаряетъ его общими свѣтлыми мыслями. Наконецъ искусство и вкусъ предлагаютъ ему формы изящныя, привлекательныя.

Наканунѣ втораго Ноября мы пріѣхали въ Миланъ. Этотъ день Римско-католическая церковь посвящаетъ поминовенію мертвыхъ. Истинныя чувства, выраженныя въ этотъ день газетою Perseveranza въ честь погибшихъ защитниковъ освобожденнаго отечества, соотвѣтствуютъ благоговѣйному обряду церкви, поминающей 2-го Ноября мертвыхъ.

Мы были въ Миланѣ въ самую счастливую минуту. Получена была телеграфическая депеша о побѣдѣ, одержанной королемъ Викторомъ Эмануиломъ, по ту сторону рѣки Гарильяно. Капуа сдалась, и гарнизонъ ея, состоявшій изъ 11,000 слишкомъ человѣкъ, взятъ въ плѣнъ, конечно, добровольный. Неаполь и Сицилія присоединились къ Италіи. Въ это же время получены были телеграфическія извѣстія изъ Перуджіи и Анконы о томъ, что Умбрія и обѣ Марки сдѣлали тоже. Въ Перуджіи всѣ граждане, раздѣлившись на сотни, съ знаменемъ національнымъ, надписавши на шляпахъ Si (да), при крикахъ: да здравствуетъ король! спѣшили класть свободные голоса свои въ сосудъ народнаго мнѣнія въ пользу соединенной Италіи.

Былъ день Карла Борромея, святаго мужа, въ которомъ Миланцы чтутъ благодѣтеля народа. Я нарочно довольно рано пошелъ въ церковь, ему посвященную, на Корсо Витторіо, и въ Миланскій соборъ. Множество народа въ обоихъ храмахъ приносило свои молитвы, въ томъ числѣ и воины—защитники отечества. Въ соборѣ покоятся мощи святаго; онѣ были въ этотъ день выставлены въ углубленіи посереди собора и освѣщены лампадами. Народъ тѣснился около нихъ.

Особеннымъ религіознымъ характеромъ отличается переворотъ, совершающійся теперь въ Италіи. Народъ весьма благоразумно умѣетъ различать злоупотребленія духовной власти отъ самой религіи, которой онъ былъ всегда преданъ. Въ тяжкія минуты бѣдствій своихъ и при свѣтломъ началѣ своего возрожденія, онъ еще болѣе чѣмъ когда нибудь чувствуетъ потребность въ вѣрѣ, въ утѣшеніяхъ, ею предлагаемыхъ, въ разумѣ вѣчной истины, которую она содержитъ и которой свѣтъ долженъ озарить новое дѣло гражданской свободы. Итальянцы понимаютъ, что, будучи раздѣлены политически внѣшнимъ образомъ, они всегда хранили внутреннее свое единство и тѣмъ обязаны были религіи, искусству ею вдохновенному, и литературѣ, взятой въ обширномъ смыслѣ. Сохранивъ въ самихъ себѣ это духовное единство, какъ народное сокровище, они получили силы возвратить и единство внѣшнее политическое, которое могло быть только вѣрнымъ результатомъ единства внутренняго.

Толпы молельщиковъ, приходившихъ въ храмъ и выходившихъ изъ него, мнѣ явно свидѣтельствовали о томъ, какъ сильна религія въ этомъ народѣ и какую потребность въ ней онъ ощущаетъ. Но меня поражало теперь сильнѣе одно явленіе, которое и прежде я замѣчалъ въ религіозной жизни Италіи: въ этомъ приливѣ и отливѣ людей, отдѣльно молящихся, я не видалъ стремленія ихъ слиться въ одно цѣлое, составить одну церковь въ самомъ обрядѣ богослуженія, и это, конечно, зависитъ отъ самаго обряда, совершаемаго или глухо священниками про себя, не сообщая таинства словомъ, или открыто, всенародно, но на Латинскомъ языкѣ, для народа непонятномъ. Одинъ

только органъ соединяетъ еще народъ Итальянскій въ храмѣ въ одно молящееся цѣлое; но музыка не слово, а вѣра требуетъ не одного чувства, но и участія мысли въ молитвѣ. Чувство можетъ выразиться звуками, но для мысли нужно слово опредѣленное.

Соборъ Миланскій, когда я нынѣшній разъ вошелъ въ него, произвелъ весьма стѣснительное впечатлѣніе на меня. Я почувствовалъ какое-то внутреннее утомленіе, безсиліе души, тягость нервическую. Таково дѣйствіе готическаго зодчества. Я и прежде ощущалъ его, но не въ такой степени. Огромность и темнота храма подавляютъ духъ, и потребно его усиліе въ молитвѣ, чтобы вознестись надъ мракомъ и осилить первое трудное впечатлѣніе. Тутъ необходимъ органъ, помогающій душѣ совершить это внутреннее дѣйствіе. Музыка даетъ ей крылья, возноситъ ее надъ этимъ мракомъ и открываетъ ей внутренній міръ, для нея созданный. Но органа не было, и я не могъ настроить души своей къ подобному дѣйствію.

Готическіе храмы, какъ Св. Стефана въ Вѣнѣ и соборъ Миланскій, напомнили мнѣ о томъ таинственномъ ужасѣ лѣсовъ, который обожали древніе Германцы по свидѣтельству Тацита, видя въ этомъ ужасѣ внѣшнее явленіе божества.

Но въ нашихъ древнихъ храмахъ, особенно если строены они объ одной главѣ, нѣтъ этого ужасающаго мрака, и отсутствуетъ подавляющее съ перваго раза впечатлѣніе. Лучи свѣта, проходя черезъ продольныя окна шеи купола, съ неба обливаютъ свѣтомъ всю церковь и особенно все духовное христіанское небо иконостаса, и четыре столпа храма, изображающіе мучениковъ, исповѣдниковъ и воиновъ христіанства. Это первое впечатлѣніе свободно переноситъ духъ вашъ въ небо, и Богъ принимаетъ васъ съ любовію въ своемъ домѣ и съ открытыми объятіями Отца, устремляя мысль вашу прежде всего къ основной истинѣ христіанства, къ довѣчному рожденію Сына отъ Отца, къ дѣйствію высочайшей любви Своей, которое есть вмѣстѣ и дѣйствіе Его верховной премудрости, а за тѣмъ къ воплощенію Сына земному, къ лону Его Матери, откуда истекло ваше спасеніе, и любовь предвѣчная стала любовью совѣчною всѣмъ вамъ, въ нее вѣрующимъ. Куда же скрылась эта основная истина христіанской церкви въ храмахъ готическихъ? Какъ отъискать ее въ этихъ потьмахъ, васъ окружающихъ? Какъ подняться до Бога сквозь этотъ мракъ? Онъ открываетъ Себя вамъ не свободно, но какъ будто требуетъ, чтобы вы прошли черезъ таинственное ярмо Его гнѣва и ужаса и чтобъ вы дѣйствіемъ такого униженія стяжали свободу Его верховной любви и истины.

Впрочемъ, всѣ пути ведутъ вѣрующаго къ Богу, и пожелаемъ, чтобы человѣчество этими разнообразными путями дошло къ Нему въ своей жизни и у престола Его соединилось въ любовь взаимную, которая одна только могла бы запечатлѣть безъ страха явленіе его свободы.

(Продолженіе будетъ).

Воспоминанія доктора Зейдлица

о турецкомъ походѣ 1829 года [1]).

III.

Адріанополь.—Отъ Адріанополя до Константинополя.

Въ Буюкъ-Дербентѣ, въ 40 верстахъ до Адріанополя, пришелъ я въ себя. Здѣсь надо было устроить госпиталь, такъ какъ въ Главной Квартирѣ состояло 800 больныхъ. Ихъ оставили въ Буюкъ-Дербентѣ подъ надзоромъ доктора Сахарова. По отзыву Даля, между ними было нѣсколько случаевъ дисентеріи, большая же часть страдала перемежающейся лихорадкой, которая, тотчасъ по вступленіи войскъ въ басейнъ Румеліи, приняла злокачественный характеръ, оказавшійся гибельнымъ для нашей арміи. Къ довершенію тревоги, въ Камчатскомъ резервномъ полку, пришедшемъ вслѣдъ за нами изъ гавани Зицболья, показались на больныхъ признаки чумы. Они вышли оттуда здоровые, присоединились къ Главной Квартирѣ 5 Августа, были подвергнуты строгому осмотру, и тутъ-то 5 человѣкъ оказалось съ подозрительными признаками болѣзни. Тотчасъ ихъ и еще 14 человѣкъ, имѣвшихъ съ ними сношенія, отдѣлили и оставили въ Буюкъ-Дербентѣ. Полкъ оцѣпили, и такъ онъ дошелъ до Адріанополя, гдѣ и выдержалъ благополучно карантинъ. Также и тѣ 19 больныхъ, оставленные въ Дербентѣ, выздоровѣли и впослѣдствіи вернулись въ Адріанополь, гдѣ ихъ однако помѣстили въ отдаленныхъ палаткахъ и продержали подъ строгимъ надзоромъ до Октября. Но и помимо чумы, стоянка въ Адріанополѣ была для насъ тягостна, а впослѣдствіи и гибельна. Мы такъ радовались, что пойдемъ впередъ за корпусомъ Рота и что еще дня два, и наша кавалерія, уланы и казаки, будутъ поить коней въ «Прѣсныхъ водахъ» Константинополя, и вдругъ всѣ наши надежды рушились! Въ Луле-Бургасѣ Ротъ получилъ приказаніе остановиться. А между тѣмъ бѣгущіе Турки въ смятеніи уже готовы были сжечь свою временную столицу и переселиться въ Скутари; тогда на этой tabula rasa возникла бы новая Византія! Вмѣсто того, благодаря дипломатіи, изо всѣхъ силъ старавшейся препятствовать нашему дальнѣйшему движенію, наши храбрыя войска были осуждены на жестокую участь: въ мирное время въ Румеліи болѣзни сгубили пятую часть изъ нихъ! Три мѣсяца прожили мы въ полнѣйшей неизвѣстности насчетъ того, что̀ будетъ

[1]) См. первую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 412.

завтра—пойдемъ ли мы впередъ, или вернемся въ Россію; благодаря этой неизвѣстности, всѣ мѣры и распоряженія имѣли въ виду только ближайшее будущее. Когда же наконецъ былъ объявленъ обратный походъ въ Россію, у насъ на рукахъ оказалось 5000 больныхъ, съ которыми мы не знали что дѣлать: за отсутствіемъ дорогъ, ихъ нельзя было ни перевезти, ни принять необходимыхъ мѣръ для защиты ихъ отъ наступившихъ холодовъ.

Хотя въ Буюкъ-Дербентѣ осталось 800 больныхъ, но когда мы 12 Августа пришли въ Адріанополь, въ походномъ госпиталѣ при Главной Квартирѣ было всего 26 больныхъ офицеровъ и 226 рядовыхъ. Мы тотчасъ же заняли часть новыхъ Турецкихъ казармъ и устроили постоянный госпиталь, въ которомъ я былъ главнымъ докторомъ до самаго отъѣзда моего въ Константинополь съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, нашимъ чрезвычайнымъ посломъ. Представьте себѣ продолговатое двухъ-этажное, квадратное зданіе, выстроенное за городомъ, на отлогомъ холмѣ. На продольной сторонѣ 150 окошекъ, на поперечной 100; въ восточной части возвышается стройный минаретъ; передъ зданіемъ разстилается огромная лужайка, а за ней чинаровая роща, сады и кладбища. Городъ выстроенъ амфитеатромъ, среди зелени мелькаютъ плоскія крыши домовъ; стройные минареты мечетей, краше которыхъ нѣтъ нигдѣ на Востокѣ, высятся къ небу. Прибавьте еще, что 15,000 регулярнаго Турецкаго войска, которому надоѣла война, спѣшатъ положить или, лучше сказать, побросать оружіе, чтобы дать мѣсто народу; толпы выходятъ къ намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ, плодами, виномъ. Нашъ въѣздъ походилъ на торжество. Кто же могъ предполагать, что именно здѣсь, гдѣ все смотрѣло такъ привѣтливо, мы потеряемъ больше людей, чѣмъ стоила бы намъ осада Константинополя? 17 Августа у насъ уже было 1,616 больныхъ, 27 Авг. 3,666; 1 Сентября уже 4,641, тогда какъ у насъ всего войска было 13,000 чел.; слѣдовательно черезъ 18 дней третья часть лежала въ лёжку. Намъ присылали больныхъ отовсюду, а между тѣмъ мы могли только дать имъ пріютъ и обыкновенную пищу. Да и тутъ иногда встрѣчались затрудненія, потому что нельзя было запасать всего надолго. Докторовъ было довольно, но работать приходилось свыше силъ человѣческихъ: надо было самимъ готовить лекарства, самимъ давать ихъ больнымъ; не было ни фельдшеровъ, ни больничной прислуги. Постоянное пребываніе въ госпиталѣ и усиленная дѣятельность наконецъ оказались не подъ силу самымъ ретивымъ. Тогда устроили очередь: одна половина отдыхала, покуда другая работала и, благодаря этому, изъ тридцати докторовъ, за все время до Ноября умеръ только одинъ. Впослѣдствіи, когда часть докторовъ отправилась вмѣстѣ съ войскомъ въ Болгарію, у насъ оказался въ нихъ недостатокъ; къ тому же въ Адріанополѣ появилась чума, и тамъ, какъ и вездѣ, они первые сдѣлались ея жертвами.

Адріанополь лежитъ на песчаныхъ и глинистыхъ холмахъ по лѣвому берегу Марицы. Эта довольно многоводная рѣка образовалась изъ сліянія двухъ рѣкъ—Тунджы и Арды. При соединеніи ихъ, а также и на всемъ правомъ берегу, почва низменная, плоская и болотистая; за 2,500 шаговъ далѣе поднимается нѣсколько отлогихъ холмовъ; на нихъ расположены двѣ или три деревни и нашъ госпиталь, который отдѣлялся отъ города низкой равниной; въ восточной ея части лежитъ Эски-Серай, а западная занята садами и предмѣстьями. Между городомъ и Эски-Сераемъ два рукава рѣки образуютъ

низкій островъ, заросшій великолѣпными чинарами [2]); тутъ расположились лагеремъ Главная Квартира и войска. Передъ госпиталемъ стояла часть артилеріи; солдаты помѣщались въ зданіи госпиталя, но скоро имъ пришлось уступить мѣсто больнымъ, которые все прибывали.

Между рѣкою и холмами, на которыхъ построенъ городъ, тянется узкая полоса земли, составляющая продолженіе города: тутъ живутъ Болгары и Евреи. Весною вода заливаетъ всю эту мѣстность. По ту сторону Адріанополя снова песчаная плоскость; только на Востокѣ виднѣется возвышеніе, гдѣ добываютъ мраморъ. Въ городѣ 80,000 жит., изъ которыхъ половина христіане. Въ серединѣ города за старыми стѣнами идутъ узкія, кривыя улицы; выдающіяся надстройки домовъ сходятся наверху и образуютъ въ иныхъ мѣстахъ родъ сплошной крыши. Внѣ ея улицы шире, много товарныхъ амбаровъ, складовъ, кое-гдѣ попадаются сады въ перемежку съ домами; есть также торговые ряды крытые и некрытые, но площадей нѣтъ ни одной. Домà большею частью деревянные; благодаря неровной почвѣ, улицы то поднимаются, то спускаются; мостовыя крайне плохи; послѣ дождя грязь вездѣ непроходимая. Въ городѣ множество фонтановъ съ свѣжей хорошей водой, проведенной издалека; въ Марицѣ же вода зеленоватая, мутная и для питья не годится, потому что въ нее спускаютъ всѣ городскія нечистоты. За городомъ, внизу, у самой рѣки, расположены кожевенные заводы, красильни и бойни. Всѣ другія мастерства находятся въ самомъ городѣ и производятся обыкновенно на улицахъ. На рѣкѣ стоитъ нѣсколько водяныхъ мельницъ. Кругомъ города есть пашни, огороды; воздѣлываются фруктовыя и тутовыя деревья, виноградъ и хлопчатая бумага; овцы и рогатый скотъ въ изобиліи; хлѣбъ плохъ. Вино здѣсь во всеобщемъ употребленіи, но не хорошо: въ красное подмѣшиваютъ для цвѣта сандалъ, а для крѣпости Capsicum. Рыбы мало, и она невкусна, оттого что живетъ въ мутной водѣ. Турки составляютъ только третью часть всего населенія; остальные жители—Греки, Болгары и Евреи. Болгары отличаются сильнымъ и красивымъ сложеніемъ; они трудолюбивы и очень общительны. Кладбища находятся къ Югу отъ города, также на правомъ берегу Марицы, между городомъ и казармами, гдѣ мы помѣщались и дальше за казармами. Наши казармы выстроены на старомъ кладбищѣ; на дворѣ у насъ изъ подъ земли всюду выглядывали кости. Зимою, когда недоставало дровъ, солдаты стали ихъ употреблять на топливо. Почва глинистая на известковой подпочвѣ; лѣсовъ по близости совсѣмъ нѣтъ.

Казармы, въ которыхъ помѣстился нашъ госпиталь, стоятъ на 1,500 шаговъ къ Сѣверо-востоку отъ города и предназначались нынѣшнимъ султаномъ для регулярныхъ войскъ. Каменная массивная постройка состоитъ изъ четырехъ корпусовъ, соединенныхъ подъ прямыми углами такимъ образомъ, что въ серединѣ образуется дворъ въ 600 шаговъ длиною и 350 шириною. По угламъ двора фонтаны съ двѣнадцатью кранами; пятый стоитъ передъ восточнымъ корпусомъ, въ которомъ мечеть. Къ внѣшней сторонѣ западнаго корпуса примыкаетъ боковой дворъ, гдѣ находятся кухни и Турецкая баня. Въ этомъ корпусѣ мы помѣстили своихъ больныхъ. Вдоль всего зда-

---

[2]) Деревьевъ этихъ уже не существуетъ болѣе! Зимой, когда недоставало дровъ для госпиталя, Турки позволили вырубить свою рощу.

нія съ надворной стороны идетъ двухъ-этажная открытая галерея. Посреди южнаго корпуса надъ главными воротами находятся комнаты визиря, а угловыя помѣщенія назначены для штабъ-офицеровъ; комнаты же для оберъ-офицеровъ находятся между комнатами для рядовыхъ. Тутъ же рядомъ устроены отхожія мѣста, одно на 4 комнаты; всѣхъ 32, не считая тѣхъ, которыя при штабъ-офицерскихъ квартирахъ. Сообщаются они посредствомъ отверстій въ полу съ нижнимъ клоакомъ. Подъ домомъ проведены каналы для стока нечистотъ, но трубы всѣ были засорены. Двери всѣхъ помѣщеній выходятъ въ коридоръ. Полъ вездѣ кирпичный; въ жилыхъ комнатахъ устроены вдоль стѣнъ деревянныя нары на высотѣ 6 дюймовъ. Въ маленькихъ комнатахъ помѣщалось человѣкъ 20 больныхъ, въ другихъ больше, 40—60; въ иныхъ лежало до 100 чел. Такъ какъ сѣна и соломы у насъ не было, то вмѣсто матрацовъ мы употребляли разрѣзанныя на куски Турецкія палатки; ранцы клались подъ голову вмѣсто подушекъ, а одѣялами служили шинели. Въ кухняхъ и въ банѣ устроены особые водопроводы; какъ извѣстно, бани въ Турціи нагрѣваются посредствомъ трубъ, проходящихъ подъ поломъ. Здѣсь въ казармахъ баня мраморная и отличается своимъ изящнымъ устройствомъ.

Казалось, лучше подобнаго помѣщенія для больныхъ нельзя было и найти въ мѣстности, гдѣ нѣтъ деревень. Но къ несчастію въ комнатахъ было невообразимо грязно; отхожія мѣста, которыхъ было множество, заражали воздухъ зловоніемъ. Въ бо̀льшей части оконъ не было стеколъ; иныя были даже безъ рамъ; ни одна дверь не затворялась плотно. Никто не ожидалъ, что придется тутъ провести осень, а еще менѣе зиму, потому и не позаботились о необходимыхъ поправкахъ; когда же наконецъ рѣшено было, что больные зазимуютъ тутъ, уже было поздно. Самое большое зло составляли неудобныя отхожія мѣста, не имѣвшія стока и которыя нельзя было чистить. Они были неудобны и для здоровыхъ; для больныхъ же, еле державшихся на ногахъ, никуда не годились. Между тѣмъ, у насъ было 5000 больныхъ, изъ которыхъ половина страдала дисентеріей, и хотя 50 человѣкъ рабочихъ постоянно заняты были уборкою нечистотъ, все-таки въ короткое время вся казарма заразилась отвратительнѣйшимъ запахомъ. Въ довершеніе бѣдъ, осенью потекло со стѣнъ и съ потолка, и въ нижнемъ этажѣ земляная настилка подъ поломъ превратилась въ болото. Сквозь двери и окна проникалъ холодъ и свободно разгуливалъ по нетопленнымъ комнатамъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно для появленія чумы при первомъ возможномъ случаѣ. Три мѣсяца прожили мы такимъ образомъ. Больные наши большею частію страдали поносами, дисентеріями, лихорадками, водянками и вообще болѣзнями брюшныхъ органовъ. Лихорадки обыкновенно оказывались смертельны, особенно же когда въ Октябрѣ онѣ начали появляться въ сопровожденіи дисентеріи. Во всей арміи, можетъ быть, было человѣкъ 500, избѣжавшихъ этой болѣзни, да и изъ этихъ счастливцевъ многіе вдругъ заболѣвали тѣмъ же по возвращеніи въ Россію, и въ такомъ случаѣ болѣзнь принимала упорный характеръ, такъ что слѣды ея долго еще гибельно отзывались на многихъ, побывавшихъ въ Турціи.

Конечно, при отдѣльныхъ случаяхъ заболѣванія, врачебная наука въ соединеніи съ хорошимъ уходомъ могла еще облегчить страданія и даже спасти жизнь, но когда эпидемія постигаетъ цѣлую армію, и

больные сотнями скучены въ одномъ госпиталѣ, тогда передъ зломъ безсильны всякія средства. Тутъ дѣло не въ лекарствахъ, а въ уходѣ за больными, чувствующими страшную слабость, равнодушіе къ жизни, и притомъ требующими постояннаго поддержанія чистоты вокругъ себя. Тутъ необходимо имѣть почти столько же прислуги, сколько больныхъ, и огромный запасъ бѣлья; необходимо, чтобъ воздухъ безпрестанно очищался, чтобъ не скоплялись ни испаренія, ни нечистоты, а при такомъ громадномъ количествѣ больныхъ никакія дезинфекціонныя средства не могли помочь злу. Вдыханіе зараженнаго воздуха поддерживаетъ уже развившуюся болѣзнь и отравляетъ кровь здоровыхъ людей. Въ Сентябрѣ всѣ лихорадки перемежающіяся и ослабляющіяся начали переходить въ дисентерію, кончавшуюся смертію; всѣ выздоравливающіе заболѣвали тѣмъ же. Въ Октябрѣ отъ этой болѣзни умерло 1300 больныхъ, вслѣдствіе того, что въ Адріанопольскій госпиталь прислали изъ Кирклиссы 1500 больныхъ дисентеріей. Я неоднократно протестовалъ противъ подобныхъ перемѣщеній безнадежно - больныхъ, но все напрасно: мнѣ отвѣчали, что «войскамъ приказано отступить назадъ съ передовыхъ позицій, и при этомъ, конечно, невозможно забирать съ собою больныхъ». Изъ немобилизированныхъ еще полковъ приходили всякій день 150 — 200 человѣкъ, больныхъ дисентеріей; они были такъ слабы, что еле-еле могли дотащиться до госпиталя. Весь Октябрь мѣсяцъ стояла отвратительная, сырая, холодная погода, и наши больные, не имѣвшіе теплой одежды [3]), жестоко страдали отъ холода въ нетопленныхъ комнатахъ. При двухъ или даже четырехъ градусахъ тепла они уже мерзли, какъ мухи осенью. Въ лагерѣ отъ постоянныхъ дождей почва превратилась въ болото, гдѣ ноги вязнули по колѣно, и никакія подстилки изъ сѣна или камыша не могли защитить отъ сырости въ палаткахъ. Отсутствіе теплаго ночлега и баней были самымъ чувствительнымъ лишеніемъ для нашихъ солдатъ. Сапогъ они не снимали ни днемъ, ни ночью, такъ сильно у нихъ болѣли пальцы на ногахъ и лодыжки; когда же наконецъ 16-го Октября былъ сдѣланъ осмотръ, мы были поражены: на пальцахъ была гангрена, и это не у одного или двухъ, а у двадцати или тридцати человѣкъ; и такъ всякій день. Тоже самое явленіе повторилось и на больныхъ въ госпиталѣ. Такъ какъ я насмотрѣлся на ужасы чумы по ту сторону Балканъ, то и распорядился, чтобъ помѣстить въ отдѣльную комнату всѣхъ больныхъ, у которыхъ послѣ лихорадки появились опухоли околоушныхъ желѣзъ или вообще какіе нибудь нарывы. Лѣченіе было поручено моему помощнику, штабъ лекарю Леконту, и къ комнатѣ была приставлена стража. Ему было вмѣнено въ обязанность всѣхъ вновь прибывающихъ больныхъ подвергать тщательному осмотру и, при малѣйшемъ сомнительномъ признакѣ, помѣщать отдѣльно отъ другихъ. Въ срединѣ Октября пріѣхалъ къ намъ Иконниковъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находились еще въ 1828 г. чумные госпитали въ Валахіи; онъ прожилъ при нашемъ госпиталѣ пять дней, осмотрѣлъ всѣхъ больныхъ и не нашелъ ни на одномъ признаковъ чумы. Главный докторъ Румелійскихъ госпиталей, Аммонъ, пріѣхавшій къ намъ 22-го Октября, былъ того же мнѣнія. Между тѣмъ въ Айдосѣ, Ахіолѣ, Мисим-

[3]) Благодаря дурнымъ дорогамъ и чумѣ, открывшейся между вощиками, транспортъ съ бѣльемъ и полушубками на 2000 чел. пришелъ изъ Ахіоля въ Адріанополь только въ Декабрѣ.

вріи, Бургасѣ, вездѣ неудержимо свирѣпствовала чума, и нельзя было далѣе надѣяться, что зло минуетъ большой Адріанопольскій госпиталь. Безпорядки въ хозяйственной части управленія дошли до такой степени, что я сталъ просить докт. Витта объ увольненіи, потому что силъ нашихъ не хватало болѣе: на 5000 больныхъ было 28 докторовъ. Но Виттъ, хлопоча самъ объ отставкѣ, никакъ не хотѣлъ отпустить меня; я продолжалъ настаивать. Тогда отъ Дибича пришло мнѣ приказаніе ѣхать въ Константинополь съ чрезвычайнымъ посломъ нашимъ, графомъ Орловымъ. 29-го Октября сложилъ я съ себя званіе и тяжелую отвѣтственность главнаго доктора и передалъ все въ руки своего товарища Леконта. Помощникомъ былъ сдѣланъ Ринкъ, комендантомъ генералъ Коленъ, а главный надзоръ надъ госпиталемъ былъ порученъ докт. Аммону. Мирный договоръ съ Турками былъ наконецъ заключенъ, и войска получили приказъ отправляться на зимнія квартиры въ Бургасъ. Транспортировать больныхъ по испортившимся въ конецъ дорогамъ было невозможно: въ Адріанополѣ, въ тѣхъ же зараженныхъ казармахъ, осталось 4700 больныхъ и 400 чел. больничныхъ служителей подъ защитою одного батальона 36-го егерскаго полка, съ тѣмъ чтобъ по мѣрѣ выздоровленія или-же весной переправить ихъ въ Бургасъ.

Въ Декабрѣ было отослано въ полки около 300 выздоровѣвшихъ, да 6 Мая 1830 года еще 170 человѣкъ больныхъ, и человѣкъ 400 здоровыхъ отправлено въ Бургасъ. Вотъ какова сила всякой заразительной болѣзни, если развитію ея способствуютъ мѣстныя условія! Даль получилъ приказъ сопровождать генерала Ридигера въ Бухарестъ, Паукера перевели въ летучій госпиталь при Главной Квартирѣ, отправлявшейся въ Бургасъ. Такимъ образомъ судьба разорвала нашъ медицинскій кружокъ! Жалко было разставаться, но мы рады были уѣхать.

Отъѣздъ Орлова въ Константинополь, а также и переѣздъ Главной Квартиры въ Бургасъ были отложены до 8 Ноября, такъ какъ ждали передачи крѣпости Журжева или, можетъ быть, пріѣзда посланника Бутенева. 7 Ноября обошелъ я въ послѣдній разъ несчастныхъ, заподозрѣнныхъ въ чумной заразѣ. Они принадлежали къ 62 ротѣ инвалидовъ, пришедшей изъ Бургаса, помѣщались, въ дождливую погоду, внѣ стѣнъ госпиталя, въ простой палаткѣ и лежали на размокшей землѣ. Изъ комнаты № 83 перевели 2 Ноября больнаго, страдавшаго перемежающейся лихорадкой въ другую палату № 55; здѣсь показался на немъ чумный нарывъ; тотчасъ же его перевели изъ госпиталя въ отдѣленіе для чумныхъ на Тунджѣ, гдѣ онъ черезъ 3 дня померъ. Остальные обитатели № 55 благополучно перенесли свой карантинъ. Но въ № 83 черезъ 10 дней еще на 4 больныхъ показались нарывы и карбункулы; они и всѣ лежавшіе въ той же комнатѣ померли, какъ только ихъ перевели въ отдѣленіе для чумныхъ. Комата эта находилась въ нижнемъ этажѣ, была очень дурно устроена: она сдѣлалась разсадникомъ чумы. И такъ первая сцена страшной Адріанопольской трагедіи разыгралась еще при мнѣ.

8 Ноября утромъ пріѣхалъ я въ городъ въ своей повозкѣ съ деньщикомъ и багажемъ. Я обѣщалъ капитану Коцебу [1]) захватить съ собой его людей и вещи, но онъ еще не былъ готовъ. Орловъ уже уѣхалъ впередъ; мы же должны были ѣхать на Гафсу, Эскибабу, Луле-Бургасъ,

[1]) Нынѣ графу Павлу Евстафіевичу.

въ Родосто. Въ Главной Квартирѣ сумятица была страшная: всѣ, сломя голову, спѣшили выбраться изъ проклятаго болота. Люди и лошади барахтались въ грязи по колѣно. Крики, ругань, удары, проклятія, все мѣшалось въ неумолкаемый гулъ. Докторъ Паукеръ добылъ себѣ громадные Болгарскіе сапоги и съ трудомъ вытаскивалъ ноги: онъ былъ въ грязи съ головы до ногъ. Наконецъ ему удалось найти мѣстечко въ аптекарскомъ фургонѣ, и такимъ образомъ онъ доѣхалъ до Бургаса. Потомъ онъ писалъ мнѣ въ Константинополь, что они ѣхали 140 верстъ 23 дня!

Наконецъ въ 11 часовъ выѣхалъ и я съ своимъ караваномъ, состоявшимъ изъ повозки, 4 деньщиковъ, одного Грека-погонщика (суруджи) и 9 лошадей. На дорогу я купилъ себѣ Турецкій кожаный, дорожный мѣшокъ, сахару и баранины. Цѣлый часъ ѣхали мы по сквернѣйшему шоссе въ южной низкой части города, наконецъ выѣхали на песчаную дорогу, въ одномъ мѣстѣ представлявшую сплошную, громадную лужу. Я благополучно проѣхалъ верхомъ, но Трофима угораздило попасть въ яму: лошади ни съ мѣста. Мимо проѣзжалъ караванъ Турокъ на буйволахъ; я былъ готовъ заплатить какія угодно деньги, лишь бы только вылѣзть изъ лужи, но они даже и не отвѣчали на мои предложенія и проѣхали мимо. Наконецъ небо сжалилось надъ нами и послало на выручку трехъ молодцовъ Болгаръ, которые, внявъ моимъ уговорамъ, вошли въ воду, разгрузили повозку и съ помощію моей прислуги вытащили экипажъ изъ ямы. Жалко мнѣ было Трофима, у котораго только два дня тому назадъ прекратилась лихорадка, а теперь ему пришлось ради совершеннаго излѣченія простоять цѣлый часъ въ водѣ. Наконецъ мы тронулись впередъ. Черезъ пять верстъ—новое препятствіе: Турки, отступая, уничтожили мостъ черезъ рѣку. Правда, въ одномъ мѣстѣ тутъ былъ бродъ, но отъ дождей вода такъ поднялась, что и думать объ этомъ было нельзя. Съ того берега Русскій солдатъ закричалъ намъ, чтобы мы не пробовали, потому что тутъ недавно провалилась коляска его барина и съ лошадьми, и до сихъ поръ лежитъ на днѣ рѣки. Пришлось искать другой переправы повыше; наконецъ у Скендеръ-Кіойя нашелся мостъ, и мы благополучно переѣхали на другой берегъ. Однако мы сдѣлали крюкъ и потеряли два часа; уже стемнѣло, а до Гафсы еще оставалось 12 верстъ, по крайней мѣрѣ на три часа. Дорога шла по глиняному грунту, совершенно размягшему отъ дождей, лошади совсѣмъ измучились, тѣмъ болѣе, что онѣ ничего не ѣли съ 6 часовъ утра. Немудрено, что черезъ полчаса мы опять стали. На этотъ разъ положеніе наше было дѣйствительно критическое: темно было, хоть глазъ выколи, и никакого жилья вокругъ. Между тѣмъ поднялся рѣзкій вѣтеръ, небо заволокло снѣговыми тучами. Вдругъ послышался скрипъ немазаныхъ колесъ—о какая небесная музыка! Это ѣхали изъ Гафсы Болгары въ телѣгѣ, запряженной 4 волами, которыхъ мы сейчасъ же сочли законной добычей, посылаемой намъ самимъ небомъ. Поднялись долгіе толки: Болгары не понимали насъ, мы не понимали Болгаръ; наконецъ я наугадъ закричалъ «да» въ отвѣтъ на длинную рѣчь Болгарина, въ которой, мнѣ казалось, заключался вопросъ. Тотчасъ же они впрягли въ повозку двухъ воловъ и вытащили насъ изъ вязкой глины. Медленнымъ, но ровнымъ шагомъ поѣхали мы снова,—на этотъ разъ уже съ твердою увѣренностію, что доберемся часа черезъ два до ночлега. Тщетная надежда! Несчастная наша звѣзда все еще была надъ нами, хотя и за обла-

комъ. Волы, лошади и повозка, все снова очутилось въ ложбинѣ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ выкарабкаться оттуда, я наконецъ рѣшился оставить двухъ деньщиковъ при повозкѣ, а съ двумя другими ѣхать въ Гафсу и оттуда прислать людей на помощь. Мы были ближе къ деревнѣ, чѣмъ я предполагалъ: черезъ полчаса въ темнотѣ замелькалъ огонекъ, мы пріѣхали въ Гафсу и остановились прямо у освѣщеннаго дома, который оказался каравансараемъ, гостинницей для путешественниковъ. Единственная жилая комната хозяйская была скорѣе похожа на собачью конуру, а хозяинъ глядѣлъ бандитомъ. Люди мои отправились въ сарай, гдѣ уже помѣстились на ночь Сербскіе купцы съ товарами и лошадьми; я же вошелъ въ комнату. Вокругъ потухавшей жаровни сидѣло нѣсколько человѣкъ оборванныхъ Турокъ, покуривали трубочки и изрѣдка перебрасывались короткими словцами. Еслибы я желалъ получить право присѣсть въ этомъ интересномъ обществѣ, мнѣ бы слѣдовало тотчасъ спросить себѣ кофею, такъ какъ инаго яства или питія достать здѣсь было нельзя. Но мнѣ прежде всего нужна была помощь для моихъ людей и лошадей, оставшихся въ лужѣ. Отъ Турокъ я ничего не могъ добиться, кромѣ «і о к ъ» (нѣтъ); тогда я обратился къ Сербскимъ купцамъ, которые еще не спали. Одинъ изъ нихъ, говорившій порусски, принялъ во мнѣ большое участіе, но сдѣлать ничего не могъ: Турки ни за какія деньги не соглашались двинуться съ мѣста, говоря, что завтра будетъ время, а теперь слишкомъ холодно. Пришлось поневолѣ покориться своей участи. Я вернулся въ комнату и къ изумленію Турокъ выпилъ полдюжины чашекъ кофею, величиною съ половину яичной скорлупы, закусывая хлѣбомъ съ сыромъ, который мнѣ далъ Иванчичъ (такъ звали Сербскаго купца). Кончивъ ужинъ, я растянулся на полу, но спать не могъ: я безпокоился о своихъ людяхъ, все время стоявшихъ въ водѣ; да и Турки своимъ говоромъ, напоминавшимъ хрюканье, не дали мнѣ уснуть до 12 час. ночи. Наконецъ и они полегли, но въ $3^1/_2$ часа утра уже встали; я думалъ, идутъ на работу, но они опять усѣлись, поджавши ноги вокругъ жаровни и закурили трубки. Долга показалась мнѣ эта ночь! Разъ десять вставалъ я смотрѣть въ окошко, не разсвѣтаетъ ли наконецъ, но ничего не видѣлъ кромѣ снѣга, который подъ 41^0 сѣверной широты выпалъ въ эту ночь. Въ 8 часовъ проснулись и купцы; я сталъ приставать къ нимъ, чтобъ они наняли людей и буйволовъ. Поднялись безконечные переговоры; наконецъ одинъ Болгаринъ, взявъ съ меня 18 піастровъ, рѣшился съ парой буйволовъ отправиться на помощь къ моимъ людямъ. Между тѣмъ Иванчичъ передалъ мнѣ, что онъ видѣлъ дорогой нѣсколько колясокъ въ сопровожденіи казаковъ, гусаровъ и т. д., и всѣ они направлялись на Узункопри (длинный мостъ). Должно быть, это былъ графъ Орловъ, который, узнавъ, что дорога въ Гафсу такъ дурна, предпочелъ ѣхать западнѣе, вдоль Марицы.

Только къ 9 часамъ собрались мы наконецъ выѣхать. Когда мы прибыли къ злополучному мѣсту, я увидалъ, что деньщики мои, прождавъ меня довольно долго, выпрягли лошадей, отвели ихъ на берегъ, задали имъ овса, а сами завернулись въ одѣяла и цыновки, чтобъ согрѣться. Съ торжествомъ въѣхалъ я въ караванъ-серай. Можно было бы тотчасъ же отправляться далѣе, такъ какъ лошади уже отдохнули, но мнѣ хотѣлось угостить людей: я далъ имъ бутылку рому. Черезъ 5 минутъ Трофимъ былъ пьянъ; потомъ принесли

мнѣ извѣстіе, что по дорогѣ въ Эски-бабу Турки разрушили еще одинъ мостъ, и что теперь нужно ждать, пока вода спадетъ, и тогда можно будетъ перебраться. Предвидѣлось пріятное путешествіе, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ изъ Адріанополя въ Луле-Бургасъ повстрѣчается ровно 26 большихъ и малыхъ рѣчекъ, стекающихъ съ хребта, который тянется отъ Сливны до Константинополя, и впадающихъ частію въ Марицу, частію въ Эргенэ. Пришлось остаться на цѣлый день въ Гафсѣ. Я подружился съ Сербскими купцами, сталъ ходить по другимъ кофейнямъ (ихъ всѣхъ четыре), и вездѣ-то сидѣла вокругъ жаровни толпа лѣнтяевъ, поджавши ноги, съ трубками въ зубахъ и съ чашкой кофею. Турецкая чашка заключаетъ не болѣе двухъ ложекъ, но Турокъ пьетъ ее цѣлый часъ. Разговоръ между ними шелъ отрывочными фразами, безъ споровъ и шуму. Холодъ, наступившій такъ неожиданно, казалось, былъ имъ не понутру: они все твердили: з о о к ъ, з о о к ъ (холодно, холодно). Я не видалъ, чтобъ хозяинъ и гости что нибудь ѣли; по временамъ они выпивали чашку кофею и только. Кофей варился цѣлый день на небольшомъ очагѣ въ углу, но хотя огонь былъ постоянно разведенъ, комната не нагрѣвалась, такъ какъ подъ очагомъ былъ погребъ, и труба шла прямо оттуда на крышу. Сербы не оставляли своихъ лошадей; они въ сараѣ варили себѣ кушанье изъ муки и меда, или изъ рису и бараньяго сала; мои люди послѣдовали ихъ примѣру.

Къ вечеру подошелъ еще караванъ, въ которомъ находился юсбаша (офицеръ) изъ Шумлы, возвращавшійся на родину, и двое купцовъ изъ Адріанополя. Въ эту ночь мы вчетверомъ спали на полу.

На другой день пришло извѣстіе, что можно перебраться черезъ ручей. Мои спутники сейчасъ же собрались и уѣхали. Я же нанялъ пару буйволовъ въ повозку; вдругъ Турокъ объявляетъ, что онъ ѣхать не можетъ, потому что слишкомъ холодно. Нечего дѣлать, пришлось опять впрягать лошадей! Но не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ онѣ начали скользить и падать. Опять отправился я на поиски за буйволами. Турокъ не было возможности сдвинуть съ мѣста: такъ плотно они засѣли у своей жаровни; проклятые лѣнтяи смѣялись мнѣ въ глаза. Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ и просьбъ, какой-то Болгаринъ согласился за 32 піастра провезти повозку 24 версты до Эски-бабы, такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобъ отправляться въ дальнее путешествіе. Я поѣхалъ верхомъ впередъ и на полъ-дорогѣ остановился въ деревнѣ Кулели, чтобъ подождать своихъ. Сижу я въ кофейнѣ и спокойно ѣмъ кусокъ рыбы съ хлѣбомъ, запивая кофеемъ, вдругъ просовывается чья-то голова въ дверь, произноситъ нѣсколько словъ и исчезаетъ. Въ туже минуту всѣ посѣтители вскакиваютъ съ мѣстъ и бросаются вонъ изъ комнаты. Я думалъ, вѣроятно, тотъ человѣкъ обругалъ и оскорбилъ все общество, но вышло иначе. Это проѣзжалъ Галишъ-паша Селиврійскій, назначенный Адріанопольскимъ губернаторомъ, и захотѣлъ остановиться на минуту въ кофейнѣ, потому-то вся сволочь должна была убраться и уступить ему мѣсто. Я, конечно, не пошевелился. Тогда онъ черезъ толмача спросилъ, кто я, куда ѣду и т. д. Когда онъ узналъ, что я докторъ, тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, просилъ пощупать пульсъ и сказать, здоровъ ли онъ. Такъ какъ я ему далъ успокоительный отвѣтъ, онъ тотчасъ же приказалъ хозяину подать мнѣ чашку кофею. Маленькій круглый человѣчекъ обошелся очень милостиво съ Русскимъ. Въ свитѣ его находился Ибрагимъ-

паша, недурно говорившій порусски; онъ увѣрялъ, что видѣлъ меня въ Варнѣ, какъ я съ двумя батальонами шелъ противъ Омеръ-Вріоне. Какъ я ни старался его разувѣрить, онъ крѣпко стоялъ на своемъ. Когда высокіе посѣтители уѣхали, прежній людъ снова вернулся и усѣлся вокругъ жаровни.

Между тѣмъ привели моихъ буйволовъ, и мы поѣхали. На дорогѣ намъ попались навстрѣчу всадники и носильщики, составлявшіе свиту паши; мы проѣхали мимо нихъ, не услыхавъ ни одного насмѣшливаго или обиднаго слова. Правда, военная свита паши была не такова, чтобъ могла нанести оскорбленіе Русскому мундиру. Вы не можете представить, что это была за сволочь! Тутъ были только мальчики 12—16 лѣтъ, да сѣдобородые старики. Даже и здѣсь, въ Константинополѣ, гдѣ должно быть отборное войско, на караулѣ иногда стоятъ малые ребята. Къ концу похода, часто случалось, что двое казаковъ загоняли цѣлую толпу подобныхъ храбрецовъ. Куда же дѣвались эти сотни тысячъ, которые, по разсчетамъ иностранныхъ газетъ, должны были явиться по первому призыву на службу, такъ какъ призывались всѣ способные носить оружіе отъ 12 лѣтняго до 60-лѣтняго возраста? Увѣряли даже, что въ Европейской Турціи живетъ по крайней мѣрѣ $2^1/_2$ милл. Турокъ; но дѣло въ томъ, что наша статистика непригодна для этой выродившейся расы. Все имущество паши помѣщалось на 150 вьючныхъ лошадяхъ и мулахъ; прислуги было столько же, такъ какъ всякій день приходилось навьючивать и развьючивать. Перевозки въ экипажахъ тутъ не существуетъ, а потому и нѣтъ большой дороги между обѣими столицами, хотя производится оживленная торговля, и проѣзжаютъ постоянно и знатные люди, и простые смертные, и даже встарину самъ султанъ ѣзжалъ по этой дорогѣ.

Широкая равнина изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ дорогами и дорожками, которыя всѣ сходятся у какого нибудь жалкаго мостика черезъ ручей и снова расходятся во всѣ стороны. Вблизи не видно ни домика, ни садика, ни гостинницы, потому что никто не селится близъ дороги, опасаясь чужаго захвата; только въ селахъ и городахъ, гдѣ есть взаимная помощь и защита отъ разбоя, путешественникъ можетъ найти пріютъ, да и то съ трудомъ, при чемъ сила оказывается полезнѣе чѣмъ деньги. Вотъ вамъ и еще доказательство варварскаго состоянія страны! Въ Европѣ дѣлаютъ этотъ упрекъ Русскимъ; а между тѣмъ въ Россіи проѣзжему стоитъ только въ первомъ попавшемся селѣ постучаться въ дверь, и его встрѣтятъ словами: «милости просимъ» и пріютятъ и обогрѣютъ. И нигдѣ, ни въ Турціи, ни въ цивилизованной Европѣ, не услышите вы подобнаго привѣта. Здѣсь варварство и страхъ, тамъ цивилизація и эгоизмъ! Результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же.

Холодный вѣтеръ, дувшій съ горъ, заставилъ меня скорѣе ѣхать впередъ, чтобъ заранѣе отыскать помѣщеніе въ Эски-бабѣ. Въ городѣ оказалась только одна гостинница, и та была уже занята караваномъ, выѣхавшимъ раньше насъ изъ Гафсы. Къ счастію я встрѣтилъ Иванчича, и онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться прямо къ аяну города и въ качествѣ Русскаго просто-на-просто потребовать, чтобъ отвели мнѣ квартиру. Такъ я и сдѣлалъ. Черезъ толмача я велѣлъ сказать, что принадлежу къ посольству, которое ѣдетъ въ Стамбулъ, что я экимъ-баша (докторъ), важная особа! Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился и отвелъ насъ на квартиру къ Греку,

которому паша приказалъ помѣстить насъ у себя. Сначала меня съ моимъ караваномъ приняли не очень ласково, но потомъ, когда я сказалъ, что заплачу за все, хозяева стали гораздо любезнѣе и очистили мнѣ мѣсто въ своей комнатѣ, тогда какъ прежде хотѣли помѣстить въ отдѣльной комнатѣ, которую нельзя было топить. Когда же я угостилъ дѣтей сахаромъ и изюмомъ, мать была такъ тронута, что сейчасъ же вытащила припрятанный супъ, принесла молока, хлѣба, меду и приказала своему покорному супругу развести огонь для моихъ людей и выдать овса лошадямъ. Я отправился въ гости къ Гуссейну-пашѣ. Въ большой комнатѣ съ мраморнымъ каминомъ, обставленной вдоль стѣнъ диванами, сидѣлъ Гуссейнъ, видный, красивый мужчина. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ садиться. На противоположной сторонѣ комнаты на диванѣ сидѣли молча, съ трубками въ зубахъ и поджавши ноги, двое почетныхъ лицъ города. Посреди на полу, покрытомъ коврами, стояли двѣ жаровни и высокій мѣдный подсвѣчникъ съ сальной свѣчей. Какъ вы можете себѣ представить, разговоръ нашъ до прихода толмача не отличался оживленіемъ. Мнѣ подали кофею и трубку, въ знакъ мира. Такъ какъ въ Эски-бабѣ прежде стоялъ гренадерскій батальонъ, то Русскіе обычаи были ему нѣсколько знакомы, и паша велѣлъ приготовить мнѣ кофею съ сахаромъ. Кромѣ того кофешенкъ поднесъ мнѣ своими грязными пальцами кусокъ сахару величиною съ орѣхъ. Когда пришелъ толмачъ (старикъ съ сѣдой бородой и шатавшимися зубами), ему позволили сѣсть на полъ и дали чашку кофею. Выслушавъ мою благодарность за конакъ (квартиру), паша сталъ распрашивать объ Адріанополѣ и Главной Квартирѣ и наконецъ попросилъ пощупать пульсъ. Одинъ изъ его служителей уже давно былъ боленъ трехдневной перемежающейся лихорадкой, и паша спросилъ, нѣтъ ли какого лѣкарства отъ этой болѣзни. Одолженіе за одолженіе, я обѣщалъ прислать хинныхъ пилюль и кстати попросилъ его приказать дать мнѣ тройку вьючныхъ лошадей до Луле-Бургаса или до Родосто, гдѣ я надѣялся съѣхаться съ нашимъ посломъ. За лошадей я обязался заплатить и кромѣ того дать на водку. Онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, а я приложилъ правую руку сначала къ подбородку, потомъ ко лбу въ знакъ благодарности, и отправился домой.

Комната, гдѣ жили хозяева и гдѣ помѣстился также и я, имѣла не болѣе 15 фут. въ квадратѣ и была подъ самой крышей; небольшое отверстіе въ крышѣ служило окошкомъ. Семья грѣлась у камина, гдѣ варилось кушанье. Одна треть комнаты была занята ткацкимъ станкомъ, другая—матрацомъ, гдѣ спала вся семья, третья оставалась свободной. Я расположился на полу въ углу у камина, заварилъ чаю и вступилъ въ разговоръ съ оборванцемъ, дядею хозяйки, пришедшимъ въ гости и говорившимъ немного порусски. Мой дорожный мѣшокъ и все, что̀ въ немъ было, возбуждали удивленіе хозяевъ. Послѣ чаю я улегся, а они сѣли ужинать. Къ камину придвинули низенькую скамейку о четырехъ ножкахъ, на нее поставили что-то въ родѣ большаго круглаго деревяннаго подноса, фута три въ діаметрѣ. Всѣ усѣлись на полу вокругъ; хозяйка разрѣзала маисовый хлѣбъ на куски по числу членовъ семьи, разложила ихъ кругомъ на столѣ, а по серединѣ поставила небольшое глиняное блюдо, на которомъ лежало кушанье изъ рыбы, яицъ и масла, но въ такомъ умѣренномъ количествѣ, что я, напившись уже чаю, могъ бы легко съѣсть вдвое больше; а ихъ было шестеро. Старшій въ семьѣ прочелъ мо-

литву, остальные перекрестились и принялись за ѣду. Каждый отламывалъ по кусочку отъ своего ломтя хлѣба, обмакивалъ его въ блюдо, при этомъ захватывалъ указательнымъ пальцемъ кусокъ рыбы и отправлялъ въ ротъ съ большимъ апетитомъ. Скоро все было съѣдено; я ожидалъ, что подадутъ второе блюдо, но вмѣсто того принесли кружку съ водой, и всѣ напились по очереди. Ужинъ напоминалъ трапезы древнихъ. Дѣтей уложили совсѣмъ одѣтыхъ на матрацъ и покрыли шубами, потомъ улеглись и старшіе. Огонь въ каминѣ потухъ, и скоро всѣ заснули.

Утромъ, когда я проснулся, хозяйка уже сидѣла за станкомъ. Въ комнатѣ, и особенно на полу, было очень холодно; я тотчасъ же прибѣгнулъ къ божественному цѣлебному напитку, неоцѣненному кофею. Отъ правительства мы получали жженый, толченый кофей, и я мастерски выучился варить его. Какимъ образомъ могло случиться, что честному Арабскому шейку Шедэли, открывшему драгоцѣнныя свойства бобовъ Мокки, до сихъ поръ еще не воздвигнули статуи? Ньютонъ, какъ извѣстно, лежалъ однажды подъ дубомъ, ему упалъ на носъ желудь, и это обстоятельство послужило ему поводомъ къ открытію законовъ тяготѣнія и движенія небесныхъ тѣлъ. Шейхъ же Шедэли замѣтилъ, что верблюды, ощипавшіе кофейный кустъ, сдѣлались необыкновенно бодры и сильны, и это навело его на мысль, нельзя ли и свое сердце развеселить такимъ же способомъ, тѣмъ болѣе, что Коранъ того не запрещаетъ. Такимъ образомъ Шедэли сдѣлался прародителемъ всѣхъ любителей кофея. Кто же лучше съумѣлъ развеселить сердце человѣка, возбудить въ немъ юморъ, Шедэли или Ньютонъ? Первыя кофейни возникли въ Константинополѣ лишь сто лѣтъ спустя послѣ его завоеванія. Ораторы, военные, политики, остроумные говоруны, особенно же дервиши и вообще мечтатели, люди праздные, начали туда стекаться во множествѣ, чтобъ насладиться новымъ напиткомъ. Кофейни стали называться школами познанія; но, кажется, онѣ немного способствовали распространенію образованія между Турками, хотя онѣ есть вездѣ, даже въ деревняхъ. Правительство сдѣлало изъ кофею монополію и получаетъ большой доходъ, такой же какой христіанскія правительства получаютъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ.

Хозяйка моя стала варить къ утреннему завтраку супъ изъ муки и макаронъ, а я пошелъ къ пашѣ отнести обѣщанныя хинныя пилюли, но не засталъ его дома: онъ уѣхалъ къ кому-то въ гости въ Адріанополь. Вернувшись домой, я расплатился съ хозяевами, отдалъ 10 піастровъ за вьючныхъ лошадей и поѣхалъ дальше.

Эски-баба—городъ очень некрасивый; въ немъ двѣ мечети и христіанская молельня. Паша живетъ здѣсь, а въ Гафсѣ управляетъ субаша. У города течетъ рѣчка, черезъ которую построенъ красивый каменный мостъ. Дорога по рыхлому, низкому грунту вымощена на протяженіи одной версты крупнымъ камнемъ, до холма, съ котораго, какъ мнѣ показалось, видно на Югѣ море. На Востокѣ тянутся приморскіе Балканы до Босфора; кругомъ, на 5 часовъ пути вплоть до Луле-Бургаса, идетъ пустынная степь. Дорогой ничего не случилось замѣчательнаго, развѣ только, что намъ попались два мертвыхъ тѣла, да деньщикъ мой Трофимъ самъ чуть-чуть не превратился въ мертвое тѣло. Онъ вздумалъ идти пѣшкомъ, конечно усталъ, прилегъ отдохнуть на дорогѣ и уснулъ. Другой деньщикъ, не видя его, вернулся назадъ; къ счастію, онъ не умеръ, хотя долгая стоянка въ водѣ въ день нашего

отъѣзда изъ Адріанополя и пьянство привели его въ такое жалкое состояніе, что я, не желая, чтобъ онъ безчестилъ свой мундиръ, взялъ его у него и надѣлъ на него Болгарскую шубу.

Луле-Бургасъ лежитъ въ обширной рѣчной долинѣ Карагача и имѣетъ видъ очень привлекательный. На верху склона, по которому мы спустились къ Сѣверозападу, находятся, одна возлѣ другой, двѣ земляныя насыпи въ родѣ холмовъ, и на юговосточной сторонѣ по направленію къ Константинополю тоже двѣ; вѣроятно эти искусственные холмы служили указателями дороги въ степи. Такъ какъ я опять пріѣхалъ впередъ, а въ городѣ не было гостинницы, то тотчасъ же отправился къ аяну и потребовалъ квартиры для себя и своей свиты. Передъ этимъ здѣсь стоялъ Ротъ съ своимъ штабомъ, потому Русскій мундиръ все еще продолжалъ внушать уваженіе, и аянъ тотчасъ же, не говоря лишняго слова, далъ провожатаго и велѣлъ отвести на квартиру къ Греку. На этотъ разъ хозяева, напоминавшіе Филемона и Бавкиду, оказались привѣтливѣе Грековъ въ Эски-бабѣ. Они сейчасъ же отвели мнѣ маленькую комнату, развели огонь, но увѣряли, что у нихъ ничего нѣтъ съѣстнаго. Пріѣхали и мои спутники, и съ ними вмѣстѣ Австрійская почта, при которой было 13 вьючныхъ лошадей. Весь городъ сбѣжался на нихъ смотрѣть; въ толпѣ я увидалъ своего стараго знакомца, Сербскаго купца Иванчича. Благодаря ему, я нашелъ помѣщеніе для повозки и лошадей, такъ какъ у моихъ Грековъ не было никакого сарая. Ужасно надоѣло мнѣ таскать съ собой повозку по размытымъ дорогамъ; ее и безъ клади едва могла стащить пара лошадей. Одинъ изъ почтовыхъ пасажировъ, маленькій черный человѣкъ съ огромными усами и бакенбардами и длинной саблей, болтавшейся сбоку, громко бранился и сердился, что нѣтъ лошадей. Такъ какъ мои вьючныя лошади были также изъ числа почтовыхъ и наняты только до Луле-Бургаса, то я заключилъ, что мое дальнѣйшее путешествіе можетъ, пожалуй, встрѣтить нѣкоторыя препятствія. Я тотчасъ же отправился опять къ аяну въ сопровожденіи молодаго Грека, очень услужливаго и немного говорившаго порусски. Маленькій, непомѣрно толстый аянъ, съ отвисшимъ брюхомъ, изъ подъ котораго выглядывали поджатыя ножки, точно цыплята изъ подъ крыльевъ насѣдки, безпокойно заметался на своемъ диванѣ и объявилъ, что лошадей онъ дать не можетъ, и что пріѣхали сейчасъ два Сербскихъ депутата, которыхъ тоже нужно отправить въ Стамбулъ, а послѣднихъ лошадей уже забрала Австрійская почта. Я вступилъ въ разговоръ съ усатымъ пасажиромъ и узналъ, что онъ баронъ Тэста, служитъ при Австрійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, теперь везетъ туда золото и думаетъ выѣхать въ полночь. Квартиры онъ себѣ не нашелъ; я пригласилъ его къ себѣ напиться чаю, а самъ покуда пошелъ къ Иванчичу разсказать о своемъ горѣ. Я его засталъ съ товарищами за столомъ, и онъ просилъ меня сдѣлать имъ честь пообѣдать съ ними вмѣстѣ. Караванъ ихъ состоялъ изъ 8 человѣкъ купцовъ, ѣхавшихъ по заключеніи мира въ Константинополь съ товарами. Какъ члена посольства, которое впослѣдствіи могло быть имъ полезнымъ, меня посадили на первое мѣсто и дали салфетку. Мы усѣлись на полу вокругъ низенькаго стола; Иванчичъ самъ готовилъ кушанье—рисовую кашу, пилавъ и мясное блюдо; оба послѣднія были приправлены по всѣмъ правиламъ искусства. За обѣдомъ Сербы, не читавшіе газетъ, завели разговоръ о политикѣ и засыпали меня вопросами. Въ особенности интересовалъ ихъ вопросъ: позволятъ ли имъ по прежнему носить оружіе? По ихъ

словамъ Сербы и Болгары—хорошіе солдаты, но бѣда въ томъ, что у нихъ нѣтъ вождей, которые бы руководили дѣломъ; будь только вождь, и они сами справятся съ Турками. Имъ казалось непонятнымъ и непростительнымъ, что Русскіе, вмѣсто того, чтобъ оставить за собой занятыя ими земли, отступаютъ и снова предаютъ христіанъ въ руки Турецкихъ палачей. Вотъ теперь, говорили они, Галишъ-паша поѣхалъ въ Адріанополь рубить головы тѣмъ, кто слишкомъ дружелюбно относился къ Русскимъ. Я ихъ старался успокоить, представляя имъ, что тамъ еще до сихъ поръ стоятъ наши войска въ казармахъ, и что Государь нашъ, хотя и оказываетъ свое великодушіе побѣжденнымъ Туркамъ, но имѣетъ твердое намѣреніе наблюдать за тѣмъ, чтобъ христіанамъ было хорошо въ Турціи. Они были, казалось, довольны моими объясненіями и просили позволенія посѣщать меня въ Константинополѣ. Я посовѣтовался съ Иванчичемъ, какъ добыть лошадей, и онъ далъ мнѣ мудрый совѣтъ, если не хочу здѣсь просидѣть лишній день, подарить аяну свою повозку. Онъ уговорилъ меня также лучше ѣхать вправо на Родосто, гдѣ я еще могъ застать нашего посла, чѣмъ прямо на Константинополь по большой проѣзжей дорогѣ. Я простился съ нимъ до скораго свиданія, но къ сожалѣнію, здоровый крѣпкій Сербъ умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Византію. Счастливая звѣзда свела меня съ нимъ въ моемъ злополучномъ странствованіи! Дома я уже засталъ барона Тэсту и сейчасъ же началъ готовить чай. Вечеръ прошелъ незамѣтно въ разговорахъ; прощаясь я просилъ своего гостя, такъ какъ онъ, вѣроятно, раньше меня будетъ въ Константинополѣ, разсказать графу Орлову про мое неудачное путешествіе.

Когда я проснулся на другой день, солнце уже взошло. Я поспѣшилъ къ аяну, чтобъ поскорѣе смягчить его сердце предложеніемъ повозки, и засталъ тамъ барона Тэсту, который долженъ былъ переночевать въ кофейной. Онъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя роль переводчика въ нашемъ разговорѣ и передалъ аяну мою просьбу. Иванчичъ оказался правъ. Сейчасъ же отправили слугу на базаръ, и онъ чрезъ полчаса привелъ мнѣ трехъ вьючныхъ лошадей, велѣлъ навьючить мои вещи, и за это отъ имени аяна потребовалъ 22 $^1/_2$ піастра почтовой платы. Я отдалъ ему деньги и кромѣ того еще бакчишъ (на водку). Недоставало только проводника; слуга аяна приказалъ молодому Греку Григоріосу сейчасъ же отправляться со мной въ Родосто и привести потомъ назадъ лошадей. Услыхавъ это, мой Грекъ тотчасъ же сбѣжалъ, не взирая на обѣщанныя деньги на водку. Опять слуга аяна пошелъ на базаръ; тамъ, не долго думая, схватилъ онъ перваго попавшагося Грека и приказалъ ему именемъ аяна отправляться со мной.

Наконецъ мы двинулись въ путь! Погода стала теплѣе, и дорога немного оттаяла. Часа черезъ два доѣхали мы до первой Турецкой деревни, Мусселимъ, а еще часа черезъ четыре въѣхали во вторую деревню Сайджи (Сайкъ), гдѣ расположились ночевать.

Косоглазый Турокъ въ красной одеждѣ, напоминавшій Самiэля въ Фрейшюцѣ, позволилъ намъ остановиться у себя. Скоро вокругъ насъ собралось довольно много Турокъ, которые, повидимому, не чувствовали къ намъ особеннаго расположенія, потому что часто повторяли слово «гяуръ» и поминали о казакахъ, отнявшихъ у нихъ коровъ и овецъ. Чтобъ избавиться отъ этихъ гостей, я спросилъ, гдѣ живетъ субаша; но мнѣ сказали, что его теперь нѣтъ здѣсь. Между тѣмъ, мнѣ казалось, что именно Турокъ въ красномъ и былъ самъ субаша; только онъ скрывалъ это, чтобъ не пришлось быть судьей между

путешественниками, которымъ онъ, по своему званію, обязанъ оказывать покровительство, и своими соотечественниками. Я поставилъ лошадей и свои вещи въ сарай; нѣсколько Турокъ послѣдовали за мною и все продолжали разсуждать. Тогда я воспользовался правомъ хозяина и вытолкалъ ихъ вонъ. Къ счастію, эти люди привыкли съ дѣтства думать, что если кто съ ними грубъ, то, стало быть, имѣетъ на то право. Турки постояли, потолковали передъ дверью и, наконецъ, когда стемнѣло, ушли домой. Съ хозяиномъ также у насъ не поладилось: онъ не хотѣлъ намъ продавать ни молока, ни яицъ, ни овса, а когда мои люди спросили, гдѣ тутъ водопой, Турки сказали, что не знаютъ.

Между тѣмъ мы развели огонь на очагѣ и сварили супъ изъ баранины, привезенной нами изъ Адріанополя; хозяинъ наконецъ принесъ намъ чашку съ медомъ и два хлѣба. Въ сараѣ было очень тепло, теплѣе чѣмъ въ домахъ, гдѣ мнѣ до сихъ поръ приходилось ночевать дорогой.

Я проснулся съ первыми пѣтухами, разбудилъ своихъ спутниковъ, и черезъ полчаса лошади уже стояли навьюченныя и осѣдланныя. Хозяинъ спросилъ за ночлегъ очень умѣренную сумму—100 пара (1 рубль), и съ восходомъ солнца, 13-го Ноября, выѣхали мы изъ деревни. Домики здѣсь стояли всѣ вразбродъ, въ безпорядкѣ; ни улицъ, ни площадокъ не было. Черезъ ручей былъ перекинутъ дрянной мостъ; оттуда дорога въ продолженіи трехъ часовъ все шла въ гору по степи, слегка прикрытой снѣжкомъ. Было уже далеко за полдень, когда мы въѣхали въ глубокую, обширную долину; рыхлая, скользкая почва очень затрудняла нашъ путь: цѣлый часъ взбирались мы наверхъ и наконецъ увидали море и островъ Мармару вдали. Направо тянулся въ юго-западномъ направленіи горный хребетъ, который своей выдающейся косой образуетъ Европейскую грань Дарданеллъ; далеко къ Югу поднимались на горизонтѣ снѣжныя вершины Анатолійскихъ горъ. Отъ Сиркіойя до Арапана дорога шла по долинѣ, заросшей оливковыми деревьями и виноградомъ. Изъ Арапана мы увидали мечеть, находящуюся у самаго Родоста (по Турецки Текисъ-дагъ, царская гора), и наконецъ черезъ часъ въѣхали въ Родосто и отправились прямо къ аяну. У аяна мы застали пропасть народа, и представьте мое удивленіе и радость, когда я вдругъ увидалъ прислугу графа и узналъ, что его экипажи еще не пріѣзжали. Тотчасъ же мнѣ отвели квартиру въ митрополіи, т. е. въ домѣ епископа, гдѣ я нашелъ секретаря при посольствѣ Берга [5]), и Бахметева, принадлежавшаго къ военному конвою графа: они только передо мной пріѣхали.

Здѣсь было еще шумнѣе и оживленнѣе, чѣмъ даже у аяна; люди толпились, приходили, уходили, точно въ домѣ была свадьба. Греки были рады, что часть Русскаго посольства остановилась у нихъ, потому что имъ пріятно чувствовать себя подъ Русскимъ покровительствомъ. Конечно, газетные болтуны на Западѣ говорятъ противное, но это вздоръ: въ отсутствіи нашего посольства, Греки чувствовали себя покинутыми, осиротѣлыми; пріѣздъ Орлова былъ для нихъ праздникомъ.

Покуда Грекъ брилъ меня, женщины готовили обѣдъ, мысль о которомъ, послѣ шестидневнаго голода, доставляла мнѣ большое удовольствіе. По здѣшнему патріархальному обычаю, вмѣсто столовъ

[5]) Въ настоящее время состоитъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ.

употребляютъ скамейки, на которыя ставятся большіе круглые подносы. Въ домѣ однако нашлись ложки, ножи, вилки и тарелки. Съ какимъ наслажденіемъ принялся я за супъ и за вареную и жареную рыбу! Теперь, когда, благодаря отличнымъ обѣдамъ у графа Орлова, я вошелъ въ обычную колею ощущеній, мнѣ совѣстно своей тогдашней жадности; но подумайте, любезные друзья: вѣдь, начиная съ Іюня мѣсяца, я, не смотря на всѣ мои старанія и ухищренія, вынужденъ былъ питаться самой плохой пищей; исключеніе составляли чай и кофей.

И такъ я съ удовольствіемъ предался чревоугодію, тѣмъ болѣе, что епископъ не пожалѣлъ для насъ Греческаго вина, изъ церковнаго погребка, которое было такъ хорошо, что никакой стоицизмъ не въ силахъ бы устоять противъ него.

Послѣ обѣда подали намъ воды, чтобы умыть руки: хотя мы и не обмакивали пальцевъ въ общее блюдо, но епископскій метръ-д'отель еще не возвысился до пониманія значенія ложекъ, ножей и вилокъ. Впрочемъ, я нахожу, что обычай за столомъ мыть руки розовой душистой водой гораздо приличнѣе обыкновенія полоскать зубы по окончаніи обѣда, хотя это и считается высшимъ признакомъ цивилизованной гастрологіи.

Было около 5 час., когда мы явились къ графу. Онъ распросилъ меня о моихъ дорожныхъ приключеніяхъ. У него былъ накрытъ столъ; аянъ желалъ угостить своего высокаго посѣтителя. Меня тоже уговорили попробовать Турецкаго обѣда. И здѣсь также, вмѣсто стола, поставили довольно большую скамейку, на нее круглый подносъ 4 фута въ діаметрѣ, и поевропейски положили ложки, ножи, вилки. Но сидѣть намъ пришлось всѣмъ на полу на диванныхъ подушкахъ, что̀ было очень неудобно. Множество невольниковъ предстояло къ нашимъ услугамъ. Когда мы всѣ сѣли (насъ было 9 человѣкъ), намъ повязали большіе платки, вмѣсто салфетокъ, графу и его двумъ сосѣдямъ справа и слѣва (Бутеневу и Брунову) съ разноцвѣтною вышивкою, а остальнымъ простые бѣлые. Султанъ прислалъ намъ Французскаго вина. Кушанья быстро слѣдовали одно за другимъ, но безъ всякаго разбора. Гастрономъ-Французъ пришелъ бы въ ужасъ отъ этого смѣшенія и безпорядка: послѣ нѣсколькихъ кушаньевъ изъ риса, подали рыбу вареную и печеную, соусы, фрикасе, затѣмъ сладкія блюда, жареное мясо, въ заключеніе шербетъ, плоды и варенья. Мы только отвѣдывали отъ каждаго блюда, но ѣсть много не могли. Всякій разъ какъ подавали новое кушанье, гофмейстеръ объяснялъ, изъ чего оно сдѣлано, а Діодати, толмачъ, переводилъ намъ его слова на Французскій языкъ. По окончаніи обѣда подали розовой воды умыть руки и затѣмъ кофею. Потомъ пришелъ самъ хозяинъ, косоглазый старикъ лѣтъ 80-ти; его поблагодарили, конечно, за прекрасное угощеніе. Убранство комнаты, гдѣ мы сидѣли, было совершенно такое же какъ у паши въ Эски-бабѣ, съ тою разницею, что въ передней ея части стояли шкапы. Аянъ не сѣлъ рядомъ съ графомъ на диванъ, но помѣстился на низенькой подушкѣ около; тутъ же сѣлъ и братъ его, такой же старикъ. Чтобы чѣмъ нибудь занять ихъ, мы стали имъ показывать картинки, литографіи. Они съ почтительнымъ видомъ разсматривали медаль съ выпуклымъ изображеніемъ Государя, но особенное удовольствіе доставилъ имъ эскизъ, рисунокъ князя Салтыкова, на которомъ была представлена Европейская дама. Аянъ даже попросилъ его нарисовать ему одну изъ его молодыхъ женъ, но не иначе какъ покрытую вуалемъ.

Весь слѣдующій день я отдыхалъ, что было очень пріятно. Я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ со свитой графа сухимъ путемъ, а для Орлова султанъ прислалъ въ Родосто пароходъ, на которомъ капитанъ былъ Англичанинъ, человѣкъ очень умный, судя по лицу, и державшій себя очень спокойно и свободно. Султанъ или, лучше сказать, Высокій Совѣтъ долго не хотѣли слышать о пароходахъ, на томъ основаніи, что отцы ихъ жили же такъ, стало быть и они проживутъ безъ этихъ машинъ. Но наконецъ пароходъ былъ купленъ, и Англичанинъ-капитанъ поступилъ на Турецкую службу. Ему прислали нѣсколько человѣкъ Турокъ, для того чтобъ онъ ихъ обучилъ какъ обращаться съ машиной; они прожили на пароходѣ полгода и ни разу не сошли внизъ, чтобъ посмотрѣть его устройство. Когда они вернулись назадъ, и капуданъ паша (министръ флота) спросилъ у нихъ: все ли они поняли, они отвѣчали: «если бы мы тамъ остались даже 6 лѣтъ, то и тогда бы ничего не могли понять». Но когда на пароходъ прислали человѣкъ 30 кадетъ для обученія, капитанъ остался ими очень доволенъ. Самъ капуданъ-паша—человѣкъ грубый, необразованный, бывшій ремесломъ башмачникъ, который снискалъ милость султана сочувствіемъ къ его нововведеніямъ. Когда онъ еще занималъ нисшія должности, онъ два раза чуть-чуть не погибъ и спасся только благодаря заступничеству Франкини, нашего драгомана, имѣвшаго много друзей и большое вліяніе въ Портѣ. Капуданъ-паша не забывалъ благодѣяній. Аптекарь въ Константинополѣ, Марко Кочифи, бывшій моимъ путеводителемъ по городу, тоже хвалилъ его за это рѣдкое свойство. Когда капуданъ-паша былъ еще простымъ кавасомъ (полицейскимъ), пришелъ онъ однажды къ нему въ москательную лавку и попросилъ въ подарокъ мускатный орѣхъ; съ тѣхъ поръ онъ, не смотря на свой высокій постъ, всякій разъ ласково кланяется ему и желаетъ добраго дня.

Султанъ прислалъ къ графу Решидъ-бея въ качествѣ михмандара, т. е. онъ долженъ былъ заботиться во все время пути о помѣщеніи и угощеніи высокаго гостя. Вся свита посла должна была совершить путешествіе изъ Адріанополя въ Константинополь на счетъ султана; но я не пользовался этою щедростью, когда ѣхалъ изъ Адріанополя въ Родосто.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Родосто, 80 лѣтній аянъ просилъ меня полечить его 22-хъ лѣтнюю жену. Я послалъ ей лекарствъ, но думаю, что пользы они не принесли ей.

15-го Ноября, выѣхали мы большимъ обществомъ изъ Родосто. Дороги испортились отъ дождей, лошадямъ было тяжело. На лугахъ попадались большія стада овецъ и рогатаго скота, но деревьевъ не видать ни одного. Дурная погода мѣшала намъ любоваться Мраморнымъ моремъ, виднѣвшимся впереди. Остановка была назначена въ Туркменли. Мы уже были близко, какъ вдругъ прискакалъ Турокъ съ извѣстіемъ, что всѣ жители отъ страха оставили городъ, и намъ придется остановиться въ ближнемъ селѣ. Дѣлать было нечего. На нашу долю досталась комната, въ которой ничего не было кромѣ стѣнъ; въ отверстіе въ крышѣ, служившее окномъ, лилъ дождикъ, дымъ отъ очага разстилался по всей комнатѣ, потому что трубы не было. Мы должны были уйти оттуда въ другой домъ, гдѣ по крайней мѣрѣ не страдали отъ дыма и дождя и могли спокойно напиться чаю. Къ ужину деревенскій старшина прислалъ намъ пилаву и блиновъ съ творогомъ.

До приморскаго города Геракліи (Эрекли) оставалось 4 часа пути, если ѣхать на Туркменли; но тотъ же самый Турокъ, который наканунѣ выскочилъ къ намъ на встрѣчу, указалъ дорогу въ другую сторону. Вѣроятно, этого мошенника нарочно подослали изъ Туркменли, чтобъ помѣшать намъ въѣхать въ городъ; благодаря ему, мы сдѣлали большой крюкъ и только черезъ 6 час. пріѣхали въ Гераклію. Дорога шла пустынною мѣстностью, намъ попались только двѣ мызы, и даже около самой Геракліи не видно было ни дачъ, ни садовъ, указывающихъ на близость приморскаго города. Онъ расположенъ на южномъ отлогомъ берегу бухты и выдается въ море; сѣверный берегъ образуетъ гавань. Здѣсь я въ первый разъ въ Турціи увидалъ на гребнѣ предгорія 4 большія осьмикрылыя вѣтряныхъ мельницы. Въ гавани находилось до тридцати небольшихъ судовъ, ихъ мокрые паруса сушились на солнцѣ. Все вмѣстѣ придавало городу привлекательный видъ. Старыя полуразвалившіяся городскія стѣны были усѣяны Турками и Греками, которыхъ привлекло любопытство видѣть Русскихъ. Они насъ довольно ласково привѣтствовали. Квартиру намъ опять отвели въ епископскомъ домѣ; къ намъ вышли на встрѣчу два священника, благословили насъ и сейчасъ же повели въ церковь Св. Георгія. Само собою разумѣется, что эти радостныя привѣтствія и почести относились не къ намъ, но Греки теперь радовались возвращенію нашего посольства, потому что надѣялись, что оно ихъ защититъ отъ Турецкихъ насилій и оскорбленій.

Митрополія находится на краю города; домъ для пріюта путешественниковъ стоитъ на обрывѣ утеса, откуда открывается видъ на море и гавань. Маленькая, хорошенькая церковь очень обвѣтшала, такъ какъ Турки не позволяли ее поправлять. Пока намъ готовили ужинъ, старшій священникъ, сосланный сюда изъ Константинополя, водилъ насъ къ развалинамъ стариннаго собора, построеннаго Греческими императорами и увеличеннаго впослѣдствіи Генуэзцами. Отъ него остались только стѣны, своды и погреба. Въ одномъ изъ нихъ, по сказанію, апостолъ Андрей совершалъ обрядъ крещенія; мѣсто это считается священнымъ. Между обломками мрамора, можетъ быть, когда-то составлявшими часть Греческаго храма, сохранился какой-то торсъ колосальныхъ размѣровъ; проводникъ нашъ говорилъ, что это торсъ Аѳины. Въ стѣнахъ, поддерживавшихъ главный сводъ, виднѣлись еще стержни мраморныхъ колоннъ, вдѣланныхъ для прочности. Изъ подъ обвалившейся известковой штукатурки, покрытой живописью, выступали старинныя фрески. Домой мы возвратились вдоль крутаго морскаго берега, гдѣ остатки старыхъ стѣнъ и цѣлый рядъ погребовъ показывали, что когда-то эта возвышенная часть полуострова была заселена, какъ и слѣдуетъ ей быть. Видъ оттуда былъ великолѣпный. Заходящее солнце заливало яркимъ блескомъ море и мелькавшія лодки величиною съ орѣховую скорлупу. На противоположной сторонѣ синѣли вершины Анатолійскихъ горъ, въ сторонѣ Геллеспонта островъ Мармара выдѣлялся яркимъ чернымъ вырѣзкомъ на слегка затуманенномъ дискѣ солнца. И вся эта красота пропадала даромъ! Любоваться было некому: населенная часть города находится на сѣверномъ откосѣ полуострова.

Когда мы вернулись домой, я долженъ былъ прежде заслужить свой ужинъ, подавая медицинскіе совѣты и выдавая лекарства. Супъ, рыба и вино оказались далеко не такого качества, какъ у архіерея въ Родосто. Но голодъ не позволялъ намъ быть разборчивыми; Діодати

потомъ увѣрялъ, что желудокъ его пострадалъ отъ этого ужина. Библіотеки въ митрополіи не было, только у сосланнаго священника нашлось въ комнатѣ нѣсколько Греческихъ классиковъ.

17-го Ноября отправились мы дальше въ Селиврію (Селимбрія); дорога шла по невысокимъ холмамъ, вдоль берега моря. Погода была отличная. По той же дорогѣ шелъ Турецкій регулярный пѣхотный полкъ; но хотя въ немъ замѣтенъ былъ безпорядокъ, мы благополучно проѣхали мимо. Состоялъ онъ большею частію изъ мальчиковъ лѣтъ 12-ти, 15-ти, имѣвшихъ крайне жалкій видъ. Съ ними шелъ Русскій плѣнный, фельдфебель гвардейскаго полка Аладинъ; онъ умолялъ насъ похлопотать въ Константинополѣ объ его освобожденіи. Турки всѣхъ нашихъ солдатъ Татарскаго происхожденія безъ церемоніи записывали въ свои полки; христіанъ же они старались голодомъ и заманчивыми обѣщаніями склонить къ отреченію отъ христіанской вѣры и къ поступленію къ нимъ на службу.

Селиврія находится на длинномъ полуостровѣ, въ одной изъ бухтъ Мраморнаго моря и издали кажется очень живописною. Передъ городомъ лежитъ низменность, черезъ которую еще Сулейманъ Великій построилъ мостъ въ 40 арокъ.

Когда-то Византійскій императоръ, для защиты столицы отъ нападеній варваровъ, велѣлъ воздвигнуть стѣну и насыпать валъ, которые шли прямо отъ Селивріи на Босфорѣ до Деркіойя (Караякіой) на Черномъ морѣ, но теперь отъ нихъ не осталось почти никакого слѣда. Мы и тутъ остановились въ митрополіи; но Діодати, помня вчерашній ужинъ, предпочелъ остаться въ одной изъ кофеенъ. Духовное лицо, хозяинъ, объявилъ намъ, что онъ самъ и есть владыка. Священникъ проводилъ меня въ соборъ, откуда открывался прелестный видъ на Мраморное море. Когда мы вернулись, путеводитель мой показалъ мнѣ свои литературныя сокровища: нѣсколько словарей, Ксенофонта, нѣсколько томовъ Новогреческой энциклопедіи; библіотеки и здѣсь тоже не водилось. Теперешній соборъ стоитъ напротивъ архіерейскаго дома; онъ обветшалъ, малъ и теменъ. Тамъ служили вечерню, когда я вошелъ; я поспѣшилъ уйти, жалѣя свои уши. Въ Селивріи мнѣ тоже пришлось лечить и давать лекарства. Въ домѣ архіерея была молодая больная Гречанка, родственница его, какъ онъ говорилъ. Онъ очень спокойно и обстоятельно объяснилъ мнѣ ея болѣзнь, оказавшуюся очень сложной; лекарства тутъ едва ли могли принести пользу. Къ ужину подали двѣ рыбки, надъ которыми владыка произнесъ благословеніе и прочелъ «Отче Нашъ». За это мы его угостили ромомъ, который произвелъ на него сильное дѣйствіе.

Дорога изъ Селивріи въ Буюкъ-Чекмедже довольно оживлена. По склону горъ, идущихъ вдоль берега, виднѣются Греческія деревни, виноградники, огороды, пашни; съ горы стекаетъ маленькая рѣчка Карасу, которая до впаденія въ море образуетъ широкое, гладкое озеро. Лѣтомъ оно вѣроятно высыхаетъ, но Сулейманъ построилъ здѣсь большой мостъ. Нѣкогда мѣсто это называлось Атирасъ; здѣсь въ половинѣ 5-го столѣтія стоялъ лагеремъ Атила. Теперешній городъ построенъ ниже; наверху видны слѣды прежняго морскаго берега, тамъ стоитъ деревня Архаэбургасъ. Красавицы Гречанки сбѣжались смотрѣть на насъ: для нихъ мы были историческими, давно желанными людьми. Насъ помѣстили въ хорошенькомъ домикѣ у бочара. Умудренные опытомъ послѣднихъ дней, мы дали хозяйкѣ денегъ, велѣли ку-

пить рыбы, молока и еще что нибудь и состряпать намъ что нибудь хорошее. Какъ только люди эти увидали нашу готовность за все платить, такъ стали выказывать крайнюю безсовѣстность и начали требовать платы за все, даже за соль; мы пригрозили, что пожалуемся аяну, и они тотчасъ присмирѣли и стали тише воды, ниже травы. На другой день мы узнали, что отъ аяна были присланы куры и пилавъ для насъ.

Дорога до Кучукъ-Чекмедже (Понте-Пиколо), благодаря отвратительной вѣтряной, дождливой погодѣ и скверному шоссе, показалась намъ очень утомительной. Шоссе вымощено плитами, вѣроятно еще во времена Юстиніана, такъ какъ и тутъ и въ Понте-Гранде было нѣсколько императорскихъ загородныхъ дворцовъ. Кучукъ-Чекмедже, въ древности Регіумъ, лежитъ у озера, истокъ котораго впадаетъ въ море; въ городъ ведетъ короткій мостъ на высокихъ сводахъ. Намъ отвели квартиру въ домѣ ткача.

20-го Ноября 1829 года, въ дождливую и снѣжную погоду, отправились мы, минуя Византію, въ лѣтній дворецъ Русскаго посольства, въ Буюкдере, до котораго было 8 часовъ ѣзды. Хотя мы находились у знаменитой столицы Стамбула, тѣмъ не менѣе вокругъ насъ была пустыня. Даже узкое шоссе, длинной ниточкой тянущееся по равнинѣ, непохоже было на дорогу великаго султана; его устроивали вѣроятно какіе-то Готтентоты. Доѣхавъ до равнины Дуадъ-паша, стариннаго Гебдомона, гдѣ Византійскіе императоры производили смотръ своимъ войскамъ, какъ и въ настоящее время султаны предъ началомъ войны, мы повернули налѣво въ Буюкдере. Дорога шла мимо новыхъ казармъ, мимо Рамишъ-Чифлика, резиденціи султана. Вы можете себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ я глядѣлъ на старую зубчатую городскую стѣну съ высокими башнями, на дома, на тонкія какъ громоотводъ, стремящіяся къ небу стрѣлки минаретовъ, на Босфоръ и на гавань. Въ ожиданіи нападенія Русскихъ, всѣ высоты укрѣплены посредствомъ новыхъ шанцевъ. Перерѣзанная множествомъ долинъ мѣстность имѣетъ нестройный характеръ, но она становится красивѣе у Джендере, гдѣ дорога спускается къ мосту, перекинутому черезъ «прѣсныя воды». Это мѣсто было любимой резиденціей султана и всего двора; тутъ настроено слишкомъ сто загородныхъ замковъ; теперь оно посѣщается уже менѣе, хотя все по прежнему красиво и привлекательно. Остальная часть дороги до Буюкдере представляетъ вересковую пустыню, на которой стоятъ какъ великаны водопроводные столбы. Только подъѣзжая къ Буюкдере, у послѣдней лощины, мѣстность близъ Босфора вдругъ поражаетъ красотой, благодаря чему она и сдѣлалась лѣтнимъ мѣстопребываніемъ посланниковъ и другихъ богатыхъ обитателей Перы. Такъ какъ квартира наша въ Перѣ еще не была готова, то мы прожили нѣсколько дней на дачѣ Русскаго посольства, которая стоитъ у самаго Босфора. Красивѣе этого дома нѣтъ во всемъ Буюкдере.

23-го Ноября 1829 года переплыли мы Босфоръ, высадились у Топханэ и съ торжествомъ вступили мы въ узкія улицы Перы.

IV.

Константинополь, Декабрь 1829 года.

Вчера, гуляя въ Перѣ, я дошелъ до башни Галаты и отсюда любовался красивой картиной, открывшейся передъ моими глазами, какъ вдругъ меня окликнули порусски: «здравствуйте, ваше благородіе»,

Какой-то незнакомый матросъ призналъ мой Русскій мундиръ. Оказалось, что онъ недѣлю назадъ пріѣхалъ изъ Одессы, гдѣ затвердилъ нѣсколько Русскихъ словъ, и теперь былъ радъ случаю пустить въ ходъ свое знаніе. Вообще, кажется, урокъ, полученный Турками, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе: султанъ на первой же аудіенціи поспѣшилъ завѣрить графа Орлова, что трактаты будутъ приведены въ исполненіе въ наискорѣйшемъ времени съ величайшею точностію; народъ же и военные, завидя нашъ мундиръ, первые кланяются и привѣтствуютъ насъ. Греки, проходя мимо, тихо говорятъ: «здрасть батушка добръ». На невольничій рынокъ христіанъ здѣсь не пускаютъ, такъ что, когда надсмотрщикъ увидалъ, что мы подходимъ къ этому мѣсту, то пришелъ въ смущеніе и не зналъ какъ быть; впрочемъ кончилъ тѣмъ, что пропустилъ. Христіане не имѣютъ также права покупать въ лавкахъ оружія, и полиція за этимъ строго смотритъ. Капитанъ Коцебу сторговалъ прекрасную Турецкую саблю за 10 червонцевъ, какъ вдругъ явился кавасъ и хотѣлъ помѣшать продажѣ; но ему пригрозили, и сабля осталась у Коцебу. Вообще названія Руссъ и Московляръ надолго останутся въ памяти у всѣхъ, начиная съ нищихъ бѣгавшихъ за нами по Адріанопольскимъ улицамъ и кричавшихъ: Бояръ, Бояръ, дай парички! (денегъ) и кончая министромъ финансовъ султана, у котораго мы въ свою очередь требовали парички. Благодаря Русскимъ, въ Болгарахъ начинаетъ пробуждаться сознаніе, что Турки не полубоги, а такіе же люди, и если эта мысль, подкрѣпленная примѣрами, укоренится въ нихъ, то для Турокъ могутъ возникнуть многія и многія затрудненія; но этимъ самымъ только что возникающимъ сознаніемъ Болгарскаго народа могутъ легко воспользоваться наши завистники и враги, ради собственной наживы. Уже и теперь многіе Болгары и Греки, имѣющіе сношенія съ извѣстными купцами, говорятъ, что «условія мира обманули ихъ надежды, что мы ихъ бросили на произволъ судьбы, тогда какъ они были готовы насъ встрѣтить съ распростертыми объятіями. На будущій разъ они уже не будутъ такъ довѣрчивы!» На будущій разъ?! Гласъ народа—гласъ Божій; я тоже думаю, что наступитъ и «будущій разъ!» Искра будетъ все тлѣться подъ пепломъ: ей не дадутъ потухнуть недовольные нами участники борьбы на Балканскомъ полуостровѣ; и други и недруги будутъ одинаково поддерживать огонекъ. Первые сожалѣютъ о сговорчивости и умѣренности нашего Государя; послѣдніе кричатъ, что мы злоупотребляемъ побѣдой! Что же было бы, еслибъ мы водрузили свое знамя на стрѣлкѣ Сераля, возстановили храмъ св. Софіи, и размѣстили бы свои утомленныя чрезмѣрными трудностями похода войска въ прекрасныхъ Константинопольскихъ казармахъ? Англичане, конечно, уничтожили бы нашъ незначительный, запертый въ Эносѣ флотъ, но при этомъ и сами бы потеряли одинаковое количество кораблей и людей. Вмѣсто того и наши, и ихъ корабли съ экипажемъ остались цѣлы въ бухтѣ; но мы, побѣдители, потеряли на самомъ мѣстѣ побѣды вдвое больше людей! Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ сюда курьеромъ изъ Бургаса графъ Кутайсовъ; онъ разсказывалъ ужасныя вещи о положеніи нашихъ войскъ, шедшихъ изъ Адріанополя на зимнія квартиры, а также и про больныхъ нашихъ, оставшихся въ Адріанополѣ. 8-го Ноября выѣхала изъ Адріанополя Главная Квартира, а послѣдніе фургоны еще не прибыли въ Бургасъ 26-го. Отъ недостатка корма большая часть лошадей

и быковъ пала дорогой; люди умирали отъ холода и изнуренія; у кого еще были силы, тѣ тащились съ трудомъ какъ могли; но, пройдя нѣсколько миль, тоже не выдерживали и падали. Я разскажу вамъ два случая изъ Адріанопольской жизни, чтобъ вы могли сами судить, насколько основательны мои жалобы на то, что намъ помѣшали продолжать наше тріумфальное шествіе въ Константинополь. За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Адріанополя, новое управленіе приказало перевести изъ госпиталя въ такъ называемый карантинъ 30 чел. больныхъ, на которыхъ были найдены сомнительные признаки чумы. Изъ любопытства я отправился съ ними, грязь была ужасная, дождь такъ и поливалъ, а палатки для нихъ были поставлены прямо на размокшей землѣ. Глубоко соболѣзнуя объ ихъ участи, я пошелъ назадъ въ госпиталь. У рѣшетки, окружающей главный подъѣздъ, сидѣлъ солдатъ егерскаго полка, наканунѣ вечеромъ выступившаго въ Бургасъ; онъ прислонился къ рѣшеткѣ, опершись головой на лѣвую руку. Я подошелъ къ нему спросить, что съ нимъ—онъ уже умеръ. Солдаты, стоявшіе на караулѣ, разсказывали мнѣ, что онъ отъ изнуренія не могъ поспѣть за полкомъ, приползъ назадъ, присѣлъ отдохнуть, да тутъ и покончилъ. Другой побрелъ дальше шаговъ на 200 къ стѣнѣ, гдѣ былъ разложенъ огонь, думалъ согрѣть окоченѣлые члены, но совсѣмъ замерзъ и теперь лежитъ мертвый. Если бы въ Августѣ егерскій полкъ размѣстили по казармамъ въ Рамишъ-Чифликѣ или въ Скутари, ничего этого бы не было. А тутъ дипломаты и тактики толкуютъ о томъ, какое счастіе, что войска наконецъ могли остановиться, и что этимъ они обязаны заключенному миру!.

Я разговорился съ вышеупомянутымъ Одесскимъ матросомъ, но не о политикѣ, а о возрастающей дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Два года тому назадъ, на той же самой набережной можно было за 20 пара (20 копѣекъ) наѣсться до сыта, теперь для этого требуется по крайней мѣрѣ 60, даже 80 к. Маленькая комнатка, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой, стоитъ здѣсь въ Перѣ 100 и 150 піастровъ (40—60 р.), завтракъ съ хлѣбомъ и туземнымъ виномъ 80 и 100 пара, обѣдъ въ Hôtel de Londres 5 піастровъ. Фунтъ печеныхъ каштановъ стоитъ 8 паръ, куриное яйцо столько же, сотня устрицъ 60 и 80 пара. Бѣлый хлѣбъ дешевле чѣмъ у насъ, но во время блокады Дарданеллъ цѣна на него такъ поднялась, что семейство изъ 12 человѣкъ должно было тратить ежедневно на хлѣбъ 20 піастровъ (8 рубл.). Въ молоко здѣсь подмѣшиваютъ воду, какъ вездѣ въ большихъ городахъ и берутъ за штофъ 50, 60 к. О свѣжемъ сливочномъ маслѣ не имѣютъ понятія. Весною иногда оно попадается на рынкахъ, теперь же есть только топленое масло. Вино туземнаго издѣлія недурно и недорого, такъ что можно обойтись и безъ иностраннаго, но здѣсь считается признакомъ хорошаго тона подавать за обѣдомъ Французскія вина. Фонтановъ и колодцевъ великое множество, такъ какъ всякій правовѣрный мусульманинъ считаетъ богоугоднымъ дѣломъ устроить хоть одинъ колодезь; въ этомъ они, конечно, правы, но неправы въ томъ, что не видятъ, что главная причина сонливости и апатіи народа лежитъ въ злоупотребленіи табакомъ и опіумомъ. Вода въ водопроводахъ здѣсь желта и мутна, но въ фонтанахъ чиста какъ кристалъ.

Такъ какъ я уже заговорилъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, то могу еще пожаловаться, что здѣсь нельзя найти Русскаго чернаго

чаю; есть только Англійскій зеленый, и тотъ продается въ аптекахъ. Въ кофеѣ, конечно, недостатка нѣтъ; фунтъ жженаго и смолотаго кофе Мартиника стоитъ 60 к., фунтъ Мокки 1 р. 20 к. Въ Адріанополѣ онъ былъ лучше и стоилъ дешевле.

*

Если когда нибудь Константинополь перейдетъ въ руки Европейцевъ, то Турецкія кладбища должны быть сохранены въ цѣлости въ память окончанія Турецкаго владычества въ Европѣ. Гдѣ тѣ времена, когда Турки были такъ могущественны? Сгубило ихъ не незнаніе Европейской военной науки, а упадокъ воинственнаго духа; а духъ этотъ убила военная солдатская выправка новѣйшаго времени, которую имъ навязали, и въ которой они не видятъ ни смысла, ни необходимости. Они не понимаютъ, зачѣмъ, если Аллахъ далъ имъ ноги, чтобъ стремительно кидаться на врага, или чтобъ спасаться бѣгствомъ, зачѣмъ нужно маршировать непремѣнно въ три пріема, ружье заряжать во столько-то пріемовъ, стрѣлять, вынимать саблю, все это извѣстнымъ образомъ, а не иначе. Всякій разъ, какъ является возможность свободно дѣйствовать и притомъ на конѣ, они проявляютъ отчаянную, безумную храбрость; напримѣръ, придетъ какому нибудь дэли (сумасшедшему) фантазія снести голову непріятельскому офицеру, или освободить попавшагося въ плѣнъ товарища, будь это на 200—300 шаговъ отъ фронта, или вообще выказать свою храбрость, онъ вдругъ выскакиваетъ изъ рядовъ и мчится на врага, за нимъ скачутъ десять, двадцать, тридцать человѣкъ, и тутъ не поможетъ ни команда, ни сигналы: они всѣ дэли сумасшедшіе! Пѣшій же Турокъ считаетъ себя погибшимъ, защищается плохо и старается спастись бѣгствомъ. Если иногда и случается ему упорно защищаться, то можно навѣрное сказать, что онъ отстаиваетъ свое оружіе или туго набитый кошелекъ, но пользы упорнаго сопротивленія всей массой онъ не признаётъ. Къ тому же онъ считаетъ дисциплину и слѣпое повиновеніе уничиженіемъ для себя, тѣмъ болѣе, что Коранъ повелѣваетъ ему на войнѣ и въ битвѣ съ гяурами неистовствовать какъ его душѣ угодно, а дисциплина нарушаетъ заповѣдь. Для новобранцевъ механизмъ веденія войны кажется только непріятнымъ продолженіемъ казарменнаго ученія, потому что народъ не понимаетъ, зачѣмъ ему драться съ чужими, хорошо обученными солдатами: добычи при этомъ не предвидится никакой, развѣ только носы и уши, чтобъ облегчить себѣ доступъ въ рай. Четыре мѣсяца тому назадъ, когда мы были уже за Балканами, народъ и не подозрѣвалъ грозящей опасности, и только когда мы заняли Адріанополь и Луле-Бургасъ, онъ немного вышелъ изъ апатіи; но при этомъ рѣшался только на одно—переселиться въ Азію въ крайнемъ случаѣ. И теперь они не думаютъ нисколько о жертвахъ, которыя, можетъ быть, придется принести. Даже самъ рейсъ-эффенди, считающійся человѣкомъ образованнымъ, въ иныхъ случаяхъ поражаетъ отсутствіемъ необходимыхъ знаній и невѣроятнымъ равнодушіемъ къ важнымъ вопросамъ. Сербскіе депутаты, которыхъ я встрѣтилъ въ Луле-Бургасѣ, пріѣхали сюда, чтобъ опредѣлить новыя границы своего расширеннаго княжества и получить утвержденіе Порты. Еслибы они хотѣли воспользоваться тѣмъ, что Турки не знаютъ географіи даже своей собственной земли, то имъ было бы легко прирѣзать себѣ какіе угодно участки. Однажды рейсъ-эффенди очень наивно спросилъ, будетъ ли теперь Нишъ тоже принадлежать Сербіи. Нѣчто

подобное случилось съ Турецкими уполномоченными во время переговоровъ о мирѣ въ Адріанополѣ. Имъ показали на картѣ отдѣльно каждый округъ, который отходилъ къ Россіи. Они бросили бѣглый взглядъ на карту и сказали обычное *пекирръ* (ладно). Потомъ они попросили показать, какое пространство всѣ эти округи составятъ вмѣстѣ, и тогда нашли, что это выходитъ черезъ чуръ много. Имъ на это замѣтили, что они на переговорахъ о каждомъ округѣ отдѣльно изъявили свое согласіе; тогда они махнули рукой и проговорили: *э, пекирръ*.

*

Вчера за завтракомъ у Коцебу я встрѣтилъ одного изъ адъютантовъ султана, молодаго полковника Ауни-бея, который можетъ служить образчикомъ того, въ какой мѣрѣ удались культурные опыты Махмуда. Онъ былъ похожъ на Европейца, насколько это возможно для Турка, не получившаго Европейскаго школьнаго образованія; при этомъ былъ очень добродушенъ и совершенный ребенокъ. Вмѣсто сладкой малаги, которая допускается мусульманами взамѣнъ шербета, онъ пилъ крѣпкую смородинную настойку, находя, что та годится только для женщинъ. Онъ говоритъ пофранцузски съ трудомъ, но понимаетъ все. Смородиновка и Шампанское развязали ему языкъ, такъ что онъ предложилъ даже тостъ за императора Николая; мы, конечно, отвѣчали тостомъ за султана. Судя по его разсказамъ, военныя реформы въ Турціи коснулись только внѣшности, хотя онъ и придавалъ имъ большое значеніе, какъ напр. султанъ пересталъ брить голову, сталъ отращивать волосы и хочетъ уничтожить феску. Галиль-пашѣ, отправленному посломъ въ Петербургъ, приказано не носить тамъ фески, такъ какъ онъ военный; самъ онъ, Ауни, не женатъ еще, потому что такъ лучше для солдата. Мы его звали къ себѣ въ гости въ Петербургъ, но онъ сказалъ, что боится, какъ бы не привыкнуть къ тамошней жизни, а тогда ему ужъ покажутся тяжелы родные обычаи. Послѣ завтрака, онъ предложилъ намъ отправиться вмѣстѣ въ храмъ къ вертящимся дервишамъ, чтобъ посмотрѣть на ихъ обряды. Храмъ находится на улицѣ, ведущей въ Галату и окруженъ золоченой рѣшеткой, за которой виднѣются могилы святыхъ. На рѣшеткѣ висятъ 20 жестяныхъ чашъ, которыя сторожъ постоянно наполняетъ водой изъ находящагося тутъ же колодца, для того чтобы набожные прохожіе могли утолить жажду. Молитвенный круглый залъ находится на дворѣ; вдоль стѣнъ идутъ колонны, поддерживающія хоры и соединенныя рѣшетками, такъ что въ залу кромѣ дервишей никто не можетъ войдти. Въ восточной его части на полу лежитъ подушка для главнаго дервиша, а на противоположной сторонѣ дверь, въ которую входятъ остальные 12 дервишей; входя они низко кланяются и затѣмъ при звукахъ барабана и флейты торжественно, мѣрными, мелкими шагами совершаютъ первый обходъ; поровнявшись съ главнымъ дервишемъ, они ему низко кланяются, потомъ становятся въ кругъ, сбрасываютъ плащи и остаются въ зеленыхъ суконныхъ курткахъ съ широкими, длинными рукавами и въ длинныхъ сапогахъ изъ той же матеріи, крупными складками ниспадающихъ до полу; на головахъ надѣты острыя шапки изъ сѣраго войлока, въ видѣ пирамиды, фута въ два вышиною. Покуда они стоятъ неподвижно, можно разсмотрѣть ихъ блѣдныя лица съ ввалившимися щеками, впалые, тусклые глаза и черныя бороды; но еще минута, и они вытягиваютъ горизонтально руки, закрываютъ глаза и начинаютъ кружиться на одномъ мѣстѣ какъ кубарь. Въ это время юпки

ихъ, съ вшитыми въ подолъ свинцовыми гирьками, развѣваются и образуютъ пирамиду съ широкимъ основаніемъ, изъ подъ котораго виднѣются босыя ноги, быстро движущіяся въ тактъ подъ звуки раздирающаго душу пѣнія. Верченіе это повторяется три раза и продолжается всякій разъ минутъ 8 или 10, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не шатается и не падаетъ. Въ это время главный дервишъ медленно обходитъ вкругъ залы, ставя при этомъ пятку одной ноги прямо къ носку другой, какъ будто желая вымѣрить такимъ образомъ всю залу; потомъ снова садится и принимаетъ поклоны дервишей. Одѣтъ онъ совершенно также какъ и остальные, но шляпа его въ отличіе отъ другихъ обвязана зеленой лентой.

29-го Декабря 1829.

Въ прошлый Четвергъ былъ концертъ у Австрійскаго посланника, барона фонъ Отенфельса. Съ незапамятныхъ временъ Четвергъ былъ пріемнымъ днемъ въ этомъ посольствѣ, какъ вдругъ другая національность заявила притязанія на этотъ же день. Изъ-за Четверга возгорѣлась борьба, едва не кончившаяся дипломатическимъ разрывомъ; но тутъ война между Россіей и Турціей отвлекла вниманіе враждующихъ и заставила ихъ примириться. Австрія отстояла свой Четвергъ. Общество въ Перѣ отличается такимъ разнообразіемъ элементовъ, что хозяину и хозяйкѣ дома довольно трудно придумать развлеченіе для пестрой толпы гостей. Разумѣется, пестрота эта внутренняя, духовная, а отнюдь не внѣшняя, такъ какъ всѣ мужчины являются въ черномъ, только трое Русскихъ, Бахметевъ, Коцебу и гр. Орловъ, въ военныхъ мундирахъ сверкаютъ какъ кометы. Въ своемъ затруднительномъ положеніи хозяйка прибѣгнула къ отличному средству, къ музыкѣ. Г-нъ фонъ Клетцель прекрасно играетъ на фортепьяно и самъ сочиняетъ, Бахметевъ играетъ на віолончели; къ нимъ присоединили гитариста, нѣсколько пѣвцовъ и пѣвицъ, и такимъ образомъ музыки оказалось больше, чѣмъ сколько требовалось.

Въ концертѣ присутствовали представители различныхъ величествъ; они всѣ сидѣли въ первомъ ряду креселъ. Между ними особенно выдѣлялся ростомъ и дородствомъ Сардинскій посланникъ Гропалло, Геркулесъ, изъ котораго можно бы выкроить по крайней мѣрѣ двухъ обыкновенныхъ дипломатовъ. Онъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія, рядомъ съ Датскимъ посланникомъ, барономъ Гюбшемъ, отецъ котораго былъ очень богатъ и игралъ большую роль въ Константинополѣ; къ сожалѣнію сынъ не наслѣдовалъ ни богатства, ни вліянія отца. Онъ очень заботился о нашихъ плѣнныхъ въ Турціи, за что и получилъ отъ Государя Владимірскую звѣзду и 100,000 піастровъ въ подарокъ.

По лѣвую сторону отъ Датскаго посланника сидѣлъ представитель Пруссіи Ройеръ, старый, опытный дипломатъ: безъ его участія въ послѣднія двадцать лѣтъ не заключалось ни одного важнаго мира или трактата въ Европѣ. Ему мы обязаны дѣятельнымъ посредничествомъ при заключеніи Адріанопольскаго мира. Съ графомъ Орловымъ и его свитой онъ обращается очень дружески. Но за то сосѣдъ его, Англійскій посланникъ Гордонъ, не смотря на всѣ усилія, никакъ не можетъ скрыть своего желанія отправить Русскихъ куда нибудь даже подальше Азіи, хоть на сѣверный полюсъ. Онъ даже отростилъ себѣ усы, когда узналъ, что мы въ Адріанополѣ, чтобъ имѣть болѣе воинственный видъ въ случаѣ столкновенія между Англійскимъ флотомъ и нашей небольшой экадрой въ бухтѣ Эносъ.

Австрійскій посланникъ сидѣлъ между нимъ и Русскимъ посломъ, составляя собою какъ бы перегородку между бульдогомъ и полярнымъ медвѣдемъ. Французскій посланникъ не пріѣхалъ по болѣзни.

Послѣ концерта много говорили объ Янычарахъ, не задолго передъ тѣмъ истребленныхъ Махмудомъ. Кажется, что графъ Орловъ первый заговорилъ о нихъ, сравнивъ переворотъ этотъ съ уничтоженіемъ стрѣльцовъ Петромъ Великимъ. Въ семьѣ Орловыхъ, какъ извѣстно, существуетъ преданіе объ ихъ предкѣ стрѣльцѣ, который за свою физическую силу и нравственное мужество былъ помилованъ Царемъ. Онъ уже шелъ на казнь и спокойно, со связанными назадъ руками, подходилъ къ плахѣ, возлѣ которой лежали кучею отрубленныя головы товарищей; у самой плахи лежало тѣло только что казненнаго стрѣльца. Высокій, красивый, бѣлокурый юноша шутя оттолкнулъ ногою трупъ, примолвя: «пусти, товарищъ!» и хотѣлъ уже положить голову, какъ вдругъ Петръ, пораженный его словами, крикнулъ: «Стой, довольно!» Этотъ Орловъ былъ переведенъ въ гвардію, сдѣлался вѣрнымъ товарищемъ Царю, и съ тѣхъ поръ весь родъ ихъ вѣрою и правдою служитъ царской семьѣ, которая въ свою очередь всегда платила имъ милостію.

Россія и Австрія уже давно уговорились съ Турецкимъ правительствомъ, что ихъ посланники не будутъ привозить подарковъ Высокой Портѣ; но графъ Орловъ счелъ долгомъ доставить Сералю и высшимъ должностнымъ лицамъ, по стародавнему обыкновенію—что̀ бы вы думали?—пудъ настоящаго Китайскаго ревеннаго корню. Отлично укупоренное желудочное лекарство было отослано къ обергофмаршалу Турецкаго двора.

Одесскій карантинъ, 1 Іюня 1830 г.

30 Мая прошлаго года выѣхалъ я изъ Петербурга, а нынѣшній день снова ступилъ на родную землю. Двѣ недѣли тому назадъ, 17 (29) Мая размѣнены мирныя ратификаціи. На другой день графъ Орловъ простился съ султаномъ въ Терапіи, въ кіоскѣ, гдѣ стоялъ диванъ покрытый ситцемъ. Султанъ устранилъ всякія околичности, имѣлъ при себѣ одного адъютанта и секретаря и пригласилъ въ кіоскъ обоихъ военныхъ спутниковъ графа Орлова, Коцебу и Бахметева. Секретарь служилъ толмачомъ. Разговоръ продолжался недолго. Султанъ снялъ съ своего пальца драгоцѣнный перстень и собственноручно передалъ его на память графу Орлову: неслыханная милость мусульманскаго падишаха относительно христіанина. Адъютантъ вручилъ спутникамъ графа табакерки осыпанныя брилліантами. 21-го Мая, посольство, во всемъ своемъ составѣ, сѣло въ большую лодку, переправилось въ Буюкдере и тамъ ожидало благопріятнаго вѣтра. Въ 10 часовъ утра, 24 Мая, тяжеловѣсный линейный корабль «Парменъ» бросилъ якорь. Мы имѣли полную возможность разсмотрѣть оба берега въ этой части Босфора. Корабль нашъ прослѣдовалъ мимо батарей въ Черное море. Девять дней плыли мы до Одессы.

Несокрушимое убѣжденіе, вынесенное мною изъ моего странствія, есть неизбѣжность разрушенія Турціи: censeo Turciam delendam esse. Желаю дожить до того [6].

[6]) Мы раздѣляемъ это желаніе автора, которому нынѣ 80 лѣтъ отъ роду. *П. Б.*

Русскіе въ Архипелагѣ въ 1771 году.

Имя графа Ванъ-Кринена извѣстно лицамъ, занимающимся классическою археологіею по такъ-называемой гробницѣ Гомера, возбудившей жаркіе споры, которые привели къ тому, что большинство археологовъ признали этотъ открытый Ванъ-Криненомъ памятникъ за поддѣлку, а самаго его за обманщика и авантюриста. Такой рѣзкій приговоръ побудилъ новаго археолога и эпиграфиста, Лудвига Росса, ознакомиться поближе съ личностью Ванъ-Кринена и съ обстоятельствами, которыя сопровождали сдѣланное имъ открытіе. Они изложены въ книгѣ, изданной Ванъ-Криненомъ въ Ливорнѣ въ 1773 году, подъ заглавіемъ: Breve descrizione dell' arcipelago e particolarmente delle diciotto isole sottomesse l'anno 1771 al dominio Russo, del conte Pasch di Krinen (т. е. «Краткое описаніе Архипелага и въ особенности острововъ, находившихся въ 1771 году подъ Русскимъ владычествомъ»). Величайшая рѣдкость и высокій археологическій интересъ этой книги заставили Л. Росса перепечатать ее съ буквальною точностью. Мы представляемъ изъ нея выдержки, въ которыхъ упоминается о Русскихъ, находившихся въ Архипелагѣ во время первой Екатерининской войны съ Турціею.

Осьмнадцать острововъ Архипелага, подчинившіеся въ 1771 году Русскому владычеству, суть (соблюдаемъ порядокъ и правописаніе Ванъ-Кринена): Milo, Argentiera, Pollicandro, Sichino, Nio, Santorini, Amorgo, Naxia, Micconi, Tine, Sira, Andros, Zea, Termia, Serfo, Sifanto, Paros, Antiparos. При описаніи Милоса Ванъ-Криненъ говоритъ, что тамошнее управленіе до войны Россіи съ Турціей было, какъ на всѣхъ прочихъ островахъ, въ рукахъ Турокъ; но въ началѣ 1771 г. адмиралъ Спиридовъ (за отсутствіемъ графа Орлова, командовавшій Русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ) распорядился, чтобы на всѣхъ 18 островахъ, подчинившихся Русскому владычеству, было введено народное управленіе, состоявшее изъ выборныхъ на каждомъ островѣ синдиковъ и канцлера (sindaci ed und cancelliere), которые вѣдали бы всѣ общественныя дѣла. Такъ и на Милосѣ были четыре синдика, изъ коихъ два были въ крѣпости, а два, съ канцлеромъ, въ городѣ. Но былъ ли неудаченъ самый выборъ, или были тому какія нибудь иныя причины, почти на всѣхъ 18 островахъ, которые посѣтилъ Ванъ-Криненъ, народъ былъ крайне недоволенъ своими выборными, такъ что когда Ванъ-Криненъ пріѣхалъ на островъ Сифанто, то засталъ

тамъ открытое возстаніе противъ вновь избранныхъ властей, возстаніе, по его замѣчанію, вызванное дѣйствительно невыносимымъ ихъ управленіемъ (стр. 117).

Описывая затѣмъ (стр. 71) островъ Наксію, Ванъ-Криненъ говоритъ объ изобиліи и вслѣдствіе сего дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ; по его словамъ, до нашествія Русскаго флота (l'invasione dell' armata Russa), за одинъ піастръ можно было легко купить шесть курицъ или 7, 8 паръ цыплятъ; но послѣ того цѣны возрасли, такъ что за піастръ съ трудомъ можно было пріобрѣсти одну курицу или одну пару цыплятъ. Точно также на островѣ Паросѣ, до 1771 года, тысячу апельсиновъ продавали, и то невсегда, за $2^1/_2$ или 3 піастра, тогда какъ вслѣдствіе близости къ Паросу Русскаго флота, цѣна поднялась на 10 и 15 піастровъ; лимоны вздорожали съ 1 піастра за тысячу до 3 и 4. Переходя затѣмъ (стр. 118) къ описанію острова Пароса, нашъ авторъ замѣчаетъ, что его въ 1770 г. избралъ Русскій флотъ своею главною стоянкою и своимъ арсеналомъ. На Паросѣ лишь три обитаемыхъ мѣстечка, изъ которыхъ первое носитъ названіе Parchia; въ немъ находится прекрасный соборъ въ честь Богородицы, близъ котораго было зданіе; оно принадлежало сперва капуцинамъ, потомъ папскому викарію и разрушено Албанцами, служившими въ Русскомъ флотѣ. Жители помянутаго мѣстечка занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ и разведеніемъ скота; еслибы они съ надлежащею энергіей занимались хозяйствомъ, то могли бы прокормить войско въ четыре раза бо̀льшее, чѣмъ Русское. Другое обитаемое мѣстечко на Паросѣ называется Naussa, передъ которымъ находится большая гавань, вмѣщавшая въ себѣ весь Русскій флотъ. Мѣстность этого городка крайне нездорова, и онъ въ настоящее время совершенно бы обезлюдѣлъ, еслибы не благоразумныя распоряженія Русскаго адмирала Спиридова, исправившаго дороги и водопроводы. Точно также и въ самой гавани Русскіе выстроили госпитали, магазины, кузницы и другія зданія, а также поставили для защиты сильныя батареи, изъ коихъ три поменьше были расположены на скалахъ, выдающихся внутри порта.

Въ заключеніе, по поводу распущеннаго однимъ Лондонскимъ журналомъ въ 1772 году слуха о томъ, что Ванъ-Криненъ открылъ гробницу Гомера во время своего путешествія по островамъ Архипелага, предпринятаго имъ на счетъ Русскаго правительства, графъ Ванъ-Криненъ нашелъ нужнымъ приложить нѣсколько документовъ, изъ коихъ видно, что онъ путешествовалъ по этимъ мѣстностямъ дважды: первый разъ по порученію Русскаго правительства, второй—на свой счетъ, и что сказанное открытіе сдѣлано имъ во второе путешествіе. Изъ упомянутыхъ документовъ небезъинтересны два первые; оба за подписью полковника Георгія Толя, командовавшаго Шлиссельбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и нерегулярными войсками; одна бумага скрѣплена полковымъ писаремъ Алексѣемъ Фроловымъ, другая секретаремъ Филипомъ Лангодой; обѣ бумаги начинаются словами: по указу и пр. Первая, за № 48, выданная въ Мартѣ 1771 г. въ стоянкѣ порта Наусы, свидѣтельствуетъ о томъ, что предъявитель

Генрихъ Леонардъ графъ Пашъ, баронъ де-Криненъ отправленъ съ отрядомъ императорскаго Шлиссельбургскаго полка, состоящимъ изъ капитана гренадеръ Карла фонъ-Герсдорфа, лейтенанта Велькена, шести сержантовъ, восьми капраловъ, одного писаря, одного цирульника, двухъ барабанщиковъ, двухъ флейтистовъ и 34 солдатъ, и имѣетъ порученіе набирать, по подчинившимся императорской власти 18-ти островамъ Архипелага, молодыхъ людей изъ Грековъ на службу Ея Императорскому Величеству. Вторая бумага на Французскомъ языкѣ, отъ 6 Августа того же года, изъ селенія Мармары, на островѣ Паросѣ, есть удостовѣреніе въ честномъ и безукоризненномъ поведеніи графа Паша въ теченіи 8 мѣсяцевъ, которые онъ провелъ, въ качествѣ волонтера, на Русской службѣ.

И. Помяловскій.

Письмо адмирала Спиридова къ жителямъ острова Сироса.

Переведено съ Греческаго изъ сочиненія Стефаноса (изданнаго въ Аѳинахъ въ 1875 году) о древнихъ надписяхъ, находящихся на островѣ Сиросѣ въ Архипелагѣ.

На островъ Сиру, начальникамъ, синдикамъ, гражданамъ и всему освященному собору желаю здравія и долгоденствія.

Я имѣю свѣдѣніе о томъ, что на вашемъ островѣ Сирѣ, въ старинной крѣпости, представляющейся разрушенною, влѣво отъ церковной двери, находится мраморная доска и другая ей подобная, на которой изображены фіалъ и другіе сосуды древнихъ жрецовъ изъ временъ идолопоклонства.

Такъ какъ эти произведенія и работа древнія, которыя, по повелѣнію благочестивѣйшей нашей великой Государыни всея Россіи, мы должны послать въ Петербургъ, то, получивъ это наше посланіе, пошлите безъ замедленія эти произведенія ко мнѣ сюда въ портъ Аузу, равно какъ и другія древности, которыя нашлись бы на вашемъ островѣ, не щадя при этомъ вашихъ трудовъ.

Пошлите же мнѣ сюда съ вашимъ собственнымъ письмомъ, перечисливъ въ немъ поименно все, вами посылаемое, для того, чтобы я переслалъ оное въ Петербургъ, чтò будетъ вамъ служить почетомъ, такъ какъ эти вещи найдены на островѣ Сирѣ. Дѣлайте согласно съ нашимъ письмомъ, какъ можно скорѣе, въ чемъ я остаюсь на васъ благонадежнымъ.

Января 25-го 1772 года.

Адмиралъ и кавалеръ Григорій Спиридовъ.
Секретарь Петр...
Драгоманъ высокопревосходительныхъ адмираловъ
Павелъ Павловици.

Желаніе Русскаго адмирала, замѣчаетъ г. Стефаносъ, не было исполнено, и упоминаемый въ его письмѣ барельефъ въ 1849 году былъ перевезенъ въ Гермуполь.

Встрѣча съ Голандскимъ королемъ Людовикомъ Наполеономъ.

(1810).

(Изъ Записокъ А. С. Лашкарева).

21 Іюня (3 Іюля) 1810 года Голандскій король, находившійся въ Гаарлемѣ, неожиданно прибылъ въ Амстердамъ, собралъ свой государственный совѣтъ, отрекся отъ престола и выѣхалъ изъ города—куда? неизвѣстно.

Того же дня, около одинадцати часовъ вечера, отправился я курьеромъ въ Петербургъ.

Въ проѣздъ мой черезъ крѣпость Наарденъ, мнѣ пришло на мысль освѣдомиться: не проѣзжалъ ли передо мною какой нибудь путешественникъ? Мнѣ сказали, что, за нѣсколько часовъ до прибытія моего, дѣйствительно, проскакала изъ Амстердама четвероместная коляска, и что ѣхавшіе въ ней люди были, по словамъ ихъ, купцы, отправлявшіеся въ Гамбургъ.

Отвѣтъ показался мнѣ неудовлетворительнымъ; я поспѣшилъ моимъ отъѣздомъ.

5-го Іюля, прибывъ въ Девентеръ, я узналъ отъ городскаго почтмейстера тѣже вѣсти о четвероместной коляскѣ, отъ которой я былъ довольно близко и могъ нагнать ее, если поѣду шибче. Почтмейстеръ прибавилъ, что, судя по таинственности, которою прикрываются путешественники, можно подозрѣвать....

Я не далъ ему докончить, угадывая истину и, обѣщавъ почтальону щедро наградить его, если онъ нагонитъ коляску, я выѣхалъ изъ города.

Наконецъ, измученный нетерпѣніемъ и усталостію, открылъ я въ Дипенау, за три станціи до Ганновера, передъ почтовымъ дворомъ, ускользнувшую отъ меня коляску.

Войдя въ домъ почтмейстера, я увидѣлъ, по лѣвую сторону комнаты, бывшаго Голандскаго короля въ партикулярномъ сюртукѣ и круглой шляпѣ. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ. По правую сторону комнаты стояли еще два человѣка, которыхъ я сперва не узналъ.

Заказавъ немедленно лошадей, я еще разъ прошелъ по той сторонѣ комнаты, на которой стоялъ король, въ надеждѣ, что онъ узнаетъ меня, и когда я къ нему приблизился, онъ сказалъ: «Узнаете ли вы меня?»

Я отвѣчалъ ему, что узналъ его съ перваго взгляда при входѣ въ комнату, но уважая его молчаніе, боялся огорчить его неумѣстнымъ привѣтомъ. Тогда онъ пригласилъ меня знакомъ слѣдовать за нимъ. Мы вошли въ другую горницу, довольно уединенную, для свободнаго разговора.

И вотъ что̀ мнѣ сказалъ король:

«Мы тотчасъ узнали васъ, когда вы вошли, и я вамъ очень благодаренъ за вашу скромность. Я почти увѣренъ, что вы отправлены въ Петербургъ съ извѣстіемъ о моемъ отреченіи, и не могу не выразить моей радости, что встрѣтился здѣсь съ вами». Потомъ сталъ онъ меня распрашивать, что̀ произошло послѣ отъѣзда, спокоенъ ли

народъ и вступили ли Французы въ Амстердамъ? Я описалъ ему въ точности положеніе города въ минуту моего отъѣзда. «Мнѣ кажется», возразилъ король, «что публика ничего не знаетъ о цѣли моего путешествія и что, благодаря взятымъ мною предосторожностямъ, почтмейстеры городовъ, въ которыхъ перемѣнялъ я лошадей, не могли узнать меня; экипажъ мой вы видѣли сами. Но что̀ подумаетъ императоръ Александръ, когда узнаетъ объ этомъ событіи? [1]) Не назоветъ ли онъ моего поступка необдуманнымъ безразсудствомъ? Надѣюсь, что вы взяли съ собою всѣ акты, которые велѣлъ я обнародовать и которые объясняютъ причины моего отреченія».

Я отвѣчалъ королю, что хотя и не читалъ я депешей Смирнова [2]), но полагаю, что въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго для особы его величества, прибавивъ, впрочемъ, что если ему нужно сообщить что нибудь Августѣйшему моему Государю и поручить это мнѣ, то я готовъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, исполнить его волю.

Послѣ того, король пригласилъ меня подождать нѣсколько часовъ. Разложивъ на столѣ географическую карту мою предъ краснымъ носомъ почтмейстера, я старался всячески продлить съ нимъ любимый разговоръ Нѣмецкихъ почтмейстеровъ о политикѣ, чтобы дать время королю написать письмо. Наконецъ онъ написалъ письмо къ Государю Императору и, поручивъ мнѣ запечатать его въ особый пакетъ, отдалъ мнѣ и отпустилъ меня.

Не успѣлъ я выѣхать со станціи, какъ увидѣлъ вдали, что король, въ той же самой коляскѣ, слѣдитъ меня. Дорога была прескверная, и надобно было ѣхать почти шагомъ. Пока я размышлялъ о случившемся, посматривая на королевскую коляску, вдругъ она опрокидывается... «Стой!» закричалъ я кучеру; лошади остановлены, и я выпрыгнулъ на дорогу. Тотчасъ же бросился я на помощь къ королю. Онъ успѣлъ уже выдти изъ коляски и, стоя подлѣ нея, размышлялъ о своемъ несчастіи и былъ, повидимому, сильно огорченъ. На вопросъ мой: не могу ли быть ему чѣмъ нибудь полезенъ? его величество отвѣчалъ мнѣ, что былъ очень радъ моему предложенію, и какъ, продолжая путь, по такой дурной дорогѣ, въ коляскѣ своей, боится, не случилось бы съ нимъ опять такого же приключенія, то весьма бы охотно пересѣлъ въ мой экипажъ и доѣхалъ въ немъ до первой станціи, если только это не обезпокоитъ меня.

И, такимъ образомъ, мы проѣхали съ нимъ четыре Нѣмецкія мили.

Во все это время, сидя со мною рядомъ и занеся руку свою за мои плеча, его величество разговаривалъ со мною о разныхъ происшествіяхъ своего царствованія и проливалъ слезы. Король сильно жа-

---

[1]) Въ 1808 году императоръ Александръ послалъ королю Людовику Голландскому (1778 † 1846) орденъ св. Андрея Первозваннаго; орденскіе знаки отвозилъ въ Гагу Д. Н. Блудовъ (впослѣдствіи графъ). Король Людовикъ былъ третій братъ Наполеона. Къ Россіи онъ имѣлъ еще то отношеніе, что въ 1801 году Первый Консулъ отправлялъ его въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ съ Павломъ Петровичемъ. Людовикъ былъ уже въ Берлинѣ; кончина Государя заставила его возвратиться назадъ. *П. Б.*

[2]) И. И. Смирновъ за отъѣздомъ посланника нашего, кн. Сергѣя Николаевича Долгорукова, на воды, оставался тогда нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Амстердамѣ.

ловался на своего брата (императора Наполеона) и на его обращеніе съ нимъ. Онъ говорилъ:

«Боюсь одного: не стали бы добрые Голандцы мои обвинять меня въ постыдномъ бѣгствѣ. Но, судите сами, прилично ли званію короля оставаться долѣе въ городѣ, занятомъ чужеземными войсками? Подъ видомъ почетной гвардіи, ко мнѣ приставили бы настоящую стражу и стали бы держать меня подъ присмотромъ. Кромѣ того, дальнѣйшее пребываніе мое тамъ принесло бы Голандцамъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. На меня обратилось бы все негодованіе моего брата. Вмѣсто пособія Голандіи въ ея бѣдствіяхъ, я только бы ихъ усилилъ. Ясно видя, что братъ мой непремѣнно хотѣлъ удалить меня отъ престола, я, добровольно отказавшись отъ него, полагалъ сдѣлать ему угодное, а Голандцамъ принесть существенную пользу, учредивъ регенство, котораго правительницею назначилъ жену мою. Чтобъ отклонить отъ себя всякое оскорбительное подозрѣніе, я, вмѣсто Англіи или Америки, избралъ себѣ убѣжищемъ владѣнія тестя его, императора Австрійскаго. Я намѣренъ поселиться въ Теплицѣ и подъ именемъ графа Сенъ-Ле (St. Leu.)».

Этимъ кончилась важнѣйшая часть бесѣды моей съ королемъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, пожелавъ знать имена особъ, сопровождавшихъ короля, я взялъ смѣлость спросить его объ этомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что то были г-нъ Блоисъ-фанъ-Амстель (Bloys van Aemstel) и генералъ Траверсъ. Первый изъ нихъ, во время поѣздки моей съ королемъ, сидѣлъ на козлахъ съ моимъ почтальономъ, и какъ ни старался я убѣдить короля позволить мнѣ занять его мѣсто, онъ никакъ не дозволилъ мнѣ пересѣсть туда, вѣроятно потому, что примѣтилъ мою усталость.

Въ разговорахъ нашихъ я примѣтилъ нѣкоторый родъ неудовольствія короля противъ разныхъ особъ его двора. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ, между прочимъ, о г-нѣ де Роэллѣ, своемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ: «Я имѣю все право жаловаться на г-на Роэлля, который совершенно покинулъ меня въ то время, когда я въ немъ имѣлъ величайшую нужду. Что жъ касается до маршала Дюмонсо, главнокомандующаго королевскихъ войскъ, бывшій король сказалъ о немъ: «Я столь же мало доволенъ генераломъ Дюмонсо, который, во время предположенной защиты Амстердама, противился всѣми средствами этой мѣрѣ и показалъ себя всѣхъ болѣе преданнымъ сторонѣ Французовъ».

(Изъ Маяка 1840, кн. 2-й).

Преданія о Демидовыхъ и о Демидовскихъ заводахъ.

На Невьянскихъ желѣзныхъ заводахъ, пожалованныхъ Петромъ Первымъ родоначальнику Демидовыхъ, можно еще видѣть усадьбу Никиты Антуфьева, какъ онъ назывался тогда. Сохранилось также много любопытныхъ бумагъ и преданій о знаменитомъ Тульскомъ кузнецѣ. Разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующія подробности о первой его встрѣчѣ съ Петромъ.

Одинъ изъ нашихъ вельможъ, ѣздившій за границу, привезъ Петру пистолетъ. Царь очень потѣшался подаркомъ, но къ несчастію сломалъ курокъ.

Не нашлось въ Москвѣ мастера способнаго его починить, и кто-то посовѣтовалъ обратиться въ Тулу, гдѣ кузнецъ Никита Демидовъ Антуфьевъ славился ловкостью и искусствомъ. Петръ, ѣхавшій въ Воронежъ, захватилъ пистолетъ съ собой, остановился въ Тулѣ и приказалъ позвать кузнеца, который объявилъ, что дѣло можно поправить, но что починка потребуетъ времени. Петръ оставилъ ему пистолетъ съ тѣмъ, чтобъ взять его назадъ, когда поѣдетъ обратно въ Москву. Мѣсяца черезъ два Государь прибылъ опять въ Тулу и спросилъ о своемъ заказѣ. Никита Демидовъ принесъ ему пистолетъ. Осмотрѣвши его, Петръ похвалилъ кузнеца и прибавилъ: «А пистолетъ-то каковъ! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будутъ такъ работать?» —«Чтожъ, авось и мы супротивъ Нѣмца постоимъ!» отозвался Никита.

На бѣду Петръ выпилъ лишнюю рюмку анисовки, и эти ненавистныя слова, слышанныя имъ уже столько разъ, взбѣсили его. Онъ не сдержалъ руки и крикнулъ, ударяя въ щеку Антуфьева: «Сперва сдѣлай, мошенникъ, потомъ хвались!»

«А ты, Царь», возразилъ, не смущаясь кузнецъ, «сперва узнай, потомъ дерись!» При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и продолжалъ: «Который у твоей милости, тотъ моей работы, а вотъ твой—заморскій-то».

Разглядѣвъ пистолеты, обрадованный Петръ подошелъ къ Никитѣ и обнялъ его.

— «Виноватъ я передъ тобой», сказалъ онъ, «и ты, я вижу, малый дѣльный. Ты женатъ?»

— «Женатъ».

— «Такъ ступай же домой и вели своей хозяйкѣ мнѣ приготовить закусить, а я кое-что осмотрю, да часика черезъ два приду къ тебѣ, и мы потолкуемъ».

Кузнецъ, не чуя отъ радости земли подъ ногами, полетѣлъ домой. Жена его не поскупилась, разумѣется, на угощенье, принарядилась и встрѣтила дорогаго гостя съ низкимъ поклономъ. Петръ, отвѣдавъ хлѣба-соли, разговорился съ Антуфьевымъ и спросилъ его, не возмется ли онъ устроить въ Тулѣ ружейный заводъ, о которомъ Царь давно мечталъ, и много ли потребуется денегъ на это предпріятіе.

Антуфьевъ попросилъ пяти тысячъ. Онѣ были ему немедленно выданы изъ казны, и онъ приступилъ къ дѣлу въ добрый часъ. Заводъ былъ выстроенъ, пущенъ и сталъ снабжать ружьями нашу армію. Петръ, довольный распорядительностью Антуфьева, пожаловалъ ему въ Тобольскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ два желѣзные завода на Каменкѣ и на Нейвѣ, которые давали мало дохода за неимѣніемъ искусныхъ управителей. Кузнецъ принялъ это даръ съ большой благодарностью и обязался, въ свою очередь, поставлять ежегодно Царю извѣстное количество военныхъ запасовъ, пушекъ и желѣза.

Петръ слѣдилъ зорко за дѣятельностью Антуфьева и входилъ въ малѣйшія подробности устройства заводовъ. Они были жалованы въ началѣ Марта 1702 года, а въ Декабрѣ думный дьякъ Андрей Виніусъ уже ѣздилъ ихъ осматривать по указу Государя и передалъ его наставленія и приказанія Никитѣ Антуфьеву.

Горнозаводское дѣло мало привлекало крестьянъ, и со дня основанія заводовъ невозможно было добыть работниковъ безъ понудительныхъ мѣръ. Сосѣднія слободы обязаны были поставлять извѣстное число людей на заводъ.

Петръ приказывалъ Антуфьеву содержать ихъ и назначить имъ «удобный и пристойный паекъ». Лѣнивыхъ же Антуфьевъ имѣлъ право наказывать тѣлесно, «но въ такой мѣрѣ, чтобъ тебѣ чрезмѣрною жестокостію ихъ врознь не разогнать, и не навесть бы тебѣ на себя правыхъ слезъ въ томъ и обиднаго воздыханія, и отъ того гораздо остерегаться: для того, что обида, паче убогому человѣку, есть грѣхъ непростительный. Къ тому опасно, чтобъ той ради причины не учали бъ бѣгать, и заводы чтобъ тѣмъ не запустѣли; а охочихъ вели учить, чтобъ исподволь изучась могли себѣ пожиточки работою своею нажить».

Крестьяне иныхъ селъ были также обязаны работать на Антуфьева, «въ мѣсяцъ недѣлю, да на годъ всякому человѣку возить на тѣ заводы по возу сѣна и по пяти возовъ соломы». Съ своей стороны Антуфьевъ обязывался платить желѣзомъ, смотря по тогдашней оцѣнкѣ, всѣ поборы и подати за крестьянъ, и не требовать отъ нихъ работы сверхъ ряды.

Государь заботился также о томъ, чтобъ лѣсъ, котораго было при заводахъ «по тридцати верстъ на всѣ стороны», содержать въ порядкѣ и рубить бережно «сряду, чтобъ то мѣсто запустя опять заросло». Онъ запрещалъ держать на заводахъ вино и вообще горячіе напитки, дозволялъ, чтобъ для потребности работниковъ была учреждена безпошлинная ярмарка и приказывалъ обращаться къ нему лично по заводскимъ дѣламъ.

Еще до передачи Антуфьеву заводовъ Царь завелъ на нихъ школы и больницы. Эти заведенія онъ поручилъ попеченію новаго владѣльца. «Дѣткамъ школы, а больнымъ больницы были построены: ихъ кормить и всячески призирать и лѣчить».

Антуфьевъ былъ распорядителенъ, дѣятеленъ и уменъ. Дѣло спорилось и росло подъ его руками. Онъ умножилъ число доменъ, и на заводѣ стучали день и ночь тысячи молотовъ. Мало того, онъ открылъ мѣдную руду на казенной землѣ и просилъ о дозволеніи построить новый еще заводъ. Государь принялъ охотно просьбу, какъ видно изъ указа Бергъ-Коллегіи, отъ Декабря 1720 года:

«Велѣно Тулянину Никитѣ Демидову въ Сибирской губерніи, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, на государевой порожней землѣ, за рѣчкою Высью, гдѣ онъ, Никита Демидовъ, нашелъ мѣдную руду, на ономъ мѣстѣ построить ему Демидову мѣдный заводъ на его собственныя деньги и на томъ заводѣ плавить ему мѣдь; и съ того завода десятаго пуда съ него, Демидова, съ даннаго ему его великаго государя указа, два года имать не велѣно, для того, что у него оный заводъ строиться будетъ вновь, а по прошествіи двухъ лѣтъ ему Демидову платить чистой мѣдью десятый пудъ на денежный дворъ въ Москвѣ, и въ артилерію по вся годы безъ доимки. А не отъ прибыли десятый пудъ съ него брать, для того, что ему, Демидову, подъ тотъ заводъ велѣно дать государеву землю и лѣсъ ему велѣно рубить государевъ же».

«Ему, Демидову», сказано дальше о томъ мѣдномъ заводѣ, «велѣно трудиться и тщатися и какъ возможно проискивать, чтобъ то рудное дѣло у него произведено и умножено было съ удовольствіемъ и обнадежить, что оный заводъ не возмется у него и у жены его и у дѣтей и у наслѣдниковъ, покамѣстъ они оный заводъ содержать будутъ въ добромъ состояніи».

Демидовъ не давалъ отдыха себѣ и не терпѣлъ лѣнивыхъ. Ничто не ускользало отъ его зоркаго глаза, а нрава онъ былъ крутаго. Въ своемъ домѣ

онъ устроилъ акустику, дававшую ему возможность слышать все что говорилось за нѣсколько комнатъ. Этотъ домъ существуетъ до сихъ поръ и простоитъ вѣроятно многіе еще десятки лѣтъ. Онъ выстроенъ весь изъ камня, желѣза и дуба; стѣны двухъ-аршинной толщины, и ничто въ немъ не измѣнилось со времени перваго владѣльца. Узкія окна, узкія чугунныя лѣстницы, поставцы въ стѣнахъ, балконы, на которыхъ можетъ стоять одинъ лишь человѣкъ, все напоминаетъ о давно протекшихъ дняхъ [1]).

Заводы процвѣтали, доходы ихъ умножались, и Царь, получавшій ежегодно свой запасъ пушекъ, ружей, фузей и желѣза, наградилъ дѣятельность Антуфьева дарованіемъ ему, въ 1720 году, потомственнаго дворянства «подъ фамиліей Демидова». 28 лѣтъ сряду горнозаводское дѣло усовершенствовалось подъ умнымъ и неусыпнымъ надзоромъ Никиты Демидовича, который умеръ на своей родинѣ, въ Тулѣ, гдѣ можно видѣть его надгробный памятникъ въ Христорождественской церкви.

На Невьянскихъ заводахъ сохранился писанный масляными красками его портретъ. Рѣдко случается видѣть такой характерный типъ. Одною изъ жилистыхъ рукъ бывшій кузнецъ придерживаетъ кожану (шубу), наброшенную на кафтанъ, другой опирается на костыль. Худощавостью и желтоватымъ цвѣтомъ лица онъ напоминаетъ аскета. Черные глаза впали, губы сжаты, небольшая черная борода спускается на грудь, черепъ обнаженъ, вся физіономія носитъ отпечатокъ ума и силы. Такимъ выраженіемъ природа одаряетъ именно людей, которые завѣщеваютъ свое имя потомкамъ.

Онъ оставилъ трехъ сыновей, которые раздѣлили между собой его имѣніе. Родъ втораго скоро пресѣкся, потомство третьяго, Никиты, здравствуетъ до сихъ поръ; но значительное дѣдовское наслѣдство постепенно дробилось, и богатство, накопленное Никитой Демидовымъ, сохранилось и умножилось лишь въ родѣ старшаго сына его Акинѳія.

Акинѳій Никитичъ къ наслѣдственнымъ заводамъ прибавилъ еще новые: мѣдные, серебряные и золотые. Какъ отецъ его, онъ трудился неусыпно надъ ними въ продолженіе пятнадцати лѣтъ и скончался на пути изъ Казани въ Сибирь, на рѣкѣ Камѣ. По духовному завѣщанію свои деревни и часть движимаго имѣнія онъ оставилъ старшимъ сыновьямъ: Прокопію и Григорію, а заводы доставались сполна меньшему, Никитѣ, такъ какъ отецъ видѣлъ у него болѣе способности къ горнозаводскому дѣлу, нежели у его братьевъ.

Но, не смотря на законность завѣщанія и на отцовскую волю, старшіе братья протестовали. Императрица Елисавета Петровна уничтожила духовную Акинѳія Никитича и приказала его сыновьямъ, для избѣжанія *споровъ и тяжбъ*, приступить къ *полюбовному и безобидному* раздѣлу его наслѣдства на три равныя части, «объявляя, какъ сказано въ официальной бумагѣ, яко о томъ ихъ раздѣлѣ собственною своею персоною разсмотрѣть намѣрены».

Полюбовный раздѣлъ привелъ, разумѣется, къ безконечнымъ раздорамъ. Акинѳій Никитичъ умеръ въ 1745 г., а въ 1759 г. судъ разсматривалъ еще просьбу обиженнаго Никиты, который желалъ исключить изъ раздѣла вещи ему подаренныя, имѣнье купленное ему отцомъ, и наконецъ конторщика

---

1) Этотъ домъ принадлежитъ теперь Василію Никитичу Рукавишникову, одному изъ владѣльцевъ заводовъ жалованныхъ Петромъ. В. Н. Рукавишниковъ снабдилъ меня обязательно документами для составленія этой статьи.

Аѳанасья Яковлева уже *уступленнаго ему изъ единой любви братской*; а Григорій Акинѳіевичъ заявляетъ, въ свою очередь, право на крестьянъ, переведенныхъ на его имя при жизни отца. Наконецъ, по устраненіи всѣхъ спорныхъ пунктовъ, мы видимъ изъ офиціальнаго акта, 12 Декабря 1759 г., что «условились и одногласно по полюбовному братскому раздѣлу положили и утвердили, а именно: первой части, называемой Невьянской, быть за большимъ братомъ Прокофьемъ, второй—Ревдинской, за среднимъ Григорьемъ, третьей—Нижнетагильской, за меньшимъ Никитою».

Дѣдовскія богатства раздробились на мелкія части въ родѣ Григорья Акинѳіевича, однако они принесли свою пользу отечеству. Сынъ его, Павелъ Григорьевичъ, основалъ въ Ярославлѣ лицей, носящій его имя. Что касается до Прокофья Акинѳіевича, то онъ оставилъ своимъ дѣтямъ значительные капиталы, которые разошлись также со временемъ по многимъ рукамъ, но заводы свои продалъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ добрый и крайній чудакъ. Намъ довелось слышать много разсказовъ о немъ отъ старушки, которая знала его въ своей молодости. Онъ былъ женатъ два раза. Послѣ смерти первой его жены ему понравилась молодая дѣвушка изъ Московскаго общества. Демидовъ, какъ большая часть богачей, избалованный могуществомъ золота, не усомнился, что красавица приметъ его предложеніе. Онъ поѣхалъ въ домъ ея родителей и вошелъ въ кабинетъ отца, сопровождаемый лакеемъ; этотъ послѣдній несъ шкатулку, которую поставилъ на столъ. Демидовъ вынулъ ключъ изъ кармана и отперъ ее. Въ ней лежали великолѣпные бриліанты.

— Хороши?» спросилъ нежданный гость, обращаясь къ хозяину дома.

— «Очень хороши», отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на него съ удивленіемъ,—«но позвольте спросить, государь мой, по какому случаю имѣю я честь васъ видѣть у себя?»

— Я пріѣхалъ свататься за вашу дочь: это мой первый подарокъ.

— «Берите его назадъ: я не отдамъ дочери за васъ».

Прокофій Акинѳіевичъ не повѣрилъ ушамъ.

— Какъ! повторялъ онъ, вы не отдадите вашей дочери за меня!

«Не отдамъ», настаивалъ съ своей стороны отецъ, «Богъ съ вами и съ вашими бриліантами».

Вернувшись домой, Демидовъ позвалъ своего конторщика и отдалъ ему слѣдующее приказаніе:

«Напечатать въ газетахъ, что Прокофій Демидовъ сватался и получилъ отказъ [2]).

Разъ къ нему обратилась съ просьбой мелкопомѣстная помѣщица, которая вошла въ неоплатный для нея долгъ,—тысячу рублей. Она умоляла Демидова дать ей взаймы эти деньги, обѣщаясь возвратить ихъ по возможности.

«Хорошо», сказалъ онъ, «только считай ихъ сама».

Черезъ нѣсколько минутъ лакеи внесли въ комнату огромные мѣшки, наполненные мѣдными деньгами.

«Посчитай-ка», повторилъ, смѣясь, Демидовъ, «всѣ ли тутъ сполна».

---

[2]) Не знаю, явилось ли въ газетахъ это оригинальное объявленіе и, къ сожалѣнію, не помню имени честнаго человѣка, котораго не подкупило Демидовское богатство.

Просительница, не позволяя себѣ никакого замѣчанія, сѣла на полъ и стала раскладывать около себя кучки пятаковъ и грошей, а Прокофій Акинѳіевичъ сновалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, задѣвая ихъ ногой, будто по неловкости, и бѣдная женщина принималась опять за свой неблагодарный трудъ. Черезъ нѣсколько часовъ она объявила наконецъ, что 1000 рублей сочтены.

«Да не лучше ли дать тебѣ деньги золотомъ?» спросилъ ее Демидовъ, «а то, пожалуй, не ловко тебѣ будетъ нести эти мѣшки».

— Разумѣется, золотомъ, батюшка, коли милость ваша будетъ», отвѣчала она.

«Такъ давно бы ты сказала; вѣдь мнѣ и въ голову не пришло; а за то, что ты трудилась даромъ, ужъ такъ и быть, бери ихъ безъ отдачи».

Доброта его сердца проглядываетъ въ перепискѣ съ сыновьями, проживавшими на заводахъ, чтобъ учиться горнозаводскому дѣлу. «Пишете», говоритъ онъ въ письмѣ отъ Января 1763 г., «что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ, отъ работъ отказались. О томъ я жалѣю, и хотя они совсѣмъ работать не станутъ, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить о нихъ не велѣть; а какъ они проживутся, тогда работать охотно станутъ. Да отъ всемилостивѣйшей Государыни для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близко прибудетъ, то прикащикамъ, а когда случится и вамъ, его превосходительство просить, чтобъ съ ними, ежели возможно, до разоренія не доходить, развѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности. Въ такомъ случаѣ просить защищенія, и ежели явится опасность, то и вамъ выѣхать въ Катеринбургъ».

«Не будь лѣнива, самолюбива и жадна», пишетъ онъ дочери своей, «живи умѣренно, не скупо, да и не чливо. Помни, какъ я живу. Вмѣсто роскоши, помогай недостаточнымъ, а другихъ лаской довольствуй».

Демидовъ ѣздилъ въ Голандію, въ Англію, и принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, выстроилъ самое зданіе на собственный капиталъ и пожертвовалъ на Комерческое Училище двѣсти слишкомъ тысячъ. Благосостояніе этого заведенія сильно его занимало: «Я, мой батюшка», пишетъ онъ къ зятю своему Хозикову, «о моей радости тебѣ доношу, что Богъ меня благословилъ двухъ дѣтей богатыхъ отцевъ въ Комерческое Училище принять. Я думаю, его превосходительство (т. е. Бецкій) на меня гнѣвается; да уже отважился, чтобы было за что. Одинъ 6-ти лѣтъ, а другой 11-ти, который Русскую, Нѣмецкую, Ариѳметикѣ уже выучился, и говоритъ изрядно немного и пофранцузски».

«Меня, государь мой, богатый много порадовалъ. Какъ его сынъ выдетъ и будетъ въ чужихъ краяхъ, отецъ пожелаетъ, чтобъ тамъ Россійская контора завелась. Тогда-то богатые купцы жалѣть будутъ о глупости своей!»

Т. Толычова.

Святое Евангеліе на Малорусскомъ языкѣ.

Библіотекѣ Полтавской Духовной Семинаріи принадлежитъ замѣчательная рукопись: четвероевангеліе въ переводѣ на Малорусскій языкъ такъ называемаго Пересопницкаго извода [1]), вышедшее изъ подъ пера (въ промежутокъ 1556—1561 годовъ) нѣкоего Михаила Васильевича, сына протопопа съ Санока [2]). Переводчикомъ является архимандритъ Пересопницкаго монастыря Григорій. Рукопись четвероевангелія представляетъ большой томъ въ листъ. Она въ дубовыхъ доскахъ, обложенныхъ старымъ зеленымъ бархатомъ. Отъ начала до конца вся написана на очень хорошемъ, тонко выдѣланномъ пергаментѣ. Она вся писана прекраснымъ уставнымъ письмомъ до того поразительно-чистымъ, что для неопытнаго взгляда представляется печатною. Чернила замѣчательно добротны и только лишь на нѣкоторыхъ страницахъ начинаютъ желтѣть. Въ рукописи находятся живописныя украшенія. Первыя страницы каждаго изъ четырехъ евангелій имѣютъ вверху виньетку, надпись, сдѣланную золотою вязью и разноцвѣтную узорчатую рамку; каждая глава начинается красною большою заставкою; заставки первой страницы каждаго изъ евангелій отличаются особенно художественною отдѣлкою и бо̀льшею, сравнительно съ остальными, величиной. Въ рукописи по разнымъ мѣстамъ ея разсѣяны виньетки и разнаго рода бордюры. Кромѣ того въ рукописи сохранились во всей цѣлости четыре изображенія евангелистовъ. Всѣ четыре рисунка сдѣланы по золотому сплошному полю гуашными красками. Краски положены густыми слоями, рукою наторѣлою, художественно и съ чрезвычайною тонкостью. Не смотря на значительный объемъ листовъ подъ рисунками, сіи послѣдніе, по чистотѣ и отчетливости работы, по свѣжести и сочности колеровъ и вообще по художественной красотѣ, не уступаютъ лучшимъ образщикамъ миньятюръ что̀ входятъ въ составъ сокровищъ Императорской Публичной Библіотеки. Пошибъ рисунковъ чисто Византійскій, измѣненный только въ характерѣ бордюровъ, въ которыхъ, съ широкими, своеобразными, кудреватыми, разноцвѣтными завитками, подмѣчается нѣчто особое отъ обыкновеннаго стиля Византійской бордюрографіи. Евангелистъ Матѳей изображенъ во весь ростъ сидящимъ и окруженнымъ грудами книгъ; ангелъ съ выси облаковъ подаетъ ему книгу. Изображеніе евангелиста Марка въ томъ же родѣ, что̀ и Матѳея; подъ ногами у него книга; орелъ съ облаковъ вручаетъ ему книгу. Евангелистъ Лука представленъ черчащимъ на свиткѣ; облачнымъ книгоподателемъ при немъ является телецъ. Рисунокъ послѣдняго евангелиста по экспрессіи лучше остальныхъ: Іоаннъ изображенъ диктующимъ евангеліе ученику Прохору; въ дали—высокія го-

---

[1]) Пересопница находилась на Волыни, между городами Ровно и Луцкомъ. На мѣстѣ существованія ея стоитъ и понынѣ церковь, остатокъ древняго монастыря. [2]) Санокъ—мѣстечко въ Галиціи на лѣвомъ берегу рѣки Сана, вблизи города Пржемысля.

ры; книгу подаетъ левъ. Каждый рисунокъ сдѣланъ во весь листъ, не менѣе полуаршиннаго объема; но широкій бордюръ и находящаяся подъ каждымъ евангелистомъ подпись захватываютъ немало мѣста, такъ что изображенія собственно евангелистовъ не особенно велики.

Пересопницкое Евангеліе представляетъ собою цѣльный и очень обширный памятникъ южно-русской церковно-народной письменности. Служа для филологовъ источникомъ изслѣдованій, онъ можетъ быть немаловажнымъ матерьяломъ и для исторіи миньятюрнаго искусства.

Иванъ Павловскій.

Замѣчанія митрополита Филарета на конспектъ Каноническаго права.

(1841).

Сочиненіе о существѣ и характерѣ Каноническаго права говоритъ, что видѣть значеніе Каноническаго права и его отношеніе къ области юриспруденціи можетъ только тотъ, кто знакомъ съ послѣднею во всѣхъ ея явленіяхъ. Не имѣющему сего послѣдняго преимущества поставлена преграда входить въ сужденіе и укрѣплена запоромъ: conditio, sine qua non. Слѣдственно, тутъ нечего и дѣлать. Развѣ, можетъ быть, противоположная необходимость заставитъ сокрушить запоръ и вторгнуться въ заповѣданное сужденіе.

Дабы присвоить юридической университетской каѳедрѣ Каноническое право, сочиненіе говоритъ, что отъ сего права приходитъ освященіе и оживленіе различнымъ отраслямъ юридической жизни. Здѣсь не принято труда различить вліяніе догматическаго и нравственнаго христіанскаго ученія и собственно Каноническаго права. Напримѣръ, освященіе брачному союзу сообщается догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ христіанскимъ, а не Каноническимъ правомъ, котораго дѣло состоитъ въ отвращеніи видимыхъ незаконностей. И такъ, если въ составъ юридическихъ наукъ влещи то, чѣмъ христіанство ихъ освящаетъ, то въ составъ сей надлежало бы ввести и догматическое и нравственное христіанское ученіе. Но если сіе неумѣстно, если догматическое и нравственное христіанское ученіе по справедливости имѣетъ особую каѳедру, то сей, а не другой приличнѣе присоединить къ себѣ и Каноническое право.

Сочиненіе говоритъ, что въ Духовныхъ Академіяхъ преимущественно должно излагать церковный элементъ Каноническаго права, куда оно относитъ между прочимъ догматику, а въ Университетахъ преимущественно юридическій, относящійся къ гражданскому быту подъ вліяніемъ канона. Изъ сего раздѣленія слѣдовало бы, что о разныхъ подробностяхъ правилъ, относящихся до брака и развода, надлежитъ преимущественно говорить въ Университетѣ, а не въ Духовной Академіи. Но не преимущественно-ли священнику нужно знать подробности правилъ о бракахъ, которые онъ долженъ совершать? Изъ сего видно, какъ предполагаемая теорія не обѣщаетъ вѣрнаго приложенія къ практикѣ.

Сочиненіе хочетъ преподавать въ Университетѣ Каноническое право общаго содержанія для всѣхъ христіанскихъ вѣроиспо-

вѣданій. Какъ сіе исполнится? Какъ преподастся напримѣръ общее содержаніе правилъ о бракѣ, которыя только въ православной церкви сохраняютъ древній общій видъ каѳолическій, а въ Римской измѣнены по своему? Какъ составится общее содержаніе правилъ о разводѣ, который въ православной церкви возможенъ съ тѣмъ, что виновное лицо лишается права на новый бракъ, въ Римской невозможенъ, однако такъ, что тамъ есть браки законные и въ тоже время нетвердые, въ протестантствѣ такъ легокъ, что виновное лицо подвергается запрещенію новаго брака—на нѣсколько мѣсяцевъ? Имъ общее содержаніе не сообщитъ знанія дѣла, или, если сообщитъ знаніе дѣла, то не окажется общаго содержанія. И справедливо ли немногимъ лицамъ терпимаго вѣроисповѣданія угождать наравнѣ съ большинствомъ господствующаго? Если притомъ будутъ опровергать правила неправославныхъ, то ихъ не удовлетворятъ, а оскорбятъ; а если будутъ доказывать, то не соблазнятъ-ли православныхъ?

Сочиненіе говоритъ, что Каноническое право не имѣетъ отдѣльнаго самостоятельнаго быта, особыхъ началъ; что канонъ есть дополненіе къ свѣтскому праву. Полно такъ-ли? Напримѣръ, канонъ Апостольскій: два или три епископа поставляютъ епископа, неужели есть только дополненіе къ свѣтскому праву? Неужели онъ не стоялъ отдѣльно, самостоятельно, на собственныхъ началахъ, прежде нежели свѣтское языческое право сдѣлалось христіанскимъ и пришло на помощь канону для его охраненія? Начало Каноническаго права нѣсколько постарѣе началъ права Римскаго: одна изъ старинныхъ статей Каноническаго права есть 18-я глава книги Левитъ, написанная когда Рима еще не было.

Сочиненіе говоритъ, что самые источники суть почти общія для того и другаго права. Посмотримъ. Источники Каноническаго права суть: Св. Писаніе, правила св. Апостоловъ, соборовъ, св. Отцевъ, церковные уставы. Скажетъ ли свѣтское право, что сіи источники суть для него почти общіе съ правомъ Каноническимъ?

Отличительнымъ основнымъ началомъ свѣтскаго права поставлено временное и мѣстное осуществленіе идеи вѣчной правды. Но развѣ въ Каноническомъ правѣ не господствуетъ таже идея вѣчной правды, съ опредѣленностями мѣстными и временными?

Характеромъ Каноническаго права полагается неподвижность, но притомъ ему приписывается органическое движеніе, продолжавшееся девять вѣковъ.

О какихъ это людяхъ говоритъ сочиненіе, которые не имѣютъ столько силъ, чтобы жизнь свою соображать съ внутренними духовно-христіанскими началами, а не заимствовать элементы извнѣ? Знаетъ ли оно людей, которые бы имѣли столько силъ, что не имѣли бы нужды заимствовать элементы извнѣ?

Сочиненіе говоритъ, что изъ девятивѣковаго движенія наконецъ составилась догма вселенская. Богословы говорятъ, что догма вселенская существовала съ начала христіанства, а не наконецъ составилась.

Обрядамъ вообще приписываетъ сочиненіе измѣняемость. Нельзя допустить сего. Есть обряды въ каѳолической церкви неизмѣняемые до жизни будущаго вѣка.

Сочиненіе говоритъ: естьли общія убѣжденія народа

становятся неравны съ формою обряда; то нужна для нихъ новая форма. Сего подчиненія обрядовъ какому-то демократическому началу Каноническое право совсѣмъ не знаетъ.

Далѣе о семъ же предметѣ говорится: надо смотрѣть болѣе на низшіе слои народности, а не на высшіе. Здѣсь недосмотренъ и неустраненъ весьма темный оттѣнокъ мысли, аки бы обрядовыя учрежденія религіи годны и надобны только для низшаго класса людей, будто высшій выше ихъ.

«Существованіе его (обряда) не стѣсняетъ совѣсти». Здѣсь опять мелькаетъ неблагопріятное предположеніе, будто всякій обрядъ есть вещь едва терпимая, едва согласимая съ совѣстью.

Сочиненіе обѣщаетъ не произносить скораго сужденія о предметахъ Каноническаго права, остающихся неизмѣнными, хотя бы повидимому и надо ихъ измѣнить. Обѣщаніе доброе, но не успокоивающее, потому что оно тутъ же угрожаетъ надобностію реформы.

«Различіе Восточной церкви отъ Западной скрывается глубоко въ начальныхъ слояхъ новой цивилизаціи».—«Въ IX вѣкѣ оно только окончательно высказалось подъ формою раздвоенія церкви».—По этому Православіе Восточной церкви состоитъ не въ чистомъ ученіи, не въ вѣрномъ апостольскомъ преданіи, а въ особомъ слоѣ цивилизаціи? Сочинитель, безъ сомнѣнія, сего не думалъ; но слова его не доказываютъ ли, какъ опасно подчинить Каноническое право свѣтскимъ теоріямъ?

«Восточный міръ—безъ классическаго языка».—А развѣ Греческій языкъ не классическій?

«Эпоха соборная отъ III до VI вѣка».—Въ третьемъ вѣкѣ вселенскихъ соборовъ не было, а послѣдній вселенскій соборъ былъ въ VIII вѣкѣ.

«На Западѣ гораздо сильнѣе отразился классическій Латинскій элементъ, нежели на Востокѣ».—Жаль, что на сіе не представлено доказательства. Въ чемъ состоитъ Латинскій классическій элементъ западнаго Каноническаго права? Развѣ только въ Латинскомъ языкѣ, который однако въ Каноническомъ правѣ уже вовсе не классическій? И естьли, по несчастію, Латинскій классическій элементъ окажется преобладающимъ въ западномъ Каноническомъ правѣ: то юриспруденція обоихъ правъ не сдѣлаетъ ли опредѣленія, чтобы Латинскую церковь признать классическою церковью? Къ чему послужатъ и куда поведутъ такіе идеальные юридическіе взгляды, не приспособленные строго къ самому дѣлу?

Представленный проэктъ, въ которомъ Каноническое право подчинено идеальнымъ историко-философскимъ соображеніямъ, и такимъ образомъ право положительное не освобождено отъ произвольныхъ порывовъ юридико-философскаго разума, кажется, убѣждаетъ въ томъ, что неудобно Каноническое право отдать свѣтской каѳедрѣ. Естьли свѣтское право чувствуетъ нужду въ освященіи и одушевленіи высшимъ правомъ церковнымъ: пусть оно исходитъ изъ устъ преподавателя христіанина, не въ языческомъ, а христіанскомъ видѣ, что̀ можетъ быть сдѣлано безъ противорѣчія характеру преподаваемаго предмета: потому что христіанство есть высочайшая и чистѣйшая мудрость, и слѣдственно здравый разумъ христіанскія идеи гражданскаго права не можетъ почесть чуждыми себѣ, а скорѣе долженъ признать ихъ себѣ содружными, естьли онъ не ослѣпленъ предубѣжденіемъ и гордостію.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній—10 копѣекъ.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 6.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Карзинкина.
1878.

Письма императрицы Маріи Θеодоровны къ оберъ-камергеру князю А. М. Голицыну.

Оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (1723—1807), служившій при Елисаветѣ Петровнѣ посломъ въ Англіи, а при Екатеринѣ Второй вице-канцлеромъ, доживалъ вѣкъ свой въ Москвѣ, въ уваженіи и роскоши, былъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго Дома и завѣдывалъ Павловскою больницею, что̀ за Серпуховскими воротами. Онъ имѣлъ обширный дворъ на Тверской, въ переулкѣ, который въ память его до сихъ поръ называется Оберъ-Камергерскимъ *), а лѣто проводилъ въ Переяславскомъ имѣньи своемъ Шурмѣ. Бездѣтный двоюродный братъ его, посолъ нашъ въ Вѣнѣ, князь Д. М. Голицынъ поручилъ ему основать въ Москвѣ нынѣшнюю Голицынскую больницу. Постройка больницы потребовала и лѣтняго присутствія въ Москвѣ. Тогда братъ его, князь Михаилъ Михаиловичъ, предложилъ ему свои огороды на Дѣвичьемъ полѣ, для постройки дома, что̀ князь Голицынъ и исполнилъ. Онъ прикупилъ еще сосѣднія земли и разбилъ превосходный садъ (донынѣ существующій во владѣніи В. А. Олсуфьева). Будучи любителемъ садоводства, онъ выписывалъ большія померанцовыя деревья изъ Сициліи и для нихъ превратилъ середину своего дома (тоже вполнѣ уцѣлѣвшаго) въ оранжерею. Надо полагать, что домъ строился около 1780 года, потому что онъ уже стоялъ въ 1786 году, когда выходила замужъ дочь оберъ-камергера за Дмитрія Адамовича Олсуфьева. Громадныя постройки Голицынской больницы подвигались впередъ, какъ въ Мартѣ 1797 года въ Москву прибыла, на коронованіе своего супруга и свое собственное, императрица Марія Θеодоровна. Она уже слишкомъ двадцать лѣтъ жила въ Россіи, въ Москву же въ это время пріѣхала въ первый разъ. Учрежденіе обширной, съ великолѣпными приспособленіями, больницы не могло не привлечь ея вниманія; а князь Голицынъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣтныхъ представителей Московской знати, будучи человѣкомъ не только богатымъ, но и отлично-образованнымъ и сверхъ того онъ былъ попечителемъ Павловской больницы, учрежденной въ память выздоровленія Павла Петровича отъ смертельной болѣзни (1763). Вотъ поводы сближенія оберъ-камергера князя Голицына съ императрицею Маріей Θеодоровной, сближенія, памятникомъ котораго уцѣлили между прочимъ нижеслѣдующія ея письма, сохранившіяся въ подлинникахъ у Василія Александровича Олсуфьева. Устроеніе больницы оживилось. Геніальный Баженовъ, человѣкъ близкій къ Павлу Петровичу еще при Екатеринѣ, завѣдывалъ общимъ ходомъ построенія, а строилъ знаменитый Казаковъ, и Го-

*) См. Р. Арх. сего года, стр. 286, гдѣ ошибочно показано происхожденіе этого названія.

сударыня присутствовала на открытіи Голицынской больницы во второй пріѣздъ свой въ Москву, въ 1801 году, въ коронацію старшаго своего сына [1]). Первый попечитель новой больницы, оберъ-камергеръ, получилъ отъ Государыни портретъ ея, въ траурномъ одѣяніи, который, по кончинѣ императора Павла, Государыня жаловала лишь наиболѣе близкимъ къ себѣ лицамъ. Князь вступилъ въ тѣсный кружокъ друзей Маріи Ѳеодоровны, къ которому принадлежали князь Куракинъ, Нелединскій, впослѣдствіи князь С. И. Гагаринъ.

Князь А. М. Голицынъ, Англоманъ по своимъ привычкамъ и Русскій вельможа въ добромъ смыслѣ слова, оставилъ послѣ себя множество важныхъ бумагъ, которыя были переданы его племянникомъ, извѣстнымъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Тамъ, въ послѣднее время, занялся ихъ разборомъ покойный А. В. Рачинскій и успѣлъ найти въ нихъ нѣсколько историческихъ драгоцѣнностей; къ сожалѣнію, съ болѣзнью и потомъ кончиною его, пресѣклись эти любопытныя находки въ Голицынскихъ бумагахъ. П. Б.

1.

Si vous n'avez pas disposé de votre matinée, mon prince, je vous demanderai de voir l'hôpital de feu l'Empereur, étant bien empressée de voir un établissement auquel vous donnez tous vos soins. Je compte partir à 10 heures, à moins que vous n'ayez quelque empêchement. Je suis bien sincèrement

Votre bien affectionnée Marie.

Переводъ. Если вы еще не распорядились вашимъ утромъ, князь, я попрошу у васъ посмотрѣть больницу покойнаго Императора [2]). Мнѣ очень желательно видѣть заведеніе, которому посвящены всѣ ваши заботы. Думаю выѣхать въ 10 часовъ, если только для васъ это удобно.

2.

St. Pétersbourg, ce 6 Février 1796.

Le paquet ci-joint m'a été remis, mon prince, par le sieur Cardon, maître d'harpe de mes filles et le mien. Il m'a prié de vous recommander son affaire qui fait en ce moment, par les pertes qu'il a essuyées en France, sa seule fortune. Je vous trace donc ce peu de lignes, mon prince, à cet effet, en vous priant de le protéger autant que sa cause est juste, et ce n'est qu'après avoir été assurée qu'elle est telle que

---

[1]) Подробности, рисунки, планы и бумаги объ этомъ благотворительномъ учрежденіи см. въ книгѣ доктора Ивана Сейделера: „Московская Голицынская больница, М. 1865 г.", изданной по распоряженію князя Михаила Ѳеодоровича Голицына. Тутъ же напечатано и завѣщаніе князя Дмитрія Михайловича, писанное въ Вѣнѣ 1 Февраля 1792 года. Изъ него узнаемъ, что отецъ его, фельдмаршалъ Петровскихъ временъ (покоритель Шлюссельбурга) учредилъ въ Харьковѣ публичную семинарію. Князь А. М. Голицынъ увѣщеваетъ своихъ наслѣдниковъ „содержать крестьянъ въ отеческомъ призрѣніи и не отягощать ихъ, помня, что и они ближніе намъ, весьма полезные люди".

[2]) Т. е. Московскую Павловскую больницу, за Серпуховскими воротами, близъ Даниловскаго монастыря.

je me suis engagée à vous parler en sa faveur. Je vous renouvelle avec plaisir à cette occasion, mon prince, les assurances des sentiments d'estime que je vous porte depuis longtemps, et vous assure que je suis et serai constamment

Mon prince
Votre bien affectionnée Marie.

Переводъ. Спб. 6 Февраля 1796. Прилагаемый пакетъ доставленъ мнѣ г. Кардономъ, который учитъ моихъ дочерей и меня играть на арфѣ. Онъ просилъ меня обратить ваше вниманіе на его дѣло, съ которымъ, вслѣдствіе потерь, которыя онъ понесъ во Франціи, связано все его достояніе. Сими немногими строками я прошу васъ, князь, оказать ему ваше покровительство въ той мѣрѣ, въ какой дѣло его справедливо, въ чемъ я убѣдилась, прежде чѣмъ ходатайствовать у васъ въ его пользу. Пользуюсь случаемъ, чтобы снова увѣрить васъ, князь, въ чувствахъ уваженія, которыя питаю я къ вамъ издавна. Остаюсь и пребуду неизмѣнно весьма благожелательная вамъ Марія [3]).

3.

Péterhof, ce 23 Juillet 1797.

M'étant occupée tout ce temps, mon prince, à prendre connoissance de l'état de la maison des enfans trouvés, j'ai vu entre les différens papiers la copie du testament du pr. Galitzin de Vienne. Il y énonce sa volonté de placer un capital de sept cent mille roubles à la Maison, de même qu'un autre de vingt mille roubles. Comme jusqu' à ce moment sa volonté sur ce point n'a pas été remplie, et que cependant le bien qui en résulteroit pour la Maison seroit très majeur, je m'adresse à vous, mon prince, comme au protecteur de cette Maison pour vous demander quelle est la raison qui a empêché l'exécution de cet arrangement, pour me consulter avec vous sur la possibilité de mettre bientôt la Maison en jouissance de ce bienfait du testateur. J'espère que le crédit dont la Maison doit jouir dans ce moment est bien rassurant pour lui confier ce dépôt sacré. L'action du prince Galitzin de Vienne est si belle, la confiance qu'il vous a témoignée, mon prince, en vous chargeant de l'exécution de ses vues bienfaisantes, est si bien placée que je verrai avec plaisir vos deux noms placés à la tête de la liste des bienfaiteurs de cet établissement, et qu'à chaque occasion je serai charmé de vous assurer que je suis sincèrement

Votre affectionnée
Marie.

Переводъ. Петергофъ, 23 Іюля 1797. Знакомясь все это время съ состояніемъ Воспитательнаго Дома, я встрѣтила посреди разныхъ бумагъ копію съ завѣщанія князя Голицына, чтò былъ въ Вѣнѣ. Тутъ выражена его воля, чтобы капиталъ въ 700 тысячъ рублей и другой въ 20 тысячъ рублей былъ помѣщенъ въ Воспитательный Домъ. Отчего же до сихъ поръ эта воля не

[3]) Въ переводѣ дальнѣйшихъ писемъ эти обычныя окончанія будутъ опущены.

была исполнена? Между тѣмъ Воспитательный Домъ могъ бы извлечь изъ сего значительную для себя пользу. Поэтому я спрашиваю васъ, князь, какъ опекуна, какія причины воспрепятствовали исполненію этой воли и прошу вашего совѣта, что́ можно сдѣлать, чтобы Воспитательный Домъ скорѣе воспользовался этимъ благодѣяніемъ завѣщателя. Надѣюсь, что въ настоящее время Воспитательный Домъ пользуется довѣріемъ и что потому этотъ священный вкладъ можетъ быть ему переданъ. Поступокъ князя Голицына столь прекрасенъ, онъ такъ умно распорядился, избравъ васъ исполнителемъ благотворныхъ его намѣреній, что мнѣ пріятно будетъ видѣть оба ваши имени въ числѣ главныхъ благодѣтелей этого учрежденія.

4.

Pavlofsky, ce 5 Juin 1798.

J'ai reçu votre lettre du 27 May; j'y vois avec plaisir, mon prince, votre convalescence, ayant pris un intérêt bien sincère au danger dans lequel vous vous êtes trouvé, par l'estime véritable que je vous porte. J'espère que cette maladie vous servira de brevet de santé.

Je vous suis bien obligée de la liste que vous m'avez communiquée. J'acquiesce à l'acceptation de la dette du c-te Chernichef, mesure que vous avez prise avec le c-te de Sievers. Je vous déclare en outre, mon prince, que la Maison acceptera sur la somme qui lui revient encore d'après votre arrangement bienfaisant (sanctionné par feu Sa Majesté l'Impératrice) autant de billets d'hypothêques qu'il sera agréable aux débiteurs de nous donner; mais pour faciliter cette mesure si favorable aux débiteurs, je crois, mon prince, qu'il serait bon de déposer à la Caisse de Dépôt (Сохранная Казна) les documents qui constatent les dettes et qui sont entre vos mains. Pour ce que vous me demandez, mon prince, pour la dette que l'Amirauté vous doit, je vous avoue que je crois qu'un institut de la couronne comme le nôtre, ne peut faire de revirement pareil, n'ayant pas le droit de se mêler d'affaires particulières, qui ne le regardent pas immédiatement; mais en même temps, pour vous obliger, mon prince, je parlerai au baron Wassilief et le prierai de vous faire savoir au plus tôt les mesures que le devoir de sa place lui aura permis de prendre. Je finis ces lignes en vous assurant que je suis, mou prince,

Vorte affectionnée

Marie.

Переводъ. Павловское, 5 Іюня 1798. Изъ письма вашего отъ 27 Мая съ удовольствіемъ узнала я о вашемъ выздоровленіи. Я принимала искреннее участіе въ опасности, которой вы были подвержены, по причинѣ истиннаго уваженія, которое къ вамъ питаю. Надѣюсь, что исходомъ этой болѣзни здоровье ваше обезпечено. Очень вамъ благодарна за присланный списокъ. Соглашаюсь на принятіе долга графа Чернышева, каковую мѣру вы приняли вмѣстѣ съ графомъ Сиверсомъ. Сверхъ того объявляю вамъ, князь, что на сумму, которая приходится еще Воспитательному Дому, согласно вашему благотворительному распоряженію, утвержденному Ея Величествомъ, покойною

Императрицею, Воспитательный Домъ приметъ столько закладныхъ билетовъ, сколько должники заблагоразсудятъ намъ выдать; но я полагаю, что для облегченія этой мѣры, столь выгодной должникамъ, хорошо было бы положить въ Сохранную Казну бумаги, которыми подтверждаются долги и которыя у васъ въ рукахъ. Что́ касается до Адмиралтейства, которое вамъ должно, признаюсь, мнѣ кажется, мы, въ качествѣ казеннаго учрежденія, не можемъ входить въ подобныя сдѣлки, не имѣя права вмѣшиваться въ частныя дѣла, до насъ не принадлежащія. Впрочемъ, желая сдѣлать вамъ пріятное, я поговорю съ барономъ Васильевымъ и попрошу его увѣдомить васъ, какія мѣры можетъ онъ принять въ предѣлахъ своей должности.

5.

С.-Петербургъ, 5-го Ноября 1801 г.

Князь Александръ Михайловичъ! Съ удовольствіемъ узнала я изъ письма вашего, что Императоръ, любезнѣйшій мой сынъ, позволилъ перенести тѣло покойнаго князя Дмитрія Михайловича [1]) въ церковь больницы, имъ учрежденной: она вѣчный памятникъ его благотвореній, ей и прилично сокрывать прахъ своего основателя, и имя и добродѣтели его предавать признательному потомству до позднихъ временъ.

Радуюсь также, что ваше предстательство возымѣло желаемый успѣхъ, и чиновники при сей и Павловской больницахъ поощрены съ вящимъ усердіемъ и ревностію стремиться къ исполненію человѣколюбивыхъ намѣреній вашихъ, въ которыхъ вы имѣете столь благополучный успѣхъ. Впрочемъ очень пріятны мнѣ всѣ случаи къ возобновленію увѣреній о моей неизмѣнной къ вамъ дружбѣ, съ коею пребываю на всегда ваша благосклонная Марія.

6.

St. Pétersbourg, ce 18 Février 1802.

Or, aujourd'hui, mon bon vieux ami, je vous adresse ce peu de lignes uniquement pour vous dire le bonjour et me rappeler à votre souvenir. Nous voilà à la fin du Carnaval; je ne sais pas s'il est bien vif chez vous; on dit qu'on s'amuse ici beaucoup en ville, mais pas nous, mon bon ami: tous nos plaisirs sont concentrés à être ensemble avec mes enfants et à faire des visites fréquentes aux instituts confiés à mes soins. Que je serai contente lorsque je pourrai vous les faire voir, mon bon ami! Aujourd'hui mon fils et moi faisons une course à Alexandrofskoi pour y voir la fabrique; nous allons partir à 1 heure. Votre intéressante famille trouve ici mes sincères compliments et assurances de souvenir; mes enfants se joignent à moi pour vous assurer de toute notre estime et des sentiments qui m'accompagneront jusqu'au tombeau, étant à jamais

Votre bien sincère et bonne amie
Marie.

Mes compliments à tous nos bons vieillards.

---

[1]) Изъ Вѣны, гдѣ онъ скончался въ 1793 году. П. Б.

Переводъ. С.-П-б., 18 Февраля 1802 г. Сегодня пишу къ вамъ лишь нѣсколько строкъ, мой добрый старый другъ, единственно для того, чтобы привѣтствовать васъ и привести вамъ себя на память. Вотъ и Масляница кончается. Не знаю, шумно-ли у васъ. Говорятъ, что у насъ въ городѣ много веселятся, но не мы, добрый мой другъ; всѣ наши удовольствія состоятъ въ томъ, чтобы находиться вмѣстѣ съ моими дѣтьми и часто ѣздить въ заведенія, порученныя моимъ заботамъ. Какъ была бы я довольна, если бы могла показать ихъ вамъ, добрый мой другъ! Сегодня сынъ мой и я ѣдемъ въ Александровское смотрѣть тамошнюю фабрику. Мы отправляемся въ часъ. Искренно привѣтствую вашу любезную семью и напоминаю о себѣ. Дѣти мои вмѣстѣ со мною увѣряютъ васъ въ нашемъ уваженіи и въ чувствахъ, которыя не покинутъ меня до гроба. Вашъ навсегда искреннѣйшій и добрый другъ Марія. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ добрымъ старичкамъ [5]).

7.

St. Pétersbourg, ce 15 Avril 1802.

Quoique je vous aie déjà fait mes félicitations, mon bien cher ami, pour les fêtes, je vous les renouvelle encore pendant les fêtes mêmes et vous envoie, mon cher ami, un oeuf de Pâques avec la comtesse; j'y joins deux petits oeufs que je destine à l'aimable petit Olsoufief, et l'autre à mon petit filleul Paul. M-lle de Litzin voudra bien accepter aussi un oeuf de ma part. J'ai reçu votre lettre, mon bon ami, du 7 Avril. Soyez bien, bien assuré que je trouve le plus grand plaisir à vous écrire et [6]) . Mon coeur a besoin de vous dire souvent qu'il vous a voué la plus sincère et constante amitié. Je suis charmée d'apprendre que les restes mortels de notre feu cher prince ambassadeur sont déjà entrés dans nos frontières, j'espère donc les voir bientôt déposés dans la belle tombe que vous leur avez destinée, et sanctifier pour ainsi dire ce lieu sacré déjà à toute âme sensible.

Nous jouissons d'un temps superbe qui me donne de grandes envies de campagne; peut-être iroi-je y dîner demain. Adieu, mon bon et cher ami, la messe m'oblige à finir ces lignes ce que je fais en vous priant de faire mes compliments à toute votre chère famille, d'agréer ceux de mes bons enfants et de me croire pour la vie, votre sincère et bonne amie

Marie.

---

[5]) Т. е. почетнымъ опекунамъ Московскаго Воспитательнаго Дома.—Семья оберъ-камергера, о которой упоминаетъ Государыня въ этомъ и слѣдующихъ письмахъ, состояла въ то время изъ двухъ дочерей, кн. Екатерины Александровны Долгоруковой и Дарьи Александровны Олсуфьевой. До браковъ своихъ они назывались Делицыными и имѣли дворянство Римской имперіи. Мать ихъ, Венгерская графиня, жившая въ Лондонѣ, когда князь А. М. Голицынъ былъ тамъ посломъ, разсталась съ нимъ во время ихъ путешествія по Италіи, но потомъ пріѣхала въ Москву и поселилась у дочери своей Олсуфьевой. Сынъ оберъ-камергера Александръ Александровичъ Делицынъ убитъ въ Турецкую войну, въ Мартѣ 1789 г., оставивъ отъ брака съ княжной Грузинской сына и дочь.

[6]) Слово не разобранное.

С.-Петербургъ, 15-го Апрѣля 1802 г.

Переводъ. Хотя я уже поздравляла васъ съ наступавшимъ праздникомъ, мой дорогой другъ, но теперь поздравляю васъ еще разъ на праздникахъ и посылаю съ графиней красное яичко. Прилагаю еще два маленькихъ яичка, одно для милаго маленькаго Олсуфьева, а другое для крестника моего Павла. Прошу также мадмуазель Лицину принять отъ меня яичко. Письмо ваше я получила 7-го Апрѣля. Будьте увѣрены, что мнѣ доставляетъ величайшее удовольствіе писать къ вамъ: мое сердце чувствуетъ потребность часто повторять вамъ увѣренія въ искренней, неизмѣнной дружбѣ. Я очень рада была узнать, что смертные останки нашего покойнаго посла уже находятся въ предѣлахъ отечества; надѣюсь, что они въ скоромъ времени будутъ опущены въ прекрасную гробницу, которую вы имъ предназначаете и, такъ сказать, освятятъ это мѣсто, всегда дорогое для чувствительныхъ душъ.

Мы наслаждаемся прекрасной погодой, которая сильно манитъ меня за городъ; можетъ быть, завтра поѣду обѣдать туда. Прощайте, дорогой другъ. Я должна кончить письмо: иду къ обѣднѣ. Кланяюсь всей вашей дорогой семьѣ. Мои добрыя дѣти передаютъ имъ свой поклонъ.

8.

Voici la troisième fois que je vous écris aujourd' hui, mon bon et digne ami, mais je n'ai pu laisser partir Anne Stépanovna sans la charger d'un mot d'amitié, et puis je prétends qu'elle a besoin d'une lettre de créance pour que vous la receviez, lui soutenant que vous verriez de mauvais oeil une demoiselle qui s'expose toute seule aux dangers d'un long voyage; je l'en plaisante beaucoup, mais elle m'assure qu'elle viendra exprès chez vous, mon bon et digne ami. Je vous assure de mon souvenir sincère et constante amitié. Cela vous dira en bon françois que je vous aime de tout mon coeur; après cette assurance je n'ai plus qu'à me signer à tout jamais

Votre bonne et sincère amie

Marie.

Mes bonnes petites me chargent de mille et mille compliments pour vous, mon ami; nous nous réunissons toutes pour vous prier d'assurer toute votre aimable famille de notre souvenir.

С.-Петербургъ, 15-го Апрѣля вечеромъ, 1802 г.

Переводъ. Пишу къ вамъ третье письмо сегодня, добрый и достойный другъ мой. Я никакъ не могла отпустить Анну Степановну [7]), не поручивъ ей передать вамъ отъ меня нѣсколько дружескихъ словъ; потомъ я утверждаю, что вы не примете ея безъ вѣрительной грамоты, и увѣряю, что вы будете дурнаго мнѣнія о дѣвицѣ, которая одна, безъ провожатаго, подвергаетъ себя всѣмъ опасностямъ продолжительнаго путешествія. Я сильно подшучиваю надъ ней по этому поводу, но она увѣряетъ, что нарочно отправится къ вамъ, мой добрый, достойный другъ. Увѣряю васъ въ моей искренней памяти объ васъ и по-

---

[7]) Графиня Протасова, старая камеръ-фрейльна.

стоянной дружбѣ. Скажу попросту, что люблю васъ отъ всего сердца, и послѣ такого увѣренія остается мнѣ подписаться навсегда вашимъ добрымъ и искреннимъ другомъ.

Мои добрыя малютки посылаютъ вамъ тысячи поклоновъ, и мы всѣ вмѣстѣ просимъ васъ засвидѣтельствовать вашему милому семейству, что мы всегда помнимъ его.

9.

Ce 29 Avril 1802.

En vérité, mon bon ami, lorsque vous voyez de mon écriture, ne dites-vous pas: encore! Car il me semble que je vous écris bien souvent. Cependant je suis d'autant plus empressé à vous adresser ces lignes aujourd'hui, mon bon ami, que je prévois que je ne pourrai pas vous écrire Vendredi, comptant à la fin des fins m'établir à mon cher Pavlofsky ce jour-là. Ce que je vous annonce me fait grand plaisir. J'ai reçu votre bonne lettre du 14 Avril, mon cher et digne ami; je vois que vous avez des doutes sur le chant de mes rossignols, mais en bonne conscience je vous ai dit la vérité: nous étions plus de 10 ou 12 personnes à l'entendre, mais il est vrai aussi que c'est une chose sans exemple et depuis nous avons eu une gelée qui aura fait bien, bien du mal surtout à mes fleurs, et j'avoue que c'est ma passion.

J'ai communiqué la lettre de m-r d'Otto au vice-chancelier, mais, mon bon ami, il n'y a rien à faire, d'autant plus qu'il se trouve qu'on a déjà beaucoup de condescendance pour m-r d'Otto: il est placé, et cependant il reste encore à Vienne.

Nous attendons incessamment le maréchal Soltikof et son épouse; je suis charmée de savoir que la c-tesse Soltikof (Daria Petrowna) nous arrive aussi, j'aurai grand plaisir à la revoir.

Le pr. Tufiakin nous est arrivé, et en vérité je m'en suis réjoui; car j'aime bien tous les habitants de Moscou, bien, bien, mes compliments à tous nos bons et respectables vieillards; un petit mot d'amitié à Anne Stépanovna, car je suis bien sûre qu'elle vous est déjà arrivée. Dites lui je vous en prie qu'on ne parle en ville que de son voyage. Mes bonnes enfants me chargent de mille compliments, amitiés, tendresse même pour vous, mon bon et cher ami; nous assurons toute votre aimable famille de notre souvenir; continuez moi toujours le vôtre, mon bien cher ami, et persuadez vous que tant que je vivrai je suis et serai constamment

Votre bonne et sincère amie

Marie.

29 Апрѣля 1802.

Переводъ. Добрый другъ! При видѣ моего почерка, вы вѣроятно, воскликцаете: опять! Въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что я очень часто пишу къ вамъ, и тѣмъ не менѣе спѣшу написать еще сегодня, потому что предвижу, что не

удастся написать въ Пятницу, такъ какъ я разсчитываю въ концѣ концовъ переѣхать въ этотъ день въ Павловскъ, къ великому моему удовольствію. Письмо ваше отъ 14-го Апрѣля я получила, достоуважаемый другъ, и вижу, что вы сомнѣваетесь на счетъ пѣнія моихъ соловьевъ, но по совѣсти, эта сущая истина: насъ было человѣкъ 10 или 12, и мы всѣ слышали ихъ; правда, что это безпримѣрный случай. Послѣ того у насъ былъ морозъ, который, вѣроятно, надѣлалъ много вреда, особливо моимъ цвѣтамъ; я должна сознаться, что это моя страсть.

Письмо г-на Отто я передала вице-канцлеру, но сдѣлать ничего нельзя, такъ какъ оказывается, что и такъ уже относились весьма снисходительно къ г-ну Отто: его помѣстили, и не смотря на это, онъ все еще въ Вѣнѣ.

Мы ежеминутно ожидаемъ фельдмаршала Салтыкова [8]) съ супругой; очень рада слышать, что и графиня Салтыкова (Дарья Петровна) тоже пріѣдетъ къ намъ: мнѣ будетъ очень пріятно вновь свидѣться съ нею.

Князь Тюфякинъ уже пріѣхалъ, чему я искренно рада, такъ какъ люблю всѣхъ Москвичей. Передайте мой поклонъ всѣмъ нашимъ добрымъ и почтеннымъ старичкамъ, а также и Аннѣ Степановнѣ, которая, я увѣрена, уже пріѣхала къ вамъ. Скажите ей, пожалуйста, что въ городѣ только и разговору, что про ея поѣздку. Мои добрыя дѣти шлютъ вамъ дружескій, нѣжный поклонъ. Не забывайте меня, любезнѣйшій другъ и будьте увѣрены, что, пока жива, останусь постоянно вашимъ добрымъ, искреннимъ другомъ.

10.

Pavlofsky, ce 13 Juin 1802.

Recevez mes remerciments, mon bon cher ami, de votre lettre du 5 Juin: vous n'avez pas d'idée du plaisir qu'elles me font toujours et avec quelle satisfaction je vois que vous rendez justice à mes sentiments pour vous, mon bon ami; ils sont bien fortement prononcés et ne finiront qu'avec mon existence. Les nouvelles de mon fils continuent à être bonnes, j'espère que dans 10 jours il sera des nôtres. Ses dernières lettres sont de Vilna; partout on l'accueille avec enthousiasme: il a le grand bonheur d'être aimé! Fasse l'Etre Suprême qu'il le soit toujours, et que surtout il soit constamment digne de l'être.

Il m'a paru que Pavlofsky avait plu au pr. Tufiakin; je suis flattée de son suffrage, car il est bon juge. Il est retenu en ville par le départ de son fils qui va dans les pays étrangers; effectivement il me paraît que les jardins de Pavlovsky peuvent se mettre de niveau avec tous les jardins anglois que j'ai vus dans les pays étrangers, mais je n'ai pas été en Angleterre, ainsi j'ignore s'ils peuvent souffrir la même comparaison avec ceux de ce pays-là. Mais, mon bon ami, ce charme délicieux que Pavlofsky avait pour moi est détruit, il me plaît toujours, mais il ne m'inspire plus ce vif intérêt des temps passés. Notre chéri, pour qui je trouvais mon bonheur de l'embellir, a emporté avec lui au tombeau toutes mes jouissances, toutes mes

---

[8]) Отъѣзжавшаго тогда изъ Москвы съ генералъ-губернаторства.

félicités, il n'en existe plus de parfaites pour moi, et en conscience, chaque moment d'agrément est toujours suivi d'un sentiment pénible d'en jouir sans lui.

Je vous suis bien obligée, mon bon ami, des soins que vous donnez à notre Institut. Comment va la comtesse? J'ai prié m-r de Baranof de m'en donner des nouvelles.

Notre voyageuse Anne Stépanovna est indisposée depuis quelques jours, mais elle est mieux déjà, et le mal de gorge assez violent qu'elle avait est passée. Notre saison est toujours très-peu stable, et les pluies ne nous quittent pas, mais l'air est doux.

Tous les chers êtres qui m'entourent me chargent de milles compliments pour vous, mon bon ami; nous nous rappelons au souvenir de ceux que vous chérissez, et je suis pour la vie avec le plus sincère et le plus véritable attachement

Votre bonne et sincère amie

Marie.

Павловскъ, 13-го Іюня 1802.

Примите мою благодарность, дорогой другъ, за ваше письмо отъ 5-го Іюня. Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе доставляютъ мнѣ всегда ваши письма, и какъ я довольна, что вы отдаете справедливость моимъ чувствамъ: мое расположеніе къ вамъ очень сильно и прекратится только съ жизнію. Отъ сына получаю все хорошія вѣсти; надѣюсь, что онъ будетъ у насъ черезъ 10 дней: послѣднія его письма были изъ Вильны. Его повсюду встрѣчаютъ съ восторгомъ. Большое счастіе для него, что его такъ любятъ. Дай Богъ, чтобы это всегда такъ было, и въ особенности, чтобы онъ всегда былъ достоинъ любви! [9])

Мнѣ показалось, что Павловскъ понравился князю Тюфякину, а похвала его мнѣ очень польстила, потому что онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ. Его задержалъ въ городѣ отъѣздъ сына въ чужіе края. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, сады въ Павловскѣ могутъ стать наравнѣ со всѣми Англійскими садами, какіе я только видала въ чужихъ краяхъ. Въ Англіи я не была, и потому не знаю, могутъ ли они выдержать сравненіе съ тамошними садами. Но Павловскъ утратилъ для меня прежнее обаяніе; онъ мнѣ все еще нравится, но уже не возбуждаетъ такого живаго интереса, какъ въ былые дни. Дорогой нашъ другъ, ради котораго мнѣ было такъ отрадно украшать его, унесъ съ собою въ могилу все мое счастіе, все блаженство; для меня больше не существуетъ полной радости, и по истинѣ, всякое минутное удовольствіе сопровождается у меня тяжелымъ чувствомъ сожалѣнія, что имъ пользуюсь безъ него.

Я вамъ очень благодарна за ваши попеченія о нашемъ Институтѣ. Какъ здоровье графини? Я просила г-на Баранова [10]) написать мнѣ о ней. Путеше-

[9]) Это было первое (послѣ поѣздки въ Москву на коронацію) путешествіе императора Александра.

[10]) Почетнаго опекуна Николая Ивановича Баранова. Письма къ нему Государыни Маріи Ѳеодоровны напечатаны въ Р. Архивѣ 1870 года.

ственница наша Анна Степановна была нездорова эти дни, но теперь ей лучше, и ея сильная горловая боль прошла. Погода у насъ очень непостоянная, и дожди идутъ безпрестанно, но воздухъ теплый.

Всѣ мои дорогіе окружающіе меня кланяются вамъ.

11.

Pavlofsky, ce 16 Iuin 1802.

Savez-vous, mon bon cher ami, que je suis bien inquiète de ne pas avoir de vos nouvelles la poste passée; j'ai demandé au comte Romansof et aux princes Galitzin s'ils en avaient reçu, mais ils m'ont dit que non: jugez avec quelle impatience j'attends la poste prochaine; car en vérité, mon bon cher ami, vos lettres sont devenus d'un besoin réel pour mon coeur par le véritable attachement et la sincère amitié que je vous porte. Ne m'inquiétez donc pas, mon bon ami, par votre silence, et donnez moi bientôt de vos nouvelles. Enfin nous avons une journée bien chaude, j'en ai profité aujourd'hui, et en bonne fermière, j'ai été voir mes champs. Les blés sont beaux; j'ai une petite ferme qui m'amuse beaucoup et dont l'emplacement est charmant; J'attends mon fils à dîner aujourd' hui, et je vais m'habiller pour le recevoir. Mes bonnes petites vous font leurs sincères compliments et nous vous prions d'assurer de notre souvenir tous les chers vôtres. Adieu, mon bon ami, je suis pour la vie

Votre sincère et bonne amie

Marie.

Le comte Romansof est revenu bien portant de sa course.

Павловскъ, 16-го Іюня 1802.

Знаете ли, дорогой другъ, какъ меня безпокоитъ, что я не получила отъ васъ письма съ послѣдней почтой? Я спрашивала у графа Румянцева и у князей Голицыныхъ, не имѣли ли они извѣстій о васъ, но они сказали, что нѣтъ. Судите сами, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю слѣдующей почты! Въ самомъ дѣлѣ, добрый другъ мой, сердце мое полно такой искренней дружбы и неподдѣльной привязанности къ вамъ, что письма ваши стали для него дѣйствительно необходимы. Не тревожьте меня долѣе своимъ молчаніемъ и извѣстите поскорѣе о себѣ. Наконецъ у насъ жаркій день, и я воспользовалась этимъ сегодня, чтобы осмотрѣть поля, какъ и слѣдуетъ настоящей фермершѣ. Хлѣба превосходны. Меня очень занимаетъ моя маленькая ферма; она находится въ прелѣстной мѣстности. Жду сегодня къ обѣду сына; иду одѣваться къ его пріѣзду. Мои добрыя малютки посылаютъ вамъ поклонъ, и мы просимъ васъ поклониться всѣмъ вашимъ дорогимъ.

12.

Pavlofsky, ce 14 Août 1802.

J'ai eu le plaisir d'embrasser avant-hier mon frère et de faire la connoissance de son aimable bonne petite femme, qui sous tous les rapports est charmante; leur société à tous deux me fait le plus grand

plaisir. Pour rendre ma satisfaction complète j'ai eu celle de recevoir de vos bonnes chères lettres, mon digne et respectable ami. Chaque expression est appréciée par mon coeur qui vous chérit bien sincèrement. Etant occupée à faire mes dévotions et comptant s'il plaît à l'Etre Suprême communier demain, vous me pardonnerez, mon bon ami, la brièveté de ces lignes; mes prières seront adressés à l'Etre Suprême pour vous et votre précieuse conservation. Adieu, mon bon digne ami, tant que je vivrai, je me nommerai

Votre bonne et sincère amie
Marie.

Павловскъ, 14-го Августа 1802.

Третьяго дня я имѣла удовольствіе обнять брата и познакомиться съ его милой доброй женой: она прелестна во всѣхъ отношеніяхъ. Ихъ общество доставило мнѣ величайшее удовольствіе. Къ довершенію радости я получила ваши милыя письма, мой достойный, многоуважаемый другъ; въ нихъ каждое выраженіе дорого для моего сердца, которое васъ такъ искренно любитъ. Я говѣю и думаю причащаться завтра, если будетъ Господу угодно. Простите, что такъ мало пишу. Я буду молить Всевышняго Творца о васъ и о продленіи вашей драгоцѣнной жизни

13.

Gatchino, ce 25 Août 1802.

Je suis ici, mon bon ami, depuis avant-hier au soir, les pluies à verse que nous avons eu ayant rendu les manoeuvres impossibles. Je vous avoue avec cette confiance entière que j'ai en vous, mon bon, digne cher ami, que mon coeur est oppressé depuis que j'y demeure. Depuis mes malheurs c'est la première fois que je m'y lève, que je m'y couche, sans presser mes lèvres contre la joue de celui que je pleurerai éternellement, sans baiser sa chère main. Tout me paraît vide, mort autour de moi, mes yeux le cherchent partout, cette tranquilité cruelle qui règne dans l'appartement qu'il occupait me serre le coeur et me donne les plus horribles souvenirs. Je ne me laisse pas aller cependant, mon bon ami, à ces tristes pensées, je me promène et je m'occupe. Je ne sais si je vous ai déja marqué, mon ami, que je vous ai adressé des vases sacrés pour l'église de l'Institut de S te Catherine, et des livres pour vous; pardon si je ne vous en dis pas davantage, mais je vous avoue que je me sens trop sotte aujourd'hui pour continuer à écrire; je serai plus raisonnable la première fois. Adieu, mon digne ami, tant que je vivrai, je me nommerai

Votre bonne fidèle amie
Marie.

Гатчино, 25-го Августа 1802.

Проливные дожди помѣшали маневрамъ, такъ что я пріѣхала сюда третьяго дня вечеромъ, и признаюсь, такъ какъ вполнѣ довѣряюсь вамъ, дорогой другъ, что на сердцѣ у меня очень тяжело, съ тѣхъ поръ какъ живу здѣсь. Со вре-

мени моего горя, это случается въ первый разъ, что я здѣсь встаю, ложусь, не прикоснувшись устами къ щекѣ того, кого я буду вѣчно оплакивать, не поцѣловавъ его дорогой руки. Все вокругъ меня кажется пусто, мертво, глаза мои ищутъ его всюду; сердце сжимается отъ страшной тишины, которая царитъ въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, и возбуждаетъ ужасныя воспоминанія. Впрочемъ я не вполнѣ поддаюсь грустнымъ мыслямъ: гуляю, занимаюсь. Не знаю, извѣщала ли я васъ, мой другъ, объ отправкѣ священныхъ сосудовъ для церкви Екатерининскаго Института и книгъ для васъ. Простите, что не пишу еще, но признаюсь вамъ, я чувствую, что слишкомъ глупа сегодня, чтобы продолжать письмо; въ слѣдующій разъ буду благоразумнѣе. Прощайте, мой достойный другъ.

14.

Ce 23 Décembre 1802.

En tout premier lieu je vous prie, mon bon, digne, cher ami, de recevoir mes sincères félicitations pour l'approche des fêtes: que le Ciel veuille vous les faire passer bonnes et vous accorde toujours et en tout temps les bénédictions et le bonheur que mon coeur vous désire. J'ai reçu, mon bon ami, votre lettre du 18 Déc. et vous en fais mes sincères remerciments.

Je suis fâchée de ce que les listes pour l'Institut sont si inexactes et arrêteront l'entrée, mais enfin il vaut cependant mieux reculer le moment et faire les choses bien et en règle. Comme la seconde classe n'a cette fois-ci que 3 années à rester, il est essentiel de ne pas changer l'âge fixé; car si on ne s'y tenait pas, ces demoiselles n'ayant que 3 années à rester chez nous, leur éducation ne serait qu'ébauchée, ce qui ne leur seroit d'aucune utilité à leur entrée dans le monde, où une femme a si grand besoin de principes sûrs pour se conduire comme elle doit le faire. Je réponds dans ce sens au Conseil.

Je suis toujours désolée ici par cette fièvre scarlatine, qui vient encore de m'enlever un charmant enfant, le joujou de toute la Maison, une petite pensionnaire de m-lle Protassof. Cette maladie est affreuse en ce qu'elle prend tout d'un coup un caractère mortel. L'enfant était gaie quoique malade, et ne donnoit aucune inquiétude à 6 heures du soir, et à neuf heures elle étoit suffoquée par cette humeur scarlatine, qui se jette rapidement et comme un éclair sur la poitrine, et emporte l'enfant. Cela me désole. Adieu, mon bon cher ami, on m'interrompt, je n'ai plus que le moment de vous assurer de toute, toute mon amitié et de tous mes sentiments avec lesquels je suis

Votre bonne sincère et fidèle amie

Marie.

La bonne princesse Prosorowsky vous fait mille compliments.

23-го Декабря 1802.

Прежде всего, прошу васъ, дорогой, достойный другъ, принять мои поздравленія съ наступающими праздниками. Дай Богъ вамъ провести ихъ хорошо,

и да ниспошлетъ вамъ Небо благодать и счастіе, что̀ составляетъ мое постоянное сердечное желаніе. Я получила ваше письмо отъ 18-го Декабря и искренно благодарю за него.

Очень жаль, что институтскіе списки такъ неточны; это помѣшаетъ пріему воспитанницъ, но, конечно, лучше отложить дѣло и сдѣлать все хорошо и правильно. Такъ какъ второй классъ пробудетъ у насъ только три года, то не слѣдуетъ мѣнять установленнаго возраста; въ противномъ случаѣ, эти дѣвицы, пробывъ у насъ три года, не закончатъ вполнѣ своего образованія, которое такимъ образомъ окажется для нихъ безполезнымъ при вступленіи въ свѣтъ, гдѣ женщинѣ такъ необходимы твердыя правила, чтобъ знать, какъ вести себя. Совѣту я пишу отвѣтъ въ этомъ смыслѣ.

Скарлатина все еще приводитъ меня въ отчаяніе: здѣсь недавно умеръ отъ этой болѣзни прелестный ребенокъ, пенсіонерка Протасовой, служившая утѣхой всему Институту. Болѣзнь эта тѣмъ ужасна, что она внезапно принимаетъ опасный характеръ: дѣвочка была весела, не смотря на болѣзнь; въ 6 часовъ еще не было ни малѣйшей опасности, а въ 9 часовъ ее задушила мокрота, которая мгновенно, какъ молнія, падаетъ на грудь и убиваетъ ребенка. Я очень огорчена. Прощайте, дорогой другъ! Добрая княгиня Прозоровская посылаетъ вамъ поклонъ.

*

Скончавшійся въ 1807 году оберъ-камергеръ князь Голицынъ погребенъ подъ сводомъ церкви, въ главномъ зданіи сооруженной его трудами больницы. Посмертнымъ его даромъ этому учрежденію было великолѣпное собраніе картинъ и статуй, которыя онъ собиралъ въ теченіи долгой жизни. Къ сожалѣнію племянникъ его и преемникъ, князь Сергѣй Михайловичъ, въ 1818 году допустилъ, что драгоцѣнный музей этотъ, въ которомъ было до полутораста рѣдчайшихъ произведеній живописи, былъ проданъ съ аукціона въ пользу больницы и поступилъ большею частью въ собственность чужестранцевъ.

Приводимъ изъ завѣщанія оберъ-камергера нижеслѣдующую статью:

Имѣя знатное собраніе оригинальныхъ картинъ, скульптурныя, мраморныя и литыя бронзовыя фигуры съ ихъ пьедесталами, которыя яко рѣдкости собиралъ я долговременно, получалъ случайно и отъ дружбы покойнаго брата моего и друга князь Дмитрія Михайловича Голицына и пріобрѣталъ оныя немалымъ иждивеніемъ и кои въ жизни моей праздное время занимали и доставляли мнѣ удовольствіе, размышлялъ я долго, какимъ образомъ и кому оставить безъ раздробленія столь полную и знаменитыми живописцами составленную коллекцію. Думалъ я такъ: ежели оставить оныя моимъ наслѣдникамъ или моимъ ближнимъ воспитаникамъ, въ такомъ случаѣ вся коллекція раздроблена бъ была на разныя и многія части, а вмѣстѣ, какъ я тогда желалъ, сохраниться бъ не могла. Имѣя всегда въ предметѣ, что таковое собраніе быть можетъ полезно Отечеству моему, а потому и къ удержанію онаго въ цѣлости безъ раздробленія, разсудилъ я за нужно, къ удовольствію публики, желающей видѣть оставляемую мною галлерею со всѣми къ ней принадлежностями, мраморными и бронзовыми фигурами и бюстами разнаго рода, вазами и паникадилами бронзовыми и вызолоченными, равно и стѣн-

ными и бронзовыми подсвѣчниками (коимъ найдутся описи и каталоги, а картины каждая запечатаны герба моего печатью) отдать въ Голицынскую больницу, подъ моимъ распоряженіемъ устроенную. Зная же изъ опыту, что наши Россійскіе художники въ живописи не всегда имѣютъ случай видѣть хорошія, оригинальныя картины и съ жадностью ищутъ онаго, а паче чтобъ позволено имъ было копировать съ оригиналовъ (чѣмъ многіе и при жизни моей пользовались и чрезъ то пріобрѣтали лучшее познаніе и достигали въ ономъ художествѣ совершенства), на таковой конецъ рѣшился я выстроить при Голицынской больницѣ на особомъ мѣстѣ каменную галлерею съ принадлежностями и сдѣлавъ оной планъ и утвердивъ ее моимъ подписаніемъ, приступилъ къ строенію, которое вчернѣ уже кончено и желѣзомъ покрыто. Но ежели Богу неугодно будетъ продлить моей жизни до совершенія оной, то пріемникъ мой приведетъ оную къ окончанію. На какомъ же основаніи оная будетъ, о томъ особо оставилъ я больничной конторѣ завѣщательное подробное предписаніе [11]).

(Сообщено Марьею Васильевной **Олсуфьевой**).

---

[11]) Оно напечатано въ вышеупомянутой книгѣ Сейделера о Голицынской больницѣ.

Воспоминанія Сергѣя Павловича Шипова [1]).

ПРОИСХОЖДЕНІЕ.

Въ теченіе всей моей жизни я мало озабоченъ былъ собраніемъ свѣдѣній о древности моего рода и знаменитости моихъ предковъ, всегда желая собственными достоинствами и заслугами предъ Отечествомъ снискать уваженіе людей благомыслящихъ. Мнѣ извѣстно однакожъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ моими родственниками, что дворянскій родъ Шиповыхъ происходитъ отъ Богемскихъ Славянъ, пришедшихъ въ Россію при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, по призванію Бориса Годунова, и что со вступленіемъ на престолъ государя изъ дома Романовыхъ нѣкоторыя лица изъ рода Шиповыхъ занимали важныя мѣста государственныя и находились при дворѣ царскомъ. Одинъ изъ ближнихъ людей царя Алексѣя Михайловича былъ извѣстный по исторіи бояринъ Аѳанасій Андреевичъ Шиповъ. Сынъ его Иванъ Аѳанасьевичъ пользовался особою милостію и довѣріемъ государя Петра Великаго, начальствовалъ отрядомъ войскъ отправленныхъ въ Персію, получалъ многіе знаки его благоволенія и собственноручныя письма Императора; въ послѣдующее время онъ занималъ другія важныя государственныя должности и умеръ въ чинѣ генералъ-аншефа. Въ царствованіе Великой Екатерины два брата Шиповыхъ начальствовали гвардейскими полками, одинъ Семеновскимъ, а другой Измайловскимъ, что̀ въ то время показывало большое довѣріе Государыни и высокую степень государственной службы. Дѣдъ мой Антонъ Васильевичъ, сынъ Василія Аѳанасьевича и внукъ упомянутаго боярина Аѳанасья Андреевича, служилъ полковникомъ и по увольненіи отъ службы жилъ въ имѣніи своемъ Костромской губерніи Солигаличскаго уѣзда, въ селѣ Богородскомъ, гдѣ и по-

---

[1]) Сообщены въ Русскій Архивъ двоюроднымъ братомъ С. П. Шипова, А. А. Щулепниковымъ. На заглавномъ листѣ означено: «Воспоминанія о главныхъ событіяхъ моей жизни. Часть 1-я, отъ моего рожденія до возвращенія изъ Варшавы въ Петербургъ въ 1840 году»; между тѣмъ находившаяся въ нашихъ рукахъ тетрадь кончается разсказомъ о службѣ въ Коммиссаріатѣ, т. е. раньше назначенія С. П. Шипова военнымъ губернаторомъ въ Варшаву. Въ тетради встрѣчаются своеручныя замѣтки и поправки автора, вся же она писана писаремъ. П. Б.

гребенъ. Отецъ мой Павелъ Антоновичъ Шиповъ получилъ образованіе въ военно-учебномъ заведеніи, именовавшемся кадетскою ротою лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и по окончаніи курса наукъ выпущенъ былъ съ чиномъ сержанта лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, гдѣ вскорѣ назначенъ былъ фельдфебелемъ при полковой артилеріи, а потомъ произведенъ былъ въ капитаны съ переводомъ въ армію. Вступивъ въ супружество въ молодыхъ лѣтахъ, отецъ мой вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора и поселился того же Солигаличскаго уѣзда въ имѣніи, доставшемся ему отъ моего дѣда, въ сельцѣ Бѣльковѣ, гдѣ и жилъ постоянно съ своимъ семействомъ, избранъ былъ въ должность уѣзднаго предводителя дворянства, въ которой и находился болѣе 12-ти лѣтъ. Мать моя Елисавета Сергѣевна, урожденная Щулепникова, получила воспитаніе свое въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ въ Москвѣ, знала основательно свой Русскій языкъ, говорила и писала свободно на Французскомъ языкѣ и имѣла хорошія свѣдѣнія въ Исторіи, Географіи и другихъ наукахъ, для образованной женщины необходимыхъ.

РОЖДЕНІЕ И ВОСПИТАНІЕ

Я родился 5-го Февраля 1790 года, въ упомянутомъ выше имѣніи отца моего и воспитанъ, до 13-ти лѣтняго возраста, на рукахъ моей матери безъ пособія какого либо наставника или учителя; но съ достиженіемъ 13-го года моей жизни родители мои, чувствуя необходимость дать мнѣ образованіе болѣе основательное, искали разными средствами доставить мнѣ хорошаго преподавателя, который, не удаляя меня изъ дома родительскаго, по крайней мѣрѣ до 15-ти лѣтняго возраста, могъ бы съ успѣхомъ передать мнѣ соотвѣтственныя сему возрасту познанія. Но всѣ ихъ для того поиски были долгое время безуспѣшны; они чуждались ввѣрить меня наставнику иностранцу; Русскіе же преподаватели, достаточно для того свѣдущіе, способные, нравственные, были тогда рѣдки, и потому родители мои рѣшились уже отправить меня въ Москву и помѣстить въ Московскій Университетскій Пансіонъ, лучшее тогда воспитательное учебное заведеніе. Но когда пришло время со мною разстаться, то рѣшимость ихъ поколебалась, и они обратились къ прежнему намѣренію продолжать еще нѣкоторое время воспитаніе мое въ своемъ домѣ и вновь искать для меня наставника-преподавателя. Наконецъ, хорошій пріятель отца моего, бывшій адьюнктъ-профессоръ Московскаго Университета, Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ, неожиданно нашелъ для меня столь желаннаго Русскаго преподавателя, основательно знающаго Французскій и Нѣмецкій языкъ, служившаго въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и кончившаго службу свою въ должности директора училищъ Таврической губерніи. Не перенеся вреднаго для него Крымскаго климата, онъ оставилъ сіе мѣсто и, находясь безъ должности, согласился принять обязанности домашняго наставника. Онъ прибылъ въ домъ отца моего въ исходѣ 1802 года, когда мнѣ истекалъ уже 13-й годъ отъ роду.

Наставникъ мой и учитель колежскій ассессоръ Василій Васильевичъ Бобличъ-Библецкій, уроженецъ Полтавскій, былъ человѣкъ хорошихъ способностей, весьма добраго нрава, имѣлъ около 40 лѣтъ отъ роду. Я оставался на его попеченіи до наступленія 1805 года, т. е. всего немного болѣе двухъ лѣтъ, и въ это время, при началахъ, полученныхъ мною отъ моей матери, я въ языкахъ иностранныхъ пріобрѣлъ столько знанія, что могъ свободно говорить пофранцузски и порядочно переводить съ Нѣмецкаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ нѣкоторыя понятія объ Исторіи и Географіи. Математикѣ обучалъ меня находившійся вблизи имѣнія отца моего родной мой дядя Михаилъ Сергѣевичъ Щулепниковъ, человѣкъ весьма образованный, бывшій кадетъ Сухопутнаго Корпуса въ цвѣтущія времена онаго подъ начальствомъ графа Ангальта. Я прошелъ съ моимъ дядею всю Геометрію и Алгебру до 2-й степени уравненія. Въ Январѣ 1805 года, когда я приближался къ 15-ти лѣтнему возрасту, родители мои отправились со мною въ Петербургъ, для опредѣленія меня на службу. Показанныя здѣсь познанія мои для 15-ти лѣтняго юноши, по настоящимъ обстоятельствамъ, почтены были бы весьма ограниченными, но по тогдашнимъ средствамъ обученія они были удовлетворительны. Домашнее воспитаніе подъ руководствомъ умныхъ и просвѣщенныхъ родителей имѣло тогда предъ общественнымъ образованіемъ многія преимущества. Особенно драгоцѣнны были для меня наставленія и убѣжденія нѣжной и умной матери, возбудившія во мнѣ стремленіе къ дѣйствіямъ общеполезнымъ и къ пріобрѣтенію нужныхъ для того свѣдѣній. Умъ мой получилъ направленіе искренно религіозное; сѣмяна горячей любви къ Отечеству посѣяны были въ сердцѣ моемъ съ младенчества; чтеніе Плутарха и другихъ писателей о дѣяніяхъ великихъ мужей древности и бесѣды отца моего о подвигахъ нашихъ полководцевъ и особенно о знаменитомъ Суворовѣ, котораго онъ зналъ лично, о высокомъ умѣ великаго человѣка, его образованіи, неутомимой дѣятельности, самоотверженіи и суровой его жизни, родили во мнѣ пренебреженіе къ чувственнымъ наслажденіямъ и желаніе отличить себя нѣкогда полезными для Отечества заслугами. При такомъ направленіи ума моего и наклонностей, доставленномъ мнѣ воспитаніемъ въ домѣ родительскомъ, образованіе мое, съ поступленіемъ моимъ на службу, не прекратилось, но постоянно продолжалось не только въ молодости моей, но и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, и будетъ продолжаться до конца моей жизни. Судьба поставила меня еще съ молодыхъ лѣтъ на блистательное служебное поприще, и возбужденное честолюбіе развило мою любознательность. Въ началѣ моей службы я бралъ уроки учителей, чтобы восполнить недостатки моего начальнаго воспитанія, потомъ въ разныхъ положеніяхъ моей жизни слушалъ лекціи даровитыхъ профессоровъ, даже въ истекшую зиму (1857 г.), на 68-мъ году моей жизни, съ нѣкоторыми пріятелями моими я пользовался бесѣдами профессора Финансовъ, который въ кабинетѣ моемъ объяснялъ намъ сдѣланныя въ новѣйшее время усовершенствованія въ системѣ налоговъ Англіи, Фран-

ціи и Пруссіи [2]). По всѣмъ таковымъ лекціямъ я составлялъ записки и какъ слѣдуетъ изучалъ оныя. Во время путешествій моихъ за границею, я старался сближаться и бесѣдовать съ людьми учеными и государственными, не переставая и другими средствами слѣдить за наукою. Всѣ часы досуга моего я обыкновенно употреблялъ и употребляю нынѣ преимущественно на чтеніе такихъ книгъ, которыя бы могли доставить мнѣ новыя полезныя свѣдѣнія и усилить средства мои дѣйствовать къ благу моего Отечества; даже и въ самое тяжкое время моей служебной дѣятельности я не позволялъ себѣ провести одного дня не прочтя чего либо такого, что̀ могло бы возвышать мою душу или питать умственную мою дѣятельность и усовершать мое политическое образованіе. Здѣсь я только вкратцѣ показалъ стремленіе мое къ расширенію круга моихъ познаній; усилія мои въ семъ отношеніи съ большею подробностію и основательностію объяснены будутъ при описаніи разныхъ періодовъ моей жизни.

Вступленіе въ гражданскую службу.

По прибытіи моемъ съ родителями моими въ Петербургъ, въ началѣ 1805 года, отецъ мой, узнавъ о преимуществахъ, предоставленныхъ въ министерствахъ молодымъ людямъ, хорошо образованнымъ, желалъ предпочтительно, чтобы я вступилъ въ службу гражданскую и потому обратился къ старому соученику своему Михаилу Никитичу Муравьеву, бывшему тогда товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, покровительствомъ коего и былъ я опредѣленъ въ департаментъ сего министерства, въ Февралѣ 1805 года, но съ тѣмъ, что служебныя мои обязанности не будутъ препятствовать къ дальнѣйшему моему образованію. Дѣйствительно, занятія мои въ департаментѣ не отнимали у меня болѣе 2-хъ или 3-хъ часовъ въ теченіи утра, остальное время дня было совершенно въ моемъ распоряженіи и могло быть употреблено на слушаніе уроковъ и необходимое для того приготовленіе. Такое употребленіе свободнаго моего времени принесло бы мнѣ великую пользу, если бы я имѣлъ хорошаго руководителя моихъ занятій и даровитыхъ преподавателей; но къ несчастію, родственникъ, у котораго, по отъѣздѣ родителей моихъ въ деревню, я оставленъ на жительство и которому былъ ими порученъ, полковникъ Морскаго Кадетскаго Корпуса Петръ Даниловичъ Мамаевъ, самъ человѣкъ мало образованный, доставлялъ мнѣ весьма плохихъ учителей. Занятія мои въ департаментѣ ознакомили меня съ порядкомъ канцелярскимъ и пріучили сначала хорошо переписывать, а потомъ составлять бумаги. Директоръ департамента Иванъ Ивановичъ Мартыновъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ конференцъ-секретарь Главнаго Педагогическаго Института. Онъ поручалъ мнѣ, подъ своимъ руководствомъ, составлять журналы конференціи и вести другую переписку по департаменту, что̀ было для меня весьма полезно. По истеченіи 11-ти мѣсяцевъ по вступленіи моемъ въ службу, т. е. въ началѣ 1806 года,

[2]) Рукою С. П. Шипова приписано: «Прибавить лекціи въ 1836 и 1837 годахъ».

былъ я произведенъ въ чинъ колегіи-юнкера, который хотя и состоялъ только въ 14-мъ классѣ, но имѣлъ то преимущество, что молодые люди, званія сего удостоенные, производимы были чрезъ два года прямо въ титулярные совѣтники, т. е. въ чинъ 9-го класса. Вообще служившіе тогда въ министерскихъ департаментахъ чиновники имѣли весьма скорое повышеніе, и потому, по дѣятельной моей природѣ, съ усовершеніемъ моего образованія и пріобрѣтеніемъ навыка въ дѣлахъ, мнѣ предстояла хорошая дорога и по гражданской службѣ; но воинственное настроеніе моего духа и патріотическое стремленіе при возгорѣвшейся тогда войнѣ стать въ ряды защитниковъ Отечества, влекли меня на военное поприще.

Поступленіе въ службу военную.

Въ 1807 году, когда война была въ самомъ разгарѣ и мнѣ минуло 17-ть лѣтъ отъ роду, чувствуя, что физическія силы мои достаточно окрѣпли къ перенесенію трудовъ воинскихъ, отправился я къ отцу моему, чтобы испросить его дозволенія поступить въ военную службу; но весьма нескоро, послѣ неоднократной, усиленной просьбы моей, получилъ я на то согласіе и благословеніе моихъ родителей. Между тѣмъ, при возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я узналъ, что война была кончена заключеніемъ Тильзитскаго мира, и войска шли въ обратный путь; но я не оставилъ однакожъ намѣренія моего быть воиномъ и не переставалъ искать удобнаго къ тому случая. Родственникъ моей матери, бывшій гофъ-маршалъ, при дворѣ императрицы Маріи Өеодоровны, Степанъ Сергѣевичъ Ланской, всегда ко мнѣ благосклонный, одобрилъ мое намѣреніе и рекомендовалъ меня пріятелю своему к-зю Петру Ивановичу Багратіону, который опредѣлилъ меня юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ, коего онъ былъ шефомъ и который, по возвращеніи изъ похода, квартировалъ въ Гатчинѣ, гдѣ и началъ я мою военную службу. Чрезъ два мѣсяца, т. е. въ Ноябрѣ, полкъ возвратился на постоянное квартированіе въ Петербургъ, и я вскорѣ произведенъ былъ въ портупей-юнкеры.

Служба въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку.

Въ началѣ 1808 года, согласно желанію родителей моихъ, по распоряженію начальствовавшаго тогда гвардейскою пѣхотою графа Остермана-Толстаго, переведенъ я былъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ для совмѣстнаго служенія съ добрымъ родственникомъ моимъ Арсеніемъ Ивановичемъ Бартеневымъ, того полка капитаномъ, съ которымъ и жилъ я нѣкоторое время. Я много обязанъ его дружбѣ и его обо мнѣ тогда попеченіямъ. По стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, служба въ Преображенскомъ полку, въ коемъ состоялъ я 9-ть лѣтъ, доставила мнѣ скорое въ чинахъ повышеніе; ибо въ 1809 году я произведенъ былъ въ офицеры, а въ 1816, т. е. чрезъ 7-мь лѣтъ офицерской службы, былъ уже полковникомъ, имѣя 26 лѣтъ отъ роду. Съ полкомъ Преображенскимъ служилъ я всѣ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Съ

1812 по 1-е Октября 1816 года командовалъ я разными ротами, сначала въ чинѣ поручика, а потомъ штабсъ-капитана и капитана. При исполненіи сихъ обязанностей, пріобрѣлъ я навыкъ начальствованія и нѣкоторую твердость характера, которую сохранилъ потомъ и въ теченіи дальнѣйшей моей службы. Я помню, что, въ началѣ командованія моего ротою, имѣя отъ природы мягкое сердце и только 22 года отъ роду, я излишне снисходителенъ былъ къ проступкамъ нижнихъ чиновъ и что послабленіе мое породило безпорядки, которые едва не подвергли меня отвѣтственности. Тогда я почувствовалъ необходимость быть твердымъ, наказалъ виновныхъ и поставилъ себѣ правиломъ подвергать неопустительно всѣ проступки подчиненныхъ моихъ заслуженному взысканію. Тѣлесное наказаніе я не дозволялъ налагать на нижнихъ чиновъ ни фельдфебелю, ниже кому изъ офицеровъ; но въ необходимыхъ случаяхъ самъ опредѣлялъ мѣру наказанія и присутствовалъ при исполненіи онаго. Впрочемъ случаи сіи были весьма рѣдки, и взысканія очень умѣренны. Въ теченіе долговременной службы моей я убѣдился въ томъ, что для сохраненія порядка нужны не жестокія наказанія, но бдительность начальника и увѣренность подчиненныхъ въ томъ, что за всякимъ дурнымъ поступкомъ слѣдуетъ хотя легкое, но неизбѣжное взысканіе.

Служба моя въ Преображенскомъ полку была для меня самая пріятная. Исправность въ исполненіи моихъ обязанностей и дѣятельность обращали на меня благосклонность моихъ начальниковъ, которые, за малымъ исключеніемъ, были большею частію люди добрые; но ни у кого изъ нихъ я не былъ любимцемъ по великой моей неловкости въ личномъ угожденіи: они цѣнили меня только по устройству части, ими мнѣ ввѣренной. Изъ числа товарищей моихъ я имѣлъ весьма немного короткихъ пріятелей, людей умныхъ и образованныхъ; изъ нихъ наиболѣе сблизился я съ барономъ Карломъ Карловичемъ Пирхомъ 1-мъ, человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ; прочіе же офицеры, мои сослуживцы, не весьма любили меня, потому что я мало сходился съ ними, рѣдко посѣщалъ шумныя ихъ компаніи и большую часть свободнаго времени проводилъ за книгами. Они меня также рѣдко посѣщали, потому что не находили у меня ничего привлекательнаго, т. е. ни картъ, ни пуншу. Случалось, что изрѣдка кто и навѣститъ меня, но какъ я обыкновенно заводилъ рѣчь о томъ, чѣмъ тогда былъ занятъ, т. е. объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей, о сраженіяхъ или описаніи кампаній, мною прочитанномъ, то посѣтитель, послушавъ меня нѣкоторое время съ терпѣніемъ, вскорѣ уходилъ и уже нескоро возвращался. Въ числѣ соперниковъ моихъ, ротныхъ командировъ, я имѣлъ даже недоброжелателей; но я всегда былъ любимъ моими подчиненными, особенно нижними чинами, и неудивительно: благоразумный начальникъ имѣетъ такъ много средствъ попеченіемъ о ихъ благосостояніи, объ отклоненіи безполезныхъ трудовъ, и привѣтливымъ обращеніемъ снискать себѣ благодарность и привязанность добраго Русскаго солдата.

Въ молодости моей я велъ жизнь довольно суровую и спалъ на канапе почти столь же твердомъ, какъ доска, до самой женитьбы

моей и, привыкнувъ къ такой нероскошной постелѣ, я и по сіе время не люблю мягкаго ложа. Обѣдъ мой обыкновенно состоялъ изъ тарелки щей, грѣшневой каши и куска мяса, которые приготовлялъ мнѣ мой служитель или деньщикъ. Одно время я вписался въ артель съ людьми моими и вносилъ за нихъ и за себя по 5-ти рубл. ассигн. за каждаго. Я обѣдалъ иногда у родныхъ моихъ и знакомыхъ, но не искалъ изящно-вкуснаго стола и стыдился въ томъ находить наслажденіе; въ трактиры я не ходилъ и не посылалъ туда за обѣдомъ. Вина и водки я вовсе не употреблялъ и не употребляю понынѣ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда то бываетъ нужно для моего здоровья; табаку я не курилъ и не курю, ибо почитаю этотъ обычай вреднымъ и предосудительнымъ. До кампаніи 1812 года я не пилъ чаю, развѣ только когда посѣщалъ меня кто изъ пріятелей или знакомыхъ, либо когда, по холодному и сырому времени, возвратясь домой, считалъ нужнымъ согрѣть себя для сохраненія своего здоровья. Квартира моя была всегда чисто содержана и просто меблирована. Братъ мой Иванъ Павловичъ, который былъ четырьмя годами меня моложе, служившій также въ Преображенскомъ полку, человѣкъ превосходныхъ качествъ, раздѣлялъ всѣ мои убѣжденія, и когда мы жили вмѣстѣ, то не имѣли ничего раздѣльнаго и соединены были горячею между собою дружбою до его кончины. При такой умѣренной жизни, мы, съ малымъ пособіемъ, отъ нашихъ родителей получаемымъ, имѣли все для офицера потребное въ самомъ приличномъ видѣ и не только не дѣлали долговъ, но сохраняли еще небольшой остатокъ на чрезвычайные случаи, на уплату за уроки, на покупку книгъ и даже на посѣщеніе театровъ,—удовольствіе, которое я дозволялъ себѣ изрѣдка, какъ средство къ усовершенію моего образованія.

Въ теченіе кратковременной службы моей лейбъ-гвардіи въ Егерскомъ полку, я, кромѣ чтенія нѣкоторыхъ полезныхъ книгъ, не имѣлъ возможности заниматься науками; съ переводомъ же меня въ Преображенскій полкъ я предался прилежно предначертаннымъ мною занятіямъ. До выступленія въ походъ и начатія Отечественной войны, я преимущественно занимался военными науками; въ 1809-мъ году бралъ уроки фортификаціи и артилеріи у преподавателей Пажескаго Корпуса; въ 1810-мъ году одинъ изъ родственниковъ моихъ познакомилъ меня съ Петромъ Александровичемъ Рахмановымъ, человѣкомъ очень умнымъ, ученымъ и добродушнымъ, который, въ чинѣ полковника, состоялъ при военномъ министрѣ Барклаѣ-де-Толли и былъ издателемъ Военнаго Журнала. Онъ принялъ на себя руководить меня въ моихъ занятіяхъ и, какъ страстный математикъ, обративъ меня къ изученію дифенціальнаго и интегральнаго вычисленій, рекомендовалъ мнѣ отличнаго учителя, съ которымъ я занимался успѣшно. Но свѣдѣнія въ Чистой Математикѣ, безъ всякихъ впослѣдствіи приложеній, мало были мнѣ полезны. Въ тоже время, по совѣту Петра Александровича, я читалъ лучшія тогда по Фортификаціи сочиненія Сенъ-Поля, Бусмара, Кормонтаня и другихъ, потомъ перешелъ къ Тактикѣ и Стратегіи и въ

началѣ 1812 года предался чтенію и изученію извѣстной книги генерала Жомини: Traité des grandes opérations и продолжалъ эти занятія въ теченіи всей войны. Походные труды мало оставляли мнѣ времени и возможности къ прилежному чтенію и теоретическому изученію какого либо предмета; но какъ я участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и былъ свидѣтелемъ знаменитыхъ событій, то и научился многому наглядно. Мнѣ случалось нерѣдко, и особенно послѣ окончанія сраженій, участвовать въ бесѣдахъ умныхъ и свѣдущихъ офицеровъ, находившихся при Главной Квартирѣ, или при даровитыхъ нашихъ генералахъ. Обсужденіе совершавшихся предъ глазами нашими дѣйствій и сравненіе оныхъ съ подобными событіями, Исторіею намъ переданными, были мнѣ весьма полезны. Съ половины 1813 года и до конца войны командиромъ Гвардейскаго Корпуса былъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, идеалъ начальника, душа нашего войска. Его дарованія, храбрость и распорядительность довольно извѣстны. Сохраняя всегда нужную твердость для удержанія строгой дисциплины и порядка, онъ умѣлъ быть добрымъ для подчиненныхъ и не только пріятнымъ, но обворожительнымъ начальникомъ. Слышать его умную, привѣтливую рѣчь было истинное наслажденіе, и потому къ нему стекались подчиненные его всюду, куда онъ ни являлся. Служить подъ начальствомъ такого вождя, имѣть его предъ глазами для подражанія, было для всякаго даровитаго молодаго офицера немалымъ благополучіемъ.

По возвращеніи изъ похода я мало уже былъ занятъ военными науками и, прочитавъ явившееся тогда сочиненіе эрцъ-герцога Карла о Стратегіи и нѣкоторыя другія вышедшія вновь книги, я счелъ нужнымъ дать моимъ занятіямъ другое направленіе. Я чувствовалъ, что съ окончаніемъ общей Европейской войны должно ожидать продолжительнаго мира и счелъ за необходимое обратиться къ усовершенію моего философскаго и политическаго образованія. Составляя съ большимъ затрудненіемъ въ теченіи похода записки мои, я понялъ, что не имѣю достаточныхъ свѣдѣній въ словесности и что для изложенія мыслей моихъ съ надлежащею ясностію, правильностію и легкостію нужно мнѣ основательное изученіе теоріи Русскаго слова и практическое образованіе себя въ слогѣ, почему и обратился къ короткому пріятелю моему, Н. И. Гнѣдичу, который познакомилъ меня съ бывшимъ тогда профессоромъ словесности С.-Петербургской Духовной Академіи Яковомъ Васильевичемъ Толмачевымъ, лучшимъ, по мнѣнію Николая Ивановича, преподавателемъ для образованія учащихся въ философскомъ слогѣ. Наставникъ мой, испытавъ меня, счелъ за нужное прежде всего пройдти небольшой курсъ Философіи и прочелъ мнѣ Логику и Метафизику по Баумейстеру; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовалъ и курсъ Реторики, составленіе періодовъ, хрій, а потомъ и большихъ сочиненій; у него же обучался я нѣкоторое время и Латинскому языку.

Почтенному Якову Васильевичу обязанъ я тою опредѣлительностію въ изложеніи моихъ мыслей и ясностію въ слогѣ, которыя неоднажды доставляли мнѣ одобреніе тѣхъ лицъ, коимъ представляемы были мои

записки и сочиненія. Съ того же времени сталъ я восполнять и политическое мое образованіе. Я началъ чтеніемъ извѣстнаго сочиненія Шторха: Cours d'économie politique потомъ его же Traité и затѣмъ въ послѣдующее время читалъ все то, что̀ на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ было писано лучшаго о наукѣ государственнаго хозяйства, которая сдѣлалась любимымъ предметомъ моихъ изученій.

Вскорѣ по возвращеніи войскъ изъ Франціи, съ окончаніемъ войны въ 1814 году, опредѣленъ былъ въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ молодой студентъ Московскаго университета Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ [3]) и былъ мнѣ представленъ. Тогда я, въ чинѣ штабсъ-капитана, командовалъ четвертою ротою того полка. Хотя Игнатьевъ и не поступилъ подъ мое начальство, ибо написанъ былъ въ пятую роту, но часто посѣщалъ меня; я нашелъ въ немъ человѣка съ прекрасными способностями и такимъ основательнымъ образованіемъ, какаго не случалось мнѣ видѣть ни въ одномъ молодомъ человѣкѣ, вновь на службу опредѣляющемся. Вскорѣ я полюбилъ его, снабжалъ книгами, давалъ совѣты, руководилъ занятіями и старался иначе быть ему полезнымъ. Въ 1815 году, когда, по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы во Францію, возгорѣлась вновь Европейская война, войска Гвардейскаго Корпуса, были двинуты на Западъ и, достигнувъ Виленской губерніи, остановлены съ полученіемъ извѣстія о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Въ это время Игнатьевъ сильно заболѣлъ, и я, желая доставить ему болѣе удобствъ къ выздоровленію, помѣстилъ его къ себѣ и самое тщательное имѣлъ о немъ попеченіе. Этотъ случай далъ мнѣ возможность короче узнать и болѣе полюбить его; съ того времени я почиталъ его человѣкомъ, мнѣ по сердцу близкимъ, какъ бы роднымъ моимъ братомъ. Игнатьевъ взаимно питалъ ко мнѣ такія же чувства и былъ всегда за попеченіе мое о немъ признателенъ; искренняя дружба наша время отъ времени укрѣплялась и сохранилась понынѣ. Съ братомъ моимъ Иваномъ Павловичемъ, болѣе близкимъ Игнатьеву по лѣтамъ его, онъ соединился тѣснѣйшею дружбою, которая прекратилась только смертію незабвеннаго моего брата.

Съ возвращеніемъ изъ похода 1815 года, познакомился я съ почтеннымъ старцемъ Иваномъ Борисовичемъ Пестелемъ, человѣкомъ весьма умнымъ и просвѣщеннымъ, который хотя и носилъ еще тогда званіе Сибирскаго генералъ-губернатора, но былъ вызванъ оттуда Государемъ и находился въ Петербургѣ. Я сблизился съ его сыномъ Павломъ Ивановичемъ, бывшимъ тогда адъютантомъ графа Витгенштейна, не только весьма умнымъ, но, можно сказать, геніальнымъ человѣкомъ. При необыкновенно тщательномъ общемъ образованіи, онъ былъ неутомимо дѣятеленъ въ расширеніи круга своихъ познаній, но при томъ обладаемъ неизмѣримымъ честолюбіемъ. Если бы въ основаніе его воспитанія положено было истинное религіозное начало, онъ бы сдѣлался гражданиномъ самымъ полезнымъ, украшеніемъ своего Отече-

[3]) Нынѣшній С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

ства. Къ несчастію, онъ былъ протестантъ, или лучше сказать почти безбожникъ; потому неудивительно, что страсти увлекли его на ложный путь.

Лѣтомъ 1816 года я получилъ отпускъ на четыре мѣсяца для излеченія болѣзни и провелъ все это время у отца моего въ Костромской губерніи.

Образованіе тайнаго общества.

Возвратясь въ Петербургъ 4 Ноября 1816 г., узналъ я отъ брата моего Ивана Павловича, что въ отсутствіе мое составилось тайное общество, котораго душою былъ Пестель. Оно состояло изъ многихъ молодыхъ людей, весьма даровитыхъ и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ нашихъ добрыхъ пріятелей. Братъ признался мнѣ, что онъ принадлежитъ также къ этому обществу. Оно имѣло цѣлію, какъ полагалъ братъ, общее содѣйствіе членовъ къ усовершенствованію управленія и вообще ко благу Отечества. Многіе изъ членовъ привлечены были въ сіе общество надеждою, взаимнымъ содѣйствіемъ членовъ, поддерживать другъ друга и споспѣшествовать успѣху ихъ служебнаго поприща. Такая цѣль и надежды у нѣкоторыхъ членовъ были искренни, и никакихъ неблагонамѣренныхъ предположеній у нихъ не было. Существованіе Масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ не было тогда въ Россіи особенно воспрещаемо. Вскорѣ П. И. Пестель пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ и разсказалъ мнѣ самъ о томъ, какъ составилось общество и какъ оно для своей цѣли полагаетъ дѣйствовать. Онъ привелъ мнѣ въ примѣръ, что въ Пруссіи такое же тайное общество, подъ наименованіемъ Тугендбунда, было главнымъ пособіемъ къ освобожденію государства отъ иноземнаго ига и къ устройству народнаго благосостоянія; представлялъ мнѣ также многіе доводы о томъ, сколь полезно можетъ быть учрежденіе такого общества въ Россіи и потому убѣждалъ меня вступить въ составившееся общество. Не предполагая съ моей стороны въ составленіи сего общества никакой неблагонамѣренной цѣли и почитая такія дѣйствія только увлеченіемъ пламеннаго патріотизма и честолюбія, я возражалъ Павлу Ивановичу, что существованіе такого общества не можетъ остаться надолго непроницаемою для правительства тайною, и въ такомъ случаѣ не только цѣль общества не будетъ достигнута, но и тѣ даровитые молодые люди, изъ коихъ оно составилось, закроютъ себѣ путь къ достиженію на поприщѣ службы такихъ мѣстъ, на которыхъ они, по своимъ дарованіямъ, были бы особенно полезны. Потому я не только отказался отъ вступленія въ общество, но убѣждалъ и Пестеля стараться разрушить оное. Онъ остался однако же непреклоненъ, хотя разговоръ нашъ продолжался во всю ночь, до трехъ часовъ утра. Существованіе сего общества сдѣлалось, дѣйствительно, скоро извѣстнымъ командиру Гвардейскаго Корпуса генералъ-адъютанту Васильчикову, который представилъ тогда же Государю подробную записку о членахъ общества, о бывшихъ въ нихъ собраніяхъ и предположеніяхъ. Сожалѣть должно, что записка эта осталась безъ послѣдствій; ибо тогда

въ дѣйствіяхъ членовъ общества ничего не было особенно преступнаго: справедливое наказаніе ихъ за необдуманное и закономъ недозволенное предпріятіе предотвратило бы послѣдующія вредныя дѣйствія и отклонило бы погибель многихъ пострадавшихъ потомъ отлично даровитыхъ молодыхъ людей, которые могли бы Отечеству быть весьма полезны. Братъ мой, не взирая на мои убѣжденія, не прервалъ своей связи съ тѣмъ обществомъ до тѣхъ поръ, пока, по собраніи въ Москвѣ многихъ членовъ и произнесеніи рѣчи Иваномъ Григорьевичемъ Бурцовымъ [1]), оно не было разрушено. Но тогда Пестель, съ нѣкоторыми своими единомышленниками, составилъ новое общество, уже съ другими цѣлями и намѣреніями. Оно хотя также сдѣлалось извѣстнымъ правительству, но осталось безъ преслѣдованія и произвело наконецъ тѣ плачевныя послѣдствія, которыя ввергли въ погибель многихъ отличныхъ молодыхъ людей, въ это безумное предпріятіе по легкомыслію вовлеченныхъ. При всемъ томъ, когда въ 1826 году они были допрашиваемы Слѣдственною Коммисіею, то старались втянуть брата моего въ это дѣло. Они знали, что Великій Князь и Государь любятъ брата и цѣнятъ его по его достоинствамъ и потому вѣроятно полагали, что если онъ явится участникомъ въ ихъ дѣйствіяхъ, то Государь, желая пощадить брата моего, будетъ и съ ними снисходительнѣе. Къ обвиненію брата они представить не могли никакихъ доказательствъ, и онъ не только не признанъ принадлежащимъ ко второму обществу, но и участіе его въ первоначальномъ обществѣ Государь приказалъ не вносить въ напечатанное Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи. Онъ находится въ числѣ трехъ лицъ, имена коихъ публично не объявлены. Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ грустью разсказывалъ мнѣ, какимъ образомъ, во время производства слѣдствія, Пестель и его сообщники усиливались представлять противъ брата моего обвиненія въ его будто бы съ ними участіи. Такія обстоятельства, столь непріятныя и даже тяжкія для брата, были первою причиною разстройства его здоровья, а, можетъ быть, и сократили жизнь его. Я описываю эти событія для того, чтобы показать, какія можетъ имѣть послѣдствія неосторожный поступокъ самаго благонамѣреннаго и умнаго человѣка.

Въ Ноябрѣ 1817 года былъ назначенъ я командиромъ Перновскаго гренадерскаго полка, состоявшаго въ 1-й гренадерской дивизіи, прикомандированной къ Гвардейскому Корпусу, и квартировавшаго тогда въ Петербургѣ. Эта смѣна въ моей службѣ была для меня совершенно неожиданна, хотя, съ производствомъ меня въ полковники, я весьма желалъ быть назначенъ командиромъ какого либо армейскаго полка и дѣлалъ къ тому нѣкоторыя попытки, но безуспѣшно. Назначеніе

[1]) Бурцовъ убитъ въ сраженіи подъ Бейбутомъ въ 1828 г. въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ былъ человѣкъ превосходныхъ душевныхъ качествъ, весьма даровитый, необыкновенно основательно образованный. «У меня нѣтъ теперь въ арміи такого Бурцова», говорилъ мнѣ фельдмаршалъ Паскевичъ въ Варшавѣ въ 1838 году.

мое послѣдовало безъ всякаго отъ кого либо представленія, по собственной волѣ Государя Императора Александра Павловича, который зналъ меня лично за хорошаго офицера, болѣе же былъ извѣстенъ о мнѣ чрезъ командира Преображенскаго полка, генералъ-адъютанта барона Розена, весьма ко мнѣ благоволившаго. Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи присланъ былъ въ С.-Петербургъ изъ Москвы, гдѣ Государь тогда находился, и я, представясь къ новымъ моимъ начальникамъ, вступилъ въ командованіе ввѣреннымъ мнѣ полкомъ. Предмѣстникъ мой, полковникъ Жемчужниковъ, былъ человѣкъ не безъ способностей, съ хорошимъ свѣтскимъ образованіемъ, но весьма наклонный къ мотовству. Съ окончаніемъ войны въ 1815 году и возвращеніемъ войскъ въ Россію, полкъ квартировалъ въ г. Вейсенштейнѣ. Эстляндской губерніи, потомъ въ городѣ Лугѣ, С.-Петербургской губерніи. Наѣзжавшіе для осмотра его инспекторы были весьма довольны блистательными пирами командира и производили смотры весьма поверхностно. Зимою, въ началѣ 1817 года, полкъ внезапно потребованъ былъ изъ Луги въ С.-Петербургъ и явился предъ Государемъ весьма слабый по строевому обученію и неисправный по всѣмъ отношеніямъ. Для обученія сего полка онъ порученъ былъ извѣстному въ то время строгому экзерцирмейстеру генералъ-маіору Желтухину, но хозяйственной части полка никто не касался, ибо инспектовавшіе оный начальники находились еще на мѣстахъ своихъ. Наконецъ, лѣтомъ 1817 года, по доносу полковаго адъютанта начальнику Главнаго Штаба князю Волконскому, назначено было произвесть о состояніи хозяйственной части полка слѣдствіе, по которому открылось, что всякаго рода полковыя суммы, даже артельныя солдатскія деньги, были полковымъ командиромъ издержаны, или, правильнѣе сказать, промотаны, продана большая часть отпущеннаго изъ Коммисаріата сукна, и многимъ нижнимъ чинамъ мундирныя вещи не построены. По окончаніи слѣдствія и донесенія о томъ Государю, полковникъ Жемчужниковъ былъ отрѣшенъ, преданъ суду, и командованіе полка поручено было старшему штабъ-офицеру до назначенія настоящаго командира. Дивизіонные и бригадные командиры были перемѣнены, начальникъ штаба Гвардейскаго Корпуса генералъ-адъютантъ Сипягинъ, наиболѣе покровительствовавшій полковнику Жемчужникову и не однажды инспектовавшій полкъ его, получилъ назначеніе начальника дивизіи въ арміи. Въ тоже почти время командиръ Гвардейскаго Корпуса, генералъ отъ инфантеріи графъ Милорадовичъ, назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, а командиромъ корпуса — генералъ - адъютантъ Васильчиковъ, человѣкъ извѣстный своими военными дарованіями и подвигами и, какъ я въ послѣдствіи коротко узналъ его, онъ былъ человѣкъ высокой души, основательно образованный и вообще великихъ достоинствъ. Когда я къ нему явился въ новомъ моемъ званіи, я не былъ ему вовсе извѣстенъ и никѣмъ не рекомендованъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ при семъ представленіи, онъ назначилъ мнѣ прибыть къ нему на другой день и принялъ меня наединѣ. Онъ бесѣдовалъ со мною болѣе часа, дѣлалъ мнѣ вопросы о про-

хожденіи моей службы, о моемъ образованіи, понятіяхъ о войнѣ, о военномъ хозяйствѣ, объ администраціи, потомъ переходилъ къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ и заключилъ совѣтами и наставленіями относительно предстоящихъ мнѣ обязанностей. Его умная и время отъ времени болѣе привѣтливая рѣчь меня плѣнила; я говорилъ ему съ полною откровенностію и высказалъ, что̀ было за душою. Онъ могъ изъ одной такой бесѣды хорошо понять меня. Такой даръ узнавать подчиненныхъ есть великое въ начальникѣ достоинство.

По вступленіи моемъ въ командованіе полкомъ, я удивленъ былъ тою степенью разстройства, до которой доведенъ былъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ. Невѣроятнымъ бы теперь показалось, еслибъ я представилъ описаніе его положенія въ послѣднее время командованія полкомъ Жемчужникова. Скажу только въ нѣсколькихъ словахъ, что нѣкоторые рядовые средней шеренги выведены были на смотръ Государю въ зимнее время въ бѣлыхъ порткахъ, вмѣсто суконныхъ бѣлыхъ панталонъ, съ надѣтыми на оныя старыми кожанными крагами, заимствованными изъ другаго полка. Старая выслужившая сроки амуниція кое-какъ держалась на людяхъ въ средней шеренгѣ. Когда полкъ, лѣтомъ 1817 года, былъ выведенъ въ лагери, еще прежде отрѣшенія полковника Жемчужникова отъ командованія онымъ, солдатскія артельныя и отпущенныя на покупку нижнимъ чинамъ мясной порціи деньги, какъ и всякія другія суммы, были истрачены; солдаты имѣли для пищи только муку и крупу, изъ магазина отпускаемую. Меня многіе весьма основательные люди удостовѣряли, что въ нѣкоторыхъ ротахъ не было иногда средствъ къ покупкѣ нижнимъ чинамъ для приварка соли; о говядинѣ, салѣ, капустѣ или овощахъ не было помину. Все это происходило въ лагерѣ у Петергофа и оставалось въ неизвѣстности начальства до полученія вышепоказаннаго доноса; по обнаруженіи же таковаго положенія и осмотрѣ полка графомъ Милорадовичемъ, артельныя деньги пополнены были изъ Кабинета Государя на счетъ виновныхъ, лагерь былъ снятъ, и нижніе чины отправлены для работъ на строющееся шоссе за вольную плату, чѣмъ поправлено было ихъ несчастное положеніе. Такимъ образомъ солдаты пріобрѣли нужныя средства на содержаніе себя пищею и на другіе необходимые для нихъ расходы, мыло, мѣлъ, клей и пр.; но всѣ прочія, кромѣ артельныхъ, долженствовавшія состоять въ полку суммы, въ томъ числѣ и ремонтныя, не были еще пополнены. Исчисленіе количества ихъ суммъ и опредѣленіе взысканія оныхъ съ виновныхъ предоставлено было военно-судной коммиссіи. При вступленіи моемъ въ командованіе полкомъ не было въ ономъ на лице ни одного рубля на самонужнѣйшіе текущіе расходы: на починку ружей, на перемѣну изломавшихся ружейныхъ ложъ, на поправку находящихся въ употребленіи повозокъ и сбруи, на постройку недостающихъ мундирныхъ вещей и другіе не терпящіе отлагательства расходы. Недостатки разнаго рода были столь велики, что надобно было вдругъ издержать нѣсколько тысячъ рублей, дабы имѣть то, что̀ было существенно необходимо для содержанія полка въ нѣ-

которомъ порядкѣ. Не имѣя собственныхъ своихъ на такіе расходы денегъ, я вошелъ съ представленіемъ о выдачѣ въ полкъ хотя нѣкоторой суммы изъ какого либо источника, въ счетъ слѣдующихъ ко взысканію съ виновныхъ; но такое представленіе не могло получить скораго разрѣшенія. Въ такихъ обстоятельствахъ обратился я къ доброму короткому пріятелю отца моего, почтенному старцу Василью Николаевичу Зиновьеву, и просилъ его ссудить мнѣ 3,000 рублей на короткое время, что̀ онъ съ большимъ удовольствіемъ въ туже минуту выполнилъ. Тогда я вздохнулъ свободно и началъ все нужное покупать, исправлять и строить. Черезъ нѣкоторое время наступилъ 1818 годъ, и я получилъ отъ Коммисаріата по сроку того года ремонтныя и другія слѣдующія въ полкъ суммы, и въ тоже почти время выдана была изъ казны, по моему представленію, часть денегъ, слѣдующихъ къ пополненію вмѣсто истраченныхъ впредь до расчета и окончательнаго опредѣленія военно-судною коммисіею подлежащаго взысканія, съ кого слѣдовать будетъ. Послѣ того сталъ ужъ я основательно устроивать все полковое хозяйство и возвратилъ Василью Николаевичу Зиновьеву позаимствованные мною у него вышеупомянутые 3,000 р., продержавши оные у себя около двухъ мѣсяцевъ.

Фронтовое обученіе нижнихъ чиновъ было весьма слабо; въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ квартированія полка, разсѣяннаго по деревнямъ въ Вейсенштейнскомъ и Лугскомъ уѣздахъ, оно было пренебрежено совершенно. Когда же полкъ приведенъ былъ въ Петербургъ, то генералъ-маіоръ Желтухинъ, которому поручено было особенно его обученіе, взялся за то вовсе не такъ какъ бы слѣдовало. Онъ слылъ большимъ служакою и знатокомъ фронтоваго дѣла, потому что былъ дерзокъ и грубъ въ обращеніи съ офицерами и звѣрски жестокъ съ нижними чинами. Не вникнувъ въ то, что солдаты не были порядочно обучены поодиночкѣ, онъ приводилъ ихъ за 10 и 12 верстъ, изъ Парголова и другихъ окрестныхъ селеній, въ Михайловскій экзерцисгаузъ на баталліонное ученье и тѣмъ изнурялъ людей, не принося никакой пользы. Сообразивъ таковыя обстоятельства, я счелъ необходимымъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ заняться исключительно обученіемъ нижнихъ чиновъ по-одиночкѣ. Къ счастію я имѣлъ хорошихъ баталіонныхъ командировъ, довольно знающихъ фронтовую службу ротныхъ командировъ и нѣсколько офицеровъ, которые въ скоромъ времени и приготовили для того порядочныхъ ефрейторовъ. Дабы не встрѣтить какого либо препятствія или помѣхи заняться систематически образованіемъ полка, я счелъ нужнымъ объяснить моимъ начальникамъ, что почитаю необходимымъ производить въ теченіи всей зимы только одиночное ученье и не ранѣе весны начать сводить ихъ шеренгами, ротами и наконецъ обученіе баталіонами, дабы основательно приготовить полкъ къ Маю мѣсяцу, когда мы ожидали прибытія изъ Москвы Государя Императора. Начальники мои, и особенно командиръ корпуса Васильчиковъ, одобрили мои предположенія; я съ увѣренностію началъ такъ дѣйствовать и къ веснѣ достигъ желаемаго успѣха.

На пищу нижнихъ чиновъ не было до меня обращаемо начальниками никакого вниманія, артельныя деньги расходовались не только безъ надлежащаго порядка, но и съ немалыми злоупотребленіями, которыхъ, по существующему неустройству управленія полкомъ, и обнаружить было невозможно. Я написалъ правила объ употребленіи и отчетности артельныхъ денегъ и объявилъ ихъ полковымъ приказомъ къ исполненію, самъ по часту посѣщалъ ротныя кухни во время обѣда солдатъ, пробовалъ ихъ пищу, распрашивалъ выборныхъ отъ солдатъ счетчиковъ о порядкѣ покупокъ, производимыхъ на артельныя деньги, и объ отчетности ихъ и привелъ такимъ образомъ часть сію въ должный порядокъ, къ большому удовольствію нижнихъ чиновъ. Раздача нижнимъ чинамъ жалованья, амуничныхъ и другихъ денегъ, выдача и отчетность отпускаемаго отъ казны провіанта и употребленіе онаго, какъ и выдача имъ всякаго другаго довольствія, обращали на себя самое бдительное съ моей стороны попеченіе.

Обхожденіе съ нижними чинами ротныхъ командировъ, офицеровъ, даже фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, было не только чрезмѣрно строгое, но безразсудно жестокое. Нельзя теперь себѣ представить тѣхъ истязаній, коимъ за маловажныя вины, а иногда и безвинно, подвергался тогда солдатъ отъ своихъ начальниковъ. При собраніи всѣхъ офицеровъ я высказалъ имъ дошедшіе до меня случаи, объяснилъ имъ мои по сему предмету понятія, далъ имъ къ руководству на будущее время нужныя наставленія и поручилъ баталіоннымъ командирамъ имѣть внимательное за исполненіемъ оныхъ наблюденіе. Въ слѣдствіе сего положеніе нижнихъ чиновъ въ семъ отношеніи совершенно измѣнилось, не только безъ ослабленія дисциплины или порядка службы, но усердіе солдатъ, кажется, еще удвоилось, и вмѣсто страха и ненависти родило привязанность къ ихъ начальникамъ. «Они теперь отцы наши», говорили солдаты. Мое ласковое и привѣтливое, но въ потребномъ случаѣ довольно строгое съ офицерами обращеніе, какъ и являемое на самомъ дѣлѣ желаніе мое быть каждому изъ нихъ полезнымъ, пріобрѣли мнѣ привязанность и уваженіе людей благомыслящихъ, каковыхъ въ корпусѣ офицеровъ было не мало; дурныхъ же офицеровъ я старался удалять изъ полка, имѣя возможность замѣнить ихъ лучшими.

При наступленіи 1818 года получилъ я отъ Коммисаріата сукно и прочіе матеріалы для постройки мундирныхъ вещей всѣмъ нижнимъ чинамъ; въ тоже время кончился срокъ киверамъ съ приборомъ и многимъ другимъ амуничнымъ вещамъ, на мѣсто коихъ отпущены были отъ Коммисаріата новыя или выданы были деньги на построеніе оныхъ. Тогда же отпущены мнѣ были отъ казны, въ слѣдствіе представленія моего, остальныя суммы на пополненіе истраченныхъ полковникомъ Жемчужниковымъ. Такими средствами приступилъ я къ построенію и пополненію въ полку всего для него потребнаго и занимался симъ дѣломъ съ такимъ тщаніемъ, что сдѣлался весьма искуснымъ закройщикомъ и снаровщикомъ. Къ веснѣ обмундированіе и снаряженіе полка было кончено. Въ концѣ Мая, я представилъ

полкъ на смотръ Государя вполнѣ въ новомъ обмундированіи и снаряженіи, такъ что кромѣ безсрочныхъ вещей, приведенныхъ впрочемъ въ исправность, все прочее было совсѣмъ новое, какъ говорится, съ иголочки. Обученіе нижныхъ чиновъ приведено было также въ весьма удовлетворительное состояніе. За нѣсколько дней до прибытія Государя, корпусный командиръ дѣлалъ смотръ всѣмъ войскамъ своего корпуса и былъ Перновскимъ полкомъ особенно доволенъ; ибо, вспоминая слабое состояніе полка, онъ не ожидалъ найти оный въ такомъ видѣ, въ коемъ онъ былъ ему представленъ. Чрезъ нѣсколько дней былъ смотръ Государя. Когда Перновскій полкъ проходилъ повзводно церемоніальнымъ маршемъ, замѣтенъ былъ на лицѣ Его Величества видъ удовольствія, выраженный одобрительными знаками и словами, на которыя начальники мои отвѣчали низкими поклонами. Привѣтливый, одобрительный знакъ Государя обращенъ былъ и ко мнѣ, когда полкъ миновалъ Его Величество. Почти тоже было и во время прохожденія полка колоннами. Когда полкъ распущенъ былъ въ казармы, я поѣхалъ повидать родныхъ моихъ и, проѣзжая на Невскомъ проспектѣ мимо Казанскаго собора, по обычаю православнаго христіанина, снялъ шляпу и началъ креститься, но въ тоже время увидѣлъ проѣзжавшую мимо меня коляску, которая, миновавъ меня, остановилась. Въ ней былъ Государь и съ нимъ начальникъ Главнаго Штаба князь Волконскій. Его Величество подозвалъ меня и благодарилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ. Черезъ недѣлю послѣ того Государю угодно было произвесть Перновскому полку полковое ученье на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ. Оно продолжалось болѣе часа; Государь былъ доволенъ всѣми движеніями, изъявлялъ неоднажды свое одобреніе и, по окончаніи ученія, благодарилъ нижнихъ чиновъ обычнымъ возгласомъ «спасибо рябята, хорошо»; подозвалъ меня, изъявилъ мнѣ изустно свое благоволеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что онъ назначаетъ шефомъ сего полка наслѣднаго принца Прусскаго, который тутъ же находился. Послѣ такого успѣха, начальники мои сдѣлались ко мнѣ весьма благосклонны, особенно Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, который впрочемъ и всегда былъ со мною очень привѣтливъ и мнѣ покровительствовалъ. Я воспользовался такими благопріятными обстоятельствами, чтобы испросить подполковнику Тришатному чинъ полковника, а другому баталіонному командиру маіору Томашевскому чинъ подполковника и денежное пособіе всѣмъ офицерамъ, коихъ усердію обязанъ я былъ наиболѣе тѣми успѣхами въ устройствѣ полка, которые пріобрѣли мнѣ драгоцѣнное вниманіе Государя. Нижнимъ чинамъ пожаловано было Его Величествомъ по рублю на человѣка. Съ того времени имѣлъ я счастіе являться ежедневно къ шефу моему, наслѣдному принцу Прусскому, во все время пребыванія его высочества въ С.-Петербургѣ. Тутъ же я имѣлъ случай сойтись съ находившимся при немъ генералъ-маіоромъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ, съ которымъ я впослѣдствіи сближался все болѣе и болѣе. Съ отъѣздомъ Прусской королевской фамиліи, въ Іюлѣ, полкъ былъ выведенъ для квартированія въ Парголово и другія селенія С.-Петербургскаго уѣзда,

раскинутыя отъ границъ Финляндіи до Ладожскаго озера. По прибытіи на новыя квартиры, далъ я нижнимъ чинамъ совершенный отдыхъ на цѣлые два мѣсяца, предоставивъ имъ въ это время пріобрѣтеніе себѣ вольною работою въ окрестностяхъ Петербурга нѣкоторыхъ денегъ на пополненіе артелей и на необходимые солдатскіе расходы. По истеченіи сего времени, подготовивъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, я велѣлъ начать обученіе слабыхъ по фронту нижнихъ чиновъ поодиночкѣ, а потомъ и всѣхъ прочихъ солдатъ, дабы поддержать въ нихъ знаніе фронтовой службы, а еще болѣе, дабы не оставить ихъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Такъ прошла вся зима, и весною только началось ученіе шеренгами, ротами и баталіонами, для приготовленія полка на предстоящіе смотры; но вообще и такое ученье производимо было весьма умѣренно, безъ всякаго отягощенія солдатъ.

Прилагая особенное попеченіе мое о томъ, чтобы нижніе чины имѣли всегда сытную хорошую пищу, я обращалъ также большое вниманіе и на отклоненіе отъ нихъ всякаго излишняго труда, тревоги и безпокойства, коими, при недостаточномъ на то вниманіи начальства, солдаты нерѣдко обременяются отъ слишкомъ ранняго пробужденія на ученье, преждевременнаго одѣванія въ мундиры и амуницію и долгихъ напрасныхъ ожиданій на сборныхъ пунктахъ. Вообще сбереженіе силъ солдата и его здоровья было главною моею заботою. При такихъ обстоятельствахъ число больныхъ нижнихъ чиновъ въ полку, со времени вступленія моего въ командованіе онымъ, постепенно уменьшалось, такъ что въ первомъ рапортѣ, мнѣ представленномъ 24 Ноября 1817 года, больныхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ госпиталяхъ, показано было до 250 человѣкъ; въ 1818 году въ томъ же мѣсяцѣ оно не превосходило 30 человѣкъ и вообще было менѣе, нежели во всѣхъ другихъ полкахъ Гвардейскаго Корпуса. Корпусный командиръ обратилъ на это свое вниманіе и объявилъ мнѣ благодарность, относя малое число больныхъ и умершихъ въ полку нижнихъ чиновъ къ моему попеченію, тогда какъ въ существѣ своемъ это было наиболѣе слѣдствіемъ стеченія многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Находясь въ составѣ Гвардейскаго Корпуса, гренадерскій наслѣднаго принца Прусскаго полкъ выходилъ вмѣстѣ съ гвардейскими войсками на всѣ смотры въ присутствіи Государя Императора, тогда какъ способы къ содержанію полковаго хозяйства того полка были гораздо ниже тѣхъ средствъ, которыя предоставлены гвардейскимъ войскамъ. Вообще опредѣленныя штатомъ 1802 года на содержаніе армейскаго полка суммы были весьма низки и далеко не соотвѣтствовали настоящимъ въ нихъ потребностямъ; наприм., на содержаніе полковой музыки, которая должна была состоять изъ 8-ми музыкантовъ, отпускалось въ годъ по 5 р. 23 к. ассигнаціями [5]), тогда какъ въ 1817 и 1818 годахъ я обязанъ былъ выводить въ строй не менѣе 24-хъ музыкантовъ съ нужными для того инструментами, ремонтированіе коихъ стоило до 800 р. ассигн., да столько же пла-

[5]) Смотри въ Полномъ Собраніи Законовъ штатъ армейскаго полка 1802 года.

тилъ я нанимаемому мною капельмейстеру; на канцелярскіе расходы отпускалось въ годъ 25 р. ассигн., тогда какъ одни канцелярскіе матеріалы стоили до 300 и даже до 400 р. ассигн. И такихъ скудно опредѣленныхъ отпусковъ было немало, такъ что къ отпускаемымъ отъ казны суммамъ на содержаніе въ исправности полка по хозяйственной части нужно было прибавить нѣсколько тысячъ рублей, которые должно было найти, не прибѣгая къ средствамъ, закономъ и совѣстью воспрещаемымъ. Отпускаемое отъ Коммисаріата на построеніе мундирныхъ вещей сукно и другіе матеріалы опредѣлены были по штату въ такомъ количествѣ, что при искусной и бережливой кройкѣ и построеніи сихъ вещей можно было сдѣлать въ нихъ немало экономіи. Потому я приложилъ себя къ основательному изученію этой важной науки: сдѣлалъ закройню въ комнатѣ возлѣ моего кабинета, по цѣлымъ часамъ соображалъ и расчитывалъ съ закройщикомъ о томъ, какъ выгоднѣе класть на сукно выкройки, дабы было менѣе обрѣзковъ и матеріалы употреблены были сколь возможно съ пользою, и достигъ немаловажныхъ успѣховъ, такъ что остатки всякаго рода матеріаловъ, при окончаніи обмундированія полка, были значительны. Какъ въ то время отпускалось войскамъ сукно купленное правительствомъ въ Англіи, довольно тонкое и добротное, то я продавалъ сбереженное мною при кройкѣ сукно по 6 р. асс. за аршинъ, получилъ чрезъ то порядочную сумму и могъ обратить оную на покупку музыкантныхъ инструментовъ и другіе вышепоказанные мною необходимые расходы. При наступленіи сроковъ многимъ амуничнымъ вещамъ, я, по довѣрію ко мнѣ бывшаго генералъ-кригскоммисара Татищева, вмѣсто отпуска оныхъ натурою, получалъ на построеніе ихъ деньгами и дѣлалъ также изъ отпускаемой мнѣ суммы немалое сбереженіе. Такими и подобными тому, по моему мнѣнію, совершенно правильными хозяйственными распоряженіями, изыскивалъ я средства къ содержанію полка во всей должной исправности. Я не почиталъ себя въ правѣ дѣлать какую либо экономію изъ отпускаемаго солдатамъ провіанта или суммы, на пищу солдатамъ назначенной, но къ усиленію моихъ хозяйственныхъ способовъ съ переходомъ полка на обывательскія квартиры въ Петербургскомъ уѣздѣ представились мнѣ новыя средства. По причинѣ довольно пространнаго расквартированія полка, 5 ротъ расположены были далѣе 34 верстнаго разстоянія отъ С.-Петербургскихъ провіантскихъ магазиновъ. По силѣ существующихъ правилъ, провіантское вѣдомство обязано было доставлять въ тѣ пять ротъ слѣдующій нижнимъ чинамъ провіантъ иждивеніемъ казны по своему распоряженію, что̀ съ производствомъ перевозки черезъ вольныхъ вощиковъ должно было стоить довольно значительной суммы. Расчитывая, что, удвоивъ дачу овса состоящимъ при полку 60-ти подъемнымъ лошадямъ, я могу произвесть на нихъ перевозку провіанта во всѣ восемь ротъ, и что съ употребленіемъ незначительнаго расхода на прибавочный фуражъ и другія при томъ потребности я могу имѣть хорошія выгоды, если та перевозка предоставлена будетъ моему распоряженію съ отпускомъ той суммы, которая на сей пред-

метъ провіантскимъ вѣдомствомъ должна была употребляться. Для исполненія таковаго моего предположенія обратился я къ бывшему тогда генералъ-провіантмейстеру Андрею Ивановичу Абакумову, изъяснилъ ему необходимость, въ которую я поставленъ, изыскивать всевозможные способы къ содержанію полка въ исправности по недостаточности отпускаемыхъ мнѣ по штату на то способовъ и просилъ его означенную перевозку провіанта въ тѣ пять ротъ предоставить моему распоряженію съ отпускомъ мнѣ отъ казны причитающейся на то суммы. Какъ просьба моя не заключала въ себѣ ничего противнаго закону и совѣсти, то онъ охотно на оную согласился, командировалъ на мѣста довѣреннаго отъ себя чиновника для открытія цѣнъ и, выполнивъ другія слѣдующія при томъ формальности, назначилъ мнѣ къ отпуску причитающуюся сумму. Такое распоряженіе приносило мнѣ, за всѣми по сему предмету расходами, ежемѣсячно до 600 рублей выгоды, за все время пребыванія полка на квартирахъ въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ. Случай сей доставилъ мнѣ знакомство съ почтеннымъ Андреемъ Ивановичемъ и, послѣ нѣсколькихъ съ нимъ свиданій, я полюбилъ его, ибо нашелъ въ немъ человѣка необыкновенно умнаго, просвѣщеннаго и уваженія достойнаго. Мнѣ извѣстно было, что онъ родомъ Торопецкій мѣщанинъ, обучался въ народномъ училищѣ, гдѣ не могъ пріобрѣсть другихъ свѣдѣній, кромѣ знанія грамоты и Ариѳметики, что онъ, оставшись сиротою въ весьма молодыхъ лѣтахъ, отданъ былъ въ солдаты, поступилъ въ Преображенскій полкъ писаремъ, потомъ, восходя по службѣ чинами, былъ постепенно полковымъ аудиторомъ, правителемъ канцеляріи С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, провіантскимъ чиновникомъ и наконецъ генералъ-провіантмейстеромъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Съ перваго моего съ нимъ знакомства, я удивленъ былъ его познаніями въ военныхъ и политическихъ наукахъ, ибо видѣлъ въ немъ такія свѣдѣнія, какія могъ онъ пріобрѣсть только чтеніемъ книгъ на языкахъ иностранныхъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ. Чрезъ нѣкоторое время мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ всегда въ подчиненныхъ своихъ цѣнилъ и отличалъ людей образованныхъ, и со вступленіемъ на мѣсто генералъ - провіантмейстера пріобрѣлъ на службу подъ свое начальство нѣсколько отличныхъ молодыхъ студентовъ, хорошо знавшихъ иностранные языки [6]). Нѣкоторыхъ онъ къ себѣ приблизилъ, и каждый изъ нихъ являлся въ опредѣленное время и читалъ Французскую, Нѣмецкую или даже Англійскую книгу порусски: такимъ образомъ слѣдилъ онъ за ходомъ наукъ не только по Русскимъ, но и по лучшимъ иностраннымъ сочиненіямъ. По любви своей къ просвѣщенію, онъ до самой старости все свободное время употреблялъ

---

[6]) Въ числѣ ихъ былъ студентъ Харьковскаго Университета, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, Николай Ивановичъ Бахтинъ, отъ котораго знаю я многія подробности объ Андреѣ Ивановичѣ; ибо Н. И. Бахтинъ былъ не только чиновникъ любимый и близкій къ своему начальнику, но немалое время жилъ въ его домѣ.

на восполненіе и усовершеніе своихъ познаній. Близкое мое знакомство съ Андреемъ Ивановичемъ продолжалось до кончины его, послѣдовавшей въ 1840 году, когда онъ былъ въ званіи сенатора, и я время отъ времени болѣе любилъ и уважалъ этого необыкновеннаго человѣка.

Въ 1818 и 1819 году, я нерѣдко пріѣзжалъ изъ Парголова въ Петербургъ и обязанъ былъ являться къ моимъ начальникамъ, которые обыкновенно были ко мнѣ внимательны. Корпусный командиръ нерѣдко принималъ меня наединѣ и высказывалъ мнѣ свои мысли и сужденія съ такою откровенностію и привѣтливостію, что и я передавалъ ему то, что̀ у меня было за душею. Я не могъ не прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ этому по уму, образованію и особенно по высокой душѣ, истинно превосходному человѣку, сохранилъ искреннюю къ нему преданность до конца его жизни и нынѣ глубоко чту его память.

Положеніе мое въ сію эпоху моей службы доставило мнѣ немало минутъ пріятныхъ. Кромѣ благосклоннаго ко мнѣ вниманія моихъ начальниковъ мнѣ встрѣтился одинъ особенный случай, который много меня порадовалъ. При собраніи нѣскольких близкихъ къ Государю генераловъ, въ одной изъ залъ Зимняго дворца, куда прибылъ я, сопутствуя моему шефу, наслѣдному принцу, я замѣтилъ, что въ нѣкоторомъ отъ меня отдаленіи князь П. М. Волконскій, разговаривая съ барономъ Григоріемъ Владиміровичемъ Розеномъ, на меня взглядывалъ. Чрезъ нѣкоторое время баронъ Розенъ объяснилъ мнѣ содержаніе сего разговора. «Знаете ли, что вы были предметомъ нашей бесѣды?» сказалъ онъ. «Князь передалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ Государь, говоря ему о васъ, сказалъ: «Я очень доволенъ полковникомъ Шиповымъ, онъ принялъ са́мый разстроенный полкъ въ арміи и въ короткое время поставилъ его на степень самыхъ лучшихъ полковъ. Я много слышалъ о немъ добраго; онъ молодъ и подаетъ хорошія надежды»[7]). Это доброе о мнѣ Государь слышалъ конечно отъ моего главнаго начальника Ларіона Васильевича Васильчикова, мнѣ покровительствовавшаго и стараго моего командира барона Розена, издавна ко мнѣ благосклоннаго. Какъ бы то ни было, но вниманіе, обращенное на меня Государемъ, ободрило меня, и я, возблагодаривъ Всевышняго, усугубилъ усердіе мое къ тщательному исполненію моихъ обязанностей и къ усовершенствованію моихъ способностей и познаній, дабы нѣкогда быть въ состояніи дѣйствовать съ пользою для Государя и Отечества и на высшемъ мѣстѣ служенія, еслибъ Господу угодно было меня на оное поставить.

Съ переходомъ полка, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1818 года, на просторныя квартиры въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ, я, въ теченіи остальной части лѣта и послѣдовавшей за тѣмъ осени и зимы, имѣлъ отъ служебныхъ занятій моихъ много свободнаго времени и могъ прилежно пре-

---

[7]) Въ послѣдствіи Государь писалъ князю П. М. Волконскому: «Я имѣлъ случай убѣдиться въ отличныхъ правилахъ, одушевляющихъ всю семью Шиповыхъ» (Р. Архивъ 1875, I, 358).

даться наукѣ. Кромѣ чтенія наиболѣе извѣстныхъ книгъ о политическихъ наукахъ и составленія изъ нихъ выписокъ, я слушалъ живое о сихъ предметахъ слово одного изъ знаменитыхъ нашихъ ученыхъ. Еще въ исходѣ 1816 года, обще съ многими другими нашими пріятелями, предприняли мы слушать курсъ политическихъ наукъ у профессора Германа, человѣка необыкновенно умнаго и ученаго. Онъ прочелъ намъ въ теченіи трехъ лѣтъ зимнимъ временемъ въ 1817 г. курсъ Экономіи Политической, въ 1818 г. Науки Финансовъ, въ 1819 г. Статистики. Слушателей было отъ 20 до 24 человѣкъ, и каждый заплатилъ ему за годичный курсъ по 100 рублей ассигнаціями. Лекціи ученаго и даровитаго профессора были мнѣ весьма полезны. Въ 1817 и 1818 году я составлялъ изъ нихъ записки съ короткимъ пріятелемъ моимъ Иваномъ Григорьевичемъ Бурцовымъ. По выбытіи полка изъ С.-Петербурга я продолжалъ посѣщать лекціи профессора Германа весьма прилежно, и для того ѣздилъ два раза въ недѣлю изъ с. Парголова въ пятую линію на Васильевскій островъ, гдѣ почтенный Карлъ Ѳедоровичъ жилъ въ казенномъ академическомъ домѣ. Оттуда отправлялся я къ брату моему, служившему полковникомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку, или посѣщалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и пріятелей, людей умныхъ и просвѣщенныхъ, которыхъ бесѣда всегда была для меня полезна; но въ Петербургѣ оставался я недолго, возвращался въ Парголово и предавался тамъ чтенію, составленію выписокъ и тщательному изученію того, что̀ я полагалъ нужнымъ для усовершенія моего образованія. Однажды вечеромъ, когда занимался я приведеніемъ въ порядокъ записокъ о Наукѣ Финансовъ, обложенный книгами, къ моей квартирѣ подъѣхала коляска, изъ которой вышелъ и вошелъ ко мнѣ Иванъ Александровичъ Набоковъ, бывшій тогда командиръ 3-й бригады 1-й гренадерской дивизіи. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій, находился въ пріятельскихъ со мною отношеніяхъ и за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Парголово вмѣстѣ съ моимъ дивизіоннымъ начальникомъ, генералъ-лейтенантомъ Демидовымъ, который смотрѣлъ приготовленныхъ въ видѣ учебной команды унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и остался ими доволенъ. Въ этотъ разъ Иванъ Александровичъ заѣхалъ ко мнѣ проѣздомъ въ Кексгольмъ для инспектированія находившагося тамъ 2-го карабинернаго полка. Войдя въ ту комнату, въ которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ пилъ чай съ генераломъ Демидовымъ, онъ весьма удивленъ былъ, найдя тамъ устроенную полковую закройню. Я объяснилъ ему причину, по которой находилъ нужнымъ производить кройку и построеніе солдатскихъ мундировъ подъ собственнымъ надзоромъ и просилъ его напиться у меня чаю и со мною побесѣдовать. «Я съ тѣмъ пріѣхалъ», отвѣчалъ онъ, «чтобъ съ вами провесть вечерокъ», и вошелъ въ мой кабинетъ, гдѣ я оставилъ его одного, выйдя оттуда, чтобы надѣть форменный сюртукъ и распорядиться угощеніемъ моего посѣтителя, который между тѣмъ пересмотрѣлъ мои записки и книги, лежавшія раскрытыми на столѣ: Адама Смита La richesse des nations; Сея, Traité dé l'économie, Якоба Staatswissenschaft и другія. Когда я опять вошелъ къ нему, онъ сказалъ мнѣ: «стран-

ное дѣло, ефрейторы, закройня, Наука Финансовъ, Политическая Экономія, все это лезетъ въ одну голову».

Я разсказываю этотъ анекдотъ для того, чтобы показать, что и въ то время, когда мнѣ было 28 лѣтъ отъ роду, тщательное исполненіе моихъ служебныхъ обязанностей не препятствовало мнѣ усердно предаваться наукѣ, равно и ученыя занятія не отклоняли меня отъ обязанностей службы. Я на все имѣлъ достаточно времени, потому что вовсе не игралъ въ карты, ни въ какую игру и не предавался никакимъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Сильное желаніе расширить кругъ моей служебной дѣятельности и быть существенно полезнымъ Отечеству было главнымъ предметомъ всѣхъ моихъ помышленій.

Весною 1819 года, командуемый мною полкъ наслѣднаго принца Прусскаго былъ опять представленъ на смотръ Государю вмѣстѣ съ прочими войсками Гвардейскаго Корпуса и доставилъ мнѣ новыя похвалы и благодарности отъ моего начальства и самого Государя. Потомъ я возвратился съ полкомъ на свои квартиры. Въ Іюнѣ полкъ приведенъ былъ въ Петербургъ для содержанія карауловъ, за отсутствіемъ гвардейскихъ войскъ, выведенныхъ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, а по возвращеніи ихъ вся наша 1-я гвардейская дивизія, въ половинѣ Іюля, была также выведена въ лагерь. Во все это время ничего со мною и полкомъ моимъ примѣчательнаго не случилось. Почитаю нужнымъ передать только нижеслѣдующія обстоятельства.

Войскамъ 1-й гренадерской дивизіи опредѣлено было тогда отпускать отъ казны по одной мясной порціи въ недѣлю, т. е. по $^1/_2$ фунта говядины на человѣка, кромѣ большихъ постовъ, что̀ и составитъ въ годъ около 20 фунтовъ на человѣка. Какъ полкъ мнѣ ввѣренный, въ теченіи осени и зимы, расположенъ былъ весьма просторно, въ Чухонскихъ селеніяхъ, то и не было надобности нижнимъ чинамъ производить для себя особую мясную варку: они довольствовались приваркомъ отъ хозяевъ, съ которыми жили ладно, отдавая имъ только вполнѣ провіантъ, ими отъ казны получаемый. Затѣмъ роты выбирали всю слѣдующую нижнимъ чинамъ за весь годъ мясную порцію при сборѣ полка для ученія и смотровъ, или особенно въ лагерѣ. Для покупки солдатамъ мясной порціи, утверждена была на 1819 годъ довольно высокая цѣна, по 10 р. 20 к. ассигн. за пудъ; съ наступленіемъ же времени для полковыхъ сборовъ, продажная цѣна говядины значительно подешевѣла, и я нашелъ возможность пріискать на поставку для нижнихъ чиновъ мяса такого подрядчика, который взялъ сію поставку, съ немалымъ пониженіемъ опредѣленной цѣны и съ выдачею безденежно нужнаго количества мяса для офицерскаго стола во время лагеря. Сбереженную такимъ образомъ сумму я предложилъ употребить на улучшеніе въ лагерное время солдатской пищи и для того, при вступленіи въ лагерь, купилъ для каждой роты по одной большой бочкѣ хорошей капусты съ достаточнымъ количествомъ овсяныхъ крупъ для приварка, съ тѣмъ, чтобъ вся отпускаемая отъ казны грѣшневая крупа оставалась на варку крутой каши, для которой я купилъ также на каждую роту по кадкѣ масла изъ той же остаточной суммы. Вмѣсто весьма не-

удобныхъ для варки казенныхъ мелкихъ котловъ наняты были мною большіе котлы, въ коихъ, на хорошо устроенныхъ кухняхъ, приготовляема была весьма обильная и вкусная для нижнихъ чиновъ пища. Начальникъ дивизіи и бригадный командиръ мой, посѣтившіе солдатскія кухни, объявили мнѣ лестную для меня благодарность за мое о нижнихъ чинахъ попеченіе; а солдаты, въ разныхъ доходившихъ до меня отзывахъ, высказывали много для меня пріятнаго. Однажды, послѣ повѣрки артельныхъ суммъ, выбранные отъ артелей счетчики разсказали прочимъ солдатамъ, что изъ артельныхъ денегъ не произведено при вступленіи въ лагерь никакихъ почти расходовъ и что все куплено отъ полка. У солдатъ было много о томъ толковъ. «Изъ какихъ же это суммъ», говорили они, «нашъ батюшка полководецъ такъ насъ кормитъ?» И, сравнивая настоящее свое положеніе съ тѣмъ бѣдственнымъ состояніемъ, въ которомъ они находились два года предъ тѣмъ, въ лагерѣ подъ Петергофомъ, такъ заключали: «дай Богъ здоровья отцу нашему Сергѣю Павловичу!» Вмѣстѣ съ такими распоряженіями о пищѣ солдатъ, я, побуждаемый бѣднымъ состояніемъ офицеровъ и затрудненіями, кои они встрѣчали въ приготовленіи для себя пищи въ лагерѣ, рѣшился устроить для офицеровъ общій столъ собственнымъ моимъ иждивеніемъ. Всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры ежедневно, въ теченіи 3-хъ недѣльнаго лагеря, сходились ко мнѣ на обѣдъ и ужинъ въ устроенный для того шатеръ, куда приходилъ я съ пріѣзжавшими ко мнѣ тогда родными и другими посѣтителями. Обѣдъ былъ не роскошный, но сытный и вкусный. Излишне было бы упоминать здѣсь, сколько всѣ офицеры были мнѣ за то благодарны. Такимъ образомъ, офицеры и нижніе чины, исполненные искренней ко мнѣ привязанности, соревновали между собою, во всякомъ случаѣ, показать мнѣ свое усердіе; потому и неудивительно, что большіе противъ другихъ полковъ успѣхи въ устройствѣ и образованіи ввѣренной мнѣ части войска обращали на меня благоволеніе начальства и высокое вниманіе Государя, которыхъ весьма лестныя свидѣтельства изъявлены мнѣ были на всѣхъ производившихся тогда смотрахъ и маневрахъ. При возвращеніи полка изъ лагеря, на привалѣ, близъ Краснаго Кабачка, совершенно для меня неожиданно приготовленъ былъ въ честь мою офицерами обѣдъ, на которомъ изъявленіямъ мнѣ ихъ преданности и благодарности не было предѣловъ, такъ что я до глубины души былъ ими тронутъ.

Съ возвращеніемъ полка на постоянныя квартиры въ Парголово и окрестныя селенія, послѣ нѣкотораго для нижнихъ чиновъ отдыха, пріисканы были мною весьма выгодныя для солдатъ вольныя работы на стеклянномъ заводѣ Френкеля, находившемся посреди самаго расположенія полка, гдѣ солдаты заняты были до глубокой осени; для нѣкоторыхъ же удаленныхъ оттуда ротъ найдены были другія также очень выгодныя работы. Такимъ образомъ, нижніе чины заработали себѣ, для приращенія своихъ артелей и на всѣ свои надобности, немалыя суммы, такъ что состояніе артельныхъ денегъ гренадерскаго наслѣднаго принца Прусскаго полка было гораздо

выше состоянія такихъ суммъ въ другихъ полкахъ 1-й гренадерской дивизіи.

1820-й годъ сопровождался такими же для меня благопріятными обстоятельствами, какъ и 1819 г. Представленіе полка въ разныхъ случаяхъ начальству и на смотръ Государю, какъ и бывшіе въ присутствіи Его Величества ученія и маневры имѣли послѣдствіемъ такія же, какъ и въ предшествовавшемъ году, для меня и для полка мнѣ ввѣреннаго благодарности; въ Ноябрѣ же 1820 года полкъ переведенъ былъ, для постояннаго квартированія, въ казармы, находящіяся близъ Таврическаго дворца, на мѣсто гренадерскаго графа Аракчеева полка, который выступилъ въ округъ своего поселенія, въ Новгородскую губернію. Въ томъ же Ноябрѣ произошло возмущеніе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, котораго весь составъ былъ уничтоженъ и распредѣленъ въ разные полки арміи, кромѣ музыкантовъ и нестроевыхъ, не принимавшихъ никакого участія въ возмущеніи. Я въ то время назначенъ былъ членомъ военно-судной коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова, надъ нижними чинами 1-го батальона того полка.

Командованіе лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ.

Въ Январѣ 1821-го года устроенъ былъ новый составъ Семеновскаго полка посредствомъ выбора офицеровъ и солдатъ изъ всѣхъ гренадерскихъ пѣхотныхъ и егерскихъ полковъ арміи. По высочайшему Государя Императора повелѣнію, присланному изъ Лайбаха, поручено мнѣ было устройство и командованіе лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ. Избраніе сіе послѣдовало по собственной волѣ Государя, тогда какъ отъ начальства и самого Великаго Князя Михаила Павловича были представлены для сего назначенія другія старшія меня лица. Это было на 31-мъ году моей жизни. Семь старшихъ меня въ чинѣ полковниковъ служили въ гвардіи баталіонными командирами, мѣсто же командира гвардейскаго полка считалось мѣстомъ генеральскимъ, и потому мое новое назначеніе было мнѣ весьма лестно. Семеновскій полкъ вмѣстѣ съ Преображенскимъ составлялъ 1-ю бригаду 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи. Бригаднымъ оной командиромъ, т. е. моимъ непосредственнымъ начальникомъ, былъ тогда Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Сформированіе новаго состава полка представляло, однакожъ, немалое затрудненіе; ибо въ то самое время, когда было приступлено къ обмундированію нижнихъ чиновъ, объявленъ былъ походъ Гвардейскому Корпусу къ Витебску. Корпусный командиръ рѣшился было оставить Семеновскій полкъ въ Петербургѣ до окончанія обмундированія и снаряженія; но когда я, сообразивъ представлявшіяся мнѣ средства и полагаясь на усердіе моихъ сотрудниковъ, батальонныхъ и ротныхъ командировъ, нашелъ возможность все потребное къ походу приготовить къ назначенному для выступленія войскъ сроку и пріѣхалъ доложить о томъ Великому Князю, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ и корпусному командиру, то они оба весьма довольны были такимъ извѣстіемъ; ибо

затруднялись донести Государю о томъ, что Семеновскій полкъ выступить въ походъ не можетъ.

На пути къ Витебску полкъ былъ остановленъ близъ станціи Сорокиной, гдѣ онъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ Государю Императору, на возвратномъ пути его въ Петербургъ изъ Лайбаха. Его Величество былъ состояніемъ полка весьма доволенъ, благодарилъ всѣхъ начальниковъ и пожаловалъ меня кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени.

Такая награда въ чинѣ полковника была тогда примѣромъ весьма рѣдкимъ.

Вскорѣ послѣ того Великій Князь Михаилъ Павловичъ отправился за границу. По прибытіи Гвардейскаго Корпуса къ Витебску Семеновскій полкъ расположенъ былъ на квартиры въ городѣ Невелѣ и окрестныхъ селеніяхъ. По вступленіи на квартиры, я, послѣ нѣкотораго для нижнихъ чиновъ отдыха, составилъ при полковомъ штабѣ учебную команду изъ небольшаго числа лучшихъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ при одномъ офицерѣ, для уравненія и усовершенствованія способа обученія нижнихъ чиновъ, подъ собственнымъ моимъ наблюденіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ прочіе унтеръ-офицеры и ефрейторы собраны были поротно для тщательнаго ихъ обученія, подъ руководствомъ самихъ ротныхъ командировъ.

Чрезъ нѣкоторое послѣ того время пріѣхалъ ко мнѣ изъ Витебска состоявшій при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, бригадный адъютантъ его, Николай Николаевичъ Анненковъ, который имѣлъ отъ Его Высочества порученіе по временамъ увѣдомлять его, что̀ въ полкахъ его бригады дѣлается. Я весьма мало былъ тогда знако̀мъ съ нимъ, но пригласилъ его у меня остановиться. Это было послѣ обѣда, и я провелъ съ нимъ наединѣ въ самой пріятной бесѣдѣ непримѣтно до трехъ часовъ по полуночи: такъ былъ любезенъ мой посѣтитель. На другой день утромъ я отправился съ нимъ къ разводу, и, по окончаніи онаго, мы осмотрѣли учебную команду, потомъ я показалъ ему весьма удобно помѣщенный и хорошо устроенный лазаретъ, а затѣмъ полковыя мастерскія, обозъ, лошадей и все полковое хозяйство. Послѣ обѣда мы поѣхали по ротамъ для осмотра обучающихся тамъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Такимъ образомъ истекъ весь тотъ день. Въ теченіи всѣхъ сихъ смотровъ Николай Николаевичъ насказалъ мнѣ много для меня пріятнаго и свои впечатлѣнія передалъ въ послѣдствіи въ письмѣ Великому Князю. На слѣдующій день мы вмѣстѣ поѣхали въ городъ Витебскъ, отстоящій отъ Невеля болѣе ста верстъ, и потому провели весь тотъ день въ одной коляскѣ, въ бесѣдѣ весьма для меня пріятной. Это свиданіе положило основаніе нашей тѣсной дружбѣ, которая возрастала отъ времени болѣе и болѣе, и я поныне горячо люблю его и уважаю.

Въ концѣ Іюля полкъ былъ приведенъ въ городъ Витебскъ для содержанія карауловъ, а въ началѣ Сентября всѣ войска Гвардейскаго Корпуса собраны были при мѣстечкѣ Бешенковичахъ, гдѣ въ присутствіи Государя произведенъ былъ общій смотръ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней были маневры, которыми Его Величество остался

весьма доволенъ. По окончаніи сихъ смотровъ, всѣми генералами, штабъ и оберъ-офицерами гвардіи данъ былъ Государю блистательный праздникъ къ большому удовольствію Его Величества.

Изъ мѣстечка Бѣшенковичей, войска Гвардейскаго Корпуса пошли на вновь назначенныя имъ квартиры въ Минской и Виленской губерніяхъ. Семеновскому полку назначено было квартировать въ городѣ Свенцянахъ и окрестныхъ селеніяхъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ Октября. Великій Князь Михаилъ Павловичъ находился еще за границею, откуда возвратился къ войскамъ къ 1-му Ноября и назначилъ себѣ квартиру въ городѣ Видзахъ, при лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Городъ Свенцяны отстоитъ отъ Видзовъ въ 44 верстахъ и былъ не болѣе, какъ дурное Жидовское мѣстечко, и потому помѣщеніе въ ономъ полковаго штаба было весьма неудобно, особенно же худо помѣщенъ былъ полковый лазаретъ, разбросанный въ 15-ти дурныхъ Жидовскихъ хатахъ. Изыскивая вмѣстѣ съ исправникомъ (который былъ также и городничій) способы къ лучшему помѣщенію лазарета, я увидѣлъ разрушенное большое деревянное зданіе, которое, какъ сказалъ мнѣ исправникъ, было назначено въ сломку, какъ негодное ни для какого употребленія и будетъ продаваться съ публичнаго торгу. «Не возможно ли было бы возстановить это зданіе для помѣщенія въ немъ полковаго лазарета?» спросилъ я моего полковаго квартермейстра Плесцова, человѣка очень умнаго. «Все дѣло рукъ человѣческихъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, и въ тотъ же день, по моему порученію, для перестройки и возстановленія сего зданія, составилъ онъ подробное предположеніе съ исчисленіемъ потребной суммы на покупку матеріаловъ и производство работъ нижними чинами. Въ слѣдующее же утро отправился я къ уѣздному предводителю дворянства графу Мостовскому, объяснилъ ему, сколь необходимо хорошее устройство лазарета, какъ для самой пользы службы, такъ и для того, чтобъ Великій Князь былъ помѣщеніемъ полка доволенъ, и показалъ предводителю составленное на возстановленіе разрушеннаго зданія предположеніе. Графъ Мостовскій былъ мнѣ очень за то благодаренъ. Желая угодить Великому Князю, онъ отправился немедленно въ Вильну и, переговоря съ губернаторомъ, возвратился ко мнѣ чрезъ два дня съ разрѣшеніемъ на перестройку зданія и съ требуемою мною суммою. Она была передана немедленно назначенному мною производителю работъ Плесцову, съ тѣмъ, чтобъ онъ расходовалъ ее не иначе, какъ съ разрѣшенія предводителя подъ моимъ руководствомъ и наблюденіемъ. Болѣе двухъ сотъ человѣкъ мастеровыхъ и другихъ нижнихъ чиновъ было собрано на работы; черезъ мѣсяцъ зданіе было готово, и въ такомъ видѣ, въ какомъ для его назначенія только желать было возможно. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, на пути изъ Варшавы въ Видзы, проѣзжая чрезъ Свенцяны, засталъ еще лазаретъ разбросаннымъ въ Жидовскихъ хатахъ, разрушенное же зданіе было еще въ перестройкѣ, и когда чрезъ три недѣли потомъ, прибывъ на полковой праздникъ, Его Высочество осмотрѣлъ лазаретъ, то былъ удивленъ и несказанно доволенъ новымъ помѣщеніемъ. Обновленное это зданіе было весьма удобно и

особенно для лазарета счастливо: больные пользовались въ немъ весьма успѣшно и почти всѣ очень скоро выздоравливали; въ теченіи болѣе трехъ мѣсяцевъ не было въ полку ни одного умершаго, что̀ начальствомъ приписано было искусству новаго полковаго штабъ-лекаря Гулькевича и моему попеченію; а я съ большею основательностію скажу, что все это такъ случилось по милости Божіей.

Вся осень 1821 года и слѣдующая затѣмъ зима употреблены были на обученіе нижнихъ чиновъ поодиночкѣ, и только съ Мая мѣсяца начались ученія поротно и потомъ побаталіонно.

Съ Ноября и до самаго лѣта 1822 года Великій Князь находился постоянно въ городѣ Видзахъ, кромѣ двухъ зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Петербургѣ. Во все время пребыванія Его Высочества въ городѣ Видзахъ, онъ пріѣзжалъ раза по два въ мѣсяцъ въ Свенцяны, смотрѣлъ обыкновенно разводъ, лазаретъ, полковое хозяйство и какую либо команду, останавливался на моей квартирѣ и проводилъ у меня около сутокъ; былъ обыкновенно всѣмъ, что̀ я представлялъ ему, весьма доволенъ и очень милостивъ ко мнѣ и моимъ подчиненнымъ. Я ѣздилъ по временамъ также въ Видзы поклониться моему начальнику, который принималъ меня привѣтливо и благосклонно, приглашалъ всегда обѣдать, призывалъ также для бесѣды и въ другое время дня. Въ Видзахъ находился тогда братъ мой, служившій въ Преображенскомъ полку баталіоннымъ командиромъ; тамъ были также два моихъ короткихъ пріятеля: командиръ Преображенскаго полка генералъ-маіоръ баронъ Пирхъ и тотъ Николай Николаевичъ Анненковъ, о которомъ выше мною было говорено; а потому поѣздки мои въ Видзы были для меня очень пріятны.

Во время квартированія моего въ Свенцянахъ я имѣлъ отъ служебныхъ занятій моихъ много свободнаго времени. Нужно ли упоминать, что я употреблялъ оное преимущественно на восполненіе политическаго моего образованія? Приготовленіе себя къ занятіямъ высшихъ государственныхъ должностей было въ часы досуга первою моею заботою; я имѣлъ хорошій запасъ книгъ, составлялъ изъ нихъ выписки и писалъ записки, которыя служили мнѣ въ послѣдствіи матеріалами для другихъ трудовъ моихъ; но я не отвергалъ также и пріятныхъ развлеченій: ко мнѣ собирались по временамъ для бесѣды мои добрые сослуживцы, съ которыми жилъ я какъ съ родными; у меня бывали иногда и новые знакомые, хорошіе окрестные помѣщики. Въ одной верстѣ отъ города Свенцянъ жила почтенная старушка графиня Мостовская, мать предводителя, урожденная графиня Платеръ. Въ ея умной, просвѣщенной бесѣдѣ и въ небольшомъ собиравшемся у нея пріятномъ обществѣ проводилъ я вечера съ удовольствіемъ. Офицеры жили въ пріязни съ помѣщиками, а солдаты весьма ладили съ домохозяевами своими и были взаимно одни другими очень довольны: сохраненіе порядка и дисциплины въ полку предупреждало всякое неустройство. На этихъ квартирахъ, въ теченіи восьмимѣсячнаго пребыванія тамъ полка, не произошло, по милости Божіей, ни одного непріятнаго для меня случая.

Въ концѣ Мая, всѣ войска Гвардейскаго Корпуса были собраны въ Вильнѣ, въ ожиданіи прибытія туда Государя. При выступленіи Семеновскаго полка изъ Свенцянъ, я оставилъ тамъ полковой лазаретъ съ находившимися въономъ больными при одномъ медикѣ, также нѣкоторыя тяжести, ненужныя при движеніи полка къ Вильнѣ, съ небольшимъ числомъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ при офицерѣ. Государь, на пути къ Вильнѣ, прибылъ въ Свенцяны на ночлегъ и въ тотъ же вечеръ отправился пѣшкомъ къ графинѣ Мостовской. Умная старушка насказала Государю большія похвалы о Семеновскомъ полку, о спокойномъ и для всѣхъ жителей пріятномъ его квартированіи; было доброе слово и обо мнѣ особенно, ибо она ко мнѣ очень благоволила. Все это было Его Величеству весьма пріятно; ибо, по пріѣздѣ въ Вильну, Государь весь разговоръ свой съ графинею передалъ Великому Князю, а тотъ разсказалъ его мнѣ. На другой день по прибытіи въ Свенцяны, въ Воскресенье Государь слушалъ обѣдню въ приготовленной для него походной церкви, потомъ осмотрѣлъ полковой лазаретъ и былъ имъ доволенъ. Начальникъ Главнаго Штаба князь Волконскій узналъ отъ предводителя дворянства графа Мостовскаго всю исторію возстановленнаго лазаретнаго зданія и пересказалъ ее Государю. Въ тотъ же день, т. е. въ Воскресенье, вечеромъ, въ ожиданіи пріѣзда Государя въ Вильну, всѣ генералы и полковые командиры Гвардейскаго Корпуса были собраны на квартиру Его Величества. Когда Государь вышелъ изъ коляски, то, проходя мимо насъ, подозвалъ меня и сказалъ: «Я видѣлъ полковой лазаретъ въ Свенцянахъ; все очень хорошо, а что̀ всего лучше, это то, что больные всѣ на ногахъ». На слѣдующій день я былъ приглашенъ къ Государю на обѣдъ, съ немногими избранными генералами. На произведенныхъ Государемъ подъ Вильною смотрахъ и маневрахъ Его Величество всѣми войсками былъ очень доволенъ и приказалъ имъ возвратиться въ Петербургъ. Семеновскій полкъ былъ направленъ чрезъ восточную часть Лифляндіи, Дерптъ и Нарву. Предъ вступленіемъ войскъ въ Петербургъ, полки 1-й гвардейской дивизіи были остановлены въ Петергофѣ, гдѣ было тогда пребываніе Государя по случаю предстоящаго праздника вдовствующей Императрицы Маріи Өеодоровны, 22-го Іюля.

Въ теченіи десятидневнаго нахожденія тамъ полковъ 1-й гвардейской дивизіи, они, по очереди, содержали караулы и дѣлали въ присутствіи Государя разводы. Семеновскій полкъ и въ семъ случаѣ обратилъ особенное вниманіе Государя. При первомъ разводѣ, мною представленномъ, мнѣ объявлена была весьма лестная благодарность Его Величества, и въ тотъ же день былъ я приглашенъ на обѣдъ къ Государю. Съ возвращеніемъ войскъ въ Петербургъ, данъ былъ солдатамъ отдыхъ до глубокой осени, а потому имѣлъ я тогда много досуга и старался употребить оный на усовершеніе политическаго моего образованія. Почтенный профессоръ Карлъ Өедоровичъ Германъ часто посѣщалъ меня и руководилъ моими занятіями. По его наставленіямъ, я много прочелъ для меня полезнаго, и самая бесѣда его, касавшаяся почти всегда политическихъ предметовъ, была для меня

назидательна. Меня навѣщалъ также и другой наставникъ мой Яковъ Васильевичъ Толмачевъ и по временамъ со мною занимался также съ немалою для меня пользою. Въ тоже время сблизился я съ нѣкорыми другими умными и просвѣщенными людьми, коихъ бесѣды были для меня пріятны и поучительны. Такимъ образомъ истекалъ и 1822 годъ, весьма для меня счастливо и полезно.

Не взирая на благодарности и похвалы, объявленныя мнѣ начальствомъ при всѣхъ почти представленіяхъ Семеновскаго полка на смотры и ученье, я видѣлъ ясно, что немалая часть нижнихъ чиновъ не доведены поодиночкѣ до того знанія своего дѣла во фрунтѣ, которое должны имѣть всѣ воинскіе чины въ полку благоустроенномъ, и особенно императорская гвардія. Всѣ парады и смотровыя ученья мы, такъ сказать, склеивали при немалыхъ усиліяхъ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что, при хорошемъ образованіи по фрунту всѣхъ безъ изъятія нижнихъ чиновъ поодиночкѣ, приготовленіе къ смотрамъ, ученьямъ и парадамъ требовало бы гораздо менѣе трудовъ, какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ. Дабы достигнуть такаго образованія всѣхъ нижнихъ чиновъ, я, повѣривъ личнымъ осмотромъ въ знаніи своего дѣла всѣхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, назначенныхъ для обученія прочихъ солдатъ, поручилъ ротнымъ командирамъ особенное приложить стараніе на доведеніе до твердаго знанія по фрунту своего дѣла всѣхъ солдатъ, которые бы оказались еще нѣсколько въ томъ слабы; баталіоннымъ же командирамъ поручилъ имѣть за исполненіемъ того бдительное наблюденіе. Слѣдующею весною я личнымъ осмотромъ убѣдился въ томъ, что время въ семъ отношеніи не было потеряно, слабыхъ по фронту солдатъ почти не было, приготовленіе разводовъ и смотровыхъ ученій не требовало уже усилій, и фронтовая часть была замѣтно гораздо лучше, нежели въ другихъ полкахъ гвардіи, въ коихъ на обученіе нижнихъ чиновъ поодиночкѣ не было обращено такаго вниманія.

Не менѣе почиталъ я нужнымъ приложить особенное попеченіе мое объ усовершенствованіи нравственнаго и умственнаго образованія нижнихъ чиновъ. Необходимая для такаго образованія грамотность такъ мало была распространена между нижними чинами гвардіи, что едва половина унтеръ-офицеровъ умѣла кое-какъ читать и писать, другіе же были совершенно безграмотны. Между прочими нижними чинами грамотныхъ почти не было, кромѣ тѣхъ, которые обучены были до поступленія ихъ въ службу. Почитая грамотность необходимою для познанія нижними чинами долга ихъ предъ Богомъ, Государемъ и ближнимъ, какъ и для исправнаго исполненія служебныхъ ихъ обязанностей, я предположилъ учредить въ каждой ротѣ классы для обученія чтенію и письму тѣхъ изъ солдатъ, которые, по способностямъ своимъ, предназначались къ поступленію со временемъ въ унтеръ-офицеры и ефрейторы. Кромѣ грамоты они должны были обучаться чистописанію, Ариѳметикѣ и нужнымъ для унтеръ-офицера познаніямъ гарнизонной и аванпостной службы, равно какъ содержанію оружія и другимъ полезнымъ для будущаго ихъ назна-

ченія свѣдѣніямъ. При самомъ обученіи чтенію по букварю, отъ Синода изданному, солдаты должны были изучить нужнѣйшія для нихъ молитвы, заповѣди Божіи и другое, преподанное въ ономъ, краткое ученіе христіанской вѣры, о которой безграмотные солдаты не имѣли никакаго почти понятія. Я ожидалъ, что посредствомъ такаго ученія нравственное состояніе солдатъ много придетъ къ лучшему, разсудокъ ихъ раскроется и сдѣлаетъ ихъ болѣе способными къ исполненію служебныхъ обязанностей. Для приведенія такаго предложенія моего въ дѣйствіе избраны были 48 человѣкъ наиболѣе способныхъ нижнихъ чиновъ и соединены въ особый классъ при полковой школѣ военныхъ кантонистовъ, для образованія ротныхъ учителей; и по мѣрѣ приготовленія сихъ людей для предназначенной имъ обязанности, открывалось ученіе въ ротахъ, и грамотность распространялась съ желаемымъ успѣхомъ. Кто бы могъ нынѣ повѣрить, что такое распоряженіе мое заслужило порицаніе нѣкоторыхъ лицъ начальственныхъ, которые говорили, что, раскрывая умственныя способности нижнихъ чиновъ, я развращаю солдата, который долженъ быть машиной; но непосредственный мой начальникъ и благодѣтель Великій Князь Михаилъ Павловичъ меня одобрялъ и отстаивалъ.

Хозяйственные способы полка, при сформированіи новаго состава онаго, были весьма слабы. Избирая для наполненія полка людей видныхъ, красивой наружности и хорошихъ по фронту, никто не озаботился о хозяйственныхъ способахъ полка, т. е. о доставленіи ему нужнаго числа хорошихъ портныхъ, сапожниковъ и другихъ нужныхъ мастеровыхъ, необходимыхъ для построенія и содержанія въ исправности одежды, обуви, снаряженій и вооруженія. Наиболѣе же нуждался полкъ въ хорошимъ портныхъ, такъ что при сформированіи новаго состава не было въ ономъ ни одного хорошаго закройщика, ни сноровщика мундировъ; да и самыхъ посредственныхъ и даже дурныхъ портныхъ было очень мало. Я объяснилъ этотъ недостатокъ моему начальнику и просилъ о назначеніи въ Семеновскій полкъ 20-ти хорошо обученныхъ портныхъ изъ находившейся тогда при Коммисаріатѣ швальной, что̀ и было исполнено. По возвращеніи въ 1822 году полка въ Петербургъ, я, для обученія портныхъ, составилъ полковую швальню, въ которой были обмундированы нижніе чины полковаго штаба и построены для каждой роты по нѣскольку образцовыхъ мундировъ. Послѣ сего, устроивъ при полковомъ штабѣ только закройню, я распредѣлилъ портныхъ поротно и предоставилъ ротнымъ командирамъ производить построеніе всѣхъ мундирныхъ вещей поротно, увѣренъ будучи, что ротные командиры будутъ имѣть лучшую возможность найти способныхъ для сего мастерства людей и образовать ихъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели бы то возможно было исполнить въ полковой швальнѣ. Каждый воскресный день построенные мундиры представляемы были ко мнѣ на смотръ, и я съ удовольствіемъ видѣлъ, что обмундированіе нижнихъ чиновъ и обученіе портныхъ въ ротахъ шло весьма успѣшно, такъ что въ теченіи года полкъ не нуждался уже въ хо-

рошихъ портныхъ; потомъ число ихъ время отъ времени умножилось, а искусство приходило къ лучшему совершенству.

Не менѣе почти того нуждался полкъ и въ хорошихъ сапожникахъ, такъ что, во время движенія полка, встрѣчалось немалое затрудненіе къ содержанію обуви нижнихъ чиновъ въ исправности. Съ возвращеніемъ полка въ Петербургъ я выбралъ нѣсколько лучшихъ и способнѣйшихъ въ полку сапожниковъ и отдалъ ихъ для усовершенствованія извѣстному тогда въ Петербургѣ сапожнику Карпову, который шилъ сапоги на Великаго Князя Михаила Павловича. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ они сдѣлали въ мастерствѣ своемъ большіе успѣхи и могли быть съ пользою употреблены для обученія сапожному мастерству другихъ нижнихъ чиновъ, и къ тому еще взялъ я отъ Карпова хорошаго подмастерья. Посредствомъ обученныхъ такимъ образомъ людей я учредилъ школу сапожнаго мастерства, въ которую помѣщены были по нѣскольку съ каждой роты способнѣйшихъ солдатъ, для образованія изъ нихъ хорошихъ сапожниковъ. Такимъ порядкомъ, въ непродолжительномъ времени, обучены были для каждой роты хорошіе мастера, которые обучали своему дѣлу и другихъ нижнихъ чиновъ, и сапожное мастерство въ полку распространилось и усовершенствовалось.

Для обученія солдатъ плотничному, столярному, кузнечному, слесарному и другимъ мастерствамъ, нужнымъ для содержанія въ исправности полковаго обоза, исправленія оружія и построенія амуничныхъ вещей, я учредилъ при полковомъ штабѣ преподаваніе симъ мастерствамъ, которое шло съ большимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ полкъ получилъ способы не только содержать въ исправности въ теченіи похода обозъ свой, но, въ случаѣ большихъ поврежденій, и перестроить оный заново, солдаты же пріобрѣтали такія знанія, которыя доставляли имъ возможность заработывать въ свободное время хорошія деньги и обезпечивали имъ безбѣдное существованіе, по окончаніи службы, въ быту гражданскомъ. По приведеніи въ исполненіе такихъ моихъ распоряженій, я отдалъ по полку приказъ, которымъ поставилъ правиломъ, что каждый изъ нижнихъ чиновъ во время службы своей, кромѣ основательнаго знанія служебныхъ своихъ обязанностей, долженъ быть обученъ или грамотѣ или портному, сапожному, либо какому другому мастерству, для войска полезному, и опредѣлилъ, сколько въ каждой ротѣ должно быть назначено нижнихъ чиновъ для обученія ихъ такимъ знаніямъ. Распредѣленіе нижнихъ чиновъ для такого обученія поручилъ я ротнымъ командирамъ и приказалъ имъ представить мнѣ о томъ именные списки; на будущее же время я предписалъ, чтобы всѣ поступающіе въ полкъ солдаты изъ арміи или изъ рекрутъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ были исключительно обучаемы фронтовой службѣ, а по истеченіи оныхъ, они должны быть представляемы ко мнѣ на испытаніе въ одиночномъ обученіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ротный командиръ обязанъ былъ представлять на мое утвержденіе росписаніе о томъ, кто изъ сихъ людей назначенъ для обученія грамотѣ или какому либо мастерству.

Всѣ вышепоказанныя распоряженія мои къ образованію нижнихъ чиновъ сдѣлались извѣстными командирамъ и другихъ полковъ Гвардейскаго Корпуса, но показанный мной примѣръ не имѣлъ послѣдователей, потому, думаю я, что исполненіе такихъ распоряженій требовало нѣкоторыхъ издержекъ, труда и попеченій, а безъ такихъ мѣропріятій начальники не имѣли тѣхъ способовъ къ фронтовому и хозяйственному устройству своихъ полковъ, какіе существовали въ Семеновскомъ полку. Распространеніе грамотности между нижними чинами, раскрывая ихъ разсудокъ, дѣлало ихъ болѣе смышлеными и способными къ исполненію всякаго рода обязанностей; большее число мастеровыхъ доставляло возможность скорѣе и лучше производить постройку всѣхъ мундирныхъ и амуничныхъ вещей. При маломъ числѣ портныхъ въ другихъ полкахъ гвардейской пѣхоты, швальня продолжалась большую часть года, и портные выходили оттуда на парады и смотры весьма дурными по фрунту солдатами; въ Семеновскомъ же полку, при большомъ числѣ портныхъ, обмундированіе всѣхъ нижнихъ чиновъ полка продолжалось шесть или восемь недѣль, послѣ чего портные обучались фрунтовой службѣ и не переставали быть хорошими фрунтовыми солдатами.—Тоже было и съ прочими мастеровыми. Обученіе солдатъ разнымъ мастерствамъ имѣло и для нихъ весьма полезныя послѣдствія.

Нижніе чины Гвардейскаго Корпуса, получая весьма скудное отъ казны содержаніе, поставлены были въ необходимость пріобрѣтать вольными работами деньги, нужныя имъ для приварка, для покупки клею, мыла, мѣлу и многихъ другихъ необходимыхъ въ быту солдатскомъ потребностей. Для пріобрѣтенія сихъ денегъ, солдаты обыкновенно послѣ лагеря отпускались на вольныя работы и по незнанію большей части изъ нихъ какого либо мастерства, они добывали эти деньги весьма грубыми тяжкими работами: ломали на дрова барки, очищали въ частныхъ домахъ мусоръ, разбивали на шоссе булыжникъ и проч. Какъ въ Семеновскомъ полку почти всякій солдатъ зналъ какое либо мастерство, то въ свободное отъ службы время въ теченіи всего года онъ имѣлъ возможность заработывать себѣ хорошія деньги; многіе портные и сапожники брали себѣ работу у купцовъ толкучаго рынка. Одинъ ротный командиръ доставилъ портнымъ своей роты обмундированіе кадетъ Павловскаго корпуса, которое до того производилось вольными мастеровыми. 60-тъ человѣкъ солдатъ исполнили эту работу превосходно, къ большому удовольствію начальника корпуса, и заработали себѣ хорошія деньги. Портные другой роты приняли на себя обмундировать полицейскую команду Московской части и получили также хорошія выгоды. Плотники и столяры, подъ руководствомъ полковаго столярнаго мастера, въ одномъ строющемся частномъ домѣ близъ полковыхъ казармъ, взяли на себя работу половъ, дверей, оконъ и другія плотничныя и столярныя работы, которыми заняты были долгое время и пріобрѣли хорошіе заработки. Такъ было и со всѣми другими солдатами, знающими какое либо мастерство. Люди, учившіеся только грамотѣ и не знавшіе никакого мастерства, принимали на себя ис-

полненіе домашнихъ должностей за другихъ, находящихся на работахъ, своихъ товарищей и получали изъ выработанныхъ денегъ справедливое участіе. Обыкновенно при большихъ заработкахъ отчислялись извѣстные проценты на вознагражденіе людей, остававшихся въ ротѣ для службы. Такимъ образомъ, со введеніемъ вышеозначеннаго порядка, никто изъ нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка не нуждался въ деньгахъ; трудившіеся же солдаты усовершали себя въ своихъ мастерствахъ и обезпечивали въ будущемъ свое благосостояніе.

Въ 1824 г. произошла перемѣна въ составѣ пѣхоты Гвардейскаго Корпуса: оба Великіе Князя назначены были начальниками дивизій, Михаилъ Павловичъ 1-й, Николай Павловичъ 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій. Лейбъ-гвардіи Преображенскій и Московскій полки вошли въ составъ 1-й бригады, Семеновскій же полкъ, какъ и лейбъ-гренадерскій и Морской гвардейскій экипажъ, составили 2-ю бригаду 1-й гвардейской дивизіи. Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и Павловскій поступили въ 1-ю бригаду, лейбъ-гвардіи Егерскій и Финляндскій полки, какъ и лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, во 2-ю бригаду 2-й дивизіи. При такомъ составѣ не было назначено бригаднаго командира во 2-ю бригаду 1-й дивизіи; но мнѣ, какъ старшему изъ полковыхъ командировъ, поручено было командованіе сей бригадою, и потому я остался по прежнему подъ непосредственнымъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, котораго милостивое ко мнѣ расположеніе время отъ времени возрастало. Однажды Великій Князь Николай Павловичъ пригласилъ меня къ себѣ въ Аничковскій дворецъ и, введя въ свой кабинетъ, сказалъ: «Я не только всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вижу Семеновскій полкъ на разводахъ, смотрахъ и парадахъ, но любуюсь всякимъ солдатомъ, котораго встрѣчаю на улицѣ. Хорошее фрунтовое образованіе нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка рѣзко отличается отъ всѣхъ войскъ гвардіи. Мнѣ случается иногда увидѣть солдата издали на такомъ разстояніи, что я не могу еще различить его мундира; но если это Семеновскій солдатъ, я узнаю его по его ловкой походкѣ и прекрасной пригонкѣ амуниціи. Я имѣю, Сергѣй Павловичъ, къ вамъ просьбу: возьмите къ себѣ для обученія отъ каждаго полка моей дивизіи по нѣскольку лучшихъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ при одномъ офицерѣ, поручите кому либо подъ вашимъ наблюденіемъ передать имъ способъ обученія нижнихъ чиновъ, введенный въ Семеновскомъ полку, какъ и пригонку амуниціи. Вы меня тѣмъ одолжите. Я говорилъ уже о томъ съ Михаиломъ Павловичемъ, онъ согласенъ». Я отвѣчалъ, что почту себя счастливымъ имѣть случай сдѣлать въ чемъ либо угодное его высочеству. Выйдя отъ него, я отправился прямо доложить о семъ Великому Князю Михаилу Павловичу, который, бывъ уже предупрежденъ своимъ братомъ, сказалъ мнѣ, что такое мнѣ порученіе Великаго Князя Николая Павловича собственно для него очень пріятно. Назначенныя команды, т. е. офицеръ, унтеръ-офицеръ и ефрейторъ отъ полковъ 2-й гвардейской дивизіи явились ко мнѣ на слѣдующее же утро; имъ были показаны назначенными для того отъ меня офицерами Семеновскаго полка

введенный въ ономъ способъ фронтоваго обученія нижнихъ чиновъ и пригонка амуниціи, или, правильнѣе сказать, они основательно были тому обучены, ибо большая часть изъ нихъ были въ фрунтовомъ образованіи довольно слабы. Когда я призналъ ихъ достаточно это дѣло знающими, то Великій Князь Николай Павловичъ, по докладу моему, сдѣлалъ имъ смотръ, былъ весьма ими доволенъ, очень благодарилъ меня и распустилъ ихъ въ полки.

Въ 1823 году всѣ подпрапорщики войскъ Гвардейскаго Корпуса соединены были, для обученія ихъ военнымъ и другимъ нужнымъ имъ наукамъ, въ одно вновь устроенное учебное заведеніе подъ наименованіемъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и поручены попеченію Великаго Князя Николая Павловича. По невозможности за тѣснотою зданія устроить въ сей школѣ лазаретъ для заболѣвающихъ подпрапорщиковъ, Его Высочество пожелалъ, чтобы на сей предметъ устроено было отдѣленіе въ госпиталѣ Семеновскаго полка. По воспослѣдованіи на то высочайшаго соизволенія, дано было отъ военнаго министра приказаніе коммисаріатскому департаменту, отъ котораго хозяйственное устройство и содержаніе госпиталя зависѣло; но сдѣланное отъ Коммисаріата распоряженіе и назначенныя для подпрапорщиковъ госпитальныя вещи весьма не понравились Великому Князю, который просилъ меня принять на себя устройство назначенныхъ для того палатъ и снабженіе оныхъ всѣми вещами, на что генералъ-кригсъ-коммисаръ охотно согласился. Получивъ отъ Коммисаріата опредѣленную на то сумму, я, при хозяйственныхъ моихъ способахъ, нашелъ возможность устроить гошпитальное отдѣленіе и снабдить его вещами гораздо въ лучшемъ видѣ, нежели то предполагалось устроить отъ Коммисаріата. Великій Князь, осмотрѣвъ устроенныя мною для подпрапорщиковъ палаты, вещи и всѣ принадлежности, былъ всѣмъ отмѣнно доволенъ и много благодарилъ меня.

Нѣкоторые другіе подобные вышепоказаннымъ случаи, о которыхъ упоминать здѣсь было бы излишнимъ, доставили мнѣ возможность сдѣлаться близко извѣстнымъ Великому Князю Николаю Павловичу, который при многихъ случаяхъ изъявлялъ мнѣ свое благорасположеніе и милостивое вниманіе. Однажды онъ выразилъ мнѣ его очень явно: на бывшемъ у Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны небольшомъ балѣ Великій Князь подошелъ ко мнѣ и, послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ, отвелъ меня и, посадивъ возлѣ себя въ сторонѣ отъ танцующихъ, завелъ со мною разговоръ о курсѣ наукъ, введенныхъ имъ въ Школѣ Подпрапорщиковъ; потомъ, изъявляя сожалѣніе, что большая часть молодыхъ людей туда поступившихъ, весьма слабо воспитаніемъ приготовлены, присовокупилъ, что подпрапорщики Семеновскаго полка по экзамену оказались лучшими, сѣли на первую лавку и что почти всѣ они отличные молодые люди. Разговоръ коснулся за тѣмъ воспитанія домашняго и общественнаго образованія юношества. Я не остановился высказать Великому Князю многія такія мои убѣжденія, которыя не были согласны съ его мыслями; онъ выслушалъ мои доводы, спокойно обсуждалъ оные и на-

конецъ почти во всемъ со мною соглашался. Довольно продолжительный и оживленный разговоръ нашъ обратилъ на себя вниманіе присутствующихъ на балѣ и вѣроятно еще долго бы продолжался, если бы молодая принцесса Виртембергская, отъ имени Императрицы, не пригласила Великаго Князя принять участіе въ танцахъ. Впослѣдствіи я слышалъ отъ пріятеля моего, адъютанта Его Высочества, барона Делингсгаузена, что разговоръ со мною произвелъ на Великаго Князя весьма выгодное для меня впечатлѣніе.

Въ 1823-мъ году, вмѣсто генералъ-маіора Желтухина, начальникомъ штаба Гвардейскаго Корпуса назначенъ былъ генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Нейгардтъ, человѣкъ умный и образованный. Какъ начальникъ штаба имѣетъ нерѣдко надобность въ личныхъ объясненіяхъ съ полковыми командирами, и какъ взаимно полковые командиры во многихъ случаяхъ должны просить содѣйствія начальника штаба, къ разрѣшенію сдѣланныхъ ими по начальству представленій и для того съ подробностію изустно объяснять ему такія обстоятельства, которыя включать въ письменныя представленія было бы неудобно, то имѣлъ я возможность вскорѣ сблизиться съ Александромъ Ивановичемъ и, по нѣкоторымъ его обо мнѣ отзывамъ и многимъ случаямъ, я могъ видѣть его хорошее ко мнѣ расположеніе. Съ моей стороны, я старался также быть ему пріятнымъ; потому, по просьбѣ его, я представилъ къ переводу изъ арміи въ Семеновскій полкъ родныхъ братьевъ его жены, князей Черкаскихъ, извѣстныхъ уже мнѣ и прежде за весьма хорошихъ офицеровъ. Въ удостовѣреніе его въ готовности моей сдѣлать ему пріятное, встрѣчались и другіе случаи. Одинъ фурштатскій баталіонъ долгое время не могъ быть сданъ на законномъ основаніи вновь назначенному начальнику по причинѣ споровъ, возникшихъ между сдающимъ и принимающимъ. Вновь назначенный начальникъ находилъ многія неисправности и на приведеніе оныхъ въ должный порядокъ требовалъ немаловажную сумму; сдающій оспаривалъ правильность сихъ требованій и не соглашался на удовлетвореніе оныхъ. Такія затрудненія безпокоили Александра Ивановича, и онъ намѣренъ уже былъ назначить по сему дѣлу слѣдствіе, но счелъ, однакожъ, за лучшее просить меня быть посредникомъ между сими штабъ-офицерами. Принявъ это предложеніе съ готовностію, я вошелъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ спора, и въ одинъ вечеръ привелъ принимающаго и сдающаго къ полному соглашенію, о чемъ въ присутствіи моемъ составленъ былъ актъ и подписанъ ими съ моимъ засвидѣтельствованіемъ. А. И. Нейгардтъ былъ весьма доволенъ такимъ скорымъ окончаніемъ дѣла и очень благодарилъ меня. О прочихъ, менѣе важныхъ случаяхъ упоминать здѣсь было бы излишне.

Однажды Нейгардтъ пригласилъ меня присутствовать при смотрѣ имъ назначенномъ всему гвардейскому фурштату. По окончаніи сего смотра онъ пожелалъ узнать мои о состояніи того фурштата замѣчанія и какъ погода сдѣлалась ненастною, то мы вошли въ близъ лежащую комнату, гдѣ и завязался между нами продолжительный разговоръ. Нейгардтъ не только согласился съ моими замѣчаніями о

состояніи гвардейскаго фурштата и о необходимыхъ, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, въ составѣ онаго измѣненіяхъ; но это вызвало меня высказать ему мои убѣжденія о способахъ продовольствія арміи въ военное время, о подвижныхъ магазейнахъ, подвижныхъ госпиталяхъ и устройствѣ другихъ способовъ подвоза войскамъ провіанта и прочихъ вещей къ сему потребныхъ. Высказанныя мною идеи пріобрѣтены были мною большею частію чтеніемъ многихъ по сей части иностранныхъ книгъ и особенно Нѣмецкихъ, какъ и бесѣдою съ людьми опытными; собственно моего было немного, я старался какъ умѣлъ въ мысляхъ моихъ приложить все читанное или слышанное мною къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ. Но все сказанное мною очень понравилось Нейгардту, и въ заключеніе разговора нашего онъ мнѣ сказалъ: «Вы имѣете, Сергѣй Павловичъ, такія военныя административныя способности и познанія, что я весьма бы желалъ, чтобы вы нѣкогда поставлены были на мѣсто военнаго министра». Я благодарилъ его за его привѣтствіе, и затѣмъ мы разстались.

Въ тоже почти время, начальникомъ Главнаго Штаба Государя Императора, вмѣсто князя Волконскаго, назначенъ былъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ, человѣкъ добродушный, даровитый и военными своими доблестями весьма извѣстный. Онъ зналъ меня еще молодымъ офицеромъ и даже прежде вступленія моего въ военную службу. При первомъ моемъ къ нему представленіи, онъ показалъ, что давно меня знаетъ и помнитъ и пожелалъ, чтобы я по временамъ навѣщалъ его. Время отъ времени онъ показывалъ ко мнѣ болѣе благорасположенія, которымъ, полагаю, обязанъ я былъ переданному ему отъ Нейгардта выгодному обо мнѣ мнѣнію. Съ 1824 года Дибичъ началъ давать мнѣ нѣкоторыя порученія и, съ высочайшаго соизволенія, назначилъ меня членомъ нѣсколькихъ комитетовъ, учрежденныхъ для устройства разныхъ отраслей военнаго управленія. Засѣданія въ сихъ комитетахъ давали мнѣ много дѣла, ибо въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не только излагалъ я мои мнѣнія и представленія, но принужденъ былъ самъ писать вчернѣ протоколы или журналы засѣданій.

Между тѣмъ исполненіе фрунтовыхъ моихъ обязанностей не ослабѣвало, и Семеновскій полкъ представляемъ былъ на разводы, смотры и ученія въ такомъ порядкѣ, который обращалъ на него вниманіе Императора Александра Павловича. Какъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ получалъ отъ Его Величества наиболѣе благодарностей за Семеновскій полкъ, то и былъ онъ къ нему особенно благосклоненъ, и милостивое его ко мнѣ расположеніе время отъ времени утверждалось и выражалось нерѣдко весьма лестнымъ для меня образомъ. Однажды Великій Князь пріѣхалъ въ Михайловскій экзерцизъгаузъ на приготовленное для развода ученіе 2-го баталіона Семеновскаго полка, въ особенно хорошемъ расположеніи духа и выражалъ многократно во время ученія удовольствіе свое возгласами: «хорошо, очень хорошо, прекрасно, спасибо ребята», и, обратясь ко мнѣ, говорилъ: «Они собаку съѣли, превосходно! Сергѣй Павловичъ, вамъ книги въ руки». Онъ былъ также привѣтливъ къ баталіонному командиру полковнику Веселовскому и офицерамъ. Особен-

но пришелъ онъ въ восторгъ при церемоніальномъ маршѣ и по окончаніи, изливъ мнѣ благодарность свою, сказалъ громогласно: «aimable, incomparable, inimitable» [1]. Это привѣтствіе въ послѣдствіи повторялъ Великій Князь при всякомъ случаѣ, когда былъ мною доволенъ, даже и тогда, когда я уже и не служилъ подъ его начальствомъ, такъ что оно сдѣлалось извѣстнымъ не только по всему Гвардейскому Корпусу, но дошло до Государя и даже до Императрицъ. Въ послѣдній разъ произнесъ онъ это изрѣченіе въ пріѣздъ его въ Москву въ 1849-мъ году, обращаясь ко мнѣ на балѣ у князя Сергія Михайловича Голицына. Какъ весьма неловкій придворный человѣкъ, я не умѣлъ снискать благорасположенія Великаго Князя шутками или другими личными угожденіями; онъ цѣнилъ меня потому, что часть мнѣ ввѣренная всегда была въ исправности и въ порядкѣ и обращала на него похвалы и благодарности Государя; наиболѣе же онъ полюбилъ меня потому, что самъ былъ человѣкъ благородный и добродушный и что ему нравились мой образъ мыслей и мои правила.

Съ 1823 года и потомъ въ 1824 году, я видѣлъ уже многіе знаки благоволенія ко мнѣ Государя Александра Павловича въ разныхъ случаяхъ и особенно при всякомъ представленіи ему какой-либо части Семеновскаго полка, что̀ бывало нерѣдко. Въ 1825 году Императоръ выражалъ милостивое свое ко мнѣ вниманіе еще болѣе явнымъ образомъ. Я приписывалъ это одобрительнымъ обо мнѣ отзывамъ благодѣтеля моего Великаго Князя и, можетъ быть, еще болѣе начальника главнаго штаба Дибича, какъ человѣка, пользовавшагося тогда особеннымъ довѣріемъ Государя. На послѣднемъ (бывшемъ въ томъ году подъ Краснымъ Селомъ) маневрѣ, проѣзжая между колонами, въ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи, Государь громогласно сказалъ: «Господину полковнику Шипову мое почтеніе». Въ теченіи маневра я былъ назначенъ командовать особымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ шести баталіоновъ съ артилеріею. Я дѣйствовалъ согласно съ представлявшимися мнѣ обстоятельствами и, кажется, не сдѣлалъ ничего ни особенно хорошаго, ни дурнаго; но Государь, смотрѣвшій съ высоты на дѣйствіе моего отряда, какъ сказывали мнѣ окружавшіе Его Величество, былъ моими распоряженіями весьма доволенъ, неоднажды похвалялъ оныя и, съ прекращеніемъ маневровъ, прислалъ благодарить меня. Черезъ нѣсколько дней потомъ, я произведенъ былъ въ генералъ-маіоры 22 Іюля 1825 года. Когда генеральское обмундированіе мое было готово, я, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, явился благодарить Государя за пожалованный мнѣ чинъ. Это былъ послѣдній случай, при которомъ я имѣлъ счастіе видѣть очаровательное лицо Государя и слушать привѣтливую рѣчь его. Вскорѣ онъ отправился въ Таганрогъ, гдѣ и кончилъ жизнь, къ неописанной горести вѣрныхъ его подданныхъ.

---

[1]) Мило, несравненно, неподражаемо.

Вступленіе на престолъ императора Николая Павловича.

О вступленіи на престолъ императора Николая Павловича изданъ былъ манифестъ, и принесеніе ему присяги въ С.-Петербургѣ назначено было 14 Декабря. Всѣ генералы и полковые командиры Гвардейскаго Корпуса рано утромъ собраны были въ Главномъ Штабѣ, принесли тамъ присягу и отправились къ своимъ мѣстамъ для приведенія къ присягѣ войскъ, имъ подвѣдомственныхъ. Я собралъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ Семеновскаго полка, прочелъ имъ манифестъ и другія полученныя мною бумаги, объяснилъ всѣ обстоятельства отреченія отъ престола Константина Павловича и вступленіе новаго Императора, потомъ приказалъ вывести на площадь предъ полковою церковью два батальона, находившіеся въ С.-Петербургѣ, прочелъ манифестъ и сказалъ краткую рѣчь для объясненія нижнимъ чинамъ нужныхъ для нихъ обстоятельствъ, послѣ чего произнесена была всѣми присяга съ крестнымъ цѣлованіемъ. О приведеніи къ присягѣ загороднаго батальона послано было мною къ батальонному командиру предписаніе съ особо назначеннымъ для того офицеромъ. Какъ подъ начальствомъ моимъ, по случаю командованія мною второю бригадою первой гвардейской дивизіи, находился еще лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ и гвардейскій Морской Экипажъ, то я и отправился въ тотъ полкъ. Два находившіеся въ С.-Петербургѣ батальона выстроены были въ колонахъ на офицерскомъ дворѣ; но командиръ полка, полковникъ Стюрлеръ, не рѣшался привесть ихъ къ присягѣ до моего прибытія. Я вызвалъ сначала впередъ офицеровъ, объяснилъ имъ все, что̀ по обстоятельствамъ было потребно; потомъ обратился къ солдатамъ, прочелъ манифестъ, и присяга принесена была всѣми въ должномъ порядкѣ. Распустивъ полкъ по казармамъ, я отправился въ гвардейскій экипажъ, квартировавшій въ немаломъ оттуда разстояніи, въ казармахъ онаго, въ Большой Коломнѣ. Командиръ экипажа, капитанъ 1-го ранга Качаловъ встрѣтилъ меня объявленіемъ, что хотя экипажъ давно уже выведенъ въ строй, но что офицеры отказались отъ произнесенія присяги. Я велѣлъ нижнимъ чинамъ составить ружья, призвалъ къ себѣ офицеровъ, объяснилъ имъ всѣ обстоятельства отреченія отъ престола Константина Павловича и вступленія новаго Императора, но услышалъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ такія возраженія, которыя заставили меня понять, что тутъ существуетъ какой либо преднамѣренный замыселъ. Я счелъ за лучшее въ такихъ обстоятельствахъ убѣдить сначала нѣкоторыхъ старшихъ офицеровъ и потому взялъ ротныхъ командировъ въ особую комнату, объяснилъ имъ подробно всѣ обстоятельства такъ, что въ правильности вступленія на престолъ Николая Павловича и принесенія ему присяги не могло быть никакого сомнѣнія; затѣмъ показалъ имъ, какое тяжкое они навлекаютъ на себя обвиненіе, противясь принятію присяги и какія отъ того могутъ быть бѣдственныя для нихъ послѣдствія. Но я истощалъ краснорѣчіе мое напрасно: они остались непреклонны. Тогда я объявилъ имъ, что они

арестованы, и приказалъ командиру экипажа назначить вмѣсто ихъ другихъ ротныхъ командировъ. Въ это время услышалъ я на дворѣ крикъ «ура!» и вбѣжавшій въ комнату адъютантъ экипажа объявилъ, что весь экипажъ съ нѣкоторыми офицерами выбѣжалъ со двора, увлекаемый находившимся тамъ флотскимъ капитаномъ Николаемъ Бестужевымъ [1]). При первомъ объявленіи мнѣ командиромъ экипажа объ отказѣ офицеровъ принесть присягу и объясненіи мнѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, я понялъ, что между офицерами экипажа существуетъ заговоръ; потому тотчасъ послалъ адъютанта моего, поручика Раевскаго, привесть ко мнѣ какъ можно скорѣе 1-й баталіонъ Семеновскаго полка. Но, къ несчастію, требуемый мною баталіонъ не могъ прибыть благовременно.

Выѣхавъ изъ казармъ экипажа, встрѣтилъ я моего адъютанта, который сказалъ мнѣ, что баталіонъ выступилъ уже, но что Великій Князь Михаилъ Павловичъ остановилъ его и, присоединивъ къ нему 2-й батальонъ, повелъ полкъ на Петровскую площадь, гдѣ собираются мятежники. Поэтому я соединился съ полкомъ и вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ туда же послѣдовалъ. По прибытіи на сію площадь я увидѣлъ, что экипажъ находится уже тамъ въ толпѣ мятежниковъ, которая составилась (какъ въ послѣдствіи оказалось) изъ 7-ми ротъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка и 5-ти ротъ лейбъ-гвардіи Московскаго и окружала монументъ Петра І-го. Я поставленъ былъ съ Семеновскимъ полкомъ противу сей толпы, возлѣ конногвардейскаго манежа съ двумя орудіями артилеріи; съ другой стороны находился уже 1-й баталіонъ Преображенскаго полка и конная гвардія, а потомъ пришли сюда и другія войска Гвардейскаго Корпуса. Увѣщанія посланныхъ къ мятежникамъ разныхъ лицъ, даже самого военнаго губернатора графа Милорадовича, не имѣли никакого успѣха; попытка атаки, произведенная конною гвардіею, дабы разсѣять мятежниковъ, была также безуспѣшна. Наконецъ, нѣсколько выстрѣловъ картечью, произведенныхъ по совѣту Илларіона Васильевича Васильчикова, внезапно очистили площадь отъ мятежниковъ, и бунтъ прекратился. Войска оставались, однакожъ, во всю ночь на бивакахъ. Утромъ Государь, объѣхавъ всѣ полки распустилъ ихъ по казармамъ. Всѣ означенныя событія, какъ и полученныя уже передъ тѣмъ Государемъ

---

[1]) Въ Донесеніи Слѣдственной Коммисіи о дѣйствіяхъ моихъ въ гвардейскомъ экипажѣ 14 Декабря 1825 года сказано слѣдующее: «Когда пріѣхалъ бригадный начальникъ генералъ-маіоръ Шиповъ, то матросы, уже вовлеченные въ обманъ своими офицерами, не согласились присягать; онъ арестовалъ ротныхъ командировъ, но Николай Бестужевъ уговорилъ Бѣляевыхъ, Бодиско Дивова, Шпейера освободить ихъ. Въ сію минуту раздался голосъ: «Ребята, слышите-ли стрѣльбу? Нашихъ бьютъ!» и экипажъ побѣжалъ со двора, не смотря на усилія капитана 1-го ранга Качалова, который хотѣлъ матросовъ удержать въ воротахъ. Мнѣ неизвѣстно, на какихъ данныхъ основала Слѣдственная Коммисія свое по сему предмету изложеніе; вѣрно то, что все происходило такъ, какъ здѣсь въ запискѣ моей показано.

многія свѣдѣнія, обнаружили существованіе тайнаго общества и составленныхъ имъ заговоровъ.

Я упомянулъ уже, что нѣкоторые молодые люди составили въ 1816 году тайное общество съ благонамѣренною, по видимому, цѣлію и вовлекли туда немало людей даровитыхъ, большею частію офицеровъ гвардіи, что существованіе сего общества сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ новому корпусному командиру Иларіону Васильевичу Васильчикову, который въ 1817 году представилъ Государю основательную о существованіи сего общества записку, но что записка эта осталась безъ послѣдствій. Вскорѣ послѣ того Иларіонъ Васильевичъ представилъ Государю дополнительныя о семъ обществѣ свѣдѣнія съ именами членовъ въ оное вступившихъ, даже о начертанномъ ими уставѣ общества и цѣли въ немъ выраженной; но Государь не согласился на преслѣдованіе онаго, произнеся при семъ слѣдующія слова: «Il ne faut pas donner de coups d'épée dans l'eau» [1]). Васильчиковъ не оставлялъ однакожъ тщательнаго надъ тѣмъ обществомъ наблюденія и по временамъ представлялъ Государю записки о продолжающихся засѣданіяхъ и дѣйствіяхъ общества. Въ 1819 году, когда назначено было общее собраніе членовъ общества, долженствовавшихъ соединиться въ Москвѣ, Иларіонъ Васильевичъ увѣдомилъ о томъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, своего близкаго родственника, и передалъ ему имѣвшіяся у него свѣдѣнія. Князь Голицынъ, учредивъ тайный надзоръ за дѣйствіями сего съѣзда, увѣдомилъ Васильчикова о состоявшемся на съѣздѣ рѣшеніи членовъ закрыть общество. Обо всемъ этомъ представлена была Государю отъ Васильчикова также записка [2]). Причиною закрытія перваго общества было, какъ узналъ я, не только то, что сами члены удостовѣрились въ томъ, что существованіе его сдѣлалось извѣстнымъ правительству, но особенно то обстоятельство, что въ числѣ лицъ, первоначально вступившихъ въ это общество, были люди совершенно благонамѣренные, которые вступили въ оное съ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать самому правительству въ усовершенствованіи правленія и устроеніи блага народнаго. Въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ они были поощряемы и самою рѣчью Государя, произнесенною на сеймѣ Варшавскомъ 27 Марта 1818 года, въ которой Его Величество объявилъ, между прочимъ, что онъ надѣется распространить благодѣтельныя дѣйствія конституціоннаго правленія на всѣ страны, которыя Провидѣніемъ ввѣрены его попеченію [3]). Дѣй-

---

[1]) Не слѣдуетъ ударять шпагою по водѣ. Припомнимъ и другое выраженіе Государя: «Ce n'est pas à moi à sévir» (Не мнѣ быть жестокимъ). См. Бумаги Князя Васильчикова въ Р. Архивѣ 1875 года, I, 346.

[2]) По кончинѣ Императора всѣ эти записки генерала Васильчикова найдены были въ кабинетѣ Его Величества. Все это мнѣ извѣстно отъ самого Иларіона Васильевича.

[3]) Въ означенной рѣчи, сказано между прочимъ слѣдующее: «L'organisation qui était en vigueur dans votre pays, a permis l'établissement immédiat de la

ствовать открыто къ достиженію сей цѣли они не почитали тогда возможнымъ и потому предпочли образовать тайное общество, тѣмъ болѣе, что въ то время уже существовали масонскія ложи и другія тайныя общества разныхъ наименованій и были терпимы правительствомъ. Нѣкоторые изъ этихъ благонамѣренныхъ членовъ общества ясно видѣли, что образъ мыслей и виды другихъ членовъ были вовсе несогласны съ ихъ чистыми намѣреніями, и потому они дѣйствовали къ уничтоженію перваго общества. Пестель и другіе его соумышленники также весьма рады были, что съ разрушеніемъ общества они будутъ избавлены отъ сношеній съ такими людьми, которые могли служить только препятствіемъ къ исполненію ихъ преступныхъ замысловъ. Въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что, вскорѣ по закрытіи перваго общества, Пестель съ нѣкоторыми изъ своихъ сообщниковъ образовалъ новое общество подъ другимъ наименованіемъ и съ совершенно другими цѣлями.

Къ сожалѣнію, въ 1822-мъ году, Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ былъ уволенъ отъ командованія Гвардейскимъ Корпусомъ. Тогда прерваны были и всѣ нити къ полученію свѣдѣній о дѣйствіяхъ общества. Между тѣмъ образованное Пестелемъ это второе общество увеличилось пріобрѣтеніемъ большаго числа членовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и въ разныхъ армейскихъ войскахъ, особенно во 2-й арміи на Югѣ Россіи, людей, большею частію, иныхъ свойствъ, нежели тѣ, которые принадлежали къ первому обществу. Это второе общество дѣйствовало уже съ прямою цѣлію произведенія государственнаго переворота посредствомъ явнаго возстанія при первомъ удобномъ случаѣ.

Вечеромъ, въ самый день происшедшаго въ Петербургѣ мятежа, 14 Декабря 1825 года, многія участвовавшія въ ономъ лица были взяты подъ стражу; снятые съ нихъ, въ присутствіи Государя, допросы показали важность заговора и необходимость немедленнаго, основательнаго изслѣдованія всего этого дѣла. Слѣдственная Коммисія была тогда же составлена и начала свои дѣйствія. Произведеннымъ слѣдствіемъ обнаружено, что во всѣхъ почти полкахъ Гвардейскаго Корпуса многіе офицеры принадлежали къ тайному обществу; что въ теченіи нѣсколькихъ дней у нихъ происходили совѣщанія и что наконецъ положено было, при объявленіи манифеста о вступленіи на престолъ Николая Павловича, произвести въ полкахъ возстаніе подъ тѣмъ предлогомъ, что отреченіе Константина Павловича было принужденное и вступленіе на престолъ Николая Павловича незаконное. Заговорщики надѣялись, съ увлеченіемъ войскъ къ мятежу, произвесть переворотъ, учредить ограниченное правленіе и, въ случаѣ необходимости, перемѣнить династію, уничтоживъ Импе-

---

constitution que je vous ai donnée, en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales, qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude, et dont j'espère, avec l'aide de Dieu, étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées que la Providence a confiées à mes soins».

раторскую фамилію. Такіе злонамѣренные замыслы могли бы легко быть своевременно обнаружены, и преступныя попытки къ ихъ выполненію предупреждены, если бы съ открытіемъ этого втораго общества учреждено было то тщательное наблюденіе, которое, какъ выше показалъ я, имѣлъ за дѣйствіями заговорщиковъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Къ сожалѣнію, съ 1822 года, вмѣсто Иларіона Васильевича Васильчикова, командиромъ Гвардейскаго Корпуса былъ назначенъ генералъ отъ кавалеріи Уваровъ, человѣкъ ничтожный, а начальникомъ штаба генералъ Желтухинъ, человѣкъ злой и ни на какое дѣло негодный. Со смертію Уварова командиромъ гвардіи назначенъ былъ генералъ отъ кавалеріи Воиновъ, почтенный старецъ, нѣкогда весьма храбрый, но въ это время, по дряхлости своей, мало къ исполненію обязанностей своихъ способный. Все управленіе лежало тогда на генералѣ Нейгардтѣ, начальникѣ корпуснаго штаба, человѣкѣ умномъ, но съ вышепоказанными обстоятельствами совершенно незнакомомъ. Удивительно только, какъ могъ онъ пренебречь одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей—наблюденіемъ за сохраненіемъ въ войскѣ твердаго спокойствія. Императоръ Николай Павловичъ весьма справедливо негодовалъ на генерала Нейгардта за то, что происшедшіе въ войскѣ важные безпорядки не были имъ предусмотрѣны и отвращены своевременно. Вскорѣ Нейгардтъ получилъ отпускъ, и всѣ полагали, что это былъ первый шагъ къ его удаленію; но онъ имѣлъ сильныхъ покровителей, и потому смѣщеніе его съ настоящей должности не состоялось. По случаю ожидаемой коронаціи Государя, назначено было собрать въ Москвѣ первые батальоны всѣхъ пѣхотныхъ полковъ Гвардейскаго Корпуса и первые эскадроны кавалерійскихъ полковъ съ потребною артилеріею при большомъ числѣ войскъ армейскихъ. Начальникомъ всѣхъ сихъ войскъ назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи графъ Петръ Александровичъ Толстой, а начальникомъ его штаба генералъ Нейгардтъ; но какъ назначеніе это было временное, только по случаю сбора войскъ на коронацію, то онъ и сохранилъ прежнее свое званіе. Въ самый день вступленія на престолъ Государя Николая Павловича, назначенъ я былъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству, съ отъѣздомъ же генерала Нейгардта въ Москву, мнѣ было поручено исправленіе должности начальника штаба Гвардейскаго Корпуса въ его отсутствіе.

Во все время исправленія мною этой должности, около 8 мѣсяцевъ продолжавшагося, Государь Императоръ не переставалъ оказывать мнѣ большое довѣріе и особенно милостивое вниманіе. Какъ генералъ Воиновъ человѣкъ больной и рѣдко выходившій изъ комнаты, былъ ко мнѣ расположенъ весьма благосклонно, то мнѣ и приходилось во многихъ случаяхъ распоряжаться его именемъ. Въ теченіи 4-хъ недѣль Воиновъ былъ въ такомъ слабомъ и даже опасномъ положеніи, что не могъ отдавать никакихъ приказаній, даже подписывать бумагъ, ему представляемыхъ. По докладу о семъ Государю начальникомъ Главнаго Штаба графомъ Дибичемъ, Государь не соизволилъ поручить командованіе корпусомъ старшему изъ генераловъ, Депрерадовичу, но приказалъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ,

когда я затрудненъ буду отдавать какія либо приказанія именемъ корпуснаго командира, я доводилъ бы о нихъ чрезъ графа Дибича до свѣдѣнія Государя и дѣйствовалъ бы по полученнымъ отъ Его Величества разрѣшеніямъ. Такое положеніе ставило меня въ немалое затрудненіе и возбуждало противъ меня зависть и сѣтованіе тѣхъ изъ старшихъ генераловъ, коимъ объявляемы были къ исполненію приказанія корпуснаго командира, тогда какъ имъ довольно было извѣстно, что генералъ Воиновъ по тяжкой болѣзни не былъ въ состояніи отдавать никакихъ приказаній. По милости Божіей я не впалъ ни въ какую важную ошибку, и все дѣлалось въ порядкѣ, къ удовольствію Его Величества, ознаменованному пожалованіемъ мнѣ Аннинской ленты. Во многихъ весьма важныхъ обстоятельствахъ мнѣ поставлено было въ обязанность докладывать лично Его Величеству и получать изустныя отъ него повелѣнія, такъ что я имѣлъ случай видѣть Государя почти ежедневно и даже требуемъ былъ имъ и не одинъ разъ въ теченіи дня; иногда Государь оставлялъ меня у себя немалое время и бесѣдовалъ со мною не о службѣ только, но и о стороннихъ предметахъ. Я видѣлъ въ немъ человѣка умнаго, имѣвшаго чувства истинно возвышенныя и мало по малу привязался къ нему искренно. Покровительствомъ графовъ Дибича, Толстаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, генералъ Нейгардтъ удержался на своемъ мѣстѣ начальника штаба Гвардейскаго Корпуса и въ концѣ Ноября вступилъ въ исправленіе сей должности, а я обратился, по прежнему, къ настоящимъ моимъ обязанностямъ командира Семеновскаго полка и командующаго 2 гвардейскою бригадою подъ непосредственнымъ начальствомъ благодѣтеля моего Великаго Князя Михаила Павловича, состоявшаго тогда въ должности начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и сохранившаго ко мнѣ прежнее свое милостивое расположеніе.

Въ тотъ же 1826 годъ, отецъ мой передалъ мнѣ обще съ братомъ моимъ Иваномъ Павловичемъ имѣніе его Ярославской губерніи, состоящее изъ 500 душъ, при большомъ количествѣ земли. Какъ братъ мой находился тогда съ войсками, участвовавшими въ Персидской войнѣ, то я долженъ былъ вступить во владѣніе тѣмъ имѣніемъ, которое было тогда довольно разстроено и приносило малый доходъ. Между тѣмъ съ имѣніемъ симъ я принялъ на себя до 60,000 р. ассигнаціями частныхъ долговъ отца моего, которыхъ я не только не имѣлъ средства выплатить, но даже исправно вносить проценты. При такихъ обстоятельствахъ я былъ въ необходимости прибѣгнуть къ великодушію Государя и просилъ Его Величество о выдачѣ мнѣ изъ казны ссуды въ 60,000 руб. на 10 лѣтъ безъ процентовъ. На письмо мое о семъ послѣдовало высочайшее повелѣніе выдать мнѣ 60,000 р. изъ Заемнаго банка на 24 лѣтнихъ правилахъ за поручительствомъ Его Величества. Генералъ-адъютантъ графъ Дибичъ, объявляя мнѣ о томъ высочайшую волю, присовокупилъ, что Государь приказалъ уплачивать за меня проценты изъ Кабинета Его Величества, пока я, устроивъ дѣла свои, не буду въ состояніи самъ вносить оные. Когда я пришелъ благодарить Государя за оказанную

мнѣ милость, то спросилъ, извѣстно-ли Его Величеству, что онъ ручается за неисправнаго плательщика, ибо я не имѣю средствъ уплачивать слѣдующіе въ Банкъ проценты. Государь съ милостивою улыбкою отвѣчалъ мнѣ: «Это не твое дѣло». Въ 1829 году, когда я находился съ полкомъ Подольской губ. въ Винницахъ, получилъ я отъ графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга увѣдомленіе, что Государь, вспомня о семъ долгѣ, приказалъ уплатить оный изъ Кабинета и на мнѣ болѣе не числить. Посредствомъ оказаннаго мнѣ Государемъ пособія, принятый мною частный долгъ былъ уплаченъ, и трудами брата моего имѣніе приведено въ такое устройство, которое доставляло намъ хорошіе доходы. Такимъ образомъ положено основаніе къ устройству моего хозяйственнаго положенія.

Въ 1827 году ничего особенно любопытнаго со мною не случилось; я все продолжалъ командовать Семеновскимъ полкомъ и 2 гвардейскою бригадою. Но какъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ уже командиромъ корпуса, то я не находился въ непосредственномъ ему подчиненіи и не могъ быть къ нему столь близокъ, какъ прежде. Потому недобрые люди могли навѣтами и клеветою охладить и поколебать его ко мнѣ прежнее милостивое расположеніе. Однажды, при обычномъ представленіи ему во дворцѣ его ординарцевъ и вѣстовыхъ, я замѣтилъ уже явно нѣкоторое ко мнѣ его охлажденіе. По окончаніи представленія, онъ спросилъ меня: «когда вы дѣлаете приготовленіе къ будущему разводу?» Я отвѣчалъ, что завтра. «Ожидайте меня; я къ вамъ буду». На другой день, коль скоро баталіонъ введенъ былъ въ манежъ и не могъ быть еще порядочно выровненъ, Великій Князь пріѣхалъ прежде назначеннаго времени. Многія сдѣланныя мнѣ отъ него замѣчанія показывали, что онъ не расположенъ хвалить то, что̀ увидитъ; но когда началось ученіе, то онъ былъ такъ доволенъ, что сталъ восхищаться. «Хорошо, очень хорошо, прекрасно!» восклицалъ онъ, а по окончаніи ученія онъ сказалъ: «Сергѣй Павловичъ, вамъ книги въ руки! Прекрасно, превосходно!» Когда же баталіонъ сталъ проходить церемоніальнымъ маршемъ, то онъ пришелъ въ еще бо̀льшее восхищеніе, повторялъ похвальные возгласы и заключилъ обычнымъ ко мнѣ привѣтствіемъ: aimable, incomparable, inimitable; потомъ взялъ меня за обѣ руки и, отведя въ сторону, сказалъ: «знаете ли, Сергѣй Павловичъ, что насъ хотѣли поссорить». Я отвѣчалъ: «Весьма быть можетъ, что недобрые люди могутъ клеветою и навѣтами поколебать ваше ко мнѣ благоволеніе и лишить драгоцѣннаго для меня блага вашихъ милостей; но мои къ вамъ чувства преданности и благодарности измѣниться не могутъ: я многимъ вамъ обязанъ, слишкомъ хорошо знаю высокую душу вашу, чтобы чувства моей къ вамъ преданности могли чѣмъ нибудь быть ослаблены». Онъ тронутъ былъ моими словами, обнялъ меня и поцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ интриги противъ меня, кажется, кончились, и я до конца дней моего благодѣтеля сохранилъ милостивое его ко мнѣ расположеніе.

Въ 1828-мъ году я женился на дѣвицѣ графинѣ Аннѣ Евграфовнѣ Комаровской, въ которую съ 1826-го года былъ влюбленъ. Великій

Князь удивился извѣстію, что я женюсь, но очень хвалилъ мою невѣсту. Государь, изъявивъ дозволеніе на вступленіе мое въ супружество, прислалъ мнѣ въ подарокъ на свадьбу 30,000 р. ассигн.

Въ томъ же 1828-мъ году я вмѣстѣ съ войсками Гвардейскаго Корпуса выступилъ въ походъ противу Турокъ и принялъ участіе въ штурмѣ и покореніи крѣпости Варны, послѣ чего Гвардейскому Корпусу повелѣно было возвратиться въ Россію и занять ближайшія къ Бессарабіи югозападныя губерніи.

Когда войска Гвардейскаго Корпуса выведены были изъ состава дѣйствующей противъ Турокъ арміи, Семеновскій полкъ поставленъ былъ на квартиры въ гор. Винницу, куда и прибылъ 21-го Ноября того же 1828-го года. Въ семъ расположеніи гвардія оставалась около года, т. е. по Ноябрь мѣсяцъ 1829-го года и потомъ выступила для слѣдованія въ Петербургъ. Въ это время я съѣздилъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и привезъ въ Винницу жену мою. Въ теченіи годичнаго въ Подольской губерніи квартированія, полкъ находился около шести недѣль въ общемъ для Гвардейскаго Корпуса лагерѣ при мѣстечкѣ Тульчинѣ, и затѣмъ оставался на квартирахъ своихъ почти въ бездѣйствіи. Тогда имѣлъ я достаточно досуга для кабинетныхъ моихъ занятій и употребилъ этотъ досугъ преимущественно на то, чтобъ узнать коротко этотъ любопытный, щедро природою одаренный край Россіи. Исторія Западнаго края до того времени пренебрежена была нашими историками. Самъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ только вскользь иногда упоминаетъ о той части Русскаго народа, которая, въ началѣ соединясь условно съ республикою Польскою, была въ послѣдствіи порабощена вторгнувшимися въ ея сторону панами и шляхтою изъ коренной Польши. Лучшія объ исторіи сего края свѣдѣнія заключались въ сочиненіи Бантышъ-Каменскаго, но и тѣ были весьма неполны. Историки Польскіе, упоминая о событіяхъ Западной Руси, искажали оныя по своимъ видамъ; писатели иностранные не могли дать правильныхъ свѣдѣній объ исторіи Западной Руси и Польши; ибо имъ доступны были только тѣ превратныя понятія, которыя злонамѣренно сплетены Польскими писателями и переведены на языки иностранные. Тоже можно сказать о свѣдѣніяхъ статистическихъ и особенно этнографическихъ. По симъ причинамъ я долженъ былъ черпать нужныя мнѣ свѣдѣнія изъ многихъ рукописныхъ матеріаловъ, тогда печатно еще не обнародованныхъ. Для изученія мѣстнаго положенія той страны, въ которой я находился, имѣлъ я тогда немалые способы; 40 гвардейскихъ офицеровъ, состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ, людей просвѣщенныхъ, разсѣянныхъ по квартирамъ на немаломъ разстояніи, сообщали мнѣ то, что̀ каждый видѣлъ и слышалъ. Я познакомился также съ нѣкоторыми умными помѣщиками, которые многіе нужные для меня предметы объясняли своею просвѣщенною бесѣдою. Директоромъ Винницкой гимназіи назначенъ былъ, по избранію попечителя учебнаго округа Новосильцова, Юліанъ Михайловичъ Ковалевскій, хотя и католикъ, но воспитанный въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ въ Петербургѣ. Онъ былъ въ душѣ человѣкъ Русскій и сообщалъ

мнѣ весьма основательныя данныя. Всѣ собранныя мною свѣдѣнія были весьма неутѣшительны: составлявшій почти всю массу населенія, коренной Русскій православный народъ, страдавшій въ теченіи не одного столѣтія подъ игомъ Польскимъ, былъ въ положеніи не болѣе отрадномъ и съ поступленіемъ сего края подъ власть Русскихъ Государей. Находившійся подъ прельщеніемъ Чарторижскаго, Чацкаго и другихъ враговъ Россіи, императоръ Александръ Павловичъ, не зная ни исторіи, ни положенія этого края, дѣйствовалъ по видамъ тѣхъ злодѣевъ къ угнетенію Русскаго народа, къ утвержденію и распространенію тамъ полонизма и католицизма. Всѣ правительственныя лица, начиная отъ губернатора до мелкихъ чиновниковъ, были Поляки, католики, враги Россіи, дѣйствовавшіе по своимъ особымъ видамъ, къ исполненію преступныхъ своихъ замысловъ. Главное управленіе всѣми Западными Русскими губерніями отдано было въ руки Великаго Князя Константина Павловича, женатаго на Полькѣ и опутаннаго сѣтями Польскихъ мечтателей.

Паны и шляхта Польская безпрепятственно угнетали и терзали народъ, который не находилъ себѣ отъ мѣстныхъ властей ни защиты, ни покровительства. Истощеніе народа работой, жестокія истязанія, коимъ онъ подвергался отъ своихъ мучителей, помѣщиковъ и клевретовъ изъ Польскихъ шляхтичей, выше всякаго описанія; не взирая на плодородіе почвы, народъ доведенъ быть до нищеты и бѣдственнаго положенія, которое развѣ только въ плантаціяхъ Негровъ существовало. Все дѣлопроизводство правительственныхъ властей и во всѣхъ мѣстахъ присутственныхъ велось на Польскомъ языкѣ; даже допросы подсудимыхъ людей, принадлежащихъ вообще къ Русскому населенію и не знавшихъ попольски, писаны были на Польскомъ языкѣ; обученіе юношества во всѣхъ училищахъ десяти Западныхъ губерній преподавалось на Польскомъ языкѣ Поляками-католиками, и приняты были другія дѣятельныя мѣры для того, чтобы полонизировать всѣхъ учащихся, совращать ихъ въ католичество и напитывать враждою къ правительству и всему Русскому. Самая вѣра православная, исповѣдуемая всею почти массою Русскаго населенія, была унижена и приведена также въ бѣдственное положеніе. По причинѣ той нищеты, до которой доведены были всѣ Русскіе православные жители, церкви ихъ были не только въ упадкѣ, но большею частію въ разрушеніи; поставленные надъ народомъ пастыри были въ крайней бѣдности и въ зависимости отъ пановъ, заботившихся только о сооруженіи великолѣпныхъ Латинскихъ костеловъ и обогащеніи ксендзовъ, дѣйствовавшихъ по ихъ видамъ, ко вреду Россіи и Православія. Всѣ собранныя мною такимъ образомъ свѣдѣнія съ полною откровенностію изложилъ я въ запискѣ, составленной мною въ 1829-мъ году подъ наименованіемъ: В з г л я д ъ н а П о д о л ь с к у ю г у б е р н і ю.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ 1830-мъ году, исправивъ и пополнивъ эту записку, я представилъ оную въ собственныя руки Государя. По прочтеніи сей записки, Его Величество изустно изъявилъ мнѣ благодарность свою въ весьма лестныхъ выраженіяхъ,

присовокупивъ, что я первый представилъ Его Величеству въ настоящемъ видѣ край сей, о которомъ до того онъ не имѣлъ яснаго понятія. Съ этой записки даны были копіи и выписки въ разныя министерства, въ Святѣйшій Синодъ и генералъ-губернаторамъ Западныхъ губерній, и по ней сдѣланы были первыя распоряженія объ исправленіи православныхъ церквей, о введеніи Русскаго языка въ дѣлопроизводство и въ обученіе юношества, какъ и о дарованіи нѣкоторой защиты Русскому народу противъ тѣхъ притѣсненій и угнетеній, которымъ онъ подверженъ былъ въ рукахъ Польскихъ пановъ, своихъ помѣщиковъ. Но всѣ эти распоряженія не имѣли тогда должнаго успѣха, потому что вся администрація оставалась въ рукахъ Поляковъ, враговъ Русскаго народа и правительства. Записка моя по прочтеніи Государемъ передана была Его Величествомъ въ особый учрежденный имъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Дмитрія Николаевича Блудова, который далъ ее на заключеніе весьма близкому ему умному человѣку, Филиппу Филипповичу Вигелю. По кончинѣ Вигеля въ 1856 году въ Москвѣ, найденъ въ его бумагахъ собственноручно написанный имъ въ чернѣ докладъ, заключающій мнѣніе его о сей запискѣ. Филиппъ Филипповичъ, родившійся въ Кіевѣ въ бытность его отца тамъ комендантомъ при императрицѣ Екатеринѣ, прожившій тамъ нѣсколько лѣтъ и немало послѣ того посѣщавшій этотъ край, весьма коротко его зналъ и могъ справедливо оцѣнить мою записку. Докладъ этотъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ статьѣ Щебальскаго: В и г е л ь о П о л ь с к о м ъ в о п р о с ѣ. Въ докладѣ семъ содержащемъ въ себѣ немалую похвалу моимъ воззрѣніямъ и свѣдѣніямъ, выразился Ф. Ф. Вигель между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «Записка генерала Шипова есть самое вѣрное изображеніе состоянія того края; ничто не преувеличено; все коротко, но вѣрно выражено. Съ какою умѣренностію, но безъ равнодушія писана сія записка! Съ какимъ чувствомъ глубокой печали говоритъ авторъ о бѣдствіяхъ единокровныхъ намъ жителей подъ тяжкимъ игомъ горсти иноплеменныхъ и иновѣрныхъ! Tacite raconte, et la postérité frémit *). Г. Шиповъ весьма просто разсказываетъ почти все, что̀ зналъ я и безъ него, а во мнѣ вся кровь кипитъ и волнуется! Онъ въ самый тѣсный кадръ сжалъ и представилъ всѣ угнетенія, кои испытываютъ тамъ люди Русскаго племени. Прочитавъ сію записку, всякій безпристрастный иностранецъ подивится, до какой степени побѣдители пожертвованы были побѣжденнымъ. Онъ найдетъ, что подобнаго примѣра въ Исторіи съискать невозможно, но и предскажетъ, можетъ-быть, что такое постоянство въ терпѣніи и покорности должно когда-нибудь совершенно восторжествовать надъ легкомысліемъ и буйствомъ Польскимъ. Другихъ замѣчаній на сію записку сдѣлать невозможно, какъ подписать: с п р а в е д л и в о, п р е к р а с н о, о с н о в а т е л ь н о».

Въ исходѣ 1830 года возникла война съ Польскими мятежниками, въ которой принялъ я участіе въ 1831-мъ году вмѣстѣ съ войсками Гвардейскаго Корпуса.

---

*) Тацитъ повѣствуетъ, и потомство содрогается.

Осенью того года, по окончаніи войны, я имѣлъ по высочайшему повелѣнію порученіе сдѣлать подробный осмотръ войскамъ 3-го пѣхотнаго корпуса, занимавшимъ тогда весьма пространныя квартиры— всю южную половину Царства Польскаго и самый Краковъ. По окончаніи сего осмотра, продолжавшагося около двухъ мѣсяцевъ, и по представленіи о немъ отчетовъ генералъ-фельдмаршалу и Государю, я получилъ дозволеніе отправиться въ отпускъ на нѣсколько недѣль къ женѣ моей, находившейся тогда у тестя моего, графа Комаровскаго, въ Орловскомъ его имѣніи. Но едва успѣлъ я прибыть туда, какъ былъ вызванъ по высочайшему повелѣнію военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ въ Петербургъ. По прибытіи моемъ туда, мнѣ объявлено было, что Государь назначаетъ меня генералъ-кригсъ-комисаромъ на мѣсто бывшаго генералъ-маіора Линдена.

Управленіе Комисаріатомъ.

Въ управленіе Коммисаріатомъ вступилъ я въ началѣ Марта 1832 года. При обозрѣніи мною комисаріатскаго департамента я непріятно удивленъ былъ неимовѣрно разстроеннымъ состояніемъ сего управленія. По малому числу и недостатку способныхъ чиновниковъ большая часть дѣлъ и поступившихъ бумагъ оставались не только безъ надлежащаго движенія, но даже неразобраны. По комисаріатскому департаменту собственно нерѣшенныхъ дѣлъ числилось тогда 4.057-мь; неисполненныхъ бумагъ 3.430, несочтенныхъ и неревизованныхъ книгъ и счетовъ 19.250. Сверхъ того находилось большое число бумагъ, найденныхъ въ столахъ, въ шкафахъ и за шкапами, въ магазинахъ и даже на чердакахъ. По собраніи всѣхъ сихъ бумагъ и по учрежденіи временнаго отдѣленія для рѣшенія старыхъ дѣлъ, ихъ оказалось до 47.000, изъ которыхъ составлено было до 17.000 дѣлъ, кромѣ тѣхъ бумагъ, которыя поступили къ дѣламъ, въ отдѣленіяхъ департамента уже производившимся. Въ числѣ показанныхъ нерѣшенныхъ дѣлъ, остававшихся безъ движенія, было значительное число большой важности по нижеслѣдующимъ предметамъ:

а) По забраковкѣ вещей, поставленныхъ отъ подрядчиковъ и купленныхъ коммисіонерами, простиравшейся слишкомъ на 1.300.000 р.

б) По неисправнымъ поставкамъ, по неправильнымъ дѣйствіямъ, по недостаткамъ и утратамъ казенныхъ суммъ и по разнымъ другимъ тому подобнымъ предметамъ болѣе нежели на 3.800.000 руб. [1]).

в) По операціямъ, произведеннымъ чиновниками, простиравшимся цѣнностію до нѣсколькихъ милліоновъ рубл. и подлежавшимъ разсмотрѣнію.

г) По разнымъ упущеніямъ и неисправностямъ чиновниковъ, по коимъ многіе должны были подлежать взысканію на значительныя суммы.

д) Объ оставленныхъ войсками отъ некомплекта или расформированія вещахъ, долженствовавшихъ поступить въ другія войска къ

---

[1]) Сюда не включались начеты по поставкамъ купца Варгина, о которыхъ, въ учрежденной для того коммисіи, производилось особое дѣло.

дослуженію срока или же въ вѣдомство Комисаріата. Вещи сіи въ большомъ количествѣ, по неполученію своевременнаго назначенія, приходили въ повреждение.

е) По части контрольной сомнительныхъ статей, остававшихся безъ разсмотрѣнія и преслѣдованія, на нѣсколько милліоновъ.

ж) О справкахъ по требованіямъ военныхъ судовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тщетно повторяемыхъ.

з) Большое число дѣлъ слѣдственныхъ и военно-судныхъ, оставленныхъ безъ производства и разсмотрѣнія.

и) Рескontры, кои, для наблюденія за движеніемъ суммъ въ коммиссіяхъ и другихъ комисаріатскихъ мѣстахъ, необходимо составлять, по полученіи свѣдѣній, за каждый мѣсяцъ, не составлены были еще за 1830-й и 1831-й годы.

і) Наконецъ, оставалось неотданныхъ полныхъ общихъ отчетовъ государственному контролю за 1828-й, 29-й, 30-й и 31-й годы.

Счетоводство департамента находилось въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи: отъ многихъ частныхъ и правительственныхъ лицъ и мѣстъ поступали безпрерывно многоразличныя требованія объ отпускѣ изъ Комисаріата слѣдующихъ имъ суммъ, настоятельно повторяемыя и постоянно остававшіяся безъ удовлетворенія. Изъ нихъ видѣнъ былъ большой недостатокъ суммы Комисаріата для удовлетворенія предлежащихъ ему расходовъ, дѣйствительное же состояніе наличныхъ суммъ комисаріатскаго вѣдомства, ожидаемыхъ къ полученію и остающихся въ долгу, по дурному состоянію счетоводства въ департаментѣ, привесть въ извѣстность не было никакой возможности.

Такое разстроенное состояніе комисаріатскаго управленія, имѣвшее неминуемымъ слѣдствіемъ растрату важныхъ государственныхъ капиталовъ, происходило преимущественно отъ недостатка средствъ къ пріобрѣтенію по сей части на службу чиновниковъ способныхъ и благонадежныхъ. Оклады жалованья по сей части военнаго управленія были столь скудны, что содержаніе, опредѣленное по штату комисаріатскому чиновнику, не равнялось той платѣ, за которую бы возможно было нанять обыкновеннаго рабочаго поденьщика.

Скудость жалованья чиновникамъ не была, однакожъ, единственною причиною удаленія изъ Комисаріата людей способныхъ. Наиболѣе тому содѣйствовали неимовѣрно грубое обращеніе съ подчиненными и чрезмѣрная, вовсе неблагоразумная строгость бывшаго генералъ-кригсъ-комисара Линдена, человѣка жестокосердаго отъ природы, вспыльчиваго, желчнаго и болѣзненнаго. Оклады жалованья чиновникамъ были тогда весьма скудны почти по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; однакожъ люди способные не удалялись изъ службы, пріобрѣтая себѣ нужные способы для существованія и даже съ немалымъ избыткомъ, средствами неправильными. Такъ было и въ Комисаріатѣ во время управленія Татищева. При тѣхъ же скудныхъ окладахъ комисаріатское вѣдомство имѣло чиновниковъ весьма способныхъ и дѣятельныхъ. Они пріобрѣтали себѣ не только безбѣдное существованіе, но и хорошія выгоды принятіемъ подарковъ, сдѣлками

съ подрядчиками и другими лицами, съ Комисаріатомъ дѣло имѣющими; ходъ дѣлъ не останавливался, и во всѣхъ частяхъ того управленія существовалъ тогда видимый порядокъ. Конечно, такія неправильныя средства причиняли казнѣ гораздо болѣе убытка, нежели бы стоить могло опредѣленіе правильныхъ средствъ для пріобрѣтенія на службу людей способныхъ и добросовѣстныхъ; но все-таки допущеніе такихъ неправильныхъ средствъ не было столько для казны вредно, какъ вышеупомянутая мною запутанность дѣлъ и растрата важныхъ государственныхъ капиталовъ, происшедшія отъ совершеннаго недостатка на службѣ способныхъ чиновниковъ.

Линденъ, не испросивъ себѣ правильныхъ средствъ для пріобрѣтенія на службу людей способныхъ и честныхъ, полагалъ большою строгостію и грубымъ обращеніемъ ввести порядокъ и успѣшное дѣйствіе чиновниковъ по всѣмъ частямъ комисаріатскаго управленія; но, изгнавъ людей способныхъ, онъ остался съ чиновниками бездарными и ни къ какому дѣлу негодными. Произведя ту запутанность и разстройство, о которыхъ выше упомянуто, самъ онъ изнемогъ въ своихъ усиліяхъ и нажилъ себѣ болѣзнь смертельную. Описаніе его неблагоразумныхъ дѣйствій показалось бы теперь невѣроятнымъ: онъ, въ пылу гнѣва, безъ большаго разсмотрѣнія, предавалъ чиновниковъ аресту и суду, не только язвилъ подчиненныхъ своихъ колкостями, но дозволялъ себѣ даже произносить ругательства и наносилъ тяжкія обиды. Однажды, найдя представленный ему бухгалтеромъ счетъ неосновательнымъ и ошибочнымъ, онъ пришелъ въ изступленіе и, схвативъ его за шиворотъ, сталъ ударять головою объ стѣну. Чиновникъ былъ человѣкъ сильный, вырвался изъ рукъ начальника и бѣжалъ отъ него какъ отъ сумасшедшаго. Въ первые дни моего вступленія въ должность генералъ-кригсъ-комисара, начальникъ госпитальнаго отдѣленія представилъ мнѣ для подписанія журналъ общаго присутствія департамента. Прочитавъ оный, я сказалъ, что какъ я въ общемъ присутствіи не предсѣдательствовалъ, то и не могу подписывать журналъ. Начальникъ отдѣленія отвѣчалъ мнѣ: «Общее присутствіе у насъ никогда не собирается, и если вамъ угодно подписать журналъ, то его подпишутъ и другіе члены, послѣ чего и будетъ онъ приведенъ въ исполненіе».—«Этого не должно быть», возразилъ я, «и я введу порядокъ закономъ установленый». Поѣхавъ навѣстить больнаго Линдена, я разсказалъ ему, что, во время его болѣзни, общее присутствіе не собиралось, и журналы подписывались безъ обсужденія дѣла. «Да неужели вы намѣрены», сказалъ онъ мнѣ, «собирать общее присутствіе? Не дѣлайте этого: добраго ничего не выдетъ. Въ первое время моего управленія я собралъ было всѣхъ членовъ общаго присутствія въ засѣданіе и предложилъ имъ дѣла для обсужденія, но они такую дичь понесли, что я вышелъ изъ терпѣнія и прервалъ наиболѣе ораторствовавшаго члена 1-го класса Прохорова, сказавъ ему. Пятый классъ, если твоя башка ничего умнаго выдумать не можетъ, то по крайней мѣрѣ ты вздора бы не вралъ. Потомъ обратясь ко всѣмъ присутствующимъ, сказалъ имъ: Для чего, думаете вы, я васъ сюда собралъ? Ибо я знаю, что если я всѣ ваши головы истолку

въ одной ступкѣ, то мало мозгу добуду. За тѣмъ я закрылъ засѣданіе и болѣе уже не собиралъ общаго присутствія».

Всѣ сіи обстоятельства, усмотрѣнныя мною при первомъ только обзорѣ дѣлъ комисаріатскаго департамента, изложилъ я въ представленіи моемъ отъ 17-го Мая 1832-го года за № 5170-мъ графу Чернышеву.

Для немедленнаго приведенія положенія Комисаріата въ должный порядокъ выразилъ я необходимость, не ожидая утвержденія составляемыхъ для всѣхъ частей военнаго министерства новыхъ штатовъ, возвысить немедленно оклады жалованья и другое содержаніе чиновниковъ комисаріатскаго вѣдомства, по особо представленному мною предположенію; для производства же большаго числа накопившихся старыхъ дѣлъ и счетовъ учредить два временныхъ отдѣленія. Для покрытія нужныхъ по сему издержекъ я не испрашивалъ ассигнованія особой изъ казны суммы, но полагалъ отнести всѣ сіи расходы на общіе остатки Комисаріата въ томъ убѣжденіи, что пріобрѣтеніе по комисаріатскому вѣдомству способныхъ и благонадежныхъ чиновниковъ и доставленіе оному способовъ къ приведенію дѣлъ въ должный порядокъ будетъ имѣть слѣдствіемъ сбереженіе немаловажныхъ государственныхъ капиталовъ. Упомянутое предположеніе мое удостоено высочайшаго утвержденія въ 30-й день Мая 1832 года и приведено въ исполненіе [1]).

Такими предоставленными мнѣ средствами получилъ я возможность привлечь на службу по комисаріатскому вѣдомству тѣхъ благонадежныхъ, свѣдущихъ и по многимъ отношеніямъ отличныхъ чиновниковъ, коимъ наипаче обязанъ я былъ успѣхами въ устройствѣ части, мнѣ ввѣренной, заслужившими мнѣ признательность министра, лестное благоволеніе Государя и щедрыя награды, коихъ я въ шестилѣтнее управленіе мое Комисаріатомъ былъ удостоенъ. Цѣня особенно людей хорошо образованныхъ, я старался замѣщать должности начальниковъ отдѣленій, столоначальниковъ и другихъ дѣлопроизводителей въ департаментѣ чиновниками, получившими образованіе въ университетахъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ число же чиновниковъ по особымъ порученіямъ, при мнѣ состоящихъ, управляющихъ комисаріатскими комисіями и членовъ сихъ комисій, смотрителей магазиновъ и пр. опредѣляемы были наиболѣе военные штабъ и оберъ-офицеры, служившіе въ штабахъ войскъ или адъютантами при генералахъ. Такіе чиновники искали служебныхъ мѣстъ по Комисаріату, ибо, получая въ ономъ высшее противъ фрунтовыхъ офицеровъ содержаніе и будучи большею частію люди женатые и семейные, пріобрѣтали постоянныя мѣста и не были въ необходимости двигаться съ войсками по всему пространству имперіи. Сами начальники войскъ, желая наградить службу состоящихъ при нихъ старшихъ адъютантовъ и другихъ помощниковъ, употребляли, для доставленія имъ тѣхъ мѣстъ, свое ходатайство. По мѣрѣ пріобрѣтенія на службу по комисаріатскому вѣдомству спо-

[1]) Высочайшій о семъ указъ послѣдовалъ въ 9-й день Іюня 1832 года.

собныхъ и благонадежныхъ чиновниковъ, дѣлопроизводство и всѣ дѣйствія по всѣмъ частямъ комисаріатскаго управленія приведены были время отъ времени въ лучшій порядокъ и наконецъ пришли вполнѣ въ правильное устройство. Временныя отдѣленія въ теченіи двухъ лѣтъ окончили всѣ старыя дѣла и, разсмотрѣвъ всѣ старые книги и счеты, представили о нихъ отчетъ, поступившій установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе государственнаго контроля.

Состояніе денежныхъ суммъ Комисаріата.

Приведеніе въ извѣстность состоянія денежныхъ суммъ Комисаріата возложено было на особо назначенныхъ для того чиновниковъ, которые, по окончаніи сего дѣла, представили въ докладѣ своемъ весьма неутѣшительныя свѣдѣнія. Докладъ сей разсмотрѣнъ былъ въ общемъ присутствіи комисаріатскаго департамента, которое постановило о семъ журналъ отъ 8-го Іюля 1832 года, представленный мною въ подлинникѣ при донесеніи отъ 20-го Іюля за № 355-мъ военному министру. Журналъ сей заключалъ въ себѣ слѣдующіе главнѣйшіе выводы.

Подлежавшія къ выдачѣ войскамъ въ 1831 году мундирныя и амуничныя вещи, по неимѣнію никакихъ въ Комисаріатѣ вещевыхъ запасовъ, обращены были къ отпуску заподряда того же 1831 года. Но какъ назначенная по смѣтѣ того года на заготовленіе вещей сумма до 17,000,000 р. была уже преждевременно Комисаріатомъ израсходована, то уплата денегъ за поставляемыя вещи отнесена на суммы, ожидаемыя къ полученію по смѣтѣ 1832 года. Посему, за несвоевременною уплатою подрядчикамъ денегъ, поставки производились неисправно, и довольствіе войскъ по сроку 1832 года не только не было вполнѣ произведено къ наступленію того года, но и въ теченіи Мая не было еще кончено къ немалому затрудненію войскъ, потерявшихъ все удобное для построенія вещей время. По довольствію и содержанію больныхъ въ госпиталяхъ чрезъ подрядчиковъ, уплата имъ слѣдующей суммы отлагаема была также сверхъ опредѣленныхъ сроковъ на продолжительное время. Подобнымъ образомъ отдаляемыя уплаты и выдачи сверхъ опредѣленнаго закономъ срока на долгое время причиняли немало ущерба казенному интересу: подрядчики и другія лица, имѣвшія дѣло съ Комисаріатомъ, не только приносили жалобы, требуя вознагражденія за причиненные имъ убытки, но и не являлись вовсе къ новымъ подрядамъ или выпрашивали за подряжаемыя вещи огромныя цѣны.

Самый важный расходъ, удовлетвореніе войскъ жалованьемъ, не могъ быть выполненъ Комисаріатомъ своевременно, и немалая часть войскъ получала жалованье гораздо позже опредѣленнаго времени, о чемъ начальниками тѣхъ войскъ и было доводимо до свѣдѣнія Государя къ великому неудовольствію Его Величества. Комисаріатъ же, по недостатку находившихся въ его распоряженіи суммъ, не имѣя никакой возможности употреблять ихъ исключительно на выдачу войскамъ жалованья, былъ въ необходимости удѣлять ихъ

и на другіе лежащіе на немъ расходы; ибо отдаленіе уплаты многихъ другихъ расходовъ могло произвести (какъ выражено въ журналѣ общаго присутствія комисаріатскаго департамента) весьма вредныя послѣдствія; наприм.: 1) отъ невысылки своевременно суммы въ госпитали для продовольствующихся попеченіемъ комисіонеровъ, которые должны брать продукты на наличныя деньги, могла случиться остановка въ довольствіи госпиталей; 2) отъ неуплаты подрядчикамъ за перевозку вещей могло остановиться довольствіе оными войскъ и 3) отъ удержанія суммы на прогоны могло остановиться отправленіе командируемыхъ по дѣламъ службы чиновниковъ и командъ.

Въ заключеніе, общее присутствіе, составя исчисленіе о расходахъ, предлежавшихъ Комисаріату въ 1832 году, нашло, что къ выполненію всѣхъ расходовъ Комисаріата на сей годъ будетъ не доставать опредѣленныхъ ему смѣтою 25,052,855 р. $9\frac{1}{4}$ к. Дабы поставить Комисаріатъ по всѣмъ денежнымъ оборотамъ его въ правильное положеніе и доставить ему средства производить всякаго рода довольствіе войскъ безостановочно въ опредѣленные существующими положеніями сроки, общее присутствіе полагало удобнѣйшимъ употребить одинъ изъ нижеслѣдующихъ двухъ способовъ:

1) Отпустить Комисаріату нынѣ же вышепоказанные 25.052.855 р. $9\frac{1}{4}$ к., недостающіе на покрытіе расходовъ сего года.

2) Или отпустить нынѣ же таковую сумму въ счетъ смѣты 1833 года, впредъ оную отпускать ежегодно также въ счетъ смѣты предстоящаго года поровну въ Генварской, Майской и Сентябрской третяхъ, удерживая оную въ послѣдствіи также въ теченіи года.

Въ представленіи моемъ военному министру, отъ 20-го Іюня за № 355-мъ, я, съ своей стороны, присовокупилъ, что еслибъ оказалось затруднительнымъ назначить единовременно на сіе Комисаріату вполнѣ всю означенную сумму, то по крайней мѣрѣ было бы полезно дать ему безвозвратно въ пособіе часть оной, дополнивъ остальное ссудою изъ инвалиднаго или другаго капиталовъ, съ уплатою процентовъ изъ того сбереженія, которое послѣдовать должно отъ возстановленія, чрезъ исправное соблюденіе условій, довѣрія торгующихъ людей къ Комисаріату.

Никакому не подлежитъ сомнѣнію, что на пріобрѣтаемыхъ Комисаріатомъ потребностяхъ казна несетъ, по неисправности въ уплатѣ поставщикамъ, важную потерю и сверхъ того, по существующимъ постановленіямъ, обязана за неисправное по поставкамъ удовлетвореніе платить значительную неустойку, по одному проценту въ мѣсяцъ, слѣдовательно въ годъ по 12-ти процентовъ; а потому опредѣленіе Комисаріату, на пополненіе вышепоказаннаго недостатка, какого либо капитала, даже съ уплатою 4-хъ или 5-ти процентовъ, будетъ для казны очевидною выгодою.

Вышеозначенное представленіе мое не имѣло, однакожъ, полнаго успѣха: назначеніе Комисаріату 25.052.855 р. $9\frac{1}{4}$ к. для пополненія лежащаго на немъ долга и приведенія его денежныхъ оборотовъ въ правильное положеніе, по состоянію Государственнаго Казначейства,

было невозможно. На выдачу ссудъ изъ инвалиднаго капитала за проценты высочайшаго соизволенія не послѣдовало, но положено было, для покрытія необходимѣйшихъ расходовъ Комисаріата, отпускать оному, по мѣрѣ возможности, изъ Государственнаго Казначейства нѣкоторыя суммы въ счетъ смѣты предстоящаго года. Отпускъ таковыхъ суммъ былъ, однакожъ, не весьма значителенъ; и денежные обороты Комисаріата находились еще немалое время въ стѣсненномъ положеніи, пока оно не облегчилось собственными его средствами. Для изысканія таковыхъ средствъ произведена была прежде всего, по приказанію моему, тщательная повѣрка полученія Комисаріатомъ отъ Министерства Финансовъ суммъ, ему отъ сего послѣдняго ассигнованныхъ. По сей повѣркѣ оказалось, что въ теченіи многихъ лѣтъ ассигнованныя Комисаріату министромъ финансовъ суммы не были изъ разныхъ казенныхъ палатъ вполнѣ получаены; напр. изъ числа ассигнованныхъ изъ Тамбовской палаты 900.000 руб., командированный для принятія оныхъ комисіонеръ нашелъ въ сборѣ только 700.000 руб. и принялъ оные; остальные же, по неудовлетворительному состоянію счетоводства въ департаментѣ, оставались забытыми, и это случалось неоднажды при полученіи денегъ изъ многихъ палатъ. По произведенной повѣркѣ полученія Комисаріатомъ отъ Министерства Финансовъ суммъ, оказалось невыбраннымъ изъ казенныхъ палатъ до 2.300.000 руб., которые, хотя съ немалымъ затрудненіемъ, были однакожъ отпущены и послужили для Комисаріата въ началѣ важнымъ облегченіемъ.

Съ окончаніемъ Польской войны остались въ разныхъ мѣстахъ значительные склады мундирныхъ вещей, не поступившихъ на довольствіе войскъ по причинѣ происшедшаго внезапнаго движенія или оставшихся отъ некомплекта или по инымъ обстоятельствамъ оставленныхъ войсками. Количество сихъ вещей, чрезъ особо довѣренныхъ чиновниковъ, было приведено въ извѣстность, разсортировано и поступило въ войска въ счетъ слѣдующаго имъ по срокамъ довольствія, что̀ и дало Комисаріату возможность сдѣлать важныя сбереженія въ суммахъ на пріобрѣтеніе вещей, для довольствія войскъ назначенныхъ.

Многочисленные временные госпитали, въ теченіи войны учрежденные, по выписанію изъ нихъ больныхъ были уничтожены, и оставшіяся въ сихъ госпиталяхъ вещи лежали съ 1831 г. въ складахъ же безъ всякаго употребленія и даже движенія. Всѣ сіи вещи были командированными мною чиновниками тщательно разсортированы и обращены на снабженіе постоянныхъ госпиталей, что̀ и доставило возможность значительно сократить предположенное пріобрѣтеніе сихъ вещей покупкою и сдѣлать важныя сбереженія опредѣленной по смѣтѣ на то суммы. Такимъ же образомъ поступлено было со всѣми другими предметами комисаріатскаго довольствія, по разнымъ случаямъ оставшимися по окончаніи войны въ складахъ, что̀ и доставило Комисаріату сбереженія, простирающіяся на значительныя суммы. Управленіе всѣми по сей части дѣйствіями поручено было состоявшему при генералъ-кригсъ-комисарѣ по особымъ порученіямъ полков-

нику Никифорову, человѣку, отлично дѣятельному и вполнѣ благонадежному. Безъ употребленія таковыхъ средствъ и при неимѣніи благонадежныхъ чиновниковъ всѣ сіи вещи были бы немалою частью растрачены и не послужили бы съ такою пользою для облегченія денежныхъ оборотовъ Комисаріата въ его затруднительномъ положеніи.

По мѣрѣ полученія Комисаріатомъ средствъ къ исправной уплатѣ подрядчикамъ суммъ, имъ по контрактамъ слѣдующихъ, утвердилось довѣріе къ нему частныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ люди, вступающіе въ дѣла съ Комисаріатомъ, видѣли съ моей стороны сильное желаніе не только оградить ихъ отъ всякихъ убытковъ и притѣсненій, но и оказывать имъ, по возможности, всякое пособіе и снисхожденіе, для казны безвредное, встрѣчая туже готовность и въ подчиненныхъ мнѣ, вновь поставленныхъ мною дѣятеляхъ, людяхъ добросовѣстныхъ и руководимыхъ тѣми же правилами. По симъ причинамъ, при объявленныхъ торгахъ на подряды по заготовленію вещей и удовлетворенію другихъ комисаріатскихъ потребностей, являлось много желающихъ, и цѣны на пріобрѣтеніе всѣхъ сихъ потребностей немало понизились, что̀ и доставило Комисаріату средства къ значительному изъ суммъ своихъ сбереженію. Тщательно обдуманное соображеніе о всѣхъ дѣйствіяхъ Комисаріата отклонило многіе прежде возникавшіе излишніе расходы и доставило также въ нѣкоторыхъ суммахъ немаловажныя сбереженія. Бдительный надзоръ за дѣйствіями всѣхъ подчиненныхъ мнѣ мѣстъ и лицъ заставлялъ каждаго изъ нихъ дѣйствовать съ осторожностью и не пренебрегать предстоявшими способами къ соблюденію казеннаго интереса.

При употребленіи мною и достойными моими сотрудниками всѣхъ вышепоказанныхъ средствъ, долгъ Комисаріата постепенно уменьшался и обороты его приходили болѣе и болѣе въ правильное положеніе до такой степени, что хотя въ теченіи 6-ти лѣтъ моего управленія Комисаріатомъ весь вышепоказанный огромный долгъ и не былъ вполнѣ уничтоженъ, но оставался, однакожъ, въ такомъ количествѣ, что не представлялъ уже никакого въ оборотахъ комисаріатскаго вѣдомства затрудненія.

Довольствіе войскъ вещами.

На основаніи существующихъ положеній, всѣ матеріалы для построенія мундирныхъ и амуничныхъ вещей, слѣдующихъ на довольствіе войскъ, должны быть отпускаемы такимъ образомъ, чтобъ войска могли благовременно заняться построеніемъ оныхъ и, съ наступленіемъ срока, могли бы быть выданы нижнимъ чинамъ для употребленія. Но по недостатку суммы Комисаріата и отдаленію уплаты подрядчикамъ, поставка производилась весьма медленно, и довольствіе войскъ приводилось въ дѣйствіе большею частію послѣ 1-го Генваря и продолжалось до самаго лѣта. Въ 1831-мъ году выдача войскамъ вещей не могла быть кончена до Іюня мѣсяца, когда войска большею частію находились уже въ лагерѣ и должны были выхо-

дить на ученье и маневры въ ветхихъ мундирахъ. Кромѣ того они не были снабжены даже нужнымъ для нихъ холстомъ на рубашки и сапогами. Въ правленіе еще генералъ-маіора Линдена, Государь требовалъ непремѣнно, чтобъ войска получали слѣдующія имъ вещи до наступленія новаго по сроку года, т. е. прежде 1-го Генваря. Но генералъ-кригсъ-комисаръ почиталъ это по тогдашнимъ средствамъ Комисаріата совершенно невозможнымъ и обѣщалъ, что вещевое довольство войска будетъ кончаться къ 15-му Марта; за всѣмъ тѣмъ оно и послѣ того производилось столь же, какъ и прежде, неисправно, до самаго вступленія моего въ управленіе Комисаріатомъ. Обращая на сей важный предметъ особенное вниманіе, я, получивъ вышеозначенныя средства къ устройству части, мнѣ ввѣренной, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ благовременному заподряду вещей и отпуску оныхъ войскамъ такимъ образомъ, чтобъ отпускъ матеріаловъ для построенія слѣдующихъ войскамъ мундирныхъ и амуниціонныхъ вещей начинался съ 1-го Сентября и продолжался недалѣе Ноября мѣсяца, что̀ и приведено было въ дѣйствіе съ 1833-го года. Начальники войскъ были такимъ распоряженіемъ особенно довольны; многіе изъ корпусныхъ командировъ, въ отзывахъ своихъ ко мнѣ и къ военному министру, упоминали, что вещи отпущены были такъ благовременно, какъ никогда не бывало и притомъ отличнаго качества, и потому просили обратить вниманіе на господъ управляющихъ комисаріатскими комисіями.

Обстоятельства сіи были доведены до свѣдѣнія Государя Императора къ большему его удовольствію, и заслужили мнѣ изустную Его Величества благодарность.

Усовершенствованіе комисаріатскаго управленія.

Правила дѣлопроизводства.

Существовавшій въ дѣлопроизводствѣ по комисаріатскому департаменту и мѣстамъ оному подвѣдомственнымъ безпорядокъ происходилъ наипаче отъ недостатка основательно установленныхъ для того правилъ. Общимъ учрежденіемъ министерствъ хотя и постановлены были главныя къ тому начала, но они были недостаточны для удовлетворительнаго руководства дѣлопроизводителей, а по дѣламъ комисаріатскаго управленія не всегда могли быть удобоприлагаемы. Для отклоненія сего недостатка поручилъ я столоначальнику моей канцеляріи титулярному совѣтнику Ѳедору Герасимовичу Устрялову (нынѣ тайный совѣтникъ), человѣку весьма даровитому и основательно юридически образованному, составить правила дѣлопроизводства департамента, которыя бы вполнѣ могли соотвѣтствовать существовавшей тогда потребности, принявъ въ основаніе существующія узаконенія и заимствуя установленный порядокъ въ нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ мѣстахъ, который могъ бы быть примѣненъ съ пользою къ комисаріатскому департаменту. Порученіе сіе было отлично исполнено вышеупомянутымъ мною

г-мъ Устряловымъ. По разсмотрѣніи сихъ правилъ въ общемъ присутствіи департамента, я утвердилъ оныя и предписалъ къ исполненію. Предпринявъ такое дѣло, я счелъ за полезное совѣщаться съ покойнымъ М. М. Сперанскимъ, который вполнѣ одобрилъ трудъ Устрялова. Правила сіи были такъ удовлетворительны, что начальники многихъ департаментовъ не только военнаго, но и другихъ министерствъ приняли ихъ въ руководство своимъ дѣлопроизводителямъ. При составленіи наказа Военному Министерству, они вошли въ составъ того наказа съ нѣкоторыми вовсе неполезными измѣненіями. Порядокъ дѣлопроизводства комисаріатскихъ коммисій былъ еще менѣе удовлетворителенъ. Для лучшаго устройства сего порядка составлены были, по моему порученію, тѣмъ же титулярнымъ совѣтникомъ Устряловымъ, правила, которыя, по разсмотрѣніи въ общемъ присутствіи департамента, были мною утверждены и предписаны комисіямъ къ исполненію. Они введены потомъ также въ составъ наказа Военнаго Министерства.

Правила счетоводства.

Счетоводство всѣхъ комисаріатскихъ мѣстъ было основано на правилахъ, введенныхъ еще въ 1809-мъ году, въ бытность военнымъ министромъ графа Аракчеева. По обстоятельствамъ, существовавшимъ во время моего управленія Комисаріатомъ, они были весьма неудовлетворительны. Для составленія новыхъ правилъ счетоводства комисаріатскихъ комисій учрежденъ былъ мною особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ вице-директора Калошина изъ чиновниковъ, наиболѣе по сей части свѣдущихъ. Правила сіи были разсмотрѣны мною въ общемъ присутствіи департамента, представлены военному министру и, по внесеніи ихъ на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта, онымъ одобрены и получили высочайшее утвержденіе.

По введеніи сихъ правилъ, всѣ дѣйствія комисаріатской комисіи по сей части представляли гораздо болѣе ясности и доставляли болѣе удобствъ слѣдить за переходомъ и употребленіемъ казенныхъ суммъ. Къ несчастію, чрезъ нѣсколько потомъ лѣтъ, когда я уже оставилъ управленіе Комисаріатомъ, установленный мною порядокъ счетоводства былъ совершенно искаженъ вновь составленными по Военному Министерству общими правилами счетоводства и отчетности, имѣвшими, какъ я слышалъ послѣ, важныя несовершенства и неудобства.

Узаконеніе накладки.

По высочайше утвержденнымъ правиламъ, установленнымъ въ управленіе Военнымъ Министерствомъ графа Аракчеева въ 1809-мъ году, всѣ вещи, отъ поставщиковъ Комисаріатомъ принимаемыя, должны были быть во всемъ совершенно сходны съ образцами высочайше утвержденными. Строгое выполненіе такого правила ставило поставщиковъ и пріемщиковъ въ затруднительное положеніе, ибо немалая часть вещей совершенно добротныхъ, даже лучшаго качества

нежели самые образцы, были сортовыми комисіонерами отвергаемы, ибо по нѣкоторымъ несходствамъ съ образцами подвергали ихъ опасенію быть забракованными при отпускѣ сихъ вещей полковымъ пріемщикомъ или при передачѣ ихъ въ другія комисіи. Обстоятельства сіи безполезно возвышали цѣну заготовленія вещей и слѣдовательно причиняли для казны расходы безъ всякой существенной пользы. Опытъ указалъ способъ отклоненія такихъ затрудненій: комисаріатскіе чиновники стали брать отъ поставщиковъ нѣкоторое количество излишнихъ вещей для замѣна оными бракуемыхъ, что̀ и называлось накладкою. Но такой способъ пріемки, не допущенный закономъ, былъ преслѣдуемъ, какъ злоупотребленіе. Я старался содѣйствовать тому, чтобъ означенная накладка была узаконена; впослѣдствіи для нея постановлены были правила, которыя и введены были въ общій порядокъ пріема вещей и получили утвержденіе.

По тѣмъ же вышеупомянутымъ, высочайше утвержденнымъ во времена графа Аракчеева, правиламъ узаконено было, чтобы всѣ поставляемыя подрядчикомъ вещи были принимаемы въ магазины послѣ строгой браковки и потомъ уже отпускаемы войсковымъ пріемщикамъ не иначе, какъ изъ магазиновъ, не допуская ни въ какомъ случаѣ пріемки вещей полковыми пріемщиками прямо отъ поставщиковъ. Строгое выполненіе такого правила могло быть соблюдаемо въ 1809 году, по малому числу войскъ, тогда подъ довольствіемъ комисаріатскихъ комисій состоявшихъ; когда же армія наша почти въ четверо увеличилась, то соблюденіе онаго сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Усмотрѣвъ сей недостатокъ при обозрѣніи мною комисаріатскихъ комисій, я собственнымъ распоряженіемъ допустилъ отпускъ вещей отъ поставщиковъ прямо полковымъ пріемщикамъ, но подъ надзоромъ особо назначаемыхъ для того чиновниковъ и съ свидѣтельствованіемъ всѣхъ такимъ образомъ принятыхъ вещей членомъ комисіи и приложеніемъ казеннаго клейма. Правила, мною на сей предметъ постановленныя, представлены были на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта и получили Высочайшее утвержденіе.

Правила транспортированія комисаріатскихъ вещей.

При вступленіи моемъ въ управленіе Комисаріатомъ, нашелъ я огромную переписку по забраковкамъ вещей, перевозимыхъ по разнымъ случаямъ изъ одной комисіи въ другую по причинѣ передвиженія войскъ и при отправленіи таковыхъ же вещей съ комисаріатскими чиновниками въ госпитали или въ самыя войска. Забраковка таковыхъ вещей и взысканіе по онымъ простирались до 300 т. рубл. и по дѣламъ отъ того возникшимъ находилось подъ военнымъ судомъ 23 комиссіонера и другихъ чиновниковъ. Вникая въ причины такихъ забраковокъ и въ слѣдствіе того безнадежныхъ взысканій, я изъ самыхъ судныхъ дѣлъ, ко мнѣ поступающихъ, усмотрѣлъ, что почти всѣ таковые случаи происходили отъ неимѣнія основательныхъ правилъ о транспортированіи сихъ вещей. Назна-

ченный къ транспортированію комисіонерами чиновникъ, принявъ отъ комисіи опредѣленныя къ перевозкѣ вещи и получивъ для сдачи оныхъ, какъ слѣдовало, накладку, нерѣдко растрачивалъ оную и передавалъ вещи пріемщикамъ безъ накладки, почему и немалая часть ихъ подвергалась браку, за который комисіонеръ не полагалъ себя въ отвѣтственности, такъ какъ вещи были за клеймами комисіи. По такой забраковкѣ дѣлалось освидѣтельствованіе, потомъ долговременная переписка, и по неимѣнію правилъ встрѣчалось большое затрудненіе отыскать тѣ лица, которыя должны были подвергнуться отвѣтственности. Для отвращенія сихъ затрудненій составлены были особо назначенными отъ меня чиновниками подробныя правила, коими опредѣлялись: порядокъ избранія чиновника для такого порученія, пріемъ имъ вещей отъ комисіи, отвѣтственность его за поврежденіе вещей въ пути или забраковкѣ при сдачѣ, какъ и отвѣтственность другихъ лицъ, долженствующихъ имѣть за дѣйствіями ихъ наблюденія; порядокъ разсмотрѣнія могущихъ возникнуть притомъ споровъ и разрѣшенія оныхъ. По изданіи сихъ правилъ, во все время управленія моего Комисаріатомъ, не было не только ни одного случая преданія суду за такія забраковки, но и никакихъ начетовъ и затруднительныхъ взысканій: ибо въ случаѣ какого либо затрудненія при сдачѣ вещей комисія сама своимъ распоряженіемъ взыскивала съ виновныхъ слѣдующее пополненіе, содѣйствовала къ перемѣнѣ вещей и прекращала дѣло. Въ послѣдствіи я имѣлъ случай узнать, что, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ того, какъ оставилъ я управленіе Комисаріатомъ, не было въ департаментѣ по такимъ забраковкамъ никакихъ дѣлъ, пока существовали въ своей силѣ правила мною установленныя.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что понесенной утраты, считаю я преждевременнымъ оцѣнивать заслуги князя Черкасскаго, политическія или общественныя. Для меня лично это даже и невозможно. Повинуясь вызову нравственнаго долга и собственнаго желанія, я ограничусь тѣмъ, чтобы возстановить сколько нибудь въ памяти живой обликъ покойнаго, частію для другихъ, частію и для самого себя. Это будутъ вовсе не черты дѣятельности: это черты образа.

Въ первый разъ увидалъ я князя, когда самъ только что готовился вступить въ Московскій университетъ, а онъ былъ уже студентомъ старшихъ курсовъ, студентомъ юристомъ. Внутреннее призваніе влекло его съ раннихъ поръ на поприще государственныхъ знаній. Но, еслибъ было у насъ въ Москвѣ камеральное отдѣленіе факультета, то конечно онъ былъ бы здѣсь всего скорѣе на собственномъ мѣстѣ: исторія, государственное право, политическая экономія, статистика, финансы и, въ связи съ ними, сельское хозяйство, — вотъ что сильнѣе занимало его какъ студента. Потомокъ славнаго рода, давшаго государству многихъ представительныхъ лицъ со временъ Грознаго, но рода раздробленнаго и въ ближайшихъ предкахъ обѣднявшаго, юноша, по самому положенію своему (за смертію отца и среди нѣсколькихъ братьевъ), вынужденъ былъ позаботиться о серьозномъ устройствѣ своего состоянія. По душѣ, къ сельскому хозяйству особенной привязанности онъ не имѣлъ и, ставши послѣ лицомъ къ лицу съ самыми обширными вопросами въ этой области, практически онъ все-таки не сдѣлался хозяиномъ записнымъ или присяжнымъ, для себя самого. Тѣмъ не менѣе, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, необыкновенно пытливый умъ его искалъ здѣсь теоретическихъ путей для выхода изъ затруднительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отчасти и успѣлъ достигнуть счастливыхъ экономическихъ результатовъ для своего мелкопомѣстнаго уголка, а еще больше какъ будто предугадывалъ, что въ этой сферѣ придется ему со временемъ занять крупную роль устроителя и распорядителя. Такъ и было, гдѣ первый разъ я встрѣтилъ князя,—на публичныхъ лекціяхъ «сельскаго хозяйства,» у профессора Линовскаго (столь несчастно кончившаго вскорѣ свою жизнь). Помню какъ сейчасъ, минуты за двѣ до чтенія, когда зала была уже почти полна, вошелъ студентъ, обратившій на себя вни-

маніе многихъ, въ томъ числѣ мое, и вызвавшій вокругъ шепотъ. Онъ былъ въ довольно бѣдномъ вицмундирѣ, какого не нашивали тогдашніе студенты-аристократы, на глухо застегнутомъ, въ очкахъ, плотно надвинутыхъ на глаза, съ гордою осанкой и весьма ученымъ видомъ, не совсѣмъ обычнымъ у сотоварищей. Ни съ кѣмъ не поклонившись, прямо протѣснился онъ къ каѳедрѣ, установился, и, когда сѣлъ вошедшій профессоръ, приковался къ нему взорами, а къ лекціи вниманіемъ, ни разу ни на кого и ни на что не обернувшись въ теченіи цѣлаго часа. И это самое, и наружность какъ-то замѣтно отличали его, выдѣляя изъ прочихъ, тѣмъ болѣе, что самъ профессоръ, напротивъ, былъ очень живъ и подвиженъ, и шутилъ, и смѣялся. Кончилась лекція, и Черкасскаго, столь же поспѣшно и ходко удалившагося, сопровождалъ вокругъ тотъ же шепотъ; спросивши о причинѣ, я услыхалъ отъ сосѣдей, что это «первый студентъ, извѣстный Черкасскій.» Заинтересовавшись, на слѣдующихъ чтеніяхъ я успѣлъ уже познакомиться ближе съ серьознымъ юношей, столь извѣстнымъ въ университетскомъ мірѣ.

Недолго спустя, пришлось мнѣ возобновить прежнее знакомство, и уже при другой обстановкѣ. Это было у А. С. Хомякова, въ томъ домѣ и кабинетѣ (на Собачьей площадкѣ), куда стекалось такъ много людей для обмѣна мыслей и для споровъ, откуда выходило такъ много убѣжденныхъ хозяиномъ, еще болѣе имъ раздосадованныхъ; въ этомъ памятномъ кабинетѣ, гдѣ на столъ для посвященныхъ выкладывались листы «Семирамиды», и рядомъ же помѣщались яица-битки (для чоканья), привлекалъ взоры женскій портретъ, неконченный овдовѣвшимъ вскорѣ мужемъ, отъ потолка свѣшивался звонокъ на широкой шитой лентѣ, вдоль стѣнъ стояли диваны и при нихъ большое кресло съ вытертыми подушками, по угламъ выдавались десятки чубуковъ и хитро вырѣзанныхъ палокъ, да безпрестанно входила въ двери сердитая дѣвушка со словесными порученіями «отъ матушки», и все покрывалось звонкимъ хохотомъ хозяина. Черкасскій посѣщалъ его столь же часто, какъ другіе, и чаще многихъ его близкихъ. Изъ всѣхъ старшихъ Славянофиловъ, къ Хомякову питалъ и выражалъ онъ наибольшую, почтительную привязанность, ему (кажется, единственно) уступалъ иногда въ спорѣ и на него охотнѣе ссылался, не терпя никакихъ другихъ авторитетовъ. Въ то время князь готовился къ экзаменамъ на магистра (диссертацію «объ Юрьевѣ днѣ» не успѣлъ онъ ни защитить, ни даже написать вполнѣ, ни напечатать въ отрывкахъ). На одной изъ бесѣдъ, которую помню, шло дѣло о слогѣ и языкѣ современниковъ. Съ обычною веселою шуткой, Хомяковъ замѣтилъ, что князь держится нѣсколько архаичнаго стиля и любитъ церковно-славянскіе обороты, даже въ живомъ разговорѣ: и правда, это постоянно отличало молодаго писателя въ первой его литературной дѣятельности, вскорѣ затѣмъ развившейся, особенно на страницахъ «Русской Бесѣды»; а въ послѣдующихъ письмахъ его, бумагахъ разнаго содержанія и во всякой бесѣдѣ о чемъ либо серьозномъ очень часто слышались типическія выраженія древняго языка (ихъ легко замѣтить и

по нимъ отличить перо или рѣчь Черкасскаго). Князь соглашался съ этимъ, прибавляя, что отъ привычки этой не считаетъ онъ нужнымъ отдѣлываться, да и не можетъ, хотя бы желалъ. И тутъ же узналъ я причину: мать, занимавшаяся безъ отца его воспитаніемъ, поручила обученіе извѣстному О. М. Бодянскому, и онъ же готовилъ князя къ университетскому вступительному экзамену. Незабвенный нашъ старшій Славистъ, со всею его глубокою ученостью и со всѣми причудливыми странностями, повліялъ на юношу, на характеръ его первыхъ занятій и на самый языкъ; онъ постоянно вспоминалъ князя лучшимъ своимъ ученикомъ и, не за долго до собственной смерти, ввелъ его дѣйствительнымъ членомъ въ Общество Исторіи и Древностей (послѣдовавшій вскорѣ за учителемъ, князь не успѣлъ ни побывать въ засѣданіяхъ, ни участвовать въ «Чтеніяхъ» Общества). Между прочимъ, Бодянскій, какъ извѣстно, имѣлъ много капризныхъ особенностей правописанія: ихъ отчасти наслѣдовалъ Черкасскій и, въ томъ числѣ, напримѣръ, до конца жизни подписывалъ свою фамилію «съ однимъ» с. Я помню, какъ по поводу приведеннаго разговора о слогѣ, да и послѣ, при многихъ случаяхъ, князь отдавалъ глубокую дань благодарности урокамъ Осипа Максимовича, хотя и признавался, что профессоръ усиливался завлечь его окончательно въ область «Славянщины,» но потерпѣлъ неудачу, по «совершенному туману», облекавшему нѣкогда эту сферу и вовсе незаманчивому для живаго, государственнаго ума. Единственно, что̀ отсюда интересовало князя на первыхъ порахъ, это была исторія Гуса, которую онъ внимательно читалъ и обсуждалъ по изслѣдованіямъ Елагина и Новикова, печатавшимся въ «Чтеніяхъ» и «Р. Бесѣдѣ»; собственныхъ же нарѣчій Славянскихъ и исторіи, изложенной на нихъ въ подлинникѣ, Черкасскій не зналъ и не изучалъ, обратившись вообще къ этой области нѣсколько позже, о чемъ скажемъ далѣе.

Послѣ Хомякова, котораго князь не только оцѣнилъ весьма рано по достоинству, но и постоянно за симъ оправдывалъ и защищалъ своимъ бойкимъ краснорѣчіемъ, въ ту пору, когда одни видѣли въ передовомъ человѣкѣ лишь поэта, другіе «неглубокаго» оратора гостиныхъ, третьи «досаднаго» спорщика, — послѣ, него въ знакомствахъ, которыя смѣнялись на глазахъ нашихъ, князь наиболѣе сошелся съ И. В. Кирѣевскимъ. Точкою ихъ сближенія виднѣе всего выдавался «европеизмъ,» до конца жизни отзывавшійся въ быломъ издателѣ «Европейца,» въ умѣ же дѣятеля молодаго еще царившій со всѣмъ возбужденіемъ и питавшійся горячимъ изученіемъ западныхъ политиковъ. Изъ числа сихъ послѣднихъ мы напомнимъ Токвиля и Монталамбера; напомнимъ и замѣчательныя «политическія обозрѣнія», которыя помѣщалъ князь въ «Русской Бесѣдѣ». Оба «Европейца» перебрасывались своими вѣскими сужденіями, по вечерамъ (у Трехъ Святителей, въ домѣ Кирѣевскаго), за шахматною доской, которую оба равно любили: со стороны одного слышалось сомнѣніе и разочарованіе, за то другой полонъ былъ участія къ интересамъ Западной жизни. Впрочемъ, это участіе далеко не выражало

собою сочувствія: въ князѣ Черкасскомъ это было скорѣе желаніе помѣряться съ соперникомъ, мало по малу опредѣлявшимся для Россіи; это было признаніе мощныхъ непріятельскихъ силъ и оцѣнка той упругости ихъ, съ которою давно уже приходилось состязаться и надолго еще предстояло бороться Русскому человѣку. Почти тоже направленіе, хотя уже болѣе литературное, чѣмъ научное, привело князя отъ Кирѣевскаго къ матери его, А. П. Елагиной, къ этому долголѣтнему, живому центру всѣхъ поэтическихъ и литературныхъ преданій изъ блестящаго періода нашей «европейстововавшей» словесности. Въ младшемъ ея сынѣ, Черкассковй, самъ того не ища, нашелъ навсегда страстнаго послѣдователя мнѣніямъ, взглядамъ и даже выраженіямъ: Н. А. Елагинъ, до конца жизни, недавно прекратившейся, оставался самымъ вѣрнымъ приверженцемъ горячо любимаго имъ князя. Замѣтимъ кстати, что, по мѣрѣ роста въ своемъ развитіи и вліяніи, князь пріобрѣталъ «поклонниковъ» весьма многихъ. Къ сожалѣнію, между ними часто оказывались люди, праздно его хвалившіе, или искавшіе попасть какимъ нибудь своимъ бокомъ въ ореолъ его славы, или попросту находившіе разсчетъ имъ пользоваться. Облѣпляя своею массою крупнаго дѣятеля, какъ облѣпляютъ мухи все сладкое, обыкновенно они образуютъ въ охватъ его и порою даже на немъ самомъ какую-то, чуждую его природѣ, оболочку, сквозь которую трудно бываетъ иногда пробиться связямъ искреннимъ, отзыву прямому и слову правдивому, вообще же такому воздѣйствію, которое принесло бы пользу для самого дѣятеля. Князь отнюдь не искалъ подобныхъ поклонниковъ, но весьма терпѣлъ ихъ близъ себя; не отталкивалъ, не отстранялъ ничьихъ возраженій, тѣмъ больше, что самъ любилъ и какъ никто умѣлъ спорить, но, при всемъ томъ, ему видимо нравилось, когда съ нимъ соглашались или даже подчинялись его мнѣніямъ. Тѣмъ выше ставимъ мы такихъ безкорыстныхъ приверженцевъ, какихъ нашелъ себѣ князь—среди общества въ Елагинѣ, среди Варшавскихъ дѣлъ въ Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ и М. Л. Людоговскомъ, среди Московской Думы въ покойномъ В. М. Лосевѣ: то были самые близкіе свидѣтели его дѣятельности и точные исполнители его начертаній, и они безспорно заслужили этимъ добрую у насъ память. Гостиная старушки Елагиной, въ послѣднихъ 40-хъ и первыхъ 50-хъ годахъ, вмѣщала все лучшее изъ Московскаго общества, все умное и образованное, ученое, литературное и художественное: тутъ былъ и Соболевскій, и Чадаевъ, и Грановскій, и все «Западное.» Горючаго матеріала было много, много представлялось предметовъ и поводовъ для спора Славянофиламъ, въ среду которыхъ уже входилъ и постепенно втянулся Черкасскій. Но, тогда какъ К. С. Аксаковъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, прямо шелъ на смертный бой, Ю. Ѳ. Самаринъ намѣренно завлекалъ противниковъ подъ лезвее своего тонкаго анализа, а Хомяковъ любилъ ихъ даже «стравливать,» любуясь со стороны и отъ души смѣясь плодамъ своего труда,—князь, напротивъ, всегда почти устранялся при этомъ отъ споровъ и охотно отшучивался. Его скорѣе можно было застать въ горячихъ преніяхъ съ Хомяковымъ, и съ К. С. Аксако-

вымъ, и съ прочими «сотоварищами», чѣмъ съ прямыми противниками. Обдумывая причины тому, со временемъ мы убѣдились, что здѣсь дѣйствовалъ не столько помянутый «европеизмъ», ради котораго одно время завлекали князя усильно на свою сторону Московскіе «Западники», но съ которымъ онъ не прочь былъ бы бороться и позднѣе дѣйствительно столкнулся, сколько—употребимъ это выраженіе—здѣсь дѣйствовалъ экономическій разсчетъ силъ: свои силы берегъ князь для важнѣйшаго, чего инстинктивно ожидалъ въ своемъ будущемъ; а чужія силы—въ наличныхъ представителяхъ борьбы—казались ему несоразмѣрны съ его собственными, не на столько вызывательны, чтобы подвигнуть его изъ спокойствія; съ ними могли успѣшно бороться и другіе, и другіе скорѣе даже могли разсчитывать на побѣду. Короче, среди тогдашнихъ гостиныхъ, противники не имѣли характера политическаго—въ собственномъ его смыслѣ, ни общественнаго, который тѣсно граничилъ бы съ политикой, или хоть съ политическою стороною народной жизни; а эта политическая сторона, она-то и воспитывалась, она и росла тогда въ развитіи князя. Можно сказать, онъ выжидалъ себѣ соперника по образу и подобію, и онъ нашелъ такого, съ тѣхъ поръ какъ началъ издаваться въ Москвѣ Русскій Вѣстникъ, политическія статьи котораго перешли скоро въ Московскія Вѣдомости. Нападенія на Славянофиловъ, на такъ называемую «Русскую науку», «Русское направленіе» и т. д. совершены были отсюда на первыхъ же порахъ, съ истинною жестокостію: мы помнимъ хорошо дѣйствіе этой всесокрушавшей силы, спѣшившей отстоять достоинство Западной Европы и значеніе общечеловѣческой науки. Когда появилась извѣстная статья объ «Анти-историческомъ направленіи» (разумѣя подъ нимъ Славянофильское и Русское), кто готовъ былъ къ борьбѣ, тотчасъ же выступилъ съ отвѣтомъ: то были Хомяковъ, К. С. Аксаковъ, Самаринъ и пишущій эти строки. Черкасскій не только не спѣшилъ тогда отвѣчать на что либо, даже нисколько не волновался и не готовился; онъ посмѣивался и даже подшучивалъ, сопровождая слова свои совѣтами: «Напрасно; вы смотрите на предметъ слишкомъ серьозно и не такъ беретесь за преніе. Вы не удивите ихъ логическимъ анализомъ, не убѣдите обстоятельнымъ знаніемъ; если же такъ, вы только отпарируйте; найдите комическую сторону,—а она есть; ссылайтесь на нее, какъ можно короче, но чаще, и твердите, и выставляйте всѣмъ на показъ то неразборчивое оружіе, съ какимъ нападаютъ на Славянофиловъ; въ концѣ концовъ, необходимо вамъ получить своего противника смѣшнымъ, то есть въ истинномъ его свѣтѣ». Но вотъ мало по малу, въ бесѣдахъ Московскихъ, а за тѣмъ и въ сферахъ Петербургскихъ, начали разгараться вопросы о положеніи нашего крестьянства, при Р. Бесѣдѣ появилось «Сельское Благоустройство», и вскорѣ самъ Черкасскій попалъ на страницы Р. Вѣстника, прямо подъ мечь его редакціи. Куда дѣвались совѣты, шутки и смѣхъ князя! Онъ сдѣлался серьозенъ, онъ былъ даже смущенъ. Отзывы о немъ росли и раздавались въ рупоръ. Явились готовые враги, подхватывали и разносили; въ Тульскихъ

имѣніяхъ, на съѣздахъ, на выборахъ готовились князю непріятныя исторіи. Онъ отвѣчалъ, какъ могъ и какъ всѣ ожидали, но, прибавимъ, отвѣчалъ неспокойно. «Тутъ уже не въ рѣчахъ дѣло и не въ статьяхъ», говорилъ онъ; «тутъ нужно отвѣчать самимъ дѣломъ; я докажу имъ (кому?), что я не крѣпостникъ и не западный либералъ». Самое дѣло это, столь извѣстное, наступило въ государственной практикѣ нѣсколько позже по времени; мы упреждаемъ его въ своемъ очеркѣ для того, чтобы напомнить первыя, такъ сказать, публичныя отношенія князя къ литературѣ и общественному мнѣнію. Знаемъ также, что къ дѣятельному участію въ обширномъ «крестьянскомъ вопросѣ» Черкасскій готовился раньше и уже давно: и въ теоріи, средствами науки и образованности, и въ личной практикѣ, какъ составитель весьма опредѣленнаго, хотя недолго существовавшаго въ Тулѣ, кружка доброжелателей крестьянству (1847—48), и какъ хозяинъ-собственникъ, достаточно крупный съ того періода, къ которому мы еще вскорѣ вернемся. Но для послѣднихъ 50-хъ годовъ, затронутыхъ сейчасъ нами, мы можемъ утвердить столь же положительно, что вызовы, задѣвшіе князя колко и несправедливо, въ статьяхъ печати и во мнѣніяхъ Русскаго общества, немало подѣйствовали на рѣшимость его и окончательно выдвинули его на публичное поприще, на которомъ стяжалъ онъ себѣ первую достойную извѣстность и съ котораго пошелъ дальше твердыми шагами. Онъ получилъ здѣсь лучшую почву для доказательства своихъ убѣжденій, онъ далъ этимъ лучшій отвѣтъ своимъ противникамъ, общественнымъ и литературнымъ. По нашему мнѣнію, достоинство соперниковъ измѣряется именно тѣмъ, на сколько они подъ конецъ спора могутъ сойтись друзьями и единомышленниками. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: исходившіе изъ двухъ, повидимому противуположныхъ, направленій и лагерей, оба соперника, о которыхъ теперь говоримъ мы, сблизились тѣсно между собою впослѣдствіи, сблизились и во взглядахъ, и въ дѣятельности, и въ отзывахъ другъ о другѣ, и даже въ личныхъ связяхъ. Особенности каждаго изъ нихъ остались во всей силѣ, и жизненная практика одного, и литературный кабинетъ другаго; но, если наше поколѣніе знаетъ двухъ политическихъ дѣятелей, наиболѣе сродныхъ по цѣлямъ, наиболѣе для Россіи вліятельныхъ и окруженныхъ одинакими врагами, то это именно они двое. Счастье, что таковъ послѣдній результатъ ихъ взаимнодѣйствія другъ на друга; но все-таки любопытно будетъ сравнить со временемъ, на сколько этотъ путь ихъ борьбы и сближенія измѣнилъ Черкасскаго, на сколько нынѣшняя редакція Московскихъ Вѣдомостей ушла впередъ отъ Русскаго Вѣстника первыхъ годовъ.

Возвращаясь послѣ этого отступленія, вспоминаемъ, что, будучи со всѣми, какъ говорятъ, хорошъ, князь, кромѣ Хомякова, Кирѣевскаго и Елагиныхъ, долгое время ни съ кѣмъ особено не сближался въ кругу Славянофиловъ, а тѣмъ менѣе Западниковъ. Съ К. С. Аксаковымъ по причинѣ очень простой и извѣстной: Аксаковъ былъ слишкомъ серьозенъ въ занимавшихъ его вопросахъ и, будучи младенцемъ въ душѣ, не могъ однакоже выносить ни игры, ни шутки

какимъ нибудь предметомъ, а между тѣмъ шутка вопросомъ бесѣды и игра словами была постоянною наклонностью князя. Отъ того, при встрѣчахъ, роли ихъ совершенно перемѣнялись, и весьма страннымъ образомъ для взгляда, неопытнаго психологически: Черкасскій выслушивалъ Аксакова всегда весьма серьозно, молчаливо, скромно, какъ бы ожидая иначе опаснаго взрыва; Аксаковъ же относился къ рѣчамъ князя съ постоянною улыбкою, предполагая за ними болѣе или менѣе шутку и заранѣе ее прощая. Съ Ю. Ѳ. Самаринымъ отношенія князя первое время были весьма сдержанны и почти что холодны; въ этомъ была опять своего рода экономія силъ: двухъ хорошихъ друзей заразъ имѣть нельзя, а Самаринъ былъ теплымъ другомъ Аксакова, и только смерть послѣдняго, такъ сказать, освободила его чувства. Тогда-то, отчасти по особенному случаю (когда болѣзнь одного дала поводъ другому доказать теплоту дружбы), всего же больше при завершеніи крестьянскаго и съ подъемомъ Польскаго вопроса, Самаринъ сошелся тѣсно съ княземъ, и имена ихъ, въ троемъ съ Н. А. Милютинымъ, сдѣлались неразлучны.

Очень важны для характеристики князя Черкасскаго отношенія его къ Русской исторіи или, правильнѣе, къ школамъ ея изученія и пониманія. Съ умомъ свѣтлымъ и строго-систематическимъ, онъ былъ однакоже совершенный врагъ всякой педагогики, методологіи, а потому и школы въ наукѣ, и гелертерства. Будущій устроитель судебъ Славянства, отъ Бодянскаго (по самому характеру этого ученаго) не могъ онъ получить свѣдѣній точныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ и строго систематическихъ,—ни въ области Славянства и въ ея древностяхъ, ни въ области исторіи Русской. За то самое лучшее, что̀ могъ сдѣлать Бодянскій, это—подвести къ лѣтописямъ, заинтересовать древними памятниками, пріучить къ чтенію и обратить къ Карамзину: это и выполнилъ учитель, тѣмъ успѣшнѣе, что самъ вѣровалъ и присягалъ тому же. Черкасскій выросъ на Карамзинѣ, у него перенялъ серьозность отношенія къ древности, солидность взгляда, степенность и литературность изложенія. Вмѣстѣ съ симъ онъ пріобрѣлъ значительную свободу воззрѣній, отличавшую нашего лучшаго исторіографа, опасеніе всякой тенденціозности и потому отвращеніе отъ новѣйшей «Московской школы» его эпохи. Естественно, какъ и слѣдовало ожидать, отъ Карамзина перешелъ онъ прямо къ Погодину, его (въ дѣлѣ исторіи) всегда внимательно читалъ и слушалъ, хотя и не сходился съ его политическими воззрѣніями, въ особенности на Славянскій вопросъ; а отъ Погодина еще прямѣе и скорѣе обратился къ И. Д. Бѣляеву. Замѣчательно это постоянное, глубокое уваженіе его и довѣріе къ сему послѣднему, къ ученому, котораго конечно Славянофилы ставили всегда очень высоко, а наука начинаетъ теперь цѣнить повсюду, но котораго въ ту пору чуть не «загнали» своимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ рьяные школяры и сухіе пропагандисты узенькихъ теорій. Казалось, частое повтореніе о «государственномъ нарядѣ и строѣ» скорѣе могло бы завлечь государственный умъ князя въ сторону этихъ новаторовъ, тѣмъ больше, что Бѣляевъ, по какимъ-то недоразумѣ-

ніямъ, былъ долго врагомъ Бодянскому: вышло иначе, и живое чутье народнаго смысла въ Русской исторіи сблизило князя по преимуществу съ Иваномъ Дмитріевичемъ. У него бывалъ князь очень часто (въ тѣсномъ, почти убогомъ жильѣ на концѣ Проточнаго переулка подъ Смоленскимъ рынкомъ), сиживалъ долго по пріемнымъ Воскресеньямъ, выслушивалъ терпѣливо чтеніе длинныхъ столбцевъ, аршинныхъ актовъ и сотни Бѣляевскихъ статей, вытвердилъ «Исторію крестьянъ на Руси» и громко утверждалъ всегда, что самыми точными и дѣльными свѣдѣніями о Русской общинѣ обязанъ онъ Бѣляеву. Это и помогло князю много при послѣдующемъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Вотъ главнѣйшіе элементы и связи, участвовавшіе въ развитіи Черкасскаго послѣ его университетскаго образованія въ кругу Славянофильскомъ и предъ выходомъ на обширную сцену дѣятельности.

Но, передъ симъ выходомъ, наступила для князя важная перемѣна въ жизни, эпоха, въ которую и мы получили особенный случай узнать его близко. Это была его женидьба. Въ высшемъ кругѣ тогдашняго Московскаго общества и въ родственныхъ, близкихъ сношеніяхъ съ Петербургскою знатью, выдавалось семейство Васильчиковыхъ, выдавалось сколько лучшимъ тономъ, столько же патріархальною строгостію семейныхъ началъ и порядковъ, глубокою религіозностію, богатствомъ хозяйства и благоустройствомъ дома, а вмѣстѣ значительной образованностью, которая открывала ласковый и лестный пріемъ всѣмъ виднымъ ученымъ, литераторамъ и художникамъ, и даже чаще имъ, чѣмъ формннымъ визитамъ и чопорнымъ посѣтителямъ раутовъ. Здѣсь можно было встрѣтить и Хомякова въ полурусскомъ платьѣ и поношеномъ коричневомъ сюртучкѣ оригинальнаго покроя, и К. С. Аксакова въ его неприхотливомъ нарядѣ, и Гоголя съ нависшими прядями волосъ, въ яхонтномъ бархатномъ жилетѣ, забрызганнаго снизу до колѣнъ грязью отъ калошъ, и Бодянскаго въ допотопномъ фракѣ, споришаго ловкостью походки и пріемовъ съ Бѣляевымъ, и благообразнаго Шевырева съ изящнымъ Грановскимъ, смѣнившихъ Петербургскія посѣщенія Плетнева, и скромныхъ тружениковъ всякой отрасли науки и искусства, и все это рядомъ съ особами или великосвѣтскими фигурами, невольно жавшимися и добровольно терпѣвшими подобное сообщество изъ уваженія къ хозяевамъ. Отецъ, знатный, уважаемый и свѣтски-вѣжливый старикъ; представительная хозяйка-мать, нѣкогда любимица и фрейлина императрицы Маріи Ѳедоровны, поглощенная заботами о домѣ, отлично ею веденномъ, и о дѣтяхъ, всѣмъ ей обязанныхъ, привѣтливая ко всѣмъ и расположенная на добро всякому; красавица-дочь, вышедшая за графа Баранова; старшій сынъ, отличный студентъ и кандидатъ университета, столько извѣстный впослѣдствіи своимъ самопожертвованіемъ на благо горячо полюбившихъ его Черногорцевъ; наконецъ—младшая дочь, Екатерина Алексѣевна... Свадьба была въ подмосковномъ имѣньи Васильчиковыхъ (Подольскаго уѣзда), въ кругу ближайшихъ родныхъ и друзей дома, въ сельской церкви и въ дере-

вянномъ домѣ усадьбы, какъ сейчасъ помнимъ—вечеромъ, въ ясный лѣтній день.

Простота загородной обстановки, деревенское житье, безъ чиновъ и съ ежедневными прогулками, все это, сближавшее гостей и сожителей, дало возможность и намъ короче узнать князя Черкасскаго, возобновляя и оживляя прежнія съ нимъ сношенія. Впослѣдствіи намъ оставалось только повѣрять свои впечатлѣнія и подкрѣплять еще больше убѣжденія, однажды и прочно установившіяся въ ту пору. Не будемъ повторять того, что̀ вынесено нами отсюда и уже обрисовано отчасти выше,—о талантахъ и внутреннихъ свойствахъ князя; о другихъ же пріемахъ и манерахъ, болѣе внѣшнихъ, скажемъ еще ниже. Отмѣтимъ здѣсь только то, что̀ подвергалось часто превратнымъ толкованіямъ, изъ преувеличенной похвалы и незнанія, или изъ затаенной зависти и вражды. Такъ, князя считали и считаютъ многіе холоднымъ, положительнымъ человѣкомъ практики, человѣкомъ сухаго и политическаго расчета, даже матеріальныхъ выгодъ и себялюбиваго успокоенія. Начнемъ съ того, что эта пресловутая практика кн. Черкасскаго была практика крупная: она мѣтила на устройство народнаго быта въ самомъ обширномъ размѣрѣ, на участіе въ государственномъ распорядкѣ, на политическую роль; мѣтила и шла съ твердымъ спокойствіемъ къ этимъ цѣлямъ, сознавая и силы свои, и способность, но никогда самой лучшей цѣли не добивалась и не навязывалась для нея усильно. Поприще дѣятельности, размѣры успѣха, ступени отличія—сами отыскивали князя и д а в а л и с ь ему: въ этомъ состояло особенное его счастье, платившее ему за его достоинства. Ни мелочей, ни дробныхъ расчетовъ въ его планы не входило: они п р и л а г а л и с ь ему, какъ «приложатся» всякому, идущему путемъ «царственнымъ».

Помнимъ живо изъ той же «деревенской» жизни, насъ поразили въ немъ двѣ черты. Во первыхъ, кажущійся практикъ вовсе не спѣшилъ на дѣлѣ явить собою образецъ усерднаго, заботливаго или ловкаго хозяина, хотя представлялось много къ тому поводовъ и хотя богатыя имѣнья новыхъ родныхъ прямо «предлагались» его «опытному» распоряженію. Напротивъ, именно теперь, когда миновала крайность, руководившая нѣкогда попеченіями студента, молодой хозяинъ оказывался порою не только безпеченъ, но даже лѣнивъ на подъемъ. Вторая черта касалась народнаго или, лучше, нашего крестьянскаго быта. Политико-экономъ, ученый, слѣдившій исторически судьбы крестьянства, человѣкъ, и теоріей, и государственнымъ взглядомъ смотрѣвшій далеко впередъ—къ благоустройству народнаго быта, удивилъ насъ тѣмъ, какъ мало, за предѣлами своего Тульскаго хозяйства, знако̀мъ онъ былъ въ ту пору съ простѣйшими элементами и мелкими отличіями нашего крестьянскаго, мужицкаго, деревенскаго быта, въ разныхъ его видахъ по областямъ Россіи. Не говоримъ, чтобы онъ не вѣдалъ «народнаго», болѣе или менѣе общаго и обширнаго, частію отвлеченно, частію теоретически и даже исторически познаваемаго быта: онъ не зналъ многаго въ наличномъ, обиход-

номъ, житейскомъ и дробномъ. У насъ привыкли все раздувать фразами, и мы предчувствуемъ въ прессѣ характеристики кн. Черкасскаго, съ предисловіями въ этомъ родѣ: «Готовясь на служеніе подвигу, поглотившему всю его жизнь въ жертву меньшей братіи, князь долго и глубоко изучалъ крестьянскій бытъ, съ коимъ тѣсно связанъ былъ отъ дѣтства, и выступилъ отсюда впослѣдствіи во всеоружіи знаній»... Беретъ невольная досада; мало, что ускользаетъ отсюда правда, которая всегда должна поучать насъ въ біографіи крупныхъ дѣятелей: отсюда ускользаетъ самое очаровательное—живой образъ человѣка. Напротивъ, тѣмъ болѣе чести покойному князю, что онъ со временемъ старался дополнить недостававшее ему и любопытствовалъ распросить о томъ у перваго близкаго человѣка, не пропуская удобнаго случая, усаживая передъ собою и приглашая «поговорить о дѣлахъ» любаго, будь то огородникъ или садовникъ, староста и содержатель постоялаго двора, сельскій лавочникъ и кустарный промышленникъ, заѣзжій торговецъ или старовѣръ. При скудости нашего запаса, и намъ случалось сообщать ему немало подобныхъ отвѣтовъ на распросы. Мы приведемъ еще примѣръ изъ области тѣсно слитой съ крестьянскимъ бытомъ,—изъ народнаго творчества. Въ ту пору заняты мы были собираніемъ духовныхъ Стиховъ, записывая ихъ изъ устъ; князь прихаживалъ самъ, чтобы посмотрѣть и послушать пѣвцовъ, наблюдалъ, какъ записывается и что̀ изъ записаннаго слагается. Но здѣсь у мѣста повторить примѣчаніе, брошенное выше мимоходомъ: насъ поражала всегда въ Самаринѣ и Черкасскомъ эта разумная и размѣренная экономія силъ (назвать иначе не можемъ). Самаринъ порою еще вырывался отсюда, еще поддавался увлеченіямъ и чаще старался казаться расчетливымъ на силы, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ; Черкасскій же вполнѣ умѣлъ владѣть капиталомъ этого рода. Хомяковъ не любилъ расходовъ и тратъ, но не былъ экономенъ ни въ занятіяхъ, ни въ рѣчахъ, ни во времени, ни въ порывахъ, ни въ борьбѣ. Черкасскій не былъ скупъ, значительно былъ безпеченъ въ доходахъ и расходахъ, и — однако — въ высшей степени былъ умѣренъ и экономенъ на употребленіе силъ своихъ и на дѣятельность. Мы уже говорили, какъ онъ уклонялся съ молоду отъ лишнихъ споровъ и столкновеній, хотя вообще любилъ ихъ и умѣлъ вести, а дѣлалъ это именно изъ расчета силъ: таковъ же былъ онъ въ своей любознательности, выбирая предметы только нужнѣйшіе, и въ ту мѣру, и на то время, когда необходимость настояла ближе. «Это въ высшей степени интересно и важно, трудитесь, я готовъ помогать, но — это не мое дѣло, и я очень благодаренъ вамъ, что вы меня ознакомили скоро и кратко, давая свободу оставить вашу область и обратиться къ моей собственной», таковы были его рѣчи въ большинствѣ случаевъ. И такъ онъ берегъ свои силы, такъ копилъ ихъ въ однородную массу съ самой строгой опредѣленностію, дабы послѣ направить ихъ на одинъ пунктъ, нужнѣйшій ему и важнѣйшій. Свойство это знавали мы и за нѣсколькими другими, одинаково крупными

лицами, хотя далеко не за всѣми изъ нихъ и всего меньше изъ круга Славянофиловъ.

Говоря о новомъ семействѣ, куда вступилъ князь (дѣтей онъ не имѣлъ), нельзя промолчать объ отношеніяхъ къ тому, изъ котораго онъ вышелъ, въ особенности къ матери. Серіозная и строгая по наружности, хотя въ душѣ очень добрая, замѣчательно скромная и молчаливая, впослѣдствіи глухая, старушка-княгиня проживала въ Москвѣ. Сынъ платилъ ей почтительностью и привязанностью, рѣдкою въ наше время; долгіе годы, онъ не пропускалъ дня, чтобы не посѣтить ея. А временемъ онъ дорожилъ.

Если собрать разбросанныя у насъ выше черты кн. Черкасскаго и вспомнить обученіе его у Бодянскаго съ послѣдствіемъ разныхъ архаизмовъ, патріархальность отношеній его къ собственному семейству, вступленіе въ семейство новое, столь же патріархальное, отвращеніе отъ юныхъ школъ въ Русской исторіи и тѣсныя связи со школою старшею, привязанность къ Погодину и Бѣляеву, а наконецъ развитіе въ кругу Славянофиловъ: тогда для всякаго становится ясно, что и по склонности, и по воспитанію, и самому лучшему періоду развитія, условившаго всю грядущую дѣятельность князя, онъ былъ преимущественно консерваторомъ и принадлежалъ къ такъ называемой «Московской партіи старой». А между тѣмъ, можетъ статься, никто еще не шелъ такъ прямо и рѣшительно, какъ онъ, на встрѣчу реформъ, политическихъ и народныхъ, никто изъ его современниковъ не выполнилъ реформъ на практикѣ съ такимъ разнообразіемъ, и никто столь разновидно не содѣйствовалъ реформамъ нынѣшняго царствованія. Убѣждаемся еще разъ, что красота цвѣта и обиліе плода зависятъ наиболѣе отъ глубины корней. Новая Русь тѣмъ и счастлива, что можетъ еще уходить глубоко своими корнями въ древнюю. Но тѣмъ любопытнѣе напомнить, что въ высшихъ сферахъ считали князя какимъ-то краснымъ либераломъ, а въ тоже время пресса и ходячая молва интелигенціи провозглашали его отсталымъ администраторомъ и деспотомъ.

Дѣятельность кн. Черкасскаго замѣтно располагалась всегда крупными періодами, если угодно пріемами или слоями, между которыми образовались обыкновенно довольно значительные промежутки, посвященные на роздыхъ и, какъ говорится, на «собираніе себя», то есть на сборъ силъ въ отчетность пройденному и въ обезпеченіе предстоявшему. Послѣ дѣтства и ранней юности, первый періодъ выразился университетомъ и трудомъ личнаго развитія въ кругу Славянофиловъ: онъ завершился супружествомъ. Второй періодъ отданъ былъ крестьянскому вопросу, третій Польскимъ дѣламъ, четвертый Московскому городскому устройству, пятый общему Славянскому вопросу и Болгаріи.—За первымъ періодомъ послѣдовалъ извѣстный промежутокъ: Черкасскій появился въ рядахъ знати, не только по роду, но и по положенію, счастливымъ супругомъ, видною особою (хотя все еще титулярнымъ совѣтникомъ), вліятельнымъ лицомъ общества, опредѣлившимся писателемъ, посѣтителемъ Англійскаго клуба и вожделѣннымъ гостемъ гостиныхъ.

Мы замѣтили, что въ существенномъ характерѣ онъ при этихъ переходахъ не измѣнялся; но не могло не оказаться измѣненій въ наружности, въ пріемахъ и обращеніи, въ условной обстановкѣ, въ способахъ жизни и во всѣхъ прочихъ внѣшнихъ чертахъ, не столько рисующихъ образъ человѣка, сколько вставляющихъ его въ извѣстную опредѣленную рамку. Начиная съ той первой минуты, какъ мы узнали князя студентомъ, до его положенія женихомъ, князь былъ весьма худощавъ; очки плотно надвигались на глаза и держались къ верху; голова была приподнята, и взоръ былъ устремленъ прямо; лицо, довольно блѣдное, окаймлялось тонкими бакенбардами; выраженіе на немъ не столько было строго, сколько сосредоточенно и сдержанно; сперва воротникъ, потомъ стоячіе воротнички, сперва вицмундиръ, потомъ узкій сюртукъ, все это плотно застегивалось или какъ-то подтягивалось, почти вздергивалось; къ нему шло Латинское выраженіе strenuus, Русское «въ струнку»; ни малѣйшаго послабленія себѣ въ чемъ либо, вялости, распущенности, лѣни; походка легка, быстра и рѣшительна; пріемы скромны, но незастѣнчивы, ровны и непорывисты; голосъ ясный и пріятный, хотя нѣсколько углубленный внутрь и постоянно въ нижнихъ тонахъ; рѣчь, какъ всегда, текуча и увлекательна; но звонкаго смѣха, тѣмъ паче громкаго хохота, какъ и послѣ до конца жизни, не было слышно никогда, и это глубоко отличало князя не только отъ Хомякова, но даже отъ С. К. Аксакова: это замѣнялось какимъ-то смѣхомъ «внутреннимъ», оригинально смѣявшимися и игравшими глазами; шутка очень часто была колкою, но не столько насмѣшливою, сколько внушительною. Въ промежуткѣ послѣ перваго періода, обозначились противу прежняго перемѣны; лицо несравненно бѣлѣе и свѣжѣе, на немъ заигралъ румянецъ; походка какъ-то скользила, и одна нога шаркала впередъ: онъ входилъ въ комнату почти неслышно и показывался вдругъ, напоминая о появленіи легкимъ шарканьемъ. Выраженіе лица пріобрѣло болѣе ласковости и привѣтливости; тонъ голоса сдѣлался мягче, улыбка и усмѣшка появлялись чаще; во всемъ разливалось замѣтное довольство; корпусъ начиналъ нѣсколько полнѣть, хотя еще безъ толщины; подтянутость и выдержка въ струнку смѣнилась нѣкоторой сановитостью, опредѣлилось что-то въ родѣ сана, хотя и не служебнаго. Въ рѣчахъ наступило болѣе самоувѣренности и не столько прежней стойкости, сколько новой настойчивости. Князь читалъ ежедневно, читалъ бездну и по большей части долго за полночь (прибавимъ кстати, что изъ иностранныхъ литературъ читалъ онъ понѣмецки и всего больше пофранцузски); вставалъ потому же очень поздно, около полудня, углублялся въ газеты и довольно много дѣлалъ визитовъ; обѣдалъ съ хорошимъ аппетитомъ, но неразборчиво въ кушаньяхъ,—въ нихъ не зналъ онъ никакой изысканности и не обращалъ на нихъ вниманія; вина почти не пилъ. Къ сожалѣнію (что̀ впослѣдствіи сильно повредило его крѣпкому здоровью) онъ весьма много сидѣлъ, постоянно употреблялъ экипажъ, не любилъ въ городѣ верховой ѣзды (пользуясь ею только въ деревнѣ, для осмотра работъ) и никогда почти не ходилъ пѣшкомъ. Блестящій

и значительно колкій умъ его, щедро разсыпаемыя въ рѣчи богатыя свѣдѣнія, краснорѣчіе не прерывавшееся въ быстромъ теченіи, споръ бойкій, остроумный, находчивый, доступность всѣмъ и каждому, любезность въ обращеніи, далеко превышавшая обыкновенную вѣжливость, — все это совершенно очаровывало каждую сферу, въ какой только появлялся князь, отъ великосвѣтскихъ гостиныхъ до клубныхъ вечеровъ, отъ засѣданій ученыхъ обществъ до дружескихъ бесѣдъ въ маленькомъ кружкѣ, отъ дворянскихъ и всякихъ собраній до дѣловыхъ переговоровъ съ подрядчиками или крестьянами. Ю. Ѳ. Самаринъ, въ равной мѣрѣ (хотя не одинаково, по своему) краснорѣчивый, вдавался въ глубокій анализъ, входилъ въ положеніе собесѣдника и безпрестанно возвращался внутрь себя; онъ постоянно трудился надъ собою, былъ неумолимъ и даже жестокъ къ самому себѣ, личными жертвами питалъ силу своего вліянія и, вырабатывая что нибудь внѣ себя, прежде всего вырабатывалъ себя самого. Ничего подобнаго не задавалъ себѣ Черкасскій задачею, не вступалъ въ подобныя роли, не допускалъ стороннимъ подмѣчать внутренней своей работы и не думалъ входить въ расположенія другихъ. Онъ весь былъ наружи, но не въ смыслѣ откровенности, разоблачающей личныя тайны, а скорѣе какъ цѣльный, какъ будто съ разу навсегда отлитой металлически, въ непроницаемой и неуязвимой бронѣ самоувѣренности. Избраннаго предмета держался онъ объективно, не сходя самъ и не позволяя сопернику или собесѣднику сходить съ занятаго поля. Онъ могъ быть только побѣдителемъ и тамъ лишь вступалъ на арену, откуда увѣренъ былъ выйти съ торжествомъ; но, торжествуя, не былъ однакоже неумолимъ и сопровождалъ самого проигравшаго готовою снисходительностью. Любезный образъ, очаровательная фигура: какъ будто доселѣ между всѣми нами, и долго незамѣнимо будетъ мѣсто, оставленное по смерти празднымъ.

Помимо семейныхъ отношеній, давно уже по чему-то ставится вопросъ: очаровывая вокругъ и любезный въ обществѣ, любилъ ли самъ кого нибудь князь Черкасскій? Вопросъ, въ сущности безправный и праздный; если можно на минуту заняться имъ, то развѣ потому лишь, что онъ сдѣланъ вопросомъ, не разъ слышанъ нами и можетъ возобновиться. Отвѣтимъ мы другимъ вопросомъ: любилъ ли кто нибудь самого князя? И всякій, кто только хорошенько узнавалъ его или даже способенъ былъ узнать, всякій скажетъ безъ сомнѣнія, что не любить его было нельзя. Но для этого именно нужно было узнать его, а чтобы узнать, къ тому еще потребна была способность. Прежде всего, не повторяя о помянутыхъ, преданныхъ князю лицахъ, находимъ, что его положительно отъ души любили такіе люди, какъ Хомяковъ и К. С. Аксаковъ (хотя и не сближавшійся съ нимъ и не сходившійся во мнѣніяхъ), а по смерти Аксакова Самаринъ, привязанный къ князю теплою дружбою. Довольно именовать ихъ, чтобы не перечислять прочихъ; а этихъ прочихъ, любившихъ князя, было такое множество! Правда, онъ не былъ, какъ говорится, симпатичнымъ, то есть—для всѣхъ и для кажда-

го; но, и не будучи такимъ, можно еще любить многихъ и заставлять любить себя. Правда еще, за тѣми, кто любилъ князя, оставалась масса другихъ, столь же положительно не любившихъ его; но значительную часть ихъ смѣло можно отнести къ тѣмъ, кто былъ самъ неспособенъ ни узнать, ни оцѣнить князя, и въ этомъ конечно онъ уже невиновенъ. Къ сожалѣнію, въ той же массѣ насчитывается довольно еще такихъ, кто не могъ узнать князя, кому нельзя было узнать его, при всей близости съ нимъ и частыхъ сношеніяхъ; говоримъ—къ сожалѣнію, ибо если не вина, то причина тому крылась въ самомъ Черкасскомъ. Въ общихъ ли дѣлахъ, въ спорахъ ли и даже въ частныхъ бесѣдахъ, князь, какъ замѣтили мы, держался очень объективно: поприще, гдѣ съ нимъ сходились, за одно дѣйствовали и боролись, оставалось открытымъ, но онъ самъ вовсе отъ того не былъ открытъ. Откровенность далеко нечужда была его натурѣ и для нѣкоторыхъ была безспорнымъ фактомъ; но она не входила въ принципъ его жизнедѣятельности. Постоянно дѣятель, недавній, настоящій, или подготовляющійся и будущій, всегда болѣе или менѣе борецъ, онъ каждую минуту былъ во всеоружіи, въ извѣстной бронѣ, правда, не всегда воинственной, но за то еще обыкновеннѣе въ бронѣ блестящей; она отражала враговъ, отпарировала нападающимъ, но—она же и ослѣпляла своимъ блескомъ весьма многихъ на счетъ истиннаго характера князя. Многіе, кто искренно и со всею доброю цѣлію хотѣлъ бы узнать его получше, многіе не встрѣчали къ тому никакого доступа. Если уже наружный блескъ высокаго положенія лишаетъ возможности окружающихъ узнать хорошенько человѣка за его мундиромъ, чинами, богатою обстановкою и такъ далѣе, то блескъ ума и краснорѣчія еще рѣшительнѣе можетъ привести къ тому же самому результату, въ особенности, если у человѣка вовсе и не существуетъ принципа предъявлять себя другимъ во всей откровенности. И вотъ разгадка тѣмъ, кто не любилъ князя—такъ сказать—добросовѣстно, сохраняя къ тому личное свое право, ибо составлялъ объ немъ мнѣніе чисто-субъективное, по собственному крайнему усмотрѣнію, мнѣніе, казавшееся вѣрнымъ и единственнымъ, хотя оно нисколько не проникало въ глубокую сущность и скользило по одной блестящей поверхности.

Вопросъ, любилъ ли кого нибудь самъ князь, сводится отсюда гораздо легче къ вопросу о томъ, любили ли его въ обмѣнъ за его собственную любовь, ибо нельзя же не платить взаимностію, если любятъ искренно васъ самихъ. И на это, сверхъ указанныхъ крупныхъ примѣровъ, мы приведемъ еще два. Князь былъ добрымъ университетскимъ товарищемъ, а это хорошій признакъ человѣка; одного изъ своихъ товарищей, извѣстнаго Москвѣ Н....ва, издавна прикованнаго къ болѣзненному одру, князь навѣщалъ безпрестанно. Другой примѣръ еще знакомѣе намъ. Въ эпоху, о которой длится наша рѣчь и когда Черкасскій былъ въ полномъ довольствѣ общественнаго положенія, онъ посѣщалъ въ захолустьѣ Москвы бѣдную квартиру молодаго человѣка, съ которымъ соединяло его единственно развѣ общее

имъ званіе перваго университетскаго кандидата: интересовался усидчивыми занятіями, поддерживалъ бодрость къ нимъ, помогалъ совѣтами, входилъ въ обстоятельства. Побужденіемъ къ такимъ визитамъ, далеко несвѣтскимъ и невынужденнымъ, могла быть одна любовь. И такихъ людей, нравственно обязанныхъ любовью, у Черкасскаго было довольно. Оставимъ же теперь вопросъ открытымъ: безсердечный эгоистъ, какимъ охотно представляютъ иные князя, могъ ли оказывать другимъ знаки истинной любви и въ обмѣнъ привязывать къ себѣ искреннею любовью?

Вскорѣ послѣ женидьбы, и довольно надолго, князь Черкасскій пустился объѣзжать Россію, чтобы, по техническому выраженію той эпохи, «привести въ порядокъ» обширныя имѣнья, порученныя отселѣ его управленію. Какъ всегда, онъ не особенно вызывался на это занятіе и скорѣе смотрѣлъ на него какъ на обузу; но, однажды взявшись, разумѣется глубоко вошелъ въ дѣло и, сколько нужно было, изучилъ его. «Черкасскій строгъ, но справедливъ», писали намъ съ мѣста его объѣздовъ, характеризуя этимъ не дилеттанта и наблюдателя, а дѣловаго распорядителя. Вотъ когда, вслѣдъ за устройствомъ своего прежняго маленькаго хозяйства, первый разъ сблизился онъ практически съ нашимъ крестьянствомъ въ размѣрахъ уже обширныхъ; вотъ когда дополнилъ постепеннымъ опытомъ основные свои взгляды и соображенія. Это былъ новый шагъ, за которымъ Черкасскій могъ уже смѣло идти на вызовы литературы и общественнаго мнѣнія, принявъ непосредственное участіе въ наставшемъ «крестьянскомъ вопросѣ». Дѣятельность князя въ рѣшеніи сей важной задачи, памятная одинаково именами друзей его, Самарина и Милютина, съ достаточной ясностію прошла предъ взорами цѣлаго Русскаго міра; она опредѣлилась здѣсь слишкомъ ярко для того, чтобы намъ старательно извлекать отсюда и напоминать кому либо черты его образа.

Обратимся теперь прямо къ Польскому вопросу и къ дѣятельности Варшавской. Въ короткомъ промежуткѣ и роздыхѣ передъ нею, Черкасскій, сколько было возможно и доступно, спеціально къ ней готовился. Знакомство съ положеніемъ нашего крестьянства и съ общимъ бытомъ народовъ, свѣдѣнія политическія, законодательныя и административныя, познанія въ отечественной исторіи и въ ея задачахъ, глубокое убѣжденіе въ правотѣ Россіи,—все это, фактически извѣстное за княземъ и бѣгло обрисованное нами выше, требовало однакоже, хотя отчасти, дополненій по спеціальному изученію полонизма въ его исторіи, характерѣ и внутренней силѣ. Многіе находили тогда и готовы повторить нынѣ, что эти послѣднія условія для предстоявшихъ трудовъ князя были излишни и что на мѣстѣ, въ самой практикѣ дѣла, могъ онъ почерпнуть себѣ всѣ достаточныя свѣдѣнія для примѣненія нужныхъ мѣръ. Мы согласны, что онъ самъ готовъ былъ громко утверждать тоже, маскируя по обычаю личное свое настроеніе и поддерживая вокругъ увѣренность успѣха; не таково было его сознаніе внутри, и мы лучше другихъ можемъ быть свидѣтелями, что князь проштудировалъ при этомъ не одно серь-

озное сочиненіе о Польшѣ, въ особенности на иностранныхъ языкахъ. Покойный Гильфердингъ, ѣздившій къ нему въ Варшаву, съ предположеніемъ (хотя не осуществившимся) занять тамъ служебное мѣсто, а на проѣздахъ черезъ Вильну долго бесѣдовавшій съ нами, могъ бы подтвердить тоже самое. М. П. Погодинъ и Ѳ. И. Тютчевъ, также бывшіе въ Варшавѣ и у насъ проѣздомъ въ Вильнѣ, дополнили бы подробный разсказъ. Но что можетъ быть яснѣе этого дѣла для насъ самихъ? Мы хранимъ отъ того времени переписку съ княземъ, хотя часть ея и пропадала на почтѣ, къ обоюдному сожалѣнію; мы, въ слѣдъ за княземъ, при значительномъ вліяніи его убѣжденій, сами переѣхали въ край «смутъ» и, хотя основались въ Вильнѣ, но спеціально были изъ нея командированы въ Варшаву, и прямо къ содѣйствію князя. Въ управленіе М. Н. Муравьева, мы лично служили не разъ посредствомъ между нимъ и княземъ Черкасскимъ для обмѣна ихъ взглядовъ и мнѣній по нѣкоторымъ дѣламъ края (воротившись послѣ въ Москву, на сколько были доступны эти дѣла для науки, мы прочли въ Обществѣ Исторіи и Древностей довольно подробную записку, по особымъ обстоятельствамъ не попавшую въ печать). Главные вопросы, входившіе въ кругъ тогдашней нашей дѣятельности и изложенные въ особыхъ «запискахъ» частію для М. Н. Муравьева, потомъ частію для А. Л. Потапова и К. П. фонъ-Кауфмана, препровождались въ Варшаву къ князю и оттуда возвращались съ его мнѣніями. Наше участіе здѣсь служитъ ручательствомъ, что предметъ ихъ, соприкасаясь съ политикою, какъ все, что̀ относилось къ тамошнимъ краямъ, сосредоточивался гораздо больше на бытѣ внутреннемъ, на вопросахъ интелигенціи и образованности, на исторіи и даже литературѣ. Да не соблазнится же кто нибудь ложнымъ предубѣжденіемъ, что князь на высокомъ постѣ своемъ былъ исключительнымъ политикомъ или внѣшнимъ администраторомъ и что ума его не занимали стороны самыя тонкія, доступныя наукѣ и общественному сознанію, помимо официальной службы и наглядной практики. Изъ ряда этого мы приведемъ на память себѣ и другимъ близкимъ только двѣ записки, по двумъ вопросамъ. Одна, по вопросу «о введеніи Русскаго языка въ католическое богослуженіе», изъ дѣлъ Коммиссіи, въ которой мы работали и были сходнаго мнѣнія съ Вл. Ѳ. Самаринымъ (братомъ Ю. Ѳ —ча), записка, прочтенная въ свое время Ю. Ѳ—чемъ и княземъ, а послѣднимъ, кромѣ одобренія, дополненная (она послѣ попала какъ-то странно, безъ нашего участія, въ печать и вызвала еще болѣе странное сужденіе въ Московскомъ журналѣ, видимо не разобравшемъ обстоятельствъ дѣла). Другая, важнѣе еще, записка «о Еврейскомъ вопросѣ и положеніи его вообще, о школахъ и обученіи у Евреевъ въ частности, о распространеніи между ними Русскаго языка и о средствахъ водворить здѣсь начала твердыя, по крайности безопасныя для Россіи»; выводамъ ея сколько посчастливилось въ редакціи Московскаго журнала, столько же, и гораздо еще болѣе, во взглядахъ князя. Дѣло, поставленное и объясненное этой запискою, со многими ея приложеніями, князь прямо взялъ въ свои руки; по его убѣжденію, Н. А. Милютинъ написалъ

особый докладъ, обѣщавшій много для успѣха, и только внезапная болѣзнь статсъ-секретаря остановила ходъ предначертанія, гдѣ-то погрязшаго съ тѣхъ поръ и, кажется, совсѣмъ исчезшаго съ лица земли Русской. Но, неопредѣленность и щекотливость Еврейскаго вопроса, продолжающаяся понынѣ и періодически вызывающая затрудненія разныхъ коммиссій, доказываетъ, какъ благовременно и дальновидно усмотрѣлъ князь всю важность этого дѣла.

По обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, опуская все это, какъ матеріалъ для будущаго очертанія «дѣятельности» князя, возвращаемся къ чертамъ его «образа». Въ Варшавѣ мы застали его болѣе серьознымъ, пасмурнымъ и молчаливымъ, чѣмъ ожидали, и меньше оживленнымъ, чѣмъ привыкли; наружная твердость его, не всегда уже попрежнему ровная, не скрывала за собою нервозности, прежде вовсе невѣдомой и порожденной всякого рода окружающимъ противодѣйствіемъ. Карточки его, данныя намъ для доступа къ разнымъ Варшавскимъ учрежденіямъ и лицамъ, открывая повсюду желанный доступъ, еще болѣе того ввели насъ въ разгадку настроенія и задумчивости самого князя. Мы услыхали отовсюду массу толковъ и отзывовъ, благодаря которымъ мы имѣли поводъ еще разъ уяснить себѣ во всѣхъ отличіяхъ образъ М. Н. Муравьева, правителя, столь тѣсно связаннаго съ княземъ Черкасскимъ одинаковою цѣлію, обоюднымъ уваженіемъ и взаимнодѣйствіемъ. Безпощадный каратель преступленія и политическій врачъ съ готовою ампутаціей членовъ для спасенія цѣлаго организма, покойный графъ имѣлъ неоцѣнимую способность: не развлекаться мелочами и, тѣмъ не менѣе, признавать извѣстныя права̀ болѣзни на постепенный ходъ ея и теченіе; вглядываться въ положеніе больнаго, оцѣнивая его гражданскіе, частные, семейные и личные интересы; гдѣ возможно — щадить ихъ неприкосновенность, предпочитая всякую первую сподручную практику самой лучшей и высшей теоріи; не боясь обвиненія въ жестокости, тамъ, гдѣ была она необходима, ослаблять ея силу на дѣлѣ, то благовидной справедливостью равновѣсія, то умѣньемъ менажировать; привлекать къ себѣ сердца въ средѣ самихъ даже потерпѣвшихъ, конечно не орудіемъ какой либо претензіи на любовь и еще меньше доказательствами собственной любви, а напротивъ тѣмъ только, что для окружающихъ представлялась всегда возможность п е р е д о х н у т ь при самой тяжкой карѣ, успокоиться въ томъ сознаніи, что она неизбѣжна и на извѣстный періодъ, на извѣстное дѣяніе и лицо о к о н ч и л а с ь, не простираясь далѣе крайней необходимости, не содержа всѣхъ вѣчно, безъ конца, въ неопредѣленномъ страхѣ и опасеніи. Извѣстно, что послѣ самыхъ тяжкихъ испытаній и ампутацій, представители массы, только что подвергшейся имъ, шли тотчасъ, такъ сказать съ мѣста самой кары, во дворецъ къ Муравьеву, не то—чтобы довольные, но достаточно спокойные и даже бодрые; извѣстно, что по смерти Муравьева, вдали и въ глуши уѣзда, на погребеніе туда и на память о покойномъ, безъ всякого вызова и принужденія, потянулись изъ Сѣверозападнаго края семейства и лица. Не то было на Вислѣ. Сверхъ мѣстныхъ условій, представлявшихъ тамъ свою особенность, Черкас-

скій не имѣлъ въ своей власти ни той самостоятельности, ни безотчетности, какъ Муравьевъ. Равняясь съ симъ послѣднимъ по энергіи и дальновидности, онъ не владѣлъ его разсчетливой уступчивостью и доступностію, а въ прошломъ своемъ не зналъ практики долголѣтняго правителя и министра; между нимъ и его совмѣстниками, ко вреду дѣла, успѣшно интриговали люди, столь ловкіе, что ихъ продѣлки обличились уже несравненно позднѣе. Дѣятельность князя всѣхъ изумляла, обширность его плановъ будила вокругъ мысль и движеніе; но столь же было замѣтно и нужно согласиться, что настроеніе князя, способъ и пріемы его дѣятельности не успѣвали въ искомой мѣрѣ разливать успокоеніе вокругъ, а плоды усилій, запечатлѣнныхъ напряженіемъ, не возвращались желаннымъ спокойствіемъ къ его собственному лицу. Вокругъ него была работа и служба, но не было общества; кипѣла тревога, но не было роздыха, и это бросалось въ глаза тѣмъ больше, что представляло контрастъ съ обществомъ, довольно оживленнымъ (какъ бы ни было оно создано), окружавшимъ намѣстника Ѳ. Ѳ. Берга, хотя офиціальная служба послѣдняго не меньше была хлопотлива и строга. Черкасскій не раздѣлялъ самыхъ невинныхъ и простѣйшихъ развлеченій, столь гражданственныхъ въ Варшавѣ и столь необходимыхъ ей (мы пользовались ими также отъ его имени или за его отсутствіемъ). Онъ самъ бывалъ въ обществѣ, но, можно смѣло сказать, бывая не участвовалъ въ немъ. Тѣмъ больше удивлялся тотъ, кто привыкъ знать въ немъ «душу общества,» тѣмъ болѣе оставалось сожалѣть при мысли, сколько это участіе могло бы побѣдить трудностей въ самомъ серьозномъ дѣлѣ, какъ развязало бы оно руки для извѣстныхъ мѣропріятій или замаскировало бы благовидно другія. Всегдашняя броня бойца, сохраняя свою упругость, лишена была обычнаго ея блеска. Отчего это? Лучшее, что̀ могли мы прибрать себѣ въ отвѣтъ, состояло въ слѣдующемъ. Держа въ Польшѣ твердою рукою Русское знамя, «высоко, грозно и честно», князь поступалъ искреннѣе и откровеннѣе, чѣмъ можно было ожидать по его принципамъ и чѣмъ привыкъ онъ самъ. Ни даже на минуту, ни снаружи, ни въ мелочахъ, не хотѣлъ онъ уступить чего либо, ни оказать послабленія, ни уронить важности задачъ своихъ самою невинною и простою любезностью: и это казалось уже сдачею, и это представлялось уже нѣкоторой измѣною для его тонкаго чувства и честнаго патріотизма... Къ сожалѣнію, въ Русскихъ гостиныхъ чаще можно было видѣть князя, чѣмъ слышать его и разговориться съ нимъ: послѣ краткихъ привѣтствій, онъ спѣшилъ къ шахматамъ и въ нихъ до конца углублялся. Нужно замѣтить, что этимъ пріемомъ постоянно характеризовались его отношенія: если, вошедши куда нибудь, онъ отыскивалъ глазами доску и партнера, заранѣе можно было опредѣлить, по душѣ ли ему окружающая среда и ждетъ ли отъ нея князь прогресса для идей.... Признаёмся, мы порадовались за него только передъ самымъ уже отъѣздомъ изъ Варшавы, хотя на минуту и въ интересѣ весьма мелкомъ, пожалуй даже праздномъ и смѣшномъ. То было на праздникѣ новаго года, на первомъ послѣ смутъ блестящемъ балу во дворцѣ у намѣстника. Сомнѣвались, состоится ли самый

балъ, а когда состоялся и танцовали, не надѣялись еще, состоится ли національная мазурка, этотъ истинный finis Poloniae, безъ котораго нѣтъ финала Польшѣ и никакому Польскому празднику. Когда же, въ первомъ часу ночи, образовался громадный овалъ и собрались вокругъ зрители; когда, долго ходившія по срединѣ и окраинамъ, дамы рѣшились, согласно обычаю, повелительнымъ взоромъ и жестомъ вызвать мужчинъ въ свои пары; когда послѣдніе, цѣня эту высокую честь, ринулись внутрь круга, и вихрь увлеченія понесъ ихъ: съ удовольствіемъ увидали мы двоихъ, усильно пробиравшихся сквозь густую толпу зрителей,—одного въ голубой, другаго въ красной лентѣ; Милютинъ и Черкасскій уставились рядомъ, и долго, съ замѣтнымъ оживленіемъ на лицахъ, слѣдили за несущимся рядомъ паръ, въ восхитительномъ танцѣ, который нужно и можно видѣть единственно только въ Варшавѣ.... Хоть тутъ, подумали мы, жизнь взяла свое и разгладила тяжелыя заботы на задумчивомъ обликѣ.

Можетъ быть, первый разъ среди Варшавы удалось современникамъ подмѣтить недостатки князя Черкасскаго, и можетъ статься первые его недостатки, тѣмъ болѣе удивившіе неожиданностью непривычный къ нимъ взоръ. Онъ ихъ оставилъ впослѣдствіи далеко за собою, какъ мѣстное порожденіе чуждой среды, и частію оставилъ на себѣ самомъ, какъ неотразимое ея вліяніе; но, уѣзжая и покидая ихъ за собою или, лучше, возвращая ихъ какъ собственность непривѣтливому краю, конечно онъ оставилъ тамъ во сто разъ виднѣе такое количество личныхъ, одному князю свойственныхъ, политическихъ соображеній, плановъ и прозрѣній въ глубокую даль, что долго и долго будутъ перебирать ихъ преемники, удивляясь его уму, таланту и смѣлой догадкѣ, недоумѣвая, гдѣ взять новыхъ силъ и дѣятелей на ихъ выполненіе.

Изъ Варшавы въ представленіяхъ нашихъ князь Черкасскій переносится прямо подъ сѣнь хоругви Кирилла и Меѳодія, подъ которою онъ продолжалъ разъясненіе Польскаго вопроса слуху собравшихся въ Москву Славянъ. Тогда какъ на этомъ памятномъ съѣздѣ Ю. Ѳ. Самаринъ отвелъ себѣ скромную долю эконома гостепріимной столицы, Черкасскій участвовалъ и въ засѣданіи Университета, и Общества Любителей Словесности, и при обѣдѣ на Сокольничьемъ полѣ. Онъ вслушивался въ громкія рѣчи на столькихъ нарѣчіяхъ, и въ ликованіе народнаго Славянскаго духа, первый разъ столь высоко поднявшагося благодаря Москвѣ, и въ рознь, успѣвшую тутъ же сказаться, и въ тенденцію, съ какою незаслуженно упрекали Русскихъ за отсутствіе Поляковъ на съѣздѣ. Когда же Ригеръ краснорѣчиво формулировалъ ѣдкій упрекъ и пригласилъ возстановить равновѣсіе народныхъ Славянскихъ правъ,—задѣтый за живое, какъ за дѣло собственной жизни, князь поспѣшно подошелъ подъ хоругвь. Слова его дышали всѣмъ гнѣвомъ за неправду. Они не могли вызвать покорности, признанія или даже сочувствія въ предстоявшихъ Славянахъ, они не договаривали многаго, ибо это многое было еще впереди, но они сказали суровую историческую истину, которую слѣдовало не просто выслушать, а перечувствовать, сознать и прожить; они ука-

зали ясно ту первостепенную роль старшаго между Славянами брата, которую пришлось выносить вскорѣ потомъ на собственныхъ плечахъ своихъ, своею жертвою, кровью и слезами,—не другимъ Славянамъ, не Польшѣ, а той же Россіи и тому же князю Черкасскому, за Дунаемъ.

Эта послѣдняя роль, предназначенная князю Черкасскому, этотъ послѣдній періодъ, завершенный въ его дѣятельности и самъ завершившій ее навсегда смертью, были такъ велики, что требовали передъ собою промежутка и роздыха больше, чѣмъ надобилось прежде. Инстинктивно князь какъ будто это чувствовалъ: по прежнему правилу, онъ собиралъ результаты прожитаго и, успокоивая себя, готовился съ ними на будущее. По возвратѣ изъ Варшавы, навѣстивъ насъ однажды, онъ обошелъ залы Университета и присѣлъ въ библіотекѣ. «Хорошо, прибавилъ онъ, отдохнуть здѣсь, хорошо посовѣтоваться снова съ этими старыми нашими совѣтниками, поджидающими насъ съ полокъ и изъ шкафовъ; хорошо собраться съ силами на новые труды, пока насъ самихъ и труды наши не положатъ на такую же полку»... Князь попрежнему сталъ посѣщать гостиныя, кружки, бесѣды, университетскія и лицейскія собранія, выставки, клубъ (которому простилъ давнюю обиду по поводу крестьянскаго вопроса), засѣданія обществъ ученыхъ, въ томъ числѣ Естествознанія, Сельскаго Хозяйства и особенно Общества Любителей Словесности, которое любилъ и уважалъ начиная съ самой эпохи Хомякова и въ которомъ присутствовалъ до послѣднихъ почти публичныхъ засѣданій (1874 г.). Когда мы хлопотали организовать въ Москвѣ Общество любителей народнаго пѣнія, онъ дѣятельно помогалъ и этому предпріятію, не смотря на то, что всегда чуждался и музыки, и пѣнія, и всякихъ зрѣлищъ или представленій, очень мало его занимавшихъ и при крайней необходимости находившихъ въ немъ одного лишь безучастнаго свидѣтеля (гдѣ нибудь въ уголкѣ ложи или въ заднихъ рядахъ креселъ): онъ подписался однимъ изъ первыхъ учредителей подъ злополучнымъ уставомъ Общества. Старая любовь къ обильному чтенію по вечерамъ одинаково воскресла въ немъ. Таковъ былъ его роздыхъ, таковы были его собственныя понятія о досугѣ. Къ сожалѣнію или нѣтъ, не совсѣмъ такъ понимали его друзья и пріятели. По ихъ мнѣнію, Черкасскій вѣчно долженъ былъ «дѣйствовать», какъ бы ни скроменъ былъ районъ дѣятельности, за неимѣніемъ обширнѣйшаго. Не собственное влеченіе, а примѣръ близкихъ людей, ихъ настоянія и ожиданія возвели князя на предсѣдательское кресло въ Московской Думѣ. Не бывши никогда присяжнымъ хозяиномъ въ области самаго интереснаго и крупнаго землевладѣнія, покинувши охотно и Земельный Банкъ, о которомъ впослѣдствіи не могъ слышать безъ отвращенія, не ища сдѣлаться образцомъ и личнаго домоустройства, князь не могъ отдать всей души своей хозяйству городскому. Какъ и въ другихъ, стороннихъ, напросившихся или посовѣтованныхъ ему работахъ, какъ и прежде, съ качествами даровитой головы своей, онъ долженъ былъ сдѣлаться, конечно, достойнымъ головою Москвы. Но и прежде, и послѣ него

могли быть городскія головы и лучше, и больше на своемъ мѣстѣ, а послѣдствія доказали, что мѣстечко это припасено было судьбою для головъ совсѣмъ инаго склада и кондуита. Несоразмѣрность обильныхъ силъ и привычнаго ихъ направленія съ новымъ узенькимъ поприщемъ выразилась, какъ и слѣдовало ожидать, вліяніемъ на лицо князя, на его внѣшность и пріемы. Онъ сталъ толстѣть и замѣтно отяжелѣлъ; вмѣсто прежней осанки развился корпусъ; несчастный переломъ ноги затруднилъ его обычную походку, — онъ уже не стремился съ быстротою, не скользилъ поступью какъ прежде, а будто связанный волочилъ ногу, опираясь на палку, и почти «вваливался» въ комнату. Типъ лица его всегда напоминалъ давнее происхожденіе предковъ: Черкесскій типъ и складъ сказывался сдвинутыми бровями, орлинымъ взглядомъ и носомъ, тонкими губами и выдавшеюся впередъ нижнею челюстью. Юность сглаживала рѣзкости и придавала всему бодрость, выправку, стройность; развитіе сообщало выразительность; благополучіе и широта раскинувшагося поприща оживили обликъ свѣжестью, бѣлизною, румянцемъ, довольствомъ, привѣтливостью взора, улыбкою, и въ концѣ концовъ получалась замѣчательная, оригинальная красота. Пріобрѣтенная послѣ того полнота не гармонировала съ основнымъ типомъ, чему-то противорѣчила, что-то задерживала и замедляла. Рожденный, воспитанный и оказавшій себя крупнымъ дѣятелемъ, князь вовсе не рожденъ былъ, не воспитанъ и не подготовленъ администраторомъ. Вопреки представленію и ожиданію многихъ, онъ былъ администраторъ почти плохой—на мелочи; такъ смѣло утверждаемъ мы, по свидѣтельству множества лицъ, при немъ служившихъ, въ Варшавѣ, въ Думѣ и за Дунаемъ, и, конечно, не только не роняемъ этимъ чести князя, но увѣренно возвышаемъ ее. Къ сожалѣнію, онъ не владѣлъ еще на столько безпечностію, чтобы спокойно махнуть рукою и предоставить подлежащую администрацію себѣ самой, своему собственному теченію: онъ вдавался въ разбирательство ея и въ регламентацію, дробилъ свой талантъ на ея вопросы, при возрастающей нервозности вступалъ въ пренія съ чиновникомъ и наемнымъ субалтерномъ, на досугѣ доказывалъ ему ограниченность и непониманіе. То, что̀ удавалось еще Самарину (хотя также безъ административныхъ талантовъ, но всетаки успѣвшему нѣкогда вкусить канцелярскую службу, а главное— при безграничномъ его терпѣніи и самопожертвованіи), то подъ ферулою Черкасскаго пораждало обидчивость, жалобу на притѣсненія, конфузливость невѣжества и дерзость рабскаго отпора. Здѣсь-то, на этой почвѣ, выросла больше всего масса такъ называемыхъ «не-любителей» князя, и разносила повсюду свое прискорбіе, и сѣтовала, и думала по праву обличать его, увѣряя, что онъ не знаетъ «простѣйшихъ порядковъ администраціи», а между тѣмъ настаиваетъ на своемъ: явленіе это, разъ возникши, повторилось отчасти и за Дунаемъ. Разумѣется, князь собственно былъ тутъ не при чемъ: это была буря въ стаканѣ воды, тамъ же и осѣдавшая благополучно на дно свое. На извѣстный срокъ, рядомъ съ Самаринымъ (котораго впрочемъ и самого очень жалѣли въ этомъ положеніи свѣдущіе люди) подобное

безвременье среди Думы было еще для князя сносно; но чувствовалось, что ему слѣдовало не успѣвать здѣсь прогрессивно, а по возможности скорѣе отсюда освободиться; ожидалось, что первый случай, первый взрывъ вырветъ отсюда князя, какъ это и случилось. Путешествіе, совершенное имъ послѣ того за границу, не могло ни исцѣлить его, ни одушевить.

Стряхнувъ съ себя временное отяжелѣніе, мелочныя заботы, сѣти обстоятельствъ и препятствій, князь Черкасскій снова сталъ лицомъ къ лицу съ великимъ испытаніемъ, предначертаннымъ ему въ завершеніе трудовъ: съ Восточнымъ вопросомъ, къ которому давно шелъ, и съ вопросомъ Славянскимъ, которымъ озарился Юго-востокъ Европы. Но, если мы употребляемъ здѣсь совершенно вѣрное выраженіе, что князь въ постепенномъ теченіи жизни своей издавна уже былъ обращенъ лицомъ къ Востоку и къ интересамъ тамошнихъ вопросовъ, то это отнюдь не значитъ еще, что событія, тамъ наступившія, вполнѣ отвѣчали его собственнымъ соображеніямъ, что планы его и намѣренія должны были найти тамъ прямое и послѣдовательное осуществленіе, что онъ несъ туда съ собою какой нибудь законченный и подписанный проэктъ, наконецъ, что онъ обязанъ былъ отправиться непремѣнно за Дунай и Балканы, именно въ тотъ, а не другой срокъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ Общества Краснаго Креста, или хоть завѣдующаго гражданскою частію. Все это сложилось ходомъ историческихъ судебъ, во многомъ независимо отъ его взглядовъ и порою даже вопреки его готовности или убѣжденію. Потому слишкомъ рано теперь оцѣнивать эту послѣднюю ступень въ дѣятельности Черкасскаго: для него самого рушилась она мгновенною смертію, не завѣщавшею намъ послѣдняго его слова и покрывшею все гробовымъ молчаніемъ, а для самаго вопроса она только что началась и опредѣлилась первыми исходными точками. Настоящій Очеркъ налагаетъ единственный долгъ—уяснить по возможности черты того лица, которое призвано было внести свое участіе въ рѣшеніе великой задачи на Востокѣ, и этой цѣли мы думаемъ пособить, указавши на три важнѣйшихъ пункта, не всѣмъ извѣстныхъ. Во первыхъ, рѣшившись повиноваться убѣжденію и вызову, а за тѣмъ уѣзжая, князь раздѣлялъ общій взглядъ на предстоявшее дѣло, но конечно не могъ раздѣлять взглядовъ всѣхъ и частныхъ, царившихъ въ современности, въ большинствѣ и даже въ ближайшемъ для него кругу, раздѣлялъ надежды, но не раздѣлялъ иллюзій, то есть надеждъ обманчивыхъ, и выражался о томъ громко, такъ что отзывы его проникли частію даже въ печать. Во вторыхъ, самые близкіе ему люди говорятъ теперь такъ: «ему не слѣдовало отправляться за Дунай съ дѣйствующей арміей, въ тѣхъ качествахъ и званіяхъ, которыя онъ принялъ на себя, хотя и оправдалъ ихъ съ достоинствомъ». Наконецъ, наиболѣе свѣдущіе въ положеніи дѣлъ утверждаютъ, что онъ поѣхалъ и вступилъ на поприще своего заключительнаго подвига слишкомъ рано: ему слѣдовало обождать. Совсѣмъ другой вопросъ, слышимый нынѣ въ устахъ толпы и съ нѣкоторыхъ станковъ прессы: былъ ли Черкасскій готовъ и способенъ къ

выпавшей ему роли? На это, по самой цѣли Очерка, мы не можемъ не дать отвѣта и сдѣлаемъ это, отчасти повторивши вкратцѣ выводы изъ предыдущаго, отчасти указавши данныя, хорошо намъ знакомыя изъ протекшей жизни.

Рядомъ давнихъ своихъ политическихъ изслѣдованій и думъ князь Черкасскій несомнѣнно и прямо былъ выведенъ къ поприщу вопроса Восточнаго. Правда, онъ не зналъ о Славянахъ изъ ихъ собственныхъ устъ, на ихъ нарѣчіяхъ; но тѣмъ болѣе изучалъ и взвѣсилъ все, соприкасающееся съ ихъ жизнію, по сочиненіямъ иностраннымъ и Русскимъ. Воспитаніе Славистомъ Бодянскимъ слышно было въ немъ постоянно. Когда въ 1855-мъ году издали мы «Болгарскія пѣсни» (2 тома) съ историческимъ введеніемъ, изслѣдованіемъ народной словесности и т. п., князь былъ изъ первыхъ подписавшихся на отдѣльный экземпляръ этого изданія, едва ли не изъ первыхъ внимательно прочелъ его, не исключая даже текста пѣсней, и спѣшилъ сообщить намъ свои выводы. Еще болѣе, когда, завлеченные своимъ предметомъ, обратились мы послѣдовательно къ изученію міра Волошскаго, того міра, который возникъ изъ Болгарскихъ стихій и позднѣе пересоздалъ себя искусственно на стиль Романскій, мы знали уже всѣ нужные къ тому, мѣстные и Болгарскіе источники свѣдѣній, знали старшую Европейскую литературу вопроса, но весьма мало знакомы были съ новѣйшею. Прочитавши начало своего изслѣдованія А. С. Хомякову и князю Владиміру Александровичу, мы разговорились съ симъ послѣднимъ и высказали жалобу на недостатокъ ученыхъ пособій. Какъ же мы были обрадованы, убѣдившись, что князь уже давно знакòмъ съ этимъ предметомъ, и какъ были удивлены, когда онъ положительно закидалъ насъ ссылками на новыя сочиненія, которыя успѣлъ прочесть и вскорѣ за тѣмъ передалъ въ наше пользованіе. Замѣтимъ, онъ не собиралъ методически какой либо библіотеки и не хранилъ у себя подъ руками библіотеки большой: какъ у Хомякова, библіотека помѣщалась у него въ обширной и счастливой памяти, сберегая массу прочитаннаго. Но еще пріятнѣе изумилъ насъ князь тѣми познаніями, которыхъ недоставало намъ при изученіи Сербіи и Албаніи, именно о Новой Греціи: оказалось, и столь же случайно при одной изъ бесѣдъ, что князь пересмотрѣлъ и по большей части внимательно прочиталъ все то, чтò за послѣдніе годы печаталось въ Европѣ по Греческому вопросу, включая сюда даже свѣдѣнія о мѣстной литературѣ. Мало того: указавши намъ на нѣкоторыя важнѣйшія изданія въ этомъ родѣ и давши средства ознакомиться съ ними, онъ настаивалъ совѣтомъ, чтобы мы непремѣнно и какъ можно ревностнѣе занялись областью Новогреческой. Безъ ея участія и роли, прибавлялъ онъ, невозможно общее рѣшеніе вопроса Восточнаго, ни въ частности вопроса Славянскаго. Всѣмъ вѣроятно извѣстна, но не всѣмъ памятна замѣчательная статья его, выражающая тѣже самыя воззрѣнія, въ Р. Бесѣдѣ 1858 года: «Два слова по поводу Восточнаго вопроса». Между прочимъ изъ нея видно, до какихъ подробностей вычитывалъ князь все интересное о Славянахъ изъ современныхъ ему статей, даже напримѣръ у Гиль-

фердинга. Любопытно же, если не забавно, какъ послѣ этого, при поѣздкѣ князя въ Болгарію, нашлись добрые люди, увѣрявшіе, что онъ отправился совершенно неподготовленный изученіемъ Востока, Греціи и Славянства; а другіе предполагаютъ даже, что въ «Матеріалахъ», на мѣстѣ собранныхъ и изданныхъ подъ вѣдѣніемъ Черкасскаго, пробивается полное незнаніе и внутренняго устройства Турціи, и Европейскихъ сочиненій по сему предмету. Между тѣмъ, въ помянутой статьѣ своей, за 20 лѣтъ назадъ, авторъ трактуетъ о статистикѣ Турціи и Славянскаго ея населенія, о доходахъ ея, о разныхъ видахъ податей и налоговъ, о десятинахъ, о землевладѣніи, и т. д., ссылаясь цитатами на новѣйшихъ изслѣдователей этого предмета въ Западной Европѣ. Не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь нѣсколькихъ словъ изъ заключенія статьи: «Отселѣ законная задача Россіи—освобожденіе Греко-Славянскаго міра на Востокѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посредничество и примиреніе двухъ народностей между собою на началахъ разумныхъ, честныхъ, справедливыхъ для той и другой стороны (Славянской и Греческой). Необходимыя условія успѣха этого труднаго, но далеко не-невозможнаго подвига—прямое, откровенное вмѣшательство, ясно сознанныя и столько же недвусмысленно выраженныя убѣжденія, вѣрное опредѣленіе относительной крѣпости и силы началъ единоплеменности и единовѣрія; страхъ лишь одного—недовольно полнаго и невсецѣлаго разрѣшенія всѣхъ трудностей и всѣхъ вопросовъ; твердая рѣшимость не останавливаться ни передъ какимъ авторитетомъ, сколь бы ни былъ онъ нами уважаемъ, но подчинить себѣ всѣ авторитеты и предписать всѣмъ эгоистическимъ стремленіямъ высшій разумный законъ, лишенный всякихъ мелочныхъ, корыстныхъ цѣлей». Это какъ будто полная программа нынѣшнихъ дѣйствій Россіи за Дунаемъ или снимокъ съ открытыхъ плановъ, сдѣланный только вчера. Трудно повѣрить, что это высказано много лѣтъ назадъ; вмѣстѣ стоитъ подумать, что полномочнымъ представителемъ нашимъ для внутренняго устройства Задунайскихъ народовъ состоялъ именно человѣкъ, произнесшій нѣкогда такія рѣчи. Сколько бы успѣлъ онъ сдѣлать и какъ бы это сдѣлалъ! Польша и послѣдовавшее пребываніе въ ней не могли ни измѣнить, ни извратить подобныхъ воззрѣній и убѣжденій, давно установившихся, давно выраженныхъ. Польша не была для нихъ перерывомъ, она была явно *продолженіемъ того же изученія Славянъ*, только уже не въ книгѣ и теоріи, а *на практикѣ*, и со стороны наиболѣе любопытной, тревожной и щекотливой,—съ *отрицательной стороны Славянства*. Прибавимъ еще, что изъ самой области Польской, узнавши ее на мѣстѣ, князь умѣлъ глубоко проникнуть въ сродную ей и намъ, въ ту область, которая представляетъ собою положительнѣйшія задачи Славянства,—въ Люблинскую, Холмскую, Уніатскую. Начала освобожденія отъ ига полонизма, латинства и уніатства, посѣянныя и возращенныя тамъ княземъ Черкасскимъ, начала эти таковы, что еслибы ихъ однихъ сдѣлалъ князь своею цѣлію и ихъ однихъ успѣлъ бы провести къ жизни такъ, какъ желалось ему, и этимъ уже онъ оказалъ бы незабвенную услугу *всему Славянству*, начертавъ свое

имя въ его благодарной памяти. И конечно, вернувшись послѣ того въ Москву, князь имѣлъ полное право отъ себя держать помянутую, рѣзкую и правдивую рѣчь въ лицо съѣхавшимся Славянамъ. А кто слышалъ еще рѣчь его на юбилеѣ Погодина, тотъ могъ убѣдиться, что для Черкасскаго, и для пытливаго ума его, и для опытной его жизни, не прерывался интересъ Славянства и въ 70-хъ годахъ. И вотъ наконецъ, съ прямой послѣдовательностію, приблизился онъ къ завершенію своей жизненной задачи, на лучшемъ и наиболѣе дѣвственномъ изъ всѣхъ Славянскихъ поприщъ, въ Задунайской и Забалканской Болгаріи. Къ Черкасскому неслось туда столько надеждъ и ожиданій....

Еще были напряжены трудомъ и заботами глубокой думы черты этого лица, еще не просвѣтлѣлъ самый образъ, а уже успѣлъ онъ отъ насъ сокрыться. Но, зная, каковъ онъ бывалъ и какимъ выходилъ изъ прежнихъ подвиговъ, представляемъ себѣ, какимъ бы вышелъ онъ изъ своего лучшаго.

Прискорбно разстаться съ этимъ образомъ, столь выразительнымъ и любезнымъ въ равной мѣрѣ. Унесемъ его съ собою какъ живое воспоминаніе.

1878
Апрѣля 15-го.

Петръ Безсоновъ.

О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя В. А. Черкасскаго.

(† 19 Февраля 1878).

1-го Января князь переходилъ Балканы. Онъ изрѣдка садился въ коляску; но дорога была ужасная, ѣзда по крутизнамъ опасна, и онъ, съѣхавшись съ графомъ А. В. Олсуфьевымъ, продолжалъ путь уже пѣшкомъ, рядомъ, или объ руку съ нимъ. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ переходѣ, что никогда его не забудетъ. Для него онъ былъ особенно затруднителенъ, такъ какъ, вслѣдствіе перелома ступни одной ноги, сильнаго ушиба и боли колѣна въ другой, князь ходилъ не иначе, какъ опираясь на палку и послѣ малѣйшаго усилія страдалъ отъ опухоли. Но онъ всегда дѣлалъ бодро то, что̀ считалъ или обязанностію, или неизбѣжнымъ зломъ. Онъ старался поддерживать бодрость другихъ, шутилъ, поддразнивалъ своихъ товарищей, бодро шагая впередъ. Его утомленіе выразилось лишь тѣмъ, что онъ шепнулъ своему спутнику: «какъ бы хорошо теперь сидѣть у себя дома, въ Чернышевскомъ переулкѣ!», и еще разъ вспомнилъ онъ свой домъ. Вмѣстѣ съ графомъ Олсуфьевымъ они вошли въ хижину, занятую какимъ-то офицеромъ. Тамъ они отдохнули и, уходя, князь оставилъ записку своему отсутствующему и незнакомому хозяину, въ кото-

рой приглашалъ его отплатить ему визитъ въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ.

Ночь съ 1 на 2 Января князь провелъ въ деревнѣ Шейновѣ, у подошвы Балканъ, на квартирѣ генерала Столѣтова. Утромъ ему снарядили повозку, въ которой онъ и доѣхалъ до Казанлыка.

Въ Казанлыкѣ князь присоединился къ штабу главнокомандующаго и, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, остановился у Нелидова; туда же 11 Января пріѣхалъ къ нему его секретарь П. В. Неклюдовъ. 12 Января Великій Князь двинулся впередъ со всѣмъ штабомъ изъ Казанлыка; дорога опять была трудная, опять приходилось много идти пѣшкомъ. Коляска Великаго Князя сломалась; всѣ остановились, всѣ были голодны, а провизія кой-какая оказалась лишь у запасливаго князя Черкасскаго; всѣ ею съ радостію воспользовались, до послѣдняго ординарца, и этотъ завтракъ на воздухѣ, съ сидѣньемъ въ коляскѣ вмѣсто стола и съ руками вмѣсто ножей и вилокъ, не лишенъ былъ оригинальности, говоритъ очевидецъ.

Страшныя картины разоренья и смерти встрѣчали путешественниковъ: обезображенные трупы, сожженныя деревни, бѣглецы. Но здѣсь, какъ и подъ Плевною, князь Черкасскій считалъ своимъ долгомъ не поддаваться впечатлѣнію, всячески бороться съ духомъ унынія, съ разслабляющею чувствительностію, при видѣ неизбѣжныхъ послѣдствій войны. Онъ зналъ ихъ и предвидѣлъ ихъ, возмущался видомъ страданій и, казалось, не было дѣла, къ которому онъ былъ менѣе склоненъ, какъ забота о больныхъ и раненыхъ; однакоже, взявшись за него, онъ старался воспитать въ себѣ и въ окружающихъ спокойствіе духа, необходимое для полезной дѣятельности и для преодолѣнія препятствій. Но это было не легко ему.

Но вотъ и Германли. Видъ желѣзной дороги произвелъ на усталыхъ путешественниковъ самое радостное впечатлѣніе; они садятся въ вагоны и несутся на всѣхъ парахъ въ Адріанополь.

О пріѣздѣ туда князь самъ разскажетъ. Вотъ что онъ писалъ своей семьѣ:

„Адріанополь, 15 Января 1878 года".

«Пользуюсь случаемъ, дабы откликнуться и дать о себѣ вѣсточку. Мы двинулись съ такой быстротой, что всѣ расчеты обыкновенной жизни измѣнились; и трудно или, лучше сказать, совершенно невозможно предсказывать что-нибудь, хотя бы лишь за нѣсколько дней впередъ. Мы неслись, какъ огромная лавина, влекомая слѣпымъ рокомъ, которую ничто остановить не можетъ и которой предназначено волей-неволей совершить великую историческую задачу, нынѣ, быть можетъ, уже даже ускользающую отъ всякаго политическаго сознанія. Совершается исторія воочію, руками, доблестію и терпѣніемъ Русскаго солдатика. Исполать ему! Нѣтъ на свѣтѣ другаго такого молодца и доблестнаго страстотерпца»....

«Послѣ мучительнаго перехода черезъ Балканы на Шибкѣ и нѣсколькихъ дней пребыванія въ Казанлыкѣ, послѣ одной ночевки въ Ески-загрѣ, до тла раззоренной и гдѣ Главная Квартира едва-едва

могла помѣститься въ крайней тѣснотѣ, и другой еще болѣе тѣсной ночевки въ Тырновѣ - Семенли, мы сдѣлали еще маленькій, но отвратительный переходъ въ Германли, откуда вчера поѣхали желѣзной дорогой до Адріанополя, куда Великій Князь совершилъ торжественный въѣздъ верхомъ съ огромной блестящей свитой».

«Моя лошадка была также выслана впередъ, такъ что и я въѣхалъ вмѣстѣ. Никогда не забуду этого торжественнаго шествія по Адріанопольскимъ стогнамъ, среди множества ликующаго народа всѣхъ національностей—Болгаръ, Грековъ, Армянъ и даже Евреевъ, подъ потокомъ льющихся съ балконовъ и изъ оконъ цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтокъ, при непрестанныхъ встрѣчахъ, молитвахъ и рѣчахъ разновѣрнаго духовенства и депутацій. Одна лишь небольшая, угрюмая и безсильная толпа Турокъ стояла какъ бы въ сторонѣ отъ общаго движенія, живописно расположившись на контрфорсѣ старой, великолѣпной мечети султана Селима, которая сама по себѣ, расположенная на лучшей и самой видной точкѣ города, съ своими истинно-чудными и разнообразными минаретами, представляетъ великолѣпный образецъ восточнаго зодчества. Между тѣмъ дождь принимался нѣсколько разъ и лилъ немилосердно. Но и онъ не могъ ни испортить зрѣлища и впечатлѣнія, ни охладить восторга. О немъ всѣ, и мы, и мѣстные жители, говорили лишь какъ о доброй примѣтѣ и предзнаменованіи, какъ у насъ говорятъ въ народѣ о добромъ дождѣ въ день свадебный».

«Сегодня утромъ мы были съ Великимъ Княземъ въ соборной Греческой церкви, гдѣ служилъ Греческій митрополитъ Діонисій, а затѣмъ въ гостяхъ у него, въ метрополіи, пили чай. Затѣмъ я отправился завтракать въ очень порядочномъ трактирѣ «Америка», а послѣ того пошелъ съ Хитровымъ и Неклюдовымъ въ базаръ, гдѣ я накупилъ нѣсколько ковровъ и прелестный полный Турецкій костюмъ и всякой къ нему дряни, шитыхъ полотенецъ и платковъ. Наконецъ пишу письмо и принимаю разныхъ Болгаръ. Я остановился въ домѣ стараго и почтеннаго Грека, очень издавна Россіи приверженнаго, Алтыналмаза; вчера обѣдалъ у него, сегодня обѣдаю у другаго».

«Вотъ подробное описаніе настоящаго. Повторяю—будущее въ руцѣ Божіей; о немъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ теперь не говорить». «Всѣмъ нашимъ, роднымъ и друзьямъ, кланяюсь отъ души. Не скрою: вчерашній день вознаградилъ меня за многое, что̀ я претерпѣлъ въ теченіи послѣднихъ четырнадцати мѣсяцевъ. Такіе дни повторяются нечасто. До свиданія—но когда и гдѣ?»....

Письмо принесло радость и спокойствіе въ семью; давно не писалъ онъ такъ весело. Предъидущія выражали скорбь или скорѣе желаніе скрыть гнетущее чувство унынія и утомленія. Князь писалъ 2-го Ноября 1877 года: «Чувствую, что состарѣлся; пора, при первой возможности, идти долой съ колокольни; одиночество тягостно во всѣхъ отношеніяхъ *)».

*) За время похода князь В. А. Черкасскій весь посѣдѣлъ.

Въ половинѣ Декабря князь былъ пораженъ горемъ, узнавъ о смерти матери; не смотря на то, что она была уже очень стара, онъ безпрестанно выражалъ надежду, что увидитъ ее весной въ Москвѣ.

Послѣ пріѣзда въ Адріанополь и минутной радости, начались новые, безпрестанные труды. Кромѣ посѣщенія больницъ, обычной дѣятельности по дѣламъ Краснаго Креста, настала спѣшная, усиленная работа и по гражданскому управленію, въ виду предстоящихъ условій мира. Работа эта была особенно трудна по случаю временнаго отъѣзда въ Петербургъ одного изъ помощниковъ... По своей дальновидности, князь не могъ въ глубинѣ сердца не бояться за окончательную развязку дѣла. Онъ еще 31-го Марта 1877 года писалъ изъ Петербурга:

«Дѣла подвигаются быстро къ роковой развязкѣ. Дай Богъ, чтобы начатое съ трудомъ окончилось для Россіи съ успѣхомъ. Ей предстоитъ тяжкое испытаніе, и нужна твердая вѣра въ ея звѣзду, чтобы не побояться, какъ бы при теперешнихъ обстоятельствахъ Англія, въ самую послѣднюю минуту, не успѣла выхватить у насъ изъ рукъ самой драгоцѣнной части результатовъ тяжелой борьбы. Какъ бы то ни было, теперь слѣдуетъ и правительству, и народу напрячь всѣ силы». И онъ это слѣпо исполнилъ: онъ напрягалъ свои силы, сколько было можно, но его мужественная натура не выдержала.

Послѣ недолгихъ первыхъ минутъ отдыха въ Адріанополѣ, въ письмахъ его замѣтно уже опять грустное настроеніе. Отъ 17-го Января князь пишетъ: «Когда увидимся? Чѣмъ ближе конецъ войны, тѣмъ съ большею силою задаю себѣ этотъ вопросъ и ищу на него отвѣта. Но никто не можетъ отвѣчать на него положительно. Не привезетъ ли чего Игнатьевъ?» Отъ 26-го того же мѣсяца онъ писалъ близкому родственнику: Je dois le dire, je n'ai jamais pour mille raisons été plus enclin que ce dernier temps depuis à peu-près un an à apprécier tout ce que quellesques âmes charitables ont bien voulu me témoigner d'affection au milieu des circonstances difficiles où je me suis constamment trouvé... S'il y a quelque chose qui soit fait pour démoraliser et énerver les gens les plus robustes, c'est la conscience de se trouver comme sur une épave ou sur une île plus ou moins déserte, à une distance de plus de trois ou quatre semaines de toute espèce de communications. C'est pourtant la sensation qu'on éprouve ici, séparé comme on l'est de la Russie par des distances infinies que l'état pitoyable de la poste et du télégraphe semblerait vouloir creuser et augmenter à l'infini plutôt que de chercher à les diminuer. J'ai presque cessé de lire les journaux, même étrangers: tant ils font l'empression d'une chronique vieillie et fânée plutôt que celle d'une actualité palpitante. Il ne reste donc plus que les maigres ressources de la conversation dans un milieu à peu-près également mal renseigné. C'est assez vous dire que le séjour n'est pas attrayant. Enfin laissons couler l'eau et abandonnons au bon Dieu le soin de tout régler dans Sa toute-puissante clémence. *).

*) Долженъ признаться, что никогда, какъ въ послѣднее время, т. е. въ теченіе почти цѣлаго года, по множеству причинъ, не былъ я болѣе склоненъ дорожить привязанностью, которую мнѣ выражали нѣкоторыя добрыя души

Наконецъ, отъ 31-го Января князь Черкасскій пишетъ своему брату: «Дѣла гибель, не успѣваешь за нимъ. Истомился страшно, состарѣлся и похудѣлъ. Думаю: когда Господь сжалится надо мною и дастъ мнѣ увидать свою семью и свой домъ!» Это были послѣднія скорбныя слова, обращенныя къ семейству; съ тѣхъ поръ не было больше писемъ.

Въ Воскресенье, 29-го Января, князь ѣздилъ къ обѣднѣ въ мѣстную Болгарскую церковь. Бѣдная обстановка этой церкви его поразила, особенно въ сравненіи съ Греческимъ храмомъ. Князя и его спутниковъ встрѣтили со всякимъ почетомъ, кидали цвѣты, князю поднесли вѣнокъ, и при этомъ учительница, «бѣжанка» изъ Ени-загры, говорила привѣтственную ему рѣчь.

Некогда было князю отдыхать или разъѣзжать по чуднымъ окрестностямъ Адріанополя и наслаждаться прекрасной, теплой погодой: пріемы и разговоры съ Русскими и Болгарами, множество бумагъ и писемъ крайне его утомляли. Являлось множество Русскихъ гвардейскихъ офицеровъ съ просьбою вступить на службу. Со всякимъ надо было говорить, испытывать способности и направленіе каждаго, въ надеждѣ найти дѣятелей для множества предстоявшихъ дѣлъ.

Первое время князь продолжалъ обѣдать въ конакѣ у Великаго Князя со всѣмъ Главнымъ Штабомъ. По вечерамъ любилъ онъ ходить въ дипломатическую канцелярію и отдыхалъ среди молодыхъ дипломатовъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ, собиравшихся въ небольшое, но уютное помѣщеніе канцеляріи. Иногда сохранившаяся энергія брала верхъ надъ злобою дня: онъ шутилъ, острилъ, являясь тѣмъ любезнымъ Черкасскимъ, каковымъ его всегда знавала Москва. Но чаще онъ являлся угрюмый и говорилъ входя: «Дайте забыться за шахматами».

2-го Февраля былъ день рожденія князя Черкасскаго. Ему исполнилось 54 года. Секретарь его (по Красному Кресту) Неклюдовъ и уполномоченные В. Н. Глѣбовъ, П. Н. Исаковъ и Савостьяновъ

посреди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я постоянно находился. Самые крѣпкіе люди падаютъ духомъ и разслабляются отъ того, что чувствуютъ себя словно на обломкѣ корабля послѣ бури или на какомъ-то болѣе или менѣе пустынномъ острову, въ удаленіи на три или четыре недѣли отъ всякаго рода сообщеній. Таково именно ощущеніе, испытываемое здѣсь. Россія отъ насъ Богъ вѣсть какъ далеко, и это отдаленіе не только сокращается, но выходитъ какъ будто еще безконечнѣе отъ почты и телеграфа, благодаря жалкому состоянію, въ которомъ они находятся. Я почти пересталъ читать газеты, даже иностранныя: до такой степени они производятъ впечатлѣніе устарѣвшей и безцвѣтной хроники и не отвѣчаютъ животрепещущей дѣйствительности. Остается скудное средство освѣдомляться посредствомъ распросовъ и бесѣды въ средѣ, почти столь же мало вѣдающей о томъ, что̀ происходитъ. И такъ вы видите, что жизнь здѣсь непривлекательна. Но пусть будетъ что будетъ. Господь все устроитъ. Предадимся Его всемогуществу и милосердію.

устроили въ честь его ужинъ. Ужинъ этотъ удался на славу; но Черкасскій, лицо котораго все болѣе и болѣе въ послѣдніе дни желтѣло, чувствовалъ себя уже совсѣмъ дурно и ничего не ѣлъ.

3-го Февраля онъ даже слегъ въ постелю, и Неклюдовъ пригласилъ къ нему доктора Великаго Князя, Обермиллера, который, побывавъ два раза, сказалъ, что авось дѣло обойдется легкою простудою. Однако аппетитъ вовсе пропалъ, и появилась сонливость; Черкасскій превозмогалъ себя и полулежа продолжалъ усиленно заниматься дѣлами.

5-го Февраля, окружающіе князя успокоились. Болѣзнь не внушала имъ болѣе опасенія, хотя больной не вставалъ съ постели и былъ относительно довольно слабъ. Докторъ Обермиллеръ говорилъ, что это было желчное разстройство. Повѣрить этому было нетрудно.

«Гибель работы», писалъ отъ того же числа одинъ изъ приближенныхъ къ князю: «безпрестанныя непріятности и дрязги не подъ силу одному человѣку... Такова обстановка, продолжающаяся почти годъ. Поучительно, но нерадостно, и невольно заставляетъ подумать о шаткомъ и одиночномъ положеніи на свѣтѣ честнаго дѣятеля».

7-го Февраля поутру, казалось, князю было нехуже. Съ утра безпрестанно являлись съ докладами по разнымъ дѣламъ. Неклюдову приходилось съ одной стороны уговаривать посѣтителей не тревожить князя, а съ другой упрашивать больнаго не принимать ихъ.

Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ пополудни, князь заснулъ. Въ 6 ч. Неклюдовъ приказалъ его разбудить, такъ какъ докторъ Обермиллеръ совѣтовалъ не давать ему много спать. Проснувшись, князь удивился, что его такъ рано будятъ, думая, что уже наступило утро и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что едва повечерѣло. Вскорѣ послѣ ухода доктора, князь позвалъ Неклюдова и просилъ его прочесть ему только что полученныя письма и депеши. Но слова и мысли уже путались.

8-го утромъ Обермиллеръ предписалъ больному (у котораго оказалось полное отсутствіе всякаго сознанія) хины и камфоры и, находя положеніе Черкасскаго опаснымъ, потребовалъ консиліума. Призваны были главный врачъ Турецкой арміи, Армянинъ Стефанъ, главный инспекторъ военныхъ Русскихъ госпиталей Приселковъ, мѣстный врачъ Жупанъ и Московскій докторъ Б. П. Делоне, который съ этого дня постоянно и неотходно оставался при князѣ. Консиліумъ состоялся вечеромъ; мнѣнія врачей раздѣлились. Стефанъ предполагалъ, что у князя апоплексическій ударъ; другіе доктора признали болѣзнь за злокачественную Болгарскую лихорадку (febris Bulgariensis perniciosa).

Состояніе больнаго 8-го и 9-го Февраля было крайне тревожно.

10-го Февраля больной былъ спокойнѣе, и у него проявился первый признакъ сознанія гримасою, которую онъ сдѣлалъ, когда ему дали лекарство. 11-го числа сестра милосердія Глыбина, по настоянію доктора Делоне, дала ему дозу хины въ 20 гранъ. Съ тѣхъ поръ сознаніе стало быстро возвращаться. Увидѣвъ фески докторовъ Стефана и Жупана, снова пріѣхавшихъ на консиліумъ, князь спросилъ: «Кто эти

Турки?» Но о болѣзни своей онъ какъ будто забывалъ. 12-го и 13-го было постоянное и быстрое улучшеніе: князь могъ вставать съ постели, но не болѣе, какъ на полчаса или часъ времени. Онъ даже ходилъ по комнатѣ, но не иначе, какъ съ помощію сестры Глыбиной и камердинера, подходилъ къ окошку, но плохо еще видѣлъ и спрашивалъ у Глыбиной, то ли на самомъ дѣлѣ онъ видитъ, что̀ ему кажется. Едва сознаніе стало снова проявляться, какъ начались пріемы и доклады. Лежа на постели, съ тяжелою, еще смутною головою, князь уже писалъ дѣловыя бумаги. Напрасно умолялъ его докторъ Делоне поберечь себя. «Не забудьте докторъ», отвѣчалъ больной, «что въ настоящую минуту отъ меня зависитъ участь милліоновъ Болгаръ».

Доктора единогласно рѣшили, что князю необходимъ полный отдыхъ и что, хотя перемѣна воздуха и была бы ему полезна, однако лучше ему остаться въ Адріанополѣ, чѣмъ ѣхать въ Санъ-Стефано, гдѣ онъ утомилъ бы себя работою. П. В. Неклюдовъ настаивалъ на томъ, чтобы князю доктора посовѣтовали переѣхать въ какой нибудь приморскій городъ (но не въ Санъ-Стефано), гдѣ, вдали отъ дѣлъ, онъ отдохнулъ бы и окончательно поправился.

Узнавъ объ этихъ переговорахъ, князь Черкасскій позвалъ доктора Делоне и объявилъ ему, что онъ въ Санъ-Стефано поѣдетъ непремѣнно, что̀ бы доктора ни рѣшали. «Я долженъ видѣть Великаго Князя до заключенія мира», сказалъ онъ Делоне: «отъ этого зависитъ участь Болгаріи; послѣ этого свиданія обѣщаюсь, любезный докторъ, быть самымъ послушнымъ изъ паціентовъ».

Князь везъ въ Санъ-Стефано проэктъ учрежденія высшаго управленія Болгаріею.

14-го Февраля онъ окончательно покинулъ постель и сталъ ревностно цѣлый день заниматься приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ. Это его крайне утомило, такъ какъ онъ почти цѣлый день былъ на ногахъ. Въ 11-мъ часу онъ легъ спать, а въ пять часовъ утра уже всталъ и, повидимому, былъ довольно бодръ. Въ 7 часовъ онъ вышелъ изъ дому и отправился на станцію желѣзной дороги. Поѣздъ однако тронулся только въ двѣнадцатомъ часу. Долгое это ожиданье было тягостно даже для здоровыхъ. Князь сѣлъ въ купе перваго класса вмѣстѣ съ Делоне, Неклюдовымъ и Левашевымъ. Дорогою онъ былъ сначала бодръ и почти веселъ. Но путешествіе было весьма утомительно; поѣздъ шелъ тихо, съ безпрестанными, бо̀льшею частію неожиданными и долгими, остановками. Къ вечеру видно было, что князь нехорошо себя чувствуетъ, не смотря на его усилія скрыть это, чтобы не безпокоить спутниковъ. Однакоже слѣдствіемъ этихъ усилій были боли въ кишкахъ, которыя князь и по пріѣздѣ утаивалъ, боясь, что доктора ему помѣшаютъ отправиться на аудіенцію къ Великому Князю; но эти боли уже съ этой минуты не покидали его. Ночью Неклюдовъ и Левашевъ удалились въ другое отдѣленіе вагона, а съ Черкасскимъ остался одинъ Делоне.

16-го Февраля, въ 5-мъ часу пополудни, поѣздъ наконецъ достигъ Санъ-Стефано. Погода была превосходная. А. А. Галлъ, гофмаршалъ Великаго Князя, приготовилъ и устроилъ покойную квартиру для

князя Черкасскаго въ прекрасномъ домѣ, стоявшемъ у самаго моря, и выслалъ къ нему на станцію коляску. Князь видимо обрадовался чистому Европейскому помѣщенію, свѣтлымъ комнатамъ, а главное виду на море. Обращаясь къ Неклюдову, онъ сказалъ: Vous voyez que vous avez eu tort de me déconseiller de venir ici [1]). Обѣдалъ князь съ своими спутниками въ восьмомъ часу. Онъ съ удовольствіемъ ѣлъ устрицы, которыя, по мнѣнію доктора, не могли причинить ему вреда.

17-го князь собирался съ докладомъ къ Великому Князю, но ему пришли сказать, что, по случаю развода, Его Высочество видѣться съ княземъ въ этотъ день не можетъ и проситъ его отложить посѣщеніе до слѣдующаго утра. Погода весь день была отличная; князь въ шубѣ сидѣлъ на балконѣ, наслаждался живительнымъ морскимъ воздухомъ и видимо радовался пріѣзду своему въ Санъ-Стефано. Утромъ онъ кое-кого принималъ, между прочимъ адъютанта военнаго министра, Миллера. Обѣдалъ онъ въ 6 часовъ. Изъ гостей былъ Юрій Милютинъ [2]). Князь былъ въ отличномъ расположеніи духа и пилъ за здоровье сестры своего гостя.

Послѣ обѣда къ князю пришелъ Русскій военный агентъ въ Черногоріи, полковникъ Боголюбовъ, съ письмомъ отъ военнаго министра. Полковникъ просидѣлъ у князя около двухъ часовъ. Разговоръ шелъ главнымъ образомъ о кандидатахъ на Болгарское княжество. Князь говорилъ, что все время болѣзни своей думалъ о кандидатѣ и теперь хочетъ повѣрить мысли свои. Боголюбовъ вышелъ подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что князь еще серьозно боленъ и только превозмогаетъ себя. Вообще, князь Черкасскій въ этотъ день мало занимался, нѣсколько разъ ложился, много спалъ и неоднократно жаловался на сильное утомленіе. Въ ночь съ 17-го на 18-е Февраля надъ Санъ-Стефано разразилась сильная буря съ грозою. Около полуночи докторъ Делоне не ложился, такъ какъ князь не могъ заснуть отъ шума волнъ, ударявшихся почти о фундаментъ дома. Когда погода утихла, князю стали мерещиться какія-то галлюцинаціи. Крики солдатъ, грызня лошадей сосѣдняго эскадрона, а равно и мяуканье кошекъ, князь принималъ за что-то необыкновенное. Ему представлялось, что Турки рѣжутъ хозяевъ дома и что кто-то кричитъ «караулъ». Онъ безпрестанно призывалъ къ себѣ Б. П. Делоне, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, съ открытою дверью въ спальню больнаго, и говорилъ ему: Cher docteur, il se passe quelque chose de terrible, on égorge en bas [3]). Больной успокоился только тогда, когда докторъ пошелъ въ палисадникъ и, обойдя его, вернулся съ увѣреніемъ, что ничего особеннаго на дворѣ нѣтъ. На слѣдующее утро сонливость была сильная; на вопросы доктора, не болитъ ли у него что нибудь, больной упорно отвѣчалъ, что онъ отлично себя чувствуетъ. Когда же зашелъ къ нему въ комнату Неклюдовъ и за-

[1]) Вотъ видите, какъ вы напрасно отговаривали меня ѣхать сюда.

[2]) Сынъ Николая Алексѣевича Милютина, офицеръ лейбъ-уланскаго полка.

[3]) Любезный докторъ, происходитъ что-то страшное; тамъ внизу рѣжутъ.

сталъ его еще въ постелѣ, онъ жаловался на боль въ желудкѣ. Тогда Неклюдовъ предложилъ послать къ Великому Князю и доложить ему, что князь по нездоровью не можетъ въ этотъ день быть у него; но на это больной разсердился и объявилъ, что пойдетъ непремѣнно и что чувствуетъ себя отлично. Въ 12 часовъ князь Черкасскій отправился къ Великому Князю. Всѣ встрѣтившіе его по дорогѣ были поражены болѣзненнымъ его видомъ и желтизною лица. У Великаго Князя онъ оставался около часа и доложилъ все то, чтò ему было нужно. Его Высочество былъ очень привѣтливъ, утвердилъ всѣ представленія и пенялъ князю, что при болѣзненномъ состояніи и слабости онъ побезпокоился придти съ докладами, тогда какъ Великій Князь охотно бы самъ навѣстилъ его на его квартирѣ и переговорилъ бы о дѣлахъ. Великаго Князя поразили болѣзненный видъ князя Черкасскаго и нервная его зѣвота. Утверждая представленія, Великій Князь просилъ прочесть ихъ графу Игнатьеву. Выходя съ аудіенціи, князь Черкасскій встрѣтилъ въ пріемной графиню Е. Л. Игнатьеву, неожиданно пріѣхавшую изъ Одессы. Черкасскій видимо ей обрадовался. Онъ взялъ ее за обѣ руки и сказалъ, что не можетъ выразить, какъ радъ ее видѣть, что намѣренъ часто ее навѣщать, что будетъ даже злоупотреблять дозволеніемъ бывать у нея. Графиню поразила перемѣна въ князѣ, его желтый, опухшій, болѣзненный видъ.

Возвратившись домой, князь Черкасскій шутя отвѣчалъ Неклюдову, спросившему его, не утомился ли онъ: «Я самъ утомилъ Великаго Князя, цѣлый часъ задержалъ его докладомъ». Сказавъ Неклюдову, чтобы онъ вечеромъ былъ непремѣнно дòма, такъ какъ надо будетъ продиктовать письмо къ военному министру, князь сѣлъ писать и самъ все исполнилъ, чтò вытекало изъ утвержденныхъ Великимъ Княземъ докладовъ.

Послѣ этого онъ прилегъ и впервыя сталъ жаловаться доктору Делоне на боли въ желудкѣ. На упрекъ доктора, отчего онъ до сихъ поръ это скрывалъ, князь отвѣчалъ: «Ну, что же? Тогда не сказалъ, а теперь сказываю. У меня два раза были воспаленія въ кишкахъ, когда мнѣ было лѣтъ 20». По сдѣланному докторомъ изслѣдованію оказалось только сильное растяженіе кишекъ безъ признаковъ воспаленія. Поставили горчичники, приложили теплыя салфетки, стали втирать теплую мазь съ хлороформомъ. Боли то утихали, то снова возобновлялись. Больной заснулъ и проснулся около 6-ти часовъ. Обѣдать онъ не выходилъ, въ 8 часовъ позвалъ Неклюдова, велѣлъ написать телеграммы, указавъ какое должно быть ихъ содержаніе и отправилъ его къ графу Игнатьеву, чтобы прочесть утвержденныя Великимъ Княземъ представленія. Графъ былъ въ это время занятъ послѣдними переговорами съ Турецкими уполномоченными: это былъ канунъ подписанія Санъ-Стефанскаго трактата.

Неклюдовъ долго ждалъ графа Игнатьева; наконецъ онъ вышелъ къ нему, объявилъ, что у него дѣла множество и просилъ отложить чтеніе представленій до другаго дня. Возвратившись часу въ десятомъ, Неклюдовъ засталъ князя Черкасскаго въ полномъ сознаніи.

Онъ распрашивалъ его объ Игнатьевѣ, но притомъ объявилъ, что диктовать письма онъ не въ состояніи и даже отказался подписать написанныя Неклюдовымъ телеграммы. Отказъ этотъ крайне удивилъ и смутилъ Неклюдова: никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не случалось до сихъ поръ князю Черкасскому не только отказаться, но даже отложить на самое короткое время срочное дѣло. Неклюдову на этотъ разъ пришлось представить о крайней необходимости немедля отправить телеграммы, но князь на отрѣзъ отказался отъ подписи.

Страданія продолжались. Князь сидѣлъ въ креслѣ, полулежа, съ протянутыми на стулъ ногами.

Въ 11 часовъ князь легъ въ постель. До половины втораго ночи Неклюдовъ и Левашевъ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ доктора Делоне, навѣдываясь безпрестанно о состояніи больнаго, который лежалъ какъ бы въ забытьи и повидимому даже спалъ. Около двухъ часовъ Неклюдовъ легъ спать. Делоне, не отходившій отъ больнаго, сказалъ ему, что особеннаго въ состояніи его въ настоящую минуту ничего не видитъ; но едва ушелъ Неклюдовъ, какъ княземъ овладѣло сильное безпокойство. Дыханіе его стало еще затруднительнѣе; онъ то вставалъ, то садился въ кресло, упирая голову въ спинку или къ стѣнѣ, при чемъ ему подкладывали за спину, шубу то снова ложился, часто повторяя: «Господи, прости мои прегрѣшенія!» Обращаясь къ Делоне, онъ сказалъ ему: Cher docteur, cela va mal, cette fois vous ne me sauverez plus [1]). На вопросъ, отчего онъ такъ думаетъ, князь отвѣчалъ: Cher ami, je sens que ma langue s'embarasse [2]). Съ княземъ сдѣлался сильный обморокъ: голова повисла, ноги подкосились; больнаго съ трудомъ, на рукахъ, снова положили на постель. Вслѣдствіе вдыханія спирта и валеріановыхъ капель, присланныхъ Обермиллеромъ, князь пришелъ въ себя. Прибѣжалъ Неклюдовъ. Онъ сталъ звать князя; тотъ отвѣчалъ, но неявственно. Князь попросилъ пить, но не могъ уже проглотить поданнаго. Больной сталъ еще безпокойнѣе, безпрестанно кого-то звалъ, но кого именно, нельзя было разобрать, хваталъ руку своего камердинера Алексѣя Потапова и притягивалъ ее къ груди своей. Снова у князя сдѣлался обморокъ, еще сильнѣе перваго. Когда положили больнаго на постель, появились въ ногахъ судороги. Обермиллеръ подошелъ къ нему. Князь не только узналъ его, но даже на вопросъ, что̀ болитъ у него, ясно отвѣчалъ, что «ничего не болитъ». Пробовали дать тотчасъ растворъ хинина, но больной глотать уже не могъ. Подавая лекарство, его приподняли и потомъ снова положили на подушку. Обермиллеръ и Делоне отошли къ столу для совѣщанія; въ это время больной раза два повернулъ головою и тихо, безъ агоніи, скончался, въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра 19-го Февраля 1878 года. Доктора полагаютъ, что кончина была мгновенная, безъ страданій.

---

[1]) Любезный докторъ, дѣло плохо; на этотъ разъ вы меня не спасете уже.
[2]) Любезный другъ, я чувствую, что языкъ у меня путается.

«Не вынесло тѣло постоянной борьбы и работы духа», писалъ свидѣтель кончины.

Тѣло бальзамировали доктора Обермиллеръ, Делоне и Поповъ. По случаю заключенія мира и поздняго парада съ молебномъ, первую панихиду могли отслужить только вечеромъ, въ 6 часовъ. Тѣло было выставлено въ той комнатѣ, гдѣ князь скончался; его окружили цвѣтами.

20-го были двѣ панихиды: утромъ и вечеромъ. Служеніе совершалъ протоіерей Великаго Князя съ полнымъ причтомъ и пѣвчими. 20-го тѣло было положено въ цинковый гробъ, обитый бархатомъ, выписанный вмѣстѣ съ покровомъ изъ Константинополя, а 21-го утромъ былъ выносъ въ Греческую церковь. Послѣ краткой литіи тѣло подняли. Въ шествіи участвовали все наличное Русское духовенство, Греческій митрополитъ, пѣвчіе, хоръ военной музыки, баталіонъ солдатъ безъ оружія. Гробъ несли: искренно любимый княземъ полковникъ Соболевъ, Неклюдовъ (всѣмъ распоряжавшійся), генералъ Анучинъ и другіе сослуживцы. За гробомъ слѣдовали всѣ наличные члены Краснаго Креста и гражданскаго управленія, вся дипломатическая канцелярія съ Нелидовымъ во главѣ, много военныхъ. Погода была прекрасная и, по заявленію присутствовавшихъ, вся церемонія эта на берегахъ Босфора, въ виду Царяграда,—это стройное пѣніе, эти тихіе звуки военной музыки, это безоблачное небо, этотъ гробъ вѣрнаго, искренняго, неподкупнаго дѣятеля, угасшаго въ ту минуту, когда объявлялась, запечатлѣнная Русскою кровью, свобода Болгаріи, все это вмѣстѣ носило на себѣ какой-то особенно торжественный, поэтическій характеръ. Гробъ, украшенный гирляндами свѣжихъ цвѣтовъ, былъ поставленъ въ благообразной Греческой церкви. Послѣ постановки гроба отпѣта панихида, а вечеромъ другая. 22-го было отпѣваніе. Къ концу служенія прибылъ Великій Князь Главнокомандующій съ своею свитой. Богослуженіе совершали протоіерей Великаго Князя и два протоіерея Гвардейскаго Корпуса. Пѣли пѣвчіе Его Высочества. Греческій митрополитъ присутствовалъ при богослуженіи и далъ отпускную молитву. Послѣ отпѣванія гробъ былъ герметически закупоренъ, положенъ въ деревянный ящикъ и поставленъ въ правомъ придѣлѣ церкви, противъ алтаря.

3-го Марта пріѣхалъ за тѣломъ шуринъ покойнаго князя, П. А. Васильчиковъ. 7-го числа прибылъ въ Санъ-Стефано небольшой буксирный пароходъ «Одиссей». Отслужили панихиду, солдаты подняли гробъ, военная музыка заиграла: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», и провожаемое членами Краснаго Креста, гражданскаго управленія и Болгарами, горько сознававшими свою незамѣнимую утрату, тѣло доблестнаго бойца за Славянское дѣло стали медленно спускать на пароходъ. До Царяграда его сопровождали, кромѣ Васильчикова, Неклюдовъ, Лукьяновъ и Полянскій. Въ 3-мъ часу «Одиссей» подошелъ къ Золотому Рогу и приблизился къ борту парохода «Юноны». Гробъ перенесли на палубу сей послѣдней и накрыли чернымъ покровомъ. Экзархъ Болгарскій Іосифъ и маститые архіепископы Пловдовскій (Филипопольскій) и Рущукскій ожидали на «Юно-

нѣ», вмѣстѣ съ причтомъ и чаушемъ экзархата, прибытія тѣла. Они явились неожиданно, никѣмъ не приглашенные, отдать послѣдній долгъ тому, кто такъ усердно и самоотверженно поработалъ за Болгарію. Пропѣвъ литію, экзархъ сказалъ Васильчикову, что всѣ Болгары глубоко сознаютъ, что̀ они теряютъ въ Черкасскомъ. Гробъ спустили въ трюмъ. 9-го «Юнона» вышла изъ Золотаго Рога, а 11-го Марта, въ 9-мъ часу, послѣ довольно бурнаго плаванія, вошла въ Одесскій рейдъ.

Море, гладкое какъ зеркало, было покрыто туманомъ, который сталъ расходиться подъ солнечными лучами. При входѣ въ гавань, «Юнона» разъѣхалась съ пароходомъ, увозившимъ въ Царьградъ Реуѳа и Османа-пашей.

Послѣ панихиды, гробъ былъ перенесенъ въ подвезенный, по линіи товарной дороги, тотъ самый вагонъ, въ которомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, перевезено было въ Петербургъ тѣло герцога Сергія Максимиліановича Лейхтенбергскаго. Правленія Одесской и Кіево-Курской желѣзныхъ дорогъ отказались отъ платы за провозъ. На многихъ станціяхъ лица совершенно незнакомыя просили позволенія взять на память вѣтки изъ миртовыхъ гирляндъ, покрывавшихъ гробъ.

15 Марта, послѣ торжественной обѣдни, въ церкви Московскаго университета (котораго князь былъ почетнымъ членомъ), къ гробу подошелъ преосвященный Амвросій и произнесъ слово, глубоко врѣзавшееся въ сердцахъ слушателей. Онъ говорилъ о стойкости характера князя Черкасскаго въ настоящую пору всеобщей дряблости. Онъ вспомнилъ про глубокій, блестящій умъ его, про трезвый взглядъ на событія, про высоко-честную въ нравственномъ отношеніи дѣятельность его. «Прости», сказалъ онъ въ концѣ, «лучшій представитель именитаго дворянства нашего; прости, другъ крестьянъ, въ потѣ лица потрудившійся надъ вольностію ихъ; прости, мученикъ за великое и святое дѣло освобожденія христіанъ!» Обширная университетская церковь едва вмѣщала множество пожелавшихъ отдать послѣдній долгъ князю Черкасскому, человѣку, любимому Москвою и какъ бы представителю ея общественной мысли и духа при государственномъ дѣлѣ, къ которому онъ былъ призванъ.

Необычайно-длинное шествіе направилось къ Данилову монастырю. Передъ колесницею Болгаре несли большой лавровый вѣнокъ.

Монастырь былъ полонъ. Преосвященный Амвросій ожидалъ тѣло у воротъ монастырскихъ. Въ послѣдній разъ пропѣли вѣчную память, и князя В. А. Черкасскаго опустили въ могилу рядомъ съ лучшими людьми земли Русской,—рядомъ съ Гоголемъ, Хомяковымъ, Самаринымъ.

*

Изъ многихъ статей о князѣ Черкасскомъ, позволяемъ себѣ привести слѣдующія строки, появившіяся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

«Ждавшіе его возвращенія хорошо знаютъ, чего теперь они лишились. Какъ бы онъ сумѣлъ представить намъ, возвратясь въ родную Москву, всю эпопею этой мученической войны; какими неимовѣр-

ными кознями (со стороны не столько даже враговъ, сколько самихъ друзей нашихъ) было обставлено уже самое начало этой войны; съ какими невѣроятнѣйшими затрудненіями, невообразимѣйшими препятствіями приходилось бороться на каждомъ шагу... Онъ разсказалъ бы намъ весь истинно-трагическій смыслъ нашего Плевнинскаго сидѣнія, и намъ еще явственнѣе представилось бы, какъ великъ Русскій народъ, какъ въ отчаяннѣйшія минуты всеобщаго къ себѣ недовѣрія приходилось дивиться величію того народнаго духа, который всегда въ труднѣйшія эпохи нашей исторіи проявлялъ себя въ простыхъ людяхъ. Правъ онъ былъ, когда въ тѣ минуты всеобщаго невѣрія такъ горячо вѣрилъ въ Русскій народъ и гласно высказывалъ, что вся будущность нашей исторіи не въ насъ, вверху, а въ этомъ народѣ. Какъ бы онъ разсказалъ намъ и о своей радости, о своей сбывшейся вѣрѣ, когда въ концѣ концовъ былъ сломленъ врагъ... Онъ разсказалъ бы намъ также, какъ онъ былъ въ огнѣ, хотя отъ него прямо этого и не требовалось, и какъ пули, ядра и картечь пощадили его. Но менѣе пощадила его та борьба, которую ведутъ не съ оружіемъ въ рукахъ и отъ которой надрывается энергія, чахнетъ духъ, теряется наконецъ и здоровье. Онъ разсказалъ бы намъ, сколько, при всѣхъ невзгодахъ, удалось Русскому уму посѣять добрыхъ сѣменъ урывками и на ходу, и какія широкія задачи постепенно надвигались сами собою по переходѣ черезъ Балканы, въ виду Царяграда, на рубежѣ встрѣчи Восточно-греческаго и Восточно-славянскаго міра, и взаимныхъ Славянскихъ счетовъ, унаслѣдованныхъ вѣками».

Ревель.

1822—1825.

Воспоминанія.

I.

Случается въ жизни иногда услышать какое нибудь неодобрительное слово о человѣкѣ достойномъ и уважаемомъ, но этотъ часто безосновательный отзывъ быстро исчезаетъ и забывается. Но когда мы видимъ тоже самое въ печати, то онъ тревожитъ насъ, нарушая законъ справедливости и вызываетъ чувство досады. Это испыталъ я, прочитавъ въ 4-й тетради Русскаго Архива 1878 года невѣрныя сужденія Н. В. Баталина о директорѣ училищъ Эстляндской губерніи баронѣ Штакельбергѣ. Естественно мнѣ было обратить на это вниманіе: въ это время (1822—1825) я жилъ въ Ревелѣ и, занимая должность преподавателя Русскаго языка и словесности въ гимназіи, былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ барономъ Штакельбергомъ, который вмѣстѣ съ званіемъ директора отправлялъ и должность учителя (по уставу Дерптскаго учебнаго округа) и даже не въ среднихъ или высшемъ классѣ, а именно въ Ѵ-мъ младшемъ (Ревельская гимназія, illustra, состояла изъ пяти классовъ, а въ нашихъ Великороссійскихъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, тогда было только четыре класса). Мы нерѣдко смѣнялись уроками; я могъ вполнѣ ознакомиться съ его правилами и характеромъ; я жилъ даже рядомъ съ домомъ, въ которомъ онъ помѣщался. Но моя защита благородному имени барона Штакельберга виднѣе будетъ въ слѣдующихъ за симъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ будетъ сказано (по изъявленному въ Р. Архивѣ желанію), какъ о результатахъ преподаванія, такъ и объ самой тогдашней обстановкѣ учебнаго дѣла въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Не безъ грусти разстался я съ моею родиною—Рязанью, съ Москвою и ея университетомъ (по выходѣ изъ котораго я былъ опредѣленъ на службу въ Ревель по собственному желанію) и пустился на долгихъ, въ самое половодье, въ Нѣмецкую землю. Грусть моя умѣрялась тѣмъ, что матушка моя, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, рѣшилась сопровождать меня; она прожила со мною всё время моего тамъ служенія.

Въ самый Николинъ день, 9-го Мая 1822 года, вёрстъ за десять, показались сизые, свинцовые кирхшпили Ревельскіе, а нѣсколько правѣе виднѣлся громадный четырехъ-угольный столбъ—остатокъ сгорѣвшаго древняго храма св. Олая (нынѣ возобновленнаго). Подъѣзжая къ городу, мы видѣли толпы въ праздничныхъ нарядахъ, горожанъ и горожанокъ, идущихъ и ѣдущихъ съ

гулянья изъ Екатеринентальской подгородной рощи. Мы проѣхали длинный Нарвскій форштадтъ и какъ уже смеркалось, то остановились въ концѣ, въ деревянномъ плохомъ трактирѣ, который слылъ въ народѣ, не знаю почему, Чортовымъ. Содержалъ его заѣзжій Великороссіянинъ.

На другой же день пріискали мы небольшую квартирку правѣе отъ Нарвскаго форштадта, ближе къ городу и на самомъ берегу моря, на такъ называемой тамошними жителями Косѣ (тоже за чертою города, въ родѣ небольшаго форштадта). Съ этой-то Косы производится большая ловля кильки, которая даётъ хорошій заработокъ рыболовамъ и значительный доходъ Нѣмкамъ-хозяйкамъ, искусно умѣющимъ приготовлять её впрокъ: отсюда многія тысячи боченковъ и банокъ Ревельской кильки развозятся по всѣмъ угламъ Россіи. Нерѣдко любовался я на вытащенныя на берегъ лодки, переполненныя этою мелкою рыбкой и удивлялся дешевизнѣ цѣнъ: за цѣлую лодку просили рубль, много два или три, а сколько изъ нея выйдетъ боченочковъ и банокъ? Умныя и ловкія хозяйки, конечно изъ средняго класса, наживали этимъ промысломъ, какъ я слышалъ, капиталы.

Водворились мы у Русской старушки-мѣщанки, но это совсѣмъ не то, что городская Bürgerinn. Домикъ въ три окна имѣлъ всего три комнаты: двѣ заняли мы, и какъ прислуги съ нами не было, то намъ помогала помѣщавшаяся въ остальной комнаткѣ, одинокая хозяйка Была невозмутимая тишина, также и у сосѣдей. Отъ домика ко взморью сбѣгалъ небольшой садикъ шаговъ въ двадцать, а тамъ и купанье просто съ берега, по которому разбросаны огромные камни. Конечно, это даровое купанье для невзыскательнаго класса, а нѣсколько правѣе были и тогда уже устроены Виттомъ купальни съ ваннами и теплой водой, которыми и пользовались наѣзжавшіе изъ Петербурга гости.

Противъ самаго окна нашей скромной квартирки стояла деревянная церковь св. Ѳеодора Стратилата съ высокими по бокамъ крыльцами, въ видѣ крыльевъ, какія тогда часто попадались въ нашихъ сёлахъ, а можетъ быть есть и теперь. Этотъ убогій храмъ (для губернскаго города) казался намъ лучше мраморнаго и успокоивалъ наше сердце при воспоминаніи о покинутомъ родномъ краѣ. Еще при самомъ въѣздѣ въ городъ высокіе кирхшпили древнихъ массивныхъ сооруженій пугали наше воображеніе, и мы хотя не говорили, но думали: куда мы заѣхали?

Церковь Ѳеодора Стратилата особенно успокоила матушку, которая была очень богомольна. Хотя, любя меня, она ничего не говорила, но я понималъ, какую великую жертву она сдѣлала для меня, оставивъ въ преклонныхъ лѣтахъ тёплый уголъ у своей дочери, а моей сестры, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и, не зная ни слова понѣмецки, очутилась на чужбинѣ, какъ въ лѣсу. Мое же знаніе Нѣмецкаго языка, гимназическое (въ Рязанской) и университетское (въ Москвѣ), прилагалось къ практикѣ не болѣе какъ 1 къ 5. Посѣтивъ церковь и отслуживъ молебенъ, я захватилъ университетскія мои бумаги и побѣжалъ представиться моему новому начальству. Разстояніе десять минутъ. Мнѣ указали Kloster (бывшій монастырь), гдѣ помѣщалась гимназія, а съ нею рядомъ жилъ и директоръ баронъ Штакельбергъ. Онъ съ первыхъ словъ обласкалъ меня, ввёлъ въ свою канцелярію и отрекомендовалъ своему помощнику Гершельману (каковая должность была установлена въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и какой въ нашихъ гимназіяхъ въ то время во-

все не было). Я принялъ установленную присягу и съ охотою принялся за дѣло. Товарищи по службѣ обходились со мною дружелюбно, тогда какъ я только соскочилъ съ школьной скамьи, а между ними, помнится, пятеро имѣли докторскую степень (богословія и философіи) извѣстныхъ Европейскихъ университетовъ: Геттингенскаго и др. Конечно въ разговорѣ понѣмецки съ такими людьми я былъ очень смѣшонъ, а они не знали порусски ни слова, не исключая директора и его помощника, изрѣдка перекидывавшихъ Русскія фразы и подъ бумагами, въ извѣстныхъ случаяхъ, подписывавшихъ свои фамиліи порусски. Исключеніе составлялъ докторъ и старшій учитель Купферъ: онъ говорилъ порядочно порусски и любилъ Русскій языкъ. Бывало, пригласитъ меня на прогулку по глазисамъ, окружающимъ городъ и обсаженнымъ деревьями съ хорошей тѣнью, и непремѣнно проситъ говорить съ нимъ порусски: вѣроятно, онъ извлекалъ изъ этого для себя какую нибудь пользу, а я былъ радъ спрятать мое неумѣнье выражаться правильно и несмѣхотворно.

Прекрасное время, вездѣ цвѣты, а Ревель окруженъ хорошими садами,—и тихій нашъ пріютъ начиналъ намъ нравиться. А тутъ еще нежданные сюрпризы или вниманіе, которое всегда пріятно нашему сердцу. Хотя оно и ничтожно, но и до сихъ поръ я его помню. Во всѣхъ пяти классахъ были устроены для преподающихъ каѳедры, на которыхъ неизбѣжно лежалъ класный журналъ съ двумя графàми: «Lob und Tadel» (Похвала и порицаніе). Войдя въ классную комнату, я находилъ на каѳедрѣ букетъ цвѣтовъ. Сразу я не могъ понять и недоумѣвалъ «чтò это значитъ?» Мнѣ объяснили, что этимъ выражается усердіе учениковъ, по пословицѣ: не дòрогъ подарокъ, дорогà любовь. Это окриляло мое усердіе.

Такъ тихо текла наша жизнь, и мы не думали, чтобы можно было еще къ ней что нибудь прибавить; но бѣда ходитъ не по лѣсу, а по людямъ. Нежданно, негаданно нависла надъ нами на чужбинѣ грозная туча: отъ дальней ли дороги, или и отъ лѣтъ, матушка моя сдѣлалась больна и слегла въ постель. Я совершенно потерялъ голову; страшная, неотразимая тоска налегла на сердце, и я не зналъ чтò дѣлать. Мысли, одна другой мрачнѣе, толпились въ головѣ моей: и зачѣмъ я выбралъ для службы такой отдаленный край, и этотъ долгій переѣздъ могъ быть для больной гибеленъ. Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ часовъ мнѣ нужно было зайти въ канцелярію директора. Тамъ случился и самъ баронъ Штакельбергъ. Лицо мое не могло скрыть моего душевнаго смущенія. Баронъ замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ. Я со слезами на глазахъ объяснилъ ему мое тяжелое положеніе. «Успокойтесь», сказалъ мнѣ благородный начальникъ мой, «сейчасъ я пошлю, и къ вамъ будетъ первый здѣшній докторъ г. Макдональдъ; я вполнѣ увѣренъ, что онъ поможетъ вашей матушкѣ». Только что я воротился домой, пріѣзжаетъ г. Макдональдъ. Распросилъ, прописалъ, взялъ рецепты съ собой, и чрезъ какіе нибудь часа два аптечный служитель доставилъ намъ медикаменты. Больная, благодареніе Богу, начала поправляться, и чрезъ нѣсколько визитовъ здоровье ея возстановилось. Къ этому надобно прибавить, что Макдональдъ не только ничего не взялъ за визиты, но и медикаменты присылалъ отъ себя. Конечно, этотъ добрый человѣкъ дѣйствовалъ по мысли и наставленію моего незабвеннаго начальника; но можно ли отыскать другой подобный примѣръ, хотя бы въ наше просвѣщенное время?

Вотъ каковъ былъ баронъ Штакельбергъ, котораго извѣстный ректоръ Дерптскаго университета Эверсъ (въ разговорѣ же съ Баталинымъ, Р. Архивъ 1878 года, кн. 1-я, стр. 409) называетъ истиннымъ христіаниномъ, а учитель ничтожной элементарной Балтійскаго Порта школы—ханжею и фарисеемъ-лицемѣромъ. Тяжело мнѣ было написать эти два слова подлѣ такого свѣтлаго имени. Мнѣніе Эверса, какъ ближайшаго начальника университета, посылавшаго своихъ визитаторовъ для ревизіи учебныхъ заведеній Дерптскаго округа, мнѣніе такого лица, которому хорошо были извѣстны всѣ служившіе по учебной части, а начальники вѣроятно и лично знакомы — заслуживаетъ быть принятымъ безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія.

Теперь буду говорить собственно о гимназіи. Ученикъ перваго (старшаго) класса, уже какъ полустудентъ, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ между младшими товарищами. Сколько припомнится, въ то время было въ гимназіи до трехъ сотъ учениковъ. Ни Православнаго исповѣданія, ни Римско-католическаго законоучителей при гимназіи не было, по неимѣнію учениковъ. Если и были (самое малое число) католики, то вѣроятно они заправлялись по этому предмету въ домахъ своихъ родителей.

Предметы преподаванія тѣже, что и въ нашихъ гимназіяхъ съ добавленіемъ Еврейскаго языка и хороваго пѣнія. На Греческій языкъ также полагалось много уроковъ. Преподаватели главныхъ предметовъ (Oberlehrer) получали большее содержаніе, потомъ Wissenschafts-Lehrer, просто Lehrer. Ревельская гимназія сравнительно съ нашими въ то время имѣла ту особенность, что директоръ имѣлъ помощника (собственно на нёмъ лежала канцелярія и бумажная часть), а директоръ былъ вмѣстѣ и учителемъ, преподавая въ пятомъ классѣ священную исторію съ большимъ запасомъ по этому предмету хорошихъ гравюръ. Помощникъ въ классы не входилъ и до учебной части не касался. Директоръ посѣщалъ классы и, каждую субботу, просматривая лежащій на каѳедрѣ журналъ, выражалъ удовольствіе и одобреніе тѣмъ ученикамъ, которые въ теченіи недѣли записаны въ рубрикѣ «Lob», а выговоры и небольшіе штрафы объявлялъ тѣмъ, которые въ тоже время попали въ графу «Tadel». Это былъ день недѣльной расправы: ученики ждали его, одни съ радостью, другіе со страхомъ. О розгѣ не было и помину. Какъ-то всё обходилось тихо и благопристойно. Однакожъ припоминаю одинъ смѣшной случай. Какъ-то лѣтомъ, когда распустили учениковъ, на гимназическомъ дворѣ подбѣгаетъ ученикъ къ Козегартену (Oberlehrer und Doctor, маленькій человѣчекъ, глубоко учёный, но большой формалистъ) и что-то у него спрашиваетъ, конечно забывъ, какъ бы слѣдовало, снять съ головы фуражку. Козегартенъ торжественно, въ виду всѣхъ, самъ снимаетъ свою шляпу. Протестъ. Разумѣется эта картина была и оригинальна, и смѣшна. Маленькая невѣжливость мальчика, можетъ быть, и неумышленная, побѣждена указаніемъ на вѣжливость со стороны старшаго, безъ шума и крика.

Вотъ какъ начинался и оканчивался учебный день въ Ревельской гимназіи. Къ девяти часамъ утра въ готическую съ стрѣльчатыми сводами залу собирались непремѣнно каждый учебный день: директоръ, всѣ учители, имѣвшіе первый утренній урокъ и ученики всѣхъ пяти классовъ. Первые помѣщались около каѳедры на одной сторонѣ залы, а учащіеся размѣщались на скамьяхъ насупротивъ; за небольшимъ органомъ помѣщался учитель пѣнія Гагенъ. Сначала пѣли хоромъ, съ органомъ, какой нибудь стихъ изъ псалмовъ Давида,

потомъ всходилъ на каѳедру старшій учитель Закона Божія докторъ Рейнъ (впослѣдствіи генералъ-суперинтендентъ) и читалъ Молитву Господню (всѣ конечно вставали), послѣ которой еще пѣли стихъ изъ псалмовъ же и расходились по классамъ. Вообще всё выполнялось благоговѣйно и торжественно. Послѣ обычныхъ смѣнъ предметовъ преподаванія, звонокъ возвѣщалъ объ окончаніи ученья. Тутъ чтенія молитвы уже не было.

При мнѣ была лѣтомъ (1823 г.) визитація ректора Дерптскаго университета Эверса, краткая, но по обращенію этого благороднѣйшаго сановника оставшаяся для всѣхъ дорогимъ событіемъ. Ректоръ посѣтилъ всѣ классы. Я имѣлъ урокъ въ это время въ 1-мъ классѣ, старшемъ, и объяснялъ ученикамъ, съ переводомъ, образцовое слово митрополита Московскаго Платона при коронаціи императора Александра 1-го, начинающееся, какъ извѣстно, словами «и такъ сподобилъ насъ Богъ» и пр. Гость-визитаторъ прослушалъ съ четверть часа и, обратясь ко мнѣ, сказалъ понѣмецки: «я всё, что̀ теперь слышалъ, понимаю, даже не исключая старинныхъ Русскихъ письменныхъ памятниковъ; но говорить какъ-бы хотѣлось еще затрудняюсь. Вамъ много будетъ труда, но при усердіи и любви къ дѣлу можно многое сдѣлать въ ваши еще юные годы. Мы всѣми силами стараемся укрѣпить и усилить въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ Русскій языкъ; помогайте намъ въ томъ и особенно обращайте вниманіе на исправленіе произношенія. Намъ пріятно, что мы имѣемъ въ васъ воспитанника Московскаго университета: Московскій выговоръ самый чистый и мягкій. Желаю вамъ полнаго успѣха».

Чтобъ покончить съ гимназіей, нужно еще сказать слова два о ея старинной залѣ, въ которой происходило (1823) нѣчто особенное, не имѣвшее прямаго отношенія къ ея цѣли и значенію. Всѣми уважаемый докторъ Рейнъ, собственно самъ отъ себя или по желанію и указанію барона Штакельберга, открылъ въ гимназической залѣ поученія или лекціи для простаго и средняго класса, на которыхъ объяснялъ нравственныя и религіозныя истины. Какъ хорошій ораторъ, онъ привлёкъ массу слушателей и особенно женщинъ. Это продолжалось недѣлю или двѣ, какъ вдругъ мы узнаемъ, что, по распоряженію сверху, эти сборища приказано прекратить. Помнится, тогда говорили, что таково было распоряженіе генералъ-губернатора маркиза Паулуччи. Мнѣ ни разу не случилось быть въ этихъ собраніяхъ, а потому осталось неизвѣстнымъ для меня, что̀ подало поводъ къ ихъ закрытію.

Большая часть преподавателей жили въ домикахъ, прилегающихъ къ гимназіи. На внѣшность мало было обращаемо вниманія. О форменной одеждѣ учениковъ не было и помину. Ни директора, ни одного изъ учителей я во всё мое время не видалъ въ мундирѣ, никакихъ поздравленій заведено не было. Знакъ отличія виднѣлся только на одномъ баронѣ Штакельбергѣ—орденъ св. Владиміра 4-й степени. Содержаніе служившимъ въ гимназіи положено было, сравнительно съ внутренними гимназіями нашими, хорошее. Не помню оклада директора и его помощника, но старшій учитель получалъ до 1,800 р. въ годъ; на мою долю приходилось 1,200, тогда какъ въ это время въ нашихъ гимназіяхъ директорское жалованье было 800 р., а старшаго учителя 500. Въ добавокъ къ жалованью раздѣлялись между учителями, сообразно числу даваемыхъ уроковъ, сбираемыя Schulgeld, изъ которыхъ получалъ я сотни двѣ рублей. (Здѣсь счётъ конечно на ассигнаціи). По какому-то старинному обычаю и праву, старшіе учители получали отъ городской ратуши по бочкѣ

хлѣба въ зернѣ или деньгами по стоимости этого продукта. Директоръ получалъ при запискѣ и принятіи новаго ученика въ гимназію десять рублей, а инспекторъ уѣзднаго училища при такомъ же случаѣ—пять. Жалованье выдавалось государственными ассигнаціями, а Schulgeld чаще клубными марками. Онѣ были пергаментныя, величиною въ среднюю визитную карточку и составляли большое удобство при разсчётахъ. Приготовлялись они обыкновенно въ одинъ рубль, пятдесятъ копѣекъ и въ двадцать пять. О поддѣлкахъ или фальшивыхъ—слуховъ не было. Привезшіе насъ сюда Рязанскіе ямщики, ожидая здѣсь нѣсколько дней сѣдоковъ для обратнаго пути, много дивовались, глядя и считая эти марки; но что̀ болѣе всего ихъ восхищало—это дешевизна и добротность Ревельской водки сравнительно, какъ они говорили, съ Великороссійскою. Коснувшись этого предмета, я долженъ сказать, что во всѣ четыре года я ни разу не видалъ человѣка въ нетрезвомъ видѣ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Конечно, нельзя поручиться за окраины города и форштадты, гдѣ скучено смѣшанное и разнородное населеніе.

Сохранился въ памяти моей тотъ часъ, когда приманеры или ученики старшаго класса, окончившіе курсъ ученія, прощались съ гимназіею и готовились къ отправленію въ Дерптскій университетъ. Въ залѣ собиралось всё начальство и весь учащій персоналъ и занимали мѣста около каѳедры, съ которой была произнесена краткая молитва. Приманеры, одинъ за другимъ, подходили сначала къ директору, отъ котораго принимали аттестатъ, а потомъ къ каждому изъ наставниковъ, пожатіемъ руки выражали свою благодарность и затѣмъ откланивались. Въ мое время оканчивали полный гимназическій курсъ менѣе десяти человѣкъ. Всѣ приманеры довольно хорошо говорили порусски; конечно, нельзя того же сказать о воспитанникахъ младшихъ классовъ, но и между ними были мальчики, говорившіе очень хорошо порусски. Это зависѣло отъ семействъ, въ которыхъ они жили и въ которыхъ любили говорить порусски. Я видѣлъ такія семейства, имѣя очень много частныхъ уроковъ. Старались пріискать Русскую прислугу, нянюшку для дѣтей, даже кормилицу, въ тѣхъ же видахъ знакомить дѣтей въ раннюю пору съ Русскимъ языкомъ. Конечно, нельзя сказать этого о всѣхъ семействахъ Нѣмецкихъ, но стремленіе и охота къ изученію Русскаго языка несомнѣнно были. А вотъ и особый случай. Секретарь (или въ родѣ того) ратуши, г. Клаузенъ самъ прекрасно говорилъ и писалъ порусски, но этого мало: женѣ и дѣтямъ онъ запрещалъ въ назначенные дни говорить понѣмецки, и этотъ приказъ выполнялся съ строгостію, чему я былъ многократно свидѣтелемъ, посѣщая его домъ. Клаузенъ былъ очень гостепріименъ. Веселаго характера, онъ заставлялъ дѣтей подходить ко мнѣ и говорить разныя фразы и даже цѣлыя басни, а указывая на жену, которая въ это время чѣмъ нибудь занималась, прибавлялъ: «она Чухонка, она ничего не понимаетъ», хотя она была истая Нѣмка. Удивительный человѣкъ былъ этотъ Василій Ѳедоровичъ Клаузенъ: всегда веселый, живой и безъ правой руки (отнята по локоть). Поразительно было видѣть, какъ отлично писалъ онъ лѣвою, и какъ скоро. По должности считался онъ отличнымъ чиновникомъ и всѣмъ извѣстенъ былъ своею привязанностію къ Русскимъ. Однажды, зашедши къ нему, я засталъ дѣтей за музыкальнымъ урокомъ, который давала имъ на фортепіано какая-то дѣвица. Слыша про высокую цѣну этихъ уроковъ и ограниченность средствъ Клаузена, я полюбопытствовалъ узнать, что̀ онъ платитъ за урокъ? «Двадцать пять копѣекъ» (конечно въ это время общій

счётъ былъ всё на ассигнаціи) отвѣчалъ онъ. «Нашъ городъ музыкальный, въ каждомъ домѣ найдется не одно фортепіано; дѣвицъ небогатаго состоянія, знающихъ музыку, множество, вотъ онѣ-то и даютъ эти безчисленные уроки по всему городу, а что вы удивляетесь дешевизнѣ платы, то это вотъ почему: мы, родители-сосѣди, соглашаемся (дóма четыре) соединять, у кого помѣщеніе попросторнѣе, нашихъ дѣтей вмѣстѣ для музыкальнаго урока, на который и является учительница; полагая по 25 коп. съ дома, съ четырехъ приходится рубль, чтò и считается безобиднымъ вознагражденіемъ». Обычаемъ установлена здѣсь цѣна за урокъ вообще по обученію—рубль, тоже самое за визитъ врачу. Плата за мѣстà въ театрѣ была самая доступная для всѣхъ. Безрасчётливости и пословицѣ: «послѣдняя копѣйка ребромъ» здѣсь нѣтъ мѣста. Ограниченъ тутъ и произволъ набѣгающихъ фокусниковъ: выше назначенной отъ ратуши цѣны за представленія никто ничего взять не можетъ

II.

Однажды, въ воскресный лѣтній день, уже нѣсколько обжившись и осмотрѣвшись въ Ревелѣ, послѣ обѣдни я вздумалъ зайти къ директору. Мальчикъ лѣтъ 10-ти (вся внутренняя прислуга у него состояла изъ такихъ двухъ дѣтей) доложилъ о моемъ приходѣ. Я вхожу въ гостиную и не безъ удивленія вижу—на диванѣ предъ раскрытою книгою (конечно Библіей или молитвенникомъ) сидящихъ рядомъ барона Штакельберга и сторожа при Русскомъ уѣздномъ училищѣ (въ Ревелѣ было два уѣздныхъ училища: Русское и Нѣмецкое) Салемана, котораго я хорошо зналъ, потому что нѣкоторое время завѣдывалъ этимъ училищемъ и даже жилъ въ его домѣ, имѣя для услугъ по дому этого самаго Салемана. Это была молитва. О Гернгутерахъ я въ то время имѣлъ самыя тёмныя понятія и вовсе не зналъ о принадлежности къ этому согласію не только какого нибудь Салемана, но и барона Штакельберга. Впослѣдствіи, когда мнѣ объяснили поразившій меня этотъ, въ общественномъ смыслѣ, странный казусъ, я конечно уже пересталъ удивляться при встрѣчѣ съ подобными явленіями. Попавъ совершенно неожиданно въ такую минуту (о чёмъ докладывавшій мальчикъ не сказалъ ни слова), я самъ растерялся и извинился, но кроткая и благородная манера обращенія барона меня совершенно успокоила, и я, пробывъ у него съ четверть часа, раскланялся, оставивъ ихъ двоихъ продолжать свое дѣло. Послѣ, при посѣщеніи моемъ особаго Гернгутерскаго молитвеннаго дома на Нарвскомъ форштадтѣ, я обоихъ ихъ видалъ тамъ и кромѣ городскихъ жителей даже многихъ, пріѣзжавшихъ по Воскресеньямъ съ мызъ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ города.

Еще припоминаю одинъ случай, хотя и не особенно важный, который характеризуетъ барона Штакельберга. Разъ, при посѣщеніи имъ Русскаго уѣзднаго училища, онъ нашелъ въ классѣ ученика, стоявшаго на колѣнахъ (въ гимназіи подобнаго оштрафованія не было вовсе) по распоряженію какого-то строгаго учителя; онъ обратился къ инспектору училища съ слѣдующими словами: «Желательно, чтобы не случалось этого впередъ видѣть: колѣнопреклоненное положеніе прилично только на молитвѣ». Разсказывали, за что однакожъ ручаться трудно, что Штакельбергъ, въ видахъ охраненія своего семейства отъ городскаго шума и соблазна, помѣстилъ его у какой-то своей родственницы, жившей на островѣ Эзелѣ. Дѣйствительно, во все мое служеб-

ное время онъ жилъ одинокимъ и вёлъ въ высшей степени скромную и тихую жизнь. Онъ просто и дружелюбно относился всегда и къ учащимъ, и къ ученикамъ. Въ самую жаркую пору (при окончаніи экзаменовъ), подъ его личнымъ наблюденіемъ, приманеры, готовившіеся въ университетъ, писали на заданную тему разсужденія у него на квартирѣ, но какъ? Я увидалъ ихъ всѣхъ безъ верхняго платья, въ жилетахъ просто. Мнѣ это снисхожденіе, по причинѣ невыносимаго жара, понравилось. Дѣти хорошо чувствуютъ, кто къ нимъ расположенъ, и они, замѣтно, его любили.

Выбравъ воскресный день, я былъ уже въ 9-ть часовъ утра въ Гернгутерской молитвенной храминѣ. Въ деревянномъ домѣ довольно просторная зала, уставленная по стѣнамъ скамьями, каѳедра, въ серединѣ съ потолка виситъ паникадило, точно такое какъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ—мѣдное съ шаромъ и завитками для свѣчъ. Болѣе ничего, никакихъ изображеній, никакихъ украшеній. Только на каѳедрѣ лежала библія, да въ одномъ изъ угловъ стояло фортепіано или небольшой органъ. Я засталъ уже довольно посѣтителей, а болѣе посѣтительницъ, наѣхавшихъ съ мызъ. Это были Чухонцы по простому названію. или деликатнѣе Эстонцы. Мущины съ большими распущенными волосами и съ великимъ множествомъ пуговокъ на камзолахъ (это ихъ страсть и мода, какъ я узналъ послѣ), женщины съ бѣлымъ уборомъ на головѣ, а у нѣкоторыхъ на шеѣ были украшенія въ монетахъ, кажется наши цѣлковые, на шнуркѣ съ просверленною скважинкою. Скоро зала наполнилась безпрерывно приходящими и пріѣзжающими. Изъ круга высшаго, сравнительно съ простонародьемъ, было немного. Наступило время молитвы. Прежде всего всѣмъ обществомъ или братствомъ пропѣтъ былъ хоромъ гимнъ на Эстонскомъ языкѣ подъ фортепіано, потомъ всходитъ на каѳедру одинъ изъ пріѣхавшихъ сельскихъ Эстонцевъ, одѣтый какъ всѣ поселяне, съ распущенными и бѣлыми какъ лёнъ волосами и начинаетъ говорить или бесѣдовать всё также поэстонски. Говорилъ онъ около часу съ большимъ жаромъ, вниманіе слушателей было полное. Я, не зная ни слова поэстонски, только могъ наблюдать мимику оратора. Но что удивило меня—этотъ изъ простой среды ораторъ привёлъ всѣхъ своихъ слушателей въ слёзы. Чѣмъ объяснить это? Чтобъ вызвать у человѣка слёзы, нужны большая сила убѣжденія и даръ слова. Откуда взялись они у простаго крестьянина? Тутъ были не дѣти, а часть горожанъ, да и сельскіе подгородные жители— всѣ грамотные и уже въ нѣкоторой степени знакомые съ книгами, особенно съ тѣми, которыя относятся до религіозныхъ истинъ.

*

А вотъ и Рогервикъ или Балтійскій Портъ. Во время войны съ бородою, по указу императора Петра 1-го 1722-го и другому 1723-го года, велѣно тѣхъ бородачей, которые за небритье бородъ не въ состояніи заплатить положеннаго штрафа, отсылать въ Рогервикъ для заработанія того штрафа. Случалось также, что уже отправленные въ Сибирь раскольники были съ дороги обращаемы въ тотъ же Рогервикъ. Тутъ, на чужбинѣ, томились наши бородачи, и конечно между ихъ потомками мнѣ удалось найти рѣдкость—извѣстные бородовые знаки. У меня они срисованы въ натуральную величину. Они и въ Великороссіи попадаются рѣдко. Здѣсь отъ одного изъ старожиловъ-раскольниковъ я слышалъ, что бородовые знаки стали рѣдкостью и потому еще, что

будто истреблены были и перелиты въ монету по повелѣнію самого Петра Великаго. Когда сдѣлались гласными требованія значительныхъ пошлинъ за ношеніе бороды и появились, среди Нѣмцевъ, съ бородами въ Ревелѣ раскольники, то заграничныя газеты сильно напали на эту мѣру и отзывались объ ней невыгодно и рѣзко. Вѣрно ли это, не знаю, но такъ мнѣ говорили, и я передаю слышанное.

Первый знакъ (1705 г.), величиною съ четвертакъ, серебряный или мѣдный, вызолоченъ. На одной сторонѣ въ бордюрѣ слова: деньги взяты; подъ этою надписью изображеніе носа, усовъ и бороды; тутъ же вытисненъ въ маломъ видѣ Русскій гербъ—двуглавый орелъ. На другой сторонѣ изображеніе герба нѣсколько въ большемъ видѣ и слова: 1705 году. Въ знакѣ провернута, въ малую горошину, скважина. Я помню разсказы старожиловъ, которые говорили, что раскольники, платившіе пошлину (весьма значительную по тогдашнему времени—до ста рублей) за дозволеніе не брить бороды, носили эти значки, какъ квитанціи въ уплатѣ въ казну денегъ, на гайтанѣ (шнуркѣ) на шеѣ, подъ платьемъ. При спросѣ досмотрщиковъ: заплачена ли за бороду пошлина? они показывали свою неразлучную съ ними квитанцію.

Второй знакъ (1725 г.) мѣдный четырехугольный (величиною съ цѣлковый рубль). На одной сторонѣ надпись: сбороды пошлина взята, 1725; другая сторона не имѣетъ ничего кромѣ узорчатой каймы, но на рёбрахъ (бокахъ) вытиснены слова: борода лишьняя тягота. Этотъ послѣдній знакъ попадается рѣже, нежели первый, и я его до Ревеля нигдѣ не встрѣчалъ. Надписи и цифры—церковно-славянскія.

Отъ застрявшихъ здѣсь Петровскихъ бородовыхъ знаковъ естественный переходъ—къ его прекрасному сооруженію, Екатериненталю, такъ въ честь его супруги названному. Это любимое гульбище отдѣляется отъ Ревеля только Нарвскимъ форштадтомъ. Дворецъ, не очень большихъ размѣровъ, въ Итальянскомъ вкусѣ, пріятенъ для глазъ. На внѣшней стѣнѣ указываютъ на два-три кирпича, нарочно оставленныхъ незаштукатуренными: они, по преданію, собственноручно заложены великимъ преобразователемъ нашимъ. Отъ дворца тянется прекрасная каштановая аллея съ вѣковыми деревьями, верхи которыхъ касаются другъ друга; она особенно привлекаетъ подъ свою тѣнь въ жаркіе лѣтніе дни. Въ саду имѣются для пріёма публики пріюты съ бутербродами, пивомъ и проч., но всё это въ самомъ скромномъ и приличномъ видѣ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дворца стоитъ низенькій (одноэтажный) каменный домикъ, въ которомъ всего три-четыре небольшихъ комнаты. Это пріютъ, въ которомъ Петръ I-й останавливался во время своихъ сюда наѣздовъ. Всё просто, простѣе быть нельзя: кровать некрашенная, дубовая, грубой работы, одѣяло, отъ времени потерявшее свой цвѣтъ, шлафрокъ, кажется шёлковый съ большими цвѣтными разводами, подъ кроватью на виду—туфли. На стѣнѣ (довольно высоко, что̀ указываетъ и на ростъ хозяина) прибито четверти въ двѣ или три зеркальце въ деревянной рамкѣ. Вотъ и всё убранство этого историческаго домика, который въ народѣ здѣсь и называется домикомъ Петра Великаго. Въ вешній Николинъ день, въ этотъ скромный, но замѣчательный домикъ бываетъ крестный ходъ изъ здѣшняго Преображенскаго собора, въ благодарное воспоминаніе о Государѣ, который и въ этомъ краю приложилъ много труда ко благу своего народа.

Здѣсь разсказывали мнѣ люди достовѣрные слѣдующій анекдотъ-быль о Петрѣ I-мъ. Во время своихъ по этому краю разъѣздовъ, утомился ли онъ отъ дороги, или просто хотѣлъ отдохнуть, или чѣмъ-нибудь подкрѣпить себя, только, увидавъ мызу, пожелалъ тутъ пристать и для этого послалъ своего деньщика, чтобъ онъ объяснилъ о томъ владѣльцу мызы (кажется, барону Зальцу или Зассу или что-то похожее на это). Баронъ, въ которомъ была порядочная доза спѣси, отвѣчалъ посланному деньщику: «хотя царь желаетъ этого, но мнѣ вовсе нежелательно». Выслушавъ гордый и дерзкій отвѣтъ барона, Петръ прискакалъ на мызу и въ пылу гнѣва извѣстною своею дубинкою наэлектризовалъ спину благороднаго барона. По обычаю, не переча своему нраву, Полтавскій герой расположился на мызѣ какъ хозяинъ. Послѣ отдыха, когда волненіе поутихло въ Петрѣ, а баронъ успѣлъ обдумать свой непригожій отвѣтъ, царь приказалъ позвать къ себѣ хозяина, можетъ быть извинился въ своей горячности, или просто захотѣлось ласковымъ словомъ утѣшить обиженнаго барона.—«Я уѣзжаю, сказалъ царь, но какъ пользовался вашимъ гостепріимствомъ, то желалъ бы оставить вамъ что-нибудь на память». Вѣрно, ласковыя слова эти тронули барона; въ отвѣтъ онъ сказалъ: «Государь, оставьте мнѣ вашу палку: она сохранится въ моемъ потомствѣ, какъ воспоминаніе о вашемъ справедливомъ гнѣвѣ и моей спѣси, которая, какъ и всякая гордость, есть глупость». Такимъ образомъ палка сдѣлалась знàкомъ примиренія и согласія. Меня увѣряли, что нѣкоторыя особы эту палку видѣли. Чего на свѣтѣ не бываетъ?

III.

Послѣ Екатериненталя лучшее гулянье въ имѣніи барона Розена, также подъ самымъ городомъ, съ хорошимъ садомъ и домомъ, на фронтонѣ котораго изображенъ гербъ Розеновъ—покоящійся левъ. Въ этомъ саду, подъ тѣнистыми деревьями, за разставленными столиками, проводятъ лѣтніе вечера многія сотни горожанъ, прохлаждаясь чаемъ и пивомъ, безъ роскоши, которой здѣсь вовсе не видать. Есть вблизи и домики, которые на лѣто занимаютъ городскія семейства.

Кругомъ всего города идётъ глазисъ или бульваръ, обсажѐнный деревьями; это мѣсто, какъ ближайшее, привлекаетъ множество гуляющихъ. Хорошо содержатся открытые для членовъ клубные сады. Довольно и частныхъ съ роскошными цвѣтниками, конечно на форштадтахъ; въ самомъ же городѣ, по старинной его скученности, кой-гдѣ на просторѣ виднѣется деревцо, на примѣръ въ Клостерѣ, близь гимназіи.

Большое удовольствіе публикѣ доставлялъ театръ, помѣщавшійся въ центрѣ города, на такъ называемой Широкой улицѣ. Нѣкогда проживалъ въ Ревелѣ Коцебу, и театръ много обязанъ ему хорошимъ своимъ устройствомъ. Кромѣ интереса представленій, театръ представлялъ собою удобство для изученія Нѣмецкаго языка, и я конечно усердно этимъ пользовался. Цѣны за мѣста были баснословно дешевыя. Вспоминаю нѣчто курьёзное: разъ, сидя въ театрѣ, я замѣтилъ двухъ пожилыхъ дамъ, хорошо одѣтыхъ, занимавшихся вязаньемъ чулокъ или чего-нибудь подобнаго, и это во время представленія. Не даромъ Нѣмки слывутъ хорошими экономками. Теперь, можетъ быть, и тамъ уже такой простоты встрѣтить нельзя; время измѣняетъ обычаи и нравы Такъ какъ въ то время въ Ревелѣ, никто, кромѣ крупныхъ богачей,

лошадей и экипажей не держалъ, а ходили пѣшкомъ, то по окончаніи въ театрѣ спектакля, представлялась вотъ какая картина: у выхода мелькали десятки огоньковъ, это пришли съ фонариками служанки, чтобъ проводить своихъ госпожъ домой. Съ десяти, одиннадцати часовъ воцарялась въ городѣ тишина невозмутимая, среди которой слышались голоса ночной стражи: «любезные граждане, пробило столько-то часовъ». Небольшая типографія рядомъ съ гимназіей (содержатель Дулло) усердно печатала Wochenblatt и театральныя афиши. Въ первомъ листкѣ помѣщались конечно насущныя извѣстія городской жизни: продажа, покупка, наёмъ квартиръ и проч. Въ театральныхъ афишахъ я самъ принималъ нѣкоторое участіе: хотя театръ былъ Нѣмецкій, но изъ уваженія къ Русской половинѣ населенія, афиши печатались съ сокращеннымъ Русскимъ переводомъ; этотъ-то переводъ я принялъ на себя и зато имѣлъ кресло gratis. Представленія были частыя, и публика любила посѣщать ихъ. Особенно въ то время часто шелъ Волшебный Стрѣлокъ съ удовлетворительною обстановкой. Въ типографіи Дулло я напечаталъ двѣ брошюры. Первая состояла изъ стиховъ «Къ веснѣ» и была процензурована здѣсь директоромъ барономъ Ш. Вторая—разсужденіе «о необходимости знанія употребительнѣйшаго языка въ государствѣ», написана мною ко дню гимназическаго акта. Она одобрена къ напечатанію училищною коммиссіею императорскаго Дерптскаго университета, и отъ ректора Эверса получилъ я письмо съ выраженіемъ удовольствія и признательности за трудъ.

IV.

Образовательная часть сильно развита была въ Ревелѣ. Въ часъ роспуска изъ классовъ, бывало, улицы и переулки переполнены бѣгущими съ книжкою мальчиками и дѣвушками уже на возрастѣ съ пяльцами изъ Tochterschule. Въ этомъ послѣднемъ училищѣ было до трехъ сотъ дѣвицъ. Ritterschule помѣщалась въ мѣстности—Вышгородѣ. Учебный курсъ его былъ близокъ къ гимназическому; я преподавалъ тамъ Русскую исторію и практически занимался съ воспитанниками Русскимъ языкомъ. Директоромъ этого заведенія былъ Верманъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ.

Изъ двухъ уѣздныхъ въ городѣ училищъ Нѣмецкое, естественно, имѣло гораздо болѣе учениковъ, нежели Русское. Въ пансіонѣ для дѣвицъ барона Врангеля было до тридцати воспитанницъ, которыя съ охотою занимались Русскимъ языкомъ; уроки по этому предмету даваемы были мною. Частныхъ уроковъ было множество, такъ что я не могъ иныхъ и принимать на себя: въ семействахъ графа Штейнбока, Делагарди, генерала Спафарьева, генерала Левицкаго, г-жи Шевичъ, Оппермана, Берга и др. Даже два молодыхъ Эстонца (совершенно бѣдные люди) упросили меня учить ихъ порусски, конечно gratis, и постоянно ходили на мою квартиру изъ довольно удаленнаго угла пригородной мѣстности. Они были смышлены и понятливы, хотя общее понятіе объ Эстонцахъ сложилось и невыгодное. Дѣйствительно, о простотѣ ихъ и наивности ходятъ сотни забавныхъ анекдотовъ, но никто не откажетъ имъ въ добромъ нравѣ и честности. Какъ просты они и довѣрчивы, я видѣлъ самъ, отдавая деньги за купленныя дрова: продавшій беретъ деньги и не считая кладетъ ихъ въ карманъ прямо. Эта простота служитъ грубою впрочемъ потѣхой иногда для праздныхъ шалуновъ. Эстонцы имѣютъ обычай привозить въ городъ молоко въ боченкахъ, у котораго въ днѣ скважина съ деревян-

нымъ гвоздемъ, обращеннымъ къ задку телѣги. Невозмутимо впереди идетъ Эстонецъ, а гвоздь незамѣтно шаловливою рукой выхваченъ, и хозяинъ догадается о своей бѣдѣ уже тогда, когда въ боченкѣ ничего не осталось. Есть въ Эстонцахъ и съ перваго взгляда замѣчается какая-то дикость и запуганность. Деревенскіе жители (особенно женщины и дѣвицы), завидя проѣзжающихъ, прячутся и убѣгаютъ въ свои дома.

V.

Собственно въ городѣ православныхъ храмовъ два: Преображенскій соборъ и небольшая церковь во имя святителя Николая, да на форштадтахъ четыре деревянныхъ, изъ которыхъ одна именуется флотскою; здѣсь всегда стояли для караула два флотскихъ экипажа. Соборъ находится въ клостерѣ, древней постройки и, по завоеваніи города, обращенъ въ православный изъ католическаго. Иконостасъ высокій, и замѣчательно, каѳедра для проповѣдника устроена въ ряду самыхъ иконъ во второмъ или третьемъ ярусѣ. При входѣ, на правой сторонѣ, устроено небольшое мѣсто, покрытое краснымъ сукномъ со входной дверкой. Оно назначалось для императора Александра 1-го въ пріѣздъ его сюда въ 1810 году; но, по разсказу очевидца, Государь, вошедши въ храмъ во время богослуженія, изволилъ стоять вмѣстѣ съ молящимися, но не на этомъ мѣстѣ. Въ заутреню на Святой недѣлѣ я видѣлъ множество Нѣмцевъ обоего пола, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на наше богослуженіе; ихъ занимали особенно освѣщеніе и сотни горящихъ свѣчей въ рукахъ присутствовавшихъ. Въ позднѣйшее время построена рядомъ съ соборомъ небольшая церковь, собственно для зимней службы. Такъ какъ мы жили подлѣ самаго собора, то отмѣчу здѣсь одинъ и забавный и вмѣстѣ грустный казусъ. Матушка моя, привыкши, когда жили мы въ Рязани, ходить къ заутрени, бывало услышитъ благовѣстъ на соборной колокольнѣ и пойдетъ въ церковь, но тотчасъ и возвращается. Почему? Да просто потому, что это былъ фальшивый благовѣстъ, ради лѣни. Это меня сильно возмущало. Конечно, это случалось не всегда и не въ большіе праздники, но бывало. Какъ, думалъ я, можно было допускать такое если не поруганіе, то во всякомъ случаѣ неуваженіе къ своей религіи, да еще на глазахъ Лютеранъ, которые твердо держали свои религіозные уставы.

Изъ лютеранскихъ храмовъ три огромные: св. Олая (въ то время разрушенный, нынѣ возобновленный), св. Николая и на Вышгородѣ. Въ библіотекѣ Олаевскаго храма хранятся драгоцѣнныя для Лютеранъ письма Меланхтона къ Лютеру во время ихъ религіозной дѣятельности. Въ Николаевскомъ любопытно было видѣть помѣщенное въ особомъ притворѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, сохранившееся хорошо тѣло дюка Декруа, котораго исторія довольно извѣстна. Полы въ храмахъ устланы надгробными плитами съ надписями; противъ этихъ плитъ на стѣнахъ развѣшаны щиты съ гербами почившихъ рыцарей и гражданъ города. Эстонская кирка, въ которой нерѣдко былъ я, всегда переполнена молящимися, болѣе изъ деревень. Богослуженіе совершается на языкѣ Эстонскомъ. Храмы, особенно Николаевскій, снабжены большими колоколами, звукъ которыхъ, по особому способу звона, далеко раздается. Я всходилъ однажды на лютеранскую колокольню и просто былъ оглушенъ скрыпомъ всей махинаціи, которую съ большимъ трудомъ приводили въ движеніе пять сильныхъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока колоколъ закачался.

и языкъ его началъ свое дѣло. Способъ подобнаго звона очень затруднителенъ, но мнѣ показался звукъ колокола какъ-будто мягче и мелодичнѣе противъ обыкновеннаго принятаго у насъ способа. Въ хорошій лѣтній день, когда двери и окна открыты, церковное пѣніе, въ большомъ количествѣ молящихся и при сильномъ органѣ, далеко неслось по городу. Чтобы сохранить при богослуженіи тишину, временно часть улицы, прилежащая къ храму, заграждалась подвижными рѣшетками: такимъ образомъ не было слышно въ церкви стука экипажей. Въ мое время славился проповѣдью пасторъ Мейеръ при Олаевской киркѣ (помѣщавшейся въ залѣ, по случаю пожара). Если онъ начиналъ свое слово, то приходившіе на молитву не входили въ молитвенную залу, а выжидали нѣсколько минутъ, когда онъ кончитъ, чтобъ движеніемъ входа не нарушить тишины и не потревожить вниманія слушателей. Но и это еще не все, дошло даже до мелочей до дамскаго туалета: дамы согласились между собою отнюдь не надѣвать, идя въ церковь, шляпокъ, единственно изъ деликатнаго вниманія къ тѣмъ, которыя занимали мѣста на заднихъ скамьяхъ, чтобъ и онѣ могли безпрепятственно видѣть каѳедру и слѣдить за словомъ проповѣдника. Все это было передъ моими глазами, потому что съ первыхъ дней пріѣзда меня очень занимало лютеранское богослуженіе и вмѣстѣ съ проповѣдью давало богатый матеріалъ къ изученію Нѣмецкаго языка. Шведская церковь—на краю города, древняя, маленькая, въ которой вмѣстится полсотни, много сотня молящихся. Убранство скудное.

Черезъ годъ или около того по моемъ пріѣздѣ, у насъ въ гимназіи случилось печальное событіе. Къ старшему учителю математики, всѣми уважаемому старцу Бараніусу, въ вакантное время пріѣхалъ, на побывку, сынъ (единственный), магистръ Дерптскаго университета, пожилъ съ родителями недѣлю - двѣ, сдѣлался нездоровъ и скоро скончался. Благочестивый Бараніусъ не перенесъ этого удара, чрезъ два дня послѣ кончины своего любимаго сына, ихъ хоронили вмѣстѣ въ полномъ присутствіи всей гимназіи. Картина поразительная, которую и теперь не могу забыть, равно и той глубокой скорби, какою терзались бѣдныя вдова и мать. При громкомъ звонѣ колокола, продолжавшемся во все время шествія печальной процессіи до кладбища, оба гроба поставлены были рядомъ въ усыпальницѣ (безъ всякихъ могилъ и зарытія въ землю). Такую усыпальницу я видѣлъ въ первый разъ: это огромная зала, вырытая въ землѣ и конечно съ кровлею, въ которой гробы усопшихъ ставятся рядами. По окончаніи грустнаго обряда, всѣ мы посѣтили домъ почившаго и его вдову. Тутъ, усѣвшись въ полномъ безмолвіи и тишинѣ, выслушали нѣсколько словъ оберъ-пастора, посвященныхъ памяти отца и сына. Эти слова, въ коротенькой брошюркѣ, были напечатаны и тутъ же намъ розданы на память. Потомъ подали по чашкѣ кофею, что̀ и было финаломъ. Тихо, просто и прилично такому событію, когда правожаемъ въ другой міръ особъ, заслужившихъ нашу любовь и уваженіе.

Смерть и жизнь близки другъ къ другу. Скажу теперь два слова о крестинахъ по лютеранскому закону. Тутъ мнѣ привелось даже быть воспріемникомъ. Крестили сына у гимназическаго учителя Французскаго языка Дивьеня. Въ назначенный часъ мы съ воспріемницею явились въ квартирѣ Дивьеня. Черезъ двѣ-три минуты (скучное ожиданье, да поджиданье здѣсь не въ модѣ) приходитъ пасторъ съ книжкою подъ мышкою, а кистеръ его принесъ принадлежности для обряда крещенія: серебрянный кувшинъ и такой же тазикъ.

Такъ какъ мнѣ случилось видѣть подобный обрядъ въ первый разъ въ жизни, то я внимательно слѣдилъ за всѣмъ. Возложивъ на себя пасторскіе атрибуты, пасторъ началъ священнодѣйствіе молитвою; затѣмъ воспріемница, державшая младенца, наклонила его головку надъ тазикомъ, и пасторъ сдѣлалъ три возліянія изъ кувшина во имя Отца и Сына и Святаго Духа; еще молитва, потомъ коротенькое слово о значеніи святаго крещенія и долгѣ родителей воспитать и образовать дитя, и конецъ. Въ ту минуту какъ подавали намъ кофей, пасторъ раскрылъ свою книжку съ печатными на подобные случаи формами, вписалъ у кого родился и крещенъ младенецъ, также имена воспріемниковъ; подписали самъ родитель крещенаго младенца, мы съ воспріемницею и, кажется, кистеръ. Вырѣзавъ изъ книги такой-же бланковый листокъ, пасторъ вписалъ въ него тоже самое, что и въ книгѣ. Этотъ листокъ, также подписанный всѣми, онъ и вручилъ Дивьеню, какъ метрическое свидѣтельство. Просто, практично, и не предвидится въ будущемъ хлопотъ въ случаѣ передвиженія на жительство въ другія отдаленныя мѣста самихъ родителей. Аккуратность, даже въ мелочахъ, бросается въ глаза: кистеръ, когда нужно было писать, вынулъ изъ кармана чернилицу и перо. Печать къ акту и копіи съ него также были приложены. Книга хранится въ архивѣ пастората, и въ случаѣ потери выданной при крещеніи копіи, она всегда можетъ быть возобновлена по этой книгѣ.

Что еще мнѣ сказать о Ревелѣ; но кромѣ хорошаго я рѣшительно сказать ничего не могу. И такъ боюсь, чтобы меня не заподозрили въ пристрастіи. Но откуда возмется оно? Двадцатилѣтній Московскій студентъ, безъ порядочнаго знанія Нѣмецкаго языка, очутился среди другой національности, принятъ ею радушно, обласканъ и не помнитъ ни одной черты, ни по службѣ, ни въ общественномъ быту, которая бы набрасывала хотя малѣйшую тѣнь на тѣ годы, которые провелъ онъ въ средѣ ея. Слѣдовательно мысль о пристрастіи сама собою падаетъ.

Я думаю и говорю, какъ думалъ и говорилъ пятьдесятъ шесть лѣтъ назадъ: «Остзейскій край—камень самоцвѣтный въ вѣнцѣ Русскаго Царя».

Въ томъ же мѣсяцѣ, то есть въ Маѣ, въ которыя я увидѣлъ въ первый разъ Ревель, я и выѣхалъ изъ него въ 1825 году, по призыву на мою родину—въ Рязань *). Оглянувшись на убѣгавшія изъ глазъ готическія башни города, я съ благодарностью вспоминалъ объ его привѣтѣ, гостепріимствѣ и отъ искренности сердца пожелалъ ему цвѣтущей будущности.

Филиппъ Ляликовъ.

24-го Апрѣля 1878.
Москва.

---

*) Многоуважаемый авторъ этихъ „Воспоминаній“ служилъ долгое время инспекторомъ Рязанской гимназіи. П. Б.

Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ *).

IX.

Случай свелъ меня съ княземъ И. А. Лобановымъ; также случайно познакомился я и съ княземъ Александромъ Өедоровичемъ Голицынымъ. Знакомство это для меня имѣло еще болѣе значенія.

Въ то время князь былъ статсъ-секретаремъ, предсѣдателемъ Комисіи для принятія прошеній и имѣлъ большое вліяніе на судьбу своихъ современниковъ и особенно на жившихъ въ Петербургѣ; но я зналъ про него только, что онъ въ обществѣ не бываетъ и у себя не принимаетъ, а всѣхъ, имѣющихъ до него дѣло, выслушиваетъ въ Комисіи. Я познакомился съ нимъ слѣдующимъ образомъ. У Алексѣя Өедоровича Львова, извѣстнаго музыканта, былъ квартетный вечеръ. Онъ жилъ тогда въ Караванной, въ собственномъ домѣ, въ этой священной обители музыки, которая должна быть памятна обитателямъ Петербурга. Музыкальныя собранія бывали разъ въ недѣлю; квартеты всегда исполнялись въ небольшой комнатѣ, украшенной поясными изображеніями въ натуральную величину Мендельзона, Рубини и графини Росси (Зонтагъ), которыя получены хозяиномъ въ подарокъ отъ самихъ артистовъ. Оркестровыя же произведенія исполнялись въ прекрасной залѣ, окнами на улицу. Квартетъ уже начался. Я сидѣлъ спиною къ окну, выходившему во дворъ. Мѣстъ было немного, слушатели помѣщались въ гостиной. Возлѣ меня стоялъ незанятый стулъ. Изъ гостинной тихо вышелъ на цыпочкахъ какой-то господинъ въ свѣтло-коричневомъ, узкомъ фракѣ съ двумя звѣздами и помѣстился рядомъ со мною. Кто бы это могъ быть? Я его никогда не встрѣчалъ ни у графа Вьельгорскаго, ни здѣсь; а между тѣмъ, повидимому, у Львова онъ свой человѣкъ. «Чей это квартетъ?» спросилъ онъ у меня вполголоса.—«Квартетъ Разумовскаго, Е. (онъ улыбнулся). Финалъ есть торжество Львова; по силѣ игры съ нимъ можетъ равняться только одинъ Липинскій», отвѣчалъ я также тихо. Сосѣдъ мой кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ согласія. «Приходите ко мнѣ, раннимъ вечеромъ, часовъ

---

*) Первыя восемь главъ этихъ Записокъ помѣщены въ 1-й книгѣ Русскаго Архива сего года (въ выпускѣ 4-мъ, стр. 436—468). Пользуемся случаемъ, чтобъ исправить ошибку въ эпиграммѣ, указанную намъ Я. К. Гротомъ. Вотъ настоящій текстъ часто приводимыхъ стиховъ Данта:

Tu proverai si come sa di sale
Il pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e'l salir pes l'altrui scale.

(ты испытаешь, какъ отзывается солью чужой хлѣбъ и какъ тяжелъ путь спуска и подъема по чужой лѣстницѣ). Это—буквальный переводъ. См. Il Paradiso, пѣснь XVII, стихи 58—60.

около 8-ми», сказалъ онъ мнѣ въ антрактѣ, очень любезно, но съ оттѣнкомъ повелительности въ голосѣ. Развѣ онъ зналъ, кто я? По всѣмъ признакамъ онъ принадлежалъ къ высокопоставленнымъ лицамъ: въ Петербургѣ это тотчасъ же бросается въ глаза. Съ послѣднимъ акордомъ онъ всталъ и тихо направился къ выходу. Тутъ его поймалъ Львовъ и сталъ уговаривать остаться, чтобы прослушать новый амольный квартетъ Мендельзона. «Мнѣ нужно еще поработать; у меня завтра докладъ», и незнакомецъ исчезъ какъ призракъ. Я сталъ наводить справки. «Какъ?» сказалъ Львовъ, «вы, его не знаете? Да развѣ онъ не бываетъ у графа? Это Голицынъ; онъ прежде игралъ на скрипкѣ, и у него два прекрасныхъ инструмента. Что онъ вамъ сказалъ? Отправляйтесь къ нему, онъ важное лицо».

Князь Голицынъ жилъ на углу Невскаго и Малой Садовой, въ домѣ Менгдена, въ бельэтажѣ. Онъ меня принялъ у письменнаго стола, заваленнаго дѣловыми бумагами. «У меня есть ваша книга о Бетговенѣ, я ее прочелъ, и съ большимъ удовольствіемъ», сказалъ онъ мнѣ любезно. Для бѣдняка-автора всегда пріятно видѣть, что его сочиненія раскупаются. «Поговоримте о музыкѣ, я тоже игралъ на скрипкѣ».—«Львовъ мнѣ сказывалъ». Повидимому мои слова доставили ему удовольствіе. «Я вамъ потомъ покажу свои инструменты». Я сидѣлъ противъ князя Голицына, по другую сторону его рабочаго стола. Онъ всѣхъ принималъ такимъ образомъ. Когда хозяинъ поднимался съ мѣста, гость уходилъ—такъ заведено у всѣхъ министровъ. Князь Голицынъ всталъ. «Приходите еще, вы мнѣ будете сообщать музыкальныя новости, а самъ я не могу слѣдить: время мое слишкомъ занято». Я бывалъ у него въ продолженіи многихъ лѣтъ, разъ въ недѣлю, познакомился съ семьей его, приглашаемъ былъ къ обѣду и къ чаю. Въ домѣ у нихъ все было не такъ, какъ у другихъ. Я бы могъ сказать, что у нихъ вѣяло Нѣмецкимъ духомъ. Все отличалось величайшей простотой, ничего на показъ; прислуги ровно сколько нужно, мебель въ стилѣ первой Имперіи, чайный и столовый приборы въ томъ же вкусѣ, изъ тонкаго фарфора съ рисунками, изображавшими сфинксовъ и грифовъ.

Князь Голицынъ съ головы до ногъ смотрѣлъ придворнымъ человѣкомъ Александровскихъ временъ. Въ немъ была смѣсь этикета и любезной обходительности. Обращеніе его отличалось сдержанностію и важностью, какъ вообще у людей дѣйствительно знатнаго происхожденія, и потому въ немъ это казалось естественно. Говорилъ онъ тоже медленно, но съ отмѣннымъ изяществомъ. Когда ему случалось разсказывать что нибудь и подъ часъ не находить настоящаго слова, то подсказывать было нельзя: это его смущало, и онъ никогда не повторялъ подсказаннаго слова, а подыскивалъ другое. Я все это очень хорошо зналъ, но иногда не могъ воздержаться.

Княгиня, урожденная графиня Кутайсова, отличалась, какъ всѣ знатныя дамы того времени, достоинствомъ, простотой и сдержанно-вѣжливымъ обращеніемъ, не то что въ нынѣшнее время, когда господствуютъ крайности: либо чванная неподступность, либо совершенная распущенность на Французскій ладъ. Княгиня не давала вечеровъ и сама никуда не выѣзжала; она жила для семьи, для сына, составлявшаго гордость семьи, и для дочери, которая артистически играла на фортепьяно.

Князь Голицынъ заѣзжалъ ко мнѣ ради квинтетовъ Моцарта и Бетговена на фортепьяно и духовыхъ инструментахъ; они вообще исполняются очень рѣдко, хотя принадлежатъ къ лучшимъ произве-

деніямъ въ области камерной музыки. Я устроивалъ такъ, что первые артисты Итальянской оперы, Нидманъ (кларнетъ), Луфтъ (гобой) съ товарищами Шиндлеромъ (фоготъ) и Гомиліусомъ (рожокъ) собирались у князя Голицына и акомпанировали его дочери. О моемъ исполненіи Моцартовскаго квинтета графы Вьельгорскіе протрубили вездѣ. Я долженъ былъ съиграть его у графа Сумарокова передъ королевой Виртембергской. Мы прорепетировали нѣсколько разъ, день былъ назначенъ, приглашенія разосланы, но передъ самымъ концертомъ все разстроилось по причинѣ болѣзни королевы.

На лѣто семья князя Голицына переѣзжала въ подмосковное имѣніе, а онъ оставался одинъ въ Петербургѣ; тогда балконъ, выходившій на Невскій проспектъ, украшался большою пальмою: это ему замѣняло дачу. Только въ Августѣ удавалось ему освободиться отъ дѣлъ. Лѣтомъ мнѣ случалось по цѣлымъ вечерамъ просиживать съ нимъ у окна. Онъ не безъ любопытства слѣдилъ за толпой, которая снуетъ по Невскому. Зналъ онъ все и всѣхъ. Удерживала въ городѣ его не Комисія, а сыскныя дѣла внутренней полиціи, возлагаемыя на него Государемъ. Въ то время подобныя дѣла велись негласно; они поглощали все время и все вниманіе князя Голицына.

«Еслибы только знали, какъ это бываетъ затруднительно и какъ тутъ легко подвергнуться осужденію! Скажите это Мишелю (графу Вьельгорскому); онъ этого тоже не понимаетъ». Князь Голицынъ былъ временно моимъ начальникомъ по части политической цензуры; это былъ главный судья во всевозможныхъ цензурахъ. Часть тоже довольно затруднительная! Мнѣ приходилось имѣть съ нимъ дѣловыя отношенія, и я долженъ засвидѣтельствовать, что онъ дежался правилъ человѣколюбія и въ рѣшеніяхъ никогда не уклонялся отъ закона.

Въ обществѣ онъ слылъ за педанта, потому что дѣйствовалъ осторожно и обдуманно; его обвиняли въ излишней строгости люди, которые не въ состояніи были правильно судить объ этихъ дѣлахъ. Князь Голицынъ многократно передавалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своей служебной дѣятельности. (Высокопоставленныя лица обыкновенно часто повторяютъ одинъ и тотъ же разсказъ, такъ какъ они изъ массы впечатлѣній удерживаютъ только особенно выдающіяся явленія). Въ Комисію поступила просьба отъ одного изъ сосланныхъ въ Сибирь; черезъ нѣсколько времени отъ того же лица вторично прислана была просьба одинаковаго содержанія съ первою. «Она возбудила мое вниманіе», разсказывалъ князь съ видимымъ удовольствіемъ. «Дѣло въ томъ, что, по ошибкѣ, одного сослали вмѣсто другаго. Я велѣлъ подать сенатскія бумаги и чѣмъ больше вчитывался, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что дѣйствительно тутъ была ошибка. Государя по дѣламъ службы я видаю только разъ въ мѣсяцъ. Но при первомъ докладѣ я заговорилъ объ этомъ дѣлѣ».—«Лучше тебя знаю», отвѣчалъ онъ, «не говори мнѣ никогда объ этомъ». Я сильно огорчился; бумага все еще лежала у меня на столѣ, но совѣсть не давала мнѣ покою. Черезъ нѣсколько времени, я рѣшился, не смотря на запрещеніе Государя, снова заговорить о томъ же предметѣ. Я объявилъ, что моя совѣсть тогда только будетъ спокойна, когда онъ самъ просмотритъ дѣло и выскажетъ мнѣніе. Государь отвѣчалъ: «Пожалуй, но въ такомъ случаѣ крѣпко держись», и назначилъ вечеромъ часъ для доклада. По обыкновенію тутъ приходилось торопиться докладомъ, и никогда еще не случалось мнѣ съ

такимъ безпокойствомъ входить въ кабинетъ Государя. Я подвергался возможности лишиться мѣста. Вы знаете, конечно (продолжалъ Голицынъ) эту комнату? Ее открывали для публики, когда скончался Николай Павловичъ. Она находится въ первомъ этажѣ Зимняго дворца; зеркальное окно выходитъ къ Адмиралтейству; у окна письменный столъ, затѣмъ кожаный диванъ, передъ нимъ столъ и наконецъ походная кровать, на которой Государь спалъ подъ солдатскою шинелью. Вотъ какъ просто онъ жилъ! Бумагу я принесъ съ собою, отмѣтки были сдѣланы заранѣе. Государь сказалъ коротко: «Садись!» и самъ сѣлъ рядомъ со мной на диванъ. Я нѣсколько робѣлъ. Вечерній чай Государь кушалъ всегда у Государыни, и до чаю оставался только часъ времени. Успѣю ли я изложить дѣло? А если нѣтъ—что̀ будетъ съ дѣломъ и со мной? Въ началѣ Государь выражалъ нетерпѣніе, но потомъ, какъ мнѣ казалось, сталъ поддаваться и когда явился слуга отъ Государыни, Государь сказалъ: «Сегодня я занятъ!» Черезъ часъ онъ всталъ съ дивана: «Ты правъ, Голицынъ, это мы должны поправить. Садись къ столу, пиши губернатору, чтобы онъ освободилъ этого человѣка; я съ нимъ поговорю здѣсь, въ твоемъ присутствіи». У Государя всегда были наготовѣ фельдъегеря, совсѣмъ одѣтые и затянутые ремнями, которыхъ укладывали какъ поклажу на телѣгу: иначе они бы не выдержали! «Позвать лучшаго курьера», сказалъ Государь. Въ дверяхъ появилась коренастая фигура.—«Ты всегда былъ проворнѣе всѣхъ», сказалъ Государь, «сейчасъ же отправляйся въ Тобольскъ, отдай губернатору эту бумагу; если онъ будетъ спать, ты его разбуди. Онъ передастъ тебѣ одного человѣка, ты его привезешь прямо ко мнѣ въ кабинетъ. Если я буду спать, ты тоже и меня разбудишь». Сосланнаго привезли (продолжалъ Голицынъ) и позвали меня. Государь ему сказалъ: «Виноватъ, ошибся, поправлю; обратись къ князю Голицыну, онъ вмѣстѣ со мной приведетъ дѣло въ порядокъ». Я пошелъ домой, не помня себя отъ радости!» Такъ заключалъ князь Голицынъ свой разсказъ, всегда возбуждавшій во мнѣ сильное участіе; между тѣмъ толпа все продолжала сновать взадъ и впередъ по Невскому, мимо окна, гдѣ мы сидѣли. «А вотъ тѣ, что̀ тамъ идутъ», заключалъ онъ не безъ горечи, «они вѣдь считаютъ меня жестокимъ человѣкомъ!»

X.

Тяжкій ударъ разразился надъ княземъ А. Ѳ. Голицынымъ. Его сынъ, бывшій уже адъютантомъ, поѣхалъ въ лодкѣ изъ Петергофа въ Кронштатъ по дѣламъ службы, и утонулъ. Голицыны были не только отецъ и мать, они были родители въ полномъ смыслѣ слова, т. е. составляли съ дѣтьми нераздѣльное цѣлое на всю жизнь; они жили дѣтьми и въ дѣтяхъ. Теперь это понятіе всюду понемногу утрачивается, и остается понятіе объ отцѣ и матери, только какъ о виновникахъ нашихъ дней, пофранцузски: les auteurs de nos jours!

Знакомство съ княземъ Голицынымъ, въ высшей степени для меня пріятное, продолжалось двадцать лѣтъ. Въ продолженіи этого времени онъ четыре раза перемѣнилъ квартиру. «Къ чему это я началъ переѣзжать!» часто говаривалъ онъ, «человѣкъ рѣдко найдетъ что нибудь лучшее, и у насъ это справедливо во всѣхъ отношеніяхъ». Мы много говаривали о политикѣ. Князь Голицынъ началъ службу дипломатомъ, а не военнымъ, какъ большинство высокопоставлен-

ныхъ лицъ. Однажды ему поручено было отвезти депеши изъ Мадрида въ Парижъ. До Французской границы приходилось ѣхать верхомъ. Лошадь его упала, и князь сломалъ себѣ руку. «Не смотря на это, я продолжалъ свое путешествіе; вы можете себѣ представить мое мученіе! Чувство долга поддерживало меня въ этомъ случаѣ».—Онъ любилъ говорить со мной о Ригѣ, гдѣ ему часто случалось бывать, но ненадолго. «Какое знаніе приличій въ обществѣ», часто повторялъ онъ, «какъ всѣ образованы; у насъ это было бы нелишнее!» Онъ любилъ Ригу и былъ знакòмъ со всѣми знатными лицами въ городѣ. Жизнь онъ велъ самую простую: не курилъ и не игралъ въ карты. Онъ умеръ въ 1867 году вслѣдствіе тяжкой болѣзни. Я многаго лишился съ его смертью: онъ былъ мнѣ невыразимо дòрогъ и какъ человѣкъ, и какъ лицо государственное. Погребеніе сопровождалось великою торжественностью. Несмотря на 20-ти градусный морозъ, всѣ они—министры, члены совѣта, сенаторы, дипломаты, провожали тѣло въ Новодѣвичій монастырь. Я чувствовалъ всю важность потери, чувствую и до сихъ поръ. Послѣ Вьельгорскаго онъ былъ для меня самымъ вѣрнымъ другомъ: я пріобрѣлъ его своими собственными силами.

По своему общественному положенію, князь Александръ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ выдающимся князьямъ Голицынымъ. Ихъ было трое: Сергій Михайловичъ въ Москвѣ, Александръ Николаевичъ въ Петербургѣ и Московскій генералъ-губернаторъ, всѣмъ извѣстный князь Дмитрій, какъ его называли для краткости. Сергій Михайловичъ Голицынъ былъ единственный въ Россіи дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, т. е. въ чинѣ фельдмаршала и потому имѣлъ собственную канцелярію. Этотъ высшій чинъ былъ пожалованъ еще одному только князю Александру Николаевичу, министру духовныхъ дѣлъ, впослѣдствіи министру почтъ, и больше никому. Государственному канцлеру онъ присвоенъ по должности.

Многочисленный родъ князей Голицыныхъ уступаетъ въ древности происхожденія Одоевскимъ, Лобановымъ-Ростовскимъ, Касаткинымъ-Ростовскимъ, Долгорукимъ, Оболенскимъ, Трубецкимъ. Родъ этотъ такъ развѣтвился, что въ Петербургѣ всѣ Голицыны носятъ различныя прозвища: есть Голицыны - рябчики, Голицыны - кулики, и прозвища эти не имѣютъ ничего оскорбительнаго. При разъѣздѣ, изъ театра и вездѣ, собственные ихъ лакеи выкрикиваютъ карету Голицына-рябчика и т. д. Кромѣ того были еще: Голицынъ-Ѳирсъ, Голицынъ рыжій, Голицынъ-католикъ, Голицынъ-віолончелистъ. Между собою они рѣдко въ родствѣ. Рябчику Голицыну принадлежалъ большой домъ на Владимірской (гдѣ теперь какой-то клубъ). Онъ былъ уже дѣдушкой, а все продолжалъ носить розовые галстуки. Онъ занимался музыкой, но слегка; у него подавался отличный ужинъ, но гостей бывало немного, и мы какъ-то терялись посреди огромныхъ, пустыхъ комнатъ.

Говорятъ иногда, что люди великодушно прощаютъ своему собрату превосходство въ познаніяхъ или въ умѣньи устроиться; но горе, если собратъ выкажетъ дарованіе или умѣнье, внѣ обычнаго круга своей дѣятельности. Подобное превосходство будетъ сочтено за оскорбленіе всѣми, стоящими на низшемъ уровнѣ: ему не заслужить снисхожденія, и онъ останется бѣльмомъ на глазу. Въ этомъ случаѣ нѣтъ различія между богатыми и бѣдными. «Какой это Львовъ?» спрашиваютъ васъ, «тотъ, чтò играетъ на скрипкѣ?» При этомъ упу-

скается изъ виду, что Львовъ занимаетъ военную должность и отличается, въ высшей степени, способностями и дѣловитостью по этой части. «Который графъ Вьельгорскій? Віолончелистъ, или композиторъ?» и при этомъ забываютъ, что и тотъ и другой люди высоко образованные и способные съ честью занимать любое высокое мѣсто на государственной службѣ.

Для чиновника основательное занятіе музыкой—вещь предосудительная; но для меня музыка послужила окольнымъ путемъ къ знакомству черезъ Львова съ княземъ Голицынымъ. У Львова мнѣ посчастливилось вообще: кромѣ встрѣчи съ княземъ Голицынымъ, со мной было тамъ происшествіе инаго рода. На вечерахъ у графовъ Вьельгорскихъ, нашъ братъ-музыкантъ пропадалъ, какъ капля въ проливномъ дождѣ; у Львова же помѣщеніе меньше, пространство ограниченнѣе. Хотя и здѣсь тоже бывалъ дворъ, собиралось тоже общество, но дамъ бывало не такъ много. Великимъ постомъ 1845 года Львовъ праздновалъ новоселье, былъ назначенъ вечеръ съ оркрестромъ (слово концертъ казалось черезъ-чуръ скромнымъ!), Государь обѣщалъ тоже пріѣхать. Начало назначено въ 9 часовъ. Общество уже все собралось. Львовъ, въ полной парадной формѣ, держа въ рукахъ шляпу съ плюмажемъ, стоялъ въ дверяхъ первой комнаты у лѣстницы, покрытой коврами, и ожидалъ Государя. Пробило десять часовъ, Государя все еще не было. Заиграли Це-мольную симфонію, первую часть которой Сѣровъ по ея унисонамъ называлъ монограммою, а я прозвалъ, не столь удачно какъ онъ, окрыленнымъ земнымъ шаромъ. Я сидѣлъ во второмъ ряду стульевъ съ лѣвой стороны, возлѣ меня помѣстился графъ Воронцовъ-Дашковъ, въ углу направо стоялъ пустой стулъ, въ двухъ шагахъ отъ дверей въ гостиную. Внезапно могучая, величественная фигура Николая появилась въ дверяхъ. Онъ тихонько прошелъ черезъ гостиную, запретивъ швейцару звонить. Львовъ стоялъ въ оркестрѣ у перваго налоя. При появленіи Государя всѣ поднялись какъ одинъ человѣкъ, и оркестръ умолкъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ рукою, всѣ сѣли, оркестръ вновь заигралъ. Государь продолжалъ стоять въ дверяхъ, но, увидавъ прямо передъ собою пустой стулъ, вдругъ сѣлъ рядомъ со мной! Меня словно обдало кипяткомъ; я устремилъ неподвижно глаза на оркестръ, но ничего не видѣлъ и не слышалъ. Государь тотчасъ же заговорилъ со мной порусски: «У тебя нога болитъ?»—«При перемѣнѣ погоды».—«Я тебя отправлю въ Гастейнъ». Я поклонился, но не рѣшился взглянуть на Государя. Я не видалъ его, я только чувствовалъ, что онъ тутъ, возлѣ. Государь зналъ всѣхъ и все. Вѣроятно, онъ зналъ и меня, хотя я ни разу не встрѣчалъ его у графовъ. У Блудова въ тотъ же самый вечеръ состоялось представленіе, подписанное моимъ начальникомъ Дегаемъ, о дозволеніи мнѣ ѣхать въ Гастейнъ.

Симфонія окончилась первою частью, продолжавшеюся минутъ шесть. Государь немедленно всталъ, подалъ руку хозяйкѣ и перешелъ въ гостиную; все общество послѣдовало за нимъ. Какъ только начался антрактъ, ко мнѣ подошли трое членовъ императорской фамиліи и стали у меня спрашивать: «Государь съ вами разговаривалъ? Что̀ сказалъ Государь?»

— «Онъ посылаетъ меня въ Гастейнъ».

— «Ахъ, поздравляемъ васъ».—«Какая это у васъ палка?»

— Это ча̀канъ, мнѣ подарилъ ее Листъ, она мнѣ служитъ вмѣсто костыля. — «Прекрасная палка, замѣчательная палка!»

Во мнѣ было такое чувство, какъ будто я только что родился на свѣтъ и вотъ-вотъ начинаю жить.

Лѣтомъ я отправился въ Гастейнъ, потомъ въ Парижъ, а оттуда вмѣстѣ съ молодымъ фонъ-Эссеномъ мы проѣхали черезъ всю Испанію и отправились въ Римъ.

Въ Римѣ я встрѣтился съ молодымъ Танѣевымъ, отличнымъ латинистомъ и музыкантомъ (въ настоящее время статсъ-секретарь въ канцеляріи Его Величества); онъ везъ письма къ Государынѣ въ Палермо и предложилъ мнѣ мѣсто въ каретѣ. Дворецъ въ Палермо, гдѣ жила Императрица, находился подъ вѣдѣніемъ графа Шувалова (отца теперешняго нашего посла въ Лондонѣ), съ которымъ я былъ знакомъ, такъ какъ онъ былъ друженъ съ Вьельгорскими. Подъ его покровительствомъ я бы могъ отлично провести зиму въ Палермо: по вечерамъ мы бы занимались музыкой. Танѣевъ очень упрашивалъ меня. Искушеніе было сильное. Сицилія! А процессъ въ Петербургѣ? Я едва устоялъ противъ заманчивыхъ предложеній, съ которыми они приступали ко мнѣ. Передъ праздникомъ Рождества я пріѣхалъ въ Варшаву, оттуда выѣхалъ въ дилижансѣ на колесахъ. Государь долженъ былъ прослѣдовать здѣсь на пути въ Палермо, и его ждали. Въ лѣсу дилижансъ наткнулся на странную машину: множество лошадей было впряжено въ треугольникъ, составленный изъ бревенъ и занимавшій собою всю ширину дороги. Машину съ силою вталкивали въ снѣгъ и такимъ образомъ прокладывали путь, по которому иначе было бы трудно ѣхать дилижансу нашему, напоминавшему бочку Регула; пришлось терпѣливо пережидать проѣзда машины, и такимъ образомъ мы въ ночь сдѣлали только одну станцію.

Солнце еще не всходило, только блѣдно-красная полоса виднѣлась на Востокѣ, когда мы подъѣхали къ станціи, низкому, длинному деревянному строенію. Дальше ѣхать насъ не пустили, потому что Государь былъ тутъ.

Къ крыльцу подъѣхали открытыя двумѣстныя сани съ сидѣньемъ въ видѣ трона, покрытымъ коврами; они запряжены были шестеркой лошадей, двѣ впереди. Ямщикъ правилъ стоя. Вскорѣ вышли изъ дому двѣ высокія фигуры въ шапкахъ и шубахъ: Государь, и за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ графъ Орловъ. Государь сѣлъ въ сани, Орловъ съ нимъ рядомъ; ямщикъ сбросилъ съ головы шапку, перекрестился и крикнулъ ура! Конюхи и ямщики подхватили въ одинъ голосъ, лошади рванулись, и въ мигъ все исчезло. Фельдъегерь поскакалъ впередъ, двое казаковъ поѣхали сзади. Тогда только пропустили насъ, и мы вошли на станцію. На столѣ еще стояли чашки, изъ которыхъ Государь пилъ кофей. Какая противоположность съ моей первой встрѣчей у Львова, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ!

Извѣстно, что Государь очень скоро достигъ Палермо, но неизвѣстны нѣкоторыя подробности объ его пребываніи, которыя я могу сообщить здѣсь изъ первыхъ рукъ. Неаполитанскій король уступилъ Императрицѣ свой дворецъ въ Палермо, а самъ помѣстился въ одномъ изъ флигелей. Государь очень полюбилъ короля Обѣихъ Сицилій, и тотъ съ своей стороны былъ въ восторгѣ отъ Государя. Однажды графъ Потоцкій, нашъ посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ, пришелъ доложить Государю объ одномъ дѣлѣ, требовавшемъ разрѣшенія. Именно дѣло касалось постройки въ Неаполѣ Греческой церкви, что̀ сопряжено было съ большими затрудненіями, и графъ высказалъ мнѣніе, что дѣло это слѣдуетъ оставить. Но Государь, взявъ

изъ рукъ у него бумаги, сказалъ: «Я все сейчасъ устрою, мы съ королемъ пріятели» (amis les plus intimes). Императоръ пошелъ черезъ дворъ къ королю, но черезъ минуту вернулся назадъ. Императрица еще сидѣла за чаемъ. Государь, входя въ комнату, приставилъ руку къ носу и сдѣлалъ, чтò называется, длинный носъ (un long nez). «Вотъ чего я добился»! сказалъ онъ; «сначала король былъ очень веселъ и радовался моему раннему посѣщенію; когда же я заговорилъ о дѣлѣ, онъ сказалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ: Этого я не могу сдѣлать, нечего объ этомъ и говорить. Я, разсказывалъ Государь, въ изумленіи посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ: «Я бы вамъ далъ въ Россіи сколько угодно католическихъ церквей; какимъ же образомъ одна моя церковь можетъ возбуждать такія затрудненія?» Тогда король всталъ и снова повторилъ: я этого не могу сдѣлать. Ну я и ушелъ!» Графъ Шуваловъ былъ въ то время у Государыни, и потомъ разсказывалъ Вьельгорскому, а я записалъ съ его словъ.

Въ заключеніе этой главы я думаю лучше всего привести нѣкоторыя черты изъ Петербургской жизни Государя, которыя мнѣ были неизвѣстны, но которыя Вьельгорскій слышалъ изъ устъ самого Государя.

Бывая въ Большомъ театрѣ, Государь иногда возвращался въ зимній дворецъ по Екатерининскому каналу. Была морозная, тихая ночь, мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ. На Каменномъ мосту стоялъ мальчикъ мастеровой и плакалъ горькими слезами надъ разбитой бутылкой.

Государь приказываетъ остановиться. «О чемъ ты плачешь?»—«Хозяинъ послалъ меня за пивомъ, а я упалъ и разбилъ бутылку; теперь онъ меня накажетъ!»—«Гдѣ живетъ твой хозяинъ?»—«Здѣсь на каналѣ».—«Садись въ сани». Мальчикъ сѣлъ. Государь входитъ въ мастерскую сапожника и называетъ себя.—«Ну нѣтъ!» говоритъ сапожникъ (Государь съ неподражаемымъ юморомъ представлялъ сапожника), «какой вы Императоръ! Императоръ ко мнѣ не пойдетъ; можетъ быть вы генералъ, это пожалуй». Тогда Государь сказалъ: «Этого мальчика ты не тронь; сейчасъ за нимъ пріѣдетъ генералъ-адъютантъ и отвезетъ его ко мнѣ». Мальчика помѣстили въ Кадетскій Корпусъ. И сапожникъ, и мальчикъ были родомъ изъ Финляндіи и не задолго передъ тѣмъ пріѣхали въ Петербургъ.

Однажды вечеромъ Государь пришелъ кушать чай къ Государынѣ въ особенно веселомъ расположеніи духа. «Я получилъ самыя пріятныя донесенія насчетъ порядка въ войскахъ, сказалъ онъ; но хочу самъ посмотрѣть». Напрасно Государыня представляла ему, что и холодно и поздно. «Я полечу стрѣлой», отвѣчалъ Государь, «и осмотрю караульни». Вернулся онъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ восторга. «Вездѣ порядокъ примѣрный! Когда я подъѣзжалъ къ крайней караульнѣ у Тріумфальныхъ воротъ, то подумалъ: здѣсь навѣрно найду упущеніе; поэтому я запретилъ часовому звонить въ колоколъ и прямо вошелъ съ вопросомъ: «гдѣ дежурный?»—«У себя въ комнатѣ». Офицеръ спалъ у стола, положивъ голову на руки. Это позволяется, только бы быть при этомъ въ полной формѣ. Я осмотрѣлъ его, обошелъ вокругъ, все въ порядкѣ; я былъ доволенъ въ высшей степени. На столѣ лежала открытая карманная книжка; я взялъ ее въ руки, карандашъ лежалъ тутъ же. Кто заплатитъ за меня долги? прочелъ я въ книжкѣ, взялъ карандашъ, подписалъ свое имя и запретилъ будить офицера».

Въ Декабрѣ 1837 года сгорѣлъ Зимній дворецъ. Послѣ пожара Государь ѣхалъ въ саняхъ по дворцовой набережной. У Троицкаго моста,

видитъ онъ, стоятъ двое безъ шапокъ, въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, покрытое салфеткою. Государь велитъ остановиться. Мы, Бѣлый Царь, посланные отъ гостинныхъ дворовъ Москвы и Петербурга, просимъ у тебя милости, дозволь намъ выстроить тебѣ домъ». (Сколько миліоновъ могло это стоить!) «Спасибо», отвѣчалъ Государь; отъ души благодарю васъ. Богъ дастъ, я самъ смогу это сдѣлать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду».

XI.

Князя Александра Лобанова называли комодоромъ, потому что онъ былъ морякъ-охотникъ, основатель Яхтъ-Клуба. Онъ можетъ служить доказательствомъ, что наука всегда оказываетъ помощь тѣмъ, кто отдается ей всецѣло. Этотъ привлекательный по своему прямодушному характеру человѣкъ всю жизнь занимался спеціально исторіею Маріи Стуартъ, какъ едва ли кто другой въ Европѣ. Въ путешествіяхъ своихъ онъ собралъ цѣлую библіотеку, которая заключала въ себѣ единственные документы и драгоцѣнные источники, относящіеся къ исторіи несчастной королевы, и все что̀ только было написано о ней на различныхъ языкахъ. Графъ Вьельгорскій съ участіемъ говаривалъ о Лобановѣ. Въ царствованіе Александра I, онъ былъ блестящій офицеръ, любимецъ Императора. Женился онъ на самой багатой невѣстѣ въ Россіи, на графинѣ Безбородко и жилъ пышно и открыто въ своемъ громадномъ домѣ, который и по сю пору еще называется Лобановскимъ, хотя уже давнымъ-давно принадлежитъ Военному Министерству. По смерти княгини, Лобановъ съ друзьями своими, княземъ Голицынымъ и Бутурлинымъ, уѣхалъ въ Парижъ. Это было во времена Карла X-го. Лобановъ такъ понравился королю, что онъ уступилъ ему за извѣстную арендную плату за̀мокъ и знаменитый лѣсъ въ Фонтенбло для охоты. Наши господа помѣстились въ замкѣ. Каждый вечеръ, по окончаніи спектаклей въ Парижѣ, кареты и почтовыя лошади привозили къ ужину въ Фонтенбло замѣчательныхъ артистовъ и артистокъ. Русская колонія прославилась въ Парижѣ своею роскошною, широкою жизнью. Черезъ нѣсколько лѣтъ Лобановъ былъ вынужденъ продать свой опустѣлый домъ въ С.-Петербургѣ, но покупщика было трудно найти. Тогда князь задумалъ разыграть его въ лотерею по 1 рублю билетъ и выпустить на миліонъ билетовъ. Государь не позволилъ этого. Впослѣдствіи Лобановъ пожелалъ передать свою библіотеку о Маріи Стуартъ въ хорошія руки. Государь взялъ ее и назначилъ ему пожизненную пенсію. Библіотека эта составляетъ часть малоизвѣстной Эрмитажной библіотеки, сокровищами которой можетъ свободно пользоваться всякій желающій. Лобановъ остался жить въ Петербургѣ. Въ высшемъ обществѣ онъ пользовался всеобщею любовью. Разъ въ годъ (великимъ постомъ) онъ давалъ раутъ для мужчинъ (онъ жилъ въ домѣ Штрауха, на углу Большой Морской и Гороховой). Я познакомился съ нимъ у графа Вьельгорскаго и почувствовалъ къ нему влеченіе. Онъ былъ охотникъ, я тоже прежде страстно любилъ охоту; но конечно мы въ Лифляндіи охотились не за оленями, какъ онъ въ Фонтенбло! Графъ Вьельгорскій представилъ меня ему подъ названіемъ coq de la poule (въ биліардной игрѣ). Въ то время въ знатныхъ Русскихъ домахъ вездѣ были заведены биліарды, въ подражаніе Французамъ. Но во Франціи это удовольствіе стоитъ дешево, не то что̀ у насъ. Лобановъ пригласилъ къ себѣ на раутъ

избранныхъ игроковъ изъ тѣхъ, которые бывали у графа. Всѣ они получили печатныя приглашенія (par carte imprimée). Графъ сказалъ: «Я очень радъ, что ты въ числѣ приглашенныхъ; тамъ есть на что посмотрѣть; ужинаютъ за маленькими столиками; мы сядемъ вмѣстѣ, ты увидишь кое-что!» Общество собралось избранное, высшее. Всѣ были въ бѣлыхъ галстукахъ. Какъ теперь вижу Англійскаго посланника лорда Стюарта Дё-Ротсея, потомка Шотландскихъ королей, добродушнаго старика съ палкой; онъ разговаривалъ чрезвычайно живо и съ интересомъ слѣдилъ за партіей на биліардѣ. Маркёръ былъ изъ Англійскаго клуба, извѣстный въ то время Тюринъ. Какое было великолѣпіе! Графъ былъ во фракѣ и со всѣми звѣздами. Лучше его не было тутъ никого. По внѣшности Воронцовъ-Дашковъ занималъ второе мѣсто, но въ лицѣ его недоставало ума и того многоговорящаго выраженія, которымъ было полно лицо графа. Лобановъ былъ одинаково любезенъ и съ знатными посѣтителями, и съ нами, маленькими людьми.

Здѣсь я въ первый разъ увидалъ графа Матушевича и сразу почувствовалъ къ нему уваженіе. Онъ былъ еще человѣкъ молодой, но уже имѣлъ Александровскую звѣзду. Онъ происходилъ изъ знатной Польской фамиліи и пользовался извѣстностью какъ Русскій дипломатъ. Онъ игралъ съ нами, и я все на него посматривалъ. Я зналъ только одного дипломата, у котораго были такія же вкрадчивыя манеры и притомъ такой же степенный видъ—это Курляндецъ графъ Павелъ Медемъ (Съ нимъ познакомлю моего читателя впослѣдствіи).

Дѣйствительно, за ужиномъ я увидалъ нѣчто, какъ выразился графъ, а именно: Французскіе сухіе фрукты подавали въ ледяныхъ вазахъ. «Вотъ этого ты не могъ видѣть даже у меня! Изъ трехъ вазъ», объяснялъ мнѣ графъ, «рѣдко удается даже одна. Бьются цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ удастся сдѣлать такую изящную по формѣ, прозрачную какъ кристалъ вазу, непопорченную морозомъ. Плоды въ ней не замерзаютъ, но сохраняютъ свѣжесть и ароматъ. Видъ Русскихъ кристаловъ радуетъ наше зрѣніе; для желудка это тоже пріятно, и ему не грозитъ простуда». Лобановъ ходилъ вокругъ столовъ: «Très-réussi, mon cher!» [1]) сказалъ ему графъ. «Да!» отвѣчалъ тотъ, «вы понимаете толкъ въ этихъ вещахъ». Раутъ кончился въ 4 часа утра.

*

Князь Репнинъ былъ молодой человѣкъ, проводившій лѣто въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ и на зиму пріѣзжавшій въ С.-Петербургъ. Онъ былъ женатъ на Балабиной и жилъ въ домѣ Балабина на Англійской набережной; у него собирался избранный кружокъ играть на биліардѣ. Отецъ его былъ Полтавскимъ генералъ-губернаторомъ, а дѣдушка въ прошломъ столѣтіи занималъ туже должность въ Ригѣ. Онъ получилъ въ родительскомъ домѣ дѣльное Нѣмецкое воспитаніе и былъ похожъ на Нѣмца. Мы скоро съ нимъ сошлись. Репнинъ былъ неразлученъ съ Фишеромъ, домашнимъ деревенскимъ докторомъ. Въ то время домовый докторъ-Нѣмецъ считался необходимою принадлежностью всякаго знатнаго Русскаго дома. Фишеръ былъ большой чудакъ; съ нимъ всѣ обращались подружески. Когда шаръ биліарда попадалъ въ середину, онъ всегда объявлялъ: oh miliet (вмѣсто

---

[1]) Весьма удалось, мой милый!

au milieu), а мы подхватывали хоромъ и очень его за это любили. Когда Репнинъ пригласилъ къ себѣ избранныхъ изъ кружка графа, тотъ сказалъ мнѣ: «Опять ты нѣчто увидишь, чтò тебѣ понравится». По окончаніи партіи мы сошли по теплой лѣстницѣ, устланной коврами, въ нижній этажъ, гдѣ была столовая. Стѣны въ ней были, какъ въ Англійскихъ замкахъ, изъ темнаго дерева. Дядя Репнина, князь П. М. Волконскій прислалъ ему изъ Петергофскаго парка фазановъ, на которые онъ и пригласилъ графа. Ихъ подали прежде всего на большомъ серебряномъ блюдѣ, какъ pièce de résistance [1]. Графъ долго и внимательно смотрѣлъ на дичь, потомъ вдругъ взялъ крылышко и положилъ мнѣ на тарелку. «Вотъ что ты долженъ выбрать, лѣвое крыло. Подъ лѣвое крыло птица прячетъ голову на ночь, оно жирнѣе. Извините», обратился онъ къ Репнину, «молодыхъ людей нужно учить».

Когда потомъ, въ 4 часа утра, въ страшный холодъ, я возвращался домой въ саняхъ черезъ безконечную Адмиралтейскую площадь, то повторялъ вмѣстѣ съ Лепорелло: la vita che menate, signore, e di birbone; но читатель не долженъ забывать, что все это происходило въ наилучшемъ обществѣ и подъ руководствомъ такого свѣтлаго ума какъ графъ, и тогда навѣрное онъ найдетъ смягчающія вину обстоятельства. Въ Полтавѣ у Репниныхъ домовымъ докторомъ былъ Маркелингъ изъ Берлина, личность очень извѣстная. Благодаря рекомендаціи Репнина, онъ лечилъ всѣхъ въ высшемъ обществѣ, и потомъ устроилъ въ своемъ домѣ, при которомъ былъ садъ (на Грязной), больницу съ платой. Смерть его была очень странная: братъ его, искусный хирургъ, говорилъ, что онъ умеръ отъ отравы, и изъ уваженія къ памяти умершаго, благодаря которому онъ вышелъ въ люди изъ Парижской школы, хирургъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Лондонъ. Уголовнаго слѣдствія начать было нельзя: не было уликъ.

*

Графъ Эрнестъ Штакельбергъ былъ всегда однимъ изъ моихъ любимцевъ. Они могутъ быть у всякаго: для этого не надо быть графомъ. Онъ былъ посланникомъ въ Туринѣ и Вѣнѣ и посломъ въ Парижѣ. Судьба его блестяща, но онъ жилъ недолго. Когда, въ 1827 г., отецъ мой послалъ меня изъ перваго класса Рижской гимназіи въ Женеву изучать въ болѣе обширномъ объемѣ словесныя науки (такъ называемыя humaniores litterae, такъ какъ только онѣ дѣлаютъ человѣка настоящимъ человѣкомъ), я нашелъ въ ученомъ пансіонѣ знаменитаго провѣдника графа Бувье четырехъ братьевъ Штакельберговъ. Бувье былъ нѣкогда домашнимъ учителемъ въ Москвѣ у кн. Мещерскаго, любилъ и понималъ Русскихъ, а мы были Русскіе, хотя носили Нѣмецкія имена. Графъ Штакельбергъ-отецъ занималъ мѣсто посланника въ Неаполѣ, его хорошо знали въ дипломатическомъ мірѣ: онъ былъ уполномоченнымъ со стороны Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ. Эрнесту, третьему сыну, было 14 лѣтъ; онъ былъ моложе меня на 4 года, чтò въ этотъ возрастъ составляетъ значительную разницу. Благодаря этому обстоятельству, а также и довѣрію Бувье, Эрнестъ, самый способный изъ четырехъ братьевъ, былъ до нѣкоторой степени порученъ моему руководительству, конечно въ нравственномъ отношеніи, а не въ педагогическомъ. Я подружился съ бѣлокурымъ,

---

[1] Наиболѣе изо всего обѣда сытное блюдо (гастрономическое выраженіе).

милымъ Эрнестомъ и съ его братьями. Разъ какъ-то утромъ, два старшіе, Оттонъ и Густавъ, пришли ко мнѣ въ комнату спросить, что такое колежскій асесоръ. (Отецъ только что поздравилъ ихъ съ полученіемъ этого чина)! «Это значитъ», отвѣчалъ я имъ откровенно, «что вы, господа, пользуетесь незаслуженной протекціей, и потому еще до поступленія въ государственную службу получаете такой чинъ, тогда какъ другимъ нужно или держать докторскій экзаменъ, о которомъ вы и понятія не имѣете, или много лѣтъ состоять на дѣйствительной службѣ, да и то еще случается тутъ и остановиться. Вотъ что значитъ колежскій асесоръ». Старый графъ записалъ своихъ сыновей на службу къ своему другу, графу Нессельроде: въ то время это было возможно. Такимъ образомъ они ко времени вскрытія Невы и получили повышеніе. Отецъ подарилъ обоимъ братьямъ прекрасныхъ верховыхъ лошадей, на которыхъ они разъѣзжали, на удивленіе всему пансіону, лѣтомъ по берегу озера, зимою въ манежѣ. Еслибъ они вздумали гарцовать по узкимъ улицамъ города, то такимъ нарушеніемъ приличій возмутили бы всѣхъ, и народъ сбѣжался бы навѣрное. У меня же вмѣсто коня была рояль Бродвуда; за прокатъ я платилъ довольно дорого. Поэтому мнѣ дали самую большую комнату, съ постоянно дымившимъ каминомъ, передъ которымъ стоялъ экранъ, а на немъ были нарисованы самымъ первобытнымъ способомъ Телемакъ съ Менторомъ. По вечерамъ всѣ собирались у меня: Валь прекрасно пѣлъ романсы Шпора, я бренчалъ акомпанементъ, четверо братьевъ Штакельберговъ внимали намъ съ благоговѣніемъ. Валь былъ въ Дерптскомъ университетѣ, но, не кончивъ курса, уѣхалъ къ дядѣ, Русскому генеральному консулу въ Лондонѣ. Дядя отправилъ его въ Женеву доучиваться. Валь продолжалъ носить Дерптскій мундиръ, былъ лихой малый и отличный человѣкъ. Онъ, также какъ и я, жилъ независимо у Бувье, тогда какъ Штакельберги должны были подчиняться и Бувье, и еще своему гувернеру Роже, который тоже былъ пасторъ и иногда говорилъ проповѣди. Этотъ благородный человѣкъ написалъ мнѣ въ альбомъ: «любите меня, какъ вы любите Монбланъ; этого будетъ достаточно!» У меня была фанатическая любовь къ горамъ, что доставляло неистощимую пищу остроумію Штакельберговъ. Эрнестъ, къ удивленію Бувье, написалъ очень хорошую оду, Александрійскими стихами, на восхожденіе на Монбланъ Женевскаго Ганнибала, Соссюра. Оду эту онъ показывалъ мнѣ издали, когда я, бывало, съ картою Келлера, стоя у буковой изгороди, возлѣ нашей хижинки на берегу Роны, каждый день смотрѣлъ на Монбланъ, поднимавшійся изъ-за Салева. Я не сводилъ очарованныхъ глазъ, какъ птица передъ гремучей змѣей. Чувство мое было вполнѣ искренно и продолжалось два лѣта. «C'est le côté divin de ma vie», говорилъ я Бувье, который хотя покачивалъ головою, но запретить не могъ. Всѣ живущіе въ домѣ обязаны были ходить въ церковь довольно часто; впрочемъ, прекрасныя Французскія проповѣди имѣли свою прелесть. Но за вечерней службой и Валь, и я аккуратно всегда засыпали. На Пасхѣ мы причащались, и потомъ, когда всѣ пришли ко мнѣ, я сыгралъ божественное Adagio изъ Бетховенской сонаты № 7. Бувье смутился. «Какъ», сказалъ онъ поспѣшно входя въ комнату, «музыка сейчасъ послѣ причащенія!» Я отвѣчалъ ему, что во всей Женевѣ нѣтъ алтаря священнѣе этого adagio. Добрякъ слыхалъ въ Москвѣ Фильда и думалъ, что въ му-

зыкѣ только и бываютъ ноктурны, выражающіе страстную любовь. Къ Троицыну дню я составилъ заговоръ, чтобъ провести праздникъ на Салевѣ. Старшіе Штакельберги и Валь присоединились ко мнѣ, и Бувье долженъ былъ уступить, но велѣлъ взять съ собою Библію съ проповѣдью на день Св. Троицы, и прочесть тамъ на горѣ. Мы все это исполнили, какъ подобаетъ честнымъ людямъ. На этой прогулкѣ я чуть-чуть не погибъ. Густавъ слыхалъ о «Grande Gorge» и непремѣнно хотѣлъ отправиться этой дорогой на Салевъ. Ущелье это представляетъ крутую ложбину въ известковомъ утесѣ, безъ всякихъ дорогъ и тропинокъ. Густавъ взбирался впереди меня. Скала заслонила ему путь; тогда ему вздумалось вдругъ столкнуть шаткій камень, висѣвшій надъ нашими головами. Еслибъ ему удалось это, мы бы всѣ погибли. Къ счастію, я поднялъ голову и закричалъ въ ту минуту, какъ камень уже началъ подаваться. Я понималъ опасность, я уже изучилъ Альпы, но до сихъ поръ еще не постигаю, какимъ образомъ намъ удалось взобраться на верхъ по этой дорогѣ; платье на насъ было все въ клочкахъ, когда мы, наконецъ, усѣлись читать проповѣдь на Троицынъ день. Салевъ возвышается на 4000 ф. надъ уровнемъ моря, отъ подошвы до вершины все-таки 3000 ф. Я прочелъ спутникамъ отчаянную нагорную проповѣдь.

Изъ дому мы вышли въ 4 часа утра, а вернулись только въ 6 ч. вечера. Бувье очень сердился: отъ Штакельберга изъ Неаполя пріѣзжалъ какой-то знатный баринъ съ віолончелью, а насъ никого не было дома! Мы потихоньку переодѣлись, но я настаивалъ, что не слѣдуетъ скрывать нашего путешествія черезъ ущелье, только не говорить, что это придумалъ Густавъ. Я бралъ вину на себя, но Валь горячился и не хотѣлъ мнѣ уступить. Вечеромъ знатный баринъ опять пріѣхалъ. Это былъ графъ Матвѣй Вьельгорскій. «Я обѣщалъ графу въ Неаполѣ сыграть что нибудь его сыновьямъ, но кто же будетъ мнѣ акомпанировать?» Я сѣлъ за плохенькое фортепьяно (моя рояль оставалась въ городѣ). Тутъ я въ первый разъ услыхалъ концертъ Ромберга, который графъ игралъ артистически и наизустъ. Монбланъ привѣтливо глядѣлъ на насъ черезъ стеклянную дверь, выходившую въ садъ. Я почувствовалъ невыразимую симпатію къ Русскому графу, который путешествовалъ съ віолончелью и игралъ концерты наизустъ. Могъ ли я предвидѣть, что этотъ самый человѣкъ, этотъ великій художникъ, будетъ цѣлыя 25 лѣтъ моимъ благодѣтелемъ въ Петербургѣ? Когда 6 лѣтъ спустя (въ 1836 г.) онъ увидалъ меня у своего геніальнаго брата, первыми его словами были: «Мы уже товарищи, онъ акомпанировалъ мнѣ въ Женевѣ!» Графу Михаилу было очень пріятно это слышать, потому что братья жили душа въ душу; это были два тѣла и одинъ духъ.

Оттонъ Штакельбергъ особенно любилъ меня; онъ часто заходилъ ко мнѣ въ комнату и оставался подолгу. Онъ былъ четырьмя годами старше меня; уже тогда въ немъ была замѣтна наклонность къ меланхоліи, но онъ былъ очень милый и замѣчательно скромный человѣкъ. Впослѣдствіи ему достался одинъ изъ богатѣйшихъ майоратовъ, имѣніе Паггаръ въ Эстляндіи, по Петербургской дорогѣ. Онъ женился на дочери ландрата Липгарда, моего великодушнаго Дерптскаго мецената. Графъ Сологубъ (писатель) и я были единственные студенты, допускавшіеся въ его святилище, гдѣ исполнялись квартеты съ постояннымъ участіемъ Фердинанда Давида (изъ Лейпцига) и Ромберга. Всѣ артисты были въ продолженіи многихъ лѣтъ у него

на жалованьи. У Липгарда бывалъ также баронъ Павелъ Фитингофъ, замѣчательный піанистъ и импровизаторъ. Про него Мошеллесъ говорилъ мнѣ: «Онъ изумилъ меня своими импровизаціями!» Знаменитый хирургъ Мойеръ тоже превосходно игралъ на фортепьяно; особенно удавался ему связный стиль (im gebundenen Style). Но оба они были приверженцами Гуммеля, который тогда первенствовалъ въ области фортепьянной музыки. Оригинальнѣе всѣхъ былъ глухой баронъ Павелъ Крюденеръ, который, не смотря на то, отлично игралъ на скрипкѣ и основательно зналъ музыку. Самъ я участвовалъ въ задушевномъ Веберовскомъ тріо съ флейтой, Давидъ исполнялъ партію флейты. Тріо это совершенно неизвѣстно, и Фитингофъ, переворачивавшій мнѣ страницы, изумился фантазіи Вебера, до которой его Гуммелю было далеко. Лѣтомъ наша веселая компанія отправлялась въ шарабанѣ Липгарда къ нему на дачу, и тамъ-то услыхалъ я въ первый разъ Е-мольный квартетъ Бетховена. Онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Думалъ ли я тогда, что когда нибудь напишу монографію этого творенія и въ Петербургѣ вновь услышу его у Вьельгорскаго и у Львова? Для нихъ квартетъ этотъ былъ сердечнымъ другомъ!

Памятное было времячко (1829—1831)! И въ университетѣ, и въ самомъ Дерптѣ былъ урожай на хорошихъ людей. У Липгарда Крюденеръ побился объ закладъ съ Фитингофомъ на большую сумму, что онъ хотя не піанистъ, но въ три мѣсяца выучитъ первую часть А-мольнаго концерта Гуммеля и тогда сыграетъ ее, конечно не артистически какъ Фитингофъ, но безъ ошибокъ, безъ запинки, съ акомпаниментомъ квартета (что̀ очень облегчаетъ дѣло піаниста). Крюденеръ выигралъ.

Липгардъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ онъ участвовалъ въ винныхъ откупахъ вмѣстѣ съ Риттеромъ. Въ сороковыхъ годахъ я посѣтилъ его въ гостинницѣ Кулона (теперь Европейская). «Чувство признательности привело меня къ вамъ, ваше превосходительство», сказалъ я ему. Студентикъ, котораго вамъ было угодно отличить между другими, сдѣлался другомъ Вьельгорскихъ и Львова. Если теперь вамъ угодно послушать музыки въ ихъ домѣ, гдѣ такъ часто поминается ваше имя, то позвольте мнѣ служить вамъ посредникомъ».— «Я ужъ теперь не слушаю музыки», отвѣчалъ Липгардъ: «Фитингофъ и Крюденеръ померли, квартетъ мой разбрелся; музыка слишкомъ много взяла у меня жизни; кажется, и съ вами случилось тоже самое?» — «Я съ вами согласенъ, ваше превосходительство; но мы достигли той ступени въ искусствѣ, когда оно уже становится словно Апостольскимъ призваніемъ; мы говоримъ какъ Орлеанская Дѣва: «Я не могу идти безъ своего знамени».—«Благодарю васъ, останьтесь обѣдать, разскажите мнѣ про Львова, онъ меня очень интересуетъ; вамъ, какъ другу моего дома, я повѣрю».—«Въ частностяхъ, въ гибкости смычка, въ техникѣ, онъ далеко уступаетъ Давиду, но звучность и выразительность его игры, пониманіе смысла произведенія таковы, что его можно слушать съ любопытствомъ даже послѣ величайшихъ виртуозовъ; особенно хорошъ онъ въ Моцартѣ и въ первыхъ одиннадцати концертахъ Бетховена; послѣднихъ пяти онъ не играетъ, хотя они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ».—«Я ихъ не понимаю, и мнѣ они ненужны; ихъ, кажется, кто-то назвалъ Апокалипсисомъ, не вы ли?»—«Очень сожалѣю, что не я; названіе это совершенно вѣрно относительно первой и второй группы; но Апока-

липсисъ этотъ—нашъ насущный хлѣбъ; онъ заставляетъ насъ стремиться все выше и выше!»—«Куда же?» сухо спросилъ Липгардъ.—«Туда, гдѣ обитаетъ душа музыки, воплотившаяся въ формѣ квартета, туда, гдѣ за предѣлами квартета носится фантазія, освобожденная изъ оковъ условности».—«Я не желаю выходить изъ этихъ предѣловъ; я доволенъ тѣмъ что̀ есть». Когда столъ былъ накрытъ, я сказалъ: «Ваше превосходительство, я никакъ не могу забыть вашего petit Bourgogne; это было первое вино, которое я узналъ. Къ Рождеству вы всегда пріѣзжали изъ Петербурга, и тогда у васъ пили красныя вина въ пивныхъ стаканахъ, попетербургски; въ Дерптѣ этого обыкновенія еще не было».—«Какой вы признательный человѣкъ! Не всѣ таковы», сказалъ онъ серьёзно. «Я вамъ всегда и наливалъ, вѣдь вы садились возлѣ меня. Ну Бургонское найдется и здѣсь, только пить будете вы одни: я больше не пью». Мнѣ стало его жаль. Послѣ Бургонскаго онъ заговорилъ съ горячностью: «Скажите мнѣ, по совѣсти, здѣшній квартетъ лучше моего, и чѣмъ именно?» – «Вашъ стоялъ выше: въ немъ было больше общности, всѣ исполнители одинаково хорошо изучили свое дѣло; а у насъ плохъ альтъ» (Вейкмана тогда еще не было). Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку черезъ столъ и сказалъ для меня многозначительныя слова: «Стало быть, я жилъ на свѣтѣ не напрасно! Но не слишкомъ ли завладѣваетъ музыка человѣкомъ, въ ущербъ остальнымъ жизненнымъ интересамъ?» — «Не жалѣйте ни о чемъ, ваше превосходительство: и со Львовымъ, и съ графомъ случилось тоже самое; но развѣ это ничего не значитъ, что вотъ я, послѣ столькихъ лѣтъ, чувствую такую искреннюю къ вамъ благодарность?»—«Благодарю васъ: вы честный человѣкъ, вы меня поняли, и это меня радуетъ».

Разговоръ этотъ имѣлъ для меня значеніе, и кажется, мои слова дѣйствительно утѣшили почтеннаго старика. Я тотчасъ же отправился къ графамъ и передалъ все до малѣйшихъ подробностей.

Судьба четырехъ братьевъ Штакельберговъ очень поучительна. Въ 1833 г., проѣздомъ въ Петербургъ, я заѣхалъ къ Оттону. Послѣ утренняго кофею я хотѣлъ ѣхать дальше, но онъ отослалъ назадъ на станцію моихъ лошадей и хотѣлъ, чтобъ я непремѣнно ѣхалъ на его лошадяхъ. Это было совсѣмъ потоварищески и напоминало Женеву, Монбланъ, озеро! Вскорѣ послѣ того я получилъ грустное извѣстіе: графъ Оттонъ впалъ въ глубокую меланхолію. —Густавъ, нѣсколько напыщенный господинъ, вступилъ въ дипломатію и былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ. Онъ бывалъ у меня въ Петербургѣ. Организмъ его былъ разстроенъ вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ въ имѣніи брата. Они дѣлали облаву на лося и всѣ шли сквозь низкій тернистый кустарникъ, какъ вругъ ружье лѣсничаго, шедшаго сзади Густава, зацѣпилось за вѣтку и выстрѣлило въ упоръ; цилиндрическая пуля, самая опасная изъ всѣхъ, прошла насквозь. Густавъ остался живъ, главные органы повреждены не были, но онъ сталъ чахнуть и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.—Графъ Эрнестъ поступилъ въ артилерійскую школу въ Петербургѣ, мучился съ экзаменами на Русскомъ языкѣ и потомъ поступилъ въ адъютанты къ военному министру графу Чернышеву. Онъ быстро пошелъ въ гору, переселившись изъ военной службы въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ тѣмъ же чиномъ, былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и наконецъ посланникомъ. Онъ былъ женатъ на Француженкѣ и умеръ въ Парижѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Когда онъ пріѣзжалъ въ Пе-

тербургъ, я его встрѣчалъ у графа, у Сологуба, у министра Валуева. Обращеніе его со мной было вѣжливое и равнодушное. Дружба между молодыми людьми не всегда бываетъ долговѣчна. Въ матеріальномъ отношеніи холодность его не имѣла для меня значенія, но въ нравственномъ я не могъ оставаться равнодушнымъ. «Мы живемъ людьми и для людей, а не собою только и для себя!» сказалъ кто-то разъ при мнѣ.—Графъ Александръ былъ человѣкъ очень умный, но умъ его принялъ исключительно Французское направленіе, еще въ большей степени, чѣмъ у его брата. Въ Петербургѣ онъ меня часто посѣщалъ, можетъ быть оттого, что любилъ самъ себя слушать, а меня интересовали сильно его termes techniques de la marine*). Онъ былъ морскимъ офицеромъ, но скоро сказалъ, какъ Тринкуло (въ «Бурѣ» Шекспира): «въ море я больше не поѣду!» и отправился къ отцу въ Парижъ. Онъ зналъ только одинъ языкъ, одну литературу. Часто случалось мнѣ выражать сожалѣніе по этому поводу. Онъ умеръ въ Парижѣ въ молодыхъ лѣтахъ. Отецъ его былъ именно тотъ таинственный покровитель Маріи Готье, о которомъ говорится въ романѣ Александра Дюма-сына la Dame aux camélias (названіе ставшее типическимъ). Александръ Штакельбергъ получилъ очень поверхностное Французское воспитаніе, но онъ умѣлъ всегда быть занимательнымъ.

Такъ кончили четверо графовъ Штакельберговъ. Въ Женевѣ они много обѣщали, но потомъ для меня они обратились въ туманныя пятна на горизонтѣ большаго свѣта. Въ жизни слѣдуетъ полагаться на свои силы да на трудъ. Я не говорю, чтобъ мнѣ не нужны были мои Женевскіе друзья, но замѣчаю, что многое, очень многое въ жизни построено на пескѣ!

Письмо Великаго Князя Александра Павловича къ любимцу его отца, С. И. Плещееву.

Милостивой государь мой Сергѣй Ивановичъ.

Сейчасъ имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше и съ радостію бы исполнилъ ваше желаніе, если бы Государь не сказалъ мнѣ давича, опредѣливъ полковника Раапса въ Курской полкъ, что уже и безъ него слишкомъ много адъютантовъ у меня, что̀ и есть истинная правда, большая часть изъ оныхъ шатаясь безъ всякаго дѣла Вашъ же племянникъ, я увѣренъ, не желалъ бы быть празднымъ и умножать число бездѣльныхъ. Притомъ я долженъ справедливость сію отдать ему, что онъ отмѣнно хорошъ въ офицерской должности, коихъ число весьма мало. Какъ же скоро у меня очистятся адъютантскія мѣста, то за радость почту его взять къ себѣ по моему и прежнему вамъ обѣщанію.

Пребываю впрочемъ на вѣкъ вамъ доброжелательный Александръ.

Іюля 18-го (1797).

(Съ подлинника, сохранившагося у В. М. Еропкина).

---

*) Техническіе морскіе термины.

Письмо императора Павла Петровича къ Рязанскому губернатору Сонину.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и Рязанскій гражданскій губернаторъ Сонинъ. По рапорту вашему Октября отъ 15-го дня, гдѣ между прочими происшествіями доносите вы, что вѣдомства Скопинской коннозаводской волости села Лопатина крестьянскую дѣвку, прижившую ребенка съ крестьяниномъ того-же села, котораго родивъ мертвымъ зарыла она въ землю, предали вы ихъ обоихъ законному сужденію, вижу, что, сіе учиня, вы неосторожно поступили и отдавать ихъ подъ судъ не слѣдовало, потому что оба они тѣмъ приключеніемъ уже наказаны довольно. Пребываю къ вамъ благосклонный

Павелъ.

Г. Гатчина.
Октября 27-й день
1800 года.

(Съ подлинника, изъ альбома покойной Александры Ивановны Васильчиковой).

Письмо графа Ростопчина къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Государыня!

Не бывъ увѣренъ, что Императору угодно будетъ призвать меня въ Тверь, осмѣливаюсь симъ письмомъ напомнить вашему императорскому высочеству о милости, кою вы обѣщать изволили графинѣ Елисаветѣ Кириловнѣ Апраксиной. Ей болѣ всего хочется имѣть при себѣ меньшаго сына, который поручикъ лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ полку. Сіе хотѣлъ испросить графъ Гудовичъ *), и если бы вамъ угодно было сказать ему слово, когда онъ будетъ въ Твери, то еще одна мать обяжется молить за васъ Богу.

Осмѣливаюсь испросить милости господину Греве, Тверскому почтмейстеру. Сей достойный и неутомимый слуга, преданный совершенно вамъ, съ малымъ жалованьемъ, безъ надежды къ повышенію когда нибудь чиномъ, бывъ подъ игомъ экзамена, оживетъ Анненской лентой, и симъ отличіемъ увѣрится, что служба его удостоилась высочайшаго вниманія.

---

*) Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ, женатый на сестрѣ упоминаемой графини Апраксиной.

Жаль губернатора Ланскова, жаль, что говядина дорога, жаль, что графа Гудовича спеленали мерзавцы, жаль, что идетъ снѣгъ, жаль, что живъ Курилка Валуевъ, жаль, что я не буду свидѣтелемъ вашего душевнаго счастія, достойной награды добродѣтелей, коихъ Провидѣніе отдало вамъ во владѣніе по смерть.

Вашего императорскаго высочества преданнѣйшій графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

30 Мая 1810.
Москва.
(Съ подлинника, изъ альбома покойной Александры Ивановны Васильчиковой).

Письмо живописца А. А. Иванова

о картинѣ его «Явленіе Христа Спасителя народу»

(1858).

Вслѣдствіе изъявленнаго вами желанія извѣстить объ окончаніи моей картины, я имѣю честь теперь писать къ вамъ. Вы, конечно, спросите: кончена ли картина? Я отвѣчаю: далеко не кончена. Послѣднее десятилѣтіе я все поджидалъ способовъ для окончанія моего любимаго труда; но просьбы мои правительству были отвергаемы съ выговорами за медленность производства. Смерть родителя мнѣ доставила небольшіе способы, что̀, вмѣстѣ съ предложенными тремя тысячами рублей серебромъ купцомъ Солдатенковымъ за эскизъ картины, подвинуло ее впередъ. Теперь ослабѣвшее зрѣніе рѣшаетъ окончательно задачу, которая могла бы давно совершиться, еслибъ не встрѣтила такихъ сильныхъ препятствій въ своевременныхъ способахъ къ ея исполненію. И потому я съ сокрушеннымъ сердцемъ посылаю къ вамъ ее на первыхъ числахъ Апрѣля съ пароходомъ въ Марсель и желѣзной дорогой въ Гавръ, такъ что она пріѣдетъ около половины Мая въ Петербургъ. Не стану распространяться объ историческомъ ходѣ моей картины, чтобъ не навести вамъ непріятностей; скажу только о томъ, что̀ было результатомъ моихъ собственныхъ силъ въ искусствѣ.

По необходимости, самъ будучи всегда у выставки моей картины, я заключилъ, что она болѣе всего цѣнима художниками, а не публикой. И въ самомъ дѣлѣ, я въ ней домогался преимущественно подойти, сколь можно ближе, къ лучшимъ образцамъ Итальянской школы, подчинить имъ Русскую переимчивость и составить свое, въ чемъ, кажется, и успѣлъ, если положиться на голосъ, произнесенный художниками всѣхъ націй въ Римѣ. Что касается до публики, то ея желанія ушли дальше, отвѣты на которыя разрѣшатся въ послѣдствіи. Хотятъ портрета мѣстности, спрашиваютъ о крестѣ, что̀ въ рукѣ Іоанна Крестителя и т. д.; однимъ словомъ, не довольствуясь школой, у новѣйшаго художника желаютъ найти живое воскресеніе древняго міра со всѣми результатами Европейской учености. Эти вопросы могутъ ясно доказать, что искусство живописи въ передахъ своихъ должно процвѣсти въ самую высокую и послѣднюю свою степень, увѣнчавъ всѣ усилія ученыхъ и антикваріевъ—залогъ ле-

стный для насъ въ особенности Русскихъ, какъ не выступавшихъ еще на поприще и прозябавшихъ покамѣстъ въ оранжереѣ Европейской—нашей Академіи.

Но я слишкомъ увлекся въ прекрасную будущность, которой основаніемъ должна быть чистѣйшая нравственность. Теперь обращу вниманіе ваше болѣе на матеріальную и близкую сторону. Картина должна быть 15 Мая выставлена въ Петербургѣ. Безъ рамы представить неопрятно и неприлично не только картину, но и нѣкоторые изъ этюдовъ; а у меня не только на рамы, но и ни на что денегъ нѣтъ, и потому просилъ бы покорнѣйше васъ, не примете ли на себя заказъ рамы для картины, уже принадлежащей Государю Императору [1]). Мѣра ея семь аршинъ и шесть съ половиною вершковъ въ вышину и десять аршинъ восемь и три четверти вершка въ ширину. Малыя рамы всегда сыщутся по приказанію вашему.

Этюды, приготовляемыя для картины, весьма занимали художниковъ. Отдѣльно отъ картины они мало значатъ и теряютъ цѣну. Все это вмѣстѣ съ картиной можетъ быть практическимъ и яснымъ наставленіемъ на большой путь искусства живописнаго; а такъ какъ въ настоящую минуту уже начинается въ Москвѣ рисовальная школа, то очень бы было кстати все это вмѣстѣ съ картиной туда перевести и уставить, на иждивеніи ли общества частныхъ лицъ или тоже на счетъ Государя, не знаю; но въ частныхъ лицахъ тоже хочетъ быть какое-то движеніе. При настоящемъ положеніи Россіи, можно ожидать, что Москва опять получитъ свое центральное значеніе. Обо всемъ этомъ впрочемъ я буду имѣть счастіе говорить лично съ вами, а теперь только накинулъ вамъ первую мысль служить какъ моей картиной, такъ и этюдами живымъ попутникомъ въ средоточіи нашего Отечества.

Ея Высочество великая княгиня Елена Павловна милостиво соизволила назначить сумму для отправленія моей картины, а также заплатить за издержки фотографіи съ нея. Первыя двѣ пробы лучшихъ художниковъ неудовлетворительны, однакожъ надежда не потеряла на успѣхъ третьяго.

Крайне сожалѣю, что, принимая безпереводныхъ гостей въ мою студію, не могъ служить до сего дня толкователемъ живописной части въ Римѣ Его Высочеству Николаю Максиміліановичу; впрочемъ я, какъ не теорикъ, а практикъ, мало могу разсказывать.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугой

Александръ Ивановъ.

Римъ, 1858 года.

(Съ подлинника, изъ альбома княгини Екатерины Алексѣевны Черкасской).

---

[1]) Знаменитая картина Иванова пріобрѣтена (за 50 т. р.) Государемъ Императоромъ и пожалована Московскому Румянцевскому Музею. П. Б.

реній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

*

1877 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки **Г. С. Винскаго**. Взятіе Карса въ 1828 (изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева**). Бумаги контръ-адмирала **Истомина** Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго**. Старая Записная Книжка. Записки **графа А. И. Рибопьера**. Цѣна 3 рубля.

1877 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записка **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки **гр. А. И. Рибопьера**. Н. И. Второвъ, статьи **М. Ѳ. Де-Пуле**. Самаринъ-оѳолченецъ. А. П. Елагина. Разсказы **Толычовой**. Цѣна 3 рубля.

*

1877 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о Французской революціи **князя А. М. Бѣлосельскаго**. Записки **короля Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи. Дневникъ **гр. А. Г. Бобринскаго**. Записки декабриста **П. И. Фаленберга**. Депеши изъ Парижа **кн. А-я Б. Куракина**. Разсказы **графа М. А. Мамонова**. Цѣна 3 рубля.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ 1878.

Правительственныя распоряженія. Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ Е. Козубскаго. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи. Н. Страхова. Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка. (Окончаніе). В. Макушева. Критическія и библіографическія замѣтки: Полный словарь Польскаго и Русскаго языка, составленный членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ П. П. Дубровскимъ. С. Пташицкаго. Archiv für slavische Philologie unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring, herausgegeben von V. Jagic, 2 тома въ 6-ти выпускахъ. А. К. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты Письмо изъ Парижа. Л. Л—ра. Отдѣлъ классической филологіи: Медея, трагедія Эврипида. П. Тихоновича. Библіографія: Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ Латинскимъ для высшихъ классовъ гимназій, составленный Ил. Рѣдниковымъ. Э. Кербера. Протоколъ засѣданія Общества Классической Филологіи и Педагогики 28-го Февраля 1878 г. Приложеніе: Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи Е. Шмида.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 50 к, съ пересылкою въ другіе города 13 р. 75 к. (въ томъ числѣ 55 к., за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ 6 р., за отдѣльныя книжки журнала — по 50 к. за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 7.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1878.

Въ Саратовѣ, на Малой Сергіевской улицѣ, въ своемъ домѣ, у Павла Ивановича Митрофанова, можно пріобрѣсти библіографически рѣдкое полное изданіе Журнала БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ съ самаго основанія т. е. съ 1834 г. Экземпляръ полный, чистый и въ переплетахъ.

*

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать:

Записки Л. Н. Энгельгардта. М. 1868. Цѣна 1 р.

Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. М. 1868. Цѣна 1 р.

Николая Грота. Критическій очеркъ по поводу книги Козлова: „Философскіе этюды", Кіевъ, 1877. 28 стр. Цѣна 40 к.

Его же. Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ, 1878. 68 стр. Цѣна 50 к.

Натальи Петровны Гротъ. Свобода въ жизни и государствѣ. Этюдъ по Чаннингу. Въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ. Спб. 1878. 32 стр. Цѣна. 25 к.

*

РУССКІЙ АРХИВЪ.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письмо **В. А. Жуковскаго** къ Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—50 писемъ **А. С. Пушкина** къ кн. П. А. Вяземскому съ новыми его стихами.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи.—Письмо **лорда Мальмсбюри.**—Записки **князя Ѳ. Н. Голицына, Хршонщевскаго, И. Ѳ. Тимковскаго,** графини **А. Д. Блудовой.**—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго.** Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Письмо **имп. Павла** къ. С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **гр. Н. И. Панина** о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра I-го —Два письма изъ Лондона отъ **гр. С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ имп. Александру.—Записки **Н. И. Лорера.**—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго.**—Ѳ. И. Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова.** Цѣна 4 руб.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке.**—Воспоминанія **гр. Блудовой.** — Старая Записная Книжка.—Письма **имп. Александра I-го** къ кн. Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля.** Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича.**—Бумаги **князя Васильчикова.**—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова.** Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.**—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова.** Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова.** Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Политическая автобіографія **кн. Адама Чарторыжскаго.** Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.** Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова.** Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.** Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича. Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Записки Польскаго **епископа Буткевича** (бесѣды съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуков-

Первая война Русскихъ съ Турками

въ 1677—1678 годахъ.

Замѣчательно, что война, въ которой первый разъ встрѣтились Турки съ Русскими, въ открытомъ бою, и получили «первое предостереженіе», чего должны ожидать они отъ ихъ несокрушимой стойкости въ будущемъ, произошла ровно за двѣсти лѣтъ отъ настоящей войны, а именно въ 1677 году, въ царствованіе миролюбивѣйшаго изъ первыхъ царей дома Романовыхъ, Θеодора Алексѣевича; настоящая же война 1877—1878 годовъ по счету приходится 10-ю Турецкою войною, со времени вышеупомянутой первой, описаніе которой заимствуемъ дословно изъ одного лѣтописца, конца XVII столѣтія.

*

Въ лѣто отъ созданія міра 7186-е, отъ Рождества же Христова 1677, поущеніемъ ненавистника роду христіанскаго, лжи отца, внукъ діаволь Турской салтанъ, устремився на Православно-Россійскіе краи, наипаче на богоспасаемый царственный градъ Кіевъ, хотя его подъ свою бусурманскую власть подбити, посла многія своя силы Турецкія и Татарскія съ Ибраимъ-пашею и съ ханомъ Крымскимъ, прежде подъ славный старинный градъ козацкой начальнѣйшій Чигиринъ, приказывая Чигирина добывати, а добывши абіе идти подъ Кіевъ. Но Господь, разоряяй совѣты языкъ и противляяйся гордымъ, расточи гордыя мысли сердецъ ихъ, и аще бо и много седмицъ Чигирина всѣми силами и всякими войсками и промыслы, безпрестанными приступами, подкопами, гранатами, безчисленною стрѣльбою, день и нощь доставаху и время отъ времяни конца злому намѣренію своему чаяху, но не возмогоша совершенно успѣти: съ града бо Чигирина крѣпко ратные люди царскаго пресвѣтлаго величества и козаки боронишася и поганыхъ многи тысячи побиша, во осадѣ сѣдяще.

Въ 1678 году, Іюня въ 7-й день, въ листу отъ салтана Турскаго къ козакамъ писано тако: «Салтанъ, сынъ салтана Турскаго, цесарь Турской, Греческой, Македонской, Вавилонской, Іеросалимской, паша Ассирійской, великаго Египта король, и Іерусалимской, Армянской и всѣхъ на свѣтѣ обитающихъ князь надъ князи, внукъ Божій, храбрый воинъ, навѣтникъ христіанской, хранитель Распятаго Бога, государь великій, дѣдичь на земли, надежда и утѣшеніе бусурманское, а христіаномъ скорбь и паденіе, повелѣваемъ вамъ, чтобъ есте добровольно поддалися со всѣми людьми». И противъ того его

салтанскаго письма во отвѣтѣ изъ Чигирина отъ козаковъ къ нему салтану писано: «Салтану, сыну проклятаго салтана Турскаго, товарищу сатанину, бездны адовой салтану Турскому, подножію Греческому, повару Вавилонскому, броннику Іерусалимскія колесницы, Ассирійскому винокуру, великаго и малаго Египта свинопасу, Александрійскому арчаку [1]), Армянскому псу, Татарскому живущему на свѣтѣ проклятому аспиду, похитителю Каменца Подольскаго, и всѣхъ земныхъ подданному, шпыню и скареду, всего свѣта привидѣнію, Турскаго уѣзду бусурману, равену (раввину?), есмоту [2]), клеврету сатанину, всего сонмища адова, внуку проклятаго сатаны, гонцу Распятаго Бога, врагу и гонителю рабовъ Его, надеждѣ жъ и утѣшенію бусурманскому—паденіе и скорбь. Вѣдай, яко не поддадимся мы тебѣ никогда, но будемъ съ тобою битися».

Егда же они проклятіи поганы оное письмо увидѣли и его царскаго пресвѣтлаго величества многочисленныя силы съ бояриномъ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и многіе полки козацкіе съ гетманомъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскаго Іоанномъ Самойловичемъ къ Днѣпру на отпоръ или на освобожденіе Чигирина пріидоша, услышавше, аще и убояшася, обаче боязнь ту сокрывающе въ сердцахъ, прилѣжнѣе жъ къ Чигирину приступаху и не на мало время ослабу осадникомъ Чигиринскимъ дающе, а наипаче жъ Августа 27-го числа всѣми силами добываху города Чигирина, всячески уже осажати его нудящеся, дондеже бы не приспѣла отсѣчь государская къ Чигирину.

А въ богоспасаемомъ царственномъ градѣ Кіевѣ тогда же, мѣсяца Августа 27-го, на память преподобнаго отца нашего Пимена Великаго, бысть обхожденіе окрестъ всего великаго верхняго города Кіева со кресты и чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы Кіевопечерской, коя никогда же по то время не бяше изъ церкви Пресвятыя Богородицы изъ обители Печерской движима, съ честнымъ крестомъ, въ немъ же бѣ часть животворящаго древа Креста Господня и мощи многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ и съ прочими чудотворными иконами, при его царскаго величества бояринѣ и воеводѣ Кіевскомъ князѣ Іоаннѣ Борисовичѣ Троекуровѣ и при окольничемъ Иванѣ Ивановичѣ Ржевскомъ. Такожде въ трудѣхъ бяше и самъ всечестный господинъ отецъ Иннокентій Гизель, архимандритъ святыя Кіевопечерскія обители, съ прочими честными игуменами святыхъ монастырей Кіевскихъ и иныхъ множество многое духовнаго и мірскаго чину людей; всѣ мало не черезъ весь день лѣтный труждахуся, за чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы ходяще и во умиленіи и сокрушеніи сердца молебное пѣніе и молитвы ко Спасителю Богу и къ спасающей отъ бѣдъ Пресвятой Богородицѣ приносяще. И толикимъ многимъ подвиженіемъ чудотворныя Кіевопечерскія иконы Пресвятыя Богородицы изрядно чудо и всемірная радость содѣлася: въ той же бо день подъ Чигиринымъ, возбранныя воеводы и заступницы христіаномъ непостыдныя заступленіемъ, внезапу нападе на горделивые поганы страхъ и трепетъ велій, и абіе превратишася въ бѣгство полки чужды съ великимъ и никогда еще небывшимъ толикимъ посрамленіемъ и зѣльною пагубою силъ бусур-

---

[1]) По словарю Даля, арчакъ—деревянный остовъ сѣдла.

[2]) Шмотъ—оборванецъ.

манскихъ, иже невидимою силою Божіею гоними быша сице, яко безпрестаннымъ бѣгствомъ во дни и въ нощи истомишася, множество ихъ веліе вездѣ по пути погибе, едва протчіе отъ превеликаго страха Божія во своясы угонзуша, градъ же Чигиринъ свобожденъ бысть отъ всякихъ бѣдъ, и запятая сѣть суеумнаго намѣренія Агарянскаго на богоспасаемый царственный градъ Кіевъ, яко паучина, сокрушися, а мы всѣ помощію Господа, сотворшаго небо и землю, по заступленію Пресвятыя Богородицы, ходатайствомъ святыхъ Россійскихъ чудотворцевъ и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ Кіевопечерскихъ и всѣхъ святыхъ молитвами, изряднымъ счастіемъ великаго государя нашего царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, подъ его высокою государскою рукою добрѣ избавлени бѣхомъ.

*

Побѣда надъ Турками, одержанная Московскими царскими и гетманскими войсками, одно изъ наиболѣе выдающихся событій краткаго царствованія Ѳеодора Алексѣевича. О семъ можно судить по той радости, которую произвело извѣстіе о ней въ Москвѣ; такъ, напримѣръ, во вкладной книгѣ любимаго царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ) монастыря находится слѣдующая запись:

«Въ 7186 (1678) году, Іюля въ 24 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, стольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Колычевъ, пріѣхавъ въ Воскресенскій монастырь къ архимандриту Филоѳею и соборнымъ старцамъ и всей братіи, великаго государя указъ сказалъ, чтобъ архимандритъ соборомъ молебствовалъ о его государскомъ здравіи и о побѣдѣ на Турокъ, его-де государевымъ счастьемъ тѣхъ Турокъ подъ Чигиринымъ побили».

Сообщилъ архимандритъ **Леонидъ**.

Письмо Астраханскаго губернатора А. П. Волынскаго къ президенту Военной Коллегіи свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову.

(1721).

Свѣтлѣйшій князь, милостивой государь мой отецъ!

Вашей свѣтлости покорно доношу. Писалъ ко мнѣ Терской комендантъ Василій Заезерской отъ 8 Февраля, что увѣдомился онъ отъ Дербентскихъ жителей, что шахъ Персидскій нынѣ увѣдалъ, что въ Персіи чинятся непорядки и ребеліи [1]; того ради эхтма-девлету своему и сыну его велѣлъ глаза выжечь, а другія знатныя персоны девять человѣкъ казнены за то, что ему о томъ не доносили; а которые отъ него эхтма-девлета произведены были въ чины, оные у

[1]) Французское rébellion—возстаніе, мятежъ.

всѣхъ отняты. И пишетъ, что оныя вѣдомости правдивыя, о которыхъ его уже и другіе согласно подтверждаютъ. О Кабардинцахъ пишетъ, что князья ихъ, согласясь между собою, побили Крымцевъ, которые у нихъ въ Кабардѣ были и изъ Кабарды выбили вонъ и взяли у нихъ въ полонъ 50 человѣкъ; а салтанъ, Крымскаго хана сынъ, отъ нихъ ушелъ. Однакожъ, по моему мнѣнію, я не чаю, чтобъ имъ Кабардинцамъ отъ хана Крымскаго сіе упущено было, понеже онъ нынѣ въ Кубанской ордѣ зимовалъ. Того ради сумнѣваюся, чтобъ онъ и самъ на нихъ не пошелъ. А понеже, какъ извѣстно вашей свѣтлости, что его царское величество повелѣлъ ихъ Кабардинцовъ охранять, то чаю зѣло трудно будетъ; ибо малыя войска послать, то напрасно потерять, а немалыхъ мнѣ взять негдѣ. Къ тому-жъ и себя защищать потребны; понеже онъ же Заезерской пишетъ, что Кумыки непрестанные чинятъ набѣги къ городу Терку и къ Гребенскимъ козачьимъ городкамъ и берутъ людей въ полонъ и отгоняютъ скотъ, а отъ шемфкала Алди-Гирея въ томъ вспоможенія ни малаго намъ нѣтъ. И ежели отъ нихъ оныя пакости далѣ будутъ продолжаться и будетъ опасность Терку, то я, какъ скоро прибуду въ Астрахань, взявъ съ собою сколько можно изъ тамошняго гарнизона, пойду туда водою. Однакожъ у меня, по послѣдней мѣрѣ, развѣ будетъ тысячи двѣ, а больше невозможно.

Того ради покорно вашу свѣтлость, милостиваго государя моего, прошу: ежели востребуетъ мнѣ крайняя и необходимая нужда и буду писать къ генералъ-маіору Кропотову, чтобъ повелѣно было ему, по письмамъ моимъ, полкъ или два драгунъ отъ Царицына для поспѣшенія водою отправить, а лошадей мнѣ довольно эскадрона на два или на три, которыхъ до Астрахани можно пригнать степью. Такожъ и Донскимъ козакамъ чтобъ повелѣно было тудажъ идти. И о томъ къ нему генералъ-маіору и на Донъ прошу о посылкѣ повелительныхъ указовъ нынѣ; понеже тогда описываться и требовать будетъ некогда. А ежели ихъ Кумыковъ такъ оставить, то къ нимъ будутъ и другіе соединяться, и опасно, чтобъ не терпѣть Терку такого разоренія, какъ и прежде. «Что съ покорностію моею донесши, прошу вашу свѣтлость, милостиваго моего государя, показать ко мнѣ милость и милостиво меня въ моихъ требованіяхъ не оставить, въ чемъ я на отеческую милость вашея свѣтлости особливую мою надежду имѣю. И такъ остаюсь съ должнымъ моимъ покорнѣйшимъ почтеніемъ

свѣтлѣйшій князь,
милостивый государь мой отецъ,
вашея свѣтлости
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Артемій Волынской».

„Изъ Саратова
22 Марта 1721 года“.

Примѣчаніе. Слова, отмѣченныя кавычками, писаны собственною рукою А. П. Волынскаго.

Военная Коллегія, 4 Мая 1721 года, постановила подать въ Правительствующій Сенатъ доношеніе, въ которомъ написать, что, по мнѣнію Военной Коллегіи, по тому его губернатора Астраханскаго доношенію, рѣшенія Военной Коллегіи учинить невозможно для того, что каковъ указъ онъ отъ его царскаго величества имѣетъ о защищеніи Кабардинцевъ, о томъ Военная Кол-

легія неизвѣстна; а не вѣдавъ о содержаніи того указу, въ такое важное дѣло собою вступать не можетъ: ибо изъ такихъ случаевъ происходятъ государственныя ссоры. А къ нему губернатору послать указъ, чтобъ онъ впредъ о такихъ и прочихъ дѣлахъ въ Военную Коллегію писалъ доношеніями, а не партикулярными письмами». Это опредѣленіе подписали князь Григорій Юсуповъ, Иванъ Дмитріевъ-Мамоновъ, князь Петръ Голицынъ и Александръ Меншиковъ. (Моск. отд. Общаго Архива Главнаго Штаба оп. 1, кн. 72 (30), стр. 44 и 46).

Вслѣдствіе вышеприведеннаго письма Волынскаго и новыхъ его и Астраханскаго воеводы Ивана Кикина донесеній, возникла большая переписка между Правительствующимъ Сенатомъ и Коллегіями Иностранныхъ Дѣлъ и Военною, а также мѣстнымъ начальствомъ, о принятіи мѣръ къ защитѣ Прикаспійскаго края и Приволжскихъ степей отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ, Киргисъ-Кайсаковъ и Каракалпаковъ, причинявшихъ большой вредъ нашимъ пограничнымъ поселеніямъ грабежами, убійствами и захватомъ въ плѣнъ Руских людей. Вскорѣ за тѣмъ весь этотъ край оживился геніемъ Петра, когда началась послѣдняя его война. Распоряженіями Волынскаго были подготовлены Русскіе успѣхи на берегахъ Каспійскаго моря. Волынскій поднялся и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей. По проискамъ Бирона и Остермана, онъ казненъ 27 Іюня 1740 года. Тѣло его, на погостѣ Самсоніевской церкви въ Петербургѣ, означено старымъ растреснувшимся камнемъ, и богатые потомки его не подумаютъ оправить историческую могилу; но, по свидѣтельству мѣстнаго священника, простолюдины часто молятся надъ нею и заказываютъ панихиды по Русскомъ человѣкѣ, котораго погубили Нѣмцы.

По новѣйшимъ изысканіямъ, Артемій Петровичъ Волынскій, при государственномъ умѣ и заслугахъ, отличался гордымъ и сварливымъ характеромъ, былъ нечуждъ и грубаго стяжанія. Таковы же, за немногими исключеніями, были и другіе современные ему дѣятели; но у насъ стали забывать, что Волынскій не раздѣлялъ общаго тогдашняго позора, не раболѣпствовалъ передъ Бирономъ и погибъ мученическою смертію не столько по винѣ своей, сколько по дворскимъ каверзамъ. Поэтому нельзя не жалѣть о немъ, тѣмъ болѣе, что по его дѣлу, послѣ страшныхъ пытокъ, Хрущеву и Еропкину отрублены головы, Соймоновъ—битъ кнутомъ, а Мусину-Пушкину урѣзанъ языкъ и пр.

Не смотря на сіи ужасы, чтò же виновникъ оныхъ говоритъ о себѣ? Герцогъ Курляндскій Эрнестъ Іоганъ Биронъ, содержась въ Ярославлѣ, 15 Марта 1743 года, писалъ къ тайному совѣтнику Бреверну: «Я молчу о моемъ состояніи, зная, чтò вамъ отъ того удовольствія не будетъ. Вы меня знаете: извѣстны вамъ всѣ мои поступки. Умышленно я никого не обидѣлъ, ниже въ несчастіе ввергнулъ, а напротивъ многимъ служилъ и помогалъ; изъ нихъ и теперь еще на лицо есть. Но я могу сказать, что долженъ платить, чего я не похищалъ и терпѣть за грѣхи, коихъ не творилъ и творить не хотѣлъ» *).

Настоящая овечка, которая молокомъ своимъ кормила Русскихъ людей и стричь себя имъ давала. Не такъ-ли, добрый читатель?

Григорій Александровъ.

---

*) Архивъ Князя Воронцова, кн. 2-я, стр. 527.

Чрезвычайное происшествіе въ Цареконстантиновѣ монастырѣ [1]).

1753 года.

1753-го Генваря 9-го, въ домовой святѣйшаго Правительствующаго Синода члена преосвященнѣйшаго Платона епископа Владимірскаго и Ярополькскаго духовной консисторіи присутствующіе: Спаскаго Златовратскаго монастыря игуменъ и каѳедральнаго его преосвященства Владимірскаго Успенскаго собора ключарь Іоаннъ Іоанновъ по присланному, епархіи его преосвященства, Царя-Костянтинова монастыря отъ намѣстника іеромонаха Зосимы, въ консисторію, о произнесенномъ слышаніи во святыхъ того монастыря вратѣхъ якобы колокольнаго звуку, заручному доношенію [2]), пріѣхавъ въ тотъ Царя-Костянтиновъ монастырь во отдачѣ дневныхъ часовъ, помянутого намѣстника Зосиму, ставъ во святыхъ монастырскихъ вратѣхъ, противъ доношенія его спрашивали. Почему оный намѣстникъ Зосима имъ консистористамъ объявилъ слѣдующее. Сего-де 9 числа, во отдачу ночныхъ часовъ, по утру, реченнаго Царя-Костянтинова монастыря служители Иванъ, Яковъ, Левъ, Яковъ Степановъ, Иванъ Фроловъ, пришедъ къ нему Зосимѣ въ келью, объявили ему словесно: какъ-де шли они изъ домовъ своихъ къ нему настоятелю въ келью, по званію его, за монастырскими нуждами, и по входѣ ко вратамъ монастырскимъ послышали колокольной звукъ, и остановясь стали слушать, откуда оной происходитъ, понеже-де въ томъ монастырѣ и въ приходской въ селѣ Добромъ, состоящей близь того монастыря церкви, такого звона не имѣется. И вошедъ на той монастырь, услышали въ самыхъ святыхъ вратахъ колокольной звукъ, якобы въ разные колокола съ переборомъ толстыхъ и тонкихъ голосовъ произносится. По которому ихъ объявленію онъ намѣстникъ призвалъ того монастыря іеромонаха Иннокентія и монаха Мартирія, въ святыя врата ходили и оной созвукъ слышали, которой въ тѣхъ святыхъ вратѣхъ изъ-подъ земли явственно, якобы большихъ и малыхъ колоколовъ переборомъ, слышанъ былъ съ великимъ зукомъ, на которой зукъ, увѣдомясь о томъ другъ отъ друга, приходили къ тѣмъ святымъ вратамъ, какъ и въ учрежденной въ томъ монастырѣ слѣдственной коммиссіи обрѣтающіеся у правленія дѣлъ писцы и

---

[1]) Цареконстантиновскій (съ 1844 г. упраздненный) монастырь находился въ 15 верстахъ отъ города Владиміра на Клязьмѣ.

[2]) Т. е. донесенію съ рукоприкладствомъ.

караульные, и того монастыря служители, и вотчины онаго монастыря упоминаемаго села Добраго священникъ Степанъ Петровъ, и того села староста и сотской со многими крестьяны, тотъ зукъ, происходящій во святыхъ монастырскихъ вратахъ, явственно слышали. А потомъ, по данному отъ него Зосимы извѣстію, пріѣхали въ тотъ монастырь имѣющійся въ реченной коммисіи въ присутствіи Владимірской семинаріи учитель, Богородицкаго монастыря настоятель Палладій, Боголюбова монастыря іеромонахъ Варлаамъ, и тотъ зукъ, якобы отъ колоколъ происходящій во святыхъ вратахъ, подлинно слышали, которой звонъ съ великимъ зукомъ въ тѣхъ святытъ воротахъ съ малою, напримѣръ чрезъ четверть часа, а иногда и менѣе, перемежкою продолжался слыхомъ съ самаго утра даже до вечерняго въ томъ монастырѣ благовѣста. И оную удивительную и никогда въ томъ монастырѣ неслыханную оказію видя и слыша, онъ намѣстникъ велѣлъ написать о томъ доношеніе и заруча послалъ для поданія о подлинномъ того свидѣтельствованіи въ духовную его преосвященства консисторію онаго жь монастыря съ служителемъ Терентьемъ Ивановымъ. А какъ-де начали въ томъ монастырѣ къ вечернѣ благовѣстить, то оный въ святыхъ вратахъ зукъ прекратился до прибытія въ тотъ Царя-Костянтиновъ монастырь упоминаемыхъ въ консисторіи присутствующихъ за полчаса или и менѣе, и никому приходящимъ того зука стало уже не слышно. Къ подлинной запискѣ намѣстникъ іеромонахъ Зосима руку приложилъ.

Сообщилъ архимандритъ **Леонидъ**.

Письмо Екатерины Второй къ фельдмаршалу князю Голицыну [1].

По поводу кончины великой княгини Наталии Алексѣевны.

Князь Александръ Михайловичъ! Я вчера ввечеру въ восемь часовъ сюда благополучно пріѣхала. Великій князь, такъ какъ я, здоровы, и при глубокой печали предались въ волю Всевышняго и, уповая на Него, пребываемъ оба съ добрымъ духомъ. Я надѣюсь, что вы ни часа не мѣшкали въ исполненіи моихъ приказаній. Дайте мнѣ знать почасту, какъ устроиваете. Скажите I. I. Бетскому, что кой часъ тѣло вынесутъ, онъ бы приказалъ выдрать обои изъ четырехъ комнатъ, то есть зеленые въ спальнѣ, полосатые въ кабинетѣ, штофные въ кабинетѣ и въ малиновой спальнѣ. Обои, стулья, канапеи и ковры отдать надлежитъ преосвященному Платону въ собственность, а альковы и перегородокъ деревянныхъ бы приказалъ ломать; а какъ ихъ дѣлать для переду, ему приказано будетъ. Ломать же должно скорѣе по причинѣ духа, а наипаче чуланы позади штофнаго кабинета, и то съ осторожностію для здоровья людей: ибо вонь несносная

[1]) Главнокомандующему въ Петербургѣ во время годичнаго отъѣзда Государыни въ Москву, въ 1775 году. Князь Голицынъ продолжалъ занимать эту должность и по возвращеніи двора изъ Москвы. Письмо писано изъ Царскаго Села, 16 Апрѣля 1776 года. П. Б.

уже при мнѣ была. Велите подсмотрѣть у тѣла, есть ли на которомъ локтѣ багряное пятно. Сіе великій князь требуетъ знать и что̀ за пятно? Онъ самъ третьево дни усмотрѣлъ.

Прошу кланяться графинѣ Катеринѣ Михайловнѣ [2]) и сказать ей мою признательность за ея попеченія и труды, кои вѣкъ останутся въ памяти моей; дайте мнѣ знать, какова она въ своемъ здоровьѣ. Прикажите имѣть попеченье о комнатныхъ оставшихся людей и велите ихъ обнадежить, что отъ малаго до великаго ни единаго не оставлю.

Прикажите отъ церемоніальныхъ дѣлъ по прежнимъ примѣрамъ трауръ предписать.

Записочка Екатерины Второй къ гетману графу Разумовскому.

Графъ Кирила Григорьевичъ. Я принуждена была велѣть сыну вашему графу Андрею ѣхать въ Ревель до дальшего объ немъ опредѣленія. Въ прочемъ будьте благонадежны о непремѣнномъ моемъ къ вамъ доброжелательствѣ.

Подлинный листокъ рукою Государыни, безъ подписи.

Другою рукою помѣчено: „27 Апрѣля“, т. е. 1776 года, черезъ 12 дней по кончинѣ великой княгини Натальи Алексѣевны. Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, сынъ гетмана, въ то время щеголь и молодой повѣса, впослѣдствіи одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей Русской внѣшней политики, князь и посолъ въ Вѣнѣ, былъ съ раннихъ лѣтъ приближенъ къ великому князю Павлу Петровичу и познакомился съ его первою супругою, находясь на одномъ изъ трехъ Русскихъ кораблей, посланныхъ Екатериною для перевоза ея съ матерью и сестрами въ Россію, въ 1773 году. Высланный въ Ревель по кончинѣ Натальи Алексѣевны, графъ Андрей Кириловичъ разъ только возвращался въ Петербургъ, и въ Россію пріѣзжалъ въ Малороссійскія имѣнія отца своего. П. Б.

Замѣтки Екатерины Второй по Крымскимъ дѣламъ.

1) По границѣ нашей отъ Татаръ какія войски и гдѣ расположены?

2) Какъ далеко отстоятъ оныя отъ Перекопа и во сколько времени прійти могутъ къ той линіи?

3) Нужно ли заготовленіе какихъ еще магазиновъ къ той экспедиціи или нынѣшніе достаточны?

4) При пасивномъ до осени взираніи, дать калгѣ-султану отъ 50 т. до 60 т., дабы свой кредитъ сохранялъ и войски у горскихъ народовъ сыскалъ.

---

[2]) Сестрѣ князя А. М. Голицына, супругѣ фельдмаршала Румянцева. Она была гофмейстериною покойной великой княгини, которая скончалась въ Петербургѣ 15 Апрѣля 1776 года. Въ тотъ же день весь Дворъ переѣхалъ въ Царское Село.

5) Для ободренія калги дать ему знать, что мѣры приняты будутъ къ поправленію Татарскихъ дѣлъ, и чтобъ онъ самъ къ тому же готовился.

6) О приласканіи въ Крыму намъ доброжелательнаго поколѣнія Крымскихъ Татаръ.

7) Кому препоручены дѣла Татарскія во время отлучки фельдмаршала?

8) Кому команда войскъ и что по пункту захваченія Перекопа приготовляется?

*

1) Шwадроны гусаръ поселенныхъ, два полка пѣхотныхъ, да 8 полковъ дойдутъ въ Августѣ мѣсяцѣ. Прозоровскому дать инструкцію отъ себя, лагерь одинъ въ Елисаветинской провинціи. Магазины будутъ, развѣ засуха помѣшаетъ везти по рѣкамъ. Осень способна къ предпріятію на Перекопъ; способства болѣе прежняго для зимованія, ибо Еникалъ, Керчь и Кинбурнъ у насъ въ рукахъ, развѣ ихъ потеряемъ. Демонстраціи нужны, какъ-то наборъ осенью рекрутъ.

2) Калгу анкуражировать. Въ небытность фельдмаршала, Щербининъ способенъ къ Татарскимъ дѣламъ. Приласкать доброжелательное поколѣніе Крымскихъ Татаръ Борзову предписано.

3) Команду войскъ себѣ фельдмаршалъ предоставляетъ; его здоровье слабо, сила уменьшается, но изъ усердія и благодарности жизнь кончитъ въ службѣ. Составить отвѣтъ Панину.

Письмо Екатерины Второй къ неизвѣстному лицу.

Je vois avec plaisir, monsieur, par votre lettre du 2 de Mars que vous vous êtes fait défenseur de la vérité et de l'origine du comte Souvorof-Rimniksky. Cette calomnie des gazettes paraît maintenant être abbatue par vos soins. J'ai envoyée au président Kotzebue le congé que vous avez désiré pour lui.

Vos fragments sur Frédérik le grand que je viens de recevoir et desquels je vous remercie bien sincérement n'auront aucune peine à me persuader que ce roy était un grand homme, parce qu'il y a très-longtems que j'en suis convaincue. Je n'ai fait encore que feuilleter votre livre, et voici quelques idées qui me sont venues à cette occasion. Il paraît que vous pensez que le feu roy ne touchait jamais au trêsor de son père et que pendant la guerre de sept ans ce trésor se trouvait partie à Magdebourg et partie à Stettin. Cependant la fonte de l'argenterie de son père pourroit à contredire cette opinion et accréditer celle assez genéralement reçue que ce trésor fut entièrement épuisé malgré la possesion du revenu de la Saxe; qu'après cette guerre jusqu à celle qui finit par la paix de Techen, on accumulla derechef une somme qui suffit à peine pour les deux campagnes qui précédèrent cette paix, époque ou j'ai eu l'honneur de contribuer à le tirer d'affaire une seconde fois.

Le chapitre 31 me parut intéressant par sa singularité. Sans être prophête, il est aisé de prévoir dass aus der Aufklärung eine Verklärung leicht enstehen kann. Les opinions ont leur résidence dans les têtes, celles-ci pourront être classifiées avec moins de peine que les herbes et les animaux dans Buffon et Linneus, en rangeant les bonnes d'un côté et les mauvaises de l'autre. Mais comme vous aimez la vérite, sans vous offenser, permettez moi de faire une remarque. Vous trouvez mal que le libraire Nikolay contredise le roy sur l'organisation de son armée, tandis que vous contredisez ce prince vous-même sur le trésor que son père lui avoit laissé. Vous avez fait un emploi de deux fragments de mes lettres dont je ne saurois me plaindre; cependant je vous avoue que je serois bien aise que mes lettres restent dans votre bureau: je ne les écris pas pour l'impression.

Переводъ. Милостивый государь. Изъ письма вашего отъ 2-го Марта я съ удовольствіемъ вижу, что вы сдѣлались защитникомъ истины и происхожденія графа Суворова-Рымникскаго. По видимому, эта газетная клевета теперь опровергнута, благодаря вамъ. Я послала президенту Коцебу отпускъ, коего вы желали для него. Отрывки ваши о Фридрихѣ Великомъ я получила и благодарю васъ за нихъ искреннѣйше; но изъ нихъ мнѣ нечего будетъ убѣждаться, что король этотъ былъ великимъ человѣкомъ, такъ какъ я очень давно въ этомъ убѣждена. Я только что перелистовала вашу книгу, и вотъ нѣсколько мыслей, которыя при этомъ пришли мнѣ въ голову. Вы, кажется, думаете, что покойный король не трогалъ сокровищъ отца своего и что въ Семилѣтнюю войну сокровища эти находились частью въ Магдебургѣ, частію въ Штетинѣ. Но мнѣнію этому противорѣчитъ переливка отцовской серебрянной посуды въ монету, что̀ заставляетъ согласиться съ довольно общимъ мнѣніемъ о томъ, что сокровища были вполнѣ истрачены, не смотря на обладаніе доходами съ Саксоніи, и что въ промежутокъ времени до войны, кончившейся Тешинскимъ миромъ, накоплены были опять деньги, которыхъ едва достало на двѣ кампаніи, предшествовавшія этому миру, когда я имѣла честь во второй разъ содѣйствовать королю и выручить его изъ бѣды.

31-я глава показалась мнѣ занимательною по своебытности. Не будучи пророкомъ, легко предвидѣть, что «изъ просвѣщенія можетъ скоро произойти озареніе». Мнѣнія пребываютъ въ головахъ, а сіи послѣднія распредѣляются легче, чѣмъ растенія и животныя у Бюффона и Линнея: на одну сторону отводятся мнѣнія хорошія, на другую — худыя. Но такъ какъ вы любите истину, то не оскорбитесь, если я позволю себѣ замѣтить вамъ, что вы осуждаете книгопродавца Николая за то, что онъ неправильно отзывается о королѣ по поводу устройства его войска, тогда какъ сами вы выражаете неправильное мнѣніе относительно сокровищъ, доставшихся ему послѣ отца его. Вы дали ходъ двумъ отрывкамъ изъ моихъ писемъ. Я не жалуюсь, но признаюсь, мнѣ было бы пріятно, чтобы письма мои оставались въ вашемъ столѣ: я пишу ихъ не для печати.

(Сообщено съ подлинниковъ **В. И. Ламанскимъ** въ 1865 году).

Историческія и автобіографическія замѣтки Екатерины Второй.

Вслѣдствіе долговременной привычки и умѣнья порядливо пользоваться временемъ, Екатерина Вторая чрезвычайно много читала и, можетъ быть, еще болѣе писала. Перо сдѣлалось для нея необходимою принадлежностью ея существованія, и она сама признается, что не можетъ постигнуть, какъ провести сутки, не исписавши нѣсколькихъ листовъ. Представительство самодержавной власти, всегдашняя жизнь на показъ, выходы и пріемы не препятствовали кабинетнымъ ея занятіямъ. Отъ этого, не смотря на многолѣтнія уже розысканія, Русская печать не исчерпала до сихъ поръ, можетъ быть, и половины собственноручныхъ писаній этой необыкновенно - трудолюбивой женщины. Мы находимся еще только наканунѣ обнародованія наиболѣе важныхъ и любопытныхъ произведеній неутомимаго пера ея. Кромѣ обширной переписки (знатная часть которой до сихъ поръ не издана), кромѣ чтенія докладовъ съ своеручными отмѣтками и рѣшеніями, кромѣ постоянной дѣятельности законодательной, занятій Русской исторіею, драматическихъ произведеній, иногда стиховъ, Екатерина Вторая писала порою просто только для того, чтобы удовлетворить потребности изложить на бумагѣ мысли, безпрестанно рождавшіяся въ свѣтлой и многоплодной головѣ ея. Еще не такъ давно найдены ея замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ. Кто повѣритъ, напримѣръ, что она сдѣлала выписки изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о житіи преподобнаго Сергія и, для упражненія въ старинномъ языкѣ, написала церковнославянскимъ слогомъ историческое житіе святаго угодника Божія?

Въ 1788 году, т. е. черезъ два года по кончинѣ Фридриха Великаго, появилась въ Берлинѣ книга нѣкоего аббата-вольнодумца Денины (впослѣдствіи библіотекаря у Наполеона): «Опытъ о жизни и царствованіи Фридриха II-го, короля Прусскаго, служащій вмѣсто предисловія къ изданію его посмертныхъ сочиненій» (вышедшихъ тогда-же). Статсъ-секретарь Храповицкій поднесъ Екатеринѣ эту книгу 1-го Марта 1789 г. Содержаніе было особенно любопытно и, такъ сказать, современно для Екатерины: излагалась жизнь самаго замѣтнаго изъ людей ея вѣка, имѣвшаго столь важное значеніе въ ея собственной судьбѣ. Можно даже предположить, что чтеніе книги Денины и появленіе въ свѣтъ Записокъ Фридриха Великаго (на первый разъ весьма въ сокращенномъ видѣ) могли побудить Екатерину къ составленію собственныхъ ея Записокъ [1]). Она увлеклась чтеніемъ Фридриховой біографіи, и 9 Марта показала Храповицкому свои замѣчанія на поляхъ книги. Черезъ мѣсяцъ, 10 Апрѣля, она дала ихъ прочитать ему, «никому не показывая». Храповицкій

---

[1]) Записки эти писаны никакъ не раньше 1784 года, потому что Государыня ссылается въ нихъ на ту часть Бюшингова Магазина, гдѣ напечатанъ Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, а эта часть вышла въ свѣтъ въ 1784 году.

однакоже списалъ ихъ для себя, и они сохранились въ его бумагахъ, которыя впослѣдствіи были подарены его наслѣдниками Московскому Румянцовскому Музею. Французскій текстъ этихъ драгоцѣнныхъ замѣчаній напечатанъ Н. П. Барсуковымъ при Дневникѣ Храповицкаго. На Русскомъ языкѣ они появляются здѣсь въ первый разъ.

* * *

Денина. Фридрихъ Вильгельмъ [2]), желая сдѣлать угодное императору Карлу VI-му, рѣшился послѣдовать его указанію и выбралъ [3]) его племянницу, Елисавету Христину, дочь герцога Беверискаго Фердинанда Альберта, изъ Брауншвейгскаго дѐма. Если правда, что королевскій принцъ имѣлъ другія намѣренія, то надо сказать, что онъ ими пожертвовалъ волѣ своего родителя и несомнѣннымъ достоинствамъ Брауншвейгской принцессы.

Екатерина. Повидимому такъ; но онъ поклялся не касаться ея и сдержалъ клятву.

Денина. Любимымъ его чтеніемъ былъ Лексиконъ Беля [4]). Онъ такъ часто принимался читать его за столомъ и во время собраній, что супруга его возъимѣла желаніе познакомиться съ этимъ твореніемъ. По ея просьбѣ, мѣстный священникъ-Французъ отмѣтилъ для нея тѣ мѣста, которыя честной женщинѣ можно читать безопасно.

Екатерина. Ну что же! Я его читала и нашла, что оно отличается весьма философическимъ направленіемъ. Мнѣ казалось, что въ немъ нѣтъ ничего такого, что̀ не могла бы читать честная женщина. Тѣмъ не менѣе я преклоняюсь передъ тонкимъ чувствомъ принцессы, и должна признаться, что мнѣ подобная опасливость не приходила на умъ. Предполагать дурное было не въ моихъ свойствахъ.

Денина. Лейпцигъ, Берлинъ и Гамбургъ взаимною торговлею должны были послужить къ образованію народа и къ созданію народной словесности.

Екатерина. Посмотримъ, какова-то выдетъ эта народная словесность, коль скоро не прекратится теперешнее изувѣрное духовидчество [5]) и всѣ эти Нѣмецкіе принцы не перестанутъ ему поддакивать. Словесность безъ философіи и безъ умовъ философическихъ процвѣтать не можетъ; а что̀ общаго у философіи съ шарлатанами, изступленными духовидцами и прочими подобными глупцами?

Денина. Нечего поэтому удивляться, что Фридрихъ привыкъ говорить и писать пофранцузски и охотно бесѣдовалъ только съ тѣми лицами, которыя объяснялись на этомъ языкѣ.

Екатерина. Онъ пріохотился къ Французскому, потому что отецъ его не любилъ этого языка. Нечего грѣха таить: Нѣмцы бе-

---

[2]) Отецъ Фридриха Великаго.

[3]) Въ жены своему сыну, Фридриху Великому (1712—1786). Свадьба совершилась въ 1733 г. Королева пережила своего мужа и скончалась въ 1797 г.

[4]) Бель (Bayle)—Французскій мыслитель и вольнодумецъ (1647—1706) прославился книгою: Dictionnaire historique et critique.

[5]) Наслѣдникъ Фридриха Великаго, ниже изображаемый Екатериною, держался масонства и былъ увлекаемъ въ дальнѣйшія развѣтвленія онаго, т. е. въ такъ называемое иллюминатство. Французы этимъ воспользовались.

рутъ строгою выдержкою, Французы любезностью, Англичане точнымъ и глубокимъ изученіемъ.

Денина. Первое сочиненіе, коимъ Фридрихъ причислилъ себя къ авторамъ, было Анти-Макіавель, опроверженіе отвратительныхъ началъ, проведенныхъ Макіавелемъ въ его книгѣ о князѣ.

Екатерина. Книга эта доказываетъ, что говорить и дѣлать не одно.

Денина. Винтерфельдъ, зять Миниха, подданный короля Прусскаго, былъ имъ посланъ въ Петербургъ и дѣйствовалъ тамъ съ полнымъ для Фридриха успѣхомъ. Винтерфельдъ не только воспрепятствовалъ проискамъ Вѣнскаго двора, желавшаго заручиться союзомъ съ Россіею, но и привлекъ въ службу своего государя нѣсколькихъ искусныхъ офицеровъ, между прочимъ Финка и Манштейна и, можетъ быть, предрасположилъ къ переходу въ Пруссію фельдмаршала Кейта.

Екатерина. Минихъ былъ тестемъ, а не зятемъ Винтерфельду. Фельдмаршалъ Кейтъ никогда и не подумалъ бы мѣнять службу, если бъ его не преслѣдовалъ графъ Бестужевъ, которому хотѣлось опорожнить мѣсто для пріятеля своего Апраксина. Сюда присоединились Англійскіе происки. Братъ фельдмаршала Кейта, принимавшій участіе въ Шотландскихъ волненіяхъ 1745 года, желалъ поступить въ Русскую службу; Англичане стали такъ хлопотать у Бестужева, что Кейту отказано, а братъ его фельдмаршалъ подалъ въ отставку.

Денина. Маркизъ Ботта былъ посланникомъ Вѣнскаго двора въ Петербургѣ во время переворота, коимъ низвергнутъ молодой Иванъ съ правительницею Анною, принцессою Брауншвейгскою и коимъ возведена на престолъ Елисавета. Ни Анна, ни супругъ ея Ульрихъ Брауншвейгскій не были лишены жизни при этомъ переполохѣ; но они лишились свободы въ тѣ минуты, когда дали выхватить изъ рукъ своихъ бразды правленія. Вѣнскій дворъ поддерживалъ правительницу Анну вѣроятно потому, что уже тогда было извѣстно, что на Елисавету будутъ сильно дѣйствовать министры и посланцы Франціи, находившейся въ то время въ отъявленной враждѣ съ Венгерскою королевою. Вѣнскій посланникъ получилъ тайныя приказанія всевозможными средствами добиться сверженія Елисаветы и возстановленія правительницы Анны и ея супруга, принца Брауншвейгскаго. Человѣкъ шесть или семь, мужчинъ и женщинъ, изъ лицъ самихъ вліятельныхъ, были сообщниками Ботты.

Екатерина. Все это сущій вздоръ. Ботта не составлялъ заговора, но онъ часто посѣщалъ дома госпожъ Лопухиной и Ягужинской, гдѣ не стѣснялись въ отзывахъ объ Елисаветѣ, и эти отзывы были ей донесены. Во всемъ этомъ дѣлѣ, за исключеніемъ рѣзкихъ отзывовъ, не видно и слѣда заговора. Но то правда, что имѣлось въ виду открыть заговоръ, дабы погубить великаго канцлера графа Бестужева, который былъ деверемъ графини Ягужинской, вышедшей вторымъ бракомъ за брата канцлерова. Лопухина негодовала на императрицу Елисавету, потому что у ней отняли имѣніе, которое ей было пожаловано принцессою Анной [6]).

---

[6]) Графъ С. Р. Воронцовъ, въ 1763 году, т. е. черезъ двадцать лѣтъ, встрѣтился съ Боттою въ Италіи, и онъ ему жаловался, что его оклеветали Елисаветѣ Петровнѣ. (Архивъ Князя Воронцова, XI, 349).

Денина. Большинство народа въ Бранденбургѣ, какъ и въ Саксоніи, продолжало держаться лютеранства и не любило ни католиковъ, ни реформатовъ.

Екатерина. Лютеране, въ свой чередъ, бываютъ весьма чужды вѣротерпимости тамъ, гдѣ они возобладаютъ.

Денина. Мнѣ говорили, что король [7]), во вторую Силезскую войну, обѣщалъ Бестужеву подарокъ въ сто тысячъ червонцевъ, если онъ помѣшаетъ своей государынѣ принять сторону Австріи и Саксоніи; по заключеніи же мира, сдѣлавшись весьма расчетливъ, король не позаботился исполнить это обѣщаніе. Но мнѣ кажется, что это обѣщаніе Бестужеву ста тысячъ должно относиться къ другому времени.

Екатерина. Это весьма сомнительно. Если ходилъ объ этомъ слухъ, то его одного было достаточно, чтобы изъ великаго канцлера сдѣлать врага непримиримаго. Вѣрно то, что всѣ, слывшіе друзьями Прусскаго короля, были отъявленными врагами Бестужева, который большую ихъ часть устранилъ. Въ послѣдствіи они усилились и въ отместку свергли Бестужева. Во главѣ ихъ былъ вицеканцлеръ Воронцовъ, давній сторонникъ Французско-Прусской стачки. Въ 1758 г., когда Франція воевала съ Пруссіею, онъ остался Французомъ и вошелъ въ связь съ господами Шуваловыми, для низверженія Бестужева. Вѣнскій дворъ заплатилъ неблагодарностью Бестужеву, которому онъ былъ обязанъ союзомъ съ Россіею. Бестужевъ желалъ, чтобы императрица помогла Маріи Терезіи, согласно состоявшемуся между ними договору; но Маріи Терезіи нужно было, чтобы Россія выставила на помощь ей всѣ свои силы, въ чемъ и успѣла.

Денина. Послѣ пораженія при Коллинѣ, понесенныхъ потерь, болѣзней, бѣгства солдатъ, Прусская армія убавилась слишкомъ на половину; въ ней было всего 80 тысячъ человѣкъ, считая и находившихся по крѣпостямъ, которыя необходимо было удерживать за собою. Непріятельскія же арміи, хотя и терпѣли тоже убыль, безпрестанно пополнялись, и въ нихъ считалось, по меньшей мѣрѣ, 400 тысячъ человѣкъ. Казалось, король долженъ былъ погибнуть; а между тѣмъ князья Германской имперіи, до того времени колебавшіеся, чью держать сторону, наперерывъ стали выражать приверженность къ Австрійскому дому и къ императору и такимъ образомъ умножали собою число враговъ короля.

Екатерина. Имперскіе князья походятъ на придворныхъ, обожающихъ насущнаго идола и поворачивающихся къ нему спиною, какъ только онъ очутится въ несчастіи или въ немилости.

Денина. Его геній и мужество не только не ослабѣвали, но въ самыхъ неудачахъ почерпали себѣ новую жизнь. Въ битвѣ при Росбахѣ...

Екатерина. Геній его познавался именно въ неудачахъ, въ дни же благоденствія онъ былъ недѣятеленъ. Великія дѣла всегда совершаются средствами не особенно большими.

Денина. Швеція, извергнувъ изъ среды своей великій избытокъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію, послѣ этого, въ теченіи многихъ вѣковъ, не появлялась на театрѣ Европы. То порабощенная Датчанами, то стенавшая подъ игомъ своего духовенства и постоянно терзаемая междоусобіемъ,

---

[7]) Т. е. Фридрихъ Великій.

она не славилась ни громкими внѣшними подвигами, ни добрыми внутренними учрежденіями. Единственная ея особенность, заслуживающая вниманія, состояла въ томъ, что не только граждане, но и крестьяне, повсюду безправные, въ Швеціи могли, какъ и теперь могутъ, подавать голосъ въ народныхъ сеймахъ.

Екатерина. Великій избытокъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію, о которомъ говоритъ авторъ, принадлежалъ вовсе не Швеціи, а двинулся съ Востока и Юга Россіи. Сами Шведы признаютъ, что Одинъ былъ уроженецъ Дона. Одинъ былъ Славянинъ, какъ показываетъ самое его имя [8]). Швеція же не могла ни вмѣщать въ себя, ни прокармливать такого народонаселенія. Свобода боролась противъ тиранства.

Денина. Говорили, что напослѣдокъ онъ (король Прусскій) склонилъ на свою сторону великаго канцлера Бестужева, и что министръ этотъ послалъ приказаніе генералу Апраксину отступить изъ Прусскихъ предѣловъ. Правда, что въ это время графъ Бестужевъ уже не такъ враждовалъ противъ короля, какъ прежде; но невѣроятно, чтобы Прусскія деньги подѣйствовали на Бестужева больше денегъ Французскихъ и Австрійскихъ, такъ какъ онъ работалъ тому, кто больше давалъ.

Екатерина. Это ложь. Бестужевъ желалъ, чтобы Апраксинъ шелъ дальше.—И опять ложь: Бестужевъ былъ настойчиво-упрямъ, и никогда нельзя было купить его деньгами.

Денина. Австрійскій и Французскій министры, зная склонности великаго князя и не разсчитывая, чтобъ онъ перемѣнился, старались воспрепятствовать по крайней мѣрѣ его вліянію, пока царствовала Елисавета и употребляли всѣ средства, чтобы очернить его въ глазахъ царствовавшей императрицы.

Екатерина. Трудновато было племяннику Елисаветы пользоваться на нее какимъ нибудь вліяніемъ. Умомъ и характеромъ они были до такой степени несходны, что стоило имъ поговорить между собою пять минутъ, чтобы неминуемо повздорить. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Денина. По всему вѣроятію Бестужевъ порицалъ императрицѣ дружеское расположеніе, которое великій князь питалъ къ Фридриху, а великому князю выражалъ свое неудовольствіе на войну, которую императрица вела противъ Пруссіи. Такимъ образомъ великій канцлеръ былъ главнѣйше обвиненъ въ томъ, что онъ старался возстановлять императрицу противъ великаго князя и великой княгини, а сихъ послѣднихъ противъ императрицы. Бестужевъ былъ замѣщенъ Воронцовымъ, человѣкомъ почтеннымъ, который пользовался славою испытанной честности и никогда не измѣнилъ этой своей славѣ; но его мудрость и вліяніе не отвлекли императрицу отъ союза съ Австріею и Франціей.

Екатерина. Будучи врагомъ Прусскаго короля, Бестужевъ отнюдь не скрывалъ того, и никогда онъ не угодничалъ великому кня-

---

[8]) Извѣстно, что Екатерина увлекалась словопроизводствами. Она находила слѣды Славянства даже въ Южной Америкѣ и утверждала, что Гватемала есть гать малая. Но тогда сравнительно языкознаніе было еще въ младенчествѣ, и кромѣ Екатерины почти никто имъ не занимался.

зю, который, замѣтимъ, потомъ и не возвратилъ его изъ ссылки.— Воронцовъ же былъ отъявленный лицемѣръ, и вотъ онъ-то и работалъ тому, кто больше давалъ: нѣтъ иностраннаго двора, который бы не платилъ ему.

Денина. Въ твореніяхъ Фридриха увидятъ, съ какою откровенностью онъ признавался въ своихъ ошибкахъ и особенно въ той, которую онъ сдѣлалъ въ сраженіи подъ Франкфуртомъ, напавъ на непріятелей, и безъ того долженствовавшихъ ему уступить. Онъ чрезъ мѣру ихъ преслѣдовалъ, и отъ того разбитые въ началѣ боя, они одержали побѣду въ концѣ онаго.

Екатерина. Рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ нерѣдко говорилъ, что если бы онъ былъ на мѣстѣ короля, то послѣ Франкфуртской баталіи ни за что бы не сталъ поручать начальство надъ арміею такимъ людямъ, какъ Фридрихъ.

Денина. Петръ III-й, сдѣлавшись государемъ и получивъ радостную для себя возможность торжественно заявить всему міру свою дружбу къ Прусскому королю, тѣмъ самымъ положилъ начало тому перевороту, вслѣдствіе котораго онъ лишился престола.

Екатерина. У Петра III-го первымъ врагомъ былъ онъ самъ: до такой степени всѣ дѣйствія его отличались неразуміемъ. Что̀ въ другихъ обыкновенно возбуждаетъ жалость, то самое его приводило въ гнѣвъ. Онъ забавлялся тѣмъ, что билъ людей и животныхъ, и не только не трогался ихъ слезами и криками, а напротивъ раздражался ими еще больше, а въ гнѣвѣ онъ придирался ко всякому, кто былъ на лицо. Любимцы его были весьма несчастливы. Они не смѣли разговаривать между собою, опасаясь расположить его къ недовѣрію, а какъ скоро въ немъ разыгрывалось сіе послѣднее, онъ ихъ сѣкъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ [9]). Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ, тайный совѣтникъ Волковъ потерпѣли наказаніе розгами въ Ораніенбаумѣ; при этомъ были дипломатическій корпусъ и до ста человѣкъ мущинъ и женщинъ, собравшихся къ императору на праздникъ. Тогдашній Англійскій министръ Кейтъ выразилъ по этому случаю свое негодованіе графинѣ Брюсъ.....

Денина. Онъ заставилъ императрицу, свою супругу, украсить графиню Воронцову Екатерининскою лентою. Императрица естественно была задѣта этимъ за живое.

Екатерина. Никогда не заставлялъ онъ императрицу возлагать на графиню Воронцову Екатерининскую ленту, а потрудился возложить собственноручно. Онъ хотѣлъ на ней жениться и въ тотъ самый вечеръ, какъ возложена была лента, приказалъ адъютанту своему князю Барятинскому (впослѣдствіи министру во Франціи) арестовать императрицу въ ея покояхъ. Испуганный Барятинскій медлилъ исполненіемъ и не зналъ какъ ему быть, когда въ прихожей повстрѣчался ему дядя императора принцъ Георгій Голштинскій. Барятинскій передалъ ему, въ чемъ дѣло. Принцъ побѣжалъ къ императору, бросился передъ нимъ на колѣни и насилу уговорилъ отмѣнить приказаніе.

---

[9]) Это напоминаетъ собою образъ дѣйствій отца Фридриха Великаго; при немъ протекла несчастная молодость Петра III-го въ Голштиніи. П. Б.

Денина. Дѣйствительно она сначала объявила, что войска ея не выдутъ изъ Пруссіи и приказала даже арестовать въ Петербургѣ королевскаго посланника барона Гольца, который былъ у царя въ большой милости.

Екатерина. Баронъ Гольцъ не былъ арестованъ. Онъ находился при Петрѣ III-мъ въ Ораніенбаумѣ. Онъ попросилъ и получилъ охранную стражу для того, чтобы возвратиться въ Петербургъ.

Денина. Въ бумагахъ покойнаго императора оказалось много писемъ, которыя Прусскій король писалъ ему по поводу его домашнихъ нестроеній и по поводу его намѣренія послѣдовать примѣру Петра I-го, заточившаго въ монастырь свою первую супругу Евдокію. Фридрихъ совѣтовалъ ему воздержаться отъ столь рѣзкаго поступка, постараться, чтобы дѣло уладилось наилучшимъ способомъ и оказывать супругѣ всякое уваженіе, во сколько будетъ то совмѣстимо съ его собственнымъ спокойствіемъ.

Екатерина. Было письмо, въ которомъ Фридрихъ совѣтовалъ Петру III-му (затѣявшему войну съ Даніею, дабы возвратить отъ нея Шлезвигъ), чтобы онъ взялъ съ собою недовольныхъ и подозрительныхъ лицъ и оставилъ ихъ въ Кенигсбергѣ.

Денина. Убѣдившись въ добромъ расположеніи Фридриха; Екатерина не хотѣла однакоже дѣйствовать противъ Австріи.

Екатерина. Судя по предъидущему замѣчанію, нельзя сказать, чтобы доброе расположеніе Фридриха II-го къ императрицѣ было особенно надежно.

Денина. Во время войны Фридрихъ сочинялъ много стиховъ, въ элегическомъ духѣ; стихи эти содержали въ себѣ сѣтованія на частное горе и на общественныя бѣдствія.

Екатерина. Принцъ Генрихъ увѣрялъ, что король, братъ его, всегда имѣлъ у себя на готовѣ стихи и пускалъ ихъ въ ходъ, когда обстоятельства становились затруднительны, дабы удивлялись его уму, способному яко бы ничѣмъ не возмущаться въ забавныхъ его упражненіяхъ.

Денина. Кончина племянника нѣсколько встревожила Фридриха II-го. Изъ четырехъ сыновей, которые пережили короля Фридриха Вильгельма I-го и которые были женаты, только у одного были дѣти мужскаго пола, и слѣд. имъ обезпечивалось престолонаслѣдіе. Король не имѣлъ дѣтей и отказался отъ надежды имѣть ихъ. Принцъ Генрихъ, женатый уже двадцать лѣтъ, тоже былъ бездѣтенъ. На счетъ принца Фердинанда еще можно было сомнѣваться, хотя супружество его продолжалось уже десять лѣтъ. Принцъ Прусскій Августъ, умершій въ 1758 году, оставилъ двухъ сыновей. Изъ нихъ старшій, нынѣшній король, имѣлъ тогда только одну дочь.

Екатерина. Первая жена (нынѣшняго Прусскаго короля) не могла его выносить [10]. За одно съ Фридрихомъ II-мъ она считала этого принца тяжеловѣснымъ и скучнымъ глупцомъ [11]. Принцъ Де-

---

[10]) Она была Елисавета Ульриха Брауншвейгская. Мужъ развелся съ нею въ 1769 году и женился на Луизѣ Гессенъ-Дармштатской, старшей сестрѣ нашей великой княгини Натальи Алексѣевны.

[11]) Надо замѣтить, что въ то время, какъ писаны эти строки, между Россіею и Пруссіею была полная остуда.

линь прозвалъ его Геркулесовой палицею. Находясь въ Петербургѣ въ 1780 году, тогдашній принцъ Прусскій отправился въ публичное засѣданіе Академіи Наукъ и тамъ при всѣхъ упалъ въ обморокъ. Злые языки стали говорить, что его королевское высочество лишился сознанія въ храмѣ познаній.

Денина. Первый бракъ принца Прусскаго не былъ счастливъ. Король любилъ принцессу Брауншвейгскую, будучи связанъ съ ея домомъ тройными родственными узами; мужъ оказывалъ всегда нѣжность этой любезнѣйшей женщинѣ, и тѣмъ не менѣе бракъ пришлось расторгнуть.

Екатерина. Она дѣйствительно славилась любезностью, въ которой никогда нельзя было попрекнуть ея супруга. Вторая жена, не имѣвшая ни красоты, ни любезности, ни ума, была выбрана Фридрихомъ нарочно въ наказаніе племяннику, не умѣвшему ужиться съ первою. Онъ говаривалъ, что дураку нужна дура.

Денина. Императрица Екатерина II-я руководила выборами и доставила престолъ графу Понятовскому Станиславу Августу, происшедшему изъ знатнѣйшаго Польскаго семейства, особенно получившаго извѣстность со временъ Августа I-го. Графъ Понятовскій путешествовалъ по многимъ странамъ Европы, гдѣ снискалъ себѣ хорошую извѣстность и былъ посломъ Польской республики при Петербургскомъ дворѣ. Его умъ, дарованія, внѣшность естественно привлекли къ нему склонность и уваженіе Екатерины.

Екатерина. Онъ былъ только посланникомъ Августа II-го. Россія выбрала его въ кандидаты на Польскій престолъ, потому что изо всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе правъ, и слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи.

Денина. Особа, лучше всѣхъ знающая исторію Фридриха II-го, говорила, что король возымѣлъ раньше всѣхъ мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ. Дѣйствительно, въ 1744 году Фридрихъ придумалъ соглашеніе этого рода.

Екатерина. Это неправда. Вооруженный нейтралитетъ родился въ головѣ Екатерины II-й и ни въ чьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно утро мысль эта была высказана императрицею какъ будто по внезапному вдохновенію. Графъ Панинъ не хотѣлъ о ней слышать, потому что она принадлежала не ему, и потребовалось много труда уломать его. Разработка поручена была Бакунину, и напослѣдокъ онъ занялся ею.

Денина. Фридрихъ II-й имѣлъ при себѣ генерала Вунша и наслѣднаго принца, нынѣ царствующаго герцога Брауншвейгскаго. Принцъ Прусскій [12]) вскорѣ ихъ настигъ во главѣ дивизіи, составленной изъ Берлинскаго и Потсдамскаго гарнизоновъ.

Екатерина. Принцъ Прусскій началъ свое военное поприще тѣмъ, что упалъ съ лошади. Король по этому случаю обратился къ князю Репнину [13]) и сказалъ: «Вотъ какъ его королевское высочество начинаетъ свою службу!»

Денина. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ испытывалъ своихъ генераловъ и въ особенности племянника своего принца Прусскаго. Иногда онъ нарочно посы-

---

[12]) Говорится о сраженіи при Коллинѣ 10 Іюня 1757 года.

[13]) Впослѣдствіи фельдмаршалъ, князь Н. В. Репнинъ находился въ ранней молодости за границею.

лалъ его въ такія опасныя мѣста, куда въ иныхъ государствахъ не посылаютъ простаго гусарскаго офицера. Принцъ подвергался опасностямъ съ такою отвагою и преодолѣвалъ ихъ такъ искусно, что король выражалъ ему свое удовольствіе, къ восхищенію присутствовавшихъ.

Екатерина. Королю хотѣлось дать ходъ своему племяннику, котораго онъ въ сущности презиралъ, между прочимъ вслѣдствіе происковъ графа Панина. Сей послѣдній взялъ принца Прусскаго подъ свое покровительство и давалъ ему деньги черезъ ландграфиню [14]), такъ какъ онъ приходился свойкомъ великому князю.

Денина. Вѣнскіе чиновники, которымъ императоръ поручилъ подобное дѣло, во многихъ статьяхъ, по видимому, подражали, своду законовъ, коего три части были выданы великимъ канцлеромъ Фридриха II-го, въ то время, какъ государь этотъ кончилъ жизнь.

Екатерина. Увы! Слѣдовало бы удивляться и подражать ему; но это трудно, потому что не всякому открыта дорога въ Коринѳъ. Относительно веселости Фридриха, надо замѣтить, что она проистекала изъ его превосходства. Былъ ли когда великій человѣкъ, который бы не отличался веселостью и не имѣлъ въ себѣ неистощимый запасъ ея? Вотъ вопросъ.

Денина. Тѣмъ, которые жаловались на короля, что онъ всегда считалъ себя правымъ, не лучше ли бы согласиться, что они могли сами ошибаться?

Екатерина. Онъ къ этому привыкъ по своей должности: государи не любятъ ошибаться.

Денина. Трудно постигнуть, какъ этотъ трудолюбивый государь и авторъ находилъ время и охоту столько читать и выслушивать писемъ, столько диктовать и подписывать отвѣтовъ. Но его доставало и на дѣла, и на изученіе.

Екатерина. Читать и писать становится удовольствіемъ, коль скоро къ тому привыкнешь.

Денина. Военными качествами Фридрихъ II-й безспорно превышалъ всѣхъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и даже въ вѣка прошлые.

Екатерина. Фридрихъ II-й терялъ голову во время самаго дѣла и не зналъ тогда, какъ поступать. Въ этомъ соглашался родной братъ его Генрихъ.

Денина. Фридрихъ лучше чѣмъ кто либо сознавалъ трудность приводить въ движеніе и заставлять дѣйствовать большія арміи. Ему очень хорошо было извѣстно, что Александръ, Густавъ Адольфъ, Карлъ XII совершали великіе подвиги съ небольшими арміями.

Екатерина. Фельдмаршалъ Ласси, отецъ того, что̀ въ службѣ императора, гаваривалъ: «Дайте мнѣ отъ 25 до 30 т. человѣкъ, головы моей хватитъ на нихъ. Сто тысячъ человѣкъ мнѣ не подъ силу».

---

[14]) Каролину, къ коей письма Екатерины напечатаны въ Русскомъ Архивѣ сего года. Она была тещей обоихъ престолонаслѣдниковъ, Русскаго и Прусскаго, а перваго изъ нихъ воспитывалъ графъ Панинъ.

Изъ писемъ священно-архимандрита Фотія

дѣвицѣ, духовной его дщери, двора ихъ императорскихъ величествъ камеръ-фрейлинѣ, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской. 1820, 1821 и 1822 годовъ.

Фотій и графиня Орлова суть лица вполнѣ историческія. Ихъ жизнь и дѣятельность служили противовѣсомъ тому вѣроисповѣдному безразличію, которое господствовало въ Русскомъ образованномъ обществѣ не столько по вліянію философіи XVIII вѣка, сколько вслѣдствіе того, что Россія сдѣлалась убѣжищемъ для Французскихъ эмигрантовъ. Послѣ того, какъ Александръ Павловичъ навѣщалъ Кондратія Селиванова, а у министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына комнатную собачку кормили съ тарелокъ, на которыхъ изображены были праздники господни, понятны становятся и ревность Фотія, и его увлеченія. Письма доставлены намъ послушникомъ Николо-угрѣшскаго монастыря Д. Д. Благово.

П. Б.

1.

Слава Богу! Я нынѣ въ Новѣгородѣ, въ обители Святаго Воскресенія Господня обитаю. Удаленъ я, по вліянію тайныхъ и явныхъ враговъ вѣры и церкви, отъ града шумнаго, но не безъ воли Господа. Какъ птица отъ сѣтей ловящихъ, я улетѣлъ отъ сѣтей вражіихъ. Во градѣ царскомъ добро мнѣ было, но во святой обители яко рай Божій мнѣ есть. Во градѣ С. Петра многіе люди въ мѣстѣ служенія моего были, яко други и братія моя по плоти, и во всѣхъ ихъ я видѣлъ благо для меня; но во святой обители человѣки Божіи живутъ, служатъ единому Богу, и всѣ они, какъ младенцы, просты и чисты сердцемъ. Не по плоти я сужу, но по духу. Я нищъ, убогъ и крайне недостойный есмь рабъ, на земли Владыки и Бога моего живу; но слава Богу, что я хотя и убогъ, но вижу, яко съ нами Богъ! Пріѣхалъ я въ обитель, мнѣ отъ Бога данную, какъ въ мѣсто послѣ войны расхищенное, пріѣхалъ почти въ стѣны одни, кои и въ церкви мѣстами обветшали весьма отъ течи и худаго покрова изгнившаго; пріѣхалъ я въ обитель, и нѣтъ въ ней хлѣба куска, ни зерна крупы, ни елея, вина и прочаго на потребы церковныя, ни замка, ни ведра въ кельяхъ, а юные изъ братій отъ нищеты едва рубище на себѣ имѣютъ раздранное; но слава Богу, яко съ нами Богъ! Горько я въ началѣ возрыдалъ въ узахъ бѣдности, но абіе возрадовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ, помянувъ, яко съ нами Богъ!

Но буди ты, о сестро, едина съ нами милостію и щедротами Бога ради: все будетъ едино на потребу намъ, яко съ нами Богъ! Сестро о Господѣ! Ты первая и паче всѣхъ меня Бога ради посѣтила въ мѣстѣ скорбнаго житія моего. Продолжи милость твою ради Бога къ мѣсту нашему. Бѣдный Фотій! Ты убогъ, ты окаяненъ, ты непотребенъ ни къ чему, ты питаешься нынѣ и самъ подаяніемъ милостыни присланной, въ первые дни какъ ты прибылъ въ мѣсто твое настоящее. Слыши, о Фотій, поминай Господа Іисуса! Ты едва шагнулъ въ заключеніе твое правды ради и вѣры Божіей: и се брашно тебѣ, и елей, и вино, и ѳиміамъ въ церковь Господню, яко отъ руки Самого Господа посылается отъ невѣдомыхъ праведниковъ. Бѣдный Фотій! Ты игуменъ въ Деревяницкомъ монастырѣ, но благодари Владыку и Господа, что ты игуменъ, а не инъ кто, и хвали Его, что ты въ Деревяницахъ, ради имени Его Святаго, а не индѣ. Ты въ богоспасаемомъ великомъ Новѣгородѣ былъ, въ мѣстѣ, гдѣ самая земля упоена нѣкогда была слезами Святыхъ Божіихъ, коихъ и нынѣ почиваютъ нетлѣнные останки въ ракахъ честныхъ. Крѣпися, стой въ вѣрѣ, пребуди вѣренъ Богу до конца, спасайся, проповѣдуй слово, настой благовременно и безвременно. Ты призванъ въ бытіе и во святый ангельскій образъ, дабы терпѣть многія скорби Бога ради.

Богомудрая дѣвице Анно! Слышалъ я, убогій, что ты ищешь царствія Божія и правды его. Оно близь тебя есть. Да отверзутся твои очи тебѣ, и ты узришь, Анно, яко Марія, Христа. Собирай сокровище некрадомое на небесахъ, утѣшай плачущихъ, отирай слезы сирыхъ, питай нищихъ: не оскудѣетъ Господь тебѣ подавать, да не забуди тещи путь твой, постяся и моляся выну. Блюди, како опасно ходишь; крѣпись, храни себя Богу, храня душу твою. О міръ многогрѣшный и многопрелестный! Коль ты многихъ лестію плоти, богатства, чести, красоты и разными образами увлекаешь въ гнусныя твои узы! Богъ видитъ тайная, видитъ вся внутрь насъ. Блюди себя, о дѣвице, понуди себя къ Богу.

2.

Со дня облаченія моего въ образъ ангельскій, я хитонъ носилъ власяный и удручалъ себя тяжестію, изъ крестовъ многихъ составленною. Сатана, позавидовавъ мнѣ и кресту моему, подъ нимъ же я путь мой имѣю, скорбь велію мнѣ сотворилъ. Господь же попустилъ врагу искусить меня, люблю ли я Господа Іисуса. Устроилъ онъ ковы мнѣ отъ ношенія на мнѣ всегдашней тяжести, удручающей тѣло мое: изгноилъ врагъ плоть мою до костей моихъ на всей груди. На сихъ дняхъ изрѣзана ради исцѣленія грудь моя посреди, и всѣ кости почти на ней обнажены; вся грудь моя на себѣ имѣетъ яко одну рану; внѣ и внутрь вся грудь моя есть едина рана. Правый сосецъ внутрь отъ огня изгнилъ, и изъ праваго бока яко изъ мѣшка гной изливаю. Стою я еще на ногахъ иногда, но слабъ, какъ тѣнь. Изъ груди моей истекаетъ, яко изъ сосуда большаго, и все гной; отъ боку праваго до лѣваго, и отъ начала груди почти до чрева я

есмь едина язва. Боже мой! Я весь, какъ едина язва. Но еще живъ есмь и радуюсь, когда помяну исходъ мой въ сей горести и болѣзни могущей быть ко Господу, о Немъ же я нынѣ въ ранахъ смертныхъ живу, движусь и есмь. Черезъ пять дней отъ рѣзанія врача паки изрѣзанъ я жесточае. Пусть исходитъ съ нечистотою и гнилостію плоти и крови моея изъ меня и вся гнилость ветхаго моего человѣка. И если мнѣ жизнь и здравіе дастъ Господь послѣ сего умиранія отъ язвы, гноенія моего, теченія крови и жестокости ножей рѣжущихъ мое тѣло худое и тощее: то это знаменіе Божіе будетъ свыше мнѣ, а не отъ человѣкъ, да я о силѣ Божіей, яко мертвъ и изъ гроба воскресый, не бояся изыду на брань противу враговъ вѣры и церкви. Какое еще можетъ мнѣ быть болѣе и горчае за подвиги о Господѣ впредь сего моего страданія отъ рѣзанія ножей? Я сладко терплю и учуся отъ горести горесть терпѣть, и въ рѣзаніи моемъ я пою Богу моему: Слава въ вышнихъ Богу и на земли тѣла моего миръ, а во внѣшнемъ человѣкѣ моемъ тѣлесномъ благоволеніе.

3.

Первый сынъ невоздержанія и чревообъяденія есть блудъ. Почему нужно всегда всѣмъ воздерживать чрево отъ многихъ ястій и питій. Великій же подвигъ всѣмъ предлежитъ противу страсти блуда и похоти плоти: сія похоть отъ перваго возраста начинаетъ безпокоить и возмущать человѣка. Страхъ и трепетъ должны насъ объять вѣрныхъ, когда помыслимъ, что люди, будучи въ беззаконіи зачаты и во грѣсѣхъ рождены, такъ наклонны бываютъ къ растлѣнію отъ юности, что дѣти юныя, когда токмо едва мыслить начинаютъ, на свои ноги подниматься и разума и понятія настоящаго не имѣютъ, но изъ нихъ находятся многія дѣти, что̀ въ тѣ невинныя лѣта юности похоть плотская нерѣдко движетъ умы и сердца и тѣлеса самыхъ юношей и даже младенцевъ. Ахъ! Что̀ мы можемъ помыслить о себѣ, и что̀ мы сами въ себѣ по плоти, плотскіе человѣки? Можетъ ли кто быть совершенно оставленъ отъ боренія плоти, будучи во плоти, если свыше благодать Господня его не укрѣпляетъ? Многіе грѣхи и духи злобы въ душѣ токмо воздвигаютъ брань; бѣсъ же блудный въ душѣ и тѣлѣ воюетъ: и потому двоякое бореніе и воспріять человѣку подобаетъ. Недовольно есть одного тѣлеснаго пощенія къ стяжанію совершеннаго цѣломудрія и истинныя чистоты, когда въ сердцѣ не будетъ сокрушенія, молитвы къ Богу непрестанной, частаго поученія въ писаніи, труда и рукодѣлія. Все сіе можетъ удерживать непостоянныя стремленія плотскія въ душѣ и отъ скверныхъ мечтаній. Никакою иною добродѣтелію обложенные плотію человѣки ангеламъ такъ не уподобляются, какъ цѣломудріемъ и чистотою. Цѣломудрія стяжатели, еще на земли пребывая, имѣютъ житіе на небесахъ, по слову Апостола. Знаменіе же есть, что мы добродѣтель сію, цѣломудріе, совершенно стяжали, когда никакому образу球 ск館нѣраго мечтанія во снѣ не внимаемъ. Ибо, хотя и не вмѣняется въ грѣхъ, когда во снѣ кому движеніе плотское блудное бываетъ, однако знакъ есть, что душа недугуетъ и страсти блудной совсѣмъ не избавилась. Когда

въ мысли нашей будетъ память жены діавольскимъ злодѣйствомъ произрастшая, или случится память матери, или сестры, или иныхъ нѣкіихъ женъ благоговѣйныхъ, скоро отъ сердца должны изгнать, дабы, когда много и долго пребудемъ мы подвижники въ памяти благовидныхъ женъ, злыхъ прелестницъ, послѣ отъ лицъ ихъ не низвелъ духъ лукавый и не изринулъ мысль въ скверныя и вредныя помышленія.

Се тебѣ, дѣво Христова, пишу и внушаю внутрь твоего сердца: чти и внимай. Не отъ себя пишу, но отъ Писанія и святыхъ отецъ изучился и вся сія пріялъ, что̀ написалъ; сего ради Господь благодатію Своею блюдетъ отъ чрева матери моея по плоти въ дѣвствѣ: не знаю жены, люблю дѣвство и блюсти оное дѣвствующимъ внушаю, ихъ же Господь Богъ на сіе призвалъ и избралъ. Ты дѣва, и лучше тебѣ есть и угоднѣе Богу до конца пребыть дѣвою. Паче познаешь и вкусишь доброту и красоту райскую, Божію, не познавъ красоты мужелюбія на земли. Благо есть, кто въ супружествѣ чисто, законно и блюдя себя во̀ время живетъ; но свято есть Бога ради дѣвствовать. Впрочемъ лучше есть жениться, нежели разжигаться человѣку и неимущему законныя жены быть съ женами, или что хуже всего, гнуснѣе и безсловеснѣе есть, имѣя жену, похотѣть иныхъ женъ многихъ.

4.

Нѣкогда былъ часъ, яко же сей часъ; предсталъ духъ лукавый самому мнѣ въ иночествѣ, и вопросилъ демона я: «Скажи мнѣ, душе лукавый, отъ чего такъ скоро, нечаянно, многіе сами себя убиваютъ; то стрѣляются, то закалаютъ себя собственными своими руками, то ядъ пія погибаютъ, то въ воду себя мещутъ, то въ пьянство вдаясь упиваются до смерти, то въ блудъ вдаются безъ исправленія, то въ игры азартныя, то во иныя напасти и пагубы, а особенно въ ереси, секты, въ невѣріе и богохульство?» И заклиная, заклялъ демона инокъ именемъ Божіимъ повѣдать. И сказалъ мнѣ демонъ: «Многія вины тому отъ меня бываютъ. Иные такъ горды и честолюбивы, что если какую досаду, обиду пріемлютъ отъ равныхъ себѣ, или отъ высшихъ, то, нетерпя безчестія, окаянные, помышляютъ себя умертвить; а я тогда посылаю духа печали и унынія, который такъ изъ ума здраваго изведетъ, и смутитъ, и опечалитъ, что они избираютъ скорое и легкое умираніе, то удавленіе, то смертоубійство и кто на что удобнѣе можетъ рѣшиться. Я послѣ всѣхъ грѣховъ обыкновенно сихъ слугъ посылаю и рано или поздно, но я многихъ стараюсь погубить разными смертьми. Кои же твердою вѣрою, упованіемъ, любовію ограждены, и согрѣшивъ каются слезно, съ тѣми я дѣлать ничего не могу; или кои живутъ благочестиво и не мудрствуютъ много, но болѣе заповѣди Господни хранятъ. А въ коихъ благодать Святаго Духа пребываетъ, тѣхъ я боюсь и бѣгу далече отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ: Духъ Святый и ихъ, и кои ихъ послушаютъ право, спасетъ отъ нашего смущенія и насилія въ пагубу».

Нѣкто Ѳеофилъ, икономъ церкви, бывъ смущенъ отъ духа печали и унынія, такъ введенъ въ пагубу, что и Христа отрекся, и паки обрѣлъ благодать Божію не безъ многихъ слезъ и рыданій.

Увы! увы! Какъ помыслю, чтò сатана для мнимаго прогнанія скуки, печали и унынія многихъ творить научилъ, то ужасъ беретъ меня! Для того-то изобрѣтены и обожаются театры, маскерады, пѣсни, гульбища, бесѣды, карты, трагедіи, романы, блудничьи домы, серали, балы, пьянства, безчинныя пѣсни и прочія сатанинскія дѣла, о коихъ неприлично есть даже глаголать. Всюду и внутрь насъ брани. О богомудрая дѣвице! Держися святыхъ отецъ благочестія, спасися, подражая Христу и святымъ Его дѣвамъ: лучше есть всячески пострадать и умереть, нежели единожды согрѣшить. Не вѣруй и не внимай духу лукавому, который шепчетъ къ тебѣ въ часъ печали: почто ты дѣва? почто насиліе дѣешь себѣ? почто ты едина? Почто тебѣ молву напрасно терпѣть? Пусть всѣ сіи слова и дѣла будутъ съ тѣми, кои обѣта внутрь не имѣли быть и жить въ дѣвствѣ. Но ты, о раба Божія, пребуди въ Бозѣ.

5.

Получилъ письмо твое, христолюбивая дѣвице, въ коемъ между прочимъ ты пишешь ко мнѣ такъ: «Повѣришь ли ты мнѣ, отецъ мой, какъ званіе, въ которомъ теперь находится многобѣдная Анна, ей тяжко и день и отъ дня становится тяжелѣе, и какъ жажду и алчу уединенія, то единому Господу извѣстно; воистинну иногда слезы радостныя катятся, когда останусь одна и когда меня никто не требуетъ. О Господи, помози. Тебѣ единому все возможно устроить со мною грѣшною и удалить меня окаянную далѣе и далѣе отъ шума мірскаго и попеченій житейскихъ».

Изъ всего видно, что сердце твое таетъ отъ любви божественныя, духъ твой алчетъ, жаждетъ правды, очи твои внутреннія просвѣщаются свѣтомъ истины, уши твои сердечныя слышатъ Господа, зовущаго на вечерю вѣчную, и вся кости твоя, и вся внутренняя твоя осязаютъ, что въ домъ твой душевный хощетъ пріити небесный женихъ твой, пресладкій Господь Іисусъ Христосъ. Какъ не радоваться мнѣ, когда зрю изъ того, что вся та суть дѣйствіе Святаго Духа въ тебѣ; наконецъ и узришь, что Господь, Сынъ и Святый Духъ вкупѣ пріидутъ посѣтить твой домъ душевный, и вселятся въ немъ, и тогда ты познаешь, о праведная душа, раба Божія, чтò есть, по глаголу Спаса, царствіе Божіе внутрь васъ. Познаешь, что оно нѣсть брашно и питіе, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Но все сіе хотя и въ мірѣ стяжавается, но среди шума и молвы не можетъ быть вовсе безнадежно, но преимущественно въ тишинѣ, въ уединеніи, въ тихомъ уголкѣ, въ мирной хижинѣ, въ горѣ и пещерѣ обрѣтается. Нельзя думать, чтобъ вовсе неможно было Царствія Божія стяжать среди міра и токмо опредѣлено аки бы отъ Бога обрѣтать оное въ единой пустынѣ и монастырѣ: добро есть уединеніе о Христѣ и въ пустынѣ, внѣ міра; но славнѣе оно, ежели стяжавается и въ мірѣ.

Послушай, и я тебѣ скажу, чтò дѣется и во дни наши подобно древнему. Нѣкто дѣвица благочестивая и праведная, именитая ро-

домъ, повѣдала мнѣ. Инокъ нѣкто съ ревностію отыде отъ міра и, вошедъ въ монастырь, постригся. И пробывъ лѣта нѣкая, бывъ смущенъ отъ душеубійцы - діавола, самъ себя разслабляя, иныхъ немощныхъ осуждая, возненавидѣлъ съ горестію житіе монастырское и пристанище уединенія, что пребудетъ онъ до послѣдняго своего издыханія въ монастырѣ,—изшелъ изъ монастыря и согрѣшая согрѣшилъ; и дабы врагу діаволу до конца его погубить, внушилъ онъ ему всепагубный и злый помыслъ, вѣчное получивъ увольненіе, шататься безъ всякаго зазрѣнія. И погибъ бы онъ до конца, но Господь внушилъ ему открыть помыслъ свой дѣвицѣ святой; и та вопроси нѣкоего инока, и инокъ сей возвѣсти, что не отъ Бога помыслъ есть оставившему обитель иноку получить вѣчное увольненіе и скитаться въ мірѣ, а отъ діавола: ибо инокъ постригаяся клянется пребыть въ монастырѣ до послѣдняго издыханія своего. Сіе дѣвица, услыша отъ инока, напоминаетъ поползнувшемуся обѣтъ его и, утѣшая его, молила возвратиться въ обитель и молиться, дабы Господь избавилъ отъ искушенія его.

Братъ нѣкій, еще въ живыхъ сый, именемъ Василій, возжадавъ ревностію уединенія, вшедъ въ обитель, былъ подвижникъ, и пріиде помыслъ ему идти акибы ради спасенія иныхъ и изыде и хождаше во градѣ и время отъ времяни запинаемъ былъ отъ врага діавола, разслабился въ подвигахъ, паде въ лжепророчество: изъ постника сотворился ядый, піяй и почиваяй, а наконецъ такъ развратился, что отъ главы до ногъ отъ невоздержанія, валяяся по стогнамъ, бысть нечистъ, скверенъ, и духъ демоновъ смрадный хождаше съ нимъ. Но Господи, спаси его прежде конца!

Старецъ нѣкій, въ живыхъ сый; лѣтъ седмидесяти, весь сѣдъ и браду велику имый, болѣе нежели тридесять лѣтъ молчальникъ бысть, изыде, помысла вражія послушавъ и шатаяся во градѣ, въ соблазнъ бысть паче, нежели въ назиданіе людемъ вѣрнымъ.

Дѣвица нѣкая, послушавъ помысла, изыде изъ обители аки бы на большую пользу и, шатаясь во градѣ, сперва была полезна, а потомъ слышу, что есть удицею на уловленіе душъ грѣшныхъ. Воздохнулъ и прослезился я, услышавъ о сей дѣвицѣ, уже отъ роду около сорока лѣтъ имущей. Боже, сохрани ее имиже вѣси судьбами!

Человѣкъ нѣкто Іоаннъ, сый молчаливъ седмь лѣтъ, не говорилъ Бога ради; но послушавъ помысла, пошелъ во градъ и грѣша согрѣшилъ, поправъ обѣтъ, началъ говорить и тако развратился, бысть лживъ, ядый и вино піяй и лицемѣряй, и вся творяй пакости, его же видѣвъ, азъ поплакалъ горько, скорбя, колико чрезъ помысла діаволъ губитъ многихъ.

Недостанетъ мнѣ времени повѣствовать, блаженная дѣвица, колико помыслъ подъ видомъ спасенія скитаться пагубенъ. Сходно ли съ обѣтами, клятвами и правилами иноческаго житія оставлять обитель? А изъ сего внемли, колико съ начала многіе съ ревностію грядутъ на уединеніе въ пустыни, монастыри и горы и вертепы, а послѣ колико худо живутъ и съ отчаяніемъ ненавидятъ уединеніе, боримы врагомъ и страстьми.

Еще помыслъ тебѣ открою: не знаю, почему крайне не хочется быть архимандритомъ, хотя и указъ объявленъ. И какъ воспомяну, что лишь пріѣдетъ новый епископъ, то меня и посвятитъ, то слезы у меня льются, и я мню, что едва-ли то спасуся. Ежели меня будутъ честить крестами и титлами, кая мнѣ польза въ семъ?

6.

Пишешь ты ко мнѣ: «Благодареніе Господу, меня никакіе помыслы не смущаютъ, токмо я нахожу, говоришь ты и пишешь, теперешнее мое положеніе хуже и опаснѣе, нежели бурное: я точно какъ бы была въ туманѣ, и кажется мнѣ, такъ я далека отъ Господа нашего Іисуса Христа, такая несносная разсѣянность въ мысляхъ, страшное нерадѣніе о спасеніи, лѣность ужасная къ молитвѣ, что во истинну нѣтъ сего моего положенія тяжелѣ; оно совсѣмъ небурное, а токмо претяжелое, точно какъ бы утопала я мало по малу».

Не вѣрь всякому духу и слуху внутрь тебя смущающему, а возведи умныя твои очи ко Господу.

Нѣкогда случилось видѣть мнѣ вотъ что. Одна матерь, родивши дитя, кормила, и пока еще въ разумъ совершенъ дитя не пришло, матерь, питая его, лелѣя, лобзая, держа у грудей, питая сосцами своими, того только и ждала, когда дитя ея возможетъ молвить имя ея—мама. И какъ въ первый разъ услышала лепетаніе, возрадовалася и говорила съ восторгомъ о томъ всѣмъ своимъ, а послѣ когда навыкло дитя болѣе матерь познавать и называть, тогда о маломъ лепетаніи, въ началѣ превосходительномъ для нея, не стала даже и думать, а чаяла уже, яко отъ взрослаго, большаго и разумнѣйшаго названія и дѣйствія. И когда уже на своихъ ногахъ дитя едва стало бродить, изшедъ изъ дома на улицу и искушая своего дитяти любовь и разумъ, такъ умудрилась съ нимъ сотворить: еще какъ слабо оно ходило ногами, аки дитя, матерь посадила его на землю и, подославъ одежду подъ него, тотчасъ скрылась за уголъ дома, чая, что смыслитъ ли дитя, закличитъ ли свою матерь, то просто, то слезно. И побрѣло дитя искать матерь, куда усмотрѣло, что матерь идя скрылась; матерь, уязвляяся сердцемъ, слыша зовъ дитяти, не исходила, зная, что не бѣда, что вопіетъ дитя, и не погибнетъ, а ждала, пока дитя само матерь найдетъ; но дитя, аки неразумное, сильно плакало, думая, что уже нѣтъ близко матери, и какъ дитя дошло до угла дома, и вотъ увидѣло очами матерь стоящую, вдругъ отъ плача возрадовалось и не хотѣло идти, зная, что матерь возметъ и на рукахъ будетъ нести, матерь же, взявъ утѣшая дитя, то цѣловала, то слезы рукою отирала. Христолюбивая дѣвице, сестра о Господѣ! Какъ, такъ испытывая любовно и полезно, матерь своего дитя премудро поступаетъ, то не премудрѣе ли Господь Богъ съ нами поступая творитъ?

Ты говоришь, что мои письма тебѣ такъ нужны, какъ воздухъ для дыханія, такъ они для души твоей. Слава Богу, что Духъ Божій, духъ правый, духъ Христовъ такъ исполняетъ всю тебя, что ты

всячески, акибы дышешь, дыша желаніемъ, взыскуешь даже и въ моихъ скудныхъ письмахъ дыханія благодати, взыскуешь дыханія теплоты Христовой, взыскуешь сладости, утѣшенія и, акибы пищи для души, безъ коея душа и дыша дыханіемъ жизни, акибы въ тебѣ не живетъ и не дышетъ, а мертва бываетъ, и всякое дыханіе есть акибы умираніе и всегдашняя смерть.

7.

Ты со вздохомъ, можетъ быть, скажешь мнѣ: «Отче мой! Какая дѣвица я, когда въ сердцѣ невольно, хотя и рѣдко со мною то бываетъ, но входятъ соблазны и помыслы нечистые; хотя и рѣдко, но я должна бываю украшаться, наряжаться, и все сіе для плоти, для видѣнія, для суеты творить; хотя и рѣдко, но я должна и лице благовонными водами умывать и украшать и помазываться благовонными мастьми; хотя и рѣдко, но я должна по образу міра грѣшнаго иногда быть, да и однимъ словомъ, како могу при всемъ томъ быть святъ храмъ Богу? Како буду церковь Бога живаго? Како правду сохраню? Ахъ, отче, я, помышляя все сіе о себѣ, мню, что крайне худа, грѣшна; и Богу не угождаю, много согрѣшаю, и какъ могу не думать, что создателя моего, жениха души моея, Іисуса Христа Бога прогнѣвляю, когда я за всякое праздное слово отвѣтъ дамъ въ день суда Божія? Но увы! Колико больше всего во мнѣ найдется? Ахъ! я червь, я пепелъ, я блато нечистое, я древо безплодное: и я ли сосудъ Богу въ честь? Да Богъ вѣсть, бываетъ ли дѣломъ отъ всего сего миръ Божій во мнѣ, и по крайней мѣрѣ можетъ ли быть со мною? Господи, спаси мя, погибаю!»—Постой, чадо, дай мнѣ слово сказать на все сіе и тебѣ. Послушай! Ей, ты не погибаешь. О другомъ комъ я не ручаюсь; а какъ ты дщерь моя духовная, то я тебя всю знаю, тебя понимаю, немало и нерѣдко о тебѣ разсуждая.

8.

Въ нѣкоемъ мѣстѣ увидѣлъ я заразительною болѣзнію больнаго; по неосторожности вмѣстѣ съ нимъ жилъ другъ его, и вотъ отъ приближенія по времени и другъ впалъ въ горшій неизцѣльный недугъ. Что̀ же мнѣ еще попалось на глаза? Пришелъ я въ мѣсто, гдѣ блюлись вещи нѣкія снѣдныя, и увидѣвъ, что изгнили одни снѣдныя вещи, я сказалъ приставнику: отъ чего это испортилось такъ скоро? Очень свѣжее и хорошее все сюда положено было. Приставникъ сказалъ лукавнуя: не вѣдаю, вѣрно мѣсто худо; а старецъ опытный тотчасъ мнѣ шепнулъ: Отче, приставникъ все хорошее-то подлѣ лежалаго и стараго и уже начавшагося портиться положилъ; а потому-то все хорошее такъ скоро испортилось. Разумъ притчи сея таковъ, что сообщаться съ развратными, любодѣйными, лукавыми опасно есть чистымъ и правымъ. Удобно отъ сообщенія и бесѣдъ злыхъ благіе развращаются. О дѣвице, тебѣ Господь далъ премудрость и крѣпость, спасай и иныхъ, то словомъ, то дѣломъ, то духомъ; сама не восхищай долгъ учить: ж е н а, по Апостолу, д а н е у ч и т ъ; но

по готовымъ книгамъ и ученіямъ Святыхъ отецъ, учить можешь другинь своихъ. А санъ учительства и проповѣдничества и писать писанія, подобно бѣсомъ водимой женѣ госпожѣ Гіонъ, презирай, убѣгай подобныхъ, и восхищающія все то подобно сей безумной прокляты и запрещены.

9.

Какъ мнѣ не радоваться, о дщерь моя духовная, дѣвице христолюбивая, когда я познаю изъ всего въ тебѣ, что каплями чистоты, дѣвства и цѣломудрія, отъ сердца твоего истекающими, ты человѣка плотскаго умерщвляешь и похоть угасила? Какъ мнѣ не утѣшаться, когда зрю, что Господь тебя отъ брака отвелъ, могущую имѣть жениха благороднаго, перваго во градѣ, зѣло честнаго и преславнаго? Какъ мнѣ Господа не благодарить, когда по благодати Его ты презрѣла всѣ мірскія блага, дабы воспріять небесныя вполнѣ? Когда ты ни злата ни сребра не щадила, но все щедрою рукою сыпала, дабы Христа пріобрѣсть и умолить Его, дабы показалъ тебѣ путь живота вѣчнаго, путь въ царствіе небесное?

Предписаніе Ивана Александровича Вельяминова полковнику Ладинскому.

Секретно. Получено 10 Сентября, въ 6 часовъ пополуночи.

Господину полковнику и кавалеру Ладинскому.

На все прописанное вами въ письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 8-го Сентября сего года, относящееся до поимки бѣглаго царевича Александра, я васъ въ полной мѣрѣ разрѣшаю; ибо испрашивать на это разрѣшенія главнокомандующаго, по краткости времени, некогда. Жизнь царевича старайтесь сохранить и лишить его оной только въ крайности. Персіанами, которые будутъ въ свитѣ царевича, не затрудняйтесь. Если не уйдутъ они или не сдадутся, то ихъ истребляйте; ибо сіе не только есть нарушеніе трактата съ нашей стороны, а напротивъ оно будетъ нарушеніе доброй пріязни съ ихъ стороны. Въ разсужденіи обѣщанной вами награды 1000 червонцевъ и пенсіоновъ я донесу главнокомандующему и надѣюсь, что онъ въ этомъ не откажетъ. Вмѣсто 50-ти Донскихъ казаковъ храбрыхъ и на хорошихъ лошадяхъ, я предписалъ генералъ-маіору Сысоеву, прибывшему съ линіи, чтобъ откомандировалъ къ вамъ оныхъ, которые не замедлятъ къ вамъ явиться, какъ ровно 20-ть или 25-ть казаковъ линейныхъ и хорошо вооруженныхъ.

Если Богъ благословитъ наше предпріятіе и вамъ удастся схватить царевича, то, давъ мнѣ о томъ знать, не отсылайте его въ Тифлисъ, ибо это слишкомъ много сдѣлаетъ шуму; а я между тѣмъ сдѣлаю распоряженіе, чтобъ его отправить чрезъ селенія мимо Тифлиса въ Анауръ и далѣе въ Моздокъ.

Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ.

№ 122, г. Тифлисъ, 1818 г.
Сентября 9-го дня.

Письма графа В. А. Перовскаго къ А. Я. Булгакову*).

1.

16 Novembre, Orenbourg (1837).

Merci pour les nouvelles que vous me donnez; j'en attends encore de votre part, car à présent vous êtes à la source et mon seul correspondant à Moscou. A—rg est trop affairé quand il est en activité de service et trop paresseux lorsqu'il se repose sur ses lauriers; aussi ce n'est pas par lui que je puis apprendre quelque chose. L'Empereur a-t-il été content de Rosen sous le rapport administratif? Quel est le motif de la disgrâce de N. Mouravieff? Quels sont les projets arrêtés relativement au séjour de la cour à Moscou, etc. etc. Il faudra que vous trouviez un moment pour me dire tout cela; il faut vraiment votre bonté pour correspondre avec moi, qui suis privé de la possibilité de vous rendre la monnaie des nouvelles que vous me donnez, et il faut aussi que je sois sûr que vous avez hérité de l'amitié que me témoignait votre bon frère: sans cela rien n'excuserait l'importunité que je montre à votre égard. La dernière extra-poste a tardé de deux fois-vingt-quatre heures; cette fois le retard s'explique assez par la difficulté qu'elle a rencontrée au passage des rivières, mais en général elle est depuis quelque tems moins exacte que les autres postes: souvent elle a manqué de plus de 24 heures sans aucun motif plausible.

2.

Orenbourg, 7 Décembre 1837.

De toutes les nouvelles dont vous me faites parler, celle qui m'a le plus étonné est précisément celle qui me concerne: le bruit que l'on a fait courrir au sujet de ma nomination au poste de Rosen. Ceux qui me font l'honneur de m'en croire digne, seraient certainement bien surpris d'apprendre que non seulement je ne le désire pas, mais que j'en aurais été fâché. Le poste que j'occupe n'est ni aussi brillant,

---

*) Выше, на стр. 34—46, напечатаны первыя 13 писемъ въ одномъ Русскомъ переводѣ. Нынѣ помѣщается Французскій ихъ подлинникъ, и затѣмъ остальныя письма, въ подлинникѣ и переводѣ.

ni aussi honorifique sans doute, mais il me fournit la possibilité de prouver que je puis être utile; j'ajouterai que j'y suis devenu nécessaire et même que dans ce moment on m'y remplacerait difficilement, car il y a une foule de choses de commencées dont moi seul possède la clef; enfin, si je suis condamné à rester encore quelques années ici, j'espère laisser après moi une réputation qui me dédommagera de la vie que j'aurai menée. Tout le contraire pourrait m'arriver au Caucase. Mais ce qu'il y a de plus probable c'est qu'on m'y enterrerait au bout de six mois. La démission de Rosen et le mécontentement de l'Empereur ne justifient que trop ce que l'on entend dire de ce pays par ceux qui en viennent: tout y est sens dessus dessous, administration militaire et civile. Il faut y envoyer un homme capable et bien intentionné sans doute, mais surtout un homme un tant soit peu paresseux, ou du moins un homme dont l'activité ne soit pas une des qualités proéminentes: un homme trop laborieux y trouverait son tombeau avant que d'avoir réussi à rétablir l'ordre. Je puis me tromper, mais c'est ma façon de penser relativement au Caucase. Quant à moi personnellement, je vous assure que mon ambition ne consiste pas à monter; je suis de la croyance que l'on peut se distinguer, se faire remarquer et mériter l'estime générale à chaque degré d'élévation; selon moi un исправникъ qui toute sa vie aurait rempli ses fonctions consciencieusement, mérite autant de louanges et de reconnaissance qu'un gouverneur militaire, qui aurait fait comme lui.

3.

Orenbourg, 4 Janvier 1838.

C'est une bien triste nouvelle que celle qui fait le sujet de votre dernière lettre. Il est vraiment inconcevable qu'un édifice aussi beau, aussi vaste et aussi solide soit brûlé comme brûle un изба; mais enfin, puisque l'hermitage, les diamants de la couronne et d'autres richesses encore ont été sauvés, on peut se consoler de la perte du reste; ce n'est plus qu'une affaire d'argent, quelques centaines de pouds d'or que l'Oural et l'Altay fourniront, si on les leur demande. Ce qu'il y a de consolant encore dans ce malheureux événement, ce sont les épisodes auxquels il a donné lieu: les traits que vous me citez font vraiment du bien à l'âme; voilà des faits qu'il serait indispensable de relever, de publier et de faire répéter bon gré mal gré par les journaux étrangers. Malheureusement c'est ce que l'on ne fera pas: nous sommes là-dessus d'une modestie inqualifiable. Nos journaux et ceux qui sont chargés de les diriger sont quelquefois d'un mutisme désolant, je dirai même révoltant. Est-il possible p. ex. qu'un événement tel que l'incendie du palais d'hiver, qui a eu lieu le 17, n'ait pas été mentionné dans les feuilles du 20 que j'ai reçues en même temps que votre lettre! Dans tout autre pays on aurait imprimé et fait circuler des

bulletins toutes les heures. Un silence aussi inconcevable dans de semblables circonstances, donne lieu à de fausses et dangereuses interprétations dans l'éloignement, et il ne saurait en être autrement; quelquefois même une publicité tardive n'a plus le pouvoir de redresser le mal occasionné par le silence, qui, par cette seule raison qu'on en recherche le motif, laisse déjà une certaine défiance dans les esprits. Ce que je viens de dire est une raison de plus pour vous remercier de m'avoir informé en détails relativement à ce fâcheux événement.—Où se logera la cour et tout ce qui y tient? Les trois palais: d'Anitchkoff, de la Tauride et le palais de marbre réunis ne sauraient contenir le quart du personnel que renfermait le palais d'hiver. Ne sera-ce pas un motif pour revenir à Moscou?

4.

20 Juin 1839, Orenbourg.

C'est vraiment une véritable bonne fortune qu'un correspondant comme vous; je suis persuadé que par le monde entier il n'en existe pas de plus désintéressé: vous me donnez les nouvelles les plus fraîches, les plus intéressantes, telles enfin que je ne puis les trouver ni dans les journaux, ni dans ma correspondance particulière, et que puis-je vous rendre en échange? Avec la meilleure volonté possible et en réunissant tous les événements qui se passent depuis le Volga jusqu'en Boukharie, je ne pourrais vous dire rien qui soit digne de votre attention. Mon temps est pris actuellement en entier par les préparatifs pour une expédition scientifique aux bords de la mer d'Aral; elle doit avoir lieu sur une échelle plus grande, que tout ce qui a été fait jusqu'à présent de ce côté; elle doit parcourir un pays entièrement inconnu aux Européens. Mais l'époque de cette exploration n'est pas encore bien déterminée; en tout cas elle ne peut avoir lieu qu'après mon voyage de Moscou. Les Turcomans sont cette année d'une impertinence inconcevable sur la mer Caspienne: leurs corsaires nous ont déjà enlevé près de quatre cents pêcheurs d'Astrakan, la plus grande partie aux embouchures du Volga, à tel point que nos промышленники n'osent plus tenir la mer; c'est une honte. La flotille de la mer Caspienne n'y peut rien: elle n'existe que de nom.

5.

15 Aout 1839. Orenbourg.

Il n'y a pas quinze jours encore, que j'étais fermement persuadé que j'aurais le plaisir de vous revoir à l'époque des manoeuvres de Borodino; j'avais même l'intention de me rendre à Moscou au plus tard pour le 20, mais l'homme propose et Dieu dispose! Il paraît que les incendiaires de Simbirsk et de Saratoff, ou au moins leur diabolique esprit s'est transplanté à Orenbourg: depuis le 2 de ce mois, jour où

a eu lieu le premier incendie qui a été suivi de trois autres assez considérables, il ne s'est pas passé un jour qu'il n'y ait eu des tentatives d'incendies; les boutiques sont fermées et vides, les effets emballés sur des voitures ou emportés hors de la ville, les habitants ne dorment ni jour ni nuit, c'est une alarme générale, une désolation continuelle. La majorité des maisons d'Orenbourg et surtout des faubourgs sont des baraques pourries, et qui par l'extrême sécheresse sont réduites à l'état d'amadou, la ville est éloignée de l'eau, depuis plus de deux mois il n'est pas tombé une goutte de pluie, avec cela des espèces d'ouragans journaliers et pour couronner le tableau, trois pompes à feu et pas de пожарная команда! Vous comprenez comment au milieu de tout cela je puis être tranquille et combien il est agréable de se démener par une chaleur qui à l'ombre n'est jamais au-dessous de 25°! Heureusement que jusqu'à présent la main incendiaire ne paraît pas encore s'être répandue dans l'intérieur du gouvernement, je dis ne paraît pas, car déjà j'ai la nouvelle de trois incendies assez considérables, mais dont les causes, quoique inconnues, peuvent s'expliquer naturellement. Quoiqu'il en soit, il ne peut être question pour moi de voyager pour le moment. Il y a eu quelques incendiaires pris sur les faits; ils sont livrés à une commission d'enquête. Jusqu'à présent il n'a pas été possible de découvrir aucune trame ourdie, ni rien qui ressemble à une conspiration dans le sens politique; ceux qui sont pris ne sont pas Polonais. Aussi pour ma part, je suis tout porté à expliquer les choses d'une manière toute simple et prosaïque. Je crois que chez nous, il y a plus qu'ailleurs, en ville comme dans les villages, des gens qui constamment ne demanderaient pas mieux que de mettre le feu à la maison de leurs voisins par vengeance, envie, etc.; maints domestiques sont dans les mêmes dispositions pour leurs maîtres. Mais dans l'ordre ordinaire des choses, tous ces gens courent trop de risque à satisfaire leurs passions, au lieu que quand les esprits sont inquiets et préparés, par des bruits qu'on a fait circuler avant, à voir brûler leurs maisons, ces gens ne risquent rien en y mettant le feu, persuadés qu'ils sont que les soupçons ne tomberont pas sur eux, mais seront dirigés sur des incendiaires qui peut-être ne sont que des êtres imaginaires. Voilà les tristes raisons qui portent empêchement à mon voyage de Moscou, malgré l'envie et le besoin que j'avais de le faire; il est probable qu'au mois de Septembre j'entreprendrai celui de Pétersbourg où je ne passerai cette fois que 8 jours tout au plus.

6.

17 Novembre 1839, Orenbourg.

Enfin nous voilà en marche! Tout le détachement est déjà parti, je ne suis resté que pour écrire quelques lettres. Demain j'irai le re-

joindre. Pour le moment, il y a encore beaucoup de chaos dans notre affaire, et il ne saurait en être autrement: point d'antécédent, tout est à deviner, tout est nouveau pour chacun, le soldat n'avait de sa vie chargé de chameau, le chameau n'a jamais porté les bâts dont on l'affuble; tout cela crie, s'impatiente, perd du temps. Dans quelques jours, quand hommes et bêtes auront fait connaissance, tout ira mieux. Le temps m'a joué un mauvais tour: après plus de quinze jours d'un froid constant et assez intense, quoique sans neige, ne voilà-t-il pas que vient la pluie et le dégel! Cela dure depuis trois jours et me fait beaucoup craindre que nous perdrons les viandes et les provisions que nous avions préparées en comptant sur la constance du froid. Jamais pareil temps ne s'est vu ici au mois de Novembre, surtout à la suite de 20° de froid. Mais nous en verrons bien d'autres encore! Enfin, à la garde de Dieu et en avant, marche! Et vous, quand vous n'aurez rien de mieux à faire, priez pour nous: cela ne sera pas de trop, je vous assure. Si nous sommes destinés à nous revoir, j'aurai beaucoup de chose à vous conter; s'il en était autrement, rappelez vous que je ne vais ni en étourdi, ni en fanfaron: toutes les mesures qu'il était possible de prendre ont été prises. Si je n'en reviens pas, c'est qu'il y a des malheurs que l'homme ne peut parer.

Ci-joint une déclaration et une proclamation; le tout à votre usage. La déclaration sera, je crois, rendue publique dans les journaux, mais ne la communiquez pas à ceux qui pourraient l'imprimer sans attendre pour cela les ordres suprêmes, comme cela arrive quelquefois. Toutes les fois que j'en aurai l'occasion, je donnerai de mes nouvelles.

7.

Башталика, 6 Décembre 1839. 250 verstes d'Orenbourg.

J'ai encore l'occasion d'envoyer un exprès à Orenbourg et j'en profite pour tenir ma promesse en vous disant que je me porte bien, que j'avance aussi bien que faire se peut et que j'ai fait à peu-près le cinquième du chemin que nous avons à faire. Vous parler des difficultés sans nombre que nous rencontrons à cause de la saison, du manque de bois etc., ce serait inutile: vous pouvez facilement vous représenter la sensation que l'on doit éprouver passant chaque jour et toute la journée à la belle étoile, et la nuit aussi, et cela souvent par un froid de plus de 30° (aujourd'hui nous en avons 32°). Ce qui vous paraîtra plus difficile à comprendre, c'est qu'avec tout cela nous n'ayons ni doigts, ni nez de gelés et en général très-peu de malades. Grâce à Dieu, jusqu'à présent les froids, quoique très-forts, n'ont pas été accompagnés de vents; c'est ce que je crains le plus: car alors, sans abris et sans bois pour se chauffer, je ne sais quel moyen pourrait être mis en usage pour nous sauver. Aujourd'hui 6 Décembre, par 32° de froid, nous avons chanté un Te Deum en plein air et tiré du canon;

je vous assure que c'était une cérémonie touchante et que nous avons prié avec plus de ferveur et moins de distraction que nous ne l'aurions fait dans les églises bien chauffées de la capitale; c'est que dans notre position la prière a un autre sens que pour vous autres: ce n'est qu'avec le secours de Dieu que nous pouvons espérer de vaincre les éléments et l'ennemi, et nous sentons que nous serions perdus si notre prière n'était pas exaucée immédiatement. Cependant n'allez pas croire qu'il y ait de l'abattement parmi nous; loin de là, vous entendrez chanter dans le camp comme si c'était au mois de Mai. Il est vrai que l'on tousse plus souvent que l'on ne chante, mais enfin je trouve qu'il est beau de chanter par une nuit obscure, par 20 ou 30° de froid, n'ayant pas plus de feu qu'il n'en faut pour cuire sa soupe, et puis pas un tison qui vous réjouisse la vue et sachant que demain, après demain et pendant six semaines encore ce sera la même chose, le même manque.

8.

4 Janvier 1840. Rivière Emba, à 500 verstes d'Orenbourg.

Vous me croyez déjà probablement à Khiva ou au moins près d'y arriver; hélas, je n'en suis pas encore à moitié chemin! L'hiver, avec toutes ses horreurs s'est déclaré contre nous; de mémoire d'homme ou plutôt de Kirghize, on n'a vu ici une saison aussi rigoureuse, des neiges aussi profondes; depuis notre sortie d'Orenbourg, le thermomètre a rarement monté au dessus de 20°, nous avons eu 33°; 31° pendant deux fois vingt quatre heures de suite et, dès qu'il faisait moins de 25°, survenaient des vents et des chasse-neige violents. Il est difficile, sans l'avoir éprouvé, de comprendre ce que l'homme éprouve quand malgré tous ses habits, toutes ses pelisses et ses bottes chaudes, il sent que le froid le gagne; quand il sait que demain, que dans un mois, six semaines ce sera encore la même chose et qu'avec cela il n'a pas de bois pour se chauffer et pour réjouir sa vue pendant ces longues, interminables nuits; oui, il faut avoir éprouvé tout cela pour le comprendre. Et cependant nous ne sommes pas abattus: лишь-бы не было хуже, а этакъ перенесемъ, dit l'officier; право не о чемъ тужить, Царю рады мы служить, dit le soldat. Nous en sommes venus au point qu'une journée de 20° sans vent est regardée par nous comme un avant-coureur du printemps: on va se chauffer au soleil. Nous n'avons eu que trois cas de pieds gelés; or, vous avouerez, que 3 hommes sur 4.500 ne doivent même pas être comptés. Aussi ne vous en aurais-je pas parlé, si je ne voulais vous dire tout; je suis persuadé que l'on nous croit tous gelés sur place, mais nous avançons quoique à pas de tortue; nous arriverons au but quoiqu'un mois plus tard. Ce qui nous reste à faire, est le plus difficile; je ne parle pas des embarras que l'ennemi pourra et ne manquera pas de nous donner, car sans gasconnade, je dis que chacun de nous vaut dix Khiviens au moins, or 40 ou 50 m. h. c'est

tout ce qu'ils pourraient nous opposer. Mais 700 verstes d'un pays encore plus ingrat que celui que nous venons de traverser, les hebres (où il y en a) couvertes de neige et par conséquent ne pouvant servir de nourriture à nos bêtes, pour celles-ci et pour nous plus d'autre eau que de la neige fondue, quand il y aura de quoi la fondre: voilà le difficultueux de la chose, voilà où nous aurons besoin de toute l'assistance divine, celle de l'homme n'y pourra rien. A 180 verstes en avant d'ici, nous avons un petit fortin que les Khiviens sont venus attaquer ces jours-ci,—ils étaient au nombre de 2 m. hommes et, comme de raison, ont été repoussés. Leur apparition nous a très-étonnés, car nous ne pouvions espérer les voir si tôt: ils ont eu la politesse de faire plus de la moitié du chemin. Malheureusement ils n'ont plus reparu depuis; ce ne devait être qu'un petit détachement qu'ils avaient envoyé pour nous reconnaître. Puissions-nous en venir aux mains le plus tôt possible; c'est le voeu général de ma petite armée: une fois que nous nous serons mesurés, ils sauront à quoi s'en tenir. Si seulement je n'avais pas besoin d'autant de chameaux pour avancer! J'ai pris toutes les mesures possibles, je ne ménage rien pour que la correspondance d'Orenbourg, et par conséquent celle de Pétersbourg, m'arrivent de temps en temps; de grâce, écrivez-moi; la lettre d'un ami, des nouvelles de la patrie, de la famille impériale sont pour nous, et surtout pour moi, plus indispensables que le feu pendant les grands froids. Nous avons déjà prouvé que nous pouvons nous passer de celui-ci; mais le manque de nouvelles influe directement sur le moral, c'est peut-être l'épreuve la plus dure de toutes celles que j'ai à soutenir.

9.

4 Février 1840, Akboulak, 650 verstes d'Orenbourg.

Vos lettres m'ont plus d'une fois consolé depuis que je suis dans la steppe, et c'est en adressant quelques mots à un ami, que j'ai besoin de me consoler moi-même dans le malheur qui m'arrive.—L'expédition est complétement manquée! Après avoir lutté avec succès pendant trois mois contre les froids les plus rigoureux, contre des chasse-neige presque journaliers, après avoir traversé des centaines de verstes de neige, d'une profondeur inconnue dans ces latitudes, étant parvenu à conserver en bon état hommes, chevaux et tout le matériel du détachement, je me vois forcé de revenir, de renoncer à une victoire, à un succès plus que probable après avoir fait la moitié la plus difficile du chemin. Nos chameaux, qui n'étaient pas soutenus par la force morale qui nous a fait avancer jusqu'au nec plus ultra, ont faibli dans une progression effrayante; nous en avons perdu plus de la moitié, le reste a définitivement renoncé à marcher avec leur charge. Nous avons dû diminuer le poids des bâts, mais pour avancer par ce

moyen, il aurait fallu augmenter le nombre des chameaux, et les nôtres tombaient tous les jours par centaines; enfin, arrivés jusqu'ici, il est devenu plus qu'évident que si nous faisions encore quelques marches en nous éloignant de notre magasin de vivres, nous nous trouverions dans une égale impossibilité d'avancer ou de revenir. Sur l'espace des 150 dernières verstes, le détachement a perdu plus de 2.000 chameaux; ici avec ce qui nous en restait, nous ne pouvions enlever que pour un mois de vivres et nous avions devant nous deux mois et demi de marche! Vous dire ce que j'ai éprouvé en signant l'ordre du jour qui commandait la retraite, et ce que j'éprouve, me serait impossible. Tout ce qui pouvait être prévu et préparé pour le succès de l'expédition l'avait été; toutes les privations supportées avec courage, tous les obstacles surmontés, et cependant l'expédition a manqué par une cause dont Dieu seul pouvait nous préserver. Les plus vieux des habitants de la steppe ne se rappellent pas d'un hiver pareil; l'espace qui nous a coûté tant de peine à franchir et où nous avons trouvé non seulement les herbes, mais les broussailles ensevelies sous la neige, est le refuge ordinaire, à cette époque de l'année, d'aouls nombreux qui viennent y chercher la nourriture pour leur bétail, lorsqu'ils n'en trouvent plus dans le voisinage de notre frontière. Nous, au contraire, nous n'y avons pas trouvé un brin d'herbe pour nos chameaux (et cela pendant une marche de près d'un mois), pas un buisson pour faire du feu; ce n'est qu'à force de travail, en rejetant la neige, que nous parvenions à déterrer quelques chétives racines qui servaient à faire la soupe du soldat; quant aux feux pour se chauffer, nous n'avons même aucune prétention là-dessus, et cependant hier, 3 de Février, le thermomètre a marqué 30° de froid, aujourd'hui 28°, avant hier 26° avec un vent violent qui enlevait nos misérables tentes de feutre et qui a duré trente-six heures. Ce sont ces froids inaccoutumés, autant que le manque de nourriture, qui ont été cause de la ruine de nos chameaux. Vous pouvez aussi vous imaginer ce que les hommes ont à souffrir et les soins qu'il est possible de donner aux malades! Et cependant, malgré tout, malgré les privations de tous genres et les embarras et les obstacles de tous les moments, nous serions parvenus à notre but si les chameaux ne nous avaient pas manqué, c. a. d. si j'avais eu le bonheur de tomber sur un hiver ordinaire! Ici, j'ai été obligé de jeter au vent plus de 1.500 tchetverts de farine et de biscuit, la nourriture de six semaines pour tout le détachement. Notre retour ne sera pas facile non plus: nous avons jusqu'à notre fortin sur l'Emba, où se trouve notre dépôt de vivres, 160 verstes de neige et deux hautes montagnes à escalader et à descendre; c'est un trajet de 15—18 jours sans nourriture pour les chameaux. Dieu veuille que nous puissions le faire sans désastre! Une fois arrivé sur l'Emba, malgré les vivres que j'y ai, le détachement n'est pas hors

d'affaire: il n'y a pas un seul de mes chameaux qui aura la force de dépasser ce terme, il faudra en rassembler de nouveaux, ce qui dans cette saison et dans les circonstances où nous nous trouvons, est de la plus grande difficulté; d'Orenbourg, aucun secours à attendre; quelques jours de pluie (il y en a ici au mois de Mars) peuvent anéantir notre provision de biscuits.... En tout cas, le détachement devra attendre le printemps sur l'Emba.

Résumé: D'après les calculs, basés sur les notions les plus précises, d'après les mesures prises, je devais à moitié chemin de Khiva avoir les moyens d'y arriver avec au moins 2 mois de vivres; j'avais envoyé un approvisionnement de 2 mois à Новоалександровскъ, il était destiné à approvisionner le détachement en cas de besoin. Quelques jours de bourrasques en automne ont dispersé les bâtiments chargés de porter les vivres à Нов. Алекс.; quelques-uns ont péri, enfin aucun n'est arrivé à sa destination. Au lieu de 10.000 chameaux au moins sur lesquels je comptais à mon départ d'Акбулакъ, je n'en ai conservé que 4.000 et quelques, ce qui fait qu'au lieu de 4 mois au moins de vivres que je devais avoir à mon arrivée dans le pays ennemi, je n'en avais que tout juste ce qu'il fallait pour faire la moitié du chemin à peu près. Je prévois tous les jugements, que l'on portera sur mon compte; pour excuser, pour justifier un échec, il faut une victime, et ce ne peut être que moi. Je me soumets avec résignation et sans objection au qu'en dira-t-on; le temps et 4.000 témoins attesteront ce qui humainement était possible à faire et ce qui a été fait. Que l'on me juge, que l'on me condamne, pourvu qu'on n'abandonne pas la partie; une non-réussite ne prouve rien en faveur de l'impossibilité. Deux hivers comme celui qui m'est tombé en partage, ne se rencontrent pas deux fois en 50 ans, et ce n'est que la rigueur de la saison qui a fait manquer l'expédition. Que l'on ne se laisse pas non plus rebuter par la question d'argent; la malheureuse expédition que j'ai entreprise, était une expédition gratis, un coup de main; le déboursé du gouvernement était hors de proportion avec le résultat que devait procurer le succès. Ici il faut agir à l'anglaise, et cela d'autant plus que c'est contre les Anglais qu'on agit. Eux, ils ne se sont jamais laissé arrêter par une question d'argent, et voilà pourquoi ils ont réussi partout où ils ont entrepris quelque chose; nous comptons du jour au jour, et ils calculent de siècle en siècle. La différence est d'autant plus immense, que ne comptant sur le résultat d'une entreprise que dans un certain nombre d'années, ils risquent des capitaux dix fois plus forts que celui que nous dépensons dans l'espoir de nous payer dans quelques jours. Voilà une lettre bien barbouillée, c'est que les pensées gèlent autant que l'encre: à chaque 2 ou 3 mots je dois chauffer ma plume à la bougie. Adieu. Iermoloff avait raison: это

пунтировка въ банкъ, mais un joueur ne doit pas se croire battu lorsqu'il n'a perdu qu'une première carte.

10.

Fortin de l'Emba, 14 Février 1840.

Merci, cent fois merci, cher ami, pour votre lettre du 26 Janvier, № 7. Hélas, que vous dirai-je de nous! Je suis bien tenté de ne vous en pas parler. Les douleurs d'un enfantement laborieux excitent l'intérêt, peuvent même exciter l'admiration, quand elles sont supportées avec courage; mais il faut pour cela que le spectateur croie et espère que ces douleurs aboutiront à une heureuse délivrance; elles ne sont tout au plus dignes que de pitié lorsqu'elles n'ont produit qu'une fausse couche. Pour revenir sur l'Emba, le détachement a eu encore plus à souffrir qu'en s'en éloignant; nous avons eu encore nos 29° et 26°, avec de forts chasse-neige (бураны); il y a de cela 5 jours qu'après une neige humide par 4° de froid, est immédiatement survenu un froid de 25° avec un vent N très-violent; ce fut le coup de grâce pour nos chameaux, qui perdaient de leur force не по днямъ, а по часамъ. Tout le détachement n'est pas encore rassemblé, et je ne puis désigner au juste le nombre des chameaux perdus depuis 10 jours; mais à en juger par la colonne que j'ai accompagnée et qui en a laissé en route plus de 600, la perte totale (en 10 jours) doit monter au moins à 2 m. Heureusement que pendant quelques jours nous avons pu suivre les traces qu'avait laissées la dernière colonne; cela m'a donné la possibilité de forcer la marche, le salut ou la perte du détachement dépendant du plus ou du moins de temps que nous mettrions à arriver ici. Le détachement était comme un vaisseau en pleine mer, battu par la tempête, ayant perdu ses mâts et faisant eau de toutes parts; pour ne pas couler bas sur place, il jette par dessus bord tout ce dont il peut se passer; c'est ce que nous avons fait. Nous n'avions pas d'objets de luxe à sacrifier; toutes les voitures, traineaux, bâteaux, etc. etc., enfin tout ce qui était combustible, y compris les cordes, les рогожи, a servi pour faire la soupe du soldat, mais n'a suffi que pour 3 jours. Les chameaux ont été nourris avec des biscuits et de l'avoine destinés aux hommes et aux chevaux, et malgré cela une quantité assez considérable de biscuits, de farine et d'avoine a été jetée par manque de chameaux pour l'enlever. Enfin, ce n'est qu'ayant conservé le strict nécessaire en fait de vivres et après des efforts inouïs pour ne pas perdre les munitions de guerre que les deux premières colonnes sont arrivées sur l'Emba; les deux dernières doivent y être rendues dans 2 ou 3 jours. L'état où le détachement se trouve à présent aurait été de beaucoup plus déplorable, si j'avais continué à le faire avancer; dix jours de marche par des neiges plus profondes encore que celles d'ici, auraient immanquablement mis le détachement dans l'impossibilité totale d'avancer et de re-

venir sur ses pas; je me serais trouvé dans la cruelle nécessité de déclarer à la troupe que je suis sans vivres et sans moyens de la faire marcher; nous nous serions trouvés alors à plusieurs centaines de verstes des aouls Kirghizes les plus proches; au printemps on aurait trouvé nos cadavres, et le matériel de l'expédition aurait fourni au khan de Khiva des trophées que rien n'aurait pu lui procurer sans cela. La fin de l'expédition n'en est pas moins une malheureuse fausse couche, comme je vous l'ai dit au commencement de cette lettre; fausse couche, qui aura d'autant plus de fâcheuses conséquences, que l'expédition a eu de retentissement. Les prophètes et entre autres ceux du club anglais doivent triompher, au moins leur amour-propre: ils en tireront la conclusion qu'une expédition à Khiva est chose impossible, tandis que ce n'est qu'un hiver d'une rigueur inconnue ici et surtout la profondeur de la neige, qui ont fait manquer l'entreprise. Quant à moi, je vous donne ma parole d'honneur sacrée, que mon ambition ne souffre pas à l'idée que mon nom ne sera connu dans les fastes militaires et n'y figurera que comme celui d'un chef qui a fait une campagne malheureuse. Ce qui me fait souffrir, ce qui me fait mal, c'est la pensée du tort qui en résultera pour la cause. Je ne puis vous dire combien de temps je passerai ici; ce qui me reste de chameaux suffirait pour ramener le détachement jusqu'à la frontière. Il n'y a à cela qu'un obstacle, c'est qu'ils ne peuvent pas faire un pas de plus; il faut donc s'en procurer d'autres, et cela n'est pas facile; ou bien attendre deux mois jusqu'à ce que ceux-ci aient repris quelques forces. A la moitié de Mars, il y a de l'herbe ici, cette nourriture les remettra bientôt; mais d'ici à la moitié de Mars, il en crèvera plus de la moitié. En tout cas, il m'est impossible d'abandonner le détachement pour le moment. Je dois d'abord trouver des emplacements pour y faire camper la troupe; il faut que ces emplacements réunissent autant que possible au moins une certaine quantité de nourriture pour les chevaux et les chameaux, quelques moyens de chauffage; rien de tout cela ne se trouve près de la forteresse, on ne peut trouver de pareils endroits qu'à une 50 de verstes, et alors l'approvisionnement des camps devient très-difficultueux, car les magasins de vivres sont établis dans le fortin. Militaire ou non, personne de ceux qui n'ont pas fait cette campagne, ne peuvent se former une idée même approximative des difficultés sans nombre, des difficultés insurmontables et de tous les moments, que j'ai rencontrées une fois que toutes les chances se sont déclarées contre moi. Adieu, cher ami; peut-être ne vous écrirai-je plus de longtemps, à moins que quelque événement imprévu ne me fournisse l'occasion de vous parler d'autre chose que de chameaux. Mes lettres ne peuvent plus intéresser personne, pas même mes amis; elles ne peuvent contenir que la répétition peu consolante des mêmes tribulations. Il y a encore une grande épreuve qui m'attend: entre nous soit dit, l'état sa-

nitaire de mon infanterie devient assez alarmant; j'ai pu les préserver de la gelée, mais malgré l'excellente nourriture dont le soldat a joui pendant toute la campagne et dont aucune autre campagne n'offre d'exemple, il m'a été impossible de faire que des hommes qui jamais n'ont bougé de chez eux, qui n'ont jamais vu de bivouac même en temps de paix, il m'a été impossible, dis-je, de faire supporter à ces hommes les fatigues d'une telle campagne. Il est si vrai que ce n'est que la qualité de mon infanterie qui est cause du nombre de malades qu'elle a: c'est que les cosaques qui, pendant tout le temps, ont fait un service bien plus pénible n'ont pas perdu de malade du tout.

11.

Orenbourg, 15 Avril 1840.

Après cinq mois de pélerinage dans le désert, me voici de nouveau sous un toit, dans une chambre meublée, dans un bon fauteuil, ayant quitté pour la première fois ma pelisse et mes bottes chaudes. Il y a deux jours que je suis arrivé, il y en a treize que j'ai quitté le détachement. Après toutes les horreurs d'une rude campagne d'hiver dans la steppe, j'ai eu à supporter tous les désagréments d'une marche de 500 verstes pendant la fonte des neiges et les pluies froides du printemps. Ce n'est pas non plus chose plaisante que de faire 500 verstes à cheval dans cette saison, par un pays où il n'y a ni routes, ni ponts, ni nul moyen pour traverser les rivières dans leur crue, et les ravins, transformés en torrents, ou bien remplis d'une espèce de sorbet composé de neige, de boue et de glace. Aussi, j'avoue que je me sens cassé, fatigué et dans l'impossibilité de me remettre de suite aux affaires. J'ai reçu toutes vos lettres, cher ami, et ne saurais assez vous remercier de m'avoir tenu au courant de ce qui se fait et se passe; pendant tout ce temps vous étiez le seul lien qui m'unissait au monde habité, aussi je vous embrasse avec joie et reconnaissance, Христосъ воскресъ y compris. La nouvelle que vous me donnez du prochain départ de l'Empereur pour Varsovie me contrarie infiniment; d'ici là, je ne pourrai me rendre à Pétersbourg, et cette course est de toute urgence: il est, en général difficile et sous plusieurs rapports impossible d'expliquer les choses par écrit. On n'a pas à Pétersb. une idée tout-à-fait juste sur ce qu'il faut pour entreprendre une seconde expédition, ni surtout sur le temps indispensable pour les préparatifs, qui présenteront bien plus de difficultés que la première fois; car bien des ressources locales encore vierges l'année passée, sont épuisées maintenant. Il y a tel article où la ferme volonté et l'argent ne peuvent rien; on ne saurait p. ex. établir une fabrique de chameaux, il faudra toujours aller les chercher dans l'immensité des steppes où ils ne viennent pas comme des champignons; ils sont loin d'y être aussi nombreux que les chevaux et les moutons. L'expédition de l'année passée en a furieusement diminué le

nombre, et j'en aurai besoin d'une plus grande quantité encore que la première fois; il faudra donc les faire venir de bien plus loin et leur donner le temps de reposer avant que de leur faire prendre le chemin de Khiva. N'en déplaise à Timiriaseff et à André Michel Gal., il n'existe pas de meilleure route que celle que j'avais prise, ni d'autre saison que l'hiver pour aller à Khiva et y arriver. Remarquez que je ne dis pas et en revenir, ceci doit en tout cas être abandonné à la volonté de Dieu, car nulle mesure préalable ne saurait être prise à ce sujet: les difficultés de tout genre pour y aller sont si grandes et si nombreuses que, je le répète, la question du retour ne doit même pas être posée. Ce que je vous dis là, est entre nous, bien entendu.

12.

19 Juin 1840, S-t Pétersbourg.

Je n'ai pas encore vu l'Empereur. Sa Majesté est constamment entre Péterhoff, Kronstadt et Krasnoe Selo, et de plus, l'Empereur est on ne peut plus occupé et même préoccupé des mesures à prendre pour parer à la pénurie de grains des gouvernements qui vous avoisinent. Je crois que S....off y fera un voyage; puisse-t-il être de quelque utilité. Il n'y a absolument personne en ville; le peu de monde, qui ne s'est pas exporté à l'étranger, habite la campagne. Ce qui me contrarie le plus, c'est que je n'ai pas trouvé ici A....rg; il n'est pas revenu avec l'Empereur, ayant obtenu la permission à Ems d'aller trouver sa femme et ses enfants à Paris. L'Empereur n'a mis que sept jours pour venir d'Ems à Péterhoff. Benkendorff est parti pour Fall. Demain un pyroscaphe va chercher le Gr. D. Héritier, un autre transporte le Gr. D. Constantin qui va trouver l'Impératrice.

13.

Петергофъ, 27 Іюня 1840.

Vous vous souvenez que le lieut. Petrofsky qui accompagne notre ami Abbot jusqu'à Pétersbourg, doit se présenter chez vous à son passage par Moscou; je vous prie de lui remettre le pli ci-joint, et comme le jeune homme n'a pas beaucoup d'expérience, je vous serais obligé si vous vouliez l'aider de vos conseils pour le chemin qui lui reste à faire jusqu'ici. Les carrossiers d'Orenbourg me sont assez connus pour que j'aie le droit de supposer, qu'arrivés à Moscou, les équipages d'Abbot seront dans un état à ne pas pouvoir continuer leur route. Je vous prie donc, cher ami, d'aviser aux moyens afin que cet insulaire nous parvienne de la manière la plus confortable possible. Si c'est par la malle-poste, il faut qu'il prenne les trois places; si c'est par la diligence (первоначальнаго заведенія), il faudra prendre toute la diligence et lui adjoindre un de vos postillons, si vous le jugez à propos. J'ai été parfaitement content de mon voyage en

diligence. Si Петровскій a besoin d'argent, je vous prie de lui en avancer. Je suis ici depuis huit jours, reçu et traité comme toujours, au grand étonnement de certaines personnes, qui s'attendaient, Dieu sait pourquoi, à me croire complétement disgracié. Sa Majesté a eu la bonté de me dire que l'issue malheureuse de l'expédition dont j'ai été chargé, lui a prouvé mieux que tout autre chose qu'il avait bien placé sa confiance en moi, que j'avais fait preuve de fermeté et de résolution ayant sauvé le détachement d'une perte certaine qu'une hésitation de ma part aurait produite etc. etc. Enfin, à présent comme toujours, je ne puis qu'admirer la justice et la justesse du jugement de notre Souverain. Jusqu'à présent, c'est sans exception, le seul homme que j'aie rencontré qui, sans avoir été sur les lieux, juge des choses comme s'il y avait été. L'Empereur n'a pas encore été en ville; le 25 il n'a vu personne et quand on lui a demandé ses ordres pour les personnes qu'il voudrait recevoir le 1-r, il a répondu: если можно, то еще менѣе чѣмъ 25. Il n'a pas mis les pieds à Alexandrie, ni au grand palais, enfin dans aucun endroit où il avait l'habitude de demeurer avec l'Impératrice. A Сергіевка, campagne de la Gr. D. Marie, il occupe deux pièces bien exiguës au grenier et vient travailler tous les jours soit à Monplaisir, soit au Palais-Anglais. Son départ est toujours fixé pour le 23, mais il n'est pas question de Moscou. L'Héritier est attendu le 10 ou le 12; on le dit très-amoureux de sa promise, qui le mérite bien à en juger par son portrait et par ce que l'on en entend dire. L'Empereur m'a dit qu'il n'entendait pas que ceux qui ont si bien servi et tout supporté pendant ma malheureuse expédition, soient victimes des circonstances indépendantes de personne, et m'a autorisé à faire une présentation pour des récompenses.

Событіями оправдалась мысль графа Перовскаго: въ слѣдующемъ же 1841 году, когда степные зимніе холода не превышали 15 градусовъ, полковникъ Данилевскій пробрался въ Хиву, отнялъ нашихъ плѣнниковъ и въ началѣ 1842 года благополучно возвратился въ Оренбургъ.

Ужасы степнаго похода изображены графомъ Перовскимъ лишь въ общихъ чертахъ. За подробностями отсылаемъ читателя къ письмамъ правителя его канцеляріи В. И. Даля (въ Р. Архивѣ 1867; превосходнымъ ихъ дополненіемъ служитъ его же, болѣе откровенное, письмо къ Г. П. Гельмерсену, помѣщенное въ Русскомъ переводѣ Я. К. Грота въ Сборникѣ 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, 1873). Эпизоды страданій нравственныхъ графъ Перовскій передавалъ иногда въ бесѣдахъ съ друзьями. Такъ наприм., гораздо позднѣе, живучи въ Римѣ, онъ разсказывалъ, что мулла, сопровождавшій его въ Хивинскомъ походѣ, вышелъ изъ повиновенія и отказался убѣждать свою паству къ доставкѣ и восполненію военныхъ потребностей. При муллѣ находилось нѣсколько человѣкъ его сыновей. Перовскій приказываетъ разстрѣлять одного изъ нихъ; мулла по прежнему упрямится. Разстрѣляли и втораго сына; мулла все стоитъ на своемъ. Но когда вывели подъ ружейные выстрѣлы третьяго сына, старикъ повалился въ ноги, и за тѣмъ исполнилъ все что

было нужно.—Извѣстно, что пѣхота наша въ Хивинскомъ походѣ вела себя вяло, и главный трудъ похода вынесли на себѣ Уральскіе казаки. Нѣчто въ родѣ мятежа началось было между пѣхотою. Тогда Перовскій вызвалъ впередъ одного изъ зачинщиковъ, приказалъ вырыть могилу, въ присутствіи остальныхъ похоронить его и отпѣть панихиду. Послѣ этого не было больше и малѣйшихъ попытокъ непослушанія. Таковъ былъ графъ В. А. Перовскій, человѣкъ горячаго, любящаго сердца, но въ тоже время безпощадный исполнитель своего долга и врагъ софистическихъ недоумѣній. Въ Оренбургскомъ краю и до сихъ поръ поются о немъ пѣсни. П. Б.

14.

27 Janvier (1853).

Comme toujours je vous remercie, très-cher ami, pour vos lettres et plus que toujours pour celle du 16 à laquelle vous avez joint le discours de Шевыревъ. Je l'ai lu avec avidité; notre défunt ami y est bien apprécié, aussi bien qu'il pouvait l'être par quelqu'un qui, à ce que je crois du moins, n'était pas intimement connu avec notre excellent Joukovsky. Combien de tristes et d'agréables souvenirs ont traversé mon coeur à la lecture de cet imprimé que j'ai trouvé trop court! Une chose m'a choqué cependant, c'est le parallèle de J. avec Gogol. Je vous avoue que cela m'a fait l'effet d'une profanation et ne pouvait être dit qu'à Moscou.

Переводъ. 27 Января (1853). Какъ и всегда, благодарю васъ, любезный другъ, за ваши письма и больше чѣмъ всегда за письмо отъ 16 числа, къ которому вы приложили рѣчь Шевырева [1]). Я прочиталъ ее съ жадностью. Покойный другъ нашъ оцѣненъ въ ней какъ должно, по скольку можетъ онъ быть оцѣненъ человѣкомъ, который, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, не имѣлъ близкаго знакомства съ нашимъ несравненнымъ Жуковскимъ. Сколько печальныхъ и сладостныхъ воспоминаній прошло черезъ мою душу при чтеніи этой статьи, которую я нашелъ слишкомъ короткою! Однако мнѣ досадно было прочесть сравненіе Жуковскаго съ Гоголемъ. На меня оно произвело такое впечатлѣніе, какъ будто оскорблена святыня. Сравнивать ихъ можно только живя въ Москвѣ.

15.

24 Février (1853).

C'est une affreuse nouvelle que celle de l'assassinat de l'empereur d'Autriche, quoique j'espère bien qu'il en réchappera. Il paraît que nous aurons de nouveau toute la procession des horreurs démagogiques. Mais l'autre histoire, l'affaire de Politkoffsky, est selon moi encore plus triste, plus infâme et plus honteuse pour l'humanité en général et le nom russe en particulier; en la lisant, j'ai rougi jusqu'au blanc des yeux en pensant au retentissement que cela aura en Euro-

---

[1]) О значеніи Жуковскаго въ Русской жизни и Эоэзіи. Рѣчь эта была произнесена С. П. Шевыревымъ на годичномъ актѣ Московскаго университета 12 Января 1853 года.

re. Je conçois l'indignation et le juste courroux de l'Empereur; je le conçois et je tremble à l'idée que moi aussi j'aurais pu y être exposé: car, enfin, si je n'ai jamais fait partie du Comité des Invalides, ce n'est que par hasard, et si j'avais été nommé membre de ce Comité, je ne suis pas du tout sûr que je me serais montré plus prudent que les autres aiguillettes.

Il y a de cela un mois, le commandant d'Orsk a été assassiné à coups de hache par trois individus masqués, qui se sont introduits le soir dans sa maison et qui, le coup fait, ont pillé ce qu'ils ont trouvé d'argent. Les trois criminels ont été découverts et convaincus, c'étaient trois militaires de différentes armes. Je vous conte tout cela, parce qu'il n'y a pas une demi-heure que le principal coupable a été fusillé aux portes de la forteresse, en présence d'une foule immense de spectateurs; les deux autres criminels seront exécutés sur le lieu même du crime. La fusillade est un mode de punition trop douce pour certains crimes et qui a de mauvais de donner parfois à un coquin l'occasion de se poser en héros en montrant de l'indifférence aux apprêts imposants de la cérémonie funèbre.

24 Февраля (1853).

Покушеніе на императора Австрійскаго отвратительно, хоть я надѣюсь, что онъ выздоровѣетъ *). Повидимому, мы наканунѣ новыхъ выходокъ ужасной демагогіи. Но другое извѣстіе, дѣло Политковскаго, по моему, еще печальнѣе, позорнѣе и оскорбительнѣе для человѣчества вообще и для Русскаго имени въ особенности. Прочитавъ его, я покраснѣлъ до самыхъ глазныхъ бѣлковъ. Что̀ станутъ кричать объ этомъ въ Европѣ? Негодованіе и справедливый гнѣвъ Государя мнѣ понятны. Оно такъ, но я содрагаюсь при мысли, что и я также могъ оказаться прикосновеннымъ къ этому дѣлу. Если я не участвовалъ въ инвалидномъ комитетѣ, то единственно благодаря случаю, и будь я назначенъ членомъ этого комитета, не знаю, поступалъ ли бы я съ большею осмотрительностью, чѣмъ другіе генералъ-адъютанты. Мѣсяцъ тому назадъ, три переодѣтыхъ человѣкъ убили топорами Орскаго коменданта, забравшись вечеромъ къ нему въ домъ. Затѣмъ они захватили нашедшіяся у него деньги. Преступниковъ нашли и привели ихъ къ сознанію. Это три солдата изъ разныхъ частей войска. Я вамъ разсказываю объ этомъ, потому что полчаса тому назадъ главный преступникъ разстрѣленъ передъ крѣпостными воротами, въ присутствіи несмѣтной толпы зрителей; два другіе будутъ наказаны на самомъ мѣстѣ преступленія. Разстрѣливаніе есть способъ наказанія слишкомъ мягкій для нѣкоторыхъ преступленій; тутъ дурно то, что иной разъ негодяю дается возможность разыграть изъ себя героя и похвалиться равнодушіемъ къ важной обстановкѣ смертной казни.

16.

28 Avril (1853).

Dans quinze jours au plus tard je quitte Orenbourg, pour me rendre sur le Syr-Daria et pour faire une promenade le long de la rivière en

*) Нынѣшній Австрійскій императоръ Францъ Іосифъ, 18 Февраля 1853, былъ раненъ Венгерцемъ Либени, покушавшимся на жизнь его.

la remontant, dans le but de châtier les Kokhaniens qui y ont construit des forteresses et s'amusent depuis quelques années à piller nos pauvres Kirghizes. Voilà toute la verité; je vous en donne ma parole. Je ne sors pas de chez moi à la rigueur, car le cours du Syr-Daria, autant du moins qu'il fait la limite de nos steppes, nous appartient. Je vous dis tout cela afin qu'en temps et lieu vous puissiez remettre sur la vraie voie les exagérateurs qui disent déjà que je vais à Khiva etc. etc., le tout peut-être pour pouvoir ajouter après que je n'ai pas pu y arriver.

Переводъ. 28 Апрѣля (1853). Никакъ не позже какъ черезъ двѣ недѣли я уѣзжаю изъ Оренбурга: отправляюсь на Сыръ-Дарью и совершу прогулку вдоль этой рѣки, слѣдуя вверхъ по ея теченію, съ тѣмъ чтобы наказать Коканцевъ, которые настроили тамъ укрѣпленій и уже нѣсколько лѣтъ забавляются грабежемъ и нападеніемъ на нашихъ бѣдныхъ Киргизцевъ. Вотъ вся суть дѣла, даю вамъ честное слово. Собственно я не выступаю изъ своего края, потому что теченіе Сыръ-Дарьи, во сколько она служитъ границею нашихъ степей, составляетъ нашу собственность. Пишу вамъ объ этомъ на тотъ конецъ, чтобы вы, гдѣ представится случай, могли опровергать преувеличенные слухи. Разглашаютъ, будто я иду въ Хиву и пр., и все это вѣроятно съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣть возможность прибавлять, что я туда не дошелъ.

17.

12 Mai (1853), Orenbourg.

Après demain je me mets en route; le détachement et les trains sont en marche depuis longtemps; de ma personne j'irai sans m'arrêter, et il ne me faudra qu'une vingtaine de jours pour me rendre aux embouchures du Syr-Daria, c. à. d. que je compte faire de 50 à 60 verstes par jour. En comparaison du chemin de fer c'est presque le pas d'une écrevisse, mais n'oubliez pas qu'il n'existe pas de relais sur cette route et que je la fais avec les mêmes chevaux: un travail bien plus pénible que la fatigue de la marche attend ces chevaux sur place.

Переводъ. 12 Мая (1853). Оренбургъ. Послѣ завтра пускаюсь въ путь. Отряды и обозы уже давно въ походѣ. Я поѣду не останавливаясь, и мнѣ потребуется дней 20, чтобы достигнуть устьевъ Сыръ-Дарьи, т. е. я разсчитываю ѣхать отъ 50 до 60 верстъ въ день. Сравнительно съ желѣзною дорогою это почти тоже, что ползанье рака; но не забудьте, что на этомъ пути не имѣется подставъ, и я поѣду на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ, которымъ впереди предстоитъ еще выдержать трудъ похода.

18.

17 Mai (1853), Orenbourg.

Dans une heure ou deux je passe en Asie pour y mener pendant deux ou trois mois la vie nomade, que je connais assez pour n'en rien attendre d'agréable. Ma santé passablement remise me permet d'espé-

rer que je supporterai les fatigues et les tribulations qui m'attendent. Je me suis arrangé de manière que, pendant tout le temps que durera mon absence, il y aura tous les huit jours un courrier qui m'apportera l'extra et un autre que j'expédierai avec mes lettres; la chose ne pourra pas se passer aussi régulièrement que dans le pays soumis au sceptre d'Adlerberg, mais je compte cependant qu'il n'y aura pas de grandes lacunes dans ma correspondance. Je compte surtout sur vous, mon cher ami. Ves lettres m'ont déjà réchauffé le coeur plus d'une fois, quand il y a de cela treize ans je gelais là où je vais rôtir maintenant. Je vous envoie une carte que je viens de faire lithochromer par mes artistes; elle contient tout le pays depuis l'embouchure de Syr-Daria jusqu'au point à peu-près où je remonterai le fleuve. Personne ne possède encore cette carte, et je vous prie de ne pas vous vanter de l'avoir. Vous savez que tout est mystère chez nous, ainsi de cette carte qui ne sera pas publiée. La distraction que j'ai commise en écrivant l'adresse de votre lettre est bien compréhensible: je pense souvent à votre frère que j'aimais bien sincèrement. Je n'ai pas la faculté de me représenter en idée les personnes absentes ou mortes; il n'y a d'exception que pour bien peu, et votre frère est de ce petit nombre: je le vois quand je veux, comme s'il était devant mes yeux.

Переводъ. 17 Мая (1853). Оренбургъ. Черезъ часъ или два я буду въ Азіи и мѣсяца два или три поживу жизнью кочевника, которая мнѣ слишкомъ знакома, чтобы я могъ ждать отъ нея чего либо пріятнаго. Здоровье мое довольно исправилось, такъ что я позволяю себѣ надѣяться, что перенесу ожидающіе меня трудъ и невзгоды. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во все время отлучки моей каждую недѣлю отправлялся нарочный гонецъ, который будетъ привозить ко мнѣ письма, и другой, котораго я буду посылать отъ себя. Конечно, нельзя будетъ завести такой же строгой правильности, какъ въ странѣ подчиненной скипетру Адлерберга [1]); но я надѣюсь однако, что въ перепискѣ моей не послѣдуетъ большихъ пробѣловъ. Разсчитываю въ особенности на васъ, любезный другъ. Ваши письма уже не разъ согрѣвали мнѣ сердце, помните, тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда я мерзъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда теперь отправляюсь жариться. Посылаю вамъ карту, которую мнѣ расцвѣтили мои художники; на ней показанъ весь край съ устья Сыръ-Дарьи почти до того мѣста, откуда мнѣ придется слѣдовать вверхъ по рѣкѣ. Этой карты ни у кого еще нѣтъ, и смотрите, не хвастайтесь ея полученіемъ. Какъ вамъ извѣстно, у насъ изо всего дѣлаютъ тайну; равно и эта карта не будетъ выпущена въ свѣтъ. На письмѣ къ вамъ я надписалъ имя вашего брата, и эта ошибка вполнѣ понятна: я часто объ немъ думаю, потому что искренно любилъ его. Я съ трудомъ могу мысленно представлять себѣ людей отсутствующихъ или умершихъ. Исключенія очень рѣдки, и въ этомъ маломъ числѣ вашъ братъ. Его я вижу, когда захочу, какъ будто онъ у меня передъ глазами.

---

[1]) Графъ Владиміръ Өедоровичъ Адлербергъ, въ молодости своей сослуживецъ графа В. А. Перовскаго, впослѣдствіи министръ императорскаго двора, въ 1853 году, когда писано это письмо, управлялъ и почтовымъ департаментомъ.

19.

30 Maï 1853.

Me voici, cher ami, vous écrivant par 42° au soleil à peu-près du même endroit, d'où il y a de cela treize ans je vous écrivais par 33° de froid. Peu d'hommes ont eu l'occasion de faire cette double expérience, doublement curieuse sous le rapport de l'influence physique et morale qu'elle exerce sur l'homme. Je ne sais comment vous vous représentez la steppe Kirghize. Vous croyez peut-être par exemple que l'on y marche sur un gazon touffu entre deux ruisseaux transparents qui vous charment par leurs doux murmures; il n'en est rien: la verdure n'est qu'une rare exception, et le ruisseau, l'eau coulante, n'existe plus dans cette saison; ce qui était une rivière il y a de cela un mois, n'est plus maintenant qu'un chapelet de petits lacs, de misérables grenouillères, dont l'eau est tantôt salée et tantôt amère, rarement douce et en tout cas tiède, encadrée de joncs et de touffes d'absinthe. Pendant des centaines de verstes on ne voit que sable, terre glaise et efflorescences salines qui rappellent la neige à s'y tromper. Voilà le paysage peu récréatif que j'ai sous les yeux et dont tous les jours nous parcourons 50 à 60 verstes; ma petite troupe est en avant de quelques jours, je n'ai plus que huit marches à faire pour la joindre, et depuis Orenbourg (640 verstes), je n'ai pas fait une seule дневка avec les cent cosaques et la pièce de canon qui forment ma garde. Je n'ai pas un seul malade (vous savez que dans ce cas on ne compte pas le chef) et je n'ai pas perdu un seul cheval; dans tout le détachement il n'y a qu'une dizaine d'individus слабые. En un mot, tout va le mieux du monde, il y a du mieux même pour ma santé, et je commence à croire à la possibilité de vous revoir un jour, ce qui à mon départ de Pétersbourg me paraissait bien peu probable. Tout ce que je viens de débiter a l'air (n'est ce pas?) de n'avoir trait qu'au physique de l'homme, et cependant je n'ai rien à ajouter pour vous faciliter la conclusion morale: car pour faire le métier que nous faisons sans préjudice à la santé, il faut de toute nécessité, que l'homme soit soutenu par une force interne que le Русскій человѣкъ seul possède. Pendant ma campagne d'hiver dans ce pays où nous avons eu tant à souffrir, le soldat, les cosaques Ouraliens surtout, chantaient le jour et la nuit, sans avoir l'air de se douter que le mercure était gelé dans les thermomètres; cela pouvait se concevoir en quelque manière par le besoin de se réchauffer: tout exercice, même le chant con amore réchauffe. Mais les entendre chanter maintenant depuis le lever jusqu'au coucher du soleil, vraiment je n'y conçois rien, car certes cela ne saurait les rafraîchir.

Переводъ. 30 Мая 1853. Въ 42 градуса жару на солнцѣ пишу къ вамъ, любезный другъ, почти изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ, откуда, тринадцать лѣтъ

назадъ, я къ вамъ писалъ на 33 градусномъ морозѣ. Немного людей, которымъ приходилось подвергаться этому двоякому испытанію, извѣдать его на себѣ тѣлесно и физически. Не знаю, какъ представляется вамъ Киргизская степь. Вы, можетъ быть, думаете, что мы идемъ по густой сплошной травѣ, орошаемой свѣтлыми ручьями, которые восхищаютъ своимъ сладкимъ журчаніемъ. Ничуть не бывало. Зелень здѣсь рѣдкое исключеніе, а ручьевъ и текучей воды въ это время года уже не имѣется. Что̀ было рѣкою мѣсяцъ назадъ, теперь есть ничто иное какъ цѣпь жалкихъ озеръ, которыя наполнены лягушками и въ которыхъ вода то соленая, то горькая, лишь изрѣдка прѣсная, и во всякомъ случаѣ стоячая, поросшая тростникомъ и окаймленная полынью. Цѣлыя сотни верстъ ничего не видать кромѣ песку, ссохшейся земли и солончаковъ, которые съ перваго взгляда кажутся точно кучи снѣга. И по этой тоску наводящей странѣ проѣзжаемъ мы, т. е. я и сотня казаковъ съ пушкою, составляющихъ мою охранную стражу, ежедневно отъ 50 до 60 верстъ. Мой отрядецъ ушелъ на нѣсколько дней впередъ; мнѣ остается еще восемь переѣздовъ, чтобы нагнать его. Съ самаго Оренбурга (640 верстъ) у насъ еще не было ни одной дневки. Больныхъ у меня нѣтъ ни одного (вы знаете, что въ такихъ случаяхъ самъ начальникъ въ счетъ не идетъ); лошади всѣ цѣлы, и во всемъ отрядѣ съ десятокъ человѣкъ такъ называемыхъ слабыхъ. Словомъ, все обстоитъ наилучшимъ образомъ. Даже и я сталъ крѣпче здоровьемъ и начинаю вѣрить въ возможность когда нибудь съ вами свидѣться, что̀ мнѣ казалось мало вѣроятнымъ, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга. Все вышесказанное относится повидимому къ внѣшней обстановкѣ (не правда-ли?), а что̀ касается до состоянія нравственнаго, то прибавлять нечего: вы понимаете, что выносить то, что̀ мы выносимъ, безъ вреда здоровью, можно лишь въ такомъ случаѣ, когда опираешься на силу внутреннюю, какою обладаетъ только Русскій человѣкъ. Въ бѣдственное время моего зимняго похода въ этомъ краю, солдаты, и особенно Уральскіе казаки, днемъ и ночью пѣли пѣсни, какъ будто и не подозрѣвая, что ртуть замерзала въ градусникѣ; это до нѣкоторой степени объяснялось необходимостью согрѣться: всякое упражненіе, даже и усердное пѣніе, согрѣваетъ. Но они поютъ и теперь съ восхода до заката солнечнаго, и этого я уже никакъ не понимаю, потому что освѣжиться пѣніемъ нельзя.

20.

25 Juin (1853). Rive droite du Kara-Ousiak, en face du fort ruiné Koch-kourgan.

L'eau est bonne; il y a de l'herbe, et c'est le 25 Juin. C'est plus de raison qu'il n'en faut pour laisser un peu reposer mon monde, hommes et bêtes; ainsi relâche aujourd'hui, point de marche, et j'en profite pour vous dire quelques mots, cher ami. Ce matin nous avons prié pour la santé de l'Empereur, et je vous assure que ce Te Deum, chanté dans le désert, cette poignée d'hommes agenouillée devant la croix, qui pour la première fois apparaît dans ces lieux, c'était un spectacle émouvant, plus touchant que la messe chantée en même temps à l'église de Péterhoff. Il était 9 h. du matin, et le thermomètre marquait 38°; le 6 Décembre 1839 je priais Dieu dans le même désert par 32° de froid. Je ne sais si l'on peut dire que ces extrêmes se touchent. Nous

avons déjà eu 40° au soleil et jusqu'à 30 à la lune; pour de l'ombre nous n'en avons pas. Je la payerais au poids de l'or, si je pouvais m'en procurer. Ce qu'il y a de plus difficile à supporter, ce sont les 30 m. espèces de cousins et les слѣпни. Cependant dans tout le détachement il n'y a que 5 malades, et je n'ai pas perdu un seul cheval. Cela n'est pas malheureux, surtout si l'on considère qu'ils n'ont pas tous les jours de l'herbe et rarement de l'avoine. Le Syr-Daria est un magnifique fleuve, 3 et 6 sagènes de profondeur et rarement moins de 250 de large: c'est une masse d'eau tout à fait imposante et qui depuis des milliers d'années coule en pure perte; elle ne peut fertiliser ses bords arides dénués de toute végétation la plupart du temps; les oasis d'herbes ne se rencontrent que rarement, de 20 en 30 verstes et n'occupent que des espaces très-bornés. Aussi en été il serait impossible de traverser le pays avec un détachement plus nombreux que le mien. Je ne suis plus qu'à sept jours de marches assez difficiles d'Ak-Metchet, but de mon voyage; j'ai fait plus de 1200 verstes et je suis à peu-près dans la même ignorance que je l'étais à Orenbourg sur ce qui nous attend. Tout ce que nous craignons c'est que l'ennemi ne déguerpisse au lieu de nous attendre; ce serait dur, il faut l'avouer, après toutes les difficultés, toutes les tribulations que nous endurons et surmontons. Et quand je pense que pour revenir il faudra que je refasse ces mêmes 1500 verstes avec des chevaux plus fatigués, moins de pâturages encore et un soleil plus brûlant, cela fait venir la chair de poule. Приходитъ на умъ, что мнѣ собственно, pour ma personne, не стоитъ труда возвращаться: можно-бы и здѣсь остаться, подъ какимъ нибудь курганчикомъ.

Переводъ. 25 Іюня (1853). Правый берегъ Кара-Усяка, противъ разрушеннаго укрѣпленія Кохъ-Кургана. Вода хороша, есть трава, и нынче 25 Іюня. Стало быть представляется возможность дать поотдохнуть моимъ людямъ и скоту. И такъ нынче роздыхъ, остановка, чѣмъ я и пользуюсь, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, любезный другъ. Сегодня утромъ мы молились о здоровьи Государя, и увѣряю васъ, что этотъ молебенъ, отпѣтый въ пустынѣ, эта кучка людей, на колѣняхъ передъ крестомъ, который впервыя появляется въ здѣшнихъ мѣстахъ, представляли собою зрѣлище трогательное и болѣе дѣйствующее на душу, чѣмъ современная ему обѣдня въ церкви Петергофскаго дворца. Было 9 часовъ утра, и термометръ показывалъ 38°; 6 Декабря 1839, я молился Богу въ той же пустынѣ на 32 градусномъ морозѣ. Не знаю, можно ли сказать, что эти крайности соприкасаются. У насъ уже было 40° на солнцѣ и до 30° при мѣсячномъ сіяніи. Тѣни же у насъ нѣтъ. Если бы можно ея добыть, я платилъ бы за нее на вѣсъ золота. Но всего несноснѣе, это комары и слѣпни 30 тысячъ породъ. Тѣмъ не менѣе, во всемъ отрядѣ только 5 человѣкъ больныхъ, а лошади у меня всѣ цѣлы. Это не дурно, особливо если принять въ разсчетъ, что онѝ не всякій день кормятся травою и лишь изрѣдка овсомъ. Сыръ-Дарья великолѣпная рѣка глубиною отъ 3 до 6 саженъ, а въ ширину кое-гдѣ только менѣе 250 саженъ. Эта значительная

масса воды, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, протекаетъ понапрасну; она не можетъ оплодотворять свои большую часть времени скудные и лишенные всякой растительности берега. Оазисы съ травою встрѣчаются изрѣдка, на разстояніи отъ 20 до 30 верстъ, и притомъ очень небольшіе. Вслѣдствіе этого было бы невозможно идти по здѣшнему краю съ отрядомъ многочисленнѣе моего. Мнѣ предлежитъ еще не болѣе недѣли труднаго пути до Акъ-Мечети, которая есть цѣль моего странствованія. Я уже прошелъ слишкомъ 1200 верстъ и, не смотря на то, почти также какъ въ Оренбургѣ, не могу сказать чтò насъ ждетъ впереди. Мы боимся только, что непріятель не станетъ ждать насъ, а убѣжитъ: признаться сказать, послѣ всѣхъ трудовъ и невзгодъ, которые мы выносимъ, это было бы тяжело. А когда подумаешь, что на обратномъ пути придется пройти эти самыя полторы тысячи верстъ, на лошадяхъ болѣе усталыхъ, съ большею безкормицею, по жарѣ еще невыносимѣйшей, мурашки пробѣгаютъ по тѣлу. Приходитъ на умъ, что мнѣ собственно, для меня лично, не стоитъ труда возвращаться: можно бы и здѣсь остаться подъ какимъ нибудь курганчикомъ.

21.

16 Juillet (1853).

Trois cents hommes décidés à se défendre jusqu'à l'extrémité, enfermés dans une forteresse dont les murs en terre glaise ont 5 sagènes d'épaisseur et autant de hauteur sans compter le fossé, ne peuvent être réduits à se rendre sans que l'on fasse des travaux de siège etc. etc. Aussi me voilà depuis huit jours à fouiller la terre, à m'avancer à pas de tortue, et cela me réussit assez bien, car jusqu'à présent je n'ai perdu que 4 hommes et quelques blessés. Ak-Metchet sera prise d'une manière peu brillante peut-être, mais il s'agit d'épargner le sang de nos soldats et non de fournir un article de journal et d'imprimer un bulletin bien ronflant. Mon expédition est secrète, et pourvu que les Kokhaniens sachent qu'ils sont battus et que la place est enlevée, je n'en demande pas plus.

Переводъ. 16 Іюля (1853). Триста человѣкъ, рѣшившихся защищаться до послѣдней крайности, запершись въ крѣпости, сплошныя, земляныя стѣны которой въ 5 саженъ толщины и столько же вышины, не считая рва, не могутъ быть принуждены къ сдачѣ, безъ осадныхъ и прочихъ работъ. Вотъ почему съ недѣлю уже какъ я роюсь въ землѣ и подвигаюсь черепашьимъ шагомъ, чтò мнѣ и удается, потому что до сихъ поръ у меня всего нѣсколько человѣкъ ранено и четверо убито. Акъ-Мечеть будетъ взята, можетъ и не особенно блистательнымъ образомъ, такъ какъ необходимо имѣть въ виду не газетную статью съ велерѣчивымъ извѣщеніемъ, а сбереженіе солдатской крови. Походъ мой совершается негласно, и мнѣ хочется единственно, чтобы Коканцы знали, что они побиты и чтобы крѣпость была срыта.

22.

Ak-Metchet, prise d'assaut le 28 Juillet (1853), à 4 h. du matin.

Je ne sais trop à quel point l'assaut et la prise d'une forteresse peut rester secrète; cependant comme ce n'est que le résultat d'une

expédition qui l'était, je crois plus prudent de m'abstenir de tout détail à ce sujet. Je me contenterai de vous dire qu'après avoir fait sauter une partie de la muraille, nos soldats et nos cosaques à qui mieux mieux ont attaqué la brèche défendue par la garnison qui ne voulait pas se rendre; elle a tenu ferme même après que nous sommes entrés dans la place; plus de 300 hommes ont été tués par nos baïonnettes et nos sabres. En somme c'est un brillant fait d'armes qu'il serait dommage et j'ose dire inutile de dissimuler. Si mon aide-de-camp Eversmann, porteur de cette nouvelle, parvient à vous voir avant de prendre le chemin de fer, il vous donnera des détails qu'une extrême fatigue m'empêche de vous écrire.

Переводъ. Ахъ-Мечеть, взятая приступомъ 28 Іюля (1853), въ 4 часа утра. Право не знаю, могутъ ли приступъ и взятіе крѣпости оставаться тайною. Но какъ самый походъ, во время котораго взята крѣпость, содержится въ тайнѣ, то полагаю, что съ моей стороны благоразумнѣе воздержаться отъ сообщенія подробностей. Скажу вамъ только, что наши солдаты и казаки, взорвавъ часть стѣны, наперерывъ кинулись въ проломъ, защищаемый гарнизономъ, который не хотѣлъ сдаваться и не покорялся даже и тогда, какъ мы были уже въ крѣпости. Слишкомъ 300 человѣкъ погибло отъ нашихъ штыковъ и сабель. Словомъ, это блистательное военное дѣло; жаль и, смѣю сказать, безполезно умалчивать о немъ. Съ извѣстіемъ отправленъ адъютантъ мой Эверсманъ *); если онъ успѣетъ побывать у васъ прежде отхода желѣзной дороги, то вы отъ него узнаете подробности. Крайняя усталость препятствуетъ мнѣ писать.

23.

8 Septembre (1853), Orenbourg.

Brisé de fatigue, respirant comme un vieux soufflet de forge et ayant en général plutôt l'air d'un homme rossé que de quelqu'un qui vient d'en battre d'autres, je n'ai, mon cher ami, que le temps de vous remercier pour vos lettres et de vous envoyer copie du magnifique rescrit que vient de m'apporter mon aide-de-camp Eversmann. L'Empereur a en outre et spontanément accordé годовое жалованье à tous les officiers et soldats qui ont fait partie de l'expédition; toutes les grâces que je sollicite seront accordées, 65 croix de S-t Georges distribuées à ma brave troupe, en un mot, impossible d'apprécier et de récompenser plus grandement que ne l'a fait l'Empereur la campagne de 4 mois et la prise d'Ak-Metchet. Vous pouvez vous imaginer combien je suis heureux.

Переводъ. 8 Сентября (1853). Оренбургъ. Изнемогая отъ усталости, дыша какъ старый кузнечный мѣхъ и вообще имѣя видъ скорѣе человѣка разбитаго, чѣмъ такого, который только что побилъ другихъ, я пишу къ вамъ, любезный другъ, только для того, чтобъ поблагодарить васъ за ваши письма и

*) Сынъ доктора, состоявшаго при графѣ Перовскомъ.

послать вамъ списокъ великолѣпнаго рескрипта, привезеннаго мнѣ адъютантомъ моимъ Эверсманомъ. Сверхъ того Государь, по собственному изволенію, приказалъ выдать годовое жалованье всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, участникамъ похода. Всѣ мои представленія къ наградамъ будутъ утверждены; моимъ храбрымъ воинамъ роздано 65 Георгіевскихъ крестовъ; словомъ, четырехмѣсячный походъ и взятіе Акъ-Мечети оцѣнены и вознаграждены Государемъ какъ нельзя лучше. Можете себѣ представить, какъ я счастливъ.

24.

25 Novembre.

Voici une anecdote historique, qui peut vous donner une idée de ce que sont nos chasse-neige (бураны). L'autre jour, pendant un de ces tourbillons de neige, deux femmes cosaques d'une станица voisine d'Orenbourg sortirent en plein midi de leurs maisons pour aller puiser de l'eau à deux puits, l'un à 20 et l'autre à 50 sagènes de leurs habitations; ni l'une, ni l'autre de ces femmes ne reparurent. Quelques heures après on retrouva leurs corps gelés; les seaux pleins prouvaient que c'est en revenant qu'elles s'étaient égarées.

Переводъ. 25 Ноября. Вотъ историческій анекдотъ, по которому можете составить себѣ понятіе чтó такое наши бураны. Однажды, во время одного изъ такихъ снѣжныхъ вихрей, въ сосѣдней съ Оренбургомъ станицѣ, двѣ казачки среди бѣлаго дня пошли за водою къ колодцамъ, изъ которыхъ одинъ въ 20, а другой въ 50 саженяхъ отъ ихъ жилья. Обѣ женщины не возвратились домой. Черезъ нѣсколько часовъ найдены замерзшіе трупы ихъ. Онѣ заблудились на возвратномъ пути, потому что вёдра при нихъ наполнены водою.

25.

14. Orenbourg.

Il y a déjà plus d'un mois que j'ai dû troquer mon délicieux séjour d'été dans les montagnes contre la misérable bicoque d'Orenbourg. J'aurais payé cher, pour vous posséder, ne fut-ce que pendant quelques heures dans le petit coin de terre que je me suis arrangé en Bachkirie. Comme la belle nature que vous êtes obligé d'admirer à Sokolniki, vous aurait paru mesquine, comparée à ces magnifiques montagnes couvertes de beaux chênes, à ces immenses prairies où les fleurs que vous cultivez dans vos jardins, viennent spontanément et se succèdent sans interruption depuis le mois de Mai jusqu'à la fin de Septembre! Et quels points de vue, quel panorama, si vous voulez vous donner la peine de monter à cheval et de suivre l'un des nombreux sentiers qui à travers le bois vous mènent aux hauteurs voisines! Sa Majesté donnerait volontiers quelques millions, si avec de l'argent on pouvait transporter à Zarskoe Sélo ou à Péterhoff, un de ces sites, dont le bon Dieu a si libéralement pourvu le gouverneur d'Orenbourg. Ne croyez pas que j'exagère; j'ai vu assez de beaux paysages dans ma vie et je n'en ai pas rencontré qui puissent se comparer à ceux d'ici.

Au fond ce n'est que justice: il faut bien quelque compensation pour la vie de privations que nous menons.

Переводъ. 14, Оренбургъ. Слишкомъ мѣсяцъ какъ я, по необходимости, промѣнялъ лѣтнюю жизнь мою въ горахъ на жалкое Оренбургское жилье. Дорого бы я далъ, чтобы повидаться съ вами хоть бы на нѣсколько часовъ въ прелестномъ уголкѣ, который я себѣ устроилъ въ Башкиріи *). Вамъ приходится восхищаться природою въ Сокольникахъ; но какъ жалки показались бы они вамъ послѣ здѣшнихъ величавыхъ дубравъ и необозримыхъ луговъ! Въ садахъ вашихъ заботливый уходъ за цвѣтами; а здѣсь цвѣты эти растутъ сами собою и смѣняютъ другъ друга во все время съ Мая мѣсяца до конца Сентября. И какія мѣста, какіе виды открываются передъ вами, если вы не полѣнитесь сѣсть на коня и поѣхать по одной изъ безчисленныхъ лѣсныхъ тропинокъ, ведущихъ на сосѣднія вершины! Его Величество не пожалѣлъ бы миліоновъ, если бы представилась возможность, посредствомъ денегъ, перенести въ Царское Село или Петербургъ одно изъ этихъ мѣстъ, которыми Господь Богъ такъ щедро надѣлилъ Оренбургскаго губернатора. Не подумайте, что я преувеличиваю. На вѣку моемъ я видѣлъ много прекрасныхъ картинъ природы, и ни одной, которая могла бы идти въ сравненіе съ здѣшними. Въ сущности оно и справедливо: нужна же какая нибудь награда за лишенія здѣшней нашей жизни.

26.

16 Août (1855).

Remarquez vous, mon cher ami, que votre vocation de tout trouver pour le mieux dans le meilleur des mondes possible devient de plus en plus difficile? Vous avez beau vous battre les flancs, il n'en sort que de bien faibles consolations, tirées par les cheveux et toutes basées sur des illusions. Vous vous réjouissez pas exemple de ce que Palmerston a enfin jeté le masque et avoué que ce n'est pas pour soutenir la Turquie, ni pour maintenir l'équilibre de l'Europe que l'on nous fait la guerre, mais bien pour faire pencher la balance du côté de l'Angleterre et de la France. Que nous revient-il donc de cet aveu dépourvu de pudeur? Cela fera-t-il revenir l'opinion publique en Angleterre et en France de notre côte? L'acharnement, au contraire, a tout l'air d'augmenter chez la nation marchande: ses actes de flibustiers se multiplient, elle nargue toute l'Allemagne, elle intimide l'Autriche, et en France l'élu de la nation continue à en faire des choux et des raves selon son bon plaisir. Nous sommes plus loin que jamais du chemin qui mène à la paix; on ne saurait douter que la guerre durera longtemps, et dans cette occurrence, savez vous ce qui me déplaît le plus? C'est la froideur de notre noblesse, qui après avoir fait des phrases sur la dernière goutte de sang et le dernier rouble qu'elle était prête à sacrifier pour la défense de la patrie, trouve que c'est un effort au

*) Качовка, лѣсистая, горная мѣстность, верстахъ въ 120 отъ Оренбурга. Графъ Перовскій и многочисленная свита его жили въ Качовкѣ въ отдѣльныхъ домикахъ.

dessus du possible que de marcher avec les ополченцы! Voyez comme elle se conduit dans presque tous les gouvernements; du moins c'est ce que l'on dit. Le peuple russe n'a pas changé; il est encore ce qu'il était en 1812, mais la noblesse n'est plus à reconnaître. Or, comment ferons-nous durer la guerre, si les hautes classes en sont déjà lasses dès le début? Voilà, mon cher Pangloss, ce qui m'attriste et me fait pousser des soupirs. Je vous saurais un gré infini si vous pouviez dissiper l'humeur noire qui me poursuit surtout depuis quelque temps. J'ai aussi des raisons locales pour n'être ni gai, ni content.

Переводъ. 16 Августа (1855). Сознаёте ли, любезный другъ, что ваша склонность отыскивать во всемъ благую конечную цѣль становится все болѣе и болѣе несостоятельною? Какъ ни старайтесь обольщаться, какихъ утѣшеній ни придумывайте, утѣшительнаго выходитъ мало. Васъ, напримѣръ, радуетъ, что Пальмерстонъ сбросилъ наконецъ маску и признался, что война противъ насъ ведется не для поддержанія Турціи, не для сохраненія Европейскаго равновѣсія, а для того, чтобы наклонить вѣсы въ пользу Англіи и Франціи. Но какая же намъ польза отъ этого безстыднаго признанія? Развѣ отъ того политическіе умы въ Англіи и во Франціи вновь расположатся въ нашу пользу? Напротивъ, народъ-торгашъ повидимому все болѣе ожесточается противъ насъ: его морское разбойничество усиливается, онъ не ставитъ ни во что всю Германію и стращаетъ Австрію; а во Франціи лучшіе люди продолжаютъ относиться къ намъ съ полнѣйшимъ легкомысліемъ. Больше чѣмъ когда либо мы далеки отъ пути, ведущаго къ умиротворенію, и повидимому война кончится нескоро. Но знаете, что̀ при этомъ всего больше меня смущаетъ? Это холодность нашего дворянства. Послѣ велерѣчивыхъ заявленій о послѣдней каплѣ крови и о послѣднемъ рублѣ, которыми оно готово пожертвовать для защиты отечества, оно находитъ, что преодолѣвать труды похода съ ополченцами выше его силъ. Посмотрите, какъ оно ведетъ себя почти во всѣхъ губерніяхъ! Такъ по крайней мѣрѣ отзываются о немъ. Народъ Русскій не перемѣнился; онъ все еще тотъ же, какъ и въ 1812 году; но дворянство неузнаваемо. Послѣ этого, какъ же намъ продолжать войну, коль скоро высшее сословіе тяготится ею съ самаго начала? Вотъ, любезный Панглосъ *), что̀ огорчаетъ меня и составляетъ предметъ моихъ сѣтованій. Я былъ бы безмѣрно вамъ благодаренъ, если бы вы могли разсѣять мрачныя мысли, которыя съ нѣкотораго времени преслѣдуютъ меня повсюду. Есть и мѣстныя причины, по которымъ нельзя мнѣ быть веселымъ и спокойнымъ.

27.

29 Janvier (1856).

Que voulez-vous, cher ami, c'est plus fort que moi! Je ne saurais partager votre jubilation; il m'est impossible d'avaler les cinq articles, même sans connaître tous les assaisonnements que les cuisiniers anglais, français et autrichiens y ajouteront et qui certes ne les rendront pas de plus facile digestion. Je ne veux pas dire par là qu'il fallait

*) Лицо въ одной изъ сказокъ Вольтера, утверждающее, что все дѣлается къ лучшему.

coûte que coûte continuer la guerre; pour se prononcer là-dessus, il faudrait en savoir plus long que ce que je sais; je veux croire au contraire que nous nous trouvons dans la nécessité malheureuse de conclure une paix humiliante, mais cette cruelle nécessité ne saurait m'inspirer pour le présent d'autres pensées que les plus tristes et les plus amères, sans la moindre lueur consolante dans l'avenir. Dieu donne que je sois trompé dans mes funestes pressentiments. Ce n'est pas la perte de notre influence européenne que je regrette et ce n'est pas l'ennemi du dehors que je crains: c'est la désaffection du peuple pour son Souverain, c'est l'accusation de faiblesse etc. et tout ce que ces deux motifs peuvent chez nous amener à leur suite.

29 Января (1856). Какъ хотите, любезный другъ, но это превышаетъ мои силы! Я не могу раздѣлить ваше ликованіе, не могу проглотить эти пять статей, даже и не зная про тѣ приправы, которыми снабдили ихъ Англійскіе, Французскіе и Австрійскіе повара и отъ которыхъ пищеваренію конечно будетъ не легче. Я не хочу сказать этимъ, что надобно продолжать войну во что бы ни стало; чтобы утверждать это, нужно имѣть болѣе моего свѣдѣній. Напротивъ, хочу вѣрить, что мы находимся въ злосчастной необходимости заключить унизительный миръ; но эта жестокая необходимость естественно приводитъ меня относительно настоящаго времени къ мыслямъ самымъ печальнымъ и горькимъ, безъ малѣйшаго отраднаго луча въ будущности. Дай Богъ, чтобъ я обманывался въ роковыхъ моихъ предчувствіяхъ. Жалѣю не объ утратѣ нашего Европейскаго вліянія и не боюсь врага внѣшняго: меня огорчаютъ и страшатъ остуда народа къ Государю, обвиненіе въ слабости и тому подобномъ, и все что у насъ можетъ воспослѣдовать отсюда.

28.

27 Novembre (1856).

Jusqu'au dernier moment je m'étais flatté de l'espoir que mon frère Léon réchapperait de la maladie qui l'a emporté; à présent je considère sa mort tout bonnement comme un passe-droit; de toute manière c'était mon tour, car je ne suis absolument bon à' rien, tandis que lui pouvait encore être très-utile et sera difficilement remplacé. Qu'il en soit selon la volonté de Dieu! Il ne faut pas être égoïste. Mon frère n'a jamais été apprécié comme il mériterait de l'être; il avait une bien belle âme et un excellent coeur, mais peu expansif et par cela méconnu.

Переводъ. 27 Ноября (1856). До послѣдней минуты я ласкалъ себя надеждою, что братъ Левъ освободится отъ болѣзни. Онъ сдѣлался жертвою ея [1]). Теперь смерть его въ глазахъ моихъ точно производство не въ очередь. Оно по всѣмъ правамъ принадлежало мнѣ, такъ какъ я рѣшительно никуда не гожусь, а онъ еще могъ быть очень полезенъ, и замѣстить его будетъ трудно. Да будетъ воля Божія! Не слѣдуетъ быть эгоистомъ. Братъ мой ни-

---

1) Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ и потомъ удѣловъ, оказавшій отечеству безсмертныя услуги, скончался 10 Ноября 1856 года.

когда не былъ оцѣненъ, какъ того заслуживалъ. У него была прекраснѣйшая душа и превосходное сердце. Но онъ былъ мало изъявителенъ, и потому его не цѣнили какъ должно.

29.

18 Septembre (1857).

Apprenez donc, si vous ne le savez déjà, que le délabrement de ma santé est arrivé à un point qui ne me permettrait plus de conserver mon poste et que j'ai demandé à le quitter. Depuis longtemps déjà, mais surtout depuis un an, ma vie n'est pour ainsi dire qu'une douloureuse agonie et un combat continu de mes forces morales et physiques. J'y ai mis toute l'énergie dont je suis capable et j'ai tenu autant que faire se pouvait, mais à l'impossible nul n'est tenu, surtout quand la conscience me dit qu'une plus longue lutte serait nuisible au service et par conséquent au bien du pays que j'administre et que j'aime par dessus tout. J'aurais pu encore tromper le spectateur, mais impossible de me faire illusion à moi-même. Пора уступить мѣсто другому. Dieu veuille que mon successeur travaille avec le même amour que j'ai fait pendant 15 ans. Je comptais mourir à mon poste, mais la mort ne vient pas quoique la vie n'y soit plus. C'est avec un sentiment bien pénible, avec un serrement de coeur bien douloureux, que j'obéis à ma conscience en faisant le sacrifice que je fais.

Переводъ. 18 Сентября (1857). Знайте же, если еще не знаете, что здоровье мое разстроилось до послѣдней степени, такъ что я не могу долѣе оставаться на должности и подалъ просьбу объ увольненіи. Съ давняго времени и въ особенности съ годъ тому назадъ, жизнь моя есть, такъ сказать, мучительное умираніе и непрестанный бой душевныхъ и тѣлесныхъ силъ моихъ. На него потратилъ я весь запасъ моей бодрости и держался, пока было можно. Но есть предѣлъ всему. И наконецъ, совѣсть увѣряетъ меня, что дальнѣйшая неуступчивость была бы вредна службѣ и слѣдовательно краю, которымъ я управляю и который я любилъ больше всего на свѣтѣ. Я еще могъ бы обманывать зрителей, но самому мнѣ невозможно обольщаться [1]. Пора уступить мѣсто другому. Дай Богъ, чтобы преемникъ мой работалъ съ такою же любовью, которая одушевляла меня въ теченіи 15 лѣтъ. Я разсчитывалъ умереть служа, но смерть не приходитъ, а жизни уже нѣтъ. Съ тяжкимъ чувствомъ, со скорбнымъ стѣсненіемъ сердца повинуюсь голосу совѣсти и приношу эту жертву.

---

[1]) Съ давнихъ поръ графъ Перовскій страдалъ удушьемъ; послѣдніе годы жизни онъ дышалъ съ помощью особой трубочки и постоянно прибѣгалъ къ креазоту.

Челобитная Черногорцевъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

1755 года.

Продолжительная и неразрывно-тѣсная связь Черногорцевъ съ Россіей, по истинѣ, представляетъ собою явленіе отрадное и въ тоже время исключительное въ исторической жизни Славянъ, всегда отличавшихся склонностью къ взаимной розни, – тѣмъ великимъ зломъ, о горькихъ плодахъ котораго свидѣтельствуютъ поля Косовскія, Бретиславскія (Пресбургскія), Никопольскія и Бѣлогорскія. Вслѣдствіе этого-то, взаимныя сношенія Черногорцевъ съ Россіей и рано пробудившееся въ нихъ сознаніе кровнаго родства съ Русскими съ давнихъ поръ обращали на себя вниманіе Славянскихъ патріотовъ и поборниковъ Славянской идеи. Въ послѣднее же время, когда знамя Славянства поднялось высоко, когда всѣ Славянскіе народы болѣе или менѣе прониклись сознаніемъ необходимости примириться и сдружиться между собою, и когда наконецъ идея Славянской взаимности начала проникать во всѣ слои Славянскаго образованнаго общества, объ этихъ старинныхъ сношеніяхъ Черногорцевъ съ Россіей стали и писать и говорить особенно много. Многіе слависты видятъ тутъ лучшую программу для тѣхъ будущихъ отношеній, въ которыя было бы желательно, чтобы и другіе Славянскіе народы поставили себя къ Россіи, какъ старшей сестрѣ въ семьѣ Славянской. Поэтому все, что относится до прошлыхъ сношеній Черногорцевъ съ Россіей, уже не разъ было собираемо и разработываемо, и не одними только писателями, спеціально занимавшимися исторіею Черногоріи. Памятники, т. е. грамоты Русскихъ императоровъ, императрицъ и другихъ Русскихъ государственныхъ дѣятелей, которыя, по различнымъ обстоятельствамъ и въ различныя времена, посылаемы были въ Черногорію на имя Черногорскихъ владыкъ и Черногорскаго народа, а также письма и просьбы Черногорцевъ къ Русскимъ монархамъ, нѣсколько разъ были печатаемы. Казалось, все, относящееся до этого вопроса, уже исчерпано, и нѣтъ ни одного документа, который оставался бы еще неизвѣстнымъ и не напечатаннымъ. Но вотъ, въ собраніи автографовъ одного частнаго лица [1]), нашлась еще одна «челобитная» Черногорцевъ, и притомъ въ роскошно написанномъ подлинникѣ. Челобитная эта писана на «скупщинѣ» Черногорскихъ главарей, собравшихся въ Цетиньѣ 6-го Февраля 1755 года, и отправлена

---

[1]) П. Я. Дашкова, который, чрезъ посредство Л. Н. Майкова, обязательно дозволилъ напечатать эту челобитную на страницахъ Русскаго Архива.

была императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Для ближайшаго объясненія ея считаемъ нелишнимъ бросить взглядъ на эпоху, къ которой она относится, равно какъ и на предметы, о которыхъ въ ней упоминается.

Первыя сношенія Черногорцевъ съ Русскими относятся къ началу XVIII-го столѣтія. Въ 1711 году Петръ 1-й, собираясь войною на Турокъ, отправилъ въ Черногорію посольство съ особой грамотой, которою Черногорцы призывались вмѣстѣ съ Русскими возстать противъ Турокъ. Черногорцы радостно откликнулись зову «Славянско-христіанскаго» царя и, по его желанію, немедленно напали на Турокъ сосѣднихъ областей—Босніи, Герцеговины и Албаніи. Но война эта, какъ извѣстно, кончилась неудачно для Россіи, и въ условіяхъ Прутскаго мира о Черногоріи не было ничего упомянуто. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Турецкій султанъ отмстилъ Черногорцамъ за помощь, которую они оказали «Московскому королю»: онъ снарядилъ 120.000 войска и въ 1714 году отправилъ его, подъ начальствомъ великаго визиря Думанъ-паши Чуприлича, противъ Черногоріи. Располагая такой огромной силой, Чуприличъ, какъ и слѣдовало ожидать, разсѣялъ Черногорцевъ, вторгнулся во внутренность страны, съ огнемъ и мечемъ прошелъ её отъ границы до границы и, разрушивъ всё до тла, возвратился восвояси. Вслѣдствіе этого ужаснаго нашествія, Черногорія страшно обѣднѣла, такъ что ей нельзя было, безъ внѣшней помощи и поддержки, снова подняться и воскреснуть изъ пепла. Обстоятельство это побудило оставшихся въ живыхъ Черногорцевъ отправить въ слѣдующемъ 1715 году своего владыку Даніила въ Россію съ тѣмъ, чтобы испросить у Петра помощи. Это посольство вполнѣ увѣнчалось успѣхомъ: Петръ съ почетомъ принялъ владыку Даніила, далъ ему 160 медалей для раздачи храбрѣйшимъ изъ Черногорцевъ и 10.000 рублей единовременнаго пособія. Кромѣ того, онъ опредѣлилъ посылать Цетиньскому монастырю чрезъ всякіе два года въ третій по 500 рублей, на чтó и выдалъ Даніилу грамоту, въ которой между прочимъ говорилось, что «его императорская милость и впредъ не будетъ отъемлема отъ Черногорцевъ», въ замѣнъ чего онъ требовалъ, чтобы они «по единоязычію» и на будущее время оказывали содѣйствіе Россіи, если Турція снова объявитъ ей войну. Съ тѣхъ поръ идутъ непрерывныя связи и сношенія Черногорцевъ съ Россіей. Грамота Петра сдѣлалась какъ-бы грамотой уставной, которою опредѣлились и опредѣляются до настоящаго времени отношенія Черногорцевъ къ Россіи, а равно и Русскихъ къ Черногорцамъ. Милость, обѣщанная Петромъ, равно какъ и милости его преемниковъ, свято исполнявшихъ завѣтъ его, дѣйствительно никогда не была «отъемлема» отъ Черногорцевъ. Они въ свою очередь также не оставались въ долгу: всегда они готовы были оказать помощь Россіи и, какъ всѣмъ извѣстно, не разъ оказывали ее.

Послѣ Даніила, скончавшагося въ 1735 году, не было ни одного Черногорскаго владыки, который не ѣздилъ бы въ Россію, какъ ради дѣлъ политическихъ, такъ и для сбора пожертвованій на Черногорскія церкви. И каждый разъ отъ Русскихъ царей и царицъ они получали большую или меньшую сумму денегъ на благотворительныя и общеполезныя цѣли. Такъ напримѣръ, преемникъ Даніила, владыка Савва навѣщалъ Россію въ 1742 году и получилъ отъ Русскаго двора 7000 рублей. А когда онъ, по склонности своей къ уединенію, удалился въ монастырь Станѣвичи, передавши власть свою родственнику своему, Василію, то сей послѣдній три раза пріѣзжалъ въ Россію.

Въ одно изъ этихъ посѣщеній, именно въ первое, вскорѣ послѣ того какъ патріархъ Сербскій Аѳанасій поставилъ его митрополитомъ Скендерійскимъ и Приморскимъ, владыка Василій прожилъ въ Россіи болѣе трехъ лѣтъ (съ 1752 по 1755). Изъ бумагъ, сохранившихся въ Венеціанскомъ архивѣ, равно какъ и изъ другихъ историческихъ памятниковъ, мы знаемъ, что Василій отличался особенною любовью и приверженностію къ Россіи, и что онъ болѣе другихъ заботился о сближеніи Русскихъ не только съ Черногорцами, но и со всѣмъ Сербскимъ народомъ вообще. Для достиженія этого онъ написалъ вкратцѣ исторію Черногоріи, къ которой приложилъ списокъ именъ Сербскихъ королей, царей и архіепископовъ, и которую посвятилъ Русскому вице-канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову. Цѣль, которую имѣлъ въ виду владыка Василій, когда писалъ эту исторію, состояла, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, въ томъ, чтобы познакомить Русское правительство съ Черногорскимъ народомъ, его происхожденіемъ и бытомъ, и еще болѣе обратить вниманіе Россіи на Черногорію, а чрезъ нее и на весь остальной Сербскій народъ. Дѣйствія и старанія Василія были небезуспѣшны: въ его время сношенія между Россіей и Черногоріей усилились, и связь болѣе прежняго окрѣпла. Елисавета Петровна была особенно расположена какъ къ самому Василію, такъ и къ Черногорцамъ вообще. Когда Василій проживалъ въ Россіи, то часто приглашаемъ былъ государынею къ себѣ, и разъ, по словамъ Милутиновича, онъ совершалъ въ дворцѣ обрядъ умовенія ногъ. А когда онъ уѣзжалъ изъ Россіи, то былъ награжденъ лучше, чѣмъ его предшественники: Елисавета пожаловала ему панагію, украшенную бриліантами, выдала 8.000 р. и снабдила многими священническими одеждами и богослужебными книгами. Стремленіе установить между Россіей и Черногоріей болѣе тѣсныя связи особенно ясно выразилось въ мысли, которая, по волѣ Государыни, предложена была владыкѣ Василію—составить при Русскомъ дворѣ изъ Черногорцевъ особый полкъ, который бы и назывался Черногорскимъ. Владыка, конечно, охотно согласился на это. Вѣроятно тогда же возникла и мысль, положенная въ основаніе печатаемой челобитной, именно планъ, который Черногорское собраніе предложило Елисаветѣ Петровнѣ и по которому Черногорія должна была вступить въ вассальныя отношенія къ Россіи, а Русская императрица назваться «герцогиней Черногорскаго, Приморскаго, Зетскаго и Берганскаго герцогствъ».

Василій, проживъ три года въ Россіи и получивъ награды, возвратился въ Черногорію въ 1755 году, съ намѣреніемъ собрать изъ Черногорцевъ извѣстное число охотниковъ, которые отправились бы въ Россію и составили изъ себя въ Россіи особый полкъ. Скоро по пріѣздѣ его въ Цетиньѣ собралась «скупщина», на которой присутствовали дядя Василія, владыка Савва, и Черногорскіе старшины. Тутъ и состоялась челобитная Черногорцевъ, подъ которою подписался тотъ же владыка Савва и другіе старшины.

Мысль эта выработалась на основаніи единовѣрія и единоплеменности Черногорцевъ съ Русскими, и она не въ первый разъ выразилась въ челобитной Черногорскихъ старшинъ. Еще за 43 года до этого времени, она явно слышится въ одной грамотѣ, которую посланникъ Петра, Милорадовичъ, оставилъ Черногорцамъ, когда прощался съ ними по окончаніи войны въ 1711 году. Въ этой грамотѣ, писанной 16 Апрѣля 1712 г., говорится: «Да не имѣютъ они, Черногорцы, надъ собою господара, такмо цара по царскому закону, и другу меньшу господу да имаютъ отъ своихъ племенахъ и отъ

своего отечества, а по духовному закону митрополита». Стало быть, Черногорцы какъ бы считали себя подданными Русскаго царя, а свою страну—маленькою частью великаго Славяно-христіанскаго царства. Подобная мысль проводится затѣмъ во всей народной поэзіи Черногорцевъ, въ которой они постоянно называютъ Русскаго царя «царемъ Славянскимъ, Славянскимъ и христіанскимъ». Изъ всего этого можно съ достовѣрностію заключить, что и челобитная Черногорцевъ написана по собственному желанію самого народа. Что Василій присутствовалъ на скупщинѣ, и что челобитная написана съ его вѣдома, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Мы даже готовы утверждать, что она принадлежитъ его собственному перу.

Челобитная писана на Русскомъ языкѣ, съ очень небольшою примѣсью сербизма. При этомъ, чтò всего главнѣе, соблюдены всѣ пріемы и канцелярскія правила, по которымъ писались тогда въ Россіи подобныя прошенія: кто же изъ Черногорцевъ могъ написать такую челобитную, какъ не Василій, которому хорошо знакомъ былъ Русскій языкъ, и который хорошо зналъ Русскую канцелярскую обрядность? Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, кто привезъ челобитную въ Россію, и какъ отозвалось на нее Русское правительство.

Въ заключеніе замѣтимъ о внѣшнемъ видѣ челобитной: она написана на двухъ листахъ хорошей бумаги уставнымъ письмомъ, при чемъ первыя строки, заключающія въ себѣ обращеніе къ Государынѣ, начертаны золотомъ, а все прочее чернилами.

Дмитрій Бакичъ.

*

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, самодержица Всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Отъ всего общества православнаго герцогства Черногорскаго и Приморскаго, Зетскаго и Берганскаго народа,

всенижайшее прошеніе.

За оказанную вашего императорского величества къ нашему Черногорскаго и Приморскаго, Зетскаго и Берганскаго герцогства чиноначальнику, преосвященному Василію Петровичу, митрополиту Скендерійскому и Приморскому и трона Сербскаго экзарху, въ бытность его при Всероссійскомъ императорскомъ дворѣ, такожъ и ко всему нашему обществу высоко-монаршую вашего императорскаго величества материнскую милость и высочайшее награжденіе, всерабское наше несказанное благодареніе единодушно приносимъ и дальнѣйшей самовластву Всероссійскаго скипетра протекціи подвергаемся, вашему императорскому величеству, всепресвѣтлѣйшей и всеавгустѣйшей монархинѣ. Въ ту бытность означеннаго нашего чиноначальника, преосвященнаго митрополита, искони всеобщее наше всеусердное желаніе высочайшему материнскому разсмотрѣнію представлялъ о принятіи сей народъ въ самовластное вашего императорскаго величества монаршее содержаніе, и какъ на оное высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе нашему упомянутому митрополиту объявлено, а отъ него всему здѣшнему герцогству наисильнѣйшее засвидѣтельствовано, въ такомъ времени яснѣйшее наше

самовольныхъ вашего императорскаго величества вѣрныхъ рабовъ усердіе предъявить смѣемъ.

Нашъ Черногорской и Приморской, Зетской и Берганской народъ (о чемъ всей Европѣ, уповаемъ, небезъизвѣстно есть) никому кромѣ вашего императорскаго величества неподвластенъ, и какъ мы отъ блистающагося во всемъ свѣтѣ Всероссійскаго благочестивѣйшаго скипетра съ начала отъ его императорскаго величества славныя и вѣчно достоблаженныя памяти государя императора Петра Великаго, вашего императорскаго величества вседражайшаго родителя, къ защищенію Россійской арміи отъ невѣрной Порты Отоманской, оружіемъ своимъ удостоены и высочайшею непоколебимою отеческою милостію засвидѣтельствованы, такъ до нынѣ особливо вашего императорскаго величества материнскимъ награжденіемъ призрѣны.

Что̀ все чувствуя, вседушевное наше общее неизрѣченное усердіе есть, еже и предаемъ себе самовластному вашего императорскаго величества Всероссійскому скипетру. А понеже сей Черногорскій и Приморскій, Зетской и Берганской принципатъ издревле самовластное герцогство состоялъ и въ своемъ отечествѣ природныхъ герцоговъ имѣлъ, наконецъ, по кончинѣ достойныя памяти герцога нашего Ивана Черноевича, подъ властнымъ управленіемъ осталось преосвященныхъ митрополитовъ, что̀ и до нынѣ состоитъ: и для того всенижайше просимъ сіе герцогство въ вѣчную вашего императорскаго величества протекцію всемилостивѣйше принять и ваше императорское величество высочайшею герцогинею нашего Черногорскаго и Приморскаго, Зетскаго и Берганскаго герцогства объявить и въ монаршій титулъ вписать удостоить, яко природная всеавгустѣйшая наша мати, изъ монаршаго милосердія опредѣлить нашему народу ежегодную денежную сумму по высочайшему соблагоизволенію. А у насъ всегда военнаго народа состоитъ и впредъ состоять имѣетъ больше сорокъ тысячъ людей; мы же и потомки наши, яко суть подвластные вашего императорскаго величества, во всѣхъ случаяхъ, какъ и напредъ сего себе засвидѣтельствовали, вседушевно желаемъ и имѣемъ для Россійской имперіи до послѣдней капли крови нашей стоять и рабски услуги оказывать.

Необходимо надобно въ здѣшней нашей землѣ на первой случай Славянскія малыя школы завести. Для заведенія такихъ училищъ просимъ вашего императорскаго величества денежнаго иждивенія, а онымъ школамъ наипристойнѣе имѣется учрежденнымъ быть: первой въ резиденціи нашей Цетинской, второй въ Приморіи въ Махинѣ, третьей у Берда въ городѣ Медунѣ, для содержанія которыхъ трехъ мѣстныхъ училищъ суммы денежной надлежитъ елико изволитъ ваше императорское величество материнскимъ милосердіемъ повелѣть.

И ежели ваше императорское величество, по природному своему императорскому къ нашему народу милосердію на воинское наше всегодное, такожъ и означенныхъ трехъ училищныхъ школъ, содержаніе, денежную сумму всемилостивѣйше опредѣлить соизволите; то оную можемъ мы получать переводомъ вексельнымъ чрезъ Венецію, такожъ и вѣчно достоблаженныя памяти вселюбезнѣйшаго величе-

ства вашего родителя государя Петра Великаго опредѣленную милостыню въ нашей Черной Горѣ обрѣтающагося Рожественскаго Цетинскаго монастыря, яко ближайшаго къ нашему герцогству.

И яко мы вѣрные вашего императорскаго величества рабы состоимъ, такъ якожъ природную нашу всеавгустѣйшую монархиню рабски просимъ императорскаго защищенія, дабы отъ султана Турецкаго на нашу Черную Гору, какъ до сего, безпрестанное непріятельское нападеніе не происходило; и хотя оные никогда съ авантажемъ, развѣ съ посрамленіемъ отъ насъ отходили, однакожъ, по извѣстнымъ ихъ вѣроломнымъ и непостояннымъ набѣгамъ, единое безпокойство имѣемъ. И да не бы оные бурсоманы святыя церкви и церковные уборы (еже, ваше императорское величество милостивѣйшимъ награжденіемъ изволили возобновить) никогда разорить и поплѣнить и вашего величества вѣрные рабы здѣшнее христіанство потоптати, яко-же и прочіе бѣдные Славено-Сербскіе и Греческіе народы.

Единственно-же и о семъ отъ вашего императорскаго величества всепокорственно просимъ: къ тому надлежитъ всемилостивѣйше повелѣть домогаться, дабы по сусѣдству нашему Черногорскому народу отъ Римскаго императорскаго двора и отъ республики Венеціанской доброхотствіе оказано, а отъ Венеціанъ обидъ причиняемо не было, еже они всякимъ образомъ творятъ къ умаленію вольности нашея и славы Россійской: не могущи сами завладать, Турокъ подкупаютъ, дабы здѣшній свободный народъ они варвары покорили и всеславный Россійскій скипетръ высочайшія своея власти здѣсь не распространилъ-бы. А оная республика толь премногая воспоможенія на разныя брани получала отъ народа Черногорскаго, и то все теперь ни въ что имѣютъ! И чтобъ, по случаю бываемыхъ проѣздовъ, еже мы намѣряемъ посылати нашихъ и въ тамошнюю службу вашего императорскаго величества, чрезъ области тоя республики, такожъ Римской имперіи и королевы Венгеро-Богемской свободно пропускаемы были.

Для вѣрности нашей чрезъ сіе пріемлемъ дерзновеніе всепокорнѣйше донести: аще бы случилась вашего императорскаго величества война съ султаномъ Турецкимъ, мы будемъ ожидовать повелительнаго величества вашего указа, и по тому неотмѣнно на оныхъ бурсомановъ всеохотно бранію пойдемъ. А когда бы случилось заключити миръ, дабы при томъ заключеніи всеподданнѣйше просимъ не оставити насъ Черногорцевъ и о всемъ нашемъ преддонесенномъ усерднѣйшемъ представленіи вашего императорскаго величества просимъ насъ высочайшею грамотою снабдѣть, о чемъ благонадежны пребываемъ.

Державнѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества вѣрные и всеподданнѣйшие рабы: православный митрополитъ Скендерійскій, и Приморскій и Черныя Горы повелитель

Савва Петровичъ.

Губернатори, сердари, воеводи, князи, капитани и все сообщество Черногорское и Приморское, Зетское и Берганское.

Въ Черной Горѣ. Феврара 6-го 1755. Въ Цетинѣ.

По поводу Греко-болгарской распри.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго царствованія Русскіе люди съ прискорбіемъ узнали о церковныхъ несогласіяхъ, существующихъ между нашими единовѣрцами въ Турціи. Греко-болгарская распря сдѣлалась предметовъ горячаго обсужденія, вызвала собою цѣлый рядъ сочиненій, предположеній и докладовъ. Въ Августѣ 1858 года, нѣкто, молодой путешественникъ, возвратившійся изъ Турціи, съ благородною горячностью передавалъ Петербургскому обществу подробности угнетенія Болгарскаго народа Греческимъ духовенствомъ и подалъ одному высокому лицу «записку» объ этомъ предметѣ. Большинство Русскаго читающаго люда, повинуясь общему настроенію того времени, вопіяло противъ Грековъ. Прошли года, и болѣе близкое знакомство съ дѣломъ показало, что въ Греко-болгарской распрѣ, какъ и во всякой другой, вина падаетъ на обѣ стороны и что односторонность сужденія была бы съ нашей стороны крайнею ошибкою. Въ этихъ видахъ составлена была человѣкомъ, долго жившимъ въ Константинополѣ и Аѳинахъ и имѣвшимъ полную возможность безпристрастно слѣдить за несогласіями Грековъ съ Болгарами, нижеслѣдующая статья, содержащая въ себѣ опроверженіе «записки» вышеупомянутаго путешественника. П. Б.

...Ужели въ самомъ дѣлѣ авторъ разбираемой нами «записки» убѣжденъ, что церковное управленіе въ Россіи подчинено мірской власти? Я знаю, что это вообще, и въ особенности на Западѣ, почитается фактомъ неоспоримымъ; но намъ съ авторомъ предлежитъ не осуждать, а судить, и потому, разсматривая предметъ пристально и сознательно, должно сказать, что у насъ скорѣе подчинено духовенство, чѣмъ церковное управленіе, и духовенство скорѣе подчиняетъ себя, чѣмъ подчинено, церковь же управляется на основаніи апостольскихъ и соборныхъ постановленій. Мірская власть довольствуется при этомъ внесеніемъ въ церковное дѣлопроизводство нѣкоторыхъ своихъ формъ, признаваемыхъ ею полезными и нужными и допускаемыхъ церковною властію въ видахъ общаго спокойствія государства и церкви. Но если допустить даже, что церковное управленіе у насъ подчинено мірской власти, то подчиненіе это было ли однакоже причиною разрушенія связи нашего церковнаго управленія съ подобнымъ же на Востокѣ? Этого конечно нельзя утверждать голословно. Причиною тому было трудное положеніе церкви Греческой, при нашихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Турціи, особенно въ послѣднія два столѣтія: вслѣдствіе подозрительности

Турокъ, страха Грековъ и благоразумія насъ самихъ прерваны были почти всякія сношенія двухъ церквей. Что же касается до мысли, что это разрушеніе связи доставило Греческому духовенству «возможность дѣйствовать на перекоръ соборнымъ постановленіямъ», не опасаясь сопротивленія другихъ членовъ церкви, то, чтобы не заставить каждаго Грека усмѣхнуться и упрекнуть насъ, что мы, выросши физически, слишкомъ зазнались духовно, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ присовокупить, что и нашему духовенству это смутное время и безотчетность дали поводъ также дѣйствовать наперекоръ церковнымъ постановленіямъ.

Обвиняютъ Греческое духовенство въ незаботливости о просвѣщеніи паствы; но по мѣрѣ силъ, духовенство Греческое постоянно старалось заводить у себя училища и преподавало въ нихъ науки не только духовныя, но и свѣтскія (даже еще болѣе свѣтскія). Естественно, что оно при этомъ заботилось о распространеніи прежде всего Греческаго образованія, какъ болѣе ему самому сподручнаго, какъ болѣе цѣнимаго другими и какъ дѣйствительно болѣе всего нужнаго и полезнаго на Востокѣ; а что школы всегда были въ зависимости отъ него, это иначе и быть не могло по той причинѣ, что оно было единственный христіанскій элементъ въ Турціи съ значеніемъ, вліяніемъ и образованіемъ столько нужнымъ для общественнаго учрежденія, поставленнаго среди враждебнаго и преобладающаго населенія. Если оно не улучшаетъ школъ, то или потому, что не имѣетъ средствъ къ тому, или потому, что не въ состояніи сознать потребность того. Вообще же, вопреки этому обвиненію, надобно сказать, что нигдѣ духовенство не старалось столько просвѣтить народъ, какъ въ Греціи, во времена ея порабощенія. Если съ половины прошлаго столѣтія у насъ архіереи стали заводить духовныя училища, то они имѣли при этомъ въ виду просвѣщеніе непосредственно одного духовенства, слѣдовательно къ достохвальному дѣлу могла примѣшиваться и небольшая доля эгоизма. Грековъ даже и въ этомъ нельзя упрекнуть: духовенство ихъ съ высокимъ патріотизмомъ и совершеннымъ безкорыстіемъ старалось дѣлиться со всею, безразлично, паствою чѣмъ было богато само со стороны умственной.

Я не принадлежу къ числу западныхъ мыслителей, у которыхъ вошло въ обыкновеніе пугать всѣхъ и всякаго политикою нашею на Востокѣ, приписывая вѣковой дѣятельности ея честолюбивые и завоевательные замыслы, прикрытые личиною усердія къ вѣрѣ. Я бы не желалъ также, чтобы смѣшивали меня съ тѣми людьми, по большей части соотечественниками нашими, которые, напротивъ того, обвиняютъ наше правительство и агентовъ его въ излишней робости, въ унизительной прикровенности всѣхъ дѣйствій нашихъ на Востокѣ, въ постоянной уступчивости враждебному сопротивленію Порты и завистливому соперничеству Европейскихъ державъ. Противу перваго навѣта не трудно найдти самыя поразительныя оправданія въ исторіи войнъ нашихъ и въ трактатахъ нашихъ съ Турціею. Еслибы раскрылись архивы посольства нашего въ Константинополѣ, то, смѣло могу сказать, что неутомимое труженичество, непрерывная, горячая борьба миссіи нашей въ Турціи (справедливо названной опаснѣйшимъ аванпостомъ политики) торжественно смыли бы съ нея и второе тяжкое обвиненіе въ преступной виновности передъ славою и честію Отечества. Соглашаясь, что призваніе наше въ тѣхъ краяхъ двоякое: религіозное и политическое, утверждаю, что мы не

употребляли перваго рычагомъ для достиженія перевѣса въ послѣднемъ; напротивъ, мы какъ бы съ боязнію уклонялись отъ этого. Я всегда готовъ брать хорошую сторону этой робости, такъ какъ можетъ быть, въ ней именно и выразились, рѣзко и въ оттѣнокъ противникамъ нашимъ, набожность и добросовѣстность Россіи; ибо, основательно или нѣтъ, но въ силѣ нашей мы никогда не сомнѣвались. Можно сказать, что нерѣдко въ благочестіи нашемъ, въ избраніи прямыхъ, открытыхъ путей, лежала разгадка политическихъ пораженій нашихъ. Я не могу истребить въ себѣ твердаго упованія, что въ этомъ отношеніи почти ребяческая простота наша, почти наивное прямодушіе найдутъ себѣ милостивый приговоръ у Вышняго Правосудія, и что ошибки наши не зачтутся намъ въ ущербъ любезному отечеству.

...Внушено ли нашею многолѣтнею дѣятельностью довѣріе? Объяснены ли всѣмъ и каждому, искренно, рѣшительно и безвозвратно, наши виды? Да самимъ себѣ уяснили ли мы ихъ? Всякій разъ какъ мы воевали съ Турціею, мы провозглашали, что стоимъ за вѣру и и церковь. Греки естественно воспламенялись при этомъ и, возлагая на насъ надежды, можетъ быть, дозволяли себѣ нѣкоторую вольность передъ угнетателями. Но война оканчивалась, мы пріобрѣтали себѣ земли и піастры, а христіане въ Турціи съ ихъ надеждами оставлялись на произволъ судьбы. Былъ даже одинъ эпизодъ, въ которомъ Греки могли подумать, что мы забыли вѣру и церковь, именно, когда мы соединились съ ихъ угнетателями и грозили задушить Ибрагима-пашу, который освободилъ Гробъ Господень отъ позорной дани и обѣщалъ свободу всей Святой Землѣ. Далѣе будемъ еще имѣть случай упомянуть объ этой эпохѣ. Эта упорная любовь и привязанность къ намъ столько разъ обманутыхъ въ своихъ чаяніяхъ націй не заслуживаетъ ли съ нашей стороны хотя милостиваго слова, если ужъ не состраданія плодотворнаго? Насъ не желаютъ Греки, скажутъ мнѣ молодые путешественники....

Такое нежеланіе довольно рѣзко высказывается на Святой Горѣ и въ Іерусалимѣ. Это правда, но почему? Потому что мы своею самомнительностію, своимъ желаніемъ дѣлать все по своему и своею настойчивостію въ желаніяхъ (чертами въ той же степени свойственными и Грекамъ) вселяемъ въ нихъ страхъ, усугубляемый убѣжденіемъ ихъ въ нашемъ могуществѣ и собственномъ безсиліи. Греки, Турки, Румыны, Сербы и самые Болгары, естественнымъ образомъ, не желаютъ насъ какъ завоевателей, какъ разрушителей ихъ національности, какъ стѣснителей ихъ правъ, ихъ обычаевъ, ихъ языка и, наконецъ, той доли историческаго значенія, которую каждый изъ нихъ имѣетъ и считаетъ святынею неприкосновенною. Не случалось-ли намъ быть Австрійцами въ Сербіи, Турками въ Молдавіи и Валахіи, то Англичанами, то Французами въ Константинополѣ, ревнителями славянства въ Греческихъ и поборниками эллинства въ Славянскихъ храмахъ, нѣмыми зрителями неистовствъ Турецкой полиціи у самаго Гроба Господня и въ патріаршихъ церквахъ, ревностными усмирителями народныхъ порывовъ на Іоническихъ островахъ, противниками конституціоннаго начала въ свободной Греціи и пр.? Какъ все это склеить и объяснить? Покажемъ себя Грекамъ искренно, съ полнымъ христіанскимъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ, споспѣшниками въ ихъ видахъ, и мы увидимъ въ нихъ себѣ преданнѣйшихъ друзей. (Тутъ конечно возникаетъ вопросъ особен-

ный: какъ согласить ихъ виды съ видами другихъ православныхъ національностей Востока? Но еще повидимому не настало время рѣшать этотъ вопросъ, при чемъ—мимоходомъ будь сказано—Славяне конечно возмутъ силою, но Греки не потеряютъ вѣса, который даютъ имъ трудолюбіе и изворотливость. Утверждаютъ, будто Греки «опасаются вмѣшательства нашего, какъ могущаго освободить восточные православные народы отъ лежащаго на нихъ церковнаго гнета»; это значитъ ставить ихъ въ положеніе больнаго, который въ виду смерти страшится получить ушибъ. Совсѣмъ не того опасается отъ вмѣшательства нашего Греческое духовенство: оно боится собственнаго порабощенія.

Здѣсь, можетъ быть, будетъ у мѣста привести нѣсколько доказательствъ заботливости патріархій объ ихъ паствахъ. Я выберу одинъ, который будетъ служить отвѣтомъ и на обвиненіе въ безпечности и на приписываемое Греческому духовенству недоброжелательство къ намъ. Въ 1852 году Іерусалимскій патріархъ Кириллъ, отечески заботясь о приличномъ помѣщеніи для духовной миссіи нашей въ Іерусалимѣ, изъявлялъ желаніе на счетъ патріаршей казны построить особый домъ для нашего настоятеля съ причтомъ и вступилъ съ посольствомъ нашимъ въ переговоры по сему предмету. Тогдашній повѣренный въ дѣлахъ, управлявшій посольствомъ нашимъ, имѣлъ точно такое же предубѣжденіе противъ Константинопольскаго Сѵнода, какъ и авторъ разбираемой нами «записки». Онъ съ недовѣрчивостью объяснялся съ блаженнѣйшимъ Кирилломъ о дѣлахъ Іерусалимскихъ, о нашей миссіи тамъ, и въ этихъ разговорахъ съ умысломъ нѣсколько разъ затрогивалъ дѣла Арабской паствы въ Палестинѣ, къ которой, какъ ему казалось, патріархъ питалъ не только равнодушіе, но даже нѣкоторую нелюбовь. Представитель Русскій рѣшился, пользуясь частыми бесѣдами съ блаженнымъ Кирилломъ, употребить все вліяніе свое, чтобы побѣдить въ немъ это нерасположеніе къ достойнымъ всякаго соучастія православнымъ Арабамъ.

Дѣло о постройкѣ дома для духовной миссіи нашей шло впередъ, и если бы въ Петербургѣ не оказано было тогда холодности и несочувствія къ намѣреніямъ патріарха, то въ настоящее время наша миссія имѣла бы уже красивое, удобное и приличное помѣщеніе, или Русское подворье. У бл. Кирилла несомнѣнно было при этомъ желаніе сохранить нашъ клиръ какъ бы подъ покровомъ своимъ, и въ предложеніяхъ его выражалось столько любви, столько усердія, столько признательности за все дѣлаемое для паствы его правительствомъ нашимъ, что въ представителѣ нашемъ мало по малу должна была исчезнуть малѣйшая тѣнь недовѣрія, и бесѣды его съ его блаженствомъ становились постепенно все искреннѣе. Дошло до объясненій по дѣламъ паствы Арабской. Повѣренный въ дѣлахъ дозволилъ себѣ нѣсколько почтительно-выраженныхъ упрековъ, и когда патріархъ съ невыразимою добротою увѣрялъ его въ томъ, что не признаётъ въ себѣ холодности къ духовнымъ дѣтямъ своимъ, Арабамъ, а что напротивъ того отеческое сердце его открыто имъ безразлично отъ Грековъ, то представитель нашъ съ живостью просилъ немедленнаго доказательства этой попечительности. Палестинскіе Арабы имѣли тогда самую вопіющую нужду въ церковныхъ книгахъ. Въ Бейрутѣ была Арабская типографія, но столь скудная, столь заброшенная, что безъ значительной поддержки она должна была быть закрыта.

«Вотъ случай», говорилъ повѣренный въ дѣлахъ, «вашему блаженству доказать любовь къ Арабамъ. Пріобрѣтите Бейрутскую типографію на счетъ казны Святогробской, выпишите еще одинъ или два станка изъ Парижа или Вѣны и печатайте церковныя Арабскія книги подъ надзоромъ Арабскаго духовенства». Тутъ указано было ему на трехъ духовныхъ лицъ: архимандрита Аѳанасія, о. Спиридона, учителя древней Арабской словесности и о. Илью, священника Виѳлеемскаго, при участіи которыхъ рукописи могли бы быть тщательно разсмотрѣны и сличены съ Греческимъ текстомъ не только въ Св. Градѣ, но и въ Дамаскѣ, гдѣ были знатоки Арабскаго книжнаго языка, именно: протонотарій Антіохійскаго престола Іоаннъ Попандопуло и священно-учитель о. Іосифъ. Знаніе этихъ подробностей нѣсколько удивило патріарха; можетъ быть, оно показалось ему и вмѣшательствомъ, тѣмъ не менѣе онъ съ кротостью вступилъ въ обстоятельное обсужденіе предмета. «Я давно хочу», говорилъ онъ, «завести большую Арабскую типографію; но желательно мнѣ было-бы имѣть ее въ Константинополѣ, подъ непосредственнымъ моимъ надзоромъ и вѣдѣніемъ находящагося при мнѣ игумена Хаматурской обители на Ливанѣ, о. Исаіи». Начальникъ посольства позволилъ себѣ тутъ съ удвоенною живостью замѣтить, что такой оборотъ дѣла еще болѣе убѣдилъ бы его въ пристрастіи патріарха къ Грекамъ на счетъ Арабовъ: ему было извѣстно, что игуменъ Исаія, любимецъ бл. Кирилла, хотя говорилъ и писалъ на Арабскомъ нарѣчіи, но только на Сироливанскомъ, не выхваляемомъ Сирійскими писателями; исполненіе же достохвальнаго и полезнаго предпріятія, о коемъ шла бесѣда, обусловливалось выборомъ какъ людей знающихъ Арабскій языкъ, такъ и правильныхъ рукописей. «При васъ», продолжалъ повѣренный въ дѣлахъ, «нѣтъ человѣка, который-бы соединялъ въ себѣ знаніе богословскихъ наукъ съ основательными свѣдѣніями въ древнемъ языкѣ Арабовъ. Что̀ касается до священныхъ рукописей Арабскихъ, то въ нихъ встрѣчаются мнѣнія Моноѳизитской ереси, долго гнѣздившейся въ Арабо-сирскомъ племени; посему онѣ должны быть пересмотрѣны учеными А р а б а м и. Иначе со временемъ можетъ возникнуть расколъ въ Сиріи и Палестинѣ. Прежніе Іерусалимскіе и Антіохійскіе патріархи печатали нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ книгъ, но не иначе какъ съ текстомъ Греческимъ и тѣмъ представляли ручательство въ надлежащемъ пересмотрѣ рукописей, успокоивая въ тоже время прочія православныя церкви. Но такъ какъ ваше блаженство сами несвѣдущи въ Арабскомъ языкѣ, а окружающіе васъ лишь весьма поверхностно занимались Арабскою филологіею, то какое же ручательство и успокоеніе дастъ намъ патріаршій престолъ?» Бл. Кириллъ нѣсколько минутъ остался погруженнымъ въ задумчивость, какъ бы ожидая, чтобы утихла бойкая рѣчь его собесѣдника, потомъ всталъ, съ нѣжностію облобызалъ его и съ кроткою простотою сказалъ: «Вотъ такъ-то юноши учатъ иногда стариковъ; такъ-то и юная Россія во многомъ можетъ помочь и посовѣтовать своей матери Греческой церкви, только всегда съ основательнымъ сознаніемъ предмета и съ благодушіемъ, а не съ упорствомъ и понужденіемъ сильнѣйшей!» Благословляя начальника посольства передъ уходомъ, патріархъ прибавилъ: «Будетъ, будетъ сдѣлано по твоему». И дѣйствительно, два мѣсяца спустя, пріобрѣтена была, съ весьма значительнымъ пожертвованіемъ отъ патріаршей казны, Бейрутская Арабская типографія, выписаны новые станки и

указанныя выше лица облечены властію и довѣріемъ для печатанія церковныхъ книгъ на древнемъ Арабскомъ языкѣ.

* * *

Православная церковь обрѣла въ послѣдніе годы ощутительныя преимущества отъ политическихъ преобразованій Турціи. Вмѣсто тѣхъ преслѣдованій, коимъ она была подвержена подъ управленіемъ старинныхъ пашей, она находитъ нынѣ покровительство и правосудіе у намѣстниковъ Порты; насильственные наборы, народныя гоненія прекратились; духовенство вполнѣ пользуется, можно сказать, тѣми льготами, какія ему были искони дарованы мусульманскими завоевателями, Арабами или Турками и которыя, въ эпоху раздробленія власти и феодальнаго безчинства имперіи, когда каждый вассалъ безнаказанно выходилъ изъ предѣловъ законной зависимости, оставались только мертвою буквою въ фирманахъ султанскихъ. Самый фанатизмъ мусульманскаго народонаселенія значительно смягчился послѣ памятнаго періода Египетскаго правленія; а если за тѣмъ политическія ошибки намѣстниковъ Порты и всего чаще ихъ слабость допускаютъ или даже побуждаютъ, отъ времени до времени, фанатическіе порывы мусульманской черни противу христіанъ, то нельзя однакоже не замѣтить утѣшительнаго для человѣчества успѣха вѣротерпимости, которая въ наше время вошла въ систему внутренней политики Турціи *). Еслибы правительство Оттоманское не слабѣло и не чахло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, то эта вѣротерпимость скоро проникла бы въ самыя понятія и въ чувства народныхъ массъ. Главнѣйшая и роковая препона къ упроченію домогательствъ Порты есть порочное образованіе мусульманскихъ судилищъ и безнравственность мѣстныхъ властей, которыя чѣмъ болѣе удаляются отъ центральной власти, тѣмъ скорѣе стремятся возвратиться къ стариннымъ своимъ навыкамъ. Отсюда проистекаетъ постоянное вмѣшательство Европейскихъ правительствъ въ Турецкія внутреннія дѣла. Бдительный надзоръ агентовъ великихъ державъ и ихъ ходатайство у пашей въ пользу христіанскаго народонаселенія часто служатъ единственною надежною порукою къ достиженію желаемаго самою Портою искорененія тѣхъ золъ, кои тяготѣютъ надъ народонаселеніемъ областей. Но въ тоже время надзоръ иностранныхъ агентовъ сопряженъ съ важными политическими неудобствами, и дальнѣйшія послѣдствія онаго нерѣдко клонятся къ внутреннему моральному вреду самихъ христіанскихъ племенъ.

Сирія, по политическому своему устройству, по географическому положенію и по разнородности своихъ племенъ, болѣе чѣмъ всякая другая область Турецкой имперіи, претерпѣла отъ анархіи и отъ феодальныхъ неистовствъ прежней эпохи; но потому самому она способнѣе созрѣть къ развитію новыхъ правилъ и началъ, заимствованныхъ Портою у Европы. Кратковременная и бурная эпоха Египетскаго правленія подтверждаетъ замѣчаніе это, основанное на тщательномъ историческомъ изслѣдованіи судебъ Сирійскихъ народонаселеній со времени покоренія ихъ Оттоманской имперіи: ибо нынѣшнія дѣйствія правительственной власти въ Сиріи, въ сравненіи съ вліяніемъ Порты на эту далекую область въ эпоху прежнихъ

*) Писано въ 1859 году. П. Б.

пашей, очевидно доказываютъ, что теперь только, по истеченіи почти трехъ вѣковъ послѣ завоеванія и среди кризисовъ, ознаменовавшихъ послѣднее пятидесятилѣтіе Оттоманской имперіи, имперія эта довершаетъ долгій и тяжкій подвигъ покоренія Сиріи и подчиненія анархическихъ элементовъ этого края правительственному единству.

Эти соображенія не чужды предмета нашего: въ обществѣ восточномъ политическое устройство края, столько же какъ въ Европѣ, если не болѣе, имѣетъ вліяніе на судьбы церкви.

Судьбы православной церкви въ Сиріи были неразлучно связаны доселѣ со степенью политическаго вліянія Константинополя на эту область. Въ блестящій вѣкъ Ѳеодосіевъ и Юстиніановъ православіе процвѣтало въ Сиріи, и ереси, которыя успѣли еще въ первые вѣка христіанства вкорениться въ томъ краѣ, были опрокинуты за Евфратъ или въ пустыню. Потомъ, со времени Ираклія, когда политическія судьбы Сиріи разлучились отъ судебъ восточной столицы и до самой эпохи завоеванія этой области Селимомъ, православіе постепенно ослабѣвало въ неравной борьбѣ то съ мусульманскимъ потокомъ, то съ ураганами крестовыхъ походовъ. Въ этотъ тяжкій тысячелѣтній періодъ церковь Сирійская лишилась своей паствы, за исключеніемъ небольшаго числа вѣрныхъ. Между тѣмъ какъ престолы Антіохійскій и Іерусалимскій не находили никакой опоры во вселенскомъ престолѣ, отъ коего ихъ разлучали политическія бури Востока, и были предоставлены необразованному, убогому и робкому Арабскому духовенству, Римская церковь, лишившись на Флорентинскомъ соборѣ всякой надежды подчинить Греческое православіе своему верховному и политическому владычеству, устремила вновь свои взоры на Сирію, уже не съ оружіемъ крестовымъ противу невѣрныхъ, но съ прозелитическими попытками противу другихъ христіанскихъ церквей. Въ это время успѣла она окончательно соединить съ Западомъ Маронитскую церковь и положить начало обращенія Сиріянъ и Несторіанъ. Судя по тогдашнему состоянію Сиріи, утвердительно можно сказать, что завоеваніе этой области Оттоманами въ началѣ XVI вѣка спасло въ ней православіе отъ конечнаго разрушенія. Присоединеніе Сиріи къ Оттоманской имперіи возобновило политическія узы, коими издревле связывались восточные престолы, и вскорѣ за тѣмъ Греческое духовенство заняло Антіохійскій и Іерусалимскій престолы, чѣмъ и оградило ихъ (гораздо прочнѣе чѣмъ могло то сдѣлать слабое Арабское духовенство) противу нападеній западныхъ миссіонеровъ. Впрочемъ Римъ успѣлъ уже заблаговременно стать твердою стопою въ Сиріи и съ высотъ Ливана изливать свою проповѣдь по всему Востоку. Если съ одной стороны православіе нашло себѣ въ Сиріи новыя силы въ политическомъ союзѣ съ Константинополемъ, за то и католичество обрѣло новыя средства дѣятельности въ дипломатическихъ связяхъ Франціи съ Портою и въ правѣ, предоставленномъ договорами Французскому королю: быть заступникомъ и ходатаемъ западнаго духовенства въ Турціи. При сихъ новыхъ элементахъ крѣпости и силы, почерпнутыхъ обоими вліяніями въ политическихъ переворотахъ Сиріи, борьба между православіемъ и латинствомъ становилась упорнѣе. Первое искало защиты у султановъ, то прямо, то черезъ Русское вліяніе, весьма прикровенное и скромное (ибо оно не основывалось на договорахъ), а второе прибѣгало къ мощному и скрѣпленному договорами заступничеству Франціи.

Если въ концѣ XVII вѣка Латинское духовенство, при содѣйствіи Французскаго посольства, отнимало святыни Палестинскія у Грековъ, если затѣмъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, унія вторглась въ православную церковь Сиріи хитрыми дѣйствіями іезуитовъ: то православіе, тогда же, съ своей стороны дѣлалось не менѣе осторожнымъ въ сношеніяхъ съ западными законоучителями, принимало дѣятельныя мѣры къ отстраненію прозелитизма и въ послѣдствіи, при возрастающемъ вліяніи князей Дунайскихъ, вновь вступило торжественно въ завѣтное наслѣдіе святынь Іерусалимскихъ.

Вся вторая половина прошедшаго столѣтія проведена Сиріею въ хаотическомъ обуреваніи. Законное вліяніе Порты на эту область было потрясено до основанія. Успѣхи оружія нашего за Дунаемъ отозвались здѣсь роковыми потрясеніями султанской власти, а появленіе Чесменскаго флота у береговъ Сирійскихъ, при волненіяхъ пустыни отъ фанатизма Абдулъ-Вехаба, при смѣлыхъ предпріятіяхъ Дагеръ-эль-Омара, при вторженіяхъ Мамлуковъ Египетскихъ, при междоусобіяхъ племенъ Сирійскихъ, едва-ли не довершило отторженіе Сиріи отъ Оттоманской имперіи. Этимъ же временемъ унія преуспѣвала въ Сиріи при дѣятельномъ содѣйствіи Римскаго двора. Походъ Французовъ и тиранство Джеззаровъ возъимѣли счастливыя для Порты послѣдствія относительно вліянія ея на Сирійскія племена и, не смотря на безпутное управленіе Абдаллаха и на потрясеніе, произведенное по всей имперіи возстаніемъ Грековъ, не смотря на гоненія, коимъ подверглась тогда церковь, первая четверть текущаго вѣка ознаменована успѣхомъ для православной церкви въ Сиріи. Предъ самою эпохою возстанія Греціи, православное духовенство Антіохійскаго престола, при вліяніи Константинопольскаго патріарха и Фанаріотовъ, едва не успѣло окончательно восторжествовать надъ уніею и отняло отъ нея храмы, коими она завладѣла въ эпоху анархіи. Если успѣхъ не былъ рѣшительнымъ, вѣрнѣе можно приписать это ошибкамъ Грековъ, которые переступили за грань благоразумной умѣренности, чѣмъ недостатку средствъ и силъ. Затѣмъ однако наступила критическая для православія эпоха съ Египетскимъ владычествомъ въ Сиріи. Правда, что и духовенство и народъ православный единодушно благословляютъ эпоху Египетскую, ознаменованную равною терпимостію всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и доставившую всѣмъ церквамъ Сирійскимъ великія преимущества; но если мы вникнемъ въ нынѣшнее состояніе православной церкви въ Сиріи и въ причины ея разслабленія, то вполнѣ убѣдимся въ томъ, что начало оныхъ восходитъ къ эпохѣ Египетскаго владычества, къ которой должно отнести крайнее усиленіе западнаго вліянія, политическаго и духовнаго, въ семъ краю. Римское духовенство пріобрѣло въ эту эпоху преизбытокъ средствъ нравственныхъ и матеріальныхъ, вліяніемъ своимъ на мѣстѣ, при возрастающемъ участіи, которое Франція и дворъ Римскій стали принимать въ судьбахъ Сирійскихъ христіанъ. И при такомъ залогѣ грядущаго своего торжества, оно и въ Іерусалимѣ, и на Ливанѣ, и по всѣмъ городамъ Сиріи замѣнило оборонительную систему, въ которой пребывало дотолѣ, смѣлыми наступательными дѣйствіями. Для всякаго христіанскаго общества въ Турціи грубыя гоненія Турецкой черни и властей прежней эпохи были чувствительнѣе, чѣмъ потаенное и коварное преслѣдованіе отъ духовенства другихъ исповѣданій. Но гоненія, терпимыя отъ мусульманъ, имѣли по крайней мѣрѣ то спасительное

для церкви вліяніе, что ими болѣе и болѣе воспламенялось чувство религіозное, которое во все продолженіе мусульманскаго владычества на Востокѣ стяжало мученическіе вѣнцы; напротивъ того, дѣйствія иновѣрныхъ законоучителей, облекаясь личиною ложной терпимости, сочувствія и покровительства, ведутъ только къ ослабленію въ народѣ основнаго чувства религіознаго и къ разрушенію всякой дисциплины церковной. Разительнымъ примѣромъ этого можетъ служить намъ юная, свободная Греція.

Политическій переворотъ 1840 года, возсоединивъ Сирію съ столицею Имперіи, могъ бы излечить раны, нанесенныя православной церкви подъ Египетскимъ правленіемъ. Антіохійскій и Іерусалимскій престолы могли ожидать спасительной опоры и заступничества при вліяніи Греческой церкви въ столицѣ и при непосредственномъ дѣйствіи столичныхъ властей на Сирію. Но въ какомъ состояніи находилась въ эту эпоху вселенская церковь?

Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ событіями 1840-го года, чрезмѣрно усугубило участіе народовъ и правительствъ въ судьбахъ Сирійскихъ христіанъ, и съ той эпохи религіозное вліяніе, очевидно, сдѣлалось орудіемъ политики. Англійскія протестантскія общества стали соревновать Французамъ въ прозелитическихъ помыслахъ; епископство Англиканское было основано въ Іерусалимѣ; миссіонеры, врачи, учители, проповѣдники, были отправлены въ этотъ край. Первоначальною ихъ цѣлію было обращеніе въ христіанство Евреевъ, Друзовъ и другихъ не-христіанскихъ племенъ; но естественное стремленіе этой пропаганды, по самой силѣ обстоятельствъ, клонилось къ прозелитизму между христіанами: ибо, съ одной стороны, вѣковое дѣйствіе посланцевъ Римской пропаганды успѣло, какъ мы выше замѣтили, разслабить религіозное чувство въ племенахъ Сирійскихъ, и племена эти получили навыкъ пагубнаго непостоянства въ одномъ исповѣданіи; а съ другой стороны, самые миссіонеры, по мѣрѣ того какъ они убѣждались въ неудачѣ своего предпріятія относительно Евреевъ и Друзовъ, стали обращать свои взоры къ христіанскимъ исповѣданіямъ, чтобы только выказать какую нибудь заслугу обществамъ ихъ содержавшимъ и чтобы не подвергнуться упреку въ безполезности предпріятія. Благовидный силлогизмъ миссіонеровъ въ этомъ направленіи основывался на томъ, что для привлеченія невѣрныхъ въ христіанскую церковь надо всего прежде имѣть въ Сиріи благоустроенную церковь христіанскую. Здѣшнія церкви, говорили они, лишены основной мысли христіанства и преисполнены языческихъ обрядовъ; слѣдственно необходимо сперва охристіанить самихъ христіанъ Сирійскихъ, а потомъ уже язычниковъ.

И Римское духовенство, и Французское правительство, и католическія общества Запада съ безпокойствомъ видѣли прозелитическія попытки протестантовъ въ Сиріи, а для противоборства имъ усилили собственныя средства. Такъ на семъ поприщѣ одно зло ведетъ за собою всегда множество другихъ. Провидѣніе здѣсь какъ бы указывало человѣчеству, что тамъ, гдѣ дѣла служенія Богу суть только личина для прикрытія разсчетовъ и страстей житейскихъ, тамъ нельзя ждать успѣха. По естественному ходу дѣлъ, православная церковь сдѣлалась предметомъ обоюднаго политическаго соревнованія католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ. Она не была приготовлена къ этой борьбѣ, она была убога и матеріальными и умствен-

ными пособіями. Обративъ умоляющіе взоры къ столицѣ имперіи, она ожидала оттуда опоры и содѣйствія; но, по несчастію, вторая четверть текущаго столѣтія открылась подъ бѣдственными знаменіями для Константинопольской церкви. Между тѣмъ какъ возстаніе Греціи и современные политическіе перевороты придавали всему на Востокѣ новую жизнь, новую дѣятельность, духовенство впало въ бѣдственное для церкви усыпленіе, отрекаясь мало по малу отъ двоякаго наслѣдія науки и политическаго своего вліянія, утрачивая свою дѣятельность въ корыстныхъ проискахъ, торгуя епископствами вселенскаго престола и жертвуя духовными пользами паствы ради презрѣнныхъ выгодъ. Не будемъ входить здѣсь въ изслѣдованіе причинъ этого нравственнаго упадка, который съ каждымъ годомъ сталъ чувствительнѣе проявляться въ современномъ духовенствѣ вселенской церкви и который имѣетъ самое пагубное вліяніе на судьбы другихъ восточныхъ престоловъ, не обрѣтающихъ уже ни надежной подпоры политической, ни духовнаго свѣтильника въ церкви Константинопольской. Чѣмъ болѣе мы умѣемъ цѣнить прежнія блистательныя заслуги Константинопольскаго духовенства, его апостольскіе подвиги по всему восточному міру и его твердость въ бурныя времена предсмертнаго боренія Греческой имперіи и въ страдальческій періодъ мусульманскаго ига, тѣмъ прискорбнѣе для насъ нынѣшнее направленіе этого духовенства, особенно при горячей дѣятельности западнаго прозелитизма, грозящихъ самому существованію православной церкви въ древней ея колыбели.

Конечно всякій согласится, что безъ того дѣятельнаго участія, которое было принято нашимъ правительствомъ въ судьбѣ православной Сирійской церкви послѣ переворота 1840-го года, она въ немногіе годы сдѣлалась бы игралищемъ и добычею прозелитической борьбы католическихъ миссіонеровъ съ протестантскими. Спутанныя Ливанскія дѣла выказали, до какой степени укоренилась здѣсь борьба двухъ элементовъ, которые проявляются подъ знаменами то Французскаго, то Англійскаго вліянія. Правительство Турецкое, съ своей стороны, даетъ съ каждымъ годомъ новыя доказательства своей неспособности къ управленію этимъ краемъ и не умѣетъ воспользоваться самыми благопріятными обстоятельствами для упроченія законнаго своего вліянія, которое подрывается все болѣе и болѣе вліяніемъ иностранныхъ агентовъ. Турецкое правительство довольствуется, какъ кажется, тѣмъ, что оно успѣло, съ грѣхомъ пополамъ, укротить анархію въ Сиріи и подрыть мѣстное вліяніе аристократіи и горскихъ племенъ; оно мало заботится, чтобы стройнымъ зданіемъ замѣнить разрушаемыя имъ или распадающіяся отъ ветхости феодальныя башни.

Изложимъ здѣсь вкратцѣ тѣ мѣры, принятіе которыхъ казалось намъ полезнымъ, даже необходимымъ, для блага православной церкви въ Сиріи до послѣдней войны. Тогда, по разумѣнію нашему, дѣйствія правительства нашего въ этихъ странахъ должны были систематически раздѣляться на три пункта.

I. Дѣйствіе мѣстное.

Въ семъ отношеніи мы могли бы ограничиться надлежащимъ развитіемъ консульской системы вмѣстѣ съ денежными пособіями на воспитаніе духовенства и на благолѣпіе храмовъ. Учрежденіе консульствъ въ Алепѣ, въ Дамаскѣ и въ Іерусалимѣ, н а р а в н ѣ с ъ

консульствами Англіи и Франціи, должно имѣть самыя благія послѣдствія для православной церкви, лишь бы на эти мѣста не были избираемы воспитанные въ подобострастіи къ Туркамъ туземцы или мелкіе торгаши, не стыдящіеся мѣнять достоинство и честность агента могущественной державы на выгоды ростовщика, или на какія нибудь милости мѣстнаго паши. На эти мѣста должны быть посылаемы люди изъ самаго центра правительства, основательно приготовленные и посвященные въ тайны нашихъ цѣлей, люди съ чистымъ патріотическимъ чувствомъ и съ твердостью въ вѣрѣ. Имя Русское, не смотря на самую изысканную осторожность нашу, такъ громко отзывается даже въ этой далекой области, что наши консулы не замедлятъ пріобрѣсти подобающее ихъ званію вліяніе даже внѣ круга оффиціальнаго ихъ дѣйствія. Мѣстныя обстоятельства дополнятъ имъ руководства, полученныя свыше, и послужатъ имъ указателемъ для упроченія благаго ихъ вліянія къ той двоякой цѣли, къ которой должна быть преимущественно направлена ихъ дѣятельность. Цѣль эта: а) внушить болѣе и болѣе довѣренности къ видамъ правительства нашего духовенству и народу православному и заставить ихъ цѣнить совѣты наши; б) пріобрѣсти дружбу и уваженіе мѣстныхъ властей и феодальнаго дворянства, порою и тѣхъ и другихъ заставить себя бояться (на Востокѣ это дѣло непослѣднее), дабы въ подобающихъ случаяхъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу церкви и народа.

Во всякомъ случаѣ лучшимъ залогомъ личнаго вліянія консуловъ нашихъ есть твердость характера въ дѣлахъ, собственно подлежащихъ оффиціальному ихъ дѣйствію, т. е. въ дѣлахъ до Россійскихъ подданныхъ относящихся, которыя, въ случаѣ неуспѣха мѣстнаго ходатайства, могутъ быть рѣшены дѣйствіемъ императорской миссіи въ Константинополѣ. Чѣмъ гласнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе и поспѣшнѣе удовлетвореніе по справедливой жалобѣ консула на мѣстное начальство, тѣмъ вѣрнѣе упрочивается его вліяніе и на умы народные и на мѣстныя власти. Одною ласкою, однимъ убѣжденіемъ невозможно всегда успѣшно дѣйствовать на умы Азіятцевъ, и принужденная уступчивость въ одномъ дѣлѣ, особенно среди Арабскихъ племенъ, одаренныхъ болѣе пылкимъ воображеніемъ, чѣмъ здравымъ смысломъ, можетъ мгновенно разрушить вліяніе, долговременнымъ трудомъ пріобрѣтенное.

И Французы, и Англичане хорошо постигли эту истину, и потому, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, они очевидно домогаются эффекта, коимъ болѣе и болѣе упрочивается мѣстное дѣйствіе ихъ агентовъ.

Намъ кажется, что все, сказанное нами въ доказательство необходимости усилить нашу дѣятельность на Востокѣ мѣстнымъ вліяніемъ, не только не должно уступить мѣсто безмолвію и прикровенности вслѣдствіе положенія, принятаго Россіею послѣ 1856 года, но даже пріобрѣтаетъ еще болѣе смысла практическаго, какъ отъ того, что борьба наша не уронила, но напротивъ того возвысила насъ въ мнѣніи восточныхъ христіанъ, такъ и потому, что, вступивъ въ общій Европейскій совѣтъ по дѣлу преобразованій въ мусульманскомъ краѣ, мы пріобрѣли неотъемлемое право держать голову также высоко и подымать голосъ также громко въ защиту хати-гумаюна, какъ Французы и Англичане.

Само собою разумѣется, что относительно христіанъ другихъ вѣроисповѣданій дѣйствіе консуловъ и агентовъ нашихъ должно быть

тѣмъ ласковѣе, тѣмъ безпристрастнѣе, чѣмъ болѣе есть надежды на сближеніе ихъ съ православными. При удобномъ случаѣ можно оказывать имъ всякое покровительство, всякое содѣйствіе, дабы болѣе и болѣе укрѣплять общее сочувствіе христіанскихъ племенъ къ Россіи. Прозелитическіе помыслы, по нашему убѣжденію, должны быть совершенно чужды образу нашего дѣйствія. Достаточно оградить православную церковь отъ прозелитизма западнаго и въ тоже время доставить ей существенную защиту, придать оной, по мѣрѣ матеріальныхъ средствъ, наружный блескъ и усилить духовныя ея средства благимъ просвѣщеніемъ Арабскаго духовенства; наконецъ, попечительно, но съ мягкостью и безъ самохвальства, вводить мало по малу порядокъ и устройство въ церквахъ и въ училищахъ. Это конечно будетъ лучшимъ залогомъ грядущаго прочнаго успѣха. Скажемъ здѣсь о воспитаніи юношества, что оно есть само по себѣ дѣло второстепенное и можетъ быть не принадлежащее нашему прямому участію, ибо желать воспитать Грековъ порусски было бы суетною и даже предосудительною мечтою; но имѣть благотворное вліяніе на училища необходимо болѣе для того, чтобы не завлекалось юношество въ иновѣрныя училища, чѣмъ для обученія его по нашей системѣ и по нашимъ порядкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, прозорливому наблюдателю становится ясно, что воспитаніе, которое католическіе и протестантскіе миссіонеры такъ усердно и безъ разбора даютъ Арабскому юношеству, есть только орудіе для прозелитизма, а нисколько не принаровлено къ существеннымъ нуждамъ сословій и къ ихъ общественному благосостоянію.

II Ходатайство по дѣламъ патріаршихъ престоловъ.

По внутреннему устройству Оттоманской имперіи относительно подвластныхъ народовъ, ходатайство по дѣламъ патріаршихъ престоловъ предоставлено вселенскому патріарху. Впрочемъ, каждый патріархъ имѣетъ въ столицѣ своего повѣреннаго, а патріархъ Іерусалимскій большею частію лично проживаетъ въ Константинополѣ и заправляетъ оттуда дѣлами своего престола. У каждаго изъ повѣренныхъ не отъемлется право представлять непосредственно въ Порту свои докладныя записки (такриры), и отъ ловкости докладчика, также какъ и отъ умѣнія задобрить Диванъ, зависитъ часто устроеніе дѣлъ помимо официальнаго пути. При нынѣшнемъ направленіи дѣлъ вселенскаго престола, которое чуть-ли не стало еще хуже прежняго, было бы несомнѣннымъ благодѣяніемъ усилить прямыя отношенія каждаго изъ престоловъ къ Портѣ и по возможности обезпечить ихъ самостоятельность. Право политической опеки, коимъ вселенскій престолъ облеченъ нынѣ въ отношеніи къ другимъ восточнымъ престоламъ, есть право мишурное, обманывающее и насъ, и чужеземцевъ; оно не основано ни на каноническихъ постановленіяхъ церкви, ни на духовныхъ ея пользахъ, а проистекаетъ единственно изъ тѣхъ правилъ, кои первоначально были приняты Портою для сосредоточенія управленія подвластными народами, а наиболѣе утвердилось на честолюбивомъ стремленіи самихъ вселенскихъ патріарховъ къ тому, чтобы подъ Турецкимъ владычествомъ ввести на Востокѣ систему западнаго единодержавія церкви. Личные виды патріарховъ Константинопольскихъ въ семъ домогательствѣ согласовались съ видами Сѵнода вселенскаго, а равно и свѣтскихъ лицъ, ко-

торыя, лѣтъ за 150 передъ симъ, возъимѣли столь значительное вліяніе на дѣла церкви. Правда, всѣ патріаршіе престолы извлекали великую пользу отъ сей опеки и, судя по тѣмъ опасностямъ, коимъ подвержена была и еще подвергается теперь церковь Антіохійская, можно полагать, что Божій Промыслъ избралъ въ трудныя времена орудіемъ спасенія оной отъ конечнаго разрушенія то политическое заступничество, которое церковь Константинопольская была въ состояніи ей оказывать. Нынѣ же, при политическихъ переворотахъ Оттоманской имперіи и ея перерожденіи подъ новымъ видомъ, но по нашему мнѣнію въ новую и прочную силу вліянія Россіи на Востокѣ, при нравственномъ упадкѣ Греческаго духовенства въ Константинополѣ, при заглушеніи немощнаго и подавленнаго иновѣрною властію голоса (независимаго только по имени) Греческаго Сvнода, при укоренившейся безнравственности тѣхъ свѣтскихъ лицъ, кои злоупотребительно ворочаютъ дѣлами церкви въ Турціи, поразительные примѣры непристойныхъ происковъ и исполненныхъ соблазна безпорядковъ, происходившихъ всякій разъ послѣ кончины или смѣны патріарховъ Іерусалимскаго, Александрійскаго и Антіохійскаго, неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, какъ корыстное домогательство Константинопольскаго престола является предосудительнымъ для другихъ церквей. Если Россіи указано Провидѣніемъ законное попечительство надъ православною церковью, то лучшимъ залогомъ законныхъ правъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго престола и даже обезпеченіемъ нравственныхъ каноническихъ ихъ соотношеній съ вселенскою церковью было бы постепенное введеніе непосредственнаго ходатайства у Порты Оттоманской чрезъ докладчиковъ по дѣламъ двухъ престоловъ, мимо патріарха вселенскаго, при повѣркѣ на мѣстѣ черезъ агентовъ и блюстителей нашихъ основательности притязаній и при заступничествѣ императорскаго посольства.

Слѣдуетъ примѣнить наше мнѣніе, почерпнутое въ опытѣ прошедшаго времени, къ настоящему положенію дѣлъ въ Константинополѣ, нынѣ намъ недостаточно извѣстному; и если взять въ соображеніе застарѣлость выставленныхъ нами несообразностей и вялые шаги, дѣлаемые въ Турціи къ желаемой реформѣ, то, можетъ быть, тогда порожденныя въ насъ мысли и теперь не совсѣмъ неудобопримѣнимы.

III. Попечительство Россіи надъ патріаршими престолами.

Сюда слѣдуетъ отнести надзоръ за употребленіемъ значительныхъ матеріальныхъ пособій, которыя стекаются изъ Россіи въ пользу Палестинскихъ и Сирійскихъ церквей, а въ особенности же казны Святогробской, и преподаніе благихъ совѣтовъ, подкрѣпляемыхъ собственнымъ примѣромъ Въ прежнее время и то, и другое вліяніе не нравилось Греческому духовенству и возбуждало подозрительность западныхъ соревнителей нашихъ. Полагаю, что тѣ же затрудненія существуютъ и теперь; но можемъ-ли мы отступиться совершенно отъ такой высоконравственной дѣятельности и предоставить все произволу испорченнаго и несамостоятельнаго церковнаго управленія въ Турціи? Нѣтъ! Только пути къ этой дѣятельности должны быть глубоко обдуманы, и дѣйствія наши болѣе чѣмъ когда либо облечены въ благодушіе и братскую любовь. Вотъ здѣсь,

можетъ быть, именно и должно примѣняться, въ нѣкоторой степени, то религіозное общеніе, то духовно-союзное дѣйствіе, о которомъ распространился авторъ разбираемой нами «записки», къ сожалѣнію не выяснившій себѣ хорошенько предположенную высокую цѣль и пролившій въ свои разсужденія излишне много той горечи, той наклонности къ хулѣ всего отечественнаго, которая намъ Русскимъ вообще свойственна. Его мысли о всеобщемъ Сѵнодѣ, конечно, не лишены проницательности; но готово-ли, очищено-ли мѣсто сѣдалища этого братскаго Сѵнода? А до того, пока наступитъ это вождѣленное время, ужели Государю нашему слѣдуетъ сложить съ себя доспѣхи крестоносца за ненарушимость вѣры нашей на обширномъ Востокѣ и остановить набожныя сочувствія своего народа. Общеніе, о которомъ говорится въ «запискѣ», необходимо; но оно должно дѣлаться исподоволь, съ умѣренностію, съ христіанскимъ снисхожденіемъ къ немощамъ и отъ немощей происходящимъ слабостямъ восточной церкви; наконецъ, съ крайнею осмотрительностію. По нашему глубокому убѣжденію, этотъ союзъ не время еще начинать въ Константинополѣ; ибо тамъ цензорство наше примется теперь еще недружелюбнѣе чѣмъ когда либо: единовѣрцы наши станутъ искать защиты у самыхъ соперниковъ и враговъ нашихъ, и мы можемъ вызвать новую бурю на Востокѣ, въ которой придется опять намъ поплатиться кровью. Переворотъ такой, какого желаетъ авторъ «записки», несбыточенъ еще теперь или требуетъ новыхъ кровавыхъ потрясеній. Но пути къ общенію открыты намъ на поприщѣ болѣе скромномъ, болѣе убогомъ, и потому только можетъ быть нами пренебрегаемомъ. Я говорю о свободной Греціи, въ которой церкви православной, можетъ быть, угрожаетъ еще бо́льшая опасность, чѣмъ въ Турціи.

Въ изложенныхъ выше трехъ статьяхъ заключаются, какъ намъ кажется, основныя условія и средства къ упроченію и къ благоденствію двухъ древнѣйшихъ престоловъ христіанскаго міра, сообразно съ временными политическими судьбами края, среди проявляющагося въ племенахъ восточныхъ нравственнаго и духовнаго треволненія, грозящаго нанести гибельные удары церкви, которая колеблется подъ вліяніемъ накопившихся надъ святымъ ея сводомъ внѣшнихъ и внутреннихъ напастей. Невѣжество и пороки духовенства представляютъ нынѣ на Востокѣ роковую препону къ быстрому и благому преобразованію; но мы не станемъ винить людей горько испытанныхъ судьбою и невѣдающихъ собственнаго недуга. Источникъ зла не въ людяхъ, но въ тѣхъ вѣковыхъ обстоятельствахъ, которыя надъ ними тяготѣютъ.

Вспомнимъ, что изо всѣхъ областей древняго христіанскаго міра, потопленныхъ исламизмомъ въ пору перваго роковаго его порыва, въ одной Сиріи чудесно устояла до нашего времени, въ нѣкоторомъ устройствѣ и порядкѣ, православная церковь. На ея служителяхъ еще видны святые доспѣхи, изъязвленные двѣнадцативѣковою борьбою. Буря исламизма стихла, жизненныя его силы видимо истощаются, уже не страшны для церкви лихорадочные порывы его фанатизма. Новая туча, накопившаяся надъ православіемъ въ сей страдальческой сторонѣ, натекла сюда съ Запада и настигла церковь посреди ея изнуренія отъ тѣхъ долгихъ бѣдствій, коими испытывали оную неисповѣдимыя судьбы Всевышняго; но вѣчный свѣтъ православія, восходящій днесь отъ Сѣвера, какъ выразился одинъ изъ патріарховъ (бл. Меѳодій) въ письмѣ своемъ къ нашему государствен-

ному канцлеру, имѣетъ силу разсѣять сію тучу и озарить новымъ блескомъ церковь восточную въ завѣтной ея колыбели.

*

Желаніе стереть Грековъ съ лица земли есть большая ошибка и политическая, и нравственная, и религіозная. На Востокѣ мы ни шагу не можемъ сдѣлать, чтобы не встрѣтиться съ Греками. Слѣдуетъ-ли намъ, подобно Западу, уничтожать, совращать ихъ народность? Слѣдуетъ-ли намъ слѣпо (какъ мы впрочемъ доселѣ дѣлали) быть лишь придворными льстецами у Греческаго трона и вмѣстѣ съ королевскою властію трудиться надъ сліяніемъ Греціи съ Западомъ и надъ уничтоженіемъ въ оной всякаго живаго элемента, могущаго дать ей непослѣднее мѣсто въ исторіи грядущаго? У насъ на этотъ счетъ свои неизмѣнныя мысли, которыя каждый день укрѣпляются опытомъ. Но здѣсь насъ занимаетъ только религіозная сторона предмета. Можно быть увѣреннымъ, что на семъ поприщѣ, куда бы мы ни пошли, вездѣ должны будемъ идти ихъ дорогою; но ручаемся-ли мы, что пойдемъ и съ ихъ успѣхомъ? Мы, въ первый разъ становясь лицомъ къ лицу съ Востокомъ, въ первый разъ выступая на скользкое и усѣянное трудностями поле религіозной борьбы тамъ съ Европою, даже въ первый разъ знакомясь надлежащимъ образомъ съ мѣстною церковію, хотимъ пройдти по головамъ ихъ, чтобы занять первенство церковное? Горько сказать, а мнѣ кажется, что во многихъ и многихъ дѣлахъ церковныхъ передъ Греками мы дѣти, и какъ дѣти подвергаемся опасности какую нибудь досужую мечту свою принять или за выводъ опытности, или за внушеніе свыше, и въ увлеченіи ею приступить къ дѣлу величайшей важности съ легкостію, Грекамъ конечно несвойственною. Горькія слова наши подтверждаетъ самое наставленіе, данное нашей Іерусалимской миссіи: «проявлять всѣми средствами въ Іерусалимѣ Русское богослуженіе». Позволяю себѣ спросить: къ чему эта усиленная работа? Какую цѣль она имѣетъ въ виду, и какой предполагается конецъ ея? Затрудняясь угадать первую, легко могу предсказать послѣдній. У насъ намѣреніе дѣйствовать на Арабовъ и другіе христіанскіе народы Востока. Для нихъ потому мы будемъ «проявлять» наше богослуженіе со всѣмъ множествомъ малыхъ несходствъ его съ Греческимъ и при этомъ безъ сомнѣнія сочтемъ долгомъ дать замѣтить, что оно-то — наше — и есть вполнѣ достойное святой вѣры православной. Бѣдное и невѣжественное населеніе, равнодушное къ догматической сторонѣ своей вѣры и поражающееся всякою (и даже одною только) внѣшностію, съ изумленіемъ увидитъ такимъ образомъ новую вѣру, тоже православную, къ которой будетъ призываться «всякими средствами» и, не смотря на то, не пристанетъ къ сей новой, а между тѣмъ, потеряетъ уваженіе къ своей старой. Но это еще не все. Изобрѣтшіе этотъ пунктъ наставленій не подумали, что Греки, замѣтивъ наше усиліе выказать себя и закрыть ихъ, не будутъ съ своей стороны дремать, и представится такимъ образомъ міру печальное зрѣлище новой вражды у Гроба Божія, горшей всѣхъ прежнихъ! Вѣнецъ же зла—новое торжество западной пропаганды.

Приложеніе.

Письмо изъ Іерусалима отъ Русскаго архимандрита къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ.

Внутренній голосъ, это эхо разумной души, побуждаетъ меня, на перекоръ робкой волѣ, повѣдать вамъ мою сокровенную думу о духовномъ лицѣ, долженствующемъ дѣйствовать въ Іерусалимѣ во славу Божію и для блага православія подъ руководствомъ однихъ тайниковъ мыслей и воли Покровителя христіанъ на многострадательномъ Востокѣ. Повинуюсь этому голосу и высказываю вамъ эту душу, но не въ Приказной Палатѣ, а у вашего очага домашняго. Два послѣднія письма ваши открыли мнѣ глаза. Я замѣтилъ, что Посольскій Приказъ нашъ, въ добрый часъ, началъ обезпечивать насъ половиною окладовъ нашихъ, независимо отъ духовнаго вѣдомства. Начало, по истинѣ, благое, утѣшительное и возбуждающее многія мысли! Теперь мы чувствуемъ, что по крайней мѣрѣ одною ногою мы стали на скалу, тогда какъ подъ другою еще зыблется трясина, угрожающая провалами и неповиннымъ страданіемъ.

Доброму началу приличествуетъ и конецъ добрый. По моему мнѣнію нужно бы упрочить навсегда благодѣтельное вліяніе Посольскаго Приказа нашего на дѣла въ Іерусалимѣ посредствомъ одного духовнаго орудія, такъ чтобы сіе орудіе не было крушимо ничьею постороннею недальновидностію, медлительностью, щепетильною взыскательностію и торопливою нетерпѣливостію, которой подай весною то, что̀ должно созрѣвать лѣтомъ, и которая забываетъ, что не удобрено поле. Высказываюсь яснѣе. Моя опытность и мое знаніе дѣлъ и потребностей церкви Палестинской внушаютъ мнѣ, что миссія наша въ Св. Градѣ, составляемая изъ людей молодыхъ, неопытныхъ, на удачу пріисканныхъ въ темныхъ бурсахъ, вѣчно учащихся и никогда не доучивающихся, по свойственной каждой кастѣ вялости и нерасположенности къ самопреобразованію, есть орудіе многосложное, слабое, почти безполезное и требующее обильнаго умащенія, и что для благотворнаго вліянія на помянутую церковь достаточно одно духовное лице даровитое, образованное и дѣятельное. Въ Іерусалимѣ надобно не учиться, а учить другихъ мудрости, надобно писать не ученическія разсужденія и проповѣдки, а Дѣянія Апостольскія; надобно бесѣдовать не съ книгами, а съ людьми, надобно не домосѣдствовать, а обходить города и веси съ словомъ вѣры, уставомъ и милостынею, по примѣру апостола языковъ Павла, который отвсюду, гдѣ только насаждалъ христіанство, приносилъ или посылалъ подаянія Іерусалимскимъ братіямъ. При Павлѣ не было ни бакалавровъ, ни семинаристовъ, а находился только

письмоводитель Терцій, при Петрѣ же переводчикъ Маркъ. А сколько добра людямъ сдѣлали эти апостолы! Такъ и при нашемъ посланномъ въ Іерусалимѣ довольно бы содержать одного письмоводителя и одного переводчика....

(Здѣсь слѣдуетъ разсчетъ денежный, который пропускается).

Упраздненіе нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ и оставленіе тамъ одного архимандрита, по прежнему въ полной зависимости отъ посольства и на службѣ въ его вѣдомствѣ, есть дѣло незатруднительное. Въ самыхъ первыхъ строкахъ даннаго мнѣ наставленія заключается возможность и право переиначить способъ нашего дѣйствованія во Св. Градѣ. Стоитъ только сообщить, чрезъ кого слѣдуетъ, Сvноду, въ общихъ выраженіяхъ, что по обстоятельствамъ признается нужнымъ и удобнымъ имѣть одного архимандрита въ Іерусалимѣ (предполагается съ письмоводителемъ и переводчикомъ) и что средства къ существованію его придуманы, а отъ духовнаго вѣдомства пристойно ожидается по прежнему содержаніе церкви и дома, пособіе бѣднымъ и обезпеченіе миссіонерскихъ путешествій (Слѣдуютъ опять денежныя соображенія).

По какимъ же побужденіямъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ можетъ рѣшиться на сказанное водоизмѣненіе своего способа дѣйствій въ Іерусалимѣ? Побужденій къ тому много. Оно можетъ рѣшиться на это дѣло въ видахъ упрощенной единичности (unité) дѣйствованія всякихъ силъ нашихъ на Востокѣ, благоразумной и необходимой прикровенности онаго и прекращенія подозрѣній въ Іерусалимскомъ духовенствѣ касательно приписываемаго намъ намѣренія дать перевѣсъ Арабамъ предъ Греками у Гроба Господня, послѣ обученія нѣсколькихъ питомцевъ нашихъ туземному языку для живаго сношенія нашего съ Арабскими святителями. Оно можетъ рѣшиться на это дѣло во избѣжаніе всякой посторонней недальновидности, медлительности въ дѣлахъ, щепетильности въ сужденіяхъ и неосторожности, могущей бросить въ глубь Востока камень, котораго семеро умныхъ не вытащатъ. (Напр. что̀ сказалъ бы Востокъ о Россіи, если бы мы, не получающіе вотъ уже годъ окладовъ своихъ, начали жить нищенски, закладами нашихъ вещей у Евреевъ? Онъ, зная нашу скромную и ровную жизнь, подумалъ бы, что нищенство не отъ насъ и сказалъ бы: «Изъ Назарета можетъ ли что добро быти?»). Министерство можетъ рѣшиться на это дѣло въ полномъ чаяніи блистательныхъ успѣховъ отъ духовнаго лица въ Іерусалимѣ, не стѣсняемаго въ первыхъ потребностяхъ жизни, а снабдѣваемаго скромно, но довольно, не попираемаго, а ободряемаго, не унывающаго, а присноradующагося при взглядѣ на будущность (гдѣ видны и старость, и немощи, и щедроты сердолюбія), не поставляемаго въ затруднительную необходимость служить двумъ господамъ, изъ которыхъ одинъ возлюбитъ, а другой возненавидитъ его, а дѣйствующаго на безопасномъ просторѣ, подъ умнымъ и любвеобильнымъ вліяніемъ одной дипломатической силы. Хорошо, если такое лице стоитъ на той духовной высотѣ, на которой добро дѣлается потому что оно—добро, съ полнымъ самоотверженіемъ. Но много ли въ мірѣ находится подобныхъ возвышенныхъ существъ? И не должно-ли во всѣхъ предпріятіяхъ человѣческихъ брать въ разсчетъ ce petit grain de sable, dont parle Pascal et qui placé quelque part dans le corps de l'homme le plus éclairé, le plus élevé et le plus vertueux,

peut le changer tout à coup en monstre? [1]) Не должно ли бояться этой песчинки и держать ее въ глуби нашего поврежденнаго естества, подъ гнетомъ ласки, любви, обрадованій, умныхъ замѣчаній и мудрыхъ поощреній? На семъ свѣтѣ есть духи-крохотки и есть духи-исполины. Не лучше-ли дѣйствовать черезъ послѣднихъ? И не лучше ли уповать, что они явятся одни послѣ другихъ, коль скоро указано имъ будетъ поприще для дѣйствій, не стѣсняемое мальчиками съ пальчикъ, съ умомъ въ ноготокъ и съ бородою въ локотокъ, коль скоро даны имъ будутъ всѣ нужныя средства и орудія и коль скоро они будутъ знать заповѣдь единой и единственной силы, правящей дѣлами Востока: Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене! Богъ сотворилъ видимую природу такъ, что для непрерывнаго и стройнаго развитія ея въ безконечность предъ лицемъ Его вѣчнымъ, заготовилъ запасъ нужныхъ къ тому силъ. Такому дѣйствію Божію должна подражать всякая власть и имѣть въ запасѣ много и премного добра, дабы находить и удержать при себѣ духовъ умныхъ, свѣтлыхъ, добрыхъ, быстрыхъ и дѣятельныхъ.

Оканчиваю письмо мое просьбою: будьте увѣрены въ моей готовности служить долго у Гроба Господня подъ руководствомъ тайниковъ мыслей и воли Краснѣйшаго мудростію и добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ; но пожалуйте, тихонько пропойте со мною первыя слова церковной пѣсни: «Иже Херувимы т а й н о образующе» [2]).

---

[1]) Песчинка, о которой говоритъ Паскаль и которая иной разъ, если ввести ее въ человѣка самаго просвѣщеннаго, самаго возвышеннаго и добродѣтельнаго, можетъ немедленно преобразовать его въ чудовище.

[2]) Характерное письмо это печатается здѣсь съ подлинника. П. Б.

Прорицатель Авель.

Изъ Русской простонародной жизни, иногда изъ самой темной среды ея, не разъ выступали на свѣтъ Божій люди съ несокрушимою вѣрою въ свои убѣжденія, гласно выражаемыя безъ страха, до самоотверженія. Таинственная душевная напряженность и странные толки этихъ людей затрогивали не только житейскую обстановку, но шли и дальше. Бѣдный дворянинъ Тверитиновъ является съ протестомъ противъ Петра I-го и письменную жалобу на него Богу кладетъ, въ присутствіи Государя, въ церкви, на паникадило передъ святою иконою. Тамбовскій крестьянинъ Кондратій Селивановъ создаетъ цѣлое вѣроученіе, совращаетъ множество людей въ скопчество и въ теченіи слишкомъ полувѣка простираетъ свое вліяніе на всѣ сословія и на всю Россію. Донскій неграмотный казакъ борется почти два года съ Екатериною и потрясаетъ основами Россіи. Эти люди, при всей нелѣпости, безобразіи и нерѣдко чудовищности умонастроенія своего, конечно заслуживаютъ изученія психологическаго. Они остаются яркими пятнами на исторической картинѣ нашего бытописанія, и не обращать на нихъ вниманія невозможно.

Монахъ Авель проявилъ тоже замѣчательную душевную силу, но онъ ограничивался одними предсказаніями и оставилъ нѣсколько мистически-литературныхъ произведеній о твореніи міра и человѣка — смѣсь библейскихъ сказаній съ собственными добавленіями, часто непонятными. Наполненныя вставками изъ Священнаго Писанія, они конечно занимали простой народъ въ родѣ такъ называемаго «Сна Богородицы», который хранился у Русскихъ людей какъ талисманъ и драгоцѣнность: переписчики брали за него хорошія деньги. Темные слухи объ Авелѣ и его прорицаніяхъ до сихъ поръ ходятъ по Россіи. Несомнѣнно, что онъ предвѣщалъ кончину Екатерины и Павла, а потомъ разореніе Москвы непріятелемъ. Нѣсколько свѣдѣній о немъ и самыя его произведенія напечатаны въ Русской Старинѣ 1875 (I, 414 и 815). Но и самое дѣлопроизводство о немъ сохранилось подъ заглавіемъ: «Дѣло о крестьянинѣ вотчины Льва Александровича Нарышкина Васильѣ Васильевѣ, находившемся Костромской губерніи въ Бабаевскомъ монастырѣ подъ именемъ іеромонаха Адама, и потомъ названномъ Авелемъ и о сочиненной имъ книгѣ. Начато Марта 17-го 1796 года 67 листовъ». Дѣло это отослано было 29-го Августа 1812 г. къ министру юстиціи Дмитріеву по предложе-

нію его, а въ 1815 году возвращено въ архивъ отъ министра юстиціи Трощинскаго. Представляемъ извлеченіе изъ этого дѣла.

*

Авель родился въ 1757 году Тульской губерніи Алексинскаго уѣзда, въ деревнѣ Акуловой, и происходилъ изъ Нарышкинскихъ крестьянъ. Съ ранняго возраста онъ началъ странствовать по разнымъ мѣстамъ и постригся въ Валаамскомъ монастырѣ Новгородской епархіи. Изъ этого монастыря онъ отошелъ въ пустыню, а потомъ достигъ рѣки Волги и вселился въ монастырь Николая чудотворца, прозываемый Бабаевскимъ, тотъ самый, гдѣ недавно скончался памятный Москвѣ преосвященный Леонидъ. Вотъ тутъ-то онъ и написалъ тѣ тетради, которыя надѣлали ему столько бѣдъ и хлопотъ и содержаніе которыхъ выяснится ниже.

Владимірскій и Костромской генералъ-губернаторъ генералъ-поручикъ Заборовскій, письмомъ къ графу А. Н. Самойлову отъ 19-го Февраля 1796 года, сообщилъ секретно, что преосвященный Павелъ, епископъ Костромской и Галицкій, прислалъ Авеля въ Костромское намѣстническое правленіе съ сочиненною имъ книгою и его собственноручнымъ показаніемъ. «Для извлеченія признанія отъ сего сумазброда и злодѣя, не имѣетъ ли онъ участниковъ, сдѣланъ былъ ему новый допросъ секретно правителемъ намѣстничества, но безъ всякаго успѣха, кромѣ темнаго показанія о нѣкоемъ Евреѣ Ѳеодорѣ Криковѣ, котораго Авель признавалъ Мессіею и котораго онъ видѣлъ въ Орлѣ». Авеля, закованнаго въ желѣзы, сочиненную имъ книгу и два допроса, сдѣланные ему преосвященнымъ Павломъ и генераломъ Заборовскимъ, препроводили въ Петербургъ подъ крѣпкимъ и строгимъ карауломъ прапорщика Масленикова и одного унтеръ-офицера.

Авель говорилъ епископу Павлу, что книгу свою писалъ самъ, не списывалъ, а сочинялъ изъ видѣнія; ибо, будучи въ Валаамѣ, пришедъ къ заутрени въ церковь, равно какъ-бы Павелъ апостолъ, восхищенъ былъ на небо и тамъ видѣлъ двѣ книги и что̀ видѣлъ, то самое и писалъ, но никому своего сочиненія не разглашалъ. Съ церковью во всѣхъ догматахъ онъ согласенъ и никакого сумнѣнія и раздора не имѣетъ. Предтечею Гоговымъ именовалъ онъ себя и то писалъ о себѣ также по тому видѣнію. Касательно же на 16 страницѣ написанныхъ имъ именъ, разумѣетъ онъ царскія и на оборотѣ той страницы сіи рѣчи: «нынѣ ей есть отъ рожденія свыше шестидесяти, а егда мужъ ея даде ей власть, свыше трехъ десяти годовъ» и далѣе, понималъ онъ о владѣющей нынѣ Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Все оное видѣлъ онъ при восхищеніи его на небо. Однакожъ все это за истину не утверждаетъ, поелику относить можетъ сіе ко искушенію вражескому.

Епископъ Костромской, находя въ книгѣ Авеля ересь, полагалъ, что за это, на основаніи указа 1737 г. 14 Ноября, его слѣдовало бы предать свѣтскому суду; но какъ въ книгѣ своей онъ проводитъ дерзостной и вредный толкъ объ особѣ Императрицы и о ея царскомъ родѣ, въ чемъ заключается секретъ важный, относящійся до пер-

выхъ двухъ пунктовъ, то, снявъ съ Авеля монашеское одѣяніе (на основаніи указа 1762 г. Октября 19-го) для изслѣдованія и поступленія по законамъ, епископъ за крѣпкимъ карауломъ представилъ его въ Костромское намѣстническое правленіе.

Въ Валаамскомъ монастырѣ было ему видѣніе, что ожидаемый Жидами Мессія уже явился и что онъ найдетъ его въ Орлѣ между торгующими Жидами подъ именемъ Ѳеодора Крикова; по сему видѣнію Авель пошелъ въ Орелъ и отыскалъ названнаго Крикова, разговаривалъ съ нимъ о Священномъ Писаніи и получилъ отъ него приглашеніе еще свидѣться въ этомъ же году въ Кіевѣ. Воротился Авель опять въ Валаамъ, отсюда предпринялъ походъ въ Царь-градъ чрезъ города Орелъ, Сумы, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ и Херсонъ. Чрезъ всѣ помянутыя мѣста проходилъ онъ съ плакатнымъ пашпортомъ. Изъ Херсона съѣхалъ въ Царь-градъ моремъ съ однимъ достаточнымъ Херсонскимъ Грекомъ.

Все вышеизложенное было прислано къ графу Самойлову вмѣстѣ съ Авелемъ, при которомъ найдено денегъ 1 рубль 18 копѣекъ.

Въ это время у Екатерины уже готовы были бумаги о предоставленіи престолонаслѣдія великому князю Александру Павловичу.

Въ Тайной Экспедиціи, 5-го Марта 1796 г., Авель далъ нижеслѣдующія показанія.

Вопросъ. Что̀ ты за человѣкъ, какъ тебя зовутъ, гдѣ ты родился, кто у тебя отецъ, чему обученъ, женатъ или холостъ и если женатъ, то имѣешь ли дѣтей и сколько, гдѣ твой отецъ проживаетъ и чѣмъ питается?

Отвѣтъ. Крещенъ въ вѣру Греческаго исповѣданія, которую содержа повинуется всѣмъ церковнымъ преданіямъ и общественнымъ положеніямъ; женатъ, дѣтей имѣетъ троихъ сыновей; женатъ противъ воли и для того въ своемъ селеніи и жилъ мало, а всегда шатался по разнымъ городамъ.

Вопросъ. Когда ты говоришь, что женатъ противъ воли и хаживалъ по разнымъ мѣстамъ, то гдѣ именно и въ чемъ ты упражнялся и какое имѣлъ пропитаніе, а домашнимъ пособіе?

Отвѣтъ. Когда ему было еще 10 лѣтъ отъ роду, то и началъ онъ мыслить объ отсутствіи изъ дому отца своего съ тѣмъ, чтобы идти куда-либо въ пустыню на службу Богу, а притомъ, слышавъ во Евангеліи Христа Спасителя слово: «аще кто оставитъ отца своего и матерь, жену и чада и вся имени Моего ради, той сторицею вся пріиметъ и вселится въ царствіи небесномъ», онъ, внемля сему, вящше началъ о томъ думать и искалъ случая о исполненіи своего намѣренія. Будучи же 17 лѣтъ, тогда отецъ принудилъ его жениться; а по прошествіи нѣсколько тому времени началъ онъ обучаться Росссійской грамотѣ, а потомъ учился онъ и плотничной работѣ. Понявъ частію грамотѣ и того ремесла, ходилъ онъ по разнымъ для работъ городамъ и былъ съ прочими въ Кременчугѣ и Херсонѣ при строеніи кораблей. Въ Херсонѣ открылась заразительная болѣзнь, отъ которой многіе люди, да и изъ его артели товарищи, начали уми-

рать, чему и онъ былъ подверженъ; то и давалъ онъ Богу обѣщаніе, ежели его Богу угодно будетъ исцѣлить, то онъ пойдетъ вѣчно Ему работать въ преподобіи и правдѣ, почему онъ и выздоровѣлъ, однакожъ и послѣ того работалъ тамъ годъ. По возвращеніи же въ свой домъ сталъ онъ проситься у своего отца и матери въ монастырь, сказавъ имъ вину желанія своего; они же, не разумѣвъ его къ Богу обѣта, его отъ себя не отпускали. Онъ же, будучи симъ недоволенъ, помышлялъ, какъ-бы ему къ исполненію своего намѣренія уйти отъ нихъ тайно, и чрезъ нѣсколько времени взялъ онъ плакатный пашпортъ подъ образомъ отшествія изъ дому для работы, пошелъ въ 1785 году въ Тулу, а оттуда чрезъ Алексинъ, Серпуховъ, Москву, пришелъ въ Новгородъ, изъ коего водою доѣхалъ до Олонца, а потомъ пришелъ къ острову Валааму, съ коего и переѣхалъ въ Валаамскій монастырь, а изъ него въ Валаамскую пустыню.

Вопросъ. Въ обоихъ сихъ мѣстахъ, какъ въ монастырѣ, такъ и пустынѣ, начальники и братія какой жизни и поведенія, и нѣтъ ли отъ нихъ какихъ мірскихъ соблазновъ, и въ чемъ ты тамъ упражнялся?

Отвѣтъ. Настоятели сихъ обителей житія честнаго и трудолюбиваго, и никакихъ онъ ни отъ кого не видалъ мірскихъ соблазновъ, а онъ труждался въ монастырскомъ послушаніи.

Вопросъ. Какой тебѣ годъ и откуда былъ гласъ и въ чемъ онъ состоялъ?

Отвѣтъ. Когда онъ былъ въ пустынѣ Валаамской, во едино время былъ ему изъ воздуха гласъ, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено ему тако: иди и скажи сѣверной царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, иди и рцы ей всю истину, еже азъ тебѣ заповѣдую. 1-е, скажи ей, егда воцарится сынъ ея Павелъ Петровичъ, тогда будетъ покорена подъ ноги его вся земля Турецкая, и самъ султанъ, и всѣ Греки, и будутъ они ему данники; а 2-е, скажи ей, егда сія покорена будетъ и вѣра ихъ лживая истребится, тогда будетъ единая вѣра и единъ пастырь по всей землѣ, тако бо есть писано въ Священномъ Писаніи. И еще же рцы ей сѣверной царицѣ Екатеринѣ: царствовать она будетъ 40 годовъ. Посемъ же иди и рцы смѣло Павлу Петровичу и двумъ его отрокамъ, Александру и Константину, что подъ ними будетъ покорена вся земля.

Вопросъ. Когда ты гласъ сей слышалъ? Въ какое время? И что̀ ты о семъ помышлялъ и кому о томъ сказывалъ ли и что̀ кто тебѣ на то совѣтовалъ и какое ты на то полагалъ намѣреніе?

Отвѣтъ. Сей гласъ слышанъ имъ былъ въ 1787 году въ Мартѣ мѣсяцѣ. Онъ при слышаніи сего весьма усумнился и повѣдалъ о томъ строителю и нѣкоторымъ благоразумнымъ братьямъ. Они же на это ему отвѣчали: ежели сіе дѣло Божіе, такъ будетъ тако и не разорится, а ежели не Божіе дѣло, то разорится. Тутъ жилъ онъ безъ малаго пять лѣтъ, изучался совершенно духовной жизни и письму полууставомъ.

Вопросъ. Отобранныя у тебя тетради, писанныя полууставомъ, кто ихъ писалъ, самъ ли ты, и если самъ, то помнишь ли что̀ въ

нихъ написано, и если помнишь, то съ какимъ ты намѣреніемъ таковую нелѣпицу писалъ, которая не можетъ ни съ какими правилами быть согласна, а паче еще таковую дерзость, которая неминуемо налагаетъ на тебя строжайшее по законамъ истязаніе? Кто тебя къ сему наставилъ и что̀ ты изъ сего себѣ быть чаялъ?

Отвѣтъ. Нынѣ я вамъ скажу исторію свою вкратцѣ. Означенныя полууставныя книги писалъ я въ пустыни, которая состоитъ въ Костромскихъ предѣлахъ близъ села Колшева (помѣщика Исакова) и писалъ ихъ наединѣ, и не было никого мнѣ совѣтниковъ, но вся отъ своего разума выдумалъ. Изъ Валаама пришелъ въ Невскій монастырь. Тутъ сказывалъ я про воздушный гласъ тремъ старцамъ, отъ коихъ, какъ я слышалъ послѣ, дошло и до свѣдѣнія митрополита. Изъ Невскаго вышедъ, жилъ я по разнымъ монастырямъ.

Вопросъ. Для чего и съ какимъ намѣреніемъ и гдѣ писалъ ты найденныя у тебя пять тетрадей или книгу, состоящую изъ оныхъ?

Отвѣтъ. Въ какомъ смыслѣ писалъ книгу, на сіе говорю откровенно, что ежели что нибудь въ разсужденіи сего солгу, то да накажетъ меня всемилостивѣйшая наша Государыня Екатерина Алексѣевна, какъ ей угодно; а причины, по коимъ писалъ я оную, представляю слѣдующія: 1) уже тому девять лѣтъ какъ принуждала меня совѣсть всегда и непрестанно объ ономъ гласѣ сказать Ея Величеству и ихъ высочествамъ, чему хотя много противился, но не могши то преодолѣть, началъ помышлять, какъ-бы мнѣ дойти къ Ея Величеству Екатеринѣ II-й; 2) указомъ велѣно меня не выпускать изъ монастыря и 3) ежели мнѣ такъ идти просто къ Государынѣ, то никакъ неможно къ ней дойти, почему я вздумалъ написать тѣ тетради и первыя двѣ сочинилъ въ Бабаевскомъ монастырѣ въ десять дней, а послѣднія три въ пустыни.

Вопросъ. Написавъ сказанныя тетради, показывалъ ли ты ихъ кому либо? И что̀ съ тобою послѣ воспослѣдовало за нихъ?

Отвѣтъ. Показывалъ я ихъ одному изъ братіи, именемъ Аркадію, который о семъ тотчасъ извѣстилъ строителя и братію. Строитель представилъ меня съ тетрадями моими сперва въ консисторію, а потомъ къ епископу Павлу, а сей послѣдній отослалъ меня и съ книгою въ намѣстническое правленіе, а изъ него въ острогъ, куда пріѣхали ко мнѣ самъ губернаторъ и намѣстникъ и спрашивали о родѣ моемъ и проч., а когда я имъ сказалъ: «ваше высокопревосходительство, я съ вами говорить не могу, потому что косноязыченъ, но дайте мнѣ бумаги, я вамъ все напишу», то они, просьбы моей не выполня, послали сюда въ Петербургъ, гдѣ нынѣ содержусь въ оковахъ. Признаюсь по чистой совѣсти, что совершенно по безумію такую сочинилъ книгу, и надлежитъ меня за сіе дѣло предать смертной казни и тѣло мое сжечь.

Вопросъ. Для чего внесъ въ книгу свою такія слова, которыя особенно касаются Ея Величества и именно, акибы на ню сынъ возстанетъ и прочее, и какъ ты разумѣлъ ихъ?

Отвѣтъ. На сіе отвѣтствую, что возстаніе есть двоякое: иное дѣломъ, а иное словомъ и мыслію и утверждаю подъ смертною каз-

нію, что я возстаніе въ книгѣ своей разумѣлъ словомъ и мыслію; признаюся чистосердечно, что сіи слова написалъ потому, что онъ, т. е. сынъ, есть человѣкъ подобострастенъ, какъ и мы; а человѣкъ различныхъ свойствъ: одинъ ищетъ славы и чести, а другой сего не желаетъ, однако мало таковыхъ, кто бы онаго убѣгалъ, а великій нашъ князь Павелъ Петровичъ возжелаетъ сего, когда ему пріидетъ время; время же сіе наступитъ тогда, какъ процарствуетъ мати его Екатерина Алексѣевна, всемилостивѣйшая наша Государыня 40 лѣтъ: ибо такъ мнѣ открылъ Богъ. И ежели кто скажетъ, что это неправда и я лгу, то потому и все Священное Писаніе несправедливо. Дайте мнѣ книгу Апокалипсисъ и всю Библію для истолкованія, ибо въ Священномъ Писаніи много писано о нашихъ князьяхъ, то я скажу время, когда все сіе сбудется; ибо я для того сюда и посланъ, чтобы возвѣстить вамъ всю сущую и истинную правду.

Вопросъ. Какъ ты осмѣлился сказать въ книгѣ своей, аки бы паде III-й императоръ отъ жены своей?

Отвѣтъ. Сіе я потому написалъ, что объ ономъ есть въ Апокалипсисѣ, и падежъ разумѣю я сверженіе съ престола, съ котораго онъ сверженъ за неправильныя его дѣла̀, о коихъ слышалъ я еще въ младенчествѣ въ Тулѣ отъ мужиковъ, и именно: 1-е) якобы онъ оставилъ свою законную жену Екатерину Алексѣевну и 2-е) будто бы хотѣлъ искоренить православную вѣру и ввести другую, за что Богъ и попустилъ на него таковое искушеніе. Что̀ жъ касается до сказаннаго мною о Павлѣ Петровичѣ, то я и про него слышалъ, яко бы онъ таковъ же нравомъ какъ и отецъ его, и слышалъ здѣсь въ Петербургѣ, чему уже прошло семь лѣтъ, отъ старыхъ солдатъ, служившихъ еще при Елисаветѣ Петровнѣ, которые мнѣ о семъ сказали, когда спрошу ихъ, позвавши въ кабакъ и поднесу въ мѣру вина; однако я не утверждаю, правда ли сіе или нѣтъ и не знаю, живы ли они или уже померли.

Вопросъ. Изъ показаній твоихъ и въ сочиненной книгѣ твоей усматривается дерзновенное прикосновеніе до высочайшихъ императорскихъ особъ, о которомъ мнишь ты удостовѣрить, якобы то происходитъ отъ таинства, въ Священномъ Писаніи содержимаго и тебѣ чрезъ неизвѣстный гласъ открытаго; а какъ таковыя бредни твои не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія и по испытанію тебя въ Священномъ Писаніи оказалось, что ты не только о немъ ни малаго свѣдѣнія, но и никакого понятія не имѣешь, то, отложа сіи неистовыя нелѣпости и лжи, открыть тебѣ самую истину безъ малѣйшей утайки: 1-е) гдѣ о паденіи или сверженіи императора Петра III-го отъ царствованія узналъ, отъ кого, когда, при какомъ случаѣ и какъ? 2-е) хотя ты и показываешь, что возстаніе Государя Цесаревича на нынѣ царствующую всемилостивѣйшую Императрицу слышалъ ты отъ старыхъ солдатъ, подчивая ихъ въ кабакѣ, но какъ и сіе показаніе твое не имѣетъ ни малаго вида вѣроятности, то объявить тебѣ чистосердечно: гдѣ именно, какъ и чрезъ какія средства, при какомъ случаѣ, отъ кого именно узналъ и для какой причины

спрашивалъ ты о свойствахъ Его Высочества, такъ какъ не касающагося до тебя дѣла, ибо въ томъ только единое спасеніе твое зависитъ отъ пріуготовляемаго тебѣ жребія.

Въ отвѣтъ на это самъ Авель сдѣлалъ допросъ своему допросителю Александру Макарову (преемнику знаменитаго Шешковскаго, уже знакомому читателямъ Русскаго Архива по автобіографіи другаго узника, Флячко-Карпинскаго): «Есть ли Богъ и есть ли діаволъ, и признаются ли они Макаровымъ?» И послѣ этого Авель обѣщалъ сказать всю правду.

Не смотря на сумасбродство бѣднаго монаха, поставленнаго передъ грозное судилище, было въ рѣчахъ его что-то необыкновенное, внушающее и обязующее. Судья Тайной Экспедиціи долженъ былъ смутиться передъ этою напряженностью воли, которая не знала страха и подвергла допросителя своему допросу. Тутъ могъ дѣйствовать и личный примѣръ самой Государыни, которая съ противниками своей власти считала нужнымъ бороться орудіемъ убѣжденія и умственныхъ доводовъ. У членовъ Тайной Экспедиціи должно было сохраняться въ свѣжей памяти, какъ она, статья за статьею, опровергала книгу Радищева и вынудила у него сознаніе своего заблужденія. Собственноручный отвѣтъ Макарова сохранился въ дѣлѣ за его подписью: «Тебѣ хочется знать, есть ли Богъ и есть ли діаволъ, и признаются ли они отъ насъ? На сіе тебѣ отвѣтствуется, что въ Бога мы вѣруемъ и по Священному Писанію не отвергаемъ бытія и діавола; но таковы твои недѣльные вопросы, которыхъ бы тебѣ дѣлать отнюдь смѣть не должно, удовлетворяются изъ одного снисхожденія, въ чаяніи, что ты конечно сѐю благосклонностію будешь убѣжденъ и дашь ясное и точное на требуемое отъ тебя свѣдѣніе и не напишешь такой пустоши, каковую ты прислалъ. Если же и за симъ будешь ты притворствовать и отвѣчать не то, что̀ отъ тебя спрашиваютъ, то долженъ ты уже на самого себя пѣнять, когда жребій твой нынѣшній перемѣнится въ несноснѣйшій и ты доведешь себя до изнуренія и самаго истязанія. 5 Марта 1796. Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Макаровъ». Послѣ этого объясненія между судьею и подсудимымъ о Богѣ и діаволѣ, Авель далъ отвѣты по предложеннымъ ему двумъ вопросамъ:

1. О паденіи императора Петра III-го слышалъ онъ еще издѣтска, по народной молвѣ, во время бывшаго возмущенія отъ Пугачева, и сіе паденіе разные люди толковали, кто какъ разумѣлъ; а когда таковые же толки происходили и отъ воинскихъ людей, то онъ началъ съ того самаго времени помышлять о сей дерзкой исторіи; какіе же именно люди о семъ толковали и съ какимъ намѣреніемъ, того въ знаніи показать, съ клятвою, отрицается.

2. О возстаніи Государя Цесаревича на нынѣ царствующую всемилостивѣйшую Императрицу говоритъ, что онъ сіе возстаніе разумѣетъ подъ тремя терминами: 1) мысленное; 2) словесное и 3) на самомъ дѣлѣ. Мыслію—думать, словомъ—требовать, а дѣломъ—противъ воли усиліемъ. Сихъ терминовъ заключеніе и примѣръ взялъ онъ изъ Библіи, которую читая дѣлалъ по смыслу заключенія и

началъ описывать. Тетради его какъ настоятелю, такъ и братіи были противны, и они ихъ жгли, а сочинителя настоятель за то сажалъ и на цѣпь. Но его тревожилъ все тотъ же слышанный гласъ, и онъ рѣшился идти въ Петербургъ. Здѣсь началъ онъ искать, кто бы ему сказалъ о нравѣ Его Высочества. Подъ Невскимъ монастыремъ попался ему старый солдатъ, коего онъ не знаетъ, и этотъ солдатъ удовлетворилъ его желанію. Въ писаніи своемъ совѣтниковъ и помощниковъ не имѣлъ и бывшее ему явленіе признаётъ дѣйствіемъ нечистаго духа, что̀ и утверждаетъ клятвою, готовя себя нетокмо жесточайшему мученію, но и смертной казни. Подписался: «Василій Васильевъ».

Есть извѣстіе, что Авеля водили и къ самому генералъ-прокурору графу Самойлову, который далъ ему три пощечины. «Отецъ же Авель стояше предъ нимъ весь въ благости, и весь въ божественныхъ дѣйствахъ».

17-го Марта 1796 года состоялось рѣшеніе: «Поелику въ Тайной Экспедиціи по слѣдствію оказалось, что крестьянинъ Василій Васильевъ неистовую книгу сочинялъ изъ самолюбія и мнимой похвалы отъ простыхъ людей, что̀ въ непросвѣщенныхъ могло бы произвести колеблимость и самое неустройство, а паче что осмѣлился онъ вмѣстить тутъ дерзновеннѣйшія и самыя оскорбительныя слова, касающіяся до пресвѣтлѣйшей особы Ея Императорскаго Величества и высочайшаго Ея Величества дома, въ чемъ и учинилъ собственноручное признаніе, а за сіе дерзновеніе и буйственность, яко богохульникъ и оскорбитель высочайшей власти, по государственнымъ законамъ, заслуживаетъ смертную казнь; но ея Императорское Величество, облегчая строгость законныхъ предписаній, указать соизволила онаго Василія Васильева, вмѣсто заслуженнаго ему наказанія, посадить въ Шлиссельбургскую крѣпость, вслѣдствіе чего и отправить при ордерѣ къ тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотромъ, съ приказаніемъ содержать его подъ крѣпчайшимъ карауломъ такъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ не сообщался, ни разговоровъ никакихъ не имѣлъ; на пищу же производить ему по десяти копѣекъ въ каждый день, а вышесказанныя, писанныя имъ, бумаги, запечатавъ печатью генералъ-прокурора, хранить въ Тайной Экспедиціи».

Любопытно, что докладъ объ Авелѣ, по которому объявлено вышеписанное высочайшее повелѣніе, состоялся 17-го Марта, а самъ онъ ранѣе, именно 8-го Марта, уже былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и помѣщенъ въ казармѣ № 22.

9-го Марта, въ 5 часовъ утра, привезли Васильева въ Шлиссельбургъ, и комендантъ далъ ему самому распечатать конвертъ отъ генералъ-прокурора, въ которомъ написано было слѣдующее увѣщаніе: «Помѣщенное тобою въ книгѣ твоей касательно до императора Петра III-го отъ кого ты взялъ сію нелѣпость? Кто именно сказывалъ тебѣ оную? Когда? Въ какомъ мѣстѣ? При комъ или наединѣ и по какому случаю? Ты долженъ объявить о всемъ чистосердечно. Также ты долженъ сказать и о томъ, почему ты включилъ въ книгу

слѣдующія слова: «сынъ ея на ню еще не возста, а возстанетъ въ самое то время, когда придетъ Самъ Богъ» и проч. Ежели ты хочешь преклонить на себя милосердіе всемилостивѣйшей Государыни, то оставь упорство и обнажи душу свою: скажи, по какимъ причинамъ ты приступилъ къ такому дерзкому вранью, самъ ли собою или кѣмъ возбужденъ былъ къ тому? Какое намѣреніе у тебя было въ семъ случаѣ, или тѣхъ, которые участвовали съ тобою въ безразсудности твоей? Единое чистосердечное признаніе твое во всемъ возможетъ тебя избавить отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, которыя готовитъ тебѣ правосудіе законовъ. Открой также причину, для которой ты захотѣлъ сдѣлаться святошей? Кого ты научалъ глупостямъ своимъ? Вѣрилъ ли тебѣ кто ни есть, и гдѣ и въ какомъ родѣ людей и болѣе ты предуспѣлъ? Все что̀ скажешь ты сходнаго съ истиною, послужитъ къ твоему добру; напротивъ же того, ложность, притворство и двоякость въ отвѣтахъ обратятъ на тебя всю строгость законовъ, которые таковыхъ дѣяній, каковы суть твои, не пощадятъ».

Авель, выслушавъ сіе увѣщаніе два раза, отвѣчалъ: «Я болѣе того, что̀ въ послѣднемъ г-ну совѣтнику Макарову объясненіи написано, сказать ничего не имѣю, что̀ и утверждаю клятвою. Если я за то токмо преступленіе опредѣляюсь къ сему строжайшему и бѣдственному моему жребію, то пріемлю съ повиновеніемъ и буду сносить до конца жизни».

12-го Декабря Шлиссельбургскій комендантъ Колюбякинъ получилъ письмо отъ новаго генералъ-прокурора князя А. Б. Куракина, въ которомъ объявлялось высочайшее повелѣніе прислать въ Петербургъ «арестанта Васильева», съ прочихъ же всѣхъ, на комъ есть оковы, оныя снять. (Въ этотъ же день Колюбякинъ за усердіе и порядочное исправленіе должности пожалованъ въ бригадиры).

13-го Декабря, какъ отмѣчено въ дѣлѣ, сочиненная Васильевымъ книга взята княземъ А. Б. Куракинымъ и поднесена Его Величеству.

Государь бесѣдовалъ съ загадочнымъ прорицателемъ и спрашивалъ у него «по секрету, что̀ ему случится».

14-го Декабря послѣдовалъ рескриптъ:

«Князь Алексѣй Борисовичъ! Всемилостивѣйше повелѣваемъ содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости крестьянина Васильева освободить и отослать, по желанію его, для постриженія въ монахи *), къ Гавріилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому».

«Павелъ».

Въ эти дни вторично хоронили Петра III-го. Подробности бесѣды съ Государемъ неизвѣстны; но сохранилась записка: «Его Величеству угодно вѣдать о нынѣшнемъ состояніи посланнаго къ здѣшнему митрополиту Гавріилу для постриженія, по желанію, въ монахи крестьянина Васильева, къ исполненію чего и посланъ былъ отъ генералъ-прокурора кол. ас. Крюковъ, которымъ означенный Васильевъ и былъ

*) Авель былъ предварительно, еще въ Костромѣ, разстриженъ.

распрашиванъ наединѣ безпримѣтнымъ образомъ, на что тотъ Васильевъ и говорилъ, что онъ нынѣшнимъ его жребіемъ доволенъ, но токмо что пищу даютъ ему единожды въ день, отъ чего слабъ въ силахъ; притѣсненія ему никакого ни отъ кого нѣтъ, ибо сего надзираетъ самъ митрополитъ; скучаетъ же, что долго не постригаютъ его въ монахи, а говорятъ, чтобъ еще къ трудамъ утвердился; жалуется, что не имѣетъ нужной одежды, что̀ и примѣтно, о чемъ и проситъ человѣколюбивѣйшаго въ пособіе милосердія». 21-го Декабря писана благодарность преосвященному за его попеченіе о дачѣ тому Васильеву пищи по два раза въ сутки, а при томъ на исправленіе его послано десять рублей.

Авель поздравилъ князя Куракина 25-го Декабря съ праздникомъ, слѣдующимъ письмомъ: «Ваше сіятельство, Александра Борисовичъ! Приношу вамъ благодарность: вы меня избавили изъ темныхъ темницъ и отъ крѣпкихъ стражей, въ которыхъ я былъ вѣчно заключенъ отъ Самойлова. Вы о семъ сами извѣстны, а нынѣ я по Его Императорскому приказу и по вашему благоволенію свободенъ и пришелъ къ вамъ поздравить васъ съ Христовымъ торжественнымъ праздникомъ и васъ благодарить за таковое ваше ко мнѣ благодѣяніе. И крайняго я вамъ за сіе желаю душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія и многая лѣта и прочая вся благая и преблагая и пребуду въ таковой памяти вѣчно-незабвенно. Богомолецъ вашъ Василій».

29-го Декабря 1796 года князь Куракинъ сообщилъ митрополиту Гавріилу высочайшее желаніе, чтобъ Василій былъ постриженъ поскорѣе.

Въ новый 1797 годъ Васильевъ подалъ чрезъ князя Куракина слѣдующую записку: «Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшій Государь! Съ симъ, съ новонаступившимъ годомъ усердно поздравляю: да дастъ Господь Богъ вамъ оный, а по ономъ и многіе богоугодно и душеспасительно препроводить. Сердечно чувствую высокомонаршія ваши ко мнѣ недостойному оказуемыя, неописанныя милости, коихъ по гробъ мой забыть не могу. Осмѣливаюсь священную особу вашу просить о слѣдующемъ и о послѣднемъ: 1-е) Благоволите указомъ не въ продолжительномъ времени посвятить меня въ іеромонашескій чинъ, дабы я могъ стояти во церкви у престола Божія и приносити Всевышнему Существу жертву чистую и непорочную за вашу особу и за всю вашу царскую фамилію, да дастъ Богъ вамъ дни благопріятны и времена спасительны и всегда побѣду и одолѣніе на враги и супостаты. 2-е) Егда меня заключили на вѣчное житіе въ Шлиссельбургскую крѣпость, и далъ я обѣщаніе Богу такое: егда отсюда освободятъ, и схожу въ Іерусалимъ поклонитися Гробу Господню и облобызати стопы, мѣсто ногъ Его. 3-е) Чтобы я былъ допущенъ лично къ Вашему Императорскому Величеству воздать вамъ достодолжную благодарность и облобызать вашу дражайшую десницу и буду почитать себя счастливымъ. 4-е) Благоволите вы мнѣ изъяснить на бумагѣ, за что меня наибольше посадилъ Самойловъ въ крѣпость, въ чемъ и остаюсь въ ожиданіи благонадежнымъ».

Князь Куракинъ 5-го Января 1797 г. доложилъ это письмо Государю и притомъ писалъ, что когда онъ отвозилъ Авеля къ митрополиту Гавріилу, то сей упрекалъ его за предвѣщанія о себѣ, что онъ будетъ архіереемъ; слѣдовательно, нынѣшняя его поспѣшная просьба о посвященіи во іеромонахи, клонится къ достиженію архіерейскаго достоинства.

На докладѣ этомъ собственноручная отмѣтка князя Куракина:

«Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: прошеніе Васильева оставить безъ уваженія, но для свѣдѣнія митрополита заявить ему сіе».

Отлучившись самовольно изъ лавры, Авель очутился въ Москвѣ, гдѣ, пророчествуя, собралъ деньги. Пророчествовать ему запретили и сослали въ монастырь, что на острову, на Ладожскомъ озерѣ, т. е. на Валаамѣ. Тамъ Авель снова принялся за сочиненіе прорицательныхъ тетрадей, которыя на этотъ разъ были посланы игуменомъ Назаріемъ въ Петербургъ къ митрополиту.

Переписка о монахѣ Авелѣ прекращается до 1800 года. Въ этомъ году, отъ 19-го Марта за № 118-мъ, Амвросій, митрополитъ Петербургскій, увѣдомилъ генералъ-прокурора Обольянинова о крестьянинѣ Васильѣ, постриженномъ въ Декабрѣ 1796 года въ Александроневскомъ монастырѣ съ нареченіемъ ему имени Авеля и сосланномъ въ 1798-мъ году въ Валаамскій монастырь, слѣдующее: «Нынѣ онаго монастыря настоятель Назарій, съ братіею, доноситъ мнѣ о немъ Авелѣ, что онъ, скрывая свои зловкоренившіеся въ немъ пороки, обнаружилъ оные покражею изъ кельи одного іеромонаха серебряныхъ ложекъ, Турецкихъ денегъ и другихъ вещей, которыя, по употребленіи настоятелемъ многаго исканія, онъ Авель принесши къ нему тайно сказалъ, что будто бы тѣ вещи къ нему Авелю подкинуты, и онъ знаетъ похитителя, но не хочетъ объ немъ объявить и что онъ объ нихъ чрезъ сонное видѣніе развѣдалъ, изъ чего настоятель заключаетъ, что онъ Авель, будучи предосудительныхъ и званію несоотвѣтственныхъ качествъ, усердія къ богоугодному житію и душевному спасенію нималаго не имѣетъ, да и на послушанія съ братіею не ходитъ, отзываясь больнымъ. По приходѣ же настоятеля съ однимъ іеромонахомъ къ нему въ келью для освидѣтельствованія, точно ли онъ Авель боленъ, нашли у него книгу, которую когда настоятель взялъ и спросилъ его что за книга? Отвѣтствовалъ, что дали ему прочитать и, бросясь къ нему настоятелю за нею, съ азартомъ вскричалъ, чтобъ онъ ея не бралъ, въ противномъ случаѣ убьетъ его до смерти. Когда же настоятель бывшему съ нимъ іеромонаху велѣлъ позвать братію, тогда онъ Авель оробѣлъ, ту книгу изъ рукъ своихъ выпустилъ, которая отъ него отобрана и ко мнѣ представлена съ найденнымъ въ ней листкомъ, писаннымъ Русскими литерами, а книга писана языкомъ неизвѣстнымъ». Настоятель, отягчаясь пребываніемъ Авеля въ монастырѣ и опасаясь, чтобъ не привелъ братію въ разстройство, проситъ Авеля оттуда вывесть. Митрополитъ препроводилъ къ Обольянинову книгу и листокъ, найденные у

Авеля и просилъ исходатайствовать высочайшее повелѣніе о ссылкѣ его въ Соловецкій монастырь.

На письмѣ Амвросія Обольяниновъ написалъ: «Докладывано. Высочайше повелѣно: послать нарочнаго, который привезъ бы въ Петербургъ, по привозѣ же посадить въ казематъ, за крѣпчайшій караулъ, въ крѣпости. Мая 21 дня 1800 года. Павловскъ».

Вѣроятно къ этому времени и относится предсказаніе Авеля о кончинѣ Павла Петровича.

Такимъ образомъ, черезъ четыре года, произошло новое свиданіе Авеля съ Макаровымъ.

26-го Мая 1800 г. Макаровъ донесъ Обольянинову, что Авель привезенъ исправно и посаженъ въ казематъ въ равелинѣ. Онъ, кажется, только колобродитъ, и враки его ничего болѣе не значатъ; а между тѣмъ думаетъ мнимыми пророчествами и сновидѣніями выманить что нибудь; нрава неспокойнаго.

На донесеніи Макарова Обольяниновъ написалъ: «Къ архіерею, по желанію Его Величества, отпускать; архіерею отписать: при всякомъ свиданіи, что̀ объявитъ, меня увѣдомлять. Мая 27-го 1800 г.».

На другой же день Авель написалъ къ Амвросію: «Я нижайшій монахъ Авель обошелъ всѣ страны и пустыни, былъ и въ царскихъ палатахъ и въ великолѣпныхъ чертогахъ и видѣлъ въ нихъ дивная и предивная, а наипаче видѣлъ и обрѣлъ въ пустынныхъ мѣстахъ великая и тайная и всему роду полезная; того ради, ваше высокопр., желаю я нынѣ съ вами видѣться и духовно съ вами поговорити и оныя пустынныя тайны вамъ показати. Притомъ же прошу вашихъ святыхъ молитвъ».

29-го Мая состоялось свиданіе Авеля съ Амвросіемъ, который въ тотъ же день писалъ къ Обольянинову: «Монахъ Авель, по запискѣ своей, въ монастырѣ имъ написанной, открылъ мнѣ. Оное его открытіе, имъ самимъ написанное, на разсмотрѣніе ваше при семъ прилагаю. Изъ разговора же я ничего достойнаго вниманія не нашелъ, кромѣ открывающагося въ немъ помѣшательства въ умѣ, ханжества и разсказовъ о своихъ тайновидѣніяхъ, отъ которыхъ пустынники даже въ страхъ приходятъ. Впрочемъ Богъ вѣсть».

Нельзя не обратить вниманія на эти три послѣднія слова. Авель, очевидно, колобродилъ; а между тѣмъ было что-то въ немъ, что̀ возбуждало недоумѣніе, что-то среднее между сномъ и дѣйствительностью. Этотъ отзывъ Амвросія (человѣка практическаго) напоминаетъ намъ ту вѣру въ сны и видѣнія, которою наполнены недавно изданныя письма митрополита Филарета къ архимандриту Антонію.

Не покидая своей прежней мысли, что будетъ на землѣ едино стадо и единъ пастырь, инокъ-предсказатель въ письмѣ къ Амвросію пишетъ: «А нынѣ я имѣю желаніе опредѣлиться въ Еврейскій родъ и научить ихъ познанію Христа Бога и всей нашей православной вѣры и прошу доложить о томъ Его Величеству».

На письмѣ Амвросія рукою Обольянинова: «докладывано Мая 30-го 1800 г. Павловскъ».

По вступленіи на престолъ императора Александра Павловича учреждена была коммиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Пересмотрѣли и переписку объ Авелѣ; оказалось, что онъ содержался въ С.-Петербургской крѣпости съ 26-го Мая 1800 г. за разныя сочиненія его, заключающія въ себѣ пророчества и другія инакозначущими литерами нелѣпости. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1801 года Авель отосланъ былъ къ Амвросію для помѣщенія въ монастырь по его усмотрѣнію и имъ отосланъ въ Соловецкій монастырь, а 17-го Октября Архангельскій гражданскій губернаторъ донесъ, что Авель, вслѣдствіе указа Св. Синода изъ подъ стражи освобожденъ и отданъ архимандриту въ число прочихъ монашествующихъ. Выпущенный на волю, Авель сочинилъ третью книгу, съ предвѣщаніемъ взятія Москвы непріятелемъ, за что его снова заточили уже на многіе годы въ Соловецкій монастырь. Въ исходѣ 1812 года министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ выписалъ его къ себѣ въ Петербургъ. Послѣ таинственныхъ бесѣдъ съ этимъ главою тогдашняго духовничества, ему дана полная свобода. Онъ повелъ опять скитальческую жизнь.

Изъ его тетрадей и писемъ (очень недурно составленныхъ) видно, что въ своихъ фантазіяхъ онъ былъ убѣжденъ совершенно и готовъ за нихъ отдать свою жизнь. Одержимый духомъ предсказаній, то вѣчный скиталецъ по монастырямъ и Костромскимъ лѣсамъ и пустынямъ, то тюремный сидѣлецъ, инокъ Авель, по пословицѣ «на ловца и звѣрь бѣжитъ», находилъ себѣ если не почитателей, то по крайней мѣрѣ благотворителей и даже въ высшемъ кругу. Онъ былъ знакомъ и велъ переписку съ графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, рожденной Закревской, получалъ отъ нея денежныя пособія и на одежду сукно съ ея фабрики, вмѣшивался въ ея отношенія къ сыну-повѣсѣ, проживалъ въ Курской губерніи у извѣстнаго богача Никанора Ивановича Переверзева, поселялся то въ Москвѣ, въ Шереметевой больницѣ, то у Троицы Сергія. Авторъ извѣстныхъ Записокъ, Л. Н. Энгельгардтъ говоритъ про него, «что онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый; многія барыни, почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ своимъ дочерямъ; онъ имъ отвѣчалъ, что предсказывалъ тогда только, когда вдохновенно было велѣно ему что говорить».

Не смотря на покровительство князя Голицына, Авеля понудили прекратить его бродяжничество. Митрополитъ Филаретъ опредѣлилъ его въ Высотскій монастырь подъ Серпуховомъ, по близости отъ его родины. Но старая привычка взяла свое: съ наступленіемъ новаго царствованія, Авель ушелъ изъ монастыря и черезъ бывшаго своего господина, Дмитрія Львовича Нарышкина, вздумалъ опять обратить на себя вниманіе предержащей власти. Государь Николай Павловичъ приказалъ заточить его въ Спасо-Ефимьевъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1841 году.

Письма А. С. Хомякова къ А. Ѳ. Гильфердингу.

I.

(1853).

Благодарю васъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, за вашъ добрый и крайне замѣчательный трудъ; благодарю васъ за ваше дружеское и милое посвященіе [1]). Отмѣтки мои уже показали вамъ, что я серьезно перечиталъ вашу диссертацію, и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вамъ пригодиться. Весь же трудъ имѣетъ, по моему, ту великую важность, что это первый опытъ сравнительной филологіи, въ которомъ основа не матеріальная, а принято въ соображеніе органическое развитіе мысли, облекающейся въ словесныя формы. Именно этого-то я и жду отъ филологіи Русской, и этимъ-то она должна отличиться отъ Нѣмецкой. Безъ этого отличія никогда не будетъ самостоятельности, а только составится отдѣльная конторка землекоповъ, принадлежащая вполнѣ великому Нѣмецкому ученому банку. Дай вамъ Богъ подвизаться! Еще этотъ путь покуда не запертъ. А съ нами вы уже знаете какая невзгода, какія подозрѣнія, какія угрозы. Что̀ имъ мерещится, Богъ знаетъ. Покуда кончилось ничѣмъ: взяли съ меня, Аксаковыхъ, князя Черкасскаго и Кирѣевскаго [2]) подписку, что мы никуда ничего представлять не будемъ, кромѣ какъ высшей цензурѣ. Послѣдніе два въ большомъ негодованіи, особенно Кирѣевскій. Богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ нибудь оподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ. Я, разумѣется, смѣюсь, потому что ожидалъ даже худшаго и увѣренъ, что худшее устранено только добрыми людьми. Разумѣется также, что я не сержусь нимало: вопервыхъ это не въ моемъ характерѣ, а вовторыхъ знаю, что теперь время революціонное, и слѣд. всякое правительство, какъ и всякій народъ,

---

[1]) Отецъ А. Ѳ. Гильфердинга, Ѳедоръ Ивановичъ былъ товарищемъ, по службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ старшимъ братомъ Хомякова, Ѳедоромъ Степановичемъ (рано умершимъ). Съ этого начались дружескія отношенія Хомякова съ Ѳ. И. Гильфердингомъ; дружбу эту Хомяковъ перенесъ и на его сына, который, еще въ Московскомъ университетѣ, умѣлъ ее поддержать и усилить своими занятіями по Славянской исторіи и языкознанію. П. Б.

[2]) Ивана Васильевича. — Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за Московскаго Сборника 1852 года.

долженъ имѣть свою категорію des suspects [3]), въ которую человѣкъ попадаетъ самъ не зная почему, иначе просто потому, что ничего не ищетъ и ничего не добивается. Потомъ, мысль и ея движеніе теперь подозрительны, какое-бы ни было ихъ направленіе. Одинъ изъ нашихъ великихъ мужей, котораго батюшка вашъ вѣроятно очень знаетъ и который былъ недавно здѣсь, Б. М. [4]) характеризовалъ очень остроумно систему князя Ш. «Ce brave homme croit que la bêtise est la meilleure arme défensive contre l'abus de l'esprit» [5]). Не правда-ли очень мило сказано? О себѣ могу только то сказать, что убѣжденія многихъ такъ ко мнѣ благосклонны, что, когда бѣднаго Павлова [6]) схватили, велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ. Можно-ли себѣ представить что нибудь смѣшнѣе этого, а это фактъ. Въ тоже время признаюсь, что прежде я бы этому больше смѣялся. Теперь мнѣ это немного скучненько.—Покуда продолжаю свою работу, но въ Москвѣ она идетъ какъ-то медленно. Нынѣшній-же годъ у меня накопилось пропасть дѣлъ хозяйственныхъ всякаго рода, и это много похищаетъ времени и подавляетъ работящія способности ума.

Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Скажите мой дружескій поклонъ батюшкѣ и попрекните за то, что Царяграда не взяли. Вся дипломація виновата.

Вашъ А. Хомяковъ.

У насъ здѣсь холера не совсѣмъ дурная. Бьюсь не добьюсь, чтобы мнѣ позволили испытать свое лекарство, которое очень вѣрно, сколько мнѣ кажется. Но форма медицинская не позволяетъ людей ни морить, ни вылечивать безъ патента. Кстати, въ Вильсонѣ я нашелъ два слова, въ которыхъ корень бгу измѣненъ вставкою гласной между б и аспираціей. Это оправдываетъ мое мнѣніе о словѣ Богъ. Скажите пожалуйста мой поклонъ Каетану Андреевичу [7]).

II.

Любезный другъ Александръ Ѳеодоровичъ.

Посылаю вамъ трудъ свой, о которомъ я уже вамъ говорилъ въ Москвѣ. Совершенъ онъ при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособій, частью въ деревнѣ, частью на почтовыхъ станціяхъ и на заводѣ, между фабричныхъ работъ. Сравнилъ я слишкомъ тысячу словъ Санскритскихъ съ Русскими, предпочитая вообще формы болѣе развитыя первообразнымъ для яснѣйшаго показанія сродства этихъ двухъ языковъ и удерживая только сходства самыя разительныя за исключеніемъ сомнительныхъ или даже несомнѣнныхъ, но требующихъ въ читателѣ бо̀льшаго знаком-

---

[3]) Подозрѣваемыхъ людей.

[4]) Такъ въ подлинникѣ. Не баронъ ли Мейндорфъ?

[5]) Этотъ храбрый человѣкъ полагаетъ, что глупость есть лучшее обсронительное орудіе противъ злоупотребленія разумомъ.

[6]) Николай Филиповичъ Павловъ былъ въ то время сосланъ въ Пермь.

[7]) Коссовичу.

ства съ перерожденіемъ звуковъ [8]). Если исключить сомнительныя и обозначенныя мною вопросительнымъ знàкомъ и словъ съ пятокъ Малорусскихъ или Церк. словянскихъ, которыя мною помѣщены по разсѣянности, останется еще болѣе тысячи, изъ коихъ многія перешли черезъ цѣлый рядъ многосложныхъ развитій, какъ напр. кхуранасъ, джалабгу, гаваса и др. Я не принялъ въ соображеніе ни одного областнаго слова (кажется, за исключеніемъ мара), ни Малорусскаго нарѣчія, ни даже Бѣлорусскаго. При нихъ это число—тысяча—конечно болѣе-бы чѣмъ утроилось. Присоедините потомъ все богатство Словянскихъ нарѣчій южныхъ и западныхъ, и тогда явно будетъ такое сходство, которое доходитъ почти до тождества въ лексическомъ отношеніи. Такимъ образомъ трудъ мой, какъ онъ ни недостаточенъ (въ чемъ, разумѣется, я не сомнѣваюсь), служитъ явнымъ подтвержденіемъ теоріи, вами высказанной. Точно также изъ него явно выходитъ, что языкъ Словянскій и Русское его нарѣчіе суть остатки первичной формаціи и (кромѣ Литовскаго) единственные въ мірѣ уцѣлѣвшіе остатки этой формаціи. Кажется, даже послѣ бѣглаго взгляда на прилагаемый мною списокъ, ни одинъ разумный и добросовѣстный филологъ не усомнится поставить звуковое сродство языковъ Санскритскаго и Русскаго внѣ всякаго сравненія съ сродствомъ другихъ языковъ, даже Эллинскаго, съ Санскритскимъ (опять, разумѣется, за исключеніемъ Литовскаго).

Прибавлю еще два примѣчанія.

1) При своемъ теперешнемъ трудѣ я былъ еще болѣе прежняго пораженъ звуковымъ сходствомъ языка Латинскаго съ Санскритскимъ и сродствомъ его съ восточнымъ отдѣленіемъ Индо-Европейскихъ нарѣчій (Санскр., Слов. и Литовск.). Мое всегдашнее и, какъ вы знаете, давно уже записанное убѣжденіе подтвердилось; но это сходство именно принадлежитъ той части Латинскаго языка, которая принадлежитъ восточной стихіи. Ее отдѣлить не трудно въ отношеніи лексическомъ и не совсѣмъ трудно въ отношеніи грамматическомъ. Напримѣръ, значеніе предлога со, Л. cum, какъ обозначающаго дѣйствіе быстрое и совершенное, не трудно узнать въ conclamare, comburere, concidere и др., которыя конечно не представляютъ идеи совокупности, а идею быстро и вполнѣ совершаемаго, именно вскрикнуть [9]), сжечь, упасть или спасть; также въ несовершенномъ bam нетрудно узнать нашего участительнаго или продолжительнаго вать: rancabam—рыкивалъ, vertebam—верчивалъ и т. д. Также въ давнопрошедшемъ Сло-

---

[8]) Говорится о сочиненіи А. С. Хомякова: «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими», вышедшемъ отдѣльно въ Спб. въ 1855 и напечатанномъ сначала въ Извѣстіяхъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

[9]) Напр. въ Т. Л. (Титѣ Ливіи) conclamant omnes, значитъ всѣ вскрикиваютъ, а совсѣмъ не «всѣ вмѣстѣ кричатъ», выраженіе очень вялое, котораго даже и предполагать нельзя. Примѣчаніе А. С. Хомякова.

вянск. форма *ивъ* или *авъ* (т. е. причастная на *вый*) есмь — amav-esam. Въ прошедшемъ таже форма безъ вспомогательнаго глагола. Также въ формахъ bundus явно Слов. *будый* или *будущій*. И такъ далѣе. Но все это относится только къ одной изъ стихій, вошедшихъ въ составъ Латинскаго языка. Не должно забывать, что онъ языкъ сплавной, также какъ и народъ. Это уже знали и древніе и засвидѣтельствовали весьма рано. Римляне, какъ плебеи, такъ и патриціи, были colluvies [10]) gentium по словамъ одного изъ первыхъ трибуновъ, если не ошибаюсь, Канумія.

2) Признавая вполнѣ справедливость плодовитой мысли моего любезнаго друга, К. С. Аксакова (мысли, которой частичку хотѣли у него оттягать) о томъ, что норма Русскаго спряженія заключается въ идеѣ качества, а не времени, я долженъ прибавить, что, по моему убѣжденію (еще болѣе утвердившемуся въ продолженіе моего теперешняго труда), эта норма не создана Русскимъ или Словянскимъ племенемъ. Она существовала издревле въ совокупности съ нормою спряженія по времени въ томъ коренномъ языкѣ, котораго богатства мы уже почти не въ силахъ себѣ представить. На это много указаній въ кристаллизированныхъ формаціяхъ всѣхъ Индо-европейскихъ нарѣчій и особенно Санскритскаго. Русскій языкъ утратилъ одну норму, сохранивъ и развивъ другую; а прочія нарѣчія утратили норму, сохраненную нами.

Вы высказали печатно мое мнѣніе о значеніи нашихъ безгласныхъ, и я вамъ за то искренно благодаренъ, особенно потому, что самъ никогда бъ не собрался; но позвольте пополнить вами сказанное. Наша система буквъ значительно разнится отъ другихъ Европейскихъ системъ, и корень этого различія лежитъ очень глубоко. Другіе приняли грамату, мы приняли граматность. Не вхожу въ разборъ, кто, чѣмъ, какъ воспользовался; но дѣло ясно, и различіе, можетъ быть, зависѣло отъ существованія древнихъ резъ. (Впрочемъ это только предположеніе). Гласныя у насъ распались на двѣ лѣстницы или скалы—густыхъ и острыхъ, *а*, *о*, *у* и *а*, *е*, *и*, которыя могутъ переходить въ рядъ согласныхъ посредствомъ йотаціи, какъ у насъ и въ Индостанѣ (переходъ острыхъ), или посредствомъ уотаціи, какъ у Англичанъ черезъ w (переходъ густыхъ). Согласная, по своему внутреннему опредѣленію, непроизносима и безхарактерна; характеръ свой получаетъ она не отъ предшествующей, а отъ послѣдующей гласной, или, за отсутствіемъ гласной, отъ густаго или остраго придыханія, которое есть опять не что иное, какъ неразвитая вполнѣ гласная. Безъ обозначенія придыханія согласная не имѣетъ опредѣленнаго смысла. Такова весьма разумная система, лежащая въ основѣ нашей письменности, и такова причина, почему согласная (если за нею не слѣдовала гласная) не

---

[10]) Colluvies—сливъ, т. е. то, что̀ слито вмѣстѣ. Тождество еще яснѣе при предположеніи, что Латинское *u* часто произносилось какъ наше *ы*, чѣмъ объяснились-бы и мысль Клавдія, и архаическія формы maxumus, optumus и прочее. Примѣчаніе А. С. Хомякова.

могла явиться безъ обозначенія придыханія, выражающаго скалу гласныхъ, отъ которыхъ согласная получаетъ свой характеръ. Законъ остается тотъ-же, будь согласная въ концѣ или серединѣ слова. Обычай отмѣнилъ употребленіе знака *ъ* въ серединѣ словъ, но разумность прежняго обычая явна; и хотя возвратъ къ нему былъ-бы неразуменъ, онъ помогаетъ намъ понять самый смыслъ и разумность употребляемыхъ нами знаковъ *ъ* и *ь*. Прибавлю еще, что двѣ скалы гласныхъ у насъ сходятся въ двухъ точкахъ, въ *а*, который можно назвать полюсомъ полнозвучія и въ *ы*, который можно назвать полюсомъ глухимъ. Не говорю о другихъ сочетаніяхъ двухъ скалъ, которыя легко можно прослѣдить почти во всѣхъ Европейскихъ нарѣчіяхъ.

И такъ вотъ вамъ, любезный другъ, мой небольшій трудъ и маленькая приписка къ нему. Распорядитесь всѣмъ этимъ какъ хотите. Если-бы Академія удостоила ихъ помѣщенія въ прибавленіяхъ къ своимъ ученымъ трудамъ, она оказала-бы великую честь мнѣ и, думаю, принесла бы нѣкоторую пользу труженикамъ филологіи.

III.

Простите меня, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Давнымъ давно слѣдовало-бы мнѣ отвѣчать вамъ. Сначала вообразилъ я себѣ, что вамъ особенно нужно указать вамъ на Quellen, которыхъ, разумѣется, я никогда не помню. Для этого справлялся я съ нѣсколькими каталогами; но не нашелъ многаго, что̀ помню вообще, безъ определенной памяти о заглавіяхъ; потомъ, когда узналъ, что вамъ хочется знать мои мысли, не могъ писать въ продолженіи двухъ недѣль отъ ушиба при паденіи съ изломанныхъ дрожекъ (при чемъ сильно расшибъ колѣно и повредилъ жилы въ шеѣ), отъ чего и не могъ наклонять голову безъ боли; наконецъ медлилъ потому, что хотя очень ловко разсказывать свои мысли въ разговорѣ или письменно, когда онѣ представляются въ цѣльности, или вводятся хотя и отрывочно, но связью рѣчи, очень трудно выразить ихъ отдѣльно въ письмѣ, въ одно время безъ введенія и безъ полноты. За всѣмъ тѣмъ повторяю: виноватъ.

Вы выбрали прекрасный и прелюбопытный предметъ, который, сколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ разсмотрѣнъ со вниманіемъ и добросовѣстностью. Дѣйствительно, судьба Словянскаго Поморья и Запада, и особенно отношенія его къ Христіанству представляютъ много явленій крайне непохожихъ на то, что̀ видимъ въ другихъ Словянскихъ земляхъ. Вотъ сводъ того, что̀ я могъ въ этой исторіи понять. Ваше дѣло будетъ сказать, согласны-ли вы съ моимъ взглядомъ.

Вопервыхъ, о внутреннемъ расположеніи или нерасположеніи Словянъ Поморскихъ къ Христіанству. Вы предполагаете и, кажется, совершенно справедливо, довольно крѣпкое аристократическое сословіе, можетъ быть связанное съ жреческимъ званіемъ; на это есть указанія, но не знаю, до какой степени они ясны и опредѣлительны. Нѣмецкіе лѣтописцы, а потомъ и составители актовъ, могли часто давать ложное аристократическое значеніе явленіямъ, происходящимъ

изъ общиннаго быта, смѣшаннаго съ стихіею родовою. Впрочемъ я готовъ допустить сильный зародышъ аристократіи въ землѣ, подверженной безпрестаннымъ нападеніямъ и въ которой слѣдовательно дружина должна была мало по малу получить особенную силу, еще увеличенную приливомъ Германской стихіи или Скандинавскими союзами, о которыхъ упоминается весьма часто въ сагахъ. Главная же преобладающая особенность въ этихъ Словянахъ есть безъ сомнѣнія большая опредѣленность религіозныхъ понятій или учрежденій и жреческой касты, которой было поручено ихъ храненіе. Этого и доказывать нечего; но причина такой особенности заключается, какъ мнѣ кажется, въ двухъ обстоятельствахъ. Одно—безпрестанныя сношенія съ Скандинавіею; другое—постепенное отпаденіе другихъ Словянъ отъ язычества. Религія древнихъ отступала передъ новымъ ученіемъ, сосредоточиваясь мало по малу въ тѣсномъ пространствѣ, но за то скрѣпляя себя болѣе и болѣе твердыми формами. Въ этомъ отношеніи Поморье представляетъ нѣкоторую аналогію съ Литвою. Безъ сомнѣнія въ Литвѣ жреческій характеръ былъ преобладающимъ издревле; но кажется, изъ Тацита можно заключить, что и въ Поморьѣ была издревле сильна какая-то таинственная религія, и сверхъ того она могла и должна была получить новыя силы изъ самой борьбы съ наступающимъ Христіанствомъ. За всѣмъ тѣмъ я не могу никакъ признать въ Поморьѣ рѣшительнаго отвращенія отъ новой вѣры или даже горячаго фанатизма или, наконецъ, такого преобладанія аристократіи и жрецовъ, которое могло-бы положить слишкомъ сильныя преграды духовному завоеванію. Значеніе городовъ, которому множество доказательствъ, не позволяетъ предположить такого перевѣса сословія одного надъ другими. (Вспомните напр. отвѣтъ жителей одного города или пригорода, который на проповѣдь христіанскую отвѣчаетъ, что послѣдуетъ примѣру старшаго города, если не ошибаюсь, Штеттину). Самый расказъ о проповѣди далеко не представляетъ намъ борьбы съ ожесточеніемъ фанатизма; напротивъ того, жители сохраняютъ въ отношеніи къ новымъ учителямъ какое-то добродушное терпѣніе, которое часто употребляется во зло глупостью или дикостью наставниковъ. Вспомните того монаха, который, не зная ни слова пословянски, отправляется прямо въ храмъ и ну рубить кумиръ. Его хватаютъ и преспокойно выпроваживаютъ за границу, думаю не безъ пиньковъ. Не унялся: пришелъ опять и опять молча ну рубить кумиръ. Его бросили въ лодку и пустили въ море, которое принесло дурака къ христіанскимъ берегамъ. Право, въ этомъ нѣтъ ни на волосъ фанатизма. Какъ мнѣ кажется, не было ни въ Поморьѣ, ни въ Западныхъ Словянахъ вообще никакого внутренняго препятствія къ распространенію Христіанства, хотя вслѣдствіе причинъ, о которыхъ я сказалъ, была довольно рѣзкая опредѣленность религіи и слѣд. не могло быть того внутренняго позыва къ Христіанству, который видѣнъ въ другихъ Словянскихъ семьяхъ.

2-е. До нѣкоторой степени можно предположить, что та форма Христіанства, которую Германія предлагала Поморью, была несо-

гласна съ его требованіями. Конечно, трудно повѣрить, чтобы народъ, котораго прежняя религія, вѣроятно довольно неразумная, заключалась по преимуществу въ обрядѣ, могъ найти новую вѣру слишкомъ обрядовою, и даже должно бы предположить, что преобладаніе обряда должно бы привлекать дикаря; но едва-ли можно считать Поморянъ дикарями (противъ этого говорятъ современные посѣтители Поморья, удивлявшіеся его земледѣлію и торговлѣ), и сверхъ того іерархизмъ Латинства, разорвавъ связь жизни и обряда религіознаго, отнималъ у него его поэтическую привлекательность и налагалъ на него печать чужеземности. Такъ мы знаемъ, что Поморяне смѣялись надъ Латинскими молитвами, пародировали ихъ и передѣлывали, наприм. припѣвъ Киріе Элейсонъ въ Корь Ольшаный (если не ошибаюсь). Употребленіе Латинскаго языка еще было невыгодно и въ томъ отношеніи, что долго не могло позволять назначать туземцевъ въ духовное званіе и слѣд. лишало ихъ выгодъ, сопряженныхъ съ саномъ священника или епископа, принуждало поручать паству ненавистнымъ иноземцамъ, оскорбляло гордость и эгоизмъ естественные всякому человѣку и отнимало у народа возможность находить себѣ ревностныхъ защитниковъ въ своихъ пастыряхъ. Вспомните напр., какъ много Саксонцы выиграли тѣмъ, что Ѳома Беккетъ былъ родомъ не изъ Норманновъ; и вы, я думаю, согласитесь въ томъ, что безпрестанная рѣзня духовныхъ у Нѣмецкихъ Словянъ была бы явленіемъ или вовсе невозможнымъ или весьма рѣдкимъ, если-бы эти духовные были народу единокровными.

3-е. Способъ распространенія Христіанства и отношенія его къ обществу государственному служили еще большею препоною его успѣхамъ. Вопервыхъ, оно шло съ мечемъ въ рукахъ; вовторыхъ оно сопровождалось явленіями крайне дикими. Не помню кто изъ современниковъ (не Дитмаръ-ли?) разсказываетъ черту очень характеристическую съ насмѣшкою еще болѣе характеристическою. «Поморяне», говоритъ онъ, «такъ глупы и дики, что не могутъ понимать правосудія и бранятъ насъ, христіянъ, за то, что мы преступниковъ строго казнимъ. Они увѣряютъ, что наши казни преступнѣе самыхъ преступленій. Такова ихъ тупость». Разумѣется, я подлинныхъ словъ не помню; но таковъ смыслъ, и въ немъ явно отвращеніе къ свирѣпости Германскихъ нравовъ вообще.—Всего-же важнѣе отношенія религіи къ государству. Вы знаете мое мнѣніе, что измѣненія Символа и отторженіе Запада отъ общенія съ Востокомъ были не дѣломъ папъ (хотя папы содѣйствовали) и не явленіемъ чисто-религіознымъ (хотя невѣжество въ вопросѣ религіозномъ имѣло свое важное значеніе въ разрывѣ). Отторженіе Запада было слѣдствіемъ его политическаго усиленія. Оно должно было совпасть съ основаніемъ имперіи, сосредоточившей силы Германскаго племени на Римской почвѣ (и дѣйствительно, оно произошло при Карлѣ Вел. и съ его воли). Обособленіе въ смыслѣ религіозномъ было главнымъ симптомомъ внутренней, самосознавшейся силы Германской, получившей Римское направленіе и стремившейся къ созданію религіи государственной, отдѣльной отъ религіи другихъ государствъ. Такъ постро-

илось мгновенно то историческое зданіе, которое извѣстно подъ именемъ Tota Christianitas, въ которомъ никогда не считали Грековъ и которое есть дѣйствительно повтореніе Римской имперіи съ тою только разницею, что она стояла на Jus Romanum, а Всехристіанство—на религіозномъ обособленіи. Имперія Карла можетъ назваться христіанскимъ калифатомъ, но не калифатомъ первой эпохи, а второй эпохи, когда Исламъ уже имѣлъ двухъ верховныхъ представителей: одного духовнаго, калифа, а другаго свѣтскаго или военнаго подъ разными названіями (какъ напр. Ата-бегъ или Эмиръ-аль-Муменнитъ, или другое). Такъ и въ Христіанствѣ явились также два представителя: одинъ—жрецъ-папа, а другой—меченосецъ-императоръ. Такимъ образомъ объясняется, почему войны Карла имѣли характеръ религіозный (какъ напр. война противъ Саксовъ), не смотря на то, что онѣ въ тоже время были явленіями міра чисто-политическаго. Тѣмъ-же объясняется и легендарный характеръ Карла. Борьба двухъ центровъ была неизбѣжна, ибо каждый долженъ былъ считать себя источникомъ права верховнаго, и эта борьба составляетъ главный смыслъ Средневѣковой исторіи (хотя этого еще не сознали писатели западные). Но до борьбы (сдѣлавшейся въ послѣдствіи возможною отъ усиленія духовнаго центра и союзнаго съ нимъ элемента Романскаго), свѣтскій глава далеко превосходилъ духовнаго могуществомъ, опредѣлительностью, сочувствіемъ народнымъ и энергіею дѣятельности (ибо ничтожество папъ не дозволило имъ воспользоваться ничтожествомъ послѣднихъ Карловинговъ). Западъ сплавился въ одно церковно-политическое цѣлое, и стихіи были такъ слиты, что ни одна изъ нихъ не считала себя вправѣ дѣйствовать отдѣльно отъ другой. Побѣды меча императорскаго должны были распространять область креста; побѣды креста должны были распространять область, подвластную императорскому мечу. Всякая земля, прилегающая къ имперіи, примыкая къ міру христіанскому, считалась въ тоже время присоединяющеюся къ имперіи; отъ того и происходили притязанія императоровъ на вассальство Польши и Венгріи и гнѣвъ ихъ, когда папа благословлялъ короною королей, не признававшихъ этого вассальства. Эти отношенія не находились въ правѣ писанномъ, но коренились въ глубокихъ убѣжденіяхъ Германо-Романскаго міра. Обращеніе Словянъ въ Христіанство было поэтому въ тоже время шагомъ къ утратѣ ихъ независимости; оно клало основаніе завоеванію, и Германцы сознавали это также, какъ и Словяне. Словяне, обращаемые въ Христіанство, должны были примкнуть къ имперіи, а такъ какъ они не хотѣли лишаться свободы, они должны были быть принуждены къ покорности, и орудіемъ принужденія являлись Саксы, издавна сосѣды ихъ и по сосѣдству—враги. Таково было значеніе Христіанства для Словянъ вслѣдствіе совоплощенія вѣры съ государствомъ Германскимъ. (Позднѣе церковь сама, ставъ на первое мѣсто, обратила государства и народы въ свои орудія; но до Гейнриха IV-го и Григорія VII-го она была орудіемъ государства). Завоеваніе было особенно тяжело для завоеванныхъ потому, что въ самомъ государствѣ преобладала идея племе-

ни, и народы Словянскіе должны были поступать въ подданство не къ главѣ имперіи только, но къ народу, котораго онъ былъ представителемъ и котораго силами онъ побѣждалъ упорство своихъ новыхъ вассаловъ. Польша отстоялась отъ подобной судьбы долгими войнами; Чехія спаслась отъ нея тѣмъ, что приняла Христіанство съ Востока и билась не хуже Польши. Для сравнительно-слабыхъ народовъ Поморія и при Эльбѣ и Одерѣ не было спасенія. Внутреннее чувство ихъ возмущалось противъ религіи, которая непремѣнно должна была лишить ихъ всякой свободы и подчинить ихъ игу чужаго правительства и чуждаго народа. Разумѣется, самое завоеваніе было сопровождаемо страшными угнетеніями, и хотя духовенство иногда и старалось смягчить тяжесть ига, налагаемаго Саксонскою дружиною имперіи, но оно само было слишкомъ слабо, слишкомъ равнодушно къ дѣлу по своему чужеземному происхожденію, а иногда и недоброжелательно по своимъ родственнымъ союзамъ съ дружинниками Германскими. (Этому очень явный примѣръ въ спорахъ епископовъ съ папою объ епархіяхъ въ Чехіи, Моравіи и въ Южныхъ Словянахъ вообще). Самые же духовные жаловались на Саксовъ не столько за то, что они грабятъ Словянъ-христіанъ, сколько за то, что они грабежемъ своимъ лишаютъ ихъ возможности платить церковную десятину и другіе церковные поборы. Вотъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина сопротивленія, оказаннаго Западными Словянами Христіанству.

Вопросъ, который вы задали мнѣ, навелъ меня на разрѣшеніе другаго весьма важнаго вопроса, о которомъ я давно думаю, именно о томъ явномъ превосходствѣ Магометанства передъ Христіанствомъ въ земляхъ, въ которыхъ и то и другое были распространены мечемъ. Новые магометане вездѣ вступали въ братство къ побѣдителямъ, а новые христіане въ рабство. Я очень радъ тому, что я наконецъ понялъ логику этого явленія, повидимому унижающаго Христіанство, а дѣйствительно показывающаго его превосходство. Въ характерѣ Ислама было дѣйствительно стремленіе къ распространенію посредствомъ войны; Исламъ былъ вооруженною религіею, и слѣд. война была добросовѣстна. Побѣжденный принималъ Магометанство; онъ долженъ былъ быть и дѣйствительно былъ принимаемъ въ религіозное братство и становился полноправнымъ гражданиномъ общества религіознаго. Христіанство по сущности своей чуждо насилію; оно не составляетъ государства. Искусственно могли его сростить съ идеею государства, могли эти двѣ, совершенно различныя, области слить въ одну; но коренная разница не исчезала: она сохранялась въ темномъ сознаніи и въ явленіяхъ жизни. Война, явленіе міра политическаго, прикрывала себя предлогомъ религіознымъ; но ея плоды не поступали къ религіи, которая ея чуждалась, а къ обществу вещественному и политическому. Внутренняя недобросовѣстность обличала себя въ угнетеніи побѣжденныхъ (хотя и обратившихся), тогда какъ въ мірѣ магометанскомъ добросовѣстное уравненіе побѣжденныхъ съ побѣдителями было слѣдствіемъ добросовѣстной религіозной войны. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ

другихъ явленіяхъ Исторіи, сохраняется законъ, по которому высшее начало, искаженное, становится ниже низшаго, выражающагося въ цѣлости и стройной послѣдовательности. Христіанство завоевательное должно было быть отвратительнымъ потому самому, что оно было грубою ложью въ отношеніи къ самому себѣ.

Вотъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, что̀ могу вамъ сказать объ этомъ предметѣ. Не взыщите: чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.

Какъ мнѣ благодарить васъ за вашу книжицу и за дружеское упоминаніе обо мнѣ! Выраженія ваши считаю слишкомъ лестными и думаю, что вы меня разглядываете въ увеличительное стекло дружбы; но благодарю васъ вдвойнѣ и какъ человѣкъ, которому отрадно доброе сочувствіе, и какъ лингвистъ, которому весело видѣть въ печати мысль, которую считаетъ дѣльною и полезною, а самъ никогда бы не собрался пустить въ ходъ.—Книгу просмотрѣлъ я бѣгло; вижу, что въ ней очень много богатства, что въ ней удержанъ тотъ характеръ живой филологіи, которая должна составить эпоху новую и отличную отъ прежняго чисто-матеріальнаго воззрѣнія; но подробно просмотрѣть не успѣлъ, а надѣюсь вамъ сообщить со временемъ нѣкоторыя замѣчанія (напр. чесаться выводите вы отъ *k r s*; оно происходитъ, кажется, отъ кеса, какъ будто волоситься или sich haaren), которыя, можетъ быть, пригодятся, если вы это передадите болѣе ученымъ народамъ: ибо у насъ цѣнителей немного.

IV.

(1854).

Вотъ какъ давно и не писалъ я къ вамъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, и не отвѣчалъ на ваши милыя и дружескія письма; даже и не поблагодарилъ за ваше электрическое поздравленіе, которое меня несказанно порадовало. Можетъ быть, и даже полагаю навѣрное, вы знаете о моихъ странныхъ, хотя и не совсѣмъ неожиданныхъ, тревогахъ; признаюсь, онѣ меня таки волновали и не давали писать какъ слѣдуетъ, съ спокойствіемъ, приличнымъ добропорядочному человѣку. Онѣ еще и теперь не кончились и чѣмъ кончатся еще неизвѣстно; но по крайней мѣрѣ развязка уже недалеко [11]). Какая бы ни была (хоть и желаю мирной), я чувствую, что я правъ передъ добрыми и разумными людьми. Вы не обвините меня въ гордости, если скажу, что я хоть сколько нибудь возвратилъ человѣческому слову у насъ слишкомъ забываемое благородство. Разумѣется, въ этомъ не столько участвовали мои стихи, сколько шумъ отчасти неожиданный, произведенный ими; но все таки слово возвышено самымъ тѣмъ шумомъ, который оно почти не хотя произвело. Теперь здѣсь еще говорятъ, что о брошюркѣ, которую вы знаете, хо-

[11]) А. С. Хомяковъ подвергался допросамъ графа Закревскаго по поводу извѣстныхъ стиховъ своихъ къ Россіи: «Тебя призвалъ на брань святую». Его обязали не печатать стиховъ своихъ и даже не читать ихъ. «А матушкѣ можно?« спросилъ Хомяковъ издавна знавшаго его и его семейство генералъ-губернатора. «Матушкѣ можете читать», сказано въ отвѣтъ, «и пожалуста передайте ей мое почтеніе». Это было великимъ постомъ 1854 года.

дятъ не совсѣмъ добрые слухи. Не вздоръ-ли это? Я не отпираюсь, отъ нея, но и не признаю; не видалъ, слѣдовательно и не знаю. Какъ и что̀ слышали вы объ ней? И точно-ли о н е й говорятъ? Или все это пустой Московскій слухъ? Смутное время! Вызываетъ на живое слово и ничего такъ не боится какъ живаго слова, а живое слово ему единственное лекарство.—Кстати, живы-ли мои мертвыя Санскритскія слова или схоронены? Простите, что такъ мало вамъ пишу. Сейчасъ узналъ, что ѣдетъ Левъ Ивановичъ Арнольди, женихъ Свербѣевой, и посылаю эти строчки съ нимъ; онѣ пишутся во второмъ часу ночи. Какъ-то идутъ ваши труды? Великая радость мнѣ знать, что есть трудящіеся съ неусыпною любовью и ставить васъ въ первомъ ряду; это самому придаетъ и бодрость и силу. Ваши статьи о Болгарахъ и хороши, и живы, и популярны; но отъ чего, упомянувъ о медѣ у Гунновъ, вы не сказали о с т р а в ѣ и я ч м е н н о м ъ к в а с ѣ?

V.

(1851).

Простите мнѣ мое молчаніе, любезный Александръ Ѳеодоровичъ; вы, человѣкъ порядочный и сжившійся съ послѣдовательностію въ занятіяхъ, не совсѣмъ поймете того, что я еще только начинаю справляться съ вашими задачами и далеко ихъ не кончилъ. Началъ-же я съ вашего труда, потому что онъ спѣшнѣе моего. Прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ ваше предисловіе или проектъ Лексикона. Страшный трудъ, великолѣпный, если вамъ Богъ дастъ его совершить и совершенно полный, если, какъ вы намѣрены, приложите къ нему алфавитный списокъ словъ. Такое дѣло подвинетъ на безконечное разстояніе впередъ всю филологію, не говорю уже о Словянской, которая этимъ опередитъ всѣ остальныя. Одно, кажется, еще замѣчаніе должно прибавить. Въ развитіи корней надобно еще держаться хронологическаго порядка. Отъ этого виднѣе будетъ исторія развитія въ каждой вѣтви. Если-же новѣйшая форма (что̀ иногда случается) древнѣе древнѣйшей, то это должно оговаривать: ибо иногда новѣйшая происходитъ отъ древней, не сохранившейся въ памятникахъ письменныхъ. Какъ вы думаете? Теперь объ исторіи Поморія. Вамъ за нее всѣ будутъ очень и очень благодарны, если только (въ чемъ крѣпко сомнѣваюсь) цензура позволитъ вамъ заслужить общую благодарность. Изложеніе очень хорошо, просто и тепло. Кошелевы, менѣе меня съ чтеніемъ такого рода свычные, нашли нѣкоторую сбивчивость въ порядкѣ предметовъ. Я съ ними несогласенъ и думаю, что и они бы не нашли сбивчивости, если бы вы приложили указанія на поляхъ: «о томъ-то». Я имъ это сказалъ, и они не отрицали. Своихъ примѣчаній я много написалъ на поляхъ. Почти всѣ относятся къ слогу, въ который вкрались, кажется, нѣкоторыя небрежности при общей его чистотѣ и легкости. Кажется, въ раннюю эпоху, въ свидѣтельствѣ Птоломея, есть одно обстоятельство, на которое вы не обратили вниманія. Между Эльбою и Вислою онъ помѣщаетъ много городовъ, м е ж д у т ѣ м ъ к а к ъ п о о с т а л ь н о й Г е р м а н і и и х ъ п о ч т и в о в с е н ѣ т ъ. Окончаніе

ихъ именъ на tunum, соотвѣтствующее нашему градъ, какъ и Эдда называется, кажется, Новоградъ — Neotum. Посмотрите, не ошибаюсь-ли я въ этомъ замѣчаніи, которое пишу съ памяти. До быта собственно вы еще не дошли. Пожалуйста, выставьте поярче доказанное свидѣтельствами земледѣльческое превосходство Поморія, изъ котораго долго еще Германія брала учителей и колоніи земледѣльческія, переселяемыя даже на Мейнъ и Рейнъ. Это послужитъ сильнымъ опроверженіемъ мнѣнія, будто бытъ общинный не благопріятствуетъ земледѣлію. Доброе и прекрасное дѣло предприняли вы. Совершайте его и порадуйте всѣхъ друзей науки; трудъ живой—а таковъ будетъ вашъ трудъ—великое пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ вопросы разсматриваете вы съ новой и неизвѣстной еще въ западномъ воззрѣніи точки.

Теперь нѣсколько словъ о Лексикончикѣ. Быть можетъ, я былъ неправъ въ томъ, что не различилъ долгихъ и краткихъ. Я не счелъ этого за нужное именно потому, что смотрю на этотъ трудъ, какъ на мелкій опытъ; но если вы думаете, что тѣмъ навлеку на себя нареканіе, будьте такъ добры и поставьте знаки. На счетъ употребленія Русскихъ буквъ я считаю себя правымъ. Кто порусски не знаетъ, тотъ и пользоваться этимъ словаремъ не можетъ; а для Русскаго или знающаго порусски тождество звуковъ яснѣе и нагляднѣе, когда они писаны тѣми же знаками. Это обстоятельство важное. Разумѣется, я очень признаю неудобство Русской азбуки для начертанія звуковъ иностранныхъ, но едва-ли не тоже и съ знаками Латинскими. Главное дѣло въ аспираціи. Чтоже? Можно, кажется, обозначить ее апострофомъ — *б'*, *г'*, *д'* и т д. Г мягкое не есть *h*, и его можно въ примѣчаніи назвать *г* Малороссійскимъ. Кажется, это будетъ вѣрно. А краткое въ концѣ глаголовъ выкиньте, и если какую другую неправильность замѣтите, пожалуйста исправьте. На счетъ нѣкоторыхъ разногласій нашихъ въ выводахъ, я думаю надобно оставить такъ какъ они у меня, развѣ бы было какое нибудь явное превосходство въ вашей догадкѣ. А вотъ напр. на счетъ Сварога я считаю себя рѣшительно правымъ. Свар-гā слово позднѣйшее—солнце-ходъ. Его составныхъ частей у насъ нѣтъ, а Сва-рогъ равно возможенъ у насъ какъ и въ Санскритѣ. Авара-рога (небо) доказываетъ это, и очень легко можно предположить (какъ вы думате), что Сварогъ дѣйствительно значилъ небо какъ и Аварога, составленъ на тѣхъ же законахъ, но даетъ небу болѣе космогоническій смыслъ. Я это говорю только какъ примѣръ тѣхъ разногласій, за которыя я стою.

Предисловьице хочу написать на дняхъ; но полно нужно ли къ опыту и не лучше ли мое коротенькое къ вамъ посланіе, чтобы не сказали: «parturit mons?» [12]) Право такъ!

Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Всѣ здѣсь сходятъ съ ума на политикѣ; но мнѣ это нестрашно потому, что я ею не позволяю себѣ заниматься. Батюшка вашъ похвалитъ меня за это,

---

[12]) Родила гора (т. е. мышь).

да и вы также. Гдѣ нельзя дѣйствовать, лучше и не думать. Значило бы что нибудь общественное мнѣніе, другое бы дѣло; а то всѣ толки вздоръ и чѣмъ дѣльнѣе, тѣмъ вздорнѣе потому, что больше мутятъ. Брошюрку запретили. Это такъ и слѣдовало; а на нее не нападаютъ, это досадно. Впрочемъ другая попытка еще возможна.

VI.

(1854).

Опять я виноватъ, и вы простите меня. Думаю, что никогда я не писалъ такъ искренно, и это очень понятно. У меня и помышленія нѣтъ о печати. Всѣ пьесы выливались почти невольно, особенно послѣдняя и безъ сомнѣнія лучшая, къ Россіи. Этой не для чего скрывать; но объ остальныхъ, пожалуйста, не говорите. Таково состояніе нашей печатной словесности, что я не хотѣлъ-бы, чтобъ мой голосъ былъ слышанъ даже и въ чтеніи кромѣ какъ моими друзьями. Другимъ нѣтъ до меня дѣла. Въ наукѣ—другое. А все еще я предисловія не написалъ. Да нельзя-ли въ Ученыхъ Извѣстіяхъ безъ него обойтись? Вѣдь Лексиконъ пропустятъ, а предисловіе застрянетъ. Право не съумѣю такъ написать, чтобы не вцѣпилось уже такъ сильно заронившееся подозрѣніе. Легко сказать: надобно выразить мой особенный взглядъ на филологію для народовъ Словянскихъ, т. е. затронуть вопросъ народности и той живой струи, которая протекаетъ во всѣхъ племенахъ Словянскихъ, дѣлая ихъ явленіемъ особеннымъ и рѣзко отдѣленнымъ отъ другихъ народовъ. Да куда это меня заведетъ? И что̀ подъ этимъ всѣмъ разумѣть будутъ? Обыкновенно вступленіе пишется ad captandam benevolentiam, а тутъ начало будетъ ad damnationem merendam [13]). Подумайте объ этомъ.

Какъ мнѣ васъ благодарить и вашего батюшку за дружбу вашу? Желаю себѣ успѣха для того, чтобы и вы могли не пожалѣть о своемъ участіи, брошенномъ безъ пользы. Если-бы вы думали, что другой путь, именно черезъ Journal de Fr., былъ полезенъ, при неудачѣ уже избраннаго, перемѣните смѣло, что̀ нужно-бы было еще о Пр. и Ав. [14]); я дорожу только главными чертами. Но признаюсь вамъ, кажется мнѣ, что тутъ все остановитъ: и братство, и папа, и вообще крайняя рѣзкость. Впрочемъ вамъ ближе знать. Вѣдь я журналовъ никогда не читаю.

VII.

(1855).

И грустно и весело было мнѣ читать ваше послѣднее. Вопервыхъ грустно, что батюшка такъ постоянно боленъ нынѣшній годъ, вовторыхъ приходится мнѣ отказаться отъ свиданія съ вами въ продолженіе лѣта, а меня эта надежда очень веселила. Вмѣстѣ гулянія по Боучаровскимъ лѣсамъ и садамъ, по огородамъ Индо-Европейскихъ корней, толки на досугѣ, можетъ быть, даже пробужденіе въ

---

[13]) Для снисканія благосклонности. Для того, чтобы заслужить наказаніе.

[14]) О Православіи и Австріи.

вашей душѣ какихъ нибудь еще дремлющихъ благородныхъ побужденій, т. е. склонности къ какому нибудь спорту (впрочемъ, кажется, вы лодочникъ, и вѣроятно рыболовъ) и пр. и пр.! Грустно отъ всего этого отказаться; но признаюсь, мнѣ болѣе веселія чѣмъ грусти, когда подумаю, что вы ѣдете въ чужіе края. Это для батюшки вашего не только здорово, но, я увѣренъ, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Ему съ вами будетъ весело и свѣтло на душѣ, а для васъ самихъ какъ хорошо побывать за границею, подышать мягкимъ воздухомъ Запада и ученымъ воздухомъ Германіи! Я это говорю съ искреннимъ убѣжденіемъ. Терпѣть не могу людей охотниковъ до заграничнаго шатанья, да и не люблю людей равнодушныхъ къ путешествію по области, гдѣ умъ пробужденъ, гдѣ цвѣтутъ или цвѣли науки и художества. Я за васъ радуюсь во всѣхъ отношеніяхъ; но куда-же писать къ вамъ? Если будете въ Прагѣ, отдайте два экземпляра моихъ С. Р. Словаря Ганкѣ и Шафарику, да лучше возьмите поболѣе; можетъ быть, увидите Штура и другихъ. Первымъ двумъ скажите мое почтеніе, а всѣмъ говорите, чтобы они сами себя любили хоть столько, сколько мы ихъ любимъ.—Какъ мнѣ благодарить васъ за ваше нянчанье съ моими дѣтками? Всѣ ваши распоряженія хороши какъ нельзя лучше, а вѣсть, которую вы мнѣ даете, хотя еще сомнительная, очень меня радуетъ. Пожалуйста, не подумайте, чтобы я вашихъ порученій не помнилъ. Я хоть и не писалъ вамъ объ этомъ, а хлопоталъ объ рекомендованномъ вами наставникѣ, но не писалъ вамъ потому, что ничего не нашелъ.

Теперь о дѣлѣ Словаря. У меня червь съѣлъ хлѣбъ, вода сорвала плотину, огонь спалилъ деревню цѣлую, и финансы мои въ гнуснѣйшемъ положеніи; поэтому я ничего сдѣлать не могу. Кошелева и Самарина здѣсь нѣтъ; но когда пріѣдете, т. е. къ Сентябрю, напомните мнѣ слово Француза королевѣ: «Si ce n'est qu'impossible cela se fera» [15]), и будетъ дѣло слажено; вы въ этомъ можете быть увѣрены. До времени, по вашему желанію, я никому не скажу. Кстати не къ Болгарину, а къ вашему прежнему наставнику: если онъ еще не помѣщенъ, а безъ васъ я открою что нибудь для него, какъ его отыскать и пр. и пр.? Напишите коротенькое свѣдѣньице и пришлите. Эти вещи иногда улаживаются невзначай.—Пишу къ вамъ почти въ тарантасѣ, который стоитъ на дворѣ и готовится меня везти въ деревню, куда дѣти уже отправились вчера. Пора на свѣжій воздухъ! По крайней мѣрѣ ѣду повеселѣе: послѣднія вѣсти изъ Крыма сколько нибудь да потѣшили. Дай только Богъ, чтобы туда еще войскъ отправили. Выдержать это лѣто до зимы, и тогда дѣла наши еще уладятся. Еслибъ мы отдѣлались отъ Англіи и Франціи и освободились отъ Австріи, мы бы стали выше чѣмъ когда либо, не смотря на уступки. Дай Богъ теперь мира съ Австріей, но даже война лучше чѣмъ союзъ. Война—страданіе для тѣла; союзъ съ Австріей—продажа души и всего будущаго.

---

[15]) Лишь бы это было невозможно: исполнится.

VIII.

(1855).

Таскался я по свѣту, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, въ послѣднее время: то въ Тулу черезъ ломающійся ледъ и разливъ Оки, то въ Смоленскъ по топямъ и грязямъ. Послѣднюю поѣздку совершилъ я по случаю прорвы мельничной, которая заставляетъ меня отправить въ Питеръ повѣреннаго, доставителя сего моего посланія. Онъ-же доставитъ вамъ и мою посылку. Обѣщался я вамъ доставить три непропущенныя статьи. Посылаю ихъ. Надули меня, рекомендовавши переписчика; вышелъ предрянной: и ошибокъ пропасть, и рука скверная, а я спохватился только тогда, когда уже были статьи переписаны. Не взыщите. Я особенно дорожу послѣднею, которую, не знаю по дѣломъ или нѣтъ, считаю своимъ капитальнымъ произведеніемъ и которую грустно не видать въ печати. Чортъ знаетъ и именно чортъ глупости одинъ только и знаетъ, почему эти статьи, а особенно послѣдняя, не пропущены. Неужели и теперь не позволятъ? Какъ бы то ни было, для большей полноты прилагаю вамъ портретъ автора. Вы этого не сочтете слишкомъ самолюбивою затѣею; хотѣлъ съ вами похристосоваться этимъ въ Пасху, да не поспѣлъ. Портретъ очень похожъ и славно сдѣланъ фотографіею; нѣсколько суровъ и далъ поводъ къ милой злости Ив. Вас. Кирѣевскому: «C'est Kh. subissant le silence»[16]). Неотъемлемое право друзей остриться надъ друзьями. Примите мое солнечное обличеніе. Какъ назовете вы такое Словянское названіе фотографіи? Эта шутка на словѣ напоминаетъ мнѣ то, что безъ васъ и Коссовича я просто давлюсь этимологіями: никого нѣтъ, кому бы можно было хоть заикнуться объ нихъ.

Что̀ вашъ батюшка? Выздоровѣлъ-ли онъ? Что̀ вы сами? Для леченія наступило лучшее время—весна. Вы спрашивали моего совѣта: симптомы не совсѣмъ такъ описаны, какъ-бы слѣдовало; но изъ нихъ я только одинъ могу сдѣлать выводъ. Возьмите Nux Vomica dil 2-a guttis; примите три дня по утру и вечеру по одной каплѣ въ ложкѣ воды и выждите три дня дѣйствія; потомъ Sulphur по прежнему недѣлю. Если увидите перемѣну къ лучшему, продолжайте; если первый день или второй будетъ хуже, не пугайтеся. Смотрите, что̀ скажетъ третій и четвертый день. При большой перемѣнѣ къ лучшему, не спѣшите принимать Sulphur, а дайте Nux время поработать. Если не будетъ перемѣны, возьмите Pulsatilla dil. 2-a guttis и поступите также и потомъ увѣдомьте меня. Заглазно трудно попасть съ разу на вѣрное лекарство, но вылечить васъ навѣрное я долженъ.

Много перемѣнъ и мало перемѣнъ. Смерть царя меня оправдала въ моемъ о немъ сужденіи: я не ошибался. Его ошибки были ошибки въ понятіяхъ и въ ложной системѣ; но онъ былъ честный труженикъ, который дѣйствовалъ подъ ложно-приложеннымъ нравственнымъ закономъ, и слѣд. онъ правъ передъ судомъ совѣсти. Человѣкъ отвѣ-

---

[16]) Это Хомяковъ гнетомый молчаніемъ

чаетъ только за свою волю. Дай Богъ такой-же доброй воли и яснѣйшаго пониманія молодому Государю! Особенно дай Богъ Ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозриваетъ всякое умственное движеніе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама по милости одного—умственнаго сна; но перемѣны не могутъ быть слишкомъ быстрыми. Здѣсь всѣ радуются проявленію стремленія къ народному и Русскому. Не знаю, какъ въ Питерѣ. Освобожденіе отъ наружнаго подражанія важно какъ знамя, вызывающее освобожденіе мысли отъ чужаго авторитета, какъ вызовъ къ самомышленію. Въ добрый часъ молвить!

Слава Богу, кажется, участь Севастополя рѣшена. Честь и слава кому слѣдуетъ! Эта защита разогрѣла всѣ сердца; это происшествіе, носящее на себѣ характеръ жизни, и жизни народной. Что̀ бы ни было впереди, а головы Русскія приподнялись законною гордостью. Теперь говорю всѣмъ одно: трудъ, трудъ и трудъ, чтобы не посрамить себя и не подвергнуться великой отвѣтственности. Вамъ этого говорить нечего. Вамъ надобно напротивъ сказать: не трудитесь черезъ мѣру!

А что? Не попробовать-ли статьи снова въ цензуру? Какъ вы думаете? Нѣтъ-ли слуха о Брокгаузѣ?

Два письма къ Гильфердингу отцу.

1.

(1855)

Какъ грустно было не мнѣ одному, но намъ всѣмъ, любезный и старый другъ, узнать о болѣзни Александра Ѳеодоровича! Хоть мы и знали, что опасность миновалась, хоть надѣемся, что выдержанная сильная болѣзнь въ его лѣтахъ можетъ имѣть самыя полезныя послѣдствія и укрѣпить здоровье, а все таки съ горемъ слышали, что онъ боленъ былъ и осужденъ на многонедѣльное заключеніе. За васъ особенно было мнѣ больно: сколько душевнаго волненія, сколько тревоги перенесли вы въ это время, сами едва оправившись отъ болѣзни! Богъ милостивъ. Теперь вы отдохнули, но теперь за то надобно вамъ крѣпко предписать юношѣ осторожность, а потомъ потребовать отъ него, чтобы нынѣшнее лѣто онъ посвятилъ болѣе жизни физической, чѣмъ умственной. Сама природа (хоть болѣзнь, можетъ быть, и была отчасти случайная) требуетъ этого и указала на это требованіе. Еще совѣтъ: пусть принимаетъ Александръ Ѳеодоровичъ всякій день по одной каплѣ Pulsatilla dil. 2-a guttis на ночь. Это спецификъ противъ кори и противъ всѣхъ ея Nachkrankheiten [17]). Въ его лѣта, разумѣется, уже онъ не подверженъ послѣ кори изліяніямъ серознымъ; но Puls. оберегаетъ дыхательные и пищеварительные органы отъ острыхъ началъ, которыя корь приводитъ въ броженіе, не всегда вполнѣ выгоняя ихъ наружу. Это, повѣрьте, въ высшей степени полезно.

Возвращаю листокъ корректурный; съ какою искреннею благодарностію, говорить нечего. Кое-какія неисправности отмѣтилъ я

---

[17]) Болѣзненныхъ послѣдствій.

черточками на поляхъ; ихъ мало. Погодину я говорилъ три раза; онъ увѣряетъ, что послалъ уже корректуру къ автору, а правда ли, не знаю. Что̀ могъ, то сдѣлалъ, и сверхъ того срамилъ Погодина; ну да вѣдь онъ хоть и хорошій человѣкъ, но страшно толстокожъ: нескоро прохватишь словомъ.

На дняхъ Аксаковъ отправитъ къ вамъ (если еще не отправилъ) статью свою о глаголахъ. Темно выражено, но вещь сама по себѣ великолѣпная, и если будетъ переведена, дастъ Германіи гораздо яснѣйшее понятіе о геніѣ Словянскихъ нарѣчій и объ ихъ особенности. Думаю, что впрочемъ это качество, которымъ они отличаются въ этомъ отношеніи, нѣкогда было свойствомъ первоначальной общей Индо-Европейской рѣчи, утраченное другими тогда, какъ мы утратили богатство времяннаго спряженія. На это есть указаніе въ Санскр. и въ Греческомъ, а Нѣмецкое ge-worden, geschützt есть тоже качественное измѣненіе; но тамъ только обломки. Я думаю, Александръ Ѳеодоровичъ со мною согласится, и Германіи ученой будетъ любопытно сохраненіе этого живаго явленія въ организмѣ живаго языка. Господи! Хоть бы мы свою Грамматику поняли! Можетъ быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни и то, что для насъ нѣтъ тѣхъ болѣзней, которыми страдаетъ Европа, а свои, и что вся система питанія, леченія и слѣд. общественной жизни должна быть своя. Много, много практической науки въ наукѣ отвлеченной.—Что-то у насъ дѣлается въ мірѣ политическомъ? Что̀ въ военномъ? Тяжело, но не безнадежно; а все таки дай Богъ мира. Однако Горч. и Титовъ не совсѣмъ такъ осрамились, какъ мы боялись. Документъ хорошъ, но не достало немножко художественнаго выраженія и недовольно выпуклости въ выставленіи нашей правоты. Впрочемъ и за то спасибо. Замѣтна перемѣна къ лучшему противъ прежнихъ нотъ, и общественное мнѣніе приписываетъ это Государю. Что-то скажутъ объ этомъ въ чужихъ краяхъ?

2.

Никогда, любезный другъ, такъ ясно не видалъ я правды Латынскаго crescit eundo [18]), какъ теперь. Пріѣхавъ въ Москву, я встрѣченъ цѣлою стаею миѳовъ объ моемъ Петербургскомъ пребываніи. Я чуть-чуть не ежедневно обѣдалъ во дворцѣ, я горячо стоялъ за миръ (этотъ миѳъ отъ Фонтона и чуть-чуть не подвергъ меня участи первомученика св. Стефана), я съ Орловымъ почти закадычный другъ и т. д. Трезвый мой разсказъ никого не удовлетворяетъ; а вѣдь всѣ эти миѳы вылупились изъ яичекъ, снесенныхъ въ Петербургѣ и о которыхъ я въ Питерѣ уже слышалъ. Crescit eundo! Можете вообразить, какъ это меня забавляетъ, меня, такого записнаго охотника до человѣческой комедіи, которая такъ странно всегда сплетается съ Божественною драммою міра. Быть можетъ, не совсѣмъ мною довольны

[18]) Растетъ на ходу.

нѣкоторые мои друзья Московскіе за то чувство благодарности искренней, которое я вынесъ изъ Питера, и про которое пожалуйста скажите всѣмъ (не исключая даже и того хитраго дипломата, который, какъ я сказалъ, подвергалъ меня камнепобитью). Тому, котораго я всѣхъ горячѣе благодарю, вамъ не придется ничего разсказывать, а только скажите его любезному сынку, что я истинно горюю, что не могъ его дождаться. При отъѣздѣ я забылъ спросить, прочтена-ли вами моя черновая статья и взять ее (если прочтена). Теперь оказывается необходимость ее здѣсь переписать; пожалуйста, перешлите ее хоть по тяжелой почтѣ; да если Данилевскій (кажется секретарь при Вяземскомъ) не заѣзжалъ за своимъ альбомомъ, оставшимся въ моей комнатѣ, то передайте его и простите за неаккуратность. Она на сей разъ простительна по многимъ причинамъ.

Признаюсь, не безъ отрады возвратился я въ свой мирный уголъ (дѣтей нашелъ всѣхъ здоровыми) и кажется мнѣ, такъ уже привыкъ я къ домосѣдству, что я совершилъ какое-то великое путешествіе. Москву нашелъ я грустною, какъ ожидалъ, но не унылою. Здѣсь какъ-то чувствуютъ и вѣрятъ въ жизнь: soit dit, sans faire de tort à une autre ville [19]). Вѣрьте мнѣ, всѣ другіе разсказы—ложь, распускаемая или глупцами, или.... да Богъ съ ними, съ этими разсказами?

Прощайте, любезный другъ. Будьте здоровы и не забывайте вами пріученнаго и преданнаго А. Хомякова.

1856. Янв. 29. [20])

IX.

Получилъ я ваше письмо, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, за нѣсколько до отъѣзда изъ Москвы. По вашему порученію справлялся я объ Сербскихъ грамотахъ; но оказывается, что ихъ еще не печатали. По крайней мѣрѣ, никто не могъ мнѣ сказать объ нихъ ничего удовлетворительнаго, и кажется, что ихъ нѣтъ въ печати; развѣ не были-ли изданы прежде? Но по вашему письму я справлялся объ новомъ изданіи. Если я не понялъ, то извините. У меня было тѣмъ болѣе желанія отъискать эти грамоты для васъ и доставить ихъ къ вамъ, что я чувствую, какъ хорошо бы было съ такимъ изданіемъ ѣхать къ нашимъ южнымъ братіямъ. Лѣто провелъ я глупѣйшимъ образомъ. Вопервыхъ у насъ и лѣта не было, а холодная осень съ конца Іюня; вовторыхъ, я все былъ въ разъѣздахъ. Сперва грустная поѣздка къ Елагинымъ (нужно-ли вамъ говорить, какъ меня и всѣхъ насъ срѣзала смерть Кирѣевскаго? Не только другъ дорогой намъ и особенно Кошелеву и мнѣ, но еще и великій дѣятель, и незамѣнимая спеціальность философская, и истинно мы-

---

[19]) Будь сказано не во гнѣвъ другому городу.

[20]) А. С. Хомяковъ ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ хлопотать о снятіи цензурнаго запрещенія съ его сочиненій, безъ чего нельзя было издавать «Русскую Бесѣду», которая началась въ этомъ году и въ которой онъ принялъ дѣятельное участіе.

слитель необыкновенный). Потомъ, по дѣламъ въ Рязанскую деревню; потомъ къ Кошелеву на хозяйственный съѣздъ для обсужденія нѣсколькихъ эманципаціонныхъ плановъ; потомъ, наконецъ, на коронацію отчасти для себя, но особенно для дѣтей. О коронаціи только два слова. Въѣздъ былъ удивителенъ, и я радъ, что его видѣлъ... просто, какой-то волшебный сонъ. Золото, Азіятскіе народы, великолѣпные мундиры и старые Нѣмецкіе парики. Тысяча и одна ночь, пересказанная Гофманомъ. За всѣмъ тѣмъ чудно хорошо! Самой коронаціи я не видалъ. Досталъ мѣста старшимъ дѣтямъ и послалъ ихъ; досталъ еще два билета себѣ и меньшой дочери; тутъ явились двое Сербовъ изъ Тріеста, пріѣхавшихъ собственно для этого. У нихъ билетовъ не было; я отдалъ свои и, разумѣется, не могъ не отдать. Оставшись дома, написалъ стихи, которыя посылаю къ вамъ. Барыня одна критиковала послѣднюю строфу: «Съ чего онъ вздумалъ про душу говорить? Объ этомъ и Филаретъ не говорилъ». Вѣдь не дурно! [21]).

Вотъ вамъ почти все, что̀ я о себѣ могу сказать. Статьи мои безъ подписи въ Бесѣдѣ вы читали, слѣд. и объ этомъ сказать нечего; и такъ лучше поговоримъ о васъ. Мнѣ весело, что вы такъ хорошо и съ такимъ толкомъ и пользою путешествуете. Какъ много привезете вы впечатлѣній, и какъ живительно они будутъ дѣйствовать на васъ! Хорошо совершенное путешествіе есть истинный капиталъ для жизни, не только какъ воспоминаніе, но еще какъ сила, возбуждающая мысль посредствомъ расширенныхъ сочувствій. Для насъ равно могутъ служить возбужденіемъ и оживившіеся Лужичи, и эти несчастные Прибалтійскіе Словяне, которыхъ вы застали въ самую минуту замирающей народности. Какое тяжелое впечатлѣніе должно производить не на Славянофила, но на всякаго безпристрастнаго человѣка, это грустное и истинно-прозаическое вымираніе старины и всѣхъ ея слѣдовъ въ жизни цѣлаго племени, оторваннаго судьбою отъ сообщества ему родныхъ племенъ! Разумѣется, ихъ спасти или задержать отъ денаціонализаціи нельзя; но великъ долженъ быть урокъ другимъ, какая предстоитъ опасность всѣмъ отдаленнымъ племенамъ. Знаютъ-ли они, или не знаютъ (а надобно втолковать): всѣхъ спасаетъ великій Русскій резервъ. Славно осмотрѣли вы остатки Сѣверо-Западныхъ Словянъ, и вѣроятно вамъ можно будетъ посредствомъ найденныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ нарѣчій и историческихъ показаній, этнографію старую возстановить почти въ полнотѣ. Этотъ отдѣлъ тогда будетъ конченъ, и вамъ будетъ принадлежать честь дѣла. Радуюсь и за васъ и за себя, какъ предвидѣвшаго, что вы совершите трудъ, за который взялись съ такою любовію. Многимъ это будетъ очень кисло.

Какъ мнѣ васъ благодарить за ваши дружескія заботы объ моихъ богословскихъ книжицахъ? Все, что̀ вы сдѣлали, сдѣлано, разумѣет-

---

21) А Ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца принявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

ся, какъ нельзя лучше. Объ изяществѣ хлопотать нечего; въ этомъ нуженъ только вѣрно сохраненный смыслъ. Досадно только, что Смоларъ такъ небрежно дѣло сдѣлалъ. Неужели онъ не понимаетъ его важности? Вѣроятно, что дѣйствительно не понимаетъ. Мнѣ со всякимъ днемъ яснѣе становится положеніе религіознаго вопроса въ Германіи и во всей Европѣ: онъ проникаетъ во всѣ вопросы и въ тоже время нигдѣ самостоятельной важности не имѣетъ (кромѣ Англіи). Въ скоромъ времени, можетъ быть, примусь я и за третью брошюрку по случаю Бунзеновыхъ Zeichen der Zeit [22]). Курьезное произведеніе! Впрочемъ, тутъ-же хочу я приплести и гадкую книжонку Гагарина: La Russie serat-elle catholique? [23]) Вся цѣль этой дрянной штуки одна: сказать нашему правительству que tout le mouvement orthodoxe et panslaviste de Moscou n'est que la révolution déguisée sous une forme orientale, forme bien plus profondément conçue, bien plus puissante et plus élastique que toutes celles qu'a pu inventer l'Occident [24]). Каковъ подлецъ-Iезуитъ! Отвѣчать на это я конечно не стану потому, что оправданіе я считалъ бы уже униженіемъ; но хочется мнѣ негодяя потаскать въ его собственной грязи. Что это только можетъ Iезуитизмъ сдѣлать изъ человѣка! Вѣдь вѣроятно была-же въ немъ и добросовѣстность, и какая нибудь вѣра, и теплота душевная. Безъ всякихъ внутреннихъ побужденій не броситъ же человѣкъ всѣ выгоды общественнаго положенія, и удобства жизни, и роскошь, къ которой съ дѣтства привыкъ. Глядя на это, понимаешь, какъ ложно-понятое чувство религіозное жгло, рѣзало, развращало и унижало человѣка ниже скота. Tantum religio potuit suadere malorum [25]). Я разбранилъ Гагарина и не пощажу печатно, если буду писать; а мнѣ очень жаль его. Надобно признаться, что въ протестантахъ нѣтъ такихъ скверныхъ явленій, но за то пропасть безсознательнаго и самодовольнаго комизма, даже въ такихъ людяхъ, каковы Сталь и Бунзенъ.

Дай Богъ вамъ счастія и успѣха въ вашей поѣздкѣ на Югъ. Что вы богатую соберете дань для науки, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ (только главное, будьте здоровы); что ваши поѣздки полезны не для одной науки, а и для тѣхъ людей, съ которыми васъ сводятъ ваши странствованія, я въ этомъ увѣренъ; но не стали бы вамъ мѣшать, вотъ я чего боюсь. Меня очень обрадовало то, что вашъ батюшка поправился. Я бы желалъ для него еще нѣсколько прогулокъ за границею; неужели нельзя ему какъ нибудь это уладить? Прощайте, любезный Леярдъ Славянскихъ народовъ и языковъ.

Сентября 12 дня (1856).

Въ Москвѣ познакомился я съ Американцами и Американками. Совсѣмъ особенное племя; въ нихъ что-то дикое при просвѣщеніи:

---

[22]) Знаменія времени. [23]) Будетъ-ли Россія католическою? [24]) Все движеніе православное и всеславянское въ Москвѣ есть ничто иное какъ революція въ восточной формѣ, которая гораздо глубже обдумана, гораздо сильнѣе и растяжимѣе, нежели всѣ формы, какія могъ придумать Западъ. [25]) Столько религія можетъ внушить бѣдствій.

одичалые gentlemen и ladies. Меня полюбили очень. They havent met any body half so f u n n y in Europa. Why, they would have run after him (т. е. за мною) in Amerika [26]). Я не ожидалъ такой характеристики.

X.

(1859)

Про себя я вамъ до сихъ поръ ничего не писалъ. Причина та, что и писать нечего. Какъ-то я оглупѣлъ сильно, точно будто въ высокіе чины пошелъ. Утѣшаю себя надеждою, что это явленіе временное и не обязательное для будущаго. Приписать его занятіямъ охотою и хозяйствомъ не могу потому, что не замѣчалъ такого вліянія прежде; скорѣе можно приписать его большой вознѣ съ Комитетомъ и безпрестанному соприкосновенію съ представителями дворянства. Здѣсь Комитетъ идетъ довольно скверно, не смотря на присутствіе многихъ дѣльныхъ и хорошихъ людей. Теперь возимся съ полученіемъ согласія Комитета на публичность засѣданій. Я говорю, какъ будто самъ участвую; дѣйствительно я безперестанно въ Тулѣ и въ совѣщаніяхъ домашнихъ. Князь Черкасскій (депутатъ отъ правительства) великолѣпенъ: образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора. Въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже враги.

Каково мое положеніе! Кошелевъ и Самаринъ требуютъ отъ меня философской статьи, и когда? Въ то самое время, какъ я чувствую отливъ умственныхъ способностей. Обливаюсь пóтомъ и пишу.

XI.

Видите, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, что я захотѣлъ съ вами лично похристосоваться [27]), о чемъ васъ удостовѣритъ и прилагаемый сверху ликъ мой. На дняхъ послалъ я къ вамъ Сербовъ [28]), которыхъ Самаринъ долженъ былъ вамъ доставить уже съ подписями. Ни слова не успѣлъ я написать по милости Погодина, который до ночи то подписывалъ, то нѣтъ. Просто надоѣлъ разнымъ вздоромъ. Должно быть, былъ не въ духѣ по случаю своего неславнаго боя съ Костомаровымъ. Срамъ: какое ясное дѣло, и не умѣть его выиграть такъ, чтобы и слѣпые видѣли, кто побѣдилъ! Что публика была безсмысленная, вовсе не отговорка. Нѣтъ публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова въ пухъ и прахъ. Это обида для Москвы.—Какъ васъ благодарить за вашу статью! Статья капитальная. Едва-ли она встрѣтитъ цензурныя препятствія. Въ духовномъ смыслѣ противъ нея сказать нечего, а въ соціальномъ, котораго духовенство не пойметъ, пройдетъ она, по самому этому непониманію. Впрочемъ, когда я говорю, что въ ду-

---

[26]) Они не встрѣчали никого въ Европѣ, кто бы и на половину былъ забавнѣе меня. Въ Америкѣ бы за вами (т. е. за мною) просто бѣгали.

[27]) На письмо наклеенъ крохотный свѣтописный портретъ Хомякова.

[28]) Т. е. Посланіе къ Сербамъ изъ Москвы, сочиненіе Хомякова, появившееся въ Лейпцигѣ, въ 1860, и перепечатанное въ Р. Архивѣ 1876.

ховномъ смыслѣ она не встрѣтитъ препятствій, вы уже видите, что мы таки далеконько двинулись впередъ.

Какъ мнѣ хотѣлось бы прочесть вамъ свое письмо къ Бунзену! Да никакъ нельзя. Переписывать его слишкомъ долго. Нужно, чтобы или самъ я переписалъ, или **. И такъ онъ бѣдный его уже разъ переписалъ для заграничнаго напечатанья, если только удастся напечатать, а вещь очень серьезная и, кажется мнѣ, удачная. Тутъ удалось мнѣ и съ корнесловіемъ поразгуляться, и съ философіею, и съ историческою критикою. Всего вдоволь.

XII.

22-го Февраля 1860 г.

Я кругомъ виноватъ передъ вами, такъ долго задержавъ вашъ переводъ, тѣмъ болѣе виноватъ, что и измѣнять-то въ немъ я почти ничего не нашелъ кромѣ нѣсколькихъ, по моему, сомнительныхъ словъ. Онъ и легокъ, и передаетъ веселую шутливость оригинала; только мнѣ кажется, иногда вы безъ нужды измѣняете порядокъ словъ. Конечно, черезъ это вы выигрываете въ отношеніи къ плавности (чего вы искали); но переводъ стиховъ въ прозу долженъ не только быть, но и отзываться переводомъ, и потому большая близость къ обороту оригинала едва ли не была бы выгодою. Какъ вы думаете? Я этого и не отмѣчалъ и не измѣнялъ потому, что хорошее перемѣнять въ худшее нѣтъ крайней надобности; но по системѣ такъ бы выходило. Согласны ли вы только на самую систему? Знаете ли тоже, что̀ отчасти меня задержало? Вы были предложены въ члены Общества Люб. Р. Словесности и, разумѣется, выбраны единогласно; но мнѣ хотѣлось васъ за одно уже увѣдомить о томъ, остаюсь-ли я предсѣдателемъ; а это зависѣло отъ отвѣта министра на счетъ нашихъ цензурныхъ правъ или, лучше сказать, отъ рѣшенія Государя по нашей просьбѣ. Тутъ-же я хотѣлъ и переводъ переслать. Рѣшеніе пришло неблагопріятное; признаюсь, я ожидалъ другаго. Въ публичномъ засѣданіи я это объявилъ членамъ; а такъ какъ недовѣріе къ Обществу въ этомъ случаѣ особенно падаетъ на предсѣдателя, котораго подпись узаконяваетъ печатаніе, я просилъ Общество уволить меня отъ званія моего. Я считалъ долгомъ такъ поступить; но Общество, въ частномъ засѣданіи 6-го Февраля, меня единогласно одобрило, и я опять остался. Вотъ вамъ, при объявленіи объ вашемъ избраніи, и краткій докладъ о происшествіяхъ въ Обществѣ. За тѣмъ, хотя и положено уже не печатать отдѣльныхъ трудовъ, но мы надѣемся приступить къ нѣкоторымъ ученымъ изданіямъ, а на васъ надѣемся, что вы что нибудь дадите для чтенія въ собраніяхъ публичныхъ или частныхъ. Знаетели что? Вы бы могли, и никто лучше васъ, составить краткій обзоръ современной Словянской филологіи. Это была бы прекрасная вещь; печатать же вы можете гдѣ хотите. Разумѣется, кандидатомъ на это будетъ сборникъ Русской Бесѣды...

Я сознаю всю мелочность нашей здѣшней дѣятельности и въ тоже время увѣренъ, что безъ нея никакого grand ton'а имѣть нельзя. Надобно будетъ за Словянское дѣло взяться серьезно.

Странная и, по моему мнѣнію, любопытная теперь эпоха у насъ. Подъ видомъ самыхъ пошлыхъ, незначительныхъ движеній закладываются начàла самыхъ важныхъ и едва-ли не міровыхъ явленій. Говорить о нихъ съ видомъ важнымъ нельзя: все видимое такъ мелко. Говорить о нихъ шутя нелѣпо: подъ ними кроется весьма и весьма много. Кому въ Европѣ нужно знать про смерть Ростовцева? Хорошъ герой! А отъ этой смерти наступилъ новый фазисъ въ вопросѣ, котораго разрѣшеніе отзовется сильно не у насъ однихъ. По неволѣ зачешется въ затылкѣ, когда объ этомъ подумаешь. Не знаю, какъ у васъ въ Питерѣ, а здѣсь только и толку объ этомъ и, къ несчастію, злыя страсти сильно радуются. Спасибо Павлову: онъ въ Нашемъ Времени сказалъ объ этомъ нѣсколько добрыхъ словъ.

Самъ я довольно сильно трудился и, не смѣйтесь, кое-чему учился въ Еврейскомъ языкѣ. Разумѣется, я столько же языкъ этотъ знаю, сколько и прежде; но убѣдился, что только Русскій изо всѣхъ Европейцевъ можетъ понять восточные языки. Тамъ рѣшительно преобладаетъ, какъ у насъ, видовая или лучше сказать качественная флексія. Не знаю только ея собственнаго центра; у насъ это существительное. Впрочемъ, эти всѣ мои изученія шли отъ письма къ Бунзену. Я думалъ написать коротенькое и легонькое; вышло порядочно-длинное и весьма для меня трудное. Посылаю за границу; какъ напечатаю, не знаю. Кстати, что? Подается-ли переводъ?

Оперы А. Н. Верстовскаго.

Въ пятомъ выпускѣ Русскаго Архива, въ примѣчаніи къ статьѣ «изъ бумагъ С. П. Шевырева» (стр. 51) сказано: «С. П. Шевыревъ написалъ либретто для оперы подъ названіемъ Вадимъ, заимствовавъ содержаніе изъ извѣстной поэмы Жуковскаго. Послѣ разныхъ передѣлокъ, уже лѣтъ черезъ 20, если не больше, дана была на сценѣ эта опера (музыка Верстовскаго), но подъ названіемъ «Громобой». Она не имѣла успѣха».

Эта замѣтка несовсѣмъ вѣрна: А. Н. Верстовскій, поставивъ съ большимъ успѣхомъ на Московскомъ Большомъ театрѣ въ 1828 году свою первую оперу «Панъ Твардовскій» (либретто М. Н. Загоскина), желалъ имѣть либретто для новой оперы. Это либретто взялся написать ему находившійся съ нимъ въ весьма пріятельскихъ отношеніяхъ С П. Шевыревъ *) и, заимствовавъ основной сюжетъ его изъ баллады В. А. Жуковскаго «Вадимъ», написалъ либретто новой. Либретто это, по причинамъ, изложеннымъ въ письмѣ С. Т. Аксакова, въ «Русскомъ Архивѣ», подвергалось весьма значительнымъ передѣлкамъ. Содержаніе либретто С. П. Шевырева и какія сдѣланы въ немъ перемѣны, можно прочесть въ «Молвѣ» 1832 года. Опера эта (2-я опера А. Н. Верстовскаго) была поставлена на Московскомъ Большомъ театрѣ въ 1832 г. подъ заглавіемъ «Вадимъ или пробужденіе 12 спящихъ дѣвъ», а не подъ заглавіемъ «Громобой» и имѣла большой успѣхъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она была возобновлена на Московскомъ Большомъ театрѣ и тоже съ большимъ успѣхомъ. Года два тому назадъ, она также съ успѣхомъ была поставлена на Московскомъ частномъ, общедоступномъ театрѣ. Замѣчательно, что въ этой оперѣ главное дѣйствующее лицо, Вадимъ, не поетъ, и роль эту всегда исполнялъ драматическій актеръ (сперва Мочаловъ, потомъ Самаринъ и Ѳ. Сахаровъ).

Въ 1856 г. А. Н. Верстовскій, увлеченный успѣхомъ тенора Владиславлева, хотѣлъ было заняться передѣлкою этой оперы и сдѣлать Вадима лицомъ поющимъ; но узнавъ, что передѣланную такимъ образомъ оперу онъ не можетъ отдать на поспектакльную плату, такъ какъ опера «Вадимъ» въ первоначальномъ ея видѣ отдана въ дирекцію императорскихъ театровъ за единовременное вознагражденіе (4000 рубл. ас.), оставилъ это намѣреніе. Опера же «Громобой», поставленная въ 1857 г. въ первый разъ на Московской сценѣ, совсѣмъ другое произведеніе. Это шестая и послѣдняя опера А. Н.

---

*) Они были земляки по Саратовской губерніи. А. Н. Верстовскій происходилъ изъ семейства Селиверстовыхъ, родственной графамъ Воронцовымъ прошлаго столѣтія. П. Б.

Верстовскаго. Либретто ея написано Д. Т. Ленскимъ, и основнымъ сюжетомъ ея послужила другая баллада В. А. Жуковскаго «Громобой» (т. е. первая половина «Двѣнадцати спящихъ Дѣвъ», а «Вадимъ» составляетъ вторую половину). Либреттистъ эту оперу по мысли и желанію Верстовскаго, такъ сказать, связалъ сюжетомъ съ другими двумя операми Верстовскаго: «Вадимомъ и Аскольдовой могилой».

Вотъ кстати хронологическій порядокъ, въ которомъ на Московской сценѣ появились оперы А. Н. Верстовскаго. Въ 1828 г. Панъ Твардовскій, въ 1832 г. Вадимъ или пробужденіе 12 спящихъ дѣвъ, въ 1835 г. Аскольдова могила (либретто М. Н. Загоскина), въ 1838 г. Тоска по родинѣ (либретто М. Н. Загоскина), въ 1844 г. Сонъ на яву, или Чурова долина (либретто князя А. А. Шаховскаго), въ 1857 году Громобой (либретто Д. Т. Ленскаго).

В. Родиславскій.

Дополненія, замѣтки и поправки.

1.

Къ стр. 249. Въ «Воспоминаніяхъ» Ф. Л. Ляликова о Ревелѣ разсказано о томъ, какъ Петръ Великій наказалъ одного Эстляндскаго помѣщика дубинкою за его невѣжливость и прибавлено: «Меня увѣряли, что нѣкоторыя особы эту палку видѣли».

Намъ пишутъ изъ Ревеля, что помѣщикъ этотъ назывался фонъ-Рамъ, и что его потомкамъ, того же имени, доселѣ принадлежитъ, неподалеку отъ Гапсаля, та мыза, гдѣ въ столовой комнатѣ, украшенной фамильными портретами и рѣдкостями, хранится въ шкапу, въ отдѣльномъ помѣщеніи, дубинка Петра Великаго. Она имѣетъ видъ монашескаго посоха. Тутъ же виситъ и портретъ испытавшаго на себѣ дѣйствіе ея. Но анекдотъ разсказывается на мѣстѣ съ нѣкоторымъ разнорѣчіемъ. Петръ проѣзжалъ мимо мызы фонъ-Рама и выразилъ желаніе позавтракать. Хозяинъ мызы, тутъ же находившійся, сталъ отнѣкиваться и извиняться, говоря, что ему нечѣмъ угостить высокаго гостя Тѣмъ не менѣе Петръ и всѣ его провожатые, пріѣхавъ на мызу, нашли, что всего наготовлено съ избыткомъ. Послѣ пирушки на прощаньѣ Государь ударилъ хозяина дубинкою и сказалъ полушутя: «Это тебѣ за то, что ты отговаривался и не хотѣлъ принять меня!» Фонъ-Рамъ выпросилъ оставить ему дубинку на память. Ее до сихъ поръ можно видѣть, и женщина-экономка, указывая на портретъ Петровскаго фонъ-Рама, прибавила посѣтителю мызы, который намъ сообщаетъ эти подробности: «Der hat es bekommen!» (вонъ тотъ получилъ это, т. е. ударъ дубинкою).

2.

Въ Русскомъ Архивѣ 1878, въ тетради 4-й, напечатаны любопытныя воспоминанія Лифляндца, который не выставилъ имени своего.

Впрочемъ вскрыть этотъ анонимъ, кажется, нетрудно. Онъ самъ говоритъ, что ему принадлежитъ сочиненіе: Beethoven et ses trois styles. Охотники до музыки и спеціалисты должны знать, кто писалъ эту книгу.

Въ эти воспоминанія вкралась маловажная ошибка. На стр. 464 сказано, что, по случаю убіенія Русскаго посланника Грибоѣдова, пріѣзжалъ въ Петербургъ Аббасъ-Мирза. Это не точно: пріѣзжалъ не Аббасъ-Мирза, а сынъ его Хозревъ-Мирза.

На стр. 454. Можно подумать, что Даршіакъ находился тоже въ Русской службѣ. Этого не было. Даршіакъ состоялъ при Французскомъ посольствѣ, и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Лифляндца слѣдуетъ разумѣть не его, а маркиза Пина (marquis de Pina), который былъ дѣйствительно маленькаго роста и съ незначительнымъ лицомъ, чего про Даршіака никакъ нельзя было сказать.

Пушкинскій „Пророкъ“ въ Польскомъ переводѣ.

Въ 1855 году Виленскимъ Вѣстникомъ завѣдывалъ извѣстный Польскій писатель Антоній Эдуардъ Одынецъ, другъ Мицкевича, заслужившій себѣ почетную извѣстность какъ дарованіями, такъ и благородствомъ характера. Однажды вечеромъ сидѣлъ онъ у тогдашняго Виленскаго губернатора Аркадія Осиповича Россета. Говорили, между прочимъ, о Мицкевичѣ и Пушкинѣ, и хозяинъ прочелъ своему гостю стихотвореніе Пушкина: Пророкъ. Одынецъ восхищался мощною силою образовъ и звуковъ въ этомъ необыкновенномъ произведеніи. По его желанію, А. О. Россетъ повторилъ ему великолѣпные стихи. Гость ушелъ, а хозяинъ вслѣдъ за нимъ отправился въ экипажѣ куда ему было надо. Одынецъ, идя пѣшкомъ, остановилъ экипажъ и попросилъ еще разъ прочитать ему послѣднія строфы. На другое утро, по обыкновенію, у губернатора былъ пріемъ просителей, и въ числѣ ихъ оказался Одынецъ съ бумагою въ рукѣ. Губернатору показалось странно, какое можетъ быть дѣло у Одынца, тѣмъ болѣе что онъ могъ еще наканунѣ переговорить съ нимъ о своей надобности. Очередь дошла до Одынца, и вмѣсто прошенія онъ подалъ А. О. Россету листокъ съ нижепомѣщаемымъ переводомъ. «Всю ночь», говорилъ онъ, «не могъ я освободиться отъ впечатлѣнія этихъ стиховъ, и такъ какъ вы тому причиною, то вамъ подношу я мою работу».

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.

* * *

Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.

* * *

Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней розы прозябанье.

* * *

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословной и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.

* * *

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.

* * *

Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».

(1826).

PROROK.

Duchowém pragnieniem palony,
Błądziłem po stepów przestworzu;
Wtém sześcią skrzydły osłoniony,
Seraf spotkał mię na rozdrożu.
I lekko, jak senne widziadło,
Tknął mych oczu ręką bez ciała.
«Przejrzyj» rzekł—i bielmo z nich spadło.
I raz piérwszy wieszcza źrenica,
Jako przestraszona orlica,
W otwarty świat ducha spójrzała.
Duch końce powietrznych swych palców
Ścisnął, i do uszu mych włożył.
I dziwny w nich słuch się otworzył.
Poczułem dźwięk planet obrótu,
I w chmurach świst ptaków przelotu,
I szum morskich fal, i pod niemi
Ruch ryb, i pełzanie padalców,
I rośnienie trawy na ziemi.
Duch do ust mych sięgnął—i z gardła
Dłoń mi jego język wydarła,
Pustosłowy, chytry, kłamliwy;
I dał mi zań żądło wężowe,
Ostrz za słowo, jad za wymowę,
I głos Prawdy—jak syk przeraźliwy.
I w piers mą swe palce, jak miecze,
Duch wraził—i serce człowiecze,
Samolubne, płoche i trwożne,
Wyrwał z niéj—i w miejsce to próżne
Wrzucił węgiel żywych płomieni,
Co mi duszę przetlił do rdzeni.
I jak trup leżałem w pustyni,
Aż głos Panski zabrzmiał z wysoka:
«Proroku! wstań, idź, i prorokuj!
«Znasz Mą wolę:—patrz, co świat czyni.
«Głoś Prawdę—pokutę, nie pokój.
«Świat przeklnie—Ja wsławię Proroka».

(1855).

скій въ Парижѣ, статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича. Сборникъ неизданныхъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

*

1877 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки **Г. С. Винскаго**. Взятіе Карса въ 1828 (изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева**). Бумаги контръ-адмирала **Истомина**. Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго**. Старая Записная Книжка. Записки **графа А. И. Рибопьера**. Цѣна 3 рубля.

1877 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записка **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки **гр. А. И. Рибопьера**. Н. И. Второвъ, статьи **М. Ѳ. Де-Пуле**. Самаринъ-ополченецъ. А. П. Елагина. Разсказы **Толычовой**. Цѣна 3 рубля.

1877 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о Французской революціи **князя А. М. Бѣлосельскаго**. Записки **короля Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи. Дневникъ **гр. А. Г. Бобринскаго**. Записки декабриста **П. И. Фаленберга**. Депеши изъ Парижа **кн. А-я Б. Куракина**. Разсказы **графа М. А. Мамонова**. Цѣна 3 рубля.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮНЬ 1878.

Объ основныхъ понятіяхъ психологіи. (Окончаніе). Н. Страхова. Предметъ, задача, цѣль, область и преподаваніе классической филологіи. В. Модестова. Историко-географическія извѣстія Герберштейна (XVI в.). Е. Замысловскаго. Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. (Окончаніе). А. Брикнера. Замѣтки и разъясненія къ Опыту Россійской библіографіи В. С. Сопикова. В. Саитова. О значеніи и образованіи юношескаго идеализма. Г. Струве. Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородка за біографію канцлера князя А. А. Безбородка. Къ вопросу о греческихъ глагольныхъ формахъ. А. Наука. Протоколъ засѣданія С.-Петербургскаго отдѣленія Общества Классической Филологіи и Педагогики 28-го Марта 1878 г. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Продолженіе). Е. Шмида.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 50 к, съ пересылкою въ другіе города 13 р. 75 к. (въ томъ числѣ 55 к., за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ 6 р., за отдѣльныя книжки журнала — по 50 к. за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 8.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1878.

Оборона Камчатки и Восточной Сибири противъ Англо-Французовъ въ 1854 и 1855 годахъ.

Въ Мартѣ 1850 г. генералъ Муравьевъ всеподданнѣйше донесъ Государю Императору Николаю Павловичу изъ Иркутска, между прочимъ, о кончинѣ Китайскаго богдыхана и перемѣнѣ въ Китаѣ правленія.

Война и миръ Китая съ Англіею положили основаніе коренному преобразованію этой многолюдной имперіи. При жизни покойнаго богдыхана мы могли еще надѣяться, что онъ, лично, такъ сказать, оскорбленный Англичанами, не могъ быть хорошо къ нимъ расположенъ и, слѣдовательно, не допуститъ въ своей имперіи Англійскаго вліянія. Послѣ него вступилъ на престолъ юноша 18 лѣтъ, и весьма было вѣроятно, что Англичане не упустятъ случая воспользоваться этою благопріятною для нихъ перемѣною, со свойственною имъ предпріимчивостію, быстротою и настойчивостію, чтобы овладѣть не только торговлею, но и политикою Китая. Генералъ Муравьевъ указывалъ на пять Китайскихъ портовъ, которые стали не только доступны Англичанамъ, но сдѣлались почти Англійскими городами.

Въ видахъ предупрежденія вредныхъ для насъ отъ этого послѣдствій, генералъ Муравьевъ считалъ необходимымъ обезпечиться намъ въ границахъ нашихъ съ Китаемъ, въ мѣру внутреннихъ, крайнихъ потребностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвратить Россіи рѣку Амуръ, и съ этою цѣлію предъявить Китайцамъ наши желанія относительно этой рѣки, основанныя на общихъ пользахъ обоихъ государствъ, т. е. чтобы никто кромѣ Россіи и Китая не владѣлъ плаваніемъ по Амуру, устье котораго должно быть защищаемо, конечно, не Китайцами. Если же они не захотѣли бы понять искренности этого соображенія, или бы воспротивились ему уже въ духѣ Англійскомъ, то съ нашей стороны не было бы и тѣни несправедливости открыть себѣ этотъ необходимый путь вооруженною рукою въ то время, когда онъ еще не успѣлъ закрыться для насъ навѣки. Съ тѣми военными средствами, которыя были тогда въ наличности, мы были бы достаточно сильны, чтобы достигнуть этой цѣли. Сверхъ же этихъ сухопутныхъ средствъ, потребовались бы нѣкоторое усиленіе морскихъ силъ въ Охотскомъ морѣ, на первый разъ изъ Европейскихъ нашихъ портовъ. Два фрегата, по мнѣнію генерала Муравьева, нужно было отправить во всякомъ случаѣ туда въ томъ же году, чтобъ они поспѣли въ Петропавловскій портъ къ веснѣ 1851 г. И это считалъ онъ необходимымъ не въ однихъ видахъ овладѣнія Амуромъ; а напротивъ, владѣніе этой рѣкой должно было до-

ставить намъ впредь возможность не посылать необходимаго подкрѣпленія судами въ Охотское море изъ столь отдаленныхъ портовъ.

По вопросу этому, военный министръ объяснилъ Государю Императору, что генералъ Муравьевъ дѣйствительно входилъ съ представленіемъ объ умноженіи военной силы въ Забайкальскомъ краѣ; но такъ какъ приведеніе этого предположенія въ исполненіе сопряжено съ разными коренными въ томъ краѣ перемѣнами, то окончательное разсмотрѣніе этого предположенія благоугодно было Его Величеству отложить до пріѣзда генерала Муравьева въ Петербургъ. Начальникъ главнаго морскаго штаба, князь Меньшиковъ, изъяснилъ, что, въ видахъ поддержанія въ Охотскомъ морѣ и для прекращенія тамъ всякихъ своеволій и дерзостей, на нашихъ даже берегахъ производимыхъ китобойными судами разныхъ націй (являющимися туда ежегодно въ значительномъ количествѣ для китоваго промысла и подвергающими опасности самые порты и заведенія наши), онъ признавалъ бы необходимымъ учредить въ Охотскомъ морѣ крейсерство для наблюденія за иностранными китобоями, и на первый разъ отправить одинъ корветъ.

Графъ Нессельроде, какъ и всегда, возставалъ, на сколько могъ, противу предположеній генерала Муравьева. Онъ говорилъ, что достаточно дѣйствовать чрезъ Американскую Компанію, что приступать нынѣ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не имѣя къ тому никакихъ законныхъ поводовъ, а основываясь лишь на гадательномъ и во всякомъ случаѣ не могущемъ быстро совершиться предположеніи, что Англичане завладѣютъ политикою Китая,—признавалъ онъ крайне неудобнымъ и могущимъ повлечь за собою самыя непріятныя послѣдствія, разстройство нашихъ дружественныхъ и торговыхъ связей съ Китайцами и даже вмѣшательство другихъ державъ въ это дѣло, что̀ такъ же ставилось въ рядъ возможныхъ событій. Графъ Нессельроде утверждалъ, что ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что Китайцы на наши предложенія на Амурѣ не согласятся. Если же мы будемъ дѣйствовать для достиженія нашихъ желаній вооруженною рукою, допустивъ, что имѣемъ всѣ нужные для того способы, то графъ Нессельроде считалъ очень вѣроятнымъ, что Китайцы въ такой крайности обратятся къ тѣмъ же Англичанамъ, которымъ тогда откроется удобный случай дѣйствовать въ свою пользу. Обращаясь еще къ изъясненнымъ генераломъ Муравьевымъ опасеніямъ о перемѣнѣ политики Китайцевъ, графъ Нессельроде находилъ, что предположеніе это не основано ни на какихъ положительныхъ данныхъ, что, напротивъ, вся исторія Китая и ходъ послѣднихъ событій ясно доказывали, что Китайцы менѣе нежели всякая другая нація способны подчиняться вліянію иностранцевъ, въ чемъ бы то ни было, а тѣмъ паче въ дѣлахъ внѣшней политики.

Влѣдствіе всего этого рѣшено было въ комитетѣ по вопросу объ Амурѣ ограничиться тѣми мѣрами, которыя были уже разрѣшены прежде; самыя эти мѣры, сказано было, приблизятъ насъ, безъ шуму и тѣмъ болѣе надежнымъ образомъ, къ желаемой цѣли; а дальнѣйшее ихъ развитіе и послѣдствія, которыя онѣ будутъ имѣть относительно сношеній съ обитающими близъ устья Амура Гиляками, укажутъ и дальнѣйшій образъ дѣйствій по сему вопросу. Корветъ *) для крейсерства послать разрѣшили. Для дальнѣйшихъ во-

*) Генералъ Муравьевъ просилъ два фрегата.

обще дѣйствій въ отношеніи къ Китаю полагалось ожидать положительныхъ оттуда извѣстій отъ пребывающей въ Пекинѣ нашей миссіи. Эти извѣстія, говорилъ графъ Нессельроде, покажутъ намъ съ тѣмъ вмѣстѣ и систему, какой мы должны держаться въ будущихъ сношеніехъ съ Китаемъ.

Журналъ комитета, разсуждавшаго объ этомъ дѣлѣ, посланъ въ Іюнѣ 1850 г. къ генералу Муравьеву, который въ концѣ того же года отправился въ Петербургъ съ различными предположеніями, какъ объ устройствѣ края, такъ и объ усиленіи нашихъ военныхъ средствъ въ видахъ приготовленія къ дѣйствію на Амурѣ.

Во время плаванія своего по Охотскому морю, онъ лично убѣдился, до какой степени значительно было число китобойныхъ судовъ въ этомъ морѣ во всѣхъ направленіяхъ. Ихъ насчитывалось тогда до 400. Это, конечно, могло возбуждать справедливыя опасенія, что подъ видомъ китоваго промысла легко было бы сотнѣ или двумъ стамъ иностранцамъ занять и устье Амура и разные пункты на островѣ Сахалинѣ, что̀, такъ сказать, должно было побуждать насъ, не теряя времени, поставить тамъ нашъ флагъ для того уже, чтобъ никто изъ иностранцевъ не имѣлъ права занять эти мѣста, какъ вновь открытыя и никому не принадлежащія.

Англичане не дремали. Еще въ 1848 г. Англичанинъ Остенъ (Austen) проѣхалъ черезъ Иркутскъ прямо въ Нерчинскъ. Незадолго передъ нимъ, тоже подъ видомъ ученыхъ изысканій, проѣхалъ Восточную Сибирь насквозь Самуилъ Гиль (Hill), успѣвшій побывать, до пріѣзда генерала Муравьева, въ Кяхтѣ и въ началѣ Мая 1848 г. отправившійся черезъ Якутскъ и Охотскъ въ Камчатку, а оттуда на Сандвичевы острова. Истинная цѣль его путешествія была видѣть Камчатку и сообщенія ея съ жилою Сибирью.

Остенъ хотѣлъ спуститься по Амуру для геологическихъ изысканій. Муравьевъ, разгадавшій истинную цѣль его поѣздки, объяснилъ ему, что, такъ какъ всѣ прежнія Русскія попытки къ изслѣдованію Амура и открытію плаванія по этой рѣкѣ были отклоняемы нашимъ правительствомъ, чтобы не возбудить опасенія Китайцевъ и не повредить нашей Кяхтинской торговлѣ, то онъ считаетъ неумѣстнымъ содѣйствовать отправленію по этой рѣкѣ иностраннаго изслѣдователя, отчего могли бы возникнуть непріязненныя для насъ столкновенія съ Китайцами, прибавивъ, что, пускаясь въ этотъ путь, Остенъ рискуетъ даже жизнію. Остенъ, по видимому, убѣдился этими доводами, но подъ предлогомъ экскурсіи по Забайкалью, добрался до Шилкинскаго завода, сталъ строить тамъ плоты и, конечно, спустился бы по Амуру, если бы Муравьевъ, который узналъ о его намѣреніи, не послалъ къ нему офицера корпуса топографовъ Ваганова, который принудилъ Остена вернуться въ Иркутскъ, гдѣ онъ оставался болѣе года и уѣхалъ только въ 1850 году въ Россію и за тѣмъ въ отечество.

И дѣйствительно, необитаемый Сахалинъ только и дожидалъ Англичанъ, чтобы запереть намъ плаваніе по Амуру. Съ Китайской стороны впадаютъ въ Амуръ большія судоходныя рѣки, съ южнымъ же Китаемъ Англичане торговали свободно, и Амуръ доставилъ бы имъ возможность овладѣть и сѣверовосточною частію срединнаго государства: стоило только укрѣпиться на необитаемой и никѣмъ не оспариваемой сѣверной оконечности Сахалина. Кромѣ того, лѣвый берегъ Амура не принадлежалъ никому; тамъ кочевали только Тун-

гузскія племена, и на устьѣ жили Гиляки. Англичанамъ нужно было только узнать все это, и они непремѣнно заняли бы Сахалинъ и устье Амура; и это могло быть дѣломъ внезапнымъ, безъ всякихъ сношеній о томъ съ Россіею, которая лишилась бы такимъ образомъ всей Сибири, потому что Сибирью владѣетъ тотъ, у кого въ рукахъ лѣвый берегъ и устье Амура. Обо всемъ этомъ Муравьевъ сообщилъ тогда же министру внутреннихъ дѣлъ, графу Перовскому, съ которымъ находился въ искреннихъ отношеніяхъ; а графъ Перовскій довелъ обстоятельство это до высочайшаго свѣдѣнія.

14-го Іюля 1851 г. заходилъ въ Петропавловскій Портъ люгеръ подъ флагомъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, шкиперъ Геджесъ, вооруженный сильною артиллеріею и оборонными оружіемъ. Найдя бумаги капитана незаконными, военный губернаторъ Завойко назначилъ коммиссію привести весь грузъ въ ясность. Какъ только къ этому приступлено было, на люгерѣ подняли Англійскій флагъ, съ люгера явился нѣкто Стратенъ съ законными бумагами отъ Англійскаго правительства и объявилъ, что онъ капитанъ, а Геджесъ пассажиръ.

Въ этомъ же году въ Охотскомъ морѣ усилилось число иностранныхъ судовъ, которыя входили въ сношенія съ жителями нашихъ береговъ.

Вслѣдствіе этого Муравьевъ, въ Апрѣлѣ 1853 года въ Петербургѣ, просилъ послать для крейсерства 1 фрегатъ и 1 бригъ въ Камчатское и Охотское моря. Государь Императоръ повелѣлъ отправить вмѣсто брига корветъ «Наваринъ» (капитанъ Истоминъ) и фрегатъ «Аврору», подъ командою 19 флотскаго экипажа капитанъ-лейтенанта Изыльметьева. Членъ Яхтъ-клуба, капитанъ лейтенантъ Лобановъ-Ростовскій отправился тоже въ крейсерство на собственной яхтѣ «Рогнѣда».

Въ это время находился въ Японскомъ морѣ отрядъ судовъ вице-адмирала Путятина, посланнаго въ Японію для переговоровъ. Онъ состоялъ изъ фрегата «Паллады», подъ командою флигель-адъютанта, капитанъ-лейтенанта Унковскаго; корвета «Оливуца» (капитанъ-лейтенантъ Назимовъ); судна Россійско-американской Компаніи «князь Меньшиковъ» (лейтенантъ Фуругельмъ) и паровой желѣзной шкуны «Востокъ», на которой былъ командиромъ лейтенантъ Римскій-Корсаковъ.

Въ Мартѣ 1854 г. г. Путятинъ пошелъ изъ Японіи въ Корейскій проливъ, предписавъ шкунѣ «Востокъ», съ крайнею осторожностью идти къ Шанхаю для освѣдомленія о состояніи дѣлъ въ Европѣ.

При входѣ въ Татарскій проливъ, 17-го Мая, фрегатъ «Паллада» встрѣтилъ шкуну «Востокъ», на которой было получено извѣстіе изъ газетъ объ объявленіи Франціею войны Россіи и высочайшее повелѣніе Русскимъ судамъ, въ этихъ водахъ плавающимъ, соединиться въ заливѣ Декастри.

Генералъ Муравьевъ находился въ началѣ 1854 г. въ Петербургѣ, гдѣ оставался до Марта. Въ это время продолжалась Турецкая война, и стало извѣстно, что Англія и Франція заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Турціею. Поэтому Муравьеву прежде отправленія изъ Петербурга, необходимо было получить надлежащія инструкціи и разрѣшенія отъ высшаго правительства въ отношеніи защиты береговъ нашихъ на Восточномъ океанѣ отъ непріятельскихъ флотовъ и на счетъ плававшихъ въ тѣхъ странахъ нашихъ военныхъ судовъ.

Въ Петербургѣ однакожъ, кромѣ самого Муравьева, никто объ этомъ не думалъ и не заботился. Впрочемъ и немудрено: тамъ готовились бороться на Западѣ съ могущественнымъ непріятелемъ.

Генералъ Муравьевъ, соображая способы къ защитѣ отдаленныхъ и обширныхъ странъ, вѣдѣнію его подлежащихъ, находилъ, что дѣлать это съ успѣхомъ можно было только открывши плаваніе по Амуру и этимъ путемъ снабдить береговые пункты наши на Восточномъ океанѣ и самую Камчатку войсками. Всѣми другими путями это было бы или невозможно, или такъ медленно, что непріятель всегда бы насъ предупредилъ тамъ морскимъ путемъ. Еще при отправленіи Муравьева на генералъ-губернаторство, въ послѣдній докладъ его у императора Николая Павловича, 8 Января 1848 г., Государь, слушая его докладъ, сказалъ ему между прочимъ: «Такъ у тебя возмутъ Камчатку, и ты только черезъ полгода узнаешь!»

Въ этомъ смыслѣ генералъ Муравьевъ представилъ собственноручную записку генералъ-адмиралу великому князю Константину Николаевичу, испрашивая разрѣшенія сплавить по Амуру необходимое число войскъ для защиты какъ устьевъ этой рѣки, такъ и Камчатки и, дабы не обременить во время войны государственной казны новыми расходами, испрашивалъ право распоряжаться всѣми остаточными суммами отъ смѣтныхъ исчисленій по всѣмъ вѣдомствамъ Восточной Сибири. Записку эту великій князь Константинъ Николаевичъ доложилъ Государю Императору. Генералу Муравьеву велѣно было представить формальное по всѣмъ этимъ предметамъ донесеніе съ надлежащими данными и справками. Донесеніе это повелѣно было разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ и все, что было испрашиваемо Муравьевымъ, почти единогласно было принято въ засѣданіи 11 Января 1854 г. и утверждено Государемъ.

Въ началѣ войны силы наши на Амурѣ были очень незначительны, и только сплавленными генераломъ Муравьевымъ войсками усилены Петропавловскій Портъ и устье Амура.

22 Мая 1854 г. генералъ Путятинъ, который для единства дѣйствій былъ подчиненъ генералу Муравьеву, прибылъ съ фрегатомъ «Палладою», въ ожиданіи его распоряженій, во вновь открытую на Татарскомъ берегу Императорскую Бухту. Тамъ онъ засталъ транспортъ «князь Меньшиковъ», отправленный имъ изъ Нангасаки впередъ для устройства на берегу какого либо помѣщенія подъ провизію и печей для изготовленія сухарей. Бухту эту вице-адмиралъ Путятинъ избралъ еще въ прошломъ году для укрытія съ судами, когда узналъ о предстоявшемъ разрывѣ Россіи съ Англіею и Франціею. Транспортъ «князь Меньшиковъ» онъ послалъ въ Аниву, посовѣтывавъ снять Постъ Муравьевскій, потому что занятіе его Англичанами могло сильно повредить намъ въ глазахъ Японцевъ, которые настойчиво объявили свои права на всю южную оконечность Сахалина.

Въ половинѣ Іюня Муравьевъ писалъ изъ селенія Кизи на Амурѣ Путятину, что 400 человѣкъ войска должны быть немедленно перевезены въ Петропавловскій Портъ для защиты его. Онъ дѣлалъ распоряженія лично, какъ распредѣленіемъ прибывшихъ командъ, такъ и назначеніемъ постройки для нихъ зданій и укрѣпленій. Онъ просилъ Путятина прибыть въ Декастри съ «Палладою», которая по ветхости могла подлежать обезоруженію, а артиллерія поступить для защиты устьевъ Амура. Всѣ запасы для фрегата «Паллады» велѣлъ онъ Камчатскому военному губернатору изъ Петропавловска отправить въ Петров-

ское Зимовье; запасы же съ фрегата «Паллады» приказалъ взять на транспортъ «Байкалъ», которому велѣно быть въ распоряженіи вице-адмирала Путятина. Одного изъ чиновниковъ своихъ Муравьевъ немедленно послалъ на шкунѣ «Востокъ» въ Аянъ для заготовленія масла, теплой одежды, вина, а въ Якутскомъ округѣ 200 штукъ рогатаго скота, съ тѣмъ, чтобы все это было доставлено къ 1 Сентября въ Петровское Зимовье.

12-го Іюня прибылъ въ Императорскую Бухту транспортъ «князь Меньшиковъ», посланный г. Путятинымъ въ заливъ Аниву; а также бывшіе тамъ транспорты «Иртышъ» и «Двина» и судно Американской Компаніи «Николай», на которомъ прибылъ подполковникъ Буссе съ командою, орудіями и имуществомъ временнаго Муравьевскаго или Анивскаго Поста. При снятіи поста, Буссе далъ знать Анивскимъ Японцамъ, что распоряженіе это предпринимается временно, и что правительство наше имѣетъ въ виду занять вновь этотъ или другой постъ въ тѣхъ мѣстахъ. Въ томъ же смыслѣ писалъ Путятинъ и Японскому правительству. 14 Іюня пришелъ въ Декастри фрегатъ «Діана». Въ Гонолулу онъ встрѣтилъ Англійскій фрегатъ «Тринкомалай», отъ котораго узналъ, что фрегатъ «Аврора» пришелъ 3 Апрѣля въ Каллао, намѣреваясь послѣ двухъ-недѣльной стоянки идти на Сандвичевы острова. Въ Каллао стояли въ то время Англійскій фрегатъ «Президентъ» и Французскій «Лафортъ». Напрасно прокрейсировавъ на пути судовъ, идущихъ изъ Каллао въ Гонолулу, командиръ «Діаны» (Лѣсовскій) не дождался «Авроры» и, узнавъ изъ газетъ о разрывѣ съ Франціею и Англіею, вышелъ изъ Каллао. Рядомъ съ нимъ вышли упомянутыя два судна, сторожившія его бокъ-о-бокъ и, только пользуясь туманомъ, ему удалось уйти отъ нихъ по направленію къ Декастри. Изъ газетъ онъ узналъ, что морскія силы Англіи и Франціи въ Тихомъ океанѣ получили приказаніе блокировать наши порты и что уже изъ Англіи высланъ винтовый 40 пушечный фрегатъ «Пайкъ» для преслѣдованія въ Тихомъ океанѣ «Діаны».

Въ это же время былъ возбужденъ въ Петербургѣ вопросъ о предложеніи Американскимъ каперамъ захватить грузы золота и серебра, шедшіе изъ Америки по Вестиндской линіи или изъ Австраліи въ Ливерпуль, такъ какъ Вашингтонскій кабинетъ не имѣлъ возможности воспретить сооруженіе каперовъ частнымъ лицамъ (доказательствомъ чему служила экспедиція на остр. Кубу въ 1851 году). Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Вашингтонѣ донесъ графу Нессельроде, что одинъ Американецъ въ Санъ-Франциско берется вооружить на свой счетъ каперское судно въ 8 орудій съ тѣмъ, чтобы ему былъ выданъ патентъ на крейсерство въ Ситхѣ или въ Камчаткѣ. Въ Петербургѣ разрѣшили было выдачу патентовъ на крейсерство въ Камчаткѣ. Придуманы были правила, которымъ подчиняли каперовъ: выдача свидѣтельствъ должна была быть въ Сибири, а не въ Америкѣ; призы обязаны были приводить въ Сибирь, обсужденіе законности ихъ возлагалось на особую коммисію, продажа призовъ должна была производиться съ публичнаго торга. Но пока обсуждался этотъ вопросъ, представлено было Государю Императору мнѣніе вовсе оставить предположеніе объ учрежденіи частнаго крейсерства въ Восточномъ океанѣ, что̀ и было принято къ исполненію.

4 Іюля шкуна «Востокъ» пошла изъ Петровскаго Поста въ Аянъ, взявъ съ собою подполковника Карсакова (посланнаго къ Государю

Императору съ донесеніемъ о первомъ благополучномъ проплытіи нашей экспедиціи къ устьямъ Амура) и чиновника по заготовленію припасовъ. 17 Августа шкуна вышла изъ Аяна, 26 числа подошла къ Авачинской губѣ; но встрѣтила портовой ботъ № 1 (подъ начальствомъ боцмана Новограбленнаго), съ котораго ее увѣдомили, что передъ Петропавловскомъ стоитъ эскадра, а поэтому командиръ шкуны Римскій-Корсаковъ пошелъ въ Большерѣцкъ.

Разсмотримъ теперь дѣйствія непріятеля, направленныя на Камчатку.

18 Августа военная эскадра изъ 6 Французскихъ и Англійскихъ судовъ стала на якорь на рейдѣ Авачинской губы съ явными враждебными намѣреніями. Въ малой губѣ находились фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина». Первый пришелъ въ Авачу 19 Іюня; а 350 человѣкъ линейныхъ солдатъ прибыли на транспортѣ «Двина» изъ Декастри. Люди эти довели оборону Петропавловска до того, что приходъ Англо-французской эскадры засталъ насъ далеко не врасплохъ, и къ 17 Августа, когда была усмотрѣна непріятельская эскадра, средства къ защитѣ порта были слѣдующія:

Фрегатъ „Аврора" имѣлъ готовымъ для дѣиствія одинъ бортъ, 22 орудія. На транспортѣ „Двина" было 5 короткихъ пушекъ.

№ 1 батарея была на Сигнальномъ Мысу, 3 пушки и 2 бомбическія орудія. Командиръ лейтенантъ Гавриловъ, нижнихъ чиновъ 63.

№ 2 батарея на Кошкѣ, 11 пушекъ. Командиръ лейтенантъ князь Максутовъ 3-й, нижнихъ чиновъ 127.

№ 3 на перешейкѣ; 5 орудій съ фрегата „Аврора". Командиръ князь Максутовъ 2-й, нижнихъ чиновъ 51.

№ 4 на Красномъ-Ярѣ, 3 пушки съ „Авроры" же. Командиръ мичманъ Поповъ, нижнихъ чиновъ 28.

№ 6 на озерѣ, 10 орудій. Командиръ поручикъ Гозехусъ, нижнихъ чиновъ 31.

№ 7 у рыбнаго сарая, 5 орудій. Командиръ капитанъ-лейтенантъ Кораллов, нижнихъ чиновъ 49.

Одно полевое 3-хъ фунтовое орудіе; при немъ командиръ титулярный совѣтникъ Зарудный, нижнихъ чиновъ 19.

Батарея № 5, устроенная изъ 5 старыхъ мѣдныхъ орудій, на лѣвомъ берегу Малой Губы противъ перешейка, не имѣла команды и осталась въ бездѣйствіи.

Гарнизонъ состоялъ изъ 42 офицеровъ и 879 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 350 линейныхъ солдатъ и 18 волонтеровъ.

Работы было такъ много, что на нѣкоторыхъ батареяхъ не успѣли даже сдѣлать и брустверовъ, такъ что онѣ были совершенно открыты. Средства порта были очень ограничены; лѣсу въ Петропавловскѣ вообще такъ мало, что на платформу одного изъ орудій батареи № 3 пошла въ дѣло даже небольшая площадка, служившая на «Аврорѣ» накладкой на шпиль при установкѣ на немъ пелькомпаса. До прихода непріятельской эскадры изъ команды фрегата «Аврора» было 60 человѣкъ больныхъ. Съ первымъ ударомъ тревоги всѣ они явились на мѣста по боевому росписанію. Въ порохѣ былъ чувствительный недостатокъ: всего на все было до 36 картузовъ на орудіе.

Силу непріятеля составляли: Французскій фрегатъ La Forte, 60 пушекъ; корветъ Eurydice, 32 пушки; бригъ Obligado, 18 пушекъ; Англійскій фрегатъ President, 52 пушки; корветъ Amphitrite 24 пушки и пароходъ Virago, въ 300 силъ съ 6 пушками.

17 Августа, въ половинѣ пятаго, увидали входящій въ Авачинскую губу трехмачтовый пароходъ подъ Американскимъ флагомъ, который остановился, не доходя мили три до Сигнальнаго Мыса. На встрѣчу ему посланъ былъ вельботъ для осмотра судна; но пароходъ, завидя шлюпку, тотчасъ поворотилъ назадъ. Въ это время на немъ показалось много народа. Было очевидно, что эскадра, крейсирующая у входа, есть непріятельская. Американцы, проживавшіе въ Петропавловскомъ портѣ, изъявили сильное негодованіе на то, что пароходъ воспользовался флагомъ ихъ націи. Французскій адмиралъ Гальи, въ статьѣ своей L'expédition de Petropawlowsk, напечатанной въ Revue des deux mondes, подтверждаетъ, что Англійскій адмиралъ хотѣлъ воспользоваться Американскимъ флагомъ, чтобы съ возможною безопасностію проникнуть на рейдъ.

18 Августа, въ пятомъ часу, эскадра вошла въ губу, поднявъ на фрегатахъ «Лафортъ» и «Президентъ» контрадмиральскіе флаги. Какъ только она поровнялась съ Сигнальнымъ Мысомъ и проходила къ перешейку, съ батареи № 1 пущено ядро; непріятель отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами; батареи № 1, 2 и 4 открыли огонь; но только съ батареи № 1 ядра и бомбы попадали въ непріятельскія суда. Эскадра поворотила и стала на якорь.

19 Августа эскадра стояла въ томъ же положеніи. Утромъ пароходъ началъ бросать изъ мортиръ бомбы; фрегаты также бросили нѣсколько бомбъ и ядеръ. Наши батареи молчали, потому что непріятель находился внѣ выстрѣловъ нашихъ пушекъ. Непріятельскія орудія не сдѣлали намъ никакого вреда. Бомбы непріятельскія вѣсили 86 Англійскихъ фунтовъ, слѣдовательно болѣе двухъ пудовъ. Въ 2 часа непріятель взялъ нашъ флашхоутъ съ кирпичемъ, показавшійся изъ Тарьинской губы.

26 Августа замѣчено было, что непріятель намѣренъ сдѣлать рѣшительное нападеніе. Утромъ въ 8 часовъ служили молебенъ на батареѣ № 1. Во время чтенія Евангелія непріятель началъ стрѣлять въ батарею бомбами и ядрами, которыя, пролетая надъ головами бывшихъ на батареѣ, падали вблизи берега въ Малую Губу, не причиняя никому вреда.

Между тѣмъ пароходъ, взявъ на буксиръ фрегаты «Президентъ», «Лафортъ» и «Пайкъ», повелъ ихъ къ Сигнальному Мысу. Команда батареи № 1 пропѣла «Боже Царя храни!», и за тѣмъ загремѣло «ура» по всѣмъ батареямъ, отрядамъ и на судахъ. Непріятель приближался медленно, и ровно въ 9 часовъ началось сраженіе. Непріятель расположилъ фрегаты такимъ образомъ, что фрегатъ нашъ «Аврора» и транспортъ «Двина», равно какъ и батарея № 3, не могли дѣйствовать по нимъ: ядра съ батареи № 2 едва долетали. Двѣ батареи наши №№ 1 и 4 были совершенно открытыми, имѣли только 8 орудій и дрались противу 80 орудій трехъ фрегатовъ и парохода, на которомъ были бомбическія орудія и мортиры. Батарея № 1 болѣе другихъ вредила фрегатамъ. Командиръ батареи лейтенантъ Гавриловъ былъ раненъ; изъ команды, кромѣ убитыхъ, было нѣсколько раненыхъ каменьями, которыхъ съ находившейся въ тылу батареи стѣны утеса на платформу навалило столько, что дѣйствовать орудіями было невозможно, почему ихъ и заклепали.

Въ это время отъ фрегатовъ отвалили 13 гребныхъ судовъ, не менѣе какъ съ 600 человѣкъ десанту и направились къ мысу, южнѣе батареи № 4. Командиръ этой батареи, усмотрѣвъ приближеніе не-

пріятеля, спряталъ порохъ и въ виду десанта заклепалъ орудія и отступилъ. Непріятель, завладѣвъ батареей, поднялъ Французскій флагъ; но въ это время фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина» начали стрѣлять въ десантъ.

Съ Англійскаго парохода, по какому-то случаю, пущена бомба, лопнувшая въ непріятельской толпѣ на самой батареѣ. Непріятель, не дожидаясь нападенія нашихъ отрядовъ, побѣжалъ къ шлюпкамъ и отвалилъ немедленно отъ берега. Мѣткіе выстрѣлы съ фрегата «Аврора» прогнали пароходъ, начавшій бросать въ городъ бомбы. Непріятель, принудивъ умолкнуть батареи №№ 1 и 4, направилъ всѣ орудія трехъ фрегатовъ и парохода на батарею № 2 на Кошкѣ. Князь Максутовъ 3-й посылалъ мѣткіе выстрѣлы; батарея стрѣляла съ разстановками, но мѣтко; всѣ усилія трехъ фрегатовъ и парохода заставить замолчать батарею остались тщетными. Мичманъ Фесунъ на катерѣ, подъ непріятельскимъ огнемъ, доставилъ на батарею порохъ съ фрегата «Авроры».

Въ продолженіе битвы фрегатовъ съ батареей № 2, фрегатъ малаго ранга Eurydice и бригъ подходили два раза, имѣя десантъ въ шлюпкахъ, подъ выстрѣлы батареи № 3, и были прогоняемы ядрами, а одна шлюпка съ десантомъ была потоплена.

У насъ убито 6 нижнихъ чиновъ, раненъ 1 оберъ-офицеръ и 12 нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля неизвѣстна; убитые и раненые на батареѣ Краснаго Яра, въ томъ числѣ одинъ офицеръ (старшій лейтенантъ Лефебръ), увезены на шлюпкахъ. Поврежденія въ судахъ были немаловажныя; наши ядра долетали большею частію рикошетами и били въ корпусъ судна. Въ зрительную трубку можно было различать во многихъ мѣстахъ пробоины. Непріятель, отойдя на позицію, тотчасъ же приступилъ къ исправленіямъ; ночью были слышны плотничныя работы.

21 числа непріятель продолжалъ исправлять поврежденія и кренилъ пароходъ. Въ часъ пополудни отвалила отъ адмиральскаго Французскаго фрегата шлюпка по направленію къ Сигнальному Мысу: это была наша шестерка, взятая вмѣстѣ съ флашхоутомъ, которая привезла письмо Французскаго адмирала слѣдующаго содержанія:

Monsieur le Gouverneur.

Les chances de la guerre m'ayant fait tomber entre les mains une famille Russe, j'ai l'honneur de vous la renvoyer.

Reçevez, m-r le Gouverneur, l'assurance de ma haute consideration.

F. Despointe [1]).

На шестеркѣ прибылъ квартирмейстеръ Усовъ, жена его съ двумя малолѣтними дѣтьми и матросъ Киселевъ.

22 и 23 числа непріятель продолжалъ исправлять свои суда. Фрегатъ «Лафортъ» исправлялъ корпусъ; пароходъ «Вираго» починивался, накренившись на правую сторону. Въ это время исправляли батареи наши №№ 1 и 4.

24 числа, въ 4 часа утра, замѣтили движеніе на пароходѣ: непріятель приготовлялъ десантные боты, барказы и шлюпки. Въ шестомъ часу пароходъ взялъ на буксиръ два фрегата и повелъ по направ-

[1]) Господинъ губернаторъ. Случайностью войны досталось мнѣ Русское семейство. Имѣю честь отослать его къ вамъ обратно. Примите, г. губернаторъ, увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи. Ф. Депуантъ.

ленію къ перешейку. Французскій адмиральскій фрегатъ сталъ на якорь противъ батареи № 3; Англійскій адмиральскій фрегатъ сталъ на якорь въ двухъ кабельтовахъ отъ батареи № 7. Пароходъ прошелъ немного далѣе. Шансы были слишкомъ неравны: 30 орудій фрегата «Лафортъ» дѣйствовали противъ 5 орудій батареи № 3, совершенно открытой и не имѣвшей даже выгоды находиться на возвышенности; у озера 26 орудій «Президента» и бомбическія орудія парохода громили крытую батарею, которая, по расположенію своихъ орудій, могла дѣйствовать только тремя 24 фунт. полупушками.

Первый огонь открыла батарея на перешейкѣ. «Президентъ», будучи еще на буксирѣ, отвѣчалъ батальнымъ огнемъ. Батарея продолжала дѣйствовать скоро и успѣшно: первыми ядрами сбитъ на фрегатѣ «Президентъ» гафель, и Англійскій флагъ упалъ. Такъ какъ на этотъ разъ фрегатъ сталъ на якорь близко отъ батареи, надѣясь, вѣроятно, уничтожить ее немедленно, то наши выстрѣлы попадали безъ промаха; однакожъ команда, осыпанная ядрами и лишась уже многихъ убитыми и раненными, дрогнула; но поддержанная, геройскимъ мужествомъ командира, продолжала гибельный для непріятельскаго судна огонь и утопила одну шлюпку съ десантомъ. Князь Максутовъ явилъ себя героемъ этого дня: осыпаемый ядрами и бомбами, онъ одушевлялъ команду и лично наводилъ орудія до тѣхъ поръ, пока не палъ съ оторванной рукой. На фрегатѣ «Лафортъ» раздалось ура: такъ дорого цѣнилъ непріятель нашу потерю. Онъ продолжалъ бить въ батарею со всѣхъ орудій и привелъ ее въ невозможность дѣйствовать.

Батарея № 7 держалась нѣсколько долѣе и вредила, сколько могла, фрегату и пароходу. Командиръ ея, кап. л. Коралловъ, оставался на батареѣ даже послѣ того, какъ орудія были сбиты и завалены землею и фашинникомъ. Ушибенный дресвою въ голову, онъ былъ уведенъ съ батареи, а команда присоединилась къ отрядамъ.

Сбивъ батареи, непріятель отправилъ десантъ съ двухъ десантныхъ ботовъ и 23 гребныхъ судовъ, по направленію къ батареѣ № 7, подъ защитою орудій фрегата «Президентъ» и парохода, обстрѣливавшихъ Никольскую гору. За десантомъ слѣдовалъ Французскій контръ-адмиралъ съ обнаженной саблей, отдавая приказанія. Десанту послано было, судя по числу гребныхъ судовъ, до 700 человѣкъ. Для отраженія ихъ у насъ было только 204 человѣка.

Часть непріятельскаго авангарда выстроилась на Кошкѣ, обошла Никольскую гору и показалась противъ озерной батареи. Непріятель, встрѣченный картечью, отступилъ, унося съ собою убитыхъ и раненныхъ. Вторая попытка броситься на батарею имѣла тоже послѣдствіе. Десантныя войска быстро взошли на гору и открыли ружейный огонь по командамъ фрегата и транспорта. Отряды наши были посланы занять сѣверную оконечность Николаевской горы и прогнать оттуда непріятеля штыками. Другой десантъ былъ свезенъ къ перешейку. Еще нашихъ 108 человѣкъ были посланы на гору. Стрѣлки наши скрыты были кустами, батарейная команда отстрѣливалась изъ рвовъ и изъ-за орудій; резервъ, сдѣлавъ по непріятелю залпъ, сталъ подъ защиту пороховаго погреба; полевое орудіе встрѣтило спускавшагося непріятеля картечью. Малочисленные отряды наши дружно и безостановочно шли впередъ, стрѣляя въ непріятеля и потомъ съ крикомъ «ура» почти въ одно время ударили въ штыки. Не смотря на свою многочисленность, непріятель держался недолго, побѣжалъ въ

безпорядкѣ, стараясь добраться до гребня. Здѣсь его ожидала вѣрная гибель: одни были сброшены съ утеса штыками, другіе сами бросались внизъ, надѣясь спуститься къ берегу. Утесы Николаевской горы, крутые сверху, далѣе спускаются почти перпендикулярно, и потому на берегъ попадали только обезображенные трупы. Отступленіе непріятеля съ сѣверной оконечности горы и около перешейка совершалось въ безпорядкѣ. Спустившись внизъ, непріятель бѣжалъ къ шлюпкамъ, унося трупы товарищей. Отступленіе на гребныхъ судахъ было еще бѣдственнѣе: отряды, занявъ высоты, стрѣляли по сплоченной массѣ людей; убитые и раненые падали въ воду или въ шлюпки; отвсюду раздавались стоны; многіе брели по горло въ водѣ, стараясь догнать удаляющіяся гребныя суда, пускались вплавь и не находили спасенія.

Съ фрегатовъ и парохода били вверхъ ядрами и бомбами; но отряды, избравшіе хорошія позиціи, не потерпѣли отъ нихъ нисколько.

Сраженіе кончилось въ 12 часовъ. Отряды, убравъ раненныхъ, построились въ каре, отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, пропѣли «Боже Царя храни!» и вновь загремѣло громкое ура.

У насъ убито нижнихъ чиновъ 31; ранено оберъ-офицеровъ 2 и нижнихъ чиновъ 63. На фрегатѣ гротъ-мачта прострѣлена ядромъ на вылетъ и сдѣланы нѣкоторыя поврежденія ядрами и бомбами. Транспортъ «Двина» тоже пострадалъ незначительно. Въ городѣ сгорѣлъ рыбный сарай, повреждено ядрами 11 домовъ и 5 другихъ зданій, но весьма незначительно. Ни одного не сожжено и не разрушено. Въ Петровскомъ Портѣ найдено 38 непріятельскихъ труповъ, въ томъ числѣ 4 офицера; въ плѣнъ взято 4. Вся потеря непріятеля до 350 человѣкъ. Взято Англійское знамя, 7 офицерскихъ сабель и 56 ружей. На обоихъ фрегатахъ замѣчены пробоины въ корпусѣ и перебиты винты и вообще сдѣланы многія поврежденія.

18 числа, передъ самымъ началомъ дѣла, Англійскій контръ-адміралъ Прайсъ застрѣлился. Наши видѣли, какъ въ это самое время разорвало на «Президентѣ» Русское ядро. Командованіе эскадрою принялъ Французскій контръ-адміралъ Февріэ-де-Пуантъ.

25-го числа, пароходъ «Вираго» отправился въ Тарьинскую Губу хоронить убитыхъ; онъ велъ на буксирѣ 3 барказа. Прочія суда чинились. Батареи наши, №№ 3 и 7, исправлены въ ночь съ 24 на 25 число.

26 числа пароходъ «Вираго» возвратился ночью. Въ 5 часовъ показался во входѣ въ губу ботъ нашъ № 1 и былъ уже въ виду эскадры, но предупрежденный людьми съ дальняго маяка, ушелъ въ море и передалъ извѣстіе о непріятельской эскадрѣ встрѣтившейся съ нимъ шкунѣ «Востокъ», шедшей въ Петропавловскъ съ депешами отъ генералъ - губернатора и почтою. Шкуна ушла, какъ мы уже сказали выше, въ Большерѣцкъ, а ботъ, перескочивъ черезъ рифъ, скрылся въ Жировой Бухтѣ.

27 Августа, въ 8 часу утра, эскадра снялась съ якоря, вышла въ море и скрылась изъ виду. Ботъ прибылъ въ Петропавловскъ 1-го Сентября, а 2-го корветъ «Оливуца».

Изъ бумагъ, найденныхъ у убитаго лейтенанта Паркера, видно, что планъ непріятеля былъ завладѣть городомъ; что десанта высажено было 676 человѣкъ, да кромѣ того у перешейка въ 5 гребныхъ судахъ было до 200 человѣкъ. Десантъ этотъ сброшенъ съ горы малыми отдѣльными отрядами, въ 290 человѣкъ, втрое меньше непріятеля

Выходя изъ Авачинской губы, непріятель захватилъ корабль Россійско-американской Компаніи «Ситху» и сжегъ военный транспортъ «Анадырь».

По уходѣ эскадры, люди отпущены по казармамъ, отслужили благодарственный молебенъ, панихиду по убитымъ, и затѣмъ полетѣли гонцы съ извѣщеніемъ объ окончаніи блокады. Семьи, удалившіяся за 10, 15 и 20 верстъ, возвратились въ свои дома. Князь Максутовъ умеръ 10 Сентября. При разборѣ батареи, которою онъ командовалъ, найдено непріятельскихъ ядеръ: въ 32 фунта 154; въ $1^1/_2$ и 2 пуда 8; бомбъ не лопнувшихъ въ $1^1/_2$ пуда 13; гранатъ 24 фунтовыхъ 7.

Съ извѣстіемъ о достославномъ отраженіи непріятеля и трофеями посланъ лейтенантъ князь Максутовъ 1-й. Въ Иркутскѣ былъ онъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ и отправленъ съ этимъ донесеніемъ въ Петербургъ.

И такъ, непріятель разрѣшилъ наконецъ всѣ наши сомнѣнія на счетъ Петропавловскаго Порта и оправдалъ тѣхъ, которые заботились объ этой странѣ.

*

Но непріятеля ждали къ веснѣ 1855 года. Новыя батареи росли съ удивительною быстротою, заготовлялись станки и лафеты. Генералъ Муравьевъ, бывшій въ это время въ Иркутскѣ, предполагая, что непріятель можетъ вновь придти съ большими силами, послалъ курьеромъ эсаула Мартынова снять Петропавловскій Портъ. Командировка эта была для всѣхъ приближенныхъ къ генералу величайшею тайною, и приказаніе о снятіи порта застало Русскихъ «въ самомъ развитіи приготовленій», какъ доносилъ своему правительству Англійскій адмиралъ Брюсъ.

3-го Марта 1855 г. прискакалъ въ Петропавловскъ эсаулъ Мартыновъ. Онъ привезъ награды за дѣло 24 Августа и предписаніе снять портъ съ его укрѣпленіями, вооружить всѣ суда, забрать гарнизонъ, все казенное имущество, присутственныя мѣста и должностныхъ лицъ; принять на транспорты всѣ семейства, изготовиться сколько возможно поспѣшнѣе, и съ ранней весной выйти въ море. Куда именно, въ то время знали немногіе. 30 Марта приготовлены вооруженіе и погрузка, и 1 Апрѣля все было готово къ выходу на большой рейдъ. 5 Апрѣля, по выпиленіи изъ Малой Губы льда, суда флотиліи, ввѣренной контръ-адмиралу Завойкѣ, благополучно вышли въ море для слѣдованія въ гавань Декастри. Непріятельскія суда Encounter и Barracoute 2 Апрѣля были еще по близости порта.

Петропавловская эскадра состояла изъ фрегата «Аврора», корвета «Оливуца», транспортовъ «Двина», «Иртышъ», «Байкалъ» и бота № 1.

По оставленіи Камчатки, гражданское управленіе передано земскимъ начальствамъ; команда надъ казаками и ополченіемъ лежала на обязанности адъютанта генералъ-губернатора, эсаула Мартынова. На случай прихода непріятеля Завойко предписалъ все оставшееся казенное имущество, запасъ провіанта и частную собственность вывезти во внутрь страны, куда должны были отправиться больные и гдѣ, въ 10 верстахъ отъ Петропавловска, въ селѣ Авачѣ, сосредоточивались военныя команды, способныя дѣйствовать. Для сообщенія съ заселеніями на Амурѣ, куда переходило главное населеніе края, отъ эскадры отдѣленъ ботъ «Кадьякъ», которому велѣно

было идти въ Большерѣцкъ и быть тамъ въ готовности въ каждое время выйти въ море. Отъ Петропавловска до Большерѣцка устроена цѣпь казачьихъ пикетовъ.

Нелегко было эскадрѣ слѣдовать въ Декастри, если взять въ соображеніе климатическія затрудненія, ничтожныя средства страны, сырость, холодъ, оледенѣвшія снасти и экипажъ 400 человѣкъ, истощенный годовымъ походомъ и тяжелыми работами.

25 Апрѣля фрегатъ «Аврора» былъ передъ входомъ въ Императорскую Гавань, а 26-го числа отдалъ якорь вмѣстѣ съ корветомъ «Оливуца». Тутъ застали фрегатъ «Палладу», смѣненный (по ветхости) для экспедиціи въ Японію фрегатомъ «Діана» и отведенный въ Императорскую Гавань послѣ самыхъ энергическихъ, но тщетныхъ усилій провести его черезъ бары Амурскаго лимана. При фрегатѣ былъ оставленъ корпуса штурмановъ поручикъ Кузнецовъ съ 10 человѣками команды, чтобы, въ случаѣ входа непріятеля въ гавань, сжечь фрегатъ.

Командиръ «Оливуца», кап. лейт. Назимовъ, на переходѣ изъ Петропавловска, опрашивалъ китобойное судно, оказавшееся Американскимъ, и узналъ, что непріятельская эскадра изъ 7 парусныхъ судовъ и 1 парохода, подъ командою капитана Фредирикса, 26 Января, вышла изъ Гонолулу въ Санъ-Франциско, чтобы запастись провизіей, пополнить команду и немедленно идти въ Петропавловскій Портъ. Принявъ въ соображеніе, что непріятель не встрѣтитъ сопротивленія въ Петропавловскомъ Портѣ и узнавъ отъ китобоевъ о прослѣдованіи нашей эскадры въ Охотское море и оттуда въ Татарскій проливъ, онъ могъ отправиться за нею въ погоню, и если какія нибудь непредвидѣнныя обстоятельства не задержали непріятеля въ С. Франциско, то могъ онъ показаться здѣсь въ самомъ непродолжительномъ времени, Завойко нашелъ невыгоднымъ оставаться въ Императорской Гавани и, согласно рѣшенію военнаго совѣта, оставилъ корпусъ «Паллады» въ Императорской Гавани, а самъ съ фрегатомъ «Аврора» и корветомъ «Оливуца» отправился далѣе и 1 Мая сталъ на якорь въ Декастри, гдѣ уже находились транспорты «Двина» и «Иртышъ». За тѣмъ прибыли фрегатъ «Аврора», транспортъ «Байкалъ» и ботъ № 1, который посланъ къ мысу Лазарева для наблюденія за очищеніемъ отъ льда.

Въ Декастри прибылъ начальникъ Амурской экспедиціи контръ-адмиралъ Невельской, который объявилъ, что очистку отъ льда лимана можно ждать не ранѣе, какъ между 20 Мая и 1 Іюня. Такъ какъ было положительно извѣстно, что Англичане отдали часть Китайской эскадры для блокады Охотскаго моря и Татарскаго пролива, то суда наши были въ постоянной готовности къ бою, и 7 Мая командующій эскадрою отдалъ приказъ объ усиленіи бдительности и диспозиціи на случай сраженія.

8 Мая показались 3 судна, спѣшившія подъ всѣми парусами ко входу въ заливъ. Впереди шелъ фрегатъ большаго ранга, за нимъ винтовой корветъ и сзади бригъ. Два изъ нихъ держались въ морѣ за Клостеркампомъ; а корветъ, промѣривъ пространство залива внѣ нашихъ выстрѣловъ, въ 6 часовъ вечера вошелъ въ губу и поднялъ Англійскій флагъ. Подойдя къ «Оливуцу» на разстояніе 10 кабельтовыхъ, Англичане открыли огонь изъ носоваго орудія; три ядра просвистали мимо нашего корвета, съ котораго немедленно отвѣчали выстрѣлъ за выстрѣломъ. Ядро, пущенное съ «Оливуца», попало

въ пароходъ. На транспортѣ «Двина» во все время команда пѣла пѣсни. Корветъ поворотилъ назадъ и быстрымъ ходомъ вышелъ изъ залива. Всѣ думали, что командиръ откладываетъ нападеніе до разсвѣта. Тяжела была ночь съ 8 на 9 Мая; но 9 Мая всѣ непріятельскія суда ушли; 10 они виднѣлись еще за Клостеркампомъ, а 11 уже не показывались.

Какъ впослѣдствіи оказалось, командиръ Эллiотъ 10 числа вечеромъ отошелъ отъ Клостеркампа на столько, чтобъ съ берега его не было видно и потомъ, отрядивъ отъ своей эскадры бригъ, отправилъ его съ донесеніемъ къ адмиралу Стерлингу, находившемуся въ то время съ фрегатомъ Винчестеръ въ Хакодате, и испрашивалъ подкрѣпленій и инструкцій; а самъ съ оставшимися фрегатомъ и корветомъ началъ крейсеровать южнѣе Клостеркампа. О возможности же пройти изъ Декастри на Сѣверъ онъ ничего не зналъ. Отчего онъ, имѣя 3 корабля противъ двухъ, не напалъ на насъ, отыскавъ эскадру, надѣлавшую Англичанамъ такъ много хлопотъ; отчего онъ послалъ за нѣсколько сотъ миль спрашивать у адмирала разрѣшеній? Не доказываетъ ли это, что моральныя силы Британскаго флота уже не тѣ *), и что въ отношеніи къ намъ Восточный океанъ представляетъ обширное поле надеждъ, предположеній и большое раздолье для крейсерства?

На корветѣ «Оливуца» собрался военный совѣтъ, членами котораго были Завойко, Невельской, командиръ фрегата «Аврора» Изыльметьевъ, командиръ корвета «Оливуца» Назимовъ, командиръ транспорта «Двина», Чичаговъ, командиръ транспорта «Иртышъ» Гавриловъ. Между прочими пунктами совѣщанія, на вопросъ, какъ поступить въ случаѣ нападенія непріятеля на эскадру, члены совѣта, начиная съ младшаго, Гаврилова, собственноручно одинъ за другимъ подписали свои мнѣнія, въ которыхъ единодушно было постановлено дѣйствовать согласно Морскому Уставу: драться до послѣдней крайности. По выслушаніи всѣхъ мнѣній, Завойко считалъ неудобнымъ, какъ начальникъ эскадры, вписать туда же, за всѣми, свое мнѣніе или объявить тутъ же свое рѣшеніе.

Надо было торопиться къ Лазареву мысу.

14 Мая прибылъ посланный на рекогносцировку мичманъ Овсянниковъ и сообщилъ, что ледъ въ лиманѣ прошелъ и путь до Лазарева мыса свободенъ. 15 Мая на разсвѣтѣ эскадра, пользуясь туманомъ, вышла. Непріятеля нигдѣ не было видно. 18-го присоединился къ ней Американскій бригъ «Уильямъ Пеннъ», съ котораго съѣхалъ на шлюпкѣ лейтенантъ Энквистъ и сообщилъ о крушеніи у Японскихъ береговъ фрегата «Діаны», на которомъ основывали такъ много надежды и на помощь котораго такъ постоянно расчитывали. На берегѣ былъ кап. лейт. Лѣсовскій, бывшій командиръ «Діаны», который прибылъ сначала на случайно зафрахтованной шкунѣ въ Петропавловскъ съ 8 офицерами и 150 нижними чинами, составлявшими часть экипажа Діаны, нашелъ портъ упраздненнымъ и, пересѣвъ на бригъ «Уильямъ Пеннъ», зашелъ въ заливъ Декастри, на другой день по выходѣ оттуда нашей эскадры; узнавъ же, что она отправилась къ мысу Лазарева, тотчасъ же поспѣшилъ вслѣдъ за нею.

Какое великое значеніе имѣетъ поспѣшность въ подобныхъ случаяхъ, доказывается тѣмъ, что 16 вечеромъ командиръ Эллiотъ вошелъ въ заливъ за уходомъ Лѣсовскаго.

---

*) Вспомнимъ Неппровъ, Дундасовъ, Прайсовъ, Стерлинговъ и Эллiотовъ.

Испытавъ много невзгодъ и часто бывъ на волоскѣ отъ гибели, по случаю тумановъ и мелей, свѣжихъ вѣтровъ и сильныхъ теченій въ узкомъ фарватерѣ, эскадра 24 числа стала на якорь у Лазарева мыса, гдѣ, согласно распоряженію Муравьева, укрѣпила позицію и могла бы встрѣтить съ успѣхомъ непріятельскія силы; но непріятель туда идти не сообразилъ. Непріятельскія суда бросились на Югъ. Англійскіе пароходы мчались по разнымъ направленіямъ и перебывали повсюду, исключая того мѣста, куда имъ слѣдовало заглянуть. Непріятель недоумѣвалъ, гдѣ Русскія суда, вышедшія изъ Петропавловска? Онъ былъ убѣжденъ, какъ говоритъ одна изъ статей Journal des Débats, что Сахалинъ южнѣе устья Амура и соединенъ съ материкомъ, что между материкомъ и Сахалиномъ, южнѣе перешейка, находится Татарскій заливъ, а сѣвернѣе перешейка заливъ Сахалинскій. Песчаный баръ помѣшалъ фрегату «Эмфитрайтъ» проникнуть въ рѣку. Высланныя для промѣра гребныя суда, поднявшись довольно далеко по рѣкѣ, не встрѣчали ни Русскихъ судовъ, ни укрѣпленій. Непріятель вывелъ заключеніе, что, если баръ не дозволилъ союзнымъ военнымъ судамъ войти въ рѣку, то какъ же могли Русскіе провести свои? Поэтому, вѣроятно, они скрылись въ какой нибудь бухтѣ Татарскаго залива, или сожгли свои суда и удалились въ глубь Сибири.

25 Мая работы кипѣли на Лазаревомъ мысу. Эскадра тамъ застала 200 человѣкъ изъ команды фрегата «Паллады», которые, подъ начальствомъ к.-л. Бутакова, съ к. л. Бирюлевымъ и Шварцемъ добрались до мыса съ чрезвычайными затрудненіями и большими опасностями. Общее завѣдываніе работами поручено было Лѣсовскому.

28 Мая уже 8 орудій были готовы открыть огонь; на всѣхъ выходящихъ мысахъ поставлены были телеграфы; всѣхъ больныхъ свезли на берегъ. Утромъ 27 Мая пришелъ изъ Николаевска «Аргунь», первый пароходъ проплывшій по Амуру, и на немъ курьеръ отъ генералъ-губернатора, л. Бошнякъ, съ приказаніемъ погрузить орудія на транспорты; вскорѣ прибылъ и другой, к.-л. князь Максутовъ съ приказаніемъ все очистить съ Лазарева мыса, и такъ какъ фрегату «Аврора» и корвету «Оливуца» трудно держаться противъ сильнаго непріятеля у этого мыса, то приготовляться къ вводу всѣхъ судовъ нашихъ въ рѣку Амуръ.

Тотчасъ же приступлено къ съемкѣ батарей и погрузкѣ. Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ приказъ у мыса Лазарева, по которому генералъ-губернаторъ, прибывшій въ это время къ устью Амура изъ Иркутска, принималъ главное начальство надъ морскими и сухопутными силами, расположенными по берегамъ Восточнаго океана. Камчатскій губернаторъ, Завойко, назначался командующимъ морскими силами, на устьяхъ Амура сосредоточенными, вслѣдствіе чего поступали въ непосредственное его распоряженіе всѣ посты, учрежденные на Амурѣ, исключая Маріинскаго и Александровскаго въ Кизи и Декастри (гдѣ, на время военныхъ дѣйствій, должны были находиться сухопутныя войска подъ личнымъ начальствомъ генерала Муравьева), всѣ посты какіе будутъ учреждены по Амуру между Маріинскомъ и Николаевскомъ, Императорская Гавань и Аянскій портъ. По отбытіи же Муравьева, Маріинскій и Александровскій посты должны были поступить въ распоряженіе Завойки. Бывшій начальникъ Амурской экспедиціи Невельской назначенъ началь-

никомъ штаба къ генералъ-губернатору. Палладскую команду и команду съ фрегата «Уильямъ Пеннъ» предписывалось послать въ Николаевскъ для постройки укрѣпленій и устройства казармъ на зиму.

До ухода эскадры отъ Лазарева мыса, присоединилась къ ней 4 Іюня парусная шкуна «Хеда», на которой пришелъ изъ Японіи г.-а. графъ Путятинъ съ капитаномъ 1 ранга Посьетомъ. Надо удивляться смѣлости графа Путятина, рѣшившагося идти въ такое трудное время. Однажды, темною ночью, онъ наткнулся было на Англійское судно; Англичане думали, что это свои, подняли крикъ и спасли его тѣмъ только, что посвѣтили ему фонаремъ и дали возможность уйти. Другой разъ онъ завидѣлъ цѣлую непріятельскую эскадру и съ большимъ рискомъ прошелъ подъ самымъ берегомъ. По выходѣ изъ Лаперузова залива гнались за нимъ 3 судна; но онъ, давъ шкунѣ хорошій ходъ, къ разсвѣту ушелъ изъ виду: только три выстрѣла долетѣли до его слуха.

Завойко отправился въ Николаевскъ, и эскадра осталась въ завѣдываніи Изыльметьева. Съ сѣверной стороны лимана показались 6 трехмачтовыхъ судовъ, имѣвшихъ военный видъ.

Между тѣмъ, 16 Мая, тотчасъ по уходѣ нашей эскадры изъ Декастри, Эллiотъ съ фрегатомъ и винтовымъ корветомъ опять подошелъ къ бухтѣ Декастри; но увы—поздно! Послано было нѣсколько шлюпокъ съ десантомъ, которыя осмотрѣли постовые дома и захватили имущество Камчатскаго аптекаря Литкина, не успѣвшаго перевезти его въ Кизи, куда отправлены были всѣ пассажиры, больные, почта и казначейство.

Оплошность Элліота возбудила сильное негодованіе парламента и всей Англійской націи. Печать въ одинъ голосъ предала его поруганію. Вотъ выписка изъ United-Service-Gazette.

Извѣстно, что кавалеръ ордена Бани, командоръ Чарльзъ-Джильбертъ-Джонъ-Брайдонъ-Элліотъ, 20—8 Мая, въ Татарскомъ заливѣ, въ бухтѣ Декастри, открылъ Русскую эскадру, имѣя подъ своимъ начальствомъ 40-пушечный фрегатъ Sybille, 17-пушечный винтовый корветъ Hortet и 12-пушечный бригъ Bittern; что Русская эскадра была именно та, которая незадолго передъ тѣмъ ушла изъ Петропавловской гавани; что, пробывъ въ заливѣ въ виду непріятеля до 23—11 числа, командиръ Элліотъ отправилъ бригъ Bittern отыскивать адмирала сэра Джемса Стерлинга, а самъ снялся съ якоря, чтобъ выманить, какъ увѣряютъ защитники командора, Русскихъ изъ ихъ позиціи. Изъ распоряженій командора, напротивъ видно, что какъ фрегатъ, такъ и корветъ удалились на нѣсколько дней въ море изъ виду береговъ. По возвращеніи 29—17 числа въ заливъ, командоръ не засталъ уже тамъ Русскихъ: они исчезли.

Намъ больно разсматривать случай, касающійся чести Британскаго флага и долженствующій быть непремѣнно подвергнутымъ военному суду. Еслибы Русскіе и во всемъ превосходили насъ, то все-таки обязанностію Англійскаго командора было не выпустить ихъ изъ виду и, не вдаваясь въ сраженіе, слѣдить за ними до прибытія вскорѣ ожидаемаго подкрѣпленія. Это исчезновеніе цѣлой эскадры изъ нашихъ глазъ, такъ дурно рекомендующее нашу бдительность, будетъ пятномъ на Британскомъ флагѣ. Всѣ воды океана не будутъ въ состояніи смыть это гнусное безчестье.

16 Іюня непріятельскій корветъ опять показался въ бухтѣ Декастри и, сдѣлавъ промѣры, пошелъ къ сѣверу Татарскаго пролива. Генералъ Муравьевъ самъ отправился въ Декастри, полагая, что за корветомъ придутъ еще суда и для личныхъ распоряженій отправленными въ Декастри войсками, состоявшими изъ своднаго пѣшаго казачьяго полубаталіона, части конной сотни и дивизіона горной

артиллеріи. Войска эти генералъ Муравьевъ расположилъ лагеремъ совершенно скрыто въ лѣсу, поручивъ командованіе оными адъютанту своему подполковнику Сеславину и давъ ему надлежащія наставленія въ случаѣ появленія непріятельскихъ судовъ и высадки ими десанта, съ постоянной цѣлію вызывать таковаго, сколь можно болѣе, на берегъ.

Командующимъ сухопутными войсками, на устьяхъ Амура находящимися, назначенъ былъ полковникъ Карсаковъ, пришедшій съ третьимъ рейсомъ Амурскаго сплава, на которомъ пришло подкрѣпленіе.

Между тѣмъ, по снятіи всѣхъ тяжестей, эскадра наша отправилась 20 Іюня отъ мыса Лазарева и 21 благополучно пришла къ островамъ Хази-Мифъ.

У сѣверной оконечности Сахалина 25 и 26 Іюня показывались непріятельскія суда.

Теперь обратимся къ подробному разсмотрѣнію дѣйствій непріятеля въ Камчаткѣ.

8 Мая показались въ Авачинской губѣ на горизонтѣ два трехмачтовыя судна, а 12-го присоединились къ нимъ еще два трехмачтовыхъ же. Китоловное судно «Аянъ» стояло на рейдѣ, нагруженное частями желѣзнаго парохода, 3 тыс. пудъ муки и нѣкоторыми оставленными здѣсь семействами. Капитанъ не рѣшился выйти въ море. Эсаулъ Мартыновъ распорядился разгрузить судно: мука уложена въ выстроенномъ въ теченіи двухъ дней магазинѣ; пароходъ затопленъ; судовая провизія сдана проживавшему въ Петропавловскомъ портѣ американцу Чезу; команда перевезена въ Авачинскій заливъ; на суднѣ оставлены одни голыя мачты; весь такелажъ и паруса зарыты были въ землю. Судно уведено было въ култукъ Раковой Губы и поставлено на якорь.

Оставленныя въ портѣ пушки, снаряды и якоря, рамы со стеклами изъ казармъ, все было зарыто, такъ что все казенное имущество, провіантъ, соль, даже до послѣдняго куска желѣза, все было убрано до прихода непріятелей въ портъ. Съ 12 по 19-е непріятельскія суда крейсеровали надъ устьемъ Авачинской губы, и въ 2 часа пополудни, 19-го, въ устьяхъ изъ-за тумана показались 7 непріятельскихъ судовъ, направляясь ко входу губы. Три парусныхъ фрегата: Англійскій адмиральскій, Президентъ (52 пушки), Пайкъ (44 п.) и Французскій—Альсестъ (50 п.); 2 Англійскихъ винтовыхъ парохода: Брескъ (16 п.), Энкаунтеръ (14 п.); 1 Англійскій корветъ Дидо (22 п.) и Англійскій же колесный пароходъ Барракута, который велъ на буксирѣ фрегатъ Англійскаго контръ-адмирала. Остальныя шли подъ парусами и стали на якорь.

20 числа показалось въ морѣ трехмачтовое небольшое судно; пароходъ привелъ его къ Сигнальному Мысу; оно было подъ Американскимъ флагомъ и казалось купеческимъ.

23 числа въ 6 часовъ утра, изъ-за тумана усмотрѣно было китоловное судно «Аянъ», выведенное изъ култука Раковой Губы; въ 9 часовъ пароходъ привелъ на буксирѣ «Аянъ» къ Сигнальному Мысу; въ 1 часъ пополудни пароходъ входилъ въ Тарьинскую губу, на крюйсъ-брамъ-стенгѣ у него былъ поднятъ Англійскій адмиральскій флагъ; 24 и 25 шлюпки занимались промѣромъ; команда по берегамъ Мыса мыла бѣлье; 26 въ 11 часовъ утра непріятель зажегъ пороховой погребъ и до 29 числа срывалъ всѣ батареи и жегъ фашин-

никъ; 29 числа въ 9 часовъ утра китоловное судно «Аянъ» отведено къ винтовому пароходу Брескъ; 31 числа вся эскадра, кромѣ одного винтоваго парохода, ушла въ море, но, встрѣтивъ противный вѣтеръ, воротилась въ Авачинскую губу. Въ морѣ къ ней присоединились еще 2 корвета: Англійскій—Эмфитрайтъ (24 п.) и Французскій—Еридисъ (32 п.).

1 Іюня непріятель зажегъ зданіе, занимаемое аптекой; 2 числа колесный пароходъ ввелъ Французскій фрегатъ Лафортъ (60 п.) подъ адмиральскимъ флагомъ; 3 числа пришелъ Англійскій корветъ Тринкомалай. Въ ночь съ 7 на 8 Іюня сожжены были домъ и магазинъ Россійско-американской Компаніи; 8 числа остался на рейдѣ одинъ Англійскій корветъ Тринкомалай, на которомъ былъ поднятъ парламентерскій флагъ и чрезъ Американца Чеза предложенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ; 9 числа эсаулъ Мартыновъ отправился на корветъ, и взамѣнъ нашихъ трехъ матросовъ, взятыхъ на флашхоутѣ въ Августѣ прошлаго года, отданы 1 Англичанинъ и 1 Французъ. 12 числа вошелъ въ устье Англійскій 84 пушечный корабль «Монаркъ». 15 числа непріятель сжегъ судно «Аянъ» и скрылся.

До отбытія непріятельской эскадры всѣ воинскія команды находились въ сел. Авачѣ. Нижніе чины переведены въ урочище Хуторъ, гдѣ приступили къ постройкѣ юртъ, въ видѣ казармъ, для себя и для семействъ. При нихъ находились 2 офицера и 2 медика съ семействами. Эсаулъ Мартыновъ приказалъ изъ находившагося въ старомъ острогѣ морскаго вѣдомства лѣсу построить для нихъ приличное помѣщеніе съ тѣмъ, чтобы со временемъ, при надобности, эти дома могли быть сплавлены въ Петропавловскій портъ.

Транспортный ботъ «Кадьякъ» вышелъ изъ Петропавловска 6 Мая, спрятался въ Жировой бухтѣ и, увидавъ непріятельскую эскадру, 13 Мая снялся съ якоря и 25 числа подошелъ къ устью р. Большой и вошелъ въ рѣку. Не получая болѣе извѣстія о появленіи непріятеля, эсаулъ Мартыновъ рѣшился 3 Августа отправить ботъ «Кадьякъ» съ донесеніемъ, который и прибылъ въ Петровское Зимовье 30 Августа.

Тѣмъ и были закончены достославныя дѣянія Англо-Французовъ противъ Камчатки. Теперь перенесемся къ не менѣе славнымъ подвигамъ непріятеля въ Аянѣ. 2 Іюня 4 Американскіе корабля сообщили въ Аянскій портъ, что въ Охотскомъ морѣ крейсируетъ Англо-Французская эскадра.

Начальникъ порта, капитанъ-лейтенантъ Кашеваровъ, приказалъ всѣмъ компанейскимъ служителямъ прекратить работы и собраться на 1 верстѣ по Якутскому тракту за горою, гдѣ было спрятано все имущество изъ гавани и продовольствіе на двѣ недѣли.

Около 25 Іюня у Аяна показались непріятельскія суда; 27 числа увидѣли трехмачтовый непріятельскій пароходо-фрегатъ, шедшій безъ флага. Сдѣлавъ опросъ Американскимъ китоловнымъ судамъ, находившимся на рейдѣ, пароходъ ушелъ въ море къ показавшимся тамъ двумъ фрегатамъ. Американцы сообщили, что у Англичанъ была карта Аянскаго порта съ означеніемъ на ней батарей; но, убѣдившись въ ихъ несуществованіи, они вернулись на пароходъ. Передавая это извѣстіе, китоловы прибавили, что появившіеся два фрегата ищутъ фрегата «Аврора» и прочихъ Русскихъ военныхъ суднъ.

Съ разсвѣтомъ на рейдѣ оказался непріятельскій пароходъ и, кромѣ его, пришли еще 2 Англійскихъ фрегата. Непріятель занимался по-

дробнымъ осмотромъ мѣстности, съемкой и промѣромъ гавани, перевозкой на суда лѣсу, досокъ и разнаго желѣза съ парохода, который зарыть не успѣли и, налившись въ теченіи нѣсколькихъ дней водою и нагрузившись лѣсомъ, уже не столь густыми толпами посѣщалъ Аянъ, какъ въ первые дни. Семейные были отправлены вверхъ по р. Уи въ безопасное мѣсто.

Складочный магазинъ остался цѣлъ, а пароходъ взорванъ непріятелемъ. 3 Іюля начальникъ послалъ въ портъ казака, которому Американцы передали прокламацію коммодора Фредерикса, который приглашалъ жителей возвратиться, обѣщая, что лица ихъ и собственность будутъ уважены.

Оказалось, что эскадра состояла изъ пароходо-фрегата Барракута о 4-хъ бомбическихъ орудіяхъ, фрегата Пайкъ (44 п.), фрегата Эмфитрайтъ (24 п.) и команды, всего 1000 человѣкъ.

Начальникъ Аянскаго порта, послѣ ухода непріятельской эскадры, отправилъ на мѣсто коммисію для приведенія въ извѣстность убытковъ и поврежденій, причиненныхъ бывшею Англійскою экспедиціею капитана Чарльза Фредерикса.

Въ силу его прокламаціи къ жителямъ, въ Аянъ отправились преосвященный архіепископъ Иннокентій [1]), начальникъ порта и прочія лица для вывоза имущества.

Начальникъ порта прожилъ въ Аянѣ до 21 Іюля, дня вторичнаго появленія непріятеля. Оставивъ, по его желанію, архіепископа Иннокентія и нѣкоторыхъ служащихъ Россійско-американской Компаніи, начальникъ порта отправился на 3-ю версту, на мѣсто бывшее вторымъ сборнымъ пунктомъ при первомъ появленіи непріятеля, куда вечеромъ прибылъ къ нему г. Фрейбергъ, помощникъ правителя Аянской портовой конторы, послѣ личныхъ переговоровъ съ командующимъ непріятельскою эскадрою коммодоромъ Эллiотомъ. Кашеваровъ отправился за тѣмъ на 13 версту къ складочному магазину, получая туда извѣстія отъ г. Фрейберга, оставленнаго въ Аянѣ для сношенія съ непріятелемъ. Воинскіе чины отошли на 16 версту.

21 Іюля было второе появленіе двухъ Англійскихъ фрегатовъ на Аянскомъ рейдѣ. Командующій эскадрою съѣхалъ на берегъ, былъ встрѣченъ у пристани г. Фрейбергомъ и изъявилъ сожалѣніе, что прокламація Фредерикса не была всѣми уважена.

22 числа непріятель спрашивалъ г. Фрейберга, гдѣ зарыты пушки и частное имущество; но послѣдній отговорился незнаніемъ. Въ этотъ день было высажено на берегъ до 400 человѣкъ десанта: стали рыть землю въ огородахъ на Аянѣ и искать орудія. Въ 4 часа по полудни пришелъ пароходо-фрегатъ Барракута, имѣя на буксирѣ бригъ «Грета» подъ Бременскимъ флагомъ. Вечеромъ получено письмо отъ лейтенанта Мусина-Пушкина, изъ котораго узнали о взятіи въ плѣнъ Барракутой на бригѣ «Грета» 7 офицеровъ, 3 чиновниковъ, священника и 265 человѣкъ экипажа съ погибшаго у Японскихъ береговъ фрегата «Діана», шедшихъ на зафрахтованномъ Бременскомъ бригѣ «Грета» [2]). Въ Аянѣ плѣнную команду размѣстили на фрегаты Sybille и Spartan. Того же 22 числа отъ непріятеля узнали, что бригъ Рос-

---

[1]) Нынѣ митрополитъ Московскій.

[2]) Другая часть экипажа съ «Діаны» пришла на Амуръ съ капитанъ-лейтенантомъ Лѣсовскимъ на бригѣ William Penn.

сійско-американской Компаніи «Охотскъ» нагнанъ былъ 17-го Іюля непріятельскимъ пароходомъ въ сѣверной части Амурскаго лимана. Увидавъ непріятеля, бригъ воротился, и команда, сѣвъ на шлюпки, отвалила къ берегу. Непріятель захватилъ при этомъ 6-весельный барказъ и 4-весельный ялъ, 1 штурмана, 1 прикащика, 2-хъ фельдшеровъ и 10 матросовъ. Шкиперъ Юзеліусъ и остальная команда спаслись вплавь, достигнувъ берега; а заштилѣвшій бригъ, на которомъ Юзеліусъ успѣлъ разложить огонь около крюйтъ-камеры, взорвало на воздухъ.

Непріятель сообщилъ черезъ г. Фрейберга, что всѣ находящіяся въ Аянѣ лица и имущества безопасны, покуда тамъ не будетъ ни одного военнаго человѣка.

21 числа Англичане передали на берегъ 21 матроса, священника и доктора. Больныхъ провожалъ Мусинъ - Пушкинъ; непріятельскіе офицеры ждали его у пристани.

Въ ночь на 24 число фрегатъ Барракута ушелъ въ Нангасаки, взявъ съ собой лейтенанта Мусина-Пушкина, другихъ чиновниковъ (Шиллинга и Гошкевича) и 95 человѣкъ команды и ведя на буксирѣ бригъ «Грета». Въ половинѣ Сентября прибылъ въ Нангасаки адмиралъ Стерлингъ и сообщилъ Мусину-Пушкину, что онъ готовъ освободить Русскихъ изъ плѣна подъ условіемъ перевезти ихъ въ Русскія укрѣпленія на Амурѣ или на суда Камчатской эскадры, требуя не участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Англо-Французовъ. Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ, что подобное предложеніе онъ считаетъ величайшею неделикатностію со стороны адмирала; что Русскіе взяты обезоруженными, послѣ крушенія и хотя каждому желательно возвратиться въ отечество, но не только Русскій офицеръ, но и матросъ не рѣшится купить свою свободу черезъ указаніе непріятелю, гдѣ находятся наши суда; равнымъ образомъ, никто не рѣшится доставить непріятелю предлогъ высмотрѣть подъ парламентерскимъ флагомъ неизвѣстную для него мѣстность и указать фарватеръ къ нашимъ укрѣпленіямъ. Въ половинѣ Октября плѣнныхъ привезли въ Гонгъ-Конгъ.

Но обратимся въ Аянъ. 24 числа стояли на рейдѣ непріятельскіе фрегаты «Сибилла», командиръ Эллiотъ и «Спартанъ». На другой день Эллiотъ осматривалъ мѣсто, гдѣ отыскивали пушки. По осмотрѣ магазиновъ взяли изъ нихъ 3 банки Голландской сажи, нѣсколько якорей и немного желѣза.

26 числа слышны были съ моря пушечные выстрѣлы, но судовъ не было видно по причинѣ тумана; а 27 пришелъ Англійскій винтовый фрегатъ Hornet.

29 числа командоръ, бывши на берегу, объявилъ г. Фрейбергу, что мѣсто, гдѣ зарыты пушки и прочія вещи, указалъ кузнецъ съ брига Охотскъ, Карлъ Лундъ.

30 утромъ показался Французскій фрегатъ «Константинъ».

31 числа въ Ситху ушло 10 Французскихъ судовъ. На берегу были Французскій и Англійскій начальники, при чемъ Французскіе офицеры выпили все Шампанское.

1 Августа утромъ Англійскій пароходъ взялъ на буксиръ фрегатъ и ушелъ въ море. На рейдѣ остался Французскій фрегатъ.

3 числа Французы объявили, что Англичане искали не столько пушекъ, сколько милліона казенныхъ денегъ, будто бы здѣсь спрятанныхъ. Французы выразили при этомъ, что взять пушки съ батарей вооруженною рукою они считаютъ дѣломъ понятнымъ; а рыться и

искать ихъ въ землѣ считаютъ для себя унизительнымъ. Они снимали виды окрестностей. Мичманъ князь Урусовъ былъ съ ними.

Къ вечеру фрегатъ ушелъ въ море, и на рейдѣ не осталось ни одного непріятельскаго судна.

На суднѣ „Грета“ взяты въ плѣнъ:
Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ.
„ Шиллингъ,
Мичманъ Зеленый,
„ Ковалевскій,
„ князь Урусовъ,
„ Михайловъ,
Подпоручикъ корпуса флотскихъ штурманова Елкинъ.
Надворный совѣтникъ Азіатскаго Департамента Гошкевичъ.
Докторъ Кролевицкій } уволены.
Священникъ Маховъ }
Команды 265 человѣкъ; уволено 21 ч.
Затѣмъ изъ команды осталось въ плѣну:

На фрегатѣ Сибилла	87
Спартанъ	62
На пароходѣ Барракута	95
	244

Всего судовъ въ Охотскомъ морѣ было 22 Французскихъ и 34 Англійскихъ.

Между тѣмъ генералъ Муравьевъ, имѣя въ виду зимовку судовъ нашихъ, нашелъ нужнымъ возвести скорѣе въ Николаевскѣ зданія для помѣщенія 47 флотскаго экипажа и госпиталей и сверхъ того хотя временныхъ зданій для зимовки экипажей фрегатовъ «Паллада», «Діана» и «Аврора». Такъ какъ расходъ людей для провода судовъ въ рѣку по мелководнымъ мѣстамъ былъ очень значителенъ, то генералъ Муравьевъ велѣлъ немедленно соорудить батареи на Чныррахѣ, Мео и Куэгда, четвертую же батарею, Константиновскую, начать строить зимою, когда рѣка покроется льдомъ, чтò представляло удобство для вбитія свай.—Муравьевъ полагалъ, что при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ мы не должны были удалять силъ нашихъ отъ укрѣпленій, для защиты которыхъ они назначены, а потому распорядился поставить большія суда въ протокѣ Пальво, оставивъ при нихъ только незначительную команду для караула; всѣмъ же мелкимъ судамъ назначилъ зимовать у мыса Куэгда, у Николаевска.

Артиллерію съ фрегата «Аврора» генералъ Муравьевъ приказалъ отправить осенью въ Декастри.

Николаевскъ, два года до того пустынное и дикое мѣсто, по измѣнившимся военнымъ и политическимъ обстоятельствамъ, сдѣлался вдругъ средоточіемъ нашихъ силъ на Восточномъ океанѣ, а потому неминуемо долженъ былъ привлечь на себя удары непріятеля. Укрѣпленія Николаевска лѣтомъ 1855 г. состояли изъ трехъ отдѣльныхъ фортовъ, которые предполагалось вооружить слѣдующимъ числомъ орудій.

Укрѣпленіе на мысѣ Чныррахъ, или фортъ Александръ. 19 оруд.
Укрѣпленіе на мысѣ Мео, фортъ Михаилъ . . . . . 19 »
Укрѣпленіе на мысѣ Куэгда, у самаго Николаевска, фортъ Николай . . . . 15 »

Орудія были выписаны изъ Западной Сибири, и нельзя себѣ представить, съ какими затрудненіями ихъ везли, впрягая до 60 лошадей

подъ орудіе. Въ Забайкальѣ везли ихъ лошадьми и быками. При спускѣ съ горъ, кромѣ поддержки сзади канатами, впрягали въ корень быка, который, сопротивляясь натиску, вскорѣ обыкновенно падалъ и служилъ живымъ тормозомъ. Въ концѣ спуска, конечно, оказывался уже его трупъ, который Буряты тутъ же и съѣдали. Сплавъ орудій по Амуру былъ не менѣе затруднителенъ. Пушки проламывали днища баржъ, баржи садились на мель, и подымать при этомъ 150 пудовыя пушки, особенно въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ вблизи лѣсу, было дѣломъ мучительнымъ до крайности.

Кромѣ того генералъ Муравьевъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія изъ Маріинска: приказалъ сколь можно поспѣшнѣе отправить всѣ транспортныя суда Камчатской флотиліи къ протоку, назначенному имъ для зимовки, оставивъ при нихъ самое незначительное число людей для караула и при нихъ одного штабъ-офицера.

Фрегатъ «Аврора» приказалъ онъ немедленно ввести въ Амуръ и поставить на половинѣ пространства между мысомъ Куэгда и Меоскою батареею, имѣя на немъ команду, только собственно фрегату сему принадлежащую, для дѣйствія изъ орудій съ одного борта.

Корветъ «Оливуца» Муравьевъ велѣлъ поставить за Чныррахской батареей къ W, такъ чтобъ онъ могъ обстрѣливать задній фасъ этой батареи и сколь возможно ближе къ берегу, чтобы выстрѣлы его хватали черезъ весь полуостровъ Чныррахскій. Корвету велѣно имѣть всю свою команду и всѣ свои гребныя суда для того, чтобы онъ могъ сняться и идти на непріятеля, если бы тотъ старался проникнуть въ рѣку.

Винтовую шхуну «Востокъ» велѣно совершенно исправить и быть ей въ готовности идти по первому приказанію. Стоять же ей сказано въ самомъ входѣ въ Николаевскій заливъ, подъ прикрытіемъ Куэгдской батареи. Затѣмъ Муравьевъ приказалъ вооружить какъ можно болѣе гребныхъ судовъ; а также шкуну «Лиманъ» и ботъ № 1, которымъ велѣно быть въ совершенной готовности для аттакованія непріятеля и перевозки войскъ на батареи въ Николаевскій заливъ Амура. На судахъ этихъ имѣть въ наличности только командировъ и рулевыхъ, а гребцы и команда должны были назначиться изъ морскихъ командъ и 14 баталіона, когда бы понадобилось имъ придти въ движеніе.

Пароходу «Аргунь», послѣ провода фрегата и корвета на назначенныя имъ мѣста, велѣно стоять у Николаевскаго поста и содержать сообщеніе между имъ и батареями на Чныррахѣ и Мео.

При входѣ въ рѣку Амуръ имѣть у мыса Табахъ и у Пронге по одной шлюпкѣ для наблюденія за движеніемъ непріятеля. Всѣми командами, исключая фрегатской и корветской, генералъ Муравьевъ велѣлъ производить работы въ Николаевскомъ посту и на Чныррахской батареѣ, къ возведенію жилыхъ зданій, устройству дорогъ и проч. Какъ только въ лиманѣ покажется непріятель съ Сѣвера или съ Юга, то всѣмъ командамъ велѣно быть на своихъ мѣстахъ и обратить для дѣйствія батарей Чныррахской и Меоской весь экипажъ фрегата «Діана», а для прикрытія и подкрѣпленія онаго на сушѣ и гребныхъ судахъ — 47 флотскій экипажъ, за исключеніемъ экипажа корвета «Оливуца», уже имѣющаго свое назначеніе и 14 линейный полубаталіонъ.

Для артиллеріи, приплавленной по Амуру, велѣно производить постройку лафетовъ, дабы немедленно замѣнять орудія, которыя будутъ непріятелемъ подбиты.

До появленія непріятеля г. Муравьевъ приказалъ увѣдомлять его еженедѣльно въ Маріинскомъ постѣ о занятіяхъ въ Николаевскѣ и его окрестностяхъ, а съ появленіемъ непріятельскихъ судовъ у Петровскаго Зимовья ежедневно.

8 Іюля въ Маріинскомъ же постѣ генералъ Муравьевъ сдѣлалъ диспозицію войскамъ, назначивъ при Николаевскомъ посту 47 флотскій экипажъ, экипажи фрегатовъ «Паллада», «Діана», «Аврора» и 2 роты 14-го линейнаго баталіона въ числѣ 570 человѣкъ; фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца» и вся вооруженная гребная флотилія; при Александровскомъ постѣ часть конной казачьей сотни, пѣшій казачій полубаталіонъ и дивизіонъ горной артиллеріи. При Маріинскомъ постѣ 15 линейный баталіонъ и конная казачья Буреинская сотня должны были составлять резервъ для подкрѣпленія войскъ у Александровскаго и Николаевскаго постовъ въ случаѣ приближенія весьма сильнаго непріятеля къ тому или другому пункту. На послѣдній случай велѣно было имѣть у Маріинскаго поста всегда въ готовности и исправности 5 флашхоутовъ для сплава къ Николаевску и 10 барказовъ для сплава по озеру Кизи.

Затѣмъ, сдѣлавъ распоряженіе о размѣщеніи войскъ на зимнія квартиры, генералъ Муравьевъ выразился, что войска, на устьяхъ Амура сосредоточенныя и имъ распредѣленныя, «нигдѣ отъ непріятеля не отступаютъ, въ плѣнъ не сдаются; а побѣждаютъ на своихъ мѣстахъ или умираютъ, памятуя слова великаго князя нашего Святослава: «ту ляжемъ костьми, мертвіи бо срама не имутъ». Герои Петропавловскаго Порта, продолжаетъ генералъ Муравьевъ, покажутъ намъ примѣръ самоотверженія, Русской силы и безусловнаго повиновенія. Въ концѣ Сентября генералъ Муравьевъ сдѣлалъ самыя подробнѣйшія распоряженія на счетъ возможной встрѣчи непріятеля весною будущаго 1856 г., на счетъ продовольствія войскъ и прочаго. Морскія и сухопутныя войска, находившіяся на Амурѣ, продолжали устраивать для себя зимнія помѣщенія казармами различной величины; въ нѣкоторыя изъ этихъ зданій въ Николаевскомъ, Маріинскомъ и Александровскомъ постахъ войска были уже введены, остальныя должны были быть введены къ половинѣ Октября.

Надо было ожидать, что непріятель, посѣтивъ Камчатку и Аянъ, обратитъ въ слѣдующемъ году всѣ свои силы къ устьямъ Амура, начиная съ бухты Декастри; поэтому генералъ Муравьевъ усилилъ войска, дабы отразить непріятельскій десантъ, который вознамѣрился бы тамъ утвердиться или проникнуть на Амуръ.

Окончивъ всѣ распоряженія, генералъ Муравьевъ думалъ подняться вверхъ по Амуру; но пароходъ «Аргунь», послѣ ввода фрегата «Аврора» въ Амуръ, изломался и, бывъ исправленъ, сѣлъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ на мель; шкуна «Востокъ», кромѣ течи въ винтѣ, за осеннимъ мелководіемъ оставлена у Маріинскаго поста; пароходъ «Надежда» еще въ началѣ Іюля ушелъ вверхъ по Амуру съ графомъ Путятинымъ и не возвращался; пароходъ «Шилка», заложенный въ Шилкинскомъ заводѣ въ Апрѣлѣ, спускаясь по Амуру, сѣлъ на мель близъ Кутоманды, такъ что генералъ Муравьевъ принужденъ былъ отправиться черезъ Аянъ, зафрахтовавъ Американскій баркъ Пальметто. Уѣзжая 1 Октября изъ Николаевска, онъ оставилъ мѣстному начальнику контръ-адмиралу Завойко собственноручно написанную инструкцію на счетъ занятія войскъ строевою службою, преимущественно стрѣлковымъ ученіемъ, стрѣльбою въ цѣль и ар-

тиллерійскимъ ученіемъ; сдѣлалъ распоряженія на счетъ возведенія батарей, улучшенія помѣщеній для войскъ, заведенія обширныхъ огородовъ; далъ нужныя наставленія въ отношеніи военныхъ дѣйствій, приказалъ составить гидрографическую карту лимана и его каналовъ, опредѣлить астрономическіе пункты, какъ по берегу, такъ и на о. Сахалинѣ; сдѣлалъ распоряженіе на счетъ войскъ, имѣвшихъ прибыть въ будущемъ году по Амуру, о пароходахъ, заказанныхъ въ Америкѣ, объ отправленіи частей войскъ вверхъ по Амуру, и если бы не получилось до Ноября съ Амурскою почтою извѣстія о заключеніи мира, фрегатъ «Палладу» велѣлъ затопить, а команду перевести въ Маріинскій постъ.

Между тѣмъ въ Декастри ждали непріятеля до конца Сентября и наконецъ думали, что онъ ужъ не можетъ придти; а потому одну роту отправили для зимнихъ работъ, оставивъ другую на мѣстѣ; но 3 Октября показались изъ-за Клостеркампа 3 непріятельскихъ трехмачтовыхъ судна безъ флаговъ, изъ которыхъ 1 парусный фрегатъ и 2 винтовыхъ корвета.

Тотчасъ была пробита въ лагерѣ тревога и немедленно былъ посланъ нарочный въ Маріинскій постъ съ донесеніемъ къ подполковнику Сеславину о приходѣ непріятеля. Рота въ числѣ 120 человѣкъ, предназначенная зимовать въ Декастри, была разсыпана по опушкѣ лѣса Александровскаго поста. Два горныхъ единорога подъ прикрытіемъ команды казачьихъ штуцерныхъ, въ числѣ 40 человѣкъ, поставлены были на мысѣ, надъ Лаперузовой аркой. Отрядомъ командовалъ, за отсутствіемъ г. Сеславина, эсаулъ Пузино; первымъ взводомъ—лейтенантъ Линденъ; вторымъ—корпуса штурмановъ подпоручикъ Самохваловъ; взводомъ горной артиллеріи—мичманъ Ельчаниновъ.

Въ 9 часовъ винтовой корветъ, войдя безъ флага на рейдъ, сталъ на якорь возлѣ Американскаго купеческаго судна «Берингъ». Черезъ полчаса вошли на рейдъ фрегатъ и другой винтовой корветъ подъ Англійскимъ флагомъ. Спустили гребныя суда, погрузили на нихъ орудія и начали сажать десантъ. Семь вооруженныхъ шлюпокъ, имѣя десанту до 400 человѣкъ, построились въ двѣ колонны и направились къ Александровскому посту на рѣчкѣ Нелли. Гребныя суда, приближаясь къ берегу, были встрѣчены огнемъ нашихъ орудій и штуцерныхъ; войска, занявъ закрытыя мѣста по опушкѣ лѣса, встрѣтили непріятеля батальнымъ огнемъ. Отвѣтивъ намъ картечью, Англичане немедленно отступили въ совершенномъ разстройствѣ.

При отступленіи одинъ изъ барказовъ коснулся кормою мели, былъ осыпанъ нашею картечью и съ трудомъ отошелъ изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ.

Въ 2 часа фрегатъ и корветъ приблизились къ берегу и начали осыпать берега наши по всѣмъ направленіямъ бомбами. Отрядъ нашъ былъ поставленъ по возможности внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ 6 часовъ фрегатъ и корветъ отошли отъ берега. На ночь по берегу оставленъ былъ нашъ наблюдательный пикетъ изъ 30 казаковъ. У насъ убитъ 1 казакъ и 2 ранено.

4 Октября въ 8 часовъ непріятельскія суда начали бомбардировку, направляя на недоступныя казармы, куда уже перешла часть людей, находившихся въ то время въ лагерѣ; но ядра и бомбы ложились и разрывались, не долетая до казармъ. Въ 3 часа десантъ на четырехъ вооруженныхъ барказахъ направился къ бухтѣ Сомонъ и началъ

дѣлать внѣ выстрѣловъ промѣръ, обстрѣливая берегъ изъ коронадъ. Когда барказы подошли на выстрѣлъ, эсаулъ Пузино открылъ по нимъ штуцерный огонь, и они поворотили назадъ. Убитъ у насъ одинъ и одинъ раненъ.

Въ тотъ же день прибылъ подполковникъ Сеславинъ и принялъ начальство надъ отрядомъ.

5 Октября пріѣхалъ на берегъ шкиперъ съ «Беринга» и сообщилъ, что непріятельскія суда были: 52-пушечный фрегатъ «Сибилла», и винтовые корветы «Энкаунтеръ» и «Хорнетъ», подъ начальствомъ командора Элліота, изъ эскадры контръ-адмирала Стерлинга. Вооруженные барказы и вельботъ отправились за мысъ Спасенія въ Сѣверную бухту и начали бросать гранаты, находясь сами внѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Тотчасъ туда былъ посланъ штуцерный взводъ. Барказы вернулись на рейдъ и пристали къ острову Обсерваторіи, гдѣ хоронили убитыхъ. Въ этотъ же день прибыла рота казачьяго полубаталіона.

6 числа «Энкаунтеръ» ушелъ. Фрегатъ окрылъ огонь по казармамъ, но вреда намъ не причинилъ: войска изъ нихъ вывели. 7 числа фрегатъ открылъ сильную канонаду ядрами по берегу, а бомбами и гранатами по казармамъ. Ядра ложились близъ дороги въ лагерь. Того же дня прибыло 40 казаковъ коннаго Амурскаго полка и 160 рядовыхъ.

8 Октября, въ ночь, послали въ бродъ черезъ бухту Сомонъ 10 казаковъ для занятія пикета у каскада въ бухтѣ Арботъ, чтобы предупредить налитіе изъ него водою, а также и потому, что въ бухту Арботъ, повидимому, ходили непріятельскія шлюпки, на которыхъ Англичане охотились. По всему лагерю солдаты наши пѣли пѣсни.

9 и 10 числа происходило легкое обстрѣливаніе береговъ, безъ малѣйшаго для насъ вреда. Позиція наша, прикрытая густымъ лѣсомъ, оказалась очень удобною.

Сообщимъ при этомъ одинъ интересный эпизодъ. 14 Октября пріѣхалъ въ Декастри изъ Николаевска Американецъ Кушинъ, ѣздившій туда распорядиться относительно пришедшихъ на «Берингѣ» товаровъ. Такъ какъ «Берингъ» уже былъ совершенно выгруженъ, то Кушинъ, не теряя времени, хотѣлъ уходить на немъ въ Америку. Но вопросъ, какъ попасть на судно? Бывшіе у насъ два вельбота, вытащенные на берегъ у Александровскаго поста, были непріятельскими снарядами совершенно разстрѣляны, а потому подполковникъ Сеславинъ 16 Октября потребовалъ парламентера, съ цѣлію попросить перевести г. Кушина на его судно. На берегу выставили бѣлый флагъ, и вслѣдствіе этого вскорѣ отвалила отъ фрегата «Сибиллы» шлюпка, имѣвшая на носу тоже парламентерскій флагъ. Шлюпка, по причинѣ отлива, къ самому берегу не подошла, а потому офицера и мичмана перенесли на берегъ на рукахъ матросы. Офицеръ этотъ былъ фрегатскій старшій лейтенантъ, которому и объяснили причину его приглашенія. При этомъ онъ сказалъ, что въ бухту Арботъ въ тотъ самый день ходила на охоту ихъ шлюпка, на которой между прочимъ былъ Американецъ съ Беринга, нѣкто Персъ и что казаки сдѣлали по этой шлюпкѣ нѣсколько выстрѣловъ и ранили въ високъ г. Перса. Это извѣстіе было для Сеславина новостію, такъ какъ сообщеніе съ бухтою Арботъ производилось только съ наступленіемъ ночи. Во всякомъ случаѣ многіе справедливо замѣтили, что г. Персу, какъ Американцу, не слѣдовало ѣздить съ Англичанами. За тѣмъ принесли на берегъ Шампанское и, предложивъ бокалъ Ан-

глійскому лейтенанту, пожелали г. Кушину счастливаго пути. Бывшій при этомъ капитанъ 2 ранга Римскій-Корсаковъ шутя замѣтилъ Англичанину, что вслѣдствіе настоящихъ взаимныхъ отношеній мы не только не можемъ ему пожелать благополучнаго плаванія, но наоборотъ должны пожелать всего худшаго. Англійскій лейтенантъ засмѣялся и выразилъ желаніе, чтобы эти отношенія скорѣе прекратились. Подполковникъ Сеславинъ предложилъ для больныхъ ихъ эскадры свѣжаго мяса; но лейтенантъ, поблагодаривъ его, безъ разрѣшенія своего командира принять не согласился. Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣхалъ, взявъ съ собой г. Кушина. На другой день 17 Октября эскадра снялась съ якоря и ушла въ море. «Берингъ» еще оставался; съ него немедленно пріѣхалъ Кушинъ и объявилъ, что командиръ былъ въ восторгѣ отъ благороднаго предложенія подполковника Сеславина и выразился что онъ «a perfect gentleman».

Послѣ нѣсколькихъ дней стоянки, командоръ Элліотъ, какъ мы видѣли, 17 числа оставилъ Декастри. Бомбандировка непріятеля была весьма неудачна. Снаряды частію не долетали до казармъ, другіе же перелетали или ложились между казармами и другими зданіями. Одною бомбою удалось Англичанамъ выбить всѣ стекла въ казармѣ № 2 и зажечь ее; но въ туже минуту пожаръ былъ потушенъ, а черезъ часъ вставлены и стекла. На магазинахъ остались слѣды разрыва бомбъ, но безъ капитальнаго поврежденія.

Выѣхавъ изъ Николаевска на баркѣ «Пальметто», генералъ Муравьевъ, находясь 9 Октября въ Сахалинскомъ каналѣ, писалъ контръ-адмиралу Завойко, что ботъ № 1, посланный симъ послѣднимъ въ Декастри, онъ оставилъ при себѣ въ лиманѣ для сопровожденія его до выхода въ Охотское море, откуда ботъ возвратится въ Николаевскій постъ. Онъ просилъ посылать ему свѣдѣнія отъ Сеславина по сѣверному фарватеру.

Съ Муравьевымъ было до 30 человѣкъ штабныхъ и разныхъ лицъ и до 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Съ нимъ же находилась его супруга. Выйдя къ островамъ Хазимифъ, баркъ заштилѣлъ. Не смотря на холодъ и обледѣнелыя снасти, Муравьевъ приказалъ верповаться; а такъ какъ команды было мало, то по его предложенію работали всѣ отъ старшаго офицера до солдата. Этимъ онъ подвинулся на нѣсколько кабельтовыхъ, затѣмъ задулъ маленькій вѣтерокъ, который помогъ пройти нѣсколько миль къ ночи; такимъ образомъ перешли на Сахалинскій каналъ, гдѣ бросили на ночь якорь, а къ разсвѣту, пользуясь легкимъ вѣтеркомъ, пошли вдоль Сахалина къ Аяну. На другой день утромъ береговой пикетъ, слѣдившій за движеніемъ «Пальметто», былъ крайне удивленъ, увидѣвъ вмѣсто этого барка—непріятельскій пароходъ. Вотъ что̀ значитъ не терять въ критическихъ обстоятельствахъ времени; не будь энергическихъ распоряженій генерала Муравьева на баркѣ «Пальметто», непріятель захватилъ бы всѣхъ живьемъ. Надо знать, что на «Пальметто» не было ни парусовъ, ни лодокъ. Девять дней шли до Аяна, имѣя почти постоянно противные вѣтры и послѣ неимовѣрныхъ усилій 18 числа вошли въ портъ.

Между тѣмъ контръ-адмиралъ Завойко, получивъ свѣдѣнія о появившемся непріятельскомъ пароходѣ и о томъ, что у Петровскаго зимовья около выхода въ Сахалинскій каналъ видѣнъ былъ непріятельскій фрегатъ, рѣшилъ, что генералъ-губернаторъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ штабомъ и тотчасъ командировалъ съ донесеніемъ

о дѣлѣ въ Декастри Чихачева сухимъ путемъ, черезъ Удской острогъ, на Якутскъ, въ Иркутскъ и Петербургъ, адресовавъ конвертъ на имя генералъ-губернатора Муравьева, «а въ случаѣ его плѣна—Его Высочеству Генералъ-Адмиралу Константину Николаевичу».

И такъ мы видѣли, что край, о которомъ не думали въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, является мѣстомъ пристанища нашей эскадры въ самый критическій моментъ войны, требовавшей напряженія всѣхъ силъ и поглощавшей всѣ средства государства. Если, какъ инымъ кажется, были ошибки и увлеченія, то онѣ объяснятся со временемъ дальновидными цѣлями, неразрывно связанными съ совершившимися уже фактами.

Замѣчательно, что противъ непріятельскаго десанта могло дѣйствовать изъ Камчатскаго гарнизона только 347 человѣкъ, а по Амуру сплавлено и доставлено въ Камчатку за мѣсяцъ до нападенія непріятеля 350 человѣкъ.

Но больше всего историкъ долженъ отдать справедливость непоколебимой твердости командира фрегата «Аврора», капитанъ-лейтенанта Изыльметьева. Когда, при появленіи непріятельской эскадры, столь сильной въ сравненіи съ военными средствами Петропавловскаго порта, возникали сомнѣнія въ возможности дать ей надлежащій отпоръ среди самаго гарнизона, то онъ одинъ положительно объявилъ, что сдача ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ и что, если бы даже допустили непріятеля въ городъ, то онъ съ фрегата своего будетъ продолжать пальбу и наконецъ взорветъ фрегатъ, если бы непріятель одолѣлъ. Эта рѣшимость, конечно, была самымъ побудительнымъ средствомъ къ упорной и блистательной оборонѣ Петропавловскаго порта, увѣнчавшейся столь полнымъ успѣхомъ. Тотъ же капитанъ-лейтенантъ Изыльметьевъ оказалъ туже непоколебимую твердость въ бухтѣ Декастри въ Маѣ 1855 г., и эскадра наша должна была, во что̀ ни стало, искать входа въ лиманъ, что̀ также исполнилось съ полнымъ успѣхомъ.

Союзники, въ 1854 и 1855 гг., располагали громадными силами; подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ стремилось къ нимъ изъ Европы; предписанія одно другаго рѣшительнѣе посылались Англійскимъ адмиралтействомъ и Французскимъ правительствомъ; отъ адмираловъ требовалось, чтобъ на этихъ моряхъ не было и помину о нашихъ крейсерахъ, чтобъ всѣ укрѣпленія и учрежденія наши были разрушены, и чтоже? Какъ бы на перекоръ, ничего не сдѣлано. Успѣхи непріятеля ограничились тѣмъ, что онъ завладѣлъ въ Петропавлоскѣ разснащеннымъ судномъ «Аянъ»; взялъ купеческій корабль «Ситху», сжегъ въ Петропавловскѣ рыбный сарай и захватилъ барказъ съ брига «Охотскъ». Призъ беззащитной «Герты» не приноситъ славы Англійскому флагу. Розыски сѣвернаго и южнаго прохода въ Амуръ остались безуспѣшны. Въ Кастри и Аянѣ дѣйствія союзниковъ были безъ послѣдствій, Англійскій фрегатъ «Пайкъ» и Французскій «Сибилла» завладѣли островомъ Урупомъ, заграбивъ въ компанейскихъ магазинахъ 300 шкуръ и запасъ провіанта; назначили одного изъ Курильцевъ губернаторомъ острова, вручивъ ему дипломъ на это званіе отъ имени императора Французовъ и королевы Англіи и при этомъ водрузили на островѣ Англійскій и Французскій флаги при салютѣ.

Насталъ 1856 годъ.

Въ ожиданіи непріятеля «Палладу» въ Мартѣ мѣсяцѣ въ Константиновскомъ посту затопили, а команду перевели въ Маріинскій постъ.

21 Марта генералъ Муравьевъ далъ знать изъ С.-Петербурга, что миръ въ Парижѣ заключенъ.

7 Мая показался въ заливѣ Декастри колесный военный пароходъ неизвѣстно какой націи и вскорѣ ушелъ въ море; а 28 числа того же мѣсяца прибыли въ заливъ Декастри 2 Французскіе военные фрегата, но по случаю частныхъ слуховъ о мирѣ, ничего не предпринимали и 30 Мая ушли въ море.

Въ Іюнѣ Англійскій фрегатъ «Пайкъ», подъ командою капитана Никольсона, ограбившій въ 1855 г. компанейское селеніе на островѣ Урупѣ, уже послѣ заключенія перемирія, вошелъ въ Императорскую Гавань и, не найдя въ ней затопленнаго фрегата «Паллады», сжегъ нѣсколько домовъ въ Константиновскомъ постѣ.

4 Іюня фрегатъ «Аврора», снявшись съ якоря съ Николаевскаго рейда, на буксирѣ парохода «Аргунь» прослѣдовалъ благополучно баръ и отправился кругомъ свѣта въ Кронштадтъ.

9 Іюля корветъ «Оливуца» оттуда же отправился со шкуной «Хеда» въ Японію для размѣна ратификацій. Тѣмъ закончились наши военныя дѣйствія въ Камчаткѣ и Восточномъ поморьѣ.

Вспомнимъ при этомъ съ признательностію о добровольныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ на защиту Пріамурья.

Слухъ о дѣйствіяхъ Англо-Французовъ въ 1854 г. какъ искра облетѣлъ всю Восточную Сибирь и вызвалъ единодушное желаніе отразить непріятеля. Добровольныя пожертвованія на военныя потребности составили капиталъ въ 100,000 рубл. Изъ крупныхъ жертвователей былъ контрагентъ питейной продажи Восточной Сибири Рукавишниковъ (21,000); купецъ Соловьевъ далъ для сплава 1855 г. разныхъ вещей на 26,350 рубл. и 2,000 ведеръ спирту; Верхнеудинскіе крестьяне отказались отъ платы, слѣдовавшей за перевозку отъ Посолька до Читы вещей на 13,230 р.; жители Верхнеудинскаго округа дали 2,800 пуд. хлѣба, 300 штукъ скота и 2,500 рубл. денегъ; жители Охотскаго округа пожертвовали 355 оленей; а все Кяхтинское купечество вмѣстѣ сложилось и дало на 3,000 рубл. кирпичнаго чаю.

Нельзя пройти молчаніемъ о возвращеніи въ 1856 г. войскъ съ устьевъ Амура по случаю заключенія мира. Это необходимо потому именно, что потеря людей и бѣдствія въ дорогѣ по случаю поздняго возвращенія вверхъ по рѣкѣ преувеличены до безобразія досужею молвою и перешли въ иностранную печать.

Равенштейнъ, въ прибавленіи къ книгѣ своей «The Russians on the Amur» говоритъ слѣдующее:

«Одно печальное событіе, имѣющее связь съ войной и о которомъ мы еще не знали когда печаталась наша книга, сообщено намъ другомъ нашимъ, проживающимъ въ Николаевскѣ, который пишетъ, что изъ 400 человѣкъ пѣхоты, посланныхъ изъ Декастри въ Кяхту, только одиннадцать человѣкъ достигли мѣста своего назначенія. Берега Амура не были еще заселены, зима застала людей 1,200 верстъ ниже Нерчинска, и они умерли отъ холода, голода и истощенія. Оставшіеся въ живыхъ одиннадцать человѣкъ питались мясомъ своихъ умершихъ товарищей. Ихъ потомъ куда-то сослали, а бывшаго съ ними прапорщика заставили молчать, наградивъ слѣдующимъ чиномъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣло это обнаружилось».

Намъ не привыкать читать нелѣпыя вѣсти иностранцевъ и ихъ друзей, проживающихъ въ Россіи. Вотъ подробныя обстоятельства дѣла, взятыя изъ офиціальныхъ данныхъ.

По сдѣланной свѣркѣ именныхъ списковъ отправленныхъ на Амуръ нижнихъ чиновъ съ именными же списками возвратившихся въ Забайкалье, можно съ достовѣрностію опредѣлить число убыли возвращавшихся людей.

21 Марта 1856 г. генералъ Муравьевъ предписалъ изъ Петербурга предсѣдательствовавшему въ совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, по случаю заключенія мира, съ устья Амура возвратить вверхъ по рѣкѣ всѣ находившіяся тамъ и сплывавшія туда сухопутныя войска, исключая 15-линейнаго баталіона. Прежде всѣхъ долженъ былъ быть возвращенъ весь сводный казачій полубаталіонъ, подъ начальствомъ адъютанта его, полковника Сеславина,—немедленно по прибытіи къ Маріинскому посту 1 отдѣленія сплава 1856 г.; а когда сводный баталіонъ этотъ достигнетъ Усть-Стрѣлочнаго караула, то казаки прямо оттуда должны были быть распущены по домамъ. Приказано было облегчить пароходъ «Америку» до 8 футовъ, чтобы онъ былъ въ состояніи дойти если не до Стрѣлки, то хотя до устьевъ Зеи. Пароходъ этотъ долженъ былъ отправиться какъ можно поспѣшнѣе, дабы не упустить большой воды; а для того, чтобъ скорѣе дошло о томъ распоряженіе до устьевъ Амура, немедленно послѣ проплытія 1 отдѣленія сплава мимо Хингапа, велѣно было отдѣлить легкую лодку съ нужными предписаніями въ Николаевскій постъ. Если бы пароходъ «Америка» дошелъ только до Зеи, то далѣе войска должны были идти вверхъ бичевою или на греблѣ.

Генералъ-лейтенантъ Венцель, получивъ это предписаніе въ Иркутскѣ, 14 Апрѣля за № 897 предложилъ полковнику Карсакову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ Забайкальской области, чтобы на постахъ, которые будутъ учреждены на р. Амурѣ, было достаточное количество продовольствія для возвращающихся командъ, при чемъ просилъ его употребить для этого всевозможныя средства и принять самыя энергическія мѣры; а такъ какъ о возможности слѣдовать по Амуру парохода «Америка» ничего утвердительнаго сказать нельзя было, то сдѣлано распоряженіе о доставкѣ сколь возможно бо̀льшаго числа легкихъ гребныхъ судовъ на посты къ отряду на Зеѣ и на устье Амура для обратнаго слѣдованія означенныхъ частей войскъ.

Полковникъ Карсаковъ распорядился на всѣхъ постахъ сложить крѣпкіе сараи изъ коры для храненія въ нихъ оставленнаго на постахъ продовольствія для возвращавшихся людей.

Первый грузъ съ продовольствіемъ отправленъ 4 Іюня, второй 9, а третій 12 числа.

Припасовъ заготовлено было въ складѣ на посты на 2700 человѣкъ, назначенныхъ къ возвращенію изъ Маріинскаго и Николаевскаго постовъ, а именно:

НА 5 ДНЕЙ.

въ Усть-Стрѣлочный караулъ:

быковъ	5				
сухарей	590	п.	25	ф.
крупы	74	„	15	„

соли	18	„	30	„
спирту	$67^1/_2$ ведеръ.			

у мѣста гдѣ сталъ на мель пароходъ «Шилка», Кутоманды:

быковъ	5			
сухарей	590	п.	25	ф.
крупы	84	„	15	„
соли	18	„	30	„
спирту	$67^1/_2$ ведеръ.			

на 10 дней.

въ Кумарскій караулъ:

быковъ	10			
сухарей	1181	п.	10	ф.
крупы	168	„	30	„
соли	37	„	20	„
спирту	135 ведеръ.			

на устье Зеи:

быковъ	10			
сухарей	1181	п.	10	ф.
крупы	168	„	30	„
соли	37	„	20	„
спирту	135 ведеръ.			

на 20 дней.

на устье Сунгари.

быковъ	22			
сухарей	2362	п.	20	ф.
крупы	337	„	20	„
соли	75	„	—	„
спирту	270 ведеръ.			

Всего отправлено тремя транспортами: быковъ 52; сухарей 5906 п. 10 ф.; крупы 843 пуд. 30 ф.; соли 187 п. 20 ф. и 675 ведеръ спирту.

Въ началѣ Мая полковникъ Карсаковъ спустился по Амуру и въ Кумарскомъ посту приказалъ начальнику сплава, полковнику Буссе, чтобы кромѣ 76 заготовленныхъ имъ Манчжурскихъ лодокъ прибавить еще до 50 по крайней мѣрѣ. Сверхъ продовольствія на постахъ, еще половинное количество противу Кумарскаго запаса оставлено было на Кутомандѣ, гдѣ стоялъ на мели пароходъ «Шилка». Туда же въ началѣ Сентября доставлено было въ запасъ еще 500 пуд. муки, 60 пуд. крупы, 15 пуд. соли, 30 пуд. масла, 20 ведеръ спирту и 10 головъ скота.

Амуръ отъ Маріинскаго поста до Усть-Стрѣлки представлялъ тогда пустыню до 2300 верстъ длиною, въ которой было трудно, а мѣстами и вовсе невозможно найти какое либо продовольствіе, кромѣ выставленныхъ складовъ на постахъ, и трудно себѣ представить что либо подобное походу 1856 г. Забайкальскихъ казаковъ и линейныхъ баталіоновъ вверхъ по Амуру. Подниматься по громадной малоизвѣстной, пустынной рѣкѣ вверхъ противъ ея теченія 2300 верстъ, массѣ

войскъ съ оружіемъ, походной и боевой аммуниціей и провіантомъ, было дѣломъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ событій. Казаки и линейцы потянули лодки вверхъ по Амуру бичевою. Надобно было идти скоро, дѣлать большіе переходы, чтобъ дойти въ Усть-Стрѣлку до замерзанія. Казаки, какъ туземцы и люди болѣе опытные, хорошо понимали это и потому подвигались быстро, шли весь день, перемѣняясь поочередно въ лямкахъ и не останавливаясь даже для обѣда и варили кашу только расположившись къ вечеру на ночлегъ и утромъ предъ выступленіемъ въ походъ. Линейцы же около полудня приваливали къ берегу варить обѣдъ, отдыхали, обѣдали, затѣмъ собирались въ путь и потому вскорѣ отстали отъ казаковъ.

Казаки успѣли до замерзанія рѣки достигнуть Забайкалья, линейцы въ глухую осень достигли до Кумарскаго караула, приняли здѣсь 10 дневный провіантъ до слѣдующаго Кутомандскаго поста; но отойдя нѣсколько верстъ, были застигнуты льдомъ, и лодки тянуть было невозможно. Солдаты выгрузили затертыя льдомъ лодки на островъ и въ прутяныхъ шалашахъ 16 дней ждали, пока станетъ рѣка. Продовольствіе доставляли имъ изъ сосѣдняго Кумарскаго поста. Наконецъ, когда ледъ окрѣпъ, солдаты подѣлали санки, положили въ нихъ всю аммуницію и провіантъ и двинулись въ путь. Отсюда начались ихъ бѣдствія: холодъ, глубокій снѣгъ и сильные вѣтры и метели замедляли слѣдованіе; усталость и изнуреніе развили тифъ. Въ припасахъ началъ открываться недостатокъ. Къ счастію, линейцы увидали стоявшую на мели баржу съ провіантомъ, а за тѣмъ ихъ встрѣтила помощь и продовольствіе, высланныя изъ Кутомандскаго поста, гдѣ больные положены были въ лазаретъ, а здоровые отдохнули и благополучно пришли въ Забайкалье.

Большіе переходы въ это время навигаціи были необходимы; иначе надо было бы отказаться отъ возможности и надежды вернуться домой до рѣкостава. Переходы были дѣйствительно велики; но казаки доказали, что они были возможны.

Между Кумарою и Кутомандой, на пространствѣ 403 верстъ, 50 верстъ не доходя до послѣдняго поста, зимовала, какъ извѣстно, сѣвшая лѣтомъ на мель баржа съ провіантомъ. Если бы линейцы, получивъ въ Кумарѣ продовольствіе на 10 дней, успѣвали дѣлать по 35 верстъ въ день, то они могли бы безъ голода достигнуть баржи и здѣсь запастись новымъ провіантомъ. Но медленность была единственной причиною ихъ бѣдственнаго слѣдованія.

Приведемъ теперь офиціальныя цифры и данныя:

Командовавшій своднымъ казачьимъ полубаталіономъ полковникъ Сеславинъ прибылъ въ Усть-Стрѣлку 7 Октября. 1-я рота съ эсауломъ Пузино прибыла туда 25, а 2-я съ сотникомъ Яннау 30 Сентября. Эсаулъ Шимановскій прибылъ 8 Октября. За тѣмъ остальной отрядъ подъ начальствомъ подполковника Облеухова и эсаула Пряжевскаго замедлилъ.

Подполковникъ Облеуховъ*), слѣдуя съ командою нижнихъ чиновъ линейныхъ баталіоновъ № 13 и 14, былъ остановленъ льдомъ въ 5 верстахъ выше Кумары, 3 рота № 13 баталіона вернулась въ Кумарскій караулъ, а 3 рота № 14 баталіона подъ командою поручика д'Астора, остановилась въ 15 верстахъ выше, тоже по причинѣ густаго льда. Рота № 13 имѣла провіанта на 24; а рота № 14—на 18

*) Донесеніе его 23 Октября № 1475.

сутокъ. На случай поздняго покрытія рѣки г. Облеуховъ взялъ для обѣихъ ротъ, по числу 238 человѣкъ изъ осьмимѣсячнаго запаса казаковъ, находившихся въ Кумарскомъ караулѣ, десятидневную пропорцію провіанта, а именно: сухарей 32 пуд.; 99 пуд. 25 ф. муки; 14 пуд. 35 ф. крупы и 26 Октября двинулся съ отрядомъ изъ Кумарскаго караула. Съ нимъ выступило изъ Маріинска:

оберъ-офицеровъ	8
унтеръ-офицеровъ	47
вахтеровъ	1
урядниковъ	1
музыкантовъ	10
рядовыхъ	285
служителей	1
казаковъ	2
нестроевыхъ	19
деньщиковъ	5
	379

Въ путешествованіи умерло, преимущественно отъ тифа:

музыкантовъ	1
рядовыхъ	91
нестроевыхъ	6
	98

Оставлено въ Кутомандѣ по болѣзни:

унтеръ-офицеръ	1
рядовыхъ	24
нестроевыхъ	1
	26

За тѣмъ прибыло въ Усть-Стрѣлку:

оберъ-офицеровъ	8
унтеръ-офицеровъ	46
вахтеръ	1
урядникъ	1
музыкантовъ	9
рядовыхъ	170
служителей	1
казаковъ	2
нестроевыхъ	12
деньщиковъ	5
	255

Съ маіоромъ Языковымъ *) съ устья Амура, подъ командою его, отправилось:

оберъ-офицеровъ	4
унтеръ-офицеровъ	99
музыкантовъ	8
рядовыхъ	506
нестроевыхъ	8
деньщиковъ	4

Изъ нихъ умерло отъ болѣзней:

оберъ-офицеровъ	1
унтеръ-офицеровъ	3

*) Донесеніе его отъ 9 Ноября № 1088 изъ Шилкинскаго завода.

рядовыхъ 48
нестроевыхъ 1
и бѣжалъ 1 деньщикъ.

Взводъ артиллеріи, отправленный съ Усть-Зеи 29 Іюня, былъ уже въ Сентябрѣ съ поручикомъ Панинымъ въ Шилкинскомъ заводѣ.

Урядникъ Полуполтинный *), командовавшій отрядомъ казаковъ 2 свободнаго казачьяго пѣшаго полубаталіона, 10 Октября вышелъ изъ Кутоманды; но по случаю льда вернулся и пробылъ на посту до 27 числа. Прибылъ въ Усть-Стрѣлку 2 Ноября. Во всю дорогу у него не было ни больныхъ, ни умершихъ, и всѣ люди пришли благополучно. У эсаула Пряжевскаго **) изъ отряда 190 человѣкъ 33 человѣка умерли отъ эпидемической горячки.

Вотъ правдивое изображеніе потери людей въ несчастномъ походѣ 1856 года.

Излишне было бы говорить, что приняты были всѣ возможныя мѣры къ облегченію участи запоздавшихъ солдатъ: теплая одежда и медицинская помощь не заставили себя ждать.

Петръ Шумахеръ.

*

Статья эта написана на основаніи подлинныхъ бумагъ и провѣрена нѣкоторыми изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ историческаго событія, послужившаго ей содержаніемъ. Она входитъ въ составъ обширнаго труда объ исторіи Пріамурскаго края. П. Б.

*) Донесеніе его 3 Ноября № 23.

**) Донесеніе его 30 Ноября № 157.

Русская и Англійская политика.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ ВАРШАВСКОМУ, ГРАФУ И. Ѳ. ПАСКЕВИЧУ-ЭРИВАНСКОМУ.

Съ политическими взглядами Жуковскаго на Восточный вопросъ читатели Р. Архива знакомы по письмамъ его, напечатаннымъ въ 1867 году этого сборника; но кромѣ того Жуковскій написалъ большую записку и о политикѣ Англійской. Къ сожалѣнію, записка эта доселѣ появлялась въ печати лишь въ самыхъ ничтожныхъ отрывкахъ, съ опущеніемъ всей своей сущности. Между тѣмъ она до такой степени важна, что нельзя не подивиться, почему Русскіе люди до сихъ поръ лишены были знакомства съ нею. Таковы ужъ, видно, неисповѣдимыя судьбы Русской жизни и ея историческаго роста, что даже на такихъ людей, какъ Жуковскій, простиралась роковая запретность. Живучи послѣдніе годы свои, по необходимости, за границею, престарѣлый Жуковскій былъ полонъ мыслію о Россіи и, въ предѣлахъ своей дѣятельности, работалъ неутомимо. Онъ приготовилъ къ изданію записку свою объ Англіи еще въ 1851 году и озаглавилъ такъ: „Русская и Англійская политика. Письмо къ князю Варшавскому“; писана же она въ 1849 г. Съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, а между тѣмъ, читая ее, испытываешь впечатлѣнія современной минуты.

Беру перо съ нѣкоторымъ страхомъ для выраженія передъ вашею свѣтлостію моей поздней благодарности. Если бы вы имѣли время обо мнѣ вспомнить, то чтò подумали бы о моемъ молчаніи? Я уже давно имѣю передъ глазами вашъ драгоцѣнный подарокъ, и уже передъ многими имѣлъ случай имъ похвастать, а еще до сихъ поръ не изъявилъ вамъ своей сердечной благодарности. Позвольте мнѣ, для успокоенія моей совѣсти, изъяснить вамъ эту загадку; это объясненіе будетъ въ тоже время грустнымъ признаніемъ и напомнитъ вамъ о томъ мѣстѣ въ Жилблазѣ, гдѣ онъ докладываетъ архіепископу Толедскому, исполняя его приказаніе: monseigneur, plus d'homélies, и за эту искренность архіепископъ выгоняетъ его изъ своей службы. Въ настоящемъ обстоятельствѣ я играю роль и архіепископа, и Жилблаза: принужденъ отъ самого себя выслушать досадную правду, а самого себя выгнать изъ моей службы не могу. «Что за чепуха!» скажете вы, читая эти строки. Къ несчастію, не совсѣмъ чепуха; вотъ въ чемъ дѣло. Получивъ черезъ генерала Ушакова отъ вашего имени карту Венгріи, бывшую съ вами въ вашемъ знаменитомъ походѣ, я обрадовался и дорогому подарку, который будетъ храниться въ семействѣ моемъ, какъ представитель и свидѣтель славнаго времени и чуднаго событія, и случаю побесѣдовать съ моею Музою и проскакать по старой дорогѣ на старомъ моемъ пріятелѣ Пегасѣ. И подлинно, лучшаго случая для лирическаго вдохновенія мнѣ не

дождаться. Самый видъ этой измятой и замаранной карты есть уже поэзія! Эти сгибы, эти пятна говорятъ о трудныхъ походахъ, о военныхъ трудахъ, о бивакахъ; а когда глядишь на эти листы, исчерченные линіями, вѣтвями рѣкъ и дорогъ, тебѣ мечтается широкая, магическая сѣть, раскинутая по цѣлому краю могучимъ Русскимъ великаномъ, чтобы захватить въ нее цѣлую армію, возмутившуюся противъ Кесаря, ею почти побѣжденнаго. Все это представилось моему воображенію при видѣ вашей Венгерской карты, и я, пригласивъ мою старушку Музу на поэтическое свиданіе, велѣлъ осѣдлать Пегаса, чтобы выѣхать на встрѣчу къ своей давнишней знакомкѣ; но знакомка моя не разсудила ко мнѣ пожаловать, а Пегасъ сталъ на дыбы и сбилъ меня съ сѣдла весьма неучтиво. И я послѣ такого жалостнаго паденія принужденъ былъ сказать себѣ съ Жилблазомъ: monseigneur, plus d'homélies! Чтобы все это изъяснить простымъ языкомъ, донесу вашей свѣтлости, что я хотѣлъ написать къ вамъ поэтическое посланіе и началъ писать, но долженъ былъ оставить трудъ свой и теперь уплачиваю вамъ мой поздній долгъ благодарности однимъ признаніемъ моего безсилія выразить эту благодарность такъ, какъ бы въ прежніе годы выразило ее мое бывалое вдохновеніе.

Но если не удалась поэзія, то по крайней мѣрѣ въ прозѣ хочу въ бесѣдѣ съ вашею свѣтлостію повеселить себя воспоминаніемъ о томъ времени, которое провелъ я въ Варшавѣ. Это была чудная минута нашей исторіи, и мнѣ явилась она съ нѣкоторой особенной стороны, съ какой не взглянетъ на нее потомство; я уже не говорю о современникахъ! Современники едва ли что нибудь видятъ ясно. Происшествія кипятъ, бѣгутъ, суются, толкутся и толкаются передъ нашими глазами съ такою быстротою и въ такомъ безпорядкѣ, что никому нѣтъ времени ни для ихъ наблюденія, ни для ихъ оцѣнки. Міръ сдѣлался желѣзною дорогою, по которой мчатся паровозы событій во всѣхъ направленіяхъ; они, какъ призраки, мелькаютъ передъ нами, когда мы съ ними встрѣчаемся, и отъ этихъ встрѣчъ происходитъ подъ часъ ужасная давка. Кому тутъ до спокойнаго наблюденія? Кому до оцѣнки? Кто даже имѣетъ возможность сказать чистую правду? Событія Венгерскаго похода и его чудная развязка уже перешли въ разрядъ давнишнихъ преданій; ни одна изъ газетъ Европейскихъ не сказала о немъ чистой правды, которой одной, безъ всякихъ прикрасъ хвалы, было бы достаточно для славы. У нихъ рука не подымается написать что нибудь въ пользу Россіи; онѣ такъ привыкли на насъ клеветать и видѣть въ насъ записныхъ враговъ Европейской безопасности и гражданственности, что и теперь, когда въ глаза имъ бросается противорѣчащее этому мнѣнію, все поютъ старую пѣсню, все Россія для нихъ есть противникъ всякаго политическаго развитія, представитель абсолютизма, дѣятельный сокрушитель политической ихъ свободы, опасный разбойникъ, ждущій только удобнаго случая, чтобы напасть на нихъ въ расплохъ и ограбить ихъ или уничтожить. Всѣмъ сердцемъ горюю, что я не имѣлъ возможности остаться на нѣсколько времени въ Варшавѣ, дабы, подслушивая животрепещущіе разсказы очевидцевъ, имѣя передъ глазами всѣ документы и слушая

самого знаменитаго вождя, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ такой чудно-чистой славы, описать вѣрно, во всей простотѣ правды, этотъ эпизодъ нашей исторіи. Думаю, что это описаніе мнѣ бы удалось. Теперь объ этихъ славныхъ дняхъ не говоритъ уже никто, хотя немного мѣсяцевъ прошло съ той единственной въ исторіи минуты, какъ Русскій полководецъ, принявъ покорность отъ цѣлой арміи, положившей передъ нимъ оружіе, и примиривъ съ этою арміею ея Императора, повелъ обратно въ отечество полки свои, не оставивъ на пути своемъ ни бѣдъ, ни разоренія; и его доброе войско, совершивъ свой спасительный подвигъ, исчезло какъ призракъ, какъ величественная гроза, только освѣжившая край, посѣщенный ея ужасомъ! Думаю, что не ошибусь, если скажу, что здѣсь главною причиною такого полнаго успѣха была, при великой матеріальной силѣ, мирная энергія Русскаго вождя, который началъ тѣмъ, что завоевалъ довѣренность враждующаго съ нимъ народа, и что съ одной стороны непоколебимость воли Русскаго Царя, который, наблюдая за своимъ войскомъ, всѣми средствами упрочивалъ ему побѣду, отняла всякую надежду на удачу сопротивленія, а съ другой его безкорыстіе, его рыцарская честность, выразившіяся въ самыхъ дѣйствіяхъ его войска, приготовили и совершили такое чудное торжество надъ цѣлымъ бунтующимъ народомъ.

Но это торжество было Русское, и Европа его не оцѣнила по достоинству; единственнымъ и безпристрастнымъ цѣнителемъ былъ Императоръ Австрійскій, котораго свѣтлая, молодая душа прекрасно выразилась въ его рескриптѣ на имя князя Варшавскаго. Общее мнѣніе, когда оно обратится въ закоренѣлый предразсудокъ, становится упрямо до глупости и пріобрѣтаетъ неподвижность пѣтуха, который, если его, положивъ на полъ, притиснешь головою къ полу и отъ носа его проведешь мѣломъ длинную полосу, увѣренный, что онъ привязанъ, пролежитъ до тѣхъ поръ, не шевелясь, пока его сильнымъ пинкомъ не столкнутъ съ мѣста. Такъ неподвиженъ пѣтухъ Германіи въ своемъ о насъ мнѣніи. Дождется онъ сильнаго пинка, который скувырнетъ его съ мѣста, и этимъ пинкомъ по всей вѣроятности угоститъ его честная Англія.

Что сказать о Пальмерстонѣ? Это злой геній нашего времени. Геккеры, Штруве и Генце, всѣ эти грязные политическіе разбойники, на большой дорогѣ грабящіе прохожихъ съ опасностію своей жизни, кажутся мнѣ благородными героями въ сравненіи съ этимъ представителемъ великаго народа. Недавно я читалъ исторію Англійской революціи Маколея; это чтеніе преисполнило меня удивленіемъ къ тому народу, который имѣетъ такую исторію, такихъ историковъ и такое могучее, стройное бытіе политическое. Но къ чему служитъ Англіи ея чудная исторія, ея гражданственность, ея величественная свобода, ея ни въ какомъ,—ни въ древнемъ, ни въ новомъ,—народѣ небывалое могущество, если все это не спасаетъ ея отъ поношенія, въ которое капризная воля одного человѣка, чуждаго всякаго уваженія къ высшей правдѣ, ввергаетъ ее передъ глазами всѣхъ современниковъ на вѣчный упрекъ исторіи и потомства? Судьбы Божіи поставили Ан-

глію на великую степень земнаго могущества. Съ своего недоступнаго острова, оберегаемаго войскомъ кораблей, пріученныхъ повелѣвать моремъ, она властвуетъ великими областями во всѣхъ частяхъ свѣта; въ ней сосредоточиваются всѣ богатства міра, и по всему міру льются потоки ея чудной промышленности. И внутри этого острова царствуетъ благоденствіе (не скажемъ однако ни слова объ Ирландіи): народъ знаетъ, что̀ такое законъ и законность; христіанство, единственный вѣрный источникъ нравственныхъ силъ, еще не опрокинуто безвѣріемъ и дѣйствуетъ сильно на всѣ состоянія; уваженіе власти (не смотря на буйство развратнаго книгопечатанія, съ которымъ усердно борется книгопечатаніе нравственное, сильно поддерживаемое государственными постановленіями) не потрясено; литература богатая, въ которой все образовательное, возвышающее и истинно-просвѣтительное, несказанно превышаетъ буйственное и развратное; устройство семейственности, безопасность всѣхъ неотъемлемыхъ правъ личныхъ, законная свобода частныхъ людей во всей ея хранительной, согласной съ общимъ порядкомъ неограниченности; прочность постановленій, утвержденныхъ на строгой законности въ настоящемъ и на почтительномъ храненіи историческаго прошедшаго, создавшаго и устроившаго это настоящее; уваженіе къ человѣчеству въ сильномъ правительствѣ и проистекающее отъ того уваженіе народа къ правительству, и высокое чувство своего человѣческаго и гражданскаго достоинства въ каждомъ, отъ чего и твердая, ничѣмъ не потрясаемая любовь къ отечеству, оберегающему для всѣхъ такое сокровище— вотъ Англія. Такова ея нравственная и матеріальная сила посреди всѣхъ образованныхъ народовъ. Какая же должна бы быть ея миссія на такой высокой чредѣ, отъ Промысла для нея избранной? Играть на землѣ роль этого небеснаго Промысла и быть могучимъ распространителемъ и охранителемъ не одного собственнаго, но и общаго, всемірнаго благоденствія. Какое чудное, восхитительное назначеніе! И можно ли допустить мысль, чтобы Провидѣніе Божіе для чего инаго даровало такое могущество народу, осыпавъ его всѣми дарами земныхъ благъ, и матеріальныхъ, и духовныхъ? Англіи, стоящей въ головѣ просвѣщенныхъ народовъ, не остается ничего инаго желать, кромѣ высокой чести предводительствовать ихъ благоденствіемъ и, такъ сказать, повелѣвать всему міру быть стройнымъ и спокойнымъ. И то, что̀ теперь творится въ остальной Европѣ, представляетъ ей самый къ тому благопріятный случай. Какъ царица морей, какъ Виргиліевъ Нептунъ, она можетъ, въ смыслѣ всеобщаго блага, сказать бунтующимъ волнамъ Европейскихъ народовъ: Quos ego! Я васъ!—Но что же? Она произноситъ это слово только въ ругательномъ смыслѣ всеобщаго бѣдствія. Не обвиняю еще въ этомъ всемірномъ преступленіи всей благородной націи; послѣдствія скоро намъ скажутъ, оправдываетъ ли она его или нѣтъ. Но на бѣду нашего вѣка и къ безчестію Англійскаго народа, рулемъ ея корабля управляетъ рука, недостойная такой чести и власти. Если бы природа лорда Пальмерстона соотвѣтствовала высотѣ его назначенія, если бы его душа была доступна божественному чувству любви къ

человѣчеству, соединенному съ уваженіемъ Всевышней Воли, скажу болѣе, если бы онъ имѣлъ истинный патріотизмъ, который не можетъ существовать безъ уваженія къ чести народной: корабль Британіи торжественно и спокойно властвовалъ бы морями, подъ флагомъ общаго мира, привѣтствуемый всѣми благословляющими его хранительное шествіе народами. Но этотъ корабль обратился во враждебное судно флибустьеровъ. Англія, при всемъ своемъ народномъ величіи, не иное что, какъ всемірный корсаръ, сообщникъ сперва потаенный всѣхъ мелкихъ разбойниковъ, губящихъ явно и тайно въ другихъ народахъ порядокъ общественный, а теперь и явный разбойникъ, провозглашающій, какъ послѣдній результатъ христіанской цивилизаціи, право сильнаго и безъ стыда поднимающій красное знамя коммунизма посреди государствъ, въ подражаніе грязнымъ толпамъ черни, строющимъ по городамъ баррикады для грабежа во имя свободы. Что̀ видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Какой мятежникъ не былъ признанъ союзникомъ ея правителя? Въ какой землѣ Европы, гдѣ кипѣлъ мятежъ, не были Англійскими деньгами разъярены и награждены уличные, обрызганные кровію герои? Не она ли бросила Швейцарію во власть грабителей-радикаловъ, дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не даютъ вздохнуть свободно Европѣ? Не она ли подала братскую руку разбойнику Кошуту, вопія противъ беззаконнаго притѣсненія, а въ тоже время готовя свой безсовѣстный разбой въ Греціи, въ поруганіе всѣхъ правъ народныхъ и человѣческихъ? Сердце кипитъ отъ негодованія и презрѣнія: отъ негодованія противъ цѣлой націи, дозволяющей такое безстыдное злоупотребленіе силы и такое нарушеніе всякой правды, и отъ презрѣнія къ ея представителю: ибо какъ не презирать человѣка, который, обладая такою властію, не постигъ того величія, которое получилъ отъ Промысла народъ, ему ввѣренный, но съ непонятою, скотскою дерзостію ругается этимъ величіемъ, жертвуетъ имъ для удовлетворенія собственной личной досады и безчеститъ свою націю для нѣкоторыхъ меркантильныхъ выгодъ, которыя, можетъ быть, загромоздятъ гинеями сундуки нѣсколькихъ торгашей, за-то оставятъ на Англіи пятно вѣчнаго поношенія!

Но какое дѣло лорду Пальмерстону до поношенія и отъ современниковъ, и отъ исторіи? Чего добраго, онъ, можетъ быть, еще и гордится своими дѣйствіями въ смыслѣ народнаго блага; онъ, можетъ быть, видитъ въ себѣ мученика за Англію. *Анаѳема цѣлаго свѣта загремитъ противъ меня, и я самъ знаю, что дѣло мое достойно всякаго порицанія: все это принимаю я для пользы моего отечества.* Для какой пользы? Къ билліонамъ славы, которые Англіи даны великими *событіями* ея исторіи, какъ жадный ростовщикъ, ты хочешь *грабежемъ и неправдою* прибавить ничтожный милліонъ *деньгами*, тогда какъ капиталъ твоего отечества долженъ быть пущенъ въ оборотъ на его честь и на благо всемірное. Англія говоритъ тебѣ: упрочь для меня первенство славы между народами; а ты, глухой къ этому вызову,

обкрадываешь народы чужіе и обижаешь свой народъ, хвастая передъ нимъ своею кражею. Повторяю: сердце кипитъ отъ негодованія и презрѣнія. Увидимъ, должно ли это презрѣніе перейти отъ ненавистнаго правителя Англіи на самую его націю? Теперь пока всѣ голоса вопіютъ противъ разбоя: увидимъ, что̀ произведетъ этотъ всеобщій крикъ. Устоитъ ли предъ нимъ недостойный дѣйствователь? Или, какъ это часто случается, крикъ умолкнетъ, новыя происшествія, въ которыхъ наше время такъ изобильно, заслонятъ передъ глазами націи этотъ постыдный актъ ея самовластія, и все успокоится. Нѣсколько торгашей начнутъ, считая свои барыши, благословлять лорда Пальмерстона, который, величаясь своимъ coup d'état, спокойно будетъ продолжать безчестить Англію грабежемъ, и развратомъ, и безстыднымъ ниспроверженіемъ всего, на чемъ основанъ общественный союзъ народовъ.

Увидимъ, какъ стерпитъ это Англія и согласится ли она своимъ безчестіемъ заплатить за выгоды своихъ торгашей и за удовлетвореніе капризовъ своего министра?

Гордо подымается сердце Русскаго, когда, опечаленный взглядомъ на эту отвратительную политику грабежа и безстыднаго эгоизма, онъ обратитъ глаза на дѣйствія своего Государя: какая противоположность между этимъ представителемъ Британской свободы и этимъ самодержавнымъ Русскимъ Царемъ, безкорыстнымъ спасителемъ союзника, и въ немъ порядка Европы!

Обращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ. То, чему я былъ свидѣтелемъ въ Варшавѣ, кладетъ вѣнецъ инаго разряда на это дѣло славы военной, вѣнецъ, котораго не увидитъ исторія. Это видѣніе, такъ сказать, есть моя собственность. Возвращеніе Русскаго полководца изъ Венгріи должно бы быть ознаменовано встрѣчею торжественною, но этой встрѣчи не было: почти инкогнито, въ темнотѣ наступившаго вечера, проѣхалъ по тихимъ, безмолвнымъ улицамъ Польской столицы князь Варшавскій къ своему дому. Тамъ ждалъ его Великій Князь Наслѣдникъ. Императора увидѣлъ онъ безъ свидѣтелей. Отъ чего же была такая тишина, въ такую торжественную минуту? Причина неизъяснимо трогательная: Государь любитъ торжественность, и князь Варшавскій былъ бы имъ встрѣченъ съ торжествомъ необыкновеннымъ; ему бы сладостно было сказать свое царское «благодарю», передъ лицомъ войска и народа, своему полководцу за его дѣло, давшее новую и въ своемъ родѣ небывалую славу Царю и Царству; но все это исчезло передъ скорбію сердца! Прославленный Русскій Царь не отходилъ отъ постели умирающаго брата, котораго минуты были уже сочтены. При слышаніи шаговъ приближающейся смерти, никакой голосъ торжества не могъ быть ему доступенъ; мысли о земномъ блистательномъ величіи исчезали передъ этимъ мрачнымъ величіемъ неизбѣжной, непобѣдимой смерти. Было что-то наполняющее душу глубокимъ благоговѣніемъ въ этой противоположности: съ одной стороны побѣдоносное войско и озаренное его подвигами величіе Царя самодержавнаго, съ другой этотъ тихій уголокъ Бельведерскій, гдѣ мало по малу гасла лампада милой жизни, кото-

рой никакое могущество человѣческое засвѣтить снова уже не было въ силахъ.

Это соединеніе двухъ даяній свыше—даянія силы и славы, разительныхъ своимъ блескомъ, и даянія великой скорби, передъ которой всякая земная слава исчезаетъ, но которая сообщаетъ душѣ безутратное величіе смиренія передъ высшею силою: вотъ что представилось глазамъ моимъ. Въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Варшаву, я имѣлъ возможность увидѣть Государя Императора. Пріѣхавъ въ Лазенки, чтобы явиться къ Его Высочеству Наслѣднику, я не нашелъ Его дома; мнѣ сказали, что Онъ у больнаго великаго князя вмѣстѣ съ Государемъ; скоро потомъ говорятъ мнѣ, что Онъ и Государь идутъ пѣшкомъ и уже близко. Я сталъ тамъ, у всхода на лѣстницу, чтобы увидѣть Государя, и какъ повернулось въ груди моей сердце, когда я увидѣлъ его, блѣднаго, со впалыми щеками, идущаго тихо, усталымъ шагомъ. Я увидѣлъ не торжествователя, полнаго чувствомъ новой славы, а бѣднаго мученика, въ которомъ скорбь по умирающемъ братѣ умертвила всякое другое чувство. И эта пытка продолжалась для него болѣе десяти дней. Не было часа покойнаго; безпрестанно извѣщали его, что смертная минута наступила, и онъ спѣшилъ къ постели умирающаго; но смерть не давалась милому страдальцу: она какъ будто щадила его для послѣдняго свиданія съ женою и дочерью, и онѣ имѣли горестную отраду! На одно мгновеніе и мнѣ удалось увидѣть его. Этой минуты никогда не забуду. Двери спальни были отворены; священникъ тихо читалъ отходную; у постели стоялъ сокрушенный Императоръ; великой княгини я не видалъ, видѣлъ дочь, которая, неподвижная, блѣдная, глубоко-горестная, но неплачущая, стояла у изголовья, опустивъ глаза на тихую голову отца, глубоко втиснутую въ подушку. Чрезъ часъ его не стало. Живой кусокъ оторвался отъ братняго сердца. Онъ потерялъ друга, товарища жизни отъ самой колыбели, вѣрнѣйшаго подданнаго, котораго честности могъ ввѣриться во всякое время безъ оглядки. И какъ тяжела была эта потеря для всѣхъ, которые близко знали эту простую, здоровую, полную нѣжности, чуждую всякаго притворства, правдивую и истинно благородную душу. Вечеромъ этого дня я видѣлъ Государя въ минуту его отъѣзда; когда онъ сѣлъ въ коляску и когда коляска, удаляясь отъ ярко освѣщеннаго крыльца, исчезла въ темнотѣ ночи, мнѣ стало по немъ несказанно грустно: онъ въ эту минуту показался мнѣ какъ будто осиротѣлымъ. Чтò чувствовало его бѣдное сердце въ уединеніи этого ночнаго мрака, въ которомъ ничто не могло отвлечь его отъ овладѣвшаго имъ горя и оторвать его мысли отъ смертной постели, на которой лежало бездыханное тѣло брата! Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ упорныхъ порицателей не видалъ въ это время нашего Государя; онъ получилъ бы вѣрное понятіе не только о его нравственномъ характерѣ, но въ тоже время и о необходимомъ характерѣ его политики, въ которой чисто человѣческое и святое нравственное не подавлено разсчетами такъ называемой государственной пользы, столь часто оправдывающими вопіющую къ Небу неправду, которой

элементъ есть честность и уваженіе установленнаго права. Не тронь меня, я никогда не трону, я никогда не войду въ союзъ съ мятежемъ и своей личной выгодѣ никогда не пожертвую справедливостію.

Сіи правила, которыхъ Русскій Императоръ непоколебимо держался съ самаго начала своего царствованія, составляютъ разительную противоположность съ политикою нынѣшняго правителя Англіи. Но куда приведетъ, наконецъ, эта ненавистная политика? Спрашиваю мудрыхъ правителей Англіи: вы, представители народа, въ которомъ общественное образованіе дошло до величайшаго развитія, слѣдственно вы, глубже всѣхъ проникшіе въ тайну самого общества, скажите, какъ понимаете вы земное значеніе человѣческаго рода? Къ чему идетъ оно? И къ чему вы, стоящіе впереди, ведете его? Къ тому ли только, чтобъ онъ обратился въ подвластную одной Англіи толпу работниковъ на ея торгашей и сдѣлался всемірною Ирландіею, гдѣ, въ виду благоденствующей Англіи, народъ гибнетъ тѣлесно отъ голода и нравственно отъ буйства и разврата? А изъ того, что̀ недавно случилось предъ нашими глазами, необходимо должно заключить, что таковы замыслы Англіи на остальной міръ. Теперь ни въ одномъ приморскомъ городѣ, гдѣ бы онъ ни находился, никто не можетъ спать спокойно; надъ всѣми народами виситъ мечъ Дамоклесовъ Англійскаго самовластія. Конечно, Англія не можетъ ласкаться надеждою, чтобы государства Европы съ смиреніемъ и покорностью позволили ей повѣсить этотъ мечъ надъ ихъ головами. Но что̀ изъ этого выйдетъ? Всемірное возстаніе, которое теперь уже выражается въ ненависти всеобщей. Правда, чтобы предупредить это возстаніе, Англія напередъ парализируетъ всякое сопротивленіе, возбуждая повсюду мятежъ и разрушая вездѣ внутренній порядокъ. Но опять повторяю, что̀ далѣе? Положимъ, что Англіи удалось опрокинуть все, что̀ не ея островъ, и разрушить всякое, не ей принадлежащее, благоденствіе. Это будетъ не иное что, какъ въ большомъ размѣрѣ торжество того коммунизма, который въ маломъ объемѣ проповѣдуется Прудонами, Штруве и прочими. Роль пролетаріевъ въ лохмотьяхъ, которые рвутся завладѣть чужимъ достояніемъ, провозглашая великій догматъ: la propriété c'est le vol, хочетъ взять на себя могучая и богатая Англія, проповѣдуя всеобщее равенство, т. е. всеобщую подчиненность ея силѣ. Положимъ, что она успѣла провесть свой кровавый уровень надъ всѣми народами, и что она, отрубивъ имъ головы на своей всемірной гильотинѣ, благодаря своей необъятной матеріальной силѣ и своему столь же необъятному презрѣнію къ святости правъ народныхъ, будетъ одиноко властвовать терроризмомъ на сценѣ міра—чѣмъ, опять повторяю, это должно кончиться? Безъ сомнѣнія явленіемъ казнителя Наполеона, который сокрушитъ это зданіе неправды, безумства и эгоизма. Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто языческаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. Исторія представляетъ намъ безпрестанно торжество могучей неправды, но торжество это одна фантасмагорія, одно временное, блестящее привидѣніе, не имѣющее никакого вѣчнаго бытія и жизни. Исторія въ

настоящемъ смыслѣ своемъ есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ; эта историческая аксіома не терпитъ исключеній, если только мы въ исторіи будемъ останавливаться не на одной минутѣ настоящаго, а на сцѣпленіи всѣхъ вѣковъ ея. И этотъ новый Римъ (если только удастся ему построить свое міровладычество) будетъ имѣть своихъ Кесарей, которые опозорятъ его своимъ унизительнымъ тиранствомъ, онъ будетъ имѣть свое нашествіе варварскихъ народовъ; но это нашествіе совершится инымъ путемъ. Смотря на то, что̀ происходитъ предъ нами, мы уже можемъ сказать, что свобода Англіи начинаетъ гибнуть; уже для нея началась постыдная эпоха тиранства Кесарей. Какой Калигула такъ самовластвовалъ въ древнемъ Римѣ и такъ безчестилъ свой народъ, какъ этотъ министръ, который, оставляя пока въ покоѣ и личную свободу, и постановленія государственныя, тиранствуетъ народною честію и съ своего конституціоннаго престола, охраняемаго преторіанцами партій, бьетъ и рѣжетъ ея истинное бытіе, ея нравственность государственную, а съ нею и нравственность всѣхъ и каждаго? Нашествіе варваровъ произойдетъ въ Англіи не извнѣ, а извнутри ея. Нельзя дѣйствовать беззаконно на внѣшность, не разрушая чувства законности внутри. Одинъ и тотъ же народъ (и кольми паче народъ, пріученный своею цивилизаціею все обсуждать собственнымъ разумомъ) не можетъ въ одно и тоже время вѣрить въ правду относительно себя, и оправдывать ея нарушеніе относительно другихъ. Эта отрава, вдыхаемая изъ внѣшняго воздуха, необходимо должна пройти во внутренность собственнаго тѣла и его заразить смертельно. Благоденствіе и могущество Англіи стоятъ на всеобщемъ чувствѣ законности въ ея народѣ, въ которомъ никакой другой народъ съ нимъ до сихъ поръ не могъ сравниться; потерявъ это сокровище, Англія утратитъ въ немъ главный элементъ своей высокой жизни, и нашествіемъ варваровъ, которые разорвутъ на части этотъ Римъ, будутъ пороки его народа, воспитанные въ немъ эгоизмомъ его правительства, которое, уничтоживъ въ немъ чувство законности своими беззаконными дѣйствіями въ пользу личнаго своего честолюбія, приготовило его къ неизбѣжному самоубійству.

Когда Ѳемистоклъ замыслилъ сжечь союзный Греческій флотъ, чтобы дать Аѳинамъ владычество надъ морями, Аристидъ, котораго суду былъ преданъ этотъ дерзкій замыселъ его соперника, сказалъ передъ народомъ: ничто для Аѳинъ не можетъ быть выгоднѣе Ѳемистоклова предложенія, но и ничто не можетъ быть несправедливѣе. Народъ повѣрилъ Аристиду и даже не захотѣлъ узнать, въ чемъ состояло предложеніе сего славнаго вождя въ Саламинской битвѣ. То была самая великая минута Аѳинскаго народа; послѣ сила его обезумѣла, нравственность погибла. Послѣдствія намъ извѣстны. Лордъ Пальмерстонъ не Ѳемистоклъ, между нимъ и великимъ мужемъ древней Греціи нѣтъ никакого сравненія; но беззаконность замысловъ, исполненію которыхъ положено начало на томъ же пунктѣ,

гдѣ нѣкогда были отвергнуты замыслы Ѳемистокла, несравненно ихъ беззаконнѣе, именно потому, что они принадлежатъ міру христіанскому и противорѣчатъ всѣмъ правамъ народнымъ, о которыхъ не было понятія въ вѣкъ Ѳемистокла. Увидимъ, осудитъ ли Аристидъ Англіи подражателя Ѳемистоклу и какъ приметъ Англія совѣтъ своего Аристида, уже отчасти выраженный голосомъ нѣкоторыхъ изъ ея благороднѣйшихъ, уважающихъ честь народную, публицистовъ.

Но какъ ни оскорблено сердце тѣмъ, что̀ случилось, нельзя допустить мысль, чтобы Англія, христіанская Англія, самое устроенное изъ всѣхъ государствъ, образцовый народъ между народами, съ равнодушнымъ эгоизмомъ оправдала дѣйствія своего министра. Можетъ ли она быть ренегатомъ своей славы, ругателемъ своего величія, дорого купленныхъ вѣковыми борьбами и подвигами ея великихъ людей, которыми такъ ярко сіяетъ ея исторія, которые (одни на полѣ крови, другіе въ святилищѣ законодательства, третьи на поприщѣ науки) предали ей въ жертву свою жизнь и завоевали для нея то высокое достоинство, которымъ такъ украшено ея бытіе народное? Кто лучше Англіи долженъ теперь видѣть (особенно послѣ бурь, которыя въ наши дни потрясли человѣческое общество), что времена завоеваній и хищничества, наконецъ, также точно, какъ вулканическія допотопныя созданія въ мірѣ физическомъ, миновались; что истинное благоденствіе народовъ не въ распространеніи границъ, не въ матеріальномъ нагроможденіи богатства, а въ богатствѣ нравственномъ, въ умѣренности и порядкѣ, какъ говоритъ І. Миллеръ, т. е. (какъ бы долженъ былъ сказать великій историкъ) въ сохраненіи правды Божіей. Теперь настало время перемѣнить основныя правила политики и опереть ее не на языческихъ понятіяхъ метафизическаго государства, а на христіанскихъ понятіяхъ Царства Божія, въ которомъ нѣтъ враговъ, а есть одинъ союзъ народовъ для общаго благоденствія. Всѣ борьбы для утвержденія безопасности политической кончились. Теперь всякая война въ угожденіе честолюбію и хищничеству, всякая политическая война (кромѣ войны противъ губителей нравственности и общественнаго порядка) есть безумство и безполезное преступленіе. Настала пора воздвигнуть знамя любви христіанской и соединиться подъ нимъ въ одну рать для охраненія общаго благоденствія.

Романъ, романъ! скажетъ эгоистъ въ политикѣ. Такъ, романъ; но романъ потому, что вы, распорядители судьбы народовъ, провозглашаете романомъ существенное; романъ потому, что принято за правило не признавать ничего иного существеннымъ, кромѣ настоящей, ощупываемой рукою выгоды, и что, служа въ настоящемъ одному Молоху, такъ называемой *государственной пользѣ*, приносятъ ему въ жертву святыню вѣчной правды; романъ потому, что уловимое, видимое въ настоящемъ, ласкающее честолюбію или корысти кажется существеннѣе того невидимаго, вѣчно существующаго, которое одно хранитъ, образуетъ и бережетъ чистоту народовъ; романъ потому, что ослѣпительный, быстро исчезающій фейерверкъ настоящаго предпочитается тайно разлитому повсюду живительскому воздуху, котораго бытіе вы отрицаете, но безъ котораго ни дышать, ни жить

невозможно; романъ потому, что еще не догадались, что существующій Богъ есть Богъ живой, а не пантеистическій призракъ, и что Онъ вольный хозяинъ въ своемъ созданіи, что во всякій мигъ Своей вѣчности Онъ, на всякомъ пунктѣ Своего необозримаго созданія, всѣмъ бытіемъ Своимъ присутствуетъ и произвольно заботится о каждомъ атомѣ Своего безпредѣльнаго міра, и что, наконецъ, вамъ пора съ покорностію очистить принадлежащее Ему мѣсто въ совѣтѣ человѣческаго міроправленія, гдѣ впрочемъ Онъ и безъ позволенія правителей соприсутствуетъ, содѣйствуя одной ихъ правдѣ и казня ихъ неправду, или ея ниспроверженіемъ въ неровной съ Нимъ борьбѣ, или еще чаще ея собственнымъ постыднымъ успѣхомъ.

Но письмо мое сдѣлалось длинно до безконечности. Скажу въ заключеніе: сохрани намъ Богъ нашего могучаго Царя! Онъ представитель прямодушія въ политикѣ; на этомъ основаніи мы стоимъ твердо и устоимъ долго. Россія имѣетъ передъ собою несказанное будущее; если она пойдетъ, безъ спѣха и безъ скачковъ, путемъ указаннымъ ей ея исторіею, она дойдетъ къ благоденствію самобытному, независимо отъ Европы, которая хочетъ ее оттолкнуть въ Азію. Она не будетъ ни Европа, ни Азія; она будетъ Россія, особенный міръ отъ всѣхъ отдѣльный, внутренно стройный, извнѣ недоступный.

Прибавлю въ заключеніе: сохрани Богъ Царю и Царству надолго знаменитаго вождя, который своими подвигами внесъ огромный вкладъ въ капиталъ отечественной славы! Дай Богъ еще долго этому вождю, обдержанному въ бояхъ булату, какъ говорилъ Державинъ, въ силѣ жизни, отдыхать на своихъ лаврахъ и во дни дѣятельнаго покоя поминать съ веселіемъ о дняхъ минувшихъ, о дняхъ богатырскихъ, въ которые, гуляя по царству Митридата съ храбрымъ Русскимъ войскомъ, онъ Русскою трубою пробуждалъ эхо, отвѣчавшее трубамъ Римскихъ легіоновъ, и бивакировалъ у подошвы Арарата, въ виду второй колыбели человѣческаго рода.

Прошу вашу свѣтлость простить мнѣ мою болтовню и мое длинное письмо; смѣю даже надѣяться, что вы порадуете меня двумя строчками отвѣта.

Сообщено П. А. Ефремовымъ.

*

Мысли, выраженныя В. А. Жуковскимъ въ этой запискѣ, замѣчательнымъ образомъ совпадаютъ съ убѣжденіями покойнаго А. С. Хомякова въ извѣстномъ его письмѣ объ Англіи и въ его вѣщемъ стихотвореніи:

Но за то что ты лукава,
Но за то что ты горда,
Что тебя мірская слава
Выше Божьяго суда:
Для тебѣ, морей царица,
Часъ придетъ. . . . .

Хомяковъ писалъ это слишкомъ за десять лѣтъ до Записки Жуковскаго. Оба поэта, независимо другъ отъ друга, пришли къ одному и тому же. П. Б.

О собирателѣ рукописей Дубровскомъ.

Петръ Петровичъ Дубровскій долгое время служилъ секретаремъ при миссіи нашей въ Парижѣ. О немъ упоминаетъ въ Запискахъ своихъ графъ Бобринскій, часто съ нимъ видѣвшійся во время пребыванія своего въ Парижѣ (Р. Архивъ 1876, кн. III-я). Дубровскій оставался въ Парижѣ и въ эпоху революціи 1789 года; но, какъ видно изъ письма его къ А. Н. Оленину, прилагаемаго ниже, онъ покинулъ Парижъ до террора и правленія Робеспьера. Пользуясь смутнымъ временемъ и всеобщимъ бѣгствомъ знатныхъ фамилій, Дубровскій за безцѣнокъ покупалъ рукописи изъ извѣстныхъ въ то время Парижскихъ библіотекъ, замѣчательныя какъ въ палеографическомъ отношеніи, такъ и съ художественной стороны. Рукописи эти были Дубровскимъ уступлены въ Императорскую Публичную Библіотеку, откуда большая часть ихъ, особенно же тѣ, которыя украшены миніатюрною живописью, поступила, вслѣдствіе библіографическаго обмѣна, въ Императорскій Эрмитажъ. Нижеслѣдующія бумаги найдены нами въ архивѣ князя Н. В. Репнина, которому они достались отъ его прадѣда графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, бывшаго министромъ народнаго просвѣщенія съ 1810 по 1816 годъ. А. В.

Письма Дубровскаго къ А. Н. Оленину.

I.

Превосходительный господинъ, милостивый государь!

Я имѣлъ честь быть удостоеннымъ получить отъ вашего пр. запросъ на соглашеніе докладной записки, имѣвшей быть представленною къ Государю Императору; въ то самое время я обязанностію моею счелъ не замедлить скорымъ моимъ отвѣтомъ и на оный надѣялся получить извѣстіе.

Благодѣтельныя и начальничія в. пр. обо мнѣ представленія увѣряютъ меня о непремѣнномъ событіи представленія и полученія милости Монаршей. Но какъ протекло уже нѣсколько сроковъ, въ которые надѣялся я получить радостное для меня сіе событіе и не получая онаго, крайне симъ безпокоюсь, притомъ въ такое время, когда болѣзнь разстроила мое здоровье: мысль сія болѣе и болѣе увеличиваетъ болѣзненно мои припадки. Я, будучи увѣренъ въ милостивомъ вашемъ ко мнѣ расположеніи, рѣшился всепокорнѣйше просить в. пр. не оставить меня вашимъ увѣдомленіемъ, какой ко-

нецъ послѣдовалъ предпріятію доклада обо мнѣ Государю Императору и могу ли я надѣяться на милость Монаршую.

Но поелику болѣзнь моя привела меня въ такое разслабленіе, что я сомнѣваюсь получить выздоровленіе, то дабы сестры мои, не имѣющія никакого состоянія, не могли имѣть особенныхъ безпокойствъ въ пріисканіи суммы нужной для преданія тѣла моего землѣ, я прошу в. пр. употребить благодѣтельное стараніе ваше исходатайствовать на сей случай ту сумму 2800 рубл. сер., которую употребилъ я на перевозку книгъ изъ Парижа въ Гамбургъ и оттуда въ Петербургъ. Касательно же получаемаго мною пенсіона 3000 р. асс., половину или часть онаго обратить бѣднымъ, престарѣлымъ двумъ роднымъ моимъ сестрамъ Маріи Чулошниковой [1]) и Софіи Шенгелидзевой [2]), кои никакого состоянія не имѣютъ и въ крайней находятся бѣдности. Случай сей благодѣтельнаго вашего ходатайства заставитъ меня помѣщенную въ душѣ моей благодарность понести вмѣстѣ съ моею жизнію.

СПБ. 17 Марта 1812.

II.

Превосходительный господинъ, милостивый государь!

Вчерашній день имѣлъ я честь получить письмо в. пр. съ копіею проэкта докладной записки, доставленной отъ е. с. г. министра просвѣщенія графа Алексѣя Кириловича. Проэктъ сей записки удостовѣряетъ меня, сколько в. пр. изволите имѣть начальническаго вашего ко мнѣ благорасположенія; для того первымъ долгомъ считаю принести мою благодарность, а потомъ, согласно предписанію вашему, объяснить слѣдующее. Хотя приключившаяся мнѣ болѣзнь отъ безпрестанныхъ безпокойствъ и принуждала меня вовсе разстаться съ должностію хранителя Депо Манускриптовъ, пожалованною мнѣ Государемъ Императоромъ въ дополненіе прочихъ наградъ Монаршихъ, но обѣщаніе мое въ то самое время, а притомъ и пристрастіе налагаютъ на меня обязанность не разлучаться съ собранною мною и пожертвованною коллекціею по конецъ жизни. Ободряясь моимъ пристрастіемъ и усердіемъ, льщу себя еще надеждою, что съ продолженіемъ моей службы рвеніе мое и попечительность будутъ приносить подобныя полезности. Почему неблагоугодно ли будетъ в. пр. учредить отставку мою такимъ образомъ, чтобы я, какъ первый основатель Депо Манускриптовъ, считался навсегда при немъ почетнымъ хранителемъ, чему есть многіе примѣры въ Германіи и Англіи, сдѣланные въ честь основателей? Притомъ же я буду всегда нуженъ для объясненій историческихъ многихъ манускриптовъ, которые другому извѣстны быть не могутъ. Касательно назначенной мнѣ пенсіи 2000 р. сер. въ замѣнъ той, которую теперь имѣю, жалованья 1200 р. и казенной квартиры, я имѣю честь объяснить,

---

[1]) Марія Петровна Чулошникова, вдова майора.

[2]) С. П. Шенгелидзева, вдова надворнаго совѣтника.

что та сумма хотя и кажется быть довольною по нынѣшнему курсу на ассигнаціи, но когда сіи послѣднія прійдутъ въ настоящее достоинство, то я буду терять цѣлую треть настоящей моей пенсіи. Избѣгая сего невѣрнаго оборота, я держусь моей старой пенсіи, какъ пожалованной уже по смерть мою. Если же угодно будетъ Е. И. В. къ оной еще прибавить 1000 р. сер. за новое пожертвованіе рукописей, дополняющихъ мою коллекцію, за потерю моего жалованья и казенной квартиры, за право, по которому имѣю я просить за 38 лѣтнюю безпорочную службу, засвидѣтельствованную аттестатами, то я прійму сію новую награду и милость Монаршую съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, и таковыя щедроты Е. И. В., посредствомъ в. пр. предназначенныя, дадутъ мнѣ право болѣе и болѣе усугубить мою признательность, въ соотчичахъ же нашихъ зародятъ благородное поревнованіе провозить изъ чужихъ краевъ, вмѣсто богатыхъ гардеробовъ, кружевъ, фарфоровыхъ сервизовъ и пр., разные предметы учености, обогащающіе науки и художества.

Я также предоставляю на волю Монаршую понесенные мною убытки за доставленіе рукописей изъ Парижа въ Гамбургъ и оттуда въ Петербургъ, простирающіеся до 2800 р. сер., равномѣрно какъ и сумму 5000 р. асс., употребленную на исправленіе пожалованной мнѣ въ дополненіе Монаршихъ милостей казенной квартиры. Я, согласно воли е. с. г. министра графа Алексѣя Кириловича, безотговорочно переѣхалъ на наемную квартиру, въ надеждѣ получить издержанную сумму и квартирныя деньги, которыхъ по сей день не получалъ, хотя мнѣ и обѣщано самимъ министромъ. Чтожъ касается до коллекціи книгъ, остающейся по днесь въ Парижѣ, подъ надзоромъ Датскаго посланника, какъ я не имѣю подробныхъ о ней свѣдѣній, изъ чего она состоитъ нынѣ, то и не могу рѣшительно ничего обѣщать, не будучи увѣренъ, въ цѣлости ли она, или уже повреждена гнилостію и что въ ней расхищено во время Робеспьера? О другихъ же милостивыхъ начертаніяхъ, помѣщенныхъ въ проэктѣ докладной записки, я не могу ничего прибавить какъ повтореніе моей искренней благодарности и глубочайшаго высокопочитанія и преданности.

СПБ. Апрѣля 7-го дня 1812 г.

Записка о хранителѣ Депо Манускриптовъ г. коллежскомъ совѣтникѣ Дубровскомъ.

По кончинѣ главнаго директора Императорской Публичной Библіотеки графа А. С. Строгонова, помощникъ его тайный совѣтникъ Оленинъ, бывъ переименованъ въ директоры означенной библіотеки, съ симъ званіемъ вступилъ въ права главнаго директора въ отношеніи къ управленію Императорскою Публичною Библіотекою; а потому и хранитель Депо Манускриптовъ, состоящій прежде сего подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ главнаго директора, поступилъ подъ общее управленіе директора. По сему поводу предписано было т. с.

Оленину отъ главнаго начальства Императорской Библіотеки войти немедленно въ подробное разсмотрѣніе имѣющихся въ депо рукописей, сдѣлавъ онымъ строгую повѣрку. Вслѣдствіе сего, директоръ нарядилъ 7 чиновниковъ изъ числа библіотекарей и ихъ помощниковъ для скорѣйшаго произведенія сей повѣрки въ дѣйствіе; но, со всѣмъ тщаніемъ означенныхъ чиновниковъ, предположенная повѣрка продолжалась однакожъ безпрерывно, даже и въ праздничные дни, 3 мѣсяца съ $^1/_2$, а именно: съ 14 Ноября 1811-го по 2 Марта нынѣшняго года. По сей повѣркѣ открылось (какъ то значитъ въ подробномъ рапортѣ директора), что хотя общаго и полнаго каталога хранящимся въ депо рукописямъ по сіе время не было сдѣлано, но по старымъ однакожъ сдаточнымъ каталогамъ или росписямъ, также и по изготовленнымъ хранителемъ карточкамъ для составленія общаго каталога, нынѣ имѣется въ Депо Манускриптовъ до 11,008 №№ и 35 связокъ, и что существеннаго по сей повѣркѣ недостатка ни въ какой части не оказалось. Въ числѣ же сихъ номеровъ собственно принадлежавшая г. Дубровскому коллекція рѣдкихъ и весьма драгоцѣнныхъ рукописей простирается до 1065 №№ и составляетъ дѣйствительно любопытнѣйшее отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки. При сей повѣркѣ хранитель Депо Манускриптовъ неоднократно объявлялъ директору, что часть его коллекціи (которой представленъ былъ каталогъ Его Императорскому Величеству за подписаніемъ покойнаго графа Строгонова) была оцѣнена въ Англіи въ 7000 гиней; но что онъ не токмо сію часть, но и партію рукописей послѣ сего имъ полученныхъ, и ту часть, которая еще осталась въ Парижѣ въ рукахъ Датскаго посольства (при коемъ былъ тогда г. Дреперъ), однимъ словомъ, полную свою коллекцію подноситъ Государю Императору и что, считая себя конечно награжденнымъ за перво-поднесенныя имъ рукописи полученіемъ за то чина надворнаго совѣтника, опредѣленіемъ хранителемъ въ Депо Манускриптовъ, единовременною ему выдачею 15,000 р., пожалованіемъ пенсіи въ 3000 р. въ годъ, жалованіемъ по 1200 р. и ордена св. Анны 2-го класса, равнымъ образомъ и отведеніемъ ему квартиры въ самомъ домѣ Императорской Публичной Библіотеки (которую онъ почиталъ какъ неотъемлемою своею собственностію), за всѣми вышесказанными возмездіями, не можетъ онъ однакожъ умолчать, что нынѣ, лишась сей квартиры, теряетъ онъ болѣе 5000 р., употребленныхъ имъ на разныя въ ней подѣлки, что наемъ новой квартиры при недостаточномъ его состояніи крайне его отягощаетъ, что доставленіе второй партіи его рукописей стоило ему болѣе 2800 р., которые ему не были заплачены и что, наконецъ, по упадку курса, пенсія ему данная въ 1805 г. и составлявшая тогда 2000 р. сер. (что̀ нынѣ можетъ равняться 8000 рублямъ ассигнаціоннымъ) совершенно сдѣлалась несоразмѣрною капиталу имъ пожертвованному при поднесеніи первой партіи его рукописей, а кольми паче тому, въ которомъ вообще заключается вся его коллекція, какъ здѣсь, такъ и въ Парижѣ отчасти еще находящаяся. Сверхъ того, по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, слѣдовалъ бы ему и чинъ статскаго совѣтника.

Отдавая всю справедливость умѣнію г. Дубровскаго въ собраніи столь драгоцѣнныхъ рукописей и похваляя въ полной мѣрѣ поднесеніе оныхъ на пользу отечества, нельзя однакожъ умолчать, что познанія его по части палеографической и вообще по ученой части совсѣмъ не соотвѣтствуютъ драгоцѣнности поднесенныхъ имъ рукописей и свѣдѣніямъ необходимо нужнымъ по званію его хранителя Депо Манускриптовъ, въ чемъ и главное начальство Императорской Публичной Библіотеки неоднократно, по личному испытанію, имѣло уже случай удостовѣриться. Хотя же г. Дубровскій поистинѣ и не имѣетъ права требовать отличнаго награжденія по службѣ его при Депо Манускриптовъ, но неоцѣненная коллекція рукописей, имъ поднесенная и составляющая истинное и драгоцѣннѣйшее украшеніе Императорской Публичной Библіотеки, заслуживаетъ особеннаго Монаршаго вниманія, а потому опредѣленіе ему пенсіи по 2000 р. сер. и пожалованіе ему бриліантовыхъ знаковъ ордена Св. Анны 2-го класса, съ нѣкоторымъ возмездіемъ за убытки имъ понесенные при переходѣ его въ наемную квартиру, будутъ уже по всей справедливости достаточнымъ и полнымъ вознагражденіемъ за поднесенную имъ драгоцѣнную коллекцію, при увольненіи его отъ нынѣ занимаемой имъ должности по Императорской Публичн. Библіотекѣ. Здѣсь должно замѣтить, что предназначаемая г. Дубровскому нынѣ въ пенсіонъ сумма 2000 р. сер., по возвышенію курса, хотя можетъ показаться слишкомъ великою по званію его наградою, но если взять въ соображеніе получаемое имъ жалованье по 1200 р., пенсіонъ въ 3000 р. асс. и казенную квартиру и дрова, которыя онъ прежде имѣлъ въ самомъ домѣ библіотеки, то все сіе гораздо превышаетъ полагаемый нынѣ пенсіонъ по 2000 р. сер., который уже будетъ онъ получать въ замѣнъ всѣхъ вышеизъясненныхъ ему возмездій. Чтожъ касается до просьбы г. Дубровскаго о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ статскаго совѣтника, то сіе обстоятельство предается на Высочайшее благоусмотрѣніе съ тѣмъ, что не соизволитъ ли Его Императорское Величество, единственно по важности сдѣланнаго г. Дубровскимъ пожертвованія на пользу отечества, удостоить его не въ примѣръ другимъ и сей высоко монаршей милости.

*

Въ архивѣ князя Н. В. Репнина сохранилась другая редакція тойже записки подъ заглавіемъ: «Проэктъ докладной записки о хранителѣ Депо Манускриптовъ г. к. с. Дубровскомъ». Въ редакціи этой пропущено все касающееся до неспособности Дубровскаго и добавлено, что Дубровскій изъявилъ министру желаніе, по слабости здоровья, получить отъ службы при библіотекѣ отставку съ награжденіемъ за всѣ убытки. «Министръ», сказано далѣе, «рѣшился уволить его отъ службы съ тѣмъ, чтобы въ возмездіе всѣхъ его пожертвованій исходатайствовать Дубровскому у Государя Императора: 1) брилліантовые знаки св. Анны 2-го класса; 2) чинъ статскаго совѣтника; 3) вмѣсто пенсіи, жалованья и квартиры, пенсію въ 2000 рубл. сер.; 4) за провозъ второй партіи рукописей единовременно 2800 рубл. и 5) достаточную сумму въ вознагражденіе за убытки понесенные при перемѣнѣ квартиры».

(Сообщено А. А. Васильчиковымъ).

Похожденія монаха Палладія Лаврова.

(Изъ подлиннаго о немъ дѣла).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1778 года, неизвѣстный мужчина, повидимому не совсѣмъ трезвый, вошелъ въ комнату одной изъ камеръ-юнгферъ въ Зимнемъ дворцѣ. Когда стали его выгонять, онъ поднялъ шумъ и брань. Дали знать на гауптвахту, и неизвѣстный былъ арестованъ.

Въ Тайной Экспедиціи онъ показалъ нижеслѣдующее. Дѣдъ его, Михаилъ Кондратьевъ Лавровъ, былъ изъ дворянъ и служилъ въ городѣ Ельцѣ, въ Приказной Избѣ старостою, а потомъ воеводою; отецъ его, Степанъ Михайловъ Лавровъ, служилъ въ Военной Коллегіи секретаремъ, отставленъ изъ оной маіоромъ и опредѣленъ въ Тамбовъ къ подушному сбору, гдѣ и умеръ. Самъ же онъ, Платонъ Степановъ Лавровъ, еще при жизни отца, поступилъ въ солдаты, въ Семеновскій полкъ, въ 1748 г., гдѣ и служилъ съ 13-ти лѣтъ, а въ 1761 году выписанъ въ армейскій Великолуцкій пѣхотный полкъ. Въ 1763 году онъ ѣздилъ на полгода въ отпускъ, къ брату своему Андрею, неслужащему дворянину, въ Козловскій уѣздъ; но по окончаніи срока заболѣлъ въ Москвѣ и просился въ отставку, но его не уволили, а перевели въ Коломенскій гарнизонъ и затѣмъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Здѣсь, черезъ годъ, Лавровъ былъ произведенъ изъ солдатъ въ сержанты; но какъ ему не на что было купить для мундира позумента, и онъ былъ заподозрѣнъ въ проигрышѣ данныхъ ему на то денегъ, то полковникъ разжаловалъ его опять въ солдаты. Черезъ 8 мѣсяцевъ Лаврова снова произвели въ прапорщики, а въ 1766 году, по праву дворянина, вышедъ въ отставку, онъ сначала пожилъ въ деревнѣ у брата, а потомъ занимался обученіемъ дѣтей Русской грамотѣ и ариѳметикѣ: три года у Тамбовскаго помѣщика Хрипунова, 8 мѣсяцевъ въ Донской станицѣ Михайловской, 5 мѣсяцевъ у крестьянъ Битюцкой волости и года полтора у Острогожскаго сотника. Потомъ, давъ обѣтъ поклониться мощамъ всѣхъ угодниковъ Божіихъ, отставной прапорщикъ ходилъ на поклоненіе въ Кіевъ. Въ 1771 году онъ возвратился къ брату и жилъ у него по 1774 годъ. Отсюда, согласно данному обѣту, онъ отправился странствовать: былъ въ Соловецкомъ монастырѣ, въ Яринскомъ острову, во всѣхъ монастыряхъ Вологодской провинціи,

гдѣ почиваютъ угодники Божіи, въ Новгородской губерніи, во всѣхъ же монастыряхъ и въ Ниловой пустынѣ.

За тѣмъ начинаются инаго рода похожденія Лаврова. Изъ Новгорода онъ прошелъ въ Петербургъ, единственно для свиданія съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, съ которымъ былъ знакомъ, служа нѣкогда въ одномъ полку, и для богомольныхъ бесѣдъ съ его молодою супругою, которую хотѣлось ему видѣть и о которой сказывалъ ему гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, что какъ вышла за мужъ, такъ все больна. Въ Іюнѣ 1778 г. Лавровъ пришелъ къ князю Орлову въ Гатчину и жилъ у него до тѣхъ поръ, пока княгиня не запретила пускать его на дворъ. Возвратясь въ Петербургъ, послѣ обѣда въ трактирѣ, гдѣ подпилъ, хоть и не весьма, вспомнилъ онъ Лавровъ, что фрейлина Анна Степановна Протасьева, бывши у Орловыхъ въ Гатчинѣ, звала его къ себѣ во дворецъ. Когда онъ подошелъ къ подъѣзду дворца, то увидѣлъ, что кареты, запряженныя парой лошадей, стоятъ ближе къ крыльцу, а кареты, запряженныя цугомъ, сзади и дальше отъ крыльца. Такой непорядокъ онъ почелъ обиднымъ для знатныхъ особъ. Замѣтивъ это караульнымъ, онъ вошелъ въ сѣни и спросилъ встрѣтившихся ему людей, гдѣ живетъ фрейлина Протасова. Ему указали небольшую лѣстницу, по которой онъ взошелъ на верхъ и за тѣмъ въ комнату, изъ которой сталъ выталкивать его неизвѣстный мужчина. На такое невѣжество Лавровъ отвѣчалъ бранными словами, и тогда нѣсколько человѣкъ потащили его по лѣстницѣ внизъ весьма небережно, отвели въ караульню и связали. На другой день утромъ повели его къ генералъ-адъютанту. Какъ только онъ Лавровъ взглянулъ на генералъ-адъютанта, въ тужъ минуту почувствовалъ, что другой резолюціи не получитъ, какъ: отведите его назадъ. Посему онъ Лавровъ тотчасъ же рѣшилъ не говорить о себѣ ничего и когда генералъ-адъютантъ спросилъ: что ты за человѣкъ? онъ отвѣчалъ такими словами: «Сколько я дураковъ на свѣтѣ ни знаю, они всѣ глупы. Ты вчерась ужиналъ, а я нѣтъ, то ты прежде вели меня накормить, а потомъ спрашивай, кто я таковъ». Генералъ-адъютантъ на это сказалъ: «Отведите его къ Дмитрію Васильевичу» (Волкову?). Приходя во дворецъ, онъ Лавровъ не имѣлъ никакаго противнаго намѣренія, равно какъ ни съ кѣмъ не имѣлъ и не имѣетъ никакаго вреднаго согласія. Въ Петербургѣ ему знакомы: Николай Жилинъ, артилерійскій офицеръ на Охтѣ; двое солдатъ Кожиныхъ въ Семеновскомъ полку, да подъячій адмиралтейскій Тихонъ Васильевъ. Отъ роду ему Лаврову 43 года. Имѣнія никакого, ни движимаго, ни недвижимаго, не имѣетъ, а пропитываетъ себя обученіемъ дѣтей.

По справкамъ оказалось, что Лавровъ дѣйствительно былъ написанъ въ Семеновскій полкъ изъ дворянъ, въ 1748 году; что, бывши въ полку, находился въ дурныхъ поступкахъ и былъ штрафованъ при разводѣ батогами, и что 11 Іюня 1761 года (т. е. еще при Петрѣ III-мъ) онъ приходилъ на ротную съѣзжую съ объявленіемъ, что за нимъ есть слово и дѣло. Командовавшій тогда Семеновскимъ полкомъ, секундъ-маіоръ Ѳеодоръ Вадковскій, отправилъ

29*

Лаврова въ тотъ же день въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ. Тамъ Лавровъ показалъ, что тому дня четыре какъ онъ вышелъ изъ госпиталя, но не совсѣмъ еще выздоровѣлъ отъ горячки, а въ полковой канцеляріи принуждаютъ его къ письменной работѣ. Во время допроса Лавровъ «дрожалъ и глядѣлъ необычно». Его отослали обратно въ полковую канцелярію, а черезъ нѣсколько дней, по опредѣленію полковника графа Александра Ивановича Шувалова, Лавровъ былъ переданъ въ распоряженіе Военной Коллегіи и переведенъ въ армейскій полкъ солдатомъ.

Послѣ исторіи въ Зимнемъ дворцѣ, при арестованномъ Лавровѣ нашли слѣдующій его дневникъ.

1777 года, мѣсяцъ Октябрь.

7. Николай Васильевичъ [1]), заѣхавши изъ Москвы, взялъ меня къ себѣ. Пелагея Алексѣевна подарила мнѣ шапку бархатную, черную.

8. Былъ я съ кормилицею у обѣдни въ Колташевѣ и получилъ отъ Захара ножикъ и ножницы.

9. Поминалъ бабушку. Былъ у обѣдни въ Колташевѣ.

10. Кушали у насъ княгиня Горчакова и Никулинъ съ женою.

11. Послѣ жъ обѣда пріѣхалъ Николай Өедоровичъ [2]) и ночевалъ.

12. Ночью пріѣхали въ Беззаботное. Я надѣлъ новые сапоги.

13. Къ обѣду пріѣхалъ Николай Васильевичъ. Послѣ обѣда ѣздили на охоту. Ввечеру я былъ пьянъ.

14. По утру ѣздили на охоту до вечера.

15. Къ обѣду пріѣхали къ Николаю Васильевичу, а въ вечеру пріѣхалъ тесть его, князь Алексѣй Ивановичъ Кольцовъ-Масальскій [3]).

17. Ѣздили на охоту, и князь съ нами.

19. Къ обѣду пріѣхали въ Беззаботное, и были весь день на плотинѣ, и докончили плотину.

20. Ник. Өедоровичъ обѣдалъ у княгини Горчаковой.

21. Ѣздилъ я къ обѣднѣ въ село Колташево поминать родителей и пріѣхалъ домой. Обѣдалъ у насъ Ник. Вас. и ночевалъ. Ѣздили они на охоту.

22. Ник. Өедоровичъ поѣхалъ въ Москву, а я съ Ник. Вас. въ Логиново и у нихъ обѣдалъ. Въ вечеру Пелагея Алексѣевна была въ великомъ огорченіи, и рвалась, и плакала и терзалась.

25. Ник. Вас. послалъ конюшню въ Москву.

27. Ник. Вас. отпустилъ обозъ въ Москву, а я получилъ отъ Ник. Өедоровича письмо о болѣзни графини Натальи Өедоровны и чтобъ мнѣ быть въ Москву.

---

[1]) Плоховъ?

[2]) Колычовъ.

[3]) Росс. Родосл. Книга, I, 59. Женатъ на княжнѣ Аннѣ Романовнѣ Горчаковой. Дочь его Пелагея Алексѣевна († 1826) показана за Плоховымъ.

28. Съ человѣкомъ князь Алексѣя Павловича доѣхалъ до Беззаботнаго. Лакей Легкой доѣхалъ со мной до Чашникова и, взявъ тройку почтовыхъ, пріѣхали въ Москву, въ 11 часовъ по полудни.

29. Пріѣхали съ Никол. Өедоровичемъ къ графинѣ, и я остался у ней и жилъ у ней до 20 числа Ноября.

Мѣсяцъ Ноябрь 1777.

2 Познакомился съ княжною Катериною Александровною Долгоруковою [4]).

3. Былъ у князь Александра Александровича [5]).

4. Обѣдалъ у Өедора Өедоровича [6]).

7. Получилъ отъ князя Александра Александровича сержантской паспортъ Васѣ, и оттуда ѣздилъ къ графу Алексѣю Григорьевичу [7]), казалъ паспортъ, и онъ, прочитавъ, сказалъ мнѣ: «Вотъ молодецъ! Кто крѣпко на Бога уповаетъ, тотъ не погибаетъ».

8. Былъ у обѣдни въ Архангельскомъ соборѣ. Служилъ преосв. архіепископъ Платонъ.

11. День моего рожденья. Пелагея Алексѣевна подарила меня платкомъ атласнымъ.

14. Былъ у графа Алексѣя Григорьевича Орлова, и онъ отсовѣтовалъ мнѣ проситься въ Іерусалимъ [8]).

18. Былъ у заутрени и у ранней обѣдни въ Петровскомъ монастырѣ. Ник. Вас. подарилъ мнѣ рубль. Отъ него ѣздилъ къ графу. Подарилъ два имперіала. Николай Өедор. подарилъ пару платья [9]).

21. Графиня Наталья Өедор. подарила мнѣ платокъ. Обѣдалъ у Прасковьи Өедоровны.

22. Княжна Настасья Алексѣевна Масальская [10]) подарила мнѣ манжеты шитые.

23. Былъ у Катерины Сергѣевны Еропкиной.

24. Поздравлялъ имянинницъ: Катерину Сергѣевну, княжну Катерину Александровну. Она подарила мнѣ рубль. У обѣдни съ нею былъ на Покровкѣ, у Космы и Даміана, а въ полудни ѣхала она въ саняхъ, сама правила, а князь Александръ Алексѣевичъ назади стоялъ. Ѣхалъ мимо насъ и Ник. Өедор. съ ними кланялся, отворяя окно. Обѣдалъ у Ник Өедор., князь Иванъ Петровичъ Щербатовъ, Василій Ивановичъ Майковъ, а ввечеру ужиналъ Ник. Васильевичъ.

26. Былъ въ комедіи. Ночевалъ у Өедора Өедоровича.

---

[4]) Вскорѣ за тѣмъ вышедшей за стихотворца Н. П. Николева.

[5]) Долгорукова. Это былъ племянникъ того князя Ивана Алексѣевича, которому отрублена голова при Аннѣ.

[6]) Колычова.

[7]) Орлову-Чесменскому.

[8]) За неудачею военной службы Лавровъ рѣшился странствовать.

[9]) Въ этотъ день Платонъ Лавровъ былъ имянинникъ.

[10]) 1756—1798, была потомъ за бригадиромъ кн. Александр. Серг. Волконскимъ.

27. Былъ у графа. Онъ ѣздилъ въ манежѣ и разговаривалъ со мной о моемъ странствіи.

30. Былъ у князя Долгорукова и ночевалъ у Анны Васильевны Давыдовой.

Мѣсяцъ Декабрь 1777.

1. Ночевалъ у Ѳедора Васильевича Попова.

2. Былъ у поздней обѣдни, у Рождества въ Столѣшникахъ. Обѣдалъ и ночевалъ у Никол. Вас.

3. Обѣдалъ у Ник. Ѳедор. Ходилъ прощаться къ княжнѣ Катеринѣ Александровнѣ. Она подарила мнѣ три рубля на дорогу. Ночевалъ у Пелагеи Алексѣевны. Она на меня разсердилась.

4. Взялъ у Пелагеи Алексѣевны свои деньги, два рубля, и былъ, вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Григ. Орловымъ у князь Ивана Петровича Щербатова, оттуда заѣзжали къ Ник. Вас. и тутъ обѣдалъ, и они разсердились вовсе на меня за то, что я спрашивалъ Никол. Ѳедоровича.

6. У обѣдни былъ у Харитонія въ Огородникахъ и ночевалъ у Ѳед. Вас. Попова.

7. Сыскалъ подводу до Твери, переѣхалъ отъ Ѳ. В. Попова въ Тверскую Ямскую и тамъ ночевалъ.

8. Ночевалъ въ Тверской, нажидалъ попутчика.

9. Сѣлъ со мною Новоторжскій мѣщанинъ Березинъ, и поѣхали.

11. Очень рано пріѣхали въ Тверь. Былъ у обѣдни въ соборѣ, прикладывался къ мощамъ. Послѣ обѣда поѣхали и въ Торжокъ пріѣхали ночью, къ Березину въ домъ.

12. Былъ въ .... . монастырѣ у обѣдни и прикладывался къ мощамъ преподобнаго ...... а у вечерни былъ въ соборной церкви [11])......

13. Очень рано поѣхалъ, нанявъ, въ Нилову пустынь.

14. Пріѣхалъ въ Нилову пустынь къ обѣднѣ. Тутъ увидѣлся съ Яковомъ Дмитріевымъ. Постился и жилъ до 22 числа.

24. Пріѣхалъ въ Вышній.

25. Былъ у заутрени и у обѣдни и разговѣлся рыбой и молошнымъ. Послѣ обѣда былъ у Алексѣя Ивановича Мельницкаго.

26. Послѣ обѣда зашелъ къ Алекс. Иванов. и отъ него пошелъ въ путь свой. Отшелъ 12 верстъ, наѣхали съ возами Верейскіе мѣщане, къ нимъ присталъ и ночевалъ съ ними.

27. Поутру поѣхалъ съ ними и ѣхали до Новгорода.

1778 года, мѣсяцъ Январь.

1. Пріѣхали въ Новгородъ въ заутрени, и я былъ у заутрени у Знаменія, а до обѣдни прикладывался къ мощамъ въ соборѣ и у обѣдни былъ въ соборѣ, гдѣ служилъ архіерей. Послѣ обѣдни пошелъ пѣшкомъ, отошелъ 8 верстъ, нагнали по меня двѣ пары, и взялъ съ меня извощикъ до Питера 60 копѣекъ.

---

[11]) Точки въ подлинникѣ.

3. Очень рано пріѣхали въ Петербургъ.

5. Перешелъ на квартиру къ Елисею Силичу, у Владимірской. Онъ гребецъ дворцовый.

6. У заутрени и обѣдни былъ у Владимірской и былъ въ Невскомъ монастырѣ.

11. Въ Семеновской полковой у Введенія.

12. Пришелъ къ князь Григорію Григорьевичу [12]). Они меня съ княгинею приняли очень ласково и пожаловали мнѣ полу-имперіалъ.

13. Былъ у обѣдни съ княгинею Катериною Николаевною въ крестовой ея церкви. Отъ обѣдни былъ у нея въ уборной. Пожаловала мнѣ съ 15 калачиковъ сахарныхъ, и я ихъ принесъ къ князю Долгорукову, а оттуда домой и ночевалъ.

14. Былъ у Николая Жилина [13]), и съ нимъ обѣдали въ трактирѣ, названномъ Москва. Потомъ и онъ былъ у меня.

15. Былъ у обѣдни въ Невскомъ монастырѣ. Обѣдалъ у кн. Гр. Гр. Орлова.

16. Поутру былъ у Жилина и у него обѣдалъ, а ночевалъ у Луниныхъ съ Василіемъ Ивановичемъ Хрипуновымъ.

17. Поутру отъ нихъ зашелъ въ Семеновскій полкъ къ Кашкину, и вмѣстѣ съ Хрипуновымъ обѣдалъ, и былъ мертво пьянъ.

18. Обѣдалъ у свѣтлѣйшаго князя Орлова, ночевалъ у Кожиныхъ.

19. Обѣдалъ у князь Александра Александровича Долгорукова.

21. Былъ у обѣдни у свѣтлѣйшей княгини, въ крестовой церкви.

22, 23 и 24. Всѣ дни былъ у свѣтлѣйшаго князя Орлова.

25. Свѣтлѣйшій князь имянинникъ пожаловалъ мнѣ имперіалъ.

26. Былъ въ Морской у обѣдни, обѣдалъ у кн. Долгорукова, ночевалъ у Хрипунова.

27 и 28. Былъ у свѣтл. князя Орлова.

29. Былъ у обѣдни въ Семеновской полковой церкви, обѣдалъ и ночевалъ у Хрипунова.

30 и 31 у свѣтл. князя Орлова.

Мѣсяцъ Февраль 1778.

1 и 2. Обѣдалъ и ночевалъ у князь Александра Александр. Долгорукова.

3. Ѣздилъ во дворецъ къ свѣтлѣйшему князю прощаться. Онъ далъ на дорогу имперіалъ. Оттуда заѣзжалъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ Катеринѣ Николаевнѣ, она была слаба, въ постелѣ, у нея сидѣли Василій Николаевичъ Зиновьевъ [14]) въ стулѣ, Анна Степановна Протасьева на постелѣ. Подчивала меня княгиня чаемъ и сухарями и пожаловала на дорогу пять рублевъ, да съѣстнаго всякаго кушанья и сухихъ куръ, изъ котораго я Василію Ивановичу оставилъ Французскіе хлѣбы и сухихъ куръ. Обѣдалъ у кн. Долгорукова. Послѣ

---

[12]) Орлову.

[13]) Артилерійскій офицеръ на Охтѣ.

[14]) Братъ княгини Орловой.

обѣда ѣздилъ опять къ Хрипунову, и пили вишневку и Бургонское вино. Отъ него съ Кашкинымъ ѣздилъ къ Матвѣю Иван. Платову и у нихъ напился пьянъ. Ночевалъ у кн. Долгорукова.

4. Обѣдалъ у кн. Долгорукова. Послѣ обѣда, съ братцемъ его, князь Михаиломъ Александровичемъ, пополудни въ 10-мъ часу, поѣхали въ Москву на почтовыхъ тройкой. Въ Новгородъ пріѣхали 5-го пополудни въ 3 часа.

6. Въ обѣдни пріѣхали въ Валдай.

7. По полудни въ 2 часа пріѣхали въ Тверь.

8. За худою дорогою и за распутицею, пріѣхали въ Москву въ вечерни, и меня къ Колычеву П. Ф. не пустили, ибо онъ по наговору Серг. Плох. на меня сердитъ, и ночевалъ у Чесменскаго [15]).

9. Поутру былъ у графа. Оттуда зашелъ къ Володѣ и взялъ съ собой Гаврюшку. Ѣхавши по Никитской, попалъ встрѣчу князь Вас. Ив. Долгоруковъ, приказалъ мнѣ у себя обѣдать, и я, взявъ отъ Григорья Комарова свое платье, у князя обѣдалъ и ночевалъ.

10. Обѣдалъ у князя, а ночевалъ у Ѳедора Васильевича [16]).

11. Былъ у князь Михаила Александровича Долгорукова. Онъ мнѣ сказалъ, гдѣ домъ Николевыхъ.

12. Былъ у гр. Алексѣя Григорьевича Орлова, отъ него у Володиміра, оттуда въ Чудовѣ у обѣдни. Обѣдалъ у Ник. Петр. Николева. Катерина Александровна была мнѣ очень рада, подарила шелковый платокъ, взяла у Катерины Петровны. Ночевалъ у Попова.

13. Ночевалъ у Ѳед. Ѳедор. Колычова.

14. 15, 16 и 17. Масляница кое-гдѣ, а больше у графа Орлова.

19. Первая недѣля поста. Постился и часто ночевалъ у Ѳед. Ѳед. Колычова, Прасковія Ивановна постилась.

23. Къ вечернѣ пришелъ къ Петру и Павлу, исповѣдался, ночевалъ у Петра Сергѣича.

24. Пріобщался у Николы съ генеральшею Клеопатрою Семеновною. У нихъ обѣдалъ и ночевалъ.

25. У обѣдни былъ у Петра и Павла.

Вторую недѣлю отгавливалъ.

Мѣсяцъ Мартъ 1778.

По 25 искалъ попутчика въ Петербургъ, а князь меня удерживалъ затѣмъ, что самъ хочетъ ѣхать; но случаи не допустили, и я завесновалъ въ Москвѣ и жилъ все у него.

25. У всенощной былъ съ княземъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, у обѣдни у Вознесенія, а князь на Тверской у праздника. Ночевалъ у Ѳ. Ѳ. Колычова.

26. Былъ у Петра Дмитріевича Еропкина и обѣдню слушалъ у него. Послѣ обѣда водилъ Владиміра къ Чесменскому.

27. Обѣдалъ у Ив. Вас. Еропкина и проспался съ ними.

---

[15]) Сынъ графа Орлова.

[16]) Попова.

Мѣсяцъ Апрѣль 1778.

1. Входъ во Іерусалимъ. У заутрени и обѣдни былъ у Вознесенія. Обѣдалъ у кн. Василія Ивановича.

2. Началъ поститься. Въ церковь ходилъ.

4. У обѣдни былъ у дванадесяти Апостолъ. Смотрѣлъ мѵровареніе, противъ церкви, въ залѣ, въ серебряномъ котлѣ, огня и дыму не видать, наставлено было много судовъ серебряныхъ, читали святое Евангеліе, а дьяконы псалмы духовные. Оттуда пришелъ къ Петру и Павлу, послѣ вечерни исповѣдался и ночевалъ у Петра Сергѣича.

5. Пріобщался святыхъ тайнъ съ нимъ у Николы въ Подкопаѣ, обѣдалъ у нихъ, послѣ обѣда былъ у Катерины Сергѣевны; она меня подарила платкомъ бѣлымъ съ красными каймами, и у Петра Сергѣевича ночевалъ.

6. Заутреню съ страстными чтеніями Евангелія слушалъ у нихъ въ домѣ поутру, а часы царскіе въ Знаменскомъ монастырѣ. Ночевалъ у князь Василія Ивановича.

8. День Святой Пасхи. Ввечеру пріѣхали съ княземъ къ Ѳед. Ѳед. (Колычову) и въ домѣ слушали заутреню. Прасковья Ивановна пожаловала рубль, кн. Вас. Иванов. полтора рубля на извощика. Пріѣхавши домой, князь легъ спать, а я пошелъ къ заутренѣ къ Вознесенью. Пришедъ отъ заутрени, соснулъ и былъ у Алексѣя Андреевича Плохова, похристосовался. Поѣхалъ къ Петру Сергѣевичу, съ нимъ былъ у обѣдни у Петра и Павла, разговѣлся и обѣдалъ у него. Послѣ обѣда, ѣхавши къ графу въ Островъ, заѣзжалъ къ Владиміру. Дорогою была великая грязь и дождь, и переломилась ось. Съ нуждой до Острова доѣхали. У графа были братцы, графы Иванъ и Ѳедоръ Григорьевичи, подчивалъ меня и самъ кушалъ Кипрскимъ виномъ. Ночевалъ съ Чесменскимъ и разговаривалъ съ сожалѣніемъ о здоровьѣ свѣтлѣйшей княгини Катерины Николаевны и пр.

9. Очень рано гр. Ѳедоръ Григорьевичъ поѣхалъ въ Хатунь къ графу Владиміру Григорьевичу, а я былъ у обѣдни. Кушало насъ только четверо. Въ обѣдѣ мнѣ графъ сказалъ второе нравоученіе: «Кто уступаетъ пьяному да дураку, тотъ всѣхъ на свѣтѣ умнѣе», и за столомъ загадывалъ загадки. Послѣ обѣда поѣхали въ Москву. Я ѣхалъ одинъ въ каретѣ Ив. Григор. Орлова. Пріѣхавши въ Москву, графъ пожаловалъ мнѣ 10 рублей. Онъ поѣхалъ въ гости, а я къ Свиньину и у него ночевалъ.

10. Былъ у обѣдни на Покровкѣ у Воскресенія. Заходилъ къ Аннѣ Вас. Давыдовой, обѣдалъ и ночевалъ у князя.

11. У заутрени и обѣдни былъ у Вознесенія. Въ комедіи былъ пѣшкомъ съ мамзеліею Шарлотою Карловною.

13. У заутрени и обѣдни былъ у Вознесенія. Ѣздили съ мамзеліею Аграфеною Карловною подъ качели, она съ сестрой сидѣли вмѣстѣ, а я за неимѣніемъ мѣста стоялъ на колѣняхъ. Оттуда были въ комедіи.

16. Обѣдали съ княземъ въ деревнѣ Шаболовѣ [17]), у князь Петра Александр. Прозоровскаго; ночевали дома.

23. Въ обѣдни поѣхали съ кн. Вас. Иван. въ городъ, оттуда въ Шаболово къ князю Прозоровскому, послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ поѣхали въ путь, и въ рощѣ попалась лисица. Князь за нею ходилъ съ ружьемъ, но ушла. Ночевали въ деревнѣ Власовой, 35 верстъ.

24. Обѣдали на Нарѣ, ночевать пріѣхали въ городъ, гдѣ у меня пропалъ атласный платокъ, который подарила Пелагея Алексѣевна.

25. Въ ночи была великая стужа, а поутру шелъ мокрый снѣгъ. За тѣмъ нерано поѣхали и пріѣхали въ село Бобыли въ 3 часа пополудни.

26. Были всѣ у обѣдни, послѣ обѣда ѣздили на охоту, привезли 4 зайца.

28. Поутру князья уѣхали на охоту и были до вечера, а я гулялъ въ саду. Привезли 19 зайцевъ.

29. День воскресный о разслабленномъ. Всѣ были у обѣдни. Кн. Долгоруковъ ѣздилъ стрѣлять и ничего не привезъ, а мы съ княз. Прозоровскимъ гуляли въ селѣ.

30. Послѣ обѣда князья ѣздили съ собаками и привезли 6 зайцевъ, а я гулялъ въ саду и починивалъ платье.

Мѣсяцъ Май 1778.

1. До обѣда играли въ карты, послѣ обѣда кн. Прозоровскій съ Богдановымъ ѣздили съ собаками и привезли 2 зайца. Кн. Вас. Иван. съ двумя егерями ѣздили стрѣлять и привезли бекасовъ.

2. Преполовеніе. Пришедъ отъ заутрени, уснулъ и проспалъ обѣдню. Съ кн. Прозоровскимъ гулялъ я въ саду. Всѣ были дома и на колокольнѣ звонили.

3. Князья ѣздили на охоту съ утра и во весь день, а я былъ дома и ходилъ къ обѣднѣ. Немножко подгулялъ, лазилъ по подмосткамъ на церковь. Гулялъ въ саду. Князья привезли 17 зайцевъ.

4. Поутру поѣхали въ городъ Боровскъ и пріѣхали въ вечерни. Гулялъ въ рядахъ.

5. Изъ города поѣхали послѣ обѣда въ Бобыли. Пріѣхали въ 6-мъ часу.

6. Заутреню проспалъ, у обѣдни былъ, а князья не были.

7. Послѣ обѣда князья поѣхали на охоту, а я пошелъ въ путь свой и ночевалъ въ селѣ Благовѣщенскомъ 20 верстъ.

8. Былъ у заутрени и обѣдни, къ обѣду пришелъ въ Верею 14 верстъ, итого отъ Бобылей до г. Вереи 34 версты, при рѣкѣ Протвѣ. Пообѣдавъ, пошелъ отъ Вереи 11 верстъ. Встарь былъ городокъ, а нынѣ слободка при рѣкѣ Протвѣ, половина стѣны обвалилась, а другая и три башни и церковь пустая каменныя стоятъ. Отъ Борисова до Можайска 10 верстъ, итого отъ Вереи до Можайска 21 верста.

---

[17]) Деревня Шаболова въ 7 верстахъ отъ Москвы, въ 2 верстахъ отъ Старо-Калужской дороги.

Пришелъ въ благовѣстъ ко всенощной, стоялъ всенощную въ соборѣ у чудотворца. Городъ каменный, старинный, Москва-рѣка въ полуверстѣ.

9. По утру въ избѣ украла у меня дѣвка перчатки. Обѣдню слушалъ въ соборѣ у чудотворца; образъ рѣзной, стоячій, чудной работы. Заходилъ въ старый соборъ. Послѣ обѣда пошелъ и ночевалъ въ дер. Настасьевой гр. Ефимовскаго, 23 версты.

10. Обѣдалъ въ деревнѣ Кольмѣ 15 верстъ, полдневалъ и отдыхалъ въ селѣ Стратилатовской Середѣ 15 верстъ, ночевалъ въ селѣ Муриковѣ 15 верстъ, княгини Дашковой.

11. Отъ Мурикова шелъ лѣсомъ, прошибся, и болотомъ и дрязгомъ вышелъ на бывшую Никольскую пустынь, а нынѣ село Никольское, и дошелъ до деревни Безумновой князь Михаила Серг. Долгорукова—15 верстъ. Тутъ обѣдалъ и шелъ до села Ивановскаго—12 верстъ, а ночевалъ въ селѣ Погорѣломъ Городищѣ, отъ Ивановскаго 15 верстъ, и былъ у вечерни. Въ древности былъ городокъ.

12. Отслушавъ обѣдню въ церкви св. пророка Иліи, шелъ до села Борковъ на берегу Волги—15 верстъ. Переѣхавъ Волгу, пришелъ поздно въ городъ Ржевъ-Володиміровъ, отъ перевозу 27 верстъ. Итого отъ Можайска до Ржева-Володимірова 152 версты.

13. День воскресный. Былъ у обѣдни въ соборѣ. Церковь каменная, новая, Успенія Пресвятыя Богородицы. Городъ земляной, подъ городомъ, и подъ жильемъ бѣлый камень, среди жила рѣчка, подлѣ города Волга. Пообѣдавъ пошелъ. За городомъ сошлись четыре солдатки къ чудотворцу и ночевали въ деревнѣ Бахмутовой—22 версты.

14. Обѣдали въ селѣ Ситковѣ—20 верстъ, ночевали въ селѣ Ельцы—20 верстъ.

15. Отъ нихъ отставъ, завтракалъ на погостѣ Ильи Пророка—15 верстъ, ночевать пришелъ къ Селижарову монастырю—20 верстъ. Былъ у вечерни. Монастырь каменный, на устьѣ рѣки Селижаровки, впала въ Волгу. Соборная церковь Живоначальныя Троицы, подъ колокольнею св. апостолъ Петра и Павла. Игуменъ Христофоръ, братіи 10 человѣкъ. Строенъ монастырь Гуріемъ и Варсонофіемъ, Казанскими чудотворцами, до Литовскаго разоренія.

16. Отданіе Пасхи. Былъ у заутрени и обѣдни. Послѣ обѣда пошелъ и къ вечернѣ пришелъ на погостъ Михаила Архангела—29 верстъ.

17. Вознесеніе Господне. Былъ у всенощной и обѣдни. Послѣ обѣда пришелъ въ гор. Осташковъ—15 верстъ. Итого отъ Ржева до Осташкова 141 верста, отъ села Бобылей 348 верстъ. Былъ у вечерни въ соборѣ. На квартирѣ стоялъ у вдовы Сумчиковой.

18. Былъ у ранней обѣдни въ соборѣ, у поздней въ Житномъ монастырѣ.

19. У ранней былъ въ соборѣ, у поздней въ дѣвичьемъ Знаменскомъ монастырѣ. Въ вечерни поѣхалъ черезъ озеро въ монастырь преподобнаго чудотворца Нила и стоялъ всенощную.

20. Раннюю обѣдню слушалъ на въѣзжихъ воротахъ св. апостолъ Петра и Павла. Послѣ обѣдни уснулъ въ больницѣ и проспалъ позд-

нюю обѣдню. Гостепріимцы Мина Гавриловичъ и Григорій Власьевичъ были мнѣ очень рады. Въ больницѣ церковь всѣхъ святыхъ, надъ святыми вратами преподобнаго Нила, соборная Богоявленія Господня, въ правой сторонѣ—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Пригласилъ меня въ келью соборный пономарь, отецъ Евфимій, и просилъ меня сходить къ Өедору Ивановичу Глѣбову и просить супругу его Елизавету Петровну о племянникѣ его, Вятскаго пѣхотнаго полку солдатѣ въ отставку и въ отпускъ. Келейный его братъ, трудникъ, переплетчикъ Матвѣй Кондратьевичъ просилъ сходить двора Его Высочества къ мундшенку Ивану Васильевичу Чернову: за нимъ его внучка.

26. Послѣ вечерни преподобнаго Нила съ мѣста принесли посреди церкви на амвонъ. Всенощная была съ вечеру.

27. День Пятидесятницы и обрѣтенія мощей преподобнаго. Поутру изъ Осташкова приплыли со кресты и послѣ Троицкой вечерни носили мощи вокругъ монастыря, и множество народу подходило подъ гробъ, и я становился съ народомъ. Народу было болѣе 3000 челов.

28. За похмѣльемъ у заутрени и обѣдни не былъ. Послѣ обѣда переѣхалъ въ деревню Рыбачью къ брату Ефимьеву, Емельяну Даниловичу.

29. Ходили съ нимъ къ образу Пресвят. Богородицы Троеручицы—отъ деревни двѣ версты. Въ бору, подлѣ часовни, изъ подъ сосны, бьетъ ключь и бываетъ цѣленіе отъ вѣры глазамъ. Прочиталъ передъ образомъ канонъ, а потомъ былъ въ монастырѣ у обѣдни, обѣдалъ у Евфимія, а ночевалъ у Емельяна.

30. Былъ у обѣдни въ монастырѣ, погребали монаха Іакова, который жилъ слишкомъ сто лѣтъ. Пѣлъ панихиду по преосвященнымъ надъ гробницами Нектарія и Аарона. Видѣлся съ Алексѣемъ Иван. Мельницкимъ, ночевалъ въ деревнѣ.

31. Въ позднія обѣдни Емельянъ Даниловичъ съ женою и сыномъ повезъ меня въ лодкѣ озеромъ, ѣхали три версты, проѣхали прокопомъ изъ озера въ озеро и въ 10 верстахъ отъ монастыря, въ лѣвой сторонѣ, Петра Яковлевича Толстова село Ельцы. Церковь и ограда каменныя. Отъ него плыли 13 верстъ плёсами до дер. Подгорной. Отъ нея шелъ лѣсомъ и горами до погоста Покровскаго—12 верстъ и ночевалъ.

Мѣсяцъ Іюнь 1778.

1. У Покрова Богородицы стоялъ обѣдню и шелъ 13 верстъ до деревни Пуповой, въ ней отдыхалъ, обѣдалъ въ бывшей пустыни Моловодской, а нынѣ погостъ, 7 верстъ шелъ боромъ, до харчевни 8 верстъ, отъ нея 2 версты до погоста Любны и ночевалъ.

2. Въ селѣ мужики были пьяны; ихъ опасаясь, нанялъ пономаря съ телѣгою до деревни Цымена, далъ 26 коп., отъ нея отшелъ до деревни Корновой—6 верстъ, гдѣ обѣдалъ и отдыхалъ. Оставилъ дорогу въ Старую Русу за 62 версты, переѣхалъ рѣку Полу, которая за Старой Русою впала въ Ильмень-озеро, шелъ 18 верстъ до деревни Горчицы, въ ней и ночевалъ.

3. День воскресный и заговѣнье. Отошедъ 5 верстъ до мельницы, оставилъ дорогу на Шулитову пристань Ильменскую въ лѣвѣ и пошелъ проселкомъ. Отошедъ 2 версты, въ деревнѣ Общей завтракалъ, а ночевалъ въ селѣ Ложинѣ—20 верстъ.

4. Обѣдалъ въ деревнѣ Осмоевой—20 верстъ до большой дороги. Шелъ 15 верстъ лѣсомъ. Въ Бронницы пришелъ при захожденіи солнца, сѣлъ въ лодку и поплыли, далъ 5 коп.

5. Въ раннія обѣдни приплыли въ Новгородъ. Сталъ въ домѣ купца Коровина. Позднюю обѣдню стоялъ у Знаменія пресв. Богородицы, а послѣ обѣда пошелъ въ пустынь Саввы, Вишерскаго чудотворца. Переѣзжалъ Волховецъ въ худой лодкѣ, залило водой, и съ великой нуждой доѣхалъ до берега. Отъ деревни Родіоновой везла баба въ челнѣ за 5 коп. рѣкою Вишерою до монастыря—5 верстъ и былъ у вечерни. Строитель отецъ Варлаамъ служилъ въ Измайловскомъ полку сержантомъ, отставленъ поручикомъ, дворянинъ. Монахъ, отецъ Захарій, Измайловскаго полка изъ солдатъ, даточной. Іеромонахъ Николай изъ Преображенскаго полку, да бѣльцами живутъ изъ гвардіи 4 человѣка. Тутъ же живетъ отставной поручикъ, Новгородскій помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Аничковъ. Монастырь при рѣкѣ, церковь каменная—поновлена ими, въ ней и мощи преподобнаго подъ спудомъ. Въ ней же престолъ Вознесенія Господня, теплая церковь Покрова пресв. Богородицы, передъ нею трапеза, а въ правой сторонѣ кухня, надъ святыми воротами строителева и братскія келіи, ограда деревянная и два новые садика. Все строено и возобновляется ими. Ужиналъ въ трапезѣ съ братіею.

6. Отслушалъ заутреню и двѣ обѣдни, отпѣлъ молебенъ, обѣдалъ за трапезой и, переѣхавъ р. Вишеру, вышелъ на большую дорогу за 3 версты Волховца. Въ Хутынскій монастырь пришелъ за долго до вечерни. Соборная церковь Преображенія Господня, въ правой сторонѣ мощи подъ спудомъ, церковь Покрова Богородицы и Іоанна Богослова. Передъ гробницею, вверху, къ стѣнѣ придѣлана рука, а въ ней трость царя Іоанна Васильевича, простая, черная, съ шарикомъ хрустальнымъ, которую онъ бросилъ отъ жженія его пламенемъ, которымъ и двери опалены къ церкви Покрова Богородицы. Теплая церковь передъ трапезою во имя преподобнаго Варлаама, въ больницѣ—всѣхъ Святыхъ, надъ святыми вратами—чудотворца Николая и Антонія великаго.

7. Отслушавъ заутреню и двѣ обѣдни, обѣдать пришелъ въ городъ (Новгородъ), ходилъ въ баню, починилъ коты [18]), былъ у вечерни у Дмитрія Солунскаго.

8. По утру въ 7 часу пошли изъ собору со кресты къ чудотворцу—12 верстъ. Литургію служилъ архіерей Молдавскій. Оный ходъ бываетъ въ воспоминаніе избавленія молитвами преподобнаго отъ глада. Обѣдалъ въ слободѣ у пріятеля Кондратія Ивановича, а ночевалъ въ Антоньевской слободѣ.

---

[18]) Т. е. большіе башмаки.

9. У заутрени и двухъ обѣденъ былъ. Соборная церковь—Рождества Богородицы, по правую—преподобнаго Антонія Римлянина, между ними мощи, передъ ними пять Римскихъ образовъ убраны мусіею и крестъ каменный. Вверху у стѣны, въ футлярѣ камышъ и поднесь зеленъ, который онъ оторвалъ при отплытіи камня. Паникадило—мѣдное, небольшое, а сосуды съ камнями взяты при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ Москву. На лѣвой сторонѣ—Іоанна Богослова, въ ней подъ спудомъ пять братовъ: преподобные Никифоръ, Никита, Кириллъ, Климентъ и Исакій. Подъ лѣвою главою, въ шеѣ, церковь преподобныхъ Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго. Входя въ нее, на правой рукѣ, въ стѣнѣ, темная и очень малая келейка преподобнаго и гдѣ стоялъ онъ, тамъ выбита ямка ногами—прикладываются. На паперти, въ стѣнѣ, тотъ камень, на которомъ приплылъ онъ изъ Рима. Къ нему прибитъ образъ преподобнаго. Передъ нимъ паникадило маленькое и колоколъ изъ Рима, двѣ священническія круглыя ризы, ветхія и орарь бархатный, черный, шитъ золотомъ. Препод. Антоній родился въ Римѣ въ 1067 году, при родителяхъ жилъ 18 лѣтъ, въ пустынѣ монахомъ былъ 21 годъ 2 мѣсяца, подъятъ въ морѣ на камени Сентября 5, въ Новгородъ сталъ 7-го 1106 году, преставился въ построенномъ своемъ монастырѣ 1147 г., жилъ 80 лѣтъ и 2 мѣсяца, мощи обрѣтены 1597 году. Съ того году и праздновать ему начали и крестное хожденіе имѣть. Обѣдалъ въ городѣ, у вечерни былъ въ приходѣ Ѳеодора Стратилата, у всенощной—въ Софійскомъ соборѣ.

10. День воскресный. Поутру былъ въ часовнѣ противъ рядовъ, гдѣ погребенъ Ѳедоръ Блаженный, у обѣдни—въ Софійскомъ соборѣ, прикладывался къ мощамъ, послѣ обѣда пошелъ въ дѣвичій монастырь Сырковъ, на дорогѣ сошелся онаго монастыря съ монахинею Анѳіею, былъ у нея въ кельѣ, бесѣдовали духовно. Послѣ слушалъ всенощную въ соборной церкви. Ночевалъ отъ онаго монастыря въ 6 верстахъ въ слободѣ при монастырѣ святителя и чудотворца Ефимія.

11. Былъ у поздней обѣдни въ верхней церкви Живоначальныя Троицы,—мощи святителя Ефимія въ нижней церкви подъ спудомъ,—пѣлъ молебенъ. Обѣдалъ въ Сырскомъ монастырѣ у Анѳіи монахини, ночевалъ въ городѣ на квартирѣ.

12. У обѣдни былъ у Тихвинскія Богородицы на Холопской улицѣ, у вечерни—у Георгія за рядами. Тутъ образъ, данный вкладомъ, по родителѣ своемъ князь Дмитрій Иванов. Долгоруковъ; на мраморѣ полированномъ съ золотомъ изображенъ Христосъ на молитвѣ къ Богу Отцу.

14. За 10 верстъ до Чудова за дождемъ остановился, переждавъ дождь, пошелъ и сошелся съ старичкомъ, Псковскимъ ямщикомъ. Ночевалъ за 100 верстъ отъ Петербурга, въ селѣ Бабинѣ.

15. Поутру сошлись съ двумя Новгородскими дьячками и ночевали въ Саблинѣ за 46 верстъ.

16. Обѣдалъ въ Славянкѣ, въ Петербургъ пришли въ 6 часу по полудни. У всенощной былъ у Владимірской.

17. День воскресный. У обѣдни былъ въ Невскомъ монастырѣ. Ночевалъ у Матвѣя Ивановича Платова.

18. Былъ въ Семеновскомъ полку у Андріана Кожина и былъ подчиванъ пивомъ. Потомъ у князя Ѳедора Александровича Долгорукова. Ночевалъ въ квартирѣ.

19. Поутру былъ у преосвященнаго Гавріила и принятъ былъ очень ласково. У обѣдни былъ тамъ же въ монастырѣ, оттуда ходилъ въ Академію. Идучи къ Казанскому собору, видѣлъ Государыню: шествовала отъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина; по лѣвую сторону сидѣлъ посланникъ, напротивъ князь Потемкинъ.

21. Былъ у ранней обѣдни у Вознесенія. Ходилъ на рынкѣ, пришелъ на квартиру, соснулъ и пошелъ къ Кожинымъ, а отъ нихъ въ Царское Село. Отошедъ версту, догналъ меня Царскаго Села коммиссаръ Козьма Ильичъ, посадилъ къ себѣ въ телѣгу, у третьей рогатки подчивалъ меня пивомъ и подарилъ мнѣ рубль. Ѣхалъ съ нимъ 11 верстъ, потомъ посадилъ онъ попа, а я пошелъ пѣшъ съ конюхомъ Петромъ Ивановымъ и пришелъ въ Царское Село поздно. Отъ Царскаго Села до мызы Скавронской ѣхалъ съ Чухонцемъ ночью, а оттуда до Гатчины шелъ пѣшкомъ и ночевалъ у Чухонъ въ избѣ.

22. Поутру пришелъ въ домъ [19]). Въ залѣ увидѣла меня княгиня и привела въ кабинетъ къ князю. Онъ игралъ съ Мих. Сер. Потемкинымъ въ шашки и со мной расцѣловался. Потомъ ходилъ по саду и въ среднемъ этажѣ: стѣны убраны лѣпною работою очень великолѣпно, и одна комната убрана покитайски. Въ вечеру былъ у князя, и отведенъ мнѣ покой.

23. Поутру Меншиковъ водилъ меня по саду, смотрѣлъ фазановъ: самецъ бѣлый, хвостъ длинный, крылья и голова черныя, станомъ похожъ на павлина, самка похожа на цесарскую курицу. Были на пильной мельницѣ и въ оранжереѣ, потомъ былъ у князя. Послѣ обѣда поѣхалъ въ Царское Село и ночевалъ тамъ.

24. День воскресный. Былъ у всенощной. У обѣдни была княгиня. Послѣ обѣда ѣздили на встрѣчу князю и съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали. Обѣдалъ Завадовскій.

25. Были съ княгинею у обѣдни. Послѣ, въ биліардной, князь сказалъ мнѣ, что онъ много мелитъ пустяковъ, и на то: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, лучше съ ума не сойдешь. Ночью былъ въ комнатѣ у Воейкова Александра Ивановича, просилъ о желаніи въ отпускъ.

26. Поутру у князя говорили празднословіе.

27. Разговаривалъ съ княземъ, празднословіе въ биліардной и видѣлся съ Павломъ и Михаиломъ Сергѣевичами Потемкиными. Съ ними князь уѣхалъ въ Петергофъ.

28. Отслушавъ всенощную, былъ у Александра Николаевича Зиновьева. У обѣдни была княгиня и фрейлины Шкурины.

29. Къ вечеру пріѣхалъ изъ Петергофа князь.

30. Поутру ѣздили стрѣлять; пошли отъ плотины. Тутъ князь одинъ стрѣлялъ, а (мы) съ Завадовскимъ и съ Зиновьевымъ стояли

---

[19]) Князя Григ. Григ. Орлова.

и разговаривали на плотинѣ. Потомъ всѣ стрѣляли, идучи по рѣчкѣ до самой Мызы Колпиной. Въ 3-мъ часу пополудни пріѣхала къ намъ съ меньшою Шкуриною въ одноколкѣ княгиня и поѣхали обѣдать. Въ вечеру князь и княгиня ѣздили гулять, и у княгини лошадь испугала собака, и съ сего числа не велѣлъ князь давать ей одной лошадей за рѣзвость и за слабое правленіе лошадьми.

Мѣсяцъ Іюль 1778.

1. День воскресный. У всенощной и обѣдни княгиня была. Послѣ, въ биліардной, князь игралъ, а я съ Завадовскимъ разговаривалъ объ исторіи и упражненіяхъ и забавахъ полезныхъ обществу. Послѣ обѣда князь поѣхалъ для Совѣту въ Петергофъ.

2. Пріѣхалъ князь въ 10-мъ часу пополудни.

3. Поутру съ княземъ и княгинею сидѣлъ въ его комнатѣ, а потомъ съ княгинею ходилъ по саду.

4. День весь упражнялся въ письмѣ. Ввечеру князь съ княгинею ѣздили гулять.

5. Поутру съ княгинею и фрейлинами ходили въ саду и пили чай въ ставкѣ, потомъ были у князя.

7. Былъ у обѣдни. Ходилъ съ Барышниковымъ въ оранжереи, потомъ съ княгинею въ саду. Послѣ обѣда князь уѣхалъ въ Петергофъ на дежурство, а я съ княгинею и фрейлинами сидѣлъ весь вечеръ въ кабинетѣ.

8. Недѣля. Всенощная была между кабинетомъ и спальной, потомъ были у обѣдни, послѣ обѣда поѣхали всѣ въ Ропшу, а я остался въ Гатчинѣ.

9. Пришло письмо отъ Николая Васильевича, что княгиня его зажурила за издохлую лошадь. Того ради я поѣхалъ послѣ ужина и пріѣхалъ ночью.

10. Сидѣлъ съ княгинею въ саду, и Катерина Ивановна[20]), и унялъ ее журить Николая. Тутъ увидѣлся первый разъ съ фрейлиною Анною Степановною Протасьевою.

11. Были всѣ у обѣдни. Ввечеру съ Фроломъ и съ Ник. Вас. были въ банѣ у попа.

13. Князь пріѣзжалъ кушать изъ Петергофа. Загадалъ мнѣ загадку: Премудрость Плохая и Любовь Дурная вмѣстѣ живутъ? Оно значитъ: Софья Михаиловна Плохая и Любовь Васильевна Дурная въ Алексѣевскомъ монастырѣ живутъ въ дружбѣ, и оная-де рѣчь при дворѣ въ употребленіи. На улицѣ я былъ съ нимъ и подсмѣялъ ему, что въ хорошемъ кафтанѣ ни сѣсть ни лечь на земь нельзя, а онъ мнѣ на то, что не платье насъ почитаетъ, но мы платье.

14. Съ княгинею ѣздилъ гулять въ линеи, и у обѣдни не были.

15. По утру ѣздилъ съ княгинею гулять. Въ колесѣ переломилъ я трость, и она не сердилась, отдала склеить. Потомъ были у обѣдни. Кушалъ князь дома. Я ее при немъ пристыдилъ, что она лжетъ. А

---

[20]) Шарогородская?

какъ я выпилъ водки, она сказала, что перемѣнила обо мнѣ мнѣніе. А я на то: «ты и о всякомъ человѣкѣ поэтому можешь перемѣнить мнѣніе», и тѣмъ еще пристыдилъ.

16. Княгиня уѣхала съ княземъ въ Петергофъ и пріѣхали ввечеру, а я съ Никол. Васил. былъ въ гостяхъ у попа.

17. Поутру я пенялъ князю, что онъ также какъ я не бѣгаетъ; онъ говорилъ, что не можетъ, и пошли вмѣстѣ съ княгинею въ нижній садъ. Послѣ обѣда былъ съ ними и считали съ Александромъ Николаевичемъ число звѣрино 666—вышло точно. Въ 7-мъ часу пополудни поѣхали всѣ въ Гатчину. Я ѣхалъ въ одноколкѣ и заѣзжалъ съ Ник. Вас. къ прикащику. Прикащица дала мнѣ краюху хлѣба Курляндскаго, и заѣзжали къ пастору Чухонскому.

18. Гулялъ съ княгинею въ саду, подарилъ ей краюху хлѣба. Былъ съ ними средняго этажа на балконѣ, налила и поднесла сама водки.

19. Въ спальнѣ поутру князь и княгиня подчивали меня Аглицкимъ пивомъ, и выпилъ цѣлую бутылку и рюмку водки. Ввечеру князь лежалъ въ ваннѣ, а я пилъ Аглицкое пиво.

21. Ѣздили въ Глухой лѣсъ, ходили въ избушку съ княгинею и съ фрейлинами. Обѣдни не было.

22. Недѣля. Князь и княгиня были у обѣдни, а до обѣдни ѣздили съ княгинею вокругъ звѣринца, за тѣмъ была очень поздно обѣдня.

23. Въ спальной княгиня подчивала меня Шемпанскимъ винцомъ, и ѣлъ его съ хлѣбомъ.

24. Кушали князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, Иванъ Ивановичъ Миллеръ съ фамиліею и дѣтьми. Послѣ стола сидѣли они въ ставкѣ въ саду. Я пришедъ отдалъ имъ честь палочкой и проигралъ маршъ. Потомъ поздравлялъ князя отъ всего народа, что онъ вѣрный сынъ отечества и прямой другъ добродѣтели, разсказывалъ имъ, какъ я гулялъ съ его племянникомъ, князь Петромъ и казалъ ему, что у меня ихъ гербъ. Потомъ сидѣлъ съ ними, и онъ скоро уѣхалъ, а мы поѣхали въ избушку, и потомъ Миллеръ разсказывалъ мнѣ про свою службу, что онъ служилъ солдатомъ и дошелъ до чиновъ; а вышедъ изъ избушки, я имъ всѣмъ сказалъ, что щеголи въ пѣхотѣ, пьяницы во флотѣ, дураки въ кавалеріи, а Иваны въ артилеріи.

25. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ Воейковымъ въ Петербургъ и ночевалъ въ Семеновскомъ полку у Кожиныхъ. Оттуда прошедъ, у Андрея Ивановича выпилъ водки, за столомъ пилъ красное вино и былъ пьянъ. Андрей Ивановичъ уклалъ спать.

26. Поутру очень рано пришелъ въ свою квартиру, взялъ рубаху и былъ въ банѣ. У обѣдни былъ въ Казанскомъ соборѣ. Потомъ пришелъ къ княгинѣ и гулялъ съ нею въ саду. Ввечеру былъ въ лагерѣ у Николая Жилина. Засталъ его играющимъ въ карты, поговорилъ и ушелъ.

27. Поутру ходилъ съ княгинею въ саду, и пришло къ нимъ письмо отъ графа Алексѣя Григорьевича.

28. Очень рано пошелъ, былъ у Воейкова, а потомъ у Жилина и взялъ отъ него донесеніе объ отпускѣ домой. Былъ у Авдотьи Алек-

сандровны, она унимала обѣдать. Александръ Николаевичъ почти выслалъ вонъ. Отъ нихъ ходилъ къ Воейкову, отдалъ доношеніе и пришедъ проводилъ ихъ въ Царское Село, а самъ ночевалъ у Барышникова.

29. Недѣля. По утру заходилъ къ Саввѣ Ѳедоровичу, былъ у обѣдни въ Петропавловскомъ соборѣ, обѣдалъ на рынкѣ и писалъ весь день въ своей квартирѣ.

30. Обѣдалъ у князя Долгорукова и ночевалъ.

31. Былъ у Жилина и ночевалъ въ княжомъ домѣ.

Мѣсяцъ Августъ 1778.

1. Поѣхали съ церковнымъ урядникомъ и съ канцеляристомъ по полуночи въ 12-мъ часу. Пріѣхали въ Гатчину ввечеру. Съ 1 числа княгиня Катерина Ивановна, Марья Васильевна [21]) и я начали поститься.

6. Были у освященія церкви Петра Григорьевича Демидова въ сельцѣ Сиворицѣ. Обѣдали, былъ немножко подгулявши. Ввечеру пріѣхалъ въ Гатчину. Катерина Алексѣевна подарила платкомъ краснымъ, Прасковья Матвѣевна зеленымъ, Марѳа Васильевна бѣлымъ и Катерина Ивановна—синимъ.

8. Княгиня и мы пріобщились Св. Христовыхъ тайнъ. Обѣдалъ у князя.

10. Пріѣхалъ въ Петербургъ, отнесъ письмо Осипу Петровичу Козадавлеву. Былъ у Николая Ивановича (Жилина).

11. Отпросилъ его въ отпускъ въ Гатчину.

12. Поѣхали съ нимъ и заѣзжали къ Александру Григорьевичу Демидову. Ужинали. Прасковья Матвѣевна подарила меня платкомъ желтымъ и табакеркой черепаховой, черной. Пріѣхали поздно.

14. Уѣхалъ Николай Жилинъ въ Петербургъ, далъ ему 15 рублей.

15. Разговлялся съ княземъ и пилъ много вина и пива, а пьянъ не былъ.

19. День Донской Богородицы. Кушалъ съ княземъ и былъ пьянъ, растерялъ платки и табакерку. Ввечеру танцовалъ и прыгалъ, послѣ мучился совѣстью.

22. Съ Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ уѣхалъ къ новой избушкѣ, къ фазанамъ и въ прочія мѣста. Они всѣ кушали у Демидова въ Сиворицѣ.

23. Князь по утру съ Васильчиковымъ ѣздилъ на охоту съ собаками, затравили 2 зайцевъ.

24. Князь съ Васильчиковымъ ѣздили на охоту, привезли 10 зайцевъ, обѣдали у Петра Григорьевича Демидова, а я обѣдалъ съ Анною Осиповною и гуляли по саду, насъ вымочилъ дождикъ.

26. Княгиня пожаловала мнѣ сама сорочку послѣ обѣда. Очень были веселы.

30. Во время стола меня подпоили, и я плясалъ у Марьи Васильевны въ комнатѣ.

---

[21]) Шкурина?

Мѣсяцъ Сентябрь 1778.

1. Послѣ обѣда князь поѣхалъ въ Петербургъ.

2. Недѣля. Были у всенощной и обѣдни. Ввечеру княгиня собиралась ѣхать въ Петербургъ, но не поѣхала, потому что лошади устали.

3. Княгиня пожаловала мнѣ полтинникъ золотой и въ 9-мъ часу съ Катериной Ивановной поѣхала въ Петербургъ, а фрейлины и я остались. Княгиня Марьѣ Павловнѣ [22]) меня рекомендовала.

4. Кушалъ съ фрейлинами. Ввечеру была всенощная.

5. Бомбардирская церковь—во имя пророка Захарія и праведныя Елизаветы. Слушали фрейлины освященіе воды, послѣ часовъ царскую панихиду, послѣ обѣдни молебенъ. Кушалъ съ ними.

6. Ввечеру пріѣхала княгиня и съ нею Катерина Ивановна и Анна Осиповна, и ночевали.

7. По утру фрейлины княгини поѣхали въ Петербургъ. Съ канцеляристомъ Иваномъ Дорофѣевымъ и съ нами Николай Васильевичъ пропѣлъ всенощную.

8. Прочитали часы. Ввечеру поѣхала Катерина Францовна.

*

Справка Тайной Экспедиціи и дневникъ Лаврова даютъ основаніе къ заключенію, что показаніе его, данное послѣ ареста, не представляетъ совершенной правдивости, какъ относительно обстоятельствъ его военной службы, такъ и относительно жизни его въ послѣднее передъ арестомъ время.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста, въ началѣ Октября, Лавровъ подалъ прошеніе о дозволеніи ему постричься въ Ниловой пустынѣ: ибо, говорилъ онъ, еще въ молодости далъ обѣтъ посвятить себя Богу въ уединенной жизни, но 11 Октября 1778 года высочайше утверждено и объявлено Лаврову слѣдующее опредѣленіе Тайной Экспедиціи: посадить въ тюрьму на двѣ недѣли, выслать вонъ изъ Петербурга съ запрещеніемъ въѣзда, а въ Нилову пустынь опредѣлить нельзя, потому что она заштатная.

Тогда Лавровъ просилъ о дозволеніи постричься въ Саровской пустынѣ. 29 Октября ему объявлено было, чтобъ «онъ Лавровъ, дабы отъ него впредь не произошло такой же дерзости, каковую онъ учинилъ, въ резиденціи Ея Императорскаго Величества быть никогда не осмѣливался. Если же сего онъ не исполнитъ, то поступлено будетъ по законамъ». Вмѣстѣ съ симъ ему объявлено было о соизволеніи Императрицы на постриженіе его въ Саровской пустынѣ.

Въ тотъ же день, 29 Октября, Лавровъ былъ отправленъ изъ Петербурга съ нарочнымъ курьеромъ въ распоряженіе епископа Владимірскаго Іеронима.

Затѣмъ Платонъ Лавровъ былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Палладія въ Саровской пустынѣ.

---

[22]) Нарышкиной.

Въ Февралѣ 1782 года, Палладій прислалъ письмо къ генералъ-прокурору князю Вяземскому, въ которомъ говорилъ: «Я довольно вѣдаю, что вы мужъ боголюбивый и помазанницу Божію, свою щедрую мать и государыню, любите простосердечно, безъ лести и трусости». Въ пакетѣ было вложено письмо на имя императрицы, которое Палладій и просилъ князя Вяземскаго лично ей передать. Письмо это начиналось такъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Возлюбленная единороднаго Сына Божія, помазанница, чудотворная царица, великая императрица Екатерина Алексѣевна, къ подданнымъ прещедрая мать, государыня всемилостивѣйшая! Отъ юности моея Господа Бога люблю всѣмъ сердцемъ и всею душею. Тебя, о превеликая государыня императрица, паче себя, съ 1753 года—душею, съ 1778 года—духовно, а ближняго—яко самъ себя». Затѣмъ, въ разныхъ вычурныхъ выраженіяхъ, съ текстами изъ псалмовъ, Палладій просилъ разрѣшить ему отправиться въ Іерусалимъ.

Князь Вяземскій докладывалъ письмо Императрицѣ, и на это послѣдовало слѣдующее рѣшеніе: «такъ какъ по справкѣ оказалось, что до постриженія въ монахи Лавровъ былъ человѣкъ распутной жизни, бродяга и ханжа, то велѣно прошеніе его оставить безъ отвѣта».

Въ Январѣ слѣдующаго 1783 года, Палладій прислалъ къ князю Вяземскому второе письмо на имя императрицы, въ которомъ восхвалялъ ее, а князю Вяземскому приписывалъ: «Три вещи для меня на свѣтѣ чудны, что бездѣльники богаты, а честные люди скудны, да что умными тѣхъ чтутъ, которые безразсудны».

Черезъ мѣсяцъ, Палладій вновь писалъ императрицѣ: «Матушка, намѣстница Божія, превеликая императрица! Сей часъ, по милости Божіей, въ домѣ Борисоглѣбскаго городничаго, свободилъ человѣка изъ рукъ немилосердаго тирана. Обстоятельно имѣю со временемъ всепокорнѣйше донести. Борисоглѣбскъ, 13 Февраля 1783 года».

Императрица поручила генералъ-губернатору М. Ѳ. Каменскому секретно произвести слѣдствіе, кого и отъ какаго тирана освободилъ Палладій. Каменскій доставилъ слѣдующія свѣдѣнія: Борисоглѣбскій уѣздный казначей, секундъ-майоръ Матвѣй Никитинъ Толстой пріѣхалъ изъ деревни въ городъ съ женою своею Марьею Андреевною и съ дядею ея, монахомъ Палладіемъ. Пріѣхалъ Толстой пьяный и «дѣлалъ въ квартирѣ своей великіе раздоры». Палладій далъ знать городничему, который, пріѣхавъ, засталъ Толстаго одного сидящимъ въ комнатѣ. Изъ другой вышла его жена и сказала, что въ присутствіи городничаго она никакой опасности отъ мужа своего не имѣетъ. Городничій, думая ихъ примирить, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Во время стола, хотя дальнѣйшихъ безпорядковъ никакихъ не было, но майоръ Толстой называлъ монаха бѣглымъ и наказаннымъ шпицъ-рутенами. Въ тоже время обнаружилось, что Толстой въ деревнѣ сѣкъ жену нагую кнутьями, сдѣлалъ насиліе приданой ея дѣвкѣ и намѣревался убить брата своей жены, сержанта Василія Лаврова. Обстоятельства эти Каменскій велѣлъ разслѣдовать и распорядился охранить жену Толстаго отъ безобразій ея мужа.

Черезъ годъ, въ Февралѣ 1784 года, Палладій вновь обращается къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ говоритъ: «что по откровенію ему о благодати, которая дана отъ Господа, почитаетъ онъ Ея Величество чудотворною; что Господь, любя ее, не оставитъ исполнить ея просьбы, а какъ въ ихъ предѣлахъ и въ другихъ мѣстахъ поизнемогли стихіи, отчего не было никакихъ растеній и огородныхъ овощей, и люди больше ко сну клонются, то проситъ намѣстницу Божію, премудрую Екатерину: для нея Іисусъ Христосъ все сдѣлаетъ, что̀ бъ только Его святой волѣ непротивно было, а ему (Палладію) свѣтло видится, что Онъ хощетъ, для продолженія ея жизни, обновить ея юность. Страшится онъ (Палладій), чтобъ она отъ сего святѣйшаго дара не отказалась, хотя не по упрямству, но по нѣжности сердца изволитъ сказать, пожалуй, что она грѣшница и того недостойна. Однако онъ (Палладій) знаетъ, что Господу сіе пріятнѣе пудовой раззолоченой свѣчи и попова кадила. Онъ (Палладій) проситъ не огорчиться на него, что онъ столько утруждаетъ: онъ потому невольникъ, всѣ члены своего тѣла посвятилъ на службу Господу».

Письмо это было оставлено, конечно, безъ всякаго отвѣта, котораго, какъ видно, не ожидалъ и самъ Палладій; ибо того же Февраля 26 числа онъ получилъ отъ епископа Владимірскаго Виктора дозволеніе отправиться въ Петербургъ, и ему данъ паспортъ слѣдующаго содержанія:

«Объявитель сего, епархіи моей Саровской пустыни монахъ Палладій, по прошенію его, уволенъ мною сего 1784 года по 25 Марта, въ С. Петербургъ, для свиданія съ сродниками, его; чего ради, отъ Владиміра до С. Петербурга и обратно надлежащимъ трактомъ, на заставахъ команду имѣющимъ о пропускѣ онаго монаха Палладія чинить по Ея Импер. Величества указамъ. Будучи же ему Палладію въ пути и въ С. Петербургѣ съ симъ паспортомъ, содержать себя въ трезвости и становиться на квартирахъ въ приличныхъ по званію своему мѣстахъ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ, вопервыхъ явиться ему Палладію съ симъ паспортомъ въ Св. Правительствующемъ Сvнодѣ. Во дворецъ же и придворныя церкви не ходить, и какъ Ея Императорское Величество, такъ и Ихъ Импер. Высочествъ никакою просьбою не утруждать, и нигдѣ никакой просьбы не употреблять, и мылостыни не просить. Также далѣе срочнаго времени нигдѣ ему не жить и никому его не держать, явиться ему Палладію ко мнѣ на срокъ неотмѣнно».

Въ Петербургѣ Палладій явился къ князю Вяземскому съ пакетомъ, адресованнымъ въ собственныя руки Ея Величества. Екатерина приняла письмо отъ князя Вяземскаго и прочла: «Іисусъ посредѣ насъ! Премудрая монархиня, чудотворная царица, превеликая императрица Екатерина Алексѣевна, всемилостивѣйшая мать и государыня! Сладчайшій Іисусъ и по паденіи грѣшника падающаго къ пречистымъ стопамъ Его не отвращаетъ Своего лица, но ты еси возлюбленная Его Христа, предостойная подражательница святѣйшихъ дѣлъ любителя вашего Іисуса, удостой недостойнаго мене

пасть къ дражайшимъ вашимъ стопамъ уединенно, я ничто иное какъ всеусердный Его Спасителя рабъ».

23 Марта 1784 г. [23]) императрица приказала объявить Палладію, что онъ не можетъ быть ей представленъ и велѣла препроводить его къ митрополиту Гавріилу съ повелѣніемъ, «чтобъ Гавріилъ истолковалъ Палладію прямую должность монаха и наставилъ бы его, какъ монахъ долженъ продолжать свою жизнь по правиламъ св. отецъ и дать ему почувствовать, чтобъ онъ никакими письмами Ея Император. Величество утруждать не дерзалъ, за присланныя же достоинъ осужденія».

11 Мая митрополитъ Гавріилъ увѣдомилъ князя Вяземскаго, что при увѣщаніяхъ и наставленіяхъ Палладію, въ теченіи многихъ дней, выяснились только «глупыя и подлыя его мысли и воображаемое усердіе. Онъ клялся своими лѣкарствами не только никого не лѣчить, но и не говорить объ нихъ». Митрополитъ, для пользы Палладія, предлагалъ «не допускать его къ обращенію ни съ кѣмъ, кромѣ монаховъ, и запретить ему писать».

15 Мая Палладій былъ отосланъ въ Саровскую пустынь.

Черезъ 10 лѣтъ, въ 1794 году, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода докладывалъ императрицѣ, что по донесеніямъ епископа Тамбовскаго Ѳеофила монахъ Палладій крайне неспокойной жизни и что письма, которыя онъ пишетъ къ нему епископу и губернатору, «наполненныя разными дерзкими относящимися къ важности выраженіями», доказываютъ сумашествіе Палладія.

Въ Октябрѣ 1794 года, по высочайшему повелѣнію, Палладій былъ переведенъ въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь навсегда.

Здѣсь, въ этой крѣпости духовнаго вѣдомства, вѣроятно, Лавровъ и покончилъ свою безпокойную и безполезную жизнь прихлебателя, странника и чудодѣя.

[23]) Князя Орлова тогда уже не было въ живыхъ.

Гриммъ и г-жа д'Эпинэ *).

Въ 1749 году прибылъ въ Парижъ изъ Германіи молодой человѣкъ, сопровождавшій графа Шёнберга въ качествѣ наставника дѣтей его. Этому педагогу было 25 лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, имѣлъ довольно пріятную физіономію, но держался нѣсколько криво, ходилъ, какъ говорится, бочкомъ; въ одеждѣ его была замѣтна нѣкоторая изысканность, претензія на изящество, но вмѣстѣ съ тѣмъ во всей наружности и въ походкѣ его было что-то небрежное, неловкое. По-французски онъ выражался не дурно, но не безъ Нѣмецкаго акцента, и, можетъ быть, трудность вести разговоръ на иностранномъ языкѣ была причиною того, что многимъ казалось, будто онъ не обладалъ даромъ слова. Это былъ Гриммъ, въ то время еще никому не извѣстный, но которому суждено было пользоваться почетнымъ именемъ почти при всѣхъ Европейскихъ дворахъ.

Родиной Гримма былъ Регенсбургъ, знаменитое мѣсто собраній имперскаго сейма; отецъ его былъ лютеранскій пасторъ, достигшій званія суперъ-интендента. Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, будущій корреспондентъ Екатерины II, родился въ Декабрѣ 1723 года и кончилъ свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ между прочимъ лекціи незабытаго въ исторіи классической филологіи Эрнести. Еще въ гимназіи Гриммъ задумалъ трагедію, избравъ сюжетомъ Азіатскую героиню Банизу, а въ университетѣ выполнилъ этотъ планъ и отправилъ свое сочиненіе къ Готшеду, который еще прежде принялъ Гримма подъ свое покровительство и впослѣдствіи напечаталъ эту пьесу, скроенную впрочемъ по обычной мѣркѣ ложно-классической драмы. Тогда же Гриммъ пробовалъ себя и въ другихъ родахъ поэзіи, но вскорѣ убѣдился, что живой воспріимчивости ко всему прекрасному и умѣнья оцѣнить всякое произведеніе искусства еще недостаточно для того, чтобы самому быть поэтомъ: онъ понялъ свое призваніе и сдѣлался превосходнымъ критикомъ.

Графъ Шёнбергъ давно зналъ семейство Гримма и, по выходѣ молодаго человѣка изъ университета, взялъ его къ себѣ секретаремъ. Благодаря этому, Гриммъ имѣлъ случай присутствовать при избраніи во Франкфуртѣ на Майнѣ императора Франца I. Какъ видно изъ

---

*) Въ слѣдующей тетради Русскаго Архива начнется печатаніемъ большое собраніе писемъ Екатерины II-й къ барону Гримму, приготовленныхъ къ изданію, во Французскихъ подлинникахъ, Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ Петербургѣ. Настоящая статья послужитъ къ предварительному знакомству читателей съ Гриммомъ и его обстановкою. П. Б.

одного письма его къ Готшеду, самъ онъ считалъ тогдашнее положеніе свое полудипломатическимъ и захотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы утвердиться во Французскомъ языкѣ. Въ концѣ 1748 года онъ писалъ своему Лейпцигскому аристарху, что сбирается ѣхать во Францію; графъ Шёнбергъ, который везъ его туда, былъ сынъ посланника и отправлялся въ Парижъ, чтобы занять тамъ мѣсто командира Нѣмецкихъ драгуновъ. «Легкость жизни», говоритъ Гетнеръ [1]), «привлекательныя внѣшнія формы, большая подвижность скоро дали ходъ двадцати-пятилѣтнему молодому человѣку. Изъ воспитателя дѣтей графа Шёнберга онъ въ короткое время сдѣлался чтецомъ принца Саксенъ-Готскаго, потомъ секретаремъ графа фонъ-Фризена, молодого, пылкаго наслѣдника и племянника маршала Морица Саксонскаго. Гримма полюбили въ обществѣ знатныхъ; чрезъ посредство Клюпфеля, пастора въ домѣ принца Готскаго, онъ познакомился съ Жанъ-Жакомъ Руссо и Дидро, и уже тогда, какъ разсказываетъ Мармонтель въ своихъ запискахъ, давалъ еженедѣльно dîners de garçons, на которыхъ веселыми гостями его были молодые Французскіе писатели. Въ письмѣ къ Готшеду отъ 30 Ноября 1751 года Гриммъ хвалится тѣсною дружбой съ д'Аламберомъ, Дидро и роднею Вольтера. Скоро онъ и самъ смѣло выступилъ дѣятелемъ Французской литературы».

Около этого времени Руссо ввелъ Гримма въ салонъ г-жи д'Эпинэ, и съ той поры въ жизни Гримма начинается новая эпоха. Какъ у M-me Geoffrin литераторы встрѣчались съ аристократическимъ обществомъ, такъ M-me d'Epinay (подобно первой, жена богатаго откупщика) соединяла у себя философовъ съ финансистами. Въ перепискѣ Екатерины II съ Гриммомъ эта дама играетъ очень видную роль, и такъ какъ она оставила любопытные мемуары, то мы отчасти воспользуемся этимъ источникомъ для біографіи Гримма, а вмѣстѣ и для характеристики самого автора мемуаровъ.

Г-жа д'Эпинэ, урожденная d'Esclavelles, дочь бригадира, родилась въ 1725 году и лѣтъ 20-ти вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Бельгарда, принявшаго по одному изъ родовыхъ имѣній своихъ имя д'Эпинэ. По примѣру своего отца, онъ сдѣлался fermier-général (откупщикомъ). Это былъ человѣкъ не лишенный образованія, но безъ всякихъ правилъ, тщеславный и расточительный. Кромѣ деревни д'Эпинэ, лежавшей близъ Сенъ-Дени, онъ владѣлъ въ окрестностяхъ Парижа еще имѣніемъ La Chevrette, и жилъ на большую ногу то въ одномъ изъ этихъ загородныхъ мѣстъ, то въ столицѣ. Послѣ женитьбы у него было шестнадцать человѣкъ прислуги; съ утра прихожая г. д'Эпинэ наполнялась людьми всякаго рода, имѣвшими до него дѣло; являлись его секретари съ докладами, которые безпрестанно прерывались новыми лицами, а когда изъ своей спальни выходила молодая хозяйка, то передъ нею вдругъ распахивались двери, и два лакея громко возвѣщали: «Mesdames, messieurs, voilà madame!» Г-жа д'Эпинэ не была хороша собой, но въ физіономіи ея было много жизни и игры; она была невысокаго роста, худощава, но чрезвычайно стройна. Супруги жили очень открыто. Въ то время еще въ Парижѣ вставали рано, обѣдали часа въ два, а въ восемь ужинали; къ обѣду приглашали не часто, и любимою сценою интимныхъ бе-

---

[1]) Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, II, 396.

сѣдъ былъ ужинъ. Сначала г-жа д'Эпинэ страстно любила мужа, но мало по малу его легкомысліе охладило ее къ нему, и она отдала свое сердце блестящему, но теперь забытому Франкэлю (Francueil). Внучка его, г-жа Жоржъ-Сандъ описываетъ его какъ весьма умнаго и любезнаго человѣка. Ж. Ж. Руссо, не зная чѣмъ жить, принялъ мѣсто секретаря въ домѣ тёщи Франкэля и помогалъ имъ обоимъ въ ихъ литературныхъ трудахъ. Франкэль представилъ г-жѣ д'Эпинэ Руссо какъ своего пріятеля, а Руссо однажды въ 1752 году привелъ къ ней Гримма. Эти два писателя были тогда друзьями; но рѣзкость, съ какою Гриммъ иногда выставлялъ смѣшныя стороны Жанъ-Жака, не щадя его колоссальнаго самолюбія, скоро разсорила ихъ; къ этому присоединилось и соперничество, такъ какъ влюбчивый Руссо не имѣлъ никакого успѣха въ сердцѣ г-жи д'Эпине, а Гриммъ скоро вытѣснилъ Франкэля. Этимъ объясняется отчасти та ненависть, съ какою Руссо въ своихъ Confessions постоянно говоритъ о Гриммѣ; нельзя конечно предполагать, чтобы и послѣдній вовсе не былъ виноватъ передъ первымъ, который, какъ дитя природы, не имѣлъ и тѣни той ловкости, съ какою счастливый соперникъ его умѣлъ овладѣвать расположеніемъ людей и выгодно устраивать дѣла свои. Но по крайней мѣрѣ надо отдать Гримму справедливость въ томъ, что онъ, хотя читалъ знаменитыя Confessions, вышедшія задолго до его смерти, всегда держалъ себя съ большимъ достоинствомъ въ отношеніи къ памяти Руссо: правда, онъ не особенно снисходительно отзывался о характерѣ бывшаго друга своего, но сохранялъ полное безпристрастіе, говоря о его талантѣ и литературныхъ заслугахъ. Долго однакожъ Французская критика, подъ вліяніемъ Confessions, была предубѣждена противъ Гримма. Наконецъ, Сенъ-Бэвъ, внимательно изучивъ обоихъ писателей, рѣшилъ тяжбу между ними слѣдующимъ смѣлымъ приговоромъ: «Руссо, всякій разъ, когда задѣты его самолюбіе и болѣзненное тщеславіе, не останавливается передъ ложью, и я пришелъ къ убѣжденію, что въ своихъ разсказахъ о Гриммѣ онъ былъ просто лжецомъ» [2]).

Г-жа д'Эпинэ, въ первый разъ увидѣвъ Гримма въ другомъ домѣ, записала въ своемъ дневникѣ: «Разговоръ шелъ не особенно живо. Всего интереснѣе были кое-какія разсужденія о Французской и Итальянской музыкѣ. Я съ удовольствіемъ слушала г. Гримма. Руссо и Франкэль представили мнѣ его какъ человѣка, желавшаго со мной познакомиться; онъ не особенно легко изъясняется, но, не смотря на то, его способъ выражаться не лишенъ пріятности и занимательности. Руссо говорилъ мнѣ о немъ съ энтузіазмомъ, и оттого я разсматривала его съ такимъ любопытствомъ, какое рѣдко замѣчаю за собой въ обществѣ. Я просила его навѣщать Руссо и Франкэля, когда они будутъ въ Эпинэ; онъ отвѣчалъ мнѣ учтиво, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ воспользовался моимъ приглашеніемъ, такъ какъ онъ не любитъ сельской жизни». Однакожъ Гриммъ не долго заставилъ ждать себя, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ того же дневника: «Г. Гриммъ былъ у меня вмѣстѣ съ Руссо; я позвала ихъ къ обѣду на другой день. Я была имъ очень довольна; онъ тихъ, вѣжливъ; я думаю, что онъ застѣнчивъ, потому что на мой взглядъ онъ на столько уменъ, что его неловкость не можетъ происходить отъ другой причины. Онъ

---

[2]) Causeries du lundi VII, 227.

страстный охотникъ до музыки, и мы цѣлое послѣ-обѣда занимались ею съ нимъ, съ Руссо и Франкэлемъ. Я показала ему нѣсколько пьесъ своего сочиненія и, кажется, онѣ доставили ему удовольствіе. Если что̀ мнѣ въ немъ не понравилось, такъ это его преувеличенныя похвалы моимъ дарованіямъ. У него нѣтъ состоянія; его любовь къ наукамъ, искусствамъ и къ литературѣ сблизила его съ графомъ Шёнбергомъ. Глубокая его привязанность къ этому человѣку и къ графу Фризену заставила его остаться навсегда во Франціи, гдѣ онъ вполнѣ предался изученію литературы. Онъ живетъ у графа Фризена и надѣется своими трудами обезпечить себѣ положеніе въ будущемъ. Говорятъ, онъ не честолюбивъ».

Музыкальнымъ способностямъ, о которыхъ здѣсь упомянуто, Гриммъ вскорѣ послѣ того и обязанъ былъ своими первыми успѣхами въ свѣтѣ. Въ Парижѣ надѣлали тогда шуму новоприбывшіе Итальянскіе пѣвцы съ невѣдомою тамъ до тѣхъ поръ музыкою Многіе, изъ ложнаго патріотизма, не хотѣли признать ея превосходства надъ Французскою; между приверженцами той и другой происходили жаркіе споры; въ одномъ театрѣ образовались партіи, le coin du roi и le coin de la reine (такъ названныя по мѣсту ихъ сходокъ подъ ложами короля и королевы). Гриммъ, какъ ревностный сторонникъ Итальянской музыки, принадлежалъ къ послѣдней; изъ сочиненій его, написанныхъ имъ въ это время въ такомъ смыслѣ, особенно удалась брошюра Le petit prophète de Böhmischbroda, о которой говоритъ и Екатерина въ началѣ своей переписки съ авторомъ. До какой степени Гриммъ тогда сдѣлался уже Французомъ, можно судить по впечатлѣнію, произведенному веселымъ тономъ этой книжки на Вольтера; прочитавъ ее, онъ замѣтилъ: «De quoi s'avise donc ce Bohémien d'avoir plus d'esprit que nous?» т. е. какъ смѣлъ этотъ Богемецъ (Цыганъ) перещеголять насъ остроуміемъ? Въ этой брошюрѣ Гриммъ наноситъ смертельный ударъ Французской музыкѣ, но за то льститъ тщеславію Французовъ и превозноситъ ихъ націю какъ первую въ мірѣ, а страну ихъ какъ отечество всѣхъ лучшихъ талантовъ, куда искусства переселились изъ Италіи.

Графъ Фризенъ, котораго называетъ г-жа д'Эпинэ въ приведенномъ отрывкѣ, былъ пріятель Шёнберга и, такъ же какъ онъ, Саксонскій уроженецъ. Благодаря своей наружности, своему веселому нраву и еще болѣе родству съ Морицемъ Саксонскимъ, графъ Фризенъ былъ любимцемъ всѣхъ знатныхъ дамъ, не смотря на распущенность своего образа жизни. Поселясь въ его домѣ, Гриммъ въ Іюлѣ 1753 года писалъ къ Готшеду (замѣтимъ, пофранцузски): «Мой адресъ: à l'hôtel de Frise, rue basse du Rempart, faubourg St. Honoré, безъ всякаго титла, потому что я ужъ болѣе не секретарь графа Фризена. Здѣшніе литераторы лучше хотятъ быть ничѣмъ, нежели состоять при комъ-нибудь; я послѣдовалъ ихъ примѣру и устроилъ себѣ небольшой доходецъ изъ одного литературнаго занятія».

Этимъ занятіемъ, этими трудами, на которые, и по словамъ г-жи д'Эпинэ, Гриммъ возлагалъ тогда свои надежды, была его «Correspondance littéraire». —«Что такое литературный корреспондентъ?» сказалъ однажды аббатъ Мореллэ, желая уколоть Гримма за ироническій отзывъ о немъ, и самъ же на этотъ вопросъ отвѣчалъ: «Это человѣкъ, который за деньги взялся еженедѣльно потѣшать иностраннаго государя на счетъ того или другаго лица и вообще на счетъ всякаго вновь появляющагося литературнаго труда и его автора». Если изъ

этихъ словъ исключить незаслуженный упрекъ въ умышленномъ пристрастіи, то опредѣленіе будетъ довольно вѣрно. Начало этому рукописному фельетону, который въ десяткахъ копій разлетался по Европейскимъ дворамъ, положилъ въ 1747 году Рейналь, извѣстный авторъ «Исторіи обѣихъ Индій», и сперва его литературная корреспонденція посылалась только къ Саксенъ-Готской-Альтенбургской герцогинѣ Луизѣ Доротеѣ, по вызову этой просвѣщенной и даровитой принцессы. Гетнеръ, который видѣлъ письма Рейналя въ герцогскомъ архивѣ въ Готѣ, говоритъ, что съ середины 1753 года, рядомъ съ корреспонденціею Рейналя, является тамъ и Гриммъ съ своими сообщеніями, а вскорѣ дѣло это ведется уже имъ однимъ. Мало по малу читателями его сдѣлались многіе Германскіе принцы и нѣкоторые другіе государи; въ 1763 году къ нимъ присоединился Фридрихъ Великій, въ 1766 Екатерина II, и съ этихъ поръ имя Гримма пріобрѣтаетъ Европейскую славу. Корреспонденція его разсылалась два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа. Поспѣшимъ однакожъ замѣтить, что эта «Литературная Корреспондеція» не имѣетъ ничего общаго съ тою дружескою перепиской, которую начàла вести съ нимъ Русская императрица десятью годами позже и которая теперь издается Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Первая доставлялась одновременно и многимъ частнымъ лицамъ за извѣстную плату (по 300 франковъ въ годъ). Общее значеніе этой дѣятельности Гримма такъ охарактеризовано Сентъ-Бэвомъ: «Прежде офиціальнаго вступленія на дипломатическое поприще, Гриммъ былъ на дѣлѣ резидентомъ и повѣреннымъ державъ при общественномъ мнѣніи Франціи, и въ тоже время былъ какъ бы представителемъ и секретаремъ Французскаго esprit при державахъ. Въ отношеніи къ обѣимъ сторонамъ онъ достойно выполнилъ эту миссію».

«Литературная Корреспонденція» Гримма была въ первый разъ издана въ Парижѣ въ 1812 году въ 15-ти томахъ (впослѣдствіи дополненныхъ еще однимъ) подъ заглавіемъ: «Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot» [1]). Послѣднее имя прибавлено тутъ потому, что Гриммъ, уѣзжая на время изъ Парижа, иногда поручалъ веденіе этихъ записокъ своему пріятелю Дидро; впрочемъ, по временамъ, Гримма замѣнялъ въ этомъ дѣлѣ и секретарь его Мейстеръ, какъ видно напр. изъ одного письма Екатерины II-й, которая, кажется, разумѣетъ именно часть «Литературной Корреспонденціи», говоря о свойствахъ Мейстера (стр. 36). Есть свѣдѣнія, что и г-жа д'Эпинэ помогала Гримму въ составленіи его критическихъ замѣтокъ. Это занятіе Гримма продолжалось до 1790 года, т. е. до самой той поры, когда революція положила конецъ существованію стариннаго Французскаго общества. Чтобы судить, какъ важенъ этотъ почти сорокалѣтній трудъ, сошлемся опять на отзывъ

---

[1]) Экземпляръ этой «Литературной Корреспонденціи», посылавшейся императрицѣ Екатеринѣ II, хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По этой рукописи печатное изданіе можетъ быть нѣсколько пополнено, но и въ ней есть, кажется, пробѣлы. Намъ извѣстно, что одинъ Французскій литераторъ занимается отысканіемъ всего, пропущеннаго въ изданномъ текстѣ. Имѣетъ ли онъ въ виду указаніе Гетнера, что въ Готѣ есть полный рукописный экземпляръ «Литературной Корреспонденціи» Гримма? (Cod. Chart. B. 1138).

Сентъ-Бёва, который въ этомъ случаѣ, конечно, долженъ считаться лучшимъ авторитетомъ. Онъ сознается, что «Литературная Корреспонденція» служила ему однимъ изъ главныхъ пособій для его этюдовъ надъ XVIII столѣтіемъ и видитъ въ Гриммѣ превосходнаго критика, съ умомъ твердымъ, глубокимъ, тонкимъ и съ чрезвычайно вѣрнымъ вкусомъ въ оцѣнкѣ всякаго новаго произведенія.

Показавъ литературное значеніе Гримма, возвратимся къ прерванному очерку его пребыванія во Франціи. Неожиданное обстоятельство послужило поводомъ къ усиленію привязанности г-жи д'Эпинэ къ Гримму: это была смерть одной близкой ея родственницы. Между бумагами покойной не оказалось важнаго документа, касавшагося ея наслѣдства. Г-жу д'Эпинэ заподозрѣли въ истребленіи его; вся родня на нее возстала. На мужскомъ обѣдѣ у гр. Фризена произошелъ объ этомъ горячій споръ; одинъ изъ обвинявшихъ молодую женщину выразился о ней такъ неуважительно, что выведенный изъ терпѣнія Гриммъ колкимъ отвѣтомъ задѣлъ честь противника. Послѣдствіемъ была дуэль, въ которой однакожъ дѣло обошлось царапинами. Благодарность г-жи д'Эпинэ къ своему защитнику была тѣмъ живѣе, что затерявшійся документъ вскорѣ отыскался, къ чести ихъ обоихъ.

Когда вспыхнула Семилѣтняя война, Французское правительство рѣшилось послать 100.000 человѣкъ въ Вестфалію для поддержки своихъ союзниковъ, Маріи Терезіи и Польскаго короля. Эта армія выступила въ походъ подъ предводительствомъ маршала д'Эстрэ (d'Estrées). Между тѣмъ графъ Фризенъ умеръ, но на одрѣ болѣзни успѣлъ представить Гримма другу своему, герцогу Орлеанскому. Это былъ Луи-Филиппъ, внукъ регента и отецъ принца, впослѣдствіи прозваннаго Philippe Egalité. Герцогъ, пригласивъ Гримма въ Сенъ-Клу, предложилъ ему мѣсто секретаря при маршалѣ. Гриммъ согласился, хотя неохотно, и сдѣлался однимъ изъ 28-и секретарей при пышномъ штабѣ этого неискуснаго полководца. Около года Гриммъ былъ въ отсутствіи, слѣдуя за безплодными и безтолковыми движеніями этой арміи и вынесъ изъ нихъ одни тяжелыя впечатлѣнія и грустные опыты жизни. «То, что̀ я вижу», писалъ онъ между прочимъ къ г-жѣ д'Эпинэ, «убѣждаетъ меня, что міръ состоитъ изъ однихъ злоупотребленій и что только безумецъ можетъ надѣяться исправить его. Строгость не возстановляетъ дисциплины: мы окружены висѣлицами и тѣмъ не менѣе видимъ, какъ убиваютъ женщинъ и дѣтей, когда онѣ не даютъ грабить своихъ домовъ.—Безъ этого похода я никогда не узналъ бы, до какихъ предѣловъ могутъ доходить бѣдствія и несправедливость людей».

Съ другой стороны, и Парижская жизнь, въ которой онъ, по окончаніи этого эпизода, снова вращался посреди друзей г-жи д'Эпинэ, представляла ему сцену хотя и другаго рода, но также преисполненную борьбы человѣческихъ страстей, игры тщеславія, зависти и интригъ. Изъ этого-то водоворота жизни онъ осенью 1773 года явился въ Петербургъ, пріѣхавъ туда съ сыномъ ландграфини Гессенъ-Дармштадтской, черезъ три мѣсяца послѣ нея самой, чтобы присутствовать на бракосочетаніи дочери ея, принцессы Вильгельмины, нареченной Наталіей Алексѣевной, съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Императрица уже знала и искренно уважала Гримма по его «Литературной Корреспонденціи». Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ къ нему (стр. 172), припоминая его пріѣздъ въ Россію, она со-

знавалась, что эти листки доставляли ей пріятнѣйшее чтеніе и что послѣ нихъ ничего другаго читать нельзя. «Если», продолжала она, «вы будете отзываться о нихъ дурно, знайте, что вы сами не умѣете цѣнить себя и особенно этихъ листковъ и будете имѣть дѣло со мной, я же буду защищать ихъ всѣми силами». Узнавъ Гримма лично, Государыня была очарована его умомъ, свѣдѣніями, разговоромъ, и при отъѣздѣ его условилась съ нимъ, что онъ будетъ писать ей. Такъ началась изданная нынѣ переписка, изъ которой однакожъ пока напечатаны одни письма Императрицы; немногія въ послѣднее время отыскавшіяся письма Гримма будутъ изданы впослѣдствіи. Но уже и по первымъ можно прослѣдить главныя обстоятельства жизни Гримма съ этихъ поръ до самой кончины Екатерины II. Важнымъ дополненіемъ къ его біографіи можетъ служить составленная имъ самимъ историческая записка о его отношеніяхъ къ Императрицѣ, напечатанная во II-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Изъ этихъ двухъ источниковъ мы узнаёмъ, что Гриммъ, по возвращеніи изъ Петербурга, занималъ въ Парижѣ постъ посланника Саксенъ-Готскаго герцога; когда же, въ разгаръ революціи, въ 1792 году, онъ долженъ былъ окончательно покинуть Францію и снова поселиться въ Германіи, то Екатерина назначила его своимъ посланникомъ при дворахъ Нижне-Саксонскихъ владѣній, и въ этомъ качествѣ онъ жилъ въ Готѣ. Незадолго передъ своею кончиною, она перевела его своимъ резидентомъ въ Гамбургъ; въ этомъ званіи онъ и оставался нѣкоторое время при императорѣ Павлѣ, но потомъ возвратился въ Готу, и умеръ тамъ въ глубокой старости, въ 1807 году.

Читая письма къ нему Екатерины II, мы спрашиваемъ себя: чѣмъ могъ частный человѣкъ, иностранецъ, не игравшій особенно важной роли въ политическомъ мірѣ, снискать въ такой степени довѣріе и сочувствіе великой характеромъ и дѣлами Государыни? Соображая все, что̀ намъ извѣстно о Гриммѣ, мы приходимъ къ заключенію, что главнымъ основаніемъ этого замѣчательнаго умственнаго союза двухъ различно поставленнныхъ судьбою лицъ было сходство ихъ образа мыслей, ихъ міра воззрѣній, ихъ понятій о человѣчествѣ и человѣческихъ дѣлахъ. Оба они равно хорошо знали свѣтъ и людей, оба не отказались бы подписать извѣстные стихи Пушкина:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей...

Кромѣ того, въ оборотѣ ума обоихъ, въ ихъ житейскихъ и литературныхъ вкусахъ, наконецъ въ ихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ о родной Германіи было много общаго. Екатерина не разъ приглашала Гримма на службу въ Россію, желая употребить его въ дѣлѣ народнаго образованія. Не принявъ этихъ лестныхъ предложеній, Гриммъ далъ новое доказательство своего ума и такта: онъ понималъ, что непосредственное личное сближеніе могло повредить полнотѣ установившихся симпатій. Но замѣчательно, что Екатерина II, отклонившая пріѣздъ Вольтера, Франклина и нѣсколькихъ другихъ лицъ, стремившихся къ ея двору, такъ настойчиво звала къ себѣ Гримма.

Сколько мы можемъ судить по многимъ мѣстамъ писемъ Императрицы, а также по перепискѣ Гримма съ Фридрихомъ II, этотъ корреспондентъ государей не былъ, въ своихъ сношеніяхъ съ ними, героемъ правды. Напротивъ, онъ часто льстилъ имъ, и даже совсѣмъ

не тонко, но онъ хорошо понималъ, когда можно безопасно высказать смѣлую и, повидимому, даже дерзкую правду, и едва ли не въ этомъ особенномъ пониманіи заключалась главнымъ образомъ тайна его необыкновеннаго успѣха въ высшихъ сферахъ. Онъ очень любилъ почести и внѣшнія отличія; Вѣнскій дворъ возвелъ его въ бароны; Императрица пожаловала его въ статскіе совѣтники, а позднѣе послала ему Владимірскую звѣзду 2-й степени. Самые друзья его, напр. Дидро, свидѣтельствуютъ, что ему нечуждо было тщеславіе въ образѣ жизни и туалетѣ, что онъ еще въ молодости не могъ уберечься отъ нѣкоторой спѣси при своихъ успѣхахъ и что въ характерѣ его замѣтно было стремленіе господствовать. Но всѣ единодушно хвалятъ его за безпристрастіе, строгій, прямой и положительный умъ.

Подъ именемъ Гримма въ 1830 году изданы были записки, но, по многимъ признакамъ, подложныя; къ сожалѣнію, нѣкоторые писатели, не подозрѣвая ихъ происхожденія, основываютъ на нихъ весьма неблагопріятные для Гримма выводы о тайной роли, какую онъ, будто бы по собственному сознанію, игралъ въ перепискѣ съ государями. Вѣроятно ли, чтобы тайный агентъ правительствъ въ загробныхъ откровеніяхъ своихъ самъ захотѣлъ очернить свою память? Къ тому же, есть противорѣчія между показаніями этихъ приписываемыхъ ему записокъ и несомнѣнными свѣдѣніями, которыя почерпаются изъ его переписки, ничѣмъ не подтверждающей мнимаго признанія.

Теперь еще нѣсколько словъ о г-жѣ д'Эпинэ. Кромѣ ея мемуаровъ, памятникомъ ея литературнаго таланта остается «Conversations d'Emilie», книга, такъ часто упоминаемая въ письмахъ Екатерины II. Это сочиненіе первоначально появилось въ 1774 году подъ заглавіемъ «Conversations entre une mère et sa fille». Г-жа д'Эпинэ много бесѣдовала съ энциклопедистами о воспитаніи, и эта книга была опытомъ постепеннаго развитія дѣтскихъ понятій посредствомъ разговоровъ. Она была издаваема нѣсколько разъ, и въ 1783 году Французская Академія удостоила ее Монтіоновской преміи предпочтительно передъ сочиненіемъ г-жи Жанлисъ: «Adèle et Théodore». Послѣ этого успѣха г-жа д'Эпинэ прожила только три мѣсяца († 15 Апрѣля 1783 г.). Она была давно очень болѣзненна и еще въ 1758 г. ѣздила въ Женеву лѣчиться у знаменитаго Троншена, въ домѣ котораго и поселилась. Вниманіе, оказанное ей тогда Вольтеромъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ общаго уваженія, коимъ она пользовалась. «Я провела еще день у Вольтера», писала она Гримму, «онъ меня много разспрашивалъ объ васъ, о Дидро и всѣхъ нашихъ друзьяхъ. Онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы быть любезнымъ: это ему всегда удается. Не смотря на то, я бы предпочла жить съ Дидро, котораго, сказать въ скобкахъ, здѣсь недовольно цѣнятъ. Повѣрите ли, что всѣ говорятъ только о Дидро, когда рѣчь зайдетъ объ энциклопедистахъ. Я разсказала всю правду, какъ и слѣдовало. Впрочемъ, если бъ я и солгала, мнѣ бы все-таки повѣрили: когда я заговорю, раскрываются не одни уши, но и глаза и рты; это для меня очень ново и забавно». Въ другомъ письмѣ: «Республика благодарила меня за услуги, оказанныя мною Руссо, и по этому поводу ко мнѣ приходила формальная депутація отъ часовщиковъ. Народъ за него благоговѣетъ ко мнѣ». Надо припомнить, что во время пребыванія Руссо въ Парижѣ г-жа д'Эпинэ пріютила его въ своемъ Эрмитажѣ, гдѣ онъ написалъ нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній своихъ, между прочимъ Новую Элоизу. Оплакавъ г-жу д'Эпинэ, Гриммъ составилъ

о ней родъ біографической записки, въ которой не забылъ упомянуть и о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ей Екатериною II, когда, вслѣдствіе финансовыхъ реформъ, предпринятыхъ въ министерствѣ Неккера, она лишилась главной части своихъ доходовъ.

Внучка г-жи д'Эпинэ, получившая отъ Императрицы брильянтовый шифръ, была именно та Emilie, для которой написаны были знаменитые въ свое время «Conversations». Самое имя Emilie, было, кажется, вымышленное. Впослѣдствіи эта дѣвушка, не безъ содѣйствія высокой своей благодѣтельницы, вышла за мужъ за полковника Французской гвардіи дю Бюэля. Екатерина II была заочно воспріемницею ихъ дѣтей. По выѣздѣ Гримма изъ Франціи, супруги послѣдовали за нимъ, и Государыня обѣщала ему, что въ случаѣ его смерти приметъ ихъ на свое попеченіе. Что̀ касается дѣтей самой г-жи д'Эпинэ, то мы не имѣемъ о нихъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній; знаемъ только, что сынъ ея, котораго она не рѣшалась отдать въ общественное заведеніе, предпочитая домашнее воспитаніе, обманулъ ея надежды и пошелъ по слѣдамъ отца, умершаго въ 1782 г. Давно уже г. д'Эпинэ разошелся съ женой; послѣ того она до самой смерти своей жила съ Гриммомъ. Въ заключеніе ея характеристики напомнимъ, что заслуженный ею упрекъ въ нарушеніи чистоты семейныхъ нравовъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ частью, отнесенъ на счетъ ея вѣка. Ея «Conversations d'Emilie» читались еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Осенью 1825 г. Карамзинъ изъ Царскаго Села писалъ къ Дмитріеву: «Въ 9 часовъ утра гуляю вокругъ прекраснаго, не туманнаго озера, славимаго и въ Conversations d'Emilie». Но авторъ Conversations не видалъ этого озера. Гриммъ, возвратясь изъ Россіи, зналъ чѣмъ угодить своей могущественной покровительницѣ.

Я. Гротъ.

Изъ бумагъ генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго.

Февраль 1778.

Царицынскаго 2-го баталіона солдатъ Яковъ Дмитріевъ, пьяный, въ банѣ болталъ своимъ товарищамъ слѣдующее:

«Въ Крымскихъ степяхъ находится съ арміею бывшій третій императоръ Петръ Ѳедоровичъ, который прежде сего содержался въ Царицынѣ подъ карауломъ, откуда и выкраденъ Донскими казаками; при немъ предводительствуетъ тою арміею Желѣзный Лобъ, противъ котораго уже и сраженіе съ нашей стороны было, гдѣ и побито двѣ дивизіи, и мы его какъ отца ожидаемъ; а на границѣ стоитъ съ войскомъ Петръ Александровичъ Румянцовъ и противъ его не оборонятъ, а сказываетъ, что онъ ни съ которой стороны защищать не хочетъ».

Солдату Дмитріеву былъ пристрастный допросъ, но не по прежнему, не пытка, а битье батогами; онъ сознался, что говорилъ и слышалъ это на улицѣ отъ неизвѣстныхъ людей.

Императрица утвердила докладъ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, въ которомъ говорилось, что всѣ слова говорены были солдатомъ Дмитріевымъ по самому его невѣжеству, купно и въ пьянствѣ, и самыя говоренныя имъ слова, какъ они суть пустыя и вымышленныя, достойны совершеннаго презрѣнія: за таковое произнесенное имъ вранье вмѣнить ему въ наказаніе произведенное ему при слѣдствіи битье батогами, изъ подъ караулу освободить и принять на службу по прежнему.

Черта къ жизнеописанію патріарха икона.

Соловей въ Иверскомъ монастырѣ.

Въ то время какъ патріархъ Никонъ, удаляясь изъ Москвы, проживалъ въ своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ (1658—1666 г.), и дѣло его близилось къ роковой для него развязкѣ, въ другомъ монастырѣ его строенія, Иверскомъ, 20 Мая 1666 года случилось происшествіе, повидимому маловажное и не обратившее потому на себя особаго вниманія Иверскихъ властей, такъ что они не сочли даже нужнымъ извѣстить о немъ благовременно патріарха, подъ управленіемъ коего состоялъ тогда ихъ монастырь. Но происшествіе это путемъ слуховъ дошло до свѣдѣнія Никона и, какъ видно, подѣйствовало болѣзненно на его чуткую ко всему выходящему за рубежъ ежедневной жизни душу, что невольно отразилось и въ тонѣ его грамоты, писанной по сему случаю къ Иверскимъ властямъ. Можно навѣрное сказать, что патріархъ взглянулъ на это происшествіе, какъ на предвѣстіе ожидавшей его судьбы, и церковныя событія конца тогоже 1666 года не замедлили оправдать это предвѣстіе во всей его силѣ: спустя шесть мѣсяцевъ послѣ того, что случилось въ Иверскомъ монастырѣ 20 Мая 1666 года, патріархъ Никонъ, подобно Иверскому соловью, пропѣвъ на Соборѣ 1666 года трикраты свою лебединую пѣснь, впалъ въ руки враговъ своихъ, былъ сосланъ ими въ заточеніе, долго томился въ немъ, и напослѣдокъ хотя и достался въ «дружелюбныя» ему руки своего царственнаго крестника, но прибылъ къ нему уже «мертвымъ» и возвеличенъ подобающею честію лишь въ погребеніи и поминовеніи.

О подробностяхъ Иверскаго происшествія пусть повѣдаетъ читателямъ образный языкъ современныхъ актовъ, найденныхъ въ архивѣ Иверскаго монастыря и напечатанныхъ недавно, въ числѣ прочихъ, въ V-мъ томѣ Исторической Библіотеки (изданіи Археографической Коммиссіи текущаго 1878 года).

I.

ГРАМОТА ПАТРІАРХА НИКОНА АРХИМАНДРИТУ ФИЛОѲЕЮ СЪ ТРЕБОВАНІЕМЪ УВѢДОМЛЕНІЯ О СОЛОВЬѢ, ЗАЛЕТѢВШЕМЪ ВЪ МОНАСТЫРСКУЮ СОБОРНУЮ ЦЕРКОВЬ.

Никонъ, милостію Божіею патріархъ, нашего строенія Пречистыя Богородицы Иверского монастыря архимариту [1]) Филоѳею, намѣстнику іеромонаху Паисію, строителю Евфимію съ братьею. Вѣдомо намъ,

[1]) «Архимаритъ», вмѣсто «архимандритъ», употреблялось часто въ тогдашней письменности, куда вѣроятно перешло изъ устной рѣчи. П. Б.

великому господину, учинилось: въ нынѣшнемъ-де во 174 году, Маія въ 20 день, въ нашемъ строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ соборную и апостольскую церковь влетѣлъ-де соловей, и сѣлъ на нашемъ, великого господина, мѣстѣ, и пѣлъ дивно, и то-де многая братья слышали, и тебѣ архимариту и намѣстнику о такомъ дѣлѣ извѣстили, и какъ де онъ пѣлъ, и то-де слышали ты архимаритъ и намѣстникъ и братья многая, и того-де соловья, взявъ съ нашего мѣста понамарь, и отдалъ тебѣ архимариту, и тотъ-де соловей у тебя архимандрита умеръ въ рукахъ. И вы то дѣло поставили себѣ въ оплошку, и къ намъ, великому господину, о такомъ дѣлѣ не писали; да и обо всякихъ дѣлахъ ничего николи не пишете.

И какъ къ вамъ сія наша, великого господина, грамота придетъ, и вамъ бы о томъ дѣлѣ къ намъ, великому господину, отписать, не замотчавъ [2]) ни часу, обо всемъ подробну: какъ тотъ соловей появился въ церкви, и въ кое время, и въ коемъ часу, и какъ было, и на нашемъ, великого господина, мѣстѣ тотъ соловей пѣлъ, и сидѣлъ на коемъ мѣстѣ, и кто прежъ его осмотрилъ, и кто его прежъ отдалъ тебѣ архимариту, и какъ ты его принялъ, и долго ли у тебя онъ былъ въ рукахъ и пѣлъ на какой переводъ? [3])

Приказной Евстаѳій Глумиловъ.

Писано въ нашемъ строеніи Нового Іерусалима Воскресенскаго монастыря, 174 г. Іюня въ 7 день.

II

ОТПИСКА АРХИМАНДРИТА ФИЛОѲЕЯ ПАТРІАРХУ НИКОНУ НА ВЫШЕПРИВЕДЕННУЮ ГРАМОТУ.

Великому господину, святѣйшему Никону патріарху, твоего великого господина строенія Пречистыя Богородицы Иверского монастыря богомольцы твои, архимаритъ Филоѳей, намѣстникъ іеромонахъ Пансій, строитель Евфимій съ братьею, у тебя, милостиваго отца, благословенія просимъ, Бога молимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ во 174 году, Іюня въ 23-й день, въ твоей, великого господина, грамотѣ писано къ намъ богомольцомъ твоимъ, вѣдомо тебѣ, великому господину, учинилось: въ нынѣшнемъ-де во 174 году, Маія въ 20 день, въ твоемъ, великого господина, строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ соборную и апостольскую церковь влетѣлъ-де соловей, и сѣлъ на твоемъ, великого господина, мѣстѣ, и пѣлъ дивно, и то де многая братія и мы богомольцы твои слышали, и того-де соловья, взявъ съ твоего святительского мѣста понамарь и отдалъ мнѣ архимариту, и тотъ-де соловей у меня архимарита умеръ въ рукахъ, и намъ бы о томъ къ тебѣ, великому господину, отписать, не замотчавъ, обо всемъ подробну.—И Маія въ 20 число, въ шестую недѣлю по Пасцѣ, въ соборной церкви на утрени, на второмъ чтеніи, по-

---

[2]) Т. е. не умедля.

[3]) Переводами до сихъ поръ называются въ народѣ различные птичьи напѣвы. П. И. Мельниковъ перечисляетъ слѣдующіе переводы или колѣна соловьинаго пѣнія: пульканье, клыканье, дробь, раскатъ, пленканье, лѣшева-дудка, кукушкинъ перелетъ, гусачокъ, юлиная стукотня, починъ, оттолчка (см. «Въ Лѣсахъ», I, стр. 279. Москва, 1875).

шелъ изъ церкви въ притворъ сѣверными дверьми дьяконъ Варсонофѣй, и въ сѣверныхъ-де дверѣхъ летитъ ему встрѣчу птица, и тотъ дьяконъ чаялъ, что нетопырь летитъ, и учалъ на нё махать, и въ церковь не пускать, и та-де птица мимо его пролетила, и черезъ братію, которые сѣдили подлѣ дверей, полетила вверхъ черезъ деисусы [4]) въ олтарь. И какъ начали пѣть степенную пѣснь, первой антифонъ, и въ олтари на горнемъ мѣстѣ, на окнѣ сѣдя, прежъ почалъ посвистывать по обычаю, и защокоталъ, и запѣлъ, и пропѣлъ трижды, и то пѣніе мы богомольцы твои, архимаритъ и намѣстникъ и строитель и братія, слышали. И пришедъ понамарь возвѣстилъ мнѣ архимариту и намѣстнику, что поетъ въ олтари, и мы пошли въ олтарь его смотрить, и тотъ соловей учалъ въ окнѣ летать и биться вонъ. И приставя лѣстницу, послали малого и велѣли его бережно поимать, и клѣтку приготовили во что посадить, и тотъ малой учалъ его хватать и поймалъ руками живого, и посадилъ въ шапку и, сошедъ съ лѣстницы, принесъ ко мнѣ архимариту, и я его изъ шапки вынялъ мертвого. А естьли бъ живъ былъ, и мы хотѣли его послать къ тебѣ, великому господину, и того ради къ тебѣ, великому господину, простотою своею и не писали, что онъ умеръ, и послать некого.

И о семъ у тебя, милостивого отца, прощенія просимъ, что о томъ соловьѣ простотою своею къ тебѣ, милостивому отцу, не писали.

Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.

Св.-Троицкая Сергіева Лавра.
Іюль 1878 г.

Новыя подробности изъ молодой жизни А. П. Ермолова.

Извѣстно, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 22 лѣтъ отъ роду, въ чинѣ подполковника артиллеріи и уже украшенный Георгіевскимъ крестомъ изъ рукъ Суворова за штурмъ Праги, былъ сначала арестованъ, а затѣмъ сосланъ на вѣчное жительство въ городъ Кострому, гдѣ и находился подъ строжайшимъ надзоромъ до воцаренія императора Александра Павловича.

Подробности этого дѣла еще мало разъяснены печатью, а потому не безъинтересно будетъ ознакомиться съ современными бумагами, освѣщающими печальное событіе въ жизни знаменитаго полководца.

Царствованіе императора Павла, отмѣченное характеромъ подозрительности, давало, къ сожалѣнію, широкій просторъ разнообразнымъ доносамъ. Находились люди, старавшіеся пріобрѣсть милость повелителя притворными заботами о его безопасности. Къ числу таковыхъ личностей принадлежали генералъ-лейтенантъ Шепелевъ и генералъ-маіоръ Өедоръ Ивановичъ Липинскій, Полякъ по происхожденію, для служебныхъ выгодъ перемѣнившій фамилію и назвавшійся Линденеромъ *).

По доносу перваго изъ нихъ, въ 1798 году возникло дѣло о многихъ офицерахъ армейскихъ частей, квартироваршихъ въ Смоленской

---

[4]) Деисусомъ называется тройная икона: Спасителя, Богоматери и Предтечи.

*) Онъ былъ инспекторомъ кавалеріи Московской и Смоленской губерній.

губерніи. Дѣло это не заключало въ себѣ ничего особенно серіознаго, ибо ограничивалось неудовольствіемъ тѣснаго кружка лицъ, не прибѣгавшихъ къ какой либо пропагандѣ; но вслѣдствіе натяжекъ, усиленнаго преслѣдованія и проч. со стороны производившаго слѣдствіе генерала Липинскаго оно пріобрѣло значеніе чуть-ли не государственнаго преступленія. Чтобы возбудить больше подозрительность императора и тѣмъ, разумѣется, снискать больше правъ на его благорасположеніе, употреблены были усилія представить дѣятельность главныхъ виновниковъ яко бы въ связи съ покровительствомъ лицъ подобныхъ Платону и Валеріану Зубовымъ, а въ одномъ мѣстѣ просвѣчиваетъ даже намѣреніе замѣшать имя князя Александра Васильевича Суворова, но безуспѣшно.

Напавъ на слѣдъ нѣкоторыхъ странныхъ выходокъ со стороны полковника Каховскаго, Дегтярева, Кряжева и другихъ, Линденеръ съ безустанной настойчивостью слѣдилъ за каждымъ шагомъ своихъ жертвъ, узнавая малѣйшія подробности ихъ пріятельскихъ собраній, разговоровъ и даже одежды, въ которой они ходили у себя дома. Путемъ послѣдовательныхъ обысковъ ему удалось ознакомиться съ тѣмъ своеобразнымъ языкомъ, который друзья употребляли въ сношеніяхъ между собою; такъ напр. онъ открылъ, что въ перепискѣ «обвиняемые именовались фальшивыми именами»: Александръ Михайловичъ Каховскій —Молчановымъ, Петръ Семеновичъ Дегтяревъ—Гладкимъ; Кряжевъ—Отрубковымъ и проч. За тѣмъ, находя въ перепискѣ частое упоминаніе имени «Бутова», Линденеръ усмотрѣлъ въ немъ оскорбленіе Величества, такъ какъ, по объясненію его, означенный «Бутовъ» былъ никто иной, какъ самъ императоръ.

Если принять вѣроподобнымъ объясненіе Линденера, то нельзя не признать, что переписка отличалась крайней непочтительностью къ государю, но въ общемъ она имѣла характеръ вполнѣ ребяческаго срыванія злобы, вообще распространенной въ то время среди военнаго сословія за оскорбленіе Суворова и черезъ чуръ рѣзкія мѣры и преобразованія.

Такъ посмотрѣлъ на это дѣло и самъ императоръ; ибо, за наказаніемъ главныхъ виновниковъ, всѣхъ остальныхъ онъ оставилъ безъ взысканій, какъ видно изъ нижеслѣдующаго донесенія Линденера генералъ-прокурору Лопухину отъ 7 Декабря 1798 г.: «Спѣшу симъ извѣстить ваше высокопревосходительство, что дѣло по доносу генералъ-маіора Шепелева на 31 человѣка и Энгельгардта, по высочайшему мнѣ препорученію и со всевозможною съ моей стороны осторожностью производимое, нынѣ вслѣдствіе имяннаго указа Е. И. В. повелѣнія уничтожено, и хотя послѣ 24-го Ноября **открывались и еще важнѣйшія по тому предмету обстоятельства,** но какъ арестанты изъ подъ стражи и дальнѣйшаго взысканія освобождены, равно и всѣ бумаги, по тому дѣлу имѣющіяся, истреблены, то...» и т. д.

Это-то донесеніе и имѣло рѣшающее вліяніе на судьбу Ермолова.

Въ числѣ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло по доносу Шепелева, находился и Алексѣй Петровичъ. Два письма, написанныхъ имъ къ брату по матери Александру Михайловичу Каховскому, были захвачены въ числѣ прочихъ и послужили противъ него уликою. Освобожденный отъ ареста за прекращеніемъ слѣдствія, онъ снова привлеченъ былъ къ отвѣтственности, когда дѣло возобновилось послѣ приведеннаго донесенія Линденера. Такъ по крайней мѣрѣ можно понять дѣло изъ сопоставленія чиселъ различныхъ донесеній.

28-го Ноября 1798 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о прекращеніи слѣдствія по доносу генералъ-маіора Шепелева и Энгельгардта. Повелѣніе это не могло быть получено Линденеромъ ранѣе 2-го или 3-го Декабря, а рапортомъ отъ 18-го Декабря, артиллеріи генералъ-маіоръ Гербель донесъ, что, вслѣдствіе секретнаго отношенія отъ генералъ-лейтенанта Линденера, того же 28-го Ноября въ 4-е часа по полудни арестованъ «батальона Эйлера подполковникъ Ермоловъ» и содержится подъ крѣпкимъ карауломъ. Этотъ рапортъ Гербеля былъ полученъ въ Петербургѣ 23-го Декабря, т. е. около двухъ недѣль спустя послѣ донесенія Линденера Лопухину. Въ «Матеріалахъ для біографіи Алексѣя Петровича Ермолова», собранныхъ и изданныхъ М. П. Погодинымъ, сказано: «Ермоловъ долженъ былъ выслушать прощеніе въ Смоленскѣ отъ генерала Линденера. Ермолову вздумалось объясняться съ генераломъ и узнать отъ него, за что онъ былъ взятъ и почему теперь прощенъ. Линденеръ, тогда больной, принялъ его въ постелѣ, сказалъ ему что-то и отпустилъ, но не успѣлъ воротиться онъ къ своимъ Латинскимъ авторамъ, какъ потребованъ въ Петербургъ».

Изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи бумагъ видно, что Алексѣй Петровичъ содержался сначала подъ арестомъ въ гор. Несвижѣ. Затѣмъ 6-го Декабря, по требованію генерала Линденера, онъ отправленъ въ Калугу при офицерѣ, фейерверкерѣ и рядовомъ. Всѣ бумаги у него были отобраны еще прежде и отправлены къ Линденеру. А 28-го Декабря генералъ-прокуроръ написалъ къ Линденеру, чтобы Ермоловъ немедленно былъ присланъ къ нему въ Петербургъ.

Не видно, чтобы, сидя подъ карауломъ или впродолженіи нѣсколькихъ дней свободы, Ермоловъ совершилъ что либо противозаконное, а также никакихъ новыхъ документовъ, свидѣтельствующихъ противъ него, не было найдено. Такимъ образомъ остается заключить, что высочайшее повелѣніе о высылкѣ Ермолова въ Петербургъ состоялось подъ вліяніемъ вышеприведеннаго донесенія Линденера, возбудившаго новыя подозрѣнія, и рапорта генерала Гербеля, напомнившаго о человѣкѣ, уже помилованномъ, но не успѣвшемъ воспользоваться свободою *). Такое предположеніе заслуживаетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что уже 15-го Декабря Лопухинъ потребовалъ по высочайшему повелѣнію свѣдѣній: какія послѣ 24-го Ноября открылись «еще важнѣйшія обстоятельства» и въ чемъ именно они состоятъ?

Здѣсь кстати будетъ ознакомиться съ характеромъ доносовъ Линденера. На запросъ Лопухина, Линденеръ между прочимъ отвѣчалъ, что «послѣ полученія высочайшаго повелѣнія отъ 28-го Ноября 1798 г. о прекращеніи слѣдствія по доносу генералъ-майора Шепелева и Энгельгардта, онъ отпустилъ Кряжева въ Москву; изъ объясненій же его усмотрѣлъ, что Каховскій и Дегтяревъ безвыходно были у генерала Философова, а Кряжевъ тоже; тутъ они сблизились, и Кряжевъ вошелъ въ ихъ шайку. Линденеръ обѣщалъ Кряжеву уменьшить наказаніе, если онъ откроетъ всю истину, что̀ имъ исполнено, и потому предаетъ Кряжева покровительству Лопухина.

---

*) Ермоловъ возбуждалъ тогда подозрѣніе самымъ своимъ именемъ, такъ какъ отецъ его, бывъ главнымъ дѣльцомъ при генералъ-прокурорѣ Самойловѣ въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія, немедленно по воцареніи Павла арестованъ и потомъ сосланъ въ Орловскую деревню. П. Б.

Когда везли Каховскаго, Дегтярева и Киндякова чрезъ Казань въ Сибирь, они надѣялись скораго прощенія, а онъ Линденеръ извѣщенъ, что они имѣютъ ненавистъ къ императору съ перваго дня вступленія его на престолъ». И далѣе Линденеръ объявляетъ свое подозрѣніе на г. Фукса, служащаго въ С. Петербургской Экспедиціи, что онъ держалъ сторону обвиняемыхъ. Лопухинъ отвѣчалъ Линденеру, «что извѣстіе его о г. Фуксѣ совершенно ложно, такъ какъ послѣдній ему лично извѣстенъ, какъ вѣрный слуга Государю и что съ преступниками онъ не имѣлъ никакихъ сношеній и при допросахъ ихъ всегда былъ вмѣстѣ съ нимъ и княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шаховскимъ; что о надеждахъ Каховскаго, Дегтярева и Киндякова быть прощенными, во время проѣзда ихъ черезъ Казань, свѣдѣніе тоже ложно, потому что Каховскій Казани никогда не проѣзжалъ». Но тѣмъ не менѣе доносъ произвелъ свое впечатлѣніе и въ числѣ прочихъ, какъ мы видѣли, печально отразился на Ермоловѣ.

Чтобы лучше уяснить дальнѣйшій ходъ дѣла, слѣдуетъ ознакомиться съ двумя письмами Ермолова, которыя повлекли за собою ссылку. Въ числѣ забранныхъ Линденеромъ бумагъ, между прочимъ, находились два письма Ермолова, одно къ Каховскому, другое къ Дехтяреву.

Письмо А. П. Ермолова къ А. М. Каховскому.

(13 Мая 1797).

«Любезный братъ Александръ Михайловичъ! Я изъ Смоленска въ двое сутокъ и нѣсколько часовъ пріѣхалъ въ Несвижъ; излишне будетъ описывать вамъ, какъ здѣсь скучно. Несвижъ для этого довольно вамъ знакòмъ. Я около Минска нашелъ половину нашего батальона, отправленнаго въ Смоленскъ, чтò и льстило меня скорымъ возвращеніемъ къ пріятной и покойной жизни, но я ошибся чрезвычайно: артиллерія вся возвращена была въ Несвижъ нашимъ шефомъ или лучше сказать Прусскою лошадью (на которую надѣлъ государь, въ проѣздъ, орденъ 2-го класса Анны). Нужно быть дуракомъ, чтобъ быть счастливымъ. Кажется, что мы здѣсь долго весьма пробудемъ, ибо недостаетъ многаго числа лошадей и артиллеріи; все починять нужно будетъ. Я командую здѣсь шефскою ротою, думаю съ нимъ недолго будемъ ходить: я ему ни во что мѣшаться не даю, иначе съ нимъ невозможно. Государь приказалъ батальону быть здѣсь впредь до повелѣнія, а мнѣ кажется ужъ навсегда; мы безпрестанно здѣсь учимся, но до сихъ поръ ничего въ голову вбить не могли и словомъ, каковъ шефъ, таковъ и батальонъ; обоими похвастать можно, слѣдовательно и служить очень лестно. Сдѣлайте одолженіе, чтò у васъ происходило во время пріѣзду Государя увѣдомьте, и много-ли было счастливыхъ; у насъ онъ не былъ доволенъ, пожалованъ одинъ нашъ скотъ».

«Нѣсколько дней назадъ проѣхалъ здѣсь общій нашъ знакомый г. капитанъ Бутовъ; многіе его любящіе или лучше сказать здѣсь всѣ бѣжали къ нему на встрѣчу, одинъ только я лишенъ былъ сего отмѣннаго счастія; должность меня отвлекала. Но я не раскаяваюсь, хоть онъ болѣе обыкновеннаго милъ былъ». (Примѣчаніе Линденера: «Дерзкая критика къ оскорбленію Величества, возмущая при томъ къ нарушенію спокойствія и тишины. Наименованіе Бутовъ тоже значитъ, чтò и выше къ оскорбленію Величества»).

«Поклонитесь отъ меня почтеннѣйшему Вырубову, Каразцову тожъ, любезному Третьяковскому, можетъ и... Бутлеру хотѣлъ писать на Итальянскомъ діалектѣ, но нѣтъ времени, спѣшу; офицеръ сію минуту отправляется, однакожъ съ первымъ удобнымъ случаемъ ему и Гладкому писать буду, Мордвинову также. Я воображаю его въ Порѣчьѣ и рѣжущагося съ своимъ шефомъ, какъ въ скоромъ времени надѣюсь рѣзаться съ своимъ; но онъ еще меня счастливѣе, онъ близко отъ Смоленска отъ... отъ васъ, которые можете разогнать его скуку, а я имѣлъ счастіе попасться между такими людьми, которые только множить ее могутъ. Вспомните обо мнѣ Бачуринскому, Стрѣлевскому и всѣмъ тѣмъ, которые меня не совсѣмъ забыли. Прощайте. Алексѣй Ермоловъ. 13 Мая. Проклятый Несвижъ, резиденція дураковъ».

Примѣчаніе Линденера. «Подъ предлогомъ названный Гладкимъ значилъ Дегтяревъ, а шефъ генералъ-лейтенантъ Бобарыкинъ; впрочемъ же заключается, по связи ихъ, вызовъ къ нарушенію тишины и спокойствія. Бачуринскимъ названъ былъ Бухаровъ; Стрѣлевскій же самъ по себѣ, живущіе у Каховскаго. О городѣ Несвижѣ дерзостное злословіе».

Письмо А. П. Ермолова къ П. С. Дегтяреву.

«Любезный братъ Петръ Семеновичъ! Ты обѣщалъ мнѣ на всякое письмо отвѣчать, а я уже и два писалъ, а отъ тебя нѣтъ ни одного. Я ошибся, полагаясь на твою точность; весьма огорчительно ошибиться въ такомъ случаѣ. Я же съ моей стороны довольно удерживаю свое слово, а сколько ни лѣнивъ, но изъ любви къ тебѣ умѣлъ восторжествовать надъ моею слабостью, и лѣнь у меня уже мѣста не имѣетъ. Слѣдуй мнѣ, любезный братъ, и хоть разъ напиши, какъ вы живете въ караулѣ и еще слово о нечувствительной скотинѣ. Прощай любезный братъ, спѣшу окончить. Почта сію минуту отправляется, и я званъ обѣдать къ генералу. Тамъ... тамъ довершу я пораженіе несчастнаго Ц. Онъ началъ сумашествіемъ; не знаю, чѣмъ осталось кончить. Прощай. Напиши, любезный братъ, какъ къ тебѣ расположенъ новый военный губернаторъ и какъ вы живете въ караулѣ. Бездѣтному Катону и прочимъ мое почтеніе».

*

Кромѣ этого при дѣлѣ находились письма къ Ермолову отъ А. В. Казадаева, изъ которыхъ въ одномъ было между прочимъ написано: «Здѣсь» (т. е. въ Петербургѣ) множество генераловъ; графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій отъѣхалъ въ деревни свои. Извѣстенъ здѣсь весьма благородный поступокъ князя Зубова. Семейство его сдѣлало раздѣлъ наслѣдственнаго имѣнія послѣ отца и послало къ нему утвердить раздѣлъ въ Берлинъ. Онъ отвѣчаетъ имъ, что не только чтобы онъ сталъ входить въ наслѣдство, онъ стыдится пользоваться одинъ и тѣмъ имѣніемъ, которое онъ имѣетъ по щедрости и особливой къ нему благосклонности покойной государыни; изъ 280 т. дохода, имъ получаемаго, зная разстроенное положеніе его родныхъ, 200 т. опредѣляетъ онъ для нихъ; 30 т. полагаетъ онъ на народныя училища и больницы, а самъ довольствуется остальными 50 т. р.»

Въ другомъ письмѣ Казадаевъ пишетъ «..... Я теперь на пути въ Петербургъ; въ Смоленскѣ никого нѣтъ изъ жителей; Александръ

Михайловичъ, Дегтяревъ и Замятнинъ живутъ теперь вмѣстѣ въ Торопцѣ. Главная причина выключки братца твоего—нѣкоторыя слова, сказанныя имъ противъ Линденера, которому ихъ перенесли. Вотъ каково, другъ мой!»

По слѣдствію, произведенному Линденеромъ, относительно Ермолова болѣе ничего не найдено; но, не смотря на это, какъ выше видно, разъ помилованный онъ все-таки былъ вызванъ въ Петербургъ. На требованіе генералъ-прокурора отъ 28-го Декабря о высылкѣ Ермолова, Линденеръ отвѣчалъ, что «вслѣдствіе первоначальнаго высочайшаго повелѣнія о прекращеніи дѣла, Ермоловъ былъ отпущенъ въ батальонъ, но что вѣроятно, по требованію Лопухина, Эйлеръ перешлетъ его въ Петербургъ». При семъ Линденеръ не преминулъ прибавить, что Ермоловъ дѣйствительно принадлежитъ къ шайкѣ Каховскаго, Дегтярева и другихъ и въ доказательство представилъ вышеприведенныя оригинальныя письма Ермолова.

*

По доставленіи Алексѣя Петровича въ Петербургъ, о немъ составленъ былъ генералъ-прокуроромъ докладъ императору слѣдующаго содержанія.

«О полковникѣ Ермоловѣ, исключенномъ изъ службы и отправленномъ на жительство въ Кострому

Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-прокурора Лопухина 7 Января 1799 года.

Генералъ-лейтенантъ Линденеръ, отыскавъ въ деревнѣ Каховскаго бумаги и въ числѣ ихъ къ Каховскому письмо артиллерійскаго Эйлера баталіона отъ подполковника Ермолова съ дерзновенными выраженіями, представилъ съ оныхъ къ Вашему Императорскому Величеству копіи, а Ермолова отъ команды требовалъ къ слѣдствію въ Калугу. Вашему Величеству по тѣмъ бумагамъ благоугодно было предписать генералъ-лейтенанту Линденеру дѣло сіе уничтожить, что̀ онъ исполня, донесъ Вашему Величеству и меня увѣдомилъ. Между тѣмъ Ермоловъ, по первому его требованію, отправленъ въ Калугу, гдѣ уничтоженіемъ дѣла получивъ свободу, отпущенъ былъ къ должности. А какъ объ отправленіи его туда Ваше Императорское Величество изволили получить всеподданнѣйшее отъ генералъ-лейтенанта Эйлера донесеніе, то посему высочайше мнѣ повелѣли того Ермолова отъ Линденера взять сюда; въ слѣдствіе чего онъ нынѣ отъ Эйлера паки арестованъ и присланъ сюда. Здѣсь въ учиненной имъ дерзости раскаяваясь, съ сокрушеніемъ сердца, объявляетъ, что писалъ письмо къ брату своему Каховскому 797-го года въ Маѣ мѣсяцѣ безъ всякаго впрочемъ основанія, единственно по безразсудной молодости и вѣтренности. И какъ отъ Линденера уничтоженіемъ дѣла объявлено ему уже высочайшее вашего императорскаго величества прощеніе, то всеподданнѣйше и теперь проситъ продолжить дарованное милосердіе.

Представя на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества объясненіе Ермолова, я спрашиваю дальнѣйшаго объ немъ повелѣнія».

*

Объясненіе А. П. Ермолова, собственноручно имъ писанное.

«По спросу у меня о письмѣ на имя брата моего Каховскаго въ 1797 году въ Маѣ, покорно объясняюсь, что оное точно писалъ я и признаю произведеніемъ безразсудной моей дерзости и минутнаго на то время отсутствія разума, повергнувшаго меня въ таковое преступленіе, кое выше всякаго снисхожденія, и нѣтъ жестокаго наказанія, коего бы не заслуживалъ и не почиталъ справедливымъ. Но съ другой стороны смѣю донести, что сіе письмо одно только есть, которое писалъ я къ моему брату и кое съ дѣяніями моими по службѣ не имѣло никакого сходства; ибо я оную всегда выполнялъ со всевозможнымъ усердіемъ и рвеніемъ и начальству повиновался безпрекословно, въ чемъ смѣю на всѣхъ моихъ начальниковъ сослаться. Въ слѣдствіе сообщенія генералъ-лейтенанта Линденера къ шефу моему г. Эйлеру, по всевысочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, былъ я арестованъ, и бумаги мои безъ изъятія всѣ по строгомъ обыскѣ взяты, въ коихъ ничего противнаго и дерзкаго не найдено, чтò все подтверждаетъ истину мною вышепоказаннаго, что переписки съ братомъ я уже не имѣлъ и преступленія брата моего отъ меня совершенно сокровенны. По милосердію Его Императорскаго Величества и безъ сомнѣнія по презрѣнію оной глупости моей, объявлено было мнѣ всемилостивѣйшее прощеніе и отправленъ былъ къ должности моей, но въ Несвижѣ паки шефомъ г. Эйлеромъ арестованъ и присланъ сюда. Я не могу вновь никакого открытія сдѣлать какъ повторить мою вышеписанную вину и всеподданнѣйше прошу продолжить мнѣ дарованное высочайшее милосердіе, обѣщая заслужить оное ревностію къ службѣ, въ которой жертвовать всегда готовъ жизнію.

От артиллеріи подполковникъ и кавалеръ Ермоловъ».

На докладѣ Лопухина имъ написано: «Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ Ермолова, исключа изъ службы, отослать на вѣчное житье въ Кострому, гдѣ губернатору за поведеніемъ его имѣть наистрожайшее наблюденіе и о семъ доставить къ подписанію указъ. Докладывано 7 Генваря 1799 г».

Лопухинъ, сообщая объ этомъ Костромскому губернатору Кочетову и отправляя къ нему Ермолова, прибавилъ въ предписаніи, чтобъ и за перепискою Ермолова имѣть смотрѣніе и ежемѣсячно о немъ увѣдомлять.

19 Генваря Костромской губернаторъ Николай Ивановичъ Кочетовъ донесъ Лопухину:

«Ермоловъ на свое содержаніе денегъ у себя не имѣетъ, изъ казны же для него суммы не ассигновано, то и объявилъ мнѣ, что онъ съ нынѣшнею почтою принуждается писать о его здѣсь пребываніи и о учиненіи ему пособія къ своему отцу и родственникамъ, живущимъ въ Москвѣ и Орловской губерніи. Сверхъ того узналъ я, что въ недальномъ весьма разстояніи отъ губернскаго города Костромы жительствуетъ въ здѣшней округѣ родственникъ его надворный совѣтникъ Николай Ермоловъ, который уповательно пожелаетъ съ нимъ видѣться: то дабы посредствомъ его родственниковъ при всемъ со стороны моей наблюденіи не могло произойти какого либо неожи-

даемаго происшествія, долгомъ моимъ почелъ предварительно представить о семъ вашему высокопревосходительству и, надѣясь совершенно на милость и благорасположеніе ваше, пріемлю смѣлость испросить въ разрѣшеніе милостиваго предписанія, разрѣшено ли будетъ помянутому Ермолову имѣть личное свиданіе съ его родственниками, кои, думаю я, по извѣщенію его и сюда пріѣдутъ, или не чинить такого дозволенія? А при томъ можетъ ли онъ находиться въ небольшихъ собраніяхъ, каковыя обыкновенно по временамъ бываютъ здѣсь у частныхъ людей, или не долженствуетъ онъ пользоваться тою свободою? Все сіе предая вашему высокопревосходительству, яко милостивому покровителю моему, на разсмотрѣніе и разрѣшеніе, съ отличнымъ высокопочитаніемъ» и пр.

Лопухинъ 31 Января 1799 отвѣчалъ: «Въ отвѣтъ на письмо вашего превосходительства отъ 19 сего Генваря о подполковникѣ Ермоловѣ я ничего не могу сказать вамъ, м. г. мой, какъ только то, чтобы вы изволили держаться послѣдовавшаго объ немъ высочайшаго Е. И. В. повелѣнія».

Ермоловъ съ прочими лицами, замѣшанными по дѣлу Каховскаго, былъ освобожденъ въ день вступленія на престолъ императора Александра.

За тѣмъ въ дѣлѣ сохранились ежемѣсячныя донесенія губернатора о томъ, что Ермоловъ ведетъ себя тихо и скромно и никакихъ въ немъ поступковъ къ предосужденію относящихся не замѣчено. Будущему герою Бородина и Кульма пришлось прожить въ Костромѣ слишкомъ два года, которые онъ употребилъ между прочимъ на пополненіе своего образованія. Любопытно, что и другой герой 1812 г., графъ М. И. Платовъ также былъ сосланъ при императорѣ Павлѣ и въ туже Кострому.

Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ скончался въ Витебскѣ, 15 Іюня 1831 г., въ семь часовъ вечера, отъ холеры [1]). Тѣло покойнаго было набальзимировано и положено въ гробъ, обитый листовою мѣдью, а сердце и внутренности—въ особые ящики, залитые воскомъ. Покойникъ былъ одѣтъ въ генералъ-адъютантскій мундиръ. Княгиня Ловичъ, супруга цесаревича, прощаясь съ мужемъ, обрѣзала свои роскошные свѣтлорусые волосы и положила ихъ въ гробъ, подъ голову усопшаго. Гробъ былъ вынесенъ въ соборъ и запечатанъ двумя печатями—великаго князя и генералъ-губернатора. Спустя мѣсяцъ, именно 16 Іюля, тѣло было отправлено съ подобающею церемоніей въ Петербургъ; 31 Іюля оно привезено въ Гатчину, а 13 Августа ввезено въ столицу. Въ восемь часовъ утра, 14 Августа, гробъ былъ уже у Московской заставы, откуда въ 11 часовъ утра процессія двинулась къ Петропавловскому собору, куда прибыла въ 2 часа пополудни. 17-го Августа происходили отпѣваніе и погребеніе цесаревича. Когда стали опускать въ могилу гробъ, съ валовъ крѣпости раздались прощальные пушечные выстрѣлы. 29 Августа 1831 г. былъ изданъ высочайшій манифестъ о приведеніи къ присягѣ Наслѣднику Престола, нынѣ царствующему Государю Императору, на основаніи законовъ, постановленныхъ въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи».

Обстоятельства, при которыхъ послѣдовала кончина цесаревича Константина Павловича, подали поводъ къ нелѣпой молвѣ: тихонько, шопотомъ говорили, что великій князь Константинъ Павловичъ не умеръ, а живъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Одна изъ Французскихъ газетъ напечатала даже довольно подробный разсказъ о таинственномъ узникѣ, заключенномъ въ Петропавловской крѣпости, который будто-бы и былъ никто иной, какъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Эта выдумка внушила мысль одному смѣльчаку-пройдохѣ выдать себя за покойнаго великаго князя. Самозванецъ явился въ Тамбовской губерніи. Спустя пять мѣсяцевъ по смерти цесаревича, именно 17 Ноября, скончалась и его супруга княгиня Ловичъ, которая была погребена въ Царскомъ Селѣ, въ католической церкви Св. Іоанна Предтечи. Въ исходѣ того же мѣсяца, чрезъ 12 дней послѣ кончины княгини Ловичъ, въ селѣ Кривякинѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, появилась красивая и статная среднихъ лѣтъ женщина, которая заявила монаху Пимену, находившемуся при домовой церкви помѣщика Г. С. Карновича, что она княгиня Ловичъ, супруга великаго

---

[1]) Дневникъ адмирала Колзакова.—Слич. „Русская Старина" 1878 г., № 2, стр. 371.

князя Константина Павловича; но вскорѣ послѣ того самозванка куда-то скрылась.

Такимъ образомъ, и цесаревичъ, и его супруга почему-то продолжали жить въ здѣшнемъ мірѣ. Просматривая бумаги Уральскаго войсковаго архива, мы встрѣтили еще дѣло о самозванцѣ, назвавшемъ себя великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Уральская полиція, допросивъ самозванца, представила его, равно какъ и самое дѣло о немъ, на основаніи 1442 ст. XV т. Зак. Уголовныхъ (изд. 1842 г.), наказному атаману Уральскаго казачьяго войска, при рапортѣ отъ 26 Марта за № 13.

Считаемъ не лишнимъ сообщить выписку изъ этого дѣла любителямъ Русской исторіи. Она можетъ пригодиться для послѣдующихъ выводовъ и обобщеній.

Владиміръ Витевскій

22-го числа сего Марта *), уволенный отъ службы полковникъ Иванъ Бородинъ присутствію полиціи предъявилъ, что того числа поутру отставной казакъ Ларіонъ Коптеловъ пришелъ къ нему въ домъ и спросилъ его Бородина, не приходилъ ли къ нему какой отставной солдатъ; когда же онъ отозвался, что такого у себя не видалъ, то Коптеловъ разсказалъ ему нижеслѣдующее: «Поѣхавъ по городу на рѣку Уралъ за льдомъ, я нагналъ неизвѣстнаго мнѣ солдата, который, присѣвши ко мнѣ въ сани, между прочимъ разговоромъ, сказалъ, что онъ великій князь Константинъ Павловичъ и что, узнавши здѣсь какія-то злоупотребленія, онъ идетъ въ Оренбургъ для такого же розыска». По такому предъявленію полковника позвали въ полицію казака Коптелова, который подтвердилъ, что 22 числа утромъ онъ дѣйствительно, ѣхавши за льдомъ на рѣку Уралъ, нагналъ неизвѣстнаго ему человѣка, по наружному виду отставнаго солдата, который, сѣвши къ нему на сани, просилъ довезти его до Трекина хутора за плату, но Коптеловъ отказался; на вопросъ же Коптелова, кто онъ такой, отвѣчалъ, что до званія ему нѣтъ дѣла, но что онъ въ Уральскѣ занимался открытіемъ злоупотребленій и теперь идетъ въ Оренбургъ, и что оттуда 4 числа предстоящаго Апрѣля возвратится въ Уральскъ; постоянная же его квартира въ С-Петербургѣ.

Пріѣхавши на рѣку, Коптеловъ остановился накладывать ледъ, а неизвѣстный пошелъ по направленію къ Верхней дистанціи; но, отойдя немного, позвалъ къ себѣ Коптелова и объявилъ ему, что онъ великій князь Константинъ Павловичъ. Послѣ этой дерзкой выходки неизвѣстнаго, Коптеловъ, желая представить его къ начальству, но не чувствуя въ себѣ столько силы, чтобы, въ случаѣ сопротивленія самозванца, могъ задержать его одинъ, и какъ неуспѣхъ въ предпріятіи могъ дать поводъ самозванцу скрыться, счелъ за лучшее показывать видъ, что онъ совершенно вѣритъ словамъ этого человѣка, и чтобы болѣе убѣдить его въ томъ, просилъ о возвращеніи изъ Сибири сосланной туда за воровство жены его, на что и получилъ увѣреніе въ удовлетвореніи этой просьбы съ условіемъ, чтобы Коптеловъ довезъ его до Трекина хутора, въ которомъ онъ отберетъ отъ него письменное свѣдѣніе. Коптеловъ, чтобы имѣть возможность схватить самозванца въ предлежащемъ селеніи, согласился исполнить его

*) Года не обозначено; но по рукописи видно, что дѣло происходило позднѣе 1842 года.

требованіе; но, отъѣхавъ отъ Уральска версты три, самозванецъ приказалъ остановиться и вылѣзъ изъ саней, говоря, что онъ пойдетъ пѣшкомъ, а Коптеловъ ѣхалъ бы въ Уральскъ и поклонился отъ него извѣстному ему съ хорошей стороны полковнику Бородину и передалъ бы ему его съ нимъ Коптеловымъ разговоръ; но отнюдь не говорилъ бы о томъ кому-либо другому, за что онъ будетъ сосланъ въ Сибирь. Не предвидя возможности доставить самозванца въ селеніе, но расчитывая, что онъ, будучи оставленъ въ полѣ, до Трекина хутора скоро дойти не можетъ, и какъ вблизи нѣтъ селеній и скрыться ему негдѣ, Коптеловъ возвратился въ Уральскъ и объявилъ о томъ полковнику Бородину.

По симъ предъявленіямъ посланные полиціею, по указанію Коптелова, схватили подходившаго уже къ Гниловскому форпосту человѣка, называющаго себя отставнымъ солдатомъ Данилою Наумовымъ, который, въ присутствіи полиціи показалъ, что онъ—унтеръ-офицеръ Екатеринославскаго кирасирскаго полка, изъ котораго въ 1837 году за выслугу лѣтъ уволенъ въ отставку, проживаетъ на родинѣ своей, въ сосѣдственной съ Уральскими землями деревнѣ Гусихѣ, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи; и что, будучи вынужденъ крайнею бѣдностью пропитываться милостынею, изъ своего селенія пріѣхалъ для этого въ Уральскъ и, какъ на кратковременную отлучку въ сосѣдственныя селенія, не взялъ съ собою хранящагося въ Николаевскомъ Земскомъ Судѣ паспорта, а отправился съ однимъ только просительнымъ письмомъ, написаннымъ сельскимъ писаремъ Ѳимовымъ; и что 22-го числа Марта, отправляясь на Верхнюю дистанцію, для сбора подаяній, былъ очень пьянъ, и изъ всего случившагося съ нимъ въ тотъ день помнитъ только то, что̀ происходило до того времени, пока хмѣль совершенно не овладѣлъ имъ, именно: проходя по городу, онъ сѣлъ къ ѣхавшему къ рѣкѣ казаку, который, при разсказѣ его Наумова, что у него нѣтъ никого родственниковъ, которые бы его пропитывали, сказалъ, что у него жена, неизвѣстно за что, сослана въ Сибирь, и что онъ остался съ малолѣтними дѣтьми, на что онъ Коптелову сказалъ: «Что̀ дѣлать! Мы не цари и не великіе князья, сдѣлать ничего не въ силахъ»; но что не только не выдавалъ себя за великаго князя Константина Павловича, но и подобной дерзкой мысли не имѣлъ; когда же пріѣхали на рѣку, Коптеловъ сталъ накладывать ледъ, а онъ пошелъ въ путь далѣе, но не помнитъ самъ, какъ зашелъ въ выстроенные въ недальнемъ разстояніи отъ Уральска кирпичные сараи, гдѣ и выспался. Проснувшись, вышелъ онъ на дорогу, былъ нагнанъ ѣхавшимъ изъ Уральска на двухъ порожнихъ лошадяхъ казакомъ, который, по просьбѣ, довезъ его до Трекина хутора, а оттуда Наумовъ пошелъ въ Гниловскій форпостъ; но, не доходя, былъ взятъ подъ стражу и доставленъ въ Уральскъ; полковника Бородина знаетъ только потому, что онъ, будучи командиромъ 7-го Уральскаго казачьяго полка, проходя съ полкомъ чрезъ деревню Гусиху, квартировалъ у его родственника; но чтобы посылалъ ему поклонъ съ Коптеловымъ, совершенно не помнитъ.

На очной ставкѣ Наумова съ Коптеловымъ, каждый изъ нихъ подтвердилъ свои показанія, при чемъ Коптеловъ присовокупилъ, что во время встрѣчи его съ Наумовымъ, по бодрому и ровному шагу Наумова, онъ не считалъ его пьянымъ, а по разговору и дерзкимъ выходкамъ признавалъ его за пьянаго или за слабоумнаго.

Крестьянинъ Николаевскаго уѣзда, села Ивановскаго, Павелъ Трифоновъ, у котораго въ Уральскѣ унтеръ-офицеръ Наумовъ имѣлъ ночлеги, при спросѣ, показалъ, что Наумовъ ему коротко извѣстенъ, потому что онъ проживалъ въ томъ же селѣ Ивановскомъ у своихъ родныхъ, и съ самаго прихода въ Уральскъ имѣлъ у него два или три ночлега, а въ теченіи дня ходилъ по городу, собирая милостыню, въ пьянствѣ же онъ Наумова не замѣчалъ. 22 числа Марта поутру онъ пошелъ отъ него искать себѣ другую квартиру и больше уже съ нимъ не видался; разговора у него съ Наумовымъ, кромѣ обыкновеннаго, никакого не было; имѣлъ ли онъ какую-либо связь съ казакомъ Коптеловымъ, не знаетъ.

Хозяйка дома, въ которомъ квартируетъ крестьянинъ Трифоновъ, казачка Прасковья Кузьмина Курина, подтвердила показанное Трифоновымъ безъ измѣненія, съ тѣмъ только, что она о Наумовѣ никому не объявляла какъ потому, что видѣла на немъ многіе знаки отличія, такъ и потому, что Трифоновъ увѣрилъ ее, что Наумовъ его односелецъ. Командированный въ Трекинъ хуторъ частный приставъ, есаулъ Сѣровъ, для разысканія, чѣмъ занимался, по приходѣ туда 22 Марта, отставной солдатъ Наумовъ, рапортомъ отъ 22 Марта за № 342, донесъ полиціи, что Наумовъ, пришедъ туда въ трезвомъ видѣ, остановился у казака Леонтія Силантьева, попросилъ у его домашнихъ пообѣдать и, поѣвши, отправился пѣшкомъ въ Гниловскій форпостъ; болѣе того ничего не дѣлалъ и разговора никакого ни съ кѣмъ не имѣлъ» [1]).

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Данилѣ Наумовѣ не имѣется.

---

[1]) Уральск. войск. арх., по описи дѣлъ № 82.

По поводу Неплюевской записки объ устройствѣ Уральскаго казачьяго войска.

Въ «Русскомъ Архивѣ», сего года напечатанъ проэктъ бывшаго Оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева о преобразованіи Яицкаго (нынѣ Уральскаго) казачьяго войска. Въ предисловіи къ этому проэкту, на страницѣ 10-й, сказано, что оный извлеченъ изъ Уральскаго войсковаго архива, гдѣ онъ встрѣчается какъ копія изъ книгъ Казеннаго Повытья, хранящихся въ Архивѣ дѣлъ Военной Коллегіи. Стоя близко къ дѣламъ бывшей Военной Коллегіи, хранящимся въ Москвѣ, въ зданіи бывшаго Лефортовскаго дворца, считаю долгомъ замѣтить опечатку, вкравшуюся въ это предисловіе, именно: въ Военной Коллегіи Казеннаго Повытья никогда не было, а существовало Казачье Повытье.

Записка Неплюева была голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Положеніе казаковъ, извѣстныхъ по своему неустройству за самыхъ самовольныхъ и буйныхъ, оставалось при Неплюевѣ на прежнемъ основаніи. Между тѣмъ сей весьма замѣчательный администраторъ и полезный государственный дѣятель сильно орудовалъ, желая дать лучшее устройство Оренбургскому краю, и въ особенности Яицкимъ казакамъ. Не касаясь учрежденій всего края, я только могу сказать, что изъ дѣлъ Казачьяго Повытья и бывшей при Военной Коллегіи Воинской Коммиссіи видно, что, въ 1753—1756 годахъ, Неплюевъ все еще хлопоталъ за казаковъ. Въ 1753 году онъ былъ призванъ въ ту Коллегію и въ присутствіи оной, по его вчинанію, былъ составленъ полный штатъ «о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ, въ какомъ числѣ предъ тѣмъ оныя были и по нынѣшнему (1753 г.) Военной Коллегіи разсмотрѣнію, впредь сколько ихъ и на какомъ основаніи быть надлежитъ, при чемъ и онъ дѣйствительный тайный совѣтникъ присутствовалъ».

Въ этомъ новомъ проэктѣ опредѣлялось число казаковъ, ихъ содержаніе, обязанности и т. п. Проэктъ и два донесенія Военной Коллегіи, довольно пространныя, 17 Мая 1753 г., были представлены въ Правительствующій Сенатъ. Но того же Мая 26 числа, въ журналѣ Сената записано, что «впущенъ былъ Военной Коллегіи членъ, бригадиръ Суворовъ [1]) и подалъ отъ оной Коллегіи доношенія, при которыхъ приложены штаты о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ и о Яицкомъ войскѣ, приказали: оныя доношенія и штаты, принявъ, предложить къ слушанію впредь». Такъ какъ дальнѣй-

---

[1]) Отецъ полководца, генералиссимуса князя Суворова.

шаго о семъ рѣшенія со стороны Сената долго не было, то Военная Коллегія, 31 Марта 1755 года, вновь внесла въ Сенатъ пространное доношеніе по тѣмъ же предметамъ. Но и за тѣмъ рѣшенія никакого не послѣдовало. Наконецъ, изъ опредѣленія Военной Коллегіи отъ 19 Апрѣля 1756 года видно, что въ оной было постановлено: по отпискѣ войска Яицкаго отъ 29 Ноября 1755 г. «этому войску, до будущаго въ учрежденной при Военной Коллегіи коммиссіи обо всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ, разсмотрѣнія и единственнаго (однообразнаго) учрежденія, остаться на такомъ основаніи, какъ и прежде оныя состояли; а въ нарядахъ и командированіяхъ быть въ командѣ отъ д. т. с. Неплюева, какъ и донынѣ были».

Такъ кончились всѣ благія начинанія Неплюева.

(Дѣло Воин. Комм. 1753 г. оп. 121, св. 28, № 15).

Судьбы Яицкихъ казаковъ, какъ будто невидимымъ промысломъ, подготовлялись долго, для ужасныхъ явленій Пугачевщины. Въ 1763 году, уже въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, въ этомъ войскѣ, по донесенію генералъ-маіора Брахвельта, происходили большіе безпорядки отъ вольности казаковъ, изъ коихъ каждый думалъ дѣлать то, что хотѣлъ, не признавая надъ собой почти никакой власти. Для прекращенія раздоровъ между старшинами и казаками, Военная Коллегія, въ Февралѣ 1763 г., постановила въ своемъ опредѣленіи: «къ войску Яицкому послать грамоту, которою наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ какъ онаго войска войсковой атаманъ, такъ и прочіе старшины и казаки во внутреннихъ ихъ порядкахъ и въ другихъ дѣлахъ между собою во всемъ доброе согласіе имѣли и никакихъ бы непорядковъ и своевольствъ отнюдь ни отъ кого не происходило; а ежели и за симъ подтвержденіемъ кто въ такихъ продерзостяхъ окажется, и таковымъ казакамъ, во учрежденной при войскѣ Яицкомъ слѣдственной коммиссіи чинить наказаніе по разсмотрѣнію генералъ-маіора Брахвельта, а о старшинахъ, съ прописаніемъ ихъ винъ, представлять Коллегіи и до такихъ своевольствъ и непорядковъ, по самой строгости, отнюдь никого не допускать» (Воин. Комм. оп. 121, св. 9, № 21).

И такая грамота, равно и другія мѣры не умиротворили и не успокоили казаковъ. Уже послѣ разгрома Пугачевщины, Яицкимъ казакамъ даны новыя учрежденія, съ наименованіемъ рѣки Яика—Ураломъ и самихъ казаковъ вмѣсто Яицкихъ—Уральскими, дабы самыя названія, Яикъ и Яицкіе, изгладились навсегда изъ памяти народной. А между тѣмъ Яицкіе или Уральскіе казаки сослужили Россіи великую и славную службу, защищая отъ враговъ окраины оной и храбро сражаясь въ бояхъ за отечество.

Григорій Александровъ.

11 Іюля 1878 года.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1878 г.

(Тетради 5, 6, 7 и 8).

*

*

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1878 ГОДА.

(Тетради 5, 6, 7 и 8).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮЛЬ 1878.

О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. Г. Мирковича. Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи Южныхъ Славянъ, въ періодъ паденія ихъ самостоятельности. В. Качановскаго. Замѣтки о разработкѣ обычнаго права. Ѳ. Леонтовича. Критическія и библіографическія замѣтки. Древній Славянскій переводъ Псалтири. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XVI вѣковъ. В. Срезневскаго. В. Ламанскаго. Наша учебная литература. Рѣчь, произнесенная протоіереемъ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Знаменскимъ. Императорская публичная библіотека въ 1876 году. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты. Низшія училища. С. Нурминскій. Observationes antiphonteae. V. Jernstedt. Занятія въ Русскомъ Филологическомъ Обществѣ въ Лейпцигѣ А. Головачевскаго. **Приложеніе**. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Продолженіе). Е. Шмида.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 50 к, съ пересылкою въ другіе города 13 р. 75 к. (въ томъ числѣ 55 к., за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ 6 р., за отдѣльныя книжки журнала — по 50 к. за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.